

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Русские

РУССКИЕ

Ответственные редакторы:

В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук

Рецензенты:

доктор исторических наук М. Н. Губогло,

доктор исторических наук Г. В. Цулая

Серия "Народы и культуры"

Основана в 1992 году

Редакторы серии:

доктор исторических наук Ю. Б. Симченко,

доктор исторических наук В. А. Тишков

Москва

"Наука"

1999

Предлагаемая читателю монография является первой книгой серии трудов Института этнологии и антропологии РАН "Народы и культуры". В первой ее части дан материал по историческому развитию русского народа - с X в. и до наших дней, по формированию историко-культурных ареалов. Вторая часть содержит сведения о семейном и общественном быте, религиозных верованиях, народной этике.

В книге использован уникальный материал экспедиционных обследований и архивных изысканий. Для широкого круга читателей - историков, филологов, философов, преподавателей и студентов вузов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О серии "Народы и культуры" (В.А. Тишков)	8
ВВЕДЕНИЕ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Глава первая ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	12
Начало русской истории (X-XIV века) В.А. Александров, В.А. Тишков)	
Народные миграции и образование Российского государства (конец XIV - середина XVI века) В.А. Александров, В.А. Тишков)	19
Освоение евразийского континента и расширение многонационального Российского государства (середина XVI-XVIII век) В.А. Александров	22
Расселение и численность русских в эпоху Российской империи (конец XVIII - начало XX века) (И.В. Власова)	35
Отражение народных миграций в топонимии Н.В. Подольская	49
Глава вторая АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РУССКОГО НАРОДА	
Немного истории (Т.Н. Алексеева)	55
Обобщенный антропологический тип русских Восточной Европы (Т.И. Алексеева)	57
Региональные антропологические типы русских (Т.И. Алексеева)	59
Место русских на антропологической карте Восточной Европы (Т.И. Алексеева)	64
К происхождению антропологического облика русских (Т.И. Алексеева)	68
Русские Сибири (Г.М. Давыдова)	71
Глава третья РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ (Л.Л. Касаткин)	
Диалектный язык	75
Лингвистическая география	84
Историческая диалектология	87
Русские диалекты в свете языковой политики	95

Глава четвертая ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКОГО НАРОДА	
Историко-культурные зоны России (И.В. Власова)	99
Группы русских северной зоны (И.В. Власова)	101
Группы русских южной зоны и Центра (И.В. Власова)	103
Русские в Сибири и на Дальнем Востоке (И.В. Власова)	106
Группы русских в Средней Азии и Казахстане (И.В. Власова)	109
Казачество (И.А. Аверин)	110
Глава пятая ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ С 1917 ПО 1990-е ГОДЫ (И.В. Власова)	
Демографические процессы в 1917-1920-е годы	115
Размещение и численность русских в 1930-1940-е годы	119
Движение населения в 1950-1990-е годы	122
Глава шестая РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ (Н.Л. Пушкарева)	
Состав и размещение русских за рубежом в дореволюционное время	132
Русские эмигранты после 1917 года	140
Глава седьмая ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ	
Традиционная земледельческая и промысловая культура (И.В. Власова)	150
Аграрный календарь (В.В. Руднев)	170
Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд (С.В. Кузнецов)	176
Освоение земель и крестьянское землепользование (В.А. Александров)	183
Сельское хозяйство после 1917 года (И.В. Власова)	188
Глава восьмая РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ	
Сельские поселения в XIII—XVII веках (Л.И. Чижикова)	196
Сельские поселения в XVIII - начале XX века (Л.Н. Чижикова)	203
Изменения сельских поселений в 1920-1980-е годы (Л.Н. Чижикова)	210
Городские поселения XIX-XX веков (О.Р. Будина)	215

Глава девятая **ЖИЛАЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА**

Сельская жилая и хозяйственная застройка в XIII—XVII веках (Л.Н. Чижикова)	227
Сельские жилища в XVIII - начале XX века (Л.Н. Чижикова)	232
Изменения в сельском жилом комплексе в 1920-1980-е годы (Л.Н. Чижикова)	352
Городское жилище XIX -XX веков (О.Р. Будина)	257

Глава десятая **РУССКАЯ ОДЕЖДА** (М.Н. Шмелева)

Комплекс одежды и украшений в XIII-XV веках. Его социальные и территориальные различия	270
Региональные и областные комплексы одежды в XVI-XVII веках	274
Социальная дифференциация одежды в XVIII-XIX веках	282
Унификация типов одежды в XX веке	298

Глава одиннадцатая **ПИЩА И УТВАРЬ**

Пища (XII-XX века) (В.А.Липинская)	300
Утварь (XII-XX века) (Т.А. Воронина)	330

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двенадцатая **СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ**

Брак и семья у русских (XII - начало XX века) (И.В. Власова)	344
Семейно-имущественные отношения до начала XX века (В.А. Александров)	373
Семейно-брачные отношения в 1917-1990-х годах (И.В. Власова- Сельская семья; М.Н. Шмелева Городская семья)	376
Женщина в русской семье (X-XX века) (Н.Л. Пушкарева)	369

Глава тринадцатая **СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ**

Свадебный обряд (Т.С. Макашина)	405
Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни (Т.Л.Листова)	429
Похоронно-поминальные обычаи и обряды (И.А. Кремлева)	445

Глава четырнадцатая **ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ**

Крестьянская (сельская) община (В.А. Александров)	459
Общественный быт X - первой половины XIX века (М.Г. Рабинович)	466
Общественный быт середины XIX - начала XX века (М.Н. Шмелева)	481

Глава пятнадцатая **ПРАЗДНИКИ**

Развитие русских праздников (Н.С. Полищук)	494
Местные праздники (Н.С. Полищук)	515
Календарные праздники и обряды (Л.А. Тульцева)	528

Глава шестнадцатая **ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА**

Национальное сознание и народная память (А.В. Буганов)	559
Традиционный нравственный идеал и вера (М.М. Громыко)	565
Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни (Т.А. Листова)	594
Старообрядчество (И.А. Кремлева)	607
Русские секты (С.А. Иникова)	625
Народные верования (С.И. Дмитриева)	642

Глава семнадцатая **ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНО-МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА**

(С.И. Дмитриева)	659
------------------	-----

Глава восемнадцатая **НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ (С.Б. Рождественская)	671
--	-----

Список сокращений	689
-------------------	-----

Литература	691
------------	-----

О СЕРИИ "НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ"

Человечество становится все более единым и взаимосвязанным сообществом, но его культурное многообразие при этом сохраняется и даже возрастает. Основу такого многообразия составляют этнические общности (народы), которые складываются в процессе исторической эволюции, адаптации к окружающей среде, хозяйственной и духовной деятельности человека. Чрезвычайное разнообразие среды обитания, используемых ресурсов, систем жизнеобеспечения и других культурно-исторических факторов обусловили появление человеческих сообществ, которые различаются физическим обликом, языком и образом жизни. Таких культурно отличительных сообществ на Земле существует несколько тысяч, в том числе на территории России проживают представители более 100 народов.

С возникновением современных государств и распространением образования представления об общем происхождении и исторической судьбе народа, о его особом отличительном облике складывается на уровне массового самосознания, или этнической идентичности. Существующие культурная однородность и принадлежность к локальной группе или общине сменяются либо дополняются чувством общности и солидарности более высокого порядка, т.е. представлениями о народе и принадлежности к нему.

В этом процессе огромна роль политики и идеологии, особенно государственных институтов и интеллектуальных слоев общества. Именно ученые и другие элитные элементы внутри и вне этнических общностей (историки, писатели, путешественники, миссионеры, администраторы и т.п.) выявляют и формулируют иногда мало-осознаваемые культурные сходства и различия и транслируют их на массовый уровень. В свою очередь политики и государственные институты обеспечивают либо консолидацию членов культурно-однородных сообществ, либо наоборот, их притеснение и подавление. При всей подвижности и условности этнических границ и при высокой степени культурных взаимовлияний и взаимодействий в современном мире представления о народах и их своеобразии остаются мощной политической и эмоциональной реальностью. Знание этих культурных реалий необходимо для любого общества, особенно для России - одного из наиболее крупных государств с многоэтничным составом населения, со своей уникальной историей и сложными современными проблемами.

Почти полвека назад в Институте этнографии АН СССР началась работа над фундаментальным трудом "Народы мира", в котором описана и систематизирована мировая этническая картина на тот момент состояния научного знания (издание осуществлено в 18 томах в 1954—1966 гг.). С тех пор многое изменилось, особенно во взглядах ученых и представлениях народов о самих себе и об окружающем мире. В преддверии III тысячелетия Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук начинает издание новой серии "Народы и культуры", посвященной описанию этнических общностей, представители которых сформировались и проживают главным образом в регионе бывшего Советского Союза и прежде всего на территории Российской Федерации. Это исследование выполняется на основе новейших знаний силами большого коллектива ученых, представляющих многие научные центры России и других новых независимых государств.

В серии отдельными томами представлены наиболее многочисленные народы, как, например, три восточнославянских (белорусы, русские, украинцы), народы Центральной Азии, Кавказа, Прибалтики, тюркские и финно-угорские народы Поволжья. Специальные тома будут посвящены народам Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Европейского Севера, так называемым диаспорным народам, представители которых расселены в России и за ее пределами. При наличии ресурсов, необходимых полевых исследований серия сможет включить тома и о других народах мира, изучением которых занимаются российские ученые (китайцы, монголы, японцы и др.).

Научные знания о каждом народе представлены в серии в систематизированном виде. Это, прежде всего, этногенез и этническая история, демографический облик, система

хозяйствования и материальная культура, социальная организация и политические институты, духовная культура. Этнографические сведения дополняются фотографиями, картами и рисунками. Каждый том содержит подробную библиографию. Это издание рассчитано как на специалистов, так и на широкого читателя, которого интересует культурная история мира и в первую очередь история народов России.

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусский летописец начинал свою "Повесть временных лет" словами: "...откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача 1 первое княжити и откуда Русская земля стала есть". С тех пор на протяжении столетий к этим вопросам обращались неоднократно. Русская профессиональная историческая мысль за последние 250 лет накопила, проанализировала и систематизировала огромный материал по истории государства. Этнографы уже полтора века собирают самые разнообразные данные о жизни народа, все то, что отражает его материальную и духовную повседневность. И тем не менее вопросы, поставленные автором "Повести временных лет", остаются вечными, коль скоро в них связаны два далеко не идентичных понятия - народ, этнос ("откуда есть пошла Русская земля") и государство ("кто в Киеве нача первое княжити"). Действительно, каждый сколько-нибудь образованный читатель знает основные вехи истории государства и некоторые имена государственных деятелей, но значительно меньше людей имеют конкретные представления о многовековой жизни народа, его разных слоев, а еще меньше - о взаимосвязи между понятиями народ и государство.

Русский народ, крупнейший в современном славянском мире, прошел долгий, порой мучительный исторический путь. Русские начали складываться в единое этническое целое на обломках растерзанной полчищами Батыя Древней Руси. Политические события в стране, озаренные пламенем пожарищ в годы внутренних усобиц, иноземных нашествий, бесконечной череды войн, в большинстве случаев зависели от воли и намерений русских князей и самодержцев, ордынских ханов и правителей сопредельных государств. Но материальную основу жизни всего общества составлял труд русского народа, его инициатива и предприимчивость предопределили хозяйственные успехи страны, ее прогресс в сфере культуры. Плоды этой деятельности сплошь и рядом оставались "за кадром" историко-политических событий, хотя именно они представляются ключевыми в понимании процесса возникновения Российского (Русского) централизованного государства, моноэтничного в своей основе, в котором постепенно нарастали полиэтнические элементы.

Русский земледелец, веками осваивавший бескрайнюю Восточно-Европейскую равнину, упрочивал на ней свою земледельческую культуру, вся совокупность которой составляла ту цивилизацию, которая обуславливала устойчивость государства и взаимодействовала с цивилизациями народов, входивших в состав России.

Рассматривая истоки и историю Российского государства, прежде всего следует иметь в виду характерную, специфическую для восточнославянских племен, а позднее и русского этноса особенность их судеб - освоение Восточно-Европейской равнины в процессе непрерывавшихся с XII в. миграционных передвижений. Расширение территории обитания имело не только политические последствия - большую протяженность и распаханность границ складывавшегося феодального государства. В результате освоения разных природно-климатических зон Восточно-Европейской равнины происходили сложнейшие процессы развития самого народа.

По мере заселения Европейского Севера, Приуралья, Среднего Поволжья, южнорусских лесостепных и степных пространств, отдельных районов Северного Кавказа возникали серьезные этнические и историко-культурные явления. Русский земледелец,

как правило, довольно быстро становясь численно доминирующим этническим элементом, на все территории своего расселения приносил свою традиционную земледельческую культуру. В результате поселения русских рядом с новыми соседями складывалась своеобразная этническая "сетка" - расселение одного народа "налагалось" на расселение другого. Причем миграционные передвижения в силу хозяйственных, а иногда и политических причин никогда не оставались неизменными. Повседневные хозяйственные и бытовые связи неизбежно в большей или меньшей степени приводили к этническому взаимодействию. Важно также помнить, что издревле восточнославянская колонизация вовлекала в свое течение местные племенные группы (по преимуществу балтов и финноязычные этносы). Эта особенность так или иначе сохранялась и позднее. В результате в разных регионах русские поселенцы приобретали ранее им не свойственные антропологические черты и у них возникали местные языковые особенности. Новые природные условия диктовали переселенцам необходимость учитывать их в своей хозяйственной деятельности. Так появилось в отдельных районах и регионах своеобразие в способах ведения хозяйства и в элементах материальной культуры, обеспечивавшей процесс производства. Наконец, взаимосвязь между соседствующими народами накладывала свой отпечаток на их духовную культуру, прежде всего на народные верования и знания, фольклор, обычаи и обряды.

В ходе расселения русского народа образовывались его отдельные историко-культурные группы, в каждой из которых при сохранении общих черт материальной и духовной культуры прослеживались свои особенности этнического и культурного свойства.

Исследователи, принимавшие участие в подготовке данного труда, стремились раскрыть процесс многовекового развития русского народа, в том числе и его этнографических групп, а также его традиционной культуры с ее общими и региональными чертами. Такой подход к истории народа определил структуру издания, состоящего из двух частей. В первой из них освещаются динамика расселения русских с XII в. по настоящее время, их демографическое состояние на различных этапах истории, антропологические и лингвистические особенности населения разных регионов, его хозяйственная деятельность, домостроительство, производство одежды и такая важнейшая часть жизнеобеспечения, как народная кухня с наиболее характерными чертами ее кулинарии и система народного питания в целом. Не меньшее внимание уделено в первой части сельским и городским поселениям, типичному их расположению и демографической структуре, планировке, хозяйственному значению, т.е. всему тому, что отражало как своеобразие поселений, так и последовательное социально-экономическое развитие их отдельных типов. Одежда - важнейший элемент народной материальной культуры - рассматривается в книге двупланово: как своеобразные комплексы, свойственные отдельным историко-культурным группам народа и вместе с тем сохраняющие общерусские черты, и как комплексы, присущие разным социальным слоям населения.

Вторая часть книги посвящена широкому кругу вопросов, касающихся различных аспектов изучения семьи, семейного и общественного быта, духовной культуры, народных знаний и декоративно-прикладного искусства. В отличие от предшествующих обобщающих трудов по этнографии русских в настоящем издании значительное внимание уделено таким новым для российских исследователей сюжетам, как национальное сознание и народная память, традиционный нравственный идеал и вера, народная религиозная концепция зарождения и начала жизни, женщина в русской семье X—XX вв., гражданские праздники послепетровской России и др.

К сожалению, этнография русских изобилует белыми пятнами, что делает невозможным создание на данном этапе "всесловного" свода, хотя там, где позволяли источники, авторы стремились к этому. До сих пор у нас нет специальных исследований по этнографии купечества, дворянства, духовенства, чиновничества, ремесленников. По

давной традиции, сложившейся в российской науке, этнографы во все времена основное внимание уделяли крестьянству. Лишь с середины XX в. круг исследуемых групп русских стал постепенно расширяться за счет изучения рабочих и городского населения в целом. Поэтому пока что не представляется возможным с необходимой полнотой осветить семейный и общественный быт всех сословий русских. Десятилетиями нельзя было объективно рассматривать роль православия, его ценностей и значения в духовном и моральном воспитании народа. В результате неразработанности истории социально-производственных, сословных, общественных объединений и институтов невозможно понять всю сложность общественной жизни народа, особенно во второй половине XIX - начале XX в.

При всех имеющихся трудностях авторы настоящего издания стремились возможно полнее и разностороннее охарактеризовать жизнь народа во всем ее многообразии, учитывая всю разноплановость стоящих перед ними задач.

Первоначально проспект книги был разработан В.А. Александровым .

Ответственные редакторы главы I—XII - В.А. Александров,

И.В. Власова; главы XIII-XVIII - Н.С. Полищук.

Книга подготовлена авторским коллективом сотрудников Отдела этнологии русского народа ИЭА РАН с привлечением в качестве авторов отдельных глав антропологов и лингвистов. Имена авторов указаны в Оглавлении.

В книге использован иллюстративный материал преимущественно из архива Отдела этнологии русского народа и личных архивов авторов. Рисунки выполнены Г.В. Шолоховой и С.А. Иниковой, большинство фотографий - С.Н. Ивановым, а часть фотографий к главе XVI (в том числе и цветных) - С.А. Иниковой. К печати иллюстративный материал подготовили И.В. Власова и Н.С. Полищук. Техническую работу по тому провели А.В. Фролова, Х.В. Поплавская, А.П. Павленко.

В конце книги помещена Библиография, составленная из работ, упоминаемых в тексте. Она подготовлена И.В. Власовой и Н.С. Полищук при участии А.В. Фроловой и Х.В. Поплавской.

Ссылки на источники и литературу составлены по следующему принципу. В тексте после приведения использованных данных в скобках указываются фамилия автора и страница его работы, из которой взяты эти данные. У авторов-однофамильцев указаны инициалы. При отсылке к авторам, у которых имеется несколько исследований, ставится год издания работы. Если у какого-либо автора в один год вышло несколько работ, то приводятся начальные слова названия его статьи или книги. По начальным словам даются также названия коллективных монографий, сборников и других подобных изданий.

В тех случаях, когда отсылка подразумевает общее раскрытие какой-либо темы, вопроса, проблемы, указывается лишь фамилия автора сочинения или название коллективной работы.

Ссылки на использованные архивные материалы приведены в тексте. В скобках даны: название архива — аббревиатурой (полностью есть в списке сокращений в конце книги), номера фондов, описей, дел и листов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В истории любого народа первостепенное значение имеет его расселение, т.е. историко-этническая территория, на которой он существовал и существует.

Местоположение, географическая среда, ее ресурсы, природные и климатические особенности в огромной степени определяют размещение населения и его основные хозяйственные занятия. Развитие и состояние отраслей народного хозяйства на отдельных этапах истории народа зависят от интенсивности хозяйственного освоения территории и использования ее ресурсов. В зависимости от географической среды развивается материальная культура народа, а от уровня его общественного состояния - культура духовная.

В историко-культурном процессе развития человечества, т.е. в истории цивилизаций, русский народ прошел свой уникальный путь. Образование и развитие русского народа находится в прямой связи с вековым расширением его историко-этнической территории.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ (X-XIV века)

История русского народа началась с эпохи Древнерусского государства - Киевской Руси, - занимавшего большую часть Восточно-Европейской равнины. Возникшее в IX в. в результате объединения восточнославянских племен, оно представляло собой раннефеодальное государственное образование с киевским князем во главе и слабым аппаратом местного управления. Территория Древнерусского государства простиралась от Белого моря на севере до Черного моря на юге (Тму-тараканское княжество), от Карпатских гор на западе до Волги на востоке. В процессе упрочения власти киевских властителей по мере укрепления их военной мощи, роста их международного авторитета в состав государства включались угро-финские, балтские и тюркские племена. По некоторым подсчетам, в эпоху расцвета Древней Руси в ее составе было 22 разноязычных народа (История крестьянства... С. 18), находившихся на разных ступенях общественного развития и в зависимости от естественного географической среды занимавшихся разными видами хозяйства - земледелием, охотой, промыслами, скотоводством. При ведущей отрасли хозяйства - земледелии, которым занимались восточные славяне, в Древнерусском государстве происходил непрерывающийся процесс внутреннего сельскохозяйственного освоения земель, что имело своим следствием сложные этнические процессы.

По мере расселения восточнославянских земледельцев, с одной стороны, происходило "размывание" их племен. С другой стороны, шли ассимиляционные процессы, поглощавшие отдельные племена, прежде всего балтов и финно-угров. В результате этих процессов складывалась древнерусская народность со своими особенностями культуры. Судить об этих особенностях можно только с учетом того разнообразия природно-климатических условий, которыми была богата Восточно-Европейская равнина, и обстоятельств, свойственных феодализирующемуся обществу Древнерусского государства.

Восточно-Европейская равнина, на которой тысячелетиями решались судьбы разных племен и народов с их успехами и трагедиями, по своей территории равнялась половине

всей Европы. Эта равнина с небольшими возвышенностями (Среднерусская, Приволжская и др.) и обширными низменностями (Окско-Донская, Мещерская и др.) находилась в зоне средне континентального климата с неустойчивостью погодных явлений. Территорию равнины прорезывали в широтном направлении разные почвенно-растительные зоны: тундровая, таежная, смешанных лесов, лесостепь, степь и полупустыня - с соответственно меняющимися почвами (тундровые, болотные, дерново-подзолистые, подзолистые, серые и черные лесные, пойменные, черноземные, песчаные) и растительностью. Все это разнообразие природно-климатических постепенно сменяющихся зон определяло особенности ведения даже одних и тех же отраслей хозяйства (земледелия, животноводства и др.) и их продуктивность, а также возможности в развитии промысловых занятий (примитивной металлургии на основе болотных, озерных и дерновых руд), разнообразных лесных промыслов (охоты, выгонки смолы, дегтя, домашних ремесел на основе лесных материалов и т.п.). Именно это разнообразие природных условий имело огромное значение в адаптации поселенцев на новых местах. В процессе вековых переселений "местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер" (Ключевский. Ч. 1, 1987. С. 50).

Особое значение в расселении по равнине и освоении новых территорий имела ее гидрография. Ни одна область Европы не имеет таких мощных и разветвленных речных систем, какими обладает Восточно-Европейская равнина. "Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям" (Ключевский. Ч. 1, 1987. С. 80-81) и в то же время не позволяли ему территориально замыкаться, коль скоро основные бассейны были близки и связывались системами притоков.

Эти природные особенности изначально проявились в процессе создания историко-этнической территории русского народа.

Незатухающие перемещения по Восточно-Европейской равнине стали постоянно действующим фактором в историческом процессе, на протяжении многих веков после распада Древнерусского государства оказывавшим непосредственное влияние на экономическую, политическую, этническую и культурную ситуации. Этапность этих движений отражалась на судьбах народов и тех государственных образований, которые в исторической последовательности существовали на Восточно-Европейской равнине. Поэтому история народов и история государств, органично связанные друг с другом, тем не менее далеко не адекватны друг другу. На разных этапах истории человеческого общества политическое и этническое начала проявлялись по-разному. Не может возникнуть сомнения в том, что на раннем этапе создания историко-этнической территории народа этническое начало превалировало над явлениями политического свойства, а в дальнейшем играло очень существенную роль в становлении и утверждении Российского национального, а затем многонационального государства.

Считается установленным, что уже в IX-X вв. в Волго-Окском междуречье, где позже сформировалось ядро историко-этнической территории русских, финно-угорские племена - весь, мурома, мещера, меря, а также голядь балтского происхождения, - проживали чересполосно в отдельных районах с восточнославянским населением. Именно в этот период по разным причинам, но с одной целью - поиском наиболее благоприятных условий для земледельческого хозяйствования - сюда направлялось несколько переселенческих потоков. При этом следует иметь в виду, что при волнообразном характере миграций создание постоянного этнического компонента на той или иной территории происходило постепенно, путем своеобразного перелива части населения с других территорий, на которых оно задерживалось часто на длительный срок, но отнюдь не путем безостановочного движения. Эта особенность принципиально существенна для понимания процесса хозяйственной адаптации переселенцев в новых местах.

Восточнославянские племена и Древнерусское государство IX–X вв.

славяне: 1 – западные, 2 – южные, 3а – восточные на конец IX – начало X в., 3б – восточные на конец X – начало XI в., 4 – смешанное население (славянское и неславянское); границы раннегосударственных объединений восточных славян первой половины и середины IX в.: 5 – "Славия", 6 – "Русская земля", 7 – Древнерусское государство в конце IX в., 8 – Древнерусское государство в 70-х годах X в., 9 – другие государства к 980 г.

Один переселенческий поток в Волго-Окском междуречье шел из земель новгородских словен через верховья Волги к ее левым притокам - Тверце и Мо-логе, по правым притокам (Дубна, Нерль Волжская и Нерль Клязьменская) - в бассейн Клязьмы; по Шексне - на север, в Заволжье до Белого озера. Почти синхронно шла колонизация Верхней Волги и ее правых притоков (Лама и т.д.), а также территорий по верхней половине течения реки Москвы и ее притоков кривичами. Они шли главным образом со смоленских земель, расселяясь и постепенно поглощая местные немногочисленные балтские племена (в том числе летописную голядь). В своем движении кривичи достигли бассейна Клязьмы.

Третья, чуть более поздняя волна славянских переселенцев-вятичей двигалась с юга, с

верховьев Десны на земли верхней Оки, а затем на север и восток, по течению средней и нижней Оки. Первые поселения вятичей по Оке и севернее ее, в бассейне нижней половины течения реки Москвы, создавались в два приема. Впервые в XI в. (а, может быть, и несколько ранее), вторично, и притом в более массовом порядке, в XII столетии. Эти движения на северо-восток и север Черни-го во-Северской земли и верхнего Подонья объяснялись в том числе усилившимся напором половецких набегов. Все эти колонизационные потоки, пересекаясь и лишь частично смешиваясь между собой в ту эпоху в Волго-Окском междуречье, создали там постоянное восточнославянское население (Любавский, 1929. С. 1,4-7; Тюльпаков. С. 37-45). Разумеется, оно распределялось неравномерно, но, без сомнения, уже в IX-XI вв. образовывались микрорайоны компактного поселения, о чем, в частности, свидетельствуют наиболее древние города - Белоозеро, Ростов, Суздаль, Рязань, Муром (Тихомиров, 1956. С. 16). Инициатива их возникновения могла принадлежать скорее всего славянским поселенцам, так как нет несомненных данных о существовании "нормальных" городов у финно-угров и балтов на этих территориях.

Ни летописные, ни археологические материалы не содержат прямых указаний на вооруженные столкновения славян с балтами и финноуграми в процессе заселения Волго-Окского междуречья. Поэтому сложилось убеждение в мирном, по преимуществу, характере славянского колонизационного заселения этой территории.

Славяне-земледельцы селились в более сухих, возвышенных местах, а финны, занимавшиеся лесными промыслами и железорудным производством, - в низменных, болотистых (Соловьев СМ. Кн. 1, т. 1-2. С. 110-111). "Русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными между болот и лесов финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе их с туземцами" (Ключевский. Ч. 1, 1957. С. 298).

Процесс ассимиляции местных племен переселенцами-славянами объяснялся не только малочисленностью и разбросанностью на огромной территории финских племен (к тому же сами славяне заселяли земли далеко не компактно и постепенно), но и значительно более высоким уровнем общественного развития и материальной культуры славян.

Проблема этой ассимиляции до сих пор привлекает внимание лингвистов, историков, антропологов. Высказывались мнения о сохранении некоторых племен после нашествия полчищ Батыя в XIII в. и даже в XIV в. (Тюльпаков. С. 51). Но так или иначе ассимилируясь, финно-угры оставили в наследство славянским поселенцам отдельные антропологические черты, огромную топонимическую номенклатуру в названиях рек, озер, селений и местностей, а также черты своих языческих верований.

При всей стихийности переселенческого движения славяне несли с собой не только свою культуру, но и общественные отношения, свойственные феодализирующемуся обществу. Вполне очевидно, что этот колонизационный процесс нельзя рассматривать исключительно как результат княжеской инициативы. Принимая во внимание, что наиболее интенсивно он проходил в XI-XII вв., когда существование феодализма в Древнерусском государстве было бесспорным, миграции славянского населения следует рассматривать в органической связи с распространением раннефеодальных отношений вширь, включением Волго-Окского междуречья в государственно-политическую структуру Киевской Руси и систему межкняжеских отношений, а местной зарождавшейся знати - в состав ее правящей элиты. Осваиваемое междуречье в конце X - начале XI в. определенно вошло в политическую структуру Древнерусского государства. Ростов рассматривался как главный город обширной области, на которой возникли города Суздаль, Белоозеро, Ярославль. Реальные границы Владимирского княжества в эпоху его расцвета в конце XII - первой трети XIII в. далеко выходили за естественные контуры Волго-Окского междуречья. Его политический вес был весьма значительным. Еще в XII в.

эту территорию изредка обозначали как "Залесскую Русь", подчеркивая ее связи с центром Древней Руси. С конца XI в. Ростово-Суздальская земля попадает в орбиту влияния княжеской линии Мономаховичей, что было официально подтверждено в 1097 г. на Любечском съезде князей.

XII век уже не оставляет сомнений в значимости Северо-Восточной Руси как важнейшей части Древнерусского государства и в существовании там княжеских феодальных центров-княжений, все более и более проявлявших свою политическую мощь. Показательно, что если во времена расцвета Киева понятия Русь, Русская земля распространялись прежде всего на Киевскую и Черниговскую земли, то с XIII-XIV вв. она ассоциировалась с Северо-Восточным регионом. Показательно также, что Владимир Мономах и его сын Юрий Долгорукий в борьбе за киевский княжеский стол постоянно опирались на Северо-Восточную Русь, вели там активное градостроительство, укрепляли и защищали ее от опасности угроз и нападений со стороны Волжской Болгарии. Оборонительные сооружения было возможно создать при определенной плотности местного населения; они защищали основное богатство края - обширное Владимиро-Суздальское ополье, а также ряд аналогичных районов (Юрьевское, Переяславское ополье), основу земледельческого хозяйства. Возникновение новых городов - важнейшее свидетельство роста торгово-ремесленного населения, характерного для всего Древнерусского государства в XII в. Если в XI в., по известным данным, в нем насчитывалось более 90 городов, то в XII в. их было 224, причем этот рост в дальнейшем продолжался несмотря на татаро-монгольское нашествие в 30-х годах XIII в.

Вторая половина XII в. явилась переломным этапом в истории Древнерусского государства. Княжение Владимира Мономаха (1113-1125) и пребывание его сына Мстислава (1125-1132) в качестве князя киевского завершали существование единого Древнерусского государства. Далее начался длительный процесс его распада и наступала эпоха феодальных центров, внесшая существенные изменения в политическую, социальную и демографическую ситуации в Восточной Европе.

Княжеские междоусобицы XI-XIII вв. ослабили Русь, преимущественно затронув южные земли - Киевское, Черниговское, Волынское, Полоцкое княжества - и немного меньше Смоленское, Рязанское, Суздальское княжества и Новгород {Соловьев СМ. Кн. 2, т. 3-⁴, 1988. С. 36, 37}.

Перемещения населения как явление этнически-демографическое и политико-экономическое, обособление феодальных центров вели к распаду Древнерусского государства, которое окончательно погибло под страшным ударом Батыя, и региональному обособлению отдельных групп восточных славян, что в свою очередь способствовало в исторической перспективе сложению трех славянских народов - русского, белорусского, украинского - с их культурой и особенностями языка, в котором прочно сохранялись диалектные особенности, восходящие к племенному строю и развивающиеся местные говоры в условиях феодального обособления.

Если исторические корни русских уходят в XI-XIII вв., то начальный этап формирования их этноса пришелся на XIV столетие.

Отметим прежде всего перемены государственно-политического порядка. В результате нашествия Батыя и последующего складывания Золотой Орды (сильнейшего государства Восточной Европы во второй половине XIII - середине XIV в.) принципиально изменилась политическая карта всех бывших княжений и земель Древнерусского государства.

В конце XIII в. на долгие столетия разошлись исторические государственные судьбы Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. В границах последней как будто было сохранено Владимиро-Суздальское княжение. Оно, однако, по замыслу ордынских правителей должно было стать орудием политического, финансового и военного контроля над всеми княжествами Северо-Восточной Руси, поскольку получивший от хана ярлык на Владимирский стол князь был ответствен за лояльное выполнение всех обязательств подвластным Орде населением Руси. Существенно, что великокняжеский стол не был

наследуемым, а соответственно и непосредственно подчинявшиеся ему территории заметно разрослись, за счет выморочных княжеств. Этот фактор наряду с другими породил длительную, более чем вековую борьбу за политическое первенство, главным образом между Тверским и Московским княжениями. В орбиту Владимирского княжеского стола юридически не входили Рязанское, Чернигово-Северское, и Смоленское княжения. Новгород, а с середины XIV в. и обособившийся от него Псков подчинялись власти князя Владимирского (т.е. тому из князей Северо-Восточной Руси, кто имел ханский ярлык на этот стол), но лишь в очень ограниченной сфере политических и финансовых вопросов. Государственно-политическая автономность этих феодальных республик почти достигла своего апогея к исходу XIV в. Существенные перемены наступили и в социально-экономической области.

Новые явления хозяйственного и политического характера обуславливались изменением демографической ситуации и территориальной основы жизни народа. После разорения Батыем центральных, наиболее заселенных земель с их центрами - Владимиром, Суздалем, Ростовом, Переяславлем и Юрьевом — и последовавших во второй половине XIII в. карательных вторжений туда же ордынских войск русское население начало переселяться с востока и из центра Северо-Восточной Руси, из ополей, на более лесистый и безопасный запад, в бассейн р. Москвы и к верхнему течению Волги (Любавский, 1909. С. 67—72). Именно этот демографический фактор способствовал усилению Москвы и Твери как феодальных центров уже к концу XIII в., но в особенности в XIV столетии, а также внутренней колонизации земель Волго-Окского междуречья, поощряемой князьями, боярством и монастырями разными льготами. Новые слободы возникали чаще всего на ранее неосвоенных окраинах княжеств (в Московском княжестве, например в районах Можайска, Вереи, Звенигорода, Боровска, в бассейне р. Протвы, притоков Угры и т.д.) и "окружали" феодальные центры. С XVI в. они известны и в Заволжье, и в далеком Белозерском княжестве и иных районах. Возобновляли свою жизнь разоренные селения в районах Ростова и Юрьева.

Немалую роль в хозяйственной жизни сыграли монастыри. Их строительство продолжалось и в эпоху ордынского ига, первоначально в княжеских городах-центрах, а со второй половины XIV в. в сельских местностях, особенно во вновь осваиваемых районах (Троице-Сергиев монастырь, монастыри в центрах соляных промыслов - Галиче, Солигаличе, Чухломе). В конце XIII - начале XVI в. существовало 235 монастырей (Любавский, 1929. С. 17-30), среди которых помимо Троице-Сергиева монастыря были основные центры православия - Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, костромской Ипатьевский, Саввино-Сторожевский, нижегородский Пе-черский, суздальский Спасо-Евфимиев, а также московские монастыри - Данилов, Спасо-Андрониев, Симонов, Новоспасский и многие другие.

Примечательно, что интенсивная колонизация охватывала не только окраинные районы Волго-Окского междуречья, она выходила за его пределы на северо-западе, севере и северо-востоке в Заволжье. Особое внимание привлекают данные о хозяйственной колонизации на юге, за Окой, в пределах рязанского княжества, жестоко опустошенного Батыем. Колонизация выходила за южные пределы Рязанского княжества, которое владело важным водоразделом между бассейном Оки и верховьями Дона. В сферу влияния Рязанского княжества в результате этого движения в XVI в. попадали черниговские волости в самых верховьях Оки, а на востоке - бассейн Цны, примыкавший к мещерским и мордовским землям (Пресняков. С. 226-228).

Об успехах внутренней колонизации Северо-Восточной Руси свидетельствует рост городов, о чем можно судить по замечательному памятнику - "Списку русских городов дальних и ближних", написанному в конце XIV в. и содержащему богатейшие данные о региональном местоположении городов, их количестве и состоянии (Тихомиров, 1979. С. 83-137).

Становится очевидным, что основная часть русских городов, являвшихся центрами

окружавших их сельских поселений, в XIV-XV вв. располагалась в Волго-Окском междуречье. Именно здесь наблюдалась высокая концентрация населения, что способствовало торгово-промысловому развитию региона. О ситуации в междуречье дает представление и политическое состояние Северо-Восточной Руси. Вызванный нашествием Батыя отток населения оттуда в районы Ярославского Поволжья, Шексны, Москвы и Твери привел к появлению с середины XIII в. новых феодальных (княжеских) центров.

Дальнейшее феодальное дробление владими́ро-переяславской территории между родственниками князя Ярослава (1246 г.) было для того времени естественным отражением становления феодальных центров, но оно показательно не только с политической точки зрения. Самым характерным в этом дроблении было то, что к 1270-м годам возникшие княжеские центры располагались по периметру центральных княжеств - Владимирского, Переяславского, Суздальского, Ростовского, а именно: в Городецком, Костромском, Галицко-Дмитровском, Белозерском, Тверском княжествах (Кучкин. С. 123). Показательно также, что во время апогея золотоордынского грабежа русских земель во второй половине XIII в. за политическое первенство на Руси начинали борьбу представители разных ветвей рода Всеволода Большое Гнездо, которым принадлежали именно "новые" княжества. Но уже в XIV в. у участников этой политической кровопролитной борьбы, в которой первостепенную роль играли Тверь, Москва и в значительной мере Нижний Новгород, постепенно зреют идеи политического и военного объединения, прежде всего в целях борьбы с иноземным игом и активной экспансией Великого княжества Литовского с середины XIV в.

Княжеские претензии на политическое первенство опирались на материальные возможности княжеств, и прежде всего на людские ресурсы. Более того, концентрация населения в лесных областях повела к решительному изменению всей системы земледелия. Никаких прямых данных о демографических изменениях в эти века не имеется, но свидетельства о городах и земледельческой практике позволяют сделать вполне определенные выводы о положении русских земель и их населения под гнетом ордынского ига. Еще с конца XIII, но в особенности с XIV столетия начались существенные перемены в земледелии. Особенно интенсивно этот процесс в сфере сельскохозяйственного производства шел в XV - первой половине XVI в. Совершенствовались приемы и орудия сельского труда, но главное заключалось в неустанной внутренней колонизации. Результатом этого стали освоение под земледелие новых больших массивов лесной целины, строительство нескольких тысяч деревень - селений нового типа и восстановление, а затем расширение масштабов хозяйства, что в свою очередь укрепило материальный потенциал отдельных русских княжеств (Черепнин, 1960. С. 163-178).

Изменение территориальной основы политической консолидации русских земель зависело не только от успеха внутренней колонизации Северо-Восточной Руси, от развития земледелия и географически-экономических выход положения Москвы, Твери или Н.-Новгорода. В Волго-Окском междуречье сходились выходцы из разных областей, и это лишь усиливало процесс складывания основного ядра русского народа. Процесс же создания его историко-этнической территории продолжался на протяжении конца XIII—XVIII вв., он вовсе не ограничивался Северо-Восточной Русью и прилегающими к ней на севере районами Заволжья. В эти столетия расширение этнической территории пошло за счет включения -далеких северных, а позднее и иных областей, что имело серьезные последствия в политической и этнической истории русского народа.

НАРОДНЫЕ МИГРАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XIV — середина XVI века)

Области от Карелии и до Уральских гор получили собирательное название Поморье. Эти области примыкали к Белому морю и Северному Ледовитому океану и составляли бассейны могучих рек - Северной Двины, Онеги, Печоры, которые связывали внутренние районы с морским побережьем.

В Поморье восточнославянские переселенцы встретились с этнически сложным составом населения, принадлежавшего к финно-угорской и самодийской языковым семьям (карелы, вепсы, лопари, или саамы, коми-зыряне, коми-пермяки, ненцы). Это население также не находилось в статистическом состоянии, и в период славянской колонизации продолжало свои передвижения, что тем более усложняло этническую ситуацию.

Первоначально, с XI-XII вв., основной поток славянской колонизации на север направлялся из новгородских земель и преимущественно охватывал территорию современной Карелии и бассейн среднего и нижнего течения Северной Двины. Эти далекие от центральных областей Восточно-Европейской равнины земли, население которых так и не создало своей государственности, включались в орбиту Киевской Руси во времена ее расцвета (XI-XII вв.).

Другой поток восточнославянской колонизации на север, первоначально уступавший новгородскому, направлялся "снизу", из Ростово-Суздальской Руси. Эти переселенцы оседали преимущественно на верхней и средней Северной Двине, в Белозерье и бассейне Сухоны. Уже в XI-XII вв. Белозерье, будучи центром земель веси, входило в состав Ростово-Суздальской земли, хотя порой временно управлялось представителями киевских князей.

Как правило, процесс славянской колонизации северных областей происходил без длительных военных конфликтов. При обилии свободных угодий славянские переселенцы-земледельцы непосредственно не сталкивались часто в своих хозяйственных заботах с аборигенами-промысловиками. В политическую орбиту Киевской Руси, а с ее ослаблением и распадом - в орбиту Новгородской боярской республики и князей Северо-Восточной Руси Поморье входило прежде всего благодаря стихийному потоку славянских переселенцев, а также продвижению и укреплению княжеской власти, владений бояр и монастырей. XIV-XVI века стали периодом, на протяжении которого освоение Севера протекало особенно интенсивно, с чем был связан и энергичный рост там светского, в первую очередь новгородского, и монастырского феодального землевладения. В XVI в., используя стихийное колонизационное движение, новгородское боярство начало организацию на Севере своих крупных вотчинных хозяйств пашенного и промыслового направления.

Почти одновременно в XIV в. на гребне бурного освоения русскими переселенцами Севера там началось интенсивнейшее, по сравнению с другими русскими землями, строительство монастырей. В массовом культовом строительстве отразились различные стороны личностного и общественного самосознания русских переселенцев, уже поколениями видевших в окружавшей их суровой северной природе свою судьбу, ту часть родины — Руси, куда не добирались ордынские погромщики, где сохранялись национальные святыни и верования. Монастыри как центры православной культуры, многие из которых вырастали из лесных "пустынь", быстро становились средоточием духовной жизни окрестного населения и крупными феодальными хозяйствами. Многочисленность монастырей - их численность постепенно выросла до многих десятков

- неоспоримый показатель определенной плотности православного населения и освоенности им отдельных районов.

К сожалению, до XVII в. отсутствуют статистические данные, позволяющие видеть конкретную демографическую ситуацию, сложившуюся к XV-XVI вв. на Севере в результате его восточнославянского заселения. Однако сохранившиеся материалы по северным уездам первой четверти XVII в. позволяют судить в хронологическом аспекте о последовательности заселения и освоения северных земель (Колесников. С. 77). К XVI в. бассейны Сухоны, среднего течения Северной Двины и ее левого притока Ваги, а также Заонежье и Белозерский край были наиболее обжитыми; в большинстве этих районов успешно развивалось пашенное земледелие. Северо-западная часть Поморья становилась центром крестьянских железоделательных промыслов и кузнечного ремесла. В северо-восточной части Поморья русское население занималось охотой на пушного зверя и морскими промыслами в приморской полосе; там же прогрессировало солеварение и зарождался кузнечный промысел. Освоение приморских районов положило начало полярному судоходству на Шпицберген и Новую Землю.

На востоке Поморья район Вятки, осваивавшийся еще новгородцами, при всей бедности подзолистых почв с XVI в. становится тем не менее местной житницей. Только наиболее восточная часть Поморья - Камско-Печерский край (Соликамский, Чердынский уезды) - начала широко осваиваться с XVII в.

Всего же на территории Поморья во второй половине XVII в. проживало немногим более 1 млн человек (Водарский, 1977. С. 151-152) и по своей населенности оно было важной частью этнической территории народа.

О значимости Поморья можно судить по тому, что в конце XV - начале XVI в. оно составляло более половины всей территории складывавшегося Российского централизованного государства, а к середине XVI в. - около половины. Заселение Западного и Центрального Поморья было этапом в создании русской этнической территории, а переселенцы и их потомки стали особой этнически культурной частью русского народа - севернорусским населением с присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры.

С политической точки зрения освоение Поморья для русского народа имело огромное значение. В эпоху ордынского ига малодоступное для карательных и разбойных набегов золотоордынских ханов оно стало надежным тылом, обеспечивавшим развитие экономики и культуры народа, и резервом его возможностей в борьбе с иноземным гнетом.

Геополитические и государственно-политические факторы складывания русского (великорусского) этноса на протяжении XIV-XVI вв. дважды менялись существенным образом. В первом случае, на исходе XIV в., в условиях ослабления ордынского ига над Северо-Восточной Русью (особенно после победы Дмитрия Донского над темником Мамаем на Куликовом поле в 1380 г, и двукратным погромом Золотой Орды Тимуром в 90-е годы XIV в.) и победы Москвы над Тверью (1375 г.) окончательно определилась судьба Владимирского княжения - оно соединилось с вотчинными, родовыми землями московских великих князей. Тем самым последние получили преобладание теперь уже в многополюсной системе княжеств Северо-Восточной Руси. Характерно, что с рубежа XIV-XV вв. заметно нарастает политический вес Москвы и вне границ собственно бывшего Владимирского княжения. Так, усиливается ее влияние в Рязани, в части земель Владимиро-Суздальского княжения и т.д. Именно к этому времени относится ликвидация первых княжений - Нижегородско-Суздальского, растянувшаяся, впрочем, на несколько десятилетий. Успехи в борьбе за территориальное и государственно-политическое объединение Северо-Восточной Руси, образованная элита которой все более отождествляла себя со всей Русью, тормозились тремя факторами.

Во-первых, сохранялись политические и финансовые формы ордынской зависимости. Более того, прогрессирующий распад Золотой Орды на ряд кочевых, полукочевых и оседлых государственных образований усилил (по ряду причин) опасность регулярных

грабительских набегов (особенно в начале и второй трети XV в.). Во-вторых, вспыхнувшая с начала 30-х годов XV в. династическая война между двумя ветвями московского княжеского дома надолго отвлекла московских правителей от общественных забот. Только окончательная победа московского великого князя Василия Темного в начале 50-х годов изменила ситуацию коренным образом. Наконец, в-третьих, опасным соперником Москвы в деле объединения русских земель стал с середины XIV в. Вильно (столица быстро растущего Великого княжества Литовского). Особо опасная ситуация сложилась к концу правления великого князя Витовта (Витаутаса; умер в 1430 г.), успехи восточной политики которого в 20-е годы XV в. были весьма впечатляющи. Действенность указанных факторов ослабла в середине XV в. Решающее значение тут имели прекращение княжеских усобиц в московской династии и замирение (по целому ряду причин и мотивов) активной восточной политики Литвы с 40-х - 50-х годов XV в. Итоги не замедлили сказаться во второй половине XV - начале XVI в.

В правление Ивана III и начальный период княжения Василия III происходит территориально-политическое объединение Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Помимо ликвидации в три приема уделов представителей московского княжеского дома (к середине XVI в. существовало лишь незначительное Старицкое удельное княжение), главные новости заключались в ином. Последовательно, в результате мирных действий или военных походов были ликвидированы Ярославское княжение (1463 г.), Новгородская феодальная республика (1478 г., этому походу предшествовала победа в битве на Шелони 1471 г., предопределившая окончательную ликвидацию государственной-политической автономии Новгорода), Ростовское княжение (1478 г.), Тверское княжение (1485 г., характерно, что попытки последнего тверского князя Михаила Борисовича опереться на Литву в целях сохранения самостоятельности его княжества оказались совершенно бесполезными), Псковская феодальная республика (1510 г.), Рязанское княжение (1521 г.; последнее впрочем, реально контролировалось Москвой еще с середины XV в.).

Политические и экономические успехи позволили Ивану III завершить многовековую борьбу против ордынского гнета. Провалившееся нашествие всех войск хана Ахмада (властителя Большой Орды) в 1480 г. ознаменовало конец этой тяжелой зависимости. Более того, стратегический союз между Москвой и Крымом (он просуществовал немногим более трех десятилетий в конце XV - начале XVI в.) способствовал ярким внешнеполитическим успехам московского государя. Подчеркнем из них лишь следующие. Московский великий князь в 1487 г. решительно вмешался во внутривосточную борьбу в Казанском ханстве, и с тех пор (за небольшими исключениями) на протяжении почти 30 лет трон Казани занимал правитель, "садившийся из руки великого князя". Не случайны потому успехи в закреплении за Россией далеких территорий Великой Перми и югорских князей. Еще более существенны успехи в войнах Москвы с Литвой. В конце XV - начале XVI в. в результате этого в состав территории Российского государства вошли восточные земли Смоленщины, а позднее и вся Смоленская земля (1514 г.), верховские княжества в бассейне верхней Оки и верхней Десны.

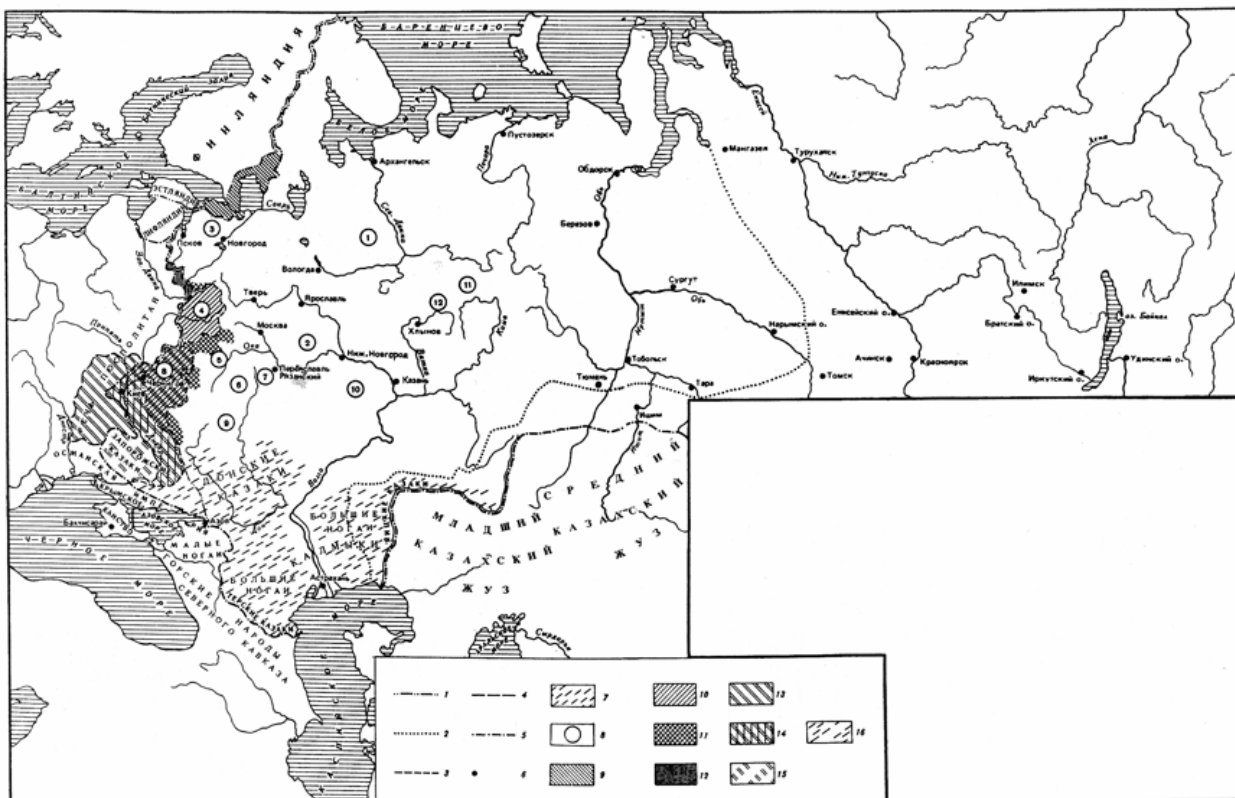
Геополитическая ситуация начала кардинально меняться с конца второго десятилетия XVI в. Прекращение местной династии в Казани и переход крымских правителей к наступательной и враждебной политике против Москвы (особенно показательны крупнейшие походы 1521 и 1542 гг.) выдвинули на первый план "восточную" опасность. Задачи включения в состав России всего наследия Древней Руси (они были осознаны московскими политиками еще в ходе русско-литовских войн конца XV - начала XVI в.) объективно оказались отложенными на будущее. Более того, под вопрос были поставлены успехи крестьянской колонизации в Нижегородском крае, Рязани, Заволжье и т.п. Геополитические и экономические интересы страны, особенно в преддверии государственных и сословных реформ середины XVI в., требовали ликвидации или по крайней мере смягчения угрозы со стороны Крымского и Казанского ханств.

ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА И РАСШИРЕНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (середина XVI — XVIII век)

Реформы правительства Избранной рады в середине XVI в. определили на полтора столетия вперед государственно-политический, территориально-административный и сословный облик России. Она превращалась в самодержавную монархию с относительно слабым представительством сословий (в центре и на местах), с относительно единой сеткой административно-территориального устройства, относительно отстоявшейся структурой сословий и сословных групп. В геополитическом отношении произошли два важнейших события. В 50-е годы XVI в. был частично решен восточный вопрос. Завоевание Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств, вхождение в состав России башкир и основной массы ногайцев (вторая половина 50-х годов XVI в.) существенно расширили территорию Российского государства, включив в его состав Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье и значительную часть Предуралья. Не менее важным стало то обстоятельство, что путь на восток - на Урал и в Сибирь - был теперь открыт. Вторым событием, в конечном итоге подхлестнувшим могучий колонизационный поток на восток, стремительную экспансию Российского царства в эти регионы, стало поражение России в Ливонской войне (1558-1583 гг.). Безуспешный финал многолетних военных усилий страны на западе и северо-западе блокировал дальнейшее территориальное расширение России в этом направлении почти на полтора столетия вперед. Более того, завершение Смуты привело к заметным территориальным утратам (Смоленская земля и часть черниговского порубежья отошли к Речи Посполитой). Движение России на восток и юго-восток привело к существенным переменам в этническом составе населения государства: оно все более принимало многоэтничный облик. Впрочем, и в XV - первой половине XVI в. нельзя говорить о моноэтнизме государственной территории России: ее окраины на северо-западе, севере, северо-востоке, востоке и юго-востоке населяли финно-угорские, самодийские, а отчасти и тюркские народы. Приглядимся внимательнее к процессам миграции трудового люда в контексте территориально-административного устройства.

Уже в XVI в. окончательно отмерло понятие княжество. Наряду с официальной административной системой территориального управления (волости, станы, уезды) складывается система понятий регионального характера, официально не утвержденных, но постоянно употреблявшихся в практической жизни. Это были географические понятия, означавшие названия тех или иных городов (или групп городов) - центров обширных округов, единство которых ощущалось "или в историческом воспоминании или в реальных условиях жнзней^ (Платонов, 1937. С. 3).

Представления о частях возникшего огромного государства так или иначе отражали те областные особенности, которые были свойственны русскому народу в его материальной и духовной жизни и даже в антропологическом облике. Эти особенности, отличавшие местное население, позволяли судить о разнообразии отдельных групп единого народа. Так, территория бывшего Великого княжества Владимирского и окружавших его уделов называлась "замосковными городами"; Новгород с пригородами и Псков считались "городами от немецкой украины", а часть территории бывшего Смоленского княжества и округа Невеля и Великих Лук - "городами от Литовской украины"; огромная северная территория, охватывающая бассейны Онеги, Северной Двины, и далее до Урала, за которую несколько веков боролись Москва и Новгород, называлась Поморьем, или "поморскими городами". В это понятие включались также земли Вятки и Перми Великой.

Россия в XVII в.

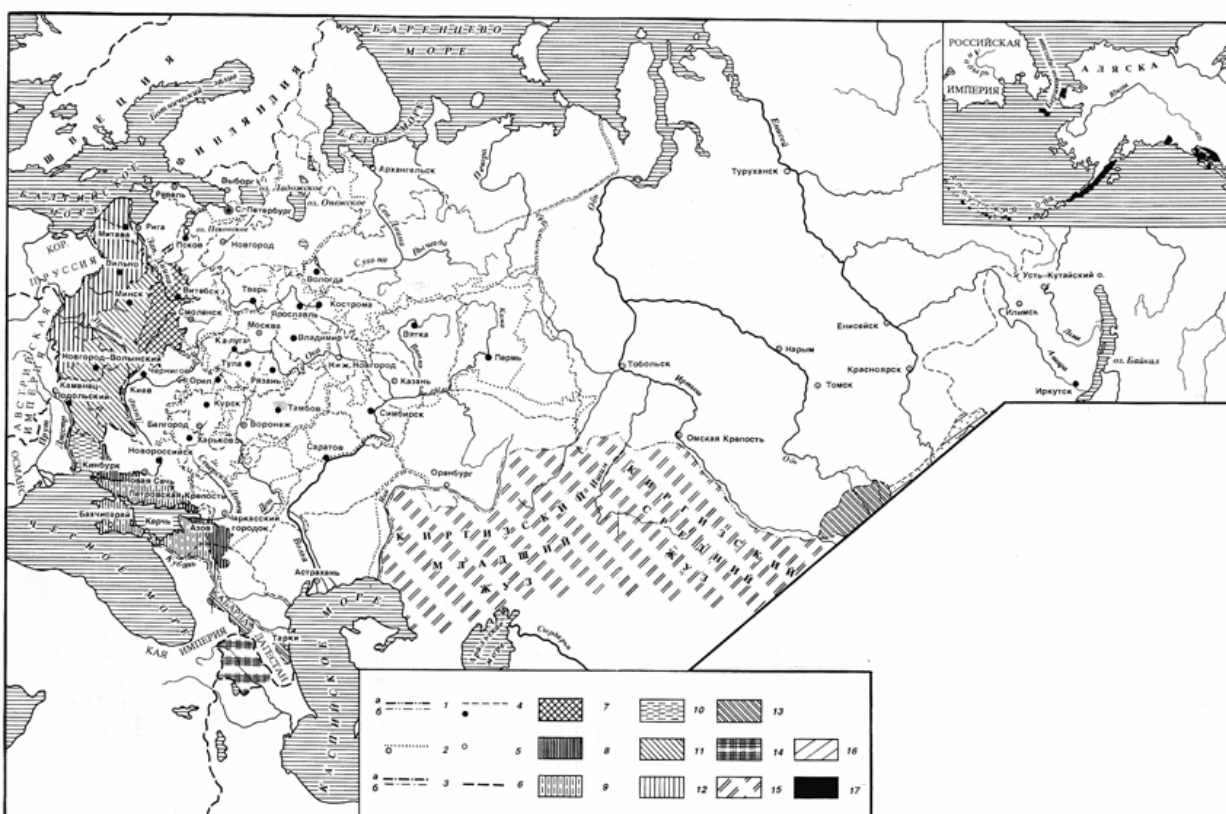
границы: / - государств в начале XVII в., 2 - южная и восточная России в начале XVII в., 3 - между Россией и Речью Посполитой по Поляновскому договору 1634 г., 4 - западных территорий Украины, воссоединенной с Россией в 1654 г., 5 - государств в конце XVII в.; 6 - населенные пункты: города, остроги, казачьи городки, 7 - казачьи военные общины и орды кочевых народов на территории России, имевшие самоуправление; 8 - исторические провинции (города) Европейской части России (цифры в кружках): / - поморские, 2 - замосковные, S - от немецкой Украины, 4 - от литовской Украины, 5 - заокие, 6 - у краиные, 7 - рязанские, 8 - северские, P - польские, 10 - низовые, 11 - пермские, 12 - вятские; территории: 9 — отошедшая от России к Швеции по Столбовскому договору 1617 г., 10 — отошедшая от России к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. «Вечному миру» 1686 г. // - возвращенная России по Поляновскому договору 1634 г. и размежеванию 1640 г., 12 - перешедшая от Речи Посполитой к России по Андрусовскому договору 1667 г. и возвращенная Речью Посполитой взамен Киева в 1678 г. и "Вечному миру" 1686 г., IS - украинская, воссоединенная с Россией в 1654 г., 14 - украинская, перешедшая от Речи Посполитой к России по Андрусовскому договору 1667 г. и "Вечному миру" 1686 г., /5 - Запорожья, находившаяся в совместном русско-польском владении с 1667 по 1686 г., 16 - полувзависимая, в составе России в конце XVII в.

На юго-запад от Москвы к верховьям Оки Калуга, Белев, Волхов, Козельск составляли округу "заоцких городов", а Карачев, Орел, Кромы, Мценск - "украинных (от слова "окраина") городов". От Серпухова, Каширы и Коломны (на Оке) на территории основной части бывшего Рязанского княжества к югу от верховий Дона простиралась область "рязанских городов". Наконец, территория бывшего Новгород-Северского княжества считалась областью "северских городов", а восточнее их выдвинутые в лесостепь Курск, Белгород, Старый и Новый Осколы, Ливны и Елец - "польскими городами" (от слова "поле"). Города от Нижнего Новгорода до Казани и далее вниз по Волге вплоть до Астрахани вошли в состав "низовых" уже во второй половине XVI в. после падения Казанского и Астраханского ханств (Платонов. Гл. 1). В каждой из этих областей существовали районы со своими исторически сложившимися названиями, этнографическими особенностями населения и хозяйственно-отраслевым комплексом.

Во всех этих землях складывалась своя структура хозяйства и очень различно соотносилась значимость разных его отраслей - хлебопашества, животноводства, рыболовства, лесных и домашних промыслов, ремесленного производства. В меньшей степени различалась социальная структура отдельных земель. Образовавшаяся на севере государства мощная общинно-волостная организация черносошного крестьянства (будущего государственного) и городского населения по существу противостояла феодальной системе частного землевладения в районах замосковских городов. Отсюда вытекало и различие в общественном самосознании даже социально однородных групп населения. Особенности социальной структуры отдельных частей сложившегося государства, унаследованные от эпохи феодальных центров, порождали социальную напряженность, взорвавшуюся в начале XVII в., в годы Смуты. Так или иначе они отражались и в народных передвижениях XVI-XVII вв.

Внешнеполитическая обстановка в свою очередь, сильно влияла на процесс хозяйственного освоения русским народом новых земель. В первой половине XVI в. в большей степени наблюдались перемещения в уже заселившихся территориях (внутренняя миграция). Основная причина, тормозившая дальнейшие передвижения народа в незаселенные земли (внешняя миграция), заключалась в сложной политической ситуации, создавшейся после развала Золотой Орды. На протяжении века, по неполным данным, известно 43 похода крымчаков, дважды - в 1521 и 1571 гг. - доходивших до Москвы, и не менее 40 походов казанских татар. Их набеги достигали бассейна р. Оки, Нижегородского, Костромского, Пермского краев; известны их набеги даже на районы Поморья - на Вятку, Устюг, Вологду (История крестьянства... С. 133).

Русскому правительству помимо борьбы с Литвой и Польшей за возвращение западнорусских земель постоянно приходилось заботиться об отражении военной угрозы с востока и юга. В середине XVI в. крушение Казанского и Астраханского ханств и укрепление оборонных сооружений вдоль всего течения Волги ликвидировали постоянную угрозу с востока. Борьба с Крымским ханством и Османской империей за безопасность южных рубежей Русского государства затянулась на два столетия вплоть до конца XVIII в. Разрешение этих политических задач сопровождалось, а в большей степени и определялось двумя волнами народных миграций, в результате которых хозяйственно осваивались Уральский и Поволжский регионы и Сибирь, с одной стороны, и лесостепная и степная части Восточно-Европейской равнины — с другой. Тем самым со второй половины XVI в. начался новый этап освоения равнины русскими, на протяжении которого наблюдалась взаимосвязь между решением политических задач Русского государства и стихийной деятельностью народа при параллельности этих процессов и их взаимообусловленности.

Российская империя во второй половине XVIII в. (1751-1800 гг.)

границы: / - государственная Российская империя ни 1751 г.: а - твердая, б - не установленная окончательно, 2 - границы и центры губерний и областей Российской империи на 1751 г., 3 - государственная Российской империи на ШХ) г.: о - твердая, б - не установленная окончательно, 4 - границы и центры губерний Российской империи на ШХ)г., 5 - отдельные крепости, б - государственные зарубежных стран на 1800 г.;

территории, присоединенные к Российской империи; 7- по первому разделу Речи Поспел итон и 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией, Я - по Кючук-Кайнарджийскому догонору 1774 г. между Османской и Российской империями, 9 - Крымское яанстпо до 1783 г., в 1783-1796 гг. - Таврическая область, 10 - по Яаскому договору 1791 г. между Османской и Российской империями, // - по второму разделу Речи Посполитой и 1793 г. между Пруссией и Россией, 12 - по третьему разделу Речи Посполитой и 1795 г. между Пруссией, Россией и Австрией, 13 - земли Кабарды, шамхальстаа Тарковского, Южного Урала и Горного Алтая в состава Российской империи;

территории, находившиеся в политической зависимости от Российской империи: 14 - Карталино-Катсхинское царстпи пол протекторатом с 1783 г., /5 - младший и части среднего казахские жузы и вассальной зависимости с 1731 к с 1742 г.; территории, не разграниченные между Российской империей Цин: 16 - по Кяхтинскому договору 1728 г., /7-территории Аляски и Алеутских островов, освоенные Российской империей по второй половине XVIII в.

Крушение поволжских татарских ханств и расширение границ Русского государства активизировали процессы государственно-этнического и этническо-территориального характера. Именно с середины XVI в. усилилось складывание многонационального Российского сословно-представительного государства. Терминологические понятия Россия, Российская земля, российская в письменных источниках не случайно получили широкое распространение со второй половины XV, а особенно с XVI в. (Тихомиров, 1973. С. 16). После взятия Казани в 1552 г. московскими войсками в состав Русского государства вошли поволжские народы, а в 1556 г. - башкиры. Процесс превращения государства в многонациональное длился на протяжении последующих столетий, охватывая Урал, Сибирь, Казахстан, южнорусские степи и Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию. Русское государство выходило за границы Восточно-Европейской равнины и становилось евроазиатским.

Стихийные передвижения русского населения со второй половины XVI в., когда политические обстоятельства переставали им препятствовать, усложняли территориально-этническую ситуацию. В результате миграций во вновь осваиваемые земли прослеживалось сплошное или локальное (отдельными группами) расселение русских, чересполосное или смешанное с другими этническими общностями. В силу местных обстоятельств в каждом отдельном случае типы такого расселения в их хронологической последовательности неизбежно изменялись. В результате в вековом процессе народных миграций наряду со все более расширяющейся практически сплошной историко-этнической территорией русского народа возникали отдельные (локальные) районы его постоянного заселения. Такие районы постепенно в ряде случаев могли сливаться с территорией сплошного заселения. В процессе территориально-демографического взаимодействия переселенцев с иными этническими общностями часто наблюдалось своеобразное наложение одной этнической "сетки" на другую; так как все народы никогда не находились в статическом состоянии, то подобное образование этносложных территорий было явлением постоянным и исторически обусловленным и на Восточно-Европейской равнине, и за Уралом, на сибирских просторах.

Передвижения русских, а параллельно, хотя и в ограниченных масштабах, иных этносов (коми, мордвы, казанских татар и т.д.), как постоянно действующий фактор в историческом процессе образования многонационального Российского государства на протяжении разных эпох его существования, свидетельствовали о том, что этническое начало приобретало первостепенную значимость для последующих политических явлений.

Для миграций на Европейском Севере (в Поморье) со второй половины XVI в. были наиболее характерны два явления - расширение внутренней колонизации в целом с ее ориентацией на восток и все усиливавшийся отток населения, особенно в XVII в., через Урал и Сибирь. Так, в Коми крае основной поток русских переселенцев с конца XVI в. направлялся со старожильческих земель к устью р. Сысолы и на верхнюю Вычегду. Всего за XVII в. в Коми крае появилось более 300 новых поселений {Жеребцов. С. 16-20}. Эти внутриморские передвижения охватывали и иные, наиболее восточные районы.

Вятская земля, центрами которой были города Хлынов (позднее - Вятка), Ко-тельнич, Орлов, Слободской, Шестаков, к XVII в. по своей заселенности уступала только двум районам Поморья - Центральному и (незначительно) Северо-Западному. Со второй половины XVI в. ее колонизация интенсивно продолжалась. Сложнее обстояло дело с освоением другой части Восточного Поморья - Пермской земли.

В Пермской земле русские переселенцы столкнулись (как и во всем Поморье) с финно-угорским населением - коми, хантами и манси, но их этническое взаимодействие имело свои особенности. Если в Западном и Центральном Поморье, как и в центре Восточно-Европейской равнины, преобладала естественная ассимиляция славянами финнов, то в Приуралье этническая ситуация складывалась сложнее, тем более что миграционные движения прослеживались и в среде финно-угров. Так, известно, что еще с середины XV

в. коми из бассейнов Выми, Сысолы и Вычегды стали распространяться в верховья Мезени и Удоры, а в XVI в. - осваивать земли по берегам Ижмы и Печоры.

В процессе постепенного освоения Приуралья русские переселенцы, сталкиваясь с разноплеменным населением, по-разному заселяли территорию. Вначале наблюдалось очаговое расселение. Именно такое изолированное расселение происходило на территории Чердынского уезда, где русские были явно малочисленнее местных коми. В дальнейшем по мере развития хозяйственной жизни устанавливались межэтнические связи и в различных районах по-разному происходили этно-смешение или ассимиляционные процессы. В результате в сослав русского населения проникали иные этнические компоненты. Так, на р. Вишере местное население, в дальнейшем признававшее себя русскими, представляло собой обрусевших финно-угров (коми и манси). В районах же юго-западнее Перми русские поселенцы приобретали в своем облике признаки монголоидности, в Соликамском уезде они сохранили северноевропейский антропологический тип и т.д. Последствия очагового расселения хорошо прослеживаются в истории освоения Юрлинского района в бассейне верхней Камы и ее притока р. Косы, компактно заселенного русскими выходцами с Вятки в XVII в. Обосновались они на почти незанятой территории, но в дальнейшем к ним стали подселяться коми, а русские, сохраняя славянский физический тип, приняли отдельные черты их облика (На путях из земли Пермской в Сибирь. С. 13-28).

Таким образом, в Приуралье в результате своеобразия этнической ситуации историко-этническая территория русских по мере слияния их очаговых расселений представляла своеобразную сетку, наложенную на территорию, занятую другими народами. При этом в отдельных районах русские стали отличаться друг от друга по антропологическим и лингвистическим признакам, которые были ими приобретены в процессе их взаимодействия с соседствовавшими с ними народами.

Важнейшим следствием массовых стихийных миграций в Восточное Поморье (или Приуралье) было завершение образования историко-этнической территории русского народа на севере Восточно-Европейской равнины от Карелии до Урала в XVII в.

В XVIII в. массовость этих движений уменьшилась, хотя отток населения на восток продолжался.

К исходу XVII в. в Вятской земле и в Приуралье продолжалось интенсивное заселение территорий. В вятских уездах количество селений возросло в 1,5 раза, в Пермской земле - в 3 раза по сравнению с началом XVII в. О сельскохозяйственном освоении там земель свидетельствует резкое увеличение починков, предшествовавших образованию постоянных селений.

К концу XVIII в., по сравнению с данными 1678 г., в приуральских уездах количество новых деревень выросло в 1,5 раза (Колесников. С. 104-110). Но этот процесс происходил в большей степени за счет внутреннего роста населения, нежели притока переселенцев.

Логическим продолжением массового заселения русским народом Приуралья были дальнейшие передвижения за Урал. Присоединение Сибири к Русскому государству имело много следствий и огромное значение для дальнейшего социального и экономического развития разноэтнического по своему составу населения Сибири, к XVI-XVII вв. сохранявшего родо-племенной строй. Русское государство, к середине XVII в. распространившее свое влияние на огромную территорию вплоть до Тихого океана, становилось государством евроазиатским. Заселение Сибири и хозяйственное освоение ее русскими (внедрение в XVII в. пашенного земледелия как ведущей отрасли хозяйства, становление горнорудной промышленности, образование местных областных рынков с вовлечением их в общерусские торгово-экономические связи) были следствием взаимосвязанной и взаимообусловленной деятельности административной феодальной государственной системы и стихийных народных миграций в этот край и внутри его в дальнейшем.

Крупномасштабное переселение русских в Сибирь уже в XVII в. представляло собой особую "страницу" в истории народа. В результате присоединения к России сибирские народы попадали в условия более высоких по своему социально-экономическому уровню феодальных отношений. Русский переселенец, прежде всего севернорусский крестьянин, промышленник и пахарь, перейдя за Урал, конечно, не преследовал те цели, которые имело в виду правительство. Само же государство не могло не опираться на переселенца, для которого разгром Ермаком Сибирского ханства представляется всего лишь одним из эпизодов вековой борьбы с "татарами", а возможность переселения в Сибирь казалась давно известным делом в освоении новых угодий, правда сложным, многотрудным и опасным. Вековой опыт хозяйствования, приобретенный в Поморье, и привычные представления об общественных связях переселенец приносил в Сибирь, постепенно создавая ареал своего расселения, как и в Прауралье, часто рядом или чересполосно со своими новыми соседями и приспособляясь в своей хозяйственной практике к природным возможностям разных климатических зон, от тундры и тайги до лесостепи.

После разгрома Ермаком Сибирского ханства собственно вхождение Сибири в состав Российского государства длилось несколько десятилетий по мере ее обживания русскими переселенцами.

В Сибири русские промышленники, а затем и земледельцы встретились с этнически чрезвычайно сложным местным населением - охотниками, рыболовами, оленеводами и скотоводами, - разбросанным на огромной территории. В южных районах были известны отдельные очаги примитивного земледелия. В бассейне Оби обитали угры - ханты (остяки) и манси (вогулы). Лесотундру и тундру Крайнего Севера населяли различные самодийские племена. Юг Западной Сибири занимали сибирские татары. От Оби и до берегов Охотского моря (в таежной полосе до южных границ Сибири) кочевали эвенки (тунгусская группа тунгусо-маньчжуров), а на северо-востоке современной Якутии - родственные им эвены (ламуты). К тем же тунгусо-маньчжурам относились многочисленные группы населения Приамурья - нанайцы (гольды) удэгейцы, ульчи, орочи. В верховьях Енисея и в Присяянье расселялись различные этнические группы тюркского происхождения - сойоты, аринцы и др. На среднем Енисее жили кеты, происхождение которых до настоящего времени остается неясным, так как их язык не имеет никаких аналогов. В бассейне Лены (до ее низовьев) и вплоть до Тихого океана обитали многочисленные тюркоязычные якуты; в областях, прилегающих с запада и востока к Байкалу, - буряты. Юг Дальнего Востока, крайний северо-восток Азии и Камчатку заселяли палеоазиатские племена - гиляки, чукчи, коряки, ительмены (Долгих. С. 614).

Со всеми новыми соседями русские поселенцы вступали в хозяйственные связи, и по мере их расселения в ряде случаев складывалась сложная этническая ситуация, когда одна и та же территория становилась местом обитания разных народов. Совместное территориальное расселение и хозяйственно-бытовые связи способствовали связям этническим, которые в большей степени были свойственны относительно малочисленным группам русского населения, занимавшимся промыслами в наиболее северных районах, нежели русским хлебопашцам, осваивавшим по существу пустующие земли.

Первоначально (с 90-х годов XVI в.) государственная власть ради снабжения гарнизонов и управленческого аппарата попыталась путем административного переселения немногочисленных групп крестьян из Поморья учредить сельскохозяйственные поселения около своих опорных пунктов. Однако довольно скоро стали ясны дороговизна и бесперспективность подобного пути развития в Сибири сельскохозяйственного производства, и в 20-е годы XVII в. "указные" опыты были прекращены. Инициативу в основании пашенного земледелия в Сибири уже в первой четверти XVII в. полностью взяла в свои руки стихийная колонизация русских переселенцев. Государственная власть, основывая в районах, по климатическим условиям благоприятных для ведения сельского хозяйства, свои опорные пункты - остроги, -

становившиеся затем городами с торгово-ремесленным населением, привлекала земледельцев-новопоселенцев различными льготами. Такие опорные пункты быстро обрастали деревнями, а затем слободами, которые в свою очередь становились административно-объединяющими сельское население центрами. В результате особенно в приречных безлесных долинах, не населенных местными народами, занимавшимися пушным промыслом и рыболовством, образовывались своеобразные сельскохозяйственные оазисы.

Такие микрорайоны постепенно сливались, и образовывались более крупные районы русского заселения. Первым наиболее крупным из них в Западной Сибири стал Верхотурско-Тобольский район, где русские переселенцы поселялись часто чересполосно с сибирскими татарами. Этот район сложился к 30-м годам XVII в. в Западной Сибири в бассейне р. Туры и ее южных притоков. Его заселение и интенсивное земледельческое развитие происходило в условиях постоянных набегов кочевых тюркоязычных племен, не прекращавшихся до второй половины XVII в. Поэтому южная граница заселения проходила не далее притока Туры р. Ницы и постоянно оборонялась служилыми людьми из Тюмени и Туринска. По той же причине медленно создавались сельские поселения и в районе Тары. Тем не менее сельскохозяйственное производство к 30-м годам XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе достигло такого масштаба, по сообщениям местных воевод, что в Сибирском приказе даже обсуждался вопрос о возможностях прекращения хлебных поставок туда из Поморья для ратных сил и немногочисленного административного аппарата. Однако самообеспечение Сибири хлебом в результате трудовой деятельности русских переселенцев стало возможным спустя полвека - с 80-х годов. К концу XVII в. основной житницей Сибири стал район, включавший четыре западносибирских уезда - Тобольский, Верхотурский, Тюменский и Туринский, в которых к тому времени компактной массой проживало до 75% всех русских крестьян-переселенцев (Шунков. С. 50).

Наиболее характерной особенностью заселения Западной Сибири на протяжении XVII в. было систематическое "сползание" переселенцев к югу на наиболее плодородные лесостепные земли по среднему Тоболу и его притокам (Исеть-Миас) с опорой на крупные слободы - Шадринскую, Ялуторовскую, Курганскую (позднее -города) - с их военно-пограничной охраной. Такое же слободское расселение на юг, но в меньших масштабах тогда же наблюдалось по притокам Иртыша - Вагаю и Ишиму.

Севернее этой сельскохозяйственной полосы русское население обитало разрозненными немногочисленными группами по Оби (города Березов, Сургут, Нарым, Носовой городок и их округа) и занималось пушным и рыбным промыслами.

Другим районом раннего сельскохозяйственного освоения русскими переселенцами Западной Сибири была территория между городами Томск и Кузнец, основанными соответственно в 1604 и 1618 гг. Опираясь на этот район, с начала XVIII в. русские земледельцы начали продвигаться к истокам Оби. Проникновение русских промысловиков в Восточную Сибирь началось в XVI в, до похода Ермака и также с полярных и приполярных районов в низовьях Енисея.

По мере освоения бассейна Енисея с 20-х годов XVII в. на его среднем течении вплоть до устья Ангары начал создаваться второй по значению хлебопроизводящий район, который постепенно разрастался, охватывая бассейны притоков Енисея -Пита и Кеми, а также р. Белой, и простирался вверх по Енисею до основанного в 1628 г. города Красноярска. Южнее до конца XVII в. сельскохозяйственному освоению земель препятствовали монгольское государство Алтын-ханов, киргизские и ойратские владетели, входившие в политическую орбиту Джунгарского ханства.

Сельскохозяйственные селения, основанные на Енисее русскими крестьянами в XVII - начале XVIII в., составляли большую часть населенных пунктов, существовавших там и в начале XX в., что свидетельствует об интенсивности освоения территории, С конца 60-х годов XVII в. по 1710 г. население Енисейского и Красноярского уездов возросло

вчетверо и составляло более 13 тыс, человек мужского пола (Александров В. А., 1964. Гл. II).

Промысловое освоение Восточной Сибири с 1620-х годов начало охватывать Якутию и Прибайкалье. В середине XVII в. в Якутии ежегодно находилось до 3-4 тыс. русских промышленников. В верховьях Лены и по Илимскому создавался хлебопроизводящий район. Только в Илимском уезде с середины XVII в. по 1722 г, количество крестьянских дворов выросло со 136 до 924. В это же время на крупнейших реках Индигирке, Колыме, Яне, Оленёке. Анадыре и особенно в устье Лены часть промышленников стала оседать на постоянное жительство и там образовались локальные группы старожильского русского населения, испытавшего сильное этническое влияние со стороны соседей.

В Забайкалье, присоединение которого началось с севера из Якутии и с запада из Прибайкалья с середины XVII в., русское население до XVIII в. обживалось медленно, хотя очаги постоянного заселения возникали по р. Селенге, около отдельных острогов на путях к Приамурью и в Нерчинском уезде. Исключение составлял микрорайон, возникший в 60-80-х годах XVII в. на Амуре в районе Албазина, куда после похода Е. Хабарова по Амуру в середине XVII в. под влиянием слухов о богатстве местных земель из Ленско-Илимского края стихийно хлынула волна переселенцев. К 1680-м годам в Забайкалье и Приамурье, по ориентировочным подсчетам, проживало до 2 тыс. русских мужчин, но в результате агрессии Китайской империи по Нерчинскому мирному договору 1689 г. Россия была обязана увести свое население с Амура (Александров В.А., 1984. Россия... Гл. 1).

На протяжении XVII в. в Сибири появились обширные районы с русским оседлым земледельческим населением и образовались локальные группы промыслового населения в тундровой полосе. Таким образом была заложена основа этнической территории русского населения. К XVIII в. русских стало больше, чем представителей местного разноплеменного населения. Наконец, русские переселенцы, осевшие на постоянное жительство, имели нормальный семейный состав, так как в среднем мужчин было столько же, сколько и женщин. По официальным данным 1710 г., в Сибири насчитывалось в округленных цифрах 314 тыс. русских переселенцев обоего пола (местного населения - на 100 тыс. меньше), из них 248 тыс. проживали в Западной и 66 тыс. - в Восточной Сибири. Подавляющее большинство переселенцев концентрировалось в основной сельскохозяйственной полосе - Тобольском, Верхотурском, Тюменском, Туринском, Тарском, Пелымском уездах (106 тыс. человек мужского пола) (Русские старожилы Сибири. С. 23). Все русские почти исключительно поморского происхождения пришли туда в потоке стихийного переселения. Эпизодические попытки правительства при помощи учреждения в Зауралье застав регулировать этот поток успеха не имели; начавшаяся с XVII в. ссылка и отдельные переводы служилых людей из центральной части страны в Сибирь ни в какой степени не были сопоставимы со стихийной миграцией.

В XVIII в. стихийное заселение продолжало оказывать сильное влияние на становление русской этнической территории в Сибири. Однако целый ряд внешне и внутривнутриполитических факторов сильно повлиял на размещение там населения. Урегулирование с Китаем границ вдоль монгольских земель и постройка сложных оборонительных линий в Западной Сибири и на Алтае способствовали безопасности южносибирской лесостепи и степи, что определило наметившееся с середины XVII в. "сползание" земледельческого населения из таежной полосы на более плодородные уголья. Создание очагов крупной горнорудной промышленности, особенно на Алтае, и появление сереброплавильного завода около Нерчинска в свою очередь вызвали перемещение населения. Прокладка внутрисибирских трактов, в том числе обеспечивавшего быстро развивавшуюся торговлю с Китаем через Кяхту, облегчала заселение новых территорий. Наконец, с усилением аппарата местного управления правительство добилось возможности регулировать перемещения населения как в Сибирь, так и внутри нее, а также обеспечивать его административное переселение и усиливать

масштабы ссылки, в результате чего русское сибирское население стало пополняться выходцами из разных регионов Европейской части страны.

На протяжении XVIII в. южнее старой западносибирской сельскохозяйственной полосы сложилась новая, включавшая Курганский, Ялуторовский, Ишимский, Омский уезды и ставшая наиболее заселенной частью Западной Сибири. Таким образом, на земле, освоенной русскими, увеличивалась плотность населения и продолжалось ее расширение в южном направлении, смыкались отдельные микрорайоны. Тот же процесс происходил в XVIII в. в Томско-Кузнецком районе, Бара-бинской степи и на южных алтайских землях, где не только расширялось сельскохозяйственное производство, но и развивалось горнозаводское дело (на Колывано-Воскресенских заводах). Эти территории на протяжении XVIII в. заселялись очень интенсивно.

В заселении Томско-Кузнецкого (Алтайского) района значительную роль помимо внешней миграции сыграли внутрисибирские перемещения с более северных ранее освоенных территорий. До конца XVIII в. на Алтае число селений возросло с 34 до 509, в Томском уезде с конца XVII в. до 1762 г. - с 66 до 331, а в Кузнецком - с 31 до 211 (Русские старожилы Сибири. С. 40-41).

Население северных промысловых районов на протяжении всего XVIII в. увеличивалось медленно.

В Восточной Сибири в XVIII в. процесс заселения и освоения земель проходил не менее интенсивно за счет переселенцев, развития у них семей и регулируемых правительством переселений на Западной Сибири. Особенно заметен стал поток переселенцев в Красноярский уезд. После ухода киргизских князьев из Абаканских степей в Джунгарию началось интенсивное освоение русскими территории, располагавшейся по Енисею до впадения в него рек Абакан и Туда (Минусинская впадина), по р. Кан и особенно в бассейне р. Чулым.

Огромное значение для Прибайкалья в XVIII в. имела прокладка Сибирского тракта, который из Западной Сибири от Томска и Ачинска шел по равнинным местам, заселявшимся земледельцами, через Красноярск и Канск на Нижнеудинск и Иркутск. Проведение тракта и общесибирский отлив населения на юг оказали решающее влияние на перераспределение русского населения в Прибайкалье, которое концентрировалось там в нескольких районах - по берегам верхней Лены, вокруг Илимска, Иркутска, Братска, Вельска, Житница Прибайкалья старый Илимский уезд, охватывавший часть бассейна р. Илим и верхней Лены, уступал свое хозяйственное значение более южным районам. Отсюда местные власти переселяли крестьян на юг.

В целом же русское население Прибайкалья за полвека, с 1710 по 1762 г., возросло почти вдвое, а за последующие 20 лет - еще на треть. По-прежнему основным источником пополнения оставались вольные переселенцы, но существенную роль в 60-80-х годах XVIII в. начала играть и ссылка.

Своеобразно формировалось в XVIII в. русское население в Забайкалье. В отличие от других областей Сибири, где помимо прибытия новопоселенцев немалую роль играл естественный прирост, в Забайкалье рост населения зависел прежде всего от организованных правительственными властями переселений для обеспечения Нерчинских сереброплавильных заводов рабочей силой и заселения трактов, особенно на Кяхту.

В итоге по интенсивности роста населения Забайкалье не уступало другим областям Восточной Сибири. В XVIII в. фактически заново осваивались территории бассейна р. Селенги и междуречье Шилки и Аргуни. Росло население и в ранее заселенных районах Читы и Нерчинска. Однако на бескрайних просторах Забайкалья в течение XVIII в. русские образовали еще только локальные районы своего заселения.

Принципиальных изменений в русском расселении на северо-восточных промысловых территориях Якутии, Чукотки, Охотского края в XVIII в. не произошло. Основная часть русских по-прежнему обитала в районе Якутска и расселялась вдоль Иркутско-Якутского тракта, тянувшегося по берегам р. Лены. Небольшие группы проживали на Олекме,

Алдане, Оленёке. Существенно расширился ареал освоения Приполярья - низовий Лены, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы. В XVIII в. началось освоение Камчатки. Правда, в целом численность постоянного русского населения северо-восточного региона возрастала в то время медленно. В течение XVIII в. этот прирост обеспечивался в Сибири не только за счет новопоселенцев, но и внутреннего развития населения, при котором естественный прирост был выше, чем в Европейской части страны.

Можно считать, что в это время именно старожилы-сибиряки стали играть ведущую роль в освоении Сибири. В абсолютных цифрах русское население этого региона, по известным данным (в душах мужского пола), с 1710 по 1795 г. увеличилось втрое - со 158 тыс. человек почти до 450 тыс., а с лицами женского пола достигло 1 млн; 328 тыс. мужчин обитало в Западной Сибири и 122 тыс. - в Восточной. В Западной Сибири старая (таежная), возникшая в XVII в. земледельческая полоса, и новая лесостепная слились и составили сплошную этническую территорию, на которой к 1795 г. обитало 227 тыс. земледельцев. С ней постепенно смыкался Томско-Алтайский район (60 тыс. человек м.п.). Активно осваивалась Барабинская степь (40 тыс. человек м.п.). В Восточной Сибири наиболее заселенными по-прежнему оставались Енисейско-Красноярский и Илимско-Иркутский регионы (более 80 тыс. человек м.п.).

Одновременно со стихийной миграцией в Северное Приуралье и далее в Сибирь во второй половине XVI в. началось не менее мощное движение из центральных районов страны в южнорусскую лесостепь. Если в переселении севернорусского крестьянства на восток политический момент - разгром Казанского ханства - послужил только импульсом, то в борьбе за южнорусские земли с Крымским ханством, а затем и с Турцией, затянувшейся до конца XVIII в., организующая роль государственной власти выдвигалась на первый план.

Освоение русским народом черноземной лесостепной полосы южнее р. Оки стало одним из важнейших этапов расширения его историко-этнической территории. После татарского опустошения XIII в. вся эта полоса лежала в руинах и получила емкое название "Дикое поле". Однако она не обезлюдела окончательно. Но в отличие от других регионов, на которые распространялось русское заселение, хозяйственное освоение "Дикого поля" крайне затруднялось особо сложными политическими обстоятельствами.

После падения Казанского ханства очагом постоянной опасности для южных и юго-восточных границ образовавшегося Русского государства оставались Крымское ханство и Ногайские орды. Эта опасность, воплощавшаяся в бесконечных набегах, угоне и разорении населения районов даже севернее течения Оки, обострялась тем, что Крымское ханство попало в вассальную зависимость от Османской империи, которая на протяжении XVI-XVII вв. вела упорную наступательную политику в отношении Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Ирана. Незыблемость существования Крымского ханства была основой политики Турции в Причерноморье, а набеги на русские земли, а также на украинские территории Речи Посполитой составляли одну из экономических основ жизни ханства, что исключало возможность какого-либо стратегического соглашения с ним России (Новосельский. С. 420-424). Это обстоятельство порождало для последней необходимость вести постоянную тяжелую оборонительную борьбу» которая осложнялась необходимостью эффективной защиты региона так называемых "заоцких городов", расположенных между верхним течением Оки и бассейном ее притоков - Протвы (с притоком Лужей), Угры и Жиздры. Эта область, давно заселенная, была довольно плодородна, имела по Оке, притокам Десны и сухопутным дорогам устойчивые экономические и иные связи с центром страны. Еще большее значение имела Рязанская земля - один из важнейших и плодороднейших тогда земледельческих центров Руси.

Результативность оборонительной борьбы с Крымом была возможна лишь тогда, когда система обороны опиралась на местное население, а хозяйственное освоение "Дикого поля", в свою очередь, зависело от эффективности этой системы. Так определялась взаимосвязь между расширением историко-этнической территории народа и

государственной политикой.

В середине 1636 г. правительство приняло решение о восстановлении старой Засечной черты XVI в. (она пришла в полный упадок в годы Смуты и после нее) и о создании новых грандиозных оборонительных линий, строительство которых продолжалось весь XVII в. и первые десятилетия XVIII в. В этой системе принципиально новым был подход к тактической оценке средств обороны. Вместо связанных сторожевой службой отдельных укрепленных городов и узлов полевой обороны на речных переправах создавалась система глубиной в сотни верст сплошных линий, а крепости оставались их опорными пунктами, где сосредоточивались воинские соединения. На протяжении пяти лет была перестроена Засечная (приокская) линия, тянувшаяся примерно параллельно Оке между мещерскими и брянскими лесами на протяжении 500 верст. Особое внимание уделялось наиболее уязвимой восточной ее части, где тульские, венежские, каширские и рязанские засеки были подвергнуты особо серьезной реконструкции.

Впереди этой линии возвышалась еще более грандиозная передовая Белгородская линия, тянувшаяся на 800 верст с запада от верхнего течения Ворсклы до Дона и далее на северо-восток вдоль течения рек Воронеж и Цна. Эта линия протягивалась приблизительно вдоль сторожевых постов, установленных на границе лесостепи и перед выходом к степным просторам согласно уложению, принятому царем и Боярской думой в 1571 г. При этом строительстве первоочередное внимание уделялось оборонительным сооружениям на "татарских" шляхах. В 1630-х годах прежде всего был создан перекрывающий наиболее опасный Ногайский шлях Козлово-Тамбовский укрепленный район (Мизес. С. 18-43). Одновременно шли работы на Калмиуском, Изюмском и Муравском шляхах. Всего на Белгородской черте было выстроено 22 города-крепости и между ними множество острожков.

К 1658 г. строительство Белгородской черты было окончательно завершено и, как писали современники, "татарский ход унялся, и города и уезды стали в береженье" (Загоровский, 1969. Гл. I, II; Важинский. С. 45). Ее постройка существенно отразилась на организации обороны южной границы. Центр управления переместился из Тулы много южнее - в Белгород и Севск. После постройки Белгородской черты крымчаки могли прорваться в русские пределы только в случае ее обхода с запада или востока. Поэтому в 1679 г. началось строительство новой черты, получившей название Изюмской и протянувшейся на 400 верст. В результате к 90-м годам XVII в. агрессии татар постепенно прекращались (Важинский. С. 45-49).

Грандиозное строительство укреплений глубоко эшелонированной обороны, охватывавшее многие сотни верст, имело огромное значение для хозяйственного освоения русскими южной лесостепной полосы. В связи с этим строительством происходили серьезные изменения демографического порядка. Необходимость пополнения гарнизонов с 1590-х годов вынуждала местную административную власть принимать на воинскую службу вольных переселенцев, среди которых часто встречались беглые крестьяне и холопы. В результате в южных уездах складывались две основные группы русского населения - крестьянство и служилые люди приборной службы и мелкие дети боярские. В 1620-е годы в связи с восстановлением южных крепостей стало происходить "сползание" военно-служилого населения на юг путем административных переводов из приокских городов. Одновременно туда же устремился стихийный переселенческий поток преимущественно жителей приокских уездов. Тогда же на южную окраину переселялись крестьяне из уездов, расположенных к западу от верхнего течения Оки - Карачаевского, Белевского, Алек-синского, Орловского и др. Эти переселенцы оседали преимущественно в Курском, Елецком и Ливенском уездах.

В 1640-е годы резко усилилась миграция в бассейн Верхнего Дона и Воронежа и в примыкавшие к ним с севера Козловский и Тамбовский уезды. Под защиту уже сооруженных участков Белгородской черты шли жители Рязанской земли (из Рязанского, Шацкого и других мещерских уездов); направлялись туда же и жители Владимирского

уезда.

В 1647 г. состоялось решение о переводе на юге целого ряда сел, принадлежавших крупной земельной знати и монастырям, на имя великого государя, т.е. под государственную юрисдикцию, чтобы снять социальную напряженность. Владельцы этих сел вознаграждались землями в центральных уездах (Новосельский. С. 161, 163, 410; Мизес. С. 45-53). Наконец, после принятия в 1649 г. Соборного Уложения в южных городах практически игнорировалась статья об обязательном возвращении: помещикам беглых крестьян. Только с 1680-х годов в интересах крупных землевладельцев правительство стало отходить от "охранительной" политики и крепостничество стало распространяться на южную "украину". Благодаря этой политике даже при потерях от крымских набегов первой половины XVII в. русское; крестьянское население южных окраин насчитывало в середине века 230 тыс.; человек. После сооружения Белгородской черты оно бурно росло и осваивало край.; В 1678 г. только крестьян там было 470 тыс. человек. Число служилых людей, постоянно проживавших на территории Белгородского и Севского военных округов, в конце XVII в. достигало 84 тыс. человек, многие из них занимались сельским хозяйством. Характернейшей особенностью всей полосы Белгородской черты стало; заселение ее с 30-40-х годов XVII в. украинским населением, бежавшим на землю Российского государства прежде всего после жестокого подавления восстаний 1630,] 1638 гг. правительственными войсками Речи Посполитой на территории Право-] бережной (по преимуществу) Украины и оседавшим вплоть до городов Острогжска] и Коротояка. В результате вдоль Белгородской черты постепенно складывалась; сплошная этнически сложная русско-украинская территория

Волна миграции русского населения в лесостепную и степную полосы Восточно-] Европейской равнины, на территорию бывшего "Дикого поля", на востоке смы-; калась с движением в Среднее Поволжье. Переселенцы постоянно пополняли ка-; зачь население, осваивавшее с XVI в. бассейн нижнего Дона и Приазовье. После падения Казанского и Астраханского ханств во второй половине XVI в. в Среднем: Поволжье русское земледельческое население концентрировалось возле возведенных в тот же период на волжском правобережье городов Чебоксары, Цивильск,; Козмодемьянск, Кокшайск, Санчурск, Лаишев, Тетюши, Алатырь, где русские земледельцы поселялись среди марийского (черемисского) и чувашского населения.

Миграция русского населения в Среднее Поволжье происходила преимущественно из верхневолжского района и "замосковных" уездов. В Среднем Поволжье русскому населению не угрожали такие опасности, какие представляли собой на "Диком поле" крымские татары. Однако московское правительство в конце XVI -первой половине XVII в. также начало возводить там засечные линии, а после создания Белгородской черты продолжило ее от Тамбова к Симбирску (Корсунско-Симбирская линия). В Заволжье несколько ниже Симбирска в 1652-1656 гг. была возведена Закамская линия для предотвращения набегов немирных ногайских и башкирских отрядов. Заселение Среднего Поволжья имело тот же характер, что и "Дикого поля". В XVI-XVII вв. оно заселялось преимущественно стихийно, гарнизоны составляли по преимуществу переведенные из других городов служилые люди по прибору. Однако в этом краю наряду со стихийным^потокм русских переселенцев с самого начала стали появляться и "переведенцы", т.е. представители зависимого крестьянства, владельцам которых — светским феодалам и монастырям - в Поволжье раздавалась земля. Кроме того, колонизация этого региона русским трудовым людом сопровождалась сложными перемещениями в XVI-XVIII вв. местного населения (марийцев, чувашей, мордвы, татар и т.п.).

Первоначально русские поселения возникли на волжском Правобережье вокруг Свияжска, а затем вплоть до середины XVII в. концентрировались в районе Тетю-шей и узкой полосой протягивались по берегу Волги. На остальной заселяемой территории русские селения размещались чересполосно с татарскими, чувашскими, марийскими и

мордовскими. С первых же лет русской колонизации Правобережья, еще не вполне завершенной к первой четверти XVIII в., возникло много смешанных по этническому составу селений, а в дальнейшем новые населенные пункты образовывались в результате внутренних миграций и естественного прироста населения.

Заселение русскими Заволжья, или Луговой Стороны, растянулось на более длительный срок и в массовом масштабе развернулось лишь с XVIII в. Там же появлялись также этнически смешанные селения. Закамские земли стали заселяться с середины XVII в. после возведения Закамской оборонительной линии (Общественный и семейный быт... Гл. 1). В Башкирии и вниз по Волге русские селения вплоть до XVIII в. появлялись лишь около городов Уфа, Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590). Для их защиты в 1718-1720 гг. в междуречье Дона и Волги была сооружена Царицынская оборонительная линия.

В результате миграций историко-этническая территория русского народа неизмеримо расширилась, причем в новых районах заселения русские переселенцы, как правило, становились численно преобладающей частью населения. При этом в среде переселенцев шли консолидационные процессы, так что в результате их приспособления к местным условиям существования вырабатывались региональные черты хозяйственной культуры и психического склада населения (уральцы, сибиряки, волжане и т.д.), а при дисперсном расселении в соседстве с другими народами - и физические особенности его облика. В дальнейшем эта историко-этническая территория как основа существования русского народа уплотнялась за счет естественного роста населения и его внутренних (областных) перемещений, способствовавших многообразному освоению земель.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ РУССКИХ В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (конец XVIII — начало XX века)

По разным подсчетам, в Российском государстве проживало в середине XVI в. - от 6,5 до 14,5 млн, в конце XVI в. - от 7 до 15 млн., а в XVII в. - до 10,5—12 млн человек (Копанев, 1959. С. 233-235, 254; Водарский, 1973. С. 27). Впрочем, подсчеты Я.Е. Водарского, а им аргументированы и подсчитаны нижние из указанных показателей, представляются более обоснованными. Более определенно о демографическом состоянии Российского государства и русского народа свидетельствуют материалы подушных переписей ХУШ в. (табл. 1).

В приведенной таблице не учтено русское население, проживавшее в Прибалтике, белорусских и украинских губерниях, в областях казачьих войск (Донского и Уральского). Однако в Прибалтике и Правобережной Украине в XVIII в. русских было очень мало, а численность населения в казачьих областях не могла существенно изменить результаты общих подсчетов. В Левобережной Украине и в Ново-россии же к концу ХУШ в. русские составляли значительную часть населения, особенно в связи со строительством черноморских портов - Одессы, Херсона, Николаева.

Таблица отражает не только результаты народных миграций предшествующих веков, но и новые явления в демографических процессах. Данные за 1719 г. четко определяют ареал сложившейся историко-этнической территории русского народа, на которой он численно доминировал. Лишь в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье его процент был еще незначителен. Казалось бы, тяготы от длительных и тяжелых многочисленных войн, которые вело Российское государство, прежде всего с Турцией и Швецией, на протяжении всего ХУШ в. за выход к Балтийскому и Черному морям и с Персией за обеспечение своих позиций на Кавказе, а также апогей крепостничества должны были побуждать к продолжению миграций на окраины. Однако прямой связи между тяготами народной жизни и демографической ситуацией не улавливается. Миграции в Восточное Поморье -

Приуралье затухали, в Сибирь сильно ослабли. Население Центра, Северного региона и Сибири росло преимущественно за счет интенсивного внутреннего прироста (Кабузан, 1971. С. 205-208). Исключение составляли лишь Нижнее Поволжье, Южный Урал и с 1780-х годов - Северный Кавказ, куда в ХУШ в. из Центрально-земледельческого и Средневожского регионов направлялся поток русских переселенцев; их численность возрастала в десятки раз, а территория заселения смыкалась с основной историко-этнической территорией русского народа, расселявшегося среди местных народов в зависимости от естественных условий на пустующих землях либо чересполосно.

Определенный отток населения наблюдался из Центрально-промышленного региона, но он приобрел иные формы. Если в XVII в. государственная власть была бессильна установить контроль над переселенческим потоком (или его активно регулировать) и попытки установить заставы не приводили к каким-либо существенным результатам, то в ХУШ в. самодержавная власть силами реформированного местного управления и регулярной армии была в состоянии контролировать переселенческую ситуацию. Более того, сама центральная власть и высший слой российского дворянства, получавшего в ХУШ в. земли на бывшем "Диком поле" и в Среднем Поволжье, по своей инициативе стали предпринимать в широких масштабах переселения своих крестьян (дворцовых и помещичьих) на более плодородные земли. Так, феодальное землевладение "доставало" ушедших ранее беглецов-переселенцев и одновременно снижало хозяйственно-социальную напряженность в центральных губерниях. Тем же путем обеспечивалось рабочими руками

Таблица 1

Численность и расселение русского народа в XVIII в. (в тыс. человек муж. и жен. пола)*

Основные регионы заселения	Всего населения		В том числе русского			
	1719 г.	1795 г.	1719 г.		1795 г.	
			число	%	число	%
Центрально-промышленный ¹	4625	6349	4520	98	6106	96
Центрально-земледельческий ²	3097	5998	2805	91	5241	87
Северный (Поморье) ³	560	809	515	92	739	91
Северо-Западный (Озерный) ⁴	1175	2081	1051	89	1916	92
Западный ⁵	-	960	-	-	493	47
Среднее Поволжье ⁶	1577	2415	988	63	1537	64
Нижнее Поволжье ⁷	230	988	29	13	699	71
Северный Кавказ ⁸	-	210	-	-	111	53
Северное Приуралье, Урал ⁹	618	1936	561	91	1626	84
Южное Приуралье ¹⁰	241	809	37	15	330	41
Сибирь ¹¹	483	1182	323	69	819	69
Всего в России	15738	41175	11128	71	19619	49
В указанных регионах	12606	23737	10829	97	19617	99,9

1 В границах губерний конца XVIII в. - Московская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская.

2. Воронежская, Рязанская, Тамбовская. Орловская, Курская, Тульская губернии.

3. Архангельская, Вологодская губернии.

4. Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая губернии.
5. Смоленская губерния.
6. Казанская, Пензенская, Симбирская губернии.
7. Саратовская, Астраханская губернии.
8. Кавказская губерния.
9. Вятская, Пермская губернии.
10. Оренбургская губерния.
11. Тобольская, Енисейская, Томская, Иркутская губернии, Якутская область, Камчатское управление.

* Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. С. 84-86, 225-230.

промышленное (горнорудное) государственное и частное предпринимательство на Северном Урале, куда переселения крестьян начались с времен Петра I.

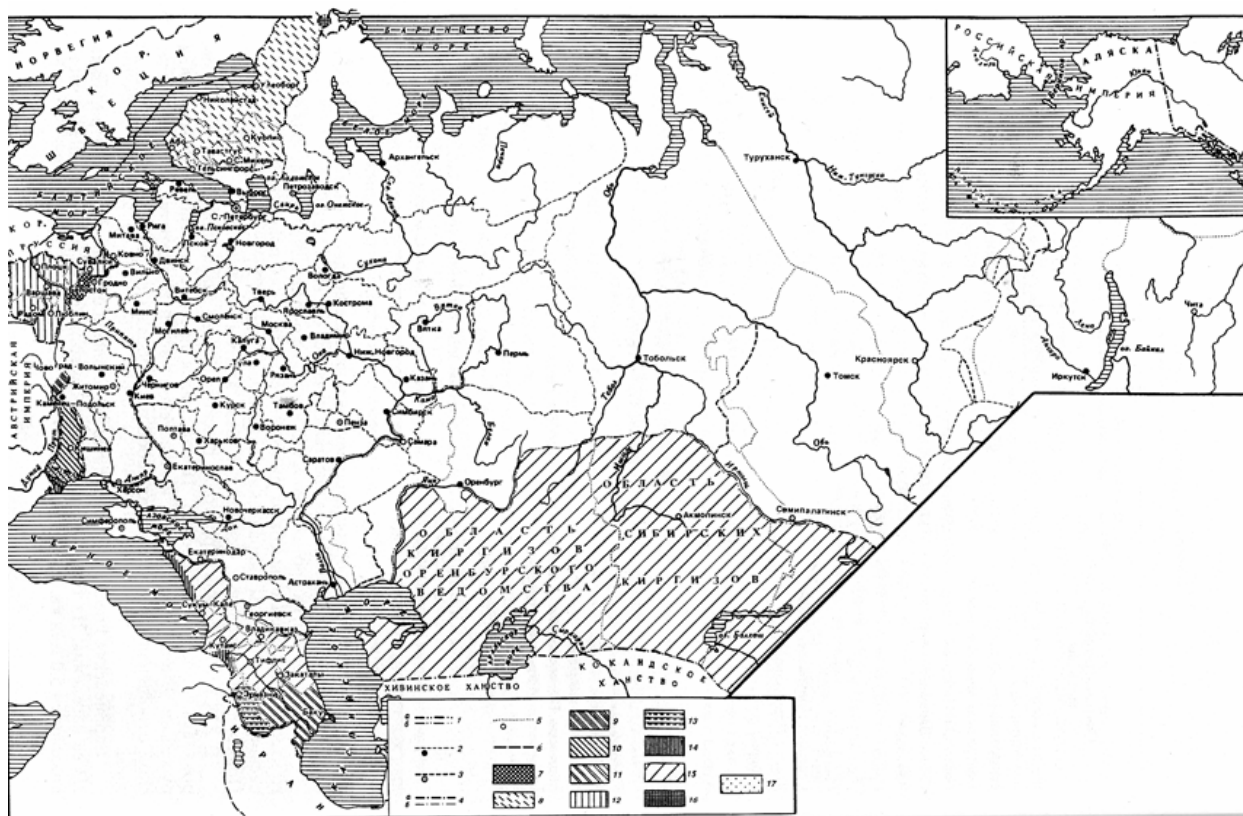
Таким образом, на протяжении XVIII в. историко-этническая территория русского народа при довольно высоком уровне его естественного прироста уплотнялась и расширялась в южном направлении, охватывая Южный Урал, Нижнее Поволжье, Приазовье, Ставрополье, Северный Кавказ, а затем и Кубань.

В XIX в. этническая территория русского народа в основной ее части сформировалась вполне определенно. Продолжался процесс интенсивного освоения русскими земель Европейской и Азиатской частей государства, в географическом отношении представлявших собой разнообразные природно-климатические зоны.

Европейская Россия занимала лишь 1/4 площади страны, но концентрировала 2/3 ее населения. Из 19,6 млн кв. км площади всей России на Европейскую часть приходится 5,0 млн кв. км (Водарский, 1973. С. 53; Дулов. С. 12).

Азиатская часть России, как и Европейская, отличается разнообразием природно-климатических условий. Территория Сибири и Дальнего Востока равняется 12,0 млн кв. км (тундра, тайга, степь и лесостепь). Средняя Азия и Казахстан представляют собой сочетание полупустынных мест с оазисами в долинах рек и предгорий - очагами земледельческой культуры. Русские там в XIX в. находились в основном в северных степных районах Казахстана, занимавшего 1,8 млн кв. км площади страны (Водарский, 1972. С. 53).

Русские в XIX в., проживавшие на давно освоенных землях, продолжали заселять новые территории. Районами их заселения с XVIII в. по 80-е годы XIX в. стали европейские степи (Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье), частично до начала XX в. таежные места Северного Приуралья, некоторые районы Северного Кавказа; продолжали осваиваться азиатские степи (в Сибири), со второй половины XIX в. - Средняя Азия и Дальний Восток.

Российская империя в первой половине XIX в.

границы: / - государственные Российской империи на 1801 г.; *a* - твердые, *b* - не установленные окончательно. 2 - границы и центры губерний на 1801 г., 3 - границы и центры губерний и областей по штатам 1803-1807 гг., 4 - государственные Российской империи на 1860 г.: *a* - твердые, *b* - не установленные окончательно, 5 - границы и центры губерний и областей к 1860 г., 6 - государственные зарубежных государств;

территории, присоединенные к Российской империи: 7 - по Тильзитскому договору 1807 г. между Францией и Россией, 8 - по Фридрихсгамскому договору 1809 г. между Швецией и Россией, 9 - по Шенбрунскому договору 1809 г. между Францией и Россией, 10 - по Бухарестскому договору 1812 г. между Османской и Российской империями, 11 - по Гюльштадтскому договору 1813 г. между Ираном и Россией, 12 - по заключительному акту Венского конгресса, подтвержденному Парижским договором 1815 г., 13 - по Туркманчайскому договору 1828 г. между Ираном и Россией, 14 - по Адрианопольскому договору 1829 г. между Османской и Российской империями, 15 - земли горских народов Кавказа, Западной и Восточной Грузии, часть Дагестана, младший, средний и часть старшего киргизских жузов; территории, отошедшие от Российской империи: 16 - Лапландские погосты - по соглашению Швеции и России в 1826 г., 17 - Южная Бессарабия - по Парижскому договору 1856 г.

Часть русских в конце XVIII - первой половине XIX в. находилась на западе, где территория Российского государства расширилась от южной Прибалтики до границ с Восточной Пруссией, западнее - до Немана, Западного Буга, Днестра, южнее - до Крымского полуострова. С конца XVIII и в первой половине XIX в. в Россию вошли Финляндия, часть Польши, Бессарабия, некоторые районы Дунайского устья, где среди различных народов расселялись и русские. Такое расширение территории было связано с внешней политикой России того периода: войны с Турцией (1787-1791 гг.), со Швецией (1788-1790 гг.), война 1812 г. и военные действия в последующее время.

На всем пространстве своего проживания русские были размещены неравномерно. Около половины их обитало в местах, обжитых еще с XIV-XVI до начала XX в. В ряде районов их "вторичного" заселения до сих пор наблюдается менее компактное их размещение, нежели на территории сплошного заселения. Особенно сложно их расселение на этнически смешанных территориях и в местах позднего освоения на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане, где возникли "русские очаги" среди земледельческих или кочевых народов, или "русское обтекание" территорий местных жителей. Их расселение на всем пространстве России выглядит в виде "клина", самая плотная область которого находится в средней полосе Европейской части, к востоку от нее идет сужение "клина", а основание его находится на западном рубеже от северо-западных границ страны до Молдавии. В Сибири этот "клин" сужается еще более по линии от среднего Урала до Томска-Новосибирска-Кузнецка-Красноярска-Иркутска-Хабаровска к Тихому океану (Этнография восточных славян. С. 12).

К концу XIX - началу XX в. основную территорию русского населения в Европейской части России составили Центрально-промышленный, Центрально-земледельческий районы и Европейский Север, где проживало 90% всего народа. В течение XIX в. историко-этническая территория русских уплотнилась как за счет естественного прироста населения, так и за счет внутренних перемещений при освоении новых пространств. В отдельных регионах Европейской России численность русских составляла: в Приуралье - до 70% всего населения, в Поволжье - 63, на Северном Кавказе - более 40%. В Сибири к этому времени русские составили уже три четверти населения (77,6%). Только на Дальнем Востоке и в Казахстане численность русских не превышала численности других народов, и из пришлых народов они уступали украинцам,

В результате такого размещения к началу XX в. чуть более 50% численности русского этноса сохранялось в районах старого обитания. В Сибири, Средней Азии, Казахстане, Поволжье, на Кавказе и Урале проживало 44,6% русских, остальные - за пределами России (Этнография восточных славян. С. 12,56-57).

Размещение всего населения России, в том числе и русского, его рост на протяжении XIX в. имели свои особенности. Повсеместно в Европейской России, кроме южных окраин, основной причиной увеличения населения был естественный прирост. Только в Сибири и на юге Европейской России его численность в это время росла в большей степени за счет миграционного притока.

Увеличение численности русского населения особенно медленно происходило в Центрально-промышленном районе. При всей его заселенности за 138 лет (с 1719 по 1857 г.) среднегодовой его прирост здесь равнялся 0,38%. Этот район был основным районом крепостничества с наибольшим числом помещичьих крестьян (в 1817 г. - 63,73%, в 1857 г. - 56,51%) (Кабузан, 1971. С. 16; Кабузан, Троицкий, С. 162). Уровень естественного прироста у крепостных крестьян был значительно ниже, чем у других категорий населения.

Численность населения всего Центрально-промышленного района в границах семи губерний (Московской, Владимирской, Калужской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской) в первой половине XIX в., в этническом отношении в основном русского, равнялась 3 836 960 душ м.п. (из других народов сколько-нибудь заметное число составляли лишь карелы в Тверской губернии); 88,01% всего населения составляли

крестьяне. На долю городских сословий приходилось 6,4% населения {Кабузан, 1971. С. 167-169}. Особенностью этого района было развитие промышленности, в которую привлекалось земледельческое население и которой способствовали плотность населения (20,4 человека на 1 кв.км) (Энциклопедический словарь. Т. 54. С. 106) и сравнительно удобные пути сообщения. Но даже приток рабочей силы только в промышленность не покрывал его общего оттока.

Несколько более, чем в Центрально-промышленном районе, росла численность населения на севере Европейской части России. В XVIII - первой половине XIX в. среднегодовой прирост здесь равнялся 0,50%. Не знавшее крепостничества население этого края уходило со своих малопродуктивных земель на осваивавшиеся южные просторы, в Сибирь и на Урал. Все население Севера (в подавляющей массе русское) в 1857 г. в границах двух губерний (Архангельской и Вологодской) насчитывало 556 992 души м.п. Из других народов здесь проживали коми, карелы, финны, лопари, ненцы, вепсы и другие малочисленные народы. Крестьянство составляло 91,22% населения. Территория региона - 1290 тыс. кв. км - была заселена неплотно: на 1 кв. км приходилось в среднем 1,1 человека. Отход населения превышал приход (в 1826-1842 гг. их баланс равнялся минус 0,35) (Кабузан, 1971. С. 18,43, 167-169; Энциклопедический словарь. Т. 54. С. 106-115).

В северо-западных губерниях (Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая) в первой половине XIX в. численность населения увеличивалась в основном за счет незначительного естественного годового прироста (0,58%). Крепостные составляли около половины населения. Большой приток людей в Петербург к этому времени уже закончился, но за счет увеличения численности петербуржцев в крае наблюдался более высокий среднегодовой показатель прироста населения по сравнению с показателями по Центрально-промышленному району.

К 1857 г. в регионе проживали 1 238 026 душ м.п., из них 81,21%-крестьяне. Городские сословия составляли 6,74% населения, несмотря на развитие промышленности и рост числа рабочих (48% всех рабочих Европейской России). Кроме русских, здесь жили финские народы — карелы, ижора, воль и др. и некоторое число иностранцев (Кабузан, 1971. С. 18, 43, 1647-169; Водарский, 1973. С. 90).

В западных русских губерниях численность населения росла несколько быстрее, чем в указанных регионах. Так, в Смоленской губернии среднегодовой прирост в первой половине XIX в. равнялся 0,61%. Во всем крае крестьяне составляли 90,18% населения, 3/4 их - крестьяне помещиков. В городах проживало 4,7% населения (Кабузан, 1971. С. 21,44, 171-174; Кабузан, Троицкий. С. 162).

В других регионах Европейской России в первой половине XIX в. наблюдался более высокий естественный прирост населения, что было связано с направлявшейся туда миграцией. Довольно своеобразным из них был Центрально-земледельческий район (Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Тульская, Пензенская губернии), где особенно интенсивно осваивались в то время его южные уезды. Здесь наблюдалась самая высокая плотность населения из всех европейских губерний-29,1 человека на 1 кв. км. Крепостное население составляло значительное число только в северных уездах (его уход из которых превышал приход на 1,54-3,02%). К 1857 г. крестьян во всем крае насчитывалось 90,42%, городских жителей - 4,79% (Кабузан, 1971. С. 23-28,44-46; Водарский, 1973. С. 152).

Самый значительный прирост населения из европейских губерний был в Ново-россии (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии, Области Войска Донского и Войска Черноморского). По темпам прироста населения Новороссия уступала лишь юго-восточным и сибирским губерниям. В первой половине XIX в. в регионе проживали 1 769 044 души м.п., 68, 99% из них являлись крестьянами. Население городов составляло 8,44% (Кабузан, 1971. С. 28-30,43-46, 175; Кабузан, Троицкий. С. 162). В этот период росли приморские города-Одесса, Херсон, Николаев, Ростов, ставшие крупными торговыми

центрами. Кроме русских в крае жили украинцы, а в Крыму - татары, армяне, греки и др.

Несколько ниже, чем в Новороссии, был прирост населения в Нижнем Поволжье и в Предкавказье (Саратовская, Астраханская губернии. Кавказская (Ставропольская) область), также интенсивно заселявшихся в первой половине XIX в., 72,41% населения приходилось на крестьян, 6,08% - на городские сословия. Кроме русских, в Ставрополье жили украинцы, в Астраханской губернии - персы, в Астраханской и в районе Таганрога - армяне (Кабузан, 1971. С. 31, 43, 167-170; Водарский, 1973. С. 152; Кабузан, Троицкий. С. 162). Самый высокий процент переселенцев в это время наблюдался в Кавказской (Ставропольской) области, где имелись большие земельные резервы, освоение которых еще только начиналось. Эти земледельческие окраины юга России (Новороссия, Нижнее Поволжье, Предкавказье) имели невысокую плотность населения - по 7,0 человек на 1 кв. км.

Довольно стабильные темпы роста численности населения отмечались в тот период в Среднем Поволжье, в состав которого входили Казанская и Симбирская губернии. Его интенсивное заселение пришлось на XVIII в. Условия для земледелия здесь были более благоприятны, чем в центре России. Близость неосвоенных земель на юге Поволжья приводила к оттоку оттуда крестьян. К 1857 г. 90,68% жителей составляли крестьяне, городские сословия - 3,52% жителей (Кабузан, 1971. С. 36, 43, 167-169; Кабузан, Троицкий. С. 162; Зябловский. С. 92-140). Наряду с Черноземным центром регион являлся основным поставщиком товарного хлеба. Вместе с русскими в крае проживали финно-угорские и тюркские народы (татары, удмурты, башкиры, чуваша, мордва, марийцы), немцы (в Саратовской губернии) и потомки "приписных служилых иноземцев" - рейтаров XVII в. - поляки, литовцы, немцы, украинцы ("черкасы").

В первой половине XIX в. заселялось и Южное Приуралье (Оренбургская и Уфимская губернии). Переселения сюда имели решающее значение в XVIII в., хотя они оставались довольно масштабными и в XIX в. Здесь имелись излишки плодородных земель, населенных сравнительно малочисленными местными народами - башкирами, татарами и др. (плотность - 7,0 человек на 1 кв. км). Увеличение численности населения происходило как за счет высокого естественного прироста, так и за счет переселенцев. В крае имелось незначительное крепостное население (в 1817 г. - 13,47%, в 1850 г. - 10,92%). Благоприятные климатические условия и большие размеры наделов (более 5 десятин пашни) способствовали развитию земледелия. В первой половине XIX в. крестьяне составляли 51,33% населения, городские жители - 2,04% (Кабузан, 1971. С. 36, 43, 167-169; Кабузан, Троицкий. С. 162; Зябловский. С. 92-140). Подавляющее большинство жителей составляли русские, в Оренбургской губернии встречались тептэри, хивинцы, в Уфимской - бухарцы, телеуты, киргизы.

Шел процесс заселения и в Северном Приуралье (Вятская, Пермская губернии), но число жителей там увеличивалось прежде всего за счет естественного прироста. Плотность населения достигала только 8,6 человек на 1 кв. км, оставались значительные незаселенные пространства, что способствовало сокращению ухода людей в другие регионы, в том числе в Сибирь. В некоторых уездах почвы были плодородные (Вятская губерния). Крестьяне в крае составляли 89,33%; городские жители - 1,79% (Кабузан, 1971. С. 43, 166-168; Водарский, 1973. С. 152; Зябловский. С. 92-140). Северное Приуралье стало горнозаводским районом; в рудниках и на заводах работали помещичьи и приписные крестьяне, относящиеся к разряду государственных. Города росли медленно, но вблизи заводов возникали рабочие поселки, впоследствии ставшие городами (Екатеринбург, Чусовой, Пермь и др.). Русские жили по соседству с удмуртами, коми-пермяками, частично с манси.

Повышенными темпами прироста населения в первой половине XIX в. отличалась Сибирь. В конце XVIII - начале XIX в. сплошное русское расселение наблюдалось в ее западных районах с центрами в Верхотурье, Тюмени, Тобольске и в Иркутской губернии. На севере Западной и в Восточной Сибири сложились лишь отдельные очаги русского

заселения.

В начале XIX в. (1811 г.) население Сибири (Тобольская, Томская, Иркутская губернии) насчитывало 682 597 душ м.п., крестьяне составляли 87,95%; городские жители - 4,57%, среди них; русские - 68,93%, остальные - украинцы, белорусы, немцы, татары, чувашаи, мордва и коренные народы. К середине XIX в. русские по-прежнему преобладали по численности над остальным населением Западной Сибири (74,40%) (Кабузан, 1971, С. 99-102, 111-114, 123-126; Кабузан, 1979. С. 38). В районах Восточной Сибири русские в начале XIX в. составляли меньшую долю, особенно на северо-востоке: в Якутии это была лишь пятая часть населения {Александров В.А., 1973. С. 55; Гурвич. С. 192}.

С начала XVIII и до середины XIX в. население Сибири увеличилось с 241 тыс. до 1356 тыс. душ (муж. пола), а среднегодовой прирост равнялся 1,25%. В 1811-1815 гг. Сибирь по темпам прироста населения вышла на первое место в государстве (6,26% в год, а по России в целом-0,79%). С начала XIX в. было предпринято государственное регулирование миграций в Сибирь, Из правительственных переселений с конца XVIII по первую треть XIX в. большую долю составила ссылка, за 1816-1834 гг. сюда прибыло 120 тыс. ссыльных, размещенных на юге Томской, Енисейской, Тобольской, Иркутской губерний и в Верхне-Удинском уезде. Среди них было мало женщин, что снижало естественный прирост населения, но в целом он давал 3/4 общего прироста (Кабузан, 1971. С. 33-34,43-48, 52-55).

В результате освоения южных районов Сибири к началу XIX в. сформировалась новая административная единица - Степной край с центром в Омске. По его территории проходили укрепленные военные линии с форпостами, соединенные трактами.

К середине XIX в. земледельческое население в Западной Сибири увеличилось на 71%, городское-на 45%, доля крестьянства (государственного) равнялась 82,19%.

Количественное соотношение населения в разных регионах Сибири к 1851 г. было следующим: на севере Западной Сибири- 1,6% населения, в западных округах раннего заселения — 22,4%, в юго-западных округах позднего заселения - 40,0%, в восточных и юго-восточных округах - 36,0% (Покшшиевский. С, 102-104).

С начала XIX в. начали заселяться степи Северного Казахстана. В 1858 г. туда пришло 217 тыс. переселенцев. Население сибирских и казахстанских степей к тому времени насчитывало 3 млн человек, в 1867 г.-6 млн, нерусское население Сибири-685 тыс. человек, в Казахстане- 1582 тыс. Государственные крестьяне составляли 87% населения, городские жители - 3%. Несмотря на офомный приток переселенцев, плотность населения была невелика - 0,22 человека на 1 кв. км (Водарский, 1973. С. 100-101, 152).

Таким образом, в первой половине XIX в. русскими были освоены значительные пространства в Европейской и Азиатской частях России, что расширяло их этническую территорию. Численность народа росла как в старозаселенных районах, так и на новых землях, где этому процессу способствовал усиленный приток русских переселенцев из основных районов его размещения.

Во второй половине XIX в. продолжалось освоение новых территорий на юге Европейской части, в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. К концу XIX в. по сравнению с 1858 г. численность всего населения России увеличилась с 67,8 млн до 116 млн человек, а к 1914 г.-до 163 млн. Русские, по данным переписи 1897 г., составляли 55 400 309 человек, или 47,66% всего населения государства. Основная их масса находилась в Европейской России - 48 063 116 человек. Вместе с украинцами и белорусами они составили 71% населения (ААН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 390. Л. 1), причем в их число вошли не только русские по происхождению, но и те, кто считал русский язык своим родным. Перепись 1897 г. подразделяла население не по этнической принадлежности, а по родному языку. Признание родным русского языка другими народами было следствием развития определенных этнических процессов, происходивших при расселении русского и других народов на различных территориях.

Этнические процессы во второй половине XIX в. отличались особой активностью и

своеобразием. Результатом их было размывание локальных групп народа в центре расселения и формирование их на окраинах.

Общим для всех русских регионов после отмены крепостного права и вступления России на капиталистический путь развития стало изменение социальной структуры населения. Происходил не только рост его численности, но и увеличение доли городского населения, особенно занятого в промышленности, и уменьшение доли сельского населения. В 60-90-е годы XIX в. эти явления еще только намечались.

Часть крестьян, составлявших по-прежнему большинство населения, вошла в состав рабочих. В среду городских податных сословий и государственных крестьян влились мелкая шляхта, лишенная дворянских прав, а также бывшие помещицы крестьяне, которые освободились из-под власти своих господ. Заметно росла численность крестьян в городах.

С конца XVIII в. изменения наблюдались и в сословии дворянства. Расширение территории империи сопровождалось постепенным включением местных феодалов в состав российского дворянства (украинская старшина, татарские мурзы, верхушка Донского казачьего войска (1775 г.), Уральского (1799 г.), Черноморского (1802 г.), Астраханского (1817 г.), Оренбургского (1840 г.) и Кавказского линейного (1845 г.) войск). Потомственное дворянство преобладало в Центрально-земледельческом районе, Среднем Поволжье, Южном Приуралье, в Прибалтике (остзейское дворянство). Личных дворян было больше всего в Центрально-промышленном, Северо-Западном и Северном районах; они состояли в основном из выслужившегося чиновничества и армейского офицерства. В 1820-1850-е годы увеличилась доля личных дворян на окраинах государства - в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в Новороссии, где происходило "одворянивание" бюрократии (Кабузан, 1971. С. 159-160).

В целом за период с 1863 по 1914 г. все население России увеличилось на 260%, а городское - на 350% (Кабузан, Троицкий. С. 159-168; Общий свод... С. 4-86). Соотношение его сословных категорий имело существенные отличия по регионам и было связано с экономическими, демографическими и миграционными процессами в каждом из них.

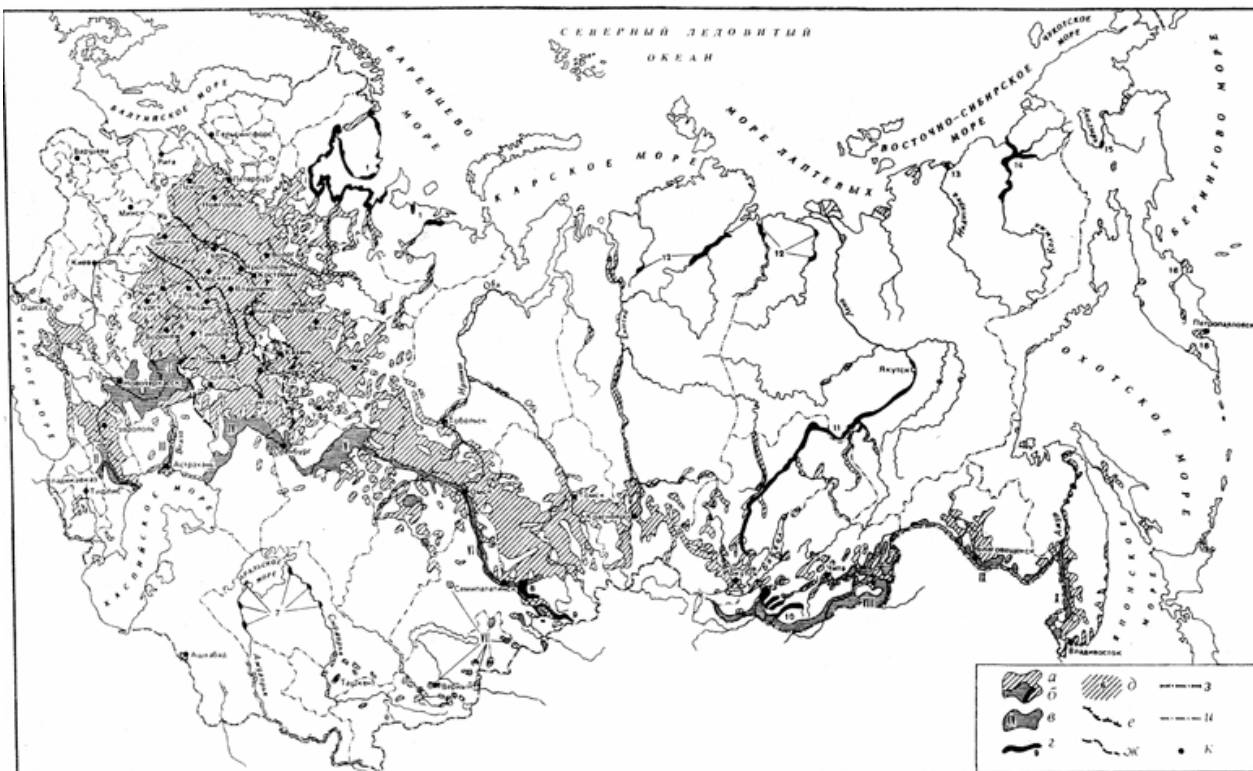
В Центрально-промышленном районе (Московская, Тверская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Нижегородская, Владимирская, Тульская, Костромская, Ярославская губернии) на долю крестьянского землевладения приходилось 46%, личных собственников - 38, казны - 10, удела, городов, церквей - 6%. Здесь была главная зона обрабатывающей промышленности России. Все население насчитывало 28 680 016 человек, плотность его к 1897 г. равнялась 28,3 человека на 1 кв. км, а в 1914 г. - уже 38,3 человека. Русские составляли более 94% населения (Россия в конце XIX в. С. 36, 64; Общий свод... С. 4-86; Водарский, 1973. С. 152). В целом по региону наблюдался отлив населения. К началу XX в. отсюда выселилось, главным образом в Сибирь, 53 тыс. человек, поэтому население региона за 1897-1916 гг. увеличилось лишь на 31,6%.

На старозаселенной территории Европейского Севера (Вологодская и Архангельская губернии) русские к началу XX в. составляли 89% населения, остальные - коми, карелы, вепсы, лопари, ненцы - лишь 11%; 93% площадей региона принадлежало государству, под крестьянскими пашнями находился всего 1% земли. Плотность населения в крае в 1897 г. равнялась 1,6 человека на 1 кв. км, в 1914 г. - 2,0 человека. Его численность в 1897 г. равнялась 2052 тыс. человек, в 1914 г. - 2701 тыс. Миграции населения в другие регионы "затухали". Крестьянство оставалось по-прежнему основной категорией населения (2513 тыс. в 1914 г.), городские сословия насчитывали 188 тыс. человек (Яцунский. Роль различий... С. 47-50, 54).

Северо-западные губернии России (С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая) относились также к старозаселенным русским губерниям. Русские там в конце XIX в. составляли 94% населения; 6% приходилось на финские народы (карелы, финны, лопари, вепсы, ижора, водь), на немцев и других иностранцев. Губернии были населены неплотно; по 14 жителей на 1 кв. км; крестьянские пашни занимали 10% площадей. Все

население в 1897 г. насчитывало 4 965 529 человек, увеличившись за 1867-1897 гг. на 58,9%. Сильный приток населения был в столицу, население которой в начале XX в. насчитывало 2,3 млн человек (Яцунский. Роль различий... С. 47-50; Водарский, 1973. С. 138,145; Россия в конце XIX в. С. 40).

Русская Центрально-земледельческая зона (от Тульской до Воронежской и Пензенской губерний), расположенная в бассейнах Оки и Дона, имела огромные

Размещение русских (конец XIX в.)- Карта составлена Г.Н. Озеровой, Т.М. Петровой, 1979 г.

территории: а, б-русская этническая, в том числе: в —казацких войск, г, д - групп с особыми названиями и самоназваниями; границы: ж-между севернорусской и среднерусской группами, з-между среднерусской к южнорусской группами, и - государственных на конец XIX в., к - губерний, округов и краев, л - административные центры; основные группы русского народа (конец XIX в.): историко- этнографические группы в Европейской части России: у севернорусских: / - поморы, у южнорусских: 2 - полехи, 3 - горюны, 4 - саяны, 5 - пещера. 6 - однодворцы, в Азиатской части России: 7-уральцы, 8-поляки, 9-каменщики, 10-семеёше, 11-якутяне, 12 -эатундренскис крестьяне, 13 - русскоугинцы, 14 - колымчане, 15-марковцы, 16 - камчадалы; этносоциальные группы в Европейской части России (казаки): I-донские, II- терские, III-астраханские; и Азиатской части России: IV - уральские, V -оренбургские, VI - сибирские, VII - семирченские, VIII - забайкальские, IX - амурские, X - уссурийские

лесостепные пространства, 57% которых в конце XIX в. находилось в крестьянском пользовании. Освоенность района в конце XIX в. являлась значительной, заселенность края была также высокой: 40,8 человека на 1 кв. км в 1897 г., 55,3-в 1914 г. Население Черноземного центра насчитывало 12 842 тыс. человек в 1897 г., 17 839 тыс. - в 1914 г., увеличившись за вторую половину XIX в. на 26,4% (при его приросте 1,31% в год). За 1897-1916 гг. из-за малоземелья отсюда переселилось преимущественно за Урал 849,1 тыс. человек. Район стал также поставщиком земледельческих рабочих, уходивших на временные заработки и переселявшихся на постоянное жительство в другие регионы.

На юге и юго-западе этого края в пограничной полосе русско-украинского расселения - продолжались сложные этнические процессы, связанные с характером размещения народов (компактным, дисперсным). Здесь еще шли процессы ассимиляции одного народа другим (русским - в местах с подавляющим их составом, украинским - при его численном превосходстве), а в этноконтактных зонах - этно-смещения (Яцунский. Роль различий... С. 47-50; Россия в конце XIX в, С. 38-39; Чижикова, 1988. С. 47-62).

Такие же этнопроцессы были характерны и для других регионов со смешанным расселением народов.

В Приволжском районе, часть которого по Средней Волге была заселена ранее, а освоение Нижнего Поволжья еще продолжалось, к концу XIX в. насчитывалось уже 75% русского населения (остальные - татары, чуваша, марийцы, мордва, немцы, киргизы, башкиры, калмыки); 51% приволжских земель находился в пользовании крестьян. Свидетельством продолжавшегося освоения земель на юге региона является то, что пашня здесь занимала 40% земель и много плодородных пространств в степях освоено не было. Заселенность территории была различной.

В ранее заселенных губерниях Среднего Поволжья население росло за счет естественного прироста и увеличилось за вторую половину XIX в. на 30,9%, а в Нижнем Поволжье за счет миграций - на 69,5%. В начале XX в. население стало мигрировать в общем потоке из Нижнего Поволжья в Сибирь и на Дальний Восток; с 1897 по 1916 г. туда переселилось 58,0 тыс. человек, в основном малоземельных крестьян. Естественный же прирост в Нижнем Поволжье оставался высоким, как и в других южных губерниях (1,89-2,12% в год), благодаря чему не снижалась численность населения в крае (Россия в конце XIX в. С. 38-39; Водарский, 1973. С. 139-140, 152; Яцунский. Роль различий... С. 47-50, 54).

В Приуралье (Вятская и Пермская губернии), на Среднем и Южном Урале (Екатеринбургская, Оренбургская, Уфимская губернии) к концу XIX в. русские составили 80% населения (20% - башкиры, тептяри, мещера, удмурты, татары, марийцы, чуваша, коми-пермяки и манси). Более плотно русские заселяли южные уральские земли. В Северном Приуралье плотность населения в 1897 г. равнялась 12,5 человек на 1 кв. км, в 1914 г. - 16,5; в Южном Приуралье в 1897 г. - 13,7, в 1914 г. - 23,8. Крестьянские земли в уральских губерниях занимали 42% площадей (под пашнями 22%).

В южных пределах Европейской России наблюдалась другая демографическая ситуация. Новороссия (Екатеринославская, Таврическая), Ставропольская губерния и Область Войска Донского, как и другие южные регионы, в этот период продолжали заселяться, и здесь наблюдался повышенный естественный прирост населения, а продолжающаяся сильная миграция по сравнению с ним имела второстепенное значение. В начале XX в. приток населения несколько сократился. Сюда прибывали в основном переселенцы из Левобережной Украины, поэтому русские вместе с украинцами составили к концу XIX в. 87% населения (остальные - румыны, евреи, татары, немцы, болгары и др.). Заселенность новороссийских земель в 1897 г. равнялась 13,7 человека на 1 кв. км, в 1914 г. - 23,8 человека. Освоению степей Новороссии крестьянами способствовало освобождение их от крепостных пут после реформы 1861 г. (Россия в конце XIX в. С. 55-56; Водарский, 1973. С. 145, 152; Яцунский. Роль различий... С. 47-50, 54).

Таблица 2 Соотношение численности выходцев из европейских губерний в Сибири*

Район выхода	% выходцев	Район выхода	% выходцев
Черноземный центр	24	Центральная Россия	1,8
Малороссия	24,2	Европейский Север	0,5
Новороссия	17,4	Прибалтика	0,7
Западные губернии	15,8	Кавказ и Нижняя Волга	1,3
Поволжье	8,7	Приуралье	5,6

*Скляров Л.Ф- Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С 152.

Во второй половине XIX в. переселенцами из России и Левобережной Украины продолжалось освоение Предкавказья. Численность населения здесь увеличивалась как за счет высокого естественного прироста, так и за счет миграционного притока, несколько уменьшившегося только в начале XX в. при отливе населения в Сибирь (53,5 тыс. человек). В 1897 г. все население Предкавказья насчитывало 3784 тыс. человек (3340 тыс. — сельское, 444 тыс. — городское), в 1914 г. — 5121 тыс. (5091 тыс. - сельское, 636 тыс. - городское).

Русские (вместе с украинцами и белорусами) в конце XIX в. составляли на всем Кавказе 33,96% населения, но в отдельных областях они насчитывали: в Кубанской- 90,6%, Ставропольской-92,0, в Терской-33,7%. К 1917 г. русские на Северном Кавказе составляли 46,9% населения (Россия в конце XIX в. С. 52; Водарский, 1973, С. 141, 152).

Азиатская часть России во второй половине XIX в. также продолжала осваиваться русскими переселенцами. Размещение и численность населения Сибири после 1861 г. были связаны с вновь возобладавшем стихийным перемещением. В 1870-е годы правительство было вынуждено ограничить поток вольных переселений, а в 1880-1890-е годы усилилась роль государственного регулирования переселенческого движения.

За 1860-1870-е годы в Сибирь переселилось 129 тыс. человек, составивших 41% всех мигрантов в России (в первой половине XIX в. -лишь 15%) {Водарский, 1973. С. 141-142, 152; Яцунский. Роль различий... С. 47-50; Общий свод... С. 4-86). Они были размещены в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, в Приморье и Амурской области.

В 1890-е годы началось заселение Уссурийского края: к 1898 г. туда перебрались 8400 человек в основном с Украины и южнорусских губерний. В это же время новоселы размещались в Амурской области: в 117 селениях и на 4 переселенческих участках поселились 9755 семей с Украины, из южнорусских, поволжских губерний (Астраханской, Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Донской области) и из Сибири (Енисейской и Томской губерний, из Забайкалья). Продолжали прибывать ссыльно-поселенцы в Забайкалье (7 млн человек). На о. Сахалин за 1899 г. прибыло 34 368 человек. В Западной Сибири в это время переселенцы оседали в основном на Алтае, в Томской губернии.

В целом к началу XX в. Сибирь стала основным колонизационным районом России (табл. 2).

Таким образом, к началу XX в. русские (частично украинцы) продолжали заселять сибирское пространство по течению всех крупных рек и их притоков - Оби, Енисея, Ангары, Лены, Амура, Колымы, Камчатки, Анадыря и др. Широкой полосой их

расселение охватило юг Сибири вдоль железной дороги, которая прошла южнее старого сибирского тракта, причем эта полоса сужалась с запада на восток, а ее "утолщения" приходились на Алтай и верховья Енисея (Минусинский край). Наименьшая заселенность наблюдалась в северных и северо-восточных районах Сибири (низовья Енисея и Лены, Чукотка, Камчатка, Якутия) и на Дальнем Востоке (Амурская область, Южно-Уссурийский край, Приморская область). Площадь всего осваиваемого русскими сибирского пространства к концу XIX в. равнялась 1,2 млн кв. км.

В начале XX в. численность русских вместе с украинцами и белорусами в Сибири равнялась 8,59 млн человек. Русские составили 77,56% всего населения Сибири, причем в Западной Сибири — 94% населения, в Енисейско-Ангарском крае -90%, в Амурско-Приморском - 75%, по Лене - 70%. Численное преобладание коренных народов отмечалось только на крайнем севере Восточной Сибири. Плотность населения в целом по Сибири оставалась низкой: в 1897 г. 0,5 человека на 1 кв. км, в 1914 г. - 0,8 человека (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 287. Л. 1-2; Кабузан, 1971. С. 33; Покшишевский. С. 171-173).

В Северном Казахстане русское население размещалось в Уральской, Акмолинской и Семипалатинской губерниях. Вместе с другими восточнославянскими народами к концу XIX в. оно составило 33,1% всего населения в Акмолинской губернии, 25,4%-в Уральской, 10,0%-в Семипалатинской (Русские старожилы Сибири. С. 178, 186; Кабузан, 1971. С. 38; Общий свод... С. 4-86)

Во второй половине XIX в. после присоединения к России Средней Азии (Туркестанский край) туда началась миграция русских переселенцев. Причины ее были те же, что и в другие заселяемые районы - аграрное перенаселение в старозаселенных земледельческих губерниях. Эти передвижения осуществлялись путем как самовольных приселений, так и правительственных поселений (закон 1881 г.) на свободных казенных землях. В 1889-1891 гг. 40,2% семей переселенцев были приселившимися самовольно. Средняя Азия стала в это время вторым колонизационным районом после Сибири. В начале XX в. сюда направилось 39,1% всех переселенцев России.

Заселение Туркестана русскими началось в 70-е годы XIX в. с Семиреченской области ("казачья" колонизация около форпостов и укреплений). В районе Каспия их поселения со временем стали рыбацкими поселками и вошли в состав Закаспийской области. Природно-климатические условия края благоприятствовали развитию сельского хозяйства, на орошаемых землях возникало земледелие и хлопководство. Поток мигрантов прибывал в основном из южнорусских губерний и с Украины (из Астраханской, Харьковской, Воронежской, Самарской, Оренбургской губерний). В конце XIX в. они оседали по большей части в Семиречье; Закаспий и Сырдарьинская область еще только осваивались; с 1890-х годов переселенцы начали попадать в Фергану и Самаркандскую область. К 1916 г. в Туркестане имелось уже 300 русских селений. В период Столыпинской реформы здесь возникли их хуторские и отрубные хозяйства. В целом в Туркестане восточнославянское население, в том числе и русское, составило в 1897 г. 5281 тыс. человек, в 1914 г. -7147 тыс. По областям оно распределялось следующим образом (табл. 3).

Плотность населения в среднеазиатских областях была невысокой: в 1897 г. -2,2 человека на 1 кв. км, в 1914 г. - 3,1 человека (Общий свод... С. 4-86).

На западных рубежах России (в Прибалтике, Литве, Белоруссии, Правобережной Украине, Финляндии и польских губерниях) к XX в. также имелось оседлое русское население.

В целом в России, по данным переписи 1897 г., русский язык назвали родным 47% ее жителей, украинский-19%, белорусский - 5%, остальные языки-менее 5%. Вместе с украинцами и белорусами русские составили 71% населения России. По своему сословному составу оно выглядело так: крестьяне всех разрядов (казаки в том числе)-80%, городские сословия- 10%, прочие-5%. За период с 1863 г. По

Таблица 3 Численность славянского населения в Туркестане в 1897 г. (в %)*

Области	Восточные славяне	В том числе		
		русские	украинцы	белорусы
Семиреченская	11,7	9,3	2,2	0,2
Сырдарьинская	12,9	8	4,7	0,2
Ферганская	5,3	3,2	2,1	0
Самаркандская	0,6	0,5	0,1	0

* Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905, Т. I.С. 4-86.

1914 г. городское население только Европейской России увеличилось с 6,1 млн человек до 18,6 млн; в 1913 г. доля городского населения равнялась 17%; 47% горожан составляли купцы, мещане, почетные граждане; 43% - крестьяне и "инородцы", 7% - дворяне и духовенство, 3% - военные, разночинцы и т.д. Со второй половины XIX в. в процессе капиталистического развития страны менялась ее классовая структура (Водарский, 1973. С. 149,152).

В конфессиональном отношении русское население страны имело мало различий, так как преимущественно было православным.

Подавляющее большинство православных было среди населения ряда русских губерний: в Вологодской-99,31%, Воронежской-99,11, Владимирской - 97,28, Курской - 98,73, Новгородской - 96,11, Олонецкой - 98,28, Орловской - 99,18, Рязанской - 98,54, Тамбовской-98,64, Тверской - 98,77, Ярославской-98,70%. На Кавказе православные составляли 49,48% населения: на Кубани-91,03%, в Ставрополье-91,27, в Терской области-39,55%; в Сибири (к концу XIX в.) - 86,99%, в Средней Азии - 8,36% (Распределение населения... С. 2-3).

Таким образом, естественное и механическое движение населения России в XIX - начале XX в. сводилось к следующему. Переселения россиян на новые территории, характерные для XIX-начала XX в., привели к отрицательному балансу для Европейской России и особенно в ее Центре. Основной приток переселенцев шел в Азиатскую Россию (в Сибирь, Среднюю Азию) и на Кавказ. Естественный прирост населения в Европейской России к началу XX в. хотя и был выше, чем в первой половине XIX в. (1,31% против 0,70%), но сильно различался по отдельным регионам. В осваивавшихся земледельческих окраинах, так же как и в Азиатской России, он был значительный, а самый низкий - в старозаселенных нечерноземных губерниях. Для крестьянства степень благосостояния определялась количеством и качеством земли, от чего зависела и рождаемость: в районах, где наблюдался отход населения на заработки, она снижалась, в промышленных районах из-за неблагоприятных условий жизни увеличивалась смертность. Во всех осваиваемых районах при большом притоке населения был высок естественный прирост, в результате чего за вторую половину XIX в. численность населения только юга Европейской России утроилась. Большую роль естественный прирост играл в Донской, Кубанской, Терской областях (Общий свод... С. XV; Распределение населения... С. 2-3).

Рассмотренные численность и размещение русского народа в Европейской и Азиатской России показывают, насколько расширилась его этническая территория за вторую половину XIX - начало XX в. В Центрально-промышленном, Центрально-земледельческом, Северном и Северо-Западном районах Европейской части страны русские составили 90% населения, в Сибири-75% (77,6%-в 1917 г.), в Приуралье - около 70%, на Северном Кавказе - более 40%.

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МИГРАЦИЙ В ТОПОНИМИИ

Топонимы, или географические названия той или иной территории, могут существовать десятилетиями, столетиями и даже тысячелетиями. Они возникают в силу необходимости наименования различных географических объектов, как природных, так и создаваемых человеком.

Обычно географические имена создаются народом, они отражают природные особенности местности и определенным образом характеризуют поселения. Народная топонимия складывается постепенно, вбирая в себя местные диалектные слова и особенности произношения; образуются небольшие топонимические системы, которые вместе с соседними микросистемами образуют более обширную макросистему, которая по занимаемому ею региону может не совпадать ни с административными территориями, ни с границами расселения племен и народов на ту или иную дату. В микро- и макротопонимических системах обычно присутствуют географические названия на разных языках с преобладанием топонимов того языка, который является "ведущим", "главствующим" в данный период в этом регионе. Топонимическая система способна вбирать в себя разноязычные топонимы, оставленные теми народами, которые здесь когда-либо жили, что сходно со слоями археологических культур. Это позволяет во многих случаях установить следы проживания на той или иной территории тех или иных народов и пути их движения по ней.

Топонимы служат людям для различения однотипных объектов, и никто не путает лес Красный Бор с лесом под названием Сосенки, а деревню Лисино с Лисо-во или Лисицыне.

Число географических названий увеличивается по мере того, как человек лучше узнает свой край, давая впервые увиденному или освоенному участку леса, земли, ручью, болоту собственное наименование. Эти названия могут меняться: например, было Бобры, стало Боброво; могут исчезать вместе с исчезновением объекта: была деревня и сгорела, или все уехали в город, или переселились туда, где жить удобнее, а старое место поселения бросили и вместе с деревней забылось постепенно и ее имя или осталось только в названии покоса или поля. А что происходит с топонимами, если на уже обжитые места приходят новые люди, например, беженцы из другого края? Если пришельцы говорят на том же языке, что и уже живущие здесь, то обычно пришедшие принимают, усваивают ранее данные названия и лишь немногие топонимы привносят в имеющуюся топонимическую систему. Во время войны эвакуированные, особенно из городов в сельскую местность, не приносили с собой своих названий, также как и сельские жители, которых судьба забрасывала в чужие края. При этом действовал и психологический фактор: надежда вернуться в родные места. Однако по большей части не война бывает причиной массовых переселений людей из одного края в другой.

Переселение может начаться, например, как следствие проведенной аграрной реформы; в связи с освоением целинных земель; в результате политических изменений границ; в процессе разрешения конфликтных национальных вопросов; иногда в результате религиозных конфликтов и гонений на людей, отошедших от ортодоксальной веры, "впавших в ересь". Массовые переселения людей с одной территории на другую

нередко сопровождаются и "перемещением" на новую территорию географических названий со старых мест жительства, а также созданием топонимов, отражающих характер новых мест поселения. Так, на Зимнем берегу Белого моря между устьями рек Северная Двина и Мезень расположены сейчас села старообрядцев. Гонимые со второй половины XVII в. за приверженность к старой вере, старым книгам и обрядам главным образом из центральных районов России они ушли в леса и поселились по берегам рек, впадающих в Белое море, на пустых местах. Они дали новым поселениям и окружающим природным объектам свои наименования. Затем, постепенно спускаясь к морю, староверы обнаружили прекрасные места для ловли рыбы, особенно семги, и образовали в устьях северных рек новые поселения, потеснив коренных жителей этих мест - ненцев.

Названиями этих новых поселений стали местные, причем нерусские, названия рек: Койда, Майда. Сами жители зовут себя соответственно: койдяна и майдяна. Вся остальная топонимия вокруг этих сел, по рекам и по побережью Белого моря преимущественно русская. Реки, впадающие в Койду, получили названия Лебёдка (вытекает из Лебёдного оз.), Заречна Каменка, Судовиха, Ершовка, Исток и др. Озера называются: Островисто, Горево, Ушатно, Опустное, Кривое, а рыболовные семужьи тони имеют названия: Половинная, Корабельная, Засопки, Вострило, Послонки и т.д. В эту массу русских названий вкраплены иноязычные, оставшиеся от прежнего населения: ручей Коптяковка по названию зырянской деревни Коптюга, ручей Мяндошьной получил имя от ненецкого слова мянда (сосна), одна из рыболовных тонь называется по-ненецки Кеды; есть Самоедское озеро (теперь - Ненецкое). Самоеды - старое русское название саамских племен северной Руси, позднее перенесенное на ненцев, энцев, нганасан и др. Здесь это название относилось именно к ненцам. 90% ненцев в настоящее время владеют русским языком, т.е. они двуязычны, однако их стойбища и вся окружающая природа носят, как правило, ненецкие названия. Это та родная "своя" лексика, прочно закрепленная за определенными объектами; она остается в родном языке и входит в русскую речь, когда говорят по-русски.

Иной характер миграции и иные ее результаты наблюдаются в топонимии Ленинградской области на территории, где живет народ ижора. Вследствие давнего постепенного проникновения русского населения ижорцы освоили русский язык, в большинстве своем приняли православие, сохраняя наряду с христианскими личными именами и свои ижорские; взаимному влиянию подверглись и некоторые народные обряды, например свадебный. Здесь существует четкое разграничение деревень на ижорские и русские. Названия деревень также ижорские с параллельными русскими переведенными, например ижорская деревня Сутела (волк) по-русски называется Волково, ижорская деревня Котко (орел) по-русски - Орлы, ижорской деревне Куккуси (петух) русские дали "приблизительный" перевод - Куровицы. Русские названия деревень переведены на ижорский: Межники по-ижорски Райякюля (райя - межа, кюля - деревня).

Ижора, воть и русские живут здесь чересполосно, мирно, иногда вступая в браки. Встречаются русские семьи и в ижорских деревнях. Вся местная топонимия в окрестностях ижорских деревень ижорская, которую освоили и русские. Встречаются также "гибридные" названия, т.е. состоящие из элементов двух языков: Капустмаа (капустное поле), где русское капуста сочеталось с ижорским и финским маа - земля; Кургола речка, Крузская канава (от ижорского круза - щебенка). В русских деревнях преобладает русская топонимия, но с ижорскими вкраплениями, оставшимися от прежних обитателей. Топонимическая картина в этом районе показывает, что старинными жителями здесь был ижорцы, частично - воть (в некоторых деревнях — финны и эстонцы), а русское население здесь позднее, освоившее местную топонимию. Конечно, происходит постоянная фонетическая адаптация (звуковое приспособление) в русском языке ижорских названий и наоборот, но жители друг друга понимают. Многие христианские имена, вошедшие в ижорские топонимы, адаптированы очень сильно: Юриттик (место, где жил Юрий), Борис-данканав (Борисова канава).

Аналогичная картина наблюдается в Карелии, где русские, придя на эту территорию, частично восприняли карельские названия, частично перевели их на свой язык, а многим объектам дали русские названия, в частности возникшим русским селениям {Попов А.И. Гл. V}. С приходом русских почти все карелы (летописная корела) приняли православие, причем сравнительно рано - в первой половине XIII в. Но по Столбовскому мирному договору 1617 г., заключенному между Россией и Швецией, часть территории карел отошла к Швеции, которая стала требовать перехода православных карел в протестанство. Это заставило значительное число карел переселиться в Московское государство, преимущественно на земли между Новгородом и Тверью. По-видимому, придя в Тверскую землю, они первоначально образовывали свои поселения близ русских и называли их теми же именами, но с определением карельский, а русские поселения получали соответственно определение русский. Современная топонимия Тверской области, где в 60-е годы XX в. жило 90 тыс. карел, указывает на это: Русское Васильково и Карельское Васильково, Старо-Русское и Старо-Карельское, Русская Гора и Карельская гора и др. Кроме того есть названия с неявным противопоставлением: Карелы, Карела, Карелина, Корельское Сельцо, а также Руссино (3 поселения), Русские Овсянники, Русские Плоски. За годы советской власти было переименовано почти 50% населенных пунктов, особенно крупных и средних, что нарушило топонимическую систему, складывающуюся веками, и нанесло ущерб культуре народов.

Массовая миграция топонимов из России, с Украины и из Белоруссии сопровождала несколько переселенческих волн, начиная с XVI в. и кончая началом XX в., в Сибирь и Казахстан (Нерознак. С. 175-183). Одним из потоков было интенсивное переселение крестьян, раскрепощенных после реформы 1861 г., вызванное их обезземеливанием. Оно носило свободный характер, но поддерживалось царским правительством и сначала не имело массового характера, но стало таковым между 1893-1904 гг. Украинское население, как правило, селилось в степных районах Сибири и на территории Степного края (современного Казахстана). Русские крестьяне чаще селились в лесных и лесостепных районах. Как те, так и другие "несли" с собой свои топонимы. "В степной части не только Западной Сибири, но и Дальнего Востока, - говорится в одном из трудов дооктябрьского периода, - имеются теперь свои Новокиевки, Новохарьковки, Новочерныговки и т.п. В лесной полосе повторяются имена лесных уездов Европейской России... Родными именами называются и целые волости в Сибири. Одна Смоленская волость приютилась в лесах Иркутских, другая — в Бийском уезде Томской губернии, Сычевская волость имеется в Курганском уезде Тобольской губернии, а Черниговская, Украинская, Полтавская, Зеньковская, Брянская и им подобные встречаются в наиболее заселенных частях степных пространств Акмолинской, Приморской и Забайкальской областей" (Азиатская Россия. С. 190). "Переселенцы часто создавали сложные топонимы, компоненты которых несли определенную историческую или этнографическую нагрузку. Так, в Люблинском районе Омской области есть селение с названием Любино-Малороссы, которое указывает, что здесь живут украинцы, Любино-Москали отмечает, что жителями этой деревни являются переселенцы -русские, а в названии селения Любино-Старожилы подчеркивается, что здесь живет старожильческое население, раньше других переселившееся из России" {Нерознак. С. 178}.

Зачастую перенесенные имена содержат в себе названия крупных городов или народа. Очевидно, переселенцы, в основном крестьяне, нередко приносили на новые земли названия своих не селений, а городов, как правило, губернских или уездных, видимо соответствовавших тем губерниям и уездам, откуда они прибыли. В Западной Сибири известны сельские поселения под названием Вяземка (ср. г. Вязьма), Казанка (г. Казань), Киевка (г. Киев), Московка (г. Москва), Полтавка (г. Полтава), Ярославка (г. Ярославль), Чувашка (ср. этноним чуваша) и др. В Омской области переселенцы из Прибалтики дали селам названия Новая Рига и Новый Ревель (Таллин) (в противовес находящимся здесь же

селах Старая Рига и Старый Ревель). В той же области есть деревни под названиями Вятка и Калуга, села Житомир, Кромы, Белосток. В Кемеровской области есть поселение с названием Курск-Смоленка, обозначающем происхождение переселенцев из Курской и Смоленской губерний.

Таким образом на карте Сибири появилось множество топонимов-двойников, так как на Украине и в Европейской части России, откуда двигались переселенцы, прежние названия естественно остались без изменений.

Освоение новых земель входит как часть в понятие миграции. В нем отражена цель переселения и тот факт, что люди мигрируют на пустующие земли, никем не заселенные в данный период. Именно такой характер носила одна из самых значительных миграций в Сибирь и Казахстан.

Этнические миграции в нашу страну осуществлялись также на пустующие земли. Таково было переселение крестьян из Германии, Швейцарии и других стран на южную Украину, Дон и Волгу во второй половине XVIII в. Позднее немецкие колонисты образовали свои поселения в Крыму. Немецкие и швейцарские крестьяне считались отличными хозяевами, их поселения и характер ведения хозяйства были образцовыми, и приглашение их в Россию вполне себя оправдало. Чужестранные миграции также влекли за собой изменение географических имен и создание новых топонимов на языке мигрантов. На Азовском побережье также имелись немецкие колонии, носившие имена переселенцев: Розенберг, Грунау, Кронедорф, Шенбаум, Розенгартен, Рундевице, Вердер и др.

С 30-х годов XIX в. в Азербайджан началось переселение русских, а в 60-е годы - украинцев. Сначала русские и украинцы жили обособленно, а затем образовали смешанные поселения. Русские переселялись из Тамбовской, Воронежской и Самарской губерний, украинцы и, возможно, русские мигрировали из Таврической и Харьковской губерний, что сказало не только на топонимии, но и на русском говоре в Азербайджане (Гулиева. С. 288-293). Современные русские говоры, бытующие там, представляют собой в основных чертах южновеликорусское наречие с элементами украинского и азербайджанского языков. Одни из первых русских поселений носили названия: Вель, Привольное, Пришиб, Николаевка, Ивановка. Трудно сказать, были ли они принесены мигрантам или образованы по своим моделям на новых местах поселения. О иных названиях сел можно с уверенностью сказать, что они перенесенные: в Бакинской губернии - Новоголовка, Головине, Славянка, Новогорелое; в Елизаветпольской губернии - Новотроицкое, Новоспасское, Михайловка, Всего было зафиксировано 300 русских названий поселений, включая к настоящему времени исчезнувшие и переименованные. В их число входят и такие названия, которые прямо свидетельствуют о губерниях или городах, откуда прибыли переселенцы: села Тверское, Вятское, Смоленское, Астраханское, Северское.

Кроме переселенных и вновь созданных русских названий шло освоение и азербайджанской (тюркской) топонимии. Так, казалось бы, русское название поселения Низовая возникло из азербайджанского - Ниязабад, Низабад. Названия казачьим постам, рыбным промыслам, почтовым станциям давались по местным тюркским названиям урочищ, гор и близлежащих селений, но в русифицированной форме - Пиршахвердинский казачий пост по урочищу Пиршахверди, Пиратманская ватага (рыбный промысел) по с. Пиратман, Мара-Юртнский казачий пост по горе, на которой он находился - Мара-Юрт; из тюркских названий рек возникали названия русских поселений: р. Алпанчай - с. Алпанка, р. Вель (вели Чай) - с. Вильвилинка.

Некоторые селения имели двойные названия - официальное русское и местное тюркское, другие получали названия по местным особенностям рельефа или флоры. "Возникновение, стабилизация и развитие одной топонимической системы в пределах другой, уже сложившейся, преобладающей на данной территории, - писала исследователь Л.Г. Гулиева, - связано с рядом факторов как лингвистического, так и

экстралингвистического характера: 1. сохранением черт, свойственных топонимам прежнего местопребывания переселенцев; 2. влиянием новой географической среды, условий жизни на формирующуюся ойконимию (т.е. названия населенных пунктов. - Авт.); 3. контактом и непосредственным взаимодействием с тюркоязычной топонимической системой" (Гулиева. С. 289).

Обратимся теперь к миграциям далеких прошлых веков, которые можно проследить по различным историческим документам, наблюдая за проникновением русских топонимов на территорию с иноязычным населением, а также рассматривая перемещение славянских топонимов из одной области в другую, также славянскую. Источниками для таких наблюдений служат летописи, различные грамоты и описания земель.

Речь пойдет сначала о Двинской земле XII-XV вв., к которой относились в тот период Летний берег Белого моря, нижнее и среднее течения Северной Двины, бассейны рек Емцы, Ваги и верхней Сухоны - притоков Северной Двины. Здесь топонимически четко различаются несколько слоев географических названий: 1) древнейший слой названий рек (гидронимов), которые новгородцы, придя в эти земли, приняли, не переводя и почти не изменяя, например Уфтюга, Вычегда, Вага, Кокшенга, Сулонда, Лавля; 2) более поздний финно-угорский слой, к которому относятся названия некоторых местностей, островов, урочищ, речек, заливов и сравнительно редко поселений, например мест. Шулонема, р. Ламбас курья, р. и мест. Лахта, поселение Ракула; 3) поздний слой, названия которого возникли в период проникновения новгородских словен в Двинскую землю и постепенной ассимиляции славянами местного финно-угорского населения. Сюда входят собственно русские названия и гибридные, в которых сочетаются русские элементы и финно-угорские или русские и древнейшие основы названий рек. Они относятся главным образом к поселениям.

Топонимическая карта, составленная по древним документам, хорошо показывает постепенность и чересполосность расселения новгородцев на этих землях, где сначала (начиная с XII в.) возникали погосты, т.е. временные поселения для сбора дани с местного населения и для торговли с ним, а затем эти поселения превращались в постоянные. Так, близ устья Северной Двины расположено несколько островов с названиями: Никольский (рус), Лясомин (фин.), Кегостров, а на нем погост Кегостров и речка Офносова курья (местное финно-угорское слово для обозначения небольших рек, старых русел, заводей), а также острова Соломбала и Чюбала (фин.), на последнем - урочище Великий Ситник (рус).

В низовьях Северной Двины при впадении в нее р. Емцы располагалось в XII в. становище, называвшееся "устье Емце"; "Урядил есм аз Святей Софии устье Емце два" ("Устав кн. Святослава Ольговича" 1137 г., где речь идет о дани, взимавшейся с этого поселения в пользу собора Святой Софии в Новгороде. В "Списке Двинских земель" 1471 г. это поселение названо "городок Емецкой¹"). На той же реке выше по течению по документам XV в. известны другие поселения: погост Емецкой, сельцо в Емце и слобода Емецкая. Самым ранним было поселение в устье реки.

Далее вниз по Двине от устья Емцы шли поселения: Челмахта, Наволок, Ракула, Орлец, Кривое, Глухой Погост, Великое Поле, Падрин Погост, Колмо-горы, Ивань Погост, здесь чередуются финно-угорские и русские названия, свидетельствуя о мирном соседстве русских и ранее живших здесь финно-угорских народов.

Притоки р. Ваги носили (и носят) иноязычные названия: Кулой, Пежма, Вель, Кокшенга, Сулонда, Пуя, Шеньга; притоки же Пежмы имели русские названия: Морозовская слободка и Кострова слободка; приток Кокшенги также назывался по-русски: р. Устья. Эти малые реки, как правило, получали названия на языке последних по времени пришельцев, которые продолжали осваивать местные земли.

Интересны сведения и о малых миграциях прошлого, которые можно проследить, в частности, по названиям некоторых московских улиц или дворов вольных и невольных переселенцев из других городов, которые "привозили" с собой свои родные названия. Так,

вблизи Лубянской площади и улицы Лубянка стояла церковь Св. Евпла, а также церковь Введения Богородицы во Псковичах. История этих церквей знаменательна. Когда Иван III и сын его Василий присоединили Новгород и Псков к Московскому государству, многих москвичей переселили на новые земли, а часть новгородцев и псковичей - в Москву (а также в Нижний Новгород). Псковская летопись под 1510 г. сообщает, что великий князь Василий Иванович "триста семей Псковичь к Москве свел и в то место привел своих людей... и бысть во Пскове плачь и скорбь велика, разлучения ради". Великий князь "подавал" им дворы по Усретенской улице (Усретенской улицей именовалась не только та ее часть, которая сейчас называется Сретенкой, но и Большая Лубянка), и "не помешал с ними ни одного москвитина". Вот это-то место и называлось Псковичи.

Существует предположение, что церковь Св. Евпла (память этого святого И августа) была построена в ознаменование мира с Новгородом, заключенного 11 августа 1474 г., и именно новгородцы, переселенные в Москву, принесли с собой название Лубянки, так как в Новгороде существовала улица Лубяница, отмеченная на старых планах Новгорода (Романюк. С. 91). Церковь Софии Премудрости Божией у Пушечного двора, что на Лубянке, возможно, построена была первоначально также переселенцами из Новгорода в 1480 г. В этом случае новгородцы перенесли в Москву название главного своего собора - Софийского,

Память о переселенцах оставалась не только в топонимах, но и в родовых названиях. Прозвания новгородских бояр и видных людей, переселенных насильственно в конце XV в. из Новгорода Великого в Новгород Нижний и Нижегородский уезд, там сохранялись. Судьбы этих переселенцев определялись политическими причинами: вывести или, как тогда говорили, "свести" из города опасных и неугодных людей, а на их место посадить своих. Это можно назвать микромиграцией.

Не следует забывать о единичных, узко локальных миграциях, связанных с так называемыми выселками, переселением жителей одного села или деревни на другое место. Например, в Витебской области имелось с. Свинолупы (переименованное в Ромашкино). Значение этого топонима, сочетание его основ указывает на миграцию его жителей из Краснинского района Смоленской области, где они жили близ рек Свиная и Лупа, притоков Мереи (Рубцова. С. 111).

При образовании выселок последние часто получают дополнение к названию Ново-, а основное поселение — определение Старо-. Карта Московской губернии 1915 г. отмечает уже два населенных пункта, носящих название Николаево: с. Николаево на правом берегу р. Москвы и д. Николаево новое на левом берегу. Определение новое поставлено после названия и написано со строчной буквы, впоследствии возникла пара: Новониколаево - Старониколаево. В таком виде оба названия дошли до нашего времени (Горбаневский. С. 118).

Иногда размежевание названий старого и нового поселений происходит с помощью определений Большая и Малая. В других случаях этими определениями могут служить прилагательные Ближний (Ближняя, Ближнее) и Дальний (Дальняя, Дальнее). Вновь возникшие поселения (выселки) могут носить имена: с. Дальнее, с. Новое, д. Выселки, д. Починки, д. Новоселки, д. Новинки и даже д. Выползово, реально зафиксированные в различных районах Московской области (Горбаневский. С. 120-121).

Итак, миграция населения обычно сопровождается "перенесением" топонимов на новые места жительства. В некоторых случаях этого переноса не происходит, что объясняется плотностью заселения той территории, на которую мигрировали люди и наличием топонимов у большинства географических объектов, а также иногда психологическим фактором.

Мигрировавшие топонимы способны указать пути передвижения людей, их прежнее местожительство и освоенность ими новой территории.

Если происходило заселение мигрантами пустующих земель, то создавалось большое число новых топонимов, отражающих местную географическую среду и условия

обитания, но многие названия, особенно поселений, переносились со старых мест жительства. Если переселенцы приходят на территорию, обжитую иным народом, то они принимают многие иноязычные топонимы и ассимилируют их, но привносят и свои названия. В этих случаях можно наблюдать островную, чересполосную и вкрапленную топонимию. На редко заселенных местах пришельцы создают и свою новую топонимию, которая может отражать как значительные по количеству переселенцев миграции, так а малые, узко локальные. Топонимическая картина переселения русских на территорию с иноязычным населением показывает мирное соседство народов, которое, в частности, выражается во взаимном переводе топонимов и взаимной их фонетической и морфологической ассимиляции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РУССКОГО НАРОДА

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Изучение антропологического облика русских до начала 50-х годов нашего столетия носило в значительной мере эпизодический характер, хотя при этом и обсуждались такие важные проблемы, как локальная дифференциация физического типа, его генезис и взаимодействие с окружающим населением.

Из работ того периода отмечу несколько не потерявших своего значения до настоящего времени. Прежде всего, это серия работ Е.М. Чепурковского, посвященная не только характеристике антропологического состава населения, но и разработке методов расоведческого анализа. Один из них — географический, по праву занял подобающее ему место среди ведущих методов в науке о человеке (Чепурковский, 1913). На основании исследования географического распределения головного указателя, цвета глаз и волос у 1000 человек из различных губерний Европейской части России и украинцев Волыни Е.М. Чепурковский выделил три антропологических типа, имеющих четкую и обширную географическую локализацию. Это - светлоглазый брахикефал (широкоголовый), населяющий Валдай и дающий ответвления в сторону Вологды и Костромы; темный субдолихокефал (приближается к длинноголовому), обитающий в среднем течении Оки; наконец, темноволосый брахикефал, занимающий область от Волыни до Курска. Между западным елькорусом-валдайцем и более темным субдолихокефалом-воеточным великорусом лежит зона смешения антропологических типов. Западный великорус по своим антропологическим чертам сходен с белорусами, некоторыми литовскими и польскими группами и, по мнению Чепурковского, связан с позднейшими пришельцами с запада, восточный же имеет тип, который характерен для иноязычного населения, живущего к востоку от зоны основного ареала русских. Чепурковский выдвинул гипотезу, согласно которой восточный великорус - потомок древнего населения, входящего и в состав финнов, а валдаец - потомок славянского племени кривичей. Что касается широкоголового брүнета, распространенного на южной окраине русского ареала и уходящего на территорию Украины, то его Чепурковский считал поздним пришельцем на территорию Киевской Руси после ее опустошения ордынским нашествием и образовавшимся в результате смешения разнородных элементов.

К этому следует добавить сведения, приведенные Чепурковским же, относительно населения Приильменя и Белоозера. Оно оказалось более длинноголовым, светлоглазым и высокорослым, что дало основание высказать предположение о связях новгородцев с западными финнами и народами, несущими в себе черты северной европеидности

(Чепурковский, 1916). Повторные антропологические исследования этой территории, проведенные Д.А. Золотаревым (1915) на меньшем количестве человек и с иными методическими приемами, тем не менее подтвердили справедливость выделения особого антропологического типа, характерного для Северо-Запада.

Итог накопленным в первые десятилетия XX в. материалам по антропологии Восточной Европы был подведен В.В. Бунаком (Випак, 1932, *Neues Material...*).

Подтвердилось выделение особого антропологического типа в зоне восточного великоруса Чепурковского, которому Бунак присвоил наименование северопонтийского; подтвердилась также реальность валдайского и ильменского типов. В антропологическом составе русских в крайневосточных районах их обитания была отмечена незначительная примесь монголоидных черт, фиксирующихся в соседних финно-угорских народах.

Дальнейшие исследования в зоне восточного великоруса, сравнительно темноглазого и темноволосого, побуждают Г.Ф. Дебеца (1933) сделать заключение о промежуточном положении его в системе европеоидных типов между северной и средиземноморской расами. По его мнению, предки современного населения Причерноморья и скандинавов были "соединены" рядом переходов. Расширенная трактовка этой концепции содержится в сводной статье Н.Н. Чебоксарова, посвященной антропологии восточноевропейского населения (1964), где проводится мысль о том, что валдайский, ильменский и восточновеликврусский (рязанский) типы представляют собой "местные варианты северопонтийских шатенов" (Чебоксаров, 1964, С. 64). Что касается генезиса носителей этих типов, то Г.Ф. Дебец, основываясь на сходстве восточного великоросса с мордвой-мокшей и проявлении одних и тех же антропологических черт у русских Среднего Поволжья и мордвы-эрзи, делает вывод о формировании славянских и финских народов на одной широкой территории, неоднородной в расовом отношении (Дебец, 1933, 1941). Чебоксаров, напротив, связывает проникновение северопонтийских черт на Восточно-Европейскую равнину с юго-западом (в частности, Поднепровьем) и объясняет изменение их в славянском населении влиянием летто-литовцев и прибалтийских финнов (Чебоксаров, 1947; 1964).

Как видим, генезис одних и тех же типов, проявляющихся в русском народе, трактовался тогда по-разному. Разноречивость трактовки генезиса антропологических особенностей русских в значительной мере объяснялась недостаточностью антропологических данных о русских, обитающих на Восточно-Европейской равнине, а также об окружающем их иноязычном населении. Необходима была более или менее полная съемка восточноевропейской территории, занятой русскими, необходимо было также привлечение исторических сведений, касающихся освоения этой территории славянами.

Такое исследование было осуществлено Русской антропологической экспедицией (РАЭ) Отдела антропологии Института этнографии АН СССР с участием НИИ и Музея антропологии МГУ под руководством В.В. Бунака в 1955-1959 гг. (Происхождение и этническая история...).

РАЭ имела целью выявление и описание основных антропологических элементов, вошедших в состав русских, а также изучение путей их формирования, поэтому исследования проводились в зоне расселения предков русского народа в XI-XIV вв. В эту зону включается центральная часть Восточно-Европейской равнины между Верхней Волгой и Окой - Ростово-Суздальская Русь, Московское государство, с которым в XV в. слились княжества Рязанское, Смоленское, Тверское, а также область Великого Новгорода и Великого Пскова с отдельными поселениями по Северной Двине, Вятке и Каме. Маршруты экспедиции разрабатывались согласно колонизационным потокам восточнославянских племен средневековья - вятичей, кривичей, северян и словен новгородских.

В 107 населенных пунктах в течение пяти лет (1955-1959) было обследовано около 17000 взрослых мужчин и женщин, треть из них сфотографирована в трех нормах, что

имеет большое значение для документации материала и последующих его разработок.

Параллельно с Русской антропологической экспедицией на северных территориях расселения русских работала экспедиция кафедры этнографии исторического факультета МГУ под руководством М.В. Витова, маршрут которой разрабатывался в соответствии с колонизационными потоками из земель Новгородской и Ростово-Суздальской. В течение нескольких полевых сезонов обследовано 8000 человек мужского пола, преимущественно русских. Кроме того, изучалось расселенное на контактных с русскими территориях финно-угорское население.

Необходимо отметить, что шестое десятилетие XX в. чрезвычайно плодотворно в антропологическом отношении не только в связи с изучением русского народа. В это же время была осуществлена многолетняя Украинская антропологическая экспедиция (Дяченко, 1965), а также собраны многочисленные данные по антропологии белорусов (см.: Бунак, 1956; Денисова, 1958; Дяченко, 1960, 1965; Аляксеу, Вумајф, Цягяка, 1994). Материалы, опубликованные в последней монографии, собраны в конце 1958 г. М.В. Битовым).

Публикации всех этих материалов, в которых разработаны история и происхождение славян, относятся в основном к 60-м годам. Их изучение продолжается и в настоящее время с применением методов многомерной статистики и геногеографии.

ОБОБЩЕННЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП РУССКИХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Наибольшую информацию об антропологии русских можно извлечь из материалов Русской антропологической экспедиции и исследований М.В. Витова, Как уже отмечалось, это наиболее обширные, собранные по единой методике, в одно и то же время материалы, относящиеся к современному русскому населению. Существующие неизбежные методические расхождения в определении описательных (качественных) признаков с помощью некоторых приемов могут быть сведены к минимуму, тем более что во время всех полевых сезонов работы Русской антропологической экспедиции описательные признаки определялись только Т.И. Алексеевой, в Этнографической антропологической экспедиции - только М.В. Битовым, что безусловно облегчает возможность сопоставления данных, полученных разными авторами (специально о коннекции см.: Происхождение и этническая история... С. 195-247),

Все эти материалы были разработаны в соответствии с правилами географического метода, первый этап которого сводится к выделению территориальных группировок отдельных признаков, второй - к последовательному наложению карт отдельных признаков друг на друга с целью получения информации о территориальных группировках признаков, или так называемых антропологических типах. Оценка значимости того или иного признака, т.е. таксономическая ценность, определяется на основе его четкой географической локализации и варибельности во времена.

Вариации нескольких признаков (головной показатель, высота и ширина лица, лицевой и носовой показатели, толщина губ, ширина рта, длина тела, цвет волос и глаз, рост бороды, профиль спинки носа, положение основания носа и набухание века), их сочетания и локализация позволили В.В. Бунаку выделить несколько зональных типов, расхождения между которыми не столь велики, чтобы не иметь возможности представить обобщенный тип, характерный для всего русского населения Восточно-Европейской равнины (Происхождение и этническая история... С. 152-162). В целях количественной сравнительной характеристики этого обобщенного типа В.В. Бунак предпринял его сопоставление с обобщенным антропологическим типом населения Западной Европы.

За основу сравнения был выбран размах колебаний групповых средних показателей и

центральная групповая величина, находящаяся на половине между максимумом и минимумом и оказывающаяся близкой к наиболее часто встречающейся величине ряда групповых средних.

Результаты сравнения показали, что только по трем измерительным признакам - по ширине головы, по ширине носа и толщине губ - русские группы отличаются от западноевропейских. По остальным размерам головы и лица они близки к некоему центральному европейскому варианту, характеризующемуся средними размерами головы и лица.

По окраске волос и глаз суммарный русский тип отклоняется от центрального западноевропейского варианта. В русских группах доля светлых и средних оттенков значительно повышена, доля темных, напротив, снижена. Рост бровей и бороды у русских понижен, наклон лба и развитие надбровья также слабее, чем у западноевропейского центрального варианта. Русские отличаются преобладанием среднего горизонтального профиля (угол уплощенности лица в горизонтальном направлении), а также большим развитием складки века.

По мнению В.В. Бунака, "русское население восточной Европы образует сравнительно однородную группу антропологических вариантов. Средние величины группы или совпадают с центральными западноевропейскими величинами, или отклоняются от них, оставаясь, однако, в пределах колебаний западных групп. Среди последних имеются варианты, по многим признакам одинаковые с восточноевропейскими.

Составляя в целом разновидность европейской антропологической группы, общий русский тип по нескольким признакам, например по высоте носа, отклоняется от западных больше, чем эти последние различаются между собой. Следует сделать вывод, что в составе русского населения имеется особый антропологический элемент - восточноевропейский.

Характерный для него комплекс: сравнительно светлая пигментация, умеренная ширина лица в сочетании с пониженным (или замедленным) ростом бороды, монголоидной складкой века, средневысоким переносом - не подтверждает предположения об азиатском происхождении описанного комплекса" (Происхождение и этническая история... С. 138).

Я не случайно привела эту пространную цитату, в которой обобщенная антропологическая характеристика русских изложена очень четко. Единственно, с чем можно не согласиться, так это с наличием монголоидной складки века. Строго говоря, под этим термином в отечественной антропологической методике, которая в значительной мере своим появлением обязана В.В. Бунаку (1941), подразумевается развитие закрывающей слезный бугорок внутренней части складки века, иначе говоря, эпикантус. Наличие эпикантуса для русского населения - чрезвычайно редкое явление. Среди изученных в ходе Русской антропологической экспедиции только 0,2% имеют эпикантус, да и то лишь в слабой или зачаточной форме. Чаще он проявляется у женщин, а географически увязывается с вятско-камской зоной, т.е. пограничной с финно-угорским населением. По отношению к русскому населению можно говорить лишь о наличии складки верхнего века, степени ее развития, но никак не о наличии эпикантуса.

Представление об общем для всего русского населения антропологическом типе подтверждается многочисленными краниологическими данными, относящимися к XVII-XVIII вв. и охватывающими почти всю территорию нынешнего расселения русских, исключая Сибирь.

По мнению В.П. Алексеева, исследовавшего эти материалы, русские серии в целом характеризуются среднелинней и сред неширокой, невысокой черепной коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, довольно узким и средне-высоким лицом. Глазницы по ширине и высоте - средние, средними же величинами определяются и размеры носа. Носовые кости по отношению к профилю лица выступают в целом значительно, как и переносье. По вертикальному профилю русские приближаются к

мезогнатии (средние показатели угла выступления лица), в горизонтальной плоскости профилировка резкая, величины ее минимальны даже в пределах вариаций европеоидных серий (Алексеев В.П., 1969. С. 324).

Как особо важное обстоятельство В.П. Алексеев подчеркнул исключительное морфологическое сходство всех краниологических серий современного русского народа. Все локальные варианты, отклоняющиеся от основного антропологического типа весьма незначительно, проявляются в пределах единого гомогенного типа.

Единственное более или менее заметное отличие от этого типа - уменьшение выступления носа в архангельской, олонекской, вологодской, витебской и смоленской сериях. При этом горизонтальная профилировка остается такой же, как и в остальных краниологических сериях русского народа.

Таким образом, тот восточноевропейский элемент, который как основная антропологическая характеристика русского народа выделен В.В. Бунаком, отчетливо проявляется в населении XV-XVIII вв. и на краниологических материалах.

Анализируя характер морфологической изменчивости в пределах восточноевропейского ареала, занимаемого русскими, В.П. Алексеев объяснял распространение единого антропологического типа на огромной территории от Архангельска до Курска и от Смоленска до Пензы отсутствием серьезных географических рубежей, распространением единого языка, хотя и распадающегося на диалекты, но понятного на всей территории, отсутствием социальной изоляции. По его мнению, на территории расселения русских преобладает тип расообразования, связанный с локальной изменчивостью, поэтому все локальные вариации антропологического типа на территории Русской равнины характеризуются низким уровнем морфологической дифференциации (Алексеев В.П., 1969).

Тем не менее эти вариации могут быть выделены и географически более или менее локализованы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ

Региональные антропологические типы русских выделены В.В. Бунаком на основании изучения географических вариаций признаков, их территориальных сочетаний и корреляций (Происхождение и этническая история...).

Северо-западная территория

Она охватывает Приильмень, районы Псковского и Чудского озер, бассейны рек Великой, Ловати, Меты, Мологи, верховья Днепра и Волги. С юга территория ограничена верхним течением Днепра и р. Москвы.

Ильменский антропологический тип характеризуется средним головным указателем (вариации от 81 до 82), высоким процентом светлых глаз (от 45 до 57), значительным процентом светлых оттенков волос (от 29 до 40), сравнительно сильным ростом бороды и сравнительно высокой (в масштабе 50-60-х годов XX в.) длиной тела (167 см).

Близкие ильменскому типу антропологические характеристики обнаруживаются в русском населении белозерской зоны.

Валдайский антропологический тип отличается высоким головным указателем (82-84), несколько меньшим ростом бороды, более низким и широким лицом. Доля светлых глаз составляет 50%, волос - 40%.

Западный верхневолжский тип по большей части признаков близок к ильменскому,

отличаясь от последнего более темной окраской волос (37% светловолосых), более сильным ростом бороды, более прямой спинкой носа и большей частотой века без складки.

Незначительные колебания существуют и в пределах каждого из этих типов, но они, скорее, носят случайный характер.

Северо-восточная территория

Ее западная граница проходит по Шексне, Мологе, Яхроме и каналу Москва-Волга, южная - по Клязьме, Оке, Верхней Волге, восточная - по верхней Каме.

По сравнению с ильменским и валдайским вологодско-вятский тип характеризуется меньшей длиной тела (166 см), более широким лицом, более темной окраской глаз и волос. Головной указатель несколько меньше, чем у валдайского, доля вогнутой спинки носа также меньше, чем у валдайского и ильменского типов.

Выделяющийся на северо-восточной территории восточный верхневолжский тип отличается более темной пигментацией глаз и волос. 4

В клязьминской зоне этого региона локализуется особый комплекс - клязьминский тип. Его характеризует сравнительно темная пигментация глаз и волос, а также более сильный, чем у ильменского антропологического типа, рост бороды. Совершенно очевидно, что в нем проявляет себя какой-то темнопигментированный элемент, не тождественный с другими типами этого региона.

Кроме того, на северо-восточной территории выделяется вятско-камский тип. Для него характерно понижение доли светлых глаз до 35% и незначительная уплощенность горизонтального профиля.

Юго-восточная территория

Ее западная граница проходит по Дону и Проне, северная - по Оке и Волге до пределов Мордовии и Чувашии, восточная - по Средней Волге, южная - в верховьях Медведицы, Холра и Вороны.

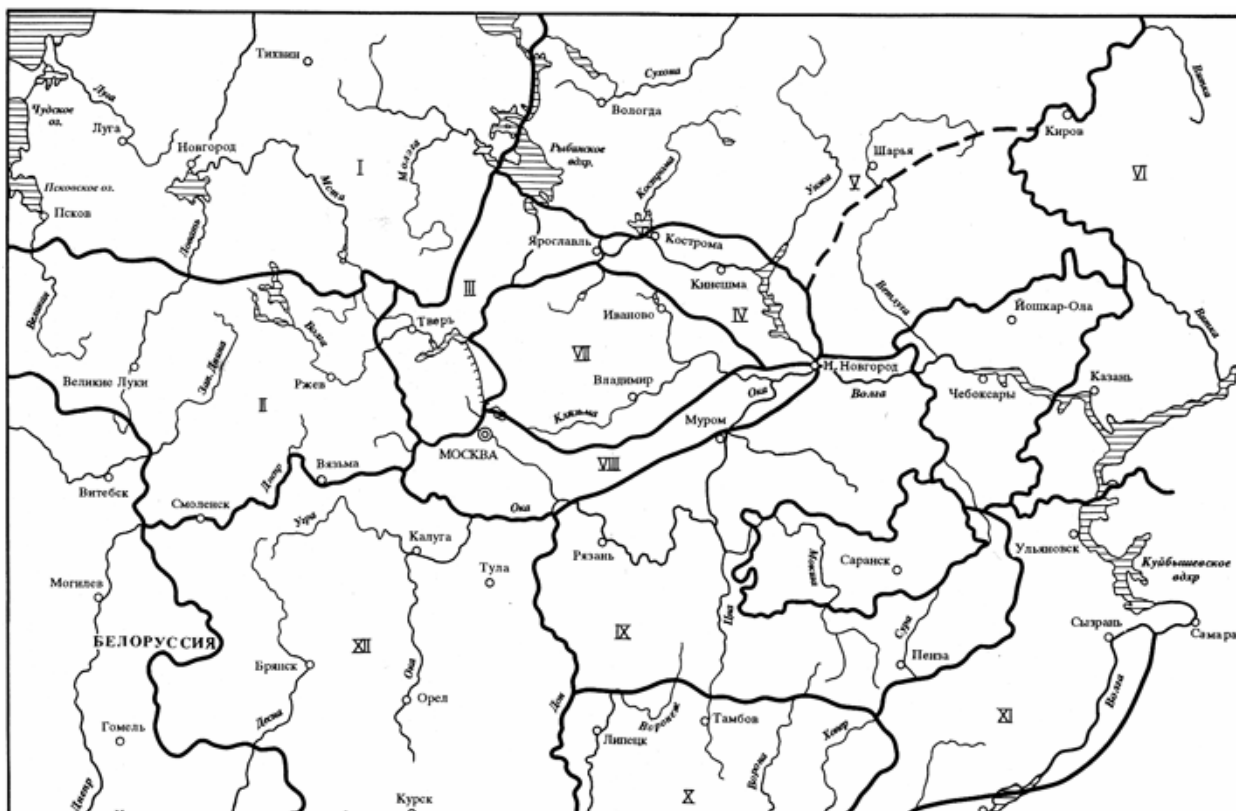
Эта территория достаточно дисперсная по сочетанию морфологических признаков. Обращает на себя внимание дон-сурский тип, который не имеет аналогов в других группах. Сочетание мезокефалии (среднеголовость), небольших лицевых размеров, толстогубости и сравнительно сильного роста бороды не встречается за пределами дон-сурской зоны. От остальных региональных типов юго-восточной территории дон-сурский отличается более светлой пигментацией глаз (частота светлой радужины - 50%). Явно понижен процент наличия складки века.

Вообще же для этого региона характерно потемнение цвета волос и глаз. Это достаточно четко проявляется в степном и средневожском типах этого региона. Последний по комплексу признаков занимает положение, противоположное дон-сурскому. Помимо более темной пигментации глаз он отличается большим головным указателем, относительно более низким лицом, меньшим ростом бороды. Степной тип по комплексу признаков занимает промежуточное положение между дон-сурским и средневожским типами.

Юго-западная территория

Северная ее граница проходит от верховьев Днепра до верховьев реки Москвы,

восточная граница - по Угре и Оке до впадения в нее Прони, южная граница - по верховьям Оскола и Сейма, западная - в пограничье с Белоруссией.

Географические зоны антропологических типов русских:

1 - нльменско-белоозерская, II - валдайско-соротская, III - западная верхневолжская, IV - восточная верхневолжская, V - вологдо-вятская, VI - вятско-каискан, VII - клязьминская, VIII - центральная, IX - док-сурекая, X - степная, XI - средневолжская, XII - верхнео

Здесь выделяются три антропологических типа; верхнеокский, десно-сейминский и западный.

Верхнеокский тип близок к дон-сурскому, но отличается от него более высоким головным указателем, относительно более низким лицом, более сильной горизонтальной профилировкой и более темной пигментацией.

Центральная территория

Расположена между верховьем р. Москвы и долиной Протвы на западе и нижней Окой - на востоке. На севере она ограничена Клязьмой, на юге - средней Окой.

Антропологически эта территория довольно однородна. Средние величины признаков у населения разных районов этой территории очень близки к средним суммарного типа. Вот некоторые цифровые характеристики: головной указатель -81,2, лицевой - 89,7, носовой - 62,5, толщина губ - 15,8 мм, длина тела - 167,5 см, доля светлых глаз — 47%, светлых волос — 30%, доля верхнего века без складки -22%. Нетрудно убедиться, что комплекс особенностей центральных групп заметно отличается от смежных - валдайского, клязьминского, дон-сурского и верхнеокского, и обнаруживает большое сходство с западным верхневолжским.

В.В. Бунак считает, что центральную группу "правильнее определить не как особый зональный тип или промежуточный, смешанной формации, а как вариант западного верхневолжского типа, несколько видоизмененный влиянием смежных групп" (Происхождение и этническая история.. С. 160),

Территория архангельского севера

Как уже отмечалось, Русская антропологическая экспедиция обследовала лишь небольшое число групп русского населения в этом регионе, потому что там в это же время работала экспедиция кафедры этнографии МГУ, возглавляемая МВ. Битовым. Материалы РАЭ относятся к верхнетойменской, пинежской и онежской группам.

Суммарный тип архангельской группы очень близок к ильменскому. Архангельский вариант отличается лишь немного более широким носом, большей частотой светлых глаз, более интенсивным ростом бороды, более профилированным лицом в горизонтальной плоскости и реже встречающейся складкой верхнего века. По мнению В.В. Бунака, архангельскую группу можно отнести либо к ильменскому типу, либо к варианту этого типа.

В дополнение к этому следует обратиться к антропологическим материалам по Русскому Северу, собранным и проанализированным М.В. Битовым (1964). Его оригинальные метрические и описательные данные увидели свет в 1997 г. (Витое, 1997).

Антропологическая съемка по Русскому Северу, если учесть исследования М.В. Витова, так же подробна, как и съемка на Восточно-Европейской равнине. Не останавливаясь на этногенетической интерпретации, предложенной этим автором, обратимся к антропологическим характеристикам и географическому распространению комплексов морфологических признаков. В Приильменье, по южному берегу Белого моря, на Мезени, нижней Печоре, в бассейне Двины, автором выделяется ильменско-белозерский антропологический тип, характерными особенностями которого является мезокефалия, относительно узкое и довольно сильно профилированное лицо, светлая пигментация глаз и волос, относительно высокий рост. Нетрудно убедиться, что выделенная комбинация признаков совершенно идентична ильменскому типу, фиксируемому по материалам РАЭ на северо-западной территории Восточной Европы. Еще ранее этот тип описан Н.Н. Чебоксаровым при исследовании локальной и довольно изолированной группы - ильменских поозеров (1947).

В бассейнах Пинеги и Мезени, на водоразделах Онеги, Сухоны и Двины распространен так называемый онежский антропологический тип, для которого, по мнению М.В. Витова, характерны такие признаки, как брахикефалия, относительная широколицесть, несколько более сильное (в масштабах обследованной территории) развитие скул, сравнительно светлая пигментация глаз и волос. В антропологической литературе эта комбинация признаков зафиксирована под названием восточнобалтийского типа (Чебоксаров, 1941; 1946).

В материалах Русской антропологической экспедиции этот тип четко не фиксируется, так как, повторяю, подробной антропологической съемки Русского Севера она не проводила.

В южных и юго-восточных областях Европейского Севера обнаруживается отчетливый

ареал, где частота светлых оттенков глаз меньше, чем у половины обследованных, и где преобладают смешанные оттенки. Это - бассейн Сухоны и Юга, Верхняя Вага и Верхняя Пинега. Ареал этот охватывает Верхнее Поволжье, Валдайскую возвышенность и Вятский край.

Помимо некоторого потемнения глаз и волос, этот антропологический тип характеризуется брахикефалией и относительно более низким лицом, чем у ильменского типа. М.В. Битов назвал этот тип верхневолжским, но он вполне идентичен (это отмечает и Битов) валдайскому антропологическому типу, выделенному в составе русского населения северо-западной России еще Е.М. Чепурковским (1916) и В.В. Бунаком (Происхождение и этническая история...).

Заканчивая региональную характеристику антропологических особенностей русских, отмечу, что из 16 описанных В.В. Бунаком по материалам РАЭ типов наиболее четко выделяются и характеризуют антропологический состав русских следующие: ильменский, валдайский, западный верхневолжский, вологдо-вятский, дон-сурский, средне волжский и верхнеокский. Добавим к этому списку онежский, выделенный М.В. Битовым. Все они получили название в соответствии с географической локализацией.

Широкое применение методов многомерной статистики, характерное для отечественной антропологии последнего времени, позволило объективизировать результаты анализа материалов по русскому населению, собранных в период с 1955 по 1959 г.

Вычисления с помощью канонического анализа данных Русской антропологической экспедиции с учетом полутора десятков антропологических признаков, среди которых размеры головы и лица, показатели цвета волос и глаз, интенсивности роста бороды, формы носа, развития складки века, горизонтальной профилировки и др., позволили получить четыре канонических переменных, отражающие основные особенности изменчивости признаков у русских (Дерябин, 1995). Наиболее информативны две из них. Они содержат больше всего информации о вариациях исходных признаков.

Анализ первой канонической переменной географического распределения носит вполне определенный характер. Она выявляет факт разделения русского населения на две крупные общности, тяготеющие к северным европеоидам. Первая, для которой характерны брахикефалия, прямоугольная форма лица с широким лбом и нижней челюстью при относительно узких скулах, значительный процент светлых волос и пониженный рост бороды, сосредоточена на северо-западе и севере Европейской части России — в бассейнах рек Ловати, Волхова, Меты и Великой, а также в северной части бассейна Волги.

Вторая общность, характеризующаяся более удлиненной головой, расширенными по отношению ко лбу и нижней челюсти скулами, более темными волосами и повышенным ростом бороды локализуется на юго-востоке в бассейнах Верхнего Дона, Нижней Оки, Цны, Суры и Хопра. В более смягченном виде сходные варианты обнаруживаются вверх по течению Волги от устья Оки.

Это разделение не носит резкого характера. Между крайними вариантами существуют переходные, показывающие, что при движении с северо-запада на юго-восток черты северных европеоидов постепенно ослабевают, а черты южных - усиливаются.

Вторая каноническая переменная отражает разделение русского населения также на две общности, но ориентированные с запада на восток. На западе и юго-западе распространен вариант, для которого типичны сочетание крупной головы, брахикефализации и широкого лица при высоком и широком носе. На северо-востоке в бассейнах верхнего и среднего течения Камы, верховий Вятки, а также в междуречье Волги и Клязьмы и по течению Волги от устья Унжи до устья Оки распространен вариант, для которого характерны небольшие размеры головы высокое и узкое лицо, низкий и узкий нос. Тот небольшой процент эпикантуса который обнаружен в русском населении, встречается именно на этой территории, в вятско-камской зоне.

Третья и четвертая канонические переменные описывают лишь модификации антропологического типа русских на южной и северной периферийных зонах. Так южный вариант русских, по мнению В.Е. Дерябина (Дерябин, 1995. С. 6-25), отражает процесс заселения в XVI и XVII вв. лесостепной и степной зон и контакты ее скотоводческими иноязычными группами. Северный их вариант является следствием русской колонизации Русского Севера и контактов с местным финно-угорским населением.

Между западными и восточными вариантами также существует зона переходных антропологических типов. Все эти вариации, полученные с помощью канонического анализа, проявляются в пределах более или менее однородного антропологического типа, который был выделен В.В. Бунаком (Происхождение и этническая история...) и подтвержден В.П. Алексеевым в процессе анализа краниологических материалов XVI-XVII вв. (Алексеев В.П., 1969).

По результатам канонического анализа выявляется определенная структура, которая отражает изменчивость антропологических признаков не только в направлении с севера на юг и с запада на восток, но и внутри всего региона расселения русских в Восточной Европе. Из сопоставления результатов исследования антропологических материалов по русскому населению с помощью географического метода и метода многомерного статистического анализа следует очень важный вывод - в обоих случаях выделяются одни и те же локальные географические вариации признаков, которые были выявлены В.В. Бунаком как наиболее типичные для русских. Следовательно, географический метод, предложенный Е.М. Чепурковским и широко применяемый в отечественной антропологии, достаточно объективен.

МЕСТО РУССКИХ НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Антропологическая характеристика русских - более или менее выраженная гомогенность антропологического облика и в то же время существование локальных антропологических вариантов в нем, наталкивает на поиск причин этих явлений. И один из путей этого поиска видится в привлечении антропологических данных по соседям русского народа. Из-за широкого расселения русских на территории Восточной Европы для такого анализа должны быть привлечены практически все более или менее доступные по литературным источникам антропологические данные, относящиеся к финно-угорским, балтийским и тюркским народам.

При изучении географической изменчивости таких признаков, как размеры и форма головы, размеры лица и их соотношение, цвет волос и глаз, углы выступления носа, форма носа, развитие складки века, интенсивность роста бороды, т.е. тех признаков, по которым выделяются антропологические типы, на территории Восточной Европы обнаруживается несколько антропологических комплексов, имеющих четкую географическую локализацию и охватывающих, как правило, несколько народов. Последнее обстоятельство может рассматриваться и как общие истоки, и как тесные и продолжительные контакты групп, относящихся к разным этносам.

Возможности нивелировки методических различий между отдельными авторами, касающихся в основном неметрических признаков, особая проблема в этнической антропологии. Ее обсуждению посвящен специальный раздел в Трудах Русской антропологической экспедиции (Происхождение и этническая история... С. 195-247).

Здесь нет необходимости вновь обращаться к ней. Отмечу лишь, что при недостижимости полной коннекции материалов, собранных разными авторами,

возможности сопоставления все же есть в тех случаях, когда в полевых исследованиях применялась одна и та же методика и временной разрыв был не очень велик.

Обратимся к антропологической характеристике выделенных на территории Восточной Европы комплексов.

Прибалтийский комплекс локализуется в нижнем течении Немана, по Венте и нижнему течению Западной Двины, в бассейне Гауи, на побережье Финского залива, в районе Чудского озера и Нарвы. Для него характерны высокий рост, светлая пигментация волос и глаз, крупные размеры головы и лица, брахицефалия, средняя горизонтальная профилировка лица, сильное выступание носа и средний рост бороды. Этот комплекс под названием западнобалтийского был выделен Н.Н. Чебоксаровым и М.В. Битовым (Витое, Марк, Чебоксаров, 1959) в Эстонии и отнесен к атланти-балтийской группе антропологических типов.

Признаки, присущие атланти-балтийской группе типов, имеют широкий ареал распространения. Они отмечаются у населения почти всей Северо-Западной Европы: в Финляндии, Скандинавии, Шотландии, Англии, Ирландии, Исландии, на Фарерских островах, в Северной Германии и в некоторых районах Франции (см.: Происхождение и этническая история... С. 230). В Восточной Европе этот комплекс выражен в наибольшей степени среди западных групп эстонцев и латышей. Мезоцефальный вариант его распространен среди карел, русских Северо-Запада, поморов и у некоторых групп северных коми.

Белозерско-камский комплекс локализуется в районе Белоозера, в верховьях Онеги, по Северной Двине и ее притокам, в среднем течении Вятки и Камы. По цвету волос, глаз и головному указателю этот комплекс сходен с прибалтийским, однако он характеризуется меньшим ростом, меньшими абсолютными размерами головы и лица, некоторой уплощенностью лица, преобладанием прямых и вогнутых спинок носа, пониженным ростом бороды. Этот комплекс отмечается у вепсов, ижор, води, некоторых групп русского населения Севера, за пределами Восточной Европы - на востоке Финляндии. Белозерско-камский комплекс под названием восточнобалтийского типа выделен в антропологической литературе и отнесен к бело-моро-балтийской группе антропологических типов.

Валдайско-верхнеднепровский комплекс широко распространен по всему Двинско-Припятскому междуречью: по берегам Западной Двины (особенно в среднем ее течении), в низовьях Немана, на левом берегу Припяти, в верховьях Днепра, по Березине, Сожу и Ипути. В общих чертах он сходен с прибалтийским, но отличается от него меньшими показателями роста, абсолютных размеров лица и головы и несколько более темной пигментацией волос и глаз. Подобная комбинация признаков описана в литературе под названием валдайского и ильменско-днепровского типов и отнесена Н.Н. Чебоксаровым к атланти-черноморской группе антропологических типов. При этом подчеркивается, что оба эти типа занимают крайнее северо-восточное положение в пределах атланти-черноморской группы. Ранее Н.Н. Чебоксаров относил их к кругу северных европеоидов, что мне кажется более оправданным.

Наиболее характерные представители валдайско-верхнеднепровского комплекса - литовцы, белорусы, русское население верховьев Днепра и истоков Волги.

Центрально-восточноевропейский комплекс распространен по Оке и ее притокам, в верховьях Дона, по Клязьме, в верхнем и среднем течении Волги, по Цне, Ворскле, верховьям Хопра и Медведицы и по своим морфологическим особенностям сходен с грацильным, мезоцефальным вариантом прибалтийского комплекса, но отличается несколько более темными волосами и глазами. Под названием восточноевропейского этот тип давно известен в антропологической литературе. Еще И. Деникером он был выделен на востоке Европы (Deniker, 1898). Подобная комбинация признаков разными авторами отмечалась в прибалтийском населении, у белорусов, мордвы, удмуртов, русских

некоторых областей.

Этому типу наряду с отмеченными чертами, приписывали так называемую лапоноидность. К лапоноидным особенностям в первую очередь должны быть отнесены ослабленное развитие бороды, некоторая уплощенность лица и ослабленное выступание носа. Следует, однако, отметить, что лапоноидные черты проявляются далеко не во всех группах центрально-восточного комплекса. Например, среди русского населения, для которого этот комплекс наиболее характерен, ослабленное выступание носа встречается только в крайних северных и восточных районах зоны его преимущественного распространения.

Согласно классификации, предложенной Н.Н. Чебоксаровым, центрально-восточноевропейский комплекс может быть отнесен к восточноевропейской группе антропологических типов (Витое, Марк, Чебоксаров, 1959). По пигментации эта группа занимает промежуточное положение между атланти-балтийской и атланти-черноморской группами, а по развитию волосяного покрова на теле и росту бороды тяготеет к группе уральских антропологических типов.

Приднепровский комплекс (или центрально-поднепровский, по Дяненко, 1965) распространен в среднем течении Днепра и по его притокам Десне, Суле, Псла, Ворскле, Тетереву и Роси, а также по Сейму и в верховьях Северного Донца. Прослеживается он и в верхнем течении Южного Буга, Стири, Горыни, Случа и Збру-ча. Наиболее характерные представители его - украинцы. Этот комплекс складывается из таких признаков, как высокий рост, брахикефалия, сравнительно темный цвет волос и глаз, относительно широкое лицо, среднее развитие бороды, преимущественно прямая спинка носа. Сходная комбинация признаков известна под названием альпийской расы (Deniker, 1898). За пределами Восточной Европы эта комбинация отмечается на севере Балканского полуострова, в Венгрии, Швейцарии, на юге Германии и на Севере Италии (Сооп, 1935; Попов, 1959). Альпийская раса отличается широким распространением и большим разнообразием. В.В. Бунак предложил помимо собственно альпийской выделить восточноальпийскую, или карпатскую (Bunak, 1932. Neues Material...). Н.Н. Чебоксаров склоняется к мысли о выделении подгруппы (Витое, Марк, Чебоксаров, 1959) в составе атланти-черно-морской группы. Украинцы могут быть отнесены к этой подгруппе. Для русского населения такой тип не характерен.

Степной комплекс. Население зоны степей в антропологическом отношении изучено слабо. При выделении степного комплекса приходится основываться на данных о русском населении среднего течения Дона и Хопра и о некоторых тюркоязычных группах правобережья Волги, в частности мишарях. Население, относящееся к этому комплексу, отличается средним ростом, мезокефалией, небольшими абсолютными размерами головы и лица, потемнением цвета волос и глаз, средним ростом бороды, средней профилированностью лица и сравнительно сильным выступанием носа.

Комбинация антропологических признаков, характерных для степного комплекса, известна в литературе под названием понтийского, или черноморского, типа (Випак, 1932. Neues Material...)- Н.Н. Чебоксаров предлагает включить ее в качестве подгруппы в атланти-черноморскую группу типов (Витое, Марк, Чебоксаров, 1959).

Волго-Камский и приуральский комплексы. Первый из них локализуется в Ветлужско-Вятском междуречье, в верховьях Камы, по Белой и частично в среднем течении Волги, второй - за Уральским хребтом. В Восточной Европе он "выступает" в Тавда-Кондинском междуречье. Для этих комплексов наиболее характерны низкий рост, слабый рост бороды, относительно темная пигментация, невысокое, несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос с вогнутой спинкой. Эти особенности могут сочетаться как с мезо- так и с брахикефалией. В приуральском комплексе все перечисленные черты заметно усилены. По своим морфологическим особенностям оба эти комплекса занимают промежуточное положение между европейскими и азиатскими расами. Промежуточный характер их был отмечен еще И. Деникером (Deniker, 1898) и С.И. Руденко (Руденко,

1914). Различные варианты описаны В.В. Бунаком (Випак, 1932. Neues Material-..) под названием обского, сред-невожского, западноарктического и вятско-камского и отнесены им к северной протоазиатской большой расе. В классификации Н.Н. Чебоксарова они включены в уральскую группу типов. Черты их присущи многим народам Поволжья и При-уралья - чувашам, марийцам, удмуртам, коми-пермякам и южным коми-зырянам, некоторым группам татар Поволжья, хантам, манси, а также лопарям Кольского полуострова, Финляндии, Швеции и Норвегии.

Заканчивая обзор антропологических комплексов на территории Восточной Европы, хочу обратить внимание на то, что выделенные мною комплексы под теми или иными названиями уже фигурировали в антропологической литературе. Повторное рассмотрение антропологического состава населения Восточной Европы диктовалось необходимостью введения в сравнительный антропологический анализ многочисленных материалов по восточным славянам и определения их места на антропологической карте этой территории. Для этой цели необходимо было выработать критерии сравнимости материалов, собранных различными авторами и в различное время, что и было сделано.

На основе сконнектированных данных была получена схематическая карта антропологических комплексов населения Восточной Европы, из которой явствует, что каждый из комплексов присущ не одному какому-либо этносу, а охватывает, как правило, несколько (Происхождение и этническая история... С. 244). Я намеренно не пользовалась общепринятой терминологией, хотя и соблюдала географический критерий при наименовании комплексов, желая подчеркнуть их обобщенный характер и, следовательно, не всегда полное совпадение с уже известными антропологическими типами.

Из всех перечисленных комплексов среди восточнославянского населения наиболее распространены: валдайско-верхнеднепровский - у белорусов и их русских соседей, центрально-восточноевропейский - у русских, приднепровский - у украинцев. Если придерживаться введенной Н.Н. Чебоксаровым и почти общепризнанной классификации, то первый может быть отнесен к балтийской малой расе, третий - к индо-средиземноморской, а второй - к промежуточной между ними. Балтийская раса относится к кругу северных европеоидов, индо-средиземноморская - к кругу южных. Центрально-восточноевропейская соответственно займет промежуточное положение.

Остальные типы обнаруживаются в славянском населении преимущественно в контактных зонах. Так, прибалтийский комплекс присутствует в виде примеси среди русских Псковско-Ильменского поозерья, степной - у русских Дон-Хоперского междуречья и прилежащих районов Поволжья,

Лапоноидные, или, вернее, субуральские черты, не только имеющие широкий ареал распространения в Восточной Европе, но и простирающиеся далеко на запад - в пределы Центральной Европы (Чебоксаров, 1941), среди восточных славян проявляются только у русских крайних северных и восточных районов их преимущественного расселения.

В масштабе восточноевропейской изменчивости антропологических признаков, естественно, многие локальные антропологические типы поглощаются антропологическими комплексами, причем в основном те варианты, которые обязаны своим происхождением характеру круга брачных связей. Что касается русских, то для рассмотрения их генетических истоков следует обратить внимание в первую очередь на центрально-восточноевропейский комплекс как наиболее типичный для русского народа; на валдайско-верхнеднепровский, охватывающий довольно широкий ареал в пределах территории, занятой русскими; степной как проявляющийся в населении Дон-Хоперской зоны, антропологическая специфика которого отмечалась неоднократно; наконец, волго-камский, распространенный в северо-восточной и восточной части ареала обитания русских.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЛИКА РУССКИХ

Происхождение русского народа является одной из составляющих славянского этногенеза в целом и этногенеза восточных славян в частности.

Антропологические материалы, т.е. данные о физическом типе людей, издавна служили историческим источником. Особое значение приобретают антропологические материалы в понимании исторических процессов у бесписьменных народов, но без них не обходится и изучение этногенеза народов, о которых есть археологические и этнографические данные, известны письменные сведения. Прежде всего, данные антропологии позволяют определить удельный вес субстратных и суперстратных компонентов в этнической истории народов, а следовательно, помогают решить вопрос об автохтонном или же миграционном их происхождении. Физические черты мало изменяются во времени, и это дает возможность реконструировать линию преемственности населения определенной территории на протяжении ряда эпох, даже при отсутствии данных по какой-либо из этих эпох.

В существующей антропологической литературе отражены самые разнообразные гипотезы происхождения славянских народов. Не детализируя, их можно объединить в две группы: одна из них - гипотезы генерализующего плана, утверждающие единство антропологического состава славян, вторая - гипотезы дифференцирующего плана, согласно которым славяне отличаются антропологическим разнообразием и не образуют антропологического единства. В соответствии с генерализующими гипотезами история славян рассматривается как формирование на какой-то территории определенной расовой общности, включающей предков всех славянских народов, расселение и дифференциация этой общности, формирование расовых особенностей современных народов на ее основе при участии на окраине славянского ареала инородных элементов разного происхождения (Випак, 1932. *Neues Material...*; *Idem, The Craniological Types...*). Авторы дифференцирующих гипотез, как показывает само название, не видят антропологических аналогий между отдельными славянскими народами, полагают, что разные народы формировались из различных расовых компонентов, не связанных между собой общностью происхождения (Трофимова, 1946). Обе группы гипотез по-разному ориентируют нас в вопросах культурной истории и глоттогенеза славянских народов: взгляды первой группы в общих чертах соответствуют основным генетическим положениям индоевропейского языкознания в широком смысле слова, взгляды второй - глоттогонической концепции Н.Я. Марра, под влиянием которой они частично и сформировались. Многочисленные антропологические материалы по древнему и современному славянскому населению дают, как представляется сейчас, основание для выделения определенной географической локализации расовой общности и последовательного рассмотрения потоков из так называемой прародины славян. По антропологическим данным, она локализуется в пределах обширной территории, ограниченной верхним течением Западной Двины на севере, верхним и средним течением Вислы на западе, левыми притоками Дуная в среднем его течении, средним и нижним течением Днестра на востоке (Алексеева Т.Н., 1973; Алексеева Т.И., Алексеев В.П., 1989. С. 69). По современным археологическим данным, территория возможной прародины славян вписывается в этот регион, но по протяженности она у археологов значительно меньше - южная граница доходит лишь до Днестра, северная — до Припяти.

В последнее время в археологической литературе появилась тенденция критического отношения к центрально-европейской прародине славян {Щукин, 1987. С. 103-118). Не

исключено, что со временем решение проблемы славянской прародины придется пересмотреть. Что касается антропологических материалов, то по ним общеславянское единство локализуется все-таки в Центральной Европе. Во всяком случае, это явствует из имеющихся сейчас в нашем распоряжении материалов.

Расселение славян на обширных пространствах Европы, которое, судя по археологическим данным, наиболее интенсивно происходило в VI-VII вв., с течением времени изменило их антропологический состав. На западе германцы, на юге фракийцы, кельты, иллирийцы, на востоке иранцы и финно-угры, на севере балты - вот широкий спектр народов, с которыми столкнула славян их история и которые так или иначе воздействовали на них.

История славянских племен, на основе которых сформировалось впоследствии русское население, связана с историей всего восточного славянства.

Курганы восточных славян датируются IX-XIII вв., до этого времени здесь господствовал обряд трупосожжения. Само проникновение славян на территорию Восточной Европы, по-видимому, началось в VI в. (Седов, 1994. С. 343; Он же, 1995. С. 415). Судя по датировкам курганных групп, трупоположение на территории восточного славянства появилось в Поднестровье и Поднепровье в X в., на северо-западе Новгородских земель - в XI, в Волго-Окском междуречье - в XII в. Есть основание полагать, что обряд трупоположения связан с христианизацией восточных славян, хотя нельзя исключить, что этот обряд в Южной Руси является наследием Черняховского погребального обряда, испытавшего влияние поздних форм иранского язычества (Седов, 1979. С. 155).

По данным археологии и языкознания, а также по летописным источникам, до появления славян в Восточной Европе балты занимали огромные пространства по Неману, Западной Двине, в верховьях Днепра и Оки; потомки скифо-сарматского населения заселяли бассейн Южного Буга, земли в среднем и нижнем течении Днепра и по его притокам; финно-угорские народы жили в широкой полосе от Балтийского моря до среднего течения Волги; многочисленные кочевнические группы заполняли причерноморские степи.

Судя по вещевому комплексу славянских погребений, находкам материальной культуры на городищах и селищах, славянская колонизация носила характер внедрения преимущественно мирного земледельческого населения в инородную среду. В результате основным фактором формирования антропологического облика славян стала метисация. Более того, метисация, как выяснилось при изучении демографической структуры пришельцев и местного населения, при ранней колонизации Русского Севера явилась стратегией выживания славян на новых землях (Алексеева Т.Н., Федосова, 1992).

Факт смешения подтверждается рассмотрением внутригрупповых корреляций в пределах всего восточнославянского населения эпохи средневековья. Выяснилось, что в формировании физического облика восточных славян принимали участие по крайней мере два морфологических комплекса. Один из них характеризуется долнхокранией, крупными размерами лицевого и мозгового отделов черепа, резкой профилированностью лица, сильным выступанием носа; другой - меньшими размерами лицевого и мозгового отделов черепа, мезокранией, ослабленным выступлением носа и незначительной уплощенностью лица, т.е. чертами слабовыраженной монголоидности. Процентное соотношение этих комплексов меняется в зависимости от географической локализации славянских племен - по направлению к востоку увеличивается удельный вес антропологического комплекса, характеризующегося незначительной монголоидной примесью. Комплекс с ослаблением европеоидных черт распространен среди финно-угорских групп Восточной Европы — летописных мери, муромы, мещеры, чуды, веси, известных по могильникам северо-западной части Восточной Европы, Волго-Окского междуречья и Поволжья. Это население, подвергавшееся славянской колонизации, передало свои черты словенам новгородским,

вятичам и кривичам, впоследствии ставшим основой русских.

Антропологический комплекс с резко выраженными европеоидными чертами распространен среди средневекового летто-литовского населения, особенно среди латгалов, аукштайтов и ятвягов. У восточных славян этот комплекс проявляется среди волынян, полоцких кривичей, древлян, положивших начало белорусскому и частично украинскому народам. На территории расселения полян, ставших впоследствии антропологической основой украинцев, а эпоху средневековья обнаруживаются черты ираноязычного населения, известного по могильникам Черняховской культуры, сформировавшейся во II-III вв. н.э. на скифо-арматской территории и являющейся в значительной мере, несмотря на свой многоэтничный характер, культурной наследницей скифов и сарматов (Седое, 1979). Все эти факты позволяют сделать вывод, что антропологическая дифференциация средневекового восточнославянского населения отражает антропологический состав населения Восточной Европы до прихода славян.

Восточнославянское население средневековья испытало воздействие и кочевнических племен южнорусских степей. В антропологических данных, правда, эти контакты не столь явственны. То же самое можно сказать и об ордынском нашествии. Лишь в очень слабой форме его следы прослеживаются в районах бывших татаро-монгольских форпостов и на юго-восточных границах Древней Руси.

В последующие эпохи дисперсность антропологических черт восточных славян значительно ослабляется. На материалах позднего средневековья наблюдается явная европеизация славянского населения центральных областей Восточной Европы. По-видимому, это объясняется приливом славянского населения с более западных территорий. Историческими источниками этот процесс не фиксируется, но антропологические данные подтверждают его совершенно отчетливо.

Сопоставляя распределение современных антропологических комплексов на территории Восточной Европы с этнической историей средневекового восточнославянского населения нетрудно убедиться, что последняя находит отражение в антропологических данных современного населения этой территории.

В дополнение к сказанному не могу не обратиться к данным, полученным на основе обобщенного картографического анализа материалов Русской антропологической экспедиции, произведенного Ю.Г. Рычковым и Е.В. Балановской (1988). Этот метод, в основе которого лежит представление о "ядерных структурах" в антропологическом составе тех или иных народов, фиксируемых на географических картах, как о сгустках генетической информации, представляется весьма перспективным. По мнению авторов этого исследования, метод непрерывного картографирования отчетливо выявил в составе русского населения три ядерные структуры - западную, восточную и центральную. Восточное ядро отражает дославянский субстрат в формировании антропологического состава русских, центральное - длительную и интенсивную метисацию, по своим последствиям приближающуюся к панмиксии (ничем не ограниченное смешение представителей разных генотипов), а западное — связано с собственно летописными славянами.

Наиболее типичной для русских следует считать центральную ядерную структуру, что вполне идентифицируется с восточноевропейским антропологическим типом. Происхождение его недостаточно ясно. В.В. Бунак уводит его в неолит, чему противоречат два факта: отсутствие археологической преемственности на территории Восточно-Европейской равнины между неолитическими и славянскими археологическими памятниками и исключительное морфологическое разнообразие населения, проживающего здесь с эпохи неолита и бронзы. В рассмотрение нужно включить и длинноголовое широколицее население фатьяновской культуры, продвинувшееся на Верхнюю Волгу из Прибалтики (Денисова, 1975. С. 55-65), и антропологически близкое ему, но отличающееся меньшими размерами население, оставившее Балановский могильник (Бадер, 1963), а также поражающие своей хрупкостью антропологические

находки эпохи неолита Волго-Окского междуречья (Акимова, 1953. С. 55-65). Основные особенности восточноевропейского типа сформировались, надо полагать, позже, возможно на протяжении эпохи раннего железа и раннего средневековья, когда предки восточнославянских народов осваивали их нынешнюю территорию. В этом формировании участвовали и местные компоненты древнего происхождения.

РУССКИЕ СИБИРИ

За последние столетия особая часть русского народа сложилась в Сибири, которую промысловые и служилые люди, а вслед за ними и крестьяне-земледельцы начали осваивать с конца XVI в. К настоящему времени обследовано несколько локальных групп русских, которые включают русских старожилов, потомков казаков и старообрядцев, русских заполярной зоны (Русские старожилы Сибири).

Большую массу русского населения Сибири составили так называемые старожилы. Их предки пришли в Сибирь в XVII-XVIII вв. в основном из северных областей России. В антропологическом отношении исследовались старожилы по Ангаре и Енисею (ангарская, северная и южная енисейские группы). Ангарскую группу составили уроженцы ряда деревень по среднему течению Ангары - Паново, Селенгино, Аксенове, Фролово, Дворец, Рожково, Проспихино, Алешкино и Заимка, и двух деревень на ее притоке р. Кове - Костино и Прокопьево. Эти указанные села образовались 150-200 лет назад. Приток ссыльных сюда был незначителен. Русские были в основном выходцами из северных а частично центральноевропейских территорий (Сабурова, 1964, 1965). У русских старожилов средней Ангары имеется небольшая примесь местного тунгусского элемента. Почти в каждой деревне могут указать две-три семьи, где бабка или прабабка — тунгуски. В деревнях Костино и Прокопьево примесь коренного населения несколько больше.

Две другие группы старожилов исследовались по течению Енисея от Енисейска до Туруханска. В южную енисейскую группу вошли уроженцы селений вокруг Енисейска, большая часть которых являлись потомками выходцев из северных русских областей и русских промышленников (Александров В.А., 1964, С. 180-182 и др.). Широкое переселенческое движение конца XIX в. мало коснулось Енисейского уезда. Поселенцы, которые были все же направлены в этот уезд, расселились вокруг Енисейска, в старожильческих селах и в новых селениях.

Северная енисейская, или туруханская, группа - это потомки старожилов из станков от Ярцева до Туруханска. Подавляющее большинство осевшего там населения пришло из Северного и Восточного Поморья (Русского Севера) - русские и коми; поздние переселения из России почти не касались этого северного района (Степынин; Александров В.А., 1964. С. 180).

Многие широко распространенные там фамилии были известны еще в начале XVII в. (Краснопевыг - сейчас Краснопеевы, Поповы, Козьмины, Фомины, Угрюмо-вы, Хромых, Зыряновы, Ярковы и др.). По своему общему облику северная енисейская группа кажется чисто русской, в южной есть следы небольшой местной примеси.

В Забайкалье исследованы потомки казаков, поселившихся по р. Онон в XVII в. (ононская группа). Казаки часто брали в жены местных женщин (в этом районе - из обурятавшихся тунгусов (Русские старожилы Сибири; Патканов; Осокин). В ононской группе русских остались три семейные фамилии местного происхождения: Гантимуровы, Гырылтуевы и Цибиковы - две первые эвенкийские, последняя - бурятская. Это указывает, какие народы вошли в состав ононской группы. Местное название этого смешанного населения - гураны. Ононская группа состоит из уроженцев нескольких казачьих станиц Акшинского и одной станицы Кыринского района Читинской области (Акша, Могойтуй, Кыра, Верхний Ульхун, Нарасун, Мангут и др.).

Еще одна смешанная группа русско-бурятского происхождения - кударинская - состоит из уроженцев сел между реками Хилок и Чикой в КударогСомонском районе. Это потомки казаков и карымов - обрусевших бурят Цонголова рода.

Особое положение ввиду полного отсутствия каких-либо контактов с местным коренным населением занимают сибирские старообрядцы, поселенные в Сибири в XVIII в. Они жили очень обособленно и вследствие этого сохранили в полной чистоте тот облик, который был им свойствен. Возможности жить своим миром без общения с окружающим населением способствовал характер переселения старообрядцев в Сибирь семьями (откуда и пошло название забайкальских старообрядцев - семейские). Их потомки исследовались в Тарбагатайском районе по р. Селенге и в Красночнокской районе по р. Чикой, они составили две группы. В первую - чикойскую группу - вошли уроженцы сел Урлук, Хилкотон, Нижний Нарым и Альбитуй; вторая - селенгинская группа - состоит из уроженцев сел Большой Куналей, Верхний и Нижний Жирим, Куйтун, Надеино, Десятниково, Бичура, Тарбагатай (тот самый, который описывается Н.А. Некрасовым в его произведении "Дедушка").

Обособленными селами жили до последнего времени старообрядцы Алтая (местное название - "поляки"). Исследованы жители селений Секисовка, Быструха и Малоубинка в Шеманаихинском районе по течению р. Убы (убинская группа).

В Сибири старообрядцы селили в селах, где уже жили в то время русские. Таковы все или почти все их села, исследованные в Тарбагатайском и Красночнокской районах. На Алтае они оседали на неосвоенных местах. По мнению некоторых исследователей, старообрядцы представляют собой потомков людей из областей к югу или юго-западу от Москвы (Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской), бежавших в Белоруссию, а оттуда переселенных в Сибирь. В их состав также вошли выходцы из центральных и северо-западных областей России (Швецова; Гирченко). В Белоруссии старообрядцы образовали единую общность, которая разделилась при поселении на Алтае и в Забайкалье. В настоящее время в каждом из районов, занятых старообрядцами, встречается множество фамилий, общих для всех трех районов, что говорит об общих предках этих групп.

Особую группу старообрядческого населения Алтая составляли русские, известные под именем кержаков, или каменщиков. Их предки пришли на Алтай, в камень (в горы), по большей части из Нижегородской губернии с р. Керженец:

Кержаки также жили замкнуто. Связи с окружающим их казачьим населением были незначительны или совсем отсутствовали. Несколько кержацких селений сохранялось на р. Бухтарме еще в 1930-е годы: Печи, Белая, Коробиха и др. Сейчас в них остались единицы кержаков, за исключением деревни Коробиха: потомки кержаков, живущие там в настоящее время, составили при исследовании бухтарминскую группу.

Были исследованы метисные группы русских по Верхней Лене, а также русские в двух заполярных районах: в низовьях Индигирки (поселок Русское Устье) и на Камчатке (камчадалы).

Поселившиеся в Сибири русские в первое время из-за недостатка своих женщин вступали в браки с местными, и таким образом возникало в той или иной степени смешанное население, потомки которого впоследствии растворялись в мощных волнах последующих русских переселенцев. Группы старожилов смешанного происхождения до последнего времени сохранились в тех районах, где последующее переселение не было столь значительным. К таким группам можно отнести: 1) русских, сохранившихся и сейчас главным образом по нижнему течению р. Индигирки; 2) русское население Верхней Лены и восточных районов Якутии; 3) ононскую и кударинскую группы в Забайкалье; 4) камчадалов Камчатки (Селшцев; Фольклор семейских).

Смешанное происхождение имеют не только русские, но и многие аборигенные группы. Доля русской крови в некоторых популяциях бурят, эвенков, манси, хантов, селькупов, коряков и некоторых других должна быть значительной.

Сибирские старожилы характеризуются несколько меньшей длиной тела (165,6-167,0

см), чем средняя, у русских Европейской части страны (167,0 см), тогда как все группы старообрядцев более высокорослы (167,4-168,0 см).

Во всех группах сибирских русских, старообрядческих и старожильческих, отмечено укрупнение лицевых размеров по сравнению с исходными русскими величинами.

Укрупнение размеров лица в ононской и кударинской русских группах частично можно объяснить смешением с соседним коренным населением; в ангарской, южной енисейской и, возможно, в очень небольшой степени в бухтарминской группах нельзя исключить наличия некоторой примеси местных народов. У "семейских" Забайкалья и "поляков" Алтая нет оснований предполагать даже легкую примесь окружающих народов - бурят или алтайцев. Тем не менее и здесь размеры лица и высота носа увеличены сравнительно со средними данными по русскому населению. Таким образом, более крупные размеры лица и большая высота носа являются характерными чертами русского населения Сибири, независимо от того, происходило ли смешение с местным населением или нет.

Наряду с некоторыми общими для всех сибирских русских групп чертами каждая из категорий русского населения Сибири имеет сочетания признаков как сближающих их с русскими исходных территорий, так и указывающих на процесс смешения с местным сибирским населением.

Старожилов бассейна Ангары и Енисея (группы ангарскую и обе енисейские) можно рассматривать вместе, так как эти территории заселялись сходными путями. Основная масса переселенцев направлялась сюда из областей Русского Севера, но, конечно, проникали и уроженцы других мест России. У русских южной енисейской и ангарской групп прослеживаются особенности, характерные для севернорусских групп. Вместе с тем у старожилов Ангары и Енисея имеются черты, не свойственные севернорусским.

Особенности, характеризующие северных русских в отличие от суммарного русского типа, могли быть усилены у сибиряков вследствие смешения, однако нет оснований думать, что оно было значительным, поскольку не изменило сколько-нибудь заметно такой существенный признак, как цвет глаз. Только большая ширина лица в южной енисейской и ангарской группах в сочетании с несколько более темными волосами при увеличении частоты набухшего века (в сравнении со старообрядцами Алтая и Забайкалья) дают возможность предполагать, что в енисейской и ангарской группах происходило небольшое смешение с коренным населением (примесь составляет менее 10%).

Ононская группа, как уже говорилось, состоит из потомков казаков, в состав которых наряду с русскими вошли эвенки и буряты. Физический облик этой группы - свидетельство смешения казаков с местным бурятским и тунгусским населением. Смешение происходило, несомненно, в гораздо большей степени, чем в бухтарминской, ангарской и южной енисейской группах. Русские и буряты вошли в эту группу, по-видимому, почти в равном количестве (примерно по 40%), эвенки - приблизительно на 20%,

Старообрядцам Алтая и Забайкалья свойственны такие общие признаки, как высокий рост, лицо выше и шире среднего для русских, но все же менее крупное, чем у старожилов, более короткий нос. Старообрядцы характеризуются также более светлыми, чем у всех других сибиряков, волосами. У них редко встречается набухшее веко. Можно считать, что по ряду признаков имеется сходство между старообрядцами Сибири и русскими юго-западных областей Европейской России, откуда частично вышли их предки.

Бухтарминцы (кержаки), как уже отмечалось, - потомки старообрядцев, пришедших из Нижегородской губернии, для антропологического типа населения которой характерна тенденция к уменьшению размеров головы и широтных размеров лица. Бухтарминская группа русских сохраняет морфологические особенности типа, характерного для исходной территории, и есть единственный признак, который указывает на вероятность смешения с коренным населением, - развитая довольно сильно складка верхнего века.

Русские Сибири, несмотря на то что они пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и его частей: скулового и челюстного диаметров, высоты лица и носа. Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских Европейской части страны. Отдельные группы сибирского населения имеют некоторые свойственные только им черты.

На территории Якутии исследованные русские старожилы бассейна Лены от Усть-Кута вниз по реке составили пять групп: усть-кутско-жигаловскую, казачин-скую, киренскую, витимскую, олекминскую (Алексеев В.П., Беневоленская, Гохман, Давыдова, Жомова). В основном ленское старожильческое население имеет смешанное русско-якутское происхождение. Уже в конце XIX в. в этих местах около трети мужчин и еще больше женщин даже не умели говорить по-русски (Майнов). В целом доля участия аборигенных групп в формировании ленских русских групп не больше доли вхождения бурят и эвенков в состав русских Забайкалья. По-видимому, первоначальная сильная метисированность населения Верхней Лены ослабла впоследствии, благодаря новому притоку русских поселенцев.

Заполярная группа русских в низовьях р. Индигирки исследовалась в мелких поселках, самый большой среди которых - Русское Устье, давший название населению - русскоустыинцы. Жители поселков составляют один брачный круг. Эта группа включает потомков от смешанных браков первых поселенцев и аборигенов, принявших русский язык и культуру. В состав русскоустыинцев вошли юкагиры, эвены и якуты, Индигирская группа сильно отклоняется от енисейского русского типа по всем измерительным признакам. Индагирцы занимают промежуточное положение между якутами, эвенами, с одной стороны, и енисейцами - с другой, причем по одним признакам они ближе к русским енисейцам, по другим - к якутам и эвенкам. По доле участия в формировании индигирской популяции после якутов стоят эвены, а затем юкагиры.

Камчадалы - группа русского населения Камчатской области - являются обрусевшими потомками древних ительменов, живших в долине р. Камчатки и на юго-западе полуострова. Русские старожилы здесь - потомки казаков и крестьян, переселенных в XVIII в. из Якутии, где в их составе уже имелась якутская примесь. По важнейшим признакам камчадалы занимают промежуточное положение между коряками и собственно русским населением Камчатки. Наличие ительменской примеси у русского населения Камчатки с антропологической точки зрения не вызывает сомнения. Нынешние камчадалы имеют ительменскую и корякскую примесь, причем, исходя из их антропологических особенностей, можно считать, что доля ительменского элемента в их составе более значительна, чем доля корякского (Дебец, 1951). Постоянный приток русских эмигрантов и включение их в местный брачный круг привели к очень значительному усилению русского элемента в составе здешних русских. Обследование той части старого русского населения, которая не включила в свой состав приезжих, показало, что ительменский элемент, вошедший в состав русских, несет следы ительменско-айнских контактов. Общая доля ительменского элемента в суммарной русской старожильческой группе с учетом прилива недавних мигрантов оценивается примерно в 40%. До этого притока, т.е. два-три поколения назад, она была выше и составляла более 65% (Перевозчиков).

Итак, все русские сибиряки имеют некоторые общие морфологические черты, прежде всего в строении головы и лица, а именно более крупные размеры по сравнению с русскими Европейской части страны. Группы русских, которые не смешивались с местным населением, обнаруживают признаки морфологического сходства с жителями тех областей России, откуда вышли их предки. Группы русских, которые смешивались с местным населением, сохраняют следы этого смешения. Но постепенно доля местного элемента в составе русских старожилых убывает вследствие постоянного притока русских

и включения их в брачные круги. Сейчас это основное направление изменения антропологического типа сибиряка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК

Интерес к русским народным говорам, зародившийся у филологов в XVIII в., способствовал формированию во второй половине XIX в. особой науки -русской диалектологии. С начала своего существования она развивалась в трех направлениях. Первое из них связано с собиранием сведений об особенностях русских говоров в области фонетики, грамматики, лексико. Второе направление — лингвистическая география, сведения о территориальном распространении диалектных черт и диалектов. Эта область исследований связана в первую очередь с созданием в 1914 г. Диалектологической карты русского языка в Европе и комментария к ней (Дурново, Соколов, Ушаков) и Диалектологического атласа русского языка и созданной на его основе Диалектологической карты русского языка (1964 г.) (Диалектологический атлас (ДАРЯ); Захарова, Орлова). Третье направление - историческая диалектология. Она выявляет возникновение и историю диалектных черт в разные эпохи, а также историю диалектов как разновидностей русского языка, функционировавших в качестве средства общения на определенных территориях.

Русская диалектология первой половины XX в. рассматривала диалектные особенности как некий набор языковых черт, по которым классифицировались диалекты. Современная лингвистика рассматривает язык как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Национальный язык, как средство общения всей нации, представляет собой сложное целое, включающее несколько разновидностей: литературный язык, диалектный язык, просторечие, жаргоны. В отличие от литературного языка, который в принципе внутритерриториален, диалектный язык территориально вариативен. В нем выделяются элементы языковой системы, общие для всех русских говоров, и элементы, отличающие одни говоры от других.

Диалектный язык можно рассматривать в двух аспектах - системном и территориальном. При изучении диалектного языка как системы различные его разновидности выделяются как типологические величины. Вариативные черты говоров (частных диалектных систем) при этом рассматриваются как элементы общей языковой системы независимо от того, как они располагаются на территории. При территориальном, лингвогеографическом аспекте изучения диалектного языка на первое место выходит рассмотрение именно пространственного, территориального расположения вариантов явления.

Диалектные различия, или междиалектные соответствия, - это элементы частных диалектных систем - говоров, отличающие их друг от друга на фоне тех общих черт, которыми эти говоры объединяются. Значительное единство фонетического и особенно грамматического строя характеризует все русские говоры.

Диалектные различия обычно выступают на основе и другой общности -материальной, проявляющейся различным образом. На основе общности отдельного слова в нем могут выделяться такие диалектные различия, как место ударения: сосна - едена; фонемный состав: комар - комары грамматическая характеристика: мышь жен. рода III склонения, род, падеж мыши - мыш муж. рода II склонения, род. падеж мыши. Основой общности

может быть звуковая оболочка слова, выступающего в разных значениях: жито - "ячмень", "рожь на корню", "рожь в зерне", "рожь вообще", "зерновые культуры". Основой может быть одно и то же значение, передаваемое в разных говорах разными словами: "льдины" - льдины, ледянки, крыги, крынги, скрины, икры, плиты, глыбы, бирки, чки. На основе общности корня и значения выделяются словообразовательные варианты: косье, косовье, косовище, косевейще, окдсье, окдсево.

Диалектные различия, относящиеся к фонетической и грамматической системе, выделяются на основе общности не отдельного слова, а множества слов. Так, диалектное различие [г] - [у] проявляется в огромном количестве слов, содержащих эту фонему: голова, город, гусь, нога, друга и др.: [г]олова - [у]олова и т.п. Диалектное различие в образовании формы род. падежа ед. числа существительных жен. рода I склонения с окончанием -ы или -е проявляется в принципе у всех слов этого типа: жена, сестра, кума, сосна, коза и др.; у женьг - у жене и т.п.

Значительная близость систем разных русских говоров, проявляющаяся в единстве многих звеньев фонетического и грамматического строя, лексического состава, позволяет рассматривать эти системы как варианты одной общей системы - русского диалектного языка, теория которого была разработана Р.И. Аванесовым.

Фонетика

К фонетическим диалектным различиям относятся различия в области вокализма (системы гласных звуков), консонантизма (системы согласных звуков), интонации, ударения, слога и темпа речи.

При характеристике вокализма различаются положение гласных под ударением и без ударения.

Современной литературной фонеме <e) под ударением в древнерусском языке соответствовало две фонемы: (e) и (•%). Эта разница отражалась и в написании: отецъ, верхъ, но тѣло, етра. В литературном языке, как и во многих говорах, в этих словах со второй половины XVIII в. произносится один и тот же ударный гласный [e]. Но в некоторых говорах в этих и в других подобных словах произносятся разные звуки. На месте старого e произносится звук [e] типа литературного. Но на месте старого t произносится либо дифтонг [ne], либо звук, обозначаемый в транскрипции [e] - средний между [e] и [и]. Его называют "е закрытым", так как рот при его произнесении закрыт чуть больше, чем при произнесении обычного [e]. Так произносятся слова л[иѣ]с, в[иe]рд, с[иe]но и др. или л[e]с, e[e]paф c[\$]но и т.п. Таким образом, фонеме (e) одних говоров соответствуют две фонемы (e) и (ъ) в других говорах, сохраняющих более древнее различие.

Фонема (o) современного литературного языка и ряда говоров возникла из двух фонем древнерусского языка. Одна из них - (o) - выступала в таких словах, как год, рожь, сон и т.д., а другая - (ш) в таких словах, как кот, воля, новый, и т.д. Фонема (ы) и на письме в некоторых памятниках передавалась буквой ш. В части говоров это различие сохраняется до сих пор: на месте to произносят дифтонг [yo] или [o] "закрытый", средний между [o] и [y]: к[yo]т, в[yo]ля, или к[р]т, в[o]лл и т.п.

Во многих говорах, как и в литературном языке, произошло изменение [e] в [o] под ударением перед твердым согласным: o[v'б]с, бе[r'б]за и др. Но в некоторых говорах этот процесс не происходил или был непоследовательным, в результате чего в этих говорах в таких словах, как и в древнерусском языке, произносится [e]: o[v'ѣ]с, бе[r'ѣ]зй. В некоторых говорах этот переход [e] в [o] наблюдается лишь в окончании глаголов I спряжения: идѣш, ид[б]т, идѣм, ид[б]те.

В литературном языке, как и во многих южнорусских говорах, {Ъ) совпала с (e) как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: одинаково произносится ударный гласный в таких словах, как день, пень, десять, где он восходит к e, и в таких словах, как веник, месяц, хлебец, где ударный гласный восходит к t. Но в севернорусских говорах на месте t перед мягким согласным звучит [и]: в[й]нцк, м\O\сяц, понедельник и т.п. В этих

говорах наблюдается чередование [е] (или [ие, е]) с [и] типа с[б]но (с[ие]но, с[е]но) - на сЩне; т[б]ло (т[ш]ло, т[е]ло) - в т[й]ле и т.п. Иногда [и] на месте ? наблюдается в этих говорах и перед твердым согласным: говорят хлеб, лито, ото, бйлый, смих, нит.

Многим севернорусским говорам известно чередование [а] после мягкого согласного перед твердым с [е] между мягкими согласными: г[р'аз]кый (грязный) - по 2[р'ез]и, [п'а*т]ый (пятый) - [п'бт*]ница, г[л'йн]у - г[л'е*н']ет, гу[л'йп]а - гу[л'ёл']и. В некоторых говорах такой [е] на месте ['а'] сохранился лишь в слове опешь (опять). В подобных говорах возникли поговорки ЯЯе до обедни, коли много обрѣдни (т.е. обрядни - хлопот по хозяйству), Как ни вилѣй (вилай), а не миновать Филей (возникла после решения Кутузова в Филях о сдаче Москвы французам в 1812 г.).

Говоры могут отличаться и по произношению ударных гласных в отдельных словах. Так, во многих южнорусских говорах на месте [а] выступает [о]: тбщишь, котишь, плотишь, а на месте [о] выступает [а]: лйвишь, салишь, ходак и др.

Во многих западнорусских говорах, а также в говорах возле Онежского озера на месте [о] перед (j) встречается произношение [ы] или [э] (после [г, к, х] также [и] или [е]): мь(ю), рь(ю, молодьШ, худый, тый (тот), такой (такий), глухой (глухой), или мѣю, рѣю, молодѣй, хуЪѣй, тѣй, такѣй (такѣй), глухѣй (глухѣй) и т.п.

Основные системы безударного вокализма после твердых согласных - оканье и аканье. Оканье - это различие звуков [о] и [а] в безударном положении: в[б]ды - в [о] да, сн[о]п (сн[бу]п, сн[<?>п) - сн[о]па, но тр[&]вы - тр[&]ед, д[а]л - д{ъ}лй. Бывает полное и неполное оканье. При полном оканье [о] и [а] различаются во всех безударных слогах; говорят б[о]р[о]дд, м[о]л[о]ддй, дф[о]г[о] и Н[а]н[а]хдmb, т[&]б{& \кдм, въ*д[а]л[а]. При неполном оканье различие [о] и [а] наблюдается лишь в первом предударном слоге. В остальных же безударных слогах произносится один и тот же гласный, обычно [ъ] - звук, средний между [ы] и [а]: б[ъ]р[о]да, м[ъ]л[б]дбй, ~ддр[ъ]г[ъ] и н[ъ]п[л]х^ть, т[ъ]б[а]ком, въ1д[ъ]л[т>].

Аканье - это неразличение (о) и {а} в безударном положении после твердых согласных, совпадение их в части позиций в звуке [а]. Есть два типа аканья: диссимильное и недиссимильное, или сильное. При недиссимильном (сильном) аканье (о) и (а) совпадают в первом предударном слоге всегда в [а], независимо от ударного гласного: с[б]вы - с[а]во, с[а]еы', с[а]е>'; трЩвыг- тр[а]ва, тр[а]вы, тр[а]е/. При диссимильном аканье (о) и (а) совпадают в первом предударном слоге в звуке [а] перед ударными гласными верхнего подъема [и, ы, у] (подъем гласного определяется степенью подъема спинки языка к нёбу) и в звуке [ъ] или [ы] перед ударным гласным нижнего подъема [а]: с[а]вы\ с[а]«У, тр[а]вы, тр[а]еу~ с[ъ]ва, тр[ъ]ва или с[b]led, тр[ы]лвй.

При диссимильном типе вокализма предударный и ударный гласный связаны как две чаши весов: если поднимается одна чаша, то другая опускается. На месте о и а перед гласным верхнего подъема [и, ы, у] произносится гласный нижнего подъема [а], а перед гласным нижнего подъема [а] произносится гласный среднего подъема [ъ] или верхнего подъема [ы].

Очень разнообразны системы вокализма первого предударного слога после мягких согласных. Здесь также выделяются два главных типа: с различием фонем (о - е - а) после мягких согласных или с их неразличением, совпадением в одном звуке.

В окающих говорах в соответствии с {о - е - а} в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми выступают три основных типа вокализма. 1-й тип - различие трех гласных [о - е - а]: [н'ос] (нѣс) - [н'ос]у (Несф); к[р'ес]т - к[р'ес]ть(, [л'ес]([л'йес], [л'ес]) - в [л'ес]/; [п'ат]ьш {пятый) - [п'ат]<*к (пятак). 2-й тип - различие двух гласных [е - а]: [н'ес]/, *[р'ес]ть/, в [л'ес]/- [п'ат]а'к. 3-й тип - неразличение всех этих гласных, совпадение их в звуке [е]: [н'ес]/, к[р*ес]ты, в [л'ес]/, [п'ет]ак; такой тип называется ёканьем.

Произношение безударного [о] после мягкого согласного называется ёканьем. Ёканье встречается только в окающих говорах и может быть предударным: [с'о]стра (сестра),

[в'о]снс? (весна), б[р'о]вко', [н'о]с/ и заударным: въ/[н'о]с (вынес), ст^[н'о]ш, п<Ял'о], несй[т'о].

В акающих говорах гласные (о - е - а) в первом предударном слоге после мягких согласных не различаются, совпадают. В зависимости от того, какой звук произносится на их месте, выделяют три основных типа такого неразличения гласных: еканье, иканье, яканье.

Еканье было свойственно и русскому литературному языку. В XIX в. это был основной тип литературного произношения, сейчас в литературном языке чаще встречается иканье.

Иканье - это совпадение всех гласных, кроме (у), в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]: [н'ос] - [н'ис]/, [h'hc'Jw',l [c'ew]o - [c'ин]но'й, [c'ин']нц'к; [п'а"т]ьи - [п'ит]алг, [п'ит']ё/?ка; [п'ил]кд - [п'ил]а', [п' ил ']ить.

Яканье - тип безударного вокализма, при котором гласные <о - е - а) совпадают в первом предударном слоге после мягкого согласного всегда или в части позиций в звуке [а] (л). Постоянное совпадение этих гласных в [а] называется сильным яканьем: н' асу", н'асла, н'ас'й; в л'асу", л'аса, л'ас'йна; п'атку, п'атак, п'ат'й. Чаще же встречается совпадение этих гласных в одних позициях (в зависимости от качества ударного гласного, твердости или мягкости следующего согласного) в звуке [а], а в других - в [и] или [е]. В соответствии с характером этих позиций выделяется много различных типов и подтипов яканья.

В области консонантизма одна из наиболее ярких диалектных особенностей, свойственная всему южному наречию, - произношение [у] (т.е. озвонченного х) в соответствии с севернорусским и среднерусским [г]: [у]олова, [у]роза, dy[y]d, кру[у]лый. На конце слова на месте [у] произносится [х]: дру[у]а - дру[\]t по[y\д-но[x] (ср. в пословице "Старый дру[x] лучше новых двух").

Большая часть русских говоров, как и литературный язык, знает четыре губные щелевые фонемы, представленные в сильных позициях звуками [в] - [в'] - [ф] - [ф']. Другие говоры отличаются по составу фонем, по качеству воплощающих их звуков, по их позиционному распределению.

В древности русский язык, как и другие славянские языки, не знал фонем <ф), {ф'}. Звуки [ф], [ф'] были чужды русской речи и проникали туда из греческого языка (через посредство церковнославянского) и из других соседних языков. Осваивая такие слова, как Фёдор, Фома, София, Афанасий, фараон, февраль, сарафан, кафтан и др., русские заимствовали и фонемы (ф) и (ф').

Однако и до сих пор в ряде русских говоров звуки [ф], [ф'] заменяют другими звуками. Чаще всего перед гласными, кроме [у], произносятся сочетания [хв], [хв'] или [хw], [хw']: хвабрика, хвамилия, сарахан, телехвон, Хвилипп, Хведор. Перед [у], перед согласными и на конце слова обычно произносится [х]: хунт, хуражка; кохта, тухли; торх, тих, штрах.

На месте фонемы (в) в современных русских говорах могут произноситься губно-зубной [в] и губно-губной [w]. Звук [в] на конце слова и перед глухим

83

согласным чередуется с [ф]: тра[в]а - тра[ф], тра[ф]ка, [в] окно - [ф] сад. Звуку [w] на конце слова и перед согласным соответствуют звуки [w] или [ʃ] (неслоговой гласный): тра[vr]a - тра[v/], тра[w]«а или тра[у"]", тра[у]ка. В начале слова перед согласным в таких говорах на месте в может произноситься [у]: ун^к, у сад, у Курске.

На месте в', а также других мягких губных согласных на конце слова во многих говорах произносятся твердые губные: любо[ч/] (любо[у" J) или любо[ф] {любовь), Кро[w] (кро[ʃ]) или кро[ф] (кровь), а также голу[п] (голубь), сы[п] (сыпь), се[м] (семь) и др.

Во многих говорах есть звуки [л] и [л1]- В части говоров на месте л перед гласными непяреднего ряда произносится [1] "средний", "европейский": соЩома, г[\ухой, с\X\ыха\ла. В этих же говорах [1] встречается на месте мягкого л' перед согласным и на конце слова: оДОха, па[\]тог хме[У\, учитЩХ]. На месте твердого л перед согласным и на

конце слова в этих и некоторых других говорах произносится [w] или [J]: па[W]Ка, жо[ч*]тый, да[W] или па[Ка, жо[С]тый, да[f],

В русских говорах наблюдается большое разнообразие звуков, употребляющихся в соответствии с исконными аффрикатами ц, ч. Основное различие между диалектными системами по употреблению этих звуков сводится к трем типам¹. 1) различению двух аффрикат, 2) совпадению их в одной аффрикате, 3) отсутствию аффрикат.

На месте древнерусских мягких ц' и ч' во многих говорах и в литературном языке произносится [и] твердый и [чт] мягкий: [ц]арь, кури[ц]а, оте[ц] - [ч']дй, до[ч*]ка, ле[ч']. В некоторых говорах отвердели обе аффрикаты: [ц]арь, кури[ц]а, оте[и\ - [ч]ай, до[ч]ка, пе[ч], [ч]ысто, в[ч]эра.

Совпадение аффрикат называется цоканьем. Наиболее древний его вид - мягкое цоканье, когда на месте цпн произносится мягкий [ц'] или палатальный (шепелявый) [ц'']: [и, 'арь, кури[и?']а, оте[ц*] - [ц']ай, до[ц']ка, ие[ц']. Есть народная шуточная характеристика, обыгрывающая эту диалектную черту: Цереповцыне тоцьно англицяне, только нарьцьё Бругбё. В некоторых вятских и пермских говорах отмечается чоканье - разновидность цоканья, когда ц и ч совпали в [ч1] или в близком к нему звуке: \чу'арь, курц[ч']а, оте[ч*] - [ч']аы, до[ч']ка, пе[ч']. И эта черта отражена в дразнилке о вятчиках: Мы, вячки, ребята хвачки, семеры одного не боимси.

Мягкое цоканье было свойственно древнему новгородскому диалекту и землям, колонизованным новгородцами. Впоследствии мягкое цоканье претерпевало изменения на некоторых территориях.

В некоторых говорах (главным образом, запада южного наречия, Южного Урала, некоторых вятских) на месте ц произносится [с], на месте ч - [ш1]: [с]арь, кури[с]а, оте[с]; [ш']ай, до[ш']ка, пв[ш']. Эта диалектная черта отражена в дразнилке: Куриса на улисе яйсо снесла.

В соответствии с ш, ж в древнерусском языке произносились мягкие согласные, которые в большинстве говоров отвердели. Однако в редких говорах до сих пор сохраняются мягкие [ш1], [ж*]: [ш*)шпё, [ш1]еапой, ду[ш']но, бату[ш']ки, мы[ш']; [ж']шш, [ж']ека, [ж']а/жо, хо[ж']у, по[ж']ня. Компактные группы таких говоров отмечены в Ивановской и Кировской областях.

Произношение долгих мягких шипящих [ш'], [ж1] встречается преимущественно в говорах центра, около Москвы: [ш*)ука, и[т']у, я[ш']цк; <[ж']ы, дро[ж']и, ви[ж']ать. Но наиболее распространено произношение твердых [ш\, [ж]: [Щука, и[ш]у, я[ш]ык, ве[ш]ы; во[ж]ы, дро[ж]ы. В ряде севернорусских говоров сохраняются наиболее древние сочетания [ш'ч'], [ж'д'ж*]: [ш'ч'^ка, во[ж'ц'ж']и, е[ж'д'ж']у. В части говоров эти сочетания отвердели: [шч]ука, и[шч]у; во[ждж]ы, е[ждж]у.

Во многих говорах, в том числе почти во всех севернорусских, сочетания [ст], [с'т5] на конце слова утратили последний согласный: хвое, мое, крес, баянис, шерсь, облась.

В русских говорах наблюдаются результаты различных фонетических изменений, связанных с ассимиляцией, уподоблением одних согласных другим, соседним.

Многие говоры знают смягчение заднеязычных согласных после мягких согласных. В южнорусских говорах такому смягчению подвергся только [к]; Вя[н'к']я, уго[п'к']ём, ре[т'к']ю, Мару[с'к']я и т.п. В среднерусских и севернорусских говорах кроме [к] смягчаются и другие заднеязычные: де[н'г']Ам, коче[р'г*']я, о[л'х']л, све[р'х']ю. При смягчении [к] после мягких согласных ощ| может отсутствовать после звуков, выступающих на месте ч, и/или после j в таких словах, как дочка, молочко; копейка, хозяйка и т.п.: доч[к']я или доч[к]а, копей[к']я или копей[к]а.

В некоторых говорах происходило уподобление, ассимиляция согласного следующему носовому м, н. Вместо бм произносят [мм], [м'м']: омман, оммокнуть, омменять, оммерить. Вместо дн произносят [ни], [н'н']- В одной из дразнилок это произношение обыгрывается так: "Менный ковш упал на нно, а достать-то холонно. И обинно, и досанно, ну да ланно, всё онно". Вместо вн могут произносить [мн]. В некоторых

костромских говорах это произношение отмечается во всех словах с исконным сочетанием *вн* в середине слова: бремно, рамнина, кромные, на дромнях, полкомник и т.п. Чаще же такое произношение встречается лишь в словах *мнук*, *дамно*, *деремня* и некоторых других.

На месте сочетаний переднеязычных согласных с *j* могут произноситься сочетания долгих (двойных) переднеязычных: *свиння* (из *свин[щ]я*), *гниллё*, *плаття*, *суддя*, *друззя*, *рожжу*.

Морфология

Диалектные различия у некоторых существительных связаны с их отнесенностью к мужскому, женскому или среднему роду: *мое* полотенце (ср. род) - *мой* полотенец (муж. род); *красное* яблоко (ср. род) - *красный* яблочок (муж. род); *серая* мышь (жен. род) - *серый* мыш (муж. род). В связи с этим может меняться и принадлежность слова к типу склонения. Так, слова *мышь*, *зверь*, *лось*, *путь*, *овощ* и некоторые другие могут принадлежать к муж. роду и изменяться по II склонению: им. пад. *путь*, род. пад. *путк*, дат. пад. *путк\$*, тв. пад. *путём*, а могут принадлежать к жен. роду и изменяться по III склонению: им. пад. *путь*, род. пад. *пути*, дат. пад. *пути*, тв. пад. *пу'тью* и т.д. Слова *скирда*, *истбпка*, *потолдка* жен. рода изменяются по I склонению, а соответствующие им *скирд*, *истбпок*, *потолок* муж. рода изменяются по II склонению. Слова типа *стадо*, *сёно*, *дело*, *лыко* могут принадлежать среднему роду {большое стадо} и изменяться по II склонению, а могут принадлежать жен. роду (большая *cmdda*) и изменяться по I склонению.

Существительные I склонения в род. падеже ед. числа в севернорусских говорах имеют окончание *-ы*, *-и*: *сестрь*], *земли*, а в южнорусских широко распространено *-е* (ср. в поговорке: "У голодной куме все хлеб на уме").

Эти существительные в дат. и предл. падежах ед. числа в западных говорах имеют окончание *-ы*, *-и*: к *воды*, в *водьг*; к *земли*, на *земли* и т.п. В твор. падеже в некоторых говорах произносится безударное окончание *-уй* (*-юй*): *лопатуй*, *бйбуй*, *дерёвнуй*.

У существительных II склонения может более широко употребляться окончание *-у* в род. и предл. падежах: нет *тулупу*, до *вечеру*, для *сторожу*, без *делу* (род. пад.); на *острову*, в *дому*, на *бык\$*, о *сыну* (предл. пад.).

У существительных III склонения наблюдаются окончания, вызванные влиянием I склонения: в дат. и предл. падежах окончание *-е*: к (на) *лбшаде* или *лошадё*, по (в) *грЛзе* или *грязё*; в вин. падеже окончание *-у* (*-ю*): *пену*, *лбшадю*, *шалю*; в твор. падеже окончание *-ей*: *лбшадей*, с *сблей* или *-юй*: *лбшадюй*, с *сблюй*. У существительных множественного числа в им. падеже могут быть окончания *-и* (*-ы*) и *-а* (*-я*). Диалектные различия связаны с распределением этих окончаний у разных слов. Во многих говорах, особенно южнорусских, окончание *-а* (*-я*) известно не только у слов муж. и ср. рода (*дома1*, *поля*), но также и жен. рода, преимущественно с основой на мягкий согласный: *лошадя*, *матеря*, *яблонЛ*. У существительных муж. рода окончание *-а* (*-я*) шире всего представлено в говорах восточной части южного наречия. Здесь говорят *плотника*, *арбуза*, *коренЛ*. Окончание *-ы* (*-и*) шире всего представлено в говорах запада, здесь говорят *дбмы*, *леса*, *глазы*, *луги*.

В род. падеже мн. числа во многих говорах наблюдается расширение сферы употребления окончания *-ов* (*-ев*): *бйбов*, *Лгодов*, *пёснев*, *родителей*, *Медведев*. Встречается также окончание *-ох*: *домбх*, *столбх*.

Окончание твор. падежа большинства севернорусских говоров совпадает с окончанием дат. падежа. Здесь говорят с *рукйм*, с *ногам*, с *котятм* (твор. п.), как к *рукам*, к *ногам*, к *котАтам* (дат. п.). Эта диалектная черта отразилась в загадке о смерти: "Ходит хам по горам, берет ягоды с грибам". Встречается в северных говорах и окончание *-ома*: с *рукама*, за *домйма*. В акающих говорах у существительных с основой на заднеязычные согласные

широко распространено безударное окончание -ими: руками, ногими, но пилкими, книгами, старухими.

У прилагательных род. падежа ед. числа муж. и ср. рода основное диалектное различие связано с качеством согласного в окончании: [в] или [г] ([у]): молодб[в]о, молодб[г]о, молодб[у]о. В говорах северного наречия в качестве факультативного варианта встречается также окончание без согласного: молодбо. В твор. падеже мн. числа, как и у существительных, в большинстве говоров северного наречия наблюдается окончание, совпадающее с окончанием дат. падежа: с миленьким котятм, с худь'ш сапогам. Встречаются также окончания -шла (-ыма): с тонкими, с бёлыма.

В северном наречии и части среднерусских говоров распространены стяженные, односложные окончания прилагательных, возникшие из двусложных в результате стяжения гласных после выпадения j: нова из нбва]а (новая), нбву из нбву}у (новую), нбво из Ноео]о (новое), новы из новьце (новые). Эту диалектную черту отражают поговорки: "Молчи глуха: меньше греха"; "Не тужи, наживешь ременны гужи".

Многие диалектные различия связаны с образованием глагольных форм. Одно из наиболее важных - твердость или мягкость т в окончании 3-го лица ед. и мн. числа. Для северного наречия характерно произношение [т] твердого: он идет, сидит, они идут, сидят, для южного наречия - [т1] мягкого: он идеть, сидить, они идуьть, сидять. С мягким [тт] в этой форме связаны поговорки: "Много говорить -голова заболишь"; "Не учи хромать, у кого ноги болять"; "Без зубов лесть, а с костями съесть".

Многим говорам известны формы 3-го лица вообще без согласного. На севере чаще отсутствует -т в 3-м лице ед. числа I спряжения и в 3-м лице мн. числа II спряжения: он идё, они сидя, но он сидит, они идут. На юге чаще отсутствует -т в 3-м лице ед. числа I спряжения, а также II спряжения при безударности окончания: он идё, станя, прося, но он сидишь, они ид^ть, сидять. Есть говоры, где -т отсутствует во всех этих формах.

У глаголов с основой на к, г эти согласные могут чередоваться с ч, ж: пеку -печёшь, печёт - лек/т; берегу - бережёшь, бережёт - берегут. Широко распространено также чередование в этих глагольных формах твердых и мягких к П к\ г П г'; пеку - пекёшь, берегу - берегёшь. В части северо-восточных говоров во всех этих формах выступают только твердые к, г и, таким образом, чередование отсутствует: пеку, пекдшь; берегу, берегбшь. В глаголе лечь в южном наречии и некоторых севернорусских говорах во всех этих формах выступает ж: лАжу, ляжешь, ляжут.

В глагольных формах, как и у прилагательных,; между гласными мог выпасть, а гласные, оказавшиеся рядом, ассимилироваться и стягиваться: узpdjem > играт > играт > игрит; умечет > умёэт > умёт. Ср. в поговорке: "Парень тороват (т.е. расторопный, ловкий), да дела не знат". Явление это типично для севернорусских говоров, где наблюдаются все этапы процесса. В части среднерусских говоров встречаются лишь стяженные формы типа знат, думат, умёт, реже мот (моят), торгут (торгуют).

В севернорусских говорах встречается особая древняя форма плюсквамперфекта, образованная формой прошедшего времени на -л основного глагола и формой на -л вспомогательного глагола быть. Плюсквамперфект может иметь два значения: 1) давнопрошедшее: Были жили богато здесь; Илья был на свете жил 800 лет; 2) преждепрошедшее, т.е. действие, предшествующее другому действию, происходившему в прошлом: Летось была посадила, а не выросли; В сентябре снег был высыпал, а октябрь был теплый.

Формы инфинитива в южнорусских говорах оканчиваются на согласный [т'] или [ч']: ходить, печь, беречь. Здесь употребляются формы несть, мечь, везть и т.п. (вместо нести, мести, везти). Глагол идти имеет форму инфинитива со вторичным [т']: идтить или идьть, итьть. В севернорусских же говорах в формах инфинитива исконное конечное -и может быть даже при его безударности: ходйти, клйсти, стрйчи. Здесь же отмечаются от основ на к, г формы на -чи: печи, беречй, либо пекчи, беречй и реже на -ти: пектй, беречтй.

Возвратные глаголы в части говоров образуются при помощи постфикса -ся, -сь.

Диалектные различия связаны с мягкостью или твердостью согласного и характером гласного в постфиксе. Во владимирско-поволжских говорах согласный постфикса отвердел. Здесь говорят боялса, боимса, боялас. В некоторых говорах это отверждение наблюдается только после л: боялса, но боимся, боялась. В говорах юго-восточной зоны произносят [и]: боЛлси, боймси. В северных говорах встречается произношение [е] и [ʼо]: бойлсе, боймсе; боЛлсё, боймсё.

У деепричастий, образованных от возвратных глаголов, постфикс может утрачиваться: проснувши, остйвши, попрощ4вши. Во многих говорах у деепричастий отмечается суффикс -мши: устймши, согнумши, сваримши.

Словообразование

Состав словообразовательных аффиксов (приставок и суффиксов) в литературном языке и диалектах примерно одинаков. Лишь изредка в говорах встречаются такие словообразовательные модели, которые отсутствуют в литературном языке. Так, существуют многочисленные группы слов с суффиксом -овень в южнорусских говорах и суффиксом -отень в севернорусских говорах, при помощи которых от глагольных корней образуются существительные со значением интенсивности действия: стуковень (громкий стук), громовень (грохот), толковень (толкотня), свискотень (сильный свист).

Специфически диалектным является словообразование глаголов от форм сравнительной степени прилагательных: хуже -хужеть, поббле - поболеть, блйжеть, лучшеть, тдлщеть и др. В архангельских и сибирских говорах отмечено образование прилагательных при помощи приставки с- и суффикса -а. Такие прилагательные обозначают неполноту качества, главным образом цвета: сголуба (с оттенком голубого), сала (с оттенком алого), ссиня, сжелта и др.

Диалектные различия в словообразовании часто связаны со степенью продуктивности словообразовательной модели, в количестве и характере корней, употребляемых для создания слов по ней. Так, в говорах шире, чем в литературном языке, могут быть представлены те же модели: отглагольные существительные на -анье, -енье: прятанье, рыганье, стучёнье, кошёнье; существительные с суффиксом -от(а) с отвлеченным значением: хромота, страмота, позднота", стукота; существительные ср. рода на -ье со значением собирательности: зверьё, солдатъё, кирпичье, грбздье, стекблье; прилагательные на -истый, -астый: смекалистый, поджаристый (поджарый), привётистый (приветливый); глазистый, рогастый, крыластый, ногастый; глаголы, обозначающие действие, совершаемое не в полную силу, с двумя приставками, первая из которых при-: приветить, приозябнуть, приугостить, призамерзнуть; наречия типа вручную: втесну'ю, вчастую, вкриковую.

У слов с одним и тем же корнем и значением по говорам могут варьироваться словообразовательные аффиксы. Так, может меняться фонемный состав аффиксов: черника, земляника, голубика - чернйга, землянйга, голубйга - черница, землянйиа, голубица; здоровущий, здоровищий, здоровящий, здороващий. Могут выступать разные приставки: загребйлка - огребалка - сребалка (мотыга); начинать - зачинить; позавчера" - подовчера; разные суффиксы: боронить -бороновать, крикливый - криковатый, лйвка - лавица. Может варьироваться наличие и отсутствие приставки: подберёзовик — берёзовик; всегда - всегда, споймать - поймать; наличие и отсутствие суффикса: золовка - золбва, опухоль -опух, конский - кбний. Эти различия могут создавать многие ряды соотносительных членов диалектного различия: пешкдм, пейшкбм, пешкомй, пешку рой, пешей, пешем, пешамй, пёшью; вечеринка, венерина, вечёрка, вечербвка, вечеруха, зечеру'шка, вечерянка, вечербк.

Синтаксис

Диалектные различия наблюдаются в моделях предложных и беспредложных словосочетаний.

Предлоги возле, подле, мимо в некоторых северных говорах могут употребляться не с род. падежом существительного, как в большинстве говоров, а с вин. падежом: жить возле речку, сядь подле бабушку, идти мимо избу. В некоторых западных и южных говорах предлог до употребляется в том же значении, в котором в других говорах употребляют предлог к - при обозначении места, предмета, к которому направлено движение: пошла до врача (вместо пошла к врачу). В западных говорах вместо предлога из употребляется предлог с: выйти с леса, приехать с Орла. В некоторых западных говорах вместо с употребляют з: работать з утра, бочка з водой. Во многих говорах предлог по употребляется вместо за при существительных, обозначающих цель движения. В севернорусских говорах часто скажут не только пошла по грибы, по воду, но и пошла в магазин по крупу, сходи по корову. С этим значением в западных говорах употребляется предлог в; пошла в ягоды (т.е. за ягодами), в грибы, в дрова.

Среди словосочетаний без предлогов типично северным является конструкция с прямым дополнением при инфинитиве, выраженном существительным жен. рода им. падежа: пора невеста встречать, надь (надо) трава косить. В западных говорах прямое дополнение, выраженное существительными - названиями животных, реже — лиц, употребляется в форме им. падежа: пойду кони напою, козы доить пора, старики жалеть надо.

Диалектные различия могут быть связаны с образованием простого предложения. Для северо-западных говоров типично употребление деепричастия в качестве сказуемого: Что посеяно, все засохши; Кот наевши, вот и спит; Бригадир уехавши. В северных и северо-западных говорах распространены безличные предложения со сказуемым, выраженным страдательным причастием на -но, -то, -ность, -тость: Нигде не бывано; Напал на него медведь, руку было смято; Ни с кем не руганось. В таких предложениях субъект действия часто выражен сочетанием предлога у и род. падежом существительного: У Юрки в пять часов встато (Юрка в 5 часов встал); У кошки щечки поцарапано (Кошка щечки (ребенку) поцарапала); У него женё'ность (Он женат); У нее уж одетось,

В западных говорах употребляются безличные предложения со сказуемым, образованным сочетанием глагола быть и инфинитива значимого глагола. Такие предложения имеют значение долженствования, неизбежности: Быть нам рано не управшпья; Быть опять завтра ехать в город; Быть дождю идти. В северных и северо-западных говорах в состав сказуемого может входить слово есть (е): У его глаза немного покосило есь; Его жена есть секретарем; Кот е злой; Б городе наши тоже есть бывали.

Широко распространены в говорах усилительно-выделительные частицы, употребляемые для подчеркивания, выделения отдельных слов. В части говоров, как и в литературном языке, употребляется в этой функции частица то: Вам сапоги-то починить надо. Есть говоры, где употребляется несколько частиц. В севернорусских говорах форма частицы зависит от рода, падежа, числа предшествующего имени: дом-от, окно-то, печь-та, печь-ту, дома-ти, сёстры-ти (или дома-те, дома-ты). В южнорусских говорах, знающих употребление таких частиц, их форма определяется стремлением к созвучию гласных в частице и в окончании предшествующего существительного: бабка-та, стола-та, в избу-ту, на берегу-ту, кони-ти, без соли-ти.

Лексика

Словарный состав русских говоров характеризуется значительным единством. Это слова и литературного языка. Есть также слова собственно диалектные, имеющие ограниченную территорию распространения. Одни из них встречаются лишь в небольшом числе говоров, например смоленское брьѸда (простокваша), псковское гамза (неряха, плохая хозяйка), рязанское кострйчиться (ссориться). Другие распространены на большой территории: северное баской (красивый), южное гай (роща, лесок), бурак (свекла),

северное и южное дуже (очень).

Существует два основных типа лексических диалектных различий: разные слова при единстве их значения и разные значения при единстве звуковой формы. Так, металлическая рогатка на длинной палке для вынимания из печи горшков, чугунов называется во многих говорах, как и в литературном языке, словом ухват, в других же говорах - рогач, ручник, емки, вилы и др. В литературном языке и во многих говорах о курице говорят кудахчет, в других говорах - кудкудйкает или татачет, тарачет, тарйкает, сапбчет, цакочет, какдчет. Южнее Москвы часто говорят корова ревьёт, а севернее Москвы - корова рычит. В Вологодской области могут даже сказать корова рыкает, а в Поветлужье — вопит. В этих случаях один и тот же предмет, одно и то же действие называют по-разному.

Диалектные различия в значениях при одной и той же звуковой форме могут образовывать междиалектные омонимы. Так, словом мост в одних говорах называется сооружение, по которому переходят через реку, в других - пол в различных помещениях, в третьих - сени, в четвертых - большое скопление, гнездо грибов. Пахать может означать обрабатывать землю, подметать пол, полыхать (об огне). В этих случаях в одной звуковой форме совпадают совершенно различные слова с несвязанными значениями,

Диалектные различия могут представлять и разные значения одного слова. Так, слово ляда может обозначать разновидность: леса- на болотистом месте, небольшой, частый, на высоком месте и др.; болота - заросшее кустами, не топкое и др.; участка, используемого в сельском хозяйстве, - луг, заливной луг, поле, росчисть под пашню или покос. Слово погода может обозначать любое состояние атмосферы, а также иметь значение хорошая погода, ясный, солнечный день (Картошку хорошо копать в погоду), плохая погода, дождь, снегопад (Сильная погода, так и метет), выпавший снег (В щели погоды нанесло) и др. Глагол жить, кроме общерусских значений существовать, проживать где-либо, вести какой-либо образ жизни, употребляется в значениях бывать* случаться (Радуга-то после дождя живет), быть в наличии, иметься (Давно сковородник живет у меня), расти (В тундры морошки живет много), находиться, пребывать (В бане долго бы жил, да голова не позволяет), бодрствовать, не спать (Всю ночь живу, пошто-то сну нет) и т.д.

Разные диалектные слова на разных территориях могут отражать не только собственно языковые различия, но и особенности в деталях устройства или назначения предмета, т.е. этнографические различия. Так, приспособление для переноски тяжести на спине имеет по говорам разные названия: кузов, пестерь, кошель, короб, ташка, беркун, торба, плетёнка, крошни и др. Но эти слова часто связаны и с особенностями устройства этого приспособления. Им может быть корзина разной величины и формы, с крышкой горизонтальной или как у школьного ранца или без крышки. Она плетется из бересты, из лыка или дранки. Это может быть и широкая планка, к которой привязывается поклажа. На спине она держится на лямках на оба плеча или на одно или при помощи веревки. Различно и назначение этих предметов: они используются для сбора грибов или ягод, для еды в дорогу, переноски сена, соломы и др.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Идея лингвистического картографирования русских наречий и говоров впервые была высказана И.И. Срезневским (Срезневский, 1851). В 1909-1911 гг. вслед за несколькими более ранними программами была опубликована и распространена составленная Московской диалектологической комиссией "Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка", включавшая вопросы по фонетике, морфологии, лексике. На основе известных к этому времени диалектологических материалов и ответов на эти программы Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков создали и в 1914 г. напечатали "Диалектологическую карту русского языка в Европе", а в 1915 г. ее описание - "Опыт диалектологической карты русского языка в

Европе с приложением очерка русской диалектологии".

На этой карте были показаны территории распространения трех восточнославянских языков - русского, украинского и белорусского (называвшихся в традициях того времени великорусским, малорусским и белорусским наречиями русского языка) и отражено их диалектное членение. В русском (великорусском) языке выделены две наиболее крупные диалектные группы - наречия северно-великорусское и южновеликорусское, каждое из которых членится на более мелкие диалектные группы. Между северным и южным наречиями показана территория средневеликорусских говоров.

В северновеликорусском наречии выделены группы: Поморская, или Архангельская; Олонецкая; Западная, или Новгородская; Восточная, или Вологодско-Вятская; Владимирско-Поволжская, В южновеликорусском наречии выделены группы: Южная, или Орловская; Тульская, или Северо-Западная; Восточная, или Рязанская. Выделены группы и в средневеликорусских говорах: Псковская, Западная и Восточная.

Диалектологическая карта русского языка 1914 г. в целом верно отражала русский языковой ландшафт. Ее авторы показали наличие диалектов русского языка с определенно очерченной территорией, тогда как в западноевропейском языкознании, а отчасти и среди отечественных лингвистов существовало представление о том, что реально существуют не диалекты, а лишь границы отдельных диалектных явлений, не образующие никакого единства.

Заслугой авторов карты была и разработка вопросов, связанных со среднерусскими говорами. Сам термин средневеликорусские говоры и их выделение впервые предложил Н.Н. Дурново (Дурново, 1903. С. 259, 266). Теория переходных говоров была изложена в отдельной работе Н.Н. Соколовым (Соколов, 1908), а затем в совместной работе авторов карты (Дурново и др. С. 1-3, 32-33). Средневеликорусские говоры, по их мнению, являются переходными от северновеликорусских к южновеликорусским, а часть их возникла в результате влияния на северновелико-русские говоры белорусского языка. Средневеликорусские говоры не могут называться особым наречием, так как они не обладают собственными, выделяющими их языковыми чертами и никогда не составляли единого целого. Авторы карты 1914 г. видели в ней предварительный опыт лингвогеографического изучения русского языка. По окончании работы над картой Московская диалектологическая комиссия поставила ближайшей задачей создать диалектологический атлас русского языка.

Начало работы над атласом относится к середине 1930-х годов, однако основная работа началась с 1945 г. в Москве и Ленинграде, а с 1950 г. только в Москве, где эту работу возглавил Р.И. Аванесов. В 1945 г. была утверждена "Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка", в которой были подробно разработаны вопросы по фонетике и морфологии и лишь фрагментарно - по словообразованию, синтаксису и лексике, что отражало уровень знаний того времени о диалектных явлениях русского языка.

Массовый сбор материала продолжался 20 лет и закончился к 1965 г. Параллельно шла работа по картографированию в региональных атласах. Первый из них - "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" под редакцией Р.И. Аванесова был подготовлен в 1951 г. и опубликован в 1957 г. Остальные региональные атласы, подготовленные к печати (последний - в 1970 г.), хранятся в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН. На основе этих атласов подготовлен сводный "Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР" (далее - ДАРЯ).

Основные карты региональных атласов и сводного ДАРЯ посвящены показу территориального распространения вариантов диалектных явлений русского языка - диалектным различиям.

В процессе работы над ДАРЯ выработалась целостная теория лингвистической географии и сложилась Московская школа лингвогеографии.

ДАРЯ по-новому и гораздо более точно представил расположение ареалов большого числа диалектных явлений русского языка. Это позволило создать новую Диалектологическую карту русского языка, впервые опубликованную в 1964 г. Ее авторам К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой принадлежит и детальная характеристика русского языкового ландшафта (Захарова, Орлова).

Авторы нового диалектного членения русского языка по-новому провели границы между русским языком, белорусским и украинским языками, чем это было сделано на диалектологической карте 1914 г.

Авторы карты 1914 г. проводили восточные границы белорусского и украинского языков, ориентируясь на распространение черт, свойственных этим языкам. На стыке языков, как и на стыке диалектов одного языка, могут существовать зоны переходных говоров, совмещающих в себе типичные черты того и другого языка. Такая зона есть и между белорусским и русским языками. Восточная ее граница характеризуется проникновением белорусских Языковых черт, западная - русских. Авторы карты 1914 г. в решении вопроса о границе между этими языками отдавали предпочтение белорусским чертам, проводя межъязыковую границу по крайним восточным их границам. Авторы карты 1964 г. учли и современную динамику диалектных черт в зоне языковых контактов. Современные процессы в западных говорах на территории России характеризуются деградацией собственно белорусских черт и развитием их в сторону сближения с особенностями русского языка. Это дало основание авторам карты 1964 г. отодвинуть границу русского языка до государственных границ с Белоруссией, кроме небольшой части говоров Западной Брянщины, где до сих пор прочно держатся многие типичные черты белорусского языка.

По-разному проведена на картах 1914 и 1964 гг. граница между русским и украинским языками. Говоры этих языков четко противопоставлены друг другу по всей зоне языковых контактов, в которой наблюдается чересполосица населенных пунктов с русским и украинским населением при преобладании русских деревень. Авторы карты 1914 г. тем не менее включили всю эту зону в область распространения украинского языка. Авторы же карты 1964 г. рассматривали ее вплоть до государственных границ с Украиной как область распространения русского языка.

На карте 1964 г., как и на карте 1914 г., выделены территории северного и южного наречий и среднерусских говоров. Граница между среднерусскими говорами и южнорусским наречием на обеих картах в значительной степени совпадает. Северная же граница среднерусских говоров на карте 1964 г. существенно отодвинута на север за счет отнесения к среднерусским говорам с неполным оканьем, совмещающим в себе признаки оканья и аканья.

Даже сопоставление инвентаря диалектных явлений, на основании которых авторы диалектного членения 1914 и 1964 гг. выделяли наречия русского языка, говорит о том, насколько углубились и расширились современные знания в области русской диалектологии.

Авторы диалектного членения русского языка 1964 г. выделили особый по сравнению с членением 1914г. тип лингвотерриториального объединения- диалектную зону. Было установлено 8 диалектных зон: Западная, Северная, Северо-Западная, Северо-Восточная, Южная, Юго-Западная, Юго-Восточная, Центральная.

Выделение диалектных зон, в отличие от выделения наречий, произведено по несоотносящимся друг с другом комплексам диалектных явлений. Характерной особенностью диалектных черт, выделяющих все диалектные зоны, кроме Центральной, является то, что на остальной территории русского языка им обычно соответствует вариант явления, совпадающий с литературным. Центральную же диалектную зону характеризуют языковые черты, свойственные и литературному языку, благодаря тому что литературный язык складывался на основе московского говора, находящегося на территории Центральной зоны. Между диалектными зонами, как и между наречиями,

расположены переходные говоры.

Третий тип лингвотерриториальных единиц, выделенный К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой и представленный на карте 1964г.,- группы говоров. Это наименьшая ареальная единица, вычлняемая главным образом на основе разновидностей более широко распространенных диалектных явлений.

В северном наречии выделены три группы говоров: Ладого-Тихвинская, Вологодская и Костромская. В южном наречии выделены пять групп говоров: Западная, Верхне-Днепровская, Верхне-Деснинская, Курско-Орловская и Восточная (Рязанская).

Авторы диалектного членения русского языка 1964 г. выделили особые группы и в среднерусских говорах и в межзональных говорах северного и южного наречий и показали характерные их черты (Зфарова, Орлова. С. 116-122, 134-162).

Изучение русских говоров Урала, Сибири, Дальнего Востока ставит перед диалектологами особые проблемы. На территориях позднего заселения русскими в непосредственном контакте оказались переселенцы из разных мест, носители разных диалектных систем. На эти говоры оказывают воздействие и неродственные языки аборигенов. При изучении русских говоров этих регионов на первое место выходит выяснение роли междиалектных и межъязыковых контактов и сопоставление переселенческих говоров с исходными, материнскими говорами, выяснение путей и причин трансформации переселенческих говоров.

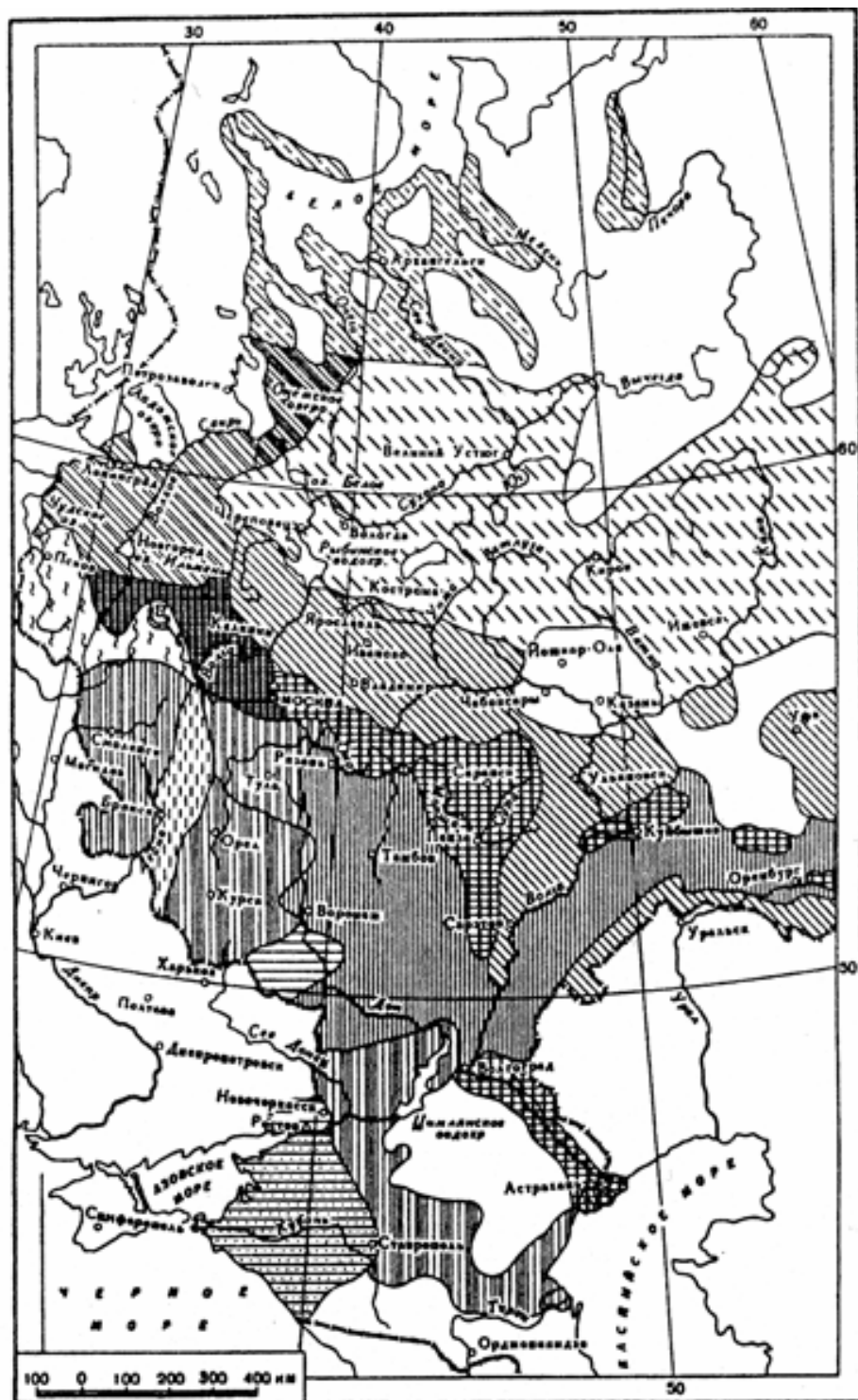
К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова, создавая новую карту диалектного членения русского языка, исходили, как и авторы карты 1914 г., из взгляда на диалект как на единицу лингвогеографического членения языка. С такой точки зрения диалект очерчивается лишь пучком изоглосс, в который входят явления, относящиеся ко всем ярусам языка. Границы же экстралингвистических явлений при этом сознательно не учитываются.

Существует и другая точка зрения, по которой при выделении диалектов необходимо учитывать и в неязыковые, социально-исторические факторы. «Большое значение для выделения диалектов... имеет этническое и национальное самосознание и оценка "соседей", элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции... Обычно предпочтение дается тем языковым признакам... которые, выделяя большие компактные территории, в то же время отвечают возможно большему комплексу внеязыковых факторов» (Аванесов, 1963. С. 306). Территориальный диалект, таким образом, определяется как средство общения населения исторически сложившейся области со специфическими этнографическими особенностями, как единица лингвоэтнографического членения, обрисовывающаяся на карте совокупностью языковых к этнографических границ {Хабургаев, 1973; 1979. С. 17-21; 1980, С. 11-13}.

Пример комплексного рассмотрения изоглосс и изопрагм (изолиний соответствующих реалий) представляет этнолингвистическое изучение белорусско-украинско-русского Полесья, проводившееся на протяжении четверти века под руководством Н.И. Толстого и прерванное в связи с Чернобыльской катастрофой. Такого комплексного изучения не только всей русской территории, но хотя бы территории древнейшего русского заселения не проводилось. Между тем оно могло бы дать ответы на многие вопросы, связанные как с современным лингвоэтнографическим членением этой территории, так и с историей русского народа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Наука о современных диалектах, об их языковом облике, чертах сходства и различиях, об их территориальном размещении называется описательной диалектологией. Изучением диалектов прошлого и их исторического развития, восстановлением членения языка на диалекты в разные эпохи, рассмотрением языкового ландшафта в его изменении во времени, начиная с древнейших

	Поморская, или Архангельская группа		Южная, или Орловская группа
	Олоньшкая		Восточная, или Рязанская
	Западная, или Новгородская		Тульская
	Восточная, или Вологодско-Кировская		Западная
	Владимирско-Поволжская		Говоры на стыке западной, южной и тульской групп
	Говоры переходные с севернорусской основой и белорусскими наслоениями		Говоры украинского языка
	Западная группа		Говоры, образовавшиеся при взаимовлиянии украинского и русского языков, а также украинско-русские говоры.
	Восточная		
- Северо-русские говоры (includes Pomorska, Olonshka, West Novgorod, East Vologda-Kirov, Vladimir-Povolzha, and transitional dialects)
 Южно-русские говоры (includes South Orlovskaya, East Ryazan, Tula, West, and transition points)
 Среднерусские говоры (includes West and East groups)

Часть диалектологической карты русского языка в Европе (1914 г.)

периодов, занимается историческая диалектология.

Существует принципиальная разница в изучении диалектов прошлого и современных диалектов. Современный язык можно услышать. А как услышать ту речь, на которой говорили много веков тому назад?

Данные об истории языка, в том числе и о его диалектной дифференциации, ученые извлекают из нескольких источников. Один из основных источников - памятники письменности. В древности не было такого широко распространенного единого литературного языка, как сейчас, не было строгих норм правописания. Поэтому в деловых документах, летописях, произведениях церковной литературы, написанных или переписанных в разных местах Русской земли, находили отражение местные разновидности языка.

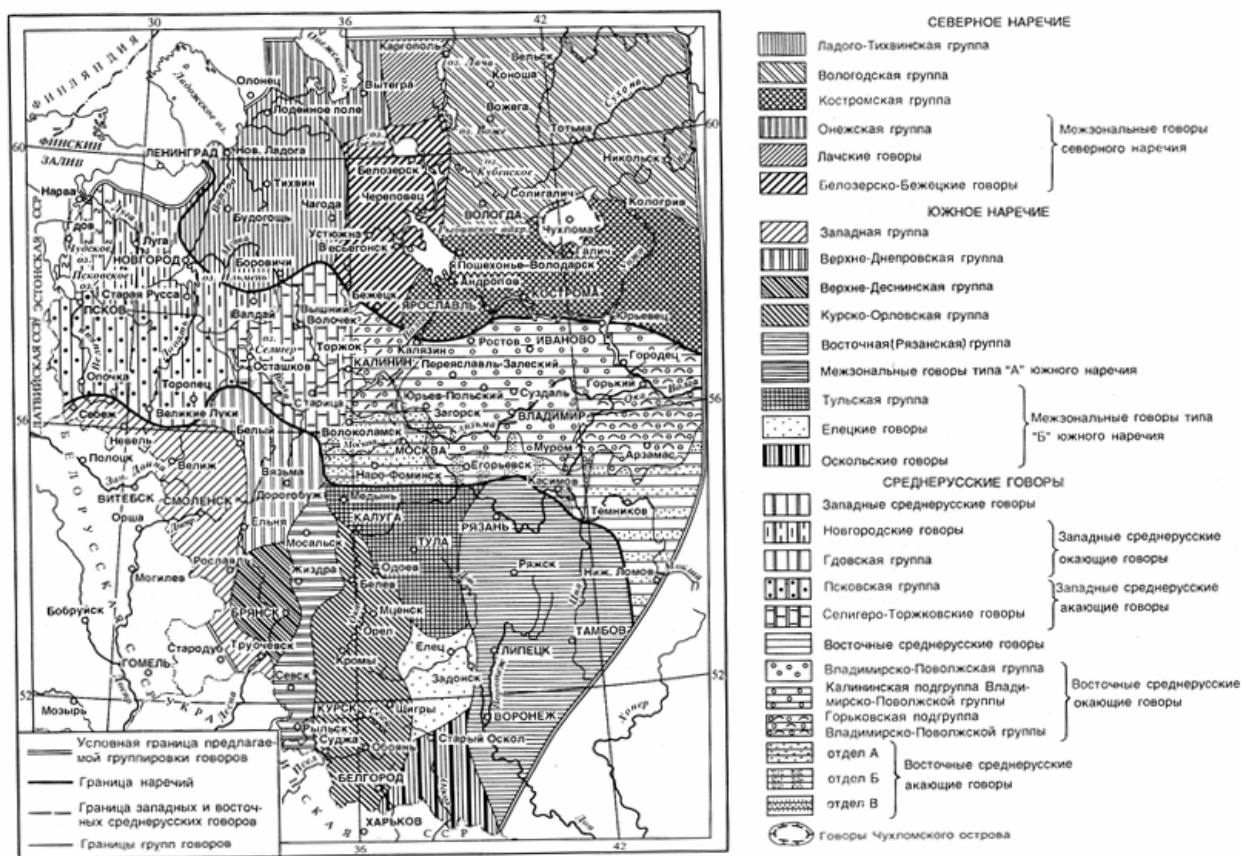
Так, уже в древнейших рукописных памятниках Новгородской, Псковской и Смоленско-Полоцкой земель XI-XIV вв., не говоря уже о более поздних, отражено цоканье. Некоторые написания в старых южных памятниках косвенно свидетельствуют о щелевом характере г — звуке [y].

Изучая различные рукописи, ученые обнаружили, что буквы и, ъ, е могут употребляться правильно, а могут смешиваться. Но в памятниках, написанных в разных местах, это смешение имеет определенное своеобразие. В некоторых новгородских памятниках и памятниках земель, заселенных новгородцами, появляется написание и на месте Ъ перед мягкими согласными: хлѢба, вѢкъ, но о хлиби, во вики, колини, винный и т.п. Такие написания говорят о произношении звука [и] на месте старого Ъ перед мягким согласным в этих говорах (Шахматов, 1915. С. 323-324; Зализняк, 1995. С. 57).

В смоленской грамоте 1229 г. независимо от позиции смешиваются буквы Ъ и е, пишется е вместо : семь, темь, немчича и Ъ вместо е: дѢржати, пѢрвое, дѢрѢвьмь и т.п. Это - свидетельство совпадения в смоленских говорах (Ъ) с (е) {Шахматов, 1915. С. 344}. В московских памятниках с XVI в. отмечают написание е на месте Ъ в безударном положении: дѢти, но детей, бѢгати, но бежати, подмѢшиваютъ, но мешати. Это говорит о различии (Ъ) и (е) под ударением и неразличии, совпадении их в одном звуке в безударном положении (Васильев, 1905. К истории звука... С. 177-178, 219; Он же, 1905. Богдановский Златоуст... С. 295-296, 319, 337). Так памятники указали на различия в прошлом между диалектами в произношении звуков, обозначаемых буквами Ъ, е, и.

Не все старые рукописные памятники одинаково отражают диалектные черты. Так, язык житий святых, поучений, не говоря уже о книгах, по которым велась служба в церкви: Евангелия, Псалтыри и др., был более нормирован, и переписчики строже следили за тем, чтобы не допустить отклонений от оригинала. Гораздо больше диалектных черт прослеживается в светской литературе. В этом отношении наибольшую ценность представляют материалы деловой письменности, и особенно частные письма, поскольку они лучше всего отражают черты живой речи. Чрезвычайно важные лингвистические сведения дают берестяные грамоты, впервые обнаруженные в 1954 г. при раскопках в Новгороде, а затем и в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславле, Твери, Москве, Звенигороде Галицком.

Далеко не все диалектные особенности отражались на письме. Как и сейчас многие слова и обороты, специфичные для разговорного языка, не проникают в письменные произведения, так и в прошлом существовали слова и обороты, которые были свойственны устной диалектной речи и не попадали в памятники. Некоторые диалектные особенности просто не могли быть обозначены средствами графики. Так, не обращаясь к живому произношению, невозможно было бы узнать, что одна и та же буква t могла читаться русскими по-разному: в одних местах как дифтонг [ие] или как [е] "закрытый", т.е. звук» средний между [е] и [и], в других местах как [е.] "открытый", близкий к [й]

после мягкого согласного, а в третьих - как современный литературный [e]. В одних местах в словах мЪсто и тесть первый звук произносили одинаково - мягкий [tʲ], а в других в первом слове произносили мягкий [tʲ], а во втором - твердый [t].

Мы знаем об этих диалектных различиях потому, что они сохранились до сих пор. Живая традиция помогает понять прошлое. Если же такая традиция утрачена, то факты древней письменности часто представляют собой загадку. В древних новгородских и псковских памятниках, например, встречаются написания жг в соответствии с дед: дожгъ, пригвожгена, прКжге и т.п. Можно предположить, что здесь и произносилось [ж'г]. Сейчас в псковских и новгородских говорах такого произношения нет. Возможно, оно утратилось. Но возможно и другое, что буква г могла обозначать не только звук [г] взрывной и [y] щелевой, но и другие звуки, например [j]. Известно, что Георгий и Юрий — по происхождению одно и то же имя. А название города Юрьева писцы в древности писали и так: Юргевъ, Гюргевъ, а произносили, вероятно, во всех случаях одинаково: [jur'je]. Во многих севернорусских говорах имя Ольга звучит как Олья [dʲi'ja]. Может быть, и в случаях с жг на месте жд буква г передавала [j]? Такое предположение тоже было высказано в науке. Но возможно и такое, что писали здесь дожгъ, а произносили, как и в других местах [дож'дʲ] или [дож'дʲж']. Иначе говоря, возможно, что разница была не в произношении, а в написании на разных территориях одного и того же звукосочетания, и это тоже допустимо (Якобсон, 1971; Геровский). Но что здесь было на самом деле, все-таки неизвестно: в этом случае письменный памятник молчит.

Письменные памятники прошлых эпох дошли до нас далеко не из всех мест, где звучала русская речь. Да и те, что сохранились, не всегда позволяют проследить развитие диалектов с древнейших времен: новгородские памятники известны с XI в., псковские и ростовские - с XIII в., московские - с XIV в., орловские - с конца XVI в., курские - с XVII в. Поэтому историю диалектов нельзя восстановить без изучения современного их

состояния. Диалекты не только сохраняют до сих пор многие древние черты, в том числе и не отмеченные памятниками письменности, но часто содержат указания на прежнее территориальное распространение этих черт. Такие указания можно обнаружить на картах диалектологического атласа, которые помогают восстановить диалектные объединения разных эпох.

Можно указать на несколько общих причин, обуславливающих границы ареалов — территорий распространения диалектных явлений.

Как известно, язык все время изменяется. Новации, новообразования в языке возникают сначала в узком коллективе, распространяясь на всех членов данного общества. Распространение идет внутри социальной группы от одних ее членов к другим, от одной социальной группы к другой; так же и в территориальном отношении: от одной деревни к другой, из одной местности в другую. Процесс этот может идти медленно, иногда в течение нескольких столетий, пока новация не охватит всех говорящих на данном языке или диалекте.

Основное условие распространения языкового новообразования - тесная связь между людьми. Там, где проходят границы коллективов, пролегает рубеж, за который не может перейти языковая особенность (если, конечно, она не возникает на соседней территории, у соседнего коллектива самостоятельно, как это часто бывает). Такими границами могут быть естественные преграды: горы, непроходимые леса и болота. Поэтому если здесь пролегают границы языковых черт - изоглоссы, то очень вероятно, что они обусловлены этими естественными, природными границами.

Разделяют коллективы и границы между племенами, феодальными княжествами и государствами, поэтому изоглоссы некоторых явлений проходят по границам старых феодальных земель. Иногда они отражают даже племенные границы. Но племенные, а затем и феодальные границы часто менялись. В результате междоусобиц одни княжества расширялись, объединялись, а другие теряли часть своей территории. Поэтому, зная, когда происходили эти изменения, можно довольно точно определить время возникновения и распространения диалектной черты, если ее изоглосса совпадает с границами политическими, существовавшими недолгое время.

Изучая историю смягчения заднеязычных согласных после мягких типа Вань-кя, чайкю, распространенного почти на всей южнорусской территории, ученые относили время его возникновения к XV в.: именно с этого времени в письменных памятниках начинают появляться такие написания. Но затем было обращено внимание на следующую особенность. Между Московским и Рязанским княжествами находится Коломенская земля. Сначала она входит в состав Рязанского княжества, а в 1300 г. Москва присоединяет ее к себе. Это - исторический факт. А вот данные лингвистической географии: по бывшей границе между Московским княжеством и Коломенской землей в начале XX в. проходила изоглосса смягчения к после мягких согласных. Это явление известно на территории бывших Коломенской и Рязанской земель и отсутствует на территории Московского княжества. Но из этого следует, что смягчение к возникло в Коломенской земле до 1300 г., когда она еще представляла единое целое с Рязанской землей, и не могло появиться после этого времени, когда коломенские говоры стали испытывать мощное воздействие московских говоров, не знавших прогрессивного ассимилятивного смягчения к. Значит, данная диалектная черта никак не могла возникнуть в XV в.: время ее образования не позднее XIII в. (Касаткин, 1968. С. 108-117). Так данные лингвистической географии помогли уточнить данные письменных памятников.

Реки обычно не только не служат препятствием для общения, но, наоборот, связывают людей. Издавна по рекам проходили важнейшие торговые пути, по их берегам располагались селения. Они были главными путями колонизационных потоков, поэтому обычно не являются диалектными границами. Но было обнаружено, что р. Угра в своем нижнем течении вплоть до впадения в Оку служит границей между двумя диалектами.

Так, жители левого берега произносят [в], чередующийся перед глухим согласным и на конце слова с [ф]: [ъ]нук, [ф] Калугу, домо[ф], а жители правого берега на месте в в начале слова перед согласным произносят [у], а в конце слова - [у]: унук, у Калугу, домб[у]. Оказывается, по Угре проходила граница между Московским и Литовским государствами, которая существовала почти 100 лет - с 1408 по 1503 г., а следы ее сохраняются в народе до сих пор. Из такого совпадения изоглоссы диалектного явления и бывшей государственной границы можно сделать вывод о времени возникновения этого диалектного различия: оно могло развиваться именно тогда, когда левый и правый берега Угры были разными государствами, т.е. в XV в.

Распространение новаций наталкивается не только на социальные барьеры, но и на барьеры собственно языковые. Само возникновение языкового новообразования связано с внутренними языковыми закономерностями, обусловлено системой данного языка или диалекта. Поэтому некоторые новации могут распространяться только в данном диалекте, не выходя за его пределы. Это значит, что границы распространения некоторых диалектных явлений определяются уже существующими диалектными границами, даже если во время распространения этих явлений здесь нет никаких других (природных или политических) границ. Так, во многих южнорусских и среднерусских говорах возникло и распространяется сейчас произношение редуцированного звука [ъ] на месте безударных (кроме 1-го предударного слога) у, ы: мъжык'й, рьбак'й, отп'ск, вь'мл и т.п. Это явление связано с возникшим ранее в этих говорах произношением [ъ] на месте о, а в этой позиции: мълокб или мълакд, сть'рик'й, кдльс, выд'н и т.п. и не появляется в говорах с полным оканьем, где говорят м[б]локд, ст[а]рикй, кдл[б]с> выд[а]н и т.п. Таким образом, возникнув в южнорусских и среднерусских говорах, это явление и распространяется среди этих же говоров, не переходя границу севернорусского наречия, хотя никаких других границ, ни природны[^], ни политических, между этими группами населения сейчас нет.

Иногда новообразование, распространяясь на большой территории, сталкивается не с одной, а с различными диалектными системами, существующими на разных частях этой территории. И тогда каждая из систем вызывает на "своей" территории возникновение особой разновидности данного новообразования. Так, произношение мягкого [к'] после мягких согласных Ванькя, люлькя, Варькю, брось-кя и т.п. известно многим русским диалектам. Но в одних из этих диалектов [к1] произносится и после звуков, выступающих на месте у и ч: чайкю, копейкя и дочкя, печкя или доцкя, пецкя и т.п. А в Других диалектах именно после этих согласных, обоих или одного из них, смягчения к нет, и при произношении Ванькя, люлькя и т.п. говорят чайку и дочка (доцка), или чайкю, но дочка {доцка, дош'ка), или дочкя (доцкя), но чайку. Разница объясняется тем, что во время распространения этого явления в одних диалектах звуки, произносящиеся на месте j и ч, были такими же мягкими, как [н\ л', р\ с', з'] и др. В этих диалектах [к] стал мягким после всех этих согласных. В других диалектах на месте ч произносились твердые [ч] или [ц], а у фонемы (j) мягкость была признаком фонологически несущественным. Поэтому они не могли смягчить стоящий после них [к]. Так различные системы согласных обусловили различное проявление одной и той же тенденции: существующие диалектные границы привели к возникновению разновидностей явления.

При анализе лингвистических карт необходимо учитывать также, что при уничтожении политических границ, существовавших в прошлом, жители соседних территорий - носители сложившихся на этих территориях разных диалектов вступали в контакт, начиналось междиалектное взаимодействие. При этом первоначальные диалектные границы размывались, диалектные черты, характерные для каждого из этих диалектов, могли сдвигаться на территорию соседнего диалекта.

Диалектологические карты отражают и миграцию населения в прошлом. В Костромской области на территории окающих севернорусских говоров выделяется так называемый Чухломской остров окающих говоров Чухломского и части Соли-галичского

районов. Многие черты у этих говоров севернорусские, такие же, как у окружающих костромских говоров, но аканье резко выделяет говоры этого острова. Целый ряд черт связывает их с говорами Юго-Западной диалектной зоны. С этой территорией сближают чухломской ареал и этнографические особенности: тип селений, жилища, одежды, обряды, фольклор. Стало очевидным, что чухломские говоры возникли в результате переселения на севернорусскую территорию жителей южнорусского запада. Время этого переселения помогло уточнить местные рукописные тексты, в которых примеры аканья появляются с 20-х годов XVII в. (Бурова, Касаткин. С. 85). По сумме диалектных черт определяются и колонизационные потоки, шедшие в Сибирь и на Дальний Восток, устанавливается происхождение говоров этих регионов.

Причины устойчивости или изменчивости диалектных границ связаны с целым комплексом социально-исторических и собственно лингвистических событий и обстоятельств.

Современные русские диалекты, как и диалекты древнерусского языка, устанавливаемые по памятникам письменности, не являются непосредственным продолжением древних диалектов восточнославянских племен. Ни одна из современных изоглосс не очерчивает территории, на которой в VIII-IX вв. и позднее, в X-XII вв., жили словене, кривичи, родимичи, вятичи, северяне. Диалекты этих племен "в значительной степени перекрыты позднейшими языковыми процессами, диалектами более поздней формации"* (Аванесов, 1949. С. 35). Однако некоторые современные диалектные черты возникли еще в племенную эпоху.

На территории Новгородской земли сложился древненовгородский диалект XI-XV вв. Формирование многих характерных особенностей этого диалекта относится к предшествующей эпохе позднего праславянского языка. Говоры древненовгородской территории не были едины, они формировались на основе севернокривичского диалекта - представителя северо-западной группы праславянского языка и ильменско-словенского диалекта - представителя восточной группы праславянского языка {Зализняк, 1995. С. 4-5).

Среди черт древненовгородского диалекта цоканье - совпадение ц и ч в мягком [ц1], происхождение которого большинство лингвистов объясняет воздействием языка финских племен на язык славян и относит к УП-УШ или VIII-IX вв. (Филин, 1972. С. 263-266; Хабургаев, 1980. С. 101,107-108).

Одна из важнейших черт древненовгородского диалекта севернокривичского происхождения - отсутствие второй палатализации заднеязычных: произношение [к', г', х'] перед *fc*, и в соответствии с [ц\ з\ с'] других говоров: к'ль (целый), к'лоук'ль, на'лоуг'ль, не моги, хтрб (серая материя), хБдь (седой) и т.п. Черта эта характеризует и некоторые современные северозападные говоры: кеп (цеп), кевка (цевка), кедилка (цедилка) и др.

Из севернокривичского диалекта в древненовгородский вошла и такая черта, как произношение кл, гп на месте праславянских *tl, *dl: сустр'кли, прибегли, жагло, клещ (лещ), тогда как в большинстве других древнерусских диалектов *tl, *dl изменились в л: привели, жало, лещ и т.п. Слова с кл, гл на месте *tl, *dl и сейчас встречаются в севернорусских говорах.

В ильменско-словенских говорах, как и в большинстве говоров древнерусского языка, в эпоху после падения редуцированных гласных (ь), (ь), завершившегося в начале XIII в., сформировалось противопоставление фонем (о), (со) "закрытого". Однако в говорах кривичского происхождения, т.е. на территории Смоленской, Полоцкой, Псковской земель, это противопоставление, по-видимому, вообще не сформировалось.

Фонема {%} в кривичских говорах реализовалась как относительно открытая гласная, в ильменско-словенских - как дифтонг [ие]. Перед слогом с гласным переднего ряда [ие] изменяется в [и]. По данным письменности, это изменение зафиксировано с конца XII в. Данные диалектологии свидетельствуют о завершении этого процесса до падения редуцированных гласных (ь), (ь), т.е. до XII в.

Севернокривичским говорам было свойственно изменение праславянских сочетаний типа *t-brt в тип търът, затем в торот, зафиксированное древнейшими новгородскими берестяными грамотами; ср. современное произношение типа верѣх (верх), вдлок (волк) в северо-западных говорах.

В числе морфологических особенностей древненовгородского диалекта севернокривичского происхождения - окончание -е в им. падеже ед. числа муж. рода существительных, прилагательных, местоимений, причастий, глагольной формы на -л: хлѣбе, свободѣне, саме, погублене, привезле (позднее эта черта утрачена); формы дат.-местного падежей ед. числа местоимений тоbt, sobt; формы 3-го лица ед. и мн. чисел I и Напряжений без конечного -ть- и др. {Зализняк, 1995. С 23, 37,40-41,57, 82-87,108, ИЗ, 119,124).

На территории новгородских говоров в более позднее время возникли новообразования, распространившиеся затем на значительной территории и ставшие характерными чертами севернорусского наречия. К числу этих явлений относится ассимиляция согласных в сочетании бм (оммйн, оммѣрил), возникающая в XIII в.; совпадение во мн. числе формы твор; падежа с формой дат. падежа сначала у прилагательных в XIV в., а затем, у существительных в конце XVI в.; отверждение [т'] и замена его на [т] в 3-м лице глаголов с XII в. и проникновение твердого [т] в этой форме в говор Москвы с середины XIV в. (Образование севернорусского наречия. С 184-199)

Диалект Ростово-Суздальской земли формировался потомками кривичей, ильменских словен и вятичей. В отличие от новгородского диалекта он характеризовался различием (и) и (ч) на большей части территории и губно-зубным образованием [в], развившегося здесь из губно-губного [wј] (Аванесов, 1958. С. 174). К новациям ростово-суздальского происхождения относится выпадение интервокального; и последующие изменения в образующихся сочетаниях гласных: их ассимиляции и стяжение. Возникло это явление в конце XIV-начале XV в. (Образование севернорусского наречия. С. 168-177).

Одной из наиболее ранних черт, ставшей позднее отличительной особенностью южнорусского наречия, было изменение взрывного [г] в щелевой [у]. Возникновение [у] многие лингвисты относят к эпохе позднего общеславянского языка (Филин, 1972. С. 246-247), VII-IX вв. (Хабургаев, 1980. С. 87) или X-XI вв. (Аванесов, 1958. С. 165). Первоначальная территория возникновения [у] - бассейн Оки (кроме низовьев) и среднее Поднепровье, т.е. территория полян, северян, вятичей, затем Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств до старой Рязани на северо-востоке, откуда [у] позднее, в XIV в., распространилось на территорию Смоленской и Полоцкой земель (Аванесов, 1974. С. 234-236).

Другая важная южнорусская черта - аканье. Возникло оно, по-видимому, в XII-XIII вв. на территории верхнего Сейма и бассейна Оки, кроме низовьев, т.е. на территории Рязанского, Новгород-Северского и Черниговского княжеств. В XV в. аканье распространяется в смоленских и полоцких говорах, а в XV-XVI вв. - в псковских. В говоре Москвы аканье утвердилось с XVI в. Первоначальный тип аканья - диссимилятивный, на территориях позднейшего его распространения возникает недиссимилятивное аканье и яканье (Аванесов, 1958. С. 170-174,180-181; 1974. С. 221-231; Хабургаев, 1980. С 141-147).

Севернорусское и южнорусское наречия складывались на протяжении нескольких столетий, а начало их формирования относится к эпохе Киевской Руси. Волны диалектных явлений, шедшие с юга и с севера и захватывавшие обширные территории, не останавливались у одной и той же границы. Они перехлестывали через эту границу, в результате чего образовалась область, где совмещаются южные и северные черты. В этих говорах могут сочетаться аканье с [г] взрывным, мягкое [т'] в 3-м лице глаголов с утратой (j) между гласными, формы у сестре и с моим дочерям. Своеобразие этих говоров не в наличии каких-то особых языковых явлений, а именно в совмещении южных и северных диалектных особенностей. Поэтому эти говоры и не составляют особого наречия, они -

среднерусские.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

В середине XIX в. в русском обществе пробуждается широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Меняется и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в. рассматривались многими учеными-языковедами как "искажение", "порча" литературного языка {Балахо-нова. С 107}.

Важным событием в истории изучения народной речи стал выход "Опыта областного великорусского словаря" (1852 г.) и "Дополнения" к нему (1858 г.). И.И. Срезневский, сыгравший важную роль в создании этого словаря, писал: "Исследователь беспристрастный смотрит на каждое из местных наречий с одинаковым уважением и любопытством как на местное историческое явление жизни народной" {Срезневский, 1851. С. 4}.

Огромную роль в знакомстве широкой общественности с народной речью сыграл "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля. В "Напутном слове" к своему словарю автор так оценивал значение народной речи в формировании литературного языка: "...у нас еще нет достаточно обработанного языка, и... он... должен выработаться из языка народного. Другого равного ему источника нет... Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи..." (Даль, 1978. Т. 1.С. XIV).

А.А. Шахматов, относившийся к диалектной речи как к богатству русского языка, в своем описании литературного языка неоднократно указывал на "диалектические особенности в речи говорящих литературным языком", на "подверженность литературного языка многочисленным диалектическим... влияниям" {Шахматов, 1941. С. 95-96}.

Соответствовали этому отношению к народной речи и рекомендации лингвистов и методистов по преподаванию родного языка в школе. И.И. Срезневский говорил в 1860 г., что в школе "должно изучать именно язык, язык общенародный, а не какой-нибудь временный говор какого-нибудь слоя народа, хотя бы и высшего по образованности" {Срезневский, 1899. С. 21}. Эту мысль поддержал и В.Я. Сто-юкин: "Действительно, уж если изучать язык, то во всей его глубине, во всем его объеме, не ограничиваясь одною выделившеюся его частицей, которая составляет наш образованный язык. Зачем нам лишать себя богатых средств для выражения нашей духовной деятельности?" {Стоюнин. С. 50}. К.Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в начальной школе считал "усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой... Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа" {Ушинский. С. 682}. А.А. Шахматов указывал, что "предметом изучения в школе должен быть весь русский язык, во всей совокупности устных и письменных его проявлений" {Шахматов, 1904. С. 76}.

Эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. При определении границ "стандартного", литературного языка этой эпохи предлагается "расширять изучение стандартного языка... изучать диалекты... которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается" {Солонино. С. 47}.

В эти годы рекомендуется уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалектах. В объяснительной записке к школьным программам 1918 г. говорилось: "Вводя литературную речь, как речь письменную и книжную по преимуществу, школьные работники впредь должны совершенно отказаться от благого намерения исправлять якобы неправильности живого языка, известные в науке под названием диалектических особенностей... Эти отклонения представляют собой драгоценный материал для изучения,

и многие из них исторически имеют гораздо больше прав на существование, чем иные литературные так называемые "правильные" формы языка" (Краткая объяснительная записка... 1918. С. 136).

В 20-е годы наблюдается повышенный интерес к народному творчеству, бурный рост краеведческого движения. В школах учителя вместе с учащимися проводят наблюдения над живой речью населения края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирают фольклорный материал. В педагогических институтах читается курс "Диалектология с введением в этнологию".

Положительно оценивается критикой и использование диалектизмов в художественной литературе. Так, романы "Тихий Дон" М.А. Шолохова, "Бруски" Ф.И. Панферова и "Лесозавод" А.А. Караваевой характеризуются как "крупные достижения" литературы. "В этих произведениях... средства живописи, художественные приемы взяты из деревенской обстановки. Язык не только главных действующих лиц, но часто и самого автора - и по словарю, и по синтаксису - язык крестьянский, а образность (эпитеты, сравнения и т.д.) всегда почти основана на ассоциациях деревенских: деревенской природы, крестьянского труда и быта" {Машбиц-Веров. С. 45}.

В дальнейшем отношение к народной диалектной речи резко изменилось в связи с изменением отношения к крестьянству как основному носителю диалектов. В государстве, построенном, как утверждалось его политическими руководителями, на диктатуре пролетариата, крестьянству отводилась роль попутчика, тянувшего пролетариат в прошлое (в силу "мелкобуржуазной сущности" крестьянства).

Социальные преобразования в деревне в 20-70-е годы были по сути дела направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация крестьян и уничтожение лучшей их части под лозунгом борьбы с кулачеством в 20-30-е годы, грабительская политика по отношению к крестьянству, приводившая к вымиранию от голода целых деревень, к массовому обнищанию и, как следствие, к стремлению деревенских жителей, особенно молодежи, любой ценой переселиться в города, кампания 60-70-х годов по ликвидации так называемых "неперспективных" деревень - все это привело к значительным социальным изменениям в русской деревне.

В результате этих социальных преобразований происходят изменения в русских диалектах. Говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Крестьяне, переехавшие в города или свезенные вместе из разных сел, утрачивают многие исконные языковые черты. Дети, воспитывающиеся в городах и районных центрах, больше подвержены влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени обусловлены сформировавшимся в 1930-е годы негативным отношением к деревенской культуре, народному быту, диалектам как языку деревни. «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? - задавались вопросом языковеды А.М. Иванов и Л.П. Якубинский и отвечали: - Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства. Одним из важнейших лозунгов пролетариата является лозунг: "национальный язык всем трудящимся"... Процесс преодоления крестьянского разноязычия... регулируется сознательной пролетарской языковой политикой, проводником этой политики на селе являются главным образом школа и печать» {Иванов, Якубинский. С. 142}.

В конце 1933 г. началась организованная по инициативе М. Горького дискуссия о качестве языка художественной литературы. Одним из главных вопросов дискуссии было соотношение литературного языка и диалектов, использование диалектизмов в художественной литературе. Сам Горький отрицательно относился к "местным речениям", "провинциализмам", что неоднократно высказывал в статьях и

выступлениях. Его требование к литератору "писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски" (Горький. С. 388), многократно цитировалось и представлялось непререкаемой истиной. Осуждение "злоупотребления" диалектизмами привело к тому, что М. Шолохов переделывал романы "Тихий Дон" и "Поднятая целина" в соответствии с критикой, убрав из них большое количество диалектизмов.

С 1930-х годов политиками и философами нашей страны выдвигается идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого будет лежать русский литературный язык (Национально-языковые отношения). В соответствии с этой идеей провозглашается и быстрое отмирание диалектов русского языка, которые объявлялись пережитком прошлого.

Искажая истинное положение диалектов того времени и степень воздействия на них литературного языка, языковед Ф.П. Филин писал: «Язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, расширяется горизонт сознания колхозных масс, которое освобождается от местной ограниченности. Исчезает специфически "крестьянское", "мужицкий дух", который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзажистам. И на этом участке отходит в прошлое "идиотизм деревенской жизни"... В настоящее время языковое развитие деревни вступает в новую фазу: колхозные массы культурно выросли, поднялись на такую ступень, когда литературная речь становится органическим элементом их мышления, вследствие чего проблема борьбы литературного языка с местными говорами почти снимается, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу... Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» (Филин. 1936. С П9, 185,205).

О стремлении познакомить учащихся не только с литературной речью, но и с речью диалектной, высказанном лингвистами и методистами XIX - начала XX в., в 30—80-е годы уже никто из языковедов не говорит. Провозглашалась необходимость обучения школьников лишь на "безукоризненных образцах литературной речи" (Щерба. С. 180). Диалекты объявлялись пережиточной категорией, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизмы в речи носителей литературного языка назывались ошибками. Им объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Цель ее, писал А.В. Текучее, "устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью" (Текучее. С. И). Появляется множество работ, посвященных борьбе с диалектизмами в речи учащихся, - книг, статей, диссертаций. Конечная цель этой борьбы - полное вытеснение диалектов литературным языком. Но не следует приветствовать развитие русского языка в этом направлении.

О русском языке говорят как об одном из самых богатых в мире. Богатство языка — это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. О лексическом богатстве диалектов, в частности, может говорить следующее. В самом полном 17-томном "Словаре современного русского литературного языка около 120 тыс. слов, а в "Архангельском областном словаре", публикация которого начата в 1980 г., - около 150 тыс. При этом "Архангельский областной словарь" дифференциальный, он включает только те слова архангельских говоров, у которых есть какие-либо отличия от литературных слов, и не включает полностью совпадающие с литературными. Богаты

лексикой и другие региональные словари.

Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениваться по-разному, что проявляется в разном количестве слов -названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей. Так, в одних русских говорах, как и в литературном языке, лингвистическое время членивается на прошедшее, настоящее и будущее, а в других выделяется еще перфект и плюсквамперфект. Например, в литературном языке существует одно название для незрелой лошади - жеребенок. А в говорах чаще всего встречаются три названия возрастных периодов жеребенка: первый - сосущ сосок, соска, лошонок, лошак, коняжка, селеток, озимок, перевозимок; второй - стригач, стриган, стригун, стрига, стрижка, стрижек, летошник, лонщак, лонщина, перезимок, полуторник; третий - третьяк, третьяка, трехлеток, троелеток, учка, первопашка, гуляк, воронка, бороныш, боронщик, боронник, бороновалка и др. Встречается и более дробное членение для периода незрелой лошади, например: сосун!жеребенок -стриган!стригач!лонщак!лонщина!одногодок - боронка!бороныш!боронник! третьяк - соха!сошка!сошник!первопашка и др. Это членение может усложняться различиями по полу: кобылка/жеребушка/жеребулька - жеребчик/жеребок или лонщачка - лонщак, третьячка - третьяк и др. (Мораховская).

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах может проявляться в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово -с разными родственными словами, ср., например, ухват (от хватать), рогач (от рогатый), ручник (от ручной), емки (от имать - "брать") и т.п.

Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, - это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

Проводившаяся у нас языковая политика была одной из сил, вызывавших этот процесс, имела она и другие отрицательные следствия. "Найдутся, вероятно, и такие учителя... - писал В.И. Чернышев в 1912 г., - которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни... у ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни... Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утвердит в своих питомцах враждебное отношение к народному языку... Всякое наступательное движение по отношению к народному языку, при ничтожной и только кажущейся пользе, приносит страшный, непоправимый вред в разных отношениях: моральном, педагогическом, образовательном" {Чернышев. С. 531). Воспитание в детях негативного отношения к языку своих родителей, своих предков - это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности. "Мы серые, серо говорим", — частая самооценка деревенских жителей (Калнынь. С 231-232).

Основная цель учителя, работающего в диалектной среде, научить школьников литературному языку, который не должен вытеснить у них язык, усвоенный с детства, - местный говор. Литературный язык многообразен: в разных ситуациях мы используем различные его стили, в условиях деревенского общения должен сохраняться местный говор. И благородная цель учителя - показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения своей роли, а в некотором отношении он богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору - вот вторая важная задача учителя деревенской школы, который и сам должен хорошо знать этот говор, понимать его особенности.

Ближайшая задача, стоящая перед лингвистами, - пропаганда нового отношения к диалектам. Для этого необходима популяризация этих идей в широкой печати. Новые взгляды на взаимоотношения между литературным языком и диалектами должны найти

место в вузовских курсах.

За последние десятилетия появилось много произведений художественной литературы, авторы которых широко используют диалектизмы как стилистическое средство. Лучшие из этих произведений следует включать и в школьную программу. В школе должна быть возрождена краеведческая работа. Хорошее пособие, иллюстрирующее богатство и территориальное разнообразие русского языка, - "Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас» (М., 1994).

Говоря о преподавании русского языка, следует помнить слова, сказанные А.А. Шахматовым еще в 1903 г. преподавателям русского языка: "Школа, кроме целей утилитарных, преследует и этические задачи... Мне кажется, что то преподавание русского языка, которое видим теперь, ничего не скажет душе юноши: синтаксический разбор, знакомство с юсами и аористами не заронит в нее идеалов, не возвысит и не укрепит ее... Из исторического очерка русского языка, из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках - он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни... Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее" (Шахматов, 1994. С. 89-90).

Диалекты русского языка - реальность настоящего времени. Они не исчезнут и в ближайшем будущем, но заметно изменяются, деградируют. Язык - один из памятников культуры. Он нуждается в бережном, любовном к нему отношении. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, необходима и наиболее полная фиксация их современного состояния. Эта задача не может быть решена теми немногими диалектологами, которые ведут полевые записи диалектной речи. Необходимо создавать в сельских и районных школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры. Со временем же их значение неизмеримо возрастет (Касаткин, Касаткина. С. 64).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКОГО НАРОДА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ РОССИИ

Культурно-этническое единство русского народа не исключало различий в отдельных регионах, хозяйственных зонах и территориях, где русские соседствовали с иными народами. Отличия были разного характера и происхождения и обуславливались этнической историей русских. Некоторые из них восходят к глубокой древности - к раннефеодальному и дофеодальному этапам истории. Они выявлены археологическими исследованиями, свидетельствующими, что еще среди восточнославянских племен наблюдались отличительные особенности в материальной и духовной культуре. Такие особенности возникали при расселении славян в Восточной Европе, их взаимодействии с местным населением, при формировании ранней восточнославянской государственности в X-XIII вв. и позднее, в XV-XIII вв., в процессе освоения русскими новых земель и вхождения других народов в единое с ними государство.

В XIX в. наряду с адаптацией русских на новых территориях и их консолидацией происходили и взаимовлияния, и взаимопроникновения в культуры других народов (аккультурация). Процессы ассимиляции, имевшие место на ранних этапах истории,

продолжались и в XIX в. при пограничном и смешанном расселении и численном преобладании одного народа над другим. Так, ассимиляции русскими была подвержена часть некоторых народов - марийцы и чуваша в Поволжье, коми в Северном Приуралье.

Весь ход истории вел к тому, что на территории размещения русских сложились историко-культурные зоны, а в них формировались отдельные группы народа, имевшие свои особенности в территориальном, этническом, сословном и конфессиональном отношениях. Вся этническая история русского народа характеризуется перманентным образованием локальных групп; они складывались на новых землях, при "просачивании" на территории, населенные другими народами, при "обтекании" чужих территорий и т.п.

Прежде всего выделяются северная и южная историко-культурные зоны на Европейской территории русского расселения и средняя полоса между ними (главным образом в междуречье Оки и Волги). Такое деление основывается на различиях в говорах и элементах народной культуры. В средней полосе, где формировалось ядро русской народности, получился "сплав" черт в языке и культуре, во всех областях жизнедеятельности народа. В начале XX в. еще прослеживались четкие различия русских в историко-культурных зонах, в дальнейшем шло сглаживание этих черт, но и до сих пор они вовсе не исчезли.

Северная историко-культурная зона характеризуется наличием "окающего" диалекта и такими особенностями в культуре, как малодворные сельские поселения, образующие отдельные "гнезда" селений, монументальное жилище (изба), соединенное с хозяйственным двором, так называемый сарафанный комплекс женского народного костюма, особый сюжетный орнамент в вышивках и росписях, бытование былин и протяжных песен и причитаний, наличием сохи — главного пахотного орудия. Эти черты народной культуры прослеживаются у русских от Волхова на западе до Мезени на востоке, от Беломорского побережья на севере до верховьев Вятки и Камы на юге (в Карелии, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Ивановской, Костромской, на севере Тверской и Нижегородской областей).

В южнорусской зоне отмечаются "акающий" диалект и такие черты в культуре, как многодворные селения, наземные жилища, костюмный комплекс с поневой, полихромный геометрический орнамент, распространенные у населения от Десны на западе до правобережья Волги и Суры на востоке, от Оки на севере до Хопра и Среднего Дона на юге (на юге Рязанской, в Пензенской, Калужской, Тульской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской, Брянской, Курской, Орловской, Белгородской областях).

В междуречье Оки и Волги (в Московской, Владимирской, Тверской, в некоторых районах Нижегородской, на севере Калужской, Рязанской и Пензенской областей) сложилось сочетание тех и других черт в языке и культуре народа: женский костюм с "сарафанным комплексом" и коюАиником, жилище на подклете средней высоты и др. Здесь эти сочетавшиеся черты имели не столько локальный, сколько общерусский характер, а московское культурное влияние было ощутимо и в северной, и в южной зонах; московский говор стал основой русского литературного языка.

Северно- и южнорусские этнографические группы народа - наиболее крупные. На окраинных территориях образовались более мелкие группы с отличительными этнографическими особенностями. На западе, по р. Великой, в верховьях Днепра и Западной Двины (Псковская, Смоленская, части Тверской и Калужской областей), в переходной от северной к средней и от средней к южной полосе, у русских прослеживается близость к белорусам, что отразилось на их культуре (народный костюм, планировка жилища, кулинария). В Среднем Поволжье еще в XVI-XVII вв. сформировалась группа русских выходцев из разных областей, близкая к поволжским народам (своеобразие некоторых видов орнамента, внутреннего убранства жилища). Но уже с конца XVIII в. здесь отмечалась этническая однородность жителей уездов, так как в результате ассимиляции русскими других этносов русская культурная традиция в ассимиляционном процессе была уже устойчивой и превалирующей в силу численного

преобладания русских.

В Приуралье (Вятская, Пермская, Екатеринбургская, Челябинская области) русских можно отнести к севернорусским, ибо у них окающий диалект, северные черты в народной системе, питания, в некоторых обрядах (свадебных), но есть и среднерусские черты в жилище, орнаментике, одежде.

Юго-восточная группа русских (от Хопра до Кубани и Терека), сложившаяся в Области Войска Донского, на востоке Новороссии, в Кубанской и Терской областях, по происхождению была связана с южнорусским населением и украинцами, в ней нет единообразия в языке и культуре.

Кроме крупных территориальных этнографических групп среди русского народа выделяются более мелкие образования, отличающиеся особыми самоназваниями и названиями, своеобразием в хозяйственной деятельности и различных формах народной культуры. Особенно их много в историко-культурной зоне южнорусского населения, "пестрого" по своему происхождению, что было связано с историей заселения степной и лесостепной полосы юга.

ГРУППЫ РУССКИХ СЕВЕРНОЙ ЗОНЫ

По сравнению с южнорусским населением у севернорусских в коренных областях их обитания меньше обособленных культурных групп и местных говоров, так как здесь было меньше передвижений населения (Токарев, 1958, С. 31; Кузнецов. С. 20). При незначительности правительственной, массовости стихийной крестьянской, некоторой доле монастырской колонизации на Русском Севере складывалось культурно-языковое единство среди населения. На всех своих путях различные народные потоки и "элементы" не часто сталкивались и объединялись между собой, а поэтому не сложилось резких этнографических и диалектных границ. В диалектологическом и культурном отношении здесь образовалась сплошная территория окающих говоров и севернорусской народной культуры, границы распространения которых совпали с административными подразделениями бывших уездов и даже княжеств, так что говоры и культура целых больших областей представляют собой единое целое. Образовавшиеся местные территориальные группы русских с XIV-XVI вв. долго именовались чисто географическими названиями - онежане, каргопольщина, белозеры, двиняне, пошехонцы, теблешане, ильменские поозеры, кокшары, устюжане, важане, тотьмичи, выче-годцы и др. В состав всех этих групп вошли словене-новгородцы, "низовское" население Ростово-Суздальской земли и Другие этноэлементы. Лишь ильменские поозеры - наиболее прямые потомки древних новгородцев - сохраняли физический тип и диалектные особенности новгородского говора (Чебоксаров, 1947. С. 239).

К XIV-XVI вв. относится существование в северодвинских землях "ростов-щины", клином врезавшейся в новгородское Заволочье по Северной Двине. Население "ростовщины" по происхождению было связано с потоком "низовской" (ростово-суздальской) колонизации Севера. Ростовские владения занимали часть Белозерья, северо-восточный берег Кубенского озера - Заозерье, северо-восточные части уделов ярославских князей (Бохтюжская волость Кадниковского уезда, Авяежская волость Грязовецкого уезда Вологодской губернии), правый берег Северной Двины - по Кокшеньге, Вели, Ваге, Сухоне (Собрание государственных грамот и договоров. С. 392; Дополнения к актам... С. 382).

Географические названия местных жителей после XVI в. стали малоупотребимы. Но до сих пор сохраняется название наиболее крупной территориальной группы севернорусского населения - поморов, расселившихся по берегу Белого моря от Онеги до Кеми и по берегу Баренцева моря. Это - потомки новгородцев, частично "низовцев",

появившихся здесь в XII в. В природных условиях северных морей они выработали своеобразный культурно-хозяйственный тип промыслового приморского хозяйства, занимаясь рыболовством и морской охотой, мореходством и предпринимательством. Отличаясь от северных русских по своему хозяйственному быту, они близки к ним по народной культуре.

Среди поморов выделяются более мелкие группы - усть-цилёмы и пустозёры на Печоре, по происхождению - потомки новгородцев с некоторой примесью местного финно-угорского населения {Зеленин, 1913, С. 363-369; Максимов, 1871. С. 379}. Бытует также мнение, что пустозёры - потомки московских служилых людей, смешавшихся с местными "инородцами" (Ончуков. С. 370). Но скорее всего московское влияние проявилось здесь позже (его несли ссыльные и купцы), так же как пришли из Москвы и былины, и акающий говор с мягким [к], которого нет в бывших колониях Великого Новгорода. По быту и цилёмы, и пустозёры близки к новгородцам.

Происхождение еще одной небольшой территориальной группы русских -сицкарей, живущих по р. Сить в Моложском уезде Ярославской губернии (по соседству с севернорусскими жителями), связано с ростово-суздальским колонизационным потоком на Север, так как здешнее оканье - владими́ро-ростовское, а не севернорусское. С другой стороны, Поситье в диалектологическом отношении находится на западной границе мягкого [к] в говорах и является островком среди "дзекающих" говоров; мягкое [к] в говорах и "дзеканье" более поздние, чем оканье. Из-за отличий по языку и быту от остального ярославского населения сицкарей относили и к обрусевшим карелам - соседям Тверского края, и к другим народам (обрусевшим литовцам, белорусам).

Как видим, по формированию сицкарей можно отнести не только к территориальной, но и к этнотерриториальной группе. Действительно, отдельные этно-элементы "влились" в сицкарей. В удельное время здесь были земли князей Сицких, а после Столбовского мира со Швецией 1618 г. сюда попала часть карел из-за "Свейского" рубежа, в XVII в. туда переселилась часть русского населения из Центра (из Москвы - ткачи-"хамовники"), а позднее, в XIX в., - снова карелы из Тверской и Новгородской губерний. Таким образом обособление сицкарей нарушилось (Зеленин, 1913. С. 363-369).

К этнотерриториальной группе относятся тудовляне, жившие по р. Туд в Ржевском уезде Тверской губернии (близкие к севернорусским по культуре). В сложении этой группы, по мнению исследователей, приняли участие белорусы, что отразилось в языке и народной культуре тудовлян, а некоторые их считали просто обрусевшими белорусами (Карский. С. 22; Гринкова, 1926. С. 83-96).

Формирование еще нескольких небольших местных групп не было связано с этноконтактами. В языковом отношении на юго-западе Европейского Севера отличалась группа ягутков (ягунов), по происхождению связанная с бурлаками Волги. Яго вместо его и кагоканье (каго) - черты бурлацкого говора, проникшего в Череповецкий, Белозерский и Кирилловский уезды Новгородской губернии. В Череповецком уезде ягутки были известны и в XIX - начале XX в. Такая группа населения - профессионального происхождения, связанного с бурлацкими занятиями и получившая свое название от прозвища. Бурлацкие занятия дали название еще одной группе - древнейшим русским поселенцам в Малмыжском уезде Вятской губернии - гагарам, также названным по своей кличке в народе (Зеленин, 1913. С. 417,441^464; Максимов, 1876. С. 300).

По самоназванию были известны пушкари - крестьяне помещиков Мусиных-Пушкиных в Весьегонском уезде Тверской губернии. Это название произошло от их владельческой принадлежности, ибо по языку и культуре пушкари не имели отличий от остального населения края, а в целом и от северных русских.

Своеобразием отличались и конфессиональные группы русских. К ним на Севере относятся старообрядцы, широко расселившиеся в XVII-XIX вв. Религиозные течения старообрядцев оформились в результате раскола в православии в XVII в. (церковная реформа патриарха Никона). Известны два основных направления - поповщина и

беспоповщина, в свою очередь делившиеся на многочисленные толки и согласия. Среди севернорусского населения в XVIII в. распространились в основном беспоповские толки, отвергавшие церковную иерархию, — поморский (даниловцы), филипповский, федосеевский и в конце XVIII в. бегунский (страннический) толки; было также несколько согласий по именам их основателей - "учителей". Группы староверов-беспоповцев жили в Заонежье, в Ярославской, Вологодской, Олонецкой, Костромской, Вятской, Пермской, Архангельской, С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Нижегородской губерниях, в Екатеринбургском уезде.

Поповские толки старообрядчества (беглопоповцы, Елокриницкая церковь) и промежуточные между поповцами и беспоповцами (часовенные старообрядцы) имелись на Севере, Верхней Волге и Урале: в С.-Петербургской, Тверской, Костромской, Пермской, Нижегородской губерниях, в Ирбите. Бегунский толк старообрядчества был характерен в конце XVIII-XIX вв. для староверов Северного и Среднего Урала (Пермско-Печорский край). От остального населения староверы отличались замкнутостью и бросающейся в глаза патриархальностью в быту, в большинстве случаев сохраняя народные черты материальной и духовной культуры. Этому способствовало их изолированное расселение и редкие контакты, а иногда и отсутствие их с инаковерующим населением. В численном отношении старообрядцы уступали приверженцам официального православия. В конце XIX в. среди населения северных губерний они составляли: в Архангельской - 1,80%, Вологодской - 0,58; Вятской - 3,17; Костромской - 2,81; Новгородской - 2,24; Олонецкой - 0,81; Пермской - 7,17; Псковской - 3,17; С.-Петербургской - 0,94% (Распределение населения... С. 2-3).

ГРУППЫ РУССКИХ ЮЖНОЙ ЗОНЫ И ЦЕНТРА

В едином южнорусском массиве населения имеется довольно много разных по происхождению групп русских (этнотерриториальных, сословных, конфессиональных). Здесь население обязано своим происхождением характеру заселения лесостепной и степной полосы России. В XIII-XV вв. эта часть страны во время ордынского владычества и набегов кочевников >ша опустошена: население было полонено или уходило на север. Позднее окраина стала вновь заселяться выходцами из различных мест по мере продвижения границ Русского государства на юг. Так, среди южнорусских поселенцев постепенно сформировались этнотеррито-риальные образования. Жители Калужско-Брянского Полесья - полехи (бассейны Десны, Сейма) — потомки древнейшего населения лесной полосы. Вместе с тем их близость к западным соседям русских и, вероятно, этноконтакты с ними привели к значительной общности с культурой белорусов и частично литовцев. К полехам примыкают горюны, жившие в Путивльском уезде Курской губернии и получившие такое название по кличке, которая образовалась от того, что они якобы "горевали горе", а по другой версии — жили в "местах сгоревших лесов", т.е. так же, как и полехи - лесные жители.

О происхождении горюнов, зафиксированных в документах уже с XVI в., существует много версий, в том числе и такая, будто они потомки древнего племени северян. Но наиболее доказанным является мнение, что они действительно потомки автохтонного населения Полесья (Посемья), впитавшего в себя и новые переселенческие волны XVI-XVII вв. из ближайших к ним районов Чернигова и Брянска (бассейн Десны и верховье Днепра). Этнический состав населения этих районов был смешанным; в частности в районе, где жили горюны, у населения остались отличительные черты в говоре и в народном костюме (акающие или якающие егуны с украинско-белорусскими чертами в культуре).

Некоторыми языковыми особенностями отличались жители Дмитровского уезда

Курской губернии жеки и зекуны (первые, говоря, употребляли частицу же, вторые - зе).

Своеобразной была а группа саянов из Курской губернии, из Посемья (Курский, Щигровский, Фатежский, Львовский уезды), которую можно отнести не только к этнотерриториальным, но и к сословным подразделениям народа: саяны с 1600 г. создавали в незаселенных местах монастырские деревни Корейского Рождественского и Курского Знаменского монастырей, среди жителей которых находились выходцы из Литвы и Белоруссии. Не исключено, что их первоснова - древние северянские группы. Белорусско-полесские особенности в языке (замена ц и щ на с, ж, з, аканье, яканье и др.) и быте (южнорусские черты в западном варианте) заметно отличали саянов от остального населения.

С древним военнотруженным пограничным сословием связано и происхождение курских севрюков, предки которых несли службу по наблюдению за степными кочевниками (Токарев, 1958. С. 30-31; Зеленин, 1913. С. 120-121, 136, 144; Чижикова, 1988. С. 31-32).

Значительный по сословному происхождению группой южнорусского населения явились однодворцы - потомки военнотруженных людей низшего разряда конца XVI - начала XVII в. (стрельцов, пушкарей, служилых казаков и др.). Служилые люди происходили в основном из замосковных уездов северной и среднерусской полосы и несли с собой на юг характерный севернорусский бытовой уклад. В социальном отношении однодворцы заняли промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками, но не слились ни с теми, ни с другими, чем и обусловилось своеобразие их культурно-бытового типа.

Позднее, в XVIII в. в степи после ее "замирения" происходило вторичное заселение земель крестьянами, беглыми и теми, кто был переселен помещиками из других губерний. Первые и более поздние переселенцы долго различались по этнографическим признакам, особенно в одежде: крестьянки из коренных жителей носили поневу и "рогатую" кичку, однодворцы - костюм с сарафаном (либо полосатой юбкой) и кокошники. В XIX в. отдельные группы однодворцев были известны под прозвищами: "галманы" (иронич. - бранные, бестолковые) - однодворцы Воронежской, Тульской и Тамбовской губерний; "ионки" - часть однодворцев Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии (от ион - он), более образованные, чем другие, утратившие архаизмы в говоре, носившие городской костюм; "коннозаводские крестьяне", в состав которых были причислены для работы на конных заводах однодворцы Скопинского и других уездов Рязанской губернии. Имелись и общие прозвища-клички для однодворцев: "индюки" (гордые), "талагаи" (бездельники, невежи), "щекуны" (грубого нрава, говорившие "що" вместо "что") Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Различия между группами однодворцев были столь велики, что они не вступали между собой в родственные связи.

Подобные прозвища среди южнорусского населения давались не только однодворцам, но и крестьянам. Одним - по особенностям говора, как, например, "цуканам" (так их называли однодворцы) в Воронежской, Курской, Орловской губерниях, различавшимся в первой половине XVIII в. по сословно-владельческой принадлежности (помещичьи, монастырские крестьяне, переселенные сюда из центральных губерний позднее, в 60-е годы). В языке "цуканов" звучало ц вместо ч, но в начале XX в. их говор слился с говором соседей-однодворцев. По особенностям языка получили прозвище "ягуны" и "кагуны" (кагокаяющий говор) - орловские и воронежские крестьяне. Прозвища других произошли от фамилий их владельцев-помещиков: "репнинщина", "голицынщина", "гамаюнщина", "шувалики" (крепостные Шуваловых в московском Верейском уезде с южнорусскими чертами в народной культуре), "карамышы"; в отношении последних высказывалось мнение, что они - потомки древних вятичей (Токарев, 1958. С. 31; Зеленин, 1913. С. 41, 77-79, 94-95, 100, 314). Иные прозвища произошли от сословной, иногда от этносословной принадлежности - "мананки" Белгородского уезда Тульской губернии - женщины из монастырских крестьян; в происхождении их участвовало русское, украинское, литовское

население; "поляне" Масальского уезда Калужской губернии - из помещичьих и государственных крестьян; "мамоны" в левобережье Северского Донца (в Белгородском уезде), заселявшие с XVII в. дворцовые и церковные селения. Синтез черт южно-, севернорусской и украинской культуры говорит об их сложном происхождении.

Многие из перечисленных групп населения имели характерные культурные и языковые особенности. Сословные различия оказали влияние на обособление южнорусских говоров - большее, чем на Русском Севере. Говоры однодворцев, монастырских и помещичьих крестьян, мещан, казенных кузнецов, майданников обособились на сословной почве. В частности, на образование однодворческого говора влияли московский, западнорусский, орловско-калужский и восточно-русский говоры, хранившие старые "степные" особенности, литовские говоры через выходцев из западного рубежа. В подмосковных местах однодворческий говор с аканьем, кагоканьем и мягким окончанием глаголов (-ть) постепенно исчез (Зеленин, 1913. С. 239; Чижикова, 1988. С. 33-37).

На востоке южнорусской территории в левобережном Заочье русское население было известно под названием мещера (от Мещерской стороны). Жители этого края - славянское население, ассимилировавшее местных финно-угров, поэтому их считали обрусевшей финской мещерой. Небольшие островки мещеры долго сохранялись в Пензенской и Саратовской областях, куда она попала в результате миграций из Рязанщины на юго-восток. На примере мещеры прослеживаются связи в культуре всего населения среднего течения Оки с соседними народами Поволжья. Особенно много сходных черт в орнаменте, расцветке костюма, убранстве жилища (Зеленин, 1913. С. 535).

Мелкие этнические образования можно еще отметить в ряде центральных русских областей, которые в XIX в. были известны под этническими или специфическими наименованиями-прозвищами. Так, "корелы" - небольшая группа жителей в Калужской губернии в Медыньском уезде - переселились от карел Тверской губернии. "Ляхи" - остатки якобы пленных поляков - жили* в Балахнинском уезде Владимирской губернии. "Паны" Лукояновского уезда Нижегородской губернии "тянули" по происхождению к белорусам, долго сохраняя белорусский говор и белорусский костюм (Токарев, 1957. С. 31; Этнография восточных славян. С. 60).

Кроме этнотерриториальных, сословных групп русских в центральных и южных губерниях Европейской России, так же как и на ее Севере, существовали их конфессиональные образования. Значительную прослойку составляли занимавшие довольно обособленное положение заволжские старообрядцы (по Ветлуге, Кер-женцу, Волге), поселившиеся в XVII-XVIII вв. и сохранившие, как и остальные раскольники, своеобразие своего замкнутого бытового уклада и многие старинные черты русской культуры. В южнорусской зоне старообрядцы имелись у полехов, живших в глухих местах Полесья, распространилось старообрядчество и среди казаков.

Оба направления раскола - поповское и беспоповское разных толков - существовали у населения центральных и южнорусских губерний. Поповщина с конца XVII в. распространилась у нижегородских староверов на Керженце, на Дону, у жителей Московской, Калужской, Рязанской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Казанской, Оренбургской губерний. Беспоповцы жили в Нижнем Новгороде, Ирбите, а также в Московской, Калужской, Саратовской, Тульской, Орловской, Тамбовской губерниях. В начале XVIII в. беспоповщина проникла от донских казаков в Ставрополье и на Кубань, где жили некрасовцы (по имени атамана Игната Некрасова). Оттуда часть их переселилась в Закавказье и Турцию.

Однодворцы не были затронуты старообрядчеством, но у них, как и у другого южнорусского населения, появилось сектантство. В 1880-е годы от донских казаков в Воронежскую губернию "перешла" хлыстовская секта. Ее приверженцы жили также в Костромской, Владимирской, Нижегородской, Московской губерниях. Известны и другие секты: субботники с конца XVII - начала XVIII в. в центральных губерниях у

помещичьих крестьян; духоборцы - с середины XVIII в. у государственных крестьян Воронежской губернии, откуда они переселились в Екатеринослав-скую и Херсонскую губернии; в начале XIX в. они появились в Тамбовской, Таврической губерниях, в Закавказье. Молокане известны с 60-х годов XIX в. среди тамбовских крестьян, а также в Ставрополье, Крыму, Закавказье; с начала XIX в. существовал их "донской" толк, а с 40-х годов XIX в. - еще и толк "прыгунов".

Старообрядцы и сектанты в Европейской России к середине XIX в. насчитывали 759 880 человек (из 74 271 205 человек всего населения России), на Кавказе - 52 814 человек.

Сложение того или иного этнического, сословного и конфессионального состава населения европейских губерний в XIX-начале XX в. было обусловлено всем ходом исторического и социально-экономического развития народа в предшествующее время. На это очень сильно влияло расширение этнической территории русских, их массовые передвижения из центра к периферии, адаптация на новых землях и взаимоотношения с иноэтничными народами. К зонам наиболее активных этнических взаимодействий относились в тот период юго-восточные окраины Европейской России - Поволжье, особенно Заволжье, Южный Урал, Северный Кавказ.

РУССКИЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Не менее активно в это время этнические процессы и этноконтакты народов шли в Сибири, а со второй половины XIX в. и на Дальнем Востоке, где, осваивая новые земли, русские и украинцы вступали во взаимодействие с местным населением. В этих процессах очень многое зависело от численности народов и от характера их взаимного расселения. Особенно это проявилось на огромных сибирских пространствах. Так, малочисленные русские крестьяне и ямщики, поселившиеся в Якутии еще в 70-е годы XVIII в. и женившиеся на якутянках, постепенно утратили свои обычаи и переняли культуру якутов, а в конце XIX в. половина из них даже не говорила по-русски. Малочисленность русских на севере Западной Сибири и невозможность заниматься привычным хлебопашеством привела к утрате ими своего хозяйственного опыта и бытового уклада и перениманию культуры соседних хантов.

Превосходство русских в численном отношении в других западносибирских районах и в Забайкалье обусловило иное направление этнических процессов. Там русские ассимилировали местное население: татар, вогулов, бурят, которые переходили на русский язык и принимали крещение.

Кроме этносмешения и ассимиляции русского и других народов наблюдались и процессы обособления отдельных групп. Правда, обособление было свойственно небольшой части русских сибиряков. Даже старообрядцы не стали в полном смысле изолированными группами.

Собственно "чисто" русские сибиряки не были однородны, ибо в их состав вливались разные контингенты русских переселенцев. К XIX в. русские на юге Сибири по своему происхождению были в основном из среднерусской и южнорусской полосы Европейской России, сменив первоначальное русское население северных европейских губерний. На севере же Сибири преобладали потомки населения из Вологды, Перми, Чердыни, Соликамска, Кайгородка, Сольвыче-годска. Великого Устюга. Несмотря на сложную этническую историю, все русские Сибири, пришедшие в разное время из ряда европейских губерний и в некоторых местах смешавшиеся с коренными народами, имеют общие черты, хотя каждая из сибирских групп русских сохраняет присущие только ей особенности.

Так, в антропологическом отношении в отличие от европейских русских у них, в частности, более крупные размеры лица, а все старообрядцы Сибири сохранили высокий для русских рост; они светлее, чем сибирские русские, но темнее, чем европейские, и

вообще более сходны с русскими-сибиряками, чем с русскими-европейцами.

Все группы русских, кроме старообрядцев, при сравнении с европейскими можно объединить в один тип с подтипами: 1) русские, не смешавшиеся с другими народами и являвшиеся потомками старожилов, вышедших из разных областей, а в особенности из севернорусских; 2) русские-метисы, главным образом в Якутии, Забайкалье и затундренской зоне (Ядринцев, С. 51).

Конечно, старожилы, не одно поколение которых проживало в Сибири, отличались от вновь прибывавших европейских русских. Они и назывались по-разному- сибиряки а российские. Разными были их характеры, поведение, образ жизни, язык. В дореволюционной историографии настойчиво проводилась мысль о своеобразном типе и языке сибиряков, якобы не похожих на русских, так называемая теория областников (Словцов П.А. С. 161-162). На самом деле, несмотря на все своеобразие, русские сибиряки сохранили много общего со своими предками из Европейской России. Подтверждением этого является вся материальная и духовная культура русских, сложившаяся в разных регионах Сибири, развивавшаяся в общем русле с культурой всего русского народа.

Население Сибири XIX в. состояло из коренных и пришлых народов. Многочисленное к тому времени русское население не представляло единого целого по своему происхождению и составу. Русские, начавшие проникать в Сибирь еще в конце XVI в., выработали своеобразные черты быта и характера и образовали ядро старожилов - потомков ранних поселенцев с Европейского Севера и из Северного Приуралья. Переселенцы XIX в. из южнорусских и центральных губерний России составили группы новоселов ("российских"). Среди тех и других сформировалось несколько групп под воздействием разных факторов: характера их расселения в Сибири (отдельно от других народов - компактного или чересполосного с ними, или интенсивного проникновения в инорасселение и т.п.), численности, демографических процессов, происходивших в их среде, особенностей иноэтничного окружения. Так, среди русских в Западной Сибири выделились группы, различные в сословном, этническом или конфессиональном отношении. На укрепленных пограничных линиях южных районов сформировалось казачье население, расселившееся в близком соседстве с башкирами, мещеряками, яицкими казаками, казаками, которые также составили служилое казачество. Влияние этих народов друг на друга именно в казачьей среде было очень сильным.

Другую группу русского западносибирского населения составили старообрядцы - каменщики Бухтармы и "поляки" Колывани. Первые были потомками кержаков из Нижегородской губернии, переселившихся в Бухтарму (в горы - "камень") в XVII в. и испытавших некоторое влияние соседних казахов. "Поляки", расселившиеся с 1763 г. на Алтае по р. Убе, были потомками русских старообрядцев из Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской губерний, обосновавшихся сначала в Белоруссии (Стародубье, Ветка, Добрянка, Гомель, Дорогобуж), а оттуда в конце XVIII в. переселенных в административном порядке в Сибирь, где разместились на Алтае и частично ушли в Забайкалье. В отличие от каменщиков, которые вступали в браки с казаками, "поляки" в течение 200 лет поддерживали только внутрисемейные брачные связи; у них было более 90% браков с родственниками в 6-8 поколениях.

По данным 1869 г., в Западной Сибири проживал 49 261 раскольник из 2 743 157 человек, населявших регион. Это были беспоповцы, и поселились они главным образом в Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Бийском округах (РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. Д. 150. Л. 2-2 об.; Д. 90. Л. 33).

Кроме старообрядцев, в 1805 г. в Тобольской и Томской губерниях поселились сектанты- духоборцы, молокане, штундисты, которых туда либо ссылали, либо они сами убегали в Сибирь от преследований за веру.

Русские в Восточной Сибири не отличались однородностью. Среди них выделялось много сословных, этнотерриториальных и конфессиональных групп. Довольно

своеобразными были старожилы, предки которых пришли на Ангару (среднее течение) и Енисей (среднее и нижнее течения) еще в XVII-XVIII вв. Они являлись в основном крестьянами—потомками промышленников Северной России, часть из них составляли коми. Поздние русские приселения туда были незначительны, поэтому русские старожилы Туруханского края, например, считались "чисто" русскими, а в районе Енисейска приобрели некоторую "монголоидную примесь", хотя в целом здесь наблюдалось мало смешений с коренными народами и в антропологическом отношении они сохранили общность с русскими Европейского Севера (Русские старожилы Сибири. С. 116). В этническом отношении очень сложным было линейное восточносибирское казачество из-за сильного этносмешения с соседними эвенками и бурятами.

Другую группу русских старожилов в Восточной Сибири составили русские Забайкалья, в свою очередь разделившиеся на несколько групп. Читинская (онон-ская) их группа состояла из потомков казачества XVII в., представители которого женились на обурятившихся тунгусах. По-местному эти русские назывались гуранами. Имелись русские казаки и с небольшой бурятской примесью. Другая читинская группа - это кударинские русские (русско-бурятская группа), жившие между Хилком и Чикоем и являвшиеся потомками русских казаков и "карымов" (ассимилированных русскими бурят Цонголова рода). Русские из обеих читинских групп вступали в браки с эвенками и бурятами. Первые вошли в состав местных русских примерно на 20%, последние - на 40% (Бунак. С. 178). Сильная метисация шла в начале XVII-XVIII в., а затем по мере увеличения численности русских она сократилась.

Среди русских казаков Забайкалья наблюдались также вероисповедальные различия. По данным 1863 г., у них были раскольники разных толков (РГИА. Ф. 1265, Оп. 12. Д. 150. Л. 3-3 об.).

Большую профессиональную группу русских составили забайкальские старо-обрядцы-"семейские" по Селенге и Чикюю. В 1890 г. их насчитывалось 42 680 человек из общего числа населения 684 890 человек (РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5503. Л. 750, 798). Они имели много общего с алтайскими "поляками", так как у них частично были единые предки (из южнорусских и западных губерний), и те и другие сохранили 1/5 общих фамилий. Все они оставались "чисто" русскими, поскольку с антропологической точки зрения у них не было даже легкой примеси соседних бурят или алтайцев, т.е. они не вступали в этносмешения с этими народами (Русские старожили Сибири. С. 115).

На северо-востоке Сибири русские были представлены также несколькими группами - этнотерриториальными и сословными. Уже с 70-х годов XVIII в. их предки в Якутии - крестьяне Якутского и Олекминского округов - являлись "более якутами (по материнской линии), чем русскими (по отцовской)" (Майнов. С. 38). Жившие с 1731 г. на восточном берегу Лены русские-амгинцы вышли из крестьян Илима и Иркутска, которые, в свою очередь, были потомками русских с Европейского Севера и якутов, чей язык и образ жизни они переняли, а в конце XIX в., вступая в браки с эвенками и представителями других народов, приобрели монголоидный физический облик. С XIX в. известны группы русских вторичного заселения- анадырцы, гижигинцы, камчадалы. Казаки, посадские люди, разночинцы уже в середине XVIII в. имели свои семьи в Анадырском остроге и насчитывали до 1000 человек. Позднее они частично вошли в состав гижигинского гарнизона или ушли на Камчатку и на Колыму. Русские гижигинцы состояли из выходцев из западных и восточных сибирских губерний, некоторые - из якутян и новокре-щенных коряков, и к концу XIX в. представляли единую этническую группу (Гурвич. С. 202).

На Камчатке русские казаки - выходцы из Илимска - восприняли быт и хозяйство камчадалов-рыболовов. Среди них было много метисов, говоривших на русском и камчадалском языках. Они насчитывали в 1897 г. более 1500 человек обоего пола. Население Камчатки, так же как и Чукотки (русские, юкагиры, чукчи, коряки), возникло в результате ассимиляции одних народов другими.

В XIX в. среди русских Якутии выделялись усть-оленекские, усть-янские,

верхоянские, русские устьянцы (индигирцы), усть-елонские и колымские жители. Усть-янские и усть-оленекские были ассимилированы якутами и эвенками. Индигирцы образовали обособленную группу русских, сохранивших свой язык и культуру. Это были крестьяне и мещане, которые вели охотничье-промысловое хозяйство и мало пополнялись позднейшими пришельцами. Некоторые этносмешения происходили и у них с якутами и юкагирами, но это случалось уже во втором и третьем поколениях (Зензинов. С. 84).

Хорошо сохранили свой язык и этничность русские на Колыме (две большие группы - ниже- и среднеколымчане), несмотря на то, что контакты с иноокружением (с юкагирами) у них происходили чаще, чем у устыгацев, и гораздо больше к ним приселялись ссыльные. Во второй половине XIX в. сюда были сосланы татары, которые стали сблизяться с русскими, восприняв их образ жизни (Гурвич. С. 206).

Русские на Дальнем Востоке по своему происхождению также не представляли единого целого. В Амурской области к концу XIX в. поселились выходцы из южнорусских, украинских, белорусских, западносибирских губерний и Забайкалья. У них существовали конфессиональные различия (молокане, духоборы, прыгуны, беглопоповцы и т.п.) (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 287. Л. 1-2). 4

Жители Сахалина были еще более разнородны этнически, так как состояли из уроженцев разных губерний Европейской России и Сибири. Среди них преобладали выходцы из южнорусских губерний, с Кавказа, из Крыма, Черноземного центра, Поволжья, с Украины. Большинство их составляло русское и украинское крестьянство (Ищенко. С. 10-11).

ГРУППЫ РУССКИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Своеобразием отличались компактные группы русских в Средней Азии и Казахстане. Среди них наиболее выделяются уральцы - группа уральских казаков, потомков уральского (яицкого) казачества, переселенных еще в XVIII в. после разгрома Пугачевского восстания с р. Яик. В 70-90-е годы XIX в. они обосновались на Амударье и Сырдарье и в конце XIX в. насчитывали 7-8 тыс. человек. Они продвинулись на юг Казахстана, в Киргизию, Узбекистан, Каракалпакию, Туркменистан. У уральцев сложился особый хозяйственно-культурный тип рыболовов, охотников, торговцев. Большинство из них были старообрядцами, долго сохранявшими в быту разные архаические черты.

Другая часть русского населения Средней Азии состояла из крестьян и низших воинских чинов, уволенных в запас. В конфессиональном отношении они не были однородны: кроме приверженцев официального православия, среди них имелись старообрядцы и сектанты. Значительная группа русских молокан из Тифлисской губернии в 1912-1913 гг. была поселена у Гумбет-Кабуза в образованном поселке Лавровка. Русское православное население селилось не по всему Туркестанскому краю, и в конце XIX в. оно составило 8,3% всего населения в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской губерниях (Распределение населения... С. 2-3; Гинзбург. С. 35, 77, 89). Выходцы из южных областей России из бывших казаков и крестьян, осваивая среднеазиатские и казахстанские земли, вступали в контакты с местными народами и воспринимали многие их культурно-бытовые черты. Но они принесли свой хозяйственный опыт, навыки и приемы земледелия, технику, способствовали развитию городов и промышленности.

Таким образом, все периферийные группы русских, образовавшиеся в ходе хозяйственного освоения ими земель, различались по своим этнокультурным характеристикам. Но при этом они сохраняли единство со всем народом в языке, этносознании, психологии и традиционной народной культуре. Расселяясь на новых землях и вступая во взаимодействие с соседями, заимствуя опыт и традиции других этносов, они выработали культурное разнообразие - свои локальные варианты, и в то же

время приносили и распространяли собственные культурные навыки и хозяйственный опыт. Все эти процессы проходили вместе с расширением этнической территории русских на окраинах государства- в Поволжье, на Урале и Северном Кавказе, в Северном Казахстане, Средней Азии и Новороссии, на юге Сибири и на Дальнем Востоке. Самым характерным в сосуществовании народов во всех этих регионах было их государственное и социальное равноправие. Расселяясь в необжитых землях или рядом с другими народами, русские оставались во всем равны с ними, а потому все уживались и сливались в единое, "под единой крышей" государство (Солоневич. С. 150).

КАЗАЧЕСТВО

Среди множества этнических групп русского народа особым своеобразием отличалось казачество, состоявшее в свою очередь, из отдельных "войск". Каждое из них имело культурно-бытовые отличия. Политика государственной власти придала им с конца XVIII в. единый сословный привилегированный статус, но в целом казачество оставалось хотя и особой, но составной частью русского народа (Заседателява. С. 306; Токарев, 1958. С. 32; Зеленин, 1913. С. 42,270).

Социальный феномен, имевший наименование казаки, был известен в период позднего средневековья многим славянским и тюркским этносам, проживавшим в степной зоне между Карпатами и Алтаем. Выделились три зоны этнического образования казачества, имевшие стержнем этнообразования 1)русских— в бассейне верхнего течения Дона; 2) украинцев - бассейн нижнего Днепра; 3) тюрков - Крым, Приазовье, степи центрального и юго-восточного современного Казахстана (Дешт-и-Кыпчак) и северные районы современного Узбекистана (Мавераннахр) (Благова. С. 144).

Вторая зона дала начало запорожскому и украинскому казачеству XVI-XVIII вв.; в третьей - в районе между Балхашом и Аралом - сформировался казахский этнос. Казаки-тюрки Приазовья исчезли в XVII в. Первая же зона дала начало непосредственно российскому вольному казачеству. Отдельные его группы формировались в процессе колонизации южных и юго-восточных окраин Восточно-Европейской равнины. Впервые казаки упоминаются в летописях в 1444 г. (ПСРЛ. Т. XII. С. 62). Об этническом составе казаков XVI в. сохранилось мало сведений, однако с точностью можно заключить, что их состав был в основном восточнославянским (личные имена, отраженные в документах), а в конфессиональном отношении - православным, так как в XVI в. обострилось противостояние христианства и ислама, а вольные казаки всегда и всюду подчеркивали свою веро-исповедальную принадлежность.

К середине XVI в. в русских землях сложилось несколько групп населения, носивших название казаки. Выделялись вольные, служилые и "воровские" казаки.

Вольные казаки принадлежали к полузависимым от Русского государства самоуправляемым общинам, располагавшимся за официальными пределами России. В XVI в. они не представляли собой сколько-нибудь устойчивых коллективов с постоянным населением, что объясняется слабо развитой хозяйственной деятельностью вольных казаков и, самое главное, отсутствием земледелия. Женщин в их среде было мало, и при высокой смертности коллективы пополнялись только новопривывшими.

Служилые казаки являлись одним из низших разрядов государевых служилых людей по прибору. В XVI-XVII вв. в зависимости от времени, места и условий их набора на военную службу они делились на множество обособленных групп (казаки городские, беломестные, кормовые, сторожевые, станичные, поместные и верстаные - два последних разряда были близки по статусу и обеспечению дворянам-помещикам). "Верстаные" в

служилые казаки происходило либо из среды местного русского населения, в основном из крестьян, либо из других служилых – пушкарей, засечных сторожей и др., а также за счет выходцев из украинского казачества.

"Воровские" казаки представляли собой шайки степных и речных разбойников, находившихся в постоянном конфликте с государством.

В XVI-XVII вв. довольно часто происходил переход отдельных групп казаков из одного состояния в другое, с одной территории на другую (с Дона по Волгу, Терек, Яик). Вместе с тем в XVI в. наблюдался процесс консолидации мелких групп казаков в более крупные. По месту расселения упоминаются шацкие, арзамасские, смоленские, воронежские, псковские и др. служилые казаки, а также донские, волжские, яицкие и терские вольные казаки.

В течение XVII в. численность служилых казаков в центральной и северной России постепенно сокращалась в связи с переводом их в другие сословия (крестьян, дворян и др.)- Если к началу века насчитывалось 7,5 тыс. служилых городских казаков (Боярские списки... С. 33-93), то на 1723 г. они составляли только 3 тыс. человек (Хорошихин. С. 25). Эти цифры отражают только число казаков, находившихся на военной службе, - женщины, дети и старики не учитывались, т.е. реальная численность казачьего населения была выше. Коллективы служилых городских казаков к началу XVIII в. оставались в южнорусских городах и особенно в Сибири (Хорошихин. С. 19).

К XVII в. сложились три региональные группы вольных казаков - донские, терские и яицкие. Их основным этническим компонентом были русские, однако каждая имела свои особенности. Среди казачества имелись выходцы из татарских улусов, а также представители кавказских народов, которые внесли в казачью среду обычай куначества, т.е. побратимства.

В XVII в. среди донских казаков, особенно в низовьях Дона, находилось значительное количество украинцев, а также отмечены черкесы, татары, ногайцы. Определить численность вольных донских казаков в тот период можно только приблизительно, так как вплоть до начала XVIII в. они отвергали все попытки московского правительства составить на них служилые списки. Существуют, однако, данные о казаках, которые получали жалованье от государства. На Дону в 1613 г. проживало 1888 казаков, получавших "государево жалованье", в 1625 г. - 5 тыс., в 1641 г. - 9 тыс. (Хорошихин. С. 16). В 1642-1647 гг. численность донских казаков на нижнем и среднем Дону сократилась из-за карательных набегов турецких и крымских войск. Казаки просили помощи у русского правительства. На Дон прибыло стрелецкое войско, оттеснившее турок и татар к Азовскому морю. Многие стрельцы были поселены в донских городках, став родоначальниками оседлого населения этого региона. В этническом отношении донские казаки вобрали в себя разные элементы местного и пришлого населения: у "верховских" казаков (верховья Дона) преобладали русские, но была примесь восточных компонентов, у "низовских" (низовья Дона) - украинцы. По физическому типу, хозяйственному быту, постройкам, костюму, фольклору "верховцы" и "низовцы" отличались друг от друга.

В составе терских и гребенских казаков, появившихся в конце XVI в., в XVII в. имелись кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы, грузины, армяне, черкесы. В 1653 г. терские казаки были почти полностью истреблены во время нашествия иранских войск. В 1658 г. московское правительство переселило на Терек 1379 семей русских стрельцов (РГАДА. Ф, 1653 - Кумыцкие дела. Д. 1. Л. 277-279; Хорошихин. С. 18), что привело к возобладанию среди терских казаков русского этнического компонента.

В составе яицких казаков в XVII в. имелись татары, калмыки, каракалпаки, туркмены, казахи. Однако до начала XVIII в. яицким казакам не удалось создать постоянное потомственное население края: на 1724 г. среди них только 74 из 3194 человек были потомственными казаками. Основная их часть являлась выходцами из поволжских губерний. Кроме русских, на 1724 г. в среде казаков на Яике имелись немногочисленные калмыки (Карпов. С. 28).

В Сибири формирование казачества несколько отличалось от подобного процесса на юге России. Татарское Сибирское ханство было разгромлено дружиной вольных казаков Брмака в 1580-х годах, но вольных общин казаков здесь не сложилось. Ядром местного казачества стала служилая, а не вольная их часть.

В Сибири в формировании казачества приняли участие в основном выходцы из областей северо-восточной России, а также коми, татары, мордва, калмыки и сосланные военнопленные литовцы, поляки, немцы и шведы. Казаки женились на аборигенках и уже к концу XVII в. имели значительную примесь монголоидности.

С подчинением казачества центральной власти вольные казаки исчезли не только как социальный институт, но и как группа населения. На 1723 г. строевых казаков насчитывалось: донских- 14тыс., яицких-3 тыс., терских- 1,8 тыс., гре-бенских - 0,5 тыс. человек (Соловьев СМ., 1963. Кн. 15. С. 474). Это были в основном представители последней волны беглых из Центральной России, зачисленных в казаки. Теперь казачество окончательно стало военно-пограничным сословием в общественной и государственной системе Российской империи и прием беглых был запрещен; он производился либо в нарушение правил, либо в случае крайней необходимости ввиду большой убыли в личном составе.

Фиксация казачьего населения дает с этого времени возможность представить довольно полную картину этнического состава казачества. Именно в XVIII в. окончательно складываются группы казаков, существующие и поныне.

В самом начале XVIII в. произошли существенные изменения в составе населения на Дону. В 1708 г. в результате восстания Кондратам Булавина из 29 тыс. донских казаков до 23,5 тыс. погибло и еще некоторое число их (по разным данным, от 2 до 5 тыс.) ушло на Кубань с атаманом Игнатием Некрасой. Казачье население сохранилось в основном в низовьях Дона. В течение всего XVIII в. состав донских казаков пополнялся русскими и украинскими крестьянами, а также казаками упраздненной Запорожской Сечи. Русские занимали среднее течение Дона и его притоки, украинцы - низовья реки. В 1770-е годы в состав казаков были включены до 30 тыс. ногайцев и калмыков. На 1822 г. донских казаков насчитывалось 330 тыс. человек (Дон и степное Причерноморье... С. 15-16); на 1859г.- уже 580тыс. (среди них 21 тыс.- калмыки). Основная часть донских казаков говорила на южнорусском наречии, в низовьях Дона были распространены говоры, переходные от украинского к южнорусским. Большинство являлись православными с небольшим количеством старообрядцев, среди калмыков преобладали буддисты-махаяна.

Терское казачество в 20-е годы XVIII в. вновь понесло значительные потери из-за переселения на новую, более южную укрепленную линию - Астраханскую. Вызванные нездоровой местностью эпидемии и постоянные набеги кавказских горцев резко сократили число терских казаков (Хорошихин. С. 24). С 1724 г. их войско стало пополняться представителями различных сословий, переселенных из более северных регионов России. До 1832 г. сюда переехали 1 тыс. семей донских казаков, 517 семей волжских казаков и 20 тыс. семей русских крестьян. В 1832 г. из них сформировали отдельное Кавказское линейное казачье войско, куда начали зачислять значительные группы солдат Кавказской армии. На 1838 г. линейцы составляли 141 тыс. человек (Воронов. С. 35), что позволило к началу Крымской войны в 1853 г. выставить 17-тысячное войско (РГВИА. Ф. 1/Л. Оп. 1. Т. 1. Д. 199. Л.2-3). В 1860 г. Кавказское линейное казачье войско было разделено между Кубанским и Терским войсками. Казачье население Терского войска состояло прежде всего из русских, а также из небольшого числа украинцев, осетин, кабардинцев, чеченцев-аккинцев, армян и ногайцев. Довольно часты были браки казаков с горскими женщинами. На 1916 г. терцев насчитывалось 255 тыс. человек.

Разговорным являлось южнорусское наречие. Терские казаки были православными, среди которых встречались старообрядцы.

Русско-турецкие войны ХУШ в. привели к включению в состав России обширных и

почти незаселенных районов Северного Причерноморья. Назвав эти области Новороссией, правительство приступило к созданию там казачьих войск. Существовавшие на западе этих земель украинские казачьи формирования были упразднены, но на их базе с включением новопоселенцев создавались новые Екатерино-славское (1787 г.), Черноморское (1787 г.) и Бугское (1803 г.) казачьи войска.

Поселенцы в Новороссии в большинстве своем были русскими и украинцами, а кроме них - молдаване, сербы, албанцы, немцы, греки. Это отразилось и на составе новых войск. Так, в 1787 г. в Екатеринославское войско зачислили 5 тыс. бывших запорожских казаков, 6,3 тыс. старообрядцев, 15 тыс. мещан и цеховых, 23,8 тыс. однодворцов Орловской губернии и украинцев, 3,6 тыс. крестьян, купленных для войска Г.А. Потемкиным (Хороших Ан. С. 32). Однако вскоре новороссийские казачьи войска упраздняются - Бкатеринославское в 1802 г., Бугское в 1817 г. Большинство казаков было переведено в крестьянство, а остальные переселены в Приазовье, где в 1828 г. правительство основало Азовское казачье войско, и на Кавказ. В том же году в другом конце Новороссии - на Дунае - из буджакских казаков (бывших запорожцев, служивших в Турции до 1808 г.), сербов, болгар и молдаван было создано Дунайское казачье войско. Через десять лет оно насчитывало почти 7 тыс. человек, а в Крымскую войну выставило 800 бойцов (Воронов. С. 35). Эти войска также не просуществовали долго: в 1865 г. было расформировано Азовское войско, в 1868 г. - Дунайское.

С 1792 г. Северо-Западный Кавказ становится местом интенсивного формирования одной из самых крупных и самобытных групп казачества - кубанской. К 1850 г. сюда было переселено 25 тыс. черноморских казаков (из них 5,5 тыс. бывших запорожцев) и 3,5 тыс. екатеринославских, 1 тыс. семей донских казаков и 98 тыс. новороссийских крестьян (в основном украинцев). В 1860 г. Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское и в 1862 г. пополнено 11,5 тыс. казачьих (донских и азовских), крестьянских и солдатских семей (Хорошихин. С. 33,50).

Кубань стала контактной зоной между русскими и украинцами. Она включала в себя две основные этнические подгруппы: западную (собственно кубанскую) и восточную (кавказско-линейную). В состав западной подгруппы вошли по большей части украинцы и русские, а также молдаване, албанцы, сербы, преимущественно переселенцы из Приднестровья, Херсонской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губернии. Значительная часть казаков восточной подгруппы состояла из русских, а также украинцев, черкесов и грузин. Таким образом, этнооснову западной подгруппы составили украинцы, а восточной - русские. В западных районах разговорным языком является суржик - переходный диалект от украинского к русскому» характерный для Новороссии; в восточных - южнорусское наречие. Верующие кубанцы - православные. Соотношение украинцев и русских в среде кубанских казаков было примерно равное. На 1916 г. их числилось 1 млн 367 тыс. человек (Воронов. С. 35).

Основное казачье население Яицкого войска (переименованного в 1775 г. в Уральское), возникшего в XVI в. из выходцев с Волги, сложилось в первой половине XVIII в. Во второй половине XVIII-XIX в. сколько-нибудь значительных переселений на его территорию не было, и правительство мало вмешивалось в формирование этой группы казаков, в которую принимались выходцы из различных сословий. Кроме русских, в ней всегда присутствовали татары, башкиры и калмыки, чьи станицы располагались на правобережье Урала (Яика), здесь они соприкасались с казаками, что наложило отпечаток на их культуру и быт. Большое значение в их хозяйственной жизни имело занятие рыбным промыслом в р. Урал и в Каспии. Разговорным у казаков был среднерусский диалект. Среди православных большинство составляли старообрядцы. Татары и башкиры были мусульманами-суннитами, а калмыки - буддистами-махаяна.

В целях защиты российских границ в степном Заволжье и на юге Западной Сибири правительство создавало новые казачьи войска - Волжское (1739 г.), Ставропольское калмыцкое (1739 г.), Оренбургское (1748 г.), а также поселения по Иртышско-Бийской

укрепленной линии (1763 г.). Ядро этих войск складывалось из переселенных донских и городских казаков. Для этого на Волгу было отправлено 520 казачьих семей, а на Иртыш-150. Зачислялись в казаки и представители других сословий. Часть этих войск со временем упраздняялась - Волжское в 1775 г., Ставропольское калмыцкое- 1842г. Казаки были либо переписаны в крестьян, либо переведены на Кавказ.

Интенсивным оставалось заселение в Сибири Иртышско-Бийской укрепленной линии, куда с 1760 г. были направлены донские казаки (русские), башкиры, татары-мишари. Затем к ним присоединились крестьяне-переселенцы из Центральной России (русские), крестьяне Тобольской губернии (русские и мордва), украинцы и поляки. Состав населения линии в 1797 г. пополнился 2 тыс. солдат, и в 1808 г. было создано Сибирское казачье войско, куда в том же году записали 6 тыс., а в 1849 г. - еще 4 тыс. крестьян {Хорошихин. С. 126}, Казаки - русские и мордва исповедовали православие (среди них имелись и старообрядцы), татары - ислам (сунниты). Разговорным языком являлся говор севернорусского наречия. Сибирское казачье войско стало основой для организованного в 1867 г. Семиреческого войска; в бассейн р. Или были переселены 14 тыс. сибирских казаков, из которых 5,4 тыс. являлись еще недавно тобольскими крестьянами, а 3,9 тыс. - крестьянами других губерний {Хорошихин, С. 46}.

На основе отдельных частей упраздненного Волжского казачьего войска и группы казаков с Хопра и Терека в 1817 г. было организовано Астраханское казачье войско, в которое производился набор представителей различных сословий. В подавляющей массе астраханцы были русскими, хотя в 1847 г. в их состав входили небольшие группы православных калмыков {Бирюков ИЛ. С. 2}. Однако, по данным 1916 г., представителей других народов было немного. Казаки говорили на южнорусском наречии; все верующие были православными.

Оренбургское казачье войско начало складываться к 1755 г. из русских казаков и башкир с самарской, уфимской, алексеевской и исетской укрепленных линий. В XVIII в. в него зачисляли сибирских городских казаков (русских) и яицких казаков, отставных солдат, крестьян (русских) из Центральной России, башкир, татар-мишарей, татар-тептярей, калмыков. До 1840 г. в войско включили разовыми партиями 25 тыс. солдат, 1,7 тыс. калмыков и 1 тыс. крестьян {Хорошихин. С. 45}. В 1842 г. к ним присоединили остатки казаков Ставропольского калмыцкого войска, состоявшего в основном из русских. Разговорным у оренбургских казаков был язык, сочетавший северо-восточные диалекты русского языка и южнорусское наречие. Верующие русские и калмыки придерживались православия, башкиры и татары - ислама (сунниты).

В середине XIX в. на востоке Российской империи возникли еще два казачьих войска-Забайкальское (1851 г.) и Амурское (1860г.). Основой первого из них стали казаки, несшие службу на Забайкальской укрепленной линии с 1727 г. (2,6 тыс. бурят, 1,4 тыс. русских и 0,5 тыс. эвенков). При официальном учреждении войска в нем значилось 38 тыс. русских (из них 27 тыс. горнозаводских крестьян, 1,2 тыс. крестьян-переселенцев) и 10 тыс. бурят {Сергеев. С. 48}, а в 1916 г. — 244 тыс. русских и 21 тыс. бурят и эвенков. Верующие русские были православными (в том числе- старообрядцами), буряты- буддистами (махаяна), эвенки-православными и шаманистами.

В формировании Амурского казачьего войска приняли участие 800 забайкальских казаков и 2 тыс. штрафных частей из корпуса Внутренней стражи (Хорошихин. С. 51). На 1916 г. в войске числилось 50 тыс казаков.

Последним казачьим войском, сформированным в XIX в., стало Уссурийское (1889 г.)- В его состав вошли 200 семей амурских казаков. В 1901 г. к ним присоединились 1 тыс. семей донских, кубанских, оренбургских казаков и крестьян из различных губерний {Сергеев. С. 73}. На 1916 г. уссурийцев насчитывалось около 35 тыс. человек.

Кроме войск, в Сибири существовали отдельные полки городских казаков: Енисейский и Иркутский (с 1917 г. - отдельные войска), а также Якутский. В них преобладали русские (лишь в Якутском была часть якутов).

К октябрю 1917 г. численность 13 казачьих войск составила 4 млн 434 тыс. человек (2,4% от общего числа жителей России).

Казачество сыграло особую роль в военной истории России. Оно участвовало почти во всех войнах ХУЩ - начала ХХ в., которые вела Российская империя.

К началу ХХ в. казаки не представляли собой единой этнической общности, а ряд локальных культурно-территориальных групп сложного этнического состава, в основе своей русского.

Специфика образа жизни и бытового уклада казачества выделяла его среди других групп русского населения и в социальном и в этнокультурном отношении. Участие в создании казачества целого ряда народов - татар, башкир, калмыков, казахов, представителей Северного Кавказа и Сибири - наложило отпечаток на его этнический и культурный облик. Вбирая в себя разнообразные традиции многих народов, оно сохраняло в себе основу общерусской культуры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ С 1917 ПО 1990-е ГОДЫ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В 1917-1920-е ГОДЫ

Этнодемографическое состояние русского народа в начале ХХ в. характеризовалось новыми чертами, отличавшими его от предшествующих периодов. Территория расселения русских охватывала 21*3 млн кв. км (5,5 млн -Европейская Россия, остальное - Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ) (Водарский, 1973. С. 53). С начала ХІХ по начало ХХ в. плотность населения здесь увеличилась как за счет естественного прироста, так и за счет внешних и внутренних миграций при освоении новых пространств. Основой историко-этнической территории русских оставались старозаселенные районы: Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Европейский Север, Северо-Запад, где русские составляли 90% населения. Их перемещения в новые регионы и развивавшееся с конца ХІХ в. отходничество привели к огромному оттоку населения из Европейской России в Азиатскую (1 млн 406 тыс. человек), к снижению естественного прироста (особенно в старозаселенных нечерноземных губерниях) и его увеличению, наряду с ростом за счет механического движения, на юге Европейской России (на Дону, Кубани, Тереке) и в Сибири (Водарский, 1973. С. 130,150).

Условия демографического развития русских, как и других народов страны, резко изменились после Октября 1917 г. Русский народ как самый крупный и широко расселенный испытал наиболее сильное влияние политических, социально-экономических и культурных процессов, начавшихся в России и происходивших в советский период истории. Демографические итоги первого десятилетия после Октября наиболее ярко отразила перепись населения 1926 г.

РСФСР к тому времени занимала 19 млн 757 тыс. кв. км из 21,3 млн территории бывшей Российской империи. Численность населения республики за 1914-1926 гг. увеличилась с 94 млн 300,0 тыс. человек до 100 млн 858,0 тыс. человек (48 млн 160,7 тыс. муж. и 52 млн 697,3 тыс. жен.). Плотность населения в целом по республике была невысокой - 5,1 человека на 1 кв. км (4,2 человека в сельской местности), при этом 17 млн 440,5 тыс. человек проживало в городах (17,3%), 83 млн 417,5 тыс. - в сельской местности (Итоги десятилетия... С. 32-53),

Порегиональная численность, размещение и движение населения, как и в предшествующие исторические периоды, оставались неравномерными и сохраняли

особенности многовекового развития до XX в. (Итоги десятилетия... С. 32-68). Русские губернии Европейского Севера (по административному делению на 1926 г.) - Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Череповецкая - сохраняли низкую плотность населения: 0,2 человека на 1 кв. км в северных районах; 6,6-9,1 - в центральных; 20,2—42,1 - в северо-западных (за счет Ленинградской губернии), Общая численность населения в этих губерниях равнялась 8 млн 551,2 тыс человек, горожане составляли от 5,6% общего числа населения (в Северо-Двинской губернии) до 67,2% (в Ленинградской). Этнический состав жителей северных губерний был довольно однородным: более 90% их были русскими (кроме Ленинградской-83,2% и Мурманской губерний- 72,7%); другие народы представляли значительное меньшинство (коми-зыряне, вепсы, ненцы, лопари, эстонцы, латыши, финны, карелы, белорусы, немцы, евреи). В Коми автономном округе русских было 6,6% (зырян - 92,2%), а Карельской АССР - 56,8% (карел - 37,4%).

По этим показателям к северному региону приближался западный район (Смоленская и Брянская губернии), где насчитывалось 4 млн 298,0 тыс. человек при высокой плотности населения - 43,6 человек на 1 кв. км; горожане составляли 11,9% всего населения в регионе. Русских в Брянской губернии было 90% (остальные - украинцы, евреи, белорусы), в Смоленской - 96,5% русских (остальные -евреи, белорусы, латыши).

На старозаселенных русских территориях - в губерниях Центрально-Промышленного района - насчитывалось 19 млн 305,6 тыс. человек; сохранялось плотное размещение населения - 45,8 человека на 1 кв. км (в сельской местности - 34,0 человека); горожане составляли 25,6% всей его численности (в Московской губернии - 59,3%). Более 99% населения региона были представлены русскими, остальные -белорусы, поляки, татары, евреи, украинцы, эстонцы, карелы, мордва и др. - составляли незначительный процент.

По концентрированности населения Центрально-Промышленный район уступал Центрально-Земледельческому (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии), где его плотность достигла 57,3 человека на 1 кв. км (51,9 человека в сельской местности) при общей численности в 10 млн 826,5 тыс. человек. Городское же население Центрально-Земледельческого района составляло только 9,5% общей его численности. Русских в регионе также было подавляющее большинство: в Орловской и Тамбовской губерниях - 99,1%, в Воронежской -66,8%, Курской - 80,4%. Здесь, в приграничье с Украиной, жили украинцы (в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерниях), а также незначительное число поляков (в Курской губернии), белорусов (в Орловской и Тамбовской губерниях), немцев (в Воронежской губернии).

Население в 10 млн 238,8 тыс. человек было сосредоточено в Средне-Волжском районе (Оренбургская, Пензенская, Самарская, Ульяновская губернии, Татарская и Чувашская АССР) и 5 млн 529,7 тыс. человек - в Нижне-Волжском (Астраханская, Саратовская, Сталинградская губернии, Калмыцкая АО, Немецкая Поволжская АССР). Заселенность этих районов была ниже, чем в Центрально-Промышленном (31,0 человека на 1 кв. км) и Центрально-Земледельческом (17,1 человека на 1 кв. км). Городское население Среднего Поволжья составляло 11,4% его численности, Нижнего Поволжья - 17,7%. В этническом отношении русские в этих районах составляли большинство населения (от 70,0 до 86,7%); украинцы - от 2,7 до 14,6%, татары - от 0,8 до 9%, мордва - от 5,6 до 17,1%, чувашаи - 3,3-4,4%, мишари - 4,6%, немцы - 0,9% и т.д. Русские составляли 43,1% в Татарской АССР, 20,0 - в Чувашской АССР, 10,7 - в Калмыкии, 20,4 - в Немецкой Поволжской АССР, 39,7% - в Башкирии.

Уральская область, куда по административному делению 1926 г. относились примыкающий к Уралу Вятский район (Вятская губерния, Вотский автономный округ, Марийский автономный округ), Предуралье (Коми, Кунгурский, Пермский, Сарапульский округа), Горнозаводской Урал (Верхне-Камский, Златоустовский, Свердловский, Тагильский округа), Зауралье (Ирбитский, Ишимский, Курганский, Троицкий, Тюменский, Челябинский, Шадринский округа), Тобольский Север, была также

значительно заселена русским народом. Все население этого региона насчитывало 10 млн 249,9 тыс. человек, которое размещалось очень неравномерно (в Вятском районе - 21,1 человека на 1 кв. км, в Предуралье - 16,6 человека, в Горнозаводском Урале - 6,8, в Зауралье - 12,7, на Тобольском Севере - 0,2 человека). По заселенности регион уступал старозаселенным губерниям Европейской России (особенно Тобольский Север), кроме некоторых районов Русского Севера.

Несмотря на развитие на Урале промышленности, городское население насчитывало 6,2% от его численности в Вятском районе, 17,0 - в Предуралье, 9,4 - в Зауралье, 11,0 - в тобольских районах и лишь в Горнозаводском Урале - 51,0%. При общем преобладании русских (от 79,3 до 98,8%) в этническом отношении население было неоднородно: здесь проживали марийцы (2,7-3,2%), удмурты (1,7-2,1), татары (0,5-18,5), коми-зыряне (0,3-0,9), коми-пермяки (0,7-1-5), башкиры (0,1-5,5), белорусы (0,4-3,4), украинцы (0,3-4,6), поляки (0,1), мордва (1,2), ногайцы (2,7), ханты (0,3), евреи (0,4-0,7%) и др.

В Вотском автономном округе русских было 43,3% от общей численности населения, в Марийском - 43,6%, в Коми-Пермяцком автономном округе - 22,8%.

На самом юге Европейской России наибольшей населенностью русскими отличалась Крымская АССР, где они составляли 42,2%.

Севернокавказское население, наряду с другими народами включавшее русских и, по данным 1926 г., насчитывавшее 8 млн 363,1 тыс. человек, достаточно плотно разместилось в регионе - 28,5 человека на 1 кв. км. В Северный Кавказ по административному делению того времени входили Степное Приазовье (Донской и Таганрогский округа), Степной Восточный подрайон (Донецкий, Сальский, Ставропольский, Сунженский, Терский и Шахтинский округа). Степной Прикубанско-Черноморский район (Адыгейско-Черкесский, Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский округа) и Горный подрайон. Наиболее населенным к тому времени был Степной Прикубанско-Черноморский район, но по густоте заселения выделялось Степное Приазовье - 47,0 человек на 1 кв. км. Городское население Северного Кавказа составляло 19,8% от общей его численности, и снова в этом отношении выделялось Степное Приазовье, где городские жители насчитывали 38,4% (во входившем в него Донском округе - 39,8%). В этническом отношении состав населения во всех районах Северного Кавказа был весьма неоднороден, причем существовали районы, где русское население по численности превосходило другие народы: в Ставропольском - 89,4%, Шахтинском - 85,3, Майкопском - 64,4, Армавирском - 59,5, Терском - 58,4, Сальском - 52,3%. Из остальных народов наибольший процент в населении имели украинцы: 71,4% - в Таганрогском, 61,5 - в Кубанском, 55,1 — в Донецком районах; белорусы, армяне, немцы, евреи, калмыки, ингуши, чеченцы, греки, молдаване, черкесы составляли незначительную долю населения в различных районах.

Как и прежде, наибольшее число русских проживало в Ставрополье, в Донском округе (особенно в Сальских степях) и некоторых горных районах (Майкоп); кроме того, в Горном подрайоне русские преобладали в районах Владикавказа - 51,3%, Грозного - 70,2%. Только в Прикубанско-Черноморском районе они уступали по численности украинцам. Русские насчитывали: в Ингушетии - 1,2%, Кабардино-Балкарии - 7,5, Северной Осетии - 6,6, Черкессии - 4,0, в Чеченской автономной области - 2,9, в Дагестанской АССР - 12,5%.

В Европейской части страны русские жили и за пределами РСФСР. В Белоруссии они составляли по отдельным ее районам от 1 до 36,9% всего населения; на Украине — от 0,6 до 42,7%; в Закавказье - 10,5; в Азербайджане (в том числе в Нахичеванской АССР) - 1,9%, в Армении - 2,3, в Грузии - 3,2% (в том числе в Абхазской АССР - 6,5%, в Аджарской - 7,6%).

Численность русского народа в Азиатской России к 1926 г. также увеличилась, а характер его размещения сохранял черты предшествующего времени. В Сибирском крае, куда входили Юго-Западная Сибирь (Барнаульский, Барабинский, Бийский, Каменский,

Новосибирский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский округа и Ойратская автономная область) и Северо-Восточная Сибирь (Ачинский, Иркутский, Канский, Киренский, Красноярский с Туруханским краем, Кузнецкий, Минусинский, Томский, Тулуновский, Хакасский округа), проживало 8 691,0 тыс. человек. Население было сосредоточено преимущественно в Юго-Западной Сибири (5 241,5 тыс. человек), в Северо-Восточной - 3449,5 тыс. человек. Интенсивное заселение южных степных пространств в Сибири с XVIII в. привело к значительному увеличению там населения. Но его плотность во всех сибирских районах, как и в прежние века, была небольшая: в целом по Сибирскому краю - 2,1 человека на 1 кв. км, в Юго-Западной Сибири - 9,1, в Северо-Восточной - 9,9. Сибирские горожане по-прежнему составляли небольшую часть населения: 13,0% - в Сибирском крае (10,7% - в Юго-Западной Сибири, 16,6% - в Северо-Восточной); 21,9% - в Омском округе; 21,4 - в Красноярском крае; 20,5 - в Томском округе; 33,5% - в Иркутском округе.

Русские в Сибири уже во второй половине XIX в. составили 70% ее населения, а к 1926 г. их насчитывалось 76,7%; из других народов заметную долю составляли украинцы (9,5%) и белорусы (3,7%). Остальные народы, особенно сибирские, оставались малочисленными. В сибирских автономных образованиях русских более всего было в Ойратской автономной области (52% ее населения) и в Бурят-Монгольской АССР (52,7%).

Дальневосточный край по административному делению 20-х годов XX в. охватывал Забайкалье (Сретенский и Читинский округа), Амурский подрайон (Амурский и Зейский округа), Приморский подрайон (Владивостокский, Хабаровский, Николаевский округа), Сахалин и Камчатку. Все население края - 1875,2 тыс. человек - очень неплотно заселило его пространства (в крае - 0,7 человека на 1 кв. км; на Сахалине - 0,3 человека; на Камчатке - 0,03 человека). Дальневосточные горожане составили 1/4 часть всего населения.

Более 90% русских региона проживало в Забайкалье. Из дальневосточных районов больше всего их насчитывалось в Сретенском округе (93,6% населения), Читинском (91,3%), наименьшее число они составили во Владивостокском округе (35,9%). Заметную долю в населении имели украинцы (по 25% - в Амурском, Владивостокском и Хабаровском округах), остальные народы - белорусы, китайцы, корейцы, татары, евреи, тунгусы, буряты и пр. - были малочисленными.

Некоторое число русских жило в азиатских автономных республиках. В Казахстане, в прилегающих к РСФСР областях, они составляли от 1,5 до 30,8%; в наиболее удаленной от РСФСР Киргизии - 11,7%; в пограничных с РСФСР районах Узбекистана - от 0,5 до 19,4%.

Разнообразные процессы повлияли на достигнутый к 20-м годам XX в. численный и сословный состав русского населения разных регионов. Понижение естественного прироста населения было связано с людскими потерями во время первой мировой и гражданской войн (с 1914 по 1922 г.), а также с хозяйственной разрухой после революции 1917 г., неурожаями, голодом, эпидемиями. Только с 1917 по 1922 г. число жителей страны в целом уменьшилось на 7 млн человек (по другим данным, на 15,1 млн). Особенно пострадали от засух и недорода южные русские губернии, голод охватил население Поволжья. Донское население перед 1917 г. насчитывало около 4 млн человек, к 1923 г. - 1,5 млн. За первый год Советской власти было уничтожено 320 тыс. представителей православного духовенства. До 2 млн русских составили первую волну эмиграции (Русские: Этносоцио-логические очерки... С. 17; Русское дело... С. 246).

Миграционные движения внутри страны в 1917-1926 гг. интенсивно продолжались. Промышленное развитие Закавказья, Средней Азии, Казахстана, освоение новых районов Севера, Сибири, Дальнего Востока приводили к перемещению трудоспособного населения как из сел в города, так и из Центра России на окраины. В результате отток русских из Европейской России привел к сокращению их численности в ряде районов: в Центрально-Земледельческом на 1119,9 тыс., Центрально-Промышленном - на 407,4 тыс. (Мойсеенко. С. 58). В целом по стране мигранты составили 24% населения, а русские

мигранты - 28%,

Русское сельское население в РСФСР было сосредоточено собственно в "русских" областях; 3 млн их жило за пределами РСФСР (1 млн - в Казахстане, 71 тыс. - в Киргизии, 36 тыс. - в Узбекистане) (Русские: Этносоциологические очерки... С. 28). Миграции в города и на окраины страны начали сильно отражаться на составе русского сельского населения. Процент трудоспособных мужчин в деревне колебался от 40 до 50% от общей его численности. Наибольшим он оставался в земледельческих губерниях: в Вологодской, Новгородской, Ярославской и т.д. (Россия в мировой войне. 1914-1918... С. 21).

В целом население русской деревни 1920-х годов было достаточно молодым; 50,6% его составляли люди до 20 лет, число женщин несколько превышало число мужчин: в возрасте 15-19 лет - на 3-4%, 30-40 лет - примерно до 10% (Данилов. С. 25).

Несмотря на понижение естественного прироста в первые годы Советской власти, общая численность народа не уменьшилась, так как прирост сельского населения был выше, чем в дореволюционной России: в 1913 г. - 16,9 на 1000 человек, в 1924 г. - 21,1. В 1925 г. уровень рождаемости достиг 44,7 на 1000 человек (в европейских областях без Северного Кавказа), и общая численность населения превысила предвоенную. К 1929 г. среднеежегодный прирост стал высоким и у горожан, составив 3,2 млн человек в целом по стране, но механический его прирост в 1920-е годы шел за счет сельских мигрантов. Только в 1925-1929 гг. в города из деревни переселилось 5,2 млн человек (Данилов. С. 20-24; Бокарев. С. 170-172). Тем не менее в 1926 г. 82,1% населения страны оставалось сельским.

Сельское население не было однородно в социальном отношении, основную его массу составляли середняки. На Севере, в Центре и на Урале середняцкие-хозяйства насчитывали 67-69% от общего числа; в среднем на такое хозяйство приходилось 5,7 человека; 22-26% хозяйств были бедняцкими, многие из них занимались отходничеством и на каждое приходилось в среднем 4,9 человека. Сельскохозяйственные рабочие в деревне составляли всего 2,3% трудоспособного населения, служащие - 0,4% (Данилов. С. 56-57,91); 3,4% хозяйств от их общего числа в деревне относилось к кулацким, в них насчитывалось по 6,5-6,9 человека (Бокарев. С. 179-180).

РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ РУССКИХ В 1930-1940-е ГОДЫ

Большие изменения в размещении и численности народа произошли с конца 1920-х - в 1930-е годы. Они были обусловлены тяжелыми людскими потерями в результате государственной политики. Начавшаяся с 1929 г. всеобщая коллективизация, а затем индустриализация и сопровождавшие их правительственные репрессии (раскулачивание, раскрестьянивание, расказачивание), усугубленные голодом 1932-1933 гг., привели не только к перемещениям населения (переселения, беженцы, промышленная миграция), но и к гибели миллионов людей. Перепись 1937—1939 гг. фиксировала эти потери и констатировала новое падение естественного прироста населения.

На север и восток страны были переселены сотни тысяч семей "раскулаченных" из Центрально-Земледельческого района, Поволжья, Урала, Центрально-Промышленного района, Северо-Запада, Сибири (к концу 1930-х годов - 400 тыс. семей, 11 млн крестьян). В 1932-1933 гг. погибло до 3 млн "раскулаченных". В места заключения попало до 2 млн, а в 1935 г. - уже 4 млн крестьян, из них в лагерях Коми находилось 200 тыс. человек, на строительстве Беломорско-Балтийского канала - 286 тыс., в Магадане - десятки тысяч, в Архангельской и Вологодской областях - 400 тыс., в Нарыме - 196 тыс. К переселенцам "кулакам" присоединились голодающие беженцы из Поволжья, с Дона, Северного

Кавказа, с Украины, Южного Урала и из Казахстана ("недобровольная" миграция).

Ускоренная индустриализация, особенно районов Урала, Сибири и Казахстана, требовала огромных людских ресурсов и привела к правительственным переселениям в эти регионы. Высланные кулаки пополняли рабочую силу на заводах и фабриках, на стройках, в шахтах, на лесозаготовках и золотых приисках. Эти миграции способствовали возникновению промышленных городов и поселков на Урале, в Сибири и Казахстане (Магнитогорск, Новокузнецк, Комсомольск-на-Амуре, Караганда), на Кольском полуострове, в Коми АССР, в низовьях Енисея, на Колыме, Камчатке. С 1930 по 1939 г. численность населения Северо-Восточной Сибири и Сахалина увеличилась с 65 тыс. человек до 320 тыс., Карелии и Мурманска - на 325 тыс. человек и т.д.

Миграции русских в это время имели отличительные особенности по сравнению с предшествующими периодами. Если до революции преобладали земледельческие перемещения русских (особенно на восток России), то с конца 1920-х и в 1930-е годы мигранты оседали в городах.

С 1937 г. начались новые массовые репрессии и ссылки в лагеря и на поселения, в основном на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и Среднюю Азию. Всего с 1926 по 1939 г. туда выселили 5 млн человек, в основном русских из Европейской части страны (Русские: Этносоциологические очерки... С. 30; Гушин. С. 218; Конквест. С. 138-158). Результатом этого было изменение соотношения городского и сельского населения. Городское население с 1926 по 1939 г. увеличилось на 30 млн человек, а сельское, несмотря на его еще высокий естественный прирост, сократилось на 6,3 млн. Сокращения численности сельского населения не произошло в Сибири, где оставался высокий естественный прирост и шло пополнение за счет мигрантов, а также на окраинных территориях размещения русских - на Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Доля сельского населения РСФСР в 1939 г. равнялась 55,4% (в 1926 г. - 82,1%). Несмотря на людские потери в 1920-1930 гг., общая численность населения в стране с 1926 по 1939 г. увеличилась на 25 млн человек, из них русских - на 21,5 млн за счет естественного прироста (Вылцан, Тюрина. С. 18; Козлов. С. 155; Алексеев А.И. С. 143-144).

В условиях насильственных миграций ускорились этнические процессы, и русские в этом сыграли особую роль. Их активные контакты с другими народами вели к ассимиляции или к смешениям и образованию этносмешанных семей. Это характерно не только для основных групп русского народа, но и для их более мелких этнографических образований (например, для казаков) и старообрядцев всех толков и направлений.

В этот период ассимиляция проходила особенно быстро у населения, оторванного от своей основной территории и жившего среди численно превосходящих представителей другого народа. Этносмешения русских с другими народами часто приводили к русской ориентации детей в этносмешанных семьях, что увеличивало численность русского народа. Особенно активно эти процессы совершались в районах давнего смешанного расселения народов. Естественная ассимиляция проявлялась там в изменении национального самосознания у населения, оказавшегося в меньшинстве среди численно превосходящего другого народа. Это наблюдалось, как и в предшествующее время, в районах русско-украинского пограничья (в Курской, Белгородской, Воронежской областях РСФСР, Сумской и Харьковской областях УССР). На этот процесс влияли разные факторы: компактность заселения и численность национальных групп, этническая среда, социальный состав населения, частота межнациональных браков, принятый язык и т.д. Об активности вступления в браки русских с представителями других народов в первые годы существования советского государства свидетельствуют следующие данные: в 1920-е годы в смешанные браки в РСФСР вступило 2% русских, на Украине - 28%, в Белоруссии - 34% (Чижикова, 1988. С. 3-6, 59-62; Брук. Кабузан. С. 15).

Характер этнических процессов показал, что русский народ сохранял свою доминанту, проявлявшуюся на всем его историческом пути и заключающуюся в "государственном инстинкте" или в "инстинкте общежития" с другими народами. Именно таким характером

объясняется история и этническое развитие русских {Солоневич, 1990. С. 165), Мало того, русский человек, особенно крестьянин, до коллективизации оставался, несмотря на революции, войны, разруху, голод, сильным в физическом и умственном отношении, деловым, а главное, при всех других его недостатках, сравнительно трезвым человеком, ибо дореволюционная Россия по потреблению алкоголя стояла на 11-м месте в мире. Русский крестьянин еще сохранял свои веками нажитые знания и опыт и умел хозяйствовать. Этот национальный характер всеобщего единения и максимально собранной работоспособности проявился во время войны 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война вновь существенно изменила демографическое состояние народа. Среди погибших 20 млн советских людей (по другим данным, 26,6 млн) значительную долю составили русские.* Не меньшими были и потери населения, связанные с падением рождаемости и увеличением смертности (ориентировочно 20-25 млн человек), учитывая, что до войны население страны увеличивалось в среднем за год на 3 млн человек. Уровень рождаемости в России в 1940-е годы был выше среднего по стране, однако голод 1946-1947 гг. унес еще около 1 млн жизней. И все же через 10 лет после войны восстановилась довоенная численность населения, увеличившись за 1941-1955 гг. на 35,2%. Возросшая после 1945 г. рождаемость дала к 1950 г. ежегодный прирост на 17,0-18,1%, причем одинаковый как в городе, так и на селе (Русские: Этносоциологические очерки. С. 18; Брук. С. 27-29; Кваша. С. 2).

В результате опустошительной войны произошло перераспределение половозрастной структуры населения. На 38% сократилась численность трудоспособного населения в деревне, основной рабочей силой стали женщины и подростки. До войны женщины села составляли 52% от общей численности сельского населения, в 1950 г. - более Ц. В Центральном районе численность подростков выросла на 14-16%; в Западной Сибири - на 10-14%. Численность детей из-за низкой рождаемости сократилась на 2,7 млн человек, а пожилых людей - увеличилась с 12% в 1948 г. до 14% в 1950 г. (Русские: Этносоциологические очерки. С. 18; Брук. С. 27-29; Кваша. С. 2; Вербицкая. С. 124-132).

Война привела также к массовым перемещениям людей. Из западных областей РСФСР было эвакуировано на Урал, в Поволжье, Сибирь, Казахстан и в Среднюю Азию большое число русских семей, значительная доля которых осталась в этих районах и после войны.

С 1946 г. снова начались как стихийные, так и организованные государством сельскохозяйственные переселения. Их поток направился из Центра и Поволжья на запад (40% семей мигрантов по стране). Вновь заселялись степи Крыма и Саратовской области выходцами с Дона, Кубани, из русского Черноземья и с Украины (10-13% семей). В это же время массы народа переселились на Дальний Восток (30% мигрантов), около 10% от общего числа мигрантов - на Урал и в Сибирь. Снова стал осуществляться государственный набор рабочей силы в промышленность из села: ежегодно в РСФСР - по 0,5 млн человек. Росла стихийная крестьянская миграция: в 1950 г. она составила 20% мигрантов. В результате за 1946-1950 гг. доля крестьянства в населении РСФСР сократилась на 9,1 млн человек, или на 20,3%. В 1940 г. колхозники в РСФСР составляли 40,7%, в 1950 г. - 34%, Численность рабочих и служащих увеличилась на 12 млн человек (на 19%) (Русские: Этносоциологические очерки. С. 31).

Картина размещения и состава населения будет неполной без учета депортированных в 1930-1940-х годах. В результате депортаций представители некоторых народов осели в русских областях. С 1941 г. за "шпионаж и диверсию" выселялись из Поволжья немцы, к 1950-м годам они проживали в Новосибирской и Омской областях, на Алтае, в Казахстане, на Европейском Севере и Дальнем Востоке. Всего в разных регионах их насчитывалось в 1948 г. 1 012 754 человека, в 1950 г. - 1 062 266 человек. За ту же самую "деятельность" с 1944 г. началось выселение калмыков в Астраханскую, Сталинградскую, Ростовскую и Омскую области, а также в Ставропольский край; в 1948 г. их там было 74 918 человек, в 1950 г. - 77 943 человека. Чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы по той же причине попали в Ставрополье, Дагестан, Северную Осетию, Грузию и Казахстан (в

1948 г. - 452 737 человек, в 1950 г. - 466 441 человек). Крымские татары, а также армяне, греки, болгары из Причерноморья выселялись в Горьковскую, Ивановскую, Кировскую, Костромскую, Кемеровскую, Куйбышевскую, Молотовскую, Свердловскую и Тульскую области: 186 864 человека - в 1948 г., 193 902 человека—в 1950 г.; 47 534 литовца поселились в Красноярском крае, в Иркутской, Молотовской, Свердловской, Томской и Тюменской областях. Молдаване оказались высланными на Алтай, в Хабаровский край, в Амурскую, Иркутскую, Кемеровскую, Курганскую, Тюменскую и Читинскую области - в 1950 г. их было 34 938 человек.

К этим разноэтничным переселенцам прибавлялись "спецпереселенцы" 1940-х годов - прежде всего бывшие "кулаки": 137 881 человек таких переселенцев проживало на Алтае, в Хабаровском крае, Кемеровской, Курганской, Мурманской, Тюменской, Томской областях, в районах Узбекистана, Коми АССР, Херсонской области. В 1950-е годы "спецпереселенцы" составили 66 947 человек. Среди них выделялись отдельные конфессии - сектанты, переселенные из Рязанской, Курской, Орловской, Воронежской областей в Красноярский край, в Томскую и Тюменскую области (в 1948 г. - 1099 человек, в 1950 г. - 1076 человек). Разных категорий "спецпоселенцев" во всех республиках насчитывалось в те годы 620 895 семей (2 300 228 человек), из них русских - 56 589 человек (Депортации народов СССР. С. 35-308).

К 1959-1960 гг. численность русского народа достигла 114 млн человек. Половая структура населения, нарушенная в годы войны, стала выравниваться за счет убыли старших поколений с их "дефицитом" мужчин. К 1970-м годам у людей, достигших 30 лет, соотношение полов выравнивалось, но оно было неодинаковым в городе и селе. В русской деревне женское население по численности превышало мужское {Козлов. С. 182-183}.

Снижение рождаемости снова наблюдалось в 60-е годы (на 5-7%), не увеличивалась она и в 70-е годы. Естественный прирост населения падал (Брук, Кабузан. С. 18; Аргудяева. С. 52; Бернштам М. С. 137): в 1940 г. - на 13,2%, в 1960 г. - на 17,8, в 1978 г.-на 8,5%.

В 1960-1970 гг. возросла смертность, особенно среди мужчин (и особенно в Центре). Только 12,9% населения достигло к 1979 г. 60 и более лет, и 37% смертности в стране (в основном у русских) в 70-е годы обуславливалось алкоголизмом. В этот период в Новгородской, Костромской, Смоленской, Рязанской, Воронежской, Курской и Тамбовской областях естественный прирост не достигал 2%, а в Псковской и Тульской областях этот показатель был отрицательным. Это был "симптом" процесса депопуляции народа, ибо Россия по рождаемости встала на уровень ниже среднего по СССР.

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1950-1990-е ГОДЫ

С 1950-х годов началось новое усиление миграций в стране. Русская миграция, хотя и меньшая, чем у других народов в этот период, совершалась в основном в районы освоения целинных земель Казахстана и неосвоенных территорий Урала, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах наблюдался рост численности русских, чему способствовали не только перемещения, но и дальнейшее развитие этнических процессов, прежде всего естественная ассимиляция некоторых народов, живших за пределами своих национальных образований. Смена этносо-з-нания произошла у украинцев в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, немного ранее у украинцев Приморского края, которые стали осознавать себя русскими. У некоторых народов Северного Кавказа и Сибири также было отмечено распространение русского языка в качестве родного. Общее число россиян, владеющих и считающих русский язык родным, равнялось 143,7 тыс. человек (97,8% населения РСФСР). До 1970-х годов ассимиляция

оставалась существенным источником прироста численности русских. Затем ее темпы снизились примерно в два раза по сравнению с 60-ми годами (Брук, Кабузан. С. 18; Численность населения... С. 9-10).

Естественное движение населения и миграции этого периода привели к новому его перераспределению по стране, к изменению в частности, концентрации русских на их этнической территории в РСФСР и в республиках, в которых они в 1959-1979 гг. проживали (Русские, Этносоциологические очерки. С. 19-22).

В это время наблюдалось сокращение численности русских в Грузии, Азербайджане и в некоторых автономных областях РСФСР (в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Молдавии, Северной Осетии, Горно-Алтайской автономной области, Усть-Ордынском и Коми-Пермяцком автономных округах). В Карелии, Коми, Удмуртии, Чувашии и Якутии удельный вес русского населения возрос. В то же время на "русских" территориях РСФСР численность русских уменьшилась в 16 областях из 55, особенно в Центре, на Северо-Западе, в Волго-Вятском и Центрально-Земледельческом регионах и в Поволжье, как за счет снижения естественного прироста, так и в результате миграций. С 1917 по 1979 г. концентрация русских в перечисленных районах снизилась с 67,6 до 48,3%. При этом увеличилась численность русских в Магаданской, Тюменской, Камчатской областях и в других восточных районах, где показатель их концентрации вырос с 17% в 1917 г. до 26,4% в 1979 г. В целом по стране доля русского населения с 1917 по 1979 г. сократилась с 91,5 до 82,6% (особенно в Центре, на Западе и Севере РСФСР), однако увеличилась на Украине, в Казахстане и Узбекистане. Удельный вес русского народа в населении всей страны в 1959 г. составлял 54,7%, в 1970 г. - 53,4%, в 1979 г. - 52,4% (Брук, Кабузан. С. 18,45).

Тогда же продолжался отток населения из села в город, составивший за 1959-1979 гг. около 1,5 млн человек в среднем за год, что дало 46% прироста городского населения и сокращение сельского с 52 до 37% (Население СССР, 1980. С. 3). В результате деформировалась половозрастная структура сельского населения. Почти вся молодежь уезжала в города, и село "старело". Одновременно происходило сокращение числа женщин в деревне, так как женский труд был малопродуктивным, плохо оплачиваемым, не обеспеченным сельхозтехникой. Эти процессы особенно усугубились в российском Нечерноземье, что вело к деградации сельского хозяйства и всей сельской жизни, несмотря на некоторые социально-экономические "преобразования" (а скорее эксперименты в 1960-е годы). Так, население Нечерноземья за 20 лет (к 1979 г.) сократилось вдвое. В РСФСР в целом удельный вес трудоспособных мужчин в селе снизился за 1959-1979 гг. на 14%, женщин - на 27%. Все русское население в 1979 г. составляли: 23,1% - люди моложе трудоспособного возраста; 60,1% - трудоспособные; 16,7% - пожилые; 0,1% - старые (Вылиан, Тюрина. С. 19; Численность населения... С. 11).

Особенно большой урон сельскому населению был нанесен идеей ликвидации "неперспективных деревень", насильственно воплощавшейся в жизнь в 1970-е годы, что привело к запустению, обезлюдению целых районов РСФСР. Снизилась плотность населения в сельской местности (4,3 человека на 1 кв. км), а сами поселения продолжали оставаться в основном мелкими.

Государственная политика "слияния наций", начиная с послевоенных лет, вела к таким демографическим результатам для русского народа, что он оказался под угрозой вымирания. С 1920-х годов русские были поставлены в худшие условия с точки зрения социально-экономического развития, так как приоритет отдавался другим национальным районам, для них создавался льготный экономический и хозяйственный режим, туда перекачивались средства и ресурсы из европейских регионов. Депопуляция русских в условиях падения их жизненного уровня пошла ускоренными темпами.

Последствия этой государственной национальной политики сказались не сразу, снижения общей численности русских к 1979 г. еще не произошло. Тогда их насчитывалось 137 397 млн человек; прирост их численности в 1970-1979 гг. равнялся

6,5%. Однако к концу 80-х годов по РСФСР этот прирост составил всего 0,4-0,8% в год. Только в Западной Сибири и на Дальнем Востоке он составил 1,5-1,6% в год (в Тюменской области - 4,5%, а в Восточной Сибири - 4,2%) (Русские: Этносоциологические очерки. С. 19; Численность населения... С. 5; Население СССР, 1988. С.3).

Численность русских, по данным переписи 1989 г., достигла 145 162 млн (в России - 119 865,0 млн); 25,3 млн русских (17,4%) жили за пределами России: из них на Украине - 11,4 млн (7,8%), в Казахстане - 6,2 млн (4,3%), в Узбекистане - 1,7 млн (1,2%), в Белоруссии - 1,3 млн (0,9%) (Русские: Этносоциологические очерки. С. 19). Произошло изменение в расселении народа. Показатель компактности его ареала перестал снижаться в РСФСР, что было следствием сокращения его миграции за пределы России и притока русских из других регионов (с 80-х годов из Армении и Средней Азии). Сокращение же численности русских произошло в 12 областях РСФСР против 16 в 1970-х гг. (в Центрально-Промышленном и Центрально-Черноземном районах). В одних бывших союзных республиках в 1960-1980-е годы доля русских среди населения росла (Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, особенно Эстония), в других (Закавказье, Средняя Азия, Казахстан) она сокращалась.

Концентрация русских росла в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, на Северо-Западе, в Волго-Вятском регионе и Поволжье, составив в 1989 г, 49,7%; на Урале, в Западной Сибири, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке она снизилась до 23,9%.

Наименьшая доля русских в автономных республиках, областях и округах отмечена в населении Дагестана; наибольшая, превышавшая долю коренных народов, в Карелии, Коми, Мордве, Мари, Удмуртии, Якутии, Адыгее, на Алтае, в Хакасии, Корякском, Таймырском, Ханты-Мансийском, Чукотском, Эвенкийском, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

Миграции русских с 1970-х годов изменили не только свой характер и размеры (сократившись на X_0)* но и направление. Теперь они были направлены не традиционно на юг и восток из Европейской части, а на север и восток из Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии; часть мигрантов расселялась в центральных районах России, особенно в Нечерноземье, в Поволжье и Западной Сибири. Этим изменениям способствовали и межнациональные конфликты последних лет. Миграционный прирост населения в России составил 1/5 его общего прироста.

Сокращение внутренних русских миграций было вызвано изменением возрастного состава жителей в РСФСР, так как везде из-за падения рождаемости снизилась доля молодых людей, наиболее подвижной части населения. Кроме обычных миграций в конце 1980-х - начале 1990-х годов увеличилась эмиграция из страны, русская в том числе. К 1991 г. она составила 1 млн человек (Хореев Б., Хорева О. С. 6; Русские: Этносоциологические очерки. С. 36-37).

Процесс урбанизации, усилившийся с 1960-х годов и связанный с миграционным движением, привел к дальнейшему увеличению численности горожан; к 1989 г. в СССР они составили 66% всего населения, в РСФСР - 73%. Интенсивная урбанизация отмечалась в Калмыцкой, Тувинской, Якутской, Мордовской, Чувашской автономных республиках, а в Сибири в результате развития нефтедобычи в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Кроме того, в составе сельского населения росла доля рабочих и служащих, сокращалась доля колхозников, особенно русских.

Русские в городском населении СССР в 1989 г. составляли 60,5%, в сельском - 32,3%. Повсеместно наблюдалось сокращение сельского населения. В союзных республиках число русских горожан также увеличивалось, но менее, чем в среднем по стране (кроме Эстонии). Значительно сократилась их доля в Грузии и Азербайджане. Там же сократилась и численность русского сельского населения: в Азербайджане - более чем в 2 раза, в Грузии - на 1/2, в Армении, Литве и в РСФСР-на УА. В 1989 г. каждые трое из четырех русских в стране являлись горожанами (Русские: Этносоциологические очерки.

С. 22-24; Численность населения... С. 26).

Рост жителей наблюдался в городских поселениях любого типа. Особенно заметным он был в новых экономических районах: на Байкало-Амурской магистрали (население одной Тынды за 1970-1980-е годы увеличилось в 12 раз), в нефтедобывающих районах Тюмени (в Нижне-Вартовске - в 7 раз, в Сургуте - в 3 раза), в промышленных городах (Набережные Челны, Нижне-Камск, Тольятти, Старый Оскол и др.). Численность городского населения росла в основном за счет притока из сельской местности, особенно из Челябинской, Екатеринбургской, Пермской областей. Основная масса русских устремилась в столицы, где происходили их контакты с другими народами. В столицах Узбекистана, Киргизии, Таджикистана сосредоточилось от % до % всех русских, проживающих в этих республиках. Русское население составило более половины населения Донецкой, Крымской, Луганской и Харьковской областей Украины; около 70% русских горожан Белоруссии проживали в Витебской, Гомельской и Минской областях; более 70% - в Кишиневе, Бельцах, Тирасполе, Бендерах; более половины русских Закавказья проживало в столицах союзных и автономных республик; в Эстонии 45% русских горожан сосредоточилось в Таллине, в Риге — 56%, в Вильнюсе - 38% (Русские: Этносоциологические очерки. С. 25-27).

Сельское население республик, как русское, так и других национальностей, сохраняло более однородный состав. В 1989 г. 86% русского сельского населения жило в РСФСР, 4,4 - в Казахстане, 4,5 - на Украине, 3,1% - в остальных республиках. В РСФСР оно в основном сосредоточилось в "русских" областях и краях и лишь 8% - в национальных автономных республиках. Из бывших союзных республик наибольшую долю русские составляли в селах Казахстана (19,9% всего населения), Латвии (17,5), Киргизии (10,5), Эстонии (8,5), Украины (8,2). В селах Карелии, Адыгеи и некоторых сибирских и дальневосточных автономных образований РСФСР удельный вес русских в селе снизился.

Миграции 1980-х - начала 1990-х годов отразились на характере этнических процессов. Если до того межреспубликанские перемещения способствовали приселениям мигрантов - представителей разных народов не только в русские города и села, равно как в города и села бывших союзных республик, то в 80-е годы такие приселения ограничивались в основном крупными столичными городами. В целом этноструктура регионов менялась (табл. 4).

Таблица 4 Удельный вес русского народа в республиках*

Республика	% русских от их общей численности	Республика	% русских от их общей численности
РСФСР	82,6	Азербайджан	0,3
Украина	7,8	Эстония	0,3
Казахстан	4,3	Таджикистан	0,3
Узбекистан	1,2	Грузия	0,2
Белоруссия	0,9	Литва	0,2
Латвия	0,6	Туркмения	0,2
Киргизия	0,6	Армения	0,04
Молдавия	0,4		

* Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 27-28; Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. М., 1991. С. 26.

Из-за снижения доли русских в городском и сельском населении всех бывших союзных республик повсеместно началось постепенное возрастание доли коренных народов в их населении.

Ассимиляционные процессы после 1970 г. шли на убыль, но к концу 1980-х годов русский язык своим родным считала еще значительная часть населения различных республик. Фактически и в 1979 г. и в 1989 г. 81-82% всего населения страны считало русский язык родным или вторым для себя (Численность населения... С. 40-47; Население СССР, 1990. С. 40). В то же время естественная ассимиляция перестала быть источником увеличения численности русского народа. Процесс же этносмешений, особенно в столичных городах, к 1989 г. сохранялся. В 1979 г. имелось 32,3 млн семей с однонациональным составом их членов, 4,4 млн - с этносмешанным. В 1989 г. соответственно - 34,3 млн и 5,9 млн. Однонациональные семьи составили 85% их общего числа, этносмешанные - 15% (против 12% в 1979 г.). Этносмешанные семьи были наиболее распространены по-прежнему на территориях с малочисленным коренным населением: в Коми - 38% семей смешанных, Карелии - 36, Ямало-Ненецком автономном округе - 33, в Корякском, Чукотском, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах - по 31%, в Башкирии - 25, Удмуртии - 22, Якутии - 23, Эвенкии - 26, Коми-Пермяцком автономном округе - 25, Таймырском (Долгано-Ненецком) - 28%. В регионах с преобладанием коренных народов сохранялись преимущественно однонациональные семьи (Численность населения... С. 15-16,55).

В конце 1980-х и в 1990-е годы резко изменилась этноситуация для русского народа, проживающего вне пределов России, в бывших союзных республиках. К этому привели этнополитические и языковые реформы, распад СССР в 1991 г. Условия существования и развития русских в иноэтничной среде стали совершенно новыми: вместо составной части в рамках единой государственности они становились оторванным от России национальным меньшинством в пределах инонациональных государств. Такие группы русских стоят перед выбором: либо адаптироваться (ассимилироваться) среди коренного населения той или иной республики бывшего СССР, т.е. усвоить ее государственный язык (нерусский) и приобщиться к ее национальным ценностям, или вернуться на свою историческую родину. Последнее весьма показательно для русских Закавказья, выбытие которых в Россию стало заметным в конце 80-х годов (Русские старожилы Закавказья... С. 132, 175), Этническое давление на русских, живущих за пределами России, формирование "национально ориентированной элиты" ведет к созданию национальных движений и партий, а в ряде случаев - к подъему русского национализма (Русское дело... С. 9; Русские в новом зарубежье. С. 74, 101, 125).

Все это не способствует сохранению русским народом своей этничности, наоборот, может привести к разобщению, к денационализации народа, проводимой и ранее, но под известным лозунгом "интернационализма". Результат политики "слияния" и "дружбы народов СССР" тот же, что и при проведении искусственной (а не естественной) ассимиляции и механического этносмешения при различного рода переселениях, так как люди утрачивают чувство родины, дома, единства народа. Появлению такого "облика" людей немало способствовала длительная борьба с религиозным мировоззрением, искажившая нравственно-моральные устои общества.

Многочисленные подразделения русских, существовавшие еще в XIX-начале XX в., их этнотерриториальные, конфессиональные и социальные группы в большинстве своем

перестали осознаваться как обособленные. Лишь с ростом национального самосознания в последнее время на особую этнотерриториальную часть народа претендуют казаки, а с оживлением религиозной жизни осознают свою обособленность конфессии (старообрядцы, сектанты). Но и казачество, и русские конфессии - это уже не те группы народа, какими они были до 1917 г. Нивелирующее давление на протяжении всего советского периода привело к стиранию особенностей и различий всех русских подразделений, на какой бы основе они не были созданы - социальной, религиозной, территориальной, экономической, этнической и т.д.

Основания для заключения о депопуляции, а в ряде мест о денационализации русских дают также данные по естественному движению народа, особенно проявившиеся к 1989 г. Рост численности народа с 70-х годов шел замедленными темпами, хотя она все же увеличилась за 1979-1989 гг. на 5,6%. К 1990 г. везде естественный прирост был выше, чем в РСФСР, в которой он оказался в 1,4 раза меньше, чем среднереспубликанский, и ниже грани расширенного воспроизводства населения (Численность населения... С. 5-6, 73). Высокий прежде естественный прирост сельского населения снизился и не компенсировал отток работоспособных людей в города за 1970-1980-е годы, в результате чего сельское население сократилось на 0,9 млн человек (Кабузан, 1996; Козлов В.И., 1996. С. 294).

Самая низкая рождаемость к 1990 г. стала в РСФСР - 13,4‰ (на этом же уровне Карелия и Коми), в остальных республиках РСФСР рождаемость оставалась выше. Таким образом, в 1989-1990 гг. произошло новое "обвальное" падение рождаемости и "всплеск" смертности, а значит, обозначилась тенденция к приближению естественного прироста к нулевой отметке.

В результате этих процессов изменилась возрастная структура населения. По сравнению с данными 1979 г. в среде русского населения стала больше доля людей моложе и особенно старше трудоспособного возраста, сократилась доля лиц трудоспособного возраста. Практически каждый пятый русский в 1989 г. был пенсионного возраста. Некоторые "русские" области РСФСР лишились простого воспроизводства населения и смертность там выше рождаемости (Псковская, Ивановская, Тверская, Тульская, Тамбовская области), в 11 других областях естественный прирост незначительный - менее 2,0‰. Половой состав русского населения изменений не претерпел. По-прежнему женское население по численности преобладает над мужским. В 1987 г. на 1000 мужчин приходилось 1148 женщин, причем это превышение начинается с 30-летнего возраста и объясняется более высокой смертностью мужчин. В селе же в возрасте до 45 лет преобладают мужчины из-за более сильной женской миграции в города (Численность населения... С. 11-12).

Результатом миграционного и естественного движения русских последнего десятилетия явилась следующая картина их концентрации по отдельным регионам (см. табл. 5),

Таким образом, определилась тенденция снижения численности русских и их доли в населении всех регионов России, как в ее Европейской, так и в Азиатской частях, кроме Западно-Сибирского экономического района.

Все эти отрицательные тенденции наиболее проявились в Нечерноземье - главной исторической области формирования и развития русского народа. Этот регион составляют 29 областей, в которых русские численно занимают доминирующее положение. Однако только 20% их осталось в селах Нечерноземья, где при низком плодородии почв и неблагоприятных природно-климатических условиях для поддержания сельского хозяйства на необходимом уровне населения не хватает. Демографические характеристики свидетельствуют о том, что в регионе не происходит даже простого воспроизводства населения вообще и трудового аграрного в частности. Трагедия Нечерноземья состоит в том, что в результате аграрной политики прошлых лет произошло

Таблица 5 Доля русских в населении регионов*

Регион	1979 г.	1989 г.	Регион	1979 г.	1989 г.
Север	82,0	91,78	Поволжье	67,88	66,87
	2				
Запад	78,3	78,47	Урал	80,63	80,7
Северо-Запад (без Ленин-града)	93,6	92,66	Западная Сибирь	68,75	82,49
Центральный (без Москвы)	95,6	94,8	Восточная Сибирь	83,26	82,54
	2				
Центрально-Черноземный	95,8	95,21	Дальний Восток	80,83	79,57
	3				
Волго-Вятский	75,2	75,05	Северный Кавказ	70,1	66,97

* Население СССР 1987 г. М., 1988. С. 47; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г. М., 1990. С. 30.

не просто сокращение численности русских, а исчезновение в сельскохозяйственных областях слоя "кадровых" крестьян, а следовательно - деградация сельского хозяйства. И это случилось в "сердце" русских земель, где всегда особо ценился крестьянин-пахарь. Депопуляция народа в российском Нечерноземье идет ускоренными темпами. С 1990 г. естественная убыль населения составила минус 0,2%, а в Центре его - в Промышленном районе - уже минус 2,1, С конца 1980-х годов усилился миграционный приток в Россию (около 70%), представленный русскими переселенцами и беженцами из бывших республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана, менее - из прибалтийских республик. В результате за 1989-1994 гг. численность русских увеличилась на 1,8 млн человек, но реальный прирост был ниже из-за снижения рождаемости и увеличения смертности (Миграции и новые диаспоры... С. 31-32,37),

В целом за годы советской власти произошли большие изменения в численности и расселении русского народа. В населении всех регионов (кроме Сибири) удельный вес русских за период советской власти снизился. В Северном, Северо-Западном, Центрально-Промышленном регионах, т.е. в Нечерноземье, это было в значительной степени результатом упадка сельского хозяйства, а в Западном районе - еще и последствий войны 1941-1945 гг. В Центрально-Черноземном регионе, в Поволжье, на Урале, Северном Кавказе и Дальнем Востоке к такому результату привела аграрная и национальная политика тех лет, следствием чего являлись насильственные перемещения, а зачастую и гибель людей.

К 1989 г. русские в РСФСР насчитывали 129 млн (83% от их общего числа в СССР). В 16 автономных республиках проживало 9,1 млн русских (в среднем 42% населения республик), т.е. примерно столько же, сколько и "коренных" народов; колебания же численности русских составили: от 74% в Карелии до 9% в Дагестане.

После распада СССР в 1991 г. в союзных и автономных образованиях начала меняться этнополитическая ситуация. Эти изменения по-разному проявлялись в различных регионах и республиках. Так, в Поволжье и Приуралье, где издавна происходило тесное взаимодействие разных народов, не были редкостью этносмешанные браки, сильными были явления языковой ассимиляции, свои этнические особенности более всего сохранили татары и башкиры, что объясняется их религиозными отличиями от русских. Поэтому и национально-сепаратистские движения последних лет у этих народов имеют политический характер, что не присуще другим республикам региона, где они приобретают этнокультурную направленность и проявляются в стремлении ослабить распространение русского языка и культуры, освободиться от влияния православной церкви. Последнее особенно заметно у марийцев, у которых идет возврат к исконным языческим верованиям. Национальное же движение и организации русских здесь приобрели социально-культурные, а не этнополитические черты (Козлов В.И., 1996. С. 244-247; Миграции и новые диаспоры... С. 11-54).

Иная ситуация сложилась в бывших автономных областях Северного Кавказа, теперь самостоятельных республиках в составе РФ. ГоАния и репрессии населения этих областей в советское время не прошли бесследно. Жившие в ссылке и возвращающиеся обратно народы сохранили языково-культурное единство, чего нельзя сказать о территориальном их единстве, так как их земли на Кавказе были отданы под расселение другим этносам, русским в том числе. Свое отношение к политике советского государства, перенесенное теперь на политику России, возвращенные в родные места народы проявляют в виде военных столкновений и межэтнических конфликтов. Наряду с сегодняшней ситуацией жива и историческая память горских народов, помнящих о завоевании их Российской империей во время Кавказской войны 1817-1864 гг. Все это не способствует стабильности на Северном Кавказе и не разрешает межэтнических противоречий (Кабузан, 1996; Козлов В.И., 1996, С. 248-252; Миграции и новые диаспоры... С. 11-54).

В сибирских республиках РФ - Тувинской, Алтайской, Хакаской - также по-разному складываются отношения между этносами. Угроза для положения русских, живущих там, существует в основном в Туве. Она вошла в состав СССР в 1944 г. (бывший Урянхайский край), поэтому была наименее "советизирована" по сравнению с другими автономиями. Поднявшееся в 1990-е годы национальное движение тувинцев привело к антиправительственным, в подоплеке направленным в основном против русских, выступлениям и вызвало переселение 6,4 тыс. русских (из 98,8 тыс. живущих там), а у оставшихся есть все основания беспокоиться за свое существование.

В других бывших автономных областях РФ положение русских более спокойное. В бывших же союзных республиках, ставших самостоятельными государствами (ближним зарубежьем), русское население находится в очень противоречивых отношениях с прочими народами. В славянских республиках - на Украине и в Белоруссии - русские в постсоветское время находятся в сравнительно стабильном и благополучном состоянии. Демографический потенциал их там еще значителен (в сравнении с "титულными" и другими народами), кроме того, многие русские Украины и Белоруссии двуязычны, близки между собой по этнокультуре (Миграции и новые диаспоры... С. 63).

Трагично складывается судьба русских в бывших союзных республиках Закавказья и Средней Азии. Сложные этнополитические явления и межэтнические распри вели к катастрофам, миграциям и прямому бегству людей отсюда, главным образом русскоязычных. Русские в Закавказье к 1989 г. насчитывали 785 тыс. человек, половина их жила в Азербайджане, к 1996 г. в последнем осталось их только 150 тыс. Из 50 тыс. русских в Армении к 1996 г. продолжало жить 30 тыс. Из Грузии в 1994 г. переселилось

108 тыс. русских (из 341 тыс. проживавших там).

В больших среднеазиатских республиках жизнь русских становится невозможной из-за усиленного влияния ислама и антирусских настроений, хотя прежде русские там играли важную хозяйственную и социально-культурную роль. Из 1654 тыс. русских в Узбекистане в 1994 г. выехала 81 тыс., из 334 тыс. в Туркмении - 3 тыс., в Таджикистане (388,5 тыс.) уже к 1993 г. их число сократилось вчетверо, т.е. осталось около 100 тыс. В Киргизии и Казахстане русские селились на землях кочевников-скотоводов или на целине, что теперь представляется недопустимым правительствам этих государств. 200 тыс. русских из 917 тыс. выехало в 1994 г. из Киргизии, 7 тыс. из 6,2 млн. русских и других славян - из Казахстана. В последнем славянское население превышает по численности казахов, поэтому в дальнейшем его выезд оттуда будет усиливаться (Миграции и новые диаспоры... С. 171-214).

Антирусские настроения сильны и в Молдавии, присоединенной к СССР в 1940 г. (бывшая Бессарабия), особенно нетерпимым становится отношение "титовского" народа к Приднестровской автономной республике с преобладающим в ней русскоязычным населением. Для 181 тыс. русских в Молдавии все более приемлемым видится переселение в РФ (Миграции и новые диаспоры... С, 87-104).

В республиках Прибалтики, фактически вошедших в состав СССР в 1945 г., сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, поскольку была низкой рождаемость коренного населения (особенно в Эстонии), численность же русских там росла, и к 1989 г. они составили до 34,4% населения Латвии, до 30,3% - Эстонии, менее всего их было в Литве - до 9,4%. В этих государствах были приняты дискриминационные законы о гражданстве и об иностранцах, что низвело русских до положения второсортных граждан, не защищенных никакими законами. Выезд их в Россию весьма проблематичен, а существование там не отличается стабильностью (Миграции и новые диаспоры... С. 105-146).

Сейчас для русских, проживающих в ближнем зарубежье, намечается несколько путей дальнейшего развития. Одним из них является переселение на "историческую родину"; это предлагается со стороны властей новых государств. Но неизвестно, что считать исторической родиной для многих теперешних жителей бывших республик, не одно поколение которых существовало там. Второй путь - ассимиляция их "титовскими" этносами - мало перспективен, так как идет психологическое отторжение русских, которые не могут отказаться от причастности к своему народу. Чтобы произошла подобная ассимиляция русским необходимо вступить в этносмешанные браки или принимать чужую религию, но это мало вероятно. Длительность такого процесса измеряется жизнями нескольких поколений.

Еще есть путь интеграции русских в каждом местном обществе при сохранении их языково-культурной самобытности, иначе - национально-культурная автономия. Этот путь особенно необходим для русских Прибалтики. Он подобен пути, по которому идут религиозные общины. Но правительства "титовских" народов способствуют превращению русских в граждан "второго сорта", в этнически угнетаемые меньшинства, что чревато дальнейшими конфликтными ситуациями.

Наконец, довольно радикальным представляется федерализация русских в местах компактного расселения путем создания национально-территориальных автономий. По этому пути стремятся идти русские Крыма, Донбасса, Приднестровья, северо-восточных районов Эстонии, северных и восточных областей Казахстана. Препятствием для его осуществления становится боязнь властей новых государств, что такие территории отойдут к РФ (Козлов В.И., 1996. С. 235-239).

XX век внес в судьбу русских много трагического, и их развитие не имело плавного, безмятежного характера. В начале века русские являлись вторым по численности этносом мира (после китайцев), расселенным на 1/6 части обитаемой суши, будучи основным народом Российской империи, где не имелось "имперских привилегий" ни для какого

народа. Русские в то время еще обладали активной жизнеспособностью, не утратив ассимилятивной способности. За советский период они понесли большие потери, но их духовные силы не были сломлены, особенно после победы в войне 1941-1945 гг. Дальнейшее экономическое развитие страны в силу правительственной политики не способствовало сохранению жизнестойкости всех народов. К тому же шел процесс деэтнизации всех и русских в том числе благодаря якобы сложившейся новой исторической многонациональной общности - "советско-русский народ" - с преобладанием русскоязычности, но не русской культуры.

В результате к концу XX в. жизнестойкость русского этноса оказалась поколебленной; к тому же русские, разделенные на части государственными границами и гонимые своими соседями из их новых государств, теряют свое единство. Трагедия 25 млн русских в новом зарубежье усугубляется тем, что у 120 млн русских в самой России снизился уровень жизни, упала рождаемость, возросла смертность (с 1993 г. умирает до 1 млн человек в год), ухудшился генофонд, деэтнизация выражается и в том, что народная культура сходит на нет, и в том, что профессиональная культура близится к упадку, вытесняемая западными суррогатами. Кризис духовной культуры русских был обусловлен деградацией православия (зафиксированной на рубеже XIX-XX вв.) и затем послереволюционными экспериментами: насаждением сначала "пролетарской", а затем "советской" культуры. В этих условиях ослабевало этническое самосознание русских.

Демографы прогнозируют дальнейшее сокращение численности русского народа, к середине XXI в. она может уменьшиться вдвое. Это нанесет урон не только трудовым ресурсам, но не оставит возможностей для нормального воспроизводства самого этноса, а значит и его этнического самосознания (Козлов В.И., 1996. С. 273-283).

Остановить депопуляцию народа можно только тогда, когда в первую очередь в мышлении народа проявится новое самосознание, произойдет восстановление "украденной памяти" и "государственного инстинкта" (Бернштам М, С, 136; Соло-невич, 1990. С. 159) в его историческом, географическом, психологическом аспектах, характерного для народа на протяжении тысячелетия, в течение которого были хозяйственно освоены 21 млн кв. км земель и создано государство.

Необходима всеобщая активная этнически ориентированная деятельность. Пока это трудно осуществимо без равноправия русских с другими этносами, имеющими свою государственность, основанную на этническом принципе при фактическом главенстве "титularного" народа. Для России выходом из кризиса может стать возврат к существовавшему прежде устройству по территориально-административному принципу (губернии и уезды) с введением в них национально-культурной автономии (национальные школы, землячества и т.п.). Существует мнение о создании особой Русской республики, что устраивало бы "титularные" народы, которая составит с ними федерацию. В нее должны быть включены края и области (при уточнении их границ) с русским населением. Так или иначе, действительность диктует необходимость "развязывания всех узлов" сначала в самой РФ, что будет способствовать разрешению жизненных проблем русских ближнего зарубежья и плодотворно скажется на положении всего русского этноса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ

СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКИХ ЗА РУБЕЖОМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

История переселения наших соотечественников, в результате чего за границей складывается русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей еще в период средневековья и раннего нового времени (Соловьев СМ. Т. 11-12. С. 68-69). В "петровскую" эпоху к политическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные (Шмаро. С. 22-24). Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX в. Правда, от ХЛП-ХУШ вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли, в том числе в Америку (Федоров. С. 248), Китай (Марианский. С. 148), Африку (Давидсон, Макрушин, 1979), но подобные миграции, будучи весьма незначительными по численности, вызывались зачастую не просто и не только экономическими причинами: одни чувствовали "зов дальних морей", другие бежали от злосчастия, ища на чужбине покоя или успехов. В конце XVIII в. русские поселенцы появились и в более близких европейских странах (Cross A.G.). Так, возникновение русской колонии в Ницце (Франция) относят к 1774 г. С XIX в. этот городок стал местом продолжительного проживания семей русской аристократии и иных состоятельных эмигрантов (Le Roy)*. В Галле, Марбурге, Йене и других городах Германии еще в середине XVIII в. начала обучаться русская дворянская молодежь. Современные исследования доказывают, что в Лондоне, Цюрихе, Лейпциге, а также во многих университетских городах Франции обучались десятки молодых русских дворян (Williams. P. 16-17).

Именно потому, что в европейских столицах и на всемирно известных зарубежных курортах (на Ривьере, в Ницце, Баден-Бадене, Висбадене, Сан-Ремо, Лидо и др.) проживало немало состоятельных россиян, сюда же устремились представители первой волны политэмигрантов, прибегнувших к невозвращенчеству как акту протеста против репрессий правительства после 14 декабря 1825 г. (Пугачев. С. 13). Главным центром российской политической эмиграции второй четверти XIX в. был Париж, а после революции 1848 г. им стал Лондон, где А.И. Герценом была основана "первая вольная русская типография". Благодаря ей, русская эмиграция оказалась не просто связанной с политической жизнью самой России, но и стала одним из ее существенных факторов (Горев Б. С. 14; Venturi). Особенностью "дворянской эмиграции" из России во второй четверти XIX в. был сравнительно высокий уровень жизни выехавших за рубеж россиян (например, А.И. Герцен и Н.П. Огарев) (Sliwowska. 1974. P. 48; Козьмин. С. 488-498). Кроме того, большинство политэмигрантов первой волны выехали за границу вполне легально, по своей воле и желанию, а не по необходимости из-за преследований на родине.

Другое дело - политэмигранты второй половины XIX в., выехавшие за рубеж

*Русская колония в Ницце просуществовала до второй мировой войны, но наибольший ее расцвет относится к концу XIX - началу XX в., когда там проживали члены многих русских аристократических семей (включая царскую) и представители мира искусства и литературы. После польского восстания 1863-1864 гг. Эта так называемая молодая эмиграция (Sliwowska, 1972. P. 54) осела в Лондоне, Берне, Гейдельберге, Тульце, Женеве, Берлине, да и во многих других городах. Она состояла из тех, кто бежал из России, уже разыскиваемый полицией, кто опасался тюрьмы, самовольно оставил место ссылки и т.п. Уехавшие в первой четверти XIX в. не рассчитывали на скорое возвращение и старались заранее обеспечить свою жизнь за границей. Эмиграция же второго потока была куда более "текучей" (нередко возвращались обратно). Поэтому ни демократы-шестидесятники, ни сменившие их народники не успевали создать за границей "налаженного" быта (Григорьева; Дейч). Кроме того, в 60-80-е годы XIX в. социальный состав российской политэмиграции расширился: к дворянам прибавились мещане, разночинцы, интеллигенция (Яновский С.Я. С. 107).

Жить за границей сравнительно продолжительное время позволяли себе тогда многие состоятельные люди, в том числе художники, писатели, артисты, ученые. Они не были эмигрантами, но с готовностью шли на контакты с теми русскими, которые оказались за рубежом по политическим причинам. Такими деятелями русской культуры, готовыми встретиться, а иногда и помочь лицам, считавшимися в России "государственными преступниками", были И.С. Тургенев, С.А. Ковалевская, П.И. Чайковский, В.Д. Поленов, А.Н. Иванов (Lo Gatto; Haupt. P. 235-249).

Русские аристократы, образованные и богатые дворяне, наряду с представителями творческой интеллигенции, составляли в то время значительную часть *beau monde* на зарубежных курортах и в европейских столицах. Более или менее долго находиться "на водах" считалось "хорошим тоном". Так что не только преследуемые царским правительством "политические", но и "весьма достойная" часть русского общества формировали представление о русских за рубежом.

Значительную долю русской диаспоры в то время продолжала составлять и выехавшая на учебу в европейские университеты российская молодежь (Осоргин). В Швейцарии возникла своеобразная колония, известная под названием "второй России". Этому способствовало скопление здесь политических беженцев и перемещение герценовской Вольной типографии из Лондона в Женеву (Киперман, 1971. С. 262; Русские эмигранты... С. 73-179). Что касается бытовой стороны жизни небогатых россиян за рубежом, то это наименее исследованная страница истории российской диаспоры. Известно, что многие из русских, живших в то время в Европе, существовали за счет собственного литературного труда и домашних уроков (Киперман, 1980). Некоторые интеллигенты зарабатывали себе на жизнь трудом по найму в качестве чертежников, один из эмигрантов работал даже факельщиком при погребальных процессиях (Семенов Е. С. 8). Найти работу считалось удачей (ГАРФ. Ф. Лаврова. Оп. 4. Д. 102. Л. 56, 63, 79; Brachman. S. 195-196). Дороговизна заграничной жизни буквально убивала прибывших за границу россиян.

Это вынуждало политэмигрантов к частой перемене места жительства. Квартиры меняли не только в пределах одного города, но и уезжая в другие города, а то и в другие страны. Оттого-то так сложен учет численности русских, оказавшихся по политическим мотивам на чужбине, а выводы о значимости тех или иных центров и регионов их размещения так неопределенны.

Особый поток российской политической эмиграции, возникший после убийства Александра II и внутривосточного кризиса 80-х годов XIX в., охватил почти четверть века. Вначале репрессивная политика и упадок революционного движения в стране сделали русскую эмиграцию замкнутой, отрезанной от российских реалий. Однако уже

спустя десятилетие эта оторванность русских политэмигрантов от родины была преодолена: эмигранты-марксисты создали свой "Союз русских социал-демократов за границей". Хотя В.И. Ленин и считал этот союз "оппортунистическим", призывая создать в противовес ему "настоящую революционную организацию" (Ленин. Т. 41. С. 8; Горев Б. С. 152), стоит учесть, что I съезд РСДРП признал "Союз" официальным представителем партии за рубежом. Ведущую роль в ней в первые же годы XX в. стал играть "большевизм" - левое крыло российской политической эмиграции. Издательства, типографии, библиотеки, склады, касса партии - все это находилось за границей (История КПСС. Т. I. С. 272-290). Меньше сведений о деятельности в это время за рубежом политэмигрантов иной идейной ориентации, хотя их тоже было немало {Гусев К.П., Еритян ХЛ.}. Известно, что некоторые активные деятели российских партий оказались вовлеченными в масонские ложи. Весной 1905 г. в них вступили десятки представителей российской интеллигенции, как временно проживавшие за рубежом, так и эмигранты "со стажем", заставив царскую охранку задуматься над тем, как внедрить своих осведомителей и в эти объединения {Тютюкин, Шелохаев, Митяева. С. 48,51}.

Социальный состав политической эмиграции из России между тем тоже сильно изменился, особенно после начала революции 1917 г.: в ее среде появились рабочие, крестьяне, солдаты; 700 матросов бежало в Румынию только с броненосца "Потемкин" {Киперман, 1971. С. 295}. Привыкшие к повседневному труду люди устраивались на работу на промышленные предприятия. Если в начале 80-х годов в вынужденном изгнании за рубежом находилось всего 500 человек {Воблый, 1905; Филиппов Ю.Д.; Тизенко}, то в следующую четверть века за счет расширения социального состава политэмиграции это число по меньшей мере утроилось.

Говоря о русских, находившихся за рубежом в последней четверти XIX - начале XX в., следует отметить (помимо политических эмигрантов и по многу лет живших на заграничных курортах русских аристократов) еще и заметное число трудовых (экономических) "переселенцев". Причиной отъезда некоторой части последних было не столько "относительное перенаселение", сколько различия в заработной плате за одни и те же виды труда в России и за рубежом. Несмотря на слабую заселенность, исключительные природные богатства, огромные площади неосвоенных земель в стране русская эмиграция возрастала. Желая сохранить репутацию, царское правительство не публиковало данные о ней. Все подсчеты тогдашних экономистов были основаны на иностранной статистике, прежде всего германской, долгое время не фиксировавшей национальную и конфессиональную принадлежность выехавших. На ее основании можно представить два основных направления отъезда трудовых эмигрантов из России: в европейские страны (Германию, Данию, Англию и т.д.) и в заокеанские (США, Канаду, Австралию). До начала 80-х годов число покинувших Россию по экономическим мотивам не превышало 10 тыс. человек, но с указанного периода оно начало расти. Этот рост продолжался, достигнув "пиковой отметки" - 109 тыс. человек в 1891 г., и резко спал после торгового договора России и Германии 1894 г., облегчившего переход границы с краткосрочными разрешениями, заменявшими паспорта и позволявшими ненадолго выезжать за рубеж и возвращаться. Некоторое представление о волнах российской эмиграции в XIX в. дают табл. 6 и 7.

Следует, однако, учитывать, что данные этих таблиц дают представление о "подданных Российской империи", а не собственно о "русских". В дореволюционной литературе господствовало мнение, будто в те годы эмигрировали лишь "политические" да "иностранцы", а "коренное население" (русские. - Лет.) за границу "не уходило", мигрируя лишь в пределах империи, главным образом в Сибирь (Филиппов Ю.Д. С. 22). О том, что это верно лишь отчасти, говорит тот факт, что русские (по происхождению) все же уезжали на постоянное жительство за рубеж. Однако их эмиграцию (несколько сотен человек) трудно сравнивать и сопоставлять с "исходом" евреев (38% убиравших), финнов (13%), прибалтов (эстонцев, литовцев, латышей - 10%), немцев (7%). Выезд, как тогда

говорили, "господствующей народности" (русских) составил в 1890-1900 гг. всего 2% уехавших и "важности не представлял" {Тизенко. С. 8; Annual Report of the Commissioner General...}.

Таблица 6 Количество выехавших русских подданных в 1828-1915 гг. (в тыс. человек)

	1828-1859 гг.	1860-1890 гг.	1890-1915 гг.
В сумме	33 314	1 128 563	3 347 618
В среднем за год	1074	37 619	133 904
% к среднему числу выехавших за год	0,6	21,7	77,7

Таблица 7

Распределение по странам "осевших" эмигрантов из России (1891-1900 гг.)

Страна	Число (тыс человек)	% от числа выехавших	Страна	Число (тыс. человек)	% от числа выехавших
Соединенные Штаты	444	57,8	Другие заокеанские страны	10	1,4
Канада Аргентина	23 10	3,5 1.4	Европейские (без Англии)	35	5,7
Бразилия	9	1,4	Азиатские	30	7,9
Южноафриканские страны	6	0,9	Страны, название которых не указано	152	19,9
Австралия	0,3	0,1	Итого	769	100

Более половины выезжавших из России по экономическим мотивам в конце XIX в. оседало в США. С 1820 по 1900 г. сюда прибыло и осталось 424 тыс. подданных Российской империи (Воблый, 1905. С. 48-49). Так, в 1891 г. ("пиковый год" русской эмиграции) примерно 85% переселенцев, т.е. 93 848 человек, переместилось из России в США, и только несколько сотен уехало в Бразилию, Аргентину, Австралию и другие страны разных континентов. Пропорция эта на удивление стойко сохранялась и в другие годы (Филиппов ЮД. С. 25).

Выезжали российские эмигранты через финские, русские, германские порты, где велся их учет. На основании данных германской статистики известно, что за 1890-1900 гг, уехало всего 1200 православных. Преобладали мужчины трудоспособного возраста. Женщины составляли 15%, дети (до 14 лет) - 9,7%. По роду занятий выезжали в основном ремесленники (Де-Воллан. С. 106), а по профессиям - портные и сапожники, которые регистрировались в США чернорабочими, прислужой, реже - сельхозрабочими, и еще реже - фермерами (Филиппов ЮД. С. 25). 99,9% уехавших в рассматриваемое время были самого трудоспособного возраста - старше 14 и моложе 44 лет, грамотные среди них составляли 61,6%; владели несколькими профессиями (ремесленными, сельскохозяйственными) - 88,1% (Оболенский. С. 58).

С большими сложностями столкнулись в то время некоторые представители православной конфессии и религиозных сект, пожелавшие законным путем оставить Россию. Число их было значительным, и в историографии даже сложилось мнение, что уехавшие по религиозным мотивам в конце XIX - начале XX в. составили "преобладающую часть русских эмигрантов из России". Согласно сведениям В.Д. Бонч-Бруевича, с 1826 по 1905 г. Российскую империю покинули 26,5 тыс. православных и сектантов, из которых 18 тыс. выехали в последнее десятилетие XIX в. и в пять предреволюционных лет (подавляющая часть выехавших были русские) {Бонч-Бруевич; К Ливанов, 1965. С. 113; Поздняков В. С. 93; Оболенский. С. 59; Подъяпольская}.

На примере эмиграции духоборов (около 8 тыс. человек) можно составить представление об этом первом (за исключением казаков-некрасовцев, переселившихся в пределы Турецкой империи еще в XVIII в.) массовом потоке религиозных эмигрантов из России и о причинах их отъезда {Сулержицкий. С. 7; Скворцов

В. С. 320; Водянский. С. 64; Woodcock, Avakumovic}. Конфликт с властями (отказ от несения воинской повинности) и утопические надежды на свободу и равенство послужили толчком к принятию решения о выезде в 1896 г. Положительное решение вопроса об эмиграции духоборов в Канаду в 1898 г. в немалой степени было результатом активной поддержки сектантов со стороны Л.Н. Толстого и "толстовцев" {Бирюков П. С, 169}. Однако принцип неподчинения государственной власти во имя всеобщего равенства оказался несовместимым не только с русским, но и с канадским общественным устройством {Сулержицкий. С. 330; Бонч-Бруевич,

С. 169-175). В знак протеста против решения духоборов не принимать канадского подданства ("не закрепощать себя никому, кроме Бога!") правительство Канады хотело отобрать у российских эмигрантов землю, выданную им после переселения, однако довольно быстро убедилось, что одним "давлением" не сломить этих людей, давших своим селениям выразительные названия - Терпение и Надежда.

В первые же годы нашего века из России выехали и другие недовольные отсутствием свободы совести. Это были штундисты (более тысячи человек), отправившиеся в Америку, духовные молокане, группа "Новый Израиль" (представлявшая собою крестьян Юга России, относившаяся к секте субботников и переселившаяся в Палестину) {Прокофьев. С. 21-23}.

Определенным рубежом в истории российской диаспоры явился 1905 г. Манифест 17

октября, провозгласивший амнистию политическим заключенным, способствовал возвращению на родину многих из тех, кто вынужден был жить вдалеке от России. Вернулись почти все представители народнических демократических партий. Из российских марксистов за рубежом остался один Г.В. Плеханов. Однако такое положение сохранялось лишь несколько месяцев. В условиях спада революции 1905-1907 гг. по стране прокатилась лавина арестов, вызвавшая новую волну политической эмиграции. Вначале уезжали в автономную Финляндию, а когда российская полиция добралась и туда — в Западную Европу, начался новый этап в истории российской политэмиграции. Из России ехали в Швейцарию, в Париж, Вену, Лондон, Северную и Южную Америку, в Австралию. Всего за рубежом, по неполным данным, в 10-е годы XX в. проживало несколько десятков тысяч русских политических эмигрантов (ГАРФ. Д.П. 3-е делопроизводство. Д. 295. Л. 23). Особенно много их было в США. В 1893 г. американское правительство даже подписало договор с российским правительством о взаимной выдаче государственных преступников, в том числе и политических (Единая Америка. С. 32). Однако его реализация была сорвана американскими демократами-радикалами при деятельном участии члена палаты представителей Герберта Парсона и журналиста Джорджа Кеннана. Оба они были членами так называемого общества друзей русской свободы, оказывавшего материальную помощь российским политэмигрантам (Тудоряну. С. 273; Дубровский. С. 350).

После 1905-1907 гг. возросло и число отъезжающих по экономическим мотивам. Большинство сельскохозяйственных рабочих из России принимали Германия и Дания. Лишь 1% крестьян стремился получить иностранное подданство, остальные спустя некоторое время возвращались обратно (Дубровский. С. 350) (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика эмиграции сельскохозяйственных рабочих из России в Германию и Данию*
(тыс. человек)

Год	Численность выехавших из России	Численность возвратившихся	Год	Численность выехавших из России	Численность возвратившихся
1902-1906	348 205	336 926	1910	638 885	636 825
1907	542 103	511 408	1911	739 969	736 697
1908	569 603	533 004	1912	793 716	766 505
1909	513 184	499 193			

Лейтес К.С. Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Пг., 1914. С 18.

Таблица 9

Сопоставление численности осевших эмигрантов с общей численностью выехавших из России в 1900-1917 гг.*

Страны	Осевшие(тыс.человек)	% к общему числу	Страны	Осевшие(тыс.человек)	% к общему числу
Европейские	105	6,8	североамериканские, включая Канаду**	74	4,5
Азиатские	60	3,6	США	1300	78,5
Заокеанские:			Не учтены в статистических материалах	30	1,8
африканские	4	0,3			
Австралия	3	0,3			
южноафриканские	70	4,2	Итого	1646	100

*Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928. С 23.

**Из выехавших в Канаду бывших подданных Российской империи собственно русских было: в 1900-1903 гг. -11 000 человек (46%), в 1904-1908 гг. -17 000 (34%), в 1909-1913 гг. - 64 000 (56%), а всего за 1900-1913 гг. - 92000 человек (49%).

Собственно русских среди российских экономических эмигрантов того времени было по-прежнему немного. Например, из прибывших в Германию в 1911-1912 гг. почти 260 000 человек русскими "записались" лишь 1915, а в 1912-1913 гг. примерно из того же числа - 6360 {Воблый, 1924. С. 7}.

Большинство выехавших в Европу по экономическим причинам русских из Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Воронежской и других губерний отправлялись исключительно ради заработка. Часть оставалась там навсегда, но большинство возвращалось, не в последнюю очередь из-за жестокого обращения с ними их работодателей, буквально скотских условий жизни и труда. Все это неоднократно отмечалось в отчетах российских губернаторов {Оболенский. С. 19}.

Совершенно иная картина (см. табл. 9) складывается при анализе иммиграционной статистики заокеанских стран (США, Аргентины, Бразилии, Канады, Австралии, государств Африки).

В отличие от эмиграции в европейские страны (в значительной степени сезонной) эмиграция за океан состояла из людей, менявших подданство и вместе с ним весь образ жизни, всю структуру ценностей. Эмиграция в Европе была чаще всего "эмиграцией холостых" {Филиппов Ю.Д. Табл. 6}. В заокеанские же страны, наоборот, чаще всего ехали целыми семьями, о чем можно судить по половозрастному составу эмигрантов (см. табл. 10).

Таблица 10
 Половозрастной состав российских эмигрантов, прибывших в США в 1905 и 1909 г. (в %)

Пол/Возраст	1905 г.	1909 г.	Пол/Возраст	1905 г.	1909 г.
Мужской	83	86,4	14-45	81	91,1
Женский	17	13,6	Старше 45	8,9	2,3
До 13	10,1	6,6			

Таблица 11
 Эмиграция в США и возвращение в Россию в 1908-1913 гг.

Год	Прибыло из России		Выбыло в Россию		
	Всего человек	Из них русские	Всего человек	Из них русские	
1900	90 787	1 165			
1901	85 257	672	-	-	
1902	107 347	1551	-	-	
1903	136 093	3 608	-	-	
1904	145 141	3 961	-	-	
1905	184 897	3 272	-	-	
1906	215 665	5 282		-	
1907	258 943	16 085	-	-	
1908	156 711	16 324	37 777	6 636	
1909	120460	9099	19 707	3 819	
1910	186 792	14 708	17 369	4 223	
1911	158 721	17581	17 053	6 508	
1912	162 395	21 101	34 681	8 139	
1913	291040	48 472	26 923	7 980	

В Германию и скандинавские страны отправлялись чаще всего по собственному почину безземельные, безлошадные, разоренные крестьяне. В Америку и Австралию попадали иные. Десятки тысяч вербовщиков из многочисленных эмиграционных компаний обещали самым молодым, предприимчивым, физически крепким и здоровым (велся медицинский контроль) мужчинам большие заработки и свободную жизнь. Своими посулами вербовщики отрывали многих россиян от родной почвы. Навсегда в США уезжало абсолютное большинство последних. Только за период 1900-1916 гг. туда отправилось 2651 тыс. человек.

Как показывает табл. 11, на обещания вербовщиков из США поддавалось и навек уезжало не столь значительное число коренных русских. Они же, как и ранее, составляли наибольшее число возвратившихся на родину (см. табл. 11), в то время как процент реэмигрантов среди немцев и евреев был незначителен. Тем не менее категорическое утверждение о том, что эмиграционное движение из России в целом имело, выражаясь языком официальной статистики, "инородческий характер", едва ли имеет право на существование (Щербатский. С. 118). Русские позже других включились в процесс эмиграции, но их численность, как и вообще численность эмигрантов из России, постоянно возрастала, особенно после революции 1905-1907 гг.: если в 1900-1906 гг. в США выехало не более 20 тыс. человек, то в 1907-1914 гг. уже 144 тыс. Положение несколько изменилось в связи с первой мировой войной, почти прекратившей массовый отъезд из России.

Вряд ли только экономические соображения послужили одним из мотивов для отъезда из России в начале XX в. известных деятелей культуры. Их первый поток сформировался из "маятниковой миграции", и вначале часть из них оказалась за границей в первые годы XX в. благодаря "Русским сезонам" СП. Дягилева (Дягилев. С. 131). После Октябрьской революции его надежды обратились к Западу (Стернин. С. 106-107; Бенуа; Биск). Начинания СП, Дягилева и открытая в Париже выставка русского изобразительного искусства стали первым толчком к российской "культурной" эмиграции и способствовали сохранению интереса и любви к русской культуре среди той части зрителей, которые уехали из России еще в прошлом столетии, но, оставшись в Европе, продолжали ощущать себя русскими, говорили на русском языке и воспитывали детей в "русском духе".

Между тем пожар первой мировой войны застал многих из них вне России и препятствовал их возвращению. Связь с родиной ослабевала все больше. Даже те, кто еще продолжал в эти годы работать на родине, уже как бы создали для себя "пути к отступлению". Многие воспользовались этой возможностью особенно после Октябрьской революции 1917 г.

Февральская революция 1917 г. означала конец антицаристской политической эмиграции. В марте 1917 г. в Россию вернулись даже такие ее "старожилы", как Г.В. Плеханов и П.А. Кропоткин. Для облегчения репатриации в Париже образовался Комитет по возвращению на родину, во главе которого стали М.Н. Покровский, М. Павлович (М.Л. Вельтман) и др. Аналогичные комитеты возникли в Швейцарии, Англии, США (Любарский; Кузнецова, Кулагина. С. 24).

В то же время победившая демократическая революция положила начало новому потоку "невозвращенцев". Уже к концу 1917 г. за рубежом оказались выехавшие в течение лета-осени некоторые члены царской фамилии, представители аристократии и высшего чиновничества, лица, выполнявшие дипломатические функции за границей и после сложения полномочий оставшиеся там. Однако их отъезд не был массовым. Напротив, количество возвращавшихся после долгих лет пребывания на чужбине было больше числа выезжавших.

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Иная картина начала складываться уже в ноябре 1917 г., когда политическая эмиграция из России приняла характер антисоветской, антибольшевистской, антикоммунистической. Однако вряд ли верным является утверждение, что "белую эмиграцию" (а именно так принято обычно называть этот поток российских беженцев за рубеж в 1917 и в последующие годы) составляли только представители эксплуататорских классов, верхушка армии, именитые купцы, крупные чиновники, обанкротившиеся политические деятели, ненавидевшие революцию, равно как и "участники банд... Булак-Балаховича, Петлюры", "связавшие свою судьбу с отжившими классами и слоями" (Алехин. С. 160-161; Мухачев. С. 38). Все было гораздо сложнее - "...представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений русской эмиграции" составили ее (Гиппиус. С. 18).

Людей гнал за границу ужас насилия и гражданской войны. Наряду с многолюдными эвакуациями частей белых армий шла так называемая мирная эмиграция: "буржуазные специалисты", получив под разными предлогами командировки и выездные визы, стремились за пределы своей, по выражению Артема Веселого, "кровью умытой" Родины (Шкаренков, 1986. С. 18-47; 1984, С. 534-535; Rimscha). О национальном, половозрастном, социальном составе уехавших может сказать информация, собранная в 1922 г. в Варне (3354 опросных листа). Уезжали русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%) (Комин, 1977. С. 17-18). Точную численность этой волны эмиграции установить довольно сложно, так как не велось учета ни во время отъезда людей из России, ни после. Обычно называют цифру в 1,5-2 млн человек (Ленин. Т. 43. С. 126; Т. 44. С. 5,39; Семанов. С. 123; Барихновский. С. 15).

Географически эмиграция из России была направлена прежде всего в страны Западной Европы. Первый путь заканчивался поначалу в государствах Прибалтики - в Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии. Второй вел в Польшу. Оседание эмигрантов в соседних с Россией странах объяснялось их надеждами на скорое возвращение на родину. Однако позже эти неоправдавшиеся надежды заставили выехавших податься в центр Европы: из Польши и Прибалтики - в Германию, Бельгию, Францию. Третий путь вел русских эмигрантов в Турцию, а оттуда опять же в Европу, - на Балканы, в Чехословакию и Францию. Известно, что через Константинополь только за годы гражданской войны прошло не менее 300 тыс. русских эмигрантов.

Четвертый путь эмиграции российских политических беженцев связан с Китаем. Еще в начале XX в. в Квантунской области 4озник особый район их расселения. К 1905 г. здесь числилось около 10 тыс. русских (Малый энциклопедический словарь. Т. 8. С. 1086). Кроме того, отдельные группы россиян и их семьи оказались в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайских островах.

Уже в 1920-е годы можно было заметить, что на Балканах сосредоточивались главным образом военные, в Чехословакии - те, кто был связан с Комучем (Комитетом Учредительного собрания), во Франции кроме представителей аристократических семей - интеллигенция, в Соединенных Штатах - дельцы, предприимчивые люди. "Перевалочным пунктом" для одних был Берлин (там ждали "окончательной визы"), для других - Константинополь (Мухачев. С. 120).

Картину расселения эмигрантов из России по всему миру рисуют данные табл.12.

Центром политической жизни русской эмиграции в 20-е годы был Париж, где находились многие ее учреждения и проживало несколько десятков тысяч эмигрантов. Менее значительными центрами "расселения" русских были Берлин, Прага, Белград, София, Рига, Гельсингфорс (Johnston, 1988). Возобновление и постепенное угасание

Таблица 12 Расселение российских эмигрантов в 1920-1925 гг. по странам мира* (в тыс. человек)

Страны	Годы			
	1920	1921	1923	1925
	Европейские			
Австрия	-	5	-	23
Англия	-	15	15	3
Бельгия	-	-	-	10
Болгария	40	-	50	26,5
Венгрия	-	5	10	5,3
Германия	560	300**	400	150
Италия	20	15	15	1
Литва	-	50	5	10
Латвия	-	15	30	40
Польша	1 000 000***	400	125	90
Румыния	10	10	10	-
Франция	175	400	125	90
Финляндия	-	25	50	18
Чехословакия	-	50	35	30
Швейцария	-	4	-	2,3
Эстония	-	20	-	-
Югославия	20	35	50	свыше 35
Азиатские:				
Китай	-	-	100	76
Индия	-	-	2	-
Африканские:				
Тунис	свыше 5	-	-	-
Египет	-	-	1	1
США	-	-	около 30	-
Турция	200	90	10	3
Кипр	1,5	-	-	-

*Мухачев Ю.В. Идсйно-политнчссое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 120.

**На начало года. В конце 1921 г. число российских эмигрантов в Германии достигло 600 тыс, но уже в 1922 г. их численность стала снижаться.

***С учетом поляков, вернувшихся на родину из России, куда они были эвакуированы в годы первой мировой войны.

деятельности за рубежом различных российских политических партий довольно полно представлено в литературе (Горбунов. С. 112; Милуков, С. 135; Postnikov. P. 356; Документы... Т. 1. С. 43; Т. 2. С. 237). Меньше изучен быт и этнографические характеристики этой волны российской политической эмиграции.

Лишь немногим из эмигрантов удавалось пробиться в верхи общества в других странах, большинство жило в нужде. Поставленные вне закона, они более или менее мирились с имущественными потерями, но «никак не с тем, что из жизни может быть вышвырнуто их "я"» (Толстой. С. 279). Один из английских исследователей эмиграции назвал это чувство "комплексом выживания" (Williams), имея в виду попытки и страстное стремление "выжатых" с родины русских людей сохранить в обстановке эмиграции не просто свою "русскость", но и свою прежнюю социальную значимость.

Наметившееся после окончания гражданской войны "возвращенчество" в Россию не приняло всеобщего характера ни в период объявленной в 1921 г. политической амнистии, ни после. Однако в течение нескольких лет оно все же было значительным. Так, в 1921 г. в Россию возвратилось 121 343 уехавших, а всего с 1921 по 1931 г. - 181 432 человек (Владимиров.) Этому немало способствовали "Союзы возвращения на Родину" ("Совнароды"). Самый крупный из них был в Софии. Однако с возвратившимися репатриантами, несмотря на обещания, власти не церемонились. Многие бывшие офицеры и военные чиновники расстреливались сразу же по прибытии в Россию, часть унтер-офицеров и солдат оказывалась в северных лагерях. Возвратившиеся обращались к возможным будущим "возвращенцам" с призывами не верить "гарантиям большевиков" и оставаться за границей, обращались к комиссару по делам беженцев при Лиге наций Ф. Нансену (Нансен-Хейер. С 57). Так или иначе, но нансеновская организация и проект паспорта, предложенный им и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в США, Австрии, Бельгии, Болгарии, Югославии и др. странах (The Refugees... P. 13-14).

Послеоктябрьская волна российской политической эмиграции совпала с новым потоком религиозной эмиграции из России. Теперь покидали страну представители православного духовенства. Это были не только высшие его чины, но и рядовые священники, дьяконы, синодальные и епархиальные чиновники всех рангов, преподаватели и учащиеся духовных семинарий и академий. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов было невелико (0,5%) (Гордиенко. С. 33), но даже малочисленность уехавших не предотвратила церковного раскола.

20 ноября 1921 г. в г. Сремские Карловицы (Югославия) было созвано так называемое общее собрание представителей русской заграничной церкви, переименованное в ходе его работы в "Русский всезаграничный церковный собор"

{Горев М. С. 13}. Руководящим центром русской церковной эмиграции собор назначил Высшее русское церковное управление за границей (ВЦУ), состоящее из Синода и церковного совета. Карловацкое ВЦУ возглавил бывший митрополит Киевский и Галицкий Антоний. Официальным органом русской православной церкви за границей был объявлен двухнедельник "Церковные ведомости", который начал выходить с 1922 г.

Однако патриарх Тихон указом от 22 мая 1922 г. отказался признать заграничное ВЦУ и передал управление западноевропейскими приходами архиепископу Евлогию, возведенному по такому случаю в сан митрополита и обосновавшемуся в Париже. Так русская православная церковь за рубежом раскололась на два течения. Последовали взаимные обвинения в ереси, которые не остыли и спустя десятилетия (Троицкий СВ. С. 101-102).

Однако рядовые миряне-эмигранты всегда были далеки от этих раздоров. По воскресеньям и праздничным дням они шли в церковь, не только чтобы очистить душу или отдать дань традиции, но и чтобы попытаться отвлечься от постылых реальностей

заграничной жизни, послушать хор, почувствовать себя среди своих, узнать последние новости, может быть, подзанять денег, договориться о встрече. В довоенном Париже (по разным данным) было от 10 до 30 православных русских церквей, в том числе и известный по сей день и часто посещаемый и поныне православный собор на улице Дарю. Как вспоминал эмигрант Л. Любимов, так уже повелось, что в церквях у правого клироса собиралась эмигрантская "знать", а во дворе - большая толпа людей попроще (Любимов. С. 126). По проекту А.А. Бенуа в Париже были построены церковь на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, а также собор в Мурмелоне около Реймса. Нравственные традиции исконно русского милосердия к старым и убогим сохранил в Париже "Русский дом" — богадельня при кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Оставаться православным для многих эмигрантов того времени означало "чувствовать себя русским". Православие оставалось духовной опорой тех, кто верил в возрождение жизненного уклада прежней дореволюционной Российской державы, в "уничтожение коммунизма и безбожия" (Левицкий С.А. С. 53; Православный русский фашизм...).

Говоря об эмигрировавших по политическим и религиозным мотивам в 1917 -начале 1930-х годов, нельзя забывать того, что "из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью принципа; ушел весь цвет страны..." (Последние новости...). Октябрь 17-го положил начало огромным потерям в области культуры и образования; уехали деятели науки и искусства, сотни и тысячи творческих, знающих, одаренных людей, возобновивших научную и культурную деятельность за пределами России. Так, с 1921 по 1930 г. за границей было проведено 5 съездов "академических организаций", где тон задавали профессора и доценты бывших российских университетов (Новиков М, С. 13-14). За полтора десятка лет нашими соотечественниками за рубежом было издано 7038 названий заметных в научном отношении исследовательских работ (Ковалевский. С. 133; Beyerly).

Не прекращалась в эмиграции ни театрально-концертная, ни литературная жизнь. Напротив, достижения русских эмигрантов-литераторов и артистов вошли в золотой фонд отечественной литературы и искусства, не испытав губительных последствий идеологической деформации (Ковалевский. С. 130-163; Варшавский; Яновский В.С.; Гуль; Raeff. P. 251; Voysacc; Vomig).

Мир российской эмиграции многие десятилетия жил интенсивной литературной жизнью. Большинство литераторов оказались в Париже. От выходцев из иных европейских и азиатских стран их отличала ностальгия, неумение, а зачастую и нежелание приспособиться к местным условиям, "перестать быть русскими". Даже молодое поколение русских писателей и поэтов, если не рожденное, то выросшее за рубежом, творило в русле традиций великой русской литературы XIX - начала XX в. {Костиков. С. 259-298; Струве}.

Военная угроза, нависшая над человечеством во второй половине 30-х годов, многое изменила в настроениях мировой общественности, не обойдя и русскую диаспору. Ее левое крыло безоговорочно осуждало Гитлера и фашизм {Johnston, 1976. P. 303-321}. Другую часть эмиграции составили люди с противоречивой позицией. Они возлагали надежды на отвагу русской армии, способной, как они думали, отразить фашистское нашествие, а затем ликвидировать и большевизм. Третью группу эмигрантов составляли будущие коллаборационисты, но это не более чем идеологическая установка прошлых лет {Комин, 1979. С. 17; Ковалевский. С. 231; Мейснер. С. 238}.

Ко времени нападения фашистов на СССР численность наших соотечественников во всех странах значительно сократилась. Часть представителей старшего поколения просто умерла. Примерно 10% уехавших за прошедшие два десятилетия (1917-1939) вернулись на родину (Шкаренков, 1986. С. 211). Кто-то принял новое гражданство, перестав быть эмигрантом. Так, во Франции по сравнению с 1920 г. численность русских сократилась в 8 раз (их стало около 50 тыс. человек), в Болгарии - 30 тыс., столько же в Югославии. В Маньчжурии и Китае русских осталось около 1000 человек, хотя в середине 20-х годов

насчитывалось до 18 тыс. человек {Ковалевский. С. 31; Аблова. С. 317; Balawyder. P. 15-30).

22 июня 1941 г. окончательно размежевало соотечественников-россиян. Во всех странах, оккупированных гитлеровцами, начались аресты русских эмигрантов {Рубакин. С. 346-348; Аблова. С. 327). Одновременно фашисты развернули агитацию, призывая "врагов большевизма" из числа эмигрантов вступать в немецкие воинские части. В первые же месяцы войны свои услуги фашистскому командованию предложили генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро. И на оккупированных советских территориях нашлись люди, согласившиеся на сотрудничество с захватчиками (Мейснер. С. 243; Herrman P. S. 235-236). Впоследствии они дали начало новому потоку покидающих Россию.

Хорошо известно массовое вступление российских изгнанников в ряды Сопротивления и в другие антифашистские организации {Любимов. С. 325). Многим из тех эмигрантов, которые проявили себя русскими патриотами и антифашистами, Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. было предоставлено право получить советское гражданство. В Югославии в 1945 г. таких желающих было более 6 тыс. человек, во Франции - 11 тыс. Сотни людей обратились и в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае (Внешняя политика Советского Союза... С. 136; Тарданов). При этом некоторые эмигранты возвращались на родную землю не по своей воле, а в результате экстрадиции (т.е. предусмотренной международными договорами выдачи определенных лиц одним государством другому). Они не один год отбыли в сталинских лагерях, но после освобождения остались жить на родине, отказавшись от иностранных паспортов {Спатарель. С. 252; Афанасьев АЛ. С. 251).

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху и в истории российской эмиграции. На родину возвращались те, кто испытал гонения и преследования в годы "коричневой чумы". Но на это решились далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Кто-то был уже стар и боялся начинать новую жизнь, кто-то опасался "не вписаться" в советский строй. Те, кто не вернулись "к большевикам", составили так называемую старую эмиграцию. Вместе с тем возникла и "новая" эмиграция - ее образовали преимущественно "ди-пи", т.е. "перемещенные лица" (displaced persons). Их после окончания второй мировой войны оказалось около 1,5 млн человек. Были среди них и

Таблица 13

Распределение по странам русских и украинских эмигрантов в 1947-1951 гг.* (в тыс. человек)

Страна	Число уехавших	% к общему числу уехавших	Страна	Число уехавших	% к общему числу уехавших
США	77,4	53,4	Аргентина	4,4	3
Австралия	25,2	17,4	Бразилия	6,4	4,4
Канада	23,2	16	Другие***	8,3	5,8

*Маршгньский А. Современные миграции населения. М., 1969. С. 66.

**Общая численность русских в Канаде в 1951 г. достигла 913 тыс человек.

***В это понятие включены все страны Латинской Америки (численность русских, проживавших там, достигла в 1951 г. 110 тыс. человек), а также ЮАР

советские граждане, в том числе русские, военнопленные, насильно вывезенные в Европу, а также военные преступники и коллаборационисты, стремившиеся избежать

заслуженного возмездия {Herrman J.}. Все они сравнительно легко получали льготные права на иммиграционные визы в США - в посольствах этой страны не было проверки на бывшую лояльность по отношению к фашистским режимам. Всего же в разных странах мира только при содействии Международной организации по делам беженцев было расселено около 150 тыс. русских и украинцев (раздельной статистики русских и украинских эмигрантов до 1951 г. нет) (табл. 13).

Из таблицы видно, что более половины беженцев было расселено в США, немало их оказалось в Канаде и Австралии. При этом "беженцами" стали называть и жертв нацистского, либо фашистского режимов и коллаборационистов, а также тех, кто в условиях сталинского тоталитаризма "преследовался вследствие политических убеждений" (Официальные отчеты Генеральной ассамблеи ООН. С. 94). Последним президент США Трумен призвал оказывать "особую помощь и поддержку" (Филиппов СВ. С. 65; Vernant. P. 14).

В период "холодной войны" правительства многих стран Европы не препятствовали созданию новых антисоветски настроенных эмигрантских организаций, а также обновлению старых (так появился НТС {Рено де Жувениль. С. 78; Герэн. С. 162}). Они объединяли так называемую молодую эмиграцию с теми представителями "старой", которые не решились вернуться в СССР. В тех эмигрантских организациях, которые развернули свою деятельность после войны, большинство составляли не вновь прибывшие, а живущие уже долго в данной стране, хорошо знающие иностранные языки люди (зачастую это были уже потомки выходцев из России, и потому русский язык являлся для них как бы "вторым", не основным). Они утратили связь с родными корнями. Одновременно развивалось "возвращенчество", шла пропаганда, развернутая Советским Союзом с целью побудить эмигрантов вернуться на родину (Klimoff. P. 159; Jeletzky. P. 67-81).

В послевоенные годы количество эмигрантов - выходцев из России (СССР) стало резко снижаться (Programm Data Directorate...)-

Что стало причиной сокращения численности политэмигрантов, покидающих Россию? Послевоенная проблема "перемещенных лиц" так или иначе решалась или была уже решена. СССР отделял от других европейских стран и США "железный занавес". Строительство Берлинской стены в начале 60-х годов означало, что последнее "окно в Европу" закрывается. Единственным способом выбраться за рубеж на постоянное жительство в 50-60-е годы оставалось "невозвращенчество", которым могли воспользоваться члены официальных делегаций и редких туристических групп. Однако это были столь единичные случаи, что они не влияли на процесс в целом.

Новая и последняя (до "перестройки") политическая эмиграция из России возникла в конце 60-х годов вместе с движением инакомыслящих (диссидентов). Считается, что в ее основе лежали (в порядке значимости) национальный, религиозный и социально-политический факторы (Jaroshevsky. P. 89-90). Первый из перечисленных для русских значения не имел, второй и третий же, действительно, воздействовали на увеличение количества желающих уехать.

В западной печати фигурируют разноречивые данные о численности покинувших СССР в "годы застоя". Наиболее часто встречаются цифры: 170-180 тыс. человек за 1971-1979 гг. и 300 тыс. человек за 1970-1985 гг. (kueschmeier, Goto-mstok. P. 2). Однако следует учитывать, что абсолютное большинство эмигрантов того времени выезжали по израильским визам (только в 1968-1976 гг. было выдано 132 500 виз для выезда в Израиль). Разумеется, среди уехавших находились и русские, главным образом диссиденты, евреями не являвшиеся, имелись также русские - члены еврейских семей.

Из трех составляющих последней волны политэмигрантов из России - "невозвращенчества", нового (третьего в истории) потока эмиграции деятелей культуры и науки в поисках свободы творчества и лучших условий для него, а также вынужденной эмиграции советских диссидентов - последние две часто сливались {Каменский. С. 14}.

Мотивы выезда видных деятелей советской культуры были чаще всего экономические, иногда - политические или творческие, а обычно - и те, и другие. Реже люди уезжали по собственному желанию, чаще - по требованию "оставить страну", исходившему от "компетентных органов" (Rueschmeier, Golomstok. P. 60-121). Что же касается "чисто политических" диссидентов, то они по социальному составу были представителями главным образом технических профессий, реже — студентами, лицами со средним образованием, значительно реже — специалистами в области гуманитарных наук (Зубов. С. 144).

Определенным рубежом в истории эмиграции советских диссидентов стал 1975 г. - год подписания Хельсинкского акта, поскольку с ним связано решение проблемы "прав человека", в том числе "права на эмиграцию". Конгресс США принял поправку Джексона-Ванека о том, что статус наибольшего благоприятствования в торговле с США будет предоставляться лишь тем странам, которые не чинят препятствий для эмиграции (Frederiksen. S. 152).

Это подтолкнуло часть диссидентов в СССР к оформлению движения за обеспечение "права на выезд", а советским властям позволило представлять каждую насильственную высылку как гуманный акт. Позже открылся и третий путь - высылать за границу лиц, не согласных с политическим режимом в СССР; помимо лишения гражданства и "добровольного отъезда" имел место обмен политзаключенными (Буковский. С. 378). Конечно, в 70-е годы количество уехавших и высланных по политическим мотивам было ничтожно малым, но дело было "не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания" (Сахаров Л Д. С. 32).

Одновременно с последней волной политической эмиграции из России (1970-е годы) в СССР начал оформляться и новый (третий) поток отъезжающих по религиозным мотивам. Речь идет о пятидесятниках, составлявших в то время несколько сотен тысяч человек (Сб. документов Общественной группы... С. 8). Это религиозное течение в нынешнем его виде существует в России с начала XX в. Однако в Совете по делам религий и культов, созданном в 1945 г., пятидесятники не были зарегистрированы. Возник конфликт с властями, причиной которого стала их "антиобщественная деятельность, под которой понимался их отказ от самой регистрации, а также от несения воинской повинности (Пятидесятники. С. 839-840).

Постоянная дискриминация в гражданской и частной жизни способствовала тому, что еще в конце 40-х годов вероучение пятидесятников дополнилось идеей "исхода из СССР". Она основывалась на вере, что вот-вот "эту безбожную страну" постигнет "чаша гнева Господня", так что долг истинных христиан - стремиться к исходу. Первый список желавших эмигрировать был составлен в 1965 г., но лишь весной 1973 г. началось последовательное движение за выезд.

В феврале 1977 г. о желании выехать из СССР по религиозным причинам заявило более 1 тыс. человек, в 1979 г. - около 30 тыс. человек. Начались открытые преследования, а с 80-х годов и аресты, продолжавшиеся вплоть до 1985 г., когда наступили решительные перемены (Хроника текущих событий. Вып. 46. С. 51; Вып. 47. С. 87; Вып. 48. С. 135; Вып. 49. С. 63; Алексеева Л. С. 202; Список политзаключенных... Вып. 4-5). Только в 1989 г. по религиозным мотивам страну покинуло около 10 тыс. человек, среди них и многие пятидесятники (Boer, Driessen, Verhaar).

Что же касается организации русской православной церкви за рубежом, то следует прежде всего отметить сохраняющиеся противоречия в ее среде, объясняемые неизжитыми последствиями Карловацкого раскола. Несмотря на призыв патриарха Алексия от 10 августа 1945 г. ("Ко всем архиепископам и клиру так называемой Карловацкой ориентации"), объединения церковью за рубежом не произошло. Большинство представителей "карловчан" из лагерей для "ди-пи" перебралось в 1946-1950 гг. в США, так что центр Русской зарубежной церкви (РЗЦ) после войны обосновался в американском городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк) (Граббе), а созданное в 1959 г. братство

"Православное дело" (в Брюсселе) стало активно содействовать распространению и расширению православия именно с позиций РЗЦ. Филиалы братства возникли в Женеве, Париже, Франк-фурте-на-Майне, Мюнхене. Еженедельник "Православная Русь" - основной орган РЗЦ - обрел постоянных подписчиков.

Идеи РЗЦ не имели господствующего влияния в среде эмигрантов. Крайний политический консерватизм и монархическая ориентация ее деятелей оказались неприемлемыми для той части эмиграции, которая видела пути к реализации своих целей и надежд в новом христианстве. У некоторых представителей этого направления в зарубежном русском православии религиозное выступает не в чистом виде, а как "национально-религиозное". Преобладающим мотивом была и остается "рус-скость", обязательным и важным элементом которой является православие.

Рупором "нового христианства" является "Вестник Русского (студенческого) христианского движения", издаваемый в Париже (Ковалевский. С. 134, Ellis. P. 265). Этот журнал, наряду с другими церковными печатными органами русской православной церкви за рубежом, равно как и Западноевропейская Русская Православная Архиепископия, при участии общества "Икона" и Богословского института в Париже, а также других теологических центров вошли в рабочий комитет ознаменования тысячелетия крещения Руси (образован в марте 1985 г.) и активно работали в нем. В июне 1988 г. эта дата, как известно, была торжественно отмечена и за рубежом. Представители РЗЦ провели свои юбилейные мероприятия отдельно.

Эмиграцию 70-х - начала 80-х годов, состоявшую главным образом из инакомыслящей интеллигенции, сменила "перестроечная" волна покидающих навсегда русскую родину. Ее можно назвать последней в истории России волной экономической эмиграции, поскольку политическая эмиграция сведена "на нет", а эмиграция деятелей науки и культуры чаще всего сводится все же к экономической. Тем не менее мотивы покидающих ныне Россию условно принято делить на производственные ("научные, творческие") и экономические.

Всего в 1985 г. выехало 6 100 человек; в 1987 г. - 39 129; в 1988 г. - 108 189; в 1989 г. - 234 994; а в 1990 г. - 453 600 человек (Большаков В. С.5; Lerner. P. 23-25). Большинство эмигрантов оказалось за рубежом благодаря израильским визам и поселилось в Израиле, но не все были евреями: 3%, или около 3 тыс. человек, только в 1990 г. Значительная часть уехала в ФРГ - 32%, в Грецию - 5,3%, в США - 2,9%; остальные осели в других странах Европы и на других континентах. По данным Госкомстата, средний возраст отъезжающих - 30 лет, 2/3 из них - мужчины, 34% - служащие, 31% - рабочие, 2% - колхозники, 4% - учащиеся, 25% - незанятое в производстве население и пенсионеры. Показательно, что и среди подавших заявления о выезде 99,3% граждан никакими языками, кроме русского, не владели (Юревич. С. 6).

Различны причины переезда отправляющихся из России по творческим мотивам. Насчитывается четыре типа отъезжающих. Первый связан с отъездом "элиты" - 1% известных ученых, которым за рубежом предлагают лаборатории и институты. Второй тип - отъезжающие с расчетом на помощь находящихся за границей родственников. Третий - отъезжающие "по справочнику", т.е. такие, кто сам подыскивает себе место работы, находясь еще на родине. Наконец, четвертые - отъезжающие по принципу "все равно куда, здесь будет еще хуже" (Юревич. С. 5). Из всех решившихся на отъезд примерно половина устраиваются работать за рубежом по специальности. Больше всего уехало физиков, за ними следуют математики, биологи, другие представители точных наук, а также врачи, лингвисты, музыканты, артисты балета. Все они сравнительно легко "вписываются" в зарубежье.

Выезжают за рубеж не только те, кого там "ждут". По экономическим мотивам Россию покидают лица, которые просто чувствуют свою материальную нестабильность. По мере того, как бывший СССР "открывал шлюзы", правительства зарубежных стран вводили квоты. Все труднее становилось получить статус "беженца" как "жертвы

коммунистических преследований" - довод, безотказно работавший в годы застоя (Озеров, С. 14) в Дании, Норвегии, Италии, Швеции. Резко сократили прием Швейцария, Испания, ФРГ, Австралия, Англия, Франция (Косинский).

В то же время ряд государств даже декларировал готовность принимать все большее число бывших советских граждан ежегодно: Канада увеличила свою квоту до 250 тыс. (Известия. 1990. 25 окт.; Комсомольская правда. 1991. 10 авг.), а США - до 600-700 тыс. человек в год (Аргументы и факты. 1991. № 9; Известия. 1990, 28 окт.; 1991, 28 фев.). Поэтому только в 1991-1992 гг. специалисты прогнозировали до 2,5 млн эмигрантов из Восточной Европы, а "потенциальными эмигрантами" называли до 25 млн человек. До % детей из крупных городов России, по данным социологического опроса, готовы в будущем уехать за рубеж (Аргументы и факты. 1991. № 29). Поэтому не исключено, что тенденция к росту эмиграции сохранится и в ближайшие годы.

Подводя итоги истории складывания российской диаспоры за рубежом, можно сделать ряд выводов. Несомненно, что о выезжавших из России в XIII-XVII вв. и в не столь отдаленном прошлом, в ХУШ-начале XIX в., т.е. о первых эмигрантах, можно сказать, что это были люди, решившие открыто выразить свое несогласие с политическими порядками, освященными официальной идеологией, с жизненными устоями в стране. Главной причиной выезда был, таким образом, конфликт между Личностью и Обществом. С другой стороны, русская диаспора с XVIII в. формировалась также за счет российской аристократии, длительно проживавшей в Европе.

Некоторое исключение являет собой образование в XVIII-начале XIX в. так называемой Русской Америки - поселений на западном берегу США, возникших в связи с освоением и заселением полуострова Аляска. Но следует учесть, что до 1867 г. (до продажи полуострова Америке) появление переселенцев в этих землях может рассматриваться лишь как внутреннее переселение, отражавшее длительный процесс освоения земель на восток от Урала.

В российской политической эмиграции 1825-1985 гг. русские составляли всегда довольно значительную часть. В истории эмиграции этого типа четко выделяется главный рубеж - 1917 г. С восстания декабристов в 1825 г. и вплоть до февраля-марта 1917 г. (до свержения монархии) российская политическая эмиграция носила антицаристский характер. После Октябрьской революции политическая эмиграция из нашей страны, направленная против советского строя, стала по своему характеру антибольшевистской и антикоммунистической.

Что касается трудовой (экономической) эмигранта, то она в отличие от политической всегда оставалась сравнительно пестрой в национальном отношении, поскольку касалась в первую очередь западных губерний Российской империи, где проживали русские, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, евреи и т.д. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что, по данным статистики, несмотря на постоянный рост числа покидающих Россию навсегда, численность русских эмигрантов в трудовой эмиграции колебалась в пределах 7-10%, а число "возвращенцев" было наибольшим именно среди представителей русской национальности.

Религиозная эмиграция из России в XIX-XX вв. в основном была непосредственно связана с отсутствием свободы совести в государстве. При существовании официальной государственной религии - православия - к эмиграции как форме социального протеста и способу сохранения своей идейной и нравственной позиции вынуждены были прибегнуть вначале представители различных сект. Массовый отъезд религиозных эмигрантов из России относится к концу 1890-х годов - 1910 г. После Октябрьской революции вторая волна религиозной эмиграции (1917 г.-конец 1920-х годов) возникла как форма советского остракизма: лишению родины по постановлению правительства подверглись православные священнослужители и огромное большинство тех, кто отказался сотрудничать с новой властью. Наименьшая из всех волн религиозной эмиграции (1970-

1980-е годы) связана с движением инакомыслящих в бывшем СССР. В последние годы она практически сошла на нет.

Впечатляющей не столько по численности, сколько по значимости потерь для духовной жизни России стала эмиграция деятелей русской культуры. Наша страна потеряла крупных ученых, писателей, композиторов и других деятелей науки и искусства, а другие страны обогатились их трудолюбием, талантом, глубиной русской духовной культуры. Отмечая все эти потери, нельзя забывать и то, что благодаря русским эмигрантам-деятелям культуры за рубежом в настоящее время продолжают сохраняться лучшие русские национальные традиции, знание родного языка и любовь к нему, стремление сберечь и приумножить достижения национальной культуры.

На облик русского эмигранта за границей большое влияние оказала потомственная русская аристократия. Многие из представителей подолгу жили в Европе и, сохраняя дух высокой национальной культуры, помогали эмигрировавшим из России соотечественникам, во многом способствуя сохранению ими душевного склада русского интеллигента.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ

ТРАДИЦИОННАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ И ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА

На территории России находятся разнообразные природно-климатические зоны, а потому развивались и разные системы экономического быта - от охотничье-промыслового хозяйства Севера до кочевого в степях и оазисно-земледельческого в полупустынях. Расселение народа сопровождалось освоением территорий. Основу экономического быта русских истари составляло земледелие. Эта основная отрасль хозяйства развивалась по мере заселения различных территорий и в разных районах в зависимости от природных условий приобретала свои особенности. В дальнейшем успехам в земледелии сопутствовали развитие ремесла, горно-рудные поиски и создание крупной промышленности.

Европейская часть России, наиболее заселенная и развитая в экономическом отношении, составляет 1/4 часть страны. Хозяйственное освоение ее пространств уже во времена Древнерусского государства было обусловлено историческими причинами и во многих отношениях благоприятными природными условиями (Народы... С. 111-116). Почти всю территорию Европейской части России занимает Русская (Восточно-Европейская) равнина, протянувшаяся от Баренцева и Белого морей на севере до Черного, Каспийского морей и Кавказских гор на юге, от Карпатских гор (за пределами России) на западе до Урала на востоке. В пределах России на ней много возвышенностей - Среднерусская, Валдайская, Приднепровская, Приволжская (Жигули), Верхне-Камская, Бугульминская, Общий Сырт. Крайние участки равнины занимают низменности - Приднепровская, Окско-Донская, Причерноморская, Прикаспийская. Север Русской равнины представляет собой рельеф ледникового происхождения, состоящий из моренных гряд и озер, а юг - эрозионный рельеф с оврагами и балками. Крайний Север занят тундрой, болотистыми низменностями и каменистыми участками. На самом юге, в

северокавказских просторах, находятся обширные равнины, в долинах кавказских рек плоскогорья и низменности.

По природным условиям Европейская часть делится на несколько зон: 1) тундра и лесотундра; 2) северная лесная с подзонами хвойных, лиственных и смешанных лесов от р. Поной на Кольском полуострове до Урала на востоке и до южной ее границы, идущей через Новгород, Тихвин, Бежецк, Ярославль, Иваново, Нижний Новгород; 3) лесостепная зона от северной линии - Нижний Новгород-Рязань-Калуга-Брянск - на восток через Самару к Уфе и на юг до Воронежа; 4) степная - далее на юг до Азовского моря, Северного Кавказа, на восток - до Прикаспийской низменности, занимающая $\frac{1}{3}$ территории Европейской России; 5) участки полупустыни на юго-востоке в Прикаспии, в Кумо-Терском районе, у Волго-Донской низменности.

Более половины всей европейской территории (57,5%), северная и средняя полоса, - это лесная зона, где мало почв, пригодных для земледелия, и существует "пестрота" почвенного слоя. В северной части лесной полосы преобладают глино-подзолистые, подзолистые, аллювиально-гумусные и болотно-подзолистые почвы (последние - от 22 до 50% площадей), а на юге ее - дерново-подзолистые и серые лесные. Среди такой пестроты плодородные почвы располагаются небольшими "лоскутами". Это сильно увлажненная зона с резкими сменами температур и достаточно суровыми условиями для сельского хозяйства. Континентальность климата возрастает с запада на восток.

На юге Русской равнины, где леса переходят в лесостепи и степи, преобладают черноземные почвы. Лишь на самой южной ее оконечности есть участки дерново-злаковых степей с темно-каштановыми почвами и солеными, менее плодородными, чем черноземы. Эта зона в отличие от лесной недостаточно увлажнена, здесь часты засухи, суховеи и черные бури, а также резкие температурные скачки.

Основными водными ресурсами в Европейской России являются крупные реки, особенно Волга, бассейн которой с притоками занимает 1,4 млн кв.км и превосходит бассейны северных рек (Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры) и рек Балтийского моря (Невы, Западной Двины). На юге значителен бассейн рек Черного и Азовского морей - Днепра, Дона, Кубани, Терека. Густота речной сети уменьшается с севера на юг (в лесной зоне - 0,35 км русла на 1 кв.км, в степной - 0,1 км).

Северо-Запад, помимо рек, изобилует озерами, среди которых Ладожское, Онежское, Ильменское, Чудское, Белое, Воже, Лаче и др. К ним теперь прибавились искусственные водохранилища - Рыбинское в центре, Камское на северо-востоке и др.

Разнообразна флора европейских природных зон. Тундра представляет собой заросли мха, на каменистых участках - лишайника, на сухих пространствах - кустарника, который к югу сменяется низкорослыми деревьями. Природные условия здесь исключают земледелие. Лесная зона с подзонами хвойных (тайга) и лиственных лесов, между которыми - смешанные леса, богата и по фауне, и по флоре. Здесь много крупных и мелких лесных животных и птиц различных видов. В лесостепной и степной зонах встречаются лишь отдельные рощи дубовых лесов, а на самом юге, в предгорьях Кавказа, снова начинаются лиственные, а затем смешанные леса. Растительный покров лесостепи и степи сохранился плохо, так как значительные их пространства использованы под земледелие. Естественная фауна здесь представлена мелкими животными (грызунами), птицами.

Азиатская часть России (10 млн кв.км) - Сибирь и Дальний Восток - составляет почти 40% ее территории и отличается разнообразием природных условий. Здесь находятся три физико-географические зоны: 1) арктическая с подзонами арктической пустыни и тундры; 2) лесная, таежная; 3) степная с подзоной лесостепи (Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 28-34). Более суров, нежели в Европейской России, климат в Сибири, а плодородные почвы ("сибирский чернозем" и каштановые) находятся в ее южных районах. Но природно-ландшафтные условия здесь весьма разнообразны. От берегов Карского моря до степей Казахстана и Алтая, от Урала до Восточной Сибири протянулась Западно-

Сибирская низменность с пересеченным рельефом, где находятся плоские, широкие междуречья трех крупных рек - Оби, Иртыша, Енисея. Климат здесь континентальный, с большими температурными перепадами, с недостаточными осадками в южной степной полосе. Север низменности - это тундра и лесотундра с низкорослой растительностью, с небогатой фауной (олени, песцы, грызуны, птицы). Более половины низменности - это тайга, а 55% ее территории - болота и заболоченные леса. Почвы Западной Сибири - болотные, лугово-болотные, подзолистые, дерново-подзолистые. Животный мир, как и в европейской тайге, очень разнообразен. Плодородные земли находятся в степи и лесостепи - черноземы, каштановые, есть участки болотных и соленых почв. Здесь мало рек, но есть озера. В лесостепи - березовые колки и сосновые боры, в степи - разнообразие трав. Животный мир степей менее богат, чем в тайге.

Между Енисеем и Леной, Ледовитым океаном и Восточными Саянами лежит Восточная Сибирь. Основная ее часть - плоскогорье, на севере которого - горы Бырранга, южнее их - Енисейско-Хатангская (Таймырская) низменность. По Лене расположена Центрально-Якутская низменность. Вся поверхность Средней Сибири прорезана глубокими речными долинами. Климат здесь резкоконтинентальный; на севере, в тундре, - суровый, холодный до вечной мерзлоты, простирающейся от океана до Нижней Тунгуски и Вилюя; на юге, в степях - более теплый. Здесь мало болот, много рек, а в северных районах - озер.

Благоприятные условия для земледелия, как и в Западной Сибири, - в зоне тайги (дерново-подзолистые, подзолистые, горные, мерзлотнотаежные карбонатные почвы), степей и лесостепей (серые лесные, выщелоченные и оподзоленные черноземы).

От Алтая до Станового хребта с запада на восток тянутся горы Южной Сибири. Климат континентальный и суровый, реки текут в узких долинах, много озер, а болота редки. Здесь расположены степи, лесостепи, горно-таежные и высокогорные зоны с плодородными почвами, богатой растительностью и животным миром. Наиболее благоприятные условия для сельского хозяйства - на Алтае и в Кузнецкой котловине, а также в Минусинской котловине в области Саян. Уникальны по природным условиям Байкал и Прибайкалье. Последняя зона Южной Сибири - Забайкалье, с суровым климатом, но с черноземными и каштановыми почвами, чередованием степи и лесостепи, имеет большие возможности для развития земледелия.

Между Леной и горами Тихоокеанского водораздела лежит Северо-Восточная Сибирь с самым суровым климатом (полночь холода в Оймяконе и Верхоянске), с редкими лесами, тундрой и арктической пустыней, где невозможно земледелие.

При таком природно-климатическом разнообразии в России издавна сложились региональные типы хозяйства - промысловое и земледельческое {Дулов. С. 68-70). И то, и другое были тесно связаны с географической средой и зависели от температур, влажности, характера почв, от ветров, солнца, континентальности или умеренности климата.

Основная часть Европейской России расположена в умеренном поясе. На ее севере для сельского хозяйства пригодны тайга и районы смешанных лесов, а в южных лесостепных и степных зонах с черноземами - самые благоприятные условия для земледельческого хозяйства. Промысловый тип хозяйства сложился на Крайнем Севере - в тундре и частично в тайге в Европейской части, а его южная граница прошла от Заонежья на западе, по Шижме, Мезени, Усть-Цильме до северного Урала, а через Уральский хребет пошла к низовьям Оби у Березова, Енисея, к Вилюю, северному берегу Охотского моря, Камчатке и Приморью. Остальная территория Сибири и Дальнего Востока - полоса тайги и степей - стала районом земледельческого и скотоводческого хозяйства, для развития которых здесь было много возможностей: и огромные земельные пространства, и достаточно плодородные почвы, и значительные водные ресурсы, и приемлемые погодные условия, особенно на юге Сибири.

На Севере Европейской России и в Сибири природные условия играли основную роль в становлении сельского хозяйства и главным образом в специализации его. Не менее

важным было демографическое состояние населения, освоившего эти регионы. В наиболее благоприятных условиях произошло плотное заселение и достигнута полная освоенность земель. В средней полосе и частично на юге Европейской части не меньшее значение в развитии земледельческого хозяйства имел общественный фактор (крепостнические отношения), ибо хозяйства помещиков возникали в зоне умеренного климата, при наличии хороших почв и возможности использовать труд крепостных крестьян. Другие общественные отношения (отсутствие крепостничества при значительных земельных пространствах) сыграли большую роль в развитии земледелия в Сибири.

Региональное земледелие было обязано своим становлением и такому универсальному явлению в истории хозяйственного освоения земель, как крестьянские миграции. Они происходили всегда по мере заселения регионов. Вначале это было славянское заселение Восточно-Европейской равнины (Приднепровья, Волго-Окских земель, Русского Севера с XII по XVI в.). В XVII в. переселения крестьян становятся массовыми, когда осваивались южные степи-черноземы и когда крестьяне из Европейской части перешли за Урал и начали осваивать Сибирь. Продолжением таких миграций в XVIII в. было освоение степей в Европейской России (Новороссия, Заволжье, Южный Урал) и в Сибири. В XIX-начале XX в. русское крестьянство осваивало Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию. Приспосабливаясь в новых условиях, оно не просто заселяло незанятые земли, а развивало земледелие, основой которого являлась общерусская земледельческая культура, выработанная веками.

В этом процессе можно выделить два этапа. Начало колонизации земель сопровождалось, как правило, массовыми миграциями. Затем вступали в действие внутренние переселения, которые довершали освоение территорий, возникновение новых селений и становление того или иного хозяйственного типа в регионах. На смену отдельным очагам земледелия приходило сплошное земледельческое освоение, размещение населения становилось все более плотным, создавались лучшие возможности для использования ресурсов, богатств, природных условий в каждой местности. В новых землях принесенная крестьянством земледельческая культура получала дальнейшее развитие, соотносясь с местным природным своеобразием, социально-экономическим состоянием каждого района, со стереотипами мышления русского крестьянина, отражавшимися в трудовом процессе, хозяйственной инициативе, нравственном отношении к земле.

В становлении промыслового типа хозяйства не меньшее значение, чем в земледелии, имели природные, экономические, социальные, демографические условия; всецело зависел он от природной среды. Разнообразные лесные промыслы, собирательство, лесная охота на Севере Европейской России и в сибирской тайге были связаны с богатствами регионов, их флорой и фауной. В озерно-речных и приморских районах развились рыболовство, охота на морского зверя, а также такие занятия, как судоходство и судостроение, обслуживание речного и морского транспорта. В районах, богатых залежами полезных ископаемых, крестьянство занималось их добычей и обработкой (соледобыча, "рудознательство", горное дело, обработка металлов и т.п.) Те или иные общественные отношения тоже влияли на развитие промыслов, как и на земледелие, ибо для таких занятий были необходимы и свобода передвижения, и дополнительное время.

Таким образом, в различных регионах России сложились разные хозяйственные типы. Лесная, степная и лесостепная зоны стали районами земледелия, там же сложились благоприятные условия и для развития скотоводства. Северные районы стали промысловой зоной (охота, рыболовство, мореплавание и судоходство), а горные - районами горных промыслов (руда, минералы, соль, каменный уголь и т.д.)

Земледелие в России - основная отрасль хозяйства до XX в. - развилось не только в разнообразных, но и в сложных природно-климатических зонах, и в каждой из них сложилась своя культура земледелия. Эта культура существовала, благодаря огромному

человеческому труду, народному опыту, экспериментам и пробам. При всем этом русское крестьянство было привержено к своим сельскохозяйственным традициям, ибо трудность ведения хозяйства и всевозможные перипетии в истории страны заставляли его не рисковать. Традиции и весь богатый сельскохозяйственный опыт крестьянство сохраняло веками, используя их в новых местах при освоении земель. Народный опыт составил основной фонд русской аграрной культуры {Милое, Вдовина. С. 40}.

Развитие русского земледелия началось с освоения земель еще в период Древнерусского государства и, прежде всего, шло в центре его историко-этнической территории - в Верхнем Поднепровье, в Поднестровье, Волго-Окском междуречье (X-XI вв.), а затем в осваивавшихся землях Русского Севера (XII—XIV вв.). Эти регионы на протяжении всего феодального периода оставались основными земледельческими районами.

Несмотря на феодальную раздробленность и разобщенность русских земель домонгольского периода, все стороны хозяйственной деятельности и культуры, в том числе и земледелие, достигли высокого уровня развития. Исторические свидетельства и археологические находки позволяют сделать заключение о региональном единообразии приемов ведения земледелия того времени и лишь о некоторых трансформациях в них при освоении новых земель, где эти приемы приспособлялись к новым почвенно-климатическим условиям. В то время уже выращивались сельскохозяйственные культуры, которые стали основными в русском земледелии в более позднее время. Первенство принадлежало посевам ржи, причем озимой, что предполагало наличие яровых культур и парового поля, о чем есть свидетельства в русских летописях (Псковская вторая летопись. С. 42). Кроме ржи выращивались пшеница, ячмень, полба, овес. Известны были и зернобобовые - горох, чечевица, бобы, из масличных - лен и конопля. Рожь уже к тому времени вытеснила просо из северных областей, а в западных появилась гречиха. Набор сельскохозяйственных культур был одинаков и на севере, и на юге Руси, но соотношение их в посевах было разным. Большое продовольственное значение на юге имело просо (лесостепь). Овес в лесной полосе играл незначительную роль (Новгород), но в лесостепи, по археологическим данным, его сеяли много (Рязань, Изяславль). Значительные посевы ржи во всех регионах свидетельствовали о распространении уже в XI-XIII вв. парового земледелия.

Южные степи в тот период были заняты кочевыми народами и подходили близко к южной границе Руси. Степные черноземы использовались кочевниками под пастбища. Русские князья вели постоянные войны за черноземы с этими соседями, совершали длительные походы, что оказалось бы невозможным, если бы русские дружины не были обеспечены продовольствием и фуражом. Это, в частности, свидетельствует о том, что русское земледелие XII—XIII вв. являлось достаточно продуктивным {Левашова. С. 40; Никитский. С. 57; Рыбаков, 1943. С. 98}.

Поскольку освоение новых территорий было затруднено набегами кочевников, русским земледельцам пришлось осваивать земли в лесных областях, отвоевывая участки у леса: "садили села на сыром корени", приводили рощисты (притеребы) в культурное состояние, в постоянные пашни, благодаря знанию парового земледелия.

Вся техника тогдашнего ведения хозяйства была приспособлена к условиям лесной полосы. Основным орудием служили двух- и трехзубые сохи, причем уже тогда началось их усовершенствование: вместо прямых сошников появились искривленные (Новгород, Торопец), поставленные наклонно к поверхности поля, что давало более глубокое рыхление почвы и уничтожение сорняков. Такая соха была под силу одной лошади (малорослой, при весе в 300 кг). Многозубая соха того периода (до 5 зубьев) - одна из ступеней агротехнического прогресса Руси - в некоторых местах сохранилась и до XIX в. (Новгород, Череповец), особенно при обработке лесных почв. Землю после сохи рыхлили, а посеянные семена "заделывали" бороной, известной с глубокой древности (до X в. в Старой Ладогe). Для лесной полосы была характерна так называемая борона-"суковатка"

(из еловых сучьев), ставшая незаменимым орудием при подсечном земледелии и сохранявшаяся до XX в.

Паровое земледелие сопряжено с удобрением почв навозом для восстановления их плодородия. Чтобы получить такое удобрение, нужен скот, а для содержания его - сенокосы и пастбища. К естественным луговым угодьям в лесной полосе прибавлялись лесные рощисты, которые тогда еще не были постоянными угодьями. Лесные перелог еще не обрабатывались интенсивно, ибо орудия не были приспособлены к обработке плотной дернины. Постепенно сошники многозубых и двузубых сох усовершенствовались (становились толстыми и узкими), что давало возможность обрабатывать лесной перелог. В XI-XIII вв. паровые поля заложили фонд последующих старопахотных земель, составлявших основной массив сельскохозяйственных угодий Руси. Рожь стала основным продуктом питания: "Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору". Озимая рожь, сроки сева которой в лесной полосе установились многовековой практикой от 14 до 28 августа, высевалась не только в трехпольных и двухпольных севооборотах, но и на подсеках, и на "запольных" землях вдали от поселений. Таким образом, структура пахотных угодий обрисовывалась уже в то время - ближние поля, поля в лесу, поля дальние. Соотношение их было для каждой местности свое, как и соотношение парового, подсечного или переложного земледелия.

Освоение лесных пространств, заселение речных и озерных побережий привело к созданию лесных и водных угодий и появлению неземледельческих занятий. Развивались известные с древности охота и рыболовство, бортничество, леим собирательство и т.п. Хозяйство того периода было "комбинированным" - многоотраслевым.

Нашествие на Русь татаро-монголов надолго подорвало ее хозяйственное развитие. Русские летописи отмечали ужасное опустошение земель (ПСРЛ. Т. X Стб. 96; Акты феодального землевладения... Ч. I, № 145). Восстанавливать хозяйство пришлось с расчистки и пожара "лядин", с примитивных приемов обработки земли. Однако нападения внешних врагов продолжались: немецкие рыцари 30 раз вторгались в пределы Руси в XII-XV вв., шведы и литовские князья разоряли сел; волости. Шли и внутренние войны-усобицы, случались стихийные бедствия и эпизоотии. Но уже к XIV в. Московское княжество оправилось от разорения.

Исторические свидетельства дают представление о земледелии Руси после монгольского нашествия. Трехполье и его элементы существовали в земледелии разных русских земель. В Новгородской земле в XII в. оно было обычным; его преобладание на Руси заметно с XIV в. (Горский. С. 52-53; Кочин. С. 281; МИ 1959. № 65. С. 328). Правильное применение навоза известно с XV в. в Северо-Восточной Руси. В то же время существовали подсека, перелог и пашня наездом — сеча, розсечь, гарь (Новгород и Северо-Восточная Русь). Термин подсека стал применяться с XV в. Тогда уже она была не самостоятельной системой, а подчинена целям парового земледелия. Удаленные от селений пашни "наездом" сначала не знали трехполья (Коломенский, Малоярославский, Московский, Переяславский уезды)/ Заполицы представляли собой исключительно перелог в лесных рощистях.

Повсеместно главной культурой являлась рожь, лишь на севере. Подвинься и в Беломорье - ячмень. Яровая пшеница была распространена от Белозерья Рязани, а в Псковской земле имелась и озимая пшеница. В этих же районах так же выращивали овес. Ячмень (жито) стал особенно распространяться на Севере, просо встречалось значительно реже. Сведения о пшенной каше — пище воинов в XVI в. - есть у С. Герберштейна (Герберштейн. С. 79), о просе упоминается в новгородских берестяных грамотах, в находках из раскопок Москвы (Монгайт. Русская земля. С. 262; Данилова. С. 94). Гречиха в XII-XIII вв. выращивалась в Новом Торжке, Нижегородском, Новгородском, Московском, Переяславском и Рязанском уездах; горох и чечевица (ляша, ляча) - в Новгородской земле; бобы - в Рязанской земле.

Таким образом, яровые и озимые культуры были известны в XIII-XV вв.;

культивировались также лен, конопля, хмель и мак. Лен выращивали в Новгороде, Твери, Вологде, Переяславле, Суздале, Костроме, Рязани. Конопля росла в Новом Торжке, Переяславле, Москве, Ростове, Рязани, Бежецке, а также в Новгородской и Двинской землях. "Хмельники" существовали в средней полосе Руси, в Новгороде и Пскове; мак употребляли в пищу в Белозерье и Троице-Сергиевом монастыре.

О сельскохозяйственных орудиях XIII-XV вв. известно из существовавшей тогда формулы для определения границ земельных участков - "куда плуг... соха... топор... коса ходила". Соха была окладной единицей в XIII в. и земельной мерой в XV в. Как земледельческое орудие она известна с конца XIII в. Двухзубые с ("пара мешей", "умников") с асимметричными наконечниками, многозубые - с симметричными и плуги составляли археологические находки от Гродно до Утюга, от Ладоги-Белозерья до Брянска. Кроме них, в лесной полосе применялись однозубые упряжные орудия по типу поздних чертежей, чирку, отрезов. В XIII-XV вв. усовершенствование сохи шло путем увеличения размеров сошников, что способствовало развитию ремесла по их изготовлению. Такие новшества были связаны с широким распространением парового земледелия. К XIV-XV вв.

отсится появление двухзубой сохи с перекладной полицей (видом отвала для переворачивания пласта земли), к XIV в. происходит вытеснение двухзубыми сохами трехзубых. У сохи более позднего периода сошники становились крупнее, шире и были асимметричными. Стали появляться и сохи "коловые" (названные по углу наклона рессохи к плоскости оглобель), которые использовали на всех почвах; они были маневренными и пахали глубже. Остальные типы сох варьировались в зависимости от качества почв.

Степным орудием был деревянный плуг с металлическим лемехом, полозьями, отвалом и передком с колесами, по-видимому, имелся у него и резец. Такой плуг применялся в Рязани, Суздали и Ярославле, а также на серых почвах с "пятнами" пойменного чернозема в Ополе, Галиче, Новом Торжке, Переяславле, Радонеже, Новгороде, в Нижегородском уезде. В северных новгородских районах плуг появился после присоединения Новгорода к Москве. К северо-западу бытовало еще рало, порилье (Подвинье, Псковская земля). На подсеках пользовались топорами, или секирами. С течением времени большее применение повсеместно получала двухзубая соха с полицей или без нее (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 158; Конин. С. 71, 148; Зеленин, 1908. С. 20).

Главным рабочим животным являлась "страдная лошадь". Единица обложения соха равнялась трем обжам, т.е. реальным трем пахарям, из которых каждый пахал на одной лошади. Такая пахота существовала с XII в. К рабочему скоту относились и вола, на которых пахали в Бежецком, Владимирском, Нижегородском, Московском, Рузском, Переяславском, Суздальском уездах и в Псковской земле; в Новгородской земле волов не использовали (ПСРЛ. Т. 8. Стб. 195-196; Т. 12. Стб. 184).

В исторических источниках большое внимание уделено обработке угодий и собранного урожая. Особенно тщательно возделывалось паровое поле. Семена под посев использовали "сухие", мололи рожь "на семя", высевали разные культуры порознь. Сеяли из лукошка, а затем поле "заборанивали" бороной. Известны были бороны двух видов - смыком и плетушкой (по технике их изготовления). Посевы на полях огораживали огородами, перегородами, изгородями; обязательно разгораживали озимое, паровое и яровое поля, за пределами которых была невозделанная земля, где пасся скот. Убирали урожай хлебов серпами (женами, умниками - от жать). Сжатый хлеб собирали на поле в снопы, затем в скирды или стога, или в копны ("стоячий хлеб"). В XIV-XV вв. появились гумна, клетки ("клетной хлеб"), овины и "овинные ямы", "овинные печища". На гумнах хлеб молотили, в овинах сушили, в клетях хранили. Орудием молотбы служили цепы, которыми били зерна на току. Веяли на ветру с помощью лопат. Кроме клетей, были еще житницы и амбары, куда складывали обмолоченный и просушенный хлеб.

Помол зерна осуществлялся ручными жерновами или мельницами: "жито в жрьновех

мельяше", "пшеницу мельяше". В Новгороде появились мастера, изготавливавшие жернова. Мельницы были тогда водяные, о ветряных сведениях нет. Мельничное дело еще только зарождалось. Таким образом, судя по различным находкам и описаниям, паровое земледелие было распространено на Руси широко. На старопахотных землях применялся трехпольный севооборот, что было возможно, благодаря усовершенствованию основного пахотного орудия — сохи.

Повсеместно происходило увеличение "культурной" площади, так как распахивались под пашню новые и целинные земли (новья, новочисть, чисть, росчисть, сеча, распашка, притеребахи, приоры, доры, кулиги, лядины, деревня на лесе, починки; особенно много было последних).

Границы земледелия шли от Белозерья на севере до Рязани на юге. В этих же границах развивалось и огородничество. На огородах крестьяне разводили репу, капусту, лук, чеснок, огурцы, редьку, морковь, тыкву, коноплю, хмель, бобы; выращивали в парниках дыни (Дмитровский уезд). Огороды, как и поля, удобряли навозом. С. Герберштейн упоминает об изобилии овощей во многих местах. У князей, бояр, монастырей, митрополитов появлялись сады ("винограды"), где выращивались яблоки, сливы, вишни, ягоды. Северная граница разведения посадок вишни доходила до Новгорода. Орудиями работы в садах, как и на огородах, были мотыги и лопаты (Памятники русского права. С. 466).

О раннем скотоводстве в источниках мало сведений. В XIII-XV вв., кроме лошадей, разводили овец, коров, баранов; козы встречались редко, свиньи - чаще; из домашней и дикой птицы - куры, утки, гуси, лебеди, журавли, голуби. Таковы были основные типичные для Руси виды домашнего скота и птиц. Постепенно волов перестали применять в Северо-Восточной Руси. От Белозерья до Серпухова привозных с юга мулов (лошачков) использовали только для верховой езды. Получали основные продукты животноводства - кожу, шерсть, мясо, молоко. Скот той поры был мелкой породы, но очень выносливый, неприхотливый. Лишь в хозяйствах феодалов встречались крупные породы скота и очень ценные породы боевых коней. Значительное время года стада содержались на выгонах (пастбищах, поскотинах, телятниках) с пастухами, в холодное время - в хлевах, дворах, ячном загоне, яслях. Сено косили на покосах, пожнях и других угодьях косами-горбушами (с короткой ручкой), но с XV-XVI вв. знали и литовки (с длинной ручкой). Скошенное сено убирали граблями и вилами. Покосы, как и поля, огораживали. В целом содержание и уход за скотом были такие же, как и в более позднее время.

Таким образом, основные отрасли сельского хозяйства на Руси в XIII-XV вв. были достаточно развиты.

В XVI в. создались благоприятные условия для развития русской земледельческой культуры (Горская. Земледелие... С. 43-97). В первой четверти века закончилось объединение земель под главенством Москвы, началось расширение русской историко-этнической территории на юг и восток, куда, естественно, проникла и аграрная культура крестьян. К концу XVI в. была освоена территория от Ледовитого океана до Северного Кавказа, от Баренцева моря, Невы, Чудского и Псковского озер на западе до Урала и пределов Сибири на востоке. Поскольку в каждом регионе географические условия резко различались, то и земледельческие традиции уже в ранние периоды освоения земель становились разнообразными.

В течение XVI в. условия для хозяйственного развития Руси, по сравнению с предшествующими периодами, были более благоприятными. Закончились феодальные войны; видимо, потеплел климат, ибо в исторических свидетельствах зафиксирован лишь один неурожайный год из-за холодов. Но с 70-80-х годов вновь пошла полоса потрясений, вызванных последствиями Ливонской войны и опричнины, и лишь к концу XVII в. начался новый подъем экономики.

Начало XVII в. для России ознаменовалось неурожаями на западе, в центре, на севере, юге и в Поволжье, голодом и "смутой" — вторжением польско-литовских отрядов,

борьбой за власть, приведшими к разорению ряда районов.

События XVI-XVII вв. не остановили аграрного развития. Достаточно четко выявлялась география земледельческих систем. На Севере наряду с паровым хозяйством важную роль играла подсека. На Западе, Юге и Юго-Востоке был значителен перелог, но везде господствовал пар с трехпольным севооборотом и удобрением почв навозом. Правильным севооборот был лишь в центральных уездах, в северных существовало пестрополье, в южных было много наезжих пашен без правильного севооборота. В 70-80-е годы XVI в. традиции не изменялись, несмотря на разруху. Увеличение заброшенных площадей было связано не с агротехническими приемами, а с недостатком рабочих рук для их обработки, но постепенно такой перелог включался в освоение и становился пашней. В Поволжье, Заволжье и на Юге трехполье к началу XVII в. находилось еще в процессе становления. Здесь также наличествовало пестрополье без правильного чередования полей, без удобрения, с неглубокой вспашкой. На Урале в сочетании с перелогом чаще применялось двухполье, а не трехполье, навозное удобрение было очень редким (Кочин. С. 214; Милое. С. 284; Вдовина. С. 29-32).

Сельскохозяйственные культуры выращивались те же, что и прежде; в старых районах не менялось их районирование. Везде основной культурой оставалась озимая рожь, ее соотношение с овсом и ячменем по районам было разным. Так, в Ополе она занимала 50% посевных площадей, в Центре до 40-50% яровых посевов приходилось на овес. Пшеницы и полбы везде в то время высевали мало. Овес преобладал на Севере, а скороспелый ячмень был ведущей культурой в некоторых районах Севера и Северо-Запада. Вообще ячмень — главная культура на Северной Двине, в Сольвычегодском и Яренском уездах. На Юге преобладали овес и рожь, большие площади там занимали и пшеница, гречиха, просо, горох. На Урале и в Сибири выращивали те же культуры и примерно в том же соотношении по природным зонам, что и в европейских уездах, лишь в Восточной Сибири 2/3 площади занимали под озимую рожь, а полбу, гречиху, горох в XVI в. там еще не культивировали. Лен и коноплю высевали повсеместно, но льноводческие районы все более определялись на Севере, Северо-Западе, по Верхней Волге и немного в Центральном районе, конопля же стала чаще встречаться на Юге и Юго-Востоке. В Сибири также стали появляться лен и конопля (Ирбит, Илим, Ангарск) (Аграрная история... 1978. С. 40).

Основными сельскохозяйственными орудиями оставались соха, плуг, серп, коса. Специфика орудий по зонам, определившаяся в XVI в., шла и далее. В Центре и на Севере применяли сохи с перекладной полицей и сохи-односторонки. На Урале и в Сибири распространилась двузубая соха-односторонка, которой пахали подзолистые и супесчаные почвы. Соха плужного типа - косуля - с двумя сошниками, лемехом, резцом и отвалом использовалась на плотных почвах и на целине на Севере и в Центре. Степное орудие - плуг - очень редко встречалось в центральных уездах (разрушало подзол), а на Севере лишь на суглинистых серых почвах, приближающихся к черноземам, и на целине (Белозерье, Северная Двина, Вологда). Бороны — суковатки и плетенки — продолжали существовать; в Зауралье появились бороны с железными зубьями, а в Спасо-Прилуцком монастыре в Вологде - и бороны-илужницы. Молотили везде цепями, а на Севере еще и кичигами (из березовых сучьев). Косили косами-литовками в центральных, западных и южных уездах; горбушами — на Севере, Урале, в Сибири (на небольших участках с высокой травой) (ГИМ. ОПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 161. Л. 18 об.; Зеленин, 1908. С. 12,123; Памятники социально-экономической истории... С. 269).

Сроки и приемы обработки почвы в регионах были разные, как и нормы высева. Хлеб жали серпами, убирали в суслоны или скирды, сушили в овинах (ямные, срубные), молотили на гумнах. Помол осуществлялся ручными жерновами или водяными мельницами; ветряные мельницы в то время только начали появляться.

Урожаи были достаточно высокими в Центре и на Севере.

В XVI-XVII вв. шло дальнейшее освоение новых земель. На степном юге и в Поволжье

запашки были еще небольшими. Тем не менее за очень короткое время, к концу XVI в., они на юге и юго-востоке увеличились более чем в два раза. С 20-х годов XVII в., когда началось восстановление хозяйства, в обработку шли переложные земли и распахивались незанятые участки. Южная граница русского земледелия проходила по Курскому, Елецкому, Ливенскому уездам, но там еще оставалось много неосвоенных черноземов. В 30-50-е годы заселялась Белгородская засечная черта (Козловский, Тамбовский, Воронежский уезды, междуречье Дона и Воронежа), затем - Симбирская черта (от Тамбова через Саранск до Симбирска), За-камская черта (от Белого Яра до Мезелинска); на Нижнее Поволжье земледелие еще не распространялось. Во второй половине XVII в. осваивались Приуралье и Зауралье (Кунгурский край), появились очаги земледелия на южном Урале. Через Урал русское население Севера пошло в Сибирь, где на рубеже XVI-XVII вв. возникли земледельческие районы близ Тобольска, Верхотурья, Туры, Тюмени. В Томско-Кузнецком районе и в Восточной Сибири земледельческое освоение шло медленно, выделялись лишь Енисейско-Красноярский и Илимско-Ангарский районы, где в XVII в. земледелие развивалось интенсивно.

Основными производящими районами оставались Центр и Север Европейской части России, а с середины XVII в. свой хлеб появился и в западносибирских районах.

Остальные отрасли сельского хозяйства России также продолжали развиваться. Огородничество существовало как в селах, так и в городах. По С. Герберштейну, в Москве огороды имелись в каждом дворе (Герберштейн. С. 100). В Новгороде 210 огородников торговали своими овощами. Большие огороды находились у монастырей, где овощи выращивали "огородные старцы". В крестьянских дворах под огороды занимали места "к истоку против их дворов" или "места дворовые и огороды". Существовали и огороды в полях — "капустники" в удобренных местах (Поморье, Кострома), поля-"репища" на Севере и в Новгороде, часто в подсеках. Везде выращивали лук, чеснок, огурцы, свеклу, морковь, редьку. На удобренных почвах Московского уезда выращивали дыни; мак - в Белозерье; горох, хрен - на Севере и в Новгороде. На огородах росли и травы, употреблявшиеся в соленья и в пищу (чебрец, мята, тмин, "борщ" - пастернак или щавель). Для выращивания овощей устраивали парники, рассадники, теплицы. Районирование овощных культур сложилось еще в предшествующее время (Герберштейн. С. 98; Акты феодального землевладения. Ч. III. № 247).

Центрами садоводства, как и ранее, оставались Москва, Рязань, Дон; продолжалось разведение яблонь и вишен в Новгороде, яблонь — в Белозерье, вишен - в Твери, слив и вишен - в Смоленске. Ягоды сажали повсеместно. "Садовники" появились у светских и духовных феодалов. Промысловое садоводство выделялось во Владимирском и Переяславском уездах.

Продолжалась специализация районов скотоводства: развитое молочное животноводство — по Северной Двине (Холмогоры, Архангельск) и Ваге, мясомолочное — на Мезени. Очень ценной была ярославская порода коров. В вотчинных хозяйствах скотоводство, коневодство, птицеводство развивались быстрее, чем в крестьянских хозяйствах. Еще не наблюдалось четкого районирования в скотоводстве, что уже было присуще земледелию. Южные районы, имевшие богатую кормовую базу, были мало освоены, и скотоводство там оставалось незначительным.

Особыми чертами отличалось в XVII в. начинающееся сибирское сельское хозяйство. Трехпольное земледелие развивалось на ближних к селениям полях, составлявших "государству десятинную пашню" (форма повинности сибиряков). При сибирском трехполье было необязательным равенство ярового и озимого полей, яровое поле часто преобладало над озимым, пар занимал небольшую площадь. Высев озимых и яровых культур находился в том же соотношении, что и в европейских районах, - 1:2, но по районам он варьировался. Было известно ведение хозяйства и по двухпольному севообороту (Ирбит, Тагильская слобода); в тюменских и на юге тобольских районов - по четырехпольному, а в Тобольской волости знали и пятипольный севооборот. Но в Сибири

трехполье не было применимо на всех почвах, так как они плохо воспринимали навозное удобрение. Борьба с истощением и засорением земель пришлось, забрасывая их на время и распахивая новые, поэтому Сибирь стала зоной залежно-паровой системы земледелия. Для нее характерны следующие этапы обработки почвы: сначала осуществлялось несколько посевов на пашне, но не "хлеб по хлебу", как при переложной системе, а в перемежку с годами пара, по истощении почвы земля становилась залежью на много лет. Особенностью сибирского залежно-переложного земледелия являлось отсутствие правильного чередования "периодов полевой культуры" с перелогом и не всегда "правильное" разделение земли между пашней, залежью и выгонами, что было осуществимо в условиях сибирских земельных просторов. Залежно-паровое земледелие начало развиваться в южных районах Сибири и окончательно оформилось в XVIII в., с освоением степей. Таежная зона в это время являлась районом трехполья и частично подсекаемого земледелия.

На "десятичных" сибирских землях выращивали рожь и овес, а на "собинных" крестьянских землях наблюдалось разнообразие культур: в начале XVII в. - рожь, ячмень, овес, а со второй его половины - еще пшеница и ярица (яровая рожь). Удобряться лишь ближние трехпольные поля в лесных районах (Власова И.В., 1984. С. 3-39).

XVII в. не принес коренных перемен в сельском хозяйстве России, они начались лишь на вновь осваиваемых местах.

В период позднего феодализма в XVIII — первой половине XIX в., несмотря на развитие региональных типов земледелия в предшествующее время, сохранялось много единообразия в приемах ведения хозяйства во всех русских регионах (Милое, Вдовина. С. 39-146). Такая стойкость традиций была обусловлена рядом обстоятельств. Особые, чаще неблагоприятные природные условия для ведения хозяйства, требовавшие вложения огромного человеческого труда, вели к постоянным поискам новых земельных площадей. Это обусловило экстенсивность земледелия, хотя в свою очередь освоение новых земель имело поистине историческое значение.

Интенсивному развитию хозяйства мешало отсутствие должных условий; быстрый выход земли из оборота по причине "выпаханности", невозможность повышения ее плодородия, а самое главное, социальные отношения — феодальная эксплуатация крестьян, помещичий и государственный гнет сказывались на уровне аграрной культуры, ибо зачастую крестьяне не имели физических сил и экономических ресурсов, чтобы должным образом обрабатывать пашни.

Развитие российского земледелия с его характерной чертой - экстенсивностью - продолжалось, и в то же время трансформировалось, ибо на него влияли изменения во всем феодальном обществе. Мощным фактором прогресса в экономике в дальнейшем постепенно станет промышленность с ее обратным воздействием на земледелие, что приведет к утрате им некоторых традиций, хотя значение его общерусских элементов не потеряется. Прежде всего, знание крестьянством местных природно-климатических условий и умелое их использование присутствовали на всех этапах развития аграрной культуры.

В XVIII в. эти знания приходилось приспособлять к новым экономическим условиям. Именно тогда шла интенсивная порайонная сельскохозяйственная специализация, земледелие в ряде мест приобретало товарный характер, происходили изменения в агрокультуре. Основу земледелия по-прежнему составляла трехпольная система с традиционным набором сельскохозяйственных культур, но чаще появлялись в ней различные модификации, приспособленные к новым условиям ведения хозяйства. Во всех пределах России основной культурой оставалась рожь, занимавшая все озимые поля (50% пашни). Ее посевы "страховала" яровая рожь. Овес стал преобладающим среди яровых, так как на его выращивание, как на менее прихотливую культуру, тратилось меньше труда, но не менее важным становился и ячмень. Необходимость пшеницы к тому времени уже была определена в крестьянских хозяйствах и севера, и юга, и востока, но ее

сравнительно небольшие посевы были закреплены традицией (Рычков. С. 510-511). Во второй половине XVIII в. выведенный новый сорт пшеницы - ледянка - прижился даже на неплодородных почвах и стал и яровым, и озимым. Лишь в Нечерноземной полосе озимая пшеница не могла "конкурировать" с озимой рожью. Лучше всего пшеница (в основном яровая) возделывалась в помещичьих хозяйствах средней и частично южной полосы России. Горох и гречиха, занимавшие 8-12% ярового поля, вошли в обязательный набор культур, как и лен в Нечерноземной полосе и конопля в Черноземной.

Под воздействием товарного производства видоизменялись и другие стороны трехполья (Милое, Вдовина. С. 58, 137; Труды ВЭО. Ч. П. С. 139-140; Ч. VII. С. 71; Ч. XIII. С. 23; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 750, 812, 823). Так, сопровождавшая его подсека в XVIII в. сохранялась преимущественно в северных лесных местностях. Виды подсеки зависели от возраста леса. Наибольшие урожаи получали после рубки и выжига 50-летнего леса (ржи — сам-двадцать, овса - сам-десять-пятнад-цать); а после 200-летнего "подстоя", который не вырубался, а лишь "очерчивался" отрезом или чертежом, - до сам-сорок-пятьдесят, но это были одномоментные урожаи. Иногда после первого урожая подсека забрасывалась в залежь (на отдых) и подыскивался новый участок, но в лесных рощистях Нечерноземья в XVIII в. зарождалась новая система - плодосмен с чередованием яровых, а иногда и озимых культур ("обороты"): лен—ячмень и овес-озимая рожь; летом для поднятия плодородия землю "парили" или сеяли репу как яровую культуру. Таким образом, от рощистей переходили к плодосмену (будущим севооборотам), что расширяло площади трехпольных угодий, необходимых при увеличивающемся народонаселении. В полосе Черноземья и отчасти в средней полосе для улучшения плодородия полей использовалась гречиха, при выращивании которой поля "очищались" ("одабривались") от сорняков, и "земля по снятии ее бывает весьма мягкой и тучной". В Тульской и Калужской губерниях гречиху сеяли специально на "худой", т.е. оставшейся от посева овса, земле; повсеместны были ее посевы в Рязанской губернии. Для подобной цели использовался и горох, обогащавший почву азотом, поэтому при трехполье его высевали поочередно на разные поля (Владимирская, Московская губернии).

На юге, в Черноземье, изменение трехпольного севооборота происходило при применении зяблевой вспашки (осенью - с сентября по ноябрь) для сохранения влаги и вымерзания корней сорняков; озимые сеяли после яровых на том же поле, а паровое поле засевалось на следующую весну не озимыми, а яровыми. Это помогало озимым использовать зимнюю влагу из почвы. В степных южных районах стали практиковать "смешанные культуры", обычные при трехполье в сочетании с масличными, с кукурузой и др.

Изменялся севооборот и при исключении из него какой-либо культуры, когда на нее не было рыночного спроса (конопля, выращиваемая не на полях, а на огородах в Курской, Орловской и Калужской губерниях), или при его повышении. Так, в Курской губернии меняли посевы: иногда сеяли ячмень после пшеницы, после ячменя - овес, после овса — гречиху, а после нее — озимую рожь; при севе последней, особенно после гречихи, пашню не пахали, сеяли по стерне.

Для лучшего очищения полей от сорняков существовал целый комплекс мер -отбор семенного материала, своевременный сев (засоренность всходов была связана со сроком их сева), заделка семян не сохой, а бороной, рыхление и прополка почвы, очистка обмолоченного хлеба от семян сорняков, наконец, борьба с болезнями растений.

Поскольку резервы пригодной для земледелия земли начали исчезать в Европейской России уже во второй половине XVIII в. (кроме южных и юго-восточных районов), то переложный, залежный и подсечный виды земледелия, требовавшие много земель, постепенно уступали место классическому трехполью. Сибирское земледелие в XVIII в. сохраняло свои отличительные черты, сложившиеся при освоении земель в XVII в., и, приспособляясь к новым условиям, вырабатывало свои местные традиции. Здесь в отличие от европейских губерний широко распространилось паровое хозяйство в

сочетании с перелогом; имелись большие возможности для отъезжих пашен, подсеки же существовали лишь в малоземельных лесных районах. Основу сибирских крестьянских хозяйств составляла пашня с двух- или трехпольным делением при вспомогательной роли перелога. Выходцы с Русского Севера способствовали распространению трехполья в Сибири, где оно изменилось в новых условиях. Особенно это сказалось в сочетании трехполья с перелогом для борьбы с истощением почв при невозможности "парения" и удобрения земли на дальних сибирских полях. Когда при перелогe часть земли пустовала, имела место расчистка земли из-под леса. Отъезжие пашни, ставшие неотъемлемой и характерной частью сибирского земледелия, возникали при недостаточности земель возле селений.

Благодаря накопленному крестьянами опыту ведения хозяйства в XVIII в. получила развитие агрономическая наука. Ее видные деятели А.Т. Болотов, П. Рычков, И.М. Комов и другие предлагали новые системы земледелия, которые способствовали бы его интенсивности. В 1771 г. русский агроном А.Т. Болотов предложил семипольный севооборот (перелог-перелог-перелог-пар с удобрением-озимое-яровое-горох или овес), указав на необходимость чередования культур. И.М. Комов в 1785 г., внедряя свой севооборот (травы-озимь-овощи-травы-ярь), близкий к современному, указал на взаимосвязь между нормой высева и почвенно-климатическими условиями, на целесообразность локального внесения удобрения.

В распространении новых методов хозяйствования немалую роль играли научные общества, и прежде всего Вольное Экономическое общество. Его труды выходили с 1765 г., в них печатались работы отечественных и зарубежных специалистов и отражались все стороны сельскохозяйственной практики.

Немаловажное значение в развитии земледелия того периода имели эксперименты в ряде помещичьих хозяйств, владельцы которых стали практиками и научными деятелями (А.Т. Болотов, А.А. Олишев, Д.М. Полторацкий и др.). Важным достижением в помещичьих хозяйствах стала интродукция — переселение сортов и видов сельскохозяйственных культур из отдаленных районов Европы, Азии, Америки. И хотя это был личный, индивидуальный опыт, легший в основу аграрной науки, он так же, как и коллективный опыт крестьянства, стал основой общерусской земледельческой культуры и был воспринят отдельными крестьянскими хозяйствами. Именно тогда в России стал возделываться картофель, ставший здесь со временем вторым хлебом.

Другим важным делом помещичьих и крестьянских хозяйств стало семеноводство и снабжение семенами различных губерний. Для каждой местности разрабатывались сроки сева, отбор и проращивание семян, нормы их высева (Псковщина, Вологодский край, Чаронда, Каргополь, Белозерье, Тула, Тверь). Правда, часто товарная специализация культур не давала крестьянам возможности придерживаться выработанных норм высева.

К XVIII в. относится и начало травопольной системы земледелия - траво-сеянья. Оно возникло как способ прокормления скота и восполнения нехватки навоза для пашни в Нечерноземной полосе, что достигалось выращиванием бобовых и злаковых трав (клевер, тимофеевка). Травы шли на корм скоту и способствовали накоплению азота и органических веществ, необходимых для улучшения структуры почвы. Травосеянье плохо приживалось в северном Нечерноземье, где для выращивания некоторых трав не подходили природные и климатические условия. В 90-е годы XVIII в. многие помещики сеяли кормовые травы в полях (Московский, Козельский, Калужский уезды), а сенокосные угодья с плохими почвами удабривали навозом (Петербургский уезд).

Передовые идеи и новшества в рамках феодального способа производства и крепостничества не затрагивали основные массы крестьян, которые по-прежнему следовали многовековому опыту, передавая его из поколения в поколение, однако и крестьянская аграрная культура находилась на достаточно высоком уровне. Судить об этом позволяет выработанный русскими крестьянами комплекс природоохранных мер, направленных прежде всего на сохранение почвенного

плодородия. Основные из них предусматривали правильное применение систем земледелия (рациональное использование земли, смена и чередование культур, достаточная обработка почвы, ее удобрение, очищение, окультуривание), почвозащитные методы, противоэрозийные и мелиоративные работы. Велики были затраты труда крестьян на возделывание земли при трехполье — двоение, троение, назьмение (двух-, трехкратная обработка). Самой надежной для борьбы с сорняками была зябь (осенняя вспашка), появившаяся в Черноземной полосе. Знание характера высеваемых культур привело к поискам растений, очищающих почву (гречиха, горох, травы). Но самой главной мерой было обращение к парам и удобрению полей. Крестьяне выработали для каждой местности систему получения, хранения и накопления навозного и комбинированного удобрения. Избегать выпашки полей помогало и комбинирование самих систем земледелия. Наряду с трехпольем обращались к расчисткам земель из-под леса или оставляли выпашанную землю на отдых. Этому же служил и развившийся в XVIII в. плососмен с чередованием яровых и озимых культур и новый способ - многополье (4—7-полье), при котором продлевался отдых полей.

Большое внимание уделялось мелиоративным работам - устройству водоотводных борозд и канав для задержания талых и ливневых вод, укреплению оврагов путем засеивания их бобовыми, а также лесным насаждениям, охранявшим поля от ветровой эрозии.

Частичным усовершенствованиям подверглась в XVIII в. и сельскохозяйственная техника. По-прежнему главным орудием в лесной полосе оставалась соха в разных модификациях в зависимости от местных почвенных условий, в степях - плуг, на каменистых почвах Урала — сабан, в Сибири - соха, предшественница курашимки. Наиболее распространенной в XVIII - первой половине XIX в. сибирской сохой стала рогалюха с одним или двумя железными сошниками и с брылой (резцом). Она еще оставалась "бесподошвенным" орудием, тогда как в южных степях появились колесухи и сабаны, имевшие подошву. Остальной сельскохозяйственный инвентарь был того же типа, как и в Европейской России (Русакова. С. 45-49).

Существенный сдвиг произошел в географии косули (плужное орудие). Увеличение пахотных площадей за счет включения "худых", "посредственных" земель с глинистыми и иловатыми почвами, увеличение лесных рощиц были возможны с помощью косули, которая по своим функциям превзошла соху, ибо пахала дербу, "драла" ее, уходя глубоко в землю. Ее более ранняя разновидность - соха с брылой (объединение сохи с отрезом) - была занесена в Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую, Вятскую земли и в Сибирь.

Плуг стал орудием, незаменимым для тяжелых почв, площади которых в XVIII в. увеличились. В своих разновидностях он применялся в южных районах Севера, в Центре и на юге России. На тучных черных землях пахали ралом, подменявшим плуг и борону. Борона и другие орудия оставались традиционными. Достижением века в развитии орудий являлось более гибкое их применение в разных местностях при функциональном многообразии.

Владея огромными знаниями и опытом, русские крестьяне получали значительные урожаи. Даже Нечерноземье, где были менее благоприятные условия для земледелия, вплоть до XVIII в., когда осваивались степи юга и Сибири, кормило хлебом всю Россию, а из отдельных его районов зерно вывозилось и за границу.

Действию законов товарного производства подверглось животноводство. Для его развития было необходимо наличие больших сенокосов и пахотных угодий. В лесной полосе Европейской России и Сибири такие угодья имелись в немногих местах - в долинах крупных рек, где в XVIII в. развилось торговое скотоводство (низовья Северной Двины, Холмогоры) и где на 100 десятин пашни приходилось 197 десятин сенокосов. В Холмогорах скотоводство приобретало племенной характер. В остальных лесных районах угодья находились на отвоеванных у леса небольших участках, зачастую

в чересполосном владении крестьянских общин, и нередко их было недостаточно для получения кормов для скота и для его выпаса. Нехватку покосов должно было восполнить начавшееся травосеяние.

Степное скотоводство в европейских губерниях и в Сибири еще только набирало силу. Его полному развитию мешало "сползание" земледелия на плодородные степные почвы. Товарное скотоводство начало развиваться в зажиточных крестьянских хозяйствах степного юга (Елец, Воронеж, Заволжье, Сибирь), где сенокосные угодья составляли от 77,4 десятины до 258,4 десятины на 100 десятин пашни.

Помещики стали использовать научные данные о содержании скота в добротных скотных дворах, о кормах, правильном выпасе, племенном отборе, лечении. Особенно это коснулось коневодства. Начали создавать конные заводы (Хорошевский и Бронницкий под Москвой, Даниловский и Сидоровский в Костромской губернии, несколько заводов во Владимирской, Тульской, Рязанской губерниях и др.). Купечество стало заниматься торговлей скота, посреднические рынки возникли в Центре и на юге России.

Таким образом, по уровню развития скотоводства различались как отдельные регионы России, так и хозяйства помещиков и крестьян. У основной массы последних сохранялась система разведения и содержания скота, подчиненная целям земледелия (рабочая сила, навозное удобрение), а также получению продукции животноводства.

В XVIII в. происходит перелом и в овощеводстве, и именно крестьянском, в ряде мест приобретающем торговый характер. Но в подавляющем большинстве хозяйств еще возделывались небольшие огороды с ограниченным набором культур, который на юге России стал расширяться, включив, кроме известных овощей, бахчевые.

Центрами торгового овощеводства стали Данилов (капуста, огурцы), Боровск и Верея (чеснок, лук), Воронеж (огурцы, дыни, арбузы), Самара (перец и др.), а по всему югу оно начинает превращаться в полевое. В городах и в помещичьих имениях разводили новые сорта и виды овощей и трав.

Изменения коснулись и садоводства, так как именно в XVIII в. появились и новые сорта садовых культур. Питомники их возникли под Воронежем и Азовом, фруктовые сады в дворянских имениях Зарайска, Рязани, Ярославля, Москвы и в черноземных губерниях. Садовую специализацию приобрели жители Вязниковской слободы Владимирской губернии (рассадники, борьба с болезнями растений), селений в низовьях Оки (павловские яблоневые сады), на Владимирщине (вишневые сады), на Дону и Азове, в Астрахани и многих других южных городах (разнообразные фруктовые сады и виноградники).

Новые условия торгового характера способствовали быстрому развитию садоводства и огородничества. В целом же реализация новшеств в агрономии (многополье, травосеяние, новые сельскохозяйственные культуры и виды удобрений) была затруднена в условиях феодализма и крепостничества, но процесс дальнейшего накопления знаний и опыта продолжался.

В XIX в. основными системами земледелия оставались паровая, лесопольная и залежная (Народы Европейской части... С. 166-192). Самая распространенная паровая система, применявшаяся двумя третями крестьян, была представлена трехпольем с его классическим набором культур. Существенные изменения коснулись трехполья во второй половине XIX — начале XX в., когда с развитием капитализма в

Таблица 14

Соотношение систем земледелия и пахотных угодий (в%)*

Соотношение систем земледелия и пахотных угодий (в%)*	
Система земледелия	% ко всей пахотной земле
Пар	21,7
Травосеянье	5
Залежь	14,3
Прочие	59
*Россия в конце XIX в. Спб., 1900. С. 139.	

помещичьих и кулацких хозяйствах, реже - в крестьянских. Товарные отношения заставляли всех приспособляться к рынку, проявилось в распространении "вольной системы", когда выращивали одни и те же пользовавшиеся спросом культуры, а иногда и монокультуры. Это в свою очередь истощало почву, и нарушения традиций по поддержанию ее плодородия происходили все чаще.

Лесопольная (подсечно-огневая) система земледелия, распространенная в северной лесной полосе, была заменена двух- и трехпольем, ибо она требовала много рощистей, а леса истреблялись.

Залежная система широко применялась в лесостепных и степных зонах Европейской и Азиатской частей России, так как там еще были неосвоенные пространства. Во второй половине XIX - начале XX в. их распашка стала увеличиваться, помещичьи хозяйства в европейских губерниях стали переходить к краткосрочной залежи (5—6 лет вместо 12-25), и система земледелия становилась многопольно-травяной или улучшенной зерновой. Кроме того, в ряде мест залежь сочетали с паром: вводили органические удобрения, проводили плодосмен (чередование культур). Травосеянье способствовало развитию животноводства, особенно тонкорунного овцеводства.

В Сибири в то время еще преобладали разные виды залежного земледелия без правильного чередования культур и без удобрения, но травосеянье и там расширялось, особенно с развитием товарного животноводства в Западной Сибири.

К концу XIX в. соотношение систем земледелия со всей пахотной землей четко определилось в Европейской России (см. табл. 14).

Набор сельскохозяйственных культур в этот период в основном оставался прежним. К исконным зерновым (рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха), техническим и кормовым (лен, конопля, горох, вика, клевер) прибавились и стали шире применяться также древние огородные и бахчевые культуры (капуста, чечевица, арбузы) и более поздние, известные с XVII в.: кукуруза, картофель, подсолнечник, сахарная свекла, табак, помидоры, махорка. "География" культур не изменилась. Ржаной хлеб оставался одним из основных продуктов питания, и по урожаям ржи России стояла на первом месте в мире. Возделывалось много ее сортов, приспособленных к региональным условиям (Север,

Центр, Сибирь и др.). На второе место среди зерновых культур на юге, юго-востоке и в Поволжье в XIX-начале XX в. вышла пшеница мягких озимых и яровых сортов и твердых яровых (саксонка, белотурка, арнаутка).

В яровых культурах, кроме пшеницы, преобладал овес, особенно фуражный, в большом количестве вывозимый за границу (северо-восточные, северочерно-земные районы). Северным злаком оставался ячмень, по производству которого Россия также была первой в мире. До 31,2% экспорта российского зерна в начале XX в. составлял ячмень. Гречиха и просо были культурами средней полосы, южнее предпочитали пшеницу.

Более половины мирового производства льна приходилось на Россию. Выращивали лен-долгунец в крестьянских хозяйствах (Север и Северо-Запад) и лен-кудряш в помещичьих хозяйствах на залежных и целинных землях. 90% всего производства русского льна шло за границу. Конопля разводилась исключительно в крестьянских хозяйствах, главным образом в северочерноземных районах и имела, как и лен, универсальное применение (масло, одежда, парусина, канаты, корм скоту). Со второй половины XIX в. известен в России подсолнечник, который сразу стал основной масличной культурой. Кукурузу сеяли вначале только на Северном Кавказе, а с 1900-х годов и в среднерусских губерниях. Сахарная свекла уже с конца XVIII в. выращивалась от Самары и Тамбова до Тулы. Товарное производство табака развилось в Самарской губернии и Кубанской области. В овощеводстве набор культур существенно пополнился картофелем и капустой.

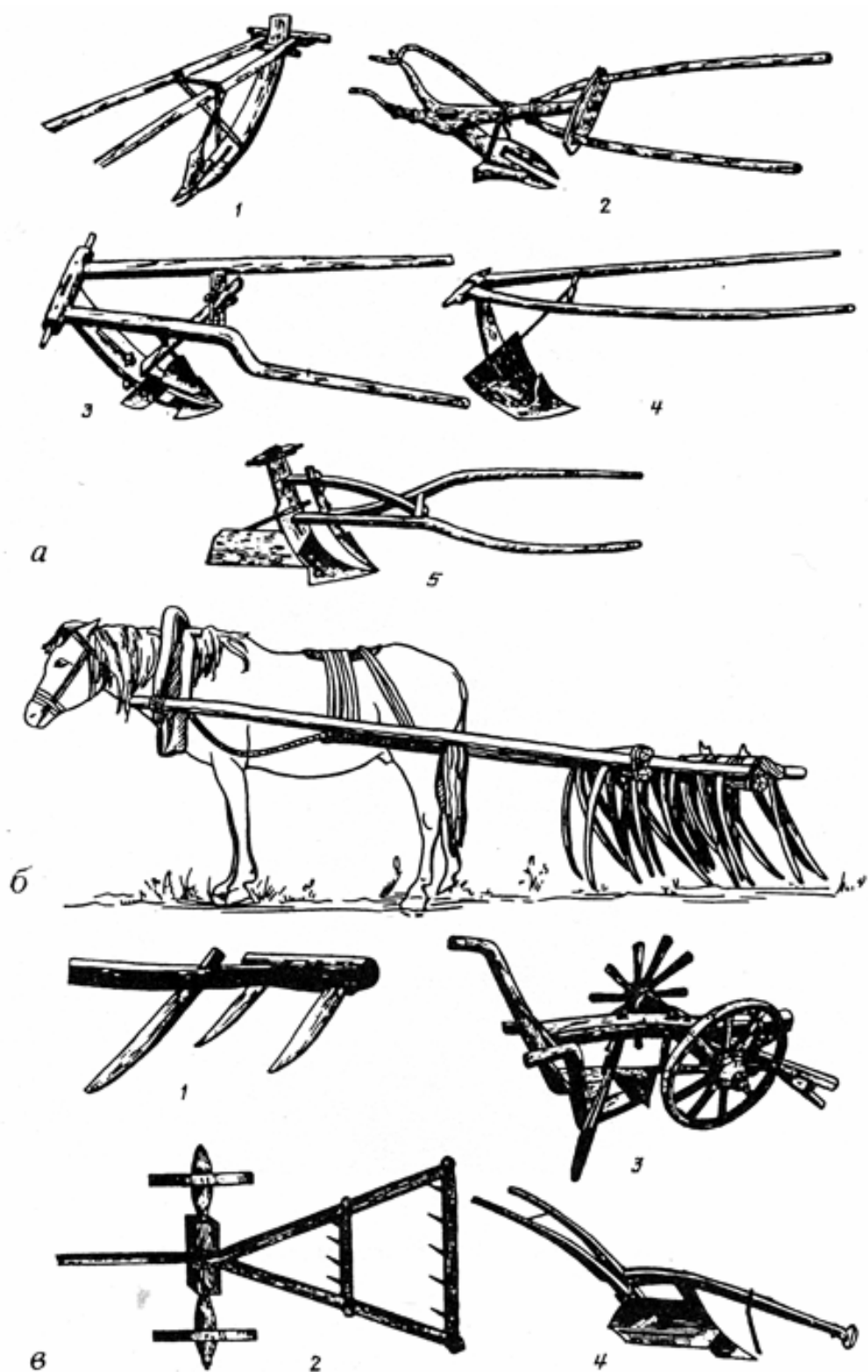
Как отмечал А.П. Щапов, география сельскохозяйственных культур в России от "полярной границы ячменя до южного предела винограда явила собой и две крайности земледельческого поселения" {Щапов А.П. Историко-географическое распределение... С. 201-202), которые выразились в отличительных особенностях народной культуры северного и южнорусского населения.

Основным пахотным орудием в XIX - начале XX в. оставались соха (Север, Центр, север и северо-восток Черноземной полосы), плуги и рало (юг и юго-восток).

В зажиточных хозяйствах появлялись сельскохозяйственные Машины, у помещиков — орудия заграничных фирм. Соха в XIX в. - по-прежнему двух-, трехзубая, с перекладной полицей; на Севере - кодовая, с небольшим сошником или без него; на Северо-Востоке и в Сибири кроме двухсторонки применяли соху-односторонку - косулю с неподвижной полицей, с резцом-брылой; на Урале, в Перми, на Вятке имелись и усовершенствованные однозубные сохи - лемехи, чегандинки, курашимки и др.

Степной и лесостепной юг пахал, как и прежде, плугом, а Дон, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Воронеж, Курск еще и ралом, иногда заменявшим плуг и производившим более мелкую пахоту, чем плужная.

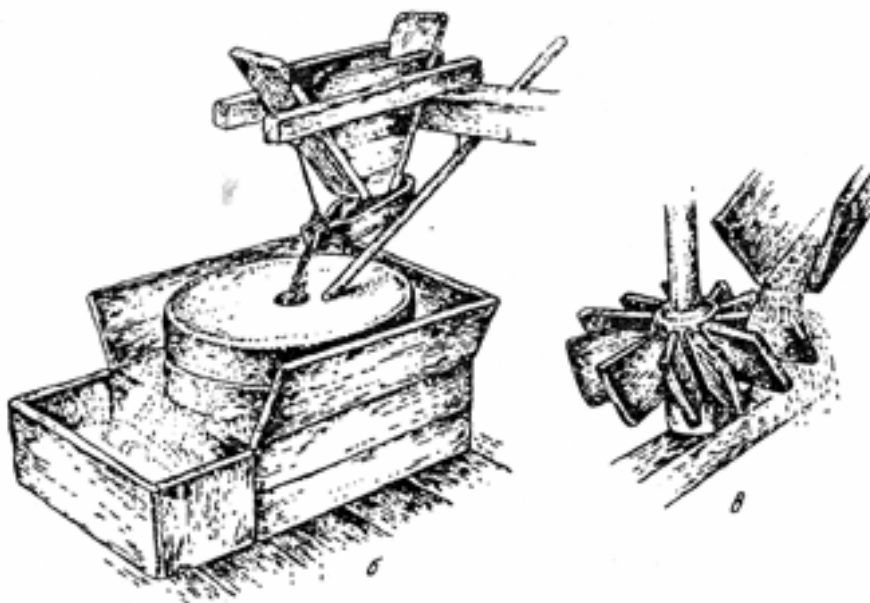
Бороны, цепи и косы старых конструкций еще существовали, но с конца XIX в. многие деревянные орудия стали вытесняться заводскими и кустарными (плуги, веялки, молотилки, сеялки).

Земледельческие орудия:

а) сохи и косули: 1 – соха-двухсторонка коловая, 2 – соха-двухсторонка коловая (западные губернии), 3 – соха-односторонка с брылой (Вятская губерния, 1889 г.), 4 – *курашилка* – одноральная усовершенствованная соха (Пермская губерния, 1884 г.), 5 – ярославская косуля (Ярославская губерния, 1853 г.); б) борона-суковатка (Пермская губерния, XIX в.); в) рала и плуги:

1 – рало трехзубое, деревянное (Кубань, конец XIX в.), 2 – рало многозубое (Саратовская губерния, 1853 г.), 3 – плуг деревянный тяжелый, "малороссийский" (Кубань, конец XIX в.), 4 – плуг любанский Денисова (Новгородская губерния, 1884 г.)

Мельница-мутовка

Основные сельскохозяйственные работы проводились традиционными способами, не менялся и аграрный крестьянский календарь, по-старому пользовались различными приспособлениями и возводили хозяйственные постройки, где обрабатывали и хранили урожай (овины, гумна, амбары, водяные и ветряные мельницы). Различия в этом обуславливались лишь разными природно-климатическими зонами (лесной, степной) и разного типа хозяйствами (помещичьи, крестьянские, кулацкие).

В XIX - начале XX в. огородничество носило в основном потребительский характер, за исключением хозяйств в центральных и южных районах. Промышленное направление оно приобрело в больших городах и в некоторых уездах (Ростовском, Галичском, Боровском, Муромском). Столичное огородничество под Петербургом специализировалось на парниковой и тепличной выгонке овощей, шампиньонов, выращивании спаржи, артишоков. Московское же было более развито, чем Петербургское, благодаря лучшим климатическим условиям (овощи, фрукты, ягоды). Московское село Коломенское специализировалось на выращивании картофеля, огурцов и капусты, села Кожухово и Воробьево — различных овощей; в Подмоскowie появились "торговые огороды" (Нагатино, Клин).

"Колыбелью" русского огородничества был Ростовский уезд. Там огородничество стало отхожим промыслом для мужчин; выращивали цикорий, сахарный горошек. В других ярославских уездах разводили душистые травы. Производство огурцов усиленно развивалось в Ополье Владимирской губернии, лука - в Пензенской, Курской, Симбирской губерниях и в Елабуге.

С 60-х годов на юге с проведением железной дороги особенное развитие получило бахчеводство на целинных и залежных землях (Нижнее Поволжье, область Войска Донского, Оренбургская, Уфимская губернии, Северный Кавказ, Воронеж).

Садоводство до 1861 г. развивалось хорошо лишь в помещичьих хозяйствах (сады, оранжереи). Во второй половине XIX в. оно переросло из потребительской в торговую отрасль и распространилось из северной части Черноземной полосы на среднюю Волгу, в западные и центральные области и вокруг крупных городов. Появились сады и у

отдельных крестьян. Из садовых культур преобладали яблоки и вишни. Северная граница последней шла по линии Петрозаводск-Кадников-Вятка. Плодовые кустарники разводились всюду. На юге России (Дон, Астрахань, Ставрополь, Саратов, Кубань) занимались виноградарством. Повсеместно крестьяне выращивали хмель, его основными центрами были Мисковская волость Костромской губернии, Гуслицы — Московской, Покровский уезд - Владимирской, Егорьевский - Рязанской. Новых сортов хмеля потребовало пивоварение, их культивировали главным образом помещики на специальных плантациях в Курской, Московской, Рязанской губерниях.

Животноводство в XIX — начале XX в. оставалось еще подсобной отраслью хозяйства повсюду, за исключением некоторых районов. Крестьяне разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, птицу. Центрами выведения местных пород молочного скота с XVIII в. были Холмогоры (холмогорская порода), Олонецкая (сюземская порода), Ярославская (ярославская) и Нижегородская (гор-батовская) губернии, Поволжье (бестужевская) и Северный Кавказ (калмыцкая, киргизская, симментальская, голландская, швицкая и другие породы).

В северных районах для скота строили специальные теплые хлевы, на юге его могли содержать в полуоткрытых хлбодных помещениях. Основной заботой крестьян была заготовка сена, а отсюда — разработка сенокосных и пастбищных угодий. Выпас скота в покотине (огороженном участке) или в лесу производился без пастухов на Европейском Севере и в Сибири, в остальных местностях крестьянские общества нанимали пастухов отдельно для выпаса каждого вида животных. В начале пастбищного сезона скот пасся на лугах, затем, когда наступала очередь сенокосения, он перегонялся на паровое поле, а после поднятия паров - на выгоны (пустопорожные земли, участки возле селений). По снятии сена с лугов туда его снова перегоняли с выгонов, а после уборки хлебов в полях - на ржаное или яровое жнивье.

С конца XIX и в начале XX в. выделились районы торгового скотоводства в северных и в центральных губерниях (Ярославской, Вологодской, Псковской, Новгородской, Тверской, Владимирской, Петербургской, Московской), промышленного скотоводства в столицах, в Центре и на юге (в Московской, Петербургской, Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской губерниях). Животноводство этих районов получило молочное направление, и земледелие приспособлялось к нему. Особое значение приобретает производство вологодского масла, отправлявшегося не только на внутренний рынок, но и за границу. Вначале русское маслоделие и сыроварение развивалось в помещичьих хозяйствах, но уже в середине XIX в. существовали кулацкие и купеческие маслодельни и сыроварни.

Промышленное животноводство требовало большого числа рабочих рук, поэтому в его центрах нанимали косарей, пастухов, доярок, конюхов и других рабочих, приходивших из губерний Севера и средней полосы; развит был и отхожий пастушеский промысел в южные губернии (чабаны, табунщики).

В Сибири с проведением железной дороги (с 1890-х годов) быстрыми темпами стали развиваться товарное скотоводство и маслоделие, реализация продуктов которого шла через маслодельческие кооперативы, объединявшие зажиточных хозяев.

Самым нужным животным в крестьянском хозяйстве всегда оставалась лошадь. В основном держали породы лошадей выносливых, неприхотливых, приспособленных к местным условиям: на Севере и в лесных районах — мезенки, вятки, обвинки, печорки, тавдинки, нарымки, казанки, шведки (финская порода), на юге - степные лошади монгольской породы, в Оренбургской и Самарской губерниях - киргизской, на Дону и в Саратовской губернии - калмыцкой, в Уфимской - башкирской.

Уже с XV в. в Москве существовали "государевы конюшни", снабжавшие племенными лошадьми конюшни государевых слобод и сел (Бобровское Воронежской губернии и др.). В XVIII в. появились казенные и частные конезаводы во Владимирской, Казанской, Воронежской, Рязанской, Астраханской губерниях.

Овцеводство в это время носило главным образом потребительский характер, и крестьяне держали овец для собственных нужд. На Севере вывели короткохвостую породу, в Центре и на юге - длиннохвостую, еще было несколько местных пород (у казаков Дона). Славилась овца романовской породы (Ярославль). Но промышленное овцеводство имелось лишь у помещиков, купцов, зажиточных крестьян на юге, где вывели овец тонкорунных пород.

Крестьяне и мещане разводили коз (особенно в Пензенской, Оренбургской губерниях). Свиноводством занимались с конца XIX в. довольно усиленно. Появился экспорт свинины из Рязанской губернии. Помещики и купцы развели, кроме местных пород, йоркширов, беркширов и др.

Птицеводством русские крестьяне в XIX в. занимались повсюду. Оно велось для личного потребления (куры, гуси, утки). В помещичьих имениях разводили индюшек. Породы птиц были выносливы и не требовали особого ухода, содержались в хлевах со скотом. Товарный характер птицеводства появился в Ярославской губернии (цыплята для столиц) и особенно в Западной Сибири (экспорт яиц). Одно из постоянных занятий русских крестьян составляло пчеловодство. Старый его вид, известный с древности - бортничество, еще встречался и в XIX в. Медом и воском исстари платили на Руси подати и налоги. Уже с XVI-XVII вв. продукты русского пчеловодства стали вывозиться за границу. В XIX в. пчело-водством занимались русские крестьяне повсеместно, кроме самых северных губерний. Основными его центрами стали Вятская, Уфимская, Воронежская, Томская губернии и Кубанская область. Пасеки обычно устраивались в садах, огородах, лесах, на полях. Но крестьянское пчеловодство было малопродуктивным, кроме западносибирского, алтайского и русского в Киргизии и Казахстане. Крупные пасеки имелись лишь у помещиков - до 500-1000 ульев.

Как видим, в сельском хозяйстве в XIX - начале XX в. происходила дальнейшая хозяйственная специализация районов, выделялись отрасли торгового земледелия и скотоводства. Появились центры торгового зернового хозяйства на юге и востоке, торгового скотоводства на Русском Севере и в Центре, льноводства - на Севере, промышленной обработки сельскохозяйственных продуктов - на юге. По агротехническому уровню помещичьи хозяйства намного превосходили крестьянские, но умелое крестьянское хозяйствование, основанное на многовековом опыте и традициях, а главное, на нравственном отношении крестьян к земле, не останавливало развития общерусской аграрной культуры.

АГРАРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В традиционной культуре каждого народа календарь - один из ее наиболее ярких элементов, так как отражает результаты сложного процесса взаимодействия народа и региональных географических условий. Русский народный календарь отразил и специфику образа жизни православного русского крестьянина, и природно-климатические условия, прежде всего, Центральной части Европейской России (где он и складывался), с ее умеренно континентальным климатом и непостоянством переходных сезонов (весна и осень).

Последовательное чередование сезонных явлений природы, обусловленное режимом обращения Земли вокруг Солнца (за 365 дней 5 час. 48 мин. 45 сек.), лежит в основе солнечного календаря восточных славян и, в частности, традиционного календаря русских. Названия месяцев древнерусского календаря показывают, сколь внимательно исстари велись наблюдения за сезонными явлениями. Например, январь назывался сечень, просинец (время вырубki леса); февраль - снежень или лютый (лютые морозы); март - сухой (бедный осадками месяц); апрель -цветень, березень (начало цветения садов, берез); май - травень (зеленая трава); июнь - червень (краснеет вишня); июль - липец (цветение

липы); август — серпень (время жатвы); сентябрь - вересень (цветение вереска); октябрь - листопад; ноябрь - грудень (мерзлая колея на дороге); декабрь - студень (холодно). Сезонные фенологические явления, а также череда сезонных хозяйственных забот (например, август - серпень) составили основу календарной цикличности у русских.

К XIX веку русский народный календарь упоминал имена более 400 святых, мучеников, лиц духовных и лиц княжеского происхождения. "Персонификация" календарных дней года позволяла малограмотным крестьянам лучше ориентироваться во времени.

Имена, события, идеи христианства по-своему интерпретировались народом, приближались к повседневным нуждам крестьян. Так, мученик Исидор стал Сидором-огуречником 14(27) мая, а августовские спасы - крупные праздники христианского календаря, навеянные представлением о Христе-спасителе, — народ связал с циклом осенне-летних хозяйственных работ. Первый спас 1(14) августа, посвященный кресту ("происхождение древ креста господня"), получил в народе название -медовый (вынимали соты в это время). Второй спас 6(19) августа - преображение (изменение облика Христа во время молитвы) стал именоваться яблочным (это время начала сбора яблок), а третий спас 16(29) августа - праздник в честь иконы с изображением спасителя известен в народе как хлебный, т.е. период дожинки. Новые святые нередко воспринимались через явления природы, характерные для этих дней года. Б.А. Рыбаков, анализируя календарь древних полян, обнаруженный в селе Ромашки Киевской области, выполненный в форме орнамента на глиняном кувшине IV в., пришел к выводу, что выделенные особо дни: 20 июля - праздник Перуна; 2 мая - день молодых всходов; 4 июля - день Ярилы; 24 июня - Купала, день солнцеворота и 7 августа - праздник урожая - хорошо коррелируются по срокам с более поздними праздниками, приходящимися на эти дни: 2 мая - день Бориса и Глеба; 4 июня — "семика", связанный с переходящей Троицей; 20 июля - день Ильи, перенявшего у Перуна грома, а 7 августа соответствует большой праздник Преображения, празднуемый 6 августа. Аналогичного мнения придерживается и В.Я. Пропп: "...и те праздники, которые церковь считает своими, как праздники рождения, смерти и воскресения Христа, также оказываются по своему происхождению языческими". Возможно, что именно наблюдения за природой, сезонными явлениями, лежащие в основе народного календаря, стали причиной того, что "бытовое содержание праздников всегда оказывается более устойчивым, чем тот мифологический смысл, который в них вкладывается". В этом аспекте и представляется интересным рассмотреть русский народный календарь.

На старых русских резных деревянных календарях особо, с помощью славянских букв, монограмм и пиктограмм, выделены дни: прилета птиц; установления санного пути, установления льда на реках, грозы в Ильин день. Эта традиция продолжает жить и в дальнейшем, народный календарь выделяет даты (памятные дни), для которых характерны те или иные фенологические или метеорологические явления. Стабильно "прикрепленные" к определенному периоду года, они не связаны с прогнозом погоды, а лишь отражают сроки сезонных перемен, характерные для климата средней полосы России. Так, пограничным днем на стыке осени и зимы, народный календарь считал Покров - 1(14) октября. "До Покрова осень, а за Покровом — зима идет". Уже спустя четыре дня, с Ерофея - 4(17) октября ожидали усиления холодов; но "настоящая" зима приходила на Казанскую-осеннюю — 22 октября (4 ноября), когда выезжая на колесах, полозья клали в телегу". На Кузьму - Демьяна 1(14) ноября реки сковывало льдом, но уже через неделю возможна Михайловская оттепель 8(21) ноября, которую сменяли морозы и холод дня Федора Студита - 11(24) ноября. Народный календарь выделяет несколько волн холода в течение зимы. Морозы: Рождественские (25 декабря -7 января), Васильевские (с Рождества до Нового года), Крещенские (6(19) января), Афанасьевские (18(31) января), Тимофеевские — 22 января (4 февраля), Сретенские (но возможна и оттепель) (2(15) февраля), Власьевские (11(24) февраля) и самые поздние, редкие Благовещенские - 25

марта (7 апреля). Но уже с Матвея - 24 февраля (9 марта) - ощущается приход весны, сначала на юге России, где птицы начинают подыскивать места для гнезд, а затем и севернее. На Василия капельника — 28 февраля (13 марта) — первая оттепель, на Прокопа (дорогорушителя) - 27 февраля (12 марта) - начинают рушиться зимние дороги.

Такая зональная особенность, как нестабильный, поздний приход весны (обусловленная континентальностью климата), нашла отражение в народном календаре. Русские традиционно выделяли три встречи весны: на Сретенье -2(15) февраля, на Евдокию - 1(14) марта и на Благовещение - 25 марта (7 апреля). Начавшееся на Прокопа - 27 февраля (12 марта) - разрушение санных путей могло затянуться до святого Руфа - 8(21) апреля, когда и трава появляется, и теплый ветер начинает дуть (с Федула, 5(18) апреля), но по-настоящему весну начинает и землю "отмыкает" Егорий - 23 апреля (6 мая), особо почитаемый крестьянином.

Постоянное внимание к явлениям, происходящим в окружающей среде, - отличительная черта календаря русского крестьянина (сезонным явлениям природы посвящено не менее 2/3 всех календарных дат). Земледельческая ориентация крестьянского хозяйства определила внимательное отношение как к метеорологическим явлениям природы, так и к фенологическим (сезонного порядка). Отмечали появление росы (с Иова - 6(19) мая) и прекращение северных ветров (на Сидора - 14(27) мая), грозы и дожди (Ильин день - 20 июля (2 августа), половодье (Антипы 11(24) апреля), утренние холода (на Калиника - 29 июня (12 июля), первые заморозки (лупенские - 23 августа (5 сентября), сильные ветры (на Астафия — 20 сентября (3 октября), осеннее возвращение тепла (бабье лето), а также: появление комаров (Лукерья-комарница - 13(26) мая), переселение лис в новые норы (Мартин-лисогон - 14(27) апреля), появление жаворонков (на Алексея -17(30) марта), отлет журавлей, уток, стрижей и ласточек (третий спас 16(29) августа), отправление на зимнюю спячку змей, лягушек (с Воздвиженья - 14(27) сентября) и др. Необходимые для прогнозирования погоды, эти наблюдения учитывались и в хозяйственной деятельности.

Однако календарные наблюдения русского земледельца не ограничивались вниманием лишь к сезонным явлениям, традиционно много внимания уделялось наблюдениям за состоянием погоды, окружающей среды в определенные дни года. На основе таких наблюдений, имевших комплексный характер и охватывающих явления метеорологические и фенологические, составляли прогноз погоды на длительный срок.

Например, холодную и продолжительную зиму предвещало появление восточного ветра в Семенов день - 1(14) сентября: признаком ранней зимы был и отлет аистов за неделю до Спаса - 1(14) августа; северный ветер на Покров - 1(14) октября - обещал холодную и суровую зиму.

Более точно ориентированы следующие октябрьские (по новому стилю) приметы:

- если первый снег на Сергия - 25 сентября (8 октября), то зима установится на Михайлов день - 8(21) ноября;
- если журавли полетят на Евмена 18 сентября (1 октября), то на Покров — 1(14) октября - будет мороз, а если не улетят, то зима раньше Артемова дня — 20 октября (2 ноября) не наступит;
- большая грязь на Грязнику Параскеву - 14(27) октября, то зима должна установиться через 4 недели.

Зиму с частыми оттепелями обещает, по народным наблюдениям, теплая "Родительская неделя" (с 16(26) октября по 29 октября (8 ноября).

Интересен ряд зафиксированных приметами взаимных метеорологических зависимостей:

- Дмитрия день - 26 октября (8 ноября) на "лодке", т.е. мокро, Егорий - 26 ноября (9 декабря) на санях, т.е. снег; и наоборот - если в Дмитриев день снег, то на Егория дождь;
- Вероятность Михайловской оттепели 8(21) ноября тем больше, чем сильнее

были морозы на Кузьму и Демьяна — 1(14) ноября;
- Но если в Михайлов день - 8(21) ноября зима "закует" морозом, то на Николу 6(19) декабря "раскует" оттепель.

Часто погода одного, определенного дня прогнозирует погоду на какой-то период. Так, сильный ветер в день Матвея - 16(29) ноября, как и снег в Парамонов день - 29 ноября (12 декабря) обещает метели и вьюги до Николы (зимнего) 6(19) декабря. Характер весны определялся несколькими наблюдениями, в том числе: оттепель на Рождество - 25 декабря (7 января) - весна будет ранняя, то же самое обещали теплые дни на Федосия Весняка - 11(24) января и на Макарьев день - 19 января (1 февраля), поздняя же весна предвиделась, если на Афанасия Ломоноса - 18(31) января случалась метель или на Трифонов день — 1(14) февраля выдавалась звездная, ясная ночь.

Значение весеннего тепла для земледельца, а также капризы погоды в средней полосе России предопределили ту тщательность, с которой русский крестьянин старался предугадать ход весеннего потепления. Для этого наблюдали: погоду в Сретенье - 2(15) февраля, день первой встречи весны, если в этот день было холодно, то весну ожидали позднюю, а если была оттепель, то раннюю; в день Евдокии Плющихи — 1(14) марта, когда происходила вторая встреча весны, катали комок снега величиной с детскую голову, и если он за день растает, то ожидали теплое лето, наблюдали в этот день за погодой — если холодно и северный ветер, то зима еще долго продержится, а если тепло и тает, то будет хорошая весна, смотрели, если курочка в этот день воды напьется из лужи, то овечка на Егория — 23 апреля (6 мая) травы наестся. Теплый ветер в день Евдокии обещал лето мокрое, а северный ветер - лето холодное; впрочем, в бывшем Череповецком уезде Новгородской губернии, "вьюжная" Евдокия обещала дружную весну. До третьей встречи весны (Благовещенье), примечали погоду трижды:

- на Федотов день — 2(15) марта. Если метель, то зима затянется;
- на день Сорока мучеников - 9(22) марта. Если в этот день снег тает под углами строения так, что вол может досыта напиться, то будет хорошая весна;
- на Алексея теплого - 17(30) марта - тепло, то и весна будет теплая.

Благовещенье - 25 марта (7 апреля) рассматривалось крестьянином как третья встреча весны, когда весна уже поборолла зиму, но впереди могут быть еще холода, и весна, наступившая до Благовещенья, обещала впереди много морозов. Прилет в это время уток-крякв сулил скорое тепло; отсутствие в это время ласточек (в южных районах России) - примета холодной весны, как и заморозки в этот день; снег, лежащий в это время на крышах домов в средней полосе России, обещал лежать в поле и на Егория - 23 апреля (6 мая).

Задержавшееся до дня Антипа - 11(24) апреля половодье, означало для средней полосы России весну очень холодную.

Каждый сезон года, тип погоды имел и свои приметы и свои определенные дни, наблюдая которые крестьяне России составляли долгосрочный прогноз.

Поднимающееся на заре сквозь облака солнце в день Якова — 30 апреля (13 мая) предвещало дождливое лето, как и сырая погода на Мокея - 11(24) мая; холода в день Сидора - 14(27) мая - холодное лето; северо-западный ветер в день Луки-ветреника - 3(16) июня - к сырому лету; зато теплый день Пахома Бoko-грея - 15(28) мая сулил лето теплое; дождь на Самсона - 27 июня (10 июля) обещает семь дождливых недель; примечали также, если Макрида — 19 июля (1 августа) суха, то и осень будет сухая; ветреная погода на Исакия - 3(16) августа обещает крутую зиму; а если в Покров - 1(14) октября ветер весь день дует с севера, то зима будет холодная, но если дует с юга, то теплая (примета у русских бывших Подольской и Херсонской губерний) и др.

Многие традиционные долгосрочные прогнозы, основываясь на календарном цикле, обращаются и к фенологическим явлениям. Например, перед Успеньем - 15(28) августа в западных частях России наблюдали за аистами, замечая: если они за неделю до этого дня

готовятся к отлету, то осень будет холодная, а весна теплая. Улетевшие перед третьим Спасом 16(29) августа журавли обещали мороз на Покров - 1(14) октября. Налим, отправляющийся на нерест перед Филипповым заговеньем 14(27) ноября, - примета ранней весны, а если он нерестится перед осенним Егорием - 26 ноября (9 декабря), то весна будет поздняя.

Однако значительное число долгосрочных прогнозов погоды опирается лишь на фенологические наблюдения, не обращаясь к календарю. Такие наблюдения характерны для каждого времени года, так как каждый сезон обусловлен своим определенным кругом изменений в природе. Так, среди примет весны - первый гром, после которого земля "расступается и оттаивает", прилет птиц, "пробуждение" растительности и т.п. Значительные колебания из года в год срока наступления весеннего потепления, характерные для средней полосы России, обусловили особое внимание к фенологическим явлениям. С этой целью наблюдали за поведением птиц. Традиционно на Смоленщине считали, что настоящая весна начинается с прилета журавлей, а хорошая дружная весна бывает, когда журавли прилетают огромными стаями. На Новгородчине считалось, что ранний прилет журавлей обещал позднюю весну, зато лебеди, по народному поверью, "на хвосте лето несут". Ранний же прилет жаворонков - к теплой весне. Отмечая массовость появления, вид пернатых, наблюдали за высотой их полета, "гуси, лебеди высоко летят - к большому половодью".

Приметы - "май с водой - июнь с травой", "много снега - много хлеба", однозначно связавшие важное для жизни русского крестьянина обилие хлеба и сена с особенностью погодных условий, хорошо иллюстрируют и основную цель наблюдений крестьянина за погодой — обеспечить успех жизнедеятельности, а также специфическую особенность этих наблюдений: часто предсказывается не характер предстоящей погоды, а то, как повлияет эта ожидаемая погода на те или иные стороны жизни, прежде всего хозяйственной. Так, для небогатого кормами крестьянского хозяйства метель, вьюга в день Евдокии - 1(14) марта, когда соломинки "перелетают" через дорогу, предвещала, что скот придется кормить (в хлеву) лишние две недели вследствие запаздывающего весеннего потепления.

Народные приметы, связанные с выращиванием яровых зерновых культур, демонстрируют многообразие и тщательность повседневных наблюдений за погодой, отражающих сложную зависимость земледелия от погоды. Согласно календарю сев яровых начинался с вешнего Егория - 23 апреля (6 мая) и продолжался до Николы - 9(22) мая. Уточнению сроков сева в условиях местных капризов погоды служили наблюдения за состоянием живой природы. На Владимирщине и в Ярославской губернии сев пшеницы традиционно проводили в период цветения черемухи, можжевельника, когда на полях появлялись трава жабрей (*Galeopsis tetrahit*), а на дубах листья.

Много сугробов снега зимой, как и большое весеннее половодье, обещали много копен хлеба и "легкий" год. Если зима с наслудом (наледью -водой, выступившей в реке поверх льда), лето будет с просом, считал русский земледелец. И в тот год, когда весной таяние снега шло "дружно", яровые сеяли рано.

Успех земледелия очень сильно зависел от характера погоды. В Центральной России в условиях объективно отмечаемой сложности прогнозирования погоды народные приметы русских "на погоду" и "на урожай" отличаются как широтой наблюдений, так и синкретичностью. Сложное влияние рационального и иррационального можно проследить на материале примет, связанных с календарными датами и циклами.

Обратимся к народным представлениям о високосном годе и, непосредственно, дне Касьяна. Выделяясь своей продолжительностью в череде лет, високосный год уже этим традиционно привлекал к себе внимание, заставляя ожидать чего-то необычного (чаще всего плохого). Память по ассоциациям подыскивала и подсказывала аргументы в пользу "худой" исключительности високосного года. "Касьян Злопамятный", "Касьян Скупой",

"Касьян Немилосердный" - эпитеты, присвоенные Касьяну народом.

Современная наука выявила циклический характер солнечной активности; ее влияние на жизнь Земли. Можно предположить, что периодически происходит совпадение "пиков" солнечной активности с чередой високосных лет. Периоды солнечной активности, правда, не являются абсолютно точными и варьируются весьма широко, что, впрочем, не исключает возможность "наложения".

Согласно народным представлениям дурной славой пользовался не только високосный год, но и тот из семи дней недели, на который пришелся день 29 февраля. В течение последующих трех лет этот день считался "несчастливым днем".

Сопоставление некоторых календарных примет с данными многолетних наблюдений в Московском крае свидетельствуют о позитивной ценности примет. Например, находят подтверждение приметы, отметившие ежегодное понижение температуры 19 января (крещенские морозы), усиление грозовой активности в начале августа (Ильин день), сентябрьское потепление (бабье лето), а также предсказания, связанные с днем Самсона (27 июня (10 июля): на Самсона - дождь - семь недель дождь, и Покровом (1(14) октября): холодный ветер на Покров обещает холодную суровую зиму.

Народный календарь, органично связавший образ жизни, специфику труда русского земледельца с природно-климатическими условиями Центральной Руси, сыграл важную роль в процессе адаптации русских новоселов на Русском Севере (в XII—XIII вв.) и в Сибири (в XVI-XVIII вв.). Более суровые природно-климатические условия Сибири и Севера повлияли, прежде всего, на сроки земледельческих работ. Более позднее, с середины мая, начало пахоты фиксируют календари на Русском Севере. В Туринском уезде (Тобольская губерния) сев пшеницы проводили на Ивана Богослова — 8(21) мая. Дождавшись окончания затяжных майских заморозков, с 11 июня высаживали рассаду в грунт в Забайкалье. Как и в Центральной России, на новом месте особое внимание уделяли наблюдениям за живой природой. В Енисейском округе пашню начинали поднимать, когда в оттаявшей земле корешок травы "отойдет"; в Туринском уезде (Тобольская губерния) пшеницу сеяли, когда черемуха расцветет. Показателем поспевшей ржи в Тюменском и Туринском уездах (Тобольская губерния) была поспевшая черника, а в Забайкалье о спелости овса судили по поспевшей бруснике.

На новом месте новоселы продолжали пользоваться старыми наблюдениями, приметами, связанными с календарем. Так, в Сибири и на Русском Севере были широко распространены традиционные предсказания крещенских морозов, летних гроз в Ильин день и такие приметы, как: "сорок мучеников 9(22) марта — сорок утренников" (Ангара), "на Мокия 11(24) мая мокро - все лето мокро", - хорошо известные населению Московской Руси. Некоторые календарные приметы претерпели эволюцию. Например, широко известная примета "если на Евдокию 1(14) марта - вода, то на Егория 23 апреля (6 мая) - трава" видоизменилась у поморов: "если на Евдокию вода, то на Егория будет в реках еще лед", сибиряки же замечали: "на Евдокию не замерзнет - быть ранней весне".

Общение с другими народами, обращение к их опыту ведения хозяйства способствовали тому, что многие сведения о местных природно-климатических условиях русские позаимствовали и широко использовали. Между тем имел место и встречный процесс: местное население, заимствуя трудовые навыки русских крестьян, стало использовать и русские приметы, календарь. Например, в Забайкалье коренное население взяло у русских вместе с приемами полеводства и их земледельческий календарь.

Русский народный календарь, безусловно, является одним из наиболее ярких, самобытных памятников культуры русских, отразивших образ жизни народа, его мировидение и специфику природно-климатических условий России.

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КРЕСТЬЯН НА ЗЕМЛЮ И ТРУД

Для православной этики русского крестьянина характерно понимание труда как источника и способа стяжания Божией благодати ("Бог труды любит"; "Царство небесное трудно"). Вера и труд занимали центральное место в системе ценностей русского крестьянина-христианина по вере и христианина по образу жизни. Тружеником, трудником в русском языке назывался человек, обрекший себя на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неутомимо. Трудник, по Далю, вместе с тем и человек, работающий на монастырь, и сподвижник по обету, схимник (Даль, 1989. Т. IV. С. 437).

Труд как таковой в глазах верующего, каковым являлся русский крестьянин, выступает одним из главных средств к спасению души и обретению Царства Божия, а христианская мораль, без сомнения, носит трудовой характер.

Земледелие, по мнению Св. Димитрия Ростовского, "есть самое необходимое искусство; ему научил человека Сам Бог, когда создал его. Итак, да не устыдитесь земледелец простого звания своего, и никто да не попрекнет его незнатностью происхождения его: из земледельцев выходили и цари, и св. угодники Божий" (Практическая симфония... С. 295).

Не меняя общего смысла в понимании характера труда, русское православие приобрело в этом отношении собственный опыт. Жизнь и поучения русских подвижников благочестия сформировали у русского православного человека, преимущественно земледельца по роду занятий, представление о совместимости земледельческого труда с делами благочестия. Замечательные слова сказал преподобный Симеон, Христа ради юродивый, перед кончиною своему другу диакону Иоанну: "Между простыми людьми, живущими в деревнях и возделывающими землю, многие проводят жизнь свою в незлобии и простоте сердца, никого не хулят, никого не обижают, но питаются трудами рук своих, в поте лица своего; между такими людьми есть великие угодники Божий" (Практическая симфония... С. 295).

Христианство выработало отношение русского крестьянина к земле и всему тому, что на ней произрастает, как земле Божией, к домашнему скоту и всякой "твари" как "твари Божией" и наложило отпечаток на практику земле- и природопользования, определив всю систему взаимоотношений человек-природная среда. Христианство способствовало выработке добросовестного отношения к труду, строгой дисциплины на основе представления о том, что труд благословен Богом. В морально-психологическом отношении труд русского земледельца был немислим вне осознания ответственности перед Богом и исполнения его заповедей по отношению к земле, твари и своему ближнему в процессе хозяйственной деятельности.

Для христианского сознания русского крестьянина было характерно представление о земле, как о земле Божией. Земля Божия- этико-религиозное понятие, выражение целостного взгляда православного крестьянства на мир как творение. Выработка же конкретных форм землепользования была делом хозяйственного опыта. На Русском Севере, в Сибири наряду с традиционными формами землепользования существовала практика купли-продажи земли, дарения ее и пр., т.е. всего того, что в экономической науке принято обозначать термином отчуждение. Однако означенные явления во многом выходят за рамки собственно экономических понятий. Они определялись православными, религиозно-нравственными представлениями, а наиболее полной и последовательной формой выражения последних являлась деревенская община.

Регулирование общиной земельных, хозяйственных вопросов основывалось на заповедях Христовых ("возлюби Бога всем сердцем, всей душой, всем разумением и возлюби ближнего как самого себя"). Отсюда то общее чувство справедливости, правды, гарантом которых выступал сельский мир. Разумеется, случалось, что, испытывая

давление со стороны определенной группы, община принимала решения, идущие вразрез с интересами большинства. Но это никак не может отменить того неоспоримого факта, что нравственной основой регулирования общиной земельных и хозяйственных вопросов были заповеди Христовы.

Религиозно-нравственные представления, лежавшие в основе отношения русского крестьянина к земле и труду, оказали, таким образом, определяющее воздействие на складывание норм обычного права, регулировавших в числе других и повседневную хозяйственную жизнь крестьянского мира. Так, на основе обычно-правовых норм, осмысленных в духе христианского учения, осуществлялось урегулирование земельных и хозяйственных споров. В материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (архив РЭМ) находится ряд сообщений из различных мест о редких случаях посева хлебов на чужой полосе и о традиционных способах разрешения этих конфликтов. По взаимному согласию сторон виновный обязан был либо уплатить вознаграждение собственнику полосы (от одного до трех рублей), либо уступить ему часть посева. Допускалась и возможность компенсации: "Ты посеял на моей [полосе.- Авт.], я посею на твоей; сколько ты семян посеял на моей полосе, я отдам тебе, но работы твоей уж должно пропасть даром, потому что ты сам залез на чужую полосу". При чересполосном владении землей крестьяне считали "тяжким грехом отпахать от чужой полосы землю", если же какой "завистливый человек и отпашет от чужой полосы, то он теряет уважение крестьян", - сообщал корреспондент Этнографического бюро из Пошехонского уезда Ярославской губернии (РЭМ ОР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1811. Л. 6, 18). Как видим, сложившаяся в крестьянских сообществах трудовая этика была следствием "оправдания верой" хозяйственной деятельности русского крестьянина.

Упование русского крестьянина на волю Божию породило у части наблюдателей ошибочное мнение о беспечности крестьян, их инертности в деле всевозможных улучшений в хозяйстве. Русский крестьянин, будучи человеком практичным, выработавшим в поколениях многообразные и достаточно рациональные способы обработки земли, сева, ухода за посевами, уборки и обработки зерновых и технических культур, в то же время в основе своей деятельности видел Промысл Божий. Вера русского крестьянина в Богосотворенность мира, в то, что все происходящее осуществляется по воле Божией, но не помимо человека, сформировала его как человека, нашедшего в христианстве нравственную опору своей хозяйственной деятельности. Имея такую опору, русский крестьянин стойко воспринимал нередко сопровождающие хозяйствование на земле засуху, неурожай и пр. И если после предпринятых усилий он полагался на волю Божью, то это говорит не о его неумении и беспомощности, а о глубине веры его. "Нерадение" крестьян в действительности было смирением человека, сделавшего все, что от него зависит, и потому положившегося на волю Божию.

Многочисленные наблюдения, зафиксированные в фондах научных обществ (Вольного Экономического общества, Русского Географического общества, Этнографического бюро В.Н. Тенишева), отмечают трудолюбие русского крестьянина, питающееся не жадной обогащения любой ценой, а нравственным долгом и потребностью души, своего рода эстетической, ибо в труде крестьянин видел не только страду, но красоту и радость. При этом, надо сказать, для русского крестьянина не характерна привычка жаловаться на жизнь, какой бы она ни была, и он не испытывал чувства зависти к более богатым, живущим лучше других. Богатство и бедность "принимались как дар или наказание, ниспосланные Богом. На Бога же жаловаться нельзя. Бог волен наградить милостью своей или наказать гневом своим. Он может послать тяжкие испытания праведнику и обогатить, осчастливить недостойного" (Столяров, С. 22).

Обряды, осуществленные в соответствии с устоявшейся церковной практикой и дополненные определенными нормами и правилами, закрепленными в форме народного обычая, составили важнейшую черту культурно-хозяйственной жизни русских. Обряд является формой удовлетворения религиозных потребностей верующих (Полный

православный энциклопедический словарь. С. 2351).

Проникновение православия во все поры хозяйственной жизни деревни сказывалось в надежде русского крестьянина на покровительство сил небесных. Широко распространенная практика церковных богослужений-молебнов (благодарственных или просительных молений о благополучии личном и общественном) выражала православный характер хозяйственного бытия нашего крестьянина. Крестные ходы и просительные моления о хорошей погоде, богатом урожае и т.д. в храме или вне его, освящение скота, земли, воды проводились в дни церковных праздников и в особые дни, связанные с крайне неблагоприятными для селения или ряда селений событиями в прошлом или настоящем.

Ежегодные крестные ходы и молебны на святых источниках и крестьянских полях во благополучие всего селения проводились в дни Господских и Богородичных праздников, а также в дни, связанные с почитанием Богородицы и популярных в крестьянской среде св. Ангелов, Апостолов, Пророков, великих святителей, мучеников, и др. святых (Вознесения, Владимирской иконы Божьей матери, Боголюбской иконы Божьей матери, св. апостолов Петра и Павла, Ильи-пророка, Николая-угодника, великомученика Георгия).

Так, в селе Перестряж Калужской области вплоть до 30-х годов ежегодно в Вознесение устраивался крестный ход. В этот день после обедни богомольцы шли крестным ходом на святой источник (здесь в начале 20-х годов обновилась особо чтимая икона Божьей матери), где затем служился молебен о всеобщем благополучии села, а также об избавлении от различных несчастий личного характера. В деревне Андреевское (той же области) на Троицкой неделе в пятницу утром после возвращения от обедни совершался крестный ход вокруг деревни с заходом на рожь, после чего служили молебен на всех святых источниках селения. К одному из источников пригоняли деревенский скот, и крестный ход обходил вокруг стада, а скот кропили святой водой, молясь о благополучии скота и хлебов, о дожде, если лето засушливое, или о предохранении от градобития (Музей истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 120. Л. 1-3).

Сроки проведения крестного хода, думается, зависели и от степени популярности и почитания святого в конкретной местности (волости, уезде, ряде уездов), и от того, в чью честь назван престол (или один из престолов) церкви того или иного прихода.

Крестные ходы, проводившиеся по особым дням в память о неурожае, градобитии и т.п. в прошлом и о предотвращении такого несчастья в настоящем и будущем, были, как правило, обетными. Так, у крестьян деревни Зарубино (Вологодская губерния) червь весной истребил всю озимь, поэтому крестьяне установили: ежегодно "о сохранении хлебных посевов от вредных насекомых и скота от падежа служить в последнюю пятницу перед днем св. пророка Илии молебен св. Параскеве Пятнице и не работать в этот день. Крестьяне свято чтят этот день, мало вкушали пищи и совсем не употребляли водки" (ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69. Л. 2).

Молебны и крестные ходы проводились не только по случаю церковных праздников, но и в связи с началом и окончанием сева. Решение о проведении молебна на поле и крестного хода принималось на мирской сходке с последующим приглашением причта. В поле устанавливали чашу с освященной водой, свечи и ковриги хлеба. Расположившись у стола полукругом, несколько крестьян держали в руках иконы, напротив - священник с причтом, и за ними - все остальные крестьяне. По окончании молебна священник бросал на пашню горсть ржи, собранной с каждого двора. Затем он "двигался краем поля в сопровождении дьячка, несущего чашу с водой, поперек всех загонов и кропил, а следом за ним шел крестьянин — "засевщик", выбранный на сходке, и сеял. После этого иконы относились в церковь, а священника приглашали в избу и угощали" (Громыко, 1991. С. 177—178). Несколько иной вариант обряда зафиксирован СВ. Максимовым на Русском Севере. Здесь по окончании молебна священнику подавали севалку - "лукошко с веревочкой, чтобы было ловко перекинуть ее через плечо", — из которой он сам привычной рукой разбрасывал зерна по пашне. Затем он шел краем поля, поперек всех загонов, и кропил все полосы святой водой (Максимов. 1979. С. 482).

В некоторых селениях после окончания молебна столы и скамьи оставляли в поле до праздника Вознесения Господня: крестьяне верили, что Христос приходит на поля, сидит и беседует на оставленных в поле скамьях (АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 62. Л. 17).

Деревенские крестные ходы сопровождала атмосфера особого благочестия, "несмотря на наличие большого количества народа, было тихо, как в могиле, — читаем в одном из описаний крестного хода, - здесь все проникнуто верой и испрашивали благословения на предпринимаемое дело" (РЭМ ОР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 56. Л. 7).

Первый среди христианских праздников, связанный с началом подготовки к земледельческим работам, — день великомученика Георгия Победоносца. В этот день впервые после зимы выгоняли скот в поле. Начиная с Егория пора было "приступать к полевым работам, и обычный срок найма сельскохозяйственных работников и пастухов был от вешнего до осеннего (26 ноября по ст. стилю), когда заканчивались все работы и производились окончательные расчеты" (Соколова, 1979. С. 155). Святой Георгий - один из самых почитаемых святых, на Руси ему посвящено большое число храмов. В сознании православных он был покровителем домашних животных и диких животных ("все звери у Егорья под рукой"), разъезжающим на белом коне и раздающим зверям наказы (Даль, 1989. Т. IV. С. 669).

Икона, пасхальная свеча, освященные хлеб и верба - неперенные священные атрибуты обряда первого выгона скота в Егорьев день. В Смоленской и смежных с нею губерниях в каждом доме перед выгоном скота хозяин с хозяйкой зажигали перед иконами свечу, с которой они стояли в Церкви в Великий четверг, затем стол накрывали чистой скатертью, клали на нее непочатый каравай хлеба или булки, полную соли солонку и молились Богу. После этого хозяин с иконой и свечой, хозяйка с хлебом и солью идут в хлев, где обходят всю скотину, приговаривая: "Святой Егорий, батюшка, сдаем тебе на руки скотинку и сохрани ее от зверя лютого и человека лихого". Икону ставили над воротами... и выгоняли скотину на улицу, пастух вновь обходил стадо с иконой и повторял те же слова, что и при выгоне скота со двора (Дилакторский. С. 404). Каждый хозяин, придя от заутрени, скармливал домашней скотине освященную вербу, ею же выгоняли скотину в Егорьев день. По народному поверью, ветви святой вербы получают целительную силу, предохраняя в течение всего года животных от падежа. (Н-лов. С. 128).

Религиозные мотивы обряда первого выгона скота в поле были столь сильны, что влияли на сроки его исполнения. Так, в случае ранней весны и поздней Пасхи, выгон скота происходил в Вербное Воскресение, хотя, по обычаю, он приходился на Егория. В этот день крестьянские дети выгоняли скотину вербой из ворот каждого дома на церковную площадь, где местный священник кропил святой водой, после чего стадо следовало на выгон (Н-лов. С. 128).

Св. Николай-Чудотворец (Микола-угодник) почитался крестьянами как скорый помощник во всех бедах и покровитель урожая. Обращение к святому с молитвой осуществлялось и в кругу семьи, и в рамках коллективного исполнения церковного обряда в храме и вне его. Перед запахиванием под рожь и яровые, перед засевом и выгоном скота стол в святом углу избы покрывали столешником, на него выкладывали ковригу хлеба со щепоткой соли и зажигали лампадку у стоящей на божнице иконы Николая-чудотворца и молились всей семьей. Хозяин дома читал акафист Св. Николаю.

Во время крестного хода "на посеvy" - ржаное и озимое поля, когда в том или ином селении в обреченные, или "обещанные", дни на полях совершался молебен, обязательно выносилась икона Св. Николая. Как правило, обреченные дни приходились на июнь - время празднования икон Тихвинской, Владимирской Божией Матери, Иоанна Предтечи.

Почитание святителя Николая Мирликийского установилось в православной традиции, видимо, еще до перенесения его мощей в XI в., когда этот праздник был канонически установлен 9(22) мая. Е.В. Аничков отмечал, что еще византийская легенда связывала имя святого Николая с весенними сельскохозяйственными праздниками.

В житии Святителя также говорится, что в Греции в почитание святого творили "по

вся лета память святому Николе, каноны строя" и ставя в дому своем три трапезы - одну братии и странным, вторую — убогим, а третью - друзьям и соседям (Музей истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118. Л. 15). Поэтому у православных русских установилась традиция праздновать зимнего Николу. Ввиду осеннего "довольства" ("полные амбары, больше денег") и окончания сельских работ празднование его продолжалось 3—4 дня.

Наряду с иконописными образами в некоторых районах Центральной России получили распространение "резные, истесанные, издолбленные иконы" Николая-угодника, известные под именем Николы Можайского. Такие резные деревянные, раскрашенные фигуры высотой от 45 до 195 см с характерными для этого иконографического сюжета особенностями - церковь в левой руке и меч в правой -имелись во многих церквях и монастырях Калужской губернии (в Лютиковом монастыре в Калуге, Боровской Борисо-Глебской церкви, Успенском соборе в Перемышле и др.).

Несмотря на запрет Синода, резные иконы Святителя Николая почитались крестьянами как древние и чудотворные. В Перемышльском уезде Калужской губернии издавна существовал обычай в начале лета выносить резной образ из городского собора в селения. Образ "начинал ходить" по деревням. В деревнях его с молебнами носили на яровые и озимые посевы "для урожая", "ниспослания дождя", особенно в засушливые годы; на луга для роста трав; в конские табуны, в стада коров и овец для благополучия животных (Музей истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118. Л. 29).

В деревнях и селах святитель Николай "ходил" по домам - образ заносили в каждую избу, а обратно из избы на улицу его выносили через двор - ради хозяйственного благополучия. На ночь образ помещался в церковь (а в случае ее отсутствия - в избу зажиточного крестьянина), где перед ним кто-нибудь из местных жителей читал акафист святителю Николаю-чудотворцу. Резной образ Николая-чудотворца странствовал по крестьянским межам и полям все лето, удаляясь от Перемышля на расстояние до 20 км. Для крестьян этого уезда Николай-угодник был попечителем не только хлебов и скота, но и конопли, которая высевалась по поймам-"заливам" — на берегах Оки, начиная от впадения в нее р. Жиздры и далее вниз по Оке.

Почитание святителя Николая как защитника посевов конопли от червя устное предание связывает с событиями 90-х годов XIX в. В июне конопля подверглась нашествию гусениц ("черва"), которые, поднимаясь вверх по стеблю, поедали головки конопли. В это время образ Николая-угодника "ходил по деревням". С тех пор ежегодно 30 июня стали устраивать богомолье с вынесением сюда резного образа Николая-чудотворца для предохранения посевов конопли от гусениц. Спустя некоторое время молебен был перенесен на 1 июля - день памяти Козьмы и Демьяна.

Практика проведения молебнов на посевах конопли просуществовала вплоть до 1929 г. В 1929 г. молебен с выносом резного образа Николая-чудотворца на посевы конопли не состоялся. По словам информаторов, записанных исследовательницей М. Шереметьевой в апреле 1930 г., произошло это по халатности самих крестьян. Настоящей причиной отступления от ставшего традиционным религиозного обряда была, вероятнее всего, сложившаяся в стране ситуация религиозной нетерпимости вследствие целенаправленной антирелигиозной государственной политики.

Недели полторы-две спустя на посевах конопли появились гусеницы. Местные власти предприняли ряд безуспешных мер для предотвращения опасности, и крестьяне деревни Горки, взяв статую Николая-чудотворца и другие иконы, решили провести молебен на заливном поле. По окончании молебна "взяли Николу по дворам" (Музей истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118. Л. 36).

Местные власти соответственно отреагировали, и зимой 1930 г. резной образ Николая-чудотворца был взят из Перемышля в Калужский краевой государственный музей. Там его включили в качестве экспоната в состав антирелигиозной выставки. Однако история на этом не закончилась. Весной того же года в музей явилась депутация крестьян из ряда деревень Перемышльского уезда с просьбой вернуть в Перемышль статую Николая-

чудотворца, так как, по словам самих крестьян, "трудно приходится без Николы, только он прогоняет червя с конопей". После того как музей отказался вернуть крестьянам Николая-чудотворца, ходоки обращались в Окрисполком, а затем и в Москву - в Главнауку. Разумеется, их ходатайство осталось без удовлетворения. Однако вера крестьян в заступничество Николая-чудотворца была столь сильна, что еще долго крестьяне Перемышльского уезда приезжали в Калужский музей посмотреть, "цел ли Никола, не посечен ли, не изрублен ли, не сожжен ли" (Музей истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118. Л. 36).

Особо праздновали в русских деревнях Ильин день. О св. Илии крестьяне говорили, что он "зажинает жито" и покровительствует домашним и диким животным. В этот день, а нередко в течение недели после него крестьяне совершали крестные ходы с молебнами о дожде и ведре пророку Илии. На Ильин день крестьяне, устраивая молебны, приглашали священника "провеличить Илию на плодородие хлеба" (Калинский. С. 424). В этом пророке они видели покровителя урожаев, его называли наделяющим ("батюшка наделяющий"), в связи с чем в некоторых местах крестьяне ставили на воротах чашку с зернами ржи и овса, прося священника "провеличить Илию на плодородие хлеба". Во время сева засевавший, сняв шапку, молился на восток: "Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напой мать сыру-землю, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратили его мне большим колосом" (Максимов, 1979. С. 483). День его во второй половине XIX века праздновался как веселый и богатый "новиною" праздник, поскольку Илия "зажинает жито". Святого считали также покровителем домашних животных.

Почитание крестьянами великих церковных праздников, сказывалось нередко, и на выборе сроков пахоты. В Перемышльском уезде Калужской губернии существовал обычай начинать первую вспашку на 15-й или на 17-й неделе от Рождества Христова (с 9 до 23 апреля по ст.ст., или с 22 апреля по 6 мая по новому стилю), но только не в те дни, на которые пришлось праздники Рождества Христова и Благовещения Пресвятой Богородицы. Видимо, по причине благоговения к этим великим праздникам. Перед наступлением пахоты домохозяева всего селения собирались на сходку и мирским приговором выбирали крестьянина, зачин которого, по общему мнению, был легок. В день запашки выносили святую икону и хлеб, запрягали лошадь и отправлялись в поле. Здесь выбранный крестьянин, положив три земных поклона перед иконою, кланялся на четыре стороны и затем делал сохою борозду поперек загонов (АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 62. Л. 9).

Обстановка в семье перед началом сева тоже была полна благочестия. "Рано утром, — по словам крестьянина Филиппа Зобнина, - после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвы. С этого же начинается и пахота. Когда лошади бывают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затепляют свечки. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а уж потом встать и молиться. После молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения" (Громыко, 1991. С. 178).

Широкое распространение получило "празднование на зеленях", в связи с появлением озимых всходов. В один из праздничных дней «поднимали богов на зеленя, то есть несколько мужчин с разрешения священника брали после литургии иконы Спасителя и Богородицы и с пением "Христос воскрес" несли их в поле, сопровождаемые жителями деревни. Пели по очереди — то мужчины, то женщины. И у тех, и у других были свои запевалы. Через полчаса на общественной подводе привозили священника с причтом, служили молебен, оканчивавшийся водосвятием. Затем тут же на поле начиналось общественное угощение... Вместе с причтом усаживались староста, сотский, десятский и церковный староста, а также наиболее уважаемые старики, приглашенные священником. Остальные крестьяне рассаживались поодаль» (Громыко. 1991. С. 178).

Русскому крестьянину в целом было присуще понимание греховности работы в

воскресные и праздничные дни. Однако в ряде случаев требования церковного календаря расходились с хозяйственными нуждами крестьянского хозяйства. В этой ситуации коллективное сознание увидело выход в выработке иерархии хозяйственных работ. Смысл этой иерархии заключался в том, чтобы, не нарушая церковных установлений и запретов, в то же время обеспечить необходимый уровень хозяйственного воспроизводства. Пахота, жатва, молотба считались тяжелой работой, на которую распространялся запрет (воскресение отдай Богу). Сенокос же и ряд других неполевых работ крестьяне таковыми не считали и нередко исполняли их в воскресенье (что вызывало нарекания со стороны приходских священников).

Соответственно, для уборки хлеба "одежды надевали самые худшие". На сенокос же мужчины и женщины, в особенности же девушки "убираются в самое хорошее одеяние, какое только имеется для самых торжественных случаев" (АРГО. Разряд 40. Д. 17. Л. 11).

Литургический смысл русской народной традиции имел обычай печь обетные пироги накануне сева пшеницы (в южных областях Центральной России) в день св. апостола Иоанна Богослова - 8 мая (по ст.ст.). Соблюдался этот обычай в знак того, что Господь узрит эту милостыню и пошлет добрый урожай. Обетные пироги выпекались из муки, собранной по горсти с каждого двора. С ними крестьяне выходили на перекрестки дорог и усердно молились Богу, чтобы он послал им какого-нибудь доброго человека разделить трудовой хлеб. В выходе на дорогу участвовала вся деревня. "Шли тихим хождением, в новых нарядах, с шепотной молитвой о ниспослании урожая. Хлеб нес самый сановитый насельник деревни" (Никифоров-Волгин. С. 249). Если при этом "нашим гостеприимным предкам попадался какой-нибудь бедняк или странник, они считали это для себя счастьем или ми-лостью Божией", в противном случае, не касаясь обетного пирога, крестьяне отдавали его птицам, считая, что на них за что-то прогневался Бог (Калинский. С. 401).

Первого августа (по ст.ст.) православная церковь в соответствии с церковным месяцесловом вспоминает происхождение древ Честного и Животворящего Креста Господня. В этот день, в полном соответствии с христианскими представлениями, у крестьян было принято освящать в церкви мед и первые летние овощи, поспевшие к этому сроку. Этим объясняется и другое, народное название праздника - "медовый Спас".

Однако наиболее широко освящение семян и плодов было приурочено к празднику Преображения Господня. К этому времени, как правило, созревали овощи и фрукты, заканчивалась жатва. В этот день крестьяне приносили в церковь яблоки (в народе этот праздник известен еще как второй, или яблочный, Спас), различные овощи, которые, за исключением огурцов, до Преображения Господня не употребляли в пищу. Тогда же освящались семена нового урожая и организовывался крестный ход на поля, по случаю сева озимой ржи.

В ряде мест, где по климатическим условиям сев озимых приходился на середину августа, освящение семян и крестный ход по случаю сева озимых приходились на день перенесения Нерукотворного образа Иисуса Христа, именуемый в народе третьим Спасом.

Евангельская символика широко отразилась в сознании и хозяйственной деятельности русского крестьянина. В крестьянском хозяйстве широко использовались христианские символы в различных хозяйственных ситуациях, на различных этапах сельских работ, а из самих символов наиболее употребительным был крест. Так, сжатый и связанный в снопы хлеб укладывался таким образом, чтобы колосья ложились друг на друга, а комли образовывали концы крестца (креста). Большое значение придавали (наряду с Благовещенской просфорой) действию хлебца крестовика, который пекся на четвертой, средокрестной неделе Великого поста. Запеченные в них предметы указывали, кому доведется производить в этот год засев и каких именно хлебов.

При решении межевых споров органично соединялись две высшие ценности православного русского крестьянина - крест и земля. Для полнобювного решения вопроса о меже необходимо было положить на голову вырезанный из дерна крест (во второй

половине XIX в. - просто кусок дерна), и с ним "доказывающий свое или чужое право на землю шел по той меже, которую признавал правильною, законною". В других случаях по общему приговору приглашали старика, который признавался наиболее знающим и памятливым, и на голову ему укладывали вырезанный из дерна крест. По данным 1744 г., этот обычай "применялся в смысле бесспорного и вполне законного доказательства" {Максимов, 1979. С. 472}.

В сфере хозяйственной деятельности для современного православного человека крест также обладает чудотворной силой, как и для его предков. По воспоминаниям информатора из деревни Федоровка Бондаревского района Тамбовской области, которые относятся к концу 1950-х-началу 1960-х годов, у ее дочери четыре года подряд околевала скотина. Секретарь сельсовета для предотвращения падежа посоветовала ей нарубить липу, сколотить из нее 40 крестиков и набить их в разных местах скотного двора (Материалы полевой экспедиции по Тамбовской области (далее - МПЭТО) 1993 г. Л. 6).

Особое значение в быту и хозяйственной деятельности русского крестьянства имела Благовещенская просфора. В ряде русских деревень до середины XIX в. существовал обычай, согласно которому за два дня до Благовещения Пресвятые Богородицы приходские просвиры собирали с прихожан ржаную муку, из которой пекли просфоры и на праздник Благовещения после литургии разбрасывали их в толпу людей, "которая с величайшей давкою оные подхватывает" (АРГО. Разряд 40. Д. 17. Л. 10). С большим благоговением просфору приносили в дом, где хранили ее до сева. Отправляясь на сев, просфору брали с собой в поле. Запрягши лошадь в соху, просфору навязывали на кнут и стягали им лошадь до трех раз, затем останавливались и с молитвою съедали просфору, после чего начинали обрабатывать свою полосу. Приходские священники запрещали прос-фирные сборы муки и приготовление для этой цели просфор, в результате чего во второй половине XIX в. этот обычай постепенно исчез из крестьянской жизни.

Существовал также обычай на Светлой неделе, когда священно-церковно-служители ходили по домам для служения с молебном, убирать под стол сошник, полицу (часть сохи) и сено, а икону Божьей Матери устанавливать в посуду, наполненную каким-либо зерном (АРГО. Разряд 40. Д. 17. Л. 19).

В силу особой благодати, которой обладает для верующего православного святая вода, последняя широко использовалась в хозяйстве и быту. Святой водой кропили поля, скот, посева, семена, овощи, фрукты, ее добавляли домашнему скоту в питье. Особое значение крестьяне придавали Великому водоосвящению. В Тамбовской области и поныне деревенские жители Крещенской водой обмывают коровам вымя (МПЭТО. 1993 г. Л. 8).

Колокол - символ христианского благочестия напоминал русскому крестьянину о его обязанностях христианина. По словам информатора из села Липовка Пи-чаевского района Тамбовской области, в субботу, едва услышав звуки колокола, крестьяне заканчивали работу на току и отправлялись на вечернюю службу в церковь (МПЭТО. 1993 г. Л. 45).

Религиозно-этические взгляды на землю и труд держались в крестьянской среде довольно долго.

ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Стойкое сохранение общинного землепользования на протяжении веков — основная особенность истории русской деревни. Сельская община, известная еще по Русской Правде (вервь), являлась институтом, руководившим всей хозяйственной, общественной и частной жизнью деревни. Во всем многообразии функций общины, как традиционного крестьянского органа, земельное хозяйство неизменно стояло на первом плане. По сути дела сельская община, объединявшая мелких производителей, отражала специфическую форму земледельческого производства и освоения земель по мере их заселения русским народом. Так или иначе традиции народной жизни воплощались в повседневной жизни общины вне зависимости

от социального состояния ее членов - были ли они чернососными или лично зависимыми крестьянами, сторожилцами или новопоселенцами. О повсеместном существовании крестьянской общины на Руси в XIV в., используя немногочисленные источники, можно судить по упоминанию в них соседей, а также волостей, от имени которых выступали перед княжеской администрацией крестьянские представители. Уже в это время, в XIV-XV вв., на Руси наблюдался интенсивный рост частнофеодальной собственности, что противоречило интересам крестьян-общинников. Если на Русском Севере, интенсивно осваивавшемся в то время, столкновения крестьян со светскими и духовными феодалами не приобретали массового характера, то в центральных областях Руси борьба крестьянства с феодалами за сохранение волостных земель приобретала весьма активные формы. Можно не сомневаться, что в это время русское крестьянство объединялось в территориальные общины-волости, представлявшие немалую силу. Если во второй-третьей четверти XV в. особенно наблюдался рост землевладения духовных феодалов, то в последней четверти XV в. росла собственность феодалов светских, добывавшихся земельных пожалований и действовавших не только "законным" порядком, но и путем прямого захвата волостных земель. В борьбе за сохранение своих земель волостные общины были весьма активны на протяжении длительного времени, не отступаясь, вели свои тяжбы и сплошь и рядом добивались успеха.

Переход черных общин-волостей под частнофеодальную юрисдикцию ставил под угрозу как само существование общин-волостей, так и порядок общинного землепользования. Этот процесс мог быть длительным, но по сути своей он существенно изменял общинное землепользование, так как изменялся сам статус феодального владения. Именно поэтому в связи с изменением социального состояния общин происходила серьезная трансформация порядка их землепользования.

Переход черных волостных земель из-под юрисдикции великих (или удельных) князей в XIV-XV вв. под юрисдикцию того или иного феодала сплошь и рядом разрушал сложившуюся общинную организацию - волость, что влекло за собой утрату тех или иных ее функций. Поэтому вовсе не случайно в 1480-х годах после падения политической независимости Новгорода местные крестьяне-общинники стремились сохранить свои территориальные организации после того, как их земли переходили к московским служилым людям. В иных случаях, когда удельные княжества мирно прекращали свое существование (например, Ярославское княжество при Иване III), земельные владения местных князей автоматически становились землями великого князя и до поры, до времени в их статусе никаких принципиальных изменений не происходило. В этих случаях общины-волости фактически не реагировали на смену верховного владельца. Община-волость по-прежнему избирала свою администрацию (старост, соцких, пятидесяцких, десятских); эта администрация следила за состоянием своих земель, прежде всего находившихся в общинном ведении - пустошей, лугов, водных угодий, лесов. За дворами общинников на праве частного владения и наследования, но в пределах общины числились дворовые, пахотные и сенокосные участки земли.

Таким образом, можно считать, что в эти века в чернососной общине-волости повсеместно существовала на праве обычая норма подворно-наследственного землепользования, которая оберегалась общиной. При этом в случае княжеского судебного разбирательства по поводу захвата земли на суде выступал и защищал свои права сам потерпевший - крестьянин-общинник. Если община выделяла новопоселенцу или выделившемуся из семьи общиннику землю, которую нужно было приводить в хозяйственное состояние (например, участок леса), то такие угодья, приведенные в культурное состояние, переходили во владение этого крестьянина.

Отстаивая свои земли от феодальных захватов в судебном порядке, общины-волости не останавливались и перед "несудебным", насильственным возвращением своих земель.

Расхищение черных общинных земель в Центре России прежде всего было связано с возникновением в конце XV-первой половине XVI в. поместной системы - основы

обеспечения вооруженных сил великого князя Московского. Создавать поместную систему как форму условного феодального владения, обеспечивавшего несение воинской службы, было возможно только за счет черносошного крестьянства. Именно организация поместной системы определила конец черносошного крестьянства в центральных уездах России в XVI-XVII вв., в связи с чем, собственно, и решалась судьба черносошной общины-волости. По мере растаскивания ее земель община-волость как определенная хозяйственно-административная единица самоуправления крестьянства погибала, но общинная организация, претерпевая серьезные изменения, неизменно сохранялась. Из волостной она стала превращаться в сельскую в границах того или иного феодального владения-поместья, либо вотчины.

Черносошные земли официально считались собственностью князя и управлялись его администрацией, но община-волость сохраняла за собой указанные ранее права и упорно их отстаивала, прежде всего в сфере землепользования. С ростом частнофеодального землевладения в Центре России общины теряли свое значение как государственный институт, все более подчинялись воле своих владельцев-феодалов и в своей управленческой деятельности замыкались в границах их владений, что отражалось на практике сельского землепользования. Если община-волость имела возможность распоряжаться общинными угодьями, в частности, в случае необходимости выделять своим членам необходимые им земли, то сельские общины обладали в этом отношении значительно меньшими возможностями; с ростом феодальных повинностей тем более осложнялись земельно-производственные задачи сельских общин.

Стиснутые границами феодальных владений, сельские общины вынуждены были изменять нормы крестьянского землепользования, тем более при росте помещичьих запашек и уменьшении возможностей собственно крестьянского хозяйства. По общеправовым нормам, за каждой деревней традиционно сохранялся определенный земельный фонд пахотных и иных угодий. Если в общину входило несколько деревень, общинное управление могло передать той или иной деревне, нуждавшейся в земле, часть угодий другой деревни, располагавшей земельным резервом. Однако такие передачи имели сугубо условный характер, и в случае необходимости переданная земля подлежала возврату.

Внутри деревни каждый общинник владел определенным комплексом угодий -пашен и сенокосов, но уже не по подворно-наследственному праву; это владение приобретало сугубо условный характер; общинник им владел лишь до тех пор, пока он мог нести тягло. Если крестьянский двор в силу каких-либо хозяйственных или демографических причин не мог обеспечивать объем возложенного на него тягла, то с него снимали часть тягла и соответственно отрезали часть земельных угодий, которые передавались более благополучным дворам, но опять же временно, до тех пор, пока старый владелец не требовал их возвращения. Так на протяжении XVII в. складывалась земельно-передельная община с подворно-условным правом на владение общинными угодьями. В XVIII в. этот тип общины стал господствующим во владельческой деревне России. Некоторые особенности, наблюдавшиеся в отдельных поместьях, объяснялись формой феодальной ренты, устанавливаемой помещиком. В оброчных имениях община сохраняла за собой большие земельные права, в барщинных деревнях земельные распоряжки сплошь и рядом определялись помещичьими правлениями, а роль общины в землепользовании сводилась фактически на нет.

Таким образом, с гибелью общины-волости в Центре России изживался основной принцип крестьянского землепользования - подворно-наследственный, вместо которого утверждался принцип условно-подворный при уравнильно-тягловом подходе к распределению земли между дворами.

Эти очень серьезные изменения в крестьянском землепользовании имели региональный характер, так как на Русском Севере, весьма энергично осваивавшемся русскими земледельцами в XIII-XV вв., прочно сохранялась как орган крестьянского

самоуправления община-волость с подворно-наследственным принципом землепользования. В XVI-XVII вв. на Севере, где частное феодальное землевладение не получило широкого распространения (кроме монастырского), общины-волости достигли максимального развития (Покровский Н.Н., 1973. С. 93; Александров В.А., 1976. С. 120).

Так в России появились различные типы крестьянских общин с разными принципами землепользования. Определявшаяся разная типология крестьянской общины объяснялась прежде всего разными формами феодальной зависимости крестьянства и условиями, определявшими использование земель крестьянами, тем более в процессе постоянного заселения и освоения ими новых районов, прежде всего Севера, Урала и Сибири. Можно видеть, что крестьянство севернорусское, уральское, сибирское, а также значительная часть южнорусского (так называемые однодворцы, существовавшие в условиях государственного феодализма, а в XVIII в. официально вошедшие в состав государственного крестьянства) хозяйствовало при подворно-потомственном землепользовании, тогда как крестьянство средней полосы России, попавшее в крепостную зависимость, — при условно-подворном, передельном.

В XVIII в. правительство рядом законодательных актов в целях "уравнения" северного крестьянства попыталось утвердить в северных губерниях, населенных государственными крестьянами, систему общинного передельного землепользования. Однако это стремление не имело особо существенных последствий, и даже во второй половине XIX в. в Олонецкой губернии, например, господствовало захватное и подворно-наследственное землепользование. Массовые статистические материалы конца XIX-начала XX в. свидетельствовали о сохранении в севернорусских губерниях, а также в Новгородской и Нижегородской беспередельных общинных форм землепользования. Крупнейшие земельные магнаты России Строгановы, владевшие огромными вотчинами на Северном Урале (Пермский край), в первой половине XIX в. пришли к мысли о широких земельно-распорядительных правах общин и праве крестьян распоряжаться своими участками (продавать, завещать, закладывать) внутри имений.

Генетически с севернорусскими земельными общинными формами было связано сибирское землепользование. В Сибири эти формы складывались в процессе ее стихийного заселения русскими. На первом же этапе освоения Сибири в XVII в. в местной деревне на основе обычая образовывались своеобразные сообщества по расчистке земель с коллективными формами владения ("вповал"). Расчищенные земли крестьяне распределяли между собой в зависимости от вложенного труда, и по праву обычая они становились наследственными. По имеющимся данным, официальное понятие волость (объединяющая местных крестьян) известно с 1780-х годов, но фактически общины-волости сложились в Сибири по праву обычая, перенесенного переселенцами с Русского Севера, много раньше. Они объединяли деревни, территориально прилежавшие к слободам, и владели исторически сложившимся комплексом угодий, распределенных между отдельными селениями. Выборная волостная администрация традиционно следила за сохранностью этого комплекса угодий, рассматривала земельные споры между селениями и отдельными крестьянами, а в случае необходимости - вопросы об отводе земли тем или иным селениям и перераспределении между ними угодий; она же сдавала в аренду свободные волостные угодья. Более мелкие общинные объединения, сельские, в свою очередь занимались разрешением спорной ситуации на своей территории, принимали новопереселенцев, устанавливали сроки сельскохозяйственных работ и т.д.

В целом же наследственно-подворный принцип владения землей в Сибири сохранялся очень стойко; в частности, его упрочению способствовало обилие свободных территорий, которые сплошь и рядом захватывались, осваивались и лишь после этого официально отводились властями селениям или отдельным дворам. С середины XVIII в. известны случаи, когда около отдельных селений возникала относительная теснота и пахотные земли перераспределялись общиной. Однако чаще всего такая "теснота" преодолевалась путем образования заимок на наследственном праве владения. Такие заимки, часто

отдаленные от селений, основывались и при выпаханности старых пашен, прилегавших к деревням (Александров В.А., 1979. С. 57; 1984. С. 34-49; Крестьянство Сибири... 1982. С. 56).

Реформы 1860-х годов повсеместно привели к признанию общин субъектами действовавшего права, но региональные принципы землепользования изменялись медленно. Правительство не допустило развития частной крестьянской собственности на землю и усиливало позиции общинного землепользования.

В бывшей крепостной деревне средней полосы России утвердившаяся в XVIII в. система общинно-уравнительного землепользования, основанная на передаче отдельных участков пашни хозяйственно ослабевших дворов более сильным, трансформировалась в систему общих переделов, что усиливало земельные функции общины. Однако в 1880-1890-е годы правительство стало ограничивать сроки общих переделов (до 12 лет). Попытка П.А. Столыпина реформировать передельную общину путем выделения крестьянских дворов из общины с наделом на праве частной собственности (1906 г.) не принесла ожидаемых результатов, так как в массе сами крестьяне-общинники опасались порывать с общиной. В регионах, где преобладал принцип подворно-наследственного владения, право крестьянской собственности также не было распространено на деревню и при-все более усиливавшейся бюрократической "опеке" губернских органов управления крестьянское землепользование развивалось в рамках общин очень по-разному.

На Русском Севере усилился процесс уравнительного передельного землепользования; в Сибири в 1880-1890-х годах по мере уменьшения земельного фонда общины сокращали права заимщиков (прежде всего, в распоряжении земель), усиливали свои распорядительные земельные функции в интересах наиболее зажиточной части деревни, в частности усилился общинный контроль над сенокосными угодьями, которые перераспределялись между селениями даже ежегодно. В те же десятилетия усилился контроль общин над дворовыми землями, которые по обычаю испокон века считались собственностью крестьянского двора; происходило ограничение права крестьян на продажу усадьбы. Тогда же в разных, наиболее заселенных районах Сибири стало проявляться стремление экономически слабо обеспеченных крестьян к уравнительным переделам пашенных земель, что противоречило интересам более обеспеченных слоев деревни, основывавших свое хозяйство на захватно-заимочном праве.

В таких случаях наблюдались явления, свойственные передельной общине Европейской части России, - частные поравнения с передачей отрезков неиспользуемой земли от одного двора к другому, а также общие переделы, при которых каждый общинник претендовал на получение равной части общинной земли; наконец, появились и так называемые коренные переделы, когда уже не учитывались обычно-правовые нормы закрепления за дворами хозяйственно освоенных земель, ранее приобретенных ими путем захвата. Иначе говоря, как и в Европейской части России, роль сельской общины в Сибири усиливалась, но уравнительно-передельные тенденции проявлялись только в заселенной части Тобольской губернии (Западная Сибирь). В иных регионах Сибири сохранилась община с правом захвата свободных пашенных земель при общей собственности на все иные угодья {Кучумова. С. 15; Крестьянство Сибири... 1983. С. 286-297}.

После 1917 г. советская власть сохранила сельскую общину и вовсе не собиралась отдавать крестьянам землю в частную собственность. Выбор форм общинного землепользования оставался за самими общинниками, которые придерживались традиционных правил переделов. Община рассматривалась союзом свободных равноправных пользователей национализированной земли. По земельному кодексу 1922 г., община признавалась самоуправляющейся преимущественно в поземельных делах организацией с уравнительным землепользованием и совместным использованием угодий.

Сельская община проявляла удивительную приспособляемость к разным социально-экономическим обстоятельствам на протяжении всей своей истории, но так или иначе она

неизменно оставалась органом сельского самоуправления и прежде всего в регулировании системы единоличного земледельческого хозяйства. Государственная ликвидация общин в начале 1930-х годов полностью подрывала сохранившееся сельское самоуправление, а созданный колхозный строй в деревне означал абсолютное огосударствление всех земельных фондов деревни, при котором по существу им распоряжались не крестьяне, а местные государственные учреждения.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Существенные изменения в сельском хозяйстве начались после 1917 г. (Народы Европейской части... С. 192-221). Согласно принятому 26 октября (8 ноября) 1917 г. декрету было уничтожено помещичье и крупнокапиталистическое землевладение, земля национализирована и объявлена "всенародной собственностью", крестьяне стали землепользователями безвозмездно, получив дополнительно 152 млн га, конфискованных советской властью у разных владельцев. Но на деле крестьяне лишились права собственности на землю и, как в дальнейшем оказалось, всякой инициативы в своей хозяйственной деятельности; в результате коллективизации, проведенной в начале 1930-х годов, и широкого распространения колхозного производства крестьянство становилось прослойкой сельских наемных работников, привязанных к приусадебному участку и терявших морально-трудовую связь с землей.

В 1918 г. началось проведение земельной реформы в соответствии с "Положением о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию". Крестьяне могли выбирать любую форму землепользования - общинную, индивидуальную, артельную, хуторскую, кооперативную и т.д.

Начались перераспределения земли и ее перераспределение. При общинной форме хозяйства наделы определяли по едокам и значительно реже по мужским душам, а иногда за единицу разверстки принимали двор, скот или рабочую силу. Продолжалось начатое реформой П.А. Столыпина движение на хутора - выход из общин и создание самостоятельных хозяйств (Северо-Запад, Запад, Центр). Но часто такие хутора не отличались от обыкновенных выселок, так как сохраняли общее с деревнями землепользование; к тому же их удаленность от селений не способствовала нормальному хозяйствованию.

Национализацией земли был перекрыт путь капиталистическому развитию сельского хозяйства, стали возникать его социалистические формы. На базе бывших помещичьих, монастырских, церковных хозяйств и землях императорского Кабинета появлялись первые совхозы, а также коллективные хозяйства в виде коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли (тозы). К 1919 г. землеобеспеченность совхозов европейских губерний увеличилась до 618 десятин на каждое хозяйство. В Сибири к 1921 г. лишь 1% сельского населения и посевных площадей находились у колхозов, возникших на наделных землях крестьян. Но первые 950 коммун в Центре России оказались нежизнеспособными и распались уже в 1918 г., ибо они нуждались в новых экономических условиях, которых еще не имелось, в материальной и организационной помощи. Из всех форм коллективных хозяйств наибольшее распространение получили тозы. Как земледельческая кооперация с общественной формой труда они и являлись истинной формой коллективизации, какой не стала кампания 1930-х годов с ее принудительностью.

Еще перед революцией в России существовала мощная кооперативная система: на 1 января 1917 г. насчитывалось 63 тыс. кооперативов. В 1920-е годы их число резко увеличилось, в различные формы сельскохозяйственной кооперации была вовлечена треть крестьянских хозяйств (Салуцкий. С. 141).

Сельская община оставалась устойчивой и даже расширяла свои земельные резервы, 98-99% крестьянских земель находились в общинном пользовании в районах

Европейского Севера, Центра, Приуралья, Нижнего Поволжья, юго-запада и юго-востока, Сибири. В западных и северо-западных районах оно составляло 65-75%, а хутора и отруба - более 10% (Итоги десятилетия... С. 120-124; Данилов. С. 107, 280).

Деревня сильно пострадала за время первой мировой и гражданской войны и революции. Сократилось ее население, от голода и эпидемий гибли люди, происходил падеж скота, уменьшились посевные площади. Но структура сельского населения была уже иной, нежели ранее. В результате уравнительной земельной реформы население "нивелировалось" и состояло теперь из подавляющего числа середняков, но их хозяйства оставались малотоварными. Вызванная войной и разрухой политика государства (военный коммунизм), когда по продразверстке у крестьян отбирались все сельскохозяйственные продукты, не способствовала дальнейшему развитию сельского хозяйства и превращению его в товарное производство. Необходимость перехода на "свободу оборота" привела советскую власть к введению нэпа (новой экономической политики) и замене продразверстки продналогом, при этом путем товарообмена между городом и деревней предполагалось преодолеть катастрофу в сельском хозяйстве. В условиях мелкокрестьянской страны, относительной слабости крупной промышленности и отсутствия крупного земледельческого хозяйства это был единственный выход из кризиса.

Нэп вызвал оживление капиталистических элементов, усиление кулацкой прослойки в деревне, арендовавшей земли у соседей-крестьян и у государства. Кулаки того времени были теми же крестьянами, но они умело вели свое хозяйство, организовав и нацелив его на получение необходимой сельскохозяйственной продукции. Семьи кулаков по своему составу были многочисленными, имели много рабочих рук, а в страдное время некоторые из них прибегали к найму рабочей силы. Но такое положение - аренда и наем были в русской деревне и ранее, и это не мешало развитию аграрной культуры.

Самым ценным в введении хозяйства зажиточных и кулацких элементов было сохранение, а не нарушение исконных хозяйственных традиций, глубокое знание местных природно-климатических условий, природоохранная деятельность, основанная на выработанных веками мерах по поддержанию почвенного плодородия.

Некоторые крестьяне и их объединения, преимущественно тозы, еще основывались на традиционных методах ведения хозяйства. К ним прежде всего относится "ранний" пар (весенний) и обязательное удобрение земли органическими удобрениями и компостами (смесью навоза с другими веществами). Так, возникшие в 1920-е годы в Поволжье (Самарская, Оренбургская, Симбирская, Пензенская губернии) 87 мелиоративных товариществ вели работу по обводнению полей. Сохранялась, правда в незначительных размерах, селекционная работа по отбору сельскохозяйственных культур (Проблемы аграрной истории... С. 27-28, 134, 285).

Первые коллективные хозяйства дали очень важные результаты - был приобретен определенный опыт экономического, а не административного хозяйствования, распространялись прогрессивные методы труда и велась пропаганда коллективных форм хозяйства, оправдавших себя на протяжении всей истории российской деревни. Само общинное землепользование создавало благоприятные условия для коллективных хозяйств, а в ряде районов этому способствовало и наличие земельных просторов, где коллективное хозяйствование и совместная обработка земли могли осуществляться не только на угодьях общины, но и на выселках. Новые коллективные хозяйства взяли на себя функцию, которую раньше выполняла община, - поддержание культуры земледелия: в них шло внедрение новых его систем (многопольных севооборотов), использовались оправдавшие себя традиции. Кооперативы осуществляли и первичную обработку сельскохозяйственных продуктов, для чего заводили специальные предприятия - маслозаводы, мельницы, прососушки, зерноочистительные пункты; кроме того, закладывали опытные поля, рассадники, питомники. Они создавали мелиоративные организации, внедряли лучший опыт в агрономии, животноводстве, народных промыслах.

В этот период, несмотря на все невзгоды, продолжалось освоение новых земель. Посевные площади у крестьян-единоличников к 1929 г. увеличились на 1,5 млн га, у совхозов- на 0,7 млн, у колхозов— на 3,4 млн га. Крестьянские хозяйства еще были способны увеличивать производство. Урожайность их полей за период с 1891 по 1927 г. выросла со 107% до 115-117%, а за 1913-1929 гг. -на 12,5% {Данилов. С. 284}.

В целом в 1920-е годы хозяйственное районирование и география сельскохозяйственных культур оставались неизменными: лишь увеличились посадки картофеля в Центре России, масличных культур и сахарной свеклы - на юге, льна - на Севере и Северо-Западе. Агрономической наукой в 1920-е годы разрабатывались новые технологии с соблюдением традиций. Метод почвозащиты при повсеместном тогда использовании тяжелых немецких плугов "Сакка" разработал академик Н.М. Тулайков, предложив минимальную неежегодную и неглубокую обработку земли, а профессор В.В. Костров - "нулевую" систему обработки почв {Новиков Ю. С. 64}.

Различные новшества можно было применять, изменив всю старую структуру крестьянского землепользования: уничтожив чересполосицу и мелкополосицу, внедрил многополье, уменьшив расстояния от селений до полей, увеличив посевные площади за счет залежей. Широкие полосы и многополье уже применялись в 1920-е годы в коллективных хозяйствах Центра, Сибири, Северного Кавказа, но посевы при многополье с плодосменом и травосеянием к 1924 г. составили лишь 7,2% всех посевов в России. Легче всего было перейти к многополью совхозам, которые постепенно превращались в крупные товарные хозяйства. Так создавались предпосылки для перехода к массовой коллективизации. Но она была осуществлена государством сверху, а не самим крестьянством, потому и не стала подлинной коллективизацией.

Сплошная коллективизация 1929-1930-х годов была переворотом в сельском хозяйстве, полной ликвидацией традиционных методов хозяйствования и крестьянского земельного владения. Колхозы, куда насильно "загонялось" крестьянство, стали основными производителями сельскохозяйственной продукции под неусыпным контролем местных органов власти. Агрокультурные и демографические последствия этого государственного мероприятия ощутимы до настоящего времени, ибо произошла полная деградация сельского хозяйства.

Колхозный строй окончательно утвердился в годы второй пятилетки. Была осуществлена техническая реконструкция хозяйства, ликвидированы старые системы полеводства (особенно трехполье), уступившие место многополью и травополью, широкому использованию вместо традиционных пахотных орудий сельскохозяйственных машин. Последнее было связано с созданием машинно-тракторных станций (МТС), сосредоточивших всю технику и обслуживавших колхозные поля. Повсюду вводились новые севообороты, стали усиленно применяться минеральные удобрения, что привело к экологическим нарушениям.

Завершилась нивелировка сельских жителей, ставших колхозниками. Изменилось их отношение к земле, так как в корне было подорвано представление о крестьянской земельной собственности; оно было "заменено" принципом работы на ничейной земле, которую было нельзя передать по наследству, а потому и личная ответственность за нее окончательно исчезла. Предпочтение в этом обезличенном пользовании было отдано "социалистической общине, в которой ни земля, ни труд, ни продукты не принадлежали личности" (Шипунов. С. 152), как это было в исконной русской общине. Рушилось крестьянское мировоззрение и представление о земле, труд на которой обеспечивал крестьянскую жизнь и культуру хозяйствования на которой можно было передать по наследству вместе с самой землей.

Негативные стороны хозяйствования в колхозах проявились с самого начала. Произошел полный отказ от народного опыта, который был объявлен вредным и рутинным, хозяйство повсеместно велось по шаблону, без учета местных условий, по указке советских административных и партийных органов, не имевших отношения к

практике сельского хозяйства.

Первым нарушением в земледелии стала "система" В.Р. Вильямса, предполагавшая введение плодосмена и травополья с 7-10-польными севооборотами, посевами трав, со специфической глубокой обработкой почвы, с использованием "черных" (осенних) и занятых паров. Расчет по этой системе на двухлетнее выращивание многолетних трав, восстанавливающих нарушенную почву, не оправдался, так как за два года тимофеевка не превращала земную пыль в комки, а на образование ее корневой системы уходил за это время весь азот, вырабатываемый клевером, и следующим культурам удобрений уже не хватало. Обработка почвы, проводившаяся без боронования и прокатывания почвы, не приводила к накоплению влаги. Пахалась земля тяжелыми машинами глубоко, отчего гибли черноземы, ибо происходило уплотнение и нарушение их комковой структуры. Эта система была наступлением на накопленный веками опыт обработки почвы. Она оказалась не везде приемлемой. Научные исследования последующих лет показали невозможность повсеместного применения травосеянья. В частности, А.Г. Дояренко доказал его пригодность в средней полосе при достаточном увлажнении почвы и неприменимость в засушливых районах без орошения (травы иссушали почву); в средней полосе при травополье достаточным, по его мнению, оказывалось пятиполье: рожь—овес-клевер-картофель-занятый пар (с вариантами культур, в числе которых — лен). В большинстве районов травополье оказалось непригодным (Новиков Ю. С. 55-56).

Примеры различных нарушений многочисленны. Так, во многих колхозах Сибири "забыли" зябь, скирдование на гумнах и обмолот зерна зимой, объявленные "правым уклоном". Резко сократились площади пара и внесение органических удобрений - основной меры для сохранения плодородия земли. Сама система приготовления и внесения в почву навозного удобрения, а русские крестьяне знали множество ее способов, стала утрачиваться. Забывалось и компостирование - смесь навоза с торфом, соломой и т.д., и, что самое страшное, навоз при гидросливе его на фермах стал применяться в жидком виде, он плохо накапливался и хранился, происходили его утечки, в результате чего отравлялись и окружающая флора, и водоемы.

В период коллективизации повсеместно изменился состав полевых культур в хозяйствах страны. Малоценные для черноземного юга серые хлеба (рожь, овес) заменялись пшеницей, расширялись посевы технических культур, применяемых в промышленности, - сахарной свеклы, подсолнечника и др. Лишь отдельные колхозные агролаборатории и сельхозстанции вели исследовательскую работу по выращиванию новых технических растений (масличных), овощных культур и корнеплодов (культуры крамбе в Воронежской области на ботанической станции имени академика Б.А. Келлера и лаборатории в деревне Устье Гремячинского района). Селекционные станции издавна существовали в некоторых нечерноземных районах. В Великоустюжском районе Вологодской области велась селекция семян местных сортов льна, зерновых культур и многолетних трав.

Предпринимались попытки усовершенствования сельскохозяйственных машин. Была создана специальная комиссия во главе с академиком В.П. Горячкиным по их обследованию, выработавшая, в частности, классификацию плугов по районам. Изучив опыт многих поколений, комиссия предложила для каждой климатической зоны свои корпуса плугов вместо везде применяемых машин "Сакка", но это начинание не получило дальнейшего развития.

В результате хозяйствования в довоенные 1930-е годы произошли утрата связей человека с землей, отторжение от нее хлебороба, нарушение крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней, как к живой), которая могла бы вызвать инициативу крестьян и привести к правильному хозяйствованию.

В смысле организации труда колхозы не выполняли той роли, которая была у русской общины, а дореволюционная производственная кооперация, основанная на подлинно

демократических методах и являвшаяся настоящей коллективизацией, была забыта. В колхозах игнорировались экономические методы регулирования работ, возобладало "командное управление". Не способствовало правильному хозяйствованию и уничтожение при раскулачивании и раскрестьянивании лучшей части сельских тружеников, являвшихся хранителями исконных русских аграрных традиций.

Новые потери крестьянство понесло за годы Великой Отечественной войны, к концу которой Россия вновь стояла перед проблемой восстановления хозяйства. Преодоление этого кризиса началось с массового движения по сбору продовольствия и скота для районов, освобожденных от немецкой оккупации. К 1950 г. уровень сельскохозяйственного производства в основных земледельческих районах достиг довоенного. Правительство предприняло новую попытку реорганизации земледелия. Началось "укрупнение" колхозов. В единые хозяйства объединялись мелкие хозяйства, за ними "закреплялась" техника, перестраивалась организация труда. Если в 1940 г. колхозы, объединявшие до 100 дворов, составляли 80% хозяйств в РСФСР, то к концу 1950-х годов их осталось 8,7%.

Однако новшества не принесли желаемого результата, так как практика администрирования сверху осталась и нарушения в аграрной культуре продолжались. Существовавшее планирование хозяйства из центра не учитывало природных условий в каждом районе. Новое реформирование в сельском хозяйстве началось в начале 1960-х годов, но не было доведено до конца. Оно предполагало "восстановление принципа материальной заинтересованности крестьянства в труде" путем повышения заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и снижения их поставок колхозами, которым было дано право самим разрабатывать свои хозяйственные планы и решать вопросы структуры посевных площадей и соотношения культур. Но это право "осталось на бумаге", ибо руководство из центра продолжалось, да и многие колхозы за несколько десятилетий существования утратили способность к самостоятельности и инициативе. Даже в совхозах - государственных хозрасчетных предприятиях — так же, как и в колхозах, экономические методы планирования и ведения хозяйства заменялись административными.

Широкое применение в 1960-е, а затем в 70-80-е годы получили "научно обоснованные" системы земледелия, по которым также без учета местных условий внедрялась новая структура посевных площадей. Итогом такого хозяйствования явилось полное изменение состава традиционных посевных культур. Основной среди них стала пшеница, возделывание которой продвинулось на север и восток. Главными районами ее выращивания оставались Сибирь, степи южного Урала, Поволжье, Северный Кавказ, но довольно широко яровую пшеницу стали внедрять на север Нечерноземной полосы (Архангельская, Вологодская, Кировская области). Рожь (вятка, волжанка, казанская и др.) по-прежнему оставалась основной культурой Нечерноземья (35% посевов), в лесостепных районах, а также на Дону и в Поволжье она занимала 25%. Был выведен сорт многолетней ржи, употребляемой на силос и зеленый корм скоту. Посевы ячменя и овса везде сократились (Центр, Поволжье, Северо-Запад). Сильно нарушилось льноводство. Лен - культура, выращиваемая с помощью лишь ручного труда, - даже исчезал с полей, так как в производящих его районах шел сильный отток населения, в основном женщин, занимавшихся льноводством.

Изменения в составе культур повлекли за собой и другие "новшества" — ликвидацию "чистых" (незанятых) паров в увлажненной зоне (до 9 млн га), сокращение малоценных культур и выращивание пропашных и бобовых - кукурузы, сахарной свеклы, моркови, гороха, кормовых бобовых.

Результаты хозяйствования по таким "научным" системам сказываются до сих пор, его последствия невозможно преодолеть еще много десятилетий. Нерегиональный подход к земледелию нарушил плодородие почв в Нечерноземье. Там невелик пахотный слой (12-13 см, а далее - глина), для его вспашки прежде хватало сохи, а плуг применялся

осторожно. Повсеместное введение глубокой вспашки привело к выворачиванию глины и обеднению почвы. Во всех зонах России нарушались севообороты и правила агротехники, земледелие подчас сводилось к выращиванию монокультуры (Лемешев. С. 32).

"Кукурузным бумом" 1950-1960-х годов, различными насаждениями с Запада ломались традиции ведения хозяйства в каждом районе, тогда как в России "своя стихия (условия. - Авт.) и свой национальный характер" (Белов В.И., 1988. С. 26, 37, 41, 60), свое историческое своеобразие, свои особенности в каждом регионе, поэтому чужие мерки здесь не подходят.

Полное игнорирование народного опыта привело к упадку сельского хозяйства не только в Нечерноземье. Создание каскада равнинных ГЭС погубило миллионы гектар плодородных земель, так как произошло их затопление и загрязнение. Вырубка лесов в лесостепных районах и наступающая гибель тайги приведет к еще более глобальным экологическим нарушениям. Массовое уничтожение на юге страны виноградников в 1980-е годы, этого "векового накопления нации", также скажется на состоянии там почв. Применение сверхмощной техники погубило много ценных лугов и пастбищ. Кроме механической эрозии действует и ветровая, которая в последние 30—40 лет унесла 1/3 запаса плодородия (гумуса) в черноземах. Произошло обезвоживание Русской равнины из-за ликвидации плотин на малых реках и постоянной пахоты полей тяжелыми плугами; распыленная ветром земля (а лес здесь изведен) высыхала. Снижалось плодородие угодий из-за применения минеральных удобрений и химических способов борьбы с сорной растительностью. Не принесла нужных результатов и деятельность мелиоративных организаций, не учитывавших опыт крестьян в этой области, а поэтому не только произошла гибель земель, но и был нанесен нравственный урон, ибо безнаказанно распоряжались земельными богатствами.

Отдельные попытки природоохранной деятельности предпринимались в послевоенное время. Принятый в 1948 г. "План преобразования природы" предусматривал ряд мер по охране почв: предполагалось применение зональных систем земледелия с обоснованными севооборотами, сооружение прудов и водоемов, создание полезащитных лесоразделений. Все это предохранило бы земли от пыльных бурь, суховеев, водной эрозии и было понятно и приемлемо для земледельцев. В 1950-е годы приступили к созданию в черноземной полосе лесозащитных полос. В бывших казачьих селениях Ростовской области в 1951 г. они уже занимали 2600 га: сельскохозяйственные угодья были "окаймлены" насаждениями, а в балках и низинах устроены водоемы для орошения. Толщина снежного покрова в этих полосах увеличивалась в 1,5-2 раза, из-за лесных посадок уменьшалась скорость ветров, вдвое снижалось испарение, зимой почва не промерзала глубоко, уменьшался сток талых вод в овраги. Несмотря на это много черноземов в лесостепной и степной полосах утратилось. Точно так же в зоне сильного увлажнения терялись угодья из-за отсутствия мер по их осушению. Считалось, что потерю затопляемых угодий можно компенсировать освоением водоразделов, где будет происходить их самоочищение. Но эта мера вносила изменения в землепользование, а загрязненные малопродуктивные земли выносились в водоемы.

В 1950-е годы, когда началось освоение целинных земель, академик А.И. Бараев ("главный агроном целины") создал почвозащитную систему для засушливых степных районов: предлагались применение новых способов обработки земли, годных для этой зоны севооборотов, внесение удобрений, накопление в почве влаги, специальные нормы и сроки высева семян, т.е. все то, чем богат местный народный опыт. Однако ничего этого на деле не осуществлялось.

Примером почвозащитного земледелия является и "безотвальная пахота", предложенная Т.С. Мальцевым. К 1980-м годам она была внедрена на 20% пахотных площадей. "Мальцевская" пахота дает природоохранный эффект, так как при ней не происходит разрушения плодородного слоя, следовательно, исчезает необходимость в минеральных удобрениях. Но для ее осуществления не было соответствующей техники -

плоскорезных орудий, широкозахватных культиваторов, дисковых борон, противоэрозийных сеялок и других машин (Лемешев. С. 29). "Пахота Т.С. Мальцева" применима не во всех регионах и не на всех почвах. В Нечерноземье, где в глинистых почвах влага накапливается под слоем 20 см и не проходит в подзол, а корни зерновых злаков уходят на глубину до 1,5 м, безотвальная пахота не дает "водяного питания" растениям. Не применима эта пахота и в лесных районах, где нет ветровой эрозии.

Изменение методов хозяйствования в 1960-1980-е годы происходило и в других отраслях земледелия. В овощеводстве стала применяться механизация. Товарное производство овощей развилось в промышленных областях Центра и Урала. Технология выращивания их в различных природных зонах осталась прежней: на юге они выращивались в открытом грунте, в средней и северной полосах - как в открытом, так и в защищенном (в теплицах, парниках, рассадниках). Отбор лучших овощных растений некоторое время еще продолжался, сохранялись знаменитые ростовский, бессоновский, стригуновский, мстерский лук, муромские огурцы, московская капуста (лучшая для засолки), петровская репа и т.д. Было выведено несколько холодостойких сортов теплолюбивых овощей (в основном помидоров).

Немного расширилось и садоводство - "пошло" на Север, Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Эта отрасль сильно пострадала во время войны, так как сады оказались в оккупированных и разрушенных районах. С 1950-х годов началось восстановление отрасли, создавались садоводческие хозяйства и многоотраслевые колхозы и совхозы, в которых садоводство являлось одним из хозяйственных направлений. Набор садовых культур оставался традиционным, но выводились и новые, устойчивые к различным неблагоприятным условиям сорта фруктов и ягод.

В период колхозного строя нарушения коснулись и овощеводства, и садоводства. Особый вред нанесли химические методы борьбы с вредителями растений, использование тяжелой техники, неправильные мелиоративные работы, а также нововведения последних лет, одним из которых стало уничтожение виноградной лозы при известной "борьбе с алкоголизмом".

Тесно связанное с земледелием животноводство также не оставалось в последние десятилетия без изменений. До коллективизации в России существовали животноводческие кооперации, благодаря чему эта отрасль превращалась в товарное хозяйство. При коллективизации вместо крестьянских кооперативов были созданы животноводческие колхозы и совхозы, безответственно хозяйствовавшие по тем же "законам", что и земледельческие, т.е. без учета природно-климатической специфики районов.

Некоторое развитие, конечно, происходило и в животноводстве. Продолжалось выведение отечественных продуктивных пород мясо-молочного скота (холмогорская, тагильская, ярославская, бестужевская, красная степная), а также новых пород (черно-пестрой молочной в Центре, мясо-молочной костромской, красной тамбовской, курганской, мясной астраханской). Улучшены отечественные породы овец (тонкорунных, грубошерстных, мясо-шерстяных и каракулевых), распространена романовская порода шубных овец. В коневодстве также улучшались старые породы и выводились новые — верховые, рысистые и тяжеловозы.

География животноводства в целом по России не изменилась. Центры животноводческого производства остались прежними. Но наряду с важными селекционными работами в отрасли происходили нарушения в содержании и уходе за скотом и обеспечении его кормами.

Последним ударом по земледелию и животноводству явилась проводимая государством политика ликвидации "неперспективных деревень", которая привела к губительным последствиям в сельском хозяйстве во многих регионах страны. С лица земли исчезали не только сами деревни, но и уголья, сокращались посевы, меньше заготавливалось кормов для скота. К такому же результату привело бы осуществление предложенного в

1980-е годы проекта "переброски вод северных и сибирских рек", но и без него сельскому хозяйству нанесен урон непоправимый. Особенно пострадало Нечерноземье, где имели место колоссальные потери почвенного плодородия, исчезло земледельческое производство во многих районах, не стало и самих селений. А этот обширный регион имеет огромное "политическое, экономическое и культурное значение в жизни страны", ибо он — "сердце русской земли" и его жители внесли ощутимый вклад в историю, в общее экономическое и культурное строительство {Белов В.М., 1986. С. 60}.

Крестьянство "неперспективных деревень" было "подрублено под корень", ибо уничтожен его генофонд, и оно не сможет "возродиться", пока ему не позволят самостоятельно хозяйствовать на только ему принадлежащей земле. Дальнейшее развитие нашего сельского хозяйства требует мер экономического, правового и воспитательного характера, которые восстановили бы нравственную связь человека с землей, что благотворно скажется на духовном состоянии всего общества.

Наряду с законодательными мерами по изменению основ землепользования выступают вопросы духовного воспитания людей, которые должны выработать в нынешнем крестьянине ответственное отношение к земле, к своему труду на ней, что в прошлом составляло неотъемлемую часть жизни русских крестьян. За время колхозного строя умственные и нравственные устои трудовой и общественной деревенской жизни, формируемые воспитательными мерами традиционным путем через семью, через сельский мир, ушли в прошлое. Вот почему сейчас первостепенным делом становится такое воспитание людей, подрастающих поколений, при котором произойдет реставрация народного крестьянского мировоззрения и самосознания. Конечно, необходимо при этом и устранение жестоких социальных экспериментов, и предоставление самостоятельности крестьянину, освобождение его труда на земле от всех пут. Решение земельного вопроса, развитие в деревне исконно русских форм труда (артельных, кооперативных, а не колхозных) несомненно поможет вернуть человека к земле, ибо деревня - это своеобразный организм со своими особенностями и традициями, с присущими ей формами взаимосвязи человека и окружающей среды, сложившимися исторически на основе опыта сотен поколений. Крестьянство - "основной хребет русской нации" (Солоневич, 1992. С. 154—155), давшее выдающихся деятелей во всех областях жизни и деятельности народа, стало объектом всевозможных экспериментов, понесло огромные потери в численном отношении. Оно может раставрировать народное мирознание, если его представители станут свободными землепашцами. Решив насущный крестьянский вопрос, открыв крестьянству дорогу к земле, общество сможет вернуть Россию на национальный путь развития.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В XIII-XVII ВЕКАХ

Основные типы сельских поселений русских, известные в XIX - начале XXв., сложились еще в период феодализма и прошли длительный путь развития. На их образование и развитие оказывали влияние природные факторы, социальный строй общества, состав и численность населения, направленность его хозяйственной деятельности и, в частности, формы землевладения и землепользования.

Наиболее распространенными поселениями русских крестьян в XIII-XVII вв. были села, погосты, деревни, починки, выселки, заимки, слободы.

Одним из самых древних поселений было село. В русской летописи слово село появилось в X в. Первоначально этот термин, по-видимому, имел более широкое значение, им обозначали не только селение, но и принадлежащие ему земли. До XV в. по актовым документам обычной формой сельского поселения было "село земли", им называлось и господское (боярское, княжеское), и крестьянское поселение {Греков, 1944. С. 82-86, 113).

С развитием феодального способа производства в северных и центральных областях России селом стало называться господское поселение. В XIV—XV вв. в северо-восточной Руси села были административно-хозяйственными центрами поместий, где обычно стоял господский двор, при котором были жилища зависимых людей - слуг и холопов. С развитием феодальных отношений в XVI-XVII вв. в селах растет количество тягловых крестьянских дворов и уменьшается число холопских. К селу тяготело несколько деревень, расположенных на земле данного феодала, оно обычно было крупнее деревни и часто являлось волостным центром. Поскольку во многих селах строилась церковь с домами церковного причта, они постепенно становились и религиозными центрами для окружающих деревень. В XVIII-XIX вв. в центральных и северных русских районах наличие церкви стало основным признаком, отличавшим село от деревни.

С X в. известен и другой старинный тип сельского поселения - погост. Первоначально термин погост имел двойное значение: сельского податного округа или сельской общины и главного селения этого округа с церковью и домами церковного причта. Однако в центральных русских районах такие округа или общины назывались волостями. По мере развития феодальных отношений погосты постепенно утратили свое значение. Позднее они существовали на Русском Севере, но и там к концу XVI в. сохранилось лишь религиозное значение погостов. В течение XVIII в. многие северные погосты развивались как земледельческие поселения, сохраняя роль административных и церковно-приходских центров. Со временем термин погост заменяется термином село, а название погост сохраняется за церковный усадьбой с кладбищем.

Основным типом поселения крестьян земледельцев в русских центральных, северных и северо-западных районах, а позднее в Сибири была деревня. В период развитого феодализма она представляла собой однодворное или малодворное поселение, в состав которого входили крестьянский двор (или дворы) вместе с комплексом жилых и хозяйственных строений и со всеми земельными угодьями, которые находились во владении крестьянских семей. Термин деревня появляется в письменных источниках лишь с XIV в., но поселения такого типа известны значительно раньше. По мнению исследователей, "на дописьменном этапе истории" деревня существовала "в форме поселения семьи, ее двора и пашни на общинной земле, как хозяйственное целое в системе общины погоста" (Воронин Н.Н., 1935. С. 70-72). Деревня была ячейкой сельской

общины - погоста - волости. В XV-XVI вв. вместе с развитием поместного землевладения, обоярением и окняжением волостных земель многие деревни из ячеек волостной общины постепенно становились ячейками поместного или вотчинного хозяйства, поселками феодально-зависимого крепостного крестьянина на владельческой земле.

В процессе исторического развития менялся и общественный строй деревни. Однодворную деревню населяла "семейная община" или "большая семья" с коллективным хозяйством и потреблением. На Севере такие селения называли печица (Ефименко А.Я. Т. 1. С. 219).

Поскольку большая семья могла жить в одном или нескольких домах, в однодворной деревне могло быть больше одного дома. Следующая стадия развития русской деревни возникла в результате деления семейной общины, сопровождавшегося разделом земельных угодий на доли, которыми владела каждая новая семья в общих угодьях, находившихся в нераздельном пользовании. Деление большой семьи обычно сопровождалось строительством новых дворов внутри одной деревни. Укрупнение деревень было связано с дальнейшим развитием феодальных отношений, с повсеместным распространением трехполья, появлением общего севооборота, угодий (Веселовский СБ. С. 32). Разложение долевой деревни, начавшееся в середине XVII в., было связано с ростом товарно-денежных отношений и подселением в когда-то родственную деревню новоселов, не связанных родством с местными жителями. Общественный строй деревни вступал в новую стадию развития, она становилась соседской территориальной общиной (Витое, 1962. С. 12).

В условиях натурального хозяйства, господства отработочной и натуральной ренты, слабых рыночных связей были деревни, включавшие от 1-го до 3-х дворов (Веселовский СБ. С. 78). Лишь с конца XV в. по писцовым книгам известны деревни в 10-15 дворов, но и тогда деревни из 10 дворов были редким явлением. Село первоначально было немного крупнее деревни.

Укрупнение селений происходило в первой половине XVI в. Оно было связано с развитием земледелия, с переходом к более интенсивному и рациональному использованию земли, к правильному трехполью и применению удобрений. С ростом поместного землевладения происходило сселение мелких деревень по воле землевладельцев, заинтересованных в более крупных хозяйствах крестьян. Кроме того, в XVI в. владельческими центрами становятся и многие деревни, где появляются усадьбы феодалов. По данным исторических документов XVI в., исследователи отмечают, что в среднем на одно село в Тульском уезде приходилось 15 дворов, в Орловском уезде - 24,1 двора, на одну деревню - соответственно 6,4 и 8,3 двора, на один починок - 4,2 и 1,9 дворов. В центральных русских землях в XVI в. преобладали села от 20 до 30 и более дворов (Веселовский СБ. С. 106-109).

Крупные села обычно принадлежали влиятельным феодалам. Так, в с. Куша-лино Тверского уезда (собственность великого князя Симеона Бекбулатовича) входили: "большой двор" великого князя, 2 двора представителей его администрации, 10 дворов его псарей, две церкви и монастырь с 10 кельями, 4 двора церковного причта, 29 дворов непашенных и 17 дворов пашенных крестьян. Один день в неделю в селе был базар на торгу, где было 29 лавок (Рабинович, 1977. С. 159—160). Особенно большими были села, принадлежавшие крупным монастырям и царскому дому. Наличие в селах наряду с крестьянскими беспашенных "бобыльских" и "казацких" дворов указывает на далеко зашедшее разделение труда и появление промышленного населения в селах.

В конце XVII в. укрупнение сельских поселений в значительной степени было связано с социальным расслоением крестьянства, с изменением формы эксплуатации крестьян, с ростом денежных оброчных повинностей и с последующим ростом промыслов и отходничества, особенно на территории северо-восточной Руси. В условиях денежной ренты заселение маленькими деревнями в 1-3 двора на отшибе было невыгодно. Заселение

большими деревнями способствовало освоению лесных, целинных земель, реализации продукции на рынке, получению добавочных прибылей в сфере ремесла, извоза и др.

Наряду с термином "село с деревнями" появляется термин "деревня с деревнями". Деревня, объединявшая вокруг себя другие деревни, насчитывала не один десяток дворов (Сахаров А.Н. С. 207-213). По существу начинается процесс стирания разницы между деревней и селом. Многие села, оказавшиеся либо в невыгодных рыночных условиях, либо связанные с барщиной, отстают в своем развитии и не превышают 10—15 дворов.

Первоначальной формой деревни или другого поселения была заимка или займище. Слово заимка означает занятие и присвоение по праву захвата бесхозяйственной, пустопорожней земли. Заимка могла быть просто занятым участком без постройки, могла быть и однодворным поселком. На окраинах Русского государства, в степях так называемого Дикого поля, на Дону и в Сибири землевладение складывалось первоначально по праву заимки.

Разновидностью деревни в северных и среднерусских областях был починок. Так называли новое поселение, возникшее на вновь освоенных землях или образовавшееся путем выселения из деревни. Вначале починки были однодверными или малодворными, но в результате роста населения обычно превращались в деревни или села. Связь деревень, починок и сел отмечается по духовным грамотам московских князей середины XIV в., в них неоднократно упоминаются села и слободы с деревнями и починками (Рабинович, 1969. С. 233).

В феодальную эпоху значительное развитие получают слободы. В XIV—XV вв. они были как торгово-ремесленные, так и земледельческие. В районах княжеско-боярской, позднее правительственной и монастырской колонизации существовали владельческие слободы, населению которых предоставлялись разные льготы. На севере и в центре России сельские слободы часто были промысловыми поселками, население которых занималось охотой, рыболовством, бортничеством. Слободой часто называлось селение вблизи города, их жители не были земледельцами (ямская, торговая, кузнецкая, гончарная, стрелецкая, солдатская слободы). Слободы ремесленников со временем превращались в промышленные поселения и города. Многие слободы в Сибири первоначально имели характер сторожевых, оборонительных пунктов, но со временем становились административными центрами с сочетанием военно-административных и земледельческих функций.

Сельские усадьбы феодалов нередко располагались отдельно от селения. Обычно это были укрепленные рвами и оборонительными оградами боярские дворы, но к XVII в. они чаще обрастали крестьянскими жилищами и превращались в села и в сельца. Усадьба помещика имела двор с большим домом владельца, служебными постройками для челяди и примыкавшими к нему огородами, садами, огуменниками. В богатой вотчине было несколько главных и второстепенных владельческих усадеб в разных селениях. Богатый феодал мог владеть многими имениями в различных частях России (Шенников, 1979. С. 169).

В погостах и селах выделялись отдельно огороженные церковные усадьбы с сельской приходской церковью с дворами духовенства, трапезной, кельями для нищих и пр.

Особую категорию сельских феодальных поселений составляли монастыри. Уже в XIV-XV вв. растет их роль в экономической, политической и церковной жизни. В это время возникли Троице-Сергиев, Ферапонтов, Кирилл о-Белозерский, Соловецкий и другие монастыри. Во второй половине XVI в. в России было не менее 200 монастырей. Они были крупными землевладельцами, в их вотчинах формировались различные категории феодально-зависимого населения, отдельные селения становились их владельческими поселениями. Усадьбы монастырей строились или в черте города, или располагались отдельно от него, со временем около них возникали дома зависимых монастырских крестьян, образуя село, слободу или посад. Монастырская усадьба обычно окружалась высокой деревянной или каменной оградой, в ней были церкви, часовни, дома

с монашескими кельями, трапезные, гостиница для паломников, хозяйственные постройки, избушки для нищих, кладбище, сад, огород и пр.

С 20-х годов XVII в., по мере того как оживлялась экономическая жизнь страны, в условиях складывания всероссийского рынка, возникновения товарно-денежных отношений восстанавливались (после социальных потрясений и общего экономического кризиса в России конца XVI - начала XVII в.) и развивались старые села и деревни. Новые селения появлялись как в местах древнего заселения русских, так и в процессе колонизации новых районов на окраинах государства.

XVI-XVII века были важным этапом в заселении южной окраины русской земли и Поволжья. Именно в этот период наблюдается систематическое поступательное заселение обширных пространств лесостепи южнее Оки. Освоение и заселение этих земель происходило в результате вольной, правительственной, частично монастырской и позднее помещичьей колонизации. Правительство строило одну за другой оборонительные линии - засечные черты. Они представляли собой крупные и мелкие крепости - города, городки, остроги, острожки, которые соединялись между собой полевыми укреплениями. Большая часть крепостей - поселения сельского типа. Лишь немногие из них (Тула, Путивль, Курск, Воронеж и др.) имели в XVII в. значительное число городского ремесленно-торгового населения, они сохраняют статус города до настоящего времени. Поскольку хозяйство "служилых людей" было в то время преимущественно земледельческим с применением залежной системы земледелия, оно требовало создания сезонных поселений. Большая часть служилых людей первоначально имела зимние усадьбы в крепостях или в примыкавших к ним слободах, а в дальних полях создавались летние станы.

После переноса очередной засечной черты к югу большинство служилых людей оставалось на старом месте и фактически превращалось в крестьян. На месте летних станов и около крепостей возникали пригородные слободы, села, деревни. Они заселялись служилыми людьми, беглыми крестьянами, холопами, позднее помещичьими и монастырскими крестьянами. Так, в 1615 г. в Воронежском уезде, занимавшем большое пространство по рекам Дон, Воронеж, Усмань, насчитывалось 53 поселения, в том числе 16 сел, 1 сельцо, 27 деревень, 4 слободы и 5 починков; в 1629 г. здесь было уже 62 поселения, некоторые деревни и починки превратились в более крупные села, насчитывающие от нескольких десятков до сотни дворов: Чертовицкое, Рамонь, Усмань-Собакино, Вербилowo и многие другие, существующие и поныне (Миклашевский. С. 111-112, 118-119, 165-166).

Характер расселения донского казачества также был связан с залежной системой земледелия и беспокойной военной обстановкой того времени. В XVII в. и ранее по берегам Дона находились укрепленные городки - общинные центры и убежища для населения во время нападения врагов. В мирное время здесь размещался гарнизон казаков в казармах - крупных примитивных жилищах, часто полуземляночного типа. Усадьбы казачьих семей имелись в зимовниках (базах, расположенных недалеко от городков), многие из которых были временными сезонными поселениями и устраивались казаками в облюбованных ими местах степной охоты и рыбной ловли, куда хозяева их периодически возвращались. С развитием скотоводства эти же зимовники служили местом временного содержания скота, выгоняемого на подножный корм в степи. Вокруг на многие километры простиралась земля - юрт, принадлежавшая определенной казачьей общине. На ней были разбросаны летние полевые станы - летники, или коши. На основе этих поселений позднее, в XVIII-XIX вв., складывались многоусадебные постоянные поселения - станицы и хутора (Шенников, 1979. С. 172).

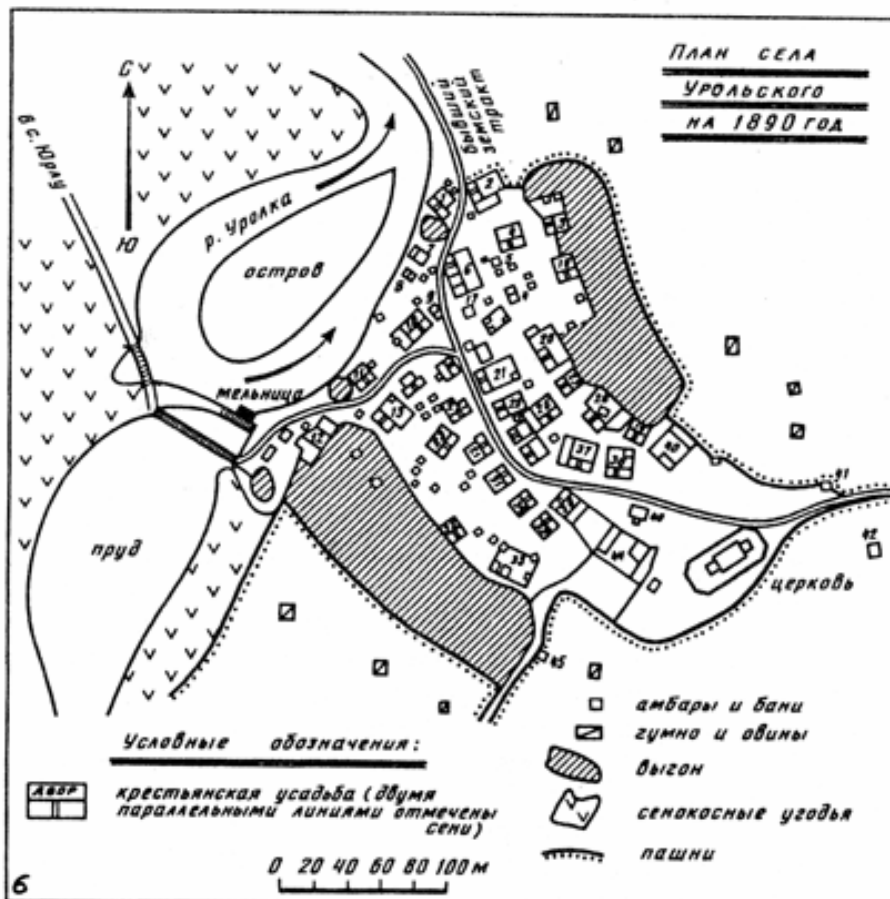
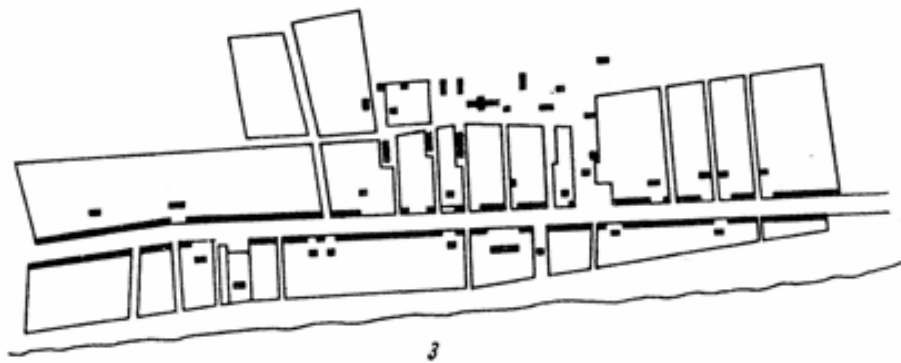
К концу XVII в. в состав Русского государства вошла основная территория Сибири - от Урала до верховьев Амура, от побережья Северного Ледовитого океана до подножья гор на юге Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской низменностей. Русское население размещалось на этих обширных пространствах очень неравномерно, преимущественно в таежной полосе. Наиболее заселенными к началу XVIII в. были Тобольский, Енисейский и

Иркутский уезды. В процессе освоения сибирских пространств, так же как и на юге Европейской России, сначала появлялись укрепленные крепости (города) и остроги, а с целью развития земледелия жители городов и крестьяне создавали вокруг них сельские поселения. Первоначально укрепленные города и остроги имели административно-стратегическое назначение, позднее в них стали развиваться ремесла и торговля. Крестьяне и другие жители поселялись за пределами укреплений, образуя посады и слободы, ставшие пригородными поселениями. Вокруг укрепленных городов, острогов и слобод располагалась широкая сеть сельских поселений, они были малодворны и размещались вдоль рек. При господстве залежно-переложной системы землепользования, в условиях неограниченного присвоения и использования земельных участков в начальный период освоения Сибири, в XVII в. широко развивается сельское расселение заимками. Они возникали на свободных участках земли, где крестьяне выжигали лес под пашню и возводили постройки. Это были одно-семейные селения при полях. Со временем однодворные заимки обрастали дворами, становились починками и многодворными деревнями. Но для Сибири особенно характерны были заимки как временные, сезонные селения на период летних сельскохозяйственных работ. Множество их располагалось на десятки верст вокруг постоянно обитаемых населенных пунктов. Как временные сезонные поселения заимки сохраняют свое значение в Сибири вплоть до XX в. В течение XVII в. в Сибири постепенно увеличивается число деревень, растут их размеры (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 59-69).

При выборе места положения своих селений крестьяне умело использовали природные условия - рельеф местности, водоемы, леса, овраги, направление господствующих ветров, почвы, пригодные для земледелия. С глубокой древности русские располагали свои селения по берегам рек, ручьев и озер, которые обеспечивали жителей водой, снабжали рыбой и служили основными путями сообщений. С расширением феодальных отношений и ростом населения, с раз- витием и усовершенствованием сухопутных дорог селения возникают в местах, удаленных от водоемов, но вблизи пригодных для земледелия участков земли. Однако еще и в XX в. для северных лесных районов характерны сравнительно редкие поселения в долинах рек и озерных котловинах, где имелись необходимые условия для развития молочного животноводства, земледелия, рыболовства, охоты и лесного хозяйства.

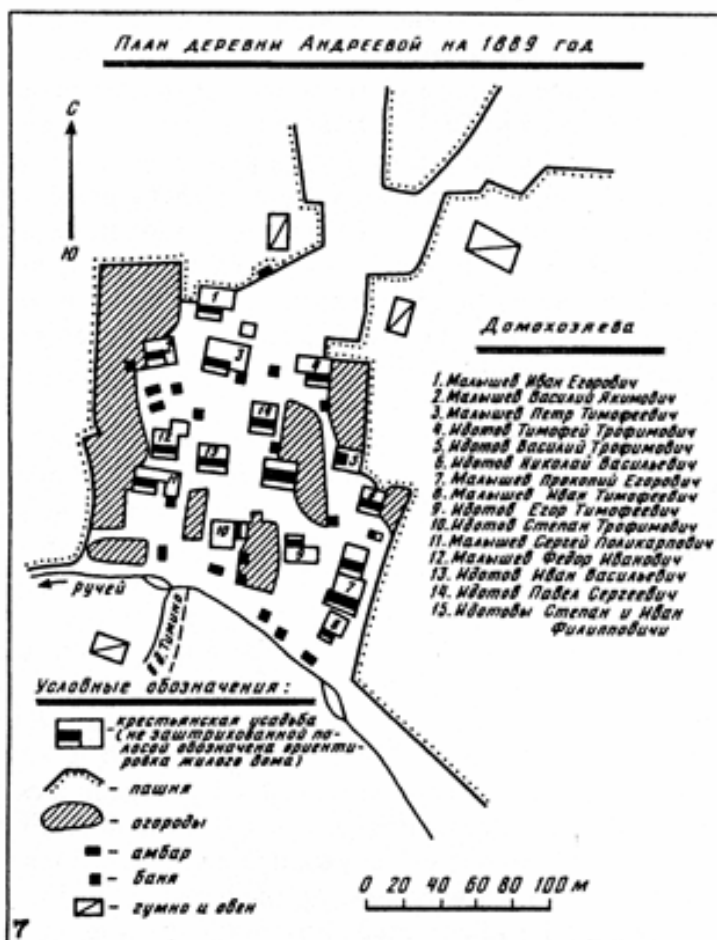
Сельские поселения обычно возникали без заранее составленного плана. И тем не менее многие из них, основанные несколько столетий назад, поражают удачно организованной системой улиц и переулков, компактной группировкой жилых и хозяйственных построек, архитектурной целостностью.

Первый поселенец ставил двор там, где было удобно вести сельскохозяйственные работы, заниматься скотоводством, рыболовством, охотой. Разнообразный рельеф местности, наличие оврагов, ручьев, болот, стремление строиться у воды, на опушке леса, на высоком сухом месте — все это учитывалось при выборе участка при застройке. Со временем около первопоселенца отводилось место для второй, третьей и т.д. крестьянских усадеб. Возникали сначала малодворные, а со временем и многодворные селения.

Схематические планы старинных русских селений:

- 1 – круговой план;
- 2 – рядовой план;
- 3 – уличный план;
- 4 – улично-радиальный план;
- 5 – улично-квартальный план;
- 6, 7 – беспорядочный план (Пермская губерния, конец XIX в.);
- 8 – кварталный план (Алтайский край, 1825 г.)

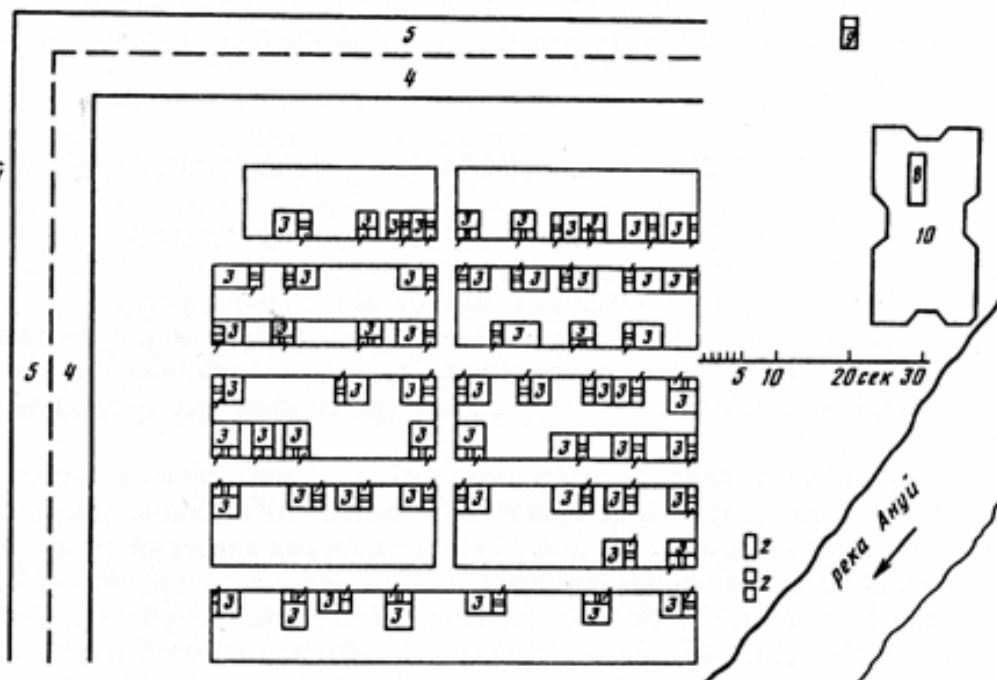

В **Н**
Ситуационный
план крепости
Ануйская
Бийского уезда

С

Изыяснение

1. Дома
2. Амбары
3. Дворы
4. Гумны
5. Огороды
6. Амуничный амбар
7. Манеж
8. Магазин
9. Сборное
10. Бани

Наиболее старым планом расположения дворов в селениях, особенно в лесной полосе, был рядовой или линейный; археологи его прослеживают уже в VIII-IX вв. По мере разрастания малодворных селений усадьбы часто ставили в ряд, одна возле другой, вытягивая их вдоль берега реки, озера, оврага. Таких рядов домов могло быть несколько. Фасады изб обращали в одном направлении: к солнцу, к реке, к озеру, к оврагу. С возрастанием значения сухопутных дорог, с развитием торговли дворы выстраивались вдоль дороги, образуя один, два или три параллельных ряда. Такое стихийно рядовое расположение построек прямыми, кривыми, дуговыми линиями, усложнявшееся по мере разрастания селений, существовало на протяжении нескольких столетий.

Достаточно часто встречались и селения беспорядочного плана - одна из древних и наиболее распространенных форм поселений русских вплоть до XIX в. Этот тип поселений чаще использовался на водоразделах и был характерен для бывших государственных и монастырских крестьян. Дворы в этих селениях располагались без системы, разрозненно и группировались в гнезда, в кучки, расположенные на некотором расстоянии друг от друга. Так могли селиться близко родственные семьи, составлявшие патронимию. Пережитки застройки патронимическими гнездами долго сохранялись в местах старого заселения - в средней полосе России. В лесостепной черноземной полосе, заселенной вторично после запустения степи в XIV—XV вв., села с беспорядочной планировкой возникали в результате разрастания семей первопоселенцев, строившихся как им было удобно, без всякого плана. Такие селения появились вдоль бывшей Белгородской оборонительной черты, их основали военно-служилые люди. Беспорядочно кучевую планировку имели и многие села с жителями, принадлежавшими к разным социальным категориям: однодворцам и крестьянам помещичьим, удельным, государственным. Обособленно селились в помещичьих селах и крестьяне, принадлежавшие разным помещикам.

Издавна встречались поселения, в которых дворы застраивались вокруг какого-либо центра: озера, пашни, выгона, церкви, позднее торговой площади. К более раннему периоду исследователи относят селения, в которых дома расположены вокруг пашни, конопляников и огородов. С существованием древних погостов связываются круговые селения, с застройкой домов вокруг площади, на которой стояли церковь, лавки, общественные хозяйственные постройки. Такие селения чаще всего встречаются в Волго-Окском междуречьи, на территории древней Суздальской Руси.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В XVIII-XIX вв. на территории России бытовали разнообразные типы сельских поселений, особенности которых сложились еще в далеком прошлом. Множество старинных селений располагались на тех же самых местах, на которых они отмечались еще в писцовых книгах XVI-XVII вв., в их планировочной застройке и названиях сохранялись старые традиции. Тысячи селений появились позднее, но в их характере, местоположении, планировке прослеживались традиционные особенности.

Реформа 1861 г. явилась своего рода рубежом, вызвавшим изменения в земельных отношениях. Разрешение крестьянам выкупа их наделов, покупки незанятых казенных земель и земель разорившихся дворянских владений, развитие арендных отношений, постепенное разложение сельской общины, усиление связей сельского хозяйства с рынком, углубление социального расслоения крестьянства — все эти и многие другие факторы, характерные для пореформенного периода, влияли на развитие сельских поселений.

Типы селений

Так же как и в предшествующий исторический период, наиболее характерными типами русских поселений были села и деревни. Они были многодворными и состояли из расположенных поблизости крестьянских усадеб, владевших определенным количеством земельных угодий. Деревня или село продолжали оставаться ячейкой крестьянской земельной общины. Однако в связи с ее постепенным разложением увеличивалась покупка земли в частную собственность и подворное землевладение. Быстрее распались старые общинные связи в крупных торгово-промышленных селах, число которых росло в пореформенную эпоху. Деревня как тип поселения по-прежнему наиболее распространена была в северной и средней полосе России, а также в Сибири. Селом в этих регионах называлось более крупное поселение с церковью, которое обычно являлось религиозным, административным и торговым, а нередко и промышленным центром для близлежащих деревень. Многие крупные села были центрами волостей. В южных русских черноземных губерниях большая часть поселений (как и в предшествующий период) называлась селами. Починки и выселки возникали даже и в пореформенную эпоху в результате выселений из разраставшихся сел и деревень, а также в связи с появившейся возможностью покупки зажиточными крестьянами бывших дворянских казенных земель. Со временем по мере увеличения численности населения эти выселки вновь превращались в деревни или села. Многие погосты или прекращали свое существование, или превращались в слободы, монастыри, села, торгово-ремесленные посады. Слободой называли лишь крупное село, часто подгороднее или такое, население которого занималось торговлей и промышленностью. Многие земледельческие слободы постепенно стали селами.

В районах расселения русского казачества - донского, кубанского, терского, уральского — поселения назывались станицами и хуторами. Станицы в XIX — начале XX в. были центрами крупных казачьих земельных общин и являлись административными, хозяйственными и торговыми центрами. Зачастую они насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен дворов. Казачьи хутора также были многодворными, иногда крупными населенными пунктами, на Дону они часто не уступали по своим размерам станицам. Хутора располагались на землях станичных юртов, административно и экономически были связаны с определенными станицами. В конце XIX-начале XX в. население кубанских и терских станиц и хуторов значительно возросло за счет переселенцев, так называемых иногородних, из центрально-черноземных и левобережных украинских губерний. Одновременно возникали новые крестьянские хутора, селения и поселки.

Хуторская система расселения распространяется в начале XX в. в годы усиленного развития капитализма в деревне, особенно в период действия Столыпинского закона о хуторах и отрубках. Согласно указу 1906 г. зажиточные крестьяне стали выделять свои наделы из общинного земельного фонда деревни с правом закрепления земли в личную собственность и поселения отдельным хутором (с выходом из деревни). Переход на хуторское хозяйство происходил преимущественно в западных русских губерниях (в Псковской, Смоленской, Петербургской). Хутора встречались также в центральных и северных губерниях России.

Особенности сельского расселения

Разнообразный рельеф местности, развитая гидрогеографическая сеть страны, путевые тракты и водные пути, а позднее - железнодорожные и шоссейные дороги, развитие торговли, кустарной и заводской промышленности обусловили разнообразие местоположений русских селений.

В северной полосе России, как и прежде, преобладало расположение селений по берегам рек и озер, что определялось наличием главных транспортных магистралей и

наиболее удобных прибрежных земель для хлебопашества и животноводства. Во второй половине XVIII - начале XIX в. по мере развития товарно-денежных отношений в северной деревне, роста производительных сил, усовершенствования техники земледелия постепенно происходит заселение водоразделов, что особенно характерно было для Верхнедвинского бассейна. Так, в Устюжском крае освоение водоразделов и появление сухопутных дорог было связано с ростом населения и укрупнением деревень (от 4,5 двора на деревню во второй половине XVIII в. до 8,1 - в первой половине XIX в.), с нехваткой угодий, особенно при переходе к специализации на молочное животноводство (Власова И.В., 1976. С. 87-91, 112). В пореформенную эпоху недостаток земель для пашни, лугов и выгонов в речных долинах стал восполняться покупкой или арендой свободных еще земель казны или частных лиц, которые оставались преимущественно на водоразделах. Предоставленные крестьянам права свободного выкупа наделов и покупки незанятых казенных земель способствовали, с одной стороны, разложению общинных порядков, а с другой - повсеместному основанию новых починков и выселков, которые со временем превращались в деревни.

Социально-экономические перемены и естественный прирост населения способствовали не только образованию новых населенных пунктов, но и укрупнению старых. В конце XIX в. в Верхнедвинском бассейне в среднем было 11,1 двора в одной деревне. С начала XVII и до конца XIX в. количество дворов в деревне увеличилось в 3—4 раза (Власова И.В., 1976. С. 92, 95). В Вятской губернии малодворность деревень была обусловлена подсечной системой земледелия, малоплодородными почвами, небольшим размером пригодных для земледелия возвышенных местечек. В южных уездах этой губернии с лучшими для земледелия условиями бытовали более крупные селения. Увеличение числа дворов в период капиталистического развития деревни в этой губернии, как и во многих других, было обусловлено прежде всего естественным ростом населения и участвовавшими семейными разделениями. В 10 уездах Вятской губернии среднее число дворов в селениях с 1797 по 1915 г. возросло в 3-7 раз (в Котельническом уезде, например, с 2 до 13,2 дворов; в Яранском - с 5,1 до 30,3; в Сарапульском - с 14 до 65,3) (Маслова, Станюкович. С. 77-78).

В центральных нечерноземных районах, издавна плотно заселенных, поселения располагались более равномерно как на водоразделах, так и в речных долинах. Менее заселенными были болотистые лесные низменности, особенно в лесном Заволжье Костромской и Нижегородской губерний. Более возвышенный рельеф и благоприятные почвы средней полосы России, а также развитие здесь торговых связей, различных ремесел, кустарной и позднее заводской промышленности способствовали быстрому и плотному заселению водоразделов, чем это наблюдалось на Севере. Селения в средней России имели сравнительно небольшие размеры - 20-60 дворов. Так, в 1880-х годах в Осеневской волости Ярославского уезда из 30 селений в 22 было от 20 до 50 дворов, в 8 - от 10 до 20 дворов и только в волостном селе Осенево было 107 дворов (Титов, 1883). В среднем в селениях в начале XX в., по данным А. Воейкова, проживало в нечерноземных губерниях: Ярославской - 93 человека, Костромской - 104, Тверской - 160, Владимирской - 182, Московской— 194 человека (Воейков. С. 42).

Дальнейшие изменения в расселении происходили преимущественно за счет укрупнения старых населенных пунктов и возникновения новых торгово-промышленных и фабричных селений, которые особенно бурно развивались в пореформенную эпоху благодаря своему положению по берегам крупных судоходных рек, у станций железных дорог, вдоль больших трактов. Часть жителей этих селений продолжала заниматься земледелием. В конце XIX в. более трети всех фабрично-заводских рабочих находилось вне городов в фабричных селах. Довольно много их было в Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Ярославской губерниях, а также в селах с развитыми кустарными промыслами: в Павлове, Ворсме, Богородском, Дубовке, Кимрах, Великом и др. (Ленин. Т. 3. С. 519-521, 523).

В русских лесостепных и степных черноземных районах старинные селения располагались в речных долинах, поближе к источникам питьевой воды. Где имелся пересеченно-холмистый рельеф местности, селения строились там, где была ключевая вода, ряды домов тянулись вдоль балок и оврагов, многие из них криволинейной формы с односторонней и двухсторонней застройкой домов. Наиболее густая сеть старинных поселений служилых людей (одиндворцев, позднее государственных крестьян) проходила широкой полосой с северо-востока на юго-запад в направлении Белгородской укрепленной черты XVII в., сосредоточиваясь на юго-западе черноземного центра, в речных долинах Сейма, Пела, Ворсклы и других рек. Здесь со временем сложились крупные поселения от 200 до 400 и более дворов. Дальше к северу лесостепи, в отдельных районах Орловской, Рязанской, Пензенской губерний селения имели меньшие размеры (от 20 до 100 дворов).

В XVIII-XIX вв. южнорусские губернии стали играть ведущую роль в экономике государства, разработка южных черноземов привела к развитию товарного хозяйства. В XVIII в. на этой территории быстро распространялось феодальное землевладение. Царское правительство широко раздавало дворянам поместья на территории будущих Курской, Воронежской, Тамбовской губерний. На дворянские земли поселяли крепостных крестьян из других губерний России, а чаще насильственно закрепощали беглых и вольных поселенцев и разорявшихся служилых людей.

Укрупнение старых селений особенно заметно проходило в тех районах, где более сильно были развиты товарно-денежные отношения, где совершались крупные торгово-промышленные обороты, повышался объем промышленного и кустарного производства. Быстрый количественный рост селений наблюдается вблизи железнодорожных станций, в районах, где расширялись посеы сахарной свеклы, махорки, картофеля, товарного зерна.

Образование новых селений в пореформенное время зависело от масштабов перехода на участковое землепользование, от конкретного размещения земельных массивов, проданных через крестьянский банк, наличия помещичьих земель (Ковалев, 1953. С. 79-92).

После освобождения крестьян значительная часть бывших дворянских земель в Воронежской, Тамбовской, Саратовской губерниях была продана через крестьянский банк крестьянским обществам и отдельным лицам. На этих землях нередко возникали новые хутора и села. Образование новых населенных пунктов в пореформенный период преобладало в центральной части Орловской губернии, на северо-западе Курской и в отдельных местах на востоке и на юго-востоке Тамбовской и Воронежской губерний. В этих районах в предреформенное время преобладали сравнительно мелкие селения. Так, на Орловщине распространение мелких крепостных деревень и селец было связано с преобладавшим здесь мелкопоместным дворянским землевладением. В период Столыпинской реформы в 1907-1916 гг. именно в этом районе происходило более интенсивное образование хуторов по сравнению с другими местностями черноземного центра. Новые селения обычно были меньше по сравнению со старыми. В Тамбовской губернии в селениях, возникших в 1860-1917 гг., проживало в среднем 252 человека, тогда как в селениях, основанных до 1860 г., насчитывалось 1260 человек (Ковалев, 1949. С. 146). В послереформенную эпоху в черноземном центре сохраняется преобладание приречного и овражно-балочного расположения селений, но и удельный вес водораздельных селений в этот период возрастает.

В XVIII-XIX вв. продолжалось освоение русскими Сибири. Дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства и становление промышленности стимулировали продвижение русского населения на плодородные лесостепные и степные земли юга Сибири. В связи с этим во второй половине XVIII в. здесь начинается строительство укрепленных линий с крепостями, редутами, форпостами, слободами и деревнями. Это способствовало безопасности южных рубежей Сибири, что повлекло за собой активизацию внутренних миграций населения. Крестьяне из более северных мест

постепенно расселялись в южные районы и по собственной инициативе, и с помощью правительства. Администрация намечала участки под поселение и "вызывала" желающих из более северных сибирских уездов, использовалась и принудительная ссылка. Так, например, возникли компактные группы старообрядческих селений на Алтае, в Забайкалье ("семейские"), в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии. В связи с развитием в Сибири горнодобывающей и металлургической промышленности правительство создавало здесь новые заводские деревни или приписывало к заводам окрестные селения, крестьяне которых обязаны были обрабатывать заводские повинности, сочетая это с сельскохозяйственными работами.

Важную роль в расселении русских в XVIII-XX вв. сыграло строительство сухопутных дорог-трактов и налаживание ямской службы, регулярного почтового сообщения и перевозок государственных грузов. В XVIII в. был создан Большой Сибирский, или Московский, тракт. Он пересекал Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии. От основного тракта отходили дороги к крупным городам Сибири, появлялись более мелкие местные дороги. Новые селения возникали вдоль тракта или вблизи него. Распространялась линейная форма расселения по трактам и оборонительным укрепленным линиям. Около трактов возникают новые типы поселений - станки и зимовья, жители их несли службу на трактах, и лишь немногие занимались земледелием и животноводством. Станки -это своего рода дорожные станции, при них были дома ямщиков, постоянные дворы для отдыха проезжающих и смены лошадей. Зимовья были или промысловыми (они устраивались звероловами и сборщиками ясыка), или служили станциями на дорогах, в них проезжающие отдыхали, кормили лошадей, иногда здесь были и постоянные дворы. В XIX - начале XX в. с утратой значения сухопутных дорог многие из этих населенных пунктов становятся крестьянскими селениями (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 73-82).

Вдоль оборонительных линий возникали казачьи станицы и поселки. Длительное время сохранялись и укрепленные крепости, где первоначально располагались казачьи гарнизоны в казармах. Более крупными были станицы (от 50 и более дворов), в которых размещались административное управление, церковь, плац для учений, дома для семей казаков. Мелкие поселки подчинялись станицам. В 1760-х годах к казачьим поселениям были приписаны юртовые земли для занятия сельским хозяйством (Липинская, 1987. С. 25).

В конце XIX — в начале XX в. продолжают заселяться окраины Сибири. В это время происходит массовое переселение крестьян из европейской части страны в Алтайский округ и в другие степные пространства Сибири. Большинство новоприбывших подселалось к существующим селам старожилов, а часть из них строила новые поселки. Размещением переселенцев с начала XX в. ведало Переселенческое управление, выделявшее им земельные участки. Эти участки сначала осваивались ходоками, которых направляли крестьянские общества. Обычно вначале здесь селилась одна семья, к ней со временем присоединялись односельчане или крестьяне из других губерний. В местах старого расселения с ростом сел и деревень часть семей в целях приближения к удаленным земельным угодьям уходила на выселки. Этот процесс проходил в границах основного землепользования старожильского поселения. В начале XX в. из некоторых крупных сел выделялось по пять-шесть выселков (Липинская. 1987. С. 33). Частично затронула Сибирь и Столыпинская реформа, но расселение там на хутора происходило сравнительно медленно. Выселки и хутора чаще возникали на водоразделах в степных районах.

Так же как и в таежной зоне, в процессе освоения лесостепных и степных районов большую роль играли заимки. Заимочная система расселения была наиболее удобной при разработке новых сельскохозяйственных угодий и стала характерной особенностью русского расселения в Сибири на протяжении XVIII — начала XX в. Однако в этот период основными типами сельских поселений Сибири, как и в Европейской России, были

деревни и села. Постепенно некоторые прежние поселения административного, оборонительного и хозяйственного назначения (слободы, станицы, станки, заимки) превращались в села и деревни. Число дворов в них колебалось от двух-трех до нескольких сотен. Так, в середине XIX в. большая часть малодворных деревень была в Енисейском округе (от 2 до 70 дворов), а самые крупные — свыше 400 дворов - в Ялуторовском и Барнаульском округах Западной Сибири (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 91-92). В процессе освоения сибирских пространств возрастают плотность населения, размеры и число русских населенных пунктов, протянувшихся широкой полосой от Урала до побережья Тихого океана.

В пореформенное время интенсивно изменялось сельское расселение и на других земельно-хозяйственных окраинах России (Нижнее Поволжье, Средняя Азия, Северный Кавказ), которые в значительной мере колонизовались восточнославянским населением, и прежде всего русскими. В пореформенную эпоху сельское население в девяти окраинных земельно-хозяйственных губерниях вследствие эмиграции возросло на 87% против среднего по России 48,5% (Ленин. Т. 3. С. 566). Заселение этих районов происходило преимущественно из центрально-черноземных, средне-волжских и украинских губерний России. На степных земельно-хозяйственных окраинах страны возникло в пореформенное время множество новых селений. В Средней Азии особенно усилился поток переселенцев из России после 1905 г., их размещали на отобранных "излишних" землях коренного населения или на вновь обводненных участках. Русские поселки располагались по течению рек или вдоль дорог, их внешний вид в Средней Азии мало отличался от обычных степных русских сел. Они имели уличную планировку и отличались обилием зеленых насаждений.

По данным переписи 1920 г. в Туркестане наибольшее число русских и украинских переселенцев проживало в Семиреченской области. Здесь было 32 крупных крестьянских поселка (116 400 чел.) и 14 казачьих. В Сыр-Дарьинской области в 263 поселках проживало 96 754 человека, в Закаспийской области имелось 46 поселков (29 954 человека), расположенных вдоль линии Среднеазиатской железной дороги, в Ферганской области - 91 поселок (12 597 человек), в Самаркандской — 9 поселков (3708 человек) (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. С. 663). В Казахстане 1 057 128 русских, или 29,9% всего населения (по данным переписи 1920-х годов), проживали в казачьих станицах и переселенческих поселках (Казахское хозяйство. С. 80-87).

Много селений с русским и украинским населением возникло во второй половине XIX в. около крупных курортов и в районах развитого садоводства, например на южных горных склонах Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Создавались русские поселения и в районах развитого животноводства на Кавказе и в Средней Азии. В районах более поздней русской колонизации селения располагались по долинам рек, в предгорьях, а также по склонам гор и на плоскогорьях, близ источников питьевой воды. Более поздним типом расселения был горнозаводской, развитый на Урале, в бассейне Оки, вблизи месторождений полезных ископаемых. Рыболовный тип расселения был обусловлен направлением крупных речных долин, морских и озерных берегов - на Нижней Волге, на Крайнем Севере и др. (Семенов-Тянь-Шанский, 1910. С. 27).

При заселении окраин России, Среднего Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа русские поселения оказывались поблизости от районов расселения местных народов, нередко русские и нерусские поселения были расположены чересполосно, со временем в русские поселения селились и представители аборигенных народностей. Поскольку при колонизации новых районов наряду с русскими участвовали и украинцы (в меньшей степени белорусы) возникло много смешанных русско-украинских поселений (в Воронежской, Курской губерниях, на Дону, Кубани, в Ставрополье, на юге Сибири, в Средней Азии и других районах).

Планировка селений

Так же как и в предшествующий период, планировка русских сельских селений была многообразной. В большинстве старинных селений сохранялись традиции планировочной застройки, сложившиеся в прошлом. Вместе с тем под воздействием новых социально-экономических явлений, внутренних и внешних миграций, в связи с естественным ростом населения и семейными разделами нередко изменялись размеры поселений, их планировка. В ряде районов еще сохранялись старинные типы планировочной застройки - свободная или беспорядочная, замкнутая или круговая, кучевая или гнездовая, широко распространенные в более раннем периоде.

Селения со свободной застройкой дворов, без определенного плана чаще встречались на водоразделах с пересеченным рельефом местности и в районах, удаленных от больших дорог и рек, определявших постановку домов в одну линию.

Свободная, разбросанная застройка была характерна в XVIII в. для русских старожильческих селений Сибири. Обычно каждая усадьба ставилась обособленно. Развитие притрактового расселения способствовало появлению рядовой и уличной застройки. Однако в старинных селениях, удаленных от трактов, а также в старой части притрактовых селений еще и в XIX в. сохранялась разбросанная застройка (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 91-92).

В центральных районах России - в Ярославской, Костромской, Владимирской, Рязанской губерниях и в изучаемый период встречалась древняя форма замкнутой застройки селения. Но в то время дома чаще располагались вокруг центральной площади с церковью. Во многих случаях подобная замкнутая застройка по мере разрастания селения дополнялась улицами, радиально расходящимися от центральной площади. На территории бывшего Ростовского уезда еще и в начале 30-х годов XX в. отмечалось 14 старинных селений замкнутого плана с торговой площадью и церковью посередине.

Наиболее характерными для русских были линейные (или рядовые) селения, когда дома ставились в один или несколько рядов вдоль реки, озера или дороги. В XIX в. стали преобладать рядовые селения, расположенные вдоль дороги. В них передние фасады домов обычно обращены в сторону дороги, по другую ее сторону напротив домов располагались хозяйственные постройки - амбары, сараи, гумна, овины. Подобная застройка часто отмечается источниками середины XIX - начала XX в. По мере увеличения численности населения в результате разделов больших семей однорядные деревни разрастались путем возникновения новых рядов строений, располагавшихся и параллельно, и перпендикулярно друг к другу.

Уличные селения — это по существу многорядовые селения, где улица чаще всего образована двумя рядами домов, обращенных фасадами друг к другу. Такие селения были особенно характерны для второй половины XIX - начала XX в. Многие из них возникли из более древних селений свободной, замкнутой, рядовой застроек. В пореформенную эпоху было много селений со смешанной планировкой - улично-рядовых, улично-замкнутых и т.д., в которых прослеживались преобразования рядовых и других форм селений в уличные.

Массовое распространение селений, построенных по определенному плану с улицей между домами и промежутками (переулками), между группами (гнездами) домов, относится к XIX в. Перестройка селений по заранее намеченному плану связана с действием правительственных указов, которых с 1722 по 1779 г. было издано свыше двух десятков (Введенская. С. 77-120). Издание специальных указов об упорядоченной застройке селений было вызвано скученностью и теснотой большинства селений России, что приводило к частым опустошительным пожарам.

Однако перестройка деревень проводилась медленно. В первую очередь по планам застраивались выгоревшие деревни и селения, расположенные у больших дорог. В противопожарных целях, а также в связи с повышением рентабельности крестьянских

хозяйств помещики перестраивали свои деревни. В районах с преобладающим помещичьим землевладением (на юге России) уже в XVIII в. были распространены уличные селения, часто разбитые по плану. Вместе с тем многие деревни, расположенные вдалеке от торговых путей, в глухих районах (Север, Заволжье, некоторые районы черноземной лесостепи и др.) так и остались неперестроенными, они и в начале XX в. хранили следы древних форм застройки.

По мере разрастания уличные селения вытягивались в одну линию на довольно значительные расстояния (такие села часто встречались в южнорусских районах). Чтобы сократить протяженность селений, новые улицы прокладывались в разных направлениях, возникали сложные запутанные планы селений - улично-квартальные, улично-радиальные и т.д.

Влияние правительственной регламентации на застройку значительно сильнее проявлялось на окраинах государства, где русские поселения возникли сравнительно поздно (Северный Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Юг Сибири). Там для них были характерны прямые широкие улицы, пересекаемые в определенном порядке прямыми переулками. Многие станицы терского, кубанского и в меньшей степени донского казачества построены по улично-квартальному плану.

В конце XIX—начале XX в. в большинстве русских селений дома стояли близко друг к другу, что объяснялось как суровыми климатическими условиями, так и разрастанием и разделами крестьянских семей. Деревенская улица слагалась из вытянутых в линию крестьянских (прямоугольных в плане) усадеб, выходивших к улице узкой стороной и непосредственно примыкавших друг к другу. По линии улицы в начале усадьбы стояли в ряд жилые дома, непосредственно около них пристраивались дворовые постройки. В северных и центральных русских районах жилые дома выходили на улицу узкой торцевой стеной, а в южнорусских районах дома вытягивались длинной стороной вдоль улицы. На юге России, в казачьих станицах и хуторах, на Алтае дома ставили более свободно, несколько отступя от улицы, за оградой двора. За дворовыми постройками, на некотором расстоянии от них, на конце усадьбы стояли хозяйственные постройки, не входившие в состав двора: амбар, баня, овин или рига для сушки хлеба, гумно (клуны), половник для обмолота. Амбар или кладовую с ценным добром в некоторых русских селениях ставили перед окнами домов прямо на улице. Отдельные хозяйственные постройки (овины, риги, иногда амбары) в противопожарных целях выносили и на окраину селения в определенное место. Отдельной группой около реки нередко ставили бани, которые были особенно характерны для Севера России, строили их также в центральных и западных губерниях, в Среднем Поволжье. На окраине села за домами часто ставили ветряные мельницы, при реках и прудах - водяные.

Среди крестьянских построек выделялись общественные, которые стояли в центре или на окраине селений: маслодельни, смолокурни, пожарные сараи, хлебо-запасные магазины, лавки. Центральное место в селах занимали церковь, дома церковного причта, волостного правления, сельские лавки. С развитием капиталистических отношений в центре крупных селений возникают торговые площади с магазинами и торговыми рядами, гостинными дворами, питейными заведениями. Рост социальной дифференциации крестьянства во второй половине XIX в. отразился на неравномерной застройке сельских улиц: в центре на видном месте располагались наиболее добротные дома сельской буржуазии, избы бедняков строились на окраине селений и на задворках.

Благоустройством крестьянских селений в пореформенную эпоху занимались мало. В них преобладали узкие и тесные улицы и переулки, которые весной и осенью в распутицу утопали в грязи. Мало внимания уделялось антисанитарным мероприятиям. Страшным бичом были пожары, нередко полностью истреблявшие села и деревни. На улицах большинства русских и белорусских селений довольно мало было зелени, тогда как ее обилием отличались некоторые южнорусские селения, казачьи станицы и хутора, русские

селения Средней Азии и Казахстана, где было развито садоводство.

ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В 1920-1980-е ГОДЫ

Коренная перестройка социально-экономических отношений в деревне после революции - национализация земли, передача бывших крупных частных владений в пользование крестьянства, организация первых государственных и кооперативных коллективных хозяйств — не могла не отразиться на характере сельского расселения, социально-экономической функции поселений и размерах. С перераспределением земли между крестьянами на новых началах (по числу членов семьи) была устранена одна из причин, сдерживавших семейные разделы. В результате нового землеустройства увеличиваются размеры селений за счет расширения приусадебных участков в результате массовых разделов больших семей. Образование новых крестьянских дворов способствовало быстрому разрастанию селений, застройке окраин, образованию новых порядков домов и целых улиц. На конфискованных помещичьих и монастырских землях возникают новые крестьянские поселки, появляются выселки при крупных селениях на дальних концах полей (Ковалев, 1960. С. 232). Сразу же после революции усиливается стремление крестьян к выходу из деревень на хутора. Расширение хуторского типа расселения было вызвано обременительными общественными повинностями в сельских общинах, желанием улучшить неудобства старого землепользования (чересполосица, дальнотемелье), а также примером стабильности многих хуторских хозяйств, созданных еще в период столыпинской реформы. Начиная с 1922-1923 гг. хутора и отруба стали возникать во многих русских районах. На Кубани при проведении нового землеустройства в целях разукрупнения многодворных кубанских общин поощрялось выселение бедняцких и середняцких хозяйств из станиц в отдельные поселки и хутора, многие из которых со временем превратились в большие населенные пункты.

В бывших крупных частновладельческих хозяйствах возникли поселки сельскохозяйственных коммун, государственных опытных хозяйств, кооперативных товариществ. Коммуны организовывались также и на территории старых селений в пределах их землепользования. В центральной России материальной базой для них часто служили постройки богатых частных владельцев. Сравнительно большое распространение коммуны получили на Алтае, где значительный процент составляли бедные крестьяне, не обеспеченные землей. В новые поселки коммунары свозили свои дома из деревень или покупали их у крестьян. В коммунах обобществлялся скот, инвентарь, жилые и хозяйственные постройки, создавались новые формы общественного обслуживания населения. Часто из привезенных построек возводили более крупные многокомнатные дома с коридорной системой. Каждой семье выделялась отдельная комната. Поселки коммунаров обычно были небольшими, но они, как и другие поселения, выполняли административные, производственные, культурно-бытовые функции (Липинская, 1987. С. 41-46).

В 20-е годы в старых селениях появляются новые общественные учреждения - исполкомы сельских советов, избы-читальни, народные дома, кооперативные товарищества и др. Обычно они размещались в старых домах богатых односельчан, конфискованных у помещиков и сельской буржуазии.

Существенные изменения в характере застройки населенных пунктов произошли в процессе коллективизации сельского хозяйства. Колхозы организовывались в большинстве случаев на базе существующих селений. Первоначально колхозы были небольшие, в крупных южных селениях их было по несколько. Создание совхоза часто сопровождалось строительством комплекса новых небольших населенных пунктов на центральной совхозной усадьбе и его отделениях. При многих МТС появились свои особые поселки. После осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства происходила ликвидация хуторов, жители которых возвращались в старые деревни, из

которых они прежде вышли на хутора, или переселялись в новые колхозные поселки. В целом по стране в 1930-е годы было сселено более 780 тыс. хуторов, на основе которых организовано 7800 новых селений по 100-150 дворов (Буденный. С. 75, 87).

Для хозяйственных нужд вновь организованных колхозов потребовалось большое количество специальных построек. Первоначально только что созданные, неокрепшие колхозы не имели экономических возможностей для хозяйственного строительства. Под колхозные склады, амбары, сараи для скота, мельницы, клубы использовались имеющиеся в деревне крупные добротные постройки, принадлежавшие прежде богатым сельчанам. Эти постройки были не приспособлены к нуждам общественного хозяйства и обычно располагались в центре селения, иногда их свозили в одно место на окраину.

С постепенным укреплением общественной собственности колхозов в селах и деревнях начинается строительство животноводческих ферм, складов, силосных башен и траншей, электростанций, школ, клубов и других хозяйственных и административно-культурных объектов. Хозяйственные постройки старались располагать на окраине селений, административные и культурные - в центре села. Но, поскольку в 1930-е годы преобладали мелкие колхозы, общественные здания нередко ставили без учета дальнейшего развития хозяйства, при укрупнении колхозов они оказывались не на месте, нарушая правильное зонирование территории. В это время в большинстве случаев возводили общественные постройки по собственным планам из местных строительных материалов сравнительно низкого качества.

Сельское расселение меняется в эти годы под влиянием перераспределения населения между городом и деревней. Сотни бывших торговых, промысловых, фабричных сел превращаются в города или рабочие поселки городского типа. Многие пригородные промысловые и фабричные селения сливаются с соседними городами. Появляются пригородные поселения со смешанным социальным составом населения, которое работает в промышленности, городских учреждениях или занимается сельским хозяйством. Много новых поселков возникает около крупных промышленных центров, в районах лесоразработок, горно-заводской и рыбной промышленности, при конных заводах, научно-исследовательских станциях и институтах, в районах переселения при крупном гидротехническом строительстве. Развиваются и такие новые типы сельских поселений, как районные центры.

Застройкой новых селений занимались архитектурно-строительные и проектные организации и местные советы депутатов трудящихся. Многие новые населенные пункты строились по заранее разработанным проектам с правильными прямыми улицами, крупные поселения имели квартальную планировку.

Во время Великой Отечественной войны в западных и южных районах Российской Федерации, подвергшихся временной оккупации, были разрушены многие города и селения, уничтожены сотни тысяч жилых домов, животноводческих и производственных построек, большое число сельских школ, больниц, детских учреждений и других зданий. После окончания войны государство выделило колхозам, совхозам, сельским семьям, пострадавшим во время войны, значительные кредиты, что позволило в сравнительно короткий срок произвести восстановительное строительство. Разрушенные населенные пункты в большинстве случаев восстанавливались на старых местах, но по необходимости переносились и на новые, более удобные участки. Нередко планировка селений существенно изменялась. Во многих случаях восстановление их производилось по типовым проектам планировки строительства зданий.

Новый этап в планировке и застройке сельских поселений начался с 1950-х годов, после укрупнения колхозов. В 50-60-е годы значительное внимание уделялось расширению сельскохозяйственного строительства, правильной застройке и планировке укрупненных колхозов и совхозов.

За годы советской власти с развитием коллективных хозяйств изменялась социально-

экономическая сущность сельских поселений. Исчезли хутора, отруба, заимки, починки, связанные прежде с единоличным хозяйством. Они были включены в более крупные селения. С ликвидацией казачьего сословия исчез социальный статус станиц как административных казачьих поселений, хотя названия их сохранились, так же как и их крупные размеры, а нередко и значение административно-культурных центров по отношению к более мелким хуторам, поселкам. К 80-м годам сложилась новая система организации сельских поселений, основанная на их производственно-экономических связях и общественно-хозяйственной значимости. После укрупнения колхозов главным населенным пунктом в каждом из них стал тот, где размещена центральная усадьба. В северной и средней полосе Европейской части страны, во многих районах Сибири, где колхоз объединял несколько деревень, центральная усадьба обычно расположена в наиболее крупном селении (чаще таким является село или поселок), находящемся в центре земельных угодий. В деревнях (не во всех) расположены бригады. В южных черноземных областях (на Дону, на Кубани, в Ставрополье, на юге Сибири), для которых характерны крупные селения, население их объединялось в один колхоз, а иногда и в два-три. Большинство совхозов кроме центральной усадьбы имели поселки в своих отделениях. В южных крупных колхозах, владеющих большими земельными массивами, селения зачастую были удалены от полей на значительные расстояния, поэтому для каждой бригады были созданы полевые станы, где имелись общежитие, столовая, нередко душевая установка, машинный двор и пр. Отдельно от полевого стана на территории земель бригады были расположены животноводческие фермы, часто с общежитиями для животноводов.

В центральных усадьбах обычно сосредоточены основные общественные, административные, культурно-просветительные и хозяйственные постройки. В 50-70-е годы основным принципом планировки поселений явилось выделение отдельных зон застройки по их определенному назначению, разделение на жилую и производственную зоны. Повсюду в центре главного селения находились здания правления колхоза или управления совхоза, сельского Совета, а также клуба, библиотеки, почты, магазинов, мастерских бытового обслуживания, столовой и др. Важное место во внешнем облике селений занимают школы, детские сады, ясли. Во многих из них имеются больницы, амбулатории, аптеки, обычно много зеленых насаждений, есть парки, цветники, скверы.

На окраине центрального селения расположен производственный центр — мастерские, склады, гараж, предприятия по обработке и переработке сельскохозяйственной продукции, по производству строительных материалов, пожарные депо и т.д. (В то же время во многих селениях отдельные производственные постройки находятся и среди жилых кварталов, нарушая тишину и загрязняя воздух. На более отдаленном расстоянии от селений располагаются животноводческие фермы. Во многих населенных пунктах была улучшена система водоснабжения (бурение артезианских скважин, замена колодцев водоразборными колонками).

В 1960-1970-е годы много внимания уделялось разработке перспективных схем районных и внутрихозяйственных планировок сельских поселений, основным направлением которых было развитие центральных усадеб за счет сокращения числа малодворных поселений. В соответствии с реализацией этих планов частично производилось уплотнение и упорядочение застройки центральных поселков, сселение мелких деревень на центральные усадьбы. В северной и центральной России, где большое число малодворных деревень было признано неперспективными, запрещалось строительство жилых домов, поощрялось переселение семей на центральную усадьбу. Эти мероприятия привели к разорению и запустению многих мелких селений, способствовали миграции сельского населения в город, пагубно отразились на развитии экономики сельского хозяйства.

В период перехода России к рыночной экономике решаются проблемы развития новых

форм собственности и хозяйствования[На базе колхозов и совхозов организуются ассоциации кооперативов, акционерные общества. Происходит создание крестьянских (фермерских) хозяйств. Со временем это должно способствовать возрождению малодворных традиционных типов русских поселений. При мелкокооперативной и частной собственности на землю наиболее рациональными оказываются небольшие деревни и хутора, удобно приближенные к земельным владениям.

Несмотря на непрерывный процесс развития и преобразования поселений, и в наше время в них сохраняется много традиционного. По-прежнему большая часть сельских поселений называется деревнями, селами, поселками, станицами, хуторами. Как и в старое время, термины деревня и село более характерны для северных и центрально-нечерноземных поселений Европейской России и таежной зоны Сибири. Село и поселок наиболее распространены в южных лесостепных и степных районах. В районах поселений русского казачества бытуют станицы и хутора.

У большинства старых селений сохраняются традиционные названия, возникшие при их основании. В старину они назывались по имени основателя или владельца (Михайловка, Алексеевка, Никитское, Давыдовка, Воронцовка, Куракино и т.д.); по топографическому признаку или явлениям природы (Родниковка, Белореченская, Подгорное, Березовка, Ольховатка, Сосновка, Листопадка, Медвежье, Воробьевка и т.д.); по названию церкви (Троицкое, Покровское) и многим другим признакам, близким и понятным сельскому жителю. Села, основанные в процессе колонизации новых районов нередко воспроизводили названия прежних родных мест (Тамбовка, Рязановка, Казанка, Астраханка, Можайское, Каширское и др.) или социальный статус первопоселенцев (Солдатское, Стрелецкое, Казацкое, Пушкарное). Отразились в названиях древние и более новые языковые контакты с местным аборигенным населением. Названия селений, возникших в советское время, часто имеют идеологическое значение (Октябрьское, Советское, Красное, Мирное, Ленинский, Братский, Луч Октября и др.).

Сохраняются традиции и в местоположении современных населенных пунктов. Большинство старинных селений расположено на тех же местах, где они были основаны несколько столетий тому назад. Более новые застраивались на свободных участках по берегам рек, озер, а чаще на водоразделах вдоль шоссе и железнодородных трактов, вблизи промышленных центров. В результате многовекового исторического процесса сложилась сложная, густая, уплотненная на местности сеть сельских поселений.

До настоящего времени прослеживаются некоторые традиционные региональные различия. Так, размеры селений увеличиваются в направлении с севера на юг. Наиболее крупные селения, как и в прошлом, расположены в южных степных и лесостепных районах России. Мелкие деревни в несколько десятков дворов по-прежнему бытуют в северных и центрально-нечерноземных районах, хотя в центральных усадьбах хозяйств и здесь нередко насчитывается по несколько сотен дворов.

В большинстве старинных селений сохраняются в своей основе исторически сложившиеся формы планировки. В современных населенных пунктах преобладает уличная планировка, которая в процессе дальнейшего разрастания селения превращалась в более сложные многоуличные формы: улично-квартальную, улично-радиальную, радиально-кольцевую и другие, нередко сложно запутанные системы улиц и переулков. Последние особенно характерны для крупных, стихийно развивавшихся поселений. Сравнительно редко сейчас встречаются традиционные круговые (замкнутые) планы селений, сохраняющиеся кое-где в Волго-Окском междуречье. Рядовая застройка чаще отмечается на окраине современных населенных пунктов, она возникала и возникает в результате разрастания селений и так же, как и разбросанная застройка, часто вызвана пересеченным рельефом (в оврагах, в гористой местности, в излуцинах рек и т.д.).

Таким образом, современные сельские поселения прошли сложный длительный путь развития. В тех из них, которые возникли в различные исторические периоды, нашли свое отражение история жизни многих поколений сельских жителей, важные социально-

экономические и общественные процессы. При всех изменениях во внешнем облике, планировочной застройке, благоустройстве современных селений многие из них, особенно те, которые основаны в далеком прошлом, хранят традиции прошлых времен (Народы Европейской части. С. 290-298; Село Вирятино. С. 44—47; Анохина, Шмелева, 1964. С. 78-79; Кубанские станицы. С. 121-129; Липинская, 1987. С. 40-56).

ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XIX-XX ВЕКОВ

Русские города и села всегда находились в тесной взаимозависимости между собой. Это касается как ранних этапов урбанизации, когда создавались древнейшие русские города (Рабинович. Очерки, 1978), так и более позднего времени. Выражений такой связи и зависимости можно найти много и разного свойства.

Состояние бытовой культуры русских горожан и сельских жителей позволило исследователям не только противопоставлять культуру города и села, но и говорить о вариантах - сельском и городском - бытовой культуры русского народа (Будина, Шмелева, 1989). Основанием для этого послужил процесс горообразование в России, как правило, определявшийся (в разные периоды в разных масштабах) пополнением состава горожан сельскими жителями.

Большое увеличение городского населения приходится на конец XIX - начало XX в., когда фиксируется значительный подъем фабрично-заводской промышленности. В советский период приток в города увеличился в 1930-е годы, когда проводился государственный курс на индустриализацию и коллективизацию, и в десятилетие после Великой Отечественной войны. Число жителей в 1950-е годы во многих русских городах по сравнению с кануном первой мировой войны выросло в 2-3 раза. Причем основную массу мигрантов во всех случаях составили сельские жители, преимущественно ближайшей к данному городу округи и областей. Определенное место всегда занимала и "ступенчатая" миграция - из села в город районного значения, а затем в областной центр или в один из ближайших крупных центров притяжения - Москву или Петербург-Ленинград. Нужно сказать, что приток в Москву и Петербург происходил и непосредственно из сельских местностей, традиционно связанных с одним из столичных центров.

Увеличение городского населения в России продолжалось в течение всей второй половины XX в. Так, в 1959 г. в городах было сосредоточено 57,6% русских, проживающих в Европейской части РСФСР; в 1979 г. в этих же пределах городское население составило 69% (в 1913 г. его доля равнялась 17%) (Население СССР, 1980. С. 4).

Современные русские города - это в основном старые поселения, имеющие давнюю историю. И поскольку поселения вообще относятся к наиболее долговечной области материальной культуры, в них можно увидеть предметно воплощенными традиции прошлого (иногда очень далекого). Эти традиции, претерпевая различные изменения во времени, продолжают функционировать и в настоящем. Вместе с тем новым, что привносилось в жизнь городов, они влияют на создание современной городской среды.

Нужно также сказать, что в развитии и формировании поселений важное значение имеют факторы неэтнического характера, такие, например, как природные условия или уровень развития научно-технического прогресса, чем бывает обусловлено и более широкое, не связанное подчас с этническими границами распространение тех, либо иных традиционных особенностей. Вместе с тем этническая специфика (не обязательно подразумевающая исключительность культурного явления, но имеющая в виду непременно вхождение его в систему традиционных ценностей того или иного народа) присуща и поселениям как стороне материальной народной культуры. Русский город в этом плане - не исключение. Как поселение он, хотя и имеет общие черты с городами других народов и регионов, но все же отличается присущими только ему особенностями,

придающими ему своеобразный облик.

Характерной особенностью всякого поселения - сельского и городского - является способ его расположения на местности. Для русских городов (так же как и селений), как правило, свойственно прибрежное заселение. Существующие ныне города различной величины и социально-экономической значимости в России расположены по берегам крупных или небольших рек, либо у озер. Одни из них насчитывают более тысячи лет, другие - два-три столетия, но возникли и формировались они во времена, когда природная среда имела решающее значение при выборе и дальнейшем освоении городской территории. Ее характер диктовался первоочередными нуждами населения, направленностью его хозяйственной деятельности.

Городскому образу жизни, как известно, издавна были свойственны занятия промышленностью (в разных ее видах) и торговлей (Тихомиров, 1956. С. 65-174; Рыбаков, 1948; Рабинович. Очерки. 1978. С. 31-66; Рындзюнский, 1983. С. 139-258). Город всегда был центром для большей, либо меньшей округи и выполнял административные, хозяйственно-организующие и культовые функции. Расположение города у реки позволяло удовлетворять многие его потребности. Река для России долгое время была незаменимой транспортной артерией, соединявшей близкие и далекие земли.

Знаменательно также, что у воды основывались древнейшие укрепленные поселения. В целях обеспечения обороны кремль, монастырь или феодальный замок, которые давали начало городу, часто сооружались на холме над водоемом, либо на мысу, образуемом при впадении одной реки в другую. Вода в этих случаях служила одной из преград для неприятеля.

Наряду со специфическими особенностями городской жизни, предрасполагающими к прибрежному заселению, были и другие причины для такого расположения на местности. Так, в трудовой жизни русских горожан всегда определенное место отводилось сельскому хозяйству. Соответствующих земель требовали занятия хлебопашеством, огородничеством и садоводством. Содержание скота также обязывало отводить площади под пастбища и луга. В свою очередь рыболовство, которое играло важную роль в хозяйственной жизни городов, выдвигало свои условия. В результате городскому, как и сельскому поселению (хотя и в разной степени) были необходимы пригодные для занятий земледелием и животноводством земли, располагавшиеся по берегам рек, в речных долинах и на водоразделах, что также было удобно и для развития рыбной ловли.

На протяжении своей истории, более или менее долгой, городское поселение при благоприятных обстоятельствах расширялось, занимало новые площади, но бывало, что территория его заустевала, иногда предвещая конец города либо отдельных его частей. Для древних городов, начинавшихся с крепости, характерно расширение его территории за пределами крепостных стен. Так обычно возникали посады и торги. Однако как на раннем этапе, так и в дальнейшем можно проследить множество вариантов в расположении городских поселений. Кроме всего прочего, такое многообразие придавало и продолжает придавать в наше время неповторимое своеобразие большим и малым городам. Так, если взять город с крепостью на возвышенности, как, например, Гороховец во Владимирской области, где укрепленный монастырь XII в. стоял на небольшом плато над р. Клязьмой, то посад его строился внизу на невысоком берегу. В дальнейшем застройка Гороховца на нижнем уровне продолжалась. Во второй половине XIX в. береговое пространство у Клязьмы было занято под жилые, культовые, торгово-промышленные строения, а также под огороды и сады, выгоны и сенокосы. Считалось даже, что земельные возможности города исчерпаны, в связи с чем в конце XIX - начале XX в. в нагорной части Гороховца развернулось жилое строительство на Новой линии (такое название, употребляемое для обозначения новых городских рубежей, встречается в целом ряде русских городов). Освоение холмистой части продолжалось и в наши дни. Там был разбит городской парк, построены стадион и дома повышенной этажности.

Одним из городов, распространившихся на другой берег реки по сравнению с

первоначальным поселением, является Шуя в Ивановской области. Этот древний город упоминается в документах еще в составе Суздальско-Нижегородского княжества во второй половине XIV в. Его крепость стояла в излучине левого берега р. Тезы, где и теперь сохраняется "осыпь" - остатки валов, укрепленных некогда стенами. Там же в свое время появился посад и торговая площадь.

Длительное время Шуя, несмотря на то, что была довольно развитым промышленным и торговым центром, а также речным портом, оставалась компактным поселением. Только в связи с усилившимся капиталистическим развитием в середине XIX в. город перекинулся на правый берег Тезы - там были выстроены новые промышленные предприятия, в основном текстильные и металлургические. На свободных землях или на месте бывших деревень появились рабочие поселки. Освоение правого берега Тезы происходило на протяжении второй половины XIX и в XX в.

Нужно сказать, что и в Костроме - в настоящее время крупном городе, областном центре, правый берег Волги - нынешний Заволжский район, также осваивался значительно позже (во второй половине XIX в.) и продолжается и по сей день.

В качестве примера одного из вариантов освоения речных берегов может служить и г. Солигалич в Костромской области. Здесь город разросся на правой стороне р. Костромы, тогда как первоначально был основан и имел укрепления в XIV-XV вв. на противоположном берегу. Решающее значение в таком развитии Солигалича принадлежало, как видно, соляным варницам, находившимся на правом берегу р. Костромы. Там же сформировалась и торговая площадь города.

Своеобразие Галича, растянувшегося на несколько километров вдоль Галич-ского оз., состоит в том, что на его территории сохранились остатки трех древних крепостей, основанных соответственно в XII, XIV - начале XV вв. и во второй половине XV в. (Раппопорт, 1959. С. 3-9). Крепости расположены с севера на юг, вдоль озера, причем первая была выстроена на берегу, вторая - вблизи от нее, на холме. Последняя же крепость была сооружена на достаточном расстоянии от первых двух на невысокой местности при впадении реки Кешмы в озеро и защищала собой с юга посад, находившийся на берегу между крепостями. Позже там сформировалась и торговая площадь, ставшая в XVIII в. центральной. К северу от древнейших укреплений город продолжался Рыбной слободой, вытянувшейся вдоль самого озера. Рыболовецкий промысел издавна имел важную роль в хозяйственной и торговой жизни города. На береговых землях размещались огороды и другие городские угодья. Подобное расположение и привязку к озеру город сохранял в течение XIX и начале XX в.

Приведем пример еще одного города, также занимавшего прибрежное положение. Этот город — Молога, стоявший еще в первой половине XX в. на одноименной реке у впадения ее в Волгу (Памятники отечества. 1990. № 2(22). С. 111-121). В отличие от городов, которые в истории порой исчезали по причине стихийных бедствий или во время жестоких сражений с неприятелем, Молога погибла в результате планомерных действий, связанных со строительством в 1930-е годы Угличской и Рыбинской ГЭС. Подобной участи подверглись и некоторые другие приволжские города (иногда частично - как Калязин), а также многие селения, ушедшие вместе с плодородными землями под воды разлившихся рек. Город Мо-лога был затоплен в 1941 г.

Первое упоминание в летописи о р. Мологе, где, как видно, было поселение на месте будущего города, относится к 1149 г. После этого Молога входила в Ростовское, затем в Ярославское княжества. Была она и центром собственно Молог-ского княжества до его вхождения в состав Московского государства. В 1777 г. по указу Екатерины II Мологе в числе других поселений был присвоен статус города и она стала уездным центром. Молога не узнала развития промышленного производства, как это случилось, например, в древних городах Вязники или Шуя. Не было в ней и такого притока населения, и расширения городской территории, как в этих городах. Молога так и осталась небольшим поселением на одном берегу реки. Правда, при сравнении плана 1780 г. (на котором,

помимо кварталов "к исполнению", нанесена и существовавшая тогда нерегулярная планировка) с реальным планом 1910 г. видно, как город вырос и изменился за это время. Квартальная планировка состоялась и заняла не только значительно большую территорию, чем прежний нерегулярный город, но и раскинулась шире, чем предполагалось по предписываемому плану, и составила большее число кварталов. Таким же город оставался и в три последующих десятилетия.

Бывшие жители Мологи помнят свой город компактным, с большими водными просторами, утопающим в зелени. Посреди города - Базарная площадь с Воскресенским собором, каменными торговыми строениями и пожарной каланчой, построенной по проекту А.М. Достоевского. Гордостью мологжан всегда была одна из первых в России гимнастическая школа, состоявшая из обширного двухэтажного здания ("манежа") и парка, занимавших вместе целый квартал. Манеж всегда использовался и как зрительный зал, где давала спектакли театральная труппа города. Несмотря на факт затопления города, невозможно сказать, что он вовсе исчез: Молога продолжает жить в памяти людей и их делах. Уже более 20 лет бывшие мологжане ежегодно собираются в Рыбинске почтить память своего города, усилиями энтузиастов-мологжан и работников Рыбинского краеведческого музея создан отдельный музей-филиал, где рассказывается о судьбе древнего города на р. Мологе.

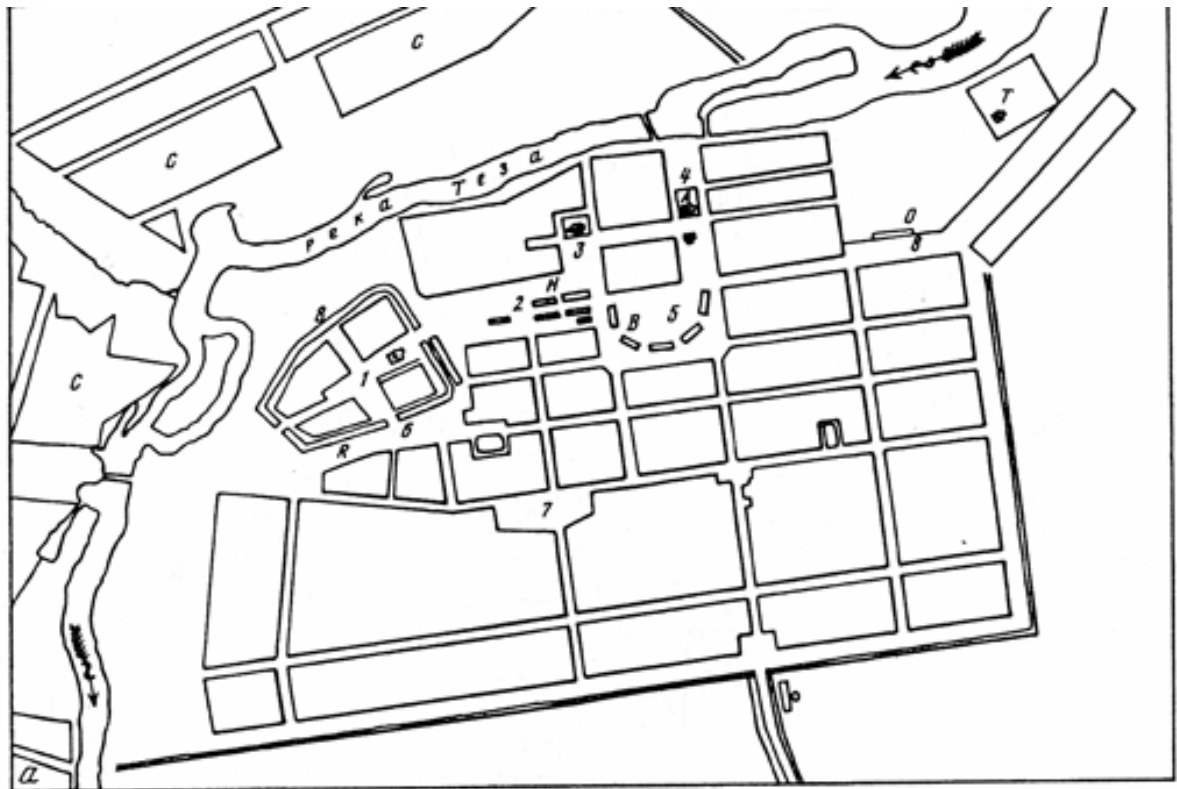
Не останавливаясь на других вариантах прибрежного положения городов, хотелось бы подчеркнуть, что хотя такое заселение местности свойственно не только русским городам, но для русских городов, так же как и селений (Бломквист, 1956. С. 30), - это характерный тип расположения, просматриваемый на протяжении всего их существования.

Со временем города получали иные очертания, городская территория в силу тех либо иных причин расширялась или сужалась, менялась компактность расселения, однако привязка к реке или озеру, где было основано поселение, сохранялась. Водоем и прежде, и теперь, когда его роль в жизни города значительно изменилась, продолжает быть непременной частью городского поселения. Водная гладь, наряду с такими особенностями, как свободное расположение на поверхности (западноевропейские и другие города в силу земельной тесноты обычно значительно компактнее), неровный зеленый городской ландшафт, а также значительная жилая застройка из натурального дерева с доминантами в виде куполов церквей и колоколен, является составляющей традиционного облика русского города.

Другой определяющей характеристикой города, его своеобразной памятью является организация городского пространства, выраженная особенностями планировки. При рассмотрении современной застройки российских городов обнаруживается наличие разных типов планировки. В каждом из них такие типы по-своему сочетаются между собой, отражая различные периоды жизни поселения и его переустройства, начиная со времен основания (в тех, конечно, случаях, когда вещественные следы раннего времени сохранились) и кончая нашими днями. При этом то или иное сочетание типов планировки часто объясняется темпами развития поселения.

Наиболее древней планировочной структурой в современном городе являются остатки кремля или детинца, внутри которого в прежние времена располагались общественные, культовые и жилые строения. Такие остатки бывшей крепости, определявшей в свое время характер поселения, в виде валов или рвов, сохранившихся в разной степени, имеются во многих русских городах, например, во Владимире, Костроме, Калуге, Дмитрове, Галиче, Шуче, Кашине и др.

Дмитров Московской области был основан не на холме или высоком мысу, как многие древние города, а у подножия горы на заболоченной почве в долине р. Яхромы (Тихомиров, 1956). Преградой при нападении врага здесь прежде всего служили болота и высокий крепостной вал. В дальнейшем Дмитров значительно расширился, распространившись на холмистый рельеф. Однако композиционным центром города при различных изменениях планировочной структуры всегда оставался кремль. И в наши дни

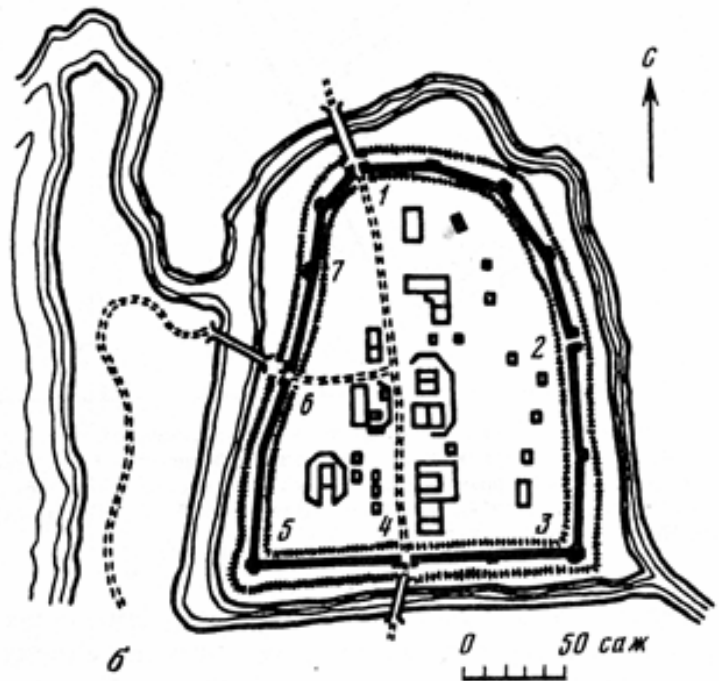

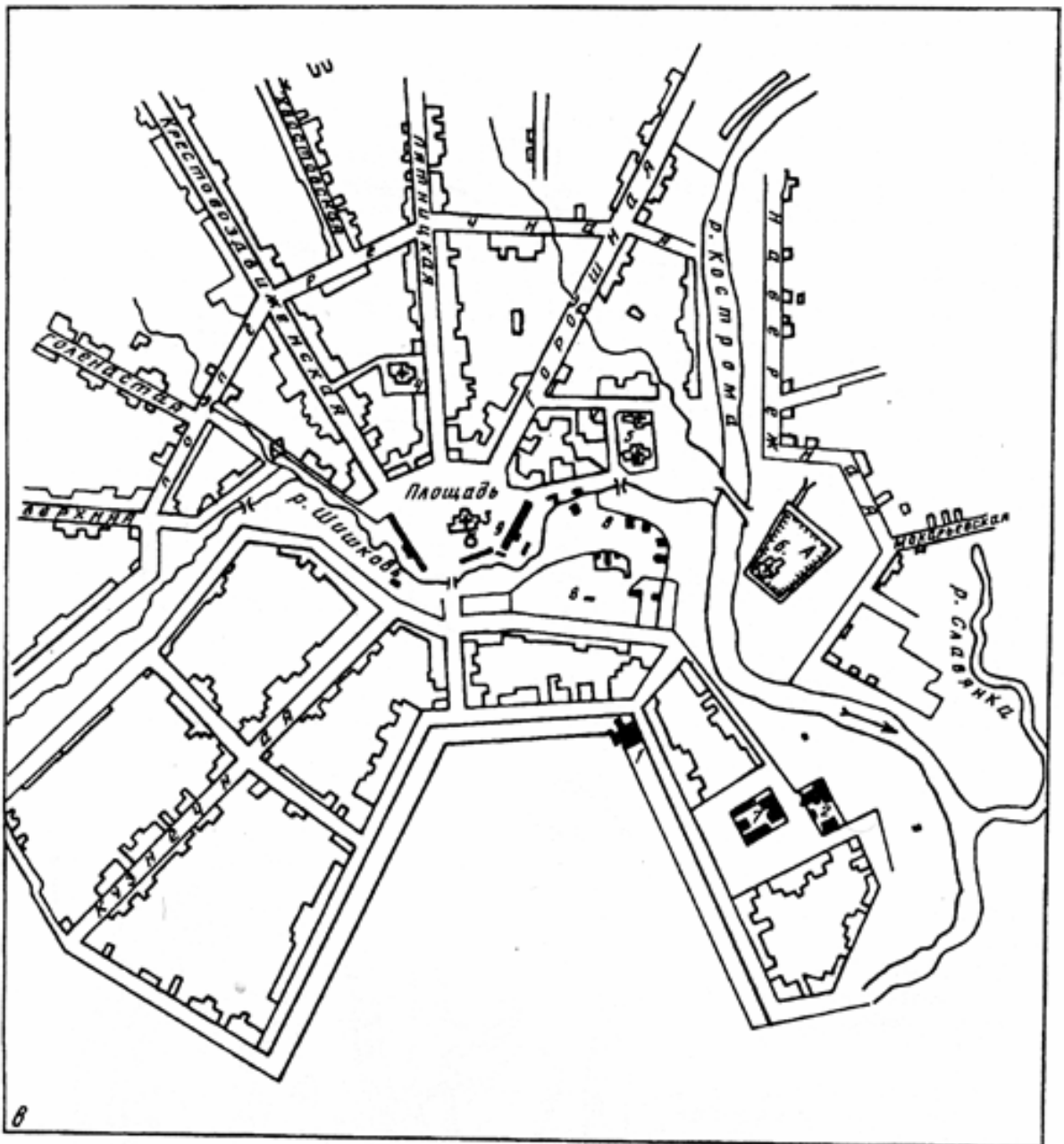
Планы городов Центральной России:

а) г. Шуя, 1834 г.

- А – городской собор с колокольной,
 - В – торговая площадь с лавками,
 - Н – ряды торговых лавок,
 - О – места для кузниц,
 - Р – древний вал,
 - Т – кладбище с церковью,
 - С – предполагаемые кварталы для фабрик на выгонной земле.
 - 1–7 – современные площади, + – церкви;
- б) детинец в г. Галиче, вторая половина XV в.

- 1 – Архангельские ворота,
- 2 – Покровские ворота,
- 3 – "Глухая наугольная башня",
- 4 – Успенские ворота,
- 5 – Шатинская башня,
- 6 – Афанасьевская башня,
- 7 – Тайнинская башня. (по: Тиц А.А. На земле древнего Галича. М., 1971);

в) г. Солигалич. А – бывшая крепость, 1 – Рождественский собор, 2 – церковь Воскресения, 3 – церковь Кресто-воздвиженская, 4 – церковь Входа в Иерусалим, 5 – церковь Никольская, 6 – церковь Успенская, 7 – присутственные места, 8 – “земля Кокорева, где купаются”, 9 – лавки (по: Шквариков В.А. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954); г) г. Молога. План на 1910 г. (по: Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии. Изд. Ярослав. губ. Стат. к-та 1910)

остатки крепостных стен в виде земляных валов, достигающих более 12 м, служат организующим звеном для городского пространства.

Среди других городов, сохраняющих остатки укреплений, можно назвать и Владимир с его Козловым валом, начало которому было положено в XII в., и Кострому, где на остатках валов стоит так называемая беседка А.Н. Островского. В Галиче остатки валов последнего по времени детинца (вторая половина XV в.) служат местом гуляний горожан, а в сохранившихся рвах образованы пруды.

Нужно сказать, что и в упомянутых городах, и в Калуге, Шуе, Солигаличе и многих

других, валы, бывшие прежде частью укрепления, давно сменили свою военную функцию на самую что ни на есть мирную — "прогулочную", и стали неотъемлемой частью городского ландшафта. Память же о существовании оборонительных укреплений в г. Мологе осталась в его гербе, присвоенном Екатериной II. В нижней части гербового щита на голубом фоне (вода) лежит полоска земляного вала, обрамленного белым камнем.

Следующий этап формирования городской территории ознаменовался созданием радиальной и кольцевой систем улиц. Сочетание этих видов планировки в разной мере сохранности можно встретить в наше время во многих старых русских городах.

Классическим примером, как известно, является Москва. Возникшая в средневековье в ней радиально-кольцевая система улиц нашла наиболее законченное выражение и продолжает функционировать в наши дни. Для Москвы характерно, что планировочный рисунок, включающий отходящие от кремля радиальные улицы и кольцевые, в виде нынешних Садового и Бульварного кольца, по своим очертаниям приближаются к кругу. Интересно, что подобную форму имеет и план малого города Солигалича. От его Красной площади, которая находится в центре города, лучами расходятся радиальные улицы, названные в свое время в честь стоящих на них церквей, а пересекает их почти по кольцу улица с выразительным названием Поперечная.

Известны и другие варианты радиально-кольцевой системы в городах. В Костроме, например, такая система охватывает лишь часть города на левом берегу Волги и поэтому по конфигурации составляет неполный круг. Улицы-лучи отходят от центральной части города, к Волге, где прежде находился так называемый Новый город, сложившийся в XVII в. Пространство г. Буй Костромской области, также занятое радиальными и кольцевыми улицами, составляет небольшой сектор круга, в основном ограниченный р. Костромой и впадающей в нее Вексой. Это, нужно сказать, традиционное положение для древнего города, основанного на мысу и не разраставшегося со временем.

Систему организации городской территории пополнила квартальная планировка после того, как во второй половине XVIII в. начала проводиться правительственная программа урегулирования застройки. Официальная точка зрения состояла тогда в том, что все прежние планировочные системы устарели и мешают дальнейшему развитию поселений. Вместе с тем перестройка городов по новым проектам во многих случаях сильно затягивалась. Иногда появлению кварталов способствовали лишь уничтожительные пожары, нередко случавшиеся тогда.

В результате получилось так, что целый ряд городов оказался радикально перестроенным - в них была введена прямоугольно-линейная застройка, как это случилось, например, в Шуе, Муроме, Дмитрове. Правда, и в упомянутых, и в других значительно перепланированных городах сохранялась хотя бы фрагментарно прежняя планировка. Вместе с тем было и достаточно городов, при перепланировке которых учитывалась их исторически сложившаяся радиально-кольцевая система (например, Кострома, Ярославль). Введение кварталов в этих городах не нарушало прежнего планировочного рисунка.

Интерес в городской застройке представляет и собственно улица. Уличная застройка в теперешнем ее понимании, когда жилые дома стоят по обеим сторонам проезжей части, обращенные фасадами друг к другу, является характерной чертой городских поселений, начиная со средневековья (Рабинович, 1977. С. 176).

ПЛАНЪ ГОРОДА Мологи Ярославской губернии.

Масштабъ: въ одинъ дюймъ 100 саж.

Объясненіе:

- А. Городская Управа.
- Б. Уездная Землеуказная Управа.
- В. Пожарное депо.
- Г. Уездная Земельная Управа, Уездный Своязь и Уездное казначейство.
- Д. Мужская гимназія.
- Е. Училище.
- Ж. Женская гимназія.
- З. Богородица.
- И. Александровскій причетъ.
- К. Банища.
- Л. Божинскій причетъ.
- М. Голубовъ-Мальваръ отъѣздъ.
- Н. Пляска.
- О. Колонія малолетнихъ преступниковъ.

Городская полиція.

Вместе с тем на территории расселения восточнославянских племен с давних пор существовала линейная или рядовая планировка, когда дома стояли в один ряд и фасадами смотрели в одну сторону (Бломквист, 1956. С. 47-49). Именно этой древней традицией, по всей видимости, обусловлена и застройка в один ряд некоторых городских улиц. Типичными с однорядной застройкой являются многочисленные улицы по берегам водоемов. Называемые по большей части Набережными (Нижними, Верхними) или Береговыми, они есть практически во всех российских городах. Такие улицы можно встретить по берегам крупных рек и озер и у совсем небольших водоемов. Случается, что рядовая застройка расположена по обеим сторонам реки, которая в таком случае выполняет роль дороги или проспекта (Будина, Шмелева, 1989. С. 38—40).

В наше время, так же как и в прошлом, возникают новые варианты решения застройки городской территории, например, микрорайонами. Будучи средством комплексной застройки, предназначенной удовлетворять как жилищные, так и бытовые, культурные и рекреационные запросы живущих в нем людей, микрорайон требует значительного участка земли. Поэтому по большей части новые микрорайоны возводили на городских окраинах. Использовались для этого и неудобные земли или территории близлежащих деревень либо поселков, а иногда и места снесенной старой городской застройки.

При том, что пополнение и обновление жилого фонда, как и некоторые планировочные изменения со временем неизбежны в любом городе, очень важно сохранить и сделать очевидными все особенности планировочного рисунка, причем каждый раз он будет иным. В молодых, вновь выстроенных городах, застройка обычно осуществляется по принципу улиц и микрорайонов. Богатство же древних городов состоит в сочетании разных типов планировки, начиная от остатков кремля, некогда ограничивавшего территорию поселения, до современных сооружений. Нам приходилось встречаться с самыми разными примерами отношения к самобытному плану. Так, например, в Шуе, где кстати осуществилось создание серии площадей по генплану 1788 г., и в наши дни бережно охраняется фрагмент древней планировки: две площади, одна из которых расположена на бывшем торгу, а другая - в центре бывшей крепости, соединены мостиком, перекинутым через остатки крепостного рва. Залитый водой участок рва образует живописный пруд, огражденный чугунной решеткой.

Важным компонентом городской структуры, формирование и развитие которой также во многом определяется традицией, является центр города. В старых поселениях расположение современного центра обычно совпадает с центром XIX в. При этом если основание городу положил в свое время кремль, центр формировался, как правило, на месте его бывшего посада у кремлевских стен, где устраивался торг. Утверждению существовавшего к концу XVIII — началу XIX в. центра способствовала монументальная застройка и благоустройство, которые производились в то время во многих русских городах.

В основном в начале XIX в. по специально разработанным проектам, которые принадлежали нередко знаменитым столичным и местным архитекторам, создавались архитектурные ансамбли и отдельные здания, среди которых есть замечательные памятники отечественного зодчества.

Сооружения прошлого часто продолжают входить в ансамбли, оформляющие современный центр города - его общественное ядро. При этом строения либо используются примерно по тому же назначению, например, торговые ряды и некоторые общественно-административные здания, либо приобретают иные функции.

Примером композиционно единого, имеющего историческую преемственность центра продолжает быть Кострома. Охватывая площади, находящиеся на месте города XVII в., костромской центр включает многие здания, возведенные в конце XVIII — первой половине XIX в. Это целый комплекс торговых рядов, различавшихся в прошлом по своему назначению (Большие и Малые мучные, Красные, Пряничные, Рыбные, Табачные, Масляные), в наше время они также используются под магазины; здания бывших

присутственных мест и гауптвахты, где размещалась библиотека, а затем городской загс, пожарная каланча, и поныне исполняющая свою функцию, и т.д. Эти постройки выполнены в классическом стиле всего ансамбля и придают неповторимость Костроме.

Среди других русских городов с древней историей, современный центр которых находится на бывшем торгу, интересен и уже упоминавшийся Галич. Его нынешняя центральная площадь расположена у бывших Архангельских ворот, с севера открывавших доступ в детинец XV в. Обширное пространство площади ограничено выстроенными в начале XIX в. взамен деревянных торговых рядов зданиями каменных рядов и гостиного двора (автор - архитектор Фурсов, по проекту которого строились пожарная каланча и гауптвахта в Костроме).

Торговые ряды из дерева, некогда распространенные в русских городах, и сегодня, правда, очень редко, можно встретить на площадях древних городов. Они есть в Кашине Тверской области - классического стиля, с частично замененными колоннами, и резным деревянным карнизом поверху. В Солигаличе на Красной площади, образуя две ее стороны, также стоят выстроенные в середине XIX в. деревянные торговые ряды с классическими колоннами.

Высокие художественные достоинства архитектурных ансамблей, создаваемых в русских городах XIX в., способствовали закреплению в местах такой застройки центрального по своему значению городского пространства. Это выдвигает в качестве очень важной задачи особо корректное в архитектурном отношении обращение с исторически сложившимися центрами городов. Современные включения в их застройку и в близлежащие районы оправданы лишь в тех случаях, если они не нарушают гармонического единства, достигнутого в предшествующие времена.

Наиболее плодотворным в наше время является, по всей видимости, создание наряду со старым, историческим, второго, а иногда и третьего центров. Процесс этот вполне естественный и уже нашел выражение в целом ряде городов.

Местные жители в обиходе часто различают "старый" и "новый" центры. "Старый" в древних городах нередко приобретает мемориальное значение. Он имеет представительный и заповедный характер, будучи средоточием историко-архитектурных памятников. Возникший же другой, включающий обычно современные архитектурные сооружения центр, предназначен для деловой жизни и служит прежде всего задачам сегодняшнего дня. Это хорошо видно на осуществляемом плане развития Владимира, где исторический центр, расположенный вдоль р. Клязьмы, являясь своего рода заповедником многих ценнейших памятников отечественной архитектуры и культуры и не теряя своего общественного значения, постепенно передает административные функции центру, формирующемуся в районе новой застройки.

Нужно сказать, что образование новых городских центров не всегда связано с освоением территорий. Здесь возможны разные варианты и в расположении прежних и появляющихся центров по отношению друг к другу и в распределении функций между ними. Так, в Калуге основным общественным центром остается бывшая Плацпарадная площадь, на ней сохранились старые гостиные ряды, там происходят основные городские торжества. Вместе с тем на бывшей Базарной площади возникла новая праздничная площадь с монументальным зданием городского театра, которая является излюбленным местом калужан. А в периферийных районах созданы площадь Победы с монументом в честь победы в Великой Отечественной войне, и мемориальный комплекс, посвященный К.Э. Циолковскому, также имеющие важное общественное звучание (Анохина, Шмелева, 1977. С. 187-188).

Формирование двух, а иногда и нескольких центров, так или иначе распределявших между собой функции общественного ядра города, характерно не только для крупных, но и для средних и малых городов. Два центра имеются, например, в Гусь-Хрустальном, причем оба сформировались в прошлом. Площадь Свободы (бывшая Базарная, с торговыми рядами) выполняет роль главной торжественной площади. А расположенный

на другом конце центральной улицы архитектурный комплекс, состоящий из построенных в конце XIX - начале XX в. по проектам архитекторов Л.Н. Бенуа и В.А. Покровского общественных и жилых зданий, представляет собой административный и культурный центр. В свою очередь, в Вязниках новый центр располагается в районе современной застройки, где размещены основные административные и культурно-массовые учреждения, а старый - на месте Базарной площади.

Большими возможностями, на наш взгляд, располагает в этом плане древний Гороховец. На берегу р. Клязьмы, на месте бывшего посада, сосредоточено большое число исторически ценных построек (культовых, торговых, а также жилой архитектуры XVII в.), заслуживающих создания мемориального центра.

Город всегда был сложен по своей социальной структуре. В заселении его отдельных частей нередко обнаруживается приверженность к расселению однородными в социальном, либо профессиональном отношении группами. В разные эпохи такое расселение проявлялось по-разному, но в целом оно сложилось в устойчивую традицию городской жизни.

В XIX в. во всех русских городах имелись улицы или кварталы, где селилась привилегированная часть населения: крупные промышленники, торговцы, дворянство. Эти улицы располагались в центральной части и нередко именовались Дворянскими. Следы такого расселения сохранились в застройке богатыми особняками, претендовавшими на неповторимость внешнего облика и зачастую, действительно, представляющими интересные образцы зодчества.

Во многих городах существовали также улицы, именуемые Мещанскими, иногда их бывало несколько. На этих улицах селилось, как правило, не однородное в сословном отношении население, однако в целом относившееся к средним городским слоям. Сохранилось также немало принадлежавших мещанам, среднего достатка купцам или разбогатевшим крестьянам домов, которые были выстроены на этих улицах в конце XIX - начале XX в. (а некоторые и ранее). Они определяют эту социальную группу в застройке весьма выразительно.

Особые районы составляла неблагоустроенная застройка на окраинах, где поселялась городская беднота. Выражая свое отношение к этим районам с их невзрачными жилищами, горожане присваивали им образные, порой ироничные наименования: "Париж", "Шанхай", "Миллионовка", "Собачаевка", "Вышвырка" и т.п. Хотя многие из этих мест в дальнейшем были благоустроены и застроены современными зданиями, старые названия проявляют живучесть и нередко продолжают сохраняться до сих пор; это отмечается и в Муроме, и в Гусь-Хрустальном, и в Шуе, а также в Калуге, Ельце и ряде других городов.

Наряду с расселением, обусловленным непосредственно социально-экономической дифференциацией, в русских городах на протяжении всего их существования отмечалась тенденция к расселению по принципу профессиональной принадлежности. Свидетельством этого служат ставшие городскими топонимами названия бывших слобод, населенных прежде ремесленниками одной специальности. Многие из них, функционирующие в качестве названий переулков, улиц или других частей города, дошли до наших дней. Пушечные, Ружейные, Гончарные, Сыромятнические, Кожевенные, Кузнечные (или Кузнецкие), Кирпичные и т.д. улицы, переулки, проезды есть как в Москве (Латышева, Рабинович, 1973. С. 160-174), так и в Костроме, Шуе, Дмитрове, Галиче и многих других русских городах.

К расселению по профессиональному признаку, но несколько иного типа, можно отнести рабочие районы, возникшие в конце XIX - начале XX в. Занимая либо пустыри, либо сельскохозяйственные угодья, либо земли подгородных деревень, рабочие поселки нередко располагались вблизи промышленного предприятия, на котором работали их жители. Так, в Шуе возникли районы бывших Нагорных и Гридненских улиц. Жителями четырех Нагорных улиц стали крестьяне, собравшиеся во второй половине XIX в. из

окрестных деревень для работы на чугунолитейном заводе братьев Толчевских и Леонтьева. Две Гридненские улицы образовались на месте д. Гриддино в конце XIX в. Там поселились рабочие ближних ткацких фабрик, принадлежавших Небурчилову и другим промышленникам (Будина, Шмелева. 1989. С. 56).

Рабочие поселки вблизи предприятий возникали и в Костроме, в частности, в ее западной части. Однако следует отметить, что такого расселения не было в городах, не достигших значительного уровня концентрации фабрично-заводской промышленности. Например, в Гороховце рабочих поселков не строили, хотя в 90-е годы там работали бумажные фабрики и судостроительный завод Шорина, непрерывно притягивавшие рабочую силу в промышленность города.

В советский период с началом процесса индустриализации также использовался принцип компактного расселения работников одного предприятия. При этом поселки, которые возводились для рабочих и служащих определенной фабрики или завода, могли находиться как вблизи работы, так и в другом месте, предназначенном для застройки. Такова целая сеть рабочих поселков в Гусь-Хрустальном. Один из них по характеру профессиональной принадлежности и числу первых новоселов получил название Восьмерка Хрустальщиков. В дальнейшем, когда поселок разросся, его стали называть просто Хрустальщик или Хрустальщики.

В Шуе в 1929 г. также был основан поселок по профессиональному признаку под названием Металлист, состоявший из многоквартирных домов, построенных на месте д. Лихушино.

В Костроме в числе других улиц и районов, заселявшихся в 1920-30-е годы рабочими одного предприятия, был, например, район, охватывавший Водяную улицу и девять Водяных переулков, где компактно жили рабочие судоверфи и текстильщики фабрики "Октябрьская революция". Нынешняя улица Нового быта в поселке Начало, заложенном на месте осушенного болота, первоначально состоявшая из 15 домов, которые принадлежали жилищно-строительному товариществу Текстильщица, заселялась соответственно работниками текстильной промышленности и т.п.

В Нижнем Тагиле, где рабочие строили собственные дома близ тех предприятий, на которых работали, они часто передавали детям как свою профессию, так и владение домами (Крупянская, Полищук, 1971. С. 8).

Возникающая в последние десятилетия производственная топография встречается в тех случаях, когда предприятие строит дома, заселяемые преимущественно своими работниками. В планировочном отношении такое расселение часто представляет собой микрорайон, как это было в Галиче (микрорайон экскаваторного завода) или в Гусь-Хрустальном (микрорайон завода особо чистого стекла), или в Гороховце (микрорайоны судостроительного завода и завода Подъемно-транспортного оборудования) и в других городах. Естественно, что в силу социальной структуры современной семьи и иных демографических показателей жители такого массива в меньшей степени, чем в прошлом, являются причастными не только к определенной профессии, но и к одной производственной отрасли в целом.

Итак, рассмотрение городских поселений с точки зрения расположения их на местности, планировки и застройки, а также особенностей расселения, свидетельствует, как нам представляется, о значительной устойчивости традиций в этой области культуры. Претерпевая различные изменения, традиция может существовать здесь в течение жизни нескольких, а иногда многих поколений людей, и обнаруживается в настоящем как в виде отдельных культурно-бытовых деталей, так и на уровне типового явления. Причем типологическая общность русского городского и сельского поселений (при всей сложности городского) во многом бывает очевидна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЖИЛАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА

СЕЛЬСКАЯ ЖИЛАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА В XIII—XVII ВЕКАХ

Особое место среди культурных ценностей русского народа занимают памятники народной архитектуры. Архитектура всегда была связана с развитием производства, в ней воплощены не только эстетические и идеологические представления определенной эпохи, но и свойственный этой эпохе уровень материальной культуры, накопленный народом трудовой опыт. Разнообразные памятники русского зодчества в образной форме выражают то, что было создано в течение веков народным творчеством, его связью с естественными трудовыми процессами, с природой и бытом народа. На развитие сельских и городских построек, как и всей культуры, не могли не отразиться последствия сложных исторических процессов. И тем не менее монголо-татарское нашествие и последующие войны хотя и задержали, но не могли прервать прогрессивно-поступательное развитие народной культуры. Уже в период Древнерусского государства возникли многие характерные особенности жилых и хозяйственных построек, которые были типичны для русских жилищ в последующие столетия. Традиционные крестьянские постройки, дворянские усадьбы, церкви, сохранившиеся еще в отдельных селениях на Русском Севере, в Заонежье, в центральных и поволжских районах, относятся к выдающимся памятникам народного искусства, в них прослеживаются художественные традиции, сложившиеся в феодальную эпоху.

Знания о нем в основном дает археология, но некоторые сведения, преимущественно о жилище представителей господствующих классов, имеются и в древнерусских летописях. К сожалению, и археологические раскопки по большей части дают материалы о городской усадьбе. Но, поскольку в то время применялись простые строительные приемы, доступные и городским, и сельским жителям, по-видимому, сельское жилище XII—XIII вв. мало отличалось от жилища рядовых горожан, поэтому полученные сведения о городских постройках ученые условно распространяют и на сельские. Материалы по древнерусскому жилищу обобщены в работах А.И. Монгайта, П.И. Засурцева, Ю.П. Спегальского и др. Особенно интересна книга П.А. Раппопорта, в которой представлена общая сводка всех археологических материалов по восточно-славянским и древнерусским жилищам и прослеживается их развитие в VI—XIII вв. (Раппорт, 1975).

В X—XIII вв. вместе с разложением родового строя, с развитием феодальных отношений и пашенного земледелия исчезают следы родовых отношений в структуре жилища и начинается процесс замены земляночного типа наземной срубной избой. Наземные постройки на большей части территории Восточной Европы вытесняют полуземлянки, господствовавшие здесь в VI—VII вв.

Все наземные жилища X—XIII вв. - срубные. Для их постройки использовали сосну, реже ель, нижние венцы сруба часто были из дуба. На углах сруба применялась широко распространенная позднее рубка в обло с выпуском остатков бревен. Чашу и паз при рубке всегда выбирали в верхней части каждого нижнего бревна.

Переход к более рациональному способу вырубать паз в нижней части верхнего бревна относится в основном к XVII в. В пазы между бревнами закладывали мох.

Полы в наземных домах почти повсюду были дощатые. Доски пола укладывали на лаги, которые в северной и западной частях лесной зоны (Новгород, Белоозеро, Торопец)

врубали в венцы сруба (в первый, третий венец), а на юго-востоке (Старая Рязань) укладывали прямо на землю. По высоте расположения пола над землей уже в то время, по-видимому, намечались два варианта жилища, распространенных в разных районах, что будет одним из характерных признаков типов русского жилища в последующие столетия.

Крыши древнерусских домов были двухскатными, досчатые плахи покрытия уже в то время сверху упирались на бревенчатый конек, а внизу - на загнутые сучья (курицы). Возможно были также трех- или четырехскатные крыши.

В наземном срубном жилище размер построек определялся средней длиной бревен (от 6,5 до 8,5 м). Простейшей единицей срубной постройки был четырехугольный сруб. Жилое помещение, отапливаемое печью, уже в то время называлось избой (истбой, истобкой, истопкой) (Воронин, 1948. С. 214). Уже в X-XIII вв. выработался более сложный тип жилища, состоявший из нескольких срубов, соединенных между собой или стоявших отдельно. По данным археологии, чаще всего встречались двухкамерные постройки, в которых сруб разделен внутренней рубленой стеной на два неравных по площади помещения, причем глинобитная печь почти всегда была в большем из них.

Уже в древнейшем летописном своде, "Повести временных лет", составленном монахом Нестором, встречаются основные наименования жилища, его элементов и хозяйственных построек, характерные для крестьянских построек последующих столетий (изба, клеть, печь, полати, дверь, окно, ворота, погреб, гумно и др.) (Маковецкий, 1962. С. 14). Многие из этих терминов, судя по летописным источникам, были взаимно связаны между собой, такая же зависимость между ними обнаруживается и в источниках периода развитого феодализма, где речь идет о крестьянских постройках. Встречается в летописях и термин двор для обозначения комплекса жилых и хозяйственных построек, необходимых для ведения хозяйства семьи. Все жилые и хозяйственные постройки, находившиеся на территории двора летописцы называли общим словом хоромы. В том же значении этот термин употребляется позднее в актовых документах XVI-XVII вв.

На основании имеющихся источников трудно определить внутреннюю планировку жилого помещения. Однако известно что в XII-XIII вв. в зоне лесостепи, в Верхнем Поднепровье, в бассейнах Западной Двины и Оки жилище отапливалось круглой глинобитной печью, пришедшей здесь на смену печи, выложенной из камня (VII-X вв.). Каменные печи в XII-XIII вв. остаются господствующими в Новгородско-Псковских землях и в Белоозерье (Раппопорт, 1975. С. 144—145). Судя по письменным и археологическим источникам отопление рядовых жилищ - изб - происходило по-черному, т.е. печи не имели дымохода, дым выходил из печи в избу, а потом через дверь или окно. Уже в тот период времени археологи отмечают несколько вариантов положения печи и направления ее устья в зависимости от входа, которые были приурочены к определенным районам. Четыре типа внутреннего плана жилого помещения, выделяемые этнографами в сельском восточнославянском жилище XIX в. (см. ниже) имеют древние традиции и восходят, по-видимому, к XII-XIII вв. (Раппопорт, 1975. С. 137-141).

XIII-XV века были временем тяжелых испытаний для России. Последствия монголо-татарского опустошения и длительных набегов турецко-татарских завоевателей задержали прогрессивное общественное и экономическое развитие русских земель, способствовали консервации феодального строя и росту крепостнической эксплуатации народных масс. Все это не могло не сказаться на различных сферах материальной и духовной культуры. В XIV-XV вв. начинается постепенный экономический подъем страны. Вместе с образованием централизованного русского государства, расширением его территориальных пространств, складываются основные черты русской народной культуры, в том числе сельского жилища.

Жилище русских XVI—XVII вв.

Жилище этого периода сравнительно лучше изучено. Исследователи используют преимущественно письменные источники, особенно различного рода актовые документы — купчие, закладные, духовные, рядные, судные грамоты, переписные книги, а также изобразительные источники-планы, рисунки, чертежи и т.д. На основе изучения и обобщения источников XV-XVII вв. вышло в свет ряд интересных работ, в которых затрагиваются различные вопросы истории развития русского жилища. (Чечулин, 1893; Шенников, 1962; Пенников, 1963; Рабинович, 1975; Громов, 1977).

Сельские поселения в эпоху развитого феодализма разделялись на определенные части - крестьянские дворы, которые были ячейками поселения крестьянской семьи и в то же время являлись податными единицами обложения феодальными повинностями крестьян, как основного тяглого населения. Двор, прежде всего, это пространственное определение участка земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки, огород, сад, которые были во владении крестьянской семьи. Индивидуальное замкнутое натуральное хозяйство вынуждало крестьянина кроме жилья сооружать различные хозяйственные постройки: для содержания скота, для хранения урожая, сельскохозяйственного инвентаря, продуктов питания и т.д. Размер усадьбы и состав дворовых построек зависели от степени зажиточности крестьянина. Постройки на усадьбе обычно группировались в определенном порядке. Типы застройки усадеб, состав усадебного комплекса в тот период различались в разных районах расселения русских, они были тесно связаны с планировкой селений, с формой крестьянского надела, с социальным положением крестьянского хозяйства. При малодворности деревень дворы в то время, по-видимому, располагались в них свободно, иногда их положение подчинялось развивавшейся более упорядоченной застройке селения в определенный ряд, в улицу, вокруг какого-либо центра и т.д.

Письменные документы XVI-XVII вв. перечисляют разнообразные постройки русского крестьянского двора, большинство которых существовало и в последующие столетия. Основным жилым помещением была изба. Избы были поземные и на взмостье, с прирубом, с пристеном. Клеть - неотапливаемая жилая постройка, использовалась часто в качестве кладовой, клетки были наземные или на подклети и с перерубами. Изба на подклети часто называлась горницей. Сенник, сельник, поветь — хозяйственные постройки, располагавшиеся на других сооружениях (сенник на хлеве, на подклети, на конюшне). Сенник мог быть идентичен повети, а мог и использоваться вместо клетки ("изба да сенник"). Хлевы, мшаники, конюшни, сараи, курники, оборы - постройки для скота. Амбары хлебные, житницы служили для хранения зерна и муки. Погреб и напогребица сочетались чаще с наземными избами без подклетов. Баня (мыльня, байна) чаще отмечалась в северных и северо-восточных районах, в Сибири, частично в центральных районах. Почти повсюду были гумна - сараи для обмолота и хранения снопов, в более северных районах - овины для просушки снопов.

Не каждое крестьянское хозяйство имело весь перечень таких построек. Некоторые исследователи на основании сравнительного изучения письменных источников XV-XVII вв. делают вывод о постепенном развитии и усложнении жилых и хозяйственных построек в составе крестьянского двора на протяжении трех столетий.

Судя по различным актовым документам значительно лучше были обустроены крестьянские дворы в северных районах России. Этому благоприятствовали экономическое и социальное положение черносошных крестьян, хорошая обеспеченность строевым лесом, а также и более суровый климат. В XVI-XVII вв. в северных деревнях уже бытовали большие двухэтажные крытые дворы, включавшие несколько жилых и хозяйственных помещений, которые были характерны для этих районов в XIX-начале XX в. Подрядные записи крестьян в посаде Турчасово на р. Онеге перечисляют ряд построек, необходимых для крестьянского хозяйства: "А во дворе хоромы: изба с прирубом, да

против клеть на подклети, да сенник на хлеве, да мыльня, да сарай, да тын дворовый и с ворота и овин..." (Акты юридические... С. 127-128). В Кемской волости по купчей 1578 г. двор состоял из избы, клетки, двух клеток, сенника на двух хлевах, сарая на девяти столбах и поварни. В другом крестьянском дворе той же волости (1571 г.) на дворе стояло: две избы с сенями, две клетки на подклетах, два сенника "на хлевах", амбар на подклетах в поле, мыльня на берегу (Витое, 1962. С. 125-126).

В Северном Прикамье, колонизованном русскими Центрального Поморья в XVI-XVII вв., развитые усадьбы с двухэтажным крытым двором с жилыми и хозяйственными постройками отмечаются в письменных документах XVI-XVII вв., т.е. в начальный период населения этих районов русскими (Словцов И. С. 116-121; Чагин, 1976). Данные документов подтверждают выводы ученых о сравнительно раннем распространении развитых усадебных комплексов в северных районах России, откуда данный тип усадьбы в процессе русской колонизации был занесен в Прикамье.

Сравнительно развитые крестьянские и городские усадебные комплексы построек прослеживаются также по письменным источникам XVII в. в Западной Сибири. Основу русского населения Западной Сибири, как и Северного Прикамья, с конца XVI до XVIII в. составляли выходцы из Поморья, приносившие сюда северно-русские домостроительные традиции. В начале XVII в., когда русские крестьяне только начинали обустраиваться на новых местах, источники отмечают еще сравнительно небольшое число построек на крестьянской усадьбе. Но уже во второй половине XVII в. в русской деревне земледельческой полосы Сибири был распространен комплекс жилища, типичный для северных районов Европейской России. В двухкамерном (изба-сени) и трехкамерном (изба-сени-клеть) жилище избы были поземные и на подклети, иногда только клеть или горница была на подклети. Нередко весь дом был одинаковой высоты "под одной кровлей". Скотные сараи могли примыкать вплотную к дому, а могли стоять отдельно. Над хлевами и стаями нередко устраивались повети. Усадьба обносилась крепкой бревенчатой оградой с воротами. На усадьбах или около них могли быть житницы, погреб, бани, колодец, на дальнем конце усадьбы или за ней гумно с овином, мельницы. (Александров, 1964; Этнография русского крестьянства Сибири. С. 102-120).

В районах, расположенных южнее Оки в XV-первой половине XVI в. на огромных пространствах "дикого поля", где не было постоянного оседлого населения, а природные богатства края эксплуатировались пришлыми промышленниками людьми, занимавшимися частным предпринимательством, первоначально строились лишь временные жилища - землянки, шалаши и т.д. (Болховшинов. С. 507).

В древних актах, касающихся донских казаков, упоминаются различные деревянные постройки - курени, избы, хоромные строения. В то же время, как отмечают исследователи, в донских казачьих городках было много и наскоро построенных шалашей и землянок, обвешанных терном и обнесенных валом, чтобы "не играл на них глаз вражеский", и "при нашествии врага оставляли их без сожаления" (Броневский. С. 92).

После строительства тульской и белгородской оборонительных линий вокруг укрепленных городков возникает множество сельских поселений. Характерная усадьба русского поселенца в южных районах Московского государства представляла собой огороженный изгородью двор, в котором была изба, клеть, конюшня, хлев, сарай, курник, погреб, омшаник, амбар и другие хозяйственные постройки.

Крестьянская усадьба в южных районах обносилась высокой крепкой оградой с плотными воротами, "двор обгорожен дубовым тыном" или "около двора городьба тыном". Высокие плотные ограды были своего рода оборонительными сооружениями. Уже в XVII в., по-видимому, сложились основные особенности двора-крепости, известного по этнографическим данным в однодворческих селах в бассейне Дона. Это был четырехугольный замкнутый двор, в глубине его или посередине была изба, а стена, окружавшая двор, построенная из дерева, позднее из камня или плетня, в то же время часто была наружной стеной хозяйственных построек, расположенных по периметру

двора. Появление таких дворов-крепостей было обусловлено длительной опасной военной обстановкой на южных окраинах Московского государства, а также и постоянными притеснениями со стороны крупных феодалов, имевших здесь свои вотчины. В то время нередки были случаи, когда помещичьи слуги врываются во дворы крестьян, избивали и силой уводили их семьи в свои поместья. {Бломквист, 1934. С. 52-59).

Основным материалом для строительства сельских и городских построек на всей территории расселения русских было дерево. Преобладающая часть Восточно-Европейской равнины была покрыта лесами. Даже вокруг Воронежа были густые дубовые леса. Много лесов было в бассейне верхней части Дона, по Битюгу и Хопру. Недаром в петровские времена в окрестностях Воронежа строились военные корабли Азовской флотилии. На протяжении XVIII-XIX вв. здесь, как и в других районах лесостепи, происходил активный процесс расчистки лесов под сельскохозяйственное пользование и другие нужды, что приводило к массовому истреблению леса.

Все основные постройки сельского двора были срубными. Избы, клети, горницы, сенники, мшаники, конюшни, хлевы, бани рубились из круглых (реже тесаных) бревен, соединенных на углах в простой угол (в обло, в нашу). Пазы между бревнами утепляли мхом. Традиции срубной строительной техники восходят к сельскому и городскому строительству Древней Руси, техника рубки уже в то время достигала высокого совершенства. Возможно уже в то время или несколько позже сложились особенности в облицовке рубленых жилищ лесостепи, на границе с Украиной. С. Гмелин, проезжая воронежские земли писал: "Дома, в Острогжске так, как и везде в Великой России, деревянные и покрыты соломой и деревом; снаружи они все белые, вымазаны мелом, как и везде в Малой России" {Гмелин. С. 134—137).

Сруб жилой постройки избы (или хаты) ставился или прямо на землю, или под первый венец сруба подкладывали деревянные столбики либо камни. В северных районах в условиях более сурового климата избы строились на подклетах {подызбица, нутр), в подклете держали скот, хранили продукты, имущество. Иногда подклет использовали как жилое помещение. В южных районах России избы были поземными, часто с земляным полом. В Московской и Владимирской землях бытовали как поземные избы, так и горницы на подклете. Вместе с тем и в более южных, в те годы лесных, районах, в богатых дворах строили избы на подклетах, а на севере встречались и поземные жилища {Рабинович, 1975. С. 214).

Преобладающей формой крестьянской кровли (по рисункам старых миниатюр) была двухскатная {Мейерберг. Альбом). В то время, по-видимому, слуги крыши укреплялись на самцах (бревенчатом фронтоне), снизу доски тесового покрытия поддерживались загнутыми сучьями {курицами). Самцовая конструкция крыши широко была распространена в XIX в. Почти повсюду их крыли преимущественно тесом или драницами (тонкими пластинами, на которые расщепляли короткие сосновые бревна длиной в 2-5 аршин). В южных районах России наряду с деревянным покрытием широко использовали солому и тростник. Позднее, вместе с сокращением площади лесов, с усилением феодальной эксплуатации крестьян преобладающим кровельным материалом в этих районах становится солома, а деревянные крыши все более отодвигаются на север. В Сибири помимо двухскатных крыш были распространены плоские кровли - в виде наката из бревен, засыпанного сверху землей.

Двери в избе были низкие, окна маленькие, волоковые, они прорубались в двух соседних бревнах, в половину толщины каждого бревна и изнутри задвигались ("заволакивались") деревянным щитком (волоком). Для пропускания света в окна могла вставляться рамка, затянутая бычьим, рыбным пузырем или брюшиной, у состоятельных хозяев - слюдой. Оконное стекло распространяется среди крестьян не ранее начала XIX в. (Бломквист, 1956. С. 119-120). У русских по фасаду избы обычно прорубали три волоковых окна, причем среднее для выхода дыма располагалось выше других, часто на линии потолка. Среднее волоковое окно уже в XVII в. кое-где стали заменять красным,

или косящатым, с массивной колодой. Однако еще и в XIX в. в глухих деревнях часто встречались избы с волоковыми окнами, и только среднее окно было косящатым.

Во многих избах не было потолков, о чем свидетельствует положение среднего волокового окна выше возможной линии потолка. Конструкция потолка из досок, брусьев или плах с центральной балкой матицей уже упоминается в документах

XVII в.

Центральное место в крестьянской избе занимала большая глинобитная печь, служившая и для отопления, и для приготовления пищи. Как и прежде, печь не имела дымохода. Такие курные избы (хаты) у русских были широко распространены вплоть до конца XIX в. Печь обычно помещалась в одном из углов избы. Около устья был бабий куш, здесь приготавливали пищу. За боковой стеной печи обычно устраивали примост для спанья, а выше его - полати. По диагонали от печи был красный угол (святой), здесь стоял обеденный стол и висели иконы.

Вдоль передних стен неподвижно укреплялись лавки, над ними полки (пола-вочники). Для освещения служила лучина или масляные светильники.

Изба (хата) была основным жилым помещением крестьянской семьи, численность которой в то время могла достигать до 15-20 человек. Вместе с тем, много было и малых семей. В избе готовили пищу, спали, пряли, ткали, занимались всеми домашними работами, здесь же в холодное время года кормили корову, молодняк, содержали приплод домашних животных. Тесноту, скученность, антисанитарные условия домашней жизни крестьян, их бедность не раз отмечали проезжавшие в XVII в. через Россию иностранцы. Антисанитарные условия жизни в крестьянских избах отмечались современниками и в конце XVIII в.: "Представим себе крестьянскую избу, как она в здешних странах тесно и низко построена, куда дневной свет и воздух входят не более как через два маленькие отверстия... В такую избу собирается на ночь от 10 до 15, а смотря по семье и больше человек. Туда же присоединить надобно и то, что скот, который днем кормится в тех же самых избах, оставляет по себе испарину, сырость и нечистоту; сверх того в тех же избах... всю почти зиму держатся телята и поросята" (Генер. С. 192).

Значительно лучше жили крестьяне на севере России и в Сибири. Уже в XVII-XVIII вв. (о чем говорилось выше) здесь строилось более развитое жилище на подклетах, в составе которого было несколько жилых и хозяйственных помещений.

Довольно много жилых и хозяйственных построек было в помещичьих и боярских усадьбах. Их помещения отличались большими размерами и богатым убранством. По мнению М.Г. Рабиновича, исследовавшего древнее русское жилище, богатые усадьбы в городе и деревне имели схожие черты и на севере, и на юге (Рабинович М.Г., 1975. С. 185, 225-227). Богатый дом обычно строился срубным на подклети и состоял из нескольких помещений: горницы, избы, повалуши, сени, чуланы соединялись между собой переходами примерно на уровне второго этажа. Дом богатого феодала представлял собой комплекс жилых и служебных зданий, часто огороженных высокой плотной оградой: парадные комнаты, личные хоромы хозяина, покои его жены, дочерей, сыновей, служебные помещения, хозяйственные постройки (поварня, хлебня, ледник, баня, погреб, житницы, клети, конюшни, сараи и др.). Такая усадьба могла делиться на несколько дворов: передний, задний, конюшенный, псарский. Почти в каждом зажиточном дворе были сад, огород, иногда и рощи. В то же время были и небогатые помещичьи и даже великокняжеские усадьбы, состав и качество построек в них мало чем отличались от крестьянских. Церкви строились ближе к деревне, или неподалеку от хоров вотчинника.

СЕЛЬСКИЕ ЖИЛИЩА В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сельское жилище XVIII и особенно XIX в. изучено сравнительно хорошо. Многочисленные более или менее полноценные описания жилищ разных районов появляются во второй половине XIX в. в связи с деятельностью различных научных

обществ и местных статистических комитетов. Работа по изучению русского жилища значительно расширилась в советское время. В результате организации многочисленных этнографических экспедиций и командировок в различные районы страны были собраны большие фактические материалы, характеризующие крестьянские постройки XIX - начала XX в. Эти интересные материалы были опубликованы в различных изданиях.

На базе обширных материалов, собранных и изученных специалистами различного профиля, в 1950-е годы в свет вышел капитальный труд Е.Э. Бломквист (Бломквист, 1956), представляющий собой отличную сводку всех имевшихся к этому времени данных о крестьянских постройках русских, украинцев, белорусов. Обобщающие сведения о жилище всех восточных славян содержатся в коллективных трудах "Народы Европейской части СССР" (М., 1964. Ч. I) и "Этнография восточных славян" (М., 1987). Крупным успехом в деле многолетнего этнографического изучения традиционного русского жилища явилось составление и издание историко-этнографического атласа "Русские" (М., 1967; М., 1970. Вып. 1, 2). Авторы Е.Э. Бломквист, О.А. Ганцкая, М.Я. Салманович, Т.В. Станюкович, Л.Н. Чижикова и др.

В XVIII-первой половине XIX в. уже существовали основные типы крестьянского жилища русских, которые являются национальным достоянием их культуры. С одной стороны, традиционное жилище русских объединялось рядом общих особенностей, многие из которых уходят своими корнями ко времени существования древнерусской народности. С другой стороны, разнообразная природа России, различные социальные, экономические и исторические условия способствовали созданию разных типов жилища, закрепленных на той или иной территории определенной местной этнической традицией. На развитие крестьянского жилища большое влияние имели планировка, размеры селения, экономический и культурный уровень жизни, форма и размеры крестьянского надела, социальное положение и направление хозяйственной деятельности крестьянских семей, их состав и степень зажиточности. Богатые и бедняцкие хозяйства различались между собой размерами, добротностью, числом жилых и хозяйственных построек.

Региональные особенности жилища

В разных районах расселения русских имелись свои особенности в строительном материале возводимых построек, их высоте, покрытии кровли, архитектурном оформлении фасада, составе и планировке жилых помещений, формах застройки двора. Многие локальные особенности жилища сложились еще (как мы видели выше) в эпоху развитого феодализма и отражают культурные особенности определенных этнических групп.

В северных селениях России - в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской, северных уездах Новгородской, Ярославской, Костромской губерний возводились большие высокие срубные постройки, включавшие в одно целое жилые и хозяйственные помещения. Пол жилых помещений из-за сурового климата приподнимали над землей на 1,5-2 м. Нижнее помещение дома (подклет, подъзбица) использовалось для содержания птицы, молодняка скота, хранения овощей, продуктов, утвари. Нередко подклет делали жилым. Непосредственно к жилым помещениям примыкал двухэтажный двор, перекрытый той же, обычно двухскатной крышей (дом-двор). В крытом дворе объединялись все хозяйственные помещения. В нижнем этаже были устроены рубленые хлевы и загородки для скота, двое ворот соединяли двор с огородом и гумном. На верхнем этаже двора повети держали корм для скота, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, там же строились небольшие неотопливаемые срубные клетки или горенки, в которых хранилось домашнее имущество семьи, а летом жили семейные пары. В верхний ярус вел настил-помост из бревен (взвоз, взезд) для проезда лошади с телегой. У зажиточных крестьян дворы строились из лучшего материала, они были большие и благоустроенные.

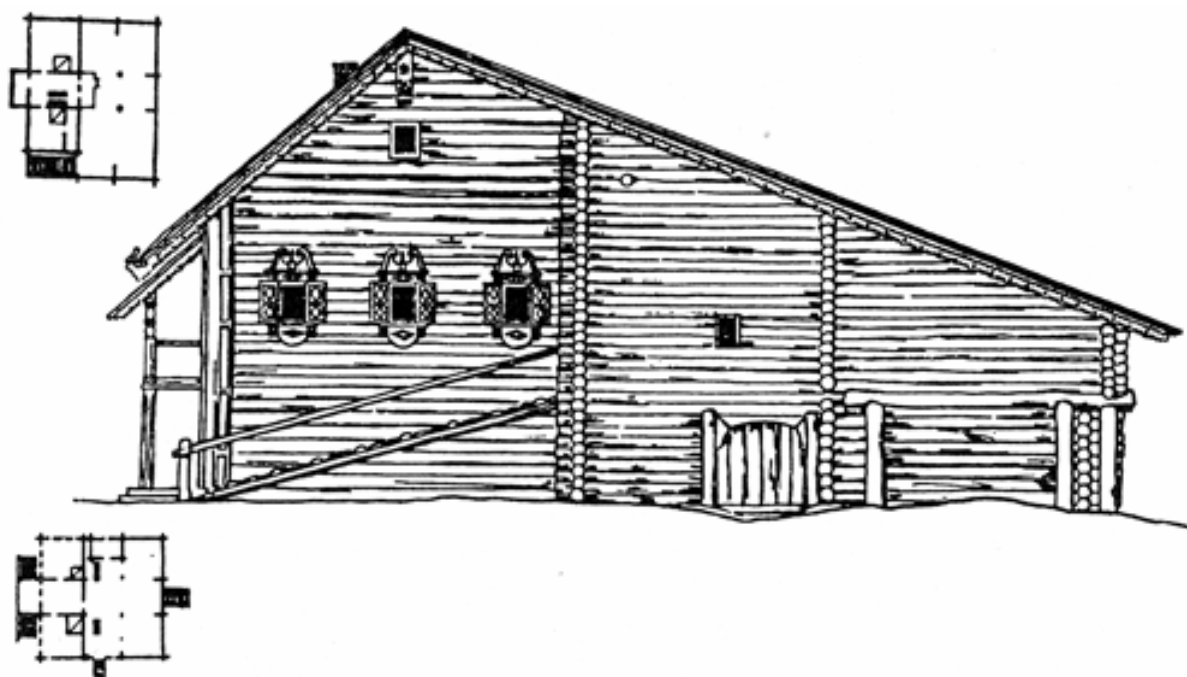
На фасаде высоких рубленых изб в северных селениях прорубалось несколько окон; постройку оживляло крыльцо при входе в дом, балкон на рубленном фронте и галерея, нередко опоясывающая дом на уровне окон. Архитектурный облик северной избы необычайно красив и живописен. Плоские дощатые поверхности стен и кровли украшались изящной плоской геометрической резьбой или прорезью, расписывались красками. Округлые концы выступающих слег и бревен кровли (охлупня, куриц, повалов, водопусков и др.) обрабатывались в пластичные скульптурные формы животных, птиц и разнообразных геометрических фигур.

В условиях суровой природы Севера, в окружении дремучих лесов и бескрайних просторов в течение столетий, создавались простые и строгие по форме высокохудожественные памятники сельской архитектуры, составляющие вместе с природными пейзажами неповторимые по красоте ансамбли. Высокое мастерство в оформлении северного крестьянского жилища явилось продолжением и развитием древних художественных традиций, наиболее полно выраженных в северной церковной архитектуре, в резьбе и росписи домашней утвари, в вышивке и в кружевных изделиях. В среде крестьянского населения северных губерний сравнительно рано развиваются различные ремесла и промыслы, среди которых большое экономическое значение в крестьянском хозяйстве с давних пор имел плотничий промысел. Специализация последнего особенно сильно была развита в Олонецкой губернии. Этому способствовало слабое развитие на севере крепостного права, более благоприятное экономическое положение черносошных крестьян. Многие уезды Архангельской и Вологодской губерний в XVII-XVIII вв. были удалены от важнейших путей сообщения и крупных городов, благодаря чему в крестьянском строительстве этих губерний дольше сохранились древние художественные и строительные традиции.

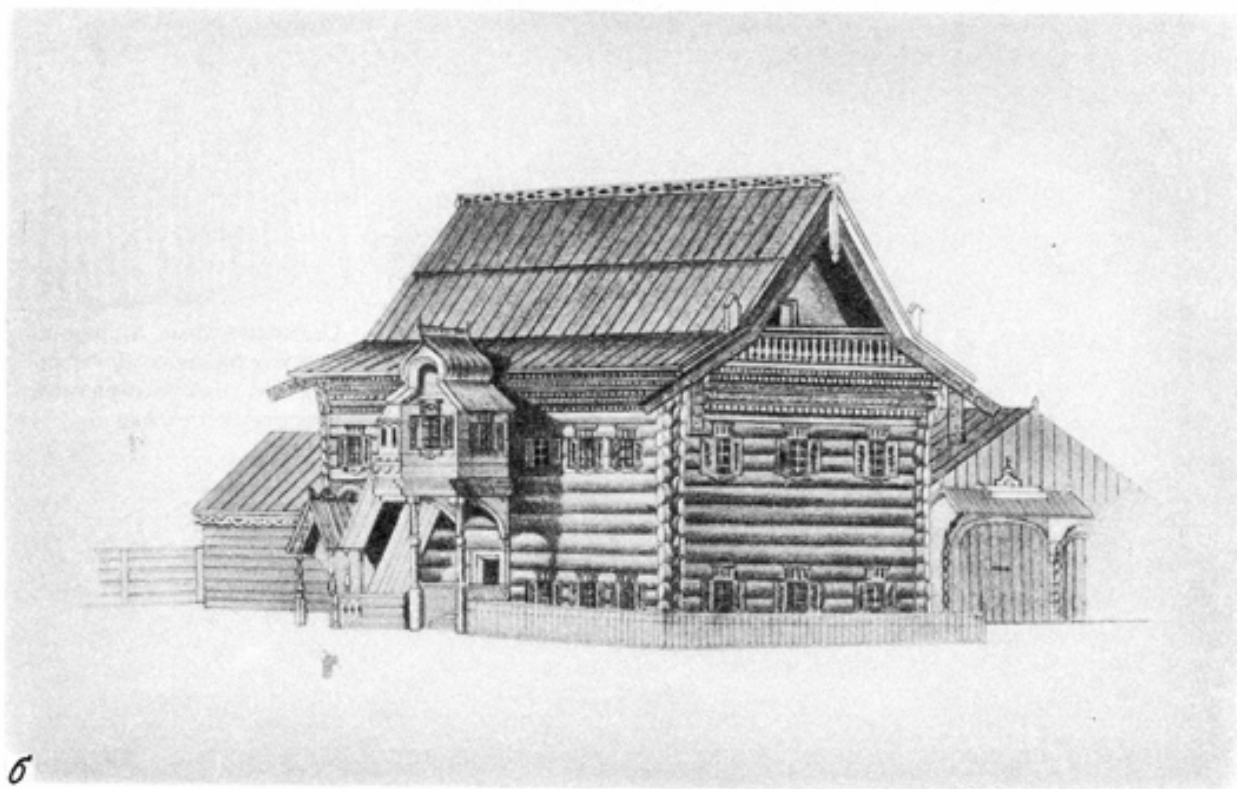
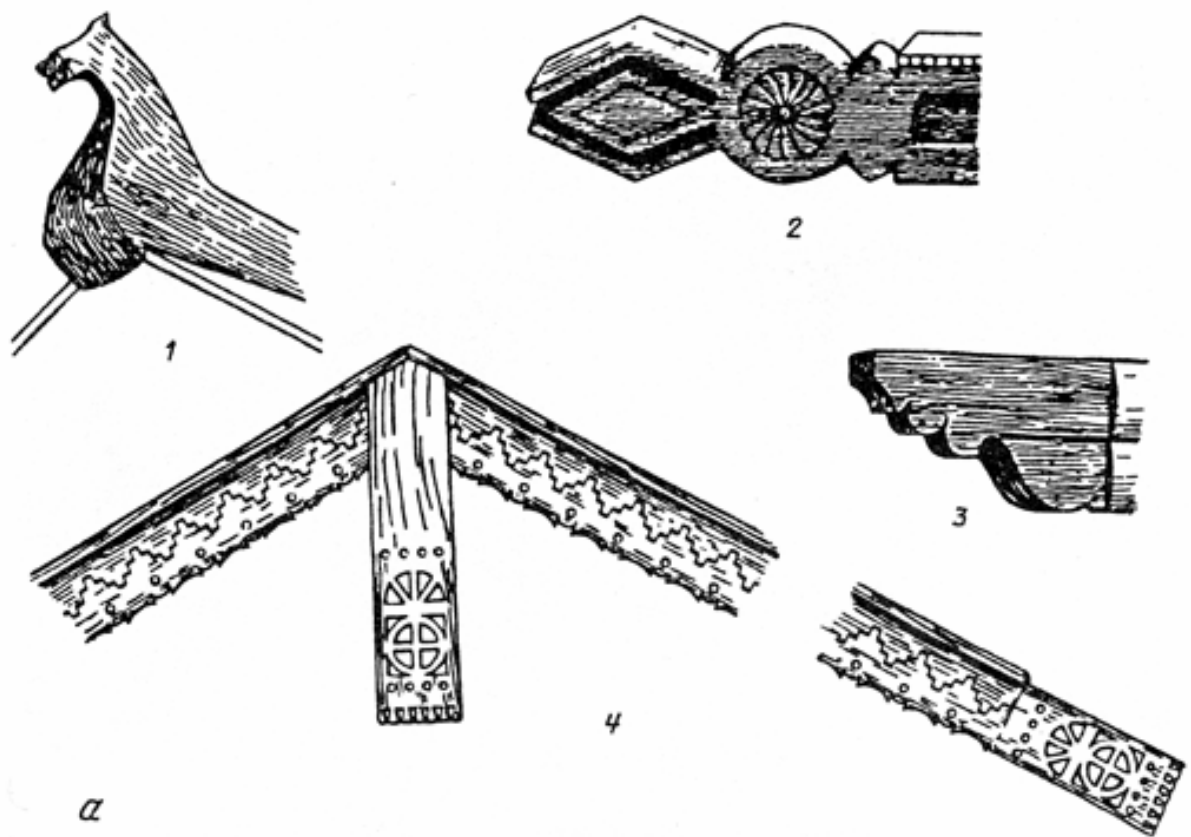
Сравнительно ниже и меньше по своим размерам строилось крестьянское жилище в Верхнем и Среднем Поволжье, в Московской губернии, в южной части Новгородской и Вятской губерний, в северных уездах Рязанской. В северных районах этой зоны перерубы для пола врубались в четвертый-седьмой венец, в Среднем Поволжье, на юге Московской губернии преобладал низкий подклет: перерубы для пола врубались во второй-четвертый венец. Непосредственно к дому сзади или сбоку его по типу однорядной или двухрядной связи пристраивался крытый двор, но он был ниже дома и состоял из одного этажа. Во дворе - теплые срубы для зимнего содержания скота - конюшни для лошадей, мшаники для овец и свиней, хлевы для коров. Часть двора разделялась загородками на стойла для летнего содержания скота. Под крышей в подстропильные бревна врубались жерди, на них - доски, получалось нечто вроде повети северного двора (сушила, полати) для хранения сена. Во дворе ближе к сенам выделялось место для производства разных хозяйственных работ - починки упряжи, сбруи, телег, инвентаря, для плотничьих и слесарных работ. Иногда тут же строили сруб для ремесленной мастерской, в конце двора могла быть скотная избушка для приготовления корма скоту, для содержания молодняка и пр. Как и в северных хоромах, изба через сени сообщалась с помещениями двора, ворота (или двое ворот) прорубались в стене крытого двора. За двором обычно были огород и сад, здесь же часто ставили рубленый амбар для зерна. Иногда амбары выносились на середину улицы перед домами или за деревню. За огородом или садом шли сараи для сена, на некотором расстоянии от них начиналось гумно с овином или ригой, где сушили и обмолачивали зерновые снопы. Тут же были мякинницы (сенницы, половни) для мякины, колоса и соломы. На усадьбе или у реки, на окраине деревни, стояли бани. В некоторых районах Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской, Московской губерний бань не было или они встречались редко, здесь крестьяне мылись в русской печи (Русские. 1967. Карта 35).

Дома ставили преимущественно перпендикулярно к улице, на переднем фасаде прорубали два, три и более окон. Двухскатную крышу покрывали драницами, тесом, соломой. Для архитектурного облика среднерусских изб характерно богатство,

разнообразие украшений, особенно получивших большое развитие в XIX в. Скульптурной резьбой здесь также обрабатывалась кровля, особенно интересно украшение крестьянских изб Верхнего Поволжья скульптурными коньками, обращенными мордами в разные стороны. На наличники окон, карнизы наносилась плоская трехгранно-выемчатая резьба. В районах, прилегающих к Волге, примерно с 40-х годов XIX в. широко распространилась более сложная резьба с высоким рельефом и сочным растительным узором рисунка (корабельная резьба, глухая или болотная резьба). Развитие богатых художественных и разнообразных архитектурных форм крестьянского жилища в центральных нечерноземных районах России объясняется историческими и экономическими причинами. Эти районы были наиболее развитыми в экономическом отношении, основная их территория издавна находилась в центре торговых путей, была связана с Волгой и столичными городами. Преобладающая с XVIII в. оброчная система крепостных повинностей, значительный процент государственных и удельных крестьян стимулировали сравнительно раннее развитие товарно-денежных отношений в среде

Передний фасад и план северного дома (*дом-двор*). Архангельская губерния, XIX в.

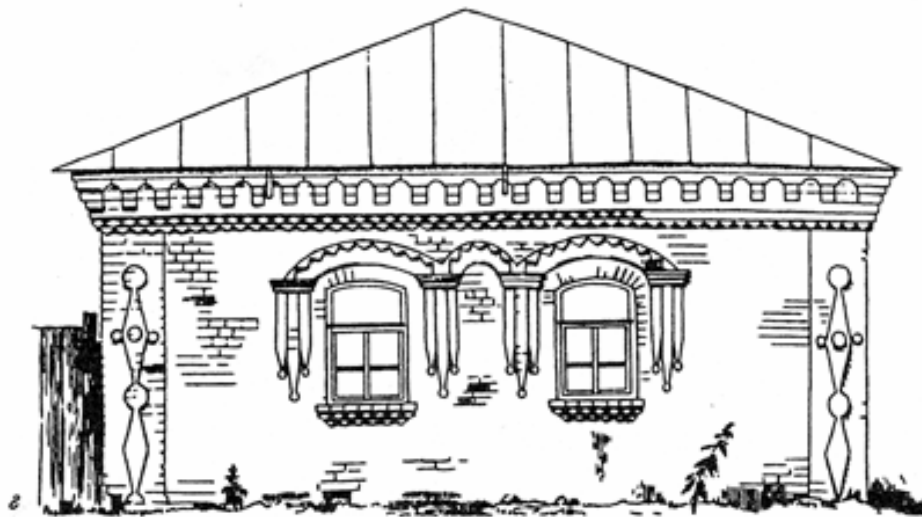
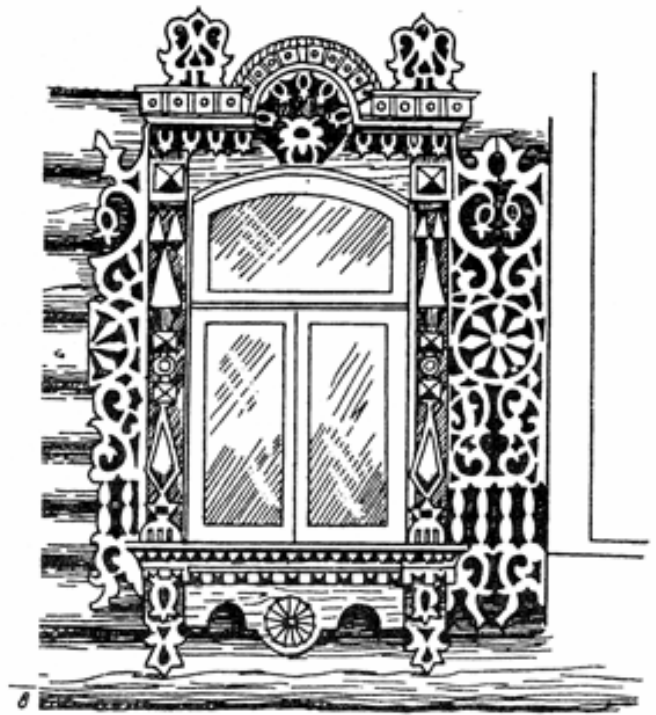

Конструктивно-архитектурные детали северного жилища:

а) украшение скульптурной и плоской резьбой домов в Вологодской губернии, XIX в.: 1 – скульптурная обработка *охлупня*, 2 – скульптурная обработка *потоков*, 3 – скульптурная обработка выпусков верхних бревен, 4 – плоская резьба на причелинах и на *полотенце*; б) архитектурный облик дома из Вологодской губернии, XIX в.

Архитектурные украшения жилища начала XX в.:

- а, б) – рельефная резьба поволжских изб (Нижегородская губерния),
- в) пропиленная резьба на наличниках окон (Московская губерния),
- г, д) – украшение кирпичных изб рельефными профилированными узорами (Тамбовская губерния)

крестьянского населения и распространение ремесел и промыслов. Древние традиции и высокую специализацию имел в крае плотничный промысел. Старая художественная традиция резьбы в крае, связанная с искусством мастеров Оружейной палаты, с одной стороны, специализация плотничества, появление денег в крестьянском хозяйстве, следовательно, возможность оплаты труда специалистов плотников-резчиков, с другой, имели влияние на развитие крестьянского жилища.

В пореформенную эпоху увеличивается число плотников, растут заказы на затейливые резные узоры. Это приводит к необходимости ускорить и упростить труд резчика-строителя, усовершенствовать его инструменты. В конце XIX в. трудоемкая рельефная и плоская резьба заменяется более легкой по технике пропиленной резьбой, выполняемой лобзиком. Наибольшее развитие пропиленная резьба получила в селах и городах средней полосы России, где ею украшали значительную площадь переднего фасада избы. Распространяется и раскраска резных украшений, а в Поволжье - роспись фасадов сельских домов (Чижикова, 1970).

В южных черноземных губерниях - Калужской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, в южных уездах Рязанской и Пензенской, в лесостепной и степной полосе со сравнительно теплым климатом, в условиях развитого земледельческого хозяйства, с распространенной барщинной системой феодальных повинностей и слабого развития специализированного плотничьего промысла строили небольшие рубленые, нередко обмазанные снаружи глиной низкие избы (хаты) без подклета, с глинобитным либо с деревянным полом. Дома ставились длинной стороной вдоль улицы и покрывались четырехскатной соломенной крышей. На переднем фасаде прорубались одно или три окна, реже применяли резьбу и живопись (Чижикова, 1988. С. 71-116).

В пореформенное время, по мере оскудения лесов, вместе с развитием массового отходничества и товарно-денежных отношений в крестьянских хозяйствах, во многих русских черноземных губерниях, бедных лесом, крестьяне стали применять в строительстве кирпич. В конце XIX-начале XX в. жилые дома из обожженного кирпича строили преимущественно в Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, частично в Пензенской и Самарской губерниях (Семенов Д., 1879). В остальных русских районах кирпичные дома были редким явлением, их возводили только богатые крестьяне.

Для юга России характерен открытый тип двора. В его состав входила значительная площадь, не занятая постройками, не покрытая крышей. Дворовые постройки были расположены за домом, они обычно шли по периметру двора и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. Количество дворовых построек, а также в известной мере и планировка двора зависели от степени зажиточности крестьянской семьи. Те, кто был побогаче, сараи ставили кругом двора, менее состоятельные застраивали только одну или две стороны двора. В зажиточных хозяйствах двор иногда разделяли на передний, более чистый, где около дома размещали пуньки, амбары, погреб, сараи и навесы для повозок, орудий, и задний (подворок), где содержали скот в закутах (хлевах) и варках (загонах) (АРГО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 15).

В южной части степной зоны был распространен открытый незамкнутый двор с более свободным расположением хозяйственных построек. Здесь, как и в замкнутом типе двора, ближе к дому, и к улице, группировались более "чистые" хозяйственные постройки, а в задней части двора размещались сараи и загон для скота.

Как и повсюду, на значительном расстоянии от дома, в конце огорода устраивали гумно (огуменник), где был открытый ток для молотбы зерна и сараи для хранения снопов, его обмолота и просушки. Распространена была клуня - большой сарай, служивший для хранения снопового хлеба, мякины, половы и обмолота хлеба в плохую погоду.

Баня как отдельная постройка, типичная для северных и среднерусских губерний

России, не характерна для южных черноземных губерний. Здесь мылись дома в корыте, ушате, летом — на речке.

Резкий контраст низкому южнорусскому жилищу представляли жилые постройки зажиточного низового донского казачества. Уже в середине XIX в. здесь были распространены двухэтажные многокомнатные на высоком подклете дома. Они рубились из четырехгранных брусьев, обшивались снаружи тесом, и покрывались четырехскатными железными или тесовыми крышами. Для казачьих домов было характерно большое число окон с филенчатыми ставнями, открытые галереи, опоясывающие дом, крыльцо, балконы, террасы, украшенные пропиленной резьбой и придающие постройкам южный колорит. Возникновение типа многокомнатного казачьего дома с разнообразными архитектурными деталями объясняется прежде всего особым привилегированным положением казачества (размеры их земельных наделов в несколько раз превышали крестьянские) и ранним развитием в его среде товарно-денежных отношений. В тех же станицах большая часть иногороднего населения и бедные слои казачества жили в небольших продолговатых глинобитных и турлучных (каркасных) домах под четырехскатными соломенными и Камышевыми крышами. В казачьих поселениях, как и в других степных районах, бытовал открытый двор.

У кубанского и терского казачества и у крестьян Ставрополя в середине XIX в. преобладали постройки, напоминающие низкие украинские хаты - глинобитные и каркасные, обмазанные глиной, побеленные снаружи, продолговатые в плане, без подклета, с глинобитным полом, под четырехскатной соломенной или камышевой крышей. Подобный тип жилища, занесенный на Кубань в конце XVIII-начале XIX в. в процессе заселения этой территории выходцами с Украины оказал огромное влияние на все строительство Кубани, Терека и Ставрополя (Кубанские станицы. С. 103-120).

Разнообразным было и сельское жилище русских на огромных пространствах Западной и Восточной Сибири. Оно определялось неодинаковыми природными условиями Сибири, этническими традициями русских переселенцев, многообразием форм культуры местных сибирских народов, с которыми вступали в контакты русские переселенцы.

Дома русских старожилов, выходцев из Европейского Севера, Поморья, При-уралья, поселившихся в таежной земледельческой полосе Западной и Восточной Сибири, строились в традициях северно-русского жилища. Обширные по площади срубные дома, состоявшие из нескольких жилых и хозяйственных помещений, возводили на высоком подклете. В селах по проезжим трактам было много двухэтажных домов с высоким крыльцом и верандой на втором этаже, крыша - двухскатная и четырехскатная тесовая (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 120-127). Наличники, ставни окон, карнизы, охлупень на крыше, опорные столбы ворот украшали долбленой, пропиленной резьбой, ставни окон, печь и стены нередко расписывали красками, особенно распространенным это было в Забайкалье и на Алтае.

Обилие леса, развитое животноводство стимулировали строительство больших усадебных комплексов с многочисленными хозяйственными постройками. В Тобольской, Томской, Енисейской губерниях, южной части Иркутской губернии, в Забайкалье и Якутии были распространены замкнутые дворы, обнесенные высоким срубным или столбовым забором и обставленные по периметру хозяйственными службами. Мощные хозяйственные постройки часто стояли по обе стороны дома, защищая его от ветра и непогоды. Двор нередко разделяли на две части: чистый двор, или ограду,- и задний скотный двор, или пригон. В зависимости от расположения ограды и пригона относительно дома и улицы исследователи выделяют несколько подтипов и вариантов замкнутого двора {Липинская, 1975}.

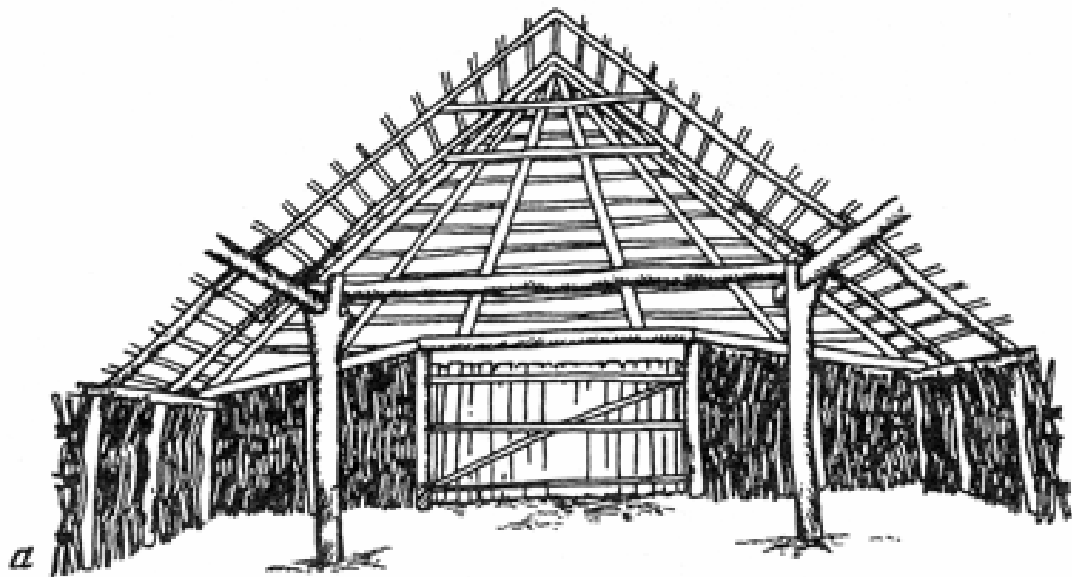
В строительной практике лесостепной и степной зон Сибири совмещались русские традиции различных физико-географических и этнических зон Европейской России. Поскольку на юге Сибири наряду с русскими старожилами проживали и более поздние

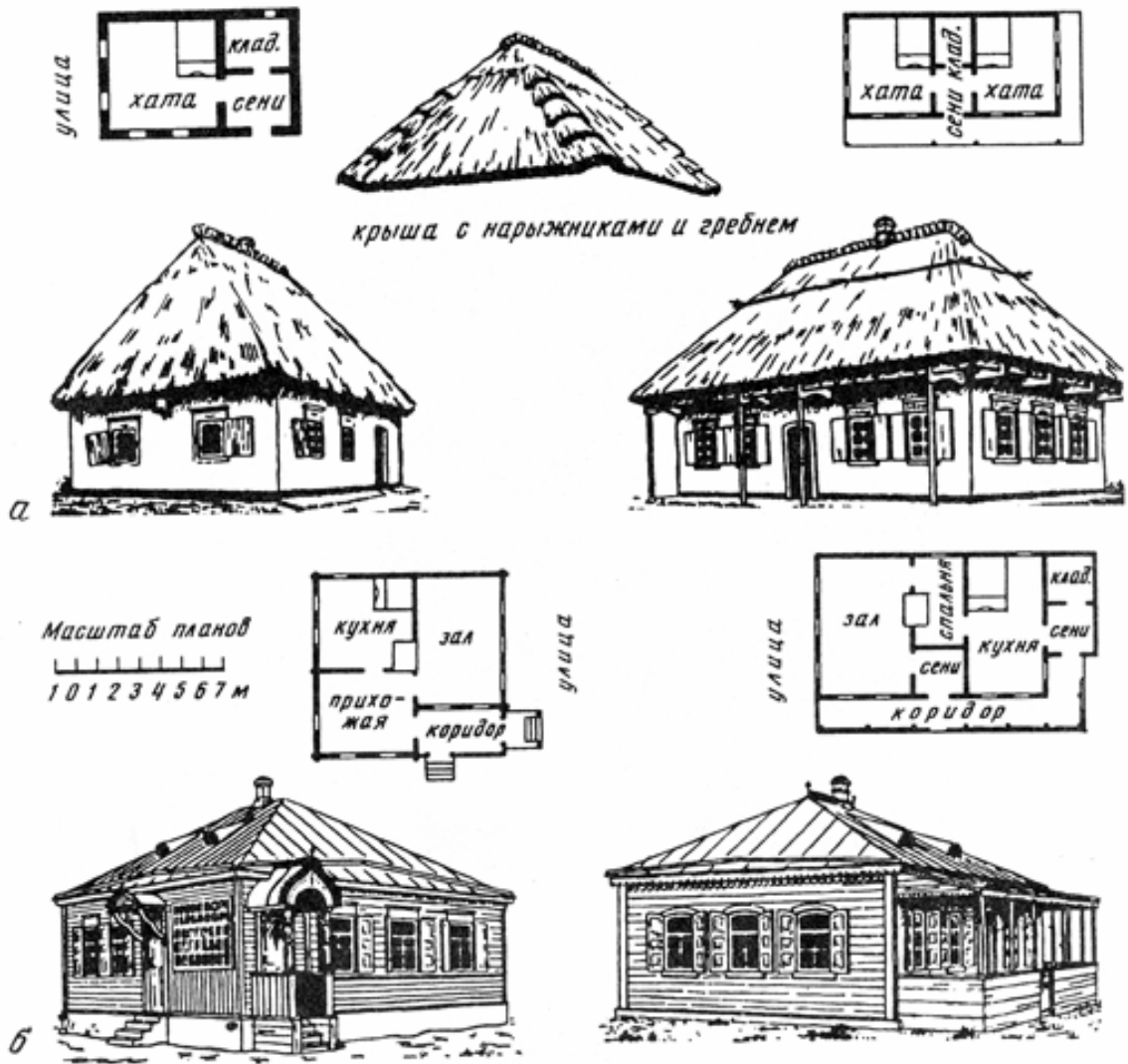
российские переселенцы, выходцы из южных и среднерусских районов, а также из Украины, со второй половины XIX в. усиливается южнорусское и украинское влияние. В селениях старожилов господствовало жилище северно-русского типа, характерное для таежной зоны Сибири. У переселенцев распространялись постройки, типичные для степных регионов России. Их дома были меньше и ниже чем у старожилов, стены возводили из мелкого неровного леса, плетня, глиносоломенной смеси, самана, их обмазывали глиной и белили, крыши крыли тесом или соломой, двор - с замкнутым или свободным расположением построек. Социальная неоднородность населения усиливалась с постоянным притоком переселенцев и сказывалась на количестве и качестве усадебных построек (Лиинская, 1987. С. 70-87).

Малочисленное русское население, освоившее еще в XVII в. северные тундровые районы Заполярья, Приморья (оно занималось охотой, рыбной ловлей, обслуживанием почтовых трактов и другими промыслами), приспособившись к условиям сурового климата, частично заимствовало строительные навыки аборигенных народов. В целях сохранения тепла избы строили низкими, иногда углубленными в землю, стены рубили из бревен, строительным материалом служили плавник (стволы деревьев, разбитые баржи) и низкорослые Деревья. Стены и плоскую крышу утепляли землей, снегом, двери обивали звериными шкурами или войлоком, в окна вставляли летом рыбий пузырь, зимой - пластины льда. Жилье отапливали русской печью, а чаще чувалом - очагом, огонь в последнем поддерживался постоянно.

Для хозяйственного уклада русских сибиряков характерно использование различных типов временного жилища, многие из которых были заимствованы у коренных народов Сибири. В земледельческой полосе Сибири, на удаленных от селений пашнях, строили так называемые пашенные избышки, в которые переезжала жить семья на время полевых работ. Это были обычные избы или небольшие срубы под плоской или односкатной крышей. Около избышек возводили хозяйственные постройки. На охотничьих и рыбных промыслах ставили станки - срубные постройки с плоскими крышами, с печами без труб или чувалами с дымовыми отверстиями над дверью, закрывающимися деревянной задвижкой. Около промысловых избышек обычно устраивали лабаз в виде небольшого сруба или ящика, поднятого над землей на столбах. В лабазах хранили продукты и охотничью добычу. На сенокосных угодьях, рыболовных промыслах сооружались и легкие каркасные постройки, более характерные для коренных народов Сибири (Бломквист, 1956. С. 243-244; Этнография русского крестьянства Сибири. С. 119-120). Таким образом, в жилищных комплексах русского населения Сибири XIX—начала XX в. не только сохранялись основные черты русского народного зодчества, но одновременно развивались и совершенствовались многие строительные навыки, рациональные в новых природных и хозяйственных условиях.

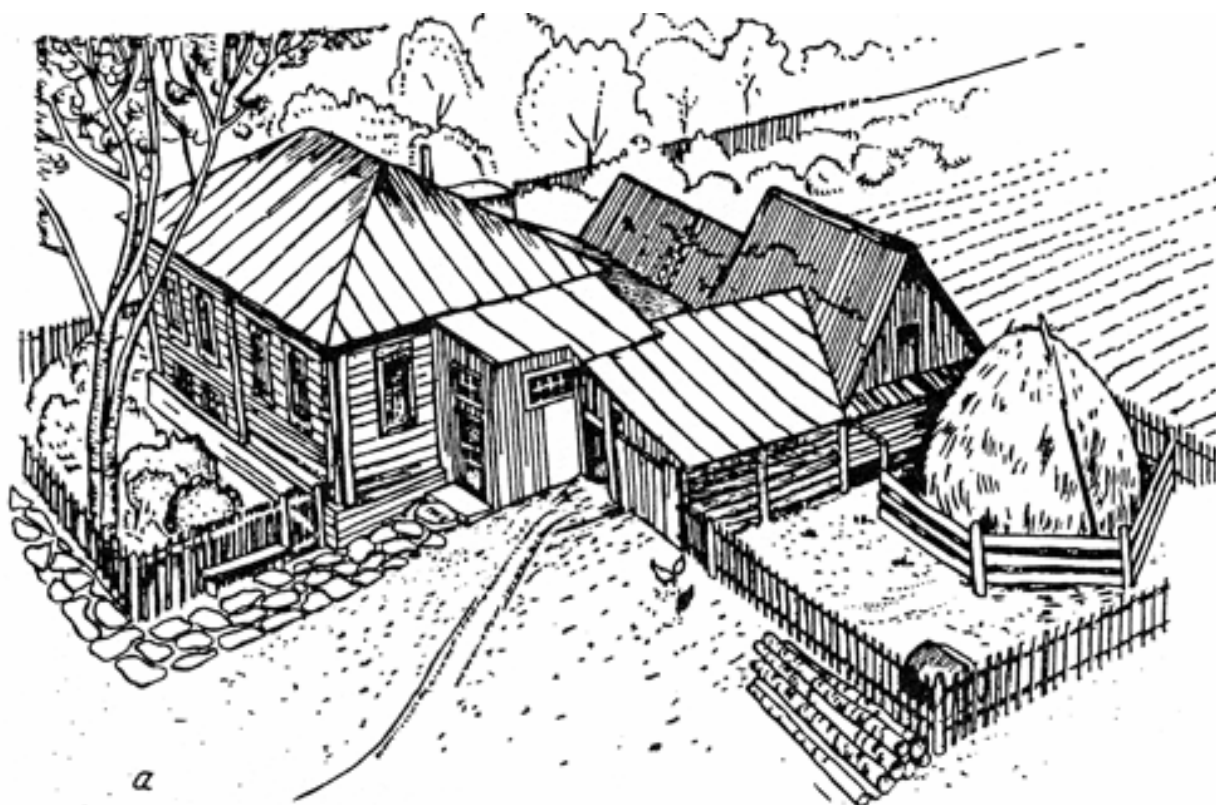
Жилище русского населения Средней Азии и Казахстана формировалось сравнительно поздно, в процессе заселения этого региона переселенцами преимущественно из южнорусской черноземной зоны и с Украины.

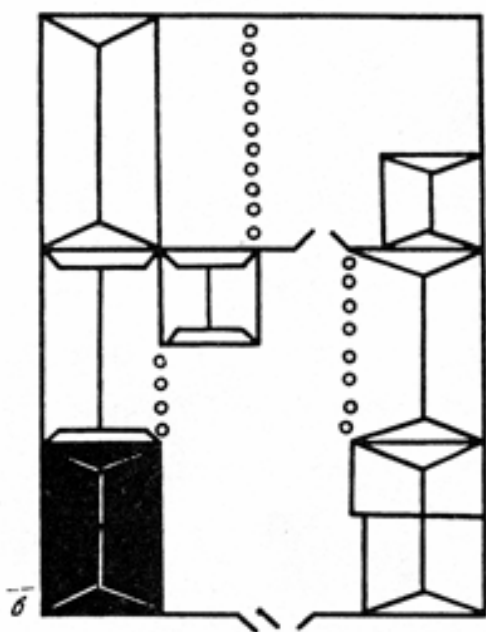

Дома кубанского казачества XIX – начала XX в.:

а) двухкамерный дом в станице Удобной; трехкамерный дом в г. Кореновске; б) круглые многокомнатные дома в станицах Кирпильской и Медведовской Краснодарского края

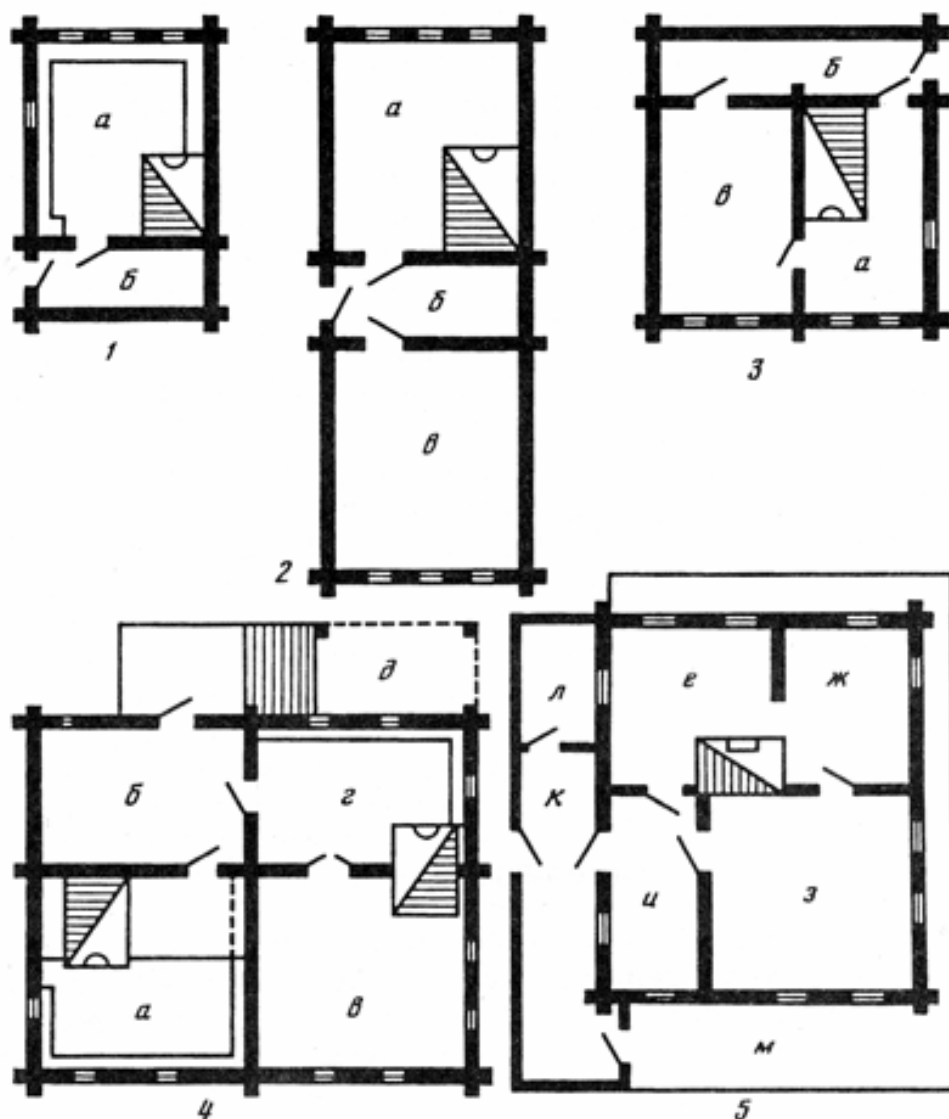
a

Усадебные комплексы:

а) хоромная застройка (Алтайский край),

б) план замкнутого двухчастного двора с оградой и пригоном

Схемы внутреннего плана жилища конца XIX – начала XX в.:

– двухкамерный дом, 2 – трехкамерный дом, 3 – пятистенок, 4 – крестовик, 5 – многокомнатный дом: а) изба, б) сени, в) горница, г) прихожая, д) крыльцо, е) кухня, ж) спальня, з) зал, и) прихожая, к) коридор, л) чулан, м) галерея

местными азиатскими традициями плоской земляной кровлей. В русских селах Прииссыккулья переселенцы первоначально сооружали глинобитные и саманные дома с земляной кровлей, но после землетрясения 1910 г. стали строить рубленые дома из горбылей или пластин, снаружи стены обмазывали глиной и белили.

В безлесных степных районах Средней Азии и Казахстана срубные дома были доступны лишь наиболее богатым. Здесь преобладали жилища, построенные из дерна и самана, в конце XIX - начале XX в. возрастает количество глинобитных домов. В Кустанайской области Казахстана, где довольно много озер, часто возводились каркасно-камышитовые стены. Каркасные постройки бытовали и в русских селах Узбекистана. Конструкция крыши и кровельные материалы варьировали в зависимости от климата, наличия кровельных материалов, плана дома. В русских селах засушливых районов Туркмении, Узбекистана, Казахстана преобладали плоские, односкатные и двухскатные с небольшим наклоном перекрытия, которые крыли глиной, землей, камышом. В Южном Казахстане и некоторых районах Узбекистана преобладали четырехскатные крыши с большими свесами, поддерживаемыми деревянными столбиками, образующими

галерейку. Дома с галереей были характерны для восточных и западных районов Украины и возможно были занесены сюда переселенцами-украинцами.

В земледельческих русских селениях Средней Азии и Казахстана вплоть до настоящего времени преобладает открытый двор, по его периметру располагаются дом, обычно выходящий торцовым фасадом на улицу, и хозяйственные постройки: амбар, погреб, сараи, навесы, хлевы, ближе к дому почти повсюду есть летняя печь или летняя кухня, навес для сушки овощей и фруктов, стол для обеда в летнее время. На севере Казахстана, где часто бывают бураны, сильные ветры, бытовал двор закрытого типа, его пристраивали вплотную сбоку дома, перекрывали двухскатной крышей, под которой размещали все хозяйственные постройки {Станюкович, 1969).

На всей территории расселения русских в XVIII-XIX вв. были распространены двухкамерные и трехкамерные дома, состоявшие из двух или трех основных частей - избы (хаты), сеней и клетки или второй жилой избы, связанных друг с другом в единое целое под общей крышей. Основной частью жилого дома была отапливаемая изба, в южнорусских губерниях, на Кубани ее называли и называют хатой. Клеть (горница, сельник) — неотапливаемое помещение служила летним жильем или кладовой. Здесь висела праздничная одежда, стояли коробья и сундуки с холстами и одеждой, кадки с крупой, маслом, яйцами, на полках и лавках хранились льняная пряжа, трепанный лен, веретена, прялки, посуда и прочая домашняя утварь. У бедных хозяев в клетке были и сусеки для зерна и муки. Под клетью, там где пол был приподнят над землей, держали корыта, кадки, зерно, муку и пр. Клеть обычно соединялась с избой посредством сеней, но могла стоять и отдельно от дома. Сени (сени, сенцы) в восточнославянском жилище, в отличие от построек народов Западной Европы, были неотапливаемым хозяйственным помещением. В сенях обычно стояла лавка с ведрами и подойниками, нередко досчатая кровать или нары, на которых летом спали, а зимой клали ступы, в которых женщины толкли льняные или конопляные мочки, хранилась и другая домашняя утварь. На стенах висела конская упряжь, рабочая одежда, ближе к потолку или кровле (во многих районах южнорусских губерний сени потолка не имели) прикрепляли коромысла, серпы, косы, грабли и пр.

В некоторых экономически более развитых районах, например, в Верхнем Поволжье, с целью увеличения жилой площади в клетке (горнице) ставили печь и превращали ее в жилое помещение. В Ярославской губернии богатые крестьяне в XVIII-XIX вв. в сенях вместо горницы или под крышей крытого двора строили зимовку с печью и переносили туда наиболее грязные домашние работы, а передняя изба использовалась как парадная комната. На севере России в больших домах нередко было несколько отапливаемых помещений. Там уже в XVIII-начале XIX в. было распространено более развитое жилище пятистенок, в котором сруб избы разделялся пятой рубленой стеной на два помещения. В селениях Сибири так же, как и в Европейской части, на протяжении XVIII-XIX вв. широко бытовало традиционное двух- и трехкамерное жилище, которое (как указывалось выше) было известно в Сибири и в XVII в. Большое влияние на развитие крестьянского жилища имели состав и численность крестьянской семьи. Поскольку в XVIII— первой половине XIX в. у русских сравнительно широко бытовали большие семьи, нередко состоявшие из 15-20 и более человек, на одной крестьянской усадьбе зажиточные семьи нередко имели несколько жилых изб. Часто строили избы двойни - два сруба, пристроенные вплотную друг к другу, встречались также крестовики — срубы, разделенные крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения.

В конце XIX-начале XX в. под воздействием развивавшихся в деревне капиталистических отношений и городского влияния в зоне бытования срубного жилища заметна тенденция к расширению жилой площади крестьянского дома путем пристройки прирубов и дополнительных срубов, распространяются пятистенки. Зажиточные крестьяне строили крестовики и большие многокомнатные дома городского типа, которые встречались на Севере, в Верхнем Поволжье, в Западной Сибири.

Развитые формы жилища особенно распространяются в районах расселения казачьих войск. Большие многокомнатные, квадратные в плане, так называемые круглые дома известные еще в середине XIX в. у низового донского казачества, в конце XIX в. их строили по всему Дону, в восточных районах Кубани, в ряде станиц Терского, Уральского казачества, в также в Сибирских казачьих войсках. Влияние экономического уровня казачьего хозяйства на качество, размеры и число жилых и хозяйственных построек в одной усадьбе наглядно прослеживается по купчим крепостям, публиковавшимся в 60-е годы XIX в. в "Кубанских войсковых ведомостях" (1868. №11; 1869. № 44). Данные купчих документов показывают, что в 60-е годы богатые казаки строили большие многокомнатные дома. В то же время большая часть рядовых казаков жила в домах в одну или две комнаты с сенцами. Дома значительной части иногородних - более поздних переселенцев, не пользовавшихся привилегиями казачества, как правило были хуже и меньше казачьих. Как писал в начале XX в. известный исследователь быта и хозяйства кубанского казачества В.В. Македонов, "постройки арендаторов-иногородних убоги, тесны, грязны, сохраняют тип избы захудалого крестьянина средней и южной черноземной полосы России. Жилища казаков легко отличаются по внешнему виду - хаты почти всегда в два жилья (кухня и чистая горница) и обведены с двух, а иногда и с трех сторон узкой крытой терраской и галереей" (Македонов. С. 50).

В конце XIX-начале XX в. расширение жилой площади достигалось и путем вертикального членения дома. В богатых крестьянских хозяйствах Русского Севера и Поволжья, Юго-Западной Сибири и Забайкалья, в станицах низового донского казачества возводились большие двухэтажные дома.

Основной частью крестьянского жилища была изба (хата), где проходила домашняя жизнь крестьянской семьи. В XVIII-первой половине XIX в. изба не имела внутренних перегородок. С давних пор установились строгие традиции использования внутреннего пространства избы, которые при наличии общих черт, имели различия в отдельных областях русской территории, являясь важным этническим признаком населения отдельных этнографических групп. Каждый угол, каждое место в избе имели свое определенное назначение, помогая более рационально использовать сравнительно небольшую площадь избы. Средние размеры избы были 4 м x 4 м-5,5 м x 6,5 м. Избы богатых крестьян достигали 8mx9м, 9mx10м. Мебель изготавливалась одновременно с постройкой дома и большей частью плотно крепилась к стенам.

Примерно четвертую-пятую часть избы занимала духовая печь, широко известная как русская. Такие большие размеры печи практически были обусловлены той важной ролью, которую играла русская печь в жизни крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись (в центральных Приволжских районах), печью обогревали помещение, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур.

Русская печь является характерной особенностью жилища всех восточных славян, хотя она известна также у поляков, словаков, чехов. Это отличало жилище восточных славян от построек народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, Центральной Европы, где господствовали печи типа очага, камина, голландки и др. У русских вплоть до середины, а в иных районах и до конца XIX в., также как и в предшествующие столетия, преобладали глинобитные печи, топившиеся по-черному (курные избы), т.е. печь не имела вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь или специальное отверстие в стене. Замена курных печей белыми с трубой, выведенной через потолок хаты на чердак и на улицу, происходила неравномерно в отдельных районах и зависела от ряда причин (развитие товарно-денежных отношений, близость и влияние города, экономический уровень крестьянского хозяйства и др.). В Сибири уже в конце XVIII-начале XIX в. черные печи активно заменялись белыми.

По диагонали от печи всегда был расположен передний угол (большой, святой, красный). Подобное соотношение печи и переднего угла - одна из характерных черт жилища русских, а также украинцев и белорусов. В переднем углу стоял обеденный стол,

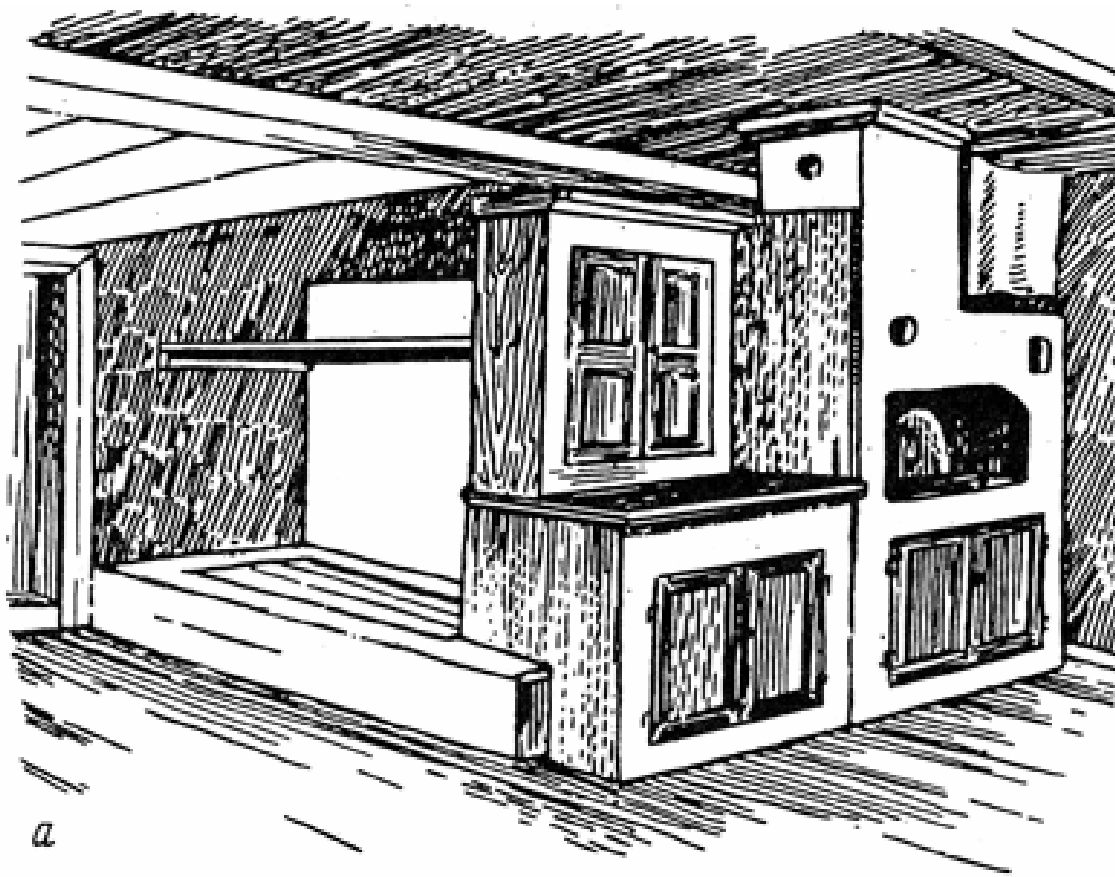
висел киот (божница) с полками для икон. Кроме того, иконы могли висеть и на прилегающих к переднему углу стенах. В праздник, а нередко и в будни эту часть избы украшали ткаными и вышитыми полотенцами, лубочными картинками, позднее литографиями, искусственными цветами. Передний угол считался самым почетным в избе. Здесь кроме ежедневных трапез совершались праздничные свадебные церемонии, проводы рекрута, крестины и похоронные обряды. Под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники, во время свадьбы - новобрачные. По стенам, примыкающим к переднему углу избы (хаты), шли плотно прикрепленные к ним лавки. Параллельно лавкам, выше окон, делались полки (полавошники) — на них складывали шапки, кушаки, нитки, пряжу, прялки, приспособления для выделки лаптей, ножи, ножницы, шило и другие предметы домашнего обихода.

В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в русском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы (хаты): северно-среднерусский, западнорусский (также украинско-белорусский), восточный южнорусский и западный южнорусский.

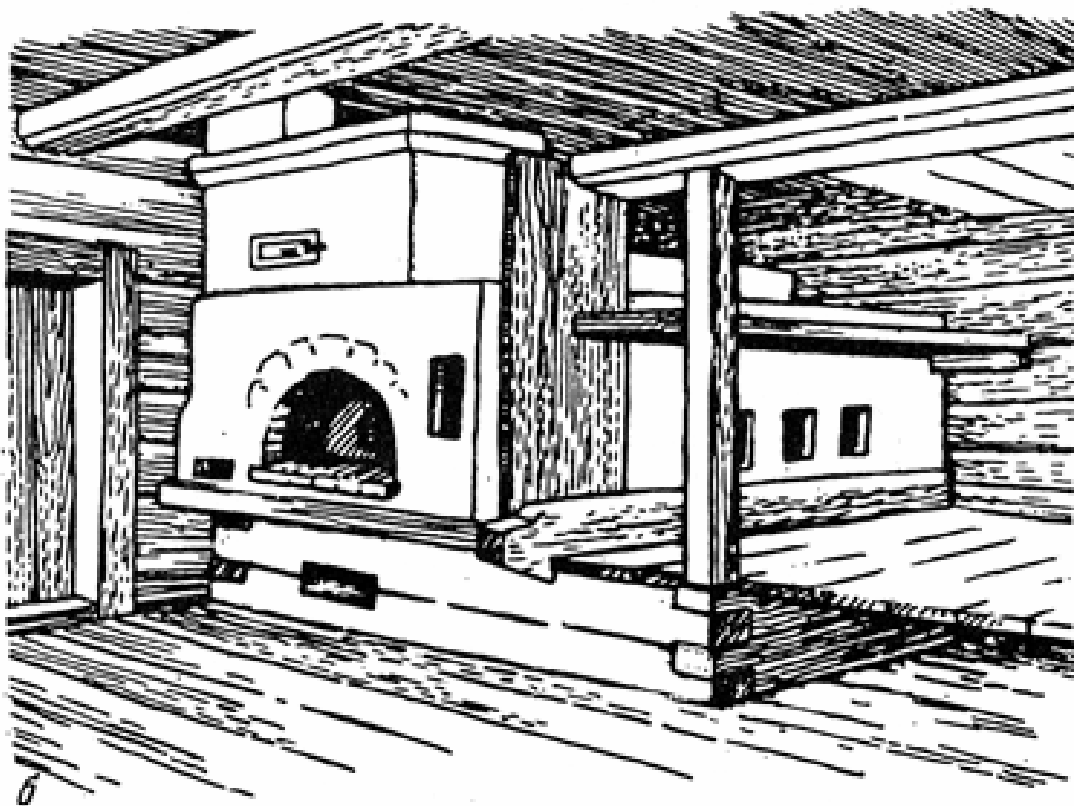
Северно-среднерусский план избы характерен для северных и среднерусских нечерноземных губерний Европейской части России, для большей части Сибири, встречался в отдельных районах поздней колонизации, например, в Суджанском и Обоянском уездах Курской губернии, в Медведицком, Усть-Хоперском округах области Войска Донского, в Пятигорском округе Терской области, у русского населения Восточного Казахстана и частично Киргизии. Русская печь расположена направо или налево от входа в одном из задних углов избы, устьем повернута к передней стене избы. В передней части избы по диагонали от печи - передний угол.

Пространство избы от устья печи до передней стены (упечь, середа, чулан, куть) служило женской половиной. Здесь происходило приготовление пищи и были все принадлежности для стряпни. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом или досчатой перегородкой. В чулане по боковой стене избы от печи до фасадных окон проходила высокая лавка, называемая судной или залавком. Под ней был шкафчик - судница или залавошник, в нем хранилась кухонная посуда и съестные припасы. Над судницей вешались полки, на которых стояли чашки, миски, сковороды, ложки, ножи и т.д. Еще выше на полке была различная кухонная утварь: опарницы, решето, сито, кринки, корытце с тяпкой, ступа с пестиком, подойник и пр. На полу под передней лавкой стояли ведра, чугуны, деревянные кадки. К печному столбу прикреплялся шкафчик для чайной посуды. Иногда вместо него ставили большой шкаф, в котором вверху держали чайную посуду, внизу — белье.

В задней части избы, от печи до боковой стены, укрепляли под потолком деревянный настил — полати, а сбоку печи во всю ее длину пристраивали из досок ящик,]в виде шкафа с дверцами (голбец, казенка, каржина), откуда лестница вела в подполье. От входной двери до боковой стены была устроена широкая лавка, забранная с боков досками - коник (кутник), боковая доска ее нередко вырезалась сверху в форме конской головы. На конике мужчины занимались хозяйственными работами, поэтому эта лавка считалась мужской. Резьба в виде конской головы, завитков или розеток часто украшала и другие детали интерьера избы. Во многих северных селениях, а также на Алтае, в Сибири двери, печь, голбец, полати, а иногда и стены расписывались красками. Вся задняя часть избы под полатами (куть, подпорожье) считалась прихожей. Зимой в трескучие морозы в ней держали мелкий домашний скот. Между обеденным столом и полатами обычно ставили ткацкий стан, в больших семьях в зимнее время все свободное пространство избы загромождалось двумя, а порой и четырьмя станами. На долгой лавке, идущей по боковой стене, женщины ткали, пряли, шили. Тут же или ближе к передним окнам на гибком шесте, закрепленном в потолке, висела детская люлька. В большинстве изб в XIX в. не было специальных кроватей, а члены семьи спали на полатах, лавках, печи, голбце, или просто на полу.

а

б

Интерьер изб конца XIX – начала XX в.:

а) изба северно-среднерусского плана, б) изба западнорусского плана

Постельными принадлежностями служили: сено, солома, домотканые подстилки (полости, дерюги), иногда войлок, а также старая одежда.

Западнорусский (или украинско-белорусский) план избы (хаты) был распространен в Смоленской, Псковской, в юго-западных уездах Новгородской и Петербургской губерний, на юго-западе Курской и Воронежской губерний, в Кубанской и Терской областях, в старинных домах XVIII в. у донского казачества, в русских селениях северного и северо-западного Казахстана, частично Киргизии, у русских переселенцев в степных районах Алтая, а также на Украине, в Белоруссии, в Польше, в Молдавии, в восточных районах Прибалтики, в Карелии (Русские. 1967. Карта 26). Положение печи в этих избах было таким же, как в вышеописанном типе плана, но устье ее было направлено к длинной боковой стене, т.е. находилось около входной двери. Направление устья меняло назначение и других частей жилого помещения. Передний угол в этом плане находился также, как и в предыдущем, в передней части избы, но угол, где происходило приготовление пищи, перемещался к двери. За боковой стеной печи, до передней торцевой стены, устраивался деревянный настил для сна (пол, примост). Над примостом делали полати. Недалеко от примоста обычно стоял сундук, к потолку подвешивалась люлька.

Иное положение печи и переднего угла было в южной Центрально-Черноземной полосе России, где жилища ставились к улице длинной стороной. Русская печь располагалась в дальнем от входа углу. По диагонали от печи, т.е. между дверью и передней длинной стеной, выходившей на улицу, был расположен передний угол. В зависимости от того, куда было повернуто устье печи, выделяются восточный и западный южнорусский план хаты (избы). При восточном южнорусском плане устье печи повернуто к входной двери. Этот план хаты бытовал на территории Воронежской, Тамбовской, частично Пензенской, Рязанской, Тульской губерний, а также у соседних неславянских народов - коми и марийцев. В жилище с западным южнорусским планом устье печи направлено к длинной стене хаты, выходившей на улицу. Это было характерно для построек Калужской, Орловской, Курской, западных районов Тульской и Рязанской губерний, а также для жилища мордвы - мокши (Русские. 1967. Карта 26; Этнография восточных славян. С. 239-241). От боковой стены печи до противоположной боковой стены хаты в западном южнорусском плане и до длинной передней стены в восточном южнорусском плане устраивали дощатый настил для сна - пол, над которым в восточных районах были расположены полати. На улицу в южнорусских хатах прорубалось одно или два окна, одно окно было в задней стене дома, выходившей во двор.

Благоустройство крестьянского жилища было на низком уровне. Во многих избах было тесно, грязно, ощущался недостаток света и воздуха. Жилые помещения освещались лучиной, на юге - жирником (глиняная плошка с животным жиром и вставленным в него фитилем). Содержание в избах скота, пыль и грязь во время прядения, ткачества и других домашних работ, дым и неравномерность температуры при отсутствии вытяжных труб приводили к постоянным заболеваниям. Особенно тяжелые антисанитарные условия жизни

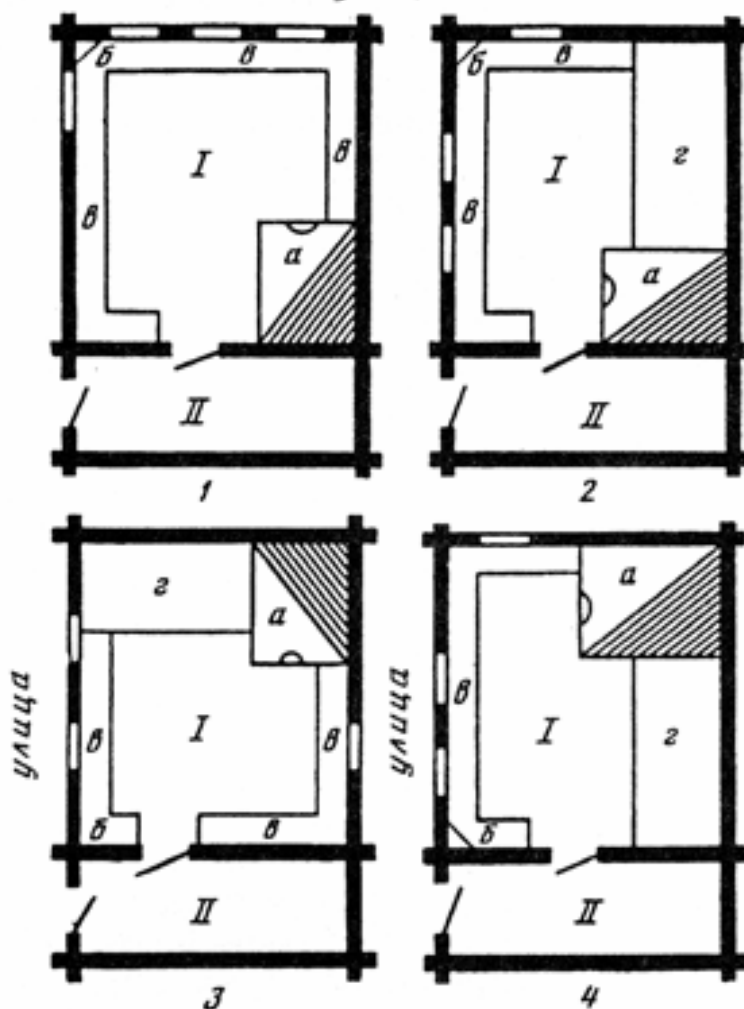
Типы внутренней планировки изб (хат):

- 1 – северно-среднерусский план,
- 2 – западнорусский план,
- 3 – восточный южнорусский план,
- 4 – западный южнорусский план;

I изба:

- а) русская печь,
- б) передний угол,
- в) лавки,
- г) кровать, примост, пол,

II – сени

были в крестьянском жилище Черноземной полосы с его земляными полами и тонкими стенами.

Значительно лучше жили зажиточные крестьяне. Сравнительно большая жилая площадь, косячатые окна, печь с трубой, благоустроенные дворы с утепленными хлевами в виде скотных изб и омшанников создавали более гигиенические условия. В селах Севера, Верхнего Поволжья, Сибири в крестьянских избах поддерживалась чистота, здесь полагалось каждую неделю мыть полы и лавки, а к большим праздникам - стены. Уже в XVIII в. отмечают более благоприятные условия жизни в Ярославской губернии, где зажиточность крестьянства объяснялась развитием местных и отхожих промыслов. В этой губернии немало было богатых помещичьих селений, крестьяне строили просторные дома из кирпича. В помещичьих селах Ростовского уезда - в Поречье, Угодичах, Ворже, Сулости и др. строились кирпичные крестьянские дома в два или даже в три этажа (Семевский, 1882. С. 106, 107). Зажиточные крестьяне стремились подчеркнуть свой достаток размерами дома и богатым его украшением. Еще в 1850-х годах А.Ф. Писемский, красочно описывая быт Чухломского уезда Костромской губернии, отмечал, что почти в каждой деревне «вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями... Если таких домов два или три, то прихоти в украшениях еще более усиливаются, как будто домохозяева стараются перещеголять один другого; и когда вы проезжая летом деревню, спросите попавшуюся вам навстречу бабу: "Чей это, голубушка, дом?", она вам, наверное, скажет: "Богачей, сударь". "А этот, другой, чей?" "А это - других богачей"» (Писемский. С. 5-6).

В конце XIX - начале XX в. с развитием в деревне товарно-денежных отношений и городского влияния постепенно изменяется как планировка крестьянского жилища, так и обстановка избы (хаты). Особенно заметным это становится в промышленных районах. Единое прежде жилое помещение стали разгораживать занавесками и перегородками, отодвигать печь от стен и изменять ее традиционное положение. Широко распространяется керосиновое освещение. В обиходе более состоятельных крестьянских семей стала распространяться передвижная мебель: столы, стулья, кровати, шкафы, комоды, деревянные диваны и т.д. В сельских домах появились занавески на окнах и дверях, коврики, зеркала, фотографии и картины на стенах, скатерти на столах, комнатные цветы и прочая обстановка, распространенная в то время в среде городского мещанства.

Влияние городской и церковной архитектуры на сельскую в этот период прослеживается во всех элементах сельского жилого дома: в его планировке, конструктивных особенностях, в убранстве жилых комнат. С другой стороны, крестьянское строительство всегда оказывало большое влияние на развитие как деревянной, так и каменной архитектуры господствующих классов.

Дворянские усадьбы

Среди сельской архитектуры особое место занимают дворянские усадьбы XVIII-XIX вв. Широкий размах такое строительство достигло во второй половине XVIII - начале XIX в., когда в руках отдельных сановников и дворян-помещиков сосредоточились обширные земельные владения. Наиболее богатые усадьбы располагались вблизи больших городов - столичных и губернских. Число усадеб сокращалось по мере удаления их от крупных городов; архитектура была скромнее и проще. Для строительства богатых усадеб нередко приглашались выдающиеся зодчие (В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, Д.И. Жилярди и др.), вместе с тем многие усадьбы возводились одаренными архитекторами и строителями самоучками из крепостных крестьян, и народные мастера соперничали со знаменитыми столичными архитекторами. Дворянские усадьбы обычно находились неподалеку от деревни в окружении красивого пейзажа. Усадьба состояла из жилых и парадных господских покоев, служебных помещений для прислуги и дворни, дворовых и хозяйственных построек, парковых зданий, образующих вместе с парком, садом, прудами и церковью целостный архитектурный ансамбль.

Обширные богатые усадьбы по своему архитектурному стилю были связаны с расцветом в России классицизма, сменившего со второй половины XVIII в. стиль барокко. Особенно много их было в Подмосковье. Московское дворянство устраивало свои подмосковные усадьбы с особой, невиданной дотоле роскошью: с красивыми дворцами, регулярными садами, парками, живописными прудами, гротами, павильонами и прочими затеями. Многие из них имеют особое значение как выдающиеся памятники русской культуры XVIII - начала XIX в. (Архангельское, Кусково, Останкино, Кузьминки, Марфино, Остафьево, Вороново и др.).

Усадьбы обычно располагались в стороне от больших дорог, к ним вели проселочные дороги, засаженные деревьями, образуя красивые аллеи. Через парадные въездные ворота, которые в богатых усадьбах были монументальными сооружениями триумфального типа, посетитель попадал на парадный двор, в глубине которого располагался главный господский дом, каменный или деревянный, обычно с портиком коринфских колонн, с лоджиями, балконами, эркерами, бельведерами, ордерными пилястрами, резными узорами, лепными, скульптурными изображениями, красивыми проемами дверей и окон. Жилые и парадные комнаты дома часто располагались анфиладно вокруг центральной залы, венчающейся куполом на крыше здания. Парадные залы и гостиные в богатых домах были роскошно отделаны. Убранство их составляли художественная мебель, зеркала, люстры, паркеты, гобелены, роспись стен, картины известных художников, портреты предков и т.д. Часть жилых комнат располагались на антресолях, они были обставлены значительно скромнее.

Недалеко от дома, обычно по бокам, стояли служебные или жилые флигели, они соединялись с домом колонадами галерей или стояли отдельно, не нарушая общую композицию парадного двора. Непосредственно к дому, обычно с юга, примыкал обширный садово-парковый ансамбль, - неприменная особенность почти каждой дворянской усадьбы. Цветники, газоны, террасы, спускающиеся уступами к реке или пруду, декорированные скульптурными вазами, бюстами, статуями, диагональные аллеи парка с редкими деревьями и растениями, беседки, всевозможные затейливые павильоны, гроты, оранжереи и многое другое свидетельствовало о высоком совершенстве садово-парковой культуры России того времени.

Вне парадного двора, поблизости от него или в значительном отдалении, находились служебные комплексы зданий - конные и скотные дворы, манежи, амбары, погреба, птичники, псарни и пр.

В парке или недалеко от него за отдельной оградой в богатых усадьбах сооружали церковь с кладбищем. Церкви помимо религиозно-идеологического назначения несли декоративные функции, они как бы завершали ансамбль усадьбы.

Наряду с роскошными довольно много было помещичьих усадеб более простых по архитектуре и внутреннему убранству. Дома и службы небольших усадеб были деревянные, но выполненные в формах каменной архитектуры, нередко оштукатуренные, с колоннами, пилястрами, балконами, нарядным крыльцом. Здесь не всегда встречались парадные залы и гостиные, но было много уютных небольших, необходимых в семейном быту комнат (кабинет, столовая, спальни, детские, библиотека, гувернантские, лакейские и т.п.). Непременной принадлежностью каждой усадьбы были парк, сад, хозяйственный двор с различными службами (Торопов, 1947; Веселовский, Снегирев, Коробков, 1955; Ильин М.А., 1955).

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ЖИЛОМ КОМПЛЕКСЕ В 1920-1980-е ГОДЫ

Большие изменения в сельском жилище русских произошли в советское время. Революция и войны значительно помешали стабилизации бытового уклада жизни. Жилищные условия крестьян постепенно улучшались лишь после окончания гражданской войны и перевода экономики страны на хозяйственное строительство. Национализация земли, участвовавшие семейные разделы, расширение свободы экономической деятельности крестьян в период нэпа стимулировали сельское жилищное строительство. В середине и второй половине 1920-х годов во многих селениях было построено и отремонтировано около 20-30% всех имеющихся домов. Так, например, новые дома составили около 30% всех построек в Никольской волости Курской губернии, в д. Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии, в селениях Дмитровского уезда Московской губернии и др. {Яковлев Я. С. 29; Феноменов. С. 124; Соловьев К. А. С. 114}.

В 1920-е годы происходило быстрое обновление жилого фонда без значительных изменений качества жилых построек. В те годы дома нередко строились по типу традиционных изб. Вместе с тем многие, и прежде всего экономически более крепкие семьи, стремились внести усовершенствования в свое жилище. В нечерноземных районах распространяется покрытие крыш дранкой, двухскатные крыши заменяются трехскатными с мезонином (или светелкой). В период нэпа, дома зажиточных крестьян были перекрыты железными крышами, под них подводились кирпичные фундаменты, стены обшивались тесом. Повсеместно распространяется строительство пятистенных домов, в которых все жилое помещение разделяется пятой капитальной стеной на две половины - кухню с русской печью и парадную половину (зал, горница). Изба (хата) в двухраздельном и трехраздельном доме нередко перегораживается на несколько комнат, увеличивается ее общая площадь. Традиционная русская печь ставится в этих случаях

более произвольно, иногда в середине избы; перегородками выделяется кухня около устья печи, иногда прихожая или столовая при входе в дом, спальня в передней части избы (Феноменов; Соловьев К.А.).

В богатых домах появляется городская мебель, хорошая посуда. Входят в быт занавески на окна, парадную комнату украшают живыми и искусственными цветами, фотографиями, стены оклеивают обоями. В первые годы коллективизации сельского хозяйства, когда происходило переустройство социальных основ крестьянского хозяйства, строительство общественных хозяйственных сооружений, на благоустройство сельского быта обращалось меньше внимания. Изменения в жилищном строительстве намечаются лишь во второй половине 1930-х годов и преимущественно в экономически крепких колхозах. Получает дальнейшее развитие наметившаяся в предыдущее десятилетие тенденция разделения одного жилого помещения перегородками на ряд комнат. Однако преобладающими пока еще остаются дома с выделением двух жилых помещений: кухни и зала (горницы). В жилых комнатах появляются городские предметы домашнего обихода: мебель, фабричная посуда, патефоны, швейные машины, фотографии, почетные грамоты на стенах. В крупных селениях, поблизости от фабрично-заводских центров, в рабочих поселках проводят радио и электричество. С коллективизацией сельского хозяйства, уменьшением роли индивидуального крестьянского хозяйства, с обобществлением скота и более крупных хозяйственных построек сокращаются размеры усадьбы и число дворовых построек. Во дворах колхозников постепенно исчезают многие постройки для содержания скота, обмолота хлеба, хранения орудий, транспорта, утвари и пр. (конюшни, сенники, половники, риги, овины, клуны, повети), сокращается число хлевов, амбаров, сараев.

Жилищное строительство было прервано Великой Отечественной войной; возобновляется оно уже в послевоенные годы.

В современном жилище, как одном из устойчивых компонентов материальной культуры, используемом в культурно-бытовой жизни нескольких поколений людей, наблюдается сравнительно длительное сохранение традиций, нередко формировавшихся в далеком прошлом. В большей степени традиционность прослеживается в домах, построенных в первой половине XX в., но частично, передаваясь из поколения в поколение, в той или иной мере она проявляется (нередко в трансформированном виде) и в постройках, возводимых в последнее время. Как показывают этнографические исследования, в сельской местности довольно мало осталось домов, построенных в конце XIX - начале XX в. Во многих селах Нечерноземного центра России, где в последние десятилетия особенно интенсивно происходила миграция сельского населения в города, где мало строилось новых домов и главным образом на центральных колхозных усадьбах, значительную долю составляют дома, возведенные в 20-е годы.

В южных районах России, в Курской, Белгородской, Воронежской областях, в Краснодарском крае наибольший процент жилого фонда сел составляют дома, сооруженные в послевоенный период, особенно в 1950-1960-е годы. Многие южные селения, особенно бывшей фронтовой зоны, в те десятилетия были перестроены почти заново. В 70-80-е годы значительно возрастает число сельских домов, возводимых силами колхозов, совхозов (хозяйственным способом) и государственными строительными организациями (подрядным способом). В последние годы, в условиях экономического кризиса переходного периода темпы сельского жилищного строительства значительно снизились.

Сельское жилище русских, как и многих других народов страны, развивалось в 1960-1980-е годы в двух направлениях: продолжалось усовершенствование традиционного типа индивидуального дома; появился новый для сельской местности тип жилища - многоквартирные дома городского типа, сооружаемые из стандартных заводских деталей с применением индустриальных методов строительства. Типовые многоквартирные двухэтажные и трехэтажные дома строились во многих колхозах и особенно в совхозах, преимущественно в более богатых южных лесостепных и степных районах Российской

Федерации. В селах Воронежской области, например, такие дома составляли 13-18% всех домов, построенных за 1984-1986 гг. (Чижилова, 1988. С. 87). Но, преобладающим типом сельского жилища во всех районах России остается многоквартирный дом в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком. В условиях наметившейся современной тенденции создания крестьянских (фермерских) хозяйств, развития индивидуальной собственности на землю усадебный тип дома будет доминирующим и в будущем. До последнего времени сельский дом сооружался самими застройщиками с помощью колхоза, совхоза, районных строительных организаций. Нововведения и усовершенствования наиболее ярко проявились в постройке типовых сборных домов на одну семью, а также в типовых многоквартирных домах, сооружаемых хозяйственным и подрядным способами.

Развитие современного индивидуального жилища происходит на основе как создания новых строительных приемов, так и использования и дальнейшего развития рациональных навыков местного жилищного строительства, выработанных на основе многовекового народного опыта.

При постройке домов, как и прежде, широко использовались местные строительные материалы. В северной и центральной Нечерноземной полосе Европейской части России, во многих районах Сибири по-прежнему строили рубленые дома. При постройке срубных домов применялись традиционные приемы обработки и возведения срубов, рубки углов, последовательность рубки и сборки сруба, способы крепления потолочных балок и перерубов для пола. В селах Белгородской, Воронежской, Курской областей чаще сооружали столбовые дома с горизонтальной и вертикальной закладкой бревен.

В безлесных районах юга страны, в степях Дона, Кубани, Нижней Волги, в русских поселениях северного Казахстана и Средней Азии строились саманные и глинобитные постройки. В бассейне Кубани возводились и турлучные постройки. Вместе с тем все шире применялись прочные и огнестойкие материалы - кирпич, на юге - естественный камень (гипс, песчаник, известняк, ракушечник, туф), в отдельных местностях - шлакобетон, а также новые материалы промышленного производства.

По мере улучшения техники сельского строительства и роста культурных потребностей населения наметилась тенденция к стиранию прежних различий в высоте северного и южного жилища. Во многих районах Русского Севера в новых домах уже нет прежних высоких подклетов. На юге же наоборот, дома строят значительно более высокими, чем прежде, пол приподнимают над землей на высоту фундамента из прочных материалов. Повсеместно исчезли характерные для южных построек глинобитные полы.

На русской территории в наше время уже нельзя провести прежней границы распространения северной двухскатной и южной четырехскатной крыши, кроме того, повсюду появились различные по форме и материалу крыши, но применяется традиционная стропильная конструкция, карнизы. Большинство домов покрывается прочными кровельными материалами (железом, шифером, черепицей), реже встречаются традиционные местные кровельные материалы - тес в лесных районах Русского Севера и Сибири, камыш на юге страны.

В современной архитектурной отделке сельского дома творчески развиваются лучшие народные художественные традиции прошлого, создаются новые формы. Деревянные дома по-прежнему нередко обшивают тесом. На Кубани в 1960-е годы тесом обшивали также саманные, турлучные и глинобитные дома для предохранения их от действия атмосферных осадков. Сравнительно долго на юге России стены снаружи и изнутри обмазывали глиной и белили мелом или известью. В 1980-е годы, а во многих районах и значительно раньше глиняную обмазку стен заменяют облицовкой более прочными материалами - кирпичом, цементным и известковым растворами.

Сохранилась и получила дальнейшее развитие традиция окрашивания стен дома и его архитектурных деталей в различные яркие контрастные тона. Так в центральных русских районах срубного строительства деревянные детали дома украшают

пропиленной резьбой (наличники окон, фронтон, крыльцо, веранда и т.д.). Дома, построенные из кирпича или им облицованные, украшаются рельефными геометрическими узорами, выкладываемыми из фасонных кирпичей. В домах, покрытых железными крышами, применяется традиционное для некоторых мест украшение верхних ребер крыши, водосточных желобов, крылец узорами из просечного железа. Широко распространились и новые виды художественной отделки сельского дома: пластическая обработка стен выпуклыми узорными деталями, отлитыми из цементного раствора или гипса, рустовка стен под камень, оштукатуренных известью или растворами с примесью цемента, орнаментация кирпичных стен различными сочетаниями красного и белого кирпича и др.

В современном жилищном строительстве почти не применяются старые планы жилого дома. Типичные для прошлого двухкамерные и трехкамерные дома, избыдвойни, северные двухэтажные дома сейчас встречаются редко, это преимущественно старые постройки, оставшиеся от начала XX в. Однако в современной планировке дома, в той или иной степени, прослеживаются и традиционные установки. В 50-70-е годы широкое распространение получили трех- и четырехкомнатные дома, развивавшиеся, по-видимому, на базе дальнейшего усовершенствования пятистенного дома, состоявшего из двух смежных, равных по ширине комнат. В районах срубного строительства распространены также дома с прирубями, крестовики, причем каждая половина сруба может разделяться на несколько комнат. В сложных многокомнатных домах, распространявшихся в 60-80-е годы, с теплым коридором типа городской передней, из которого ведут двери в разные комнаты, прослеживается прототип традиционного трехкамерного дома, каждая из камер которого разделена на две-три комнаты. С годами усиливалась вариативность и усложнение в организации жилых помещений, отступление от общепринятых традиционных схем планировки, влияние проектной документации, особенно распространенные в южных районах России и преимущественно в домах, построенных хозяйственным и подрядным способами.

Развитие многокомнатности привело к исчезновению традиционного деления пространства в интерьере жилого помещения, его заменили комнаты с определенным функциональным использованием. И хотя в большинстве сельских домов давно уже обычной стала мебель фабричного производства и современные предметы бытового назначения, в убранстве интерьера сохранились некоторые традиционные особенности. В переднем углу обычно висят иконы, бытует старинный обычай украшать комнаты узорными домоткаными или вышитыми полотнами, домоткаными скатертями, коврами, дорожками. В северных и центральных русских районах во многих селах еще сохраняет свое значение русская печь, что обусловлено спецификой сельского быта. В послевоенные годы широкое распространение получила русская печь уменьшенного размера, к которой сбоку пристроена плита, а сзади - стенка (щиток) с вертикальными дымоходами от плиты, часто с лежанкой. Примерно в 60-70-е годы в южных районах России наблюдается стремление вообще отказаться от русской печи в доме и заменить ее более усовершенствованным отоплением. Развитию этой тенденции способствовало появление в селах пекарен, выпекающих хлеб, а также использование в качестве основного топлива каменного угля, которым нельзя топить русскую печь. Вместе с тем многие сельские жители, не отказываясь совсем от русской печи, в которой удобно печь пироги и готовить корм скоту, ставили ее в летней кухне, которую нередко устраивали капитально и использовали в зимнее время.

Планировки многоквартирных домов 1960–1970-х годов, Курская и Белгородская области (а, б, в, г):
 1 – коридор, 2 – сени, 3 – прихожая, 4 – кухня, 5 – зал, 6 – спальня, 7 – детская, 8 – веранда, 9 – кладовка, 10 – крыльцо

Как показывают исследования, большинство сельских жителей предпочитает жить в многоквартирных домах усадебного типа, но имеющих хотя бы минимум коммунально-бытовых удобств - водопровод, газ, водяное отопление. Однако общий уровень санитарно-технического оборудования сельских зданий пока еще остается одной из важных проблем сельского быта.

Коллективизация сельского хозяйства и длительная политика государства, направленная на сокращение индивидуального хозяйства сельской семьи, способствовали уменьшению площади застройки усадьбы, изменению соотношения между жилой и хозяйственной частью усадьбы, а следовательно, нарушению прежней региональной локализации типов дворовой застройки. Вместе с тем, повсюду сохранились рациональные традиции в обустройстве и благоустройстве усадебных участков. Как и прежде, в составе усадьбы выделен двор с жилым домом и хозяйственными постройками, сад и огород. В современном дворе обычно устроены один, два сарая (или более), где выделены хлевы для скота, помещения для птиц и кроликов, для хранения топлива и различных предметов домашнего обихода, чаще отдельно стоят погреб, баня — в северных русских селениях, летняя кухня — на юге. В северных и среднерусских районах, как и прежде, хозяйственные помещения стремятся объединить в крытом дворе,

пристраиваемом вплотную к жилому дому, для южных районов России, как и раньше, характерен открытый двор. Традиционная постройка дома перпендикулярно по отношению к улице сохраняется в северных и центральных русских областях, в Сибири. Она оказалась более целесообразной для современной уличной застройки и постепенно распространялась в южнорусских районах, вытесняя здесь традиционную параллельную постройку дома. На Кубани сохранилось положение дома за забором, дом повернут узкой торцевой стеной к улице.

Таким образом, в современном сельском жилище русских, в ходе его развития постепенно стирались многие традиционные локальные особенности, связанные с разнообразием природных и социально-экономических условий жизни в разных районах России, с этнической спецификой этнографических групп. Одни традиции, характерные для жилого комплекса тех или иных районов, постепенно отмирали (старинная планировка жилого помещения, русская печь, как основной тип отопления, продольное положение дома по отношению к улице, глинобитный пол, соломенная крыша и т.д.), другие - наоборот распространились на сравнительно широкую территорию, приобретая более обобщенный региональный уровень (возведение стен из кирпича, разные формы железной крыши, перпендикулярное положение дома к улице, открытый двор с несвязанными постройками и т.д.).

Следствием этих процессов было постепенное размывание границ бытования традиционных комплексов жилища и развитие новых особенностей, которые стали типичными для многих сельских районов России (Народы Европейской части. С. 312-324; Анахина, Шмелева, 1964. С. 116-131; Кубанские станицы. С. 131-145; Чижикова, 1988. С. 80-88, 89, 93, 101-105, 112, 115, 124-125, 129; Шмелева, 1992. С. 121-122).

ГОРОДСКОЕ ЖИЛИЩЕ XIX - XX ВЕКОВ

Наряду с особенностями планировки городов и расположения их на местности, с архитектурными и другими достопримечательностями, жилище играет важную роль в характеристике любого города. Без жилой застройки, составляющей основную часть построек, собственно, не может быть и "лица" города - черт и особенностей, вкуче создающих облик того или иного поселения.

Вместе с тем сумма жилых домов, объединяемая понятием жилого застройки, очень неоднородна. Она содержит в себе одновременно как новые строения, так и постройки прошлого (иногда весьма отдаленного). Они возводились с применением разнообразных материалов и строительных конструкций, принадлежали к разным эпохам (в городах в силу капитального строительства дома дольше сохраняются); были неодинаковы способы владения и пользования городским жильем и т.д.

При том, что жилые дома во всех без исключения городах не составляли ни в прошлом, ни теперь единого целого, среди них выделяются жилые постройки, принадлежащие широкому слою населения. Такое жилище в определенном смысле можно назвать массовым, так как его характеризует целый ряд общих черт. Рассмотрению такого жилища и посвящен в основном данный раздел.

В XIX - начале XX в. к массовой застройке можно отнести дома многих горожан. Это и жилище ремесленников, работавших на своих усадьбах, и тех, кто занимался (также в пределах усадьбы) небольшой торговлей, и рабочих фабрик и заводов, проживавших в собственных домах. Сюда примыкает и жилище людей разных сословий, имевших так называемые "непроизводительные" занятия - чиновников и служащих разных учреждений, служителей культа и т.д.

Усадьбы ремесленников и других горожан, которые занимались производственной деятельностью на своей усадьбе, включали наряду с жилыми и хозяйственными,

производственные помещения, расположенные в одном здании или нескольких, и назывались иногда "промышленными усадьбами".

Промышленные усадьбы были распространены, в частности, в районах, где интенсивно занимались текстильной промышленностью. Некоторые из них, в разной мере сохранности дошли до наших дней. В Иваново-Вознесенске, например, хорошо сохранилась такая усадьба с домом - двухэтажным срубом, выходящим торцом на улицу {Шлычков, 1983. С. 25-28). Для хранения сырья и товаров на подобной усадьбе обычно сооружалась каменная "палатка". Собственно же производственным помещением, если оно было связано с набивкой ткани, служила "набойная" - отдельно стоящее сооружение из дерева или кирпича. В развитом состоянии набойная представляла собой трехэтажную постройку с характерным открытым верхом — "сушилами" для просушки готовых тканей; набойка же тканей производилась на среднем жарко натопленном и светлом этаже.

Примером усадьбы, включавшей в себя жилище и портновскую мастерскую в начале XX в., может служить сохранившийся в Гороховце дом по центральной улице. Здесь производственные и жилые помещения находились в одном здании. Жилищем семьи хозяина мастерской служил большой бревенчатый пятистенник, поставленный на нижний этаж, который состоял из кирпичного помещения, выходящего окнами на улицу, и пристроенного к нему сруба. Каменная часть первого этажа как наиболее безопасная в случае пожара служила складом сырья и готовой продукции, а в деревянной располагалась мастерская, где стояли швейные машины и находились работники.

Ремесленники, работавшие с горячим металлом, по большей части имели мастерскую отдельно от дома, на окраине города. Но было и так, что мастерская располагалась на усадьбе вместе с домом. Один из таких домов в два этажа (низ - каменный, верх - из бревен), сохранившихся до сих пор, во второй половине XIX в. принадлежал известному в Муроме мастеру. В выходящей на улицу части нижнего этажа с широким входом располагалась мастерская с кузнечным горном. Остальная часть была открыта со стороны двора и служила для починки карет. Жилым в этом доме был верхний этаж со светелкой, обращенной к Оке (АИЭА. МГОВЭ, 1981. Д. 6. Л. 68-70).

Торговлей (преимущественно мелкой) занимались многие горожане. Среди них были как представители основных городских сословий - мещане и купцы, так и крестьяне, сумевшие разбогатеть и перебраться в город. При этом усадьбы людей, занимавшихся торговым делом различались прежде всего не по их сословной принадлежности, а по достатку, которым они располагали. На всех подобных усадьбах наряду с жилищем семьи были помещения, где хранились товары и происходила торговля. Однако у мелких торговцев часто жильем служил одноэтажный дом или дом на подклете, товары хранились в небольшой палатке или амбаре, куда приходили покупатели. В качестве склада и торгового зала мог служить и цокольный этаж. Преуспевший торговец обычно строил себе двухэтажный дом, очень часто комбинированный - нижний этаж из камня, верхний - из дерева, иногда целиком кирпичный. Магазин или лавка располагались на первом этаже такого дома или в отдельном помещении. Для хранения товаров служили более массивные и многочисленные, в отличие от мелких торговцев, складские помещения из кирпича, крытые железом.

Приметы торговых занятий горожан в XIX — начале XX в. можно встретить во всех русских городах, будь то достигшие значительного промышленного развития Шуя и Кострома, либо оставшиеся торговыми Елец, Муром или Меленки. В старой части города, на улицах, населенных рядовыми горожанами, рядом с домом стоят каменные "палатки" разных размеров, иногда с вычурными фасадами, характерными нижними полуэтажами, служившими лавками, магазинами, трактирами.

При всей разнородности обширной группы городских жителей, занимавшихся "непроизводительными" занятиями, в их жилище обнаруживаются общие черты. Так, на усадьбах этой части горожан отсутствовали специальные постройки, связанные с трудовыми процессами. На этих усадьбах, помимо жилого комплекса в виде дома

(который мог быть не один), обычно бывали лишь постройки хозяйственного назначения, обнаруживавшие, как у большинства горожан, определенную связь с сельскохозяйственными занятиями. На усадьбе могли стоять сараи, хлев для содержания одной - двух коров и другой живности, иногда конюшня и др.

К определенной особенности жилища этой части городских жителей можно отнести также и большую сложность внутреннего устройства дома, для которого было характерно более детальное членение жилой площади согласно ее функциональному использованию.

Приведем несколько примеров. К наиболее простым по своей планировке можно отнести дом в г. Меленки Владимирской области, построенный в середине XIX в. небогатым купцом, а в начале XX в. принадлежавший служащему казначейства. Это - пятистенок с небольшим подклетом; сени и крыльцо были пристроены к нему со стороны двора. Внутри дома выделялись гостиная, столовая, кухня с русской печью и две спальни. На усадьбе имелись хозяйственные постройки: семья держала корову и другую живность; был также сад и огород (АИЭА МГОВЭ, 1982. Д. 7. Л. 1-3, 10).

Более сложное устройство имел дом муромского чиновника среднего положения (по происхождению из небогатых купцов, получившего личное дворянство). Дом до 1980-х гг. сохранял планировку конца XIX - начала XX в. Это также одноэтажная срубная постройка на небольшом подклете, но более вместительная, чем предыдущая. "Зала", столовая и кабинет хозяина располагались ближе к улице. Остальные помещения - спальня, детские комнаты, кухня в пристрое с русской печью, находились в глубине двора. В доме были парадное крыльцо и черный вход со двора, а также открытая веранда для чаепитий в теплое время года.

Подобно в функциональном отношении был организован и другой дом в Муроме постройки XIX в., в котором в начале XX в. жил священник с большой семьей. Здесь в передней части дома, также представлявшей собой просторный пятистенок, располагались зал, столовая, кабинет и спальня. А в пристроенном срубе, углубляющемся во двор, были детские комнаты (рядом с ними комната няни), кухня с русской печью и небольшая столовая. Для нужд семьи держали корову, свиней, кур, для которых имелись соответствующие помещения (АИЭА МГОВЭ, 1981. Папка чертежей и рисунков. Л. 2).

Характерно, что в планировке жилого дома и составе усадьбы данной категории горожан нашло отражение такое весьма распространенное в этой среде занятие как сдача внаем помещений. Это хорошо видно на примере жилища в Калуге, где к концу XIX - началу XX в. нередко проектировались и строились дома на две и более квартир, пристраивались к дому или возводились отдельно на усадьбе флигеля, иногда, помимо основного, сооружался второй дом, меньшего размера и т.д. (Анохина, Шмелева, 1977. С. 147-150).

В жилой застройке во второй половине XIX — начале XX в. определенное место занимает жилище рабочих фабрик и заводов. Наряду с казармами и другими видами казенного жилья, которые имелись в крупных промышленных центрах, а также проживанием на квартирах и в "углах", многие рабочие семьи жили и в собственных домах. Бывало, конечно, что на фабрике работал горожанин мещанского звания и жил в потомственном доме. Однако характерным для того времени был приток в город на фабрики и заводы крестьян и одним из вариантов их дальнейшего обоснования в городе была постройка дома, приобретение или перевоз его из деревни. В период промышленного подъема образовались новые улицы и целые районы рабочей застройки. Застраивались окраинные части города, как, например, в Серпухове, где в пределах городской черты с одного края возникли новые Плотниковские, Садовые, Огородные переулки, а с другого - Кладбищенская и Грязная улицы. В том же Серпухове крупным фабрикантом Кониным рядом с бумагопрядильной фабрикой были разбиты участки и построены небольшие дома, продававшиеся в рассрочку работникам фабрики (Гарин, Савоскул, Шилов, 1989. С. 106-107). Такую же картину можно было наблюдать и в Костроме, и в Шуе, и в Вязниках - центрах текстильной промышленности. Даже в

Гороховце, не большом, но имевшем свою промышленность, городе, в начале XX в. образовалась новая линия в составе нескольких улиц, жители которых, работавшие на судостроительном заводе Шорина, либо на одной из двух бумажных фабрик, выстроили себе дома.

Строящиеся дома рабочих в массе своей были небольших размеров срубные постройки. В состав усадьбы, кроме дома, обязательно входило некоторое число хозяйственных строений, огород, иногда сад. Современники (в том числе СИ. Змиев, сделавший подробнейшее описание г. Вязники; его работа хранится в Отделе рукописей Вязниковского филиала Владимиро-Суздальского заповедника), охарактеризовав такие жилища в сравнении с другими городскими постройками, назвали их "домиками", не вдаваясь в подробности их конструкций. Вместе с тем, конечно, не все дома, в которых жили рабочие семьи, были примитивными сооружениями. Среди них есть примеры и добротных строений - пятистенки, связевые дома, иногда и двухэтажные (Крупянская, Полищук, 1971; Рождественская, 1981; Будина, Шмелева, 1989).

Дома, в которых жили в XIX - начале XX в. средние слои русских горожан - ремесленники, торговцы, чиновники и другие служащие, а также работники фабрик и заводов имели наряду с определенными отличиями и существенные общие черты. Эти черты вырабатывались в течение длительного параллельного развития сельского и городского русского жилища и относятся в целом к характерным особенностям русского народного зодчества.

Русские города в рассматриваемый период были, подобно сельским поселениям, в основном деревянными. Так, из 418 городов России, по которым имелись сведения на 1904 г., в 5 - каменных зданий не было совсем, а в 26 - они составляли менее 1%, в 222 городах - от 1 до 10%, в 108 - от 10 до 25%. Даже в Москве в то время каменных домов было лишь 26%. На таком же примерно уровне находились такие губернские города как Тверь (26%), Орел (26%), Рязань (23%), Нижний Новгород (22%) (Города России в 1904 г. 1906. С. 393).

Что же касается уездных и других городов, то в них деревянных построек было еще больше. Правда, наблюдалось и определенное сокращение их - с севера на юг. Так, во всех городах Костромской губернии деревянных домов в начале XX в. было более 90% (нередко почти 100%).

Во Владимирской губернии домов с деревянными стенами было несколько меньше. В сумме с домами, имеющими комбинированные стены, они составляли здесь в основном от 85 до 95% всех жилых построек. Примерно такими же в начале XX в., как и города Владимирской губернии, были губернские города Ярославль и Калуга, а также Шуя, Иваново-Вознесенск (Города России в 1904 г. 1906. С. 170-172, 196—198). В более южной полосе, хотя и были города с большим количеством деревянных построек (в 1910 г., например, деревянных домов в Туле, губернском центре, было около 84%, а в уездном городе Медыни - более 94%), в целом обожженный кирпич и камень (известняк) значительно чаще употреблялись для строительства жилых домов. Статистика показывает, что в Тульской губернии каменные дома (возможно вместе с комбинированными, - об этом нет точных сведений) составляли в г. Крапивна, Ефремов, Епифань соответственно 46, 24 и 17%. А в г. Ельце, принадлежавшем тогда к Орловской губернии, каменных зданий было около 34% (Города России в 1904 г. С. 168-170).

Стены деревянных городских домов нередко дополнялись и кровлей из древесного материала - тесом, щепой или дранкой. Соотношение этих кровельных материалов с другими - железом или соломой - в различных городах выглядит по-разному. В Костромской губернии деревянные кровли заметно преобладали над железными и в ряде городов превышали 90%.

В начале XX в. в Ярославле деревянные кровли были примерно у половины домов (Города России в 1904 г. С. 72; Города России в 1910 г. С. 200). Во Владимирской губернии домов с деревянными кровлями было существенно меньше: например, в

Вязниках - 37,5%, в Муроме — 40,8%, во Владимире - 23% (правда, в городах Меленки и Гороховец в то же время было соответственно 77 и 78% домов с деревянной крышей). Примерно 20-25% домов, покрытых деревом, было и в городах Калуга, Шуя, Иваново-Вознесенск (Города России в 1904 г. С. 170-172).

В городах южной полосы наряду с деревянной и железной кровлей появляется соломенная, характерная для крестьянского жилища. Это отмечали и корреспонденты Русского географического общества (середина XIX в.). Причем они нередко фиксировали однотипность крестьянского и городского жилища. Например, в описании г. Крапивны и его уезда (Тульская губерния), составленном в 1850 г., говорилось, что "жилища крестьян деревянные, крытые соломой на одну форму по всему уезду", в городе же "почти половина — число домов деревянных, крытых соломой" (в Крапивне в то время было 351 деревянный дом и 10 каменных). "Кровля домов по большей части соломенной", как в уезде, была в середине XIX в. и в г. Богородицке Тульской губернии, записано в другой корреспонденции (АРГО. Д. 29, Л. 2,4; Д. 10. Л. 1).

По данным статистики, в начале XX в. деревянную кровлю в Туле имели 11% домов, в Черни - 28%, в Ефремове — 44,6%, в Крапивне - 45%. Соломой же были покрыты в Черни 19% домов, в Ефремове - 4%, в Крапивне - 27% (Города России в 1904 г. С. 168-170, 172).

Дома средних городских слоев не только по материалу, из которого были сделаны их стены или кровли, относились к традиционному народному жилищу. В массовой городской застройке XIX - начала XX в. были представлены многие виды срубов, характерные для бревенчатого жилища русских. Большое место среди них принадлежало таким имевшим широкое применение в крестьянском строительстве конструкциям как "дом-связь" (два сруба, связанные сенями), пятистенок (прямоугольный сруб с внутренней поперечной - пятой стеной, рубившейся одновременно с остальными стенами), дом с прирубом (основной сруб, к которому разными способами прирубалась другая, меньшего размера, часть дома), крестовик, а двухэтажные деревянные дома, построенные в то время, также представляли собой как бы поставленные один на другой срубы. Это относится и к двухэтажным домам с комбинированными стенами, в которых сруб ставился на нижний каменный или кирпичный этаж. О "домах-связях" говорилось в целом ряде корреспонденции, поступивших в середине XIX в. в Русское географическое общество. В материалах по Тульской губернии сообщалось, что в г. Черни и его уезде "дома большей части горожан более или менее бедны, иные даже мало чем отличаются от домов крестьян. Сени находятся между двумя срубами, служат им передней; из них одна дверь вводит в кухню, другая, будучи напротив, в горницу". Из Веневского уезда в 1849 г. также писали, что "у горожан жилища расположены патриархально. При входе сени, которые разделяют их на два отделения - по одну сторону чистая изба, где живут домочадцы, по другую - горница, состоящая из 3-4 комнат..." Из Калужской губернии, г. Медыни, сообщалось, что дома тамошних мещан имели более всего "одинаковые формы" и состояли из избы с тремя окнами на улицу, а другой - двумя окнами на огород и врубленными между ними сенями (АРГО. Р. 42. Д. 46. Л. 3; Д. 22. Л. 2; Р. 15. Д. 29. Л. 45; Д. 10. Л. 5).

Среди домов XIX в., сохранившихся до наших дней, также есть "связевые" дома - два сруба, соединенные между собой. Это - жилой дом кузнеца, стоящий в центральной части Солигалича, о котором уже говорилось. По конструкции - это типичная "связь": два сруба (б<5льший с русской печью, полатами и голбцем) объединялись сенями и стояли на подклете. Связевым был и упоминавшийся ранее старинный дом муромского ремесленника; дом представлял собой срубы (разделенные внутри перегородками), поставленные на основание из кирпича, в котором находились мастерские. Интересно, что в некоторых фундаментальных зданиях более раннего времени, например, купеческих палатах XVII в. в Гороховце, выполненных из камня (дома Сапожникова, Силина), и Калуге (палаты Коробовых) мы также встречаем трехкамерную планировку, которая представляет собой вариант бревенчатого "дома-связи" (две избы через сени). Очевидно,

работавшие в городах лучшие строительных дел мастера воплощали в сооружаемых зданиях хорошо известные им достижения народного зодчества.

Широко применялся в массовом строительстве городов и другой вид традиционной срубной конструкции - пятистенок. Во второй половине XIX-начале XX в. эта срубная конструкция представлена в жилище разных категорий горожан. В одних случаях пятистенный дом с пристроенными к нему сенями составлял единственное жилище семьи, как было, например, у калужского сапожника, имевшего большую семью и работавшего здесь же в доме (Анохина, Шмелева, 1977. С. 145), или у крестьянина в Гороховце, который перебрался с семьей в город и на купленной огородной земле построил в начале XX в. пятистенок на невысоком подклете (АИЭА МГОВЭ. Д. 2. Л. 51).

У более состоятельных горожан пятистенок мог представлять собой часть жилища. К нему прирубались дополнительные помещения, обычно углубляющиеся во двор. Такой конструкции были упоминавшиеся дома священника и чиновника в Муроме. Пятистенный сруб составлял нередко и верхний этаж комбинированного дома (из кирпича и дерева) или удвоенный по вертикали двухэтажный деревянный дом. Во всех этих случаях площадь значительно расширялась. Кроме того, пятистенок иногда служил дополнительным жильем или подсобным помещением и ставился в качестве флигеля на усадьбе.

В городских домах использовалась и более примитивная, традиционная конструкция — дом с прирубом. В этом случае основная часть состояла из четырехстенного сруба, к которому пристраивалось или "нарубалось" еще одно помещение, служившее жилой частью дома либо его сенями. Такое жилище повсеместно бытовало в сельской местности, уступая в сложности конструкции и в размерах связевым и пятистенным домам.

В городах дома, основу которых составлял четырехстенный сруб (в нем также посредством перегородок могли выделяться отдельные комнаты) принадлежали обычно малосостоятельным горожанам. На сооружение подобных домов шел менее крупный и не столь дорогой лес. Именно такое жилище имелось в виду при описании г. Лихвина Калужской губернии, составленном в 1853 г. корреспондентами РГО, где говорилось о домах бедных горожан, состоящих из одной "хаты", разделенной перегородкой (АРГО. Р. 15. Д. 10. Л. 5). Подобной конструкции были и дома рабочих - вчерашних крестьян, строившиеся в конце XIX - начале XX в. в многочисленных поселках на окраинах Шуи, Костромы, Серпухова и других промышленных центров (см. с. 247, 300).

Определенным аналогом постройкам, в основе которых был четырехстенный сруб, с точки зрения их планировки, были и примитивные жилища, выполненные из камня в пос. Каменья (г. Елец) и в пос. Черкесы (г. Ефремов), где жил бедный городской люд (Анохина, Шмелева, 1977. С. 134, 136). Нужно сказать, что выстроенные на европейский манер из кирпича с черепичной крышей "мальцовские половинки" в Гусь-Хрустальном (начало XX в.) владельцем хрустального завода для рабочих и служащих завода, также представляли собой в основном одно жилое помещение, функционально соответствующее избе, с пристроенными сенями. Хотя в массовом городском жилище использовались, как мы видели, известные в традиционном крестьянском строительстве конструкции срубов, с точки зрения организации внутреннего пространства по сравнению с сельским городской дом обычно представлял более сложную и пеструю картину. Стремление к функциональному дроблению жилой площади путем членения разных видов срубов и пристроенных к ним помещений, а также введение различных усовершенствований в городских домах всегда находило большую реализацию, в отличие от крестьянских.

Вместе с тем интересно, что даже при таких тенденциях развития городские бревенчатые дома XIX-начала XX в. сохраняли в известной мере внутреннее устройство традиционного русского дома. В городских домах XIX-начала XX в. была русская печь, хотя и в сочетании иногда с другими печами - голландками и др., бывала также и неподвижная мебель, характерная для крестьянского быта — полати, лавки, голбцы. Более

того, удалось обнаружить, что внутреннее устройство городского дома и в классификационном отношении в известной мере соответствовало крестьянскому жилищу*.

Сообщения корреспондентов РГО или Бюро В.Н. Тенишева, как и другие материалы, содержащие ценные сведения о городских жилищах того времени, к сожалению, не дают для этого оснований, так как не фиксировали такие важные в данном случае подробности как расположение печи и направление ее устья и пр. Однако даже в 80-е годы XX в. в городах Центральной России можно было встретить дома, сохранившие традиционный тип внутренней планировки (Будина, Шмелева, 1989. С. 83-86). Примером может служить г. Галич, где по улице Набережной, населенной прежде знаменитыми галичскими рыбаками, стоят бревенчатые одноэтажные на подклете или двухэтажные дома постройки XIX-начала XX в. В нескольких из них, стоящих перпендикулярно улице, в жилом помещении русская печь находится справа от входа из сеней, "чело" (устье) печи обращено к противоположной от входа стене, выходящей тремя окнами на улицу. Передний угол, как и положено, расположен по диагонали от печи, у фасадной стены дома. Это классический северно-среднерусский тип внутренней планировки.

Дома с выраженным типом планировки, - также северно-среднерусским, — встречались и в г. Гороховце, Вязниках, Солигаличе.

Изучение русского крестьянского жилища позволило определить стойкий комплекс признаков, на основании которых были выделены четыре типа внутренней планировки крестьянского дома: северно-среднерусский, южнорусский-западный и восточный, и западнорусский (см.: Бломквист, Ганцкая). Важным основанием для такой классификации является соотношение в расположении русской печи (и ее устья) и переднего угла в доме.

Естественно, в XIX и в начале XX в. городское жилище с традиционной внутренней планировкой имело большее распространение, чем в наши дни. Кроме того, в многокомнатных домах, которые даже при желании было сложно организовать согласно традиции, все же достаточно распространенной оказалась планировка, когда в одной из комнат, по большей части на кухне с русской печью, сохранялся план, типичный здесь в прошлом. Так было в упоминавшемся уже доме ремесленника из Мурома. В его трезраздельном жилом срубе, поставленном на каменный этаж, при многокомнатной системе в обоих жилых крыльях располагались кухни, имевшие северно-среднерусскую планировку.

Нужно отметить, что иного типа внутренней планировки в городских постройках обнаружить не удалось. В ходе развития русского народного жилища давно наблюдался процесс расширения ареала северно-среднерусского типа за счет других типов внутренней планировки.

Итак, рассмотрев массовое домостроительство в русских городах XIX - начала XX в., нельзя не отметить, что в этот период оно характеризуется значительной общностью с традиционным жилищем в его крестьянском варианте.

При том, что основная часть русских горожан в XIX - начале XX в. проживала в домах, тесно связанных, как мы видели, по многим своим особенностям с традиционным народным зодчеством, в каждом городе имелись и жилые дома другого характера. Они, хотя и не столь многочисленные, составляли определенную часть жилой застройки и играли важную роль в ее архитектурном облике. На центральных улицах особо выделялись здания, принадлежавшие крупной торгово-промышленной буржуазии или дворянству. Они были построены, как правило, по проектам профессионалов-архитекторов с использованием применявшихся тогда в западноевропейской архитектуре стиля классицизма, ампир и т.д. Такие дома в городе могли исчисляться единицами или десятками (кроме столичных городов), например, дом купца Толченова в Дмитрове, выстроенный еще в конце XVIII в. (Рабинович. Очерки, 1978. С. 85-86) и стоящие на центральной площади в Мыш-кине по обе стороны от Успенского собора в составе богатых усадеб два дома купцов Чистовых.

Более скромными и однообразными, но также принадлежавшими достаточно богатым горожанам, были так называемые образцовые дома. Это - дома, построенные по "образцовым" - типовым проектам, которые рассылались из Петербурга в губернии еще в XVIII в. для того, чтобы "улучшить" архитектуру городов. Дома по "образцовым" проектам строились и каменными, обычно двухэтажными, с фронтонами и украшениями по фасаду. В застройке городов они нашли неравномерное распространение. При том, что многие города были почти полностью "деревянными" в рассматриваемое время, в г. Рыбинске, например, в первой половине XIX в. несколько улиц было застроено каменными домами по "образцовым" проектам (теперь это исторический центр города). Причем, известно, что для Рыбинска в самом начале XIX в. "образцы" сочинял не кто иной, как знаменитый впоследствии архитектор России.

Более крупными по своим объемам домами в сравнении с основной застройкой городов были доходные дома. Такие дома строились владельцами специально для сдачи внаем. Это были деревянные или каменные постройки с анфиладной или коридорной системой внутреннего устройства. В основе их проектирования могли лежать ритмические повторения жилых ячеек, типа торговых рядов, либо увеличение числа квартир путем "удвоения" постройки и увеличения ее этажности {Кириченко. С. 136; Рабинович. Очерки, 1978. С. 112}. Доходные дома получили распространение в XIX в. в крупных и средних городах, где наблюдался значительный приток населения; рассчитаны они были на людей с разным достатком.

Другим видом временного жилища, для совсем бедного люда, были ночлежные дома. Внутреннее устройство их было до крайности примитивно и ограничивалось порой лишь столом и нарами, которых не хватало для всех обитателей дома. Из-за большой скученности, превышавшей всякие санитарные нормы в Калуге, например, в 1893 г. было закрыто два из семи ночлежных домов {Анохина, Шмелева, 1977. С. 131}.

Особой категорией домов, также находящихся вне связи с традициями народного жилища, были казармы для рабочих. Казармы строились фабрикантами в городах с большим сосредоточением промышленности, например, в Костроме, Шуе, Муроме, Гусь-Хрустальном и др. При том, что казарма нередко представляла собой добротную каменную или деревянную постройку, иногда в несколько этажей с предусмотренным отоплением и другими бытовыми удобствами, рабочие располагались там обычно скученно, в каморках, "прогалах" (за занавесками) и т.п. Недаром часть рабочих предпочитала жить на квартирах у горожан (хотя и там жилищные условия бывали не лучше казарменных), либо ходить каждый день из деревни на фабрику; в целом же рабочие, связавшие свою жизнь с городом, стремились обзавестись собственным домом.

В 1920 - 1980-е годы жилище горожан представляет собой более сложную картину, чем в предыдущий период. В XX в. жилище широких слоев городского населения продолжает включать сохраняющиеся дома прежней постройки. С одной стороны, это многие небольшие здания, одно-двухэтажные - деревянные, комбинированные из дерева и камня или кирпича, порой целиком кирпичные, принадлежавшие в XIX - начале XX в. рядовым горожанам. С другой - муниципальный жилой фонд городов с началом советского периода пополнился домами, принадлежавшими до революции 1917 г. торгово-промышленной буржуазии и дворянству. Эти дома, превратившись в жилье для других городских групп, стали значительно более населенными; как правило, в квартире размещалось несколько семей, что изменило по существу характер этих жилищ. То же самое в определенном смысле можно сказать и о других категориях городского жилища (не относимого к массовому), таких как доходные дома, прежние казармы для рабочих и т.д. Ввиду изменения социально-экономических условий эти жилые постройки также поменяли характер владения и назначения.

Наряду с постройками, оставшимися от XIX - начала XX в., в XX в. строились новые дома. Они появлялись вследствие индивидуального и кооперативного строительства, которое продолжается и в настоящее время. Значительным в этот период было

государственное строительство. Начавшись в 1920-е годы, оно особенно набрало темпы после Великой Отечественной войны. Причем с середины 1950-х годов домостроительство приобрело новый характер: начали применяться индустриальные методы работы и использоваться материалы промышленного изготовления.

В итоге к "массовому жилищу" в русском городе рассматриваемого периода, если исходить из его принадлежности наиболее широким группам городского населения, могут быть отнесены все разнородные по конструкции, способу владения и пользования, а также по времени постройки жилые здания города. Его составляют в том числе и жилища, которые явились следствием научно-технического прогресса, - многоквартирные дома в несколько этажей из блоков, панелей и т.д., по большей части принадлежавшие государству, так и дома небольших размеров - одно- и двухэтажные, построенные из дерева, находящиеся в индивидуальном владении. И хотя в тех и других жилищах обитают представители основных социально-профессиональных групп русских горожан, первые относятся к тому новому в бытовой культуре, что явилось общим для городского населения, независимо от его национальной и подчас региональной принадлежности, а вторые прямо продолжают традиции русского народного зодчества.

Хотя современный русский город по сравнению с XIX - началом XX в. стал значительно менее "деревянным", все же число домов из дерева в малых и средних городах бывает весьма существенным. Так, деревянные дома, как правило, в один или два этажа, в 1980-е годы составляли в таких областных городах, как Кострома и Владимир соответственно свыше 72 и 61%, в Калуге - 70% от всех жилых построек. В районных центрах доля деревянных домов оказалась еще выше: в Галиче - свыше 92%, в Солигаличе - 98%, в Кологриве - 99%, в Гороховце - 80%, в Гусь-Хрустальном и Вязниках около 79%, в Муроме - 63%, в Ефремове - 50% (Будина, Шмелева, 1989). Как видим, здесь наблюдается та же тенденция, что и в XIX - начале XX в.: преимущественное использование дерева в домостроительстве в более северной лесной зоне. Причем, как и прежде, в малых городах Костромской области процент деревянных построек ближе к 100.

Региональные особенности в использовании строительного материала, закрепленные традицией, обнаруживались и в применении кровельного материала. При том, что в наше время крыши городских домов (и не только городских), покрывают, как правило, листовым железом, а также шифером, в городах Костромской области можно встретить и деревянную кровлю. Причем, не только на домах старой постройки, длительное время не подвергавшихся ремонту. Драночную крышу имеют порой и строения, находящиеся в хорошем состоянии; горожане подчас предпочитают здесь дранку другим кровельным материалам.

Таким образом, традиционный городской облик, благодаря существованию небольших деревянных домов, во многих русских городах продолжает сохраняться и поныне. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в тех крупных зданиях, которые местами нарушают этот облик, живет значительная часть горожан. Так, в Костроме, где как говорилось, 72% домов деревянные, жилая площадь в них от всей площади городского фонда равнялась 21,6%. Остальные 78,4% приходилось на дома иных конструкций. Данные о деревянных домах в 1980-е годы в г. Владимире, Муроме, Гусь-Хрустальном, Гороховце, Вязниках также следует дополнить сведениями о жилой площади в недеревянных домах, которая выражается соответственно в 89,6, 71,3, 66,58 и 60%. Правда, в таких городах Костромской области как Кологрив и Солигалич, в деревянном жилом фонде, составляющем 99 и 98% домов, находится 96 и 98% всей жилой площади. Эти цифры говорят, как видим, о том, что в этих городах (как и в некоторых других), где сохраняется традиционный облик города, основная масса горожан продолжает жить в деревянных домах.

Деревянные жилые постройки, о месте которых в жизни современного русского города шла речь выше, возведены в технике сруба. Такая техника домостроительства, в целом

свойственная жилищу народов лесной зоны Европы, является одной из характернейших черт русского, а если более широко - восточнославянского, народного зодчества.

Принадлежность к жилищу, выполненному срубной техникой из бревен, объединяет разнообразные деревянные дома современного города, построенные как в XIX-начале XX в., так и в последующие десятилетия. Причем нужно отметить, что пополнение деревянного жилого фонда городов на протяжении XX в., несмотря на строительство домов из других материалов, было весьма значительным. Целые поселки и улицы из деревянных домов создавались в 1920 и 1930-е годы, много деревянных домов строилось и после Великой Отечественной войны (см. с. 247-249).

Деревянное домостроительство велось, хотя и в меньших масштабах, и в последующие годы в тех городах, где оно было разрешено архитектурным надзором. Например, в 1970-х годах появились две новые деревянные улицы в Гороховце, в 1980-х - улица в г. Меленки и т.д.

Среди строившихся деревянных домов в городах были как строения из нового леса, так и "перекатанные", из бывших в употреблении бревен. В городах, так же как и в деревне, в этом случае на место устройства нового домовладения перевозились (нередко переправлялись по воде) срубы, в которых переезжающие семьи жили до этого в сельской местности, либо покупались с целью "перекатки" в той или иной деревне. Это было весьма характерным для 1920-1930-х годов и послевоенного времени, а также и в последующие годы.

При переносе жилища из деревни в город дом, естественно, сохранял ту же срубную конструкцию, иногда с некоторыми добавлениями. Дома из нового материала, которые сооружались вчерашними сельскими жителями, - собственноручно либо местными плотниками, также выполнялись в традициях русского бревенчатого зодчества. Все они представляли собой широко известные в крестьянском строительстве виды срубов - дом с прирубом, пятистенки. В последние десятилетия также возводились односрубные многокомнатные дома, приближающиеся к квадрату. Такие дома появились уже в конце XIX - начале XX в. в городах и селах России.

Организация внутреннего жилого пространства в домах традиционных и нетрадиционных конструкций представляет специальный интерес.

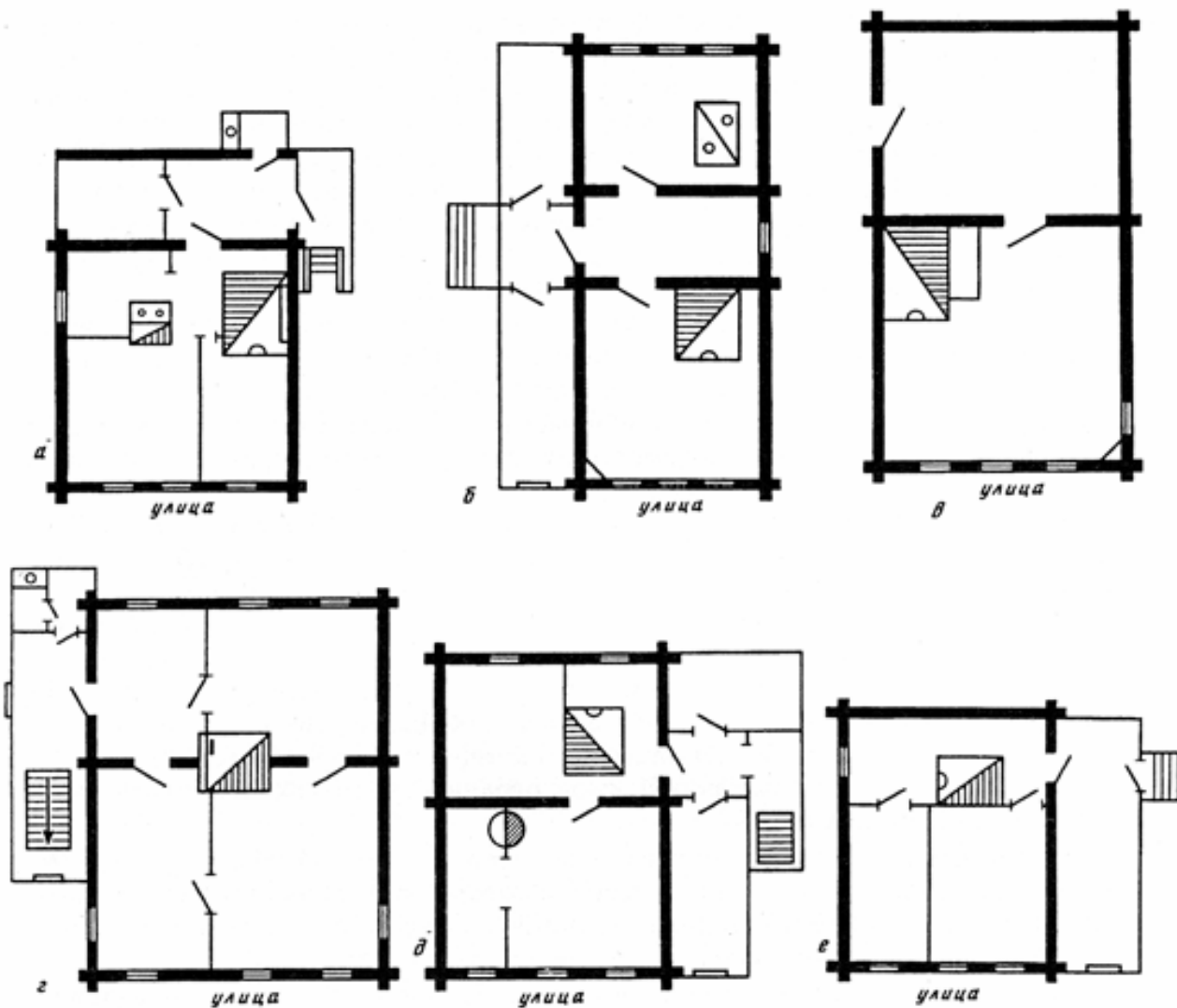
Единицей рассмотрения во всех случаях может служить жилая площадь, находящаяся в распоряжении семьи. Это - квартира из того или иного числа комнат, или комната в коммунальной квартире, что с точки зрения бытового использования подобно индивидуальному деревянному дому, или части такого дома, занимаемого также семьей.

Собственно планировка квартиры в многоквартирном современном доме соответствует заданным стандартам. Она практически почти не поддается изменению; здесь весьма сложно, как порой бывает в индивидуальном доме, поставить либо убрать дополнительные перегородки, или сделать пристройку. Поэтому организация жилого пространства, находящаяся в компетенции живущих в квартире людей, выражается в основном в характере его использования, в разграничении функциональных зон в пределах имеющейся жилой площади.

Будучи первостепенной для современных многоквартирных домов, проблема функционального использования жилой площади актуальна для всего массового городского жилища. Об этом свидетельствуют некоторые особенности (общие для всего жилого фонда) в использовании жилой площади, связанные с характером социально-профессиональных групп горожан или составом их семей. Но самое главное состоит в том, что она как бы перекрывает планировочные особенности домов разных конструкций. Как свидетельствуют материалы многих исследований, и в индивидуальном доме с разной планировкой, и в отдельных квартирах, состоящих из того либо иного числа комнат, и даже тогда, когда жилищем семьи является комната в коммунальной квартире, существует тенденция к выделению вполне определенных функциональных зон. Как видно, определенный уровень культурно-бытовых потребностей, достаточно близкий у основных

групп городского населения, в определенное время оказывается решающим в формировании общей модели использования жилого пространства.

В одних случаях функциональной зоной служит комната, в других - часть ее. По назначению - это кухня-столовая, спальня, детская, гостиная; менее обязательна - зона для занятий. Сочетание разных зон в пределах одного помещения, что встречается при недостатке отдельных комнат, варьирует. Распространено, например, совмещение спальни и детской зоны, либо гостиной

Планировка срубных жилищ:

а) дом с прирубленными сенями, конец XIX в., г. Галич, Костромская область; б) дом-связь (две избы через сени), начало XX в., г. Гороховец, Владимирская область (пристрой сделан позднее); в) пятистенок с печью в углу переднего помещения, вторая половина XIX в., г. Галич; г) пятистенок с печью посередине, конец XIX – начало XX в., г. Шуя, Ивановская область; д) пятистенок с печью в заднем помещении, 1950-е годы, г. Гороховец; е) односрубный дом с легким пристроем и печью в заднем помещении, 1950-е годы, г. Гороховец

и спальней. В условиях однокомнатной квартиры в многоэтажном доме, так же как и в односрубном неразделенном индивидуальном доме, или в комнате в коммунальной квартире, приходится размещать несколько зон в одном помещении. При этом имеет место как пространственное, так и временное (когда в разное время суток помещение имеет неодинаковое назначение) условное разграничение площади.

Для всего городского жилища характерна также активная эксплуатация жилых

помещений. Это отличает его от сельского дома, где в большей мере жива традиция (свойственная и для города на более раннем этапе) выделять под гостиную (зал) лучшую в доме комнату, парадно обставлять ее и лишь изредка пользоваться. В городских условиях парадная комната в 1960 - 1980-е годы (если она есть), - это общая комната, где проводят свободное время все члены семьи. Здесь смотрят телевизор, слушают радиоприемник, принимают гостей, устраивают праздничную трапезу. При необходимости в гостиной обычно устраивают спальное место для кого-либо из членов семьи.

Интерьер, его оборудование и убранство в городском жилище имеет немало различий, связанных с индивидуальными вкусами, возрастными и профессиональными особенностями, эстетическими представлениями живущих в нем людей. Некоторые отличия определяются конструктивными особенностями дома: например, наличие русской печи в деревянном частном доме придает интерьеру специфический характер. Вместе с тем, в оформлении интерьера определяющими в рассматриваемый период, пожалуй, являются общие черты, которые складываются благодаря сходным представлениям о комфорте у городского населения, и под влиянием моды, а также порой из-за ограниченного выбора стандартной мебели и предметов обихода.

В целом, как видно, организация внутреннего жилого пространства, предназначенного для жизни семьи, - эта та сфера, в которой объединяются разнородные по многим показателям (материал, техника возведения, декор и т.д.) дома, представляющие массовое жилище определенного периода.

Особое место в системе традиционных особенностей жилища принадлежит декору. В этой связи нельзя не остановиться на резном уборе бревенчатого дома в русском городе, который является результатом творческого освоения резчиками по дереву строительных и художественных народных традиций.

При всей вариантности, а также специфике домовой резьбы на городских постройках в ее характере можно найти много общего с крестьянской традицией. Так, деревянная резьба в городе украшает, как правило, те же элементы домов, что и в крестьянском жилище - наличники, фронтоны, крыльцо, светелки. Причем имеются и локальные совпадения. В орнаментике, используемой для украшения городского дома, преобладают те же, что и в селе, мотивы и сюжеты - геометрические фигуры, повторяемые в определенных сочетаниях, многообразные растительные узоры, зооморфные и антропоморфные символы.

Существенно также, что при выполнении резьбы по дереву мастера, украшавшие городской и сельский дом, как и прежде, пользуются одинаковыми техническими приемами. Так, до сих пор в разных городах Центральной России можно увидеть дома, украшенные ранними видами деревянной резьбы - плоской, в том числе трехгранновыемчатой, или резьбой рельефной, называемой также корабельной резьбой. Дома, украшенные солярными розетками (солнцами), сохранились в Костроме, Муроме, Солигаличе, есть они и в Дмитрове, Мышкине, Рыбинске и в других русских городах. Дом с прекрасным экземпляром корабельной рези на лобовой доске сохранился, в частности, в г. Вязники Владимирской области.

Но в основном, конечно, в современном городском жилище, как и в сельском, преобладает пропильная резьба. Бывшая во второй половине XIX в. новым видом резьбы по дереву и считавшаяся длительное время менее ценной в художественном отношении, пропильная резьба к настоящему времени имеет уже столетнюю историю. За это время она успела и многосторонне обогатиться и приобрести своих ценителей. Многие сельские и городские дома, украшенные кружевом пропильной резьбы, иногда в сочетании с другими видами декора, указывают на ее укоренение в бытовой культуре русских (Чижикова, 1970; Рождественская, 1981; Будина, Шмелева, 1989). В целом же деревянный дом, сработанный в традиционной технике и украшенный деревянной резьбой, выражающей эстетические представления народа - это несомненно тот компонент поселения, который способствует существованию и воспроизведению этнически

окрашенной предметной среды.

Наверное, поэтому домовая резьба часто бывает объектом особой заботы и заинтересованности владельцев деревянных домов в городах. Ее реставрируют, окрашивают масляной краской, чтобы предохранить от разрушения. Владельцы нередко заказывают для новых домов резьбу, либо выпиливают сами, иногда переносят со старых домов. В последние десятилетия в разных районах создавались бригады, выполнявшие работы по декорированию пропильной резьбой. Образцы таких изделий рекламировались иногда на выставках-ярмарках, как было, например, в 1980-е годы в Костромской области. В связи с расширением индивидуального строительства профессионалами-архитекторами создавались также альбомы-проспекты деталей деревянных домов и их декора, которые могли быть использованы при строительстве.

Вместе с тем нельзя не сказать, что уже многие годы поддержание деревянного жилого фонда представляет собой серьезную проблему в городах. Лишь в отдельных городах лесной зоны, где не прекращалась ориентация на деревянное строительство, такая застройка в 1980-е годы все еще поддерживалась в довольно хорошем состоянии, как например, в г. Кологриве или Солигаличе Костромской области. Там дома из натуральных бревен, разной величины и конструкций, украшенные резным кружевом, радовали глаз; встречалась и драночная кровля - не темная и осевшая, как в местах, где перестали пользоваться этим материалом, а свежая, подчас заново сделанная.

Однако в городах, к сожалению, можно встретить большие массивы покосившихся темных домов с разрушенной резьбой, которые требуют капитального ремонта, реставрации декора и благоустройства. Нужно сказать, что в целом ряде российских городов на протяжении последних десятилетий строились планы, иногда делались попытки поддерживать деревянное жилище, придающее городу традиционный облик. Один из таких последних экспериментов можно увидеть в г. Рыбинске Ярославской области. Чтобы не потерять один из красивейших деревянных домов, обильно украшенный резьбой, в Рыбинске был построен такого же размера и формы дом из кирпича и обшит, доподлинно воспроизводящей прежнюю, деревянной резьбой. В Ярославле было реставрировано несколько деревянных домов. В некоторых городах, также в силу привязанности к традиции, пытаются украшать стены домов из других материалов, деревянными наличниками, карнизами, крыльцом.

Таким образом, жилище широких слоев населения (называемое здесь также массовым) в русском городе XIX - начала XX в. строилось согласно традициям русского народного зодчества. Кроме того, функционирование городского дома и его отдельных элементов в большой степени соответствовало народному жилищу. Это касалось таких важных признаков, как наличие русской печи, внутреннего оборудования и планировки жилого дома и т.д. Доля жилищ других категорий в это время в большинстве русских городов была невелика. В XX в. было характерно постепенное, вызванное новым современным строительством, ограничение масштабов бытования в русских городах образцов традиционного жилища, которое в наше время стало лишь одним из типов массового жилища горожан. Эта часть современного городского жилища продолжает обладать существенными признаками, характерными для русского народного домостроительства. В нем сохраняются традиционный материал, строительные приемы, характер вертикального развития, русская печь в интерьере. Некоторые особенности в противоположность иным,

Вместе с тем тенденции в использовании внутреннего жилого пространства, организация и оборудование домашнего интерьера оказались в последний рассматриваемый период во многом общими для всей массы жилища русского города, включающего в себя как дома, построенные согласно традициям народного зодчества, так и отвечающие стандартам массового многоэтажного строительства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РУССКАЯ ОДЕЖДА

КОМПЛЕКС ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЙ В XIII-XV ВЕКАХ. ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В настоящее время еще трудно представить себе, достаточно полно и последовательно, картину развития одежды восточных славян, и в частности русских, в период раннего и развитого феодализма. Подлинные вещи, дошедшие до нас, составляют большую редкость. Археологические находки отдельных предметов одежды или частей убранства людей того времени, различные иконографические данные, письменные свидетельства современников (летописи, заметки иностранцев, побывавших на Руси, сохранившаяся частная переписка — например, в берестяных грамотах), некоторые официальные документы (судебные дела, духовные грамоты, описи имущества), тщательно собранные и изученные исследователями, дают в целом фрагментарный материал, на основе которого можно наметить некоторые вехи этого процесса. Реконструкция одежды сильно затрудняется тем, что большинство материалов, из которых одежда изготовлялась, плохо сохраняются в земле, а металлические и каменные украшения и другие детали костюма, обнаруженные при раскопках, не дают возможность восстановить его полностью. Порой о старинных одеждах приходится судить только по названиям, которые с трудом удается идентифицировать с имеющимися изображениями или археологическими находками. Терминологический же материал, обладающий большой стойкостью, нуждается для своего истолкования в сложном сравнительном этнолингвистическом анализе.

Данные всех этих источников позволяют сказать, что формирование основных элементов традиционной одежды русских, хорошо известной по материалам XIX-начала XX столетий, следует относить к периоду раннего средневековья - ко времени существования восточнославянского единства и Киевской Руси. Именно тогда вырабатываются типы мужской и женской рубахи, мужских штанов, набедренной несшитой одежды женщин, различные виды кожаной и лыковой обуви, женских и мужских головных уборов, послужившие в дальнейшем основой для создания русскими, украинцами и белорусами своеобразных комплексов народной одежды.

В XIII-XV вв. - во времена удельной Руси и формирования Русского централизованного государства - одежда русских во многом продолжала оставаться такой же, какой она сложилась в предыдущую эпоху (Арциховский, 1948. С. 277). Сохранялось и прежнее ее общее название - порты. У русских, как и у других восточных славян, издавна занимавшихся земледелием и разведением домашних животных, основным сырьем для изготовления одежды, обуви и головных уборов с древнейших времен служили материалы, имевшиеся в своем хозяйстве: растительное волокно, кожа, мех и шерсть (более всего овечья - волна). В меньшей степени в крестьянской одежде использовались охотничьи материалы - меха диких зверей, изделия из которых широко применялись в одежде знати.

Наиболее распространенным материалом для одежды были ткани, особенно шерстяные, о чем свидетельствуют находки восточнославянских курганных погребений. Они, очевидно, применялись и для верхней и нательной одежды. Однако существует мнение, что уже в XI—XII вв. восточные славяне пользовались и льняной тканью, но ее находки редки, поскольку лен плохо сохраняется в земле. Известна была и конопля. В XII-XIII вв. лен и пенька входили в оброк, который крестьяне отдавали князьям и боярам.

Позже о льне содержится много упоминаний в Новгородских писцовых книгах XV в. В берестяных грамотах часто идет речь о холсте, в частности о его белении (Куфтин, 1926. С. 20; Маслова, 1956. С. 568; Арциховский, 1969. С. 292).

Искусство ткачества еще в Древней Руси достигло высокого уровня. Письменные источники позволяют судить о том, что в тканях различались грубые и тонкие сорта - толстина, часнина, тончица. Из шерстяной пряжи ткали толстые сермяги, вотолы (или волоты) (Аристов Н. С. 135).

Учитывая уровень развития производительных сил в раннефеодальном обществе, можно предположить, что крестьяне, горожане и знать изготавливали одежду целиком, за небольшим исключением, в своем хозяйстве. По мере развития то-варно-денежных отношений и все большего выделения ремесла происходило и перемещение некоторых видов работ по производству одежды, обуви, головных уборов, украшений из домашней промышленности в сферу специализированного, профессионального мастерства. Более всего это касалось, правда, одежды знати и горожан. Но и в крестьянском быту с течением времени появлялись вещи ремесленной выделки.

Известное влияние на одежду оказывал и ввоз иностранных товаров. Шелка привозили с Востока. В Древней Руси были известны шелковые паволоки, узорчатые и серебряные аксамиты, с течением времени их разнообразие увеличивалось. В большом количестве из Западной Европы шли сукна разного достоинства. Естественно, что дорогие материалы могли использоваться крестьянами для своих нужд лишь минимально - главным образом для украшения праздничных нарядов, особенно женских головных уборов. В основном они шли на убранство богатых и знатных.

С XV в. в быту русских стали широко употребляться привезенные из азиатских стран хлопчато-бумажные ткани (особенно красный кумач и синий киндяк) и узорчатая выбойка (набойка) (Маслова, 1956. С. 569). С этого же времени сильно развилось и отечественное производство крашенины и набойки из холста. Пестрядиным (набойным) и красильным промыслом начинают заниматься жители многих городов (Рабинович, 1988. С. 127-133). Из шерстяных тканей в XIII-XV вв., например в Новгороде, в употреблении были ткани как местного производства, так и привозные, иностранные (Арциховский, 1969. С. 281-282).

Основу русского женского комплекса одежды в XIII-XIV вв., как и у славянского населения Восточной Европы времен Древнерусского государства, составляла длинная рубаха (сорочица), достигавшая щиколоток и подпоясанная поясом (очевидно, тканым). Новым было то, что сорочка у женщин, как и у мужчин, оставаясь нательной одеждой, дополнялась верхней рубахой - кошулей, верхницей или наверхником (Древняя одежда. 1986. С. 66-67). О покрое рубахи что-либо сказать трудно. Известно лишь, что она имела длинные рукава, которые придерживались у кистей рук браслетами. Низкий вырез ворота прикрывался ожерельем типа накладного воротника. Рубахи шили из холста, но, возможно, также и из шерстяной ткани (волосени) и украшали вышивкой по подолу, ожерелью и запястьям.

Поверх рубахи надевалась, очевидно, узорная шерстяная, несшитая поясная одежда, сходная с известной позже южнорусской поневой и украинской плахтой. Эта одежда была распространена шире, чем в XIX в. (Народы, 1964. С. 112). Бытовала она, по-видимому, только среди крестьянок. Понева служила горничной одеждой, но в ней можно было выходить и на улицу. Употреблялась, вероятно, и плечевая одежда для женщин - накладная, т.е. надевавшаяся через голову и называвшаяся ферязь, сукман, саян.

Головные уборы женщин были разнообразными, что обуславливалось сильно развитой их знаковой функцией. Форма головного убора и характер его украшений зависели от возраста и семейного положения женщины, а также, по-видимому, имели место местные признаки. Девушки могли ходить в теплое время года без всякого головного убора с распущенными или заплетенными в 1-2 косы волосами, придерживая их полоской яркой

ткани или металлическим венчиком. Нарядные венчики назывались коруна. В косу вплетали косник или накосник — золотую нить или треугольную богато украшенную привеску на твердой основе.

Для наряда замужних женщин характерно традиционное древневосточно-славянское полотенчатое покрывало - повой или убрус. Оно прикрывало всю голову и плечи. Вероятно, появлялись и другие, более сложные головные уборы, известные еще с древности, в том числе кичкообразные, мягкие с богато вышитым твердым очельем (иногда рогатые) и твердые кокошники. Все они были распространены у русских и в XIX в. Головные уборы украшались дорогими тканями, шерстяной бахромой, вышивкой, жемчугом. Выходя на улицу, женщины поверх всего надевали платок или шапку.

Неотъемлемой частью русского женского костюма были украшения из металла, камня, а отчасти из стекла (стеклянные браслеты горожанок встречаются в находках XIII-XV вв.). Украшения покрывали главным образом голову, шею, руки и, вероятно, гармонически сочетались с расцветкой и орнаментом вышивок и тканей. Съёмное убранство одежды во многом продолжало сохранять древние черты. Таковыми, например, были височные кольца, указывавшие когда-то на принадлежность женщины к тому или иному племени. До XIV в. включительно сохранялся племенной наряд вятичских женщин. Обязательными его частями были семилопастные височные кольца и специфические бело-красные бусы из сердолика и хрусталя. Исследователи предполагают, что сочетание белого (холста) и красного (цвет украшений в виде вышивок и оторочек) цветов было свойственно для женской одежды этой группы населения Восточной Европы, как и разнообразные ажурные украшения из металла, не встречавшиеся, по-видимому, у представительниц других групп {Арциховский, 1969. С. 278—280}.

Мужская одежда, как и женская, во многом, вероятно, была сходна с более ранней, древнерусской. Она состояла из рубахи длиной до колен или чуть выше, с рукавами, закрывавшими запястья, подпоясанной тканым или кожаным поясом с медной пряжкой, а иногда и с несколькими металлическими бляшками, и нешироких длинных штанов {ноговицы}. К поясу прикрепляли некоторые необходимые в повседневном обиходе предметы: нож, гребенку, огниво и кожаную сумку (калиту). Кроме нательной сорочки у мужчин, как и у женщин, были верхние кошули. Мужские рубахи могли быть украшены вышивкой или нашивками по подолу, рукавам, вороту. Воротника рубаха не имела. Шейный вырез прикрывался вышитым круглым ожерелком. Покрой рубахи, был, предположительно, тунико-образный. При этом прямое полотнище, образующее стан рубахи, перегибалось на плечах и имело разрез для ворота вдоль перегиба и перпендикулярно к нему (в виде буквы 7"). Правда, о характере разреза ворота на груди древнеславянской мужской рубашки исследователи давно ведут спор. А.В. Арциховский, основываясь на изображении отдыхающего смерда на миниатюре из Псковского Устава (XI-XII вв.), высказал мнение о широком распространении в это время косоворотки {Арциховский, 1948. С. 235; 1969. С. 277}. Другие же (Г.С. Маслова, Г.Г. Громов) считали это мнение мало убедительным и стояли на точке зрения позднего распространения косоворотки и о бытовании в древности рубахи с разрезом ворота посередине груди. Такая сорочка, по материалам одежды, бытовавшей в XIX в., представляла собой более архаическую форму мужской рубашки, чем косоворотка (Маслова, 1956. С. 578-580; Громов, 1977. С. 203).

Мужские головные уборы, вероятно, были войлочные или из тканей и имели металлические украшения. Шапки упоминаются в новгородских берестяных грамотах. Среди археологических находок XIV в. в Новгороде была обнаружена шляпа с низкой тульей и широкими полями, сплетенная из корней сосны.

Обувью, по всей видимости, как для мужчин, так и для женщин в XIII-XV вв. служили в основном лапти, преимущественно косоногого плетения. Широко применялись также поршни из куска мягкой кожи, изогнутой по форме ноги. Исчезающим видом обуви были мягкие туфли и полусапожки с пришитыми подошвами - прототип сапог. В XIV-XV вв.

сильно распространяются кожаные сапоги, особенно в городе. Раньше сапоги не имели каблучков, в XIV в. появляются высокие каблучки. Материалы археологических раскопок в Новгороде позволяют говорить, что с XIV-XV вв. здесь происходит переход от мягкой обуви к жесткой. В городах, кроме сапог, были распространены чоботы или черевики — более короткие, без голенищ (Арциховский, 1969. С. 285-286; Древняя одежда... С. 88). Кожаная обувь имела орнамент. Вышитые и ажурные украшения были характерны для мягкой обуви, тиснения - для жесткой.

О верхней одежде древнерусского населения известно очень мало. Издавна это была толстая суконная одежда с рукавами. Названия свита, сермяга, сукна - древние и общие для всех славян. Возможно, что древнейшая рукавная верхняя одежда не была распашной. Такой же накладной могла быть и меховая зимняя одежда — бараньи кожухи, у простого народа скорее всего нагольные, т.е. ничем не покрытые поверх овчины. Свита наряду с кожухом и сорочкой упоминается в новгородских письменных материалах XIII в. Генезис распашной одежды у восточных славян до сих пор не изучен в достаточной мере. Высказывались предположения, связывающие ее появление с татаро-монгольским завоеванием и восточным влиянием. Однако достаточно четкого представления об этом также не сложилось. Можно предположить, что распашная одежда бытовала наряду с накладной или глухой. Неясное изображение ее имеется в новгородских рукописях XIV в. В XV-XVI вв. она становится обычной (Маслова, 1956. С. 699; Матейко, 1977. С. 31,32).

Древнее происхождение имеет восточнославянская плащевидная одежда. Однако к XIII в., как предполагают исследователи, у русских уже вышли из широкого употребления распространенные ранее плащи корзно, накидывавшиеся на плечи. На это указывает отсутствие среди археологических находок, относящихся к тому времени, характерных фибул (пряжек), которыми плащи застегивались (обычно на правом плече). Мнение это, правда, оспаривается Г.С. Масловой, которая считает возможным предположить существование других видов плащей, удерживавшихся на плечах с помощью завязок. Подкрепляется это предположение имеющимися в источниках указаниями на бытование плащей из сукна или валяных из верблюжьей шерсти в XVI-XVII вв. и устойчивой традицией ношения плащеобразных форм одежды у русских, украинцев и белорусов вплоть до XIX в. (Маслова, 1956. С. 696-699; Народы, 1964. С. 113).

Плащи из дорогих привозных тканей (парчи, аксамита) с драгоценными застежками в древности были принадлежностью костюма богатых и знатных - в основном князей. Они могли надеваться мужчинами и женщинами поверх других одежд.

Одной из характерных особенностей одежды русских, как и других восточных славян, на протяжении всего средневековья было большое сходство или тождественность главных ее элементов, составляющих основу костюма, у самых различных социальных групп. Крестьянам эта одежда служила постоянной нательной и верхней, у богатых и знатных она употреблялась главным образом, в качестве белья или как сугубо интимная домашняя одежда, поверх которой при выходе "на люди" или посещении дома посторонними, надевали другое убранство, отличное от крестьянского. В результате костюм феодальной верхушки общества, несмотря на свое близкое родство с крестьянским, всегда сильно отличался от него, подчеркивал социальное превосходство знати. Отличия наблюдались и в длине костюма, и в качестве материала, из которого он был изготовлен, и в составляющих костюм верхних одеждах. Народу знатных мужчин и женщин была свойственна многослойность, т.е. ношение одновременно нескольких одежд. Иконография дает немало изображений князей в длинных нарядных плащевидных одеждах, в распашных свитах или кафтанах, в шапках полусферической формы с меховой оторочкой и женщин в длинных богатых одеяниях с покрывалом на голове. Дорогая шапка и богато украшенный пояс играли роль символа княжеской власти.

Рядовой горожанин одевался подобно крестьянину, но на ногах у него как правило были кожаные сапоги, которые почти совсем вытеснили лыковые лапти. Рубаха и верхняя одежда кафтанообразного покроя в городе, делались, кажется, более короткими, чем у

крестьян. Женская городская одежда, о которой известно мало, по-видимому, в большей степени, чем мужская, отличалась от сельской. Вместо специфической шерстяной набедренной поневы, как предполагают, в XIV-XV вв. появляется плечевая одежда - сарафан или ферязь (Древняя одежда... С. 69, 96). Название сарафан имеет, очевидно, восточное происхождение и первоначально применялось к какой-то мужской верхней одежде.

В целом русская народная одежда в XIII-XV вв. в основных своих чертах имела значительное единство, что вовсе не исключало наличия в ней не только социальных, но и региональных различий и местных вариантов. В условиях активных консолидационных процессов развитие архаического комплекса одежды, сложившегося у восточных славян в более раннее время, протекало по линии изживания древних племенных особенностей и появления отдельных локальных черт, которые при современном состоянии источниковой базы почти невозможно проследить. Постепенно складывался русский тип народного костюма. Специфика его вырабатывалась, как и в последующее время, в тесной взаимосвязи с одеждой постепенно формировавшихся других восточнославянских народов на общей основе - древнерусской одежде. Несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства восточнославянские связи продолжали развиваться в политической, экономической и культурной жизни. Отсюда и те многие общие черты и параллели как в самих формах одежды, в том числе и в покрое, так и в особенностях развития отдельных частей одежды, способов их ношения и сочетания в отдельных комплексах. Они наблюдались в традиционной одежде русских, украинцев, а затем белорусов на протяжении всего ее существования. (Маслова, 1954. С. 41-59).

Заметное влияние на развитие русского платья шло с Востока. Оно довольно быстро распространилось после татаро-монгольского завоевания и усилилось в XV в. Это влияние касалось главным образом верхней одежды. Оно оставило след в наименованиях отдельных предметов - кафтан, шуба, сарафан, — и более всего затронуло костюм феодальной верхушки общества. С восточным обычаем, вероятно в XV—XVI вв., была связана привычка знатных мужчин носить на голове тафью - небольшую шапочку, напоминающую тюбетейку. С ней не расставались ни дома, ни в гостях, ни в церкви. При выходе на улицу поверх тафьи надевали шапку. О восточном влиянии говорит и обычай знатных женщин на улице закрывать лица платком.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОБЛАСТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОДЕЖДЫ В XVI-XVII ВЕКАХ

XVI-XVII века — эпоха образования и укрепления единого русского государства, а также усиления процесса миграционных передвижений русских, приводящего к расширению этнической территории и к межэтническим контактам русских с другими народами, живущими по-соседству. В это время развитие русской народной культуры, в том числе и традиционной одежды, происходит в условиях крепнущей этнической, территориальной и государственной общности. Эволюция одежды отражает известное культурное единство народа, не исключая, однако, и областного многообразия в ней, имевшего место и ранее.

Освоение широких пространств с различными природными условиями, многообразие межэтнических связей, появление специфического хозяйственного уклада у отдельных групп русских новоселов не могли не сказаться на их одежде. Изменения выражались в выработке своеобразных черт костюма, в которых новое, возникшее на чужбине (иногда заимствованное), сочеталось со старым, принесенным с собой из родных мест. Изменения происходили довольно медленно; постепенно появлялись региональные особенности. Во всяком случае, их мы находим в более позднее время. В тот же период местные варианты одежды, вероятно, уже имелись, но состояние источников таково, что пока нет возможности проследить их с достаточной четкостью. Особенно мало данных по XVI в. Рукописные документы (духовные грамоты, описи имущества, судебные дела)

отображают одежду своего времени очень скупо. Заметки, оставленные иностранцами-путешественниками, часто содержат лишь названия одежд. Кроме того, их более всего поражала роскошь наряда феодальной верхушки, одежда простых людей упоминается обычно вскользь и чрезвычайно редко. Большое значение имеет изобразительное искусство, особенно графика. Высоко оценивается учеными с этой точки зрения так называемый лицевой летописный свод XVI в., составленный при Иване IV под его личным наблюдением. Подлинные вещи для XVI в. исключительно редки, археологической наукой они изучены довольно слабо. Материалы, характеризующие русскую одежду XVII в., более обильные.

Производство одежды у русских в XVI-XVII вв. продолжалось, как и прежде, оставаться в домашнем хозяйстве. Крестьяне сами изготавливали одежду, с начала и до конца, включая получение и обработку необходимых природных материалов, и отделку готовых вещей. В боярских усадьбах все эти работы проводились с помощью слуг в домашних мастерских. Даже царские одежды вырабатывались традиционным способом в ремесленных слободах (например, в Кадошах, в Хамовниках) под наблюдением самой царицы (Забелин, 1895. С. 366-368). Г.Г. Громов высказал предположение, что длительное сохранение домашнего производства одежды в феодальной Руси объясняется не столько состоянием соответствующих отраслей промышленности на этом этапе, сколько особым утвердившимся в народе отношением к вещам, так близко соприкасающимся с самим человеком. Считалось, что одежда должна защищать тело человека не только от холода, но по существовавшим представлениям и от злых сил, которые при недосмотре могут принести много вреда (Громов, 1917. С. 205). Эти воззрения способствовали и консервации традиционных кроев и фасонов в убранстве у всех слоев населения, препятствуя в известной мере проникновению в эту область новых веяний. Особенно это касается нательной одежды, верхняя же изменялась быстрее.

Тем не менее, углубление общественного разделения труда приводило ко все большему развитию ремесла и торговли. Постепенно производство шерстяных и узорных тканей сосредоточивается в руках специалистов-ремесленников. В XVI в. выделялись холщевники, белильщики, красильщики, а также суконщики, шелковники. В городах в торговых рядах в XVII в. можно было приобрести сукна различных сортов и цветов. Здесь продавали сермягу на портяной основе, лятчину из овечьей шерсти летней стрижки (товар не самый хороший), самые грубые и толстые, подобные дерюге яригу и кострыж. Сукна высших сортов (стамед, красное) стоили дороже и покупали меньше. Дешевые ткани были естественного цвета, дороже — отбеленные, и крашеные (красные, синие, бурые, "бусырь", т.е. серо-голубые). Торговали и готовой одеждой, например кафтанами и даже рубахами. Изготавливали одежду специалисты-швецы, работавшие на заказ и на рынок. Швецы работали и по деревням (Чечулин, 1889. С. 339; Жегалова, 1979. С. 96-99).

Кроме отечественных тканей, можно было приобрести и привозные иностранные. Источники упоминают для того времени более 20 названий разных шелковых материй и более 30 наименований лишь одного сукна (Древняя одежда... С. 65). Разнообразны были и кожаные товары. Все это стоило дорого, многое было доступно лишь богатым.

Платье высоко ценилось. Его очень берегли, передавали по наследству, "жаловали" за службу (не обязательно новое). Изношенные вещи чинили, обрезки оставляли для отделки, ветошь хранили для заплаток.

В основе своей и женская, и мужская одежда русских, особенно крестьянская, оставалась такой же, как и в предыдущую эпоху.

Господствующей формой мужской рубахи была туникообразная рубаха, ее шили из шерстяной (волосени), льняной или конопляной ткани. Под рукавами она имела ластовицы, на плечах - подоплеку, а по бокам могла расширяться с помощью вставных клиньев. Ворот застегивался на пуговицу или завязывался тесемкой. По расположению разреза ворота на груди его определяют как прямой (посередине груди) или косой (слегка

сдвинутый вбок). О преобладании прямого или косо́го ворота для того времени сказать что-либо определенное невозможно. Допустимо лишь предположить, что примерно с XV-XVI вв. у русских началось формирование рубахи-косоворотки (с разрезом ворота с левой стороны груди). Она впоследствии становится основным видом верхней мужской рубахи и получает название русской, в то время как у украинцев и белорусов закрепи́лась в быту прежняя форма рубахи с прямым разрезом ворота. Довольно низкий вырез горловины прикрывался круглым, чаще накладным воротником-ожерелком, украшенным вышивкой. У богатых ожерелок расшивался цветными шелками, золотыми нитями и саженем жемчугом. При выходе из дома такой воротник был обязательной принадлежностью костюма. Украшался подол рубахи и низ рукавов. Вышивки, вероятно, имели магическое значение. Ожерелки, возможно, вели свое происхождение от шейных гривен, домонгольского периода, которые еще встречались в XVI в. в качестве свадебного убора {Громов, 1977. С. 204}. Характерный воротник - стойка, известный нам по классическим образцам русской косоворотки XIX в., появился позже.

Рубахи носили навыпуск поверх штанов, подпоясавшись поясом. Штаны постоянно носили, видимо, взрослые мужчины, мальчики же ходили в одних длинных рубахах.

Штаны, как и у других народов Восточной Европы, делали узкие, почти обтягивающие ноги. Верх их, прикрытый рубахой, мог быть и широким. Покрой штанов пока остается неизвестным, но судя по бытовавшим названиям (гачи или гащи и ноговицы), первоначально они могли быть не цельными, а состоять из отдельных частей.

Шили штаны из толстого холста или сукна естественного цвета, но были, наверное, и цветные, полосатые. Богатые имели шелковые верхние штаны - например из тафты. На теле штаны укреплялись с помощью шнура или тесемки, а внизу они заправлялись в онучи - куски ткани (холщевой или шерстяной), обматывавшие ноги и обвязанные поверх веревочными или ременными оборами.

Оборами же прикреплялись к ногам постолы или лапти. Онучи употребляли и с сапогами. Мягкие сапоги с подшитой подошвой или без нее, и с мягким голенищем подвязывались ремешком у щиколотки и под коленом. Такие сапоги носили еще в XVII в., но в это время распространяются сапоги с жесткими головками и голенищами. Знатные носили цветные нарядные сапоги с загнутыми кверху носками и на высоких деревянных или наборных каблуках. Их шили из дорогой привозной кожи - цветного сафьяна - красного, зеленого, желтого, голубого и украшали тиснением и жемчугом. У бедных сапоги были из кожи естественного или черного цвета.

Мужские шапки были самыми разнообразными. Чаще всего на изображениях крестьян и горожан встречаются войлочные колпаки конусообразной формы со скругленной вершиной или цилиндрические шляпы, высокие и с отогнутыми кверху краями, напоминающие известные в XIX в. валяные крестьянские шляпы. Зимой носили суконные шапки, подбитые мехом - типа колпака.

Шапки знатных и богатых сильно отличались от крестьянских. Высокие шапки из дорогих материалов, в том числе меховые и особенно ценные "горлатные" (из меха с горловины зверя), отделанные драгоценными украшениями, свидетельствовали о высоком положении их владельцев. В XVI в. в домашних условиях бояре и другие знатные люди не расставались с маленькой тафьей, прикрывающей макушку. Ношение мужчинами шапки, как и позже, считалось обязательным. Снять шапку перед кем-то означало проявить покорность, подчеркнуть свое почтение. Обнажали голову перед старшим и перед знатым.

О женской одежде известно, что в основе ее оставалась длинная с большими рукавами рубаха (сорочка), украшенная по подолу и рукавам вышивками или нашивками. Покрой ее нам пока неизвестен. Нательные рубахи были скромными, верхние - более нарядными и порой с длинными рукавами, собиравшимися в сборки и стягивавшиеся у запястьев манжетами или браслетами. Рубахи шили из белого полотна, богатые - из тонкой шелковой или хлопчатобумажной покупной материи. Нательные — могли быть и

шерстяными. К рубашке полагался пояс.

Сорочка у восточнославянских женщин, как, впрочем, и у южнославянских, по-прежнему дополнялась различного вида набедренной шерстяной одеждой так называемого престилочного типа (от болгарского престилка), известного и южным славянам. У русских это была распашная "понева", укреплявшаяся на талии с помощью шнура или тесьмы. Название "понева" было связано, вероятно, с особого рода тканью и употреблялось также в значении завесы, накидки, ковра {Срезневский, 1895. С 1185-1186). В XVI-XVII вв. употребление поневы по сравнению с предшествующим периодом, по-видимому, сильно сократилось и локализовалось главным образом на территории к югу от Москвы, где она была хорошо известна и в XIX в. На этом основании было высказано предположение о сложении двух классических комплексов русской традиционной одежды (поневного и сарафанного) уже к XVII в. (Древняя одежда... С. 64-65, 69, 93). При этом понева, очевидно, употреблялась только в крестьянском быту и не была распространена в быту у других социальных групп. Свидетельством тому служит почти полное отсутствие упоминаний о ней в письменных источниках, касающихся жизни горожан и господствующих классов.

В этот период у русских, как и у белорусов, и отчасти у украинцев, стали широко применяться юбки (спидницы, саяны). Первоначально они бытовали у горожан и знати, а в дальнейшем постепенно вытеснили другие виды одежды, прикрывавшей низ сорочки.

Русские горожане уже в XVI в. стали носить особую плечевую одежду, надевавшуюся поверх рубахи - сарафан; название это, кажется, перешло на женскую одежду с мужской распашной одежды с рукавами, которая бытовала ранее и о которой известно довольно мало.

Происхождение женского сарафана остается пока мало известным. Это могла быть новая одежда, возникшая в городах под влиянием костюма господствующих классов и служилого населения и распространившаяся затем среди крестьянства. Но вполне вероятно также, что она сформировалась на основе каких-то традиционных одежд, существовавших ранее и известных под разными другими названиями. Б.А. Куфтин считал возможным связывать генезис позднейшего сарафана с женским костюмом поневного типа через эволюцию этого костюма путем приобретения поневоной лямок и лифа, а также удлинения плечевой накладной одежды, а иногда и потери ею рукавов (Куфтин, 1926. С. 110-120; Маслова, 1956. С. 642-643).

Вместе с термином сарафан для обозначения женской комнатной одежды, надевавшейся поверх рубахи, употреблялись названия ферязь, сукман, саян, шубка и др. Сарафаны шили нарядными из цветных тканей. Применяли яркую крашенину и дорогие привозные ткани. Отделывали галуном, кружевами, пуговицами, иногда драгоценными.

Эта новая женская одежда в сочетании с твердым головным убором (кокошником или кикой) была в употреблении как у феодальной знати и горожан, так и у крестьян. Весь костюм с сарафаном закрепился в севернорусских областях. В силу различных исторических обстоятельств именно этот костюм с сарафаном и кокошником довольно широко распространился и вместе с мужской рубахой-косовороткой стал считаться впоследствии наиболее характерным для русских костюмов, т.е. приобрел национально-символическое значение. Очевидно есть основания предполагать, что распространение комплекса женской одежды с сарафаном происходило именно в период сложения и развития Русского централизованного государства и было связано с процессом формирования общерусского национального костюма. Единство костюма выражалось не в его однообразии, а в функционировании многих его вариантов, в том числе и локальных. Наличие их было обусловлено как сохранявшимися традициями, так и инновациями, появившимися в ходе характерных для того времени передвижений отдельных групп населения на новые места, где под влиянием природно-хозяйственных условий и соприкосновений с культурой других народов и возникали локальные особенности. О многообразии форм русской одежды допетровской или предпетровской эпохи

свидетельствуют богатые материалы XIX-начала XX в., в частности, по тому же сарафану, некоторые виды которого восходят к XVI-XVII вв.

В бытовании женских головных уборов, по-видимому, продолжали развиваться прежние традиции: у замужних женщин строго соблюдался обычай покрывать голову; девушки же ходили с непокрытой головой, свободно распустив волосы или же заплетали одну-две косы. Продолжали употребляться различные украшения - перевязки и косники. Городчатые венцы и коруны были, вероятно, парадным убором. У простонародья они сохраняли свою роль в свадебном обряде. Головной убор замужней женщины впервые надевался в конце свадьбы, что сопровождалось определенными магическими действиями.

Женский головной убор был сложным и состоял из нескольких частей. В XVI-XVII вв., как и ранее, продолжали носить полотняные покрывала, платы. Убрус надевали поверх мягкой матерчатой шапочки - повойника или подубруса и подзатыльника, прикрывавших волосы, заплетенные в две косы. Вместо убруса употреблялся также сетчатый обшитый дорогими тканями волосник. Широко была распространена кика или кичка - символ замужества. Ее также надевали на повойник. Кика представляла собой нарядную шапочку с мягкой тульей и плотным расширяющимся кверху подзором. Особенно украшался перед - чело, видимое из-под платка, накидывавшегося сверху. Упоминаются также сороки и кокошники, которые в сочетании с сарафаном особенно были свойственны костюму знати.

Исследователи давно отмечали генетические связи этих головных уборов с позднейшими кичками, сороками и кокошниками, известными в XIX в. {Лебедева, Маслова. С. 202-212}. Формы их были многообразны и вряд ли они восходили к одному прототипу. Древними, очевидно, были рогатые головные уборы у крестьян в глухих отдаленных уголках России. Происхождение их связано с какими-то архаическими, возможно, магическими представлениями.

Поверх сложного головного убора, выходя на улицу, женщины надевали платок или шапку, шляпу - по сезону. Пышно украшенные шляпы носили придворные царицы. Шапки шили из меха. Они имели различные формы (треухи, столбунцы). Бытовали матерчатые каптуры.

В женских головных уборах было, очевидно, много локальных разновидностей. Кроме того, строго соблюдались сословные различия, которые становятся все более резко выраженными.

Женская обувь мало чем отличалась от мужской.

В верхней одежде русских, как у мужчин, так и у женщин, наблюдалось разнообразие. В источниках имеются упоминания об одежде с разными названиями. Однако далеко не всегда их можно сопоставить с теми или иными формами одежды, известными по старинным изображениям, и тем более - представить себе покрой платья. Верхняя одежда различалась по материалу, из которого она изготовлялась, по длине, по фасону, по цвету. Новым по сравнению с предыдущим периодом было, как предполагают исследователи, появление в XVI-XVII вв. наряду с однобортной распашной одеждой двубортной (Народы, 1964. С. 130). Верхняя одежда, по-видимому, более, чем нательная, была подвержена изменениям, в том числе и под влиянием моды, и в ней особенно сильно сказывались сословные особенности. Они выражались в применении различных материалов, в количестве надеваемых одновременно вещей, в общем облике одежды (например, в длине) и в ее украшении.

К сожалению, большинство сведений, дошедших до нас, относится к одежде высших сословий феодального общества. Об одежде крестьян данные весьма скудные.

" Верхнюю одежду можно разделить на комнатную и уличную, хотя деление это условно и многие виды ее могли выполнять роль как той, так и другой.

В качестве верхней комнатной одежды, а в летнее время и выходной, у женщин служили нагрудники, закрывавшие верхнюю часть корпуса. Поверх сарафана обычно

носили душегрею — короткую, до талии кофту без рукавов (реже — с рукавами), собранную в густые сборки. Шили ее из дорогих тканей. Такая душегрея, вероятно, может рассматриваться как прототип позднейшей безрукавки на лямках в севернорусском костюме, известной под разными названиями: перо, коротена, бастрог.

С поневой поверх рубахи надевали накладной, т.е. не распашной, наверхник туникообразного покроя. Подобная одежда - шерстяная (сукня, катанка, нагрудник) или льняная (касталан, насов, наверхник), бытовавшая как часть поневного комплекса в южных губерниях России в XIX в., как полагают специалисты, имела явно древнее происхождение. Считается возможным связывать генезис этих туникообразных нагрудников с древнерусским летником, который еще в документах XIV в. упоминается как обязательная принадлежность свадебного костюма феодальной знати. Это была парадная одежда, в большинстве случаев накладная. С плеч, как крылья, свисали широкие рукава с особо нашитыми полосками дорогих тканей - вошвами. Подол летника делался из более плотной, чем верх, узорной материи, иногда из парчи. Исследователи отводят летнику большую роль в развитии русского национального костюма (Громов, 1977. С. 211; Древняя одежда... С. 74).

Летник был специфически женской одеждой и надевался поверх сарафана. Близок к нему теплый, подбитый мехом, кортель.

В гардероб богатых знатных женщин входила также нарядная сугубо домашняя распашная телогрея, надевавшаяся на сарафан и похожая на него по покрою. Ее отличают длинные суживающиеся книзу рукава и множество пуговиц вдоль разреза.

Некоторые виды верхней одежды носили и мужчины, и женщины. Таковой была, например, прямоспинная осенне-весенняя однорядка из шерстяной ткани с длинными откидными рукавами и прорехами для рук. Эти же особенности кроя имели и летние шелковые опашни, надевавшиеся обычно внакидку, а если в рукава, - то нараспашку. Мужской охабень отличался большим отложным воротником и длинными до пола рукавами с прорезями для рук.

Были и другие разновидности прямоспинной одежды. Одни из них служили парадным одеянием московской знати (например, фerezая), другие имели более широкий круг бытования. Так, армяк из самодельного сукна в качестве повседневной уличной одежды носили простые люди как в городе, так и в деревне. У знатных же его шили из дорогих покупных тканей и употребляли лишь в домашнем обиходе.

Из плащевидной безрукавной одежды еще продолжали сохраняться богатые мужские и женские приволоки, упоминавшиеся в завещании князей, сменившие, вероятно, длинные плащи знати - корзно, известные с древности.

Наряду со свободной прямоспинной одеждой в этот период была широко распространена и прилегающая одежда кафтанного типа. Она бытовала во всех слоях общества. Мужской комнатной одеждой был зипун — довольно короткая облегающая тело куртка с клиньями в боках или с отрезной спинкой, которую носили поверх рубахи. Зипун украшался слабо, видимо, потому, что его прикрывал надевавшийся сверху кафтан. Впрочем, у бедных зипун мог и заменять этот последний, являясь, в таком случае уличным платьем.

Кафтан носили преимущественно мужчины, реже — женщины. Его шили на подкладке. Материал для верха брали добротный, в соответствии с состоянием и назначением - бархат, атлас, камку, сукно, сермягу, крашенину. Делали и теплые кафтаны - шубные - бараньи, козлиные. Как правило эта одежда была распашной, запахивалась на левую сторону и застегивалась на пуговицы или на завязки.

Название кафтан восточного происхождения. В XVI-XVII вв. оно широко употреблялось у русских, и по-существу, относилось к разным одеждам. Кафтаны различались не только по материалу, но и по длине, покрою, фасону, отделке, украшениям. Разнообразными были воротники - отложные, стоячие, иногда очень высокие - козырем, пришитые, пристегивающиеся; иногда воротник отсутствовал вовсе.

Рукава длинные узкие, могли откидываться. Различались кафтаны русские, турецкие, становые, польские, венгерские, терлики. Как видно, эта одежда была подвержена изменениям моды. Среди кафтанов были и такие, которые служили как дождевой плащ — кобеник, епанча. В XVI в. в придворной среде распространилась похожая на кафтан "чуга" для верховой езды. Появление ее, по-видимому, было вызвано оживленными политическими и культурными связями с Северным Кавказом.

Зимой носили меховые, главным образом овчинные, шубы, полушубки, тулупы, покрытые крашеным полотном (крашениной) или сукном, и нагольные (кожухи). У богатых шубы были нарядные, часто на дорогих мехах, украшенные петлицами, нарядными пуговицами, металлическим кружевом и т.п. Они имели разное назначение. У бедных в обиходе обычно имелась одна скромная шуба.

На руки в холодное время года надевали рукавицы (рукавки), иногда с пальцами - кожаные, матерчатые или вязаные. У богатых они были с крагами (запятьями), роскошно расшитые, как и тыльная сторона самой рукавицы.

Украшениям вообще принадлежала большая роль в женском и мужском убранстве. Головные уборы, пояса, воротники, пристегивавшиеся к рубаше и верхней одежде (ожерелья, ожерелки), манжеты (запятья, зарукавья), борта густо покрывались вышивками и нашивками из дорогих тканей, шнуров, голуна, кружев, бус. Распространенными украшениями служили пуговицы, петлицы; большим успехом у богатых пользовались жемчуг, драгоценные камни, се-ребряные и золотые нити. Бедные ограничивались более скромными вышивками цветной нитью, матерчатыми нашивками, узорными затканками.

Судя по документам, богатые женщины имели множество украшений: в уши вдевали серьги, на руках носили браслеты, на пальцах - перстни, на шее - мониста из бус, золотые цепочки, к головному убору прикрепляли низки жемчуга — рясы. Одну серьгу по-традиции носили и мужчины, мужской перстень назывался жико-виной или напалком. В среде простонародья, и особенно бедных, картина, естественно была совсем иной.

В целом, развитие русской одежды в XVI-XVII вв., несмотря на известное ее этническое единство, протекало по пути ее дифференциации. Кроме локальных вариантов, которые, как мы уже говорили, несомненно имели место, но по наличным материалам пока прослеживаются с трудом, в ней явственно проступали социальные различия. Наряду с традиционными особенностями убранства по полу, возрасту и семейному положению, костюм отдельных социальных групп русских рознился не только по материалу, длине одежды, пышности, но часто по его составу и даже по покрою отдельных частей.

Крестьянской одежде была свойственна наибольшая традиционность, наличие архаических форм (понева, туникообразный нагрудник, лапти), употребление материалов, полученных в своем хозяйстве и сравнительно недорогих покупных. Дорогие ткани применялись главным образом для отделки выходной одежды и в значительной мере для головных уборов, вероятно, из соображений престижа. Платье изготовляли дома; некоторые виды одежды и обуви (нарядные сарафаны, кафтаны, сапоги) - у мастеров-ремесленников. Постепенно под влиянием города среди крестьян распространялись кафтаны из цветного сукна.

Одежда горожан отличалась от крестьянской. В ней было меньше архаических элементов, отсутствовали понева и лапти, они заменялись сарафаном и сапогами, была и детская одежда, сшитая по образцам взрослой. И хотя городская одежда, особенно у простонародья, мало отличалась от крестьянской, участие в ее создании профессионалов и более широкое применение промышленных материалов накладывали свой отпечаток на облик горожанина. При этом горожане необходимое производили сами. Для этого у них дома были все приспособления, как и у крестьян.

Одежда горожан отличалась, кажется, заметным локальным однообразием. Если в крестьянской женской одежде этого периода можно проследить территориальное распространение поневного и сарафанного комплексов, то в городском костюме

наблюдается большая однородность. К тому же, как уже говорилось, поневу в городе вообще не носили.

Из общей массы русского сельского и городского населения по одежде выделялось духовенство. Отличие касалось верхней одежды. Духовные лица поверх обычного комнатного платья носили первоначально однорядку, а потом — рясу с широким воротом и длинными рукавами, а церковные иерархи - особую мантию и головной убор — клобук. В комплекс одежды входил, очевидно, еще подрясник с длинными узкими рукавами, служивший для низшего причта в качестве домашней одежды (Древняя одежда... С. 105).

В тот же период с развитием военного дела начала складываться военная форма. Элементы ее, особенно у верхнего командного состава из князей и бояр, в виде шапок, поясов, плащей, налатников и т.п. прослеживаются с более раннего времени. С возникновением же регулярного войска происходит известный процесс унификации военной одежды. Для стрельцов становятся обязательными длинные (до лодыжек) кафтаны с петлицами, шапки в виде колпака с меховой оторочкой и сапоги. Расцветка обмундирования в каждом полку имела свою специфику. В военную среду проникало заметное влияние западноевропейской одежды — польской, затем - венгерской, а впоследствии - немецкой. Эти влияния, правда, затрагивали более всего господствующую феодальную верхушку, которая постепенно стала следовать моде. Однако в целом ее одежда менялась медленно.

Для гардероба феодальной знати, дворянства, богатого купечества было характерно большое обилие вещей, их добротность и высокое эстетическое качество. Одни и те же виды одежды бытовали во многих вариантах, соответствующих их функциональному предназначению. Наряд этой социальной группы отличался пышностью и богатством. Иностранцы путешественники XVI-XVII вв. отмечали большое разнообразие жемчужных и иных украшений, мехов, вышивок (О государстве, 1906, С. 125-126; Тиннер, 1891. С. 101-108). По-прежнему, можно заметить многослойность парадной одежды, отвечающую, вероятно, требованиям представительности. Обычай носить несколько сходных верхних одежд одновременно (надетых одна поверх другой) был особенно распространен в придворной среде и соответствовал определенному этикету. В целях неукоснительного соблюдения установленного этикета некоторым чинам в соответствии с их положением при дворе выдавалась парадная одежда, или материал для нее, из царской казны.

Различия между одеждой верхушки феодального общества и всего остального русского населения, касающиеся в основном верхнего платья, были достаточно заметными. Многие виды одежды, головных уборов, обуви, употреблявшиеся богатыми и знатными, среди простого народа могли не встречаться вовсе. И все же это не означало, что народный костюм не испытывал в своем развитии влияния костюма элитарных групп. Это влияние несомненно имело место в тот период. Его можно проследить ретроспективно по позднейшим материалам XIX в., например, в орнаментике, головных уборах, украшениях.

В целом одежда русских допетровского времени, обладавшая известным единством, отличалась большей устойчивостью форм, следованием традиции, ярко выраженным своеобразием, т.е. свойственной ей этнической спецификой. Начавшееся проникновение в быт социальной верхушки образцов западноевропейской моды лишь только коснулось русской одежды и еще не привело к типологическому разделению в ней.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОДЕЖДЫ В XVIII-XIX ВЕКАХ

В дальнейшем у русских наблюдается все большее расхождение в одежде различных сословных групп сельского и городского населения. Со второй половины XVII до середины XIX в. (период характеризуется разложением феодально-крепостнической системы и развитием капиталистического уклада) различия в культуре господствующих классов и народных масс становятся особенно глубокими. Одежда господствующих классов, хотя и включала отдельные традиционные или так или иначе связанные с традицией элементы (чаще всего в сугубо домашнем обиходе), но в целом сильно отделилась от нее и все более следовала западноевропейским образцам.

Радикальные преобразования в русской одежде связаны с именем Петра I, с его законодательной деятельностью. Изменения проводились административными методами под угрозой штрафов. В 1700 г. вслед за указом о брандобритии (1698), вызвавшим бурю негодования со стороны ревнителей русской старины, появился указ об обязательном введении иноземного платья (на манер венгерского) в Москве и в других городах для всех мужчин, кроме крестьян и духовных лиц. Следующие указы говорили о введении французского и немецкого платья и распространяли волю монарха не только на мужское, но и на женское население как столичных, так и провинциальных городов. Исключение составляли пашенные крестьяне, священнослужители, церковный притч, извозчики, а затем также и старообрядцы. Для правильного воспроизведения образцов иностранной одежды у ворот Кремля для всеобщего обозрения были выставлены одетые манекены, а также устанавливался контроль за производством отдельных вещей на продажу (например, немецких шапок) путем их клеймения (Белогорская, Ефимова. С. 345-346).

Нововведения отвечали прежде всего задачам выделения из общей массы народа дворянства как господствующего сословия, возвышения над всеми. Они согласовались с той социальной ситуацией, которая тогда сложилась в России, - с ростом абсолютизма, с формированием регулярной армии, с развитием бюрократического аппарата государства. Реформы Петра I подвергали коренной ломке дворянский быт, но отчасти затрагивали и другие слои общества.

Новые моды прививались с трудом и главным образом в столицах, в провинцию же они доходили медленно и часто в искаженном виде. Охотнее им следовала молодежь, тогда как старшие старались придерживаться привычного платья.

Нововводимая одежда представляла собой общеевропейский костюм, сложившийся в основном, в среде французского дворянства и имевшего в разных странах некоторые отличительные черты. В своем развитии он был подвержен законам смены известных художественных стилей европейской культуры — барокко, рококо, классицизма. На протяжении XVIII в. этот костюм несколько раз менял свой силуэт. Переход к новой одежде взамен старой традиционной означал, что Россия, как и другие страны Европы, включалась в непрерывный круговорот моды, подчинявшей себе во многом эволюцию костюма. Естественно, это касалось прежде всего царского двора и близких к нему кругов. Сюда, как и в другие европейские столицы, из Парижа прибывали куклы-модели, "ПандорьГс образцами парадного и повседневного дворянского платья. Отсюда модные покрои и фасоны расходились по всем городам с разной степенью опоздания. Моды стали публиковаться только с 1779 г.

Костюм дворянства, как и ориентировавшихся на него представителей нарождающейся буржуазии (главным образом, богатого купечества, крупных промышленников), в результате реформ Петра I сильно отошел от народной традиции. Он стал изготавливаться по западноевропейским образцам, и его эволюция определялась законами моды. Правда, в царствование Екатерины II в 80-е годы была сделана попытка

удержать в придворном быту некоторые традиционные формы женской одежды. Для торжественных приемов дамам предписывалось являться во дворец в роскошном русском платье, напоминающем старинные летники или сарафаны. Однако это не получило достаточно широкого распространения, и в дальнейшем в XVIII в., а также и в XIX высшие слои русского общества по своему внешнему облику все более отдаляются от русского населения. Одежда в этот период наглядно отражала деление позднефеодального русского общества на социальные слои и группы. Вместе с тем сама она, играя немаловажную роль в широкой сфере человеческого общения, способствовала углублению этих различий, известной изоляции отдельных групп в быту.

Главным хранителем традиционного русского костюма оставалось крестьянство. Закономерности эволюции этого костюма были несколько иными. Большое воздействие на ее ход оказывали консолидирующие и дифференцирующие этнические процессы, протекавшие в связи с постоянным расширением этнической территории русских и продолжением передвижения населения внутри страны, а также большие социальные изменения, вызванные прежде всего развитием промышленности и обмена. В сложившихся условиях происходило известное сглаживание уже сформировавшихся к тому времени локальных комплексов традиционной одежды и появление новых. Одни из них могли расширять свой ареал, другие - сужать. Так, например, известно, что в этот период происходило широкое распространение сарафана (а значит, и всего его комплекса) в городах, как на севере, так и на юге, и все более глубокое проникновение его в быт деревни (Рабинович, 1982. С. 154). К сожалению, сведения по XVIII в., имеющиеся в распоряжении исследователей, хотя и более значительные по сравнению с предыдущими веками, все же не дают возможности достаточно точно идентифицировать с упоминающимися в документах названиями истинный облик бытовавших тогда предметов одежды. Тем более трудно восстановить сколько-нибудь полную ее картину.

Одежда крестьян, разумеется, должна была изменяться под влиянием общего прогресса. Одни ее элементы (обычно более архаические) постепенно уходили из обихода, другие - получали более широкое применение. Но в силу особенностей общественного и хозяйственного строя деревенской жизни, сравнительно слабого развития товарно-денежных отношений движение это было достаточно медленным. Не случайно, что еще и в середине XIX в. крестьянская одежда порой была старомодна.

Немалое значение для изменений крестьянской одежды имели города, которые с самого своего появления стали вносить свой вклад в развитие национальных форм материальной и духовной культуры. Здесь встречались люди, принадлежавшие к разным сословиям и отличавшиеся по имущественному положению; отсюда в деревню приходили новые товары и новые вкусы. В XVIII в. уже появились отходники из оброчных крестьян, работавшие в городе.

Особенность городской одежды, в отличие от сельской, состояла прежде всего в использовании преимущественно разнообразных покупных отечественных, а отчасти и привозных материалов, что неизбежно влекло за собой и изменения в покрое и в украшениях. Однако неоднородность городского населения обуславливала большое разнообразие костюмов. Богатые и знатные горожане носили западноевропейское, так называемое немецкое, платье, большинство же - русское. Купцы, мещане, ремесленники придерживались преимущественно традиционного покроя в одежде, что диктовало применение материалов традиционного изготовления (либо домашних, либо покупаемых у ремесленников). Внутри отдельных социальных слоев различия проявлялись главным образом в качестве материалов. Зажиточные шили из покупных русских или дешевых привозных тканей, бедные применяли холст, сермягу, набойку и др. Богатые употребляли для верхней одежды тонкое сукно, серебряные и позолоченные пуговицы (Георги, 1776. С. 127-128).

У средних и низших слоев городского населения продолжала бытовать традиционная мужская рубаха давно сложившегося покроя - туникообразная голошейка с прямым или

косым разрезом ворота. Достигая почти колен, она выпускалась поверх длинных нешироких штанов из холста, кумача или полосатой пестряди и подпоясывалась поясом. Зажиточные шили штаны из плиса или немецкого сукна, наиболее распространенным верхним платьем была кафтанообразная одежда, известная во многих вариантах под различными названиями: зипуны, сермяги, кафтаны, полукафтаны, поддевки. В их покрое можно обнаружить как черты русской традиционной одежды древнего происхождения, так и новые, под влиянием иноземных мод.

Изменения в верхней одежде происходили довольно быстро, однако русские кафтаны обычно отличались большей длиной (ниже колен, до середины голени), прямой спиной, отсутствием воротника, карманов, обшлаггов, разреза сзади, свойственных новой одежде. К новым веяниям относилось все большее распространение приталенных, расклешенных, сравнительно коротких форм.

Купцы и мещане, кроме кафтанов, носили камзолы - однобортные с застежкой и раскошенными полами, с карманами и клапанами. Среди купцов разного положения и достатка широко бытовали сюртуки. К концу века костюм богатых промышленников и торговцев приближается к костюму дворян.

Зимой богатые горожане носили меховые или подбитые мехом шубы (лисьи или рысьи длиной до пят), чаще шубные кафтаны или полушубки с отрезной спинкой и со сборами или с фалдами от талии. Наряду с ними бытовала и традиционная дополнительная одежда халатообразного покроя - халат, азам, армяк. Просторные и длинные, они плотно запахивались и подпоясывались кушаком. Зимой носили овчинный тулуп с большим воротником шалью.

Мужским головным убором служила широко распространенная шапка с цветным суконным верхом и черным овчинным околышем. Известно, что в конце XVIII в. такую "русскую" шапку с желтым верхом и с таким же кушаком поверх кафтана или шубы носили петербургские извозчики (Белогорская, Ефимова. С. 360). Были в моде и суконные картузы с овчинным околышем. Среди купцов широким спросом пользовались черные с круглыми полями шляпы "немецкого дела". Стриглись мужчины спереди - до бровей, сзади — до плеч.

Обувью служили сапоги, сшитые чаще всего на прямую колодку, и кожаные коты.

Скудностью и примитивностью отличалась одежда мастеровых, работных людей, горных людей, занятых на фабриках, заводах и промыслах. Попытки ввести для них своего рода униформу не увенчались успехом. Дополнениям к одежде мастеровых служили передники и различные кожаные рукавицы и вареги.

Женское население городов придерживалось в одежде старых традиционных форм. Купчихи и мещанки, как и крестьянки, носили длинные полотняные рубахи со сборками у ворота и с длинными широкими рукавами, суживающимися к запястью или заканчивающиеся оборкой. Встречались также рубахи с удлиненными рукавами, забранными в поперечные морщины.

Поверх рубахи в городах носили сарафаны. Сарафан, как и ранее, бытовал в нескольких вариантах и под разными названиями (Маслова, 1956. С. 642; Тазикина. С. 21-35; Богданов. С. 132). Он был также широко распространен и у крестьян, особенно в северной и центральной полосе России. Старинные глухие сарафаны, в основе своей туникообразного покроя, с клиньями по бокам, уже тогда служили в некоторых местностях одеждой только старшего поколения женщин (сукман, шушун, шушпан). Наиболее распространенным был косоклинный распашной сарафан (иногда с ложным разрезом спереди), встречавшийся во множестве разновидностей (касталан, ферязь). Он эволюционировал по пути сужения плечиков и превращения их в длинные узкие лямки и углубления выреза на груди. Такой сарафан был наиболее характерным для северных областей территории расселения русских и имел некоторые общие черты со схожей одеждой соседних неславянских народов. В Центральном районе в XVIII в. получил распространение прямой сборчатый сарафан с узкой обшивкой на груди и на узких лямках

-московский, круглый, называвшийся иногда шубка. Проникновение сарафана в другие районы страны было непосредственно связано с передвижениями отдельных групп населения, которые приносили его с собой на новые места. Так, уже говорилось о появлении этой одежды в некоторых районах на юге России под влиянием расселения здесь в XVI-XVII вв. служилых людей для охраны границ государства. Продолжили это проникновение и более поздние переселения. Вместе со старообрядцами, убежавшими от преследований, такой сарафан появился в Сибири, на Дону, в Заволжье (Лебедева А.А., 1982. С. 143).

В комплексе с сарафаном носили пояс, головной убор - кокошник, иногда с головным покрывалом. В качестве верхней одежды применялись сложившиеся в более ранний период короткие безрукавные на лямках душегреи или епанички, а также более длинные и с рукавами шугаи и телогреи.

В ряде районов поверх рубахи крестьянки надевали древнюю поневу из шерстяной, чаще всего клетчатой, ткани. Это, очевидно, была распашная понева, не сшитая спереди или сбоку. Ее носили преимущественно в южнорусских губерниях, отчасти в среднерусской полосе, на Смоленщине, у русских переселенцев в Поволжье. Понева считалась нарядом замужних женщин. Девушки же до самой свадьбы могли ходить в одной рубахе. Об этом свидетельствует особый обычай надевания на девушку поневы в первый раз, сохранившийся у русских в более позднее время (Зеленин, 1911. С. 238-239).

В комплексе с поневой бытовали кичкообразные головные уборы, иногда рогатые. Иностранцы путешественники отмечают большое разнообразие головных уборов у русских (Паллас. С. 49; Записки графа Сегюра. С. 84). Продолжали сохраняться различия между девичьими головными уборами с открытым теменем и косой и уборами замужних женщин, которые должны были закрывать волосы. Свои особенности имело также убранство головы невесты, а иногда - и просватанной девушки.

В городах у купчих и мещанок, кроме сарафанного комплекса, под влиянием изменений в дворянском костюме распространилось платье, состоящее из широкой юбки и кофты или шугая (род кофты с узкими рукавами). Шили их иногда с учетом моды. Юбки были черные и цветные из тканей разного достоинства в зависимости от состояния владельца. К этому костюму иногда добавлялся нововведенный поясной фартук, не свойственный традиционному русскому наряду. Голову покрывали платком-головкой, завязывая концы его спереди над лбом. В большом ходу были большие платки и шали.

Новшеством в этой среде стали также цельные свадебные платья невесты, сшитые на западноевропейский манер.

Теплой одеждой у зажиточных горожан были различного рода холодные и утепленные накидки - плащеобразные с прорезями для рук и без них - накидки, епанчи, салопы или ассалопы. Разнообразны были и шубы для зимы - на меху, крытые сравнительно дорогими нарядными тканями и с меховыми воротниками разного достоинства. Среди простонародья, как и у крестьян, бытовали кафтаны и зипуны.

На ногах носили нитяные или шерстяные чулки (часто синие или белые с красными стрелками), сапоги или кдты. У богатых купчих, особенно у молодых, в употреблении были нарядные выстроченные башмаки из сафьяна, парчи или шелка. Крестьяне в повседневном быту обували лапти, для праздников имели сапоги, кдты.

В XIX в. у преобладающей части русского народа в одежде продолжали развиваться тенденции, которые наметились ранее. Прежде всего ей было свойственно господство традиционных форм, ведущих свое начало с глубокой древности, сохранение местных особенностей.

Следование старинным образцам, некоторая их консервация, во многом были обусловлены той значительной ролью, которую играл натуральный уклад в хозяйстве сельских и городских жителей, известной изолированностью культурной жизни отдельных групп крестьян и горожан. Усугублялось все это усиливавшимся феодальным гнетом, ухудшавшим материальное положение трудового народа, а порой и личной

зависимостью крепостных от произвола помещика. Изменения в традиционной одежде, особенно у крестьян, происходили медленно, и она в значительной мере продолжала оставаться такой же, как и в прошлые века.

Основная роль в сохранении традиционной преемственности в русской одежде принадлежала домашнему производству, начиная с сырья и кончая готовыми изделиями. Известно, что еще в конце XIX и даже в начале XX в. производство волокна, прядение и ткачество, отчасти и домашнее крашение, а также изготовление лыковой плетеной, иногда кожаной сыромятной обуви удерживалось в быту у большей части крестьянства.

Все эти работы органически вплетались в круг занятий крестьянской семьи. Забота об изготовлении одежды в основном входила в обязанности женщин. Самым длительным и трудоемким было получение пряжи и ткани из льна, конопли и шерсти (Лебедева Н.И., 1956. С. 461-542). Этой работой в течение осени, зимы и весны были заняты все женщины. Девочки уже с 7-8 лет разматывали нитки, с 12 лет они считались хорошими пряжами, а в 15 - ходили белить холсты. Ткачеством, требовавшим большого мастерства и выносливости, занимались старшие (20-40-летние). Начинали прясть по окончании уборочных работ, с сентября, а затем и все длинные зимние вечера. Ткали Великим постом -устанавливали ткацкие станы в избах поближе к окнам. В больших количествах вырабатывали холсты; в них была большая потребность, а также шерстяные и полушерстяные ткани разного качества. Владели и приемами узорного ткачества -браного, закладного, многоремизного. В южных губерниях выделяли специальные ткани для поневы - главным образом клетчатые. Большое место в домашнем производстве занимало изготовление онуч, тканых и плетеных поясов, обор, тесемок, шнуров. Овечья шерсть шла для вязания чулок, носков, варежек. Овчину могли вырабатывать дома, но чаще всего пользовались услугами местных ремесленников.

Пряжу, растительную и шерстяную, а также ткани, окрашивали в черный, синий, красный и другие цвета, в основном у красильщиков. Наибольшей любовью пользовался синий цвет, нередко в сочетании с белым и красным. Не случайно ремесленников-красильщиков часто называли синельщиками.

Пошивкой всей одежды, кроме верхних теплых вещей, занимались женщины. Шили на руках пеньковыми или льняными нитками, иногда с помощью швейки. Покрой были просты и определялись шириной ткани и издавна сложившимися вкусами и навыками. Шить верхние платья из сукна или выдубленных овчин приглашали пришлых портных, работавших на дому заказчика за деньги и харчи.

На обязанности мужчин лежало изготовление обуви. Из заготовленного липового лыка или приобретенного на базаре плели лапти, из веревок - чуни. Иногда сами делали и сыромятные постолы. Но их чаще заказывали или, как и сапоги, покупали у ремесленников. Из шерсти, полученной в своем хозяйстве, валяли валенки или пимы. Этим обычно занимались пришлые мастера. Работали они, как и портные, по домам или снимали на сезон квартиру. Ремесленники, как и сами крестьяне, работали по давно установившимся шаблонам. В результате в первой половине XIX в. крестьянская одежда, можно сказать, продолжала сохранять свой традиционный облик.

По мере развития в России капиталистических отношений после реформ 60-х годов, и особенно к концу XIX - началу XX в., углубление товарно-денежных отношений все сильнее способствовало сокращению домашнего производства одежды. В условиях ведения товарного хозяйства стало невозможным выполнять весь обширный комплекс работ, связанный с изготовлением одежды. Крестьяне даже при сравнительно низком уровне материального благосостояния, были вынуждены прибегать к покупке тех или иных наиболее доступных им промышленных товаров. Благоприятствовали этому углубление общественного разделения труда, развитие крупных мануфактур, а затем в легкой промышленности, расширение внутренней торговли, усиление связей отдельных районов в процессе складывания всероссийского рынка.

Новые веяния прежде всего сказались на материале одежды. Рост отечественной

текстильной промышленности позволил крестьянам, как и горожанам, широко пользоваться хлопчатобумажными тканями (ситцем, сатином, синей китайкой, красным кумачом, разноцветным плисом). Особенно большим спросом пользовался у русских кумач. Из него шили сарафаны, нарядные рубахи. Употреблялся он и для отделки одежды. Более дорогие шелковые и полуселковые ткани (атлас, штоф, парча) вошли в моду там, где было развито товарное производство, т.е. имелись в наличии деньги, например, среди казачества, ремесленников, у зажиточных слоев сельских жителей с развитым отходничеством. Повсеместно широко использовались для праздничной верхней одежды различные сорта покупных фабричных сукон (для праздничных кафтанов, покрытия шуб). Их достоинство определялось степенью зажиточности владельца.

Покупной материал применялся и при домашнем изготовлении одежды. Хлопчатобумажные нитки шли на утбк для холстины, а также были необходимы в производстве пестряди, которая продолжала бытовать. Бумажные и шерстяные нитки, окрашенные в разные цвета, шли для вышивания, изготовления поясов, в узорное ткачество. Появление анилиновых красителей привело к некоторым изменениям общего колорита одежды. Оно расширяло традиционную цветовую гамму украшений, вводило в обиход более яркие, чем прежде, тона. Но и это рукоделие со временем все более сокращалось. Сначала вместо домашнего холста, пестряди из готовой гумаги (т.е. хлопчатобумажных ниток), полусуконной понит-чины, употреблявшихся для белья и рабочей одежды, главным образом для мужчин, стали покупать подобные товары у специалистов-ремесленников. Эти последние, удовлетворяя спрос потребителей, делали даже узорные затканки, в частности браные, по традиционным рисункам. Затем постепенно отказались и от этого, заменив кустарные товары промышленными изделиями. Этот процесс шел неодинаково в различных районах. Особенно сильно влияние рыночных отношений сказывалось в губерниях Центральной России, промышленно развитых и урбанизированных. Здесь среди крестьян близ городов и торговых сел в конце XIX - начале XX в. для пошива повседневной женской и детской одежды широко применялось лепестье - разноцветные лоскуты хлопчатобумажных фабричных тканей, продававшиеся на вес по дешевой цене {Анохина, Шмелева, 1964. С. 135}. В таких пестрых платьях, из кусков, разных по рисунку и расцветке, девушки ходили до просватанья.

Введение в обиход промышленных тканей, более частое, чем прежде, обращение к мастерам-портным и портникам (белошвейкам), распространение городских вкусов, особенно через отходников, работавших в городах и привозивших с собой не только деньги, но и товары и готовые вещи, - все это приводило к переменам в покрое отдельных элементов традиционного костюма, к замене привычных частей его новыми, в различной степени отдаленными от старинных образцов. Изменения в большей степени были свойственны одежде молодых сельских и городских жителей, в то время как наряд пожилых, особенно женщин, продолжал сохранять давно сложившиеся черты. Своеобразие русской народной одежды, степень ее традиционности была непосредственно связана также с имущественными различиями отдельных групп населения и с социальной их ориентацией. Заметной устойчивостью форм отличалась обрядовая одежда.

В целом традиционная одежда русских в XIX - начале XX в. представляла собой сложную динамическую систему, отличающуюся большим многообразием своего состава. В ней одновременно сосуществовало несколько типов костюма, разных по своему происхождению. Основу этого многообразия составляли варианты костюма, региональные или локальные, сложившиеся в разное время в ходе исторического развития русского этноса, начиная с древности. Эти типы, или комплексы, характеризовались сочетанием определенных элементов одежды в едином костюме, распространенном в той или иной местности, у той или иной группы народа. Изменения, вызванные новыми явлениями в социальной жизни, происходили, как правило, в рамках

отдельных типов одежды, постепенно обновляя их, но не разрушая окончательно. Это в свою очередь приводило подчас к причудливым сочетаниям в одежде нового со старым, не лишавшим, однако, эту область народной культуры свойственной ей оригинальности.

У русских сравнительным единством отличалась мужская одежда. В ней процесс нивелировки и выработки общенациональных форм протекал быстрее, что могло быть связано отчасти и с большей подвижностью мужского населения, чем женского. Мужчины почти повсеместно носили характерные для русских прямые рубахи-косоворотки с невысоким стоячим воротником (или без него) и с застежкой на левой стороне груди. Впрочем встречались рубахи и с правосторонней застежкой (Поволжье, Прикамье, Приуралье), которая могла появиться у русских как результат их связей с народами Волго-Камья {Лебедева, Маслова, 1967. С. 238}.

Первоначально косоворотки шили из белого холста с перегибом центрального полотнища на плечах. Со сменой материала менялся и покрой: появлялись срезы на плечах, скошенные бочка, округлые проймы для рукавов. Длина рубашки укорачивалась, к рукавам пришивались обшлага. Рубахи стали шить из ситца, красного кумача, цветного кашемира. Подол рубашки, как и ранее, выпускали поверх нешироких штанов и надевали пояс. Праздничные рубахи украшались вышивкой по воротнику, грудному разрезу (манишка), по подолу и по краям рукавов, не имевших обшлагов.

Косоворотку носили и в городе, и в деревне. Лишь у различных групп казачества рубахи шили, как в древности, с разрезом посередине груди. Их, носили подобно украинцам, заправленными в широкие штаны. Старинная туникообразная рубаха-голошейка (без воротника) с прямым разрезом ворота встречалась как реликтовая форма у стариков, чаще всего в качестве белья. Кое-где в южнорусских областях (например, в Воронежской) и в Сибири под влиянием переселенцев с юга бытовала рубаха иного типа - с прямыми поликами (наплечными вставками), со сборками у ворота и на рукавах, имевшая, по всей вероятности, также древнее происхождение.

В конце XIX - начале XX в. в деревнях, особенно с развитым отходничеством в индустриальные районы (например, в Донбасс), появились новые виды рубах. Одна из них - рубаха на кокетке с пышными рукавами, пришитыми в сборку, другая - с разрезом наискось через всю грудь, украшенным двумя рядами пуговиц. Отходники щеголяли в ярких атласных рубахах, плисовых штанах и лаковых сапогах (Село Вирятино. С. 69,70).

Рубахи и штаны у преобладающей массы крестьянства были, как правило, одновременно и нательной, и верхней одеждой. Разделение одежды на бельевую и верхнюю появилось лишь в конце XIX - начале XX в., с проникновением в быт деревни промышленных тканей. В то же время в глухих местах еще сохранялся древний обычай, когда мальчик в будни ходил в одной длинной рубахе (примерно чуть ниже колен), подпоясанной поясом, почти до самой свадьбы.

Штаны (porntbt) преобладали неширокие, с двумя трапециевидными вставками в шаг - типичные для русских. Встречались и иные крои - с ромбовидной или квадратной вставкой, как у белорусов и украинцев. Чаще они бытовали на западных окраинах территории расселения русских, а также в городах или у отходников, сшитые из покупных тканей. На смену традиционным формам штанов пришли выкройные брюки без вставки, сшитые из хлопчатобумажных и шерстяных тканей темных тонов.

Традиционные штаны удерживались на теле с помощью гашника -- шнура, вдернутого в подшивку верхнего края. С середины XIX в. это устройство постепенно заменяется поясом на застежке.

Большой устойчивостью обладал набор мужских головных уборов. Преобладали самодельные валеные шапки из серой или белой шерсти. Наиболее распространенной была высокая, почти цилиндрическая коричневая шапка грешневик или черепенник, широко известная и в XVIII в. Ее изготовляли ремесленники. В западнорусских губерниях носили еще старинный полусферический колпак — валенку. Зимой ходили в овчинных шапках разных фасонов {треухи, малахай}, затем им на смену пришли ушанки, а также

папахи.

Казаки носили меховые шапки {кубанки, папахи) и летом, и зимой. В конце XIX в. повсеместно в ходу были матерчатые картузы с козырьком. Из других форм мужских головных уборов встречалась и старинная шапка с четырехугольным дном, бытовавшая среди городских извозчиков. Промысловое население Крайнего Севера пользовалось ненецкой шапкой из оленьего меха и матерчатой зырянкой, заимствованной у коми. Историко-этнографический атлас "Русские" зафиксировал также вязаные колпаки у поморов, сходные с головными уборами рыбаков Скандинавии и Финляндии.

Женская традиционная одежда значительно дольше сохраняла местные черты. При всем ее единстве она довольно сильно различалась по областям. Главные различия заключались в особенностях севернорусского и южнорусского костюмов, сложившихся в позднефеодальный период. Выделялась в ряде случаев одежда некоторых других групп русских {Лебедева, Маслова, 1967; Крестьянская одежда, 1971).

Наиболее характерным элементом севернорусского комплекса одежды, широко распространившегося и в среднерусской зоне, был сарафан, тогда как для южнорусского типовым была понева. Основную часть костюма русских женщин, и в том и в другом случае, составляла длинная рубашка из белого холста с наплечными вставками (поликамы) и сборками у ворота. Стан ее сшивали из нескольких цельных продольных полотнищ или составляли из грубой и прочной нижней части и более тонкого и нарядного верха. Рубаха такого типа характерна для традиционной одежды всех восточнославянских народов и отличается от туникообразной рубахи соседних с русскими финноязычных народов Поволжья. При этом севернорусская рубаха, подобно украинской и белорусской, имела прямые полики, пришитые по утку, или цельный бесполиковый рукав. Более поздней ее разновидностью была рубаха с так называемыми слитными поляками, которые выкраивались вместе с рукавами обычно из покупной ткани более широкой, чем холст домашнего изготовления. На Северо-Западе встречалась также рубаха с рукавами особого покроя - "по топорному". Ее принято считать новгородской.

Рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, носили с сарафаном на Севере и в центральных губерниях. В южнорусской полосе в комплексе с поневой она встречалась редко и более всего как поздняя замена рубахи с косыми поликами. Вообще рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, вместе с сарафаном можно считать общерусской. Новым типом рубахи в сарафанном комплексе, заменившей поликовую, была поздняя рубаха на кокетке, пришедшая в деревню из города.

Сарафан, сформировавшийся в период обособления русских от других восточнославянских народов, постепенно превратился в неотъемлемую часть русского национального костюма. Как уже говорилось, первоначально он был, вероятно, одеждой феодальной верхушки, но еще в допетровские времена распространился на все слои общества и проявил ярко выраженную тенденцию к вытеснению древнерусской поневы. С переходом господствующих классов к западноевропейским формам одежды сарафан остался принадлежностью традиционного наряда крестьян и большей части городского населения. Территория его распространения довольно обширна. Кроме Севера и средней полосы России он бытовал в Приуралье, Западной Сибири, в южнорусских губерниях в районе бывшей засечной черты, появившись в этих местах еще с первыми потоками русских переселенцев (XVI-XVII вв.). Старообрядцы, укрываясь от преследований, принесли его с собой в Восточную Сибирь, на Дон, в Заволжье, на Украину и в Прибалтику. В XIX - начале XX в. дальнейшее "продвижение" сарафана продолжалось за счет сокращения ареала поневы, хотя сам сарафан уступал место юбке.

Русский сарафан со времени своего появления в быту был в постоянном развитии, появлялись все новые и новые модификации, многие из которых подолгу сосуществовали одновременно. В XIX - начале XX в. отдельные его виды сильно различались по покрою, ткани, расцветке и названиям. На Севере, реже в южнорусских губерниях, еще

встречались в качестве девичьей или старушечьей одежды древние глухие сарафаны с цельным центральным полотнищем, сшитые из шерстяной домотканины белого или темного цвета (шушун, сукман). В массе своей они еще раньше, вероятно, были вытеснены широким распашным косоклинником. В многочисленных вариантах еще в середине XIX в. он был наиболее распространенным типом сарафана. Однако на смену косоклиннику повсеместно приходил (XVIII в.) появившийся в Центральной России так называемый круглый или московский лямочный прямой сарафан на сборках. Поверх сарафана надевали передник, укреплявшийся завязками выше груди. Иногда он имел грудку и тогда укреплялся завязками на талии и тесемкой на шее. В конце XIX - начале XX в. распространились передники-фартуки новых покроев, закрывавшие перед сарафана от талии вниз.

Вместе с сарафаном надевалась нагрудная одежда: нарукавники в виде короткой прямой куртки с рукавами и душегрейка на лямках, которая широко бытовала с косоклинным сарафаном в XVIII в. Наружники были характерны для северного варианта сарафанного комплекса. Сходная с ними одежда встречалась у соседних финнов и шведов.

С сарафаном замужние женщины, главным образом молодые, по праздникам носили различные кокошники - твердые головные уборы, богато украшенные вышивкой, парчой, жемчугом (им богаты были северные реки), бусами. Из жемчуга на Севере и в центральных губерниях делали серьги (пьясы) в виде желудей или кисти винограда, а также ожерелья.

Как считают исследователи, кокошник можно рассматривать как общерусский головной убор, хотя территория его бытования не была сплошной. Его распространение по времени было связано с сарафаном. Он, как и сарафан, первоначально был свойствен костюму феодальной верхушки и горожан и лишь потом стал и крестьянским. Изготовлением кокошников занимались мастера-специалисты в городах, торговых селах, монастырях. Особенности многообразных форм кокошника и характер их бытования свидетельствуют о том, что генетической его основой были, вероятно, местные формы кичкообразных головных уборов, более ранние по происхождению.

Отдельные виды кокошника имели свои исторически сложившиеся ареалы. Ареалы эти в основном совпадают с границами древнерусских земель и направлений последующей колонизации. Так, выделяются северо-западные кокошники типа новгородской кики, тверской головки и ряски. Район их распространения находился в пределах древней Новгородской земли и области сильного новгородского влияния. В центре России с прилегающими к нему губерниями с северо-востока и севера, на территории древней Владимиро-Суздальской земли и московской колонизации, бытовали однорогие кокошники. На юго-западе, вокруг Курска и в западной части Орловской губернии, в районе расселения бывших служилых людей низшего разряда носили специфические двухгребенчатые или седловидные кокошники, очевидно, местного происхождения. В южнорусских губерниях (Воронежской, Тамбовской и др.) среди потомков военно-служилых людей был распространен так называемый однодворческий кокошник, близкий к северным типам. Он был принесен сюда вместе с сарафаном московской колонизацией XVI-XVII вв.

На северо-востоке кокошник не имел значительного распространения, как и кичкообразные уборы. Здесь женщины надевали на голову своеобразные шапочки (шамшуры), известные также коми и карелам. До середины XIX в. на севере встречались древние женские шапки (кораблик, чабак, треух), но они не были свойственны крестьянскому костюму.

Из девичьих головных уборов, оставлявших открытым верх головы, для сарафанного комплекса была характерна старинная, богато украшенная городчатая коруна, или венец, входившая в брачный наряд невесты. Для массового употребления служила повязка из парчовой ленты или сложенного платка, являвшаяся как бы поздней заменой древнего головного полотенца. Кое-где на Севере продолжала сохраняться жемчужная перевязочка

— нарядный обруч на твердой основе, подобный тому, который был известен древним славянам.

Волосы девушки заплетали в косу и украшали ее лентами и нарядными косниками. Невесты под венец шли, согласно древнему обычаю, с распущенными волосами.

Все эти традиционные головные уборы, как женские, так и девичьи, во второй половине XIX в. постепенно уходят из повседневной жизни и заменяются покупными ("торговыми") платками. Замужние женщины под платок надевали ситцевые повойники или сборники, стягивавшие волосы.

Нарядный праздничный костюм носили с кожаной обувью. В будни на работу ходили в лаптях. Для северных губерний было характерно бытование берестяных пяпгей-коверзней.

Севернорусскому костюму была свойственна вышивка, колорит которой отличался сдержанностью, сочетанием белого цвета с красным, с добавлением синих, зеленых, желтых вкраплин. Разреженность рисунка придавала ему особую тонкость и прозрачность. Местами здесь, однако, встречались насыщенные яркие орнаменты, как, например, в Каргополье на подолах женских рубах. Большое место в северных вышивках наряду с геометрическим орнаментом занимали древние изобразительные мотивы, так называемые трехчленные или трехфигурные композиции, а также фигуры птиц, зверей (Маслова, 1978; Каргополье, 1984). В северных украшениях довольно много было жемчуга и его заменителей.

Костюм с сарафаном и кокошником был широко распространен и в среднерусской полосе, где, по-видимому, он пришел на смену другому - с поневой, которая бытовала в этом районе еще в начале XIX в. Можно предположить, что именно здесь этот костюм приобрел общенациональный характер и распространялся отсюда в более поздних формах как на север, так и на юг. Однако в середине XIX в. в среднерусской полосе под влияние промышленного развития и городских вкусов стал быстро распространяться женский костюм с юбкой и блузкой, часто из одинаковой фабричной ткани (парочка). К началу XX в. он почти повсеместно вытеснил остальные комплексы женской одежды.

Вместе с юбкой и блузкой употреблялся передник более поздней формы - типа фартука и новые головные уборы, пришедшие на смену традиционным - головка, наколка или сколка из шелка в виде повязанного и скрепленного платка (чаще в городе) и фэйшонка - плетеная из ниток косынка черного цвета.

Южнорусский традиционный костюм отличался от северного или среднерусского сочетанием белой полотняной рубахи с косыми трапециевидными поляками, подпоясанной тканым поясом, и домотканной поневы, чаще всего клетчатой. В восточной части южнорусского региона носили также рубаху с прямыми поляками (иногда слитными с рукавом), пришитыми по основе полотнищ, составляющих ее стан. Такая конструкция здесь была как бы упрощением рубахи с косыми поляками, которую она заменяла.

Понева - один из древнейших видов русской одежды, в XIX в. она была на стадии отмирания, Уже говорилось, что еще с XV-XVI вв. она стала заметно вытесняться новым по сравнению с ней сарафаном, распространение которого все более и более сокращало ее ареал. В XIX в. поневу носили исключительно крестьяне. В силу различных причин она продолжала сохраняться главным образом в южнорусском регионе и лишь отчасти в среднерусской полосе, но и здесь на смену ей постепенно приходила юбка из фабричных тканей. Однако в особенно изолированных и отдаленных от центров местах понева продолжала бытовать еще в 20-е годы XX в. - и подчас в весьма архаических формах.

По конструкции, цвету, украшениям, характеру ткани и способу ношения понева имела множество разновидностей - локальных, возрастных, функциональных (Куфтан, 1926; Лебедева Н.И., 1927; Гринкова, 1927). Преобладали синие поневы, вытканые из пряжи, окрашенной привозной краской индиго, но были и черные, и красные, окрашенные местными красителями (ольхой и мореной). Кроме того, поневы почти каждого села или

группы сел имели свои отличительные особенности в размере и форме клетки, в сочетании цветов, в украшениях. По покрою понева обычно состояла из трех вертикальных полотнищ, собранных на шнуре (гашнике). В юго-восточных губерниях между полотнищами вставляли четвертое - из другой, более тонкой шерстяной, холщевой или фабричной ткани (прошва). В западной части южного региона носили распашную поневу без прошвы, со щелью спереди или несколько сбоку. Реликтовой разновидностью этого типа была понева из двух задних полотнищ и несшитого с ними переднего. Особым своеобразием выработки ткани со сложной орнаментикой выделялась понева Мещерского края (север Рязанской, часть Тамбовской губерний).

В комплекс с поневой входили также нагрудники (навершник, шушун, каста-лан) - более или менее короткая одежда мешкообразного покроя с рукавами или без рукавов, известная с древности. Нагрудники были распашными и глухими (очевидно, более ранний вариант). Шили их из холщевой или шерстяной домотканины и украшали ярким орнаментом. Самым распространенным цветом наверхников был белый, но в определенных районах бытовали красные или черные, и также желтые (желтики). В некоторых местах (особенно в центральных южнорусских губерниях) вместо нагрудников носили передник (запан, занавеска), надевавшийся через голову, иногда туникообразного покроя и с рукавами. Более поздние передники шили с узкими проймами, а также с кокеткой.

Для южнорусского костюма с поневой в качестве головного убора замужних женщин, все еще обязанных по обычаю закрывать волосы, были характерны сложные кички и сороки, состоявшие из нескольких частей. Основой при этом служила твердая подкладка - собственно кичка, придававшая форму всему убору. Сверху повязывалась нарядная сорока или обвязка из сравнительно дорогой ткани. Затылок закрывали особым позатыльником. Дополнением обычно служили украшенный налобник, а по бокам - бисерные кисти, селезневые кудри, павлиньи перышки, толстые шерстяные шнуры, гусиные пушки - в каждой местности на свой манер. Формы уборов были разнообразны: рогатые, копытообразные, лопатообразные, в виде котелка, седла, овала и др. Но первичными и исходными для всех не без основания считаются рогатые. Кички и сороки, как правило, были праздничным головным убором. Кое-где, особенно на западе региона, они сочетались с головным покрывалом, а также с платком.

Кичкообразные, несомненно, принадлежат к древним головным уборам и исследователи рассматривают их как общерусские, отражающие древние связи с культурой финно-угорских народов Восточной Европы. В XIX в. кички и сороки постепенно уходят из употребления даже у старшего поколения, уступая место повойнику с платком.

Девушки в южнорусских губерниях носили, как и повсюду, повязку в виде ленты, но кое-где встречались венки из живых цветов, что составляло древнюю славянскую традицию. Известно, что она наиболее стойко держалась у соседних украинцев.

Особняком в южнорусских губерниях стоял костюм из рубахи с шерстяной однотонной или полосатой домотканой юбкой. Его распространение было чаще всего связано со средой потомков служилых людей, переселявшихся когда-то в отдаленные от центра места из западнорусских районов. Не случайно эта юбка напоминает полосатый андарак, характерный для одежды белорусов. В некоторых местах, например в Воронежской губернии, бытовал у бывших монастырских и помещичьих крестьян костюм с сарафаном, в то время как потомки однодворцев носили поневы или шерстяные юбки (Чижикова, 1988. С. 219-240). Вообще для района русско-украинского пограничья было характерно большое разнообразие традиционного женского костюма. Здесь в тесном соседстве встречались несколько его местных комплексов. Но в конце XIX - начале XX в. на смену традиционной одежде и сюда приходит костюм с юбкой из фабричной ткани.

Традиционный южнорусский костюм был довольно красочным. В нем сочетались украшения различных видов: тканые, вышитые, нашивные, бисерные. Все убранство отличалось яркой полихромностью, интенсивностью колорита, плотным заполнением фона геометрическими узорами (Шмелева, Тазихина, 1970. С. 89, 123). Шею и грудь украшали ожерельями, повязками, цепочками (гайтанами), в том числе из разноцветного бисера. По орнаменту и по колориту украшений выделялся костюм восточной части южнорусского региона (Рязанская, Тамбовская губернии), для которого характерно бытование особых черных онуч (повила) и лаптей так называемого мордовского типа из липового или вязового лыка косога плетения с головками трапециевидной формы.

Западнорусский костюм включал в свой состав древний общеславянский полотночатый головной убор, особого вида поневу (поневу-плахту, родственную украинской плахте) или полосатую юбку - саян, андарак. По общему типу, некоторым деталям, преобладающей расцветке (более светлой) и характеру орнамента он сближался с одеждой украинцев и особенно белорусов. Обувь жителей западнорусских губерний отличалась распространением лаптей прямого плетения, так называемого белорусского типа, и шерстяных обор, черных - в будни и красных - в праздники. Кроме того, в западных губерниях бытовал и среднерусский комплекс одежды с сарафаном и кокошником. Одежда жителей северной части западного региона имела некоторые особенности.

Разнообразием выделялись типы женского костюма у разных групп казаков. В них сказывались различное происхождение этих групп, длительные связи их с местным нерусским населением и специфика казачьего быта в целом. Верховые донские и северокавказские казачки носили поневу и кичку с рогами, а местами - сарафан и кокошник. В низовьях Дона бытовал костюм с длинным распашным платьем в талию (кубелек), известным еще в XVIII в., с вязаным колпаком в качестве головного убора. У терских казаков довольно много было общего с одеждой кавказских народов. На Урале носили сарафаны. Но для всех этих районов, однако, характерно быстрое вытеснение традиционных форм костюма новыми его видами. То же самое наблюдалось и в Сибири, где рано стали распространяться промышленные товары, необходимые для изготовления одежды, и традиционные особенности, принесенные переселенцами из разных районов Европейской России или выработанные старожилами на местах, в значительной степени нивелировались, хотя отдельные элементы старого костюма порой сохранялись довольно долго.

В Сибири рано начали пользоваться фабричными тканями. Уже в XVII-XVIII вв. на одежду шли покупные китайские и русские материалы. Городские костюмы с успехом заменяли традиционную одежду, особенно праздничную. Старинные женские рубахи, как в Западной, так и Восточной Сибири, шили с прямыми поликами, но на протяжении XIX в. эта форма рубахи была вытеснена другой - с кокеткой. Носили рубаху с сарафаном, часто позднего типа - прямым с лифом (выкроенным или на лямках). Поверх сарафана надевали безрукавку на лямках (телогрейку) или шушун с рукавами, а на него - высокий передник (запан).

На голове носили повойники, сборники, сложные уборы с кичкой и кокошником, шали, наколки.

Старинный костюм сибиряков-старожилов в целом напоминал севернорусский традиционный костюм, который был "занесен" при первоначальном заселении русскими Сибири. Со второй половины XIX в. переселенцы из южнорусских губерний принесли с собой и некоторые особенности своей одежды. Выделялись и отдельные локальные комплексы русского сибирского костюма, отличавшиеся как по своему составу и особенностям бытования, так и расцветкой, орнаментом, головными уборами. Так, богатством и яркостью отличался, например, костюм забайкальских старообрядцев - семейских. Во многом сходной с ним была одежда бухтарминцев на Алтае (Маслова, 1971. С. 144-190; Маслова, 1975. С. 48-80; Охрименко. С. 189-220; Липинская, 1987. С. 131-154).

Верхняя одежда русских за редким исключением была одинакова и для мужчин, и для женщин. Она сильно варьировала по покрою, материалу и расцветке. Названия ее также были чрезвычайно многообразны и далеко не всегда совпадали с определенным покроем. Одни из этих терминов были общеславянскими, другие имели восточное происхождение.

Широко бытовали, особенно у крестьян, различные кафтаны из домашнего сукна {кафтаны, свита, сермяги, зипуны, сибирка), глубоко запахивающиеся на левую сторону, двубортные. Они имели, как правило, прямую спинку, но вставленные по бокам, а иногда и сзади клинья расширяли их от талии книзу. Генетически более поздним считается покрой с перехватом в талии - с отрезной спинкой и с клиньями или сборками сзади или кругом. Цвет кафтанов и другой шерстяной одежды был естественный - черно-бурый, серый, белый - в зависимости от породы овец, преобладавшей в той или иной местности. С распространением промышленных товаров во все большее употребление, не только в городе, но и на селе, входит одежда из цветного покупного сукна с несколько измененными покроем и отделкой. У зажиточных крестьян и в купеческой среде в конце XIX в. высоко ценилась кафтанообразная одежда (поддевка) со сборами сзади. Поддевка вместе с косовороткой и брюками, заправленными в сапоги, в 1890-1900-е годы была в моде среди разночинной интеллигенции, сочувствовавшей народу (русский костюм). Мещане, особенно зажиточные, носили короткое полукафтанье, а также сюртуки западноевропейского образца.

Кафтанообразный покрой имели также овчинные шубы и более короткие полушубки - чаще всего нагольные или покрытые сверху тканью, качество которой определялось достатком.

Имел распространение и другой вид традиционной суконной одежды - длинный прямоспинный, расширяющийся от рук книзу халат (армяк, азам, чекмень). Из овечьих шкур шили такие же тулупы. Эта одежда обычно не имела застежки и лишь глубоко запахивалась на левую сторону и подпоясывалась кушаком. Ее надевали чаще всего как дополнительную, поверх другой, от непогоды, в дальнюю дорогу, поднимая большой воротник шалью, который к ней обычно пришивали. Подобный вид иногда имели и более короткие, чем тулуп, шубы.

Плащевидная одежда без рукавов продолжала сохраняться кое-где на Севере, в Сибири, в южнорусских губерниях (епанча, кодман, велик, шушпан, пониток). Чаще всего она употреблялась, как накидка от дождя, а иногда входила в убранство невесты на свадьбе. Пережитком плащевидных форм верхнего платья было ношение одежды с рукавами на опаш, т.е. внакидку.

Большинство из описанных видов верхней одежды были распространены повсеместно. Но они, или сходные с ними формы, имели кое-где местные особенности (иногда узколокальные), выделявшие их по покрою, материалу, цвету и т.п.

Это были либо старинные черты, сохранившиеся с древнейших времен, либо позднейшие, появившиеся в результате связей русских с соседями.

Особой самобытностью отличалась верхняя одежда казаков. Некоторые ее виды были заимствованы у нерусского населения, с которым они постоянно взаимодействовали. У казаков в широком употреблении были суконный чекмень (чапан) или черкеска, бешмет (иногда шелковый стеганый), бурка.

Жители крайней северо-восточной территории расселения русских зимой носили одежду из оленьего меха, заимствованную у ненцев и коми, - малицу (мехом внутрь) и совик (мехом наружу), надевая их одновременно. Южнее, в Приуралье, халатообразный азам шили не из овечьего сукна, как обычно, а из верблюжьего, которое привозили из Оренбурга. В Приуралье, Нижнем Поволжье, в Сибири вместо тулупа применялась длинная, широкая из шкур мехом наружу доха или яга. Выделялись также длинные глубоко запахивающиеся, так называемые донские, шубы, которые в отличие от обычных дубленых были, как правило, белой выделки. Белая овчина встречалась также кое-где и в других местностях. Имели место и иные узколокальные варианты верхней одежды как

следы длительной истории развития традиционной одежды русского народа.

В XIX в. стали делать теплую стеганую одежду (на вате). Прежде для этой цели употребляли обычно очесы льна и конопли.

Праздничная верхняя одежда была очень нарядной. Ее украшали шнурами, вышивками, аппликацией. Сложились известные центры изготовления добротной и нарядной овчинной одежды - шуб и полушубков (костромские, ярославские). Особенно славились романовские шубы из овец, выведенных в округе г. Романова Ярославской губернии. У молодежи верхняя одежда была, как правило, нарядной и быстро менялась. Пожилые одевались более скромно и придерживались старинных кроев и фасонов.

К концу XIX - началу XX в. в быту русских распространяется наиболее поздний тип верхней одежды. Это были прямого пиджачного кроя различные пальто, иногда сшитые по фигуре, - короткие саки, длинные дипломаты. Сначала их носили в городе, а затем и в деревне.

Традиционной женской и мужской обувью были лыковые лапти и в меньшей степени примитивные поршни (или моршни) из 1-2 кусков сыромятной кожи. Эту обувь исследователи считают специфически крестьянской, поскольку она, как уже говорилось, не была столь распространена в городе с древних времен. Во второй половине XIX - начале XX в. лапти стали в основном обувью бедняков, а также служили рабочей обувью, но в южнорусских районах их надевали и по праздникам. Казачьи районы и Сибирь лаптей не знали. Лапти имели несколько вариантов, но наиболее распространенными были так называемые русские или московские лапти из липового лыка с закругленными головками, выполненные косым плетением. Их носили с суконными или холстинными онучами и привязывали к ногам ткаными в виде тесьмы или веревочными оборами. Ременные оборы применяли пастухи, сплавщики. Праздничной обувью у крестьян были сапоги. Женщины надевали на чулки коты в виде тяжелых кожаных галош. Эти последние (с пяткой или без пятки) шили на продажу ремесленники. Так называемые русские сапоги шили из юфти с пришитым голенищем или цельные - вытяжные. В качестве рабочей обуви кое-где носили и поршни, сделанные из целого куска сыромятной кожи.

Зимней обувью служили валенки из овечьей шерсти. Валенки с пришитым суконным голенищем были известны русским с древности. Валенки, или пимы, в виде твердого сапога широко распространились с начала XIX в. из Нижегородской губернии, там их впервые начали валять.

Бытовали и другие виды обуви, приспособленные к специфическим условиям той или иной местности (например, на Севере, в Сибири): лыковые плетеные ступни в виде башмаков, промысловые и рабочие бахилы — выворотные сапоги с пришитым голенищем и ремешками. В начале XX в. широко распространились повсюду, кроме сапог, различные ботинки, туфли, полусапожки.

В городе в силу специфики его экономического и культурного развития для изготовления одежды, как уже говорилось, стали применяться промышленные материалы и профессиональный труд. В условиях социальной неоднородности городского населения большую роль в трансформации костюма играла мода, как нельзя лучше отвечая потребностям социального престижа. Все это способствовало более быстрому в отличие от села отходу от традиционного костюма и закреплению в быту общеевропейских городских его форм. В середине XIX в. в одежде большинства горожан господствовало сочетание традиционных и новых элементов. Далее довольно бурно шел процесс смешения и вытеснения старины.

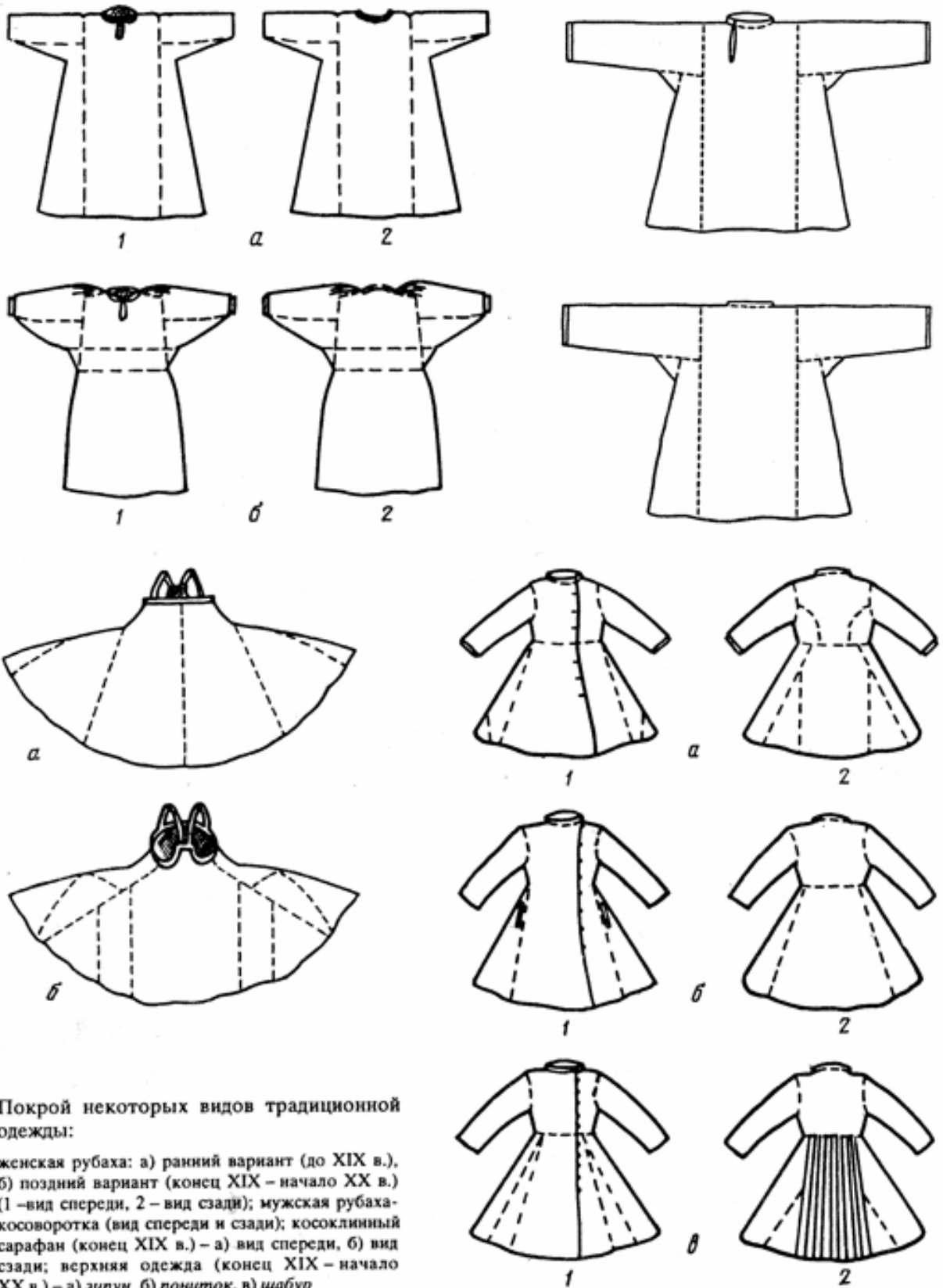
В конце XIX - начале XX в. старые наряды еще сохранялись во многих городских семьях, а частично их носили (в основном пожилые) наряду с новыми. В начале 1900-х годов с распространением так называемого псевдорусского стиля, затонувшего в известной степени и прикладное искусство, возрастает интерес к национальным чертам одежды. В некоторых группах городского населения появляется своего рода мода на русский костюм. "Под народ" одевались, например, мужчины, представители буржуазно-

либеральной интеллигенции. Сильно модернизированный стилизованный наряд девушек с сарафаном и кокошником, украшенный яркими бусами и блестками, был одним из наиболее излюбленных в широкой городской среде (молодежные представления, маскарады, вечеринки). В богатых семьях по-русски наряжали кормилиц, нянюшек, дворников. Ношение норочито старинного костюма предписывалось городским извозчикам.

Кроме наряда извозчиков, в одежде горожан сохранялись и некоторые другие черты сословно-социальных различий. В одежде отдельных групп горожан по-прежнему большое место занимало форменное платье (у чиновников и служащих различных ведомств, студентов, гимназистов и других учащихся). Новую форменную одежду охотно надевали на гуляния и торжества, старую - донашивали дома. Известное сходство с форменной имела профессиональная и производственная одежда приказчиков, "мальчиков", подмастерьев и т.п., занятых в ремесле и торговле, выделяя их из массы других горожан.

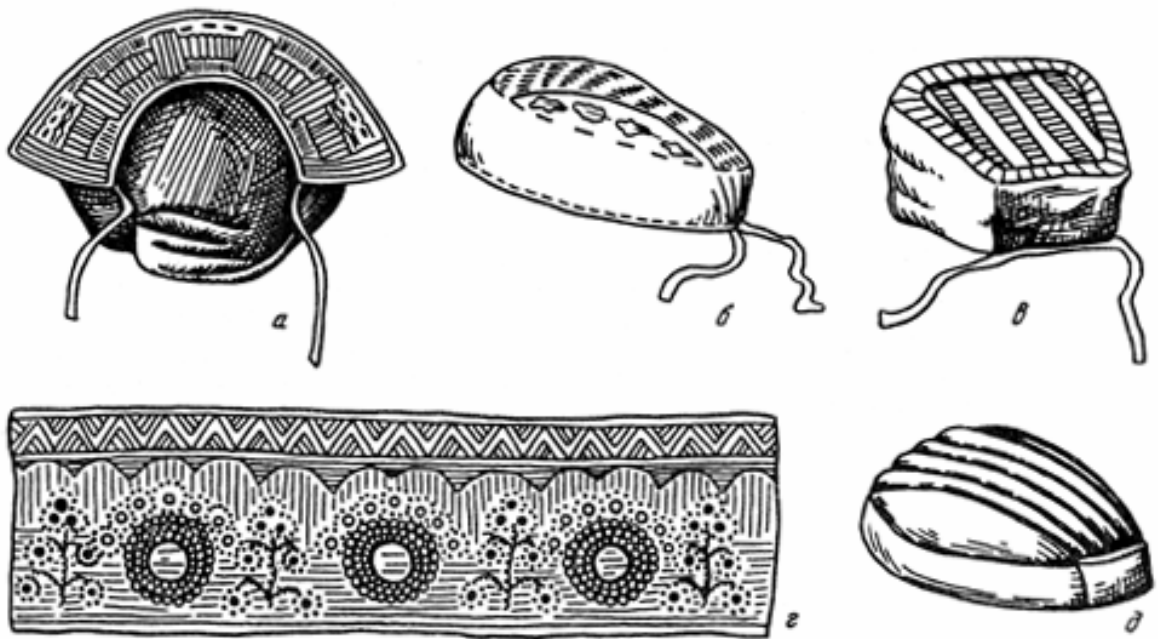
Все более широкое распространение европейского платья, производство разнообразных промышленных товаров, многие из которых были рассчитаны на массовый спрос, усиливающееся влияние моды способствовали тому, что повседневный и праздничный костюм в городе стал отличаться большим единством у разных слоев населения, чем в предыдущие периоды, и преобладанием в нем новых видов. Однако изменения происходили постепенно. В городе, как и в крестьянской среде, новшества осваивались творчески - подбирались, изменялись в соответствии с привычными вкусами, накладываясь на многовековую традицию и входили в бытующий народный костюм как его органическая часть.

В целом одежду русских горожан конца XIX - начала XX в. можно рассматривать как своеобразный национальный вариант общеевропейского костюма. При этом степень включения национального элемента в него у отдельных социально-бытовых групп была неодинаковой. В мужской и особенно в женской одежде, кроме возрастных различий, еще давали о себе знать особенности, обусловленные пережитками сословного строя, оставшиеся от эпохи феодализма, спецификой быта тех или иных социально-профессиональных категорий горожан. Вместе с тем на первый план выдвигаются различия, связанные с имущественным неравенством населения. Они сказываются на качестве материалов и пошиве одежды, на составе гардероба и его дифференцированности, на характере украшений и отделки.

Покрой некоторых видов традиционной одежды:

женская рубаша: а) ранний вариант (до XIX в.), б) поздний вариант (конец XIX – начало XX в.) (1 – вид спереди, 2 – вид сзади); мужская рубаша-косоворотка (вид спереди и сзади); косоклинный сарафан (конец XIX в.) – а) вид спереди, б) вид сзади; верхняя одежда (конец XIX – начало XX в.) – а) *зипун*, б) *пошиток*, в) *шабур*

Некоторые виды женских головных уборов Северного Прикамья конца XIX – начала XX в.:

а) *кокошник* (с. Губдор, Чердынский уезд); б) *повойник* (с. Лызиб, Соликамский уезд); в) *шамшура* (с. Покча, Чердынский уезд); г) *налобная повязка* (с. Вильгорт, Чердынский уезд, XVIII в.); д) *наколка* (с. Серегово, Чердынский уезд)

Одежда и теперь продолжает сохранять функцию своеобразного социального признака, но выражена она была иначе и, пожалуй, менее резко, чем прежде. Основные комплексы костюма имели переходные смешанные варианты, и их основу составляли в целом одни и те же вещи. Наибольший контраст наблюдался в городской одежде противоположных социальных групп - у богатой верхушки капиталистического общества и у бедных, вынужденных обходиться минимумом вещей.

УНИФИКАЦИЯ ТИПОВ ОДЕЖДЫ В XX ВЕКЕ

В настоящее время для бытовой культуры русских характерно почти полное "слияние" одежды городских и сельских жителей. Последние в силу ряда причин отличаются лишь несколько большей консервативностью во вкусах и привычках. В целом судьба народной одежды, дальнейшие изменения в ней связаны с массовым производством не только необходимых материалов, но и готового платья, а также с влиянием современной моды. И

в городе, и в деревне развитие одежды происходит в направлении ее дифференциации в зависимости от назначения, возрастных различий, сезонности, характера труда, ритуальной практики (Анохина, Шмелева, 1977. С. 239-252; Бусыгин, 1966. С. 292-293).

В наше время господствующими в одежде русских стали формы, которые можно считать международными. Однако известную специфику ей придают отдельные предметы, восходящие к традиционному костюму, в той или иной мере сохраняющиеся в повседневном быту, сочетаясь с современными нарядами. Это женские головные платки и шали, мужские рубахи-косоворотки, шубы и полушубки из овчины, тулупы, валенки и т.д. Некоторые из них остались почти неизменными. Кроме того, в отдельных местностях России - в сельской центрально-черноземной полосе (например, в отдельных районах Рязанской, Курской, Белгородской областей), Севера и Сибири (например, в Забайкалье) встречается русский традиционный костюм в местных вариантах. В большинстве случаев он употребляется как праздничная одежда старшего поколения, реже - как наряд для праздничных гуляний девушек, а иногда и как свадебный костюм. Самобытные фольклорные коллективы (хоровые и танцевальные ансамбли) этих областей часто выступают в подлинных костюмах.

Старинные костюмы собираются в сундуках во многих сельских семьях или у горожан - недавних выходцев из деревень. При изнашивании или недостатке оригинальной одежды ее, по возможности, копируют, изготавливая новые вещи. Достаточно широко в народном художественном творчестве в качестве сценической одежды и для массовых праздничных гуляний, например календарных, используются костюмы, как бы символически обобщающие русскую народную традицию. Наиболее стойкими элементами традиционных нарядов оказались женские сарафан, кокошник или кичка, мужская расшитая рубаха, выпущенная поверх брюк, заправленных в сапоги. Среди вторичных форм традиционной одежды зачастую встречаются и различные стилизации современного платья под народные с обыгрыванием тех или иных элементов традиционных конструкций, орнаментики и т.п.

Можно сказать, что в настоящее время в условиях постоянного роста урбанизации в процессе дальнейшего развития культуры, традиционная одежда у русских, как бы отошедшая на периферию повседневного быта, не утратила своего значения этнической ценности. Она является частью народной культуры и неразрывно связана с историческими представлениями народа и с национальным самосознанием в целом. В современном обществе к традиционной одежде сложилось отношение как к одному из источников сохранения национальной самобытности русских. Не случайно, что к богатому опыту, накопленному в этой области, обращаются при создании новой одежды различные специалисты-профессионалы. И это направление в моделировании при неизбежной стандартизации в промышленном производстве платья является весьма перспективным.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПИЦЦА И УТВАРЬ

ПИЦЦА (XII-XX ВЕКА)

Секреты русской традиционной кулинарии передавались от одного поколения другому, сохраняясь в веках. Однако со временем кое-какие рецепты утрачивались, другие - изменялись и появлялись новые, приобретенные у соседних народов. Как же узнать, что является исконно русским, а что заимствовано, что, например, ели в далекую старину? Известий об этом до нас дошло немного. Они встречаются в различных документах, есть упоминания в былинах и других произведениях народного творчества, восходящих к глубокой древности.

Ранние сведения о питании русского народа (до татаро-монгольского нашествия)

Самые ранние и наиболее достоверные сведения о том, чем питались россияне, содержатся в первом законоуложении - "Русской Правде". Этот документ XII в. отражал и закреплял бытовые традиции, появившиеся в более раннее время. В "Русской Правде" имеются, в частности, различные статьи крестьянского хозяйства, иными словами, указываются продукты, из которых готовили пищу. Русское хозяйство того времени в этом документе близко к современному по составу основных зерновых культур и продуктов животноводства.

Хлебными культурами на полях древних россиян были рожь и ячмень, пшеница и полба, овес, просо, грена. "Русская Правда" не указывает на места их произрастания. Общность ландшафта на великой русской равнине позволяла оседлым земледельцам, какими были русские люди, выращивать одни и те же культуры. Во времена "Русской Правды" наряду с пшеницей сеяли более древнюю и жизнестойкую ее разновидность - полбу. Она занимала северную часть региона, где местами удерживалась до конца XIX в. Основу как повседневного, так и, по-видимому, праздничного стола составляли изделия из ржаной муки. В древних кладовых археологи чаще всего обнаруживают остатки ржи.

В повседневном быту большое значение в питании имел ржаной хлеб, который выпекали ковригами в русской печи. Хлеб был пресный и квасной. Закваску, называвшуюся квас, тварили с хмелем, или, как писали в берестяных грамотах, -на хомолу. Тесто замешивали на перекипевшей воде - укропе. Наилучший хлеб получался из пшеничной муки, так как "пшеница во много мучнее и чист хлеб подает". (Слово Даниила Заточника. С. 1372). Не из экономии, но ради вкуса смешивали пшеницу с ячменем, делали и более сложные смеси: "возьми себе пшеницы и ячмень и боб и ... просо и пыро и вложиши ся в сосуд един глинян и сотвориши ся в хлебы" {Срезневский. Материалы... Т. III. С. 1372).

Выпечка из кислого теста представляла продукт высокого уровня кулинарии. Более древними являлись печеные изделия из пресного теста: лепешки, оладьи, блинчики. Оладьи и блины, которые готовили также и из жидкого заквашенного теста, входили в состав ритуальных блюд дохристианских праздников встречи весны. Использование остатков мучных запасов перед началом новых сельскохозяйственных работ выражало идею бесперебойного обеспечения продовольствием в течение целого года. Ту же идею приближения весны, полевых работ, а следовательно и скорейшего нового урожая нес в себе праздник встречи первых прилетающих птиц. Сделанные из теста изображения "птушек" поднимали как можно

выше - к небу, к солнцу.

Помимо приготовления выпечки, муку заваривали и запаривали. Древнее название борошно употреблялось для обозначения и ржаной муки, и кушанья: "Борошно дати, колико могут изъязти" (Срезневский. Материалы... Т. I. С. 124).

Отваривали также целые зерна злаков. В "Русской Правде" особенно выделяется роль проса и вырабатывавшегося из него пшена. Просо - южная культура. От южных соседей покупали рис, называвшийся узы. Отварные зерна пшеницы использовали как ритуальное поминальное блюдо по христианскому обряду. Зерно предварительно очищали - обрушивали, а нередко и дробили. Известно название заспа для круп.

Хлебными считались бобовые, иначе стручковые культуры. Поговорка "Это было при царе Горохе" означает, что дело происходило в незапамятные времена, когда на столе царил горох. Кроме него домонгольская Русь знала бобы и даже чечевицу. Однако неприхотливый горох был основной и широко распространенной культурой.

Огородные растения называли зелием. Выращивали преимущественно репу и капусту, которые запасали в большом количестве впрок. Свежая запаренная репа была на столе в течение года. В документах упоминаются также свекла, редька, тыква, огурцы и даже дыни, но они были мало распространены. Непременным подспорьем к столу являлись лук и чеснок, которых ели несравненно больше, чем сейчас. Эти два зелия составляли в питании русских предмет первой необходимости.

Овощами в Древней Руси называли фрукты. В пищу шли плоды как диких, так и окультуренных сортов плодовых деревьев, произраставших на всем пространстве расселения русских: яблоки, груши, сливы, вишни. Садовые и дикие плоды запасали впрок посредством сушения и квашения.

Собирательство, как древняя форма снабжения продуктами, практиковалась повсеместно. Более всего запасали ягоды, особенно бруснику и малину. Их приятный вкус, целебные свойства и простота хранения издревле привлекали внимание. Заготовки этих ягод в немалом количестве находили даже при раскопках в Новгороде.

Сок ягод и фруктов (свежих и моченых) давал приятные напитки - морс (разбавленный водой сок) и квас (жидкость от заквашенных плодов). Кисловатый вкус приобретала и вода, настоенная на корнеплодах. Квас из красной свеклы известен с глубокой древности. Он и по сегодняшний день используется для заквашивания борща жителями южных регионов.

Алкоголь добывали путем сбраживания. Особенно любим был игристый мед или медовина. Мед, разбавленный водой, естественным путем начинает бродить, или, как говорили, играть. Происходит сахаристое брожение, в результате которого появляется алкоголь. Медовину готовили, проварив мед с водой и дав напитку переиграть. Летопись сообщает о грандиозном празднестве, устроенном князем Владимиром после избавления от нашествия печенегов: "Сотвори праздник велик, вари 300 провар меду, и созываша боляре своя и посадники, старейшины по всем градам" (Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 83). Мед собирали от диких пчел, гнездившихся в дуплах деревьев - бортях. Мед был продуктом дорогим, доступным для знати, и подавался он на большие торжества.

Другие хмельные напитки готовили из зерновых культур, которые были в каждом крестьянском дворе. Игристый хлебный квас настаивали из муки и из хлеба. Поскольку заготовка для сбраживания теста называлась в старину также квасом, можно предположить, что мука или отруби, залитые водой и перебродившие, давали кисловатое питье - квас, хорошо утолявший жажду. Такой белый квас и в настоящее время варят на юге России. Вкус кваса различался в зависимости от использованных продуктов, но наилучшим, как и в настоящее время, считался приготовленный из ржаной муки с добавлением солода и хмеля. Солод - мука или крупа из пророщенных зерен ржи и ячменя улучшали вкус напитка и придавали ему темный цвет.

Из тех же продуктов и по сходной рецептуре делали пиво. Его крепость различалась в зависимости от способов приготовления. Легкий напиток назывался оловина. Его

готовили из овса, хорошо прожаренного на сковородках. Более крепкий напиток получали, протомив заготовки в печи. Для этого имелись специальные глиняные горшки большого размера с отверстием в нижней части стенки для стекания оттомившейся сладковатой массы - сусла. На нем заводили брагу, разбавив сусло водой и дав перебродить. Название напитка - брага воспроизведено от глагола бродить. Имелось много вариантов этого напитка: брага простая - т.е. слабохмельная, была похожа на квас, брага пьяная заваривалась с хмелем и имела больше крепости. Готовили овсяную брагу из распаренного, высушенного и перемолотого овса и брагу пшеничную или бузу - из разваренного и заквашенного пшена, иногда с медом. Брага называлась также полпивом или полпивцом, так как по крепости уступала пиву. Этот напиток всегда заваривали с хмелем и давали выстояться. Пиво варили из ржи, ячменя и овса, наилучшим считалось ржаное. Оно было крестьянским хмельным напитком, который подавался на все семейные, старинные народные и христианские праздники. Среди них был особый сельский праздник - братчина, или праздничный общесельский пир в складчину, на который могли приходиться все желающие из окрестных селений, как званые, так и незваные.

В древнем хозяйстве русских зерновое полеводство играло первостепенную роль. Однако до принятия христианства пища животного происхождения вряд ли уступала мучной и зерновой. Из домашних животных того периода (по археологическим материалам и документам) известны коровы (говяда), телята, свиньи, овцы, козы. Согласно "Русской Правде" за кражу домашних животных назначалась плата: "За кобылу 60 резен, а за вола - гривну, а за корову 40 резен, а за теля - 5 резен, за яра (овцу) - ногата, за барана - ногата". (Русская Правда. С. 43). Как видно, после тяглового скота, наиболее ценились коровы. Домашней птицей были куры, являвшиеся также и жертвенными животными, "погани веровали в идолы, им же невеглаша человекчи молятся и куры им режут" - осуждались приверженцы язычества (Гальковский. С. 59-60). В меньшем количестве и не везде разводили гусей, которым необходим был водоем. Благодаря обилию диких птиц и животных, в случае надобности можно было легко пополнять ими недостачу мясного в доме.

Содержание домашних животных означало не только присутствие мяса, но также молока, масла, творога (сыра), яиц. Масло называлось кравие, т.е. приготавливавшееся из коровьего молока, как и творог, имевший разные наименования.

Введение на Руси христианства имело следствием ограничение в пище продуктов животного происхождения по их составу и времени употребления. Но рыбы, как и другие холоднокровные, например, раки, не относились к пище скоромной и после принятия христианства могли поедаться в любое время года, как и ранее. Поскольку русские города и селения располагались обычно по берегам рек и озер, рыба играла в жизни населения заметную роль, которая еще более возросла с X в.

О способах заготовки рыбных, мясных и молочных продуктов известно мало. Нет однако сомнения в том, что помимо употребления их в свежем виде, в старину умели замораживать, вялить, солить. Соль всегда имела важное значение в кулинарии и очень ценилась. В Новгородской летописи указывалось: "купляху соль по 7 гривен" (ПСРЛ. Т. III. С. 48). Столь высокая цена определялась большими трудностями по добыче и транспортировке. Соль получали вывариванием из рассола естественных источников, чаще всего - подземных. Они встречались в некоторых местностях на русской равнине у Старой Русы, Вологды, Галича, Соли Галицкой, Вычегды, Торжка, Городца, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Ростова и Суздаля.

В домонгольское время пищу варили, парили, тушили и пекли. Как о примитивном способе изготовления трапезы Лаврентьевская летопись под 964 г. рассказывает о питании во время похода князя Святослава, известного своей неприхотливостью, который "потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше", (Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 63). Варение, по всей вероятности, было наиболее

употребимым способом приготовления пищи. Поэтому часто готовили различные жидкие блюда, которые называли ухой. Слово это обозначало отвар не только рыбный, но также мясной и растительный. В документах XII в. упоминается уха из гороха и даже из слив.

В древних сказаниях имеются упоминания о весьма разной обеспеченности пищей. Христианская мораль учила помогать бедным, вынужденным просить пропитания: "Бедный хлеба не имаши". Она же осуждала невоздержанность в еде людей богатых. В "Слове о богаче и бедняке" (XII в.) весьма красочно описан обед богача, на котором много золота и серебра, много вина, подаются гуси, лебеди, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, свинина и телятина. В документах есть сведения о приправах и некоторых дополнениях к столу богатых людей. Например, уксус и перец улучшали вкус блюд. Лимоны и виноградное вино украшали трапезы, у южных соседей покупали изюм и рис. Не приходится сомневаться в дороговизне этих продуктов, а следовательно, и их малодоступности.

Хотя наши сведения о пище русских в древности весьма неполные, тем не менее создается впечатление о значительном ее единообразии на всей территории расселения народа. Это свидетельствует о том, что система питания уже была заложена, в основных чертах, накануне татаро-монгольского нашествия. Неоднородность естественных условий вносила и некоторые различия, связанные, например, с близостью или удаленностью соляных источников, присутствием тех или иных видов рыб в водоемах, гнездованием птиц и ареалами обитания диких животных, возможностями выращивания культурных растений и собирания дикорастущих. Однако эти отличия не нарушали единства, базировавшегося на общности древнерусского хозяйства.

Питание на Руси в XIII-XVII веках (допетровский период)

В течение длительного периода времени (до начала XVIII в.) шел сложный процесс формирования этнической территории Русского государства. Крупные исторические события отражались и на питании россиян. Можно назвать несколько обстоятельств, определявших изменения в пище по сравнению с предыдущим периодом: 1) общие успехи в развитии русского хозяйства, 2) длительное разобщенное существование отдельных регионов, 3) миграции населения в пределах Европейской части страны и расселение русских в Сибири.

Для всего рассматриваемого периода характерны непрерывные перемещения населения. Жители южных окраин, первыми пострадавшие от татарских нашествий, уходили на север, унося с собой опыт хозяйствования и навыки южной кулинарии. В первую очередь это означало продвижение к северу южных культур, в особенности овощей и фруктов. С севера и с востока русские земли окружали финно-язычные народы. Под давлением русских они частично отступали на север и восток, а частично оставались, ассимилировались, входили в состав местного русского населения. Они вносили навыки национальной кухни, обогащая тем самым русскую.

Выход русских к северным рекам и берегам северных морей значительно расширил возможности рыболовства; для части населения рыбный стол стал основным. Жители Поморья говорили: "Безрыбье хуже бесхлебья". Рыба с севера поступала в центральную часть региона. Так, в Москву привозили из Корелы лососину, с Ладожского озера - ладогу и сырт, сюда же шла волжская белорыбца.

Свежую рыбу ели жители городов и селений, прилежащих к водоемам, а в удаленные ее развозили на продажу в мороженом, вяленом, сушеном, соленом виде. Наиболее распространенным способом заготовки рыбы являлось соление, но не крутое, а такое, чтобы тушка рыбы подванивала. По замечаниям иностранцев, простой народ такую рыбу предпочитал свежей. "Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал: достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: еще не поспела!" (Цит. по: Костомаров, 1887. С. 12). На востоке Европейского севера русские восприняли от местного населения новый способ заготовки — квашение без соли или с

малым ее добавлением, а также сыроедение крепко замороженной рыбы - строганины. Внеся с мороза тушку, с нее соскабливали тонкие слои, и нежное мясо таяло во рту. В северной части Европейского региона и в Сибири из рыбы вытапливали жир и употребляли его в пищу. После принятия христианства и до первой четверти XX в. соблюдение постов большинством жителей само по себе выдвигало рыбную пищу на первый план по отношению к мясной. Процесс этот вынуждался обстоятельствами - строгим надзором церковников, а кроме того, - особыми природными условиями в некоторых местностях страны.

Мясная кулинария не претерпела столь серьезных изменений, как рыбная. С одной стороны, сказывалось сдерживающее влияние церкви, с другой - состав домашнего стада оставался прежним, да и охотились все на тех же хорошо известных зверей и птиц. Среди приобретений можно назвать включение в число домашних животных северного оленя в пограничной приполярной зоне расселения русских, среди утрат - исчезновение туров и постепенное сокращение численности других диких животных, на которых велась интенсивная охота.

В качестве домашней птицы по-прежнему разводили преимущественно кур, а в Сибири - только кур. В европейской части страны на крестьянском дворе обычными стали утки и гуси. Однако яйца этих птиц считались невкусными и даже не полезными для здоровья. В городских усадьбах появились индейки, но и их яйца не ели.

Мясо скота и птицы варили, тушили, жарили. Из него готовили жидкие горячие похлебки или хлеба, уху, рассол. В горячие блюда добавляли зелень. Популярным стал борщ из огородной свеклы (ее старинное название - борщ). Шти заправляли свежей или квашеной капустой. Жидким блюдам придавали кисловатый вкус, для чего делали специальную закваску (из квашеной свеклы) или перебродившей мучной болтанки (кислые шти).

Жарили и пекли пищу в русской духовой печи на углях, или используя жар хорошо протопленного очага. На торжественных застольях жареное мясо подавали под зварами, или соусами, приготовленными из диких или садовых плодов. Такие возможности имелись более в южных регионах. Общие успехи русского хозяйства позволяли вводить различные тонкости в кулинарную обработку продуктов, если это соответствовало возможностям хозяев. Книга "Домострой", поучавшая, как рачительно вести домашнее хозяйство, предлагала, например, использовать тушу барана следующим образом: купив целого барана, следовало распределить его мясо на несколько дней. Грудинку рекомендовалось пустить на уху или шти, лопатки и почки - на жаркое, крюки - подавать под зваром, ножки начинять рублеными яйцами, а рубец - кашею; печенку - полагалось изеekat с луком, и обернув перепонкою, жарить на сковороде; легкое готовили, смешав со взболтанным молоком, мукою и яйцами, из мозгов делали особую похлебку или соус с пряностями и, наконец, варили студень (Домострой, 1908. С. 113).

При всех успехах мясной кулинарии не следует забывать, что одновременно пропагандировалось отстранение от нее христиан. Христианство внесло в широкие народные массы россиян некоторый аскетизм в питании, основывавшийся на буквальном понимании заповеди "не убий". Особые строгости предъявлялись к продуктам охоты. Допускалось употребление в пищу только колотых животных, из которых "спускали" кровь. По этому поводу молодой царь Иван Васильевич (Грозный) упрекал духовенство в недостаточном наблюдении за паствой. Среди 100 вопросов, заданных им Собору, был "о птицах и зайцах и о удавлении вопрос". Царь указывал, что по всем градам и землям государства продают всякие птицы и зайцы давленные, "а не колот живо и кровь не точена". Царь предлагал утвердить, чтобы "христианские души давлению не оквернялись" (Стоглав. С. 70-73).

Богобоязненные христиане добровольно ограничивали употребление мяса. Нечистым животным считался всеядный кабан. Грешно было употреблять мясо непарнокопытных животных. Осуждалось уничтожение божьего вестника - голубя, не одобрялась охота на

лебедей, живущих парными семьями, как и люди. Медведь, по своим повадкам чем-то похожий на человека, да к тому же и всеядный, также охранялся народными поверьями. Однако первым насельникам Сибири приходилось отступать от обычных народных правил из-за трудности в обеспечении продовольствием. Так, красноярские служилые люди жаловались: "Помирали голодною смертью и души свои оскверняли - всякую гадину и медвежатину ели" (Оглоблин, 1900. С. 119).

Духовно-нравственные начала, заложенные христианским вероучением в понятие поста, являлись строгим сдерживающим фактором, к тому же соответствовавшее складу русского характера стремление к победе духовного над чувственным и плотским благоприятствовало усердию в пощении.

Христианские посты устанавливались постепенно, в течение многих веков. Считалось, что они основаны на примерах Христа и апостолов. Христос постился в пустыне в течение 40 дней, также как и Моисей перед получением заповедей от Бога. Отсюда произошло название основного или Великого поста - четыре-десятница. Этот самый длительный пост, составляющий часть пасхального цикла, утвердился не сразу и существовал первоначально не везде. Предположительно он сложился во II-III вв. (Энциклоп. словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 24—а. С. 715). В Россию посты перешли из константинопольской церкви. В ней до пасхального цикла было еще три длительных поста: перед праздниками апостолов Петра и Павла (петровки или апостольский пост, как его называли в России) с переходящим по числам началом от недели Всех святых и до 29 июня или 12 июля (по старому стилю); перед днем Успения Богородицы (Успенский или госпожинки) - от 1/14 августа до 15/28 августа и перед Рождеством Христа (Рождественский или Филиппов) - от 15/28 ноября до 25 декабря - 7 января. Кроме длительных были введены еще 2 однодневных еженедельных (по средам и пятницам) и 3 однодневных ежегодных: на Крещенский сочельник 5/18 января, на День Воздвижения Креста Господня 14/27 сентября и на День Усекновения главы Иоанна Предтечи 29 августа / 11 сентября, которые также утверждались постепенно. Так, Иван Грозный запрашивал Собор: "Отколе взят Ивана Предтечи пост?". Духовенство отвечало, что "это не ново, а от многих лет установлено", что "миряне мясо не едят, а иные и рыбы не вкушают" (Стоглав. С. 192-193).

Ритуал постов, выбор продуктов складывались в течение длительного времени. В первые века христианства пост был чрезвычайно строгим, можно сказать, почти ничего не ели. С XII в. постными стали считаться не только овощи, но и рыба, иногда и водяная птица. Наконец, в XIII в. константинопольский митрополит Макарий издал особые правила, определявшие трапезы во время пощения. (Строгость церковных правил. С. 448-450). Однако издание правил не внесло законченности. Дни постов и строгость пощения определялись в каждом государстве, в каждой христианской конфессии, в отдельных местностях и для каждого человека по местным понятиям веры.

Менее строгие, чем Великий, посты приходились на теплое время года и были лучше обеспечены продовольствием - свежей рыбой и зеленью. Таким образом, еда в период проведения сельскохозяйственных работ могла быть, даже во время постов, достаточно сытной. Длительный Великий пост падал на зимнее время, свободное от полевых работ, а потому довольно легко переносился русским народом, привыкшим к мучной пище. Хотя климатические условия России были совершенно иные, чем в местности зарождения христианства, все же чередование постов и мясоедов укладывалось в годовую схему усиления и ослабления трудового напряжения, а также - в сезонную смену обеспеченности продовольствием, и оттого воспринималось населением как вполне естественное состояние. Тем более, что к весеннему времени у многих заканчивались припасенные с осени продукты, и пост наступал сам собой. Поощрение христианским вероучением преимущественно растительной пищи согласовывалось с любовью россиян к мучным и зерновым блюдам. Кулинария в этой области сделала большие успехи.

Хлеб по-прежнему оставался главным продуктом питания и выпекался

преимущественно из ржаной муки. В повседневном быту пшеница использовалась мало, главным образом - для праздничной выпечки. Из пшеничной муки пекли церковные просфоры. Известно, что Сергей Радонежский, по словам его "Жития", выполнял это сам: "просфоры сам печеше: преждо пшеницу толчаше и меляше и муку сеяше и тесто месяше и квасяще, ти тако испекши просфоры, служаще Богу от своих праведных трудов" (Житие Сергия. С. 79).

Из пшеницы пекли калачи. Эту любимую русскими выпечку делали обычно кольцеобразной, для чего имелись специальные формы. Калачи выпекали нескольких сортов, различавшихся по составу муки: лучшие по качеству выпекали из муки крупчатой - самой нежной и дорогостоящей, следующие - из толченой муки, делали их не только кольцевыми, но и в виде круглого хлеба и называли братскими, третий сорт пекли из смеси пшеничной и ржаной муки, что придавало особый вкус и позволяло экономить дорогостоящую пшеницу. Калачи были любимым лакомством. Не случайно сложилась поговорка: "Калачом не заманишь". Из сдобного теста готовили каравай (коровай), замешанный на молоке (с большим количеством яиц), делали также караваи с сыром и т.п. Однако самой лакомой пищей считались всевозможные пироги. Гольштинское посольство, прожившее в Москве три года и хорошо познакомившееся с русской кулинарией, отмечало: "У них есть особый род печенья, который они называют пирогами... и начинают эти пироги мелко искрошенной рыбой или говядиной с луком, затем поджаривают в масле, а в постные дни в оливе. Такие печенья довольно вкусны, и ими угощает каждый своего гостя, если хозяин расположен к нему и хочет хорошенько накормить гостя" (Олеарий. С. 194).

Пироги готовили с начинкой и без нее, но из лучшего сорта пшеничной или ржаной муки с добавлением в тесто сдобы (яиц и масла). Начинки же были самыми разнообразными: от теста другого сорта или одной только соли и до смеси нескольких видов овощей, мяса и рыбы. Форма пирогов обязательно была продолговатой - лодочкой, и по размеру они разделялись на большие пироги и маленькие пирожки; а по способу изготовления - на печеные - (подовые) пышные, подходившие в жару русской печи, и на жареные (пряженые) на сковороде в масле или жире, отчего их еще называли сковородными. По составу продуктов пироги подразделялись на скоромные и постные. Скоромные пироги начиняли мясом домашних животных и диких, особенно любили зайчатину. Применяли смешанное с салом свиным или бараньим мясом (говяжьим); обычно соединяли мясо и рыбу вместе.

В постные дни пекли рыбные пироги. В начинке особенно ценились сизи, ладога и снетки, запекали также рыбные молоки и вязигу - высушенный хребет хордовых рыб, мелко изрубленный. Когда рыба исключалась по требованиям верования, пироги делали с овощной начинкой - из капусты, репы, моркови, а также из гороха или мака. Любили пироги с грибами, особенно - с рыжиками, пекли и сладкие, начиненные разными ягодами, изюмом. Часто подавали пироги на стол даже к различным горячим блюдам - "меж ух", как указывалось в старинных описаниях.

Сладкие пироги - с ягодами и творогом пекли к именинам. Существовал обычай собирать гостей в День ангела и угощать их пирогами. Помимо того, в день своих именин выезжали также с пирогами в дома знати. Так, бояре и их дети в день своих именин приезжали к любимой ими царице Наталье Кирилловне и подносили ей свои именинные калачи, а потом дарили их и царским детям. Сама царица в день своих именин раздавала собственноручно именинные пироги гостям. Из всей выпечки, подававшейся на семейные праздники, особо был выделен курник - пирог, начиненный курицей, яйцами или бараниной с маслом, говяжьим салом. Поскольку куриное яйцо является символом зарождения жизни, курник занимал место на свадебном столе, как пожелание продолжения рода; его мясная начинка символизировала также будущее изобилие в хозяйстве молодой семьи.

Крупные годовые религиозные праздники также отмечали обильной выпечкой.

Пример тому подавала высшая знать. На Рождество бояре являлись с поздравлениями в Кремль. Боярыни при этом подносили царице привезенную выпечку. То же происходило и на Святой неделе при христосовании {Забелин, 1990. С. 149}. В деревнях на Рождество из теста лепили фигурки животных - козульки (kozyльки), которые раздавали людям и немного давали в корм скоту. Этим выражалось пожелание здоровья и благополучия в будущем году для жителей дома и обитателей скотного двора.

Особенно обильна и разнообразна была выпечка в дни любимой русскими Масленицы или мясопустной недели. Пекли пряженые пирожки из теста, замешанного на молоке. Начиняли их творогом с яйцами, с рыбой или тельным (рыбный фарш). Обязательной считалась на масленицу сковородная выпечка на коровьем или растительном масле или на сале - оладьи (аладьи), блины, сырники. Оладьи пекли из хорошей крупитчатой муки с добавлением большого количества яиц. Кроме того, жарили котлому - сходное блюдо, но с меньшим количеством яиц.

Блины и оладьи являлись ритуальными блюдами, подававшимися на различные семейные торжества и при поминовении усопших. Делали, в частности, так называемые приказные оладьи, на поминки по приказным людям (служащим государственных учреждений). Для блинов использовалась всевозможная мука: красными называли блины, изготовленные из гречневой, а белыми - из пшеничной муки. Блины пекли из ржаной, овсяной, пшенной, гороховой и даже из смеси различных видов муки. У простонародья при выпечке и в различных яствах более всего употреблялась ржаная мука.

Затем после ржаной муки шла мука овсяная и различные блюда из толченого и переработанного овса. В Поморье, Приуралье и Сибири ни одна трапеза не обходилась без него. В северном регионе изобрели особый способ приготовления овсяной муки - толокно. Это требовало значительной предварительной обработки. Овес вымачивали 2-3 дня в кадке, пока не разбухнет зерно. Затем его упаривали целые сутки в жарко натопленной печи, а на следующие сутки его хорошо просушивали там же. Сухое зерно провеивали и перемалывали в очень тонкую муку, которую и называли толокном. Достаточно было разболтать ее в воде, квасе или молоке и получалась готовая к употреблению, довольно вкусная и сытная еда. Из толокна готовили много блюд. Самое простое из них - сухомес - густая смесь с водой. Благодаря компактности, питательности и легкости приготовления толокно стало обязательной провизией для русского войска. Были введены специальные сборы с населения северных волостей, которые поступали в Пермь и оттуда распределялись по сибирским городам.

В Сибири земледелие стало развиваться в XVII-XVIII вв. Поэтому первые отряды казаков, служащие и духовенство получали снабжение из Европейской части страны в виде хлебного жалованья. Поскольку и снабжение, и заселение Сибири шло из северной полосы, то и при становлении собственного земледелия основной культурой могла быть только рожь, так как она переносила суровый климат. Даже в XVIII в., когда русские освоили южные пределы региона, рожь оставалась господствующей культурой. Затем шел овес, за ним - ячмень, т.е. традиционный набор северных хлебных культур. Они и составляли основу питания русского населения.

Продвижение на восток и знакомство со многими народами, населявшими восточные окраины Европы и грандиозные просторы Сибири, обогатили русскую кулинарию новыми блюдами, как праздничными, так и довольно простыми, воспринятыми российской беднотой. Примером последних можно считать бурду (тюрк.) - проваренную болтушку из муки с водой. Другое блюдо тюркских народов - плов или пилав — смесь риса с бараньим мясом, даже упрощенное русскими, оставалось малодоступным и готовилось изредка богатыми горожанами.

Полюбились русским пельмени - рубленное мясо, завернутое в лепешку из теста и отваренное в воде. Это блюдо с легкостью вошло в обиход, так как у славянских народов были аналогичные изделия из теста с начинкой из творога, овощей, фруктов. Продвигаясь дальше в Сибирь, русские унесли с собой любимейшее новое блюдо. Здесь они

научились запасать пельмени впрок, замораживая их. Пельмени стали в Сибири почетным угощением и необходимым дорожным припасом. В южной части Руси, где были тесные контакты с тюркоязычным населением, начали готовить тесто, проваренное в масле. Его делали круглой формы в виде колец - пончиков или шариков - шишечек, а в северной и средней части страны - в виде полосок - хворост или стружни.

Вареное в масле тесто было редким лакомством, а более доступные состояли из фруктов и других плодов, проваренных с медом и сахаром. Из мягких ягод делали заготовки - пастилу и левашу (из малины, земляники, смородины, черники). Ягоды уваривали, протирали через сито и снова варили с патокой. Чтобы получить левашу, эту заготовку выкладывали на доску и сушили в печи, потом свертывали в трубочки. Для получения пастилы заготовку взбивали, давали подняться, потом складывали в медную посуду (творила) для закисания и уже после этого высушивали в печи.

Достигнуть разнообразия в приготовлении сладостей стало возможным с развитием садоводства. Во многих русских городах появились сады, в некоторых - с оранжереями. Пример подавали усадьбы российских государей, куда доставляли саженцы и семена из южных местностей страны и даже из-за рубежа. Так, великий князь Михаил Федорович устроил в Москве сад. По приказу царя Алексея Михайловича из Астрахани были доставлены саженцы винограда и арбузов вместе с землей. Особого успеха москвичи достигли в выращивании дынь, имевших до пуда веса. Крупные садовые хозяйства двора располагались в Коломенском и Воробьеве. Деревья там росли те же, что и у горожан и сельчан: яблони, груши, вишни, сливы.

Меньше изменений наблюдалось в овощеводстве. Сохранялся прежний набор культур. Лишь в городских огородах появилась спаржа. В столице начал входить в употребление салат, однако лишь у немногих хозяев, так как русские считали его травой и смеялись над немцами, употреблявшими салат в пищу.

Освоение Сибири и установление дипломатических связей с восточными государствами обогатило русский стол неизвестными ранее пищевыми растениями. Из Сибири в больших количествах начали вывозить ревеня, который первоначально использовали в отваре лишь как лечебное желудочное средство. Постепенно он вошел в обиход для изготовления взваров, киселей, начинок. Из Монголии в виде дипломатического подарка были доставлены первые упаковки чая. Чайный отвар считался хорошим тонизирующим и лечебным средством при грудных простудных заболеваниях. В Европейской части страны он медленно входил в обиход как повседневный напиток, а в Сибири, благодаря меновой торговле, стал доступен сельскому населению уже в XVII в. Чай отваривали из веточек (продавались под названием шар), из резаных листочков и из цветков (лучший по качеству). Как лечебное средство, а позже - как аналог чая, закупали бадан (или бадьян - горное растение с сильным тонизирующим и вяжущим свойством). Из Сибири привозили в Москву чистый мускус. Из него готовили и продавали мускусную воду, но москвичи не оценили ее вкуса. Отведав различные новые отвары, россияне остановили свой выбор на чае. Из сибирской глуши и от столичного центра он начал свое победоносное шествие по стране.

Перемены в производстве и потреблении горячительных напитков имели более серьезные последствия. Усиление крепости хмельных изделий, увеличение количества производимого и потребляемого алкоголя, а также централизация его продажи привели к появлению в России зла - пьянства.

В Древней Руси варка хмельных напитков производилась в семьях или в общинах и обществах к празднествам. Со временем возникла продажа хмельных напитков в корчмах, где можно было поесть и выпить. Доходность хмельной продукции побуждала некоторых удельных князей устраивать собственные корчмы в вотчинах.

С того времени, как доход от питейных заведений начал поступать в княжескую, затем - царскую, наконец - государственную казну, возникла непрерывная, идущая с переменным успехом борьба между стремлением получить возможно больший доход и

желанием оградить народ от пагубного воздействия алкоголя. Первые ограничения ввел Иван III. Он запретил питейные дома повсеместно. Жителям Москвы разрешалось пить только по праздникам под угрозой строгого наказания. Право приготовления напитков принадлежало казне.

Сын Ивана III Василий III продолжал соблюдать ограничения, но при нем в Москве появился первый кабак для наемных иностранных солдат, обнесенный высоким забором. Эта местность получила насмешливое название "Слободка Наливайка". Забор, однако, не смог оградить россиян, и в последующие годы кабаки широко "расползлись" по городам страны.

Положение дел усугублялось тем, что прежние меды, пиво и брагу потеснил более крепкий напиток - водка. Излишки зерновых, которые стали накапливаться в связи с успехами сельского хозяйства, особенно в южных "пшеничных" местностях, открывали возможности для получения из хмельного суслу путем перегонки паров через медные трубы спиртосодержащей прозрачной жидкости. В XVI-XVII вв. проводили опыты по выкуриванию самогона. Перегонку повторяли два-три раза и достигали иногда такой крепости, что умирали от выпитого. Наконец, правительство установило единую крепость для продажной водки в 40°.

В XVII в., после приобретения Россией земель в низовьях Волги появилась возможность завести собственные виноградники. Первый из них был заложен в 1613 г. по приказу царя Михаила Федоровича для нужд царского стола. Виноградные лозы были привезены в Астрахань из кавказского г. Шемаха вместе с рецептами изготовления вина.

Поступавшие в больших количествах съестные припасы хранили в погребах, используя холод от снега и льда. А. Олеарий описывал в частности особый русский способ сохранения пива. Погреб набивали снегом и льдом, сверху клали бочки с пивом, на них снова укладывали слой снега со льдом... Пиво оставалось свежим и приятным на вкус в течение всего лета (Олеарий. С. 195).

В больших количествах запасали не только горячительные напитки. При слабом развитии рыночных связей каждое хозяйство должно было обходиться заготовленными с осени припасами вплоть до следующего урожая. Руководство для рачительных хозяев "Домострой" подробно объясняло, что следует хранить в доме. "А у доброго человека и у доброй жены... годовой всякий запас и о рухляди и о ествы и о пития и о хлебного и о болошного (мучного. - В.Л.) и о мясного и о полотеовой (мясной. - В.Л.) и о рыбной и о ветчинной и о просолу и сухари, мука и толокно и иной запас маку, пшено, горох, масло и зола и всякий запас, чему можно впред быти в бережении и незнасно" (Домострой, 1908. С. 118-119).

Запасы рекомендовалось делать из-за неуверенности в достаточных урожаях или в возможностях покупки вследствие дороговизны. Имели значение и социальные причины. Страшным бичом того времени являлись повальные болезни - эпидемии. Чума, холера, моровая язва свирепствовали в середине XVI и в XVII вв. Рядом с моровым поветрием шел голод, косивший людей. В 1601 г. непрерывные дожди не дали хлебу созреть, а ранний осенний мороз побил рожь и овес. Новый посев следующего года погиб весь в земле. Разразился страшный голод: "...купить стало негде, отцы покидали детей, мужа - жен, мерли люди, как никогда от морового поветрия не мерли. Видали людей, которые, валяясь по улицам, щипали траву, подобно скоту, зимою ели сено; у мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал; отцы и матери ели детей, дети - родителей, хозяева - гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье в пирогах..." (Соловьев. Кн. IV. Т. 7. С. 56, 388-389). Нельзя не отметить, что в этих тяжелых условиях было стремление помочь больным и голодающим. Так, больных и безнадежных запирали во дворах, во избежание распространения заразы, и кормили их всей улицей. Лишь в 1604 г. бедствия людей прекратил хороший урожай. Несложно понять, отчего в трудные и смутные времена появлялось стремление к накопительству и запасам на год и более. В свою очередь, чем обильнее становились припасы, тем разнообразнее была их

переработка.

При переработке зерновых путем дробления и помола получали крупу и муку различных сортов, которые в последующем подвергались еще и термической переработке или сочетанию биохимической и термической. Для русской кулинарии было характерно заквашивание продуктов. Всевозможные квасы - мучные, овощные и фруктовые сами по себе были годны к употреблению, но, кроме того, заквашенная, перебродившая продукция подвергалась дальнейшей термической обработке: ее запекали, жарили, отваривали в воде, масле или жире. Растительные масла добывались путем выдавливания из семян масличных растений. Животные жиры и масла - путем механической обработки молока (взбивание, пахтание) или отделения сала от туши, а также термической обработкой туш животных и рыб (вытапливание жира).

Условия русской природы давали возможность проводить замораживание - термическую обработку и консервацию продуктов с помощью холода ("засекание" в лед). Некоторые приемы замораживания русские заимствовали у народов Сибири, а некоторые - придумали сами, добавив к ранее существовавшим (замораживание пельменей, сырников).

Разнообразие приемов воздействия на продукты питания делало кулинарию русских весьма вариативной. В основе лежало использование свойств традиционной русской духовой печи, которая давала возможность производить все виды тепловой переработки пищевого сырья. В закрытом "чреве" печи пища приобретала различные свойства и вкус в зависимости от времени и степени нагрева.

Вследствие того, что миграции русских имели, в основном, восточное направление, заимствования в кулинарии происходили от восточных соседей - на широком пространстве от Приуралья до Тихого океана и от северного Поморья до среднеазиатских степей. Поставщиками новых продуктов и приемов были народы, вошедшие в состав российского государства, а также и соседние державы, с которыми устанавливались дипломатические отношения на новых российских границах.

О порядке трапез того периода имеются довольно скудные сведения и касаются лишь наиболее зажиточной части населения. По ним можно судить, что ели редко и не очень сытно: постный стол был весьма скуден, скоромный - обильнее, и лишь по праздникам наблюдалось щедрое изобилие. В качестве постоянных трапез называются только обед и ужин.

Начало дня у всех русских, независимо от их положения в обществе, посвящалось Богу и церкви, а затем - делам. Царская семья начинала свой день с молитвы, затем царь принимал бояр.

Обед начинался в 12 часов (по отсчету времени рассматриваемого периода). Обеденный стол был весьма скромным даже у царей. По свидетельствам иностранцев Алексею Михайловичу подавали ржаной хлеб, немного вина, овсяную брагу или легкое пиво с коричным маслом, а иногда только одну коричную воду.

В противоположность этому по праздникам, в дни приемов бояр, гостей или иноземных послов застолья были обильны и щедры. Церемониал обеда, богатство утвари, изобилие блюд производили сильное впечатление на иностранцев. Подробно описал свое приглашение к столу царя Ивана Васильевича английский путешественник Ричард Ченслер (1553). "Стол был накрыт скатертью. На конце его сидел маршал с небольшим белым жезлом в руке. Стол был уставлен золотой посудой. На другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сидел сам великий князь... Около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении... Прежде, чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба. Причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говорил: "Иван Васильевич, царь русский и великий князь Московский жалует тебя хлебом". При этом все должны были вставать и стоять, пока произносились эти слова. После всех он дал хлеб маршалу; тот ест его перед великого князя милостью и уходит. Тогда вносят царское

угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь на отдельном блюде".

К XVI в. - времени написания "Домостроя" утвердились представления о последовательности чередования блюд, о сочетании продуктов и блюд на столе и о распределении яств в течение года соответственно с чередованием постов и мясоедов, а также различий в строгости пощения и в насыщенности мясных блюд.

Общий принцип заключался в том, что ограничения, отказ от чревоугодия способствует освобождению и совершенствованию духа. Однако некоторые тонкости в представлениях на этот счет современным людям непонятны. Например, в мясоед допускалось есть в течение всего года зайца черного (приготовленного без пряностей), зайца в рассоле, почки заячьи под простым зваром. Заяц же, приготовленный под шафраном, полагался только с Покрова (1 октября по старому стилю). (Домострой, 1908. С. 160-161).

Собранные нами материалы показывают, что питание россиян было весьма различным: от очень скудного по будням во время постов до чрезвычайно разнообразного, перенасыщенного в дни праздников и приема гостей. Создается впечатление, что именно в этот период, когда складывалась этническая территория русского народа, пополнение прежних навыков в связи с расселением на новых рубежах способствовало формированию вариативности в русской кулинарии, что проявлялось как в многообразии используемых продуктов, так и в способах их переработки. В тот же период сложность исторической ситуации могла пробудить стремление к бережливости и накопительству. Однако это не привело к скарденности. Общие успехи хозяйства позволяли делать достаточные запасы, а они пробуждали кулинарную фантазию и желание поделиться своими достижениями. Народная мораль считала честью хозяев принять пришедших в дом со всей возможной щедростью. Об этом свидетельствуют пословицы: "Не красна изба углами, а красна пирогами", "Гость на гость - хозяину радость" и т.п.

Пища русских в XVIII - начале XX века

XVIII век внес существенные перемены в русскую кулинарию, которые продолжали сказываться и в последующие столетия. Определились два направления изменений: 1) усилилось влияние кулинарии зарубежных народов (преимущественно в высших слоях общества), что обогатило ассортимент престижных блюд русского стола, 2) формировались своеобразные черты народной кулинарии в отдельных местностях, различавшихся по естественно-природным условиям, по составу населения, по историческим судьбам.

Политика Петра I, направленная на усиление контактов с западноевропейскими государствами, оказала влияние на соответствующие перемены в русской кулинарии. Нововведения прежде всего появлялись в столицах - Москве и Петербурге, где царь проводил "ассамблеи" - торжественные приемы для знати и сподвижников. Отсюда новшества переходили в другие слои общества и проникали во многие города государства.

Желая ускорить процесс и полагаясь на молодежь, Петр I организовал издание "Юности честного зеркала" - книги, обучающей умению достойно вести себя в обществе, в частности, во время застолий. (Юности честное зеркало. С. 16).

В XVIII в. особенно заметным стало немецкое влияние, так как Петр I привлекал из Германии многих специалистов.

Русский народ характеризовал немецкую кухню двумя изделиями: колбаса и кислая капуста. Возможно, что именно под немецким влиянием распространились всевозможные тушения из капусты с мясом свежим, соленным, копченым и с колбасами. Тем же влиянием следует объяснить и появление молочных супов, а также салатов из зелени. Однако, воспринимая новые блюда, русские кулинары перерабатывали рецепты в соответствии с национальными вкусами. Так, характерное для германских народов добавление свиного

сала и смальца (топленого свиного сала) во многие блюда, включая и сладкую выпечку, было отвергнуто, как несоответствующее традиционной рецептуре.

В XIX в. участие России в освободительных войнах стран, захваченных Наполеоном, обеспечило русской армии гостеприимство многих народов Европы и позволило познакомиться с особенностями их быта, в том числе и со своеобразием пищи. Французская кухня считалась лучшей в Европе. Пикантную особенность французской кулинарии придавали добавки вина при изготовлении самых различных блюд, всевозможные соусы, подливы и бульоны.

Разнообразие вариантов блюд во французской кухне соответствовало национальным вкусам русских. Из французского языка в русский вошли названия многих блюд: котлеты, омлет, антрекот, фрикадельки, соус, майонез и т.д. Названия и рецептура некоторых из них стали достоянием поваров-профессионалов: консоме -крепкий мясной бульон, мармит - бульон, к которому отдельно подается гарнир и пр. Повара-специалисты не занимались слепым копированием. Появились русские варианты блюд, иногда превосходящие по вкусу и качеству французские, например, котлеты куриные, котлеты пожарские. Переняв бульон, его "наполнили" лапшой, рванцами, клецками, а салаты начали делать не только из свежих, но из соленых и квашеных продуктов (овощи, фрукты, грибы).

Весь XIX и начало XX в. в России продолжалось влияние французской кухни. Публиковались в изобилии поварские книги, пестревшие подражанием французским блюдам ("а ля"), в результате которых французская кухня приобрела русский колорит. Путешественник и писатель из Парижа Т. Готье, посетивший Москву и Санкт-Петербург в 1859 г., отмечал: "Подражая французской кухне, русские остаются верны некоторым национальным блюдам и, положа руку на сердце, именно они-то и нравятся им более всего" (Готье. С. 109). Немалую роль в распространении новых рецептов играли приезжие кулинары-ремесленники. Представители той или иной страны пропагандировали излюбленные блюда. В городах создавались английские, французские клубы с соответствующими стилями оформления и столования. В богатых домах вошло в моду держать французского повара.

Обилие привнесенных в страну иностранных рецептов побудило тульского помещика В.А. Левшина составить алфавитный "Словарь" зарубежных и отечественных блюд. Их набралось на 6 объемистых томов, издававшихся в течение 6 лет. Однако знакомство русских с кулинарией многих народов имело гораздо более глубокое значение.

Всколыхнулись собственные творческие возможности отечественных любителей вкусных яств. Изобретениями и совершенствованиями рецептуры увлеклись специалисты и любители, знать и простолюдины, мужчины и женщины, жители столиц и провинции. Особо полюбвишиеся самобытные рецепты хозяйки переписывали в специальные тетрадки. Как и другие женщины, их собирала жена писателя Софья Андреевна Толстая вместе со своим братом Степаном Андреевичем Берс. Нередко они указывали, от кого получен рецепт. Например, рецепт "Анковского пирога" был подарен матери Софьи Андреевны ее домашним врачом Николаем Богдановичем Анке. Этот рецепт Софья Андреевна привезла в Ясную Поляну - имение мужа. (Поваренная книга. С. 6).

Результатом столь активного интереса к кулинарии стала любовь к обильным застольям в среде зажиточных горожан. Особенно славилась этим Москва "хлебосольная". Заезжие иностранцы отмечали: "Москва - единственный город в мире, где богатые люди держат открытый стол в полном смысле слова... Если приехавший гость не застанет обеда, тотчас же для него нарочно опять накрывают на стол. Нет примера, чтобы русский намекнул, что вы опоздали пожаловать; к подобной невежливости он окончательно не сроден". (Записки венецианца. С. 19).

В России развивалось утонченное гурманство. Создание хорошего блюда начиналось еще при подготовке и отборе продуктов для него. Опытные кулинары давали на этот счет проверенные рекомендации. Например: "Если хотите иметь хороших цыплят, то, купив их

живыми, следует кормить недели две дома гречневой крупой, заваренной кипящим молоком, и содержать всех в тесном месте, чтобы цыплята не бегали. Но ежели хотите побаловать себя цыплятами на славу, то покормите их вареным на молоке рисом. Цыплята будут объедение: белое, нежное, тающее во рту мясо, с косточками, как хрящики". (Аверченко. С. 198 - 199).

Все продовольственные богатства страны стекались в столицы.

Помимо того, что Москва была первопрестольной столицей и к XVIII в. стала центром складывающегося общероссийского рынка, ее положение в центре европейской части государства оказалось наиболее благоприятным для снабжения. Вообще в XVIII-XIX вв. средняя часть региона считалась наилучшей по естественно-природным условиям.

Среднерусская зона

Средняя полоса России охватывала обширные пространства смешанных лесов и лесостепи к северу и к югу от Москвы. Это была территория, на которой формировались и с наибольшей полнотой проявлялись характерные черты русской традиционной кулинарии.

Одна из них - любовь к ржаному или черному хлебу, который считался наиболее вкусным и питательным. Пшеничная мука использовалась главным образом для праздничной выпечки из сдобного теста, да и то - преимущественно в городах. Здесь ассортимент изделий непрерывно расширялся. Появились местные особые виды выпечки, носившие названия того или иного города. Москва славилась сайками (форма "лодочкой"), расстегаями (пироги, раскрытые сбоку), кулебяками (пироги удлиненной формы с начинками). Пироги оставались любимым лакомством, обязательным во время приемов дорогих и уважаемых гостей.

Помимо домашних застолий, пироги продавались с лотков во всех городах средней полосы России. Этому способствовало развитие русской металлургической промышленности. Выпечка на железных листах - противнях давала возможность более эффективно использовать внутреннюю полость русской печи.

Наряду с вареными в масле появились изделия, которые предварительно отваривали в воде и придавали им форму кольца. После выпечки одни из них (баранки) продавались мягкими, при этом особо ценились горячие, другие же (сушки) - засушивались как сухари. Добавление мака, горчицы, различной патоки при выпечке разнообразило эту оригинальную русскую продукцию.

Деятельность отечественных чугунолитейных заводов привела к созданию нового вида лакомств - вафель. Полоски теста, зажатые между чугунными пластинами, просушивали в печи, как пастилу или левашу. Узоры, отлитые на формах, отпечатывались на тесте, что придавало вафлям особо праздничный вид. Разнообразнее стали вареные в масле лакомства из теста. Кроме нарезанных полосками (стружки, хворост), стали делать фигурные заварки, используя металлические формы: кольца, розы, сердца, копытца и др.

Еще большая популярность выпала на долю сладкой и ароматной выпечки - пряников. Лепная и орнаментированная выпечка была известна исстари. Металлургическое производство вблизи Москвы, в Тульской губернии вдохнуло новую жизнь в пряничное дело. Профессиональные резчики - оружейники перенесли четкость в выполнении рисунка на деревянные пряничные доски. Для ароматизации теста брали мяту, анис, солодку, тмин, использовали всевозможные привозные ароматизирующие вещества, например, мускат, корицу, имбирь. Пряники стали подлинными произведениями искусства. Благодаря яркой декоративности и отличному вкусу, они вошли в состав праздничных и обрядовых блюд.

В городском быту все большее значение приобретало питание в ресторанах, трактирах,

харчевнях, рассчитанных на разные слои общества. Разницу в выборе ассортимента блюд отмечал писатель В. Гиляровский. В Москве на ул. Б. Дмитровке, которая в старину называлась Клубной, размещались Английский клуб с соответствующей кухней и Дворянский клуб, где подавали преимущественно французские блюда. Затем этот последний переехал в Дом благородного собрания, а его место занял Купеческий клуб. "Барские палаты были заняты купечеством, и барский тон сменился купеческим, как и изысканный французский стол перешел на старинные русские кушания. Стерляжья уха, двухаршинные осетры, белуга в рассоле... индюшка, откормленная грецкими орехами, попалашные расстегаи из стерляди и налимьих печенок, поросенок с хреном, поросенок с кашей" (Гиляровский. С. 110). Сугубо русские блюда подавали также в трактирах, рассчитанных на состоятельных простолюдинов. Харчевни, обслуживавшие преимущественно городские низы, заезжих сельчан, подчеркивали национальный стиль в оформлении и подборе блюд.

Подражание зарубежному у городских и столичных верхов во многом было направлено к внешней, показной стороне быта. В более узком кругу, особенно при семейных трапезах, на первом месте оставалась национальная кухня. Это всегда замечали иностранцы: они привыкали к неизменным щам, кашам, квасу, соленым огурцам.

В периферийных городах и тем более - в сельской местности иноземные влияния слабо ощущались в кулинарии, но традиция питания не оставалась неизменной. Перемены, в первую очередь, были вызваны общим развитием хозяйства, но особенно они проявились в овощеводстве и садоводстве.

Зелень стала занимать все большее место в составе первых и вторых блюд. В сочетании с бульоном она дала новый вариант щей, отличный от прежних мучных или крупяных. Капустные щи быстро завоевали признание. Их готовили для постного стола на мучной закваске, а для скоромного - с отварным мясом. Капусту отваривали или тушили с мясом, салом, копченостями, ею начиняли пирожки и кулебяки.

С первой половины XVIII в. переворот в составе овощных блюд произвел картофель. К началу XX в. ухе почти не оставалось кушаний на столе россиян, в которые не добавляли бы картофеля. Его стремились запастись на весь год, он нередко выручал в неурожайные годы. Картофель подмешивали в муку, из него готовили первые и вторые блюда, его подавали отдельно и в смеси с другими продуктами, распространив на него все способы кулинарной обработки.

Благодаря овощам стали разнообразнее горячие первые блюда. В городах у средних и зажиточных слоев населения вошли в моду бульоны, которые подавали чистыми (в специальных чашках) или с различными наполнителями - зеленью, лапшой и пр. (в тарелках). Куриный бульон, особенно полюбившийся русским, считался к тому же целебным продуктом. Различная столовая зелень в сочетании с традиционным квасом послужила основой для нового блюда - окрошки. Мелко порезанную зелень, рубленое яйцо, кусочки соленой рыбы и отварного мяса заливали холодным квасом, заправляли сметаной, бросали в блюдо лед и подавали в жаркий летний день. Полюбились также холодные ботвиньи из нежных листьев молодых овощей.

В сельской местности питание было однообразным. Так, например, в Тверской губернии ежедневная постная пища состояла из хлеба, редьки, щей из серой капусты и картофеля. В праздник добавляли пироги из ржаной муки, а щи варили с рыбой. Ели кашу, горох. Стол разнообразили грибы, соленья. В скоромные дни щи забеливали сметаной, в картофель добавляли масло, пили молоко. Лишь по праздничным дням на столе появлялось мясное: щи с говядиной, похлебки с бараниной, а также яичница, считавшаяся лакомым блюдом (Лебедев. С. 183).

Осенью с наступлением холодов больше поступало мясных продуктов, так как скот забивали с окончанием летнего выпаса, а свежина не может долго храниться. Мясо в больших количествах и дешево продавали на рынках. Поэтому жители городов лучше были обеспечены мясными продуктами в это время года. В средней полосе ценили мясо

крупного рогатого скота, туши которого, собственно, и называли мясом, в отличие от баранины и свинины. Заливной или зажаренный целиком поросенок был украшением рождественского стола. Зажаривали также тушки птицы - рождественский гусь особенно был любим в городах. В то же время крупные дикие птицы все реже попадали на стол, а употребление в пищу лебедей стало считаться кощунством. Охотничьи угодья оскудевали, домашний скот берегли, оттого и потребление мяса сокращалось. Утвердившееся христианство со своей стороны вводило ограничения, мясная пища в рационе значительно уступала растительной. По подсчетам экономистов, в начале XX в. в Московской губернии на растительную пищу затрачивалось 24-30% бюджета семьи, на животную - 12-15% (Первушин. С. 9,19).

Южная зона

В южной зоне Европейской части страны овощи составляли сравнительно большую часть в общем балансе продуктов питания, чем в других регионах. Помимо тех, которые употреблялись в пищу в средней полосе России, на юге первостепенную роль отводили свекле - красной (столовой) и белой (сахарной). Красную свеклу ели в отварном виде, с ней готовили ботвиньи. Более вкусной считалась квашеная красная свекла, которую использовали в тушениях. Из свеклы обоих видов готовили квас, а белую еще и томили в печи, получая сладкий сахаристый сироп.

В черноземной полосе большое значение в питании имела тыква. Из нее готовили кашу, жарили, запекали. На юге употребляли в пищу помидоры, кабачки, баклажаны, перец. В открытой степи выращивали бахчевые культуры. Арбузы и дыни были повседневной пищей и в летнее, и в зимнее время. Свежий арбуз с хлебом нередко составлял завтрак, а для зимнего хранения бахчевые сушили и солили. Из их сока варили "мед". Фрукты, ягоды и орехи составляли разнообразное питание в течение года. Помимо употребления в свежем виде, приготовления варений, пастилы, мармелада и взваров (компотов), в южной части России некоторые фрукты использовали для салатов, борщей и даже при тушении мяса.

Горячие жидкие блюда - любимые русскими щи и популярный в южных районах борщ включали много овощных компонентов. Борщ готовили с квашеной свеклой (бураками). На Кубани в это блюдо добавляли сливы. Похлебки заправляли чесноком и прожаренной с маслом или салом мукой. На юге часто варили похлебку из пшенной крупы с салом или постным маслом (кулеш).

В кулинарии южнорусских хозяек немало было общего с соседними украинскими. Помимо сала, борщей и кулешей, часто подавали к столу вареники и галушки, всевозможные взвары. Член Русского географического общества Сверч-ковский писал о питании крестьян Курской губернии: "В пищу употребляют дворовую птицу, баранину, но преимущественно свиное мясо и сало, капусту во щах и с квасом, картофель, бураки, редьку, лук, хрен, квас, кашу гречневую, пшеничную, соломату, блины, галушки, горох. Хлеб, пироги, лепешки - из ржаной муки" (АРГО. Р. 19. Д. 10. Л. 3. об.).

Ржаной хлеб, как и повсюду у русских, традиционно играл основную роль в питании, а у сельского населения ржаная мука использовалась и для праздничной выпечки. Пекли из кислого теста, а в отдельных местностях, например, на Кубани, делали заварной хлеб, для которого муку запаривали кипятком. В течение XIX в. неуклонно расширялись посевы пшеницы. К началу XX в. они стали весьма значительны по всему южному региону (к югу от Курской и Воронежской губерний) и особенно на Кубани. Некоторые местные сорта твердой пшеницы были позднее перенесены в Сибирь, где для них оказались весьма благоприятными природные условия в Алтайской и Минусинской степях. В этих местностях основным стал белый пшеничный хлеб, который совершенно вытеснил

ржаной.

Параллельно с успехами зернового хозяйства увеличивалось винокурение, производство водки.росло число спиртовых заводов, которые размещались в хлебобродных районах черноземного юга. В начале XX в. Россия заняла первое место по размерам винокурения. Статистические обследования показывали, что в деревне в год одного взрослого мужчину приходилось от 1 до 1,5 ведер водки, в городах - по 4 ведра. При анкетном обследовании в Пензенской губернии только 10% крестьян были зарегистрированы непьющими, 37% пили изредка, 32% - часто, а 21% - регулярно (Кузовков. С. 70-73).

Со второй половины XIX в. отдельные люди и целые сельские общества стали давать зарок воздержания от пьянства. Появились общественные организации борцов за трезвость, к которым присоединилась церковь. В 1859 г. Общество трезвости возникло в Саратовской, затем в Рязанской, Екатеринославской, Нижегородской, Курской губерниях. Общественное противостояние пьянству охватило всю страну, но более всего общества трезвости создавались в южной полосе, где действовали крупные водочные заводы. Священный Синод благословил деятельность этих обществ указом обер-прокурора.

Переработка растительных продуктов обогатила русский стол новым сортом масла. Так, повсюду в России издавна основными масличными культурами были лен и конопля, причем под последней были заняты более южные местности. Кроме этих культур в степной зоне добывали в небольшом количестве масло из мака, тыквы, горчицы и рапса. Семена конопли и мака выжимали, и они давали вкусную маслянистую эмульсию - молочко. Его, как лакомство, намазывали на хлеб, блины, ели с выпечкой. В середине XIX в. крестьянин Тамбовской губернии решился отжать масло из семян подсолнуха. Оно оказалось настолько ароматным и приятным на вкус, что быстро завоевало признание в южном регионе, а затем вывозилось и в города северной части страны.

Из жиров животного происхождения в России более всего употребляли коровье масло, которое в перетопленном виде использовали как кулинарный жир. В конце XIX в. для отделения сливок начали применять сепаратор, а вместе с ним стало быстро налаживаться производство сливочного масла.

Северная зона

К северу от средней полосы России соотношение производимых продуктов и потребляемых блюд, во многом отличались друг от друга. В этом регионе особняком стояла вторая столица России - Санкт-Петербург.

Построенный на окраине государства, на необжитом месте, вдали от основных сельскохозяйственных районов, город с самого основания нуждался в снабжении продовольствием. Первонаселенники Петербурга получали "хлебное жалование", как и первонаселенники Сибири. В первой половине XVIII в. на одного человека в месяц выдавали по 29 кг муки и по 5,5 кг крупы (Семенова, 1974. С. 173-174). Рабочий люд нового города, стекавшийся в него из разных местностей, был оторван от окрестного сельского населения, как в начале застройки, так и в последующее время. Между тем жители исконно русских городов неизменно сохраняли бытовые и родственные связи с деревней и получали оттуда часть продовольствия. В Петербурге, даже в начале XX в., по данным экономического обследования только 21% рабочих семей пользовался деревенским хозяйством. Большинство петербургских жителей питалось за счет покупных продуктов. "Если бы нужно было охарактеризовать питание наших рабочих каким-нибудь одним словом, то мы назвали бы это питание хлебным" - пришли к заключению исследователи (Давыдович. С. 14, 17).

В Петербурге вошел в обиход всех слоев населения белый хлеб, который называли

булкой. Обычным завтраком в небогатых семьях стал чай с хлебом и сливочным маслом. Обеды готовили не каждый день. Бедные семьи варили его раз в неделю в воскресенье, разогревая потом щи по мере их потребления. Питание семьи почти целиком зависело от возможности покупки продуктов. Сбивались ритмы чередования постных и скоромных дней. Самые бедные семьи постились весь год, богатые - лишь несколько дней на страстной неделе.

Высшее общество получало необходимые продукты из своих вотчин. Требовался огромный запас, поскольку от него зависели не только семья владельца и его дворня, но и обслуживающие крепостные и наемные рабочие {Волков М.Я. С. 122-123}.

По мере упрочения быта в новой столице развивались торговые связи с российским рынком. Как и в Москву, сюда стекалось продовольствие со всех концов страны. Однако своеобразный состав населения северной столицы, пребывание в ней императорского двора, привлекавшего иностранцев, накладывало особый отпечаток на быт русской знати. В Петербург поступало больше западноевропейских товаров, чувствовалось влияние традиций разных народов на кулинарию, состав блюд, застольный этикет.

Приехавший в Россию в середине XIX в. писатель Т. Готье с некоторым удивлением обнаружил, что богатые петербуржцы держат французский стол. Однако наблюдательный глаз писателя вскоре заметил национальный русский вкус в некоторых характерных дополнениях. Так, вместе с белым хлебом к обеду подавали черный, любили угощаться солеными огурчиками, часто на столе появлялись рябчики, медвежья ветчина заменяли Йоркскую, а лосиное филе - ростбиф. Посреди обеда, когда были выпиты шампанское, бордо и другие французские вина, подавали квас. "Это все блюда, не существующие в западном меню", - подчеркивал писатель (Готье. С. 108-109).

Стоило выехать за пределы города, как скудость северной природы резко ограничивала ассортимент употребляемых продуктов, поскольку сельское население само обеспечивало себя продовольствием. Стол северян оставался в основном хлебно-рыбным. Однако хлеб пекли иной, чем в средней полосе России. В суровом климате даже рожь не всегда созревала. Из ее зеленых зерен варили кашу под названием вараханицы. Основными хлебными культурами считались ячмень и овес. При помолке более ценной ржи оставляли часть мякины. Делали муку из смеси ячменя и овса {сутолоку}, а хлеб из чистого ячменя назывался житником.

Из мучных продуктов готовили полужидкие блюда - проваренную клейкую мучную гущу. Новгородцев, любителей такой пищи, называли гущедами. Из ячменной муки варили заспанную кашу, из ржаной муки - мученку. Благодаря быстрому приготовлению такие блюда удобно было подавать утром. Среди тестообразных особенно любили блюда, приготовленные из толокна {толокнянка, соломата}. Заваренное на кислом молоке толокно, которое ели с ягодами, составляло северное лакомство (тяпушки), так же как и скатанные шариками или колбасками тетерки. Жидкие блюда из муки были распространены в хлебородных деревнях, в чисто рыболовецких селениях их не знали (Дурасов, 1986. С. 80). Горячие блюда - похлебки готовили из ячменной крупы. Они назывались щами {толстые ы^ы), их приправляли освященной крупой или толокном. Толокно, там, где оно имелось, всегда стояло на столе во время трапезы. Его подсыпали в любое блюдо, в щи, в квас. Такая приправа повышала калорийность пищи.

Чем дальше к северу от центра страны, тем беднее овощами становилась пища: употребляли лишь репу, редьку, да лук с чесноком. Вместе с тем придавалось большое значение собирательству, охоте, рыбной ловле. Помимо ягод, грибов, орехов - составлявших любимое лакомство по всей Руси, на севере в большом употреблении были дикие травы. Среди них борщ (или борщевик) ежегодно добавляли в муку в весенне-летнее время, предварительно высушив и помолов. В свежем виде он заменял капусту в тех местностях, где она не произрастала. Листья рубили, отварив, солили в кадках на всю зиму.

Чем меньше возможностей предоставляла природная среда для выращивания овощей, тем большее место в рационе занимала пища животного происхождения.

В Архангельской губернии стада домашнего скота, кроме овец и коров, включали также оленей. В этой местности мясо ели не одни только богатые, как в средней России. Оно составляло обычную пищу крестьян. Мясо готовили свежее и соленое, причем оленину слабо просаливали и начинали есть, когда уже появлялся запах. Он бывал настолько сильным, что при ветре разносился за 5 км от селения.

Основным и любимым продуктом была рыба. Помимо общеизвестных способов ее обработки, на севере бытовал особый и более любимый - заквашивание. В зависимости от степени проквашенности рыба использовалась для приготовления разных блюд, в том числе и для сыродения. При сравнительно слабом проквашивании сохранялась форма тушек. Из них делали кулебяку, запекая целиком в тесте. После сильного проквашивания достаточно было слегка потянуть за хвост, чтобы мясо отделилось от костей. Размешав в холодной воде, его запекали и ели с хлебом. При дальнейшем окислении, когда рыба еще держала форму, ее ели сырой, подавая к чаю как закуску. Наконец, при наибольшем разложении, студенистую кислую массу разливали по блюдам и ели как похлебку. Ее же можно было нацедить из бочки, как квас, поскольку из-за недостатка хлеба традиционный квас на Крайнем Севере не делали вовсе {Мартынов. С. 7—40}.

Изобилие рыбы позволяло верующим регулярно соблюдать дни постов и мясоедов. В скоромные дни обычными блюдами на столе были мясо, кислое молоко или кислый творог. В постные дни к обеду подавали редьку с квасом, соленые грузди или волнушки, разведенные водой. Грибы отваривали как похлебку {грибница}. Обычно на столе была также и моченая брусника. Уху, соленую или свежую рыбу подавали в соответствии со степенью зажиточности хозяев {Потанин. С. 136}.

В праздничные дни стол пополняли пироги, брага, пиво, мед. Местная традиционная выпечка была знаменита шаньгами (круглыми ржаными булочками в виде ватрушек) и рыбниками (в хлебном тесте запекали целиком тушку рыбы).

Любимым праздничным напитком на севере было пиво. Варили его обыкновенно в складчину: семьями, деревнями, приходами. К свадьбе, например, заготавливали до 200 ведер. Один раз в год, в храмовый праздник, созывали всю родню из окрестных селений и пировали по несколько дней. До середины XX в. в некоторых местностях сохранялись общественные поварни или пивоварни с артельными котлами, воду и сусло в которых кипятили с помощью раскаленных камней. Только после первой мировой войны на север проникла водка.

Зона Приуралья

Традиционное питание крестьян северных губерний, переносимое потоками мигрантов на восток в Приуралье и в Сибирь, с течением времени приобретало местные особенности.

Так, в Приуралье хлеб ярушники пекли из ржаной муки с примесью ячменя в Пермской губернии и овса - в Вятской. Кроме того, в Вятской губернии заводили тесто из одной только овсяной муки. Хлеб из нее называли нагольники.

Из круп грубого помола (ячменя и овса) готовили толстые щи - густую похлебку, из круп более мелкого помола - каши, а заваренные пожиже получали название кашки. Их ели, смазав сверху растительным маслом (конопляным или льняным), которое подливали по мере поедания промасленного слоя.

Как повсюду в России, так и в северной полосе из злаков получали хмельное питье. В Приуралье особой любовью пользовалась крепкая брага. Ее пили в будни и по праздникам. В эти дни подавали подогретую теплуху {Невзоров. Л. 20}. Нередко она, вместе с куском хлеба, составляла завтрак мужчин. Этот напиток русские восприняли от

местного финноязычного населения - коми-пермяков. Пермская брага несколько отличалась по вкусу и способу приготовления от русского полпивца.

Огородничеству в лесистом Приуралье уделялось мало внимания, поскольку ежегодно в больших количествах запасали соленые и сушеные грибы и ягоды. На небольших огородах выращивали, главным образом, репу и редьку (горькую и сладкую). В южной части Приуралья их дополняли капуста и огурцы. Лук и чеснок выращивали повсюду, а о свекле и моркови знали не везде. Картофель, постепенно внедрявшийся на крестьянские поля, высевали как огородную культуру. Выход его на поля был связан с зарождением крахмало-пйточного производства, которое затем получило дальнейшее развитие.

Повседневный стол был однообразен и скуден. Вот как описывал его В.Г. Короленко, сосланный в 1879 г. в Березовской починок Глазовского уезда Вятской губернии: «...стол был самый первобытный. Каждый день Лукерья ставила на стол так называемые "щти": в них не было ни картофеля, ни капусты. Это было полужидкое месиво из муки и разваренной ячменной крупы. В других семьях, где мужики бывали "попросужее", стол разнообразился порой дичью из лесов или рыбой из речек» {Короленко. Т. 7. С. 18}. В скоромные дни, кто мог, варил говядину с добавлением овсяной или ячменной крупы, иногда - капусты. При подаче на стол мясо вынимали, крошили и опускали в похлебку, когда она почти заканчивалась. Так, по русскому обычаю, совмещали первое и второе блюдо. За ними подавали молоко, обычно сквашенное. Любимым мясным блюдом в Приуралье повсюду были пельмени. Они, вместе с традиционным студнем и жареным мясом, были неизменными составляющими праздничных застолий.

Скудный набор севернорусских продуктов и блюд тем не менее полностью восстанавливал жизненные ресурсы жителей и, более того, поддерживал здоровье. Секретарь английского посольства писал о северянах: ..."Деревенский люд здесь чрезвычайно силен, крепко сложен, в высшей степени легко переносит жар и морозы, готов лежать зимой в снегу, довольс вуюсь почти исключительно сухим хлебом и квасом ... чеснок, лук, коренья, огурцы, соленая и вяленая сильно пахучая рыба уже составляют для него лакомство. Солдат или крестьянин в постный день считает за вполне сытое блюдо ... смесь овсяной муки со свежеею водой, доволен и здоров" (Вейсберг. С. 78).

Зона Сибири

Неприхотливость в пище, неприязательность в быту и большая выносливость помогли крестьянам Севера и Приуралья освоить пространства Азиатского материка в его равнинной части в течение XVII-XVIII вв. Первопроходцы испытывали большие трудности в снабжении продовольствием. Особенно сложное положение складывалось на крайнем северо-востоке, где численность русских была невелика, а климатические условия более суровы. Тем не менее уже с XVIII в. определились два направления в развитии кулинарии сибиряков: 1) восстановление традиционного питания и 2) пополнение рациона за счет местных продовольственных ресурсов и кулинарного опыта сибирских народов (Липинская, 1981. С. 193-194). Они в разной мере реализовывались в привычных для русского крестьянства условиях земледельческой зоны Сибири и на промысловом Севере. Имела значение также большая или меньшая близость к основной территории расселения и время освоения того или иного района.

Западная Сибирь начала осваиваться русскими в ее северной таежной, а затем и в тундровой зоне. Из-за этого были большие трудности в обеспечении хлебными припасами, но в изобилии добывались благодаря охоте мясные продукты. В XVIII в., пройдя через западно-сибирский регион к югу, русские крестьяне смогли полностью обеспечить население продовольствием. Академик И.Г. Гмелин, проезжавший в 1740-х годах через Сибирь, писал о рынке в северной столице края - Тобольске: "Зерно очень

дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой". (Цит. по: Зиннер. С. 120). Зверопромысел в XVII в. составлял основное занятие жителей, но в XVIII в. уступил место рыбному. Рыбу вывозили на юг в хлебные районы, поставляли в города Восточной Сибири и в Европейскую часть страны. В пределах региона установились пути обмена продукцией. Санным путем мороженную рыбу везли на рынки земледельческой зоны, а оттуда загружались зерном.

В Сибири применяли все известные русским способы обработки рыбы: варение, жарение, сушка, вяление, копчение, соление и квашение. На Крайнем Севере рыба составляла основу питания, временами заменяя хлеб. Рыбий жир, почти не употреблявшийся в Европейской части страны, в Сибири получил признание и даже вывозился на ярмарки. Жир линей применялся, в частности, при выпечке пирогов.

Чем меньше природные условия позволяли разнообразить продовольствие, тем большее значение имели продукты с повышенной калорийностью. На Крайнем Севере использовали любой вид жира: рыбий, китовый, нерпы, а также сырое мясо и жир домашних животных, медведя и других зверей. Русские широко использовали опыт местного населения. Исследователь начала XX в. Головачев отмечал, что жители Обдорска ели не только мерзлую рыбу, но и замороженную оленину, особенно костный жир и сырые почки. В Верхоленском уезде употребляли полусырое мясо (как и якуты), в Анадырском округе ели сырое вяленое мясо оленей, а также сырой мозг из головы, берцовых костей и голени (Головачев П.М., 1902. С. 13; Олсуфьев. Т. 2. С. 4112).

В северной зоне Сибири основу питания составляла пища животного происхождения. Соотношение рыбы и мяса несколько менялись по времени года и в соответствии с промыслами. Растительная пища служила лишь подспорьем, причем на крайнем северо-востоке в весьма необычных для европейских жителей сочетаниях. Так, на Камчатке в большом употреблении были блюда из смеси рыбы, икры, мяса, каких-либо трав и муки. Названия русских блюд приобретали другое содержание, а в русскую кулинарию входили местные блюда. Например, ветчинэ представляло собой кровяную колбасу, начиненную клубнями сараны, аздор - похлебку, в которой варились вместе мясо, рыба, коренья и зелень. Квашеную рыбу ели по всему северному побережью, но на северо-востоке ее сочетали с икрой.

Обилие сочных трав в Сибири способствовало развитию животноводства. При этом на севере русские восприняли оленеводство, а на юге, в горной местности, стало развиваться мараловодство. Приемы кулинарии и способы потребления оставались теми же, как и повсюду в России. Можно лишь отметить, что к мясу подавали относительно меньше овощей, чем в Европейской части страны. Несомненно, сибиряки употребляли больше мясной пищи, чем в других регионах страны.

Высокий удой молока давал хороший выход сливочного масла. В 1894 г. в Курганский округ Тобольской губернии из Петербурга привезли первый сепаратор, и в скором времени начали открываться один за другим маслодельные заводы. К 1913 г. их насчитывалось уже более 4 тыс. (Масляное хозяйство Сибири. С. 3-8). Сибирское масло развозилось по всем городам страны, шло на экспорт, но сами крестьяне ели его мало. В крестьянских хозяйствах традиционно предпочитали масло топленое, или остатки от производства сливочного масла: пахту и оттомки.

Даже в местностях с наибольшим развитием молочного скотоводства не варили сыра. Единственным концентрированным молочным продуктом у русских был творог. В соседстве с тюркским населением творог подсушивали, на Алтае - коптили, повсюду в Сибири замораживали сырны лепешки, которые затем подавали к чаю.

Население земледельческой зоны лучше было обеспечено продовольствием в отличие от других регионов. Сибиряки накапливали кулинарные рецепты различных народов. Благодаря достатку в продуктах здесь приживались даже блюда, присущие городской среде, особенно - в праздничном меню. Например, соседствовали блины и вафли, вареники и пельмени, каравай и курник.

Праздничная кулинария, обычаи застолья

Каждый праздник имел особые, присущие только ему черты. На праздники подавалась лучшая еда, но, кроме того, имелись специальные блюда, приуроченные к определенным празднествам. В праздничных ритуалах и в праздничных меню имелось много общего, но были и некоторые местные варианты.

Почти каждое селение имело свой день праздника, на который приглашало соседей. Выбирался день какого-либо почитаемого святого, обычно - день храмового праздника. Его в таком случае называли съезжим. Такие праздники, объединявшие жителей нескольких селений, традиционно отмечали с пивом. Крестьяне предпочитали продать что-то необходимое или залезть в долги, но по возможности щедро оформить застолье, украсить избу, приодеть всех членов семьи. В с. Ста-ринском Нижегородской губернии храмовые праздники были два раза в год. Местный священник писал о них так: "Приглашаются родственники и знакомые из соседних селений. Хозяйка накрывает стол пестрой скатертью и ставит яства, а хозяин приносит ведро холодного пива и морс клюквенный, хлебного вина..." (АРГО. Р. 23. Д. 8. Л. 24-24 об.).

В праздничный день хозяйки стремились порадовать гостей обилием съестного: подавали по 10-20 блюд из домашней птицы, мяса, рыбы, овощей, ягод, грибов. Готовили студень, тельное из рубленой рыбы, жаркое, отварное мясо, яичницу. В Архангельской губернии полагалось, чтобы перед каждым гостем красовалась горка выпечки. В Пинежском уезде, например, пекли шаньги из ржаного или ячменного теста с поливой из сметаны, крупяные шаньги в ржаных корках, расстегаи с пшенной начинкой, сковородники (тонкие оладьи), олабиши (толстые оладьи), налистники (тонкие блинчики), сочни (засушенные блины), блины житные (из кислого теста), ватрушки с творогом, колюбяки из ржаного или крупитчатого теста с запеченной в них рыбой, волошские колобки из крутого теста на молоке, а также сладкие пироги с изюмом или с черникой (Ефименко П.С. С. 69).

Годовые народные и христианские праздники отмечались в основном специфической выпечкой. На Рождество, в канун Нового года, действовала магия первого дня, когда через еду стремились обеспечить благополучие на будущее. В эти дни делали лепные или печатные пряники с изображениями животных, антропоморфных фигур, бытовых сцен, которые дарили друг другу и даже скармливали скоту. Стол был особенно обильным и непременно с мясными блюдами - символом сытости всего года. В городах жарили целиком гуся или поросенка, а в деревнях - тушили свиные ножки в кашке или капусте. Хозяйки пекли небольшие пирожки и другие печенюшки, которые раздавали колядовавшим и желавшим благополучия в новом году. Песенки-колядки обычно заканчивались просьбой угощения: "Печка-то топится, пирожка-то хочется!" и пр.

Масленица - неделя проводов зимы и встречи весны, знаменита горячими золотистыми блинами, оладьями, вафлями - все это круглое, жирное, сладкое. Ускорить приход весны пытались, зазывая птиц, на крыльях которых она якобы прилетала. В день Сорока мучеников пекли из теста птичек. Надев их на шесты, дети бегали по улицам и закликали весну.

Середину Великого поста называли средокрестием. В этот день пекли кресты, которым придавалось особое значение. Кресты хранили до первого выезда в поле, их крошили в семена, чтобы обеспечить хороший урожай. К Великому четвергу был приурочен обычай "закликания мороза". Хозяйки варили овсяный кисель, выходили с ним на улицу и приговаривали: "Мороз, мороз, иди кисель есть! Не бей наш овес, нашу рожь, а бей былльник, да крапивник". Сам кисель обычно оставляли до пасхального дня и тогда ели его.

Пасха славилась праздничной едой: хлебный кулич, сырная пасха, крашеные яйца. На 40-й день после Пасхи отмечали Вознесение. Пекли продолговатые хлебцы, на которых ножом делали зарубки, изображающие ступени. Через 10 дней праздновали

Пятидесятницу, или Троицу. Народные гуляния начинались с четверга накануне Троицы или с Семика. Семик считали праздником девушек, а Троицу, в основном, - женщин. В эти дни ходили в леса и рощи, играли возле березок. Здесь же устраивали и ритуальную трапезу, на которой обязательной едой были яйца или яичница - символы плодородия.

Осень подводила итог хозяйственному году, начиналась уборка урожая. Отмечали три Спаса. В день первого Спаса - медового, выламывали соты, ели мед. Второй Спас - яблочный - включал фрукты и овощи. Третий Спас называли ореховым или хлебным. К этому дню поспевали лесные орехи и заканчивалась уборка хлеба, что позволяло напечь пирогов из муки нового урожая. Окончание жатвы называли "дожинками", к которым полагалось наварить жирной каши - солوماتы.

Особой "бабиной кашей" отмечали рождение ребенка. Бабка-повитуха делала соленую смесь из перца и хрена, которой и заправляла ложку каши. Она подавала ее отцу ребенка и приговаривала: "Пусть-ка поест, да узнает, сладко ли рожать". Гостям выносили горшок каши, который повитуха или кума поднимали повыше, чтобы ребенку расти здоровым и высоким.

На поминальную трапезу готовили кашу из цельных зерен - кутью. Кашу поливали медом или сытой, к ней подавали изюм или чернослив. Она символизировала сладкую жизнь в загробном мире, она же была и символом обновления жизни на земле. В поминальную трапезу входили блины как знак памяти об умерших и овсяный кисель или белый кисель из муки.

В старину кашу подавали также и на свадьбу, обязательна была и специальная выпечка. Свадьба - обряд, имеющий много застолий, которые проводили в домах невесты, жениха, родни. Праздничная еда включала много хмельного питья. Самым торжественным был Большой или Княжой стол. На столе, среди других блюд, обязательно должны были присутствовать студень (или холодец), отварное мясо, в том числе свинина и курятина, кисели, пироги. Особое значение придавалось пирогам, специально украшенным: караваю - в средней России, гильце - южной части Европейского региона. Это были пироги из сдобного теста, в которые сверху втыкали веточки, обвитые лентами или цветной бумагой, на них укрепляли фигурные украшения из теста, бумажных или живых цветов. По низу пироги обвивали жгутами из теста, ставили вылепленные из него же фигурки людей, животных или шишечки, похожие на сосновые. В севернорусских губерниях на свадьбу пекли курник - пирог из пресного теста, в котором запекали целую курицу или рубленное куриное, говяжье или иное мясо с яйцами, а сверху украшали шишечкой. Свадебные пироги подавали в конце пиршества: всем было известно - "Курник - из-за стола вон".

И в праздники, и в будни к потреблению пищи относились серьезно. За стол не садились без молитвы. Заботились о чистоте как душевной, так и телесной. У каждого были при этом свои обязанности и места за семейным столом. Хозяйка готовила пищу в русской печи и оттуда подавала ее на стол. Она нередко и ела где-либо с краю стола, а при большой семье - даже не садясь за стол. Она же заботилась о чистоте стола, посуды, блюд. А. Полисадов отмечал, описывая обычаи жителей Владимирской губернии: «Сохрани Бог, чтобы они сели за трапезу не умывши руки. Если не случится воды, то землей или травой натрут ладони. Домохозяин за трапезой всегда занимает переднее место у святой иконы. Берет каравай, крестообразно проводит поверх него ножом, режет и раздает ломти семейным. Два раза подают на стол щи с накрошенным мясом или рыбой. Первое блюдо хлебают без мяса и рыбы. Потом в то же блюдо добавляют еще щей и хозяин разрешает таскать мясо, важным тоном провозглашая: "С куюцками" (кусочками. - ВЛ.). Домашние, взяв один кусок, стараются и в другой раз вытащить то же. Большим невежеством и обидою считается частое посещение блюда ложкою... Любому пришедшему во время трапезы кланяются за столом и приглашают к хлебу-соли. Кончают еду не спеша» (АРГО. Р. 6. Д. 67. Л. 27). В этом можно видеть и проявление уважения к домочадцам, и бережливость к пище, и достоинство. Оно не покидало семью даже в особо трудные

времена.

В XVIII-XIX вв. неурожаи случались чаще, чем в XVII столетии. Практически каждые 10-20 лет бывали серьезные недороды. Однако обширность полей России позволяла перебросить хлеб из одной местности в другую, чтобы спасти людей. Конец XIX в. ознаменовался особо сильным неурожаем, охватившим большие районы страны. Голод, начавшийся в 1891 г., сопровождался эпидемиями, косившими людей. На помощь им первой пришла русская интеллигенция. В Рязанской губернии И.И. Раевский и Л.Н. Толстой начали открывать бесплатные столовые на свои средства. Об одной из них Лев Николаевич писал: "Из двери валит пар, пахнет хлебом и щами... За столом в переднем углу под образами - николаевский солдат, старик. И служение за столом и принятие пищи совершается неторопливо, прилично, как будто это - то самое, что всегда делалось. Что-то вроде природного явления. Покончив с картошкой и бережно отложив куски хлеба, николаевский солдат первым встает и вылезает из-за стола, и все за ним встают, поворачиваются к образам и молятся. Потом благодарят и выходят. Дожидающиеся очереди неторопливо занимают их места..." (Цит. по: Энгель. С. 3).

В голодные дни были рады поесть и один раз в сутки, но в обычное время существовал и строго выдерживался определенный порядок в приеме пищи. В день было 3-5 трапез. Время трапез и их число колебались по сезонам и зависели как от светового дня, так и от физической, трудовой нагрузки. В крестьянских семьях завтрак был ранний: летом - в 4-6 час. утра, зимой - в 5-6. Он состоял из хлеба с молоком, квасом, чаем; подавали также какие-либо овощи, каши. Более обильную еду готовили к обеду, который приходился на середину светового дня. Обед включал жидкие похлебки и густое второе блюдо, кроме того, на стол ставили молоко или квас. Ужинали обычно тем, что осталось от обеда. Когда трудовой режим становился более напряженным, делали промежуточные трапезы: полдник - между завтраком и обедом и паузину - между обедом и ужином. Более и менее нагруженные по питательности трапезы чередовались в течение каждого дня и по дням недели (постные и скоромные дни). Это создавало довольно четкий режим, выдерживавшийся в течение всей жизни.

Структура питания средних и зажиточных слоев населения отличалась от крестьянской. С начала правления Петра I в эту среду внедрялся особый этикет, подчеркивавший социальную обособленность общества. В "Юности честном зерцале" прямо указывалось: "Хлеб, приложка к грудям, не режь. Ешь, что перед тобой лежит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хочешь, не прймай перстами, как некоторые народы ныне обыкли..." (Юности честное зерцало. С. 42). Высшее общество сдвигало часы приема пищи, усложняло состав трапез, оформление стола. За хорошо организованным обедом гости приятно проводили время до самого вечера, а затем отправлялись домой или в театр. После спектакля петербургская молодежь ехала ужинать на острова, «будят заспавшегося трактирщика - свет зажигается, самовар закипает, леденеет шампанское "Вдова Клико". Вы едите, - вспоминали зарубежные гости, - бокал за бокалом пьете шампанское, болтаете, курите, а на десерт катаетесь с ледяных горок...» (Готье. С. 80-81).

Особые условия жизни привилегированного общества давали ему возможность смело вести эксперименты по организации застолий, подавать на столы как отечественные, так и зарубежные блюда.

Питание после установления советской власти

В начале XX в. в русской кулинарии наиболее отчетливо проявилась вариативность, определявшаяся природной зональностью, что сочеталось с локальными особенностями, возникавшими при взаимодействии с соседними нерусскими народами страны. Так, основу питания русских составлял черный хлеб, но на Крайнем Севере ржаной хлеб сменялся ячменным, а на крайнем юге - пшеничным (Кубань, Минусинский край), в средней полосе при недостатке муки запасы пополняли за счет растительных суррогатов, а на севере, особенно - на северо-востоке — за счет рыбных продуктов.

Зональные различия были ощутимы в употреблении овощей. Особенно бедной овощами была пища жителей северного Поморья. У самой северной границы овощеводства выращивали только лук, чеснок и хрен. В средней полосе имелось разнообразие овощей, среди которых главную роль играли картофель и капуста. На юге к овощным подключались еще и бахчевые культуры. Зональные различия хорошо иллюстрирует пример такого традиционного блюда, как щи. Севернорусские щи представляли собой разваренную ячменную крупу с мучной заправкой. В средней полосе щи готовили из овощей, среди которых основную часть составляла капуста, мучную заправку в них добавляли в небольшом количестве. В Приуралье более всего любили щи из капусты, но с крупяной засыпкой. В южной части страны в овощное горячее блюдо добавляли столовую свеклу и получали уже не щи, а борщ. Наконец, на крайнем юге помимо овощей в борщ добавляли бахчевые и фрукты.

Мясная продукция не имела столь четких зональных различий, но говядина, свинина и баранина, хотя и потреблялись повсеместно, однако в различных пропорциях. Свиноводство, базировавшееся на отходах картофелеводства, более всего было развито в средней и южной полосах. По периферии русского расселения, в соседстве с горными и степными скотоводами, предпочтение отдавали баранине (Приуралье, Сибирь, Средняя Азия). Наконец, на Крайнем Севере, где русские восприняли от местных жителей оленеводство, в пищу употребляли мясо оленей, а на юге Западной Сибири - и маралов. Гораздо больше зональности наблюдалось в потреблении рыбной продукции. В средней части евразийского континента рыболовство составляло лишь подспорье в хозяйстве. В приморской зоне и в бассейнах особо крупных водоемов рыба была основной пищей. Общераспространенные способы кулинарной обработки рыбы в таких местностях пополнялись за счет традиций коренного населения. Русские переняли и сыроедение, и квашение, и приготовление рыбы с травами и ягодами, что было не характерно для их традиций. Общее развитие русской кулинарии, таким образом, к началу XX в. шло по пути дифференциации местных вариантов.

Однако прогрессивные перемены прерывались участвовавшими в XIX - начале XX в. неурожаями. Начало века, к тому же, ознаменовалось острыми социальными явлениями, которые крайне отрицательно сказывались на хозяйстве страны в целом и на питании населения, в частности. Революции 1905 и 1917 гг., первая мировая, затем гражданская войны отразились на жизни народа. Все это время можно обозначить как голодные годы, в которые не могло быть и речи о совершенствовании кулинарии. Напротив, снова были извлечены древние примитивные рецепты блюд из муки, отваренной на воде, нашли свое место на столе россиян и дикие травы. Так, в Вологодской губернии даже в конце 1940-х годов ели головки клевера, лебеду, крапиву, белый болотный мох, вместо хлеба пекли головки полевого хвоща, льна, в ход шли даже березовые опилки (Воронина. С. 80).

Постепенно с установлением советской власти изменилось и питание людей. Централизация производства и распределения продуктов через торговую сеть с неизбежностью регламентировали состав используемых продуктов. По окончании послевоенного восстановительного периода снабжение населения постепенно улучшилось. Успехи в развитии сельского хозяйства были направлены на продвижение культурных растений в те местности, где в прошлом земледелие было малопродуктивным или вовсе недоступным. Благодаря местным сортам растений, а также развитию оранжерейного хозяйства, овощи появились даже на Крайнем Севере. Из центральных районов доставляли наиболее необходимые продукты в самые удаленные уголки страны. Это во многом снимало прежнюю зависимость от природных условий, в частности, была исключена замена хлеба на рыбу.

Хлеб традиционно оставался основным продуктом питания, но его доля в массе других продуктов постепенно сокращалась. Это весьма заметно сказывалось на рационе представителей разных поколений. Люди, родившиеся и выросшие в первые годы советской власти, неизменно за каждой трапезой потребляли большое количество хлеба.

Без хлеба их рацион считался не полноценным. Люди, родившиеся и выросшие в благополучные годы после восстановления народного хозяйства (с конца 1950-х годов), ели хлеба в несколько раз меньше. Для них хлеб составлял не главную часть рациона, а, скорее, - вкусовую добавку к нему.

Вместе с изменением роли хлеба как составляющего компонента питания, переменилось и требование к его качеству. Если в прошлом россияне питались преимущественно черным хлебом, то постепенно возросла роль белого. Особенно процесс этот был заметен в городах. Обширная сеть городских пекарен поставляла на продажу большой ассортимент выпечки. В 1960-1970-е годы пекарни стали появляться не только в городах, центральных селах, но даже в сравнительно небольших поселках. Возможность покупать готовые изделия заметно сократила домашнюю выпечку хлебных изделий.

Централизованная выпечка хлеба в более или менее крупных пекарнях свела на нет многочисленные местные варианты теста из смеси муки. Во всем государстве утверждался вкус жителей средней полосы России, для которых хлеб из пшеничной или ржаной муки являлся наилучшим. Однако этим ущемлялись интересы отдельных групп населения, в течение многих веков привыкших использовать смесь муки различных злаков. В домашней выпечке в прошлом широко применялась мука гречневая, просяная, овсяная, гороховая, в частности, для блинов, блинцов и оладий - традиционных обрядовых изделий. Отсутствие в продаже муки соответствующих видов обедняло рецепты русской кулинарии и снижало достижения ее многовекового опыта.

Вместе с тем наличие в продаже муки только определенных сортов, со своей стороны, диктовало условия при выборе рецептуры. Например, особо сложные кондитерские изделия, требовавшие крупитчатой муки и разнообразных специй наивысшего сорта, были недоступны советским хозяйкам. По существу, за годы советской власти речь могла идти не о дальнейшем развитии особо любимой русскими кулинарии из мучных продуктов, а лишь о сохранении некоторых прежних традиций. Благодаря семейной кулинарии до настоящего времени удержались некоторые наиболее характерные региональные виды выпечки. Так, на Европейском Севере и в Сибири праздничный стол, по возможности, стремились украсить пышными шаньгами и рыбным пирогом, а на юге - пирожками с творогом, с овощными и ягодными начинками.

Крупы стали использоваться как городским, так и сельским населением страны. Такие их виды, как манная и рисовая, в прошлом почти не доходившие до деревни, вошли в повседневный обиход, а новые их варианты в виде хлопьев, например, овсяной крупы ("Геркулес") или рисовых палочек завоевали всеобщее признание в городах. Наряду с ними широко вошли в быт также и в сельской местности полуфабрикаты из муки: макарон, вермишель, лапша. Они почти вытеснили рванцы, клецки, галушки. Промышленность освоила изготовление полуфабрикатов из теста с начинкой:пельменей и вареников, В городском быту эти изделия пользовались большим спросом, поскольку позволяли быстро приготовить вкусную и сытную еду. Промышленное производство свело эти, в прошлом праздничные, блюда на уровень повседневного питания. Однако в сельской местности они по-прежнему занимали особое место на столе. В сельской же местности сохранялась и региональность в их распространении. Так, на Европейском Севере почти не готовили пельменей, а на юге предпочитали вареники.

Свежее мясо на стол крестьянина всегда поступало из личного хозяйства. Этот источник сохранялся в сельской местности и в годы советской власти. Поэтому стойко удерживались региональные предпочтения того или иного продукта. Однако необходимо отметить, что повысилась доля мелкого скота, который легче прокормить силами небольшой современной семьи. Люди одинокие предпочитали держать кур и поросенка. В семьях, где имеются дети, почти обязательно присутствие дойной коровы или козы. Овцы, поставляющие мясо и шерсть, содержатся на усадьбах круглый год, свиней же осенью забивают на мясо. Приусадебное животноводство более всего развито в семьях среднего поколения. Именно здесь создаются запасы мясных продуктов, которые передаются в

младшую и старшую возрастные группы. Крестьянская семья испокон веку стремилась обеспечить себя запасами продовольствия на весь год. В настоящее время наличие холодильников и современные способы домашней консервации также позволяют иметь запасы в течение года. Очень распространено консервирование мяса в стеклянных банках в полусоленном или полумаринованном виде. Если мясо остается на летний период, то в некоторых местностях его вялят и коптят.

Начиная с 1950-х годов, мясные продукты год от года составляли все большую долю в питании россиян. С одной стороны, в этом сказалась многолетняя антирелигиозная агитация, разрушившая прежнее деление на постную и скоромную пищу, с другой - длительный период довольно скудного питания порождал жажду к наибольшему насыщению. Самыми калорийными продуктами являются мясные, а потому именно их более всего вводили в рацион. Если в сельской местности сезонное поступление продукции в какой-то мере регламентировало потребление, то в городских условиях возможности приобретения мясных продуктов не были ограничены. В городах утвердилось не только ежедневное употребление в пищу мяса, но даже и по несколько раз в день. Ограничением в этом являлись только финансовые возможности и личные вкусы. Широкая продажа полуфабрикатов (антрекоты, бифштексы, гуляш, азу и т.д.) позволяла хозяйкам быстро приготовить высококалорийную пищу. Хотя наименования полуфабрикатов были иностранные, но готовили блюда по-русски - путем жарки или тушения.

Еще больше удобств для хозяек предоставили колбасные изделия, а также сосиски и сардельки. Мягкая вареная колбаса стала почти неизменным компонентом утреннего завтрака. Она же использовалась для приготовления бутербродов, если требовалось перекусить в течение дня. Колбасы копченые и полукопченые были праздничным угощением наряду с ветчиной, окороком, бужениной.

Потребовалось лишь несколько десятилетий, чтобы избыточное мясное питание вызвало перенасыщение. Уже в 1970-1980-х годах появились диеты с пониженной усвояемостью мясных продуктов или вообще без них. Наконец, сильное вздорожание продуктов с начала 1990-х годов внесло известные ограничения в употребление мяса.

При сокращении мясных продуктов на русском столе в прошлом соответственно увеличивалось количество рыбных блюд. Однако за годы советской власти это традиционное соотношение было нарушено сокращением ассортимента рыбных товаров, общего оскудения состава и количества рыб в водоемах. Если в прошлом преобладали породы рыб, поставлявшиеся из внутренних водоемов (речные и отчасти прудовые), то неуклонное ухудшение экологической ситуации в стране привело к сильному сокращению улова. Рыбная продукция стала поступать преимущественно в города. Таким образом, централизация в распределении улова рыбы не учитывала вкусовые запросы населения в районах прежнего промысла. В целом можно сказать, что за годы советской власти была подорвана традиция преимущественно рыбного питания.

Напротив, другая группа продуктов животного происхождения, а именно молочные продукты, получила за годы советской власти прогрессивное развитие. Свежее молоко практически бесперебойно поступало как в городскую, так и в сельскую торговую сеть. К тому же разнообразные сорта молока, концентрированные промышленным способом (длительного хранения, сгущенное, сухое и пр.) позволяли создавать долговременные запасы. Все это сделало молоко одним из самых необходимых продуктов. Для малоимущей части населения хлеб с молоком составляли минимальный прожиточный рацион.

В повседневном питании многих семей значительное место заняли концентрированные молочные продукты: сливки, сметана, творог, сыр. В сельской местности распространение сепараторов привело к тому, что для внутрисемейного пользования оставляли только сливки, а отходы от перегонки молока спаивали скоту. Сливки шли для приготовления сметаны и масла. Сливочное масло, в прошлом не

употреблявшееся сельскими жителями, благодаря домашнему производству и широкой продаже через торговую сеть стало почти постоянно присутствовать на крестьянском столе.

До революции в России вырабатывали разные виды растительных масел. За годы советской власти чрезвычайно возрос приоритет подсолнуха, как масличной культуры, в результате чего были почти совершенно вытеснены с полей другие растения.

В противоположность масличным, овощные культуры получили распространение и стали занимать значительно большее место в рационе людей. В результате селекционной работы были введены районированные сорта, дающие высокие урожаи. В сельской местности основным источником поступления овощей было и остается индивидуальное хозяйство. Дополнительно овощи продавали колхозы и совхозы. Поэтому сельские жители могли с осени произвести заготовки продуктов на весь год. В городах, помимо торговой сети, некоторым подспорьем являлись дачные и огородные участки, где выращивали небольшое количество нужной зелени.

За последние несколько десятилетий жители городов и деревень стали обеспечивать свои семьи свежими овощами. Однако при всех успехах селекционной работы культивировался небольшой набор традиционно использовавшихся овощей. Так, даже кабачки и помидоры появились в сельских огородах лишь после 1950-1960-х годов, а такие культуры, как спаржа, артишоки, сельдерей - лишь у немногих горожан. Напротив, новые способы заготовок овощей для зимнего хранения быстро распространялись по всей стране. Помимо традиционных соления, квашения, мочения широко вошло в практику маринование. При этом консервировали не только отдельные виды овощей, но и смеси для салатов, овощные рагу и икру. Тем не менее естественные природные условия вносили и вносят по-прежнему различия в обеспечение населения овощами. Жители южных местностей пользуются гораздо большим их ассортиментом, чем северяне. Количество и качество плодов, произрастающих в разных природных условиях, также сохраняют естественные различия в их потреблении.

За годы советской власти развивалось и садоводство. Большую роль в этом сыграли колхозные и совхозные хозяйства и специальные питомники, улучшавшие местные сорта плодовых деревьев и кустарников. Их усилиям обязано сибирское садоводство. Те трудности, с которыми не могли справиться крестьяне в дореволюционное время, были преодолены селекционерами-специалистами. В южных засушливых местностях появились лесозащитные полосы, в состав которых включили плодовые кустарники. Уже несколько десятилетий они дают хороший урожай, который собирают окрестное сельское население и приезжие горожане. Все это позволяет производить заготовку фруктов в больших количествах.

В тех местностях, где садоводство в силу природных условий ограничено, не теряет своего значения сбор диких плодов. Болотистые местности северного региона являются поставщиками клюквы, брусники, морошки. Грибы собирают повсюду. Традиционные способы их заготовки остались неизменными. Запасают впрок и различные травы в лечебных целях. Ими же улучшают вкус покупного чая.

Чай, импортируемый в Россию из разных стран, утвердился как почти обязательный элемент завтрака. Во многих семьях вошло в обычай заканчивать им же любую трапезу как днем, так и вечером. Кофе и какао, как и ранее, остались напитками горожан, но лишь для некоторых из них кофе стал повседневным и необходимым питьем, а какао сохранило роль детского деликатеса.

Сладкие добавки к чайному столу были доступны всем слоям населения. Дореволюционная деревня почти не знала сахара. Дорогой и редкий продукт, привозившийся в виде гостинца из города, расходовали бережливо. Варенье из фруктов в сахарном сиропе являлось в прошлом продуктом преимущественно помещичьего хозяйства. Рецептура тем не менее была хорошо разработана применительно к каждому роду плодовых растений. Поэтому, когда сахар стал доступен, приготовление варенья

вошло в ежегодную практику.

Изготовление варенья, компотов, джемов, соков взяла на себя региональная промышленность по переработке продукции сельского хозяйства. Кондитерская промышленность, со своей стороны, поставляла продукцию на сладкий стол. Конфеты и печения полностью вытеснили с чайного стола сухие фрукты и пареные овощи.

Некоторые виды кондитерских изделий по-прежнему составляли специфику городского образа жизни. Пирожное, торты не терпят длительного хранения. Лишь пряники пригодны для еды на второй и третий день, но со временем вкус их заметно ухудшается. Между тем именно эти изделия отличаются художественным оформлением.

Из названных мягких кондитерских изделий пряники издавна были связаны с художественным промыслом. Попытки изобрести жесткие формы потерпели неудачу. Как выяснилось, только глубокая резьба по дереву передает пластичному тесту характерный рельеф. Поэтому даже при переходе к промышленному производству сохранилась уникальная профессия резчиков пряничных досок. Так, для Тульской кондитерской фабрики долгое время резал доски В.Б. Соколов, приобщивший к этому сначала сына, потом и внука. Много оригинальных форм создал резчик Н.В. Горчаков, которому начинает помогать его внук. Благодаря хорошему вкусу и оригинальности оформления пряники по-прежнему сохраняют значение сувенирного изделия. Как и раньше, можно заказать пряники ко дню юбилея или рождения, семейному торжеству.

Праздничная кулинария претерпела со временем большие изменения. С первых же лет советской власти началась борьба с религиозными празднествами. Разрушение церквей и ликвидация структуры приходов упразднили общесельские съезжие дни. Другие, особо чтимые дни святых, перешли из разряда общегосударственных в семейные. Там, где старшее поколение сохраняло свои христианские представления, оно стремилось праздничной трапезой донести до других членов семьи торжественность дня. К наиболее почитаемым дням на Руси относились Рождество, Пасха и Троица. Рождество в какой-то мере было поглощено празднованием Нового года по новому и старому стилям. На Пасху неизменно пекли кулич и делали творожную "пасху", а также традиционно окрашивали яйца. Над языческим праздником Масленицы ни время, ни вековые гонения оказались не властными. Этот праздник приобрел значение Проводов Зимы и Встречи Весны, был реабилитирован и стал отмечаться весьма широко в городах и селениях. Масленица испокон веков славилась жирной выпечкой, что сохраняется поныне.

В семейном быту произошла частичная замена празднования именин днями рождения молодого поколения. Прежняя именинная каша уступила место сладкой выпечке. В этот день каждая хозяйка готовит те блюда, которые более всего любит виновник торжества. В семейной обрядности мало изменилась традиционная пища при поминальных трапезах. Сладкую кутью в прошлом варили преимущественно из цельных зерен пшеницы. В настоящее время ее готовят из риса с добавлением изюма и меда. Обязательно пекут блины или оладьи. Белый поминальный кисель сейчас редко употребляют, чаще всего заменяют сладким фруктовым киселем или компотом. Поминальные трапезы традиционно устраивают после похорон, на 9-й, 40-й дни и через год после погребения.

Свадебный стол сохранил свое функциональное значение, но состав блюд весьма изменился. Преобладают современные салаты, винегреты, мясные и овощные закуски. Прежние традиционные блюда из свинины и курятины утратили свое значение, вместо них подают любое жареное или тушеное мясо. Украшением стола, как и ранее, является выпечка. Однако место курника, каравая, гильца заняли сладкие пироги, как символ будущей сладкой жизни. Блины у тещи остаются любимым ритуалом, но он приобрел шуточно-развлекательный характер и является лишь поводом продолжать свадебное веселье.

Особую группу праздников составили современные государственные, гражданские, профессиональные. Как правило, они сочетались со временем, свободным от работы, и

предоставляли возможность отдохнуть и повеселиться в кругу семьи и друзей. Каких-либо специфических блюд в новые советские праздники не появилось. Однако в эти дни на столе были лучшие кушанья. Характерно, что как в городе, так и в деревне к этим дням приурочивали какие-либо изделия, заимствованные у соседствующих народов Кавказа, Средней Азии, Прибалтики. Для русской кулинарии традиционно было стремление к расширению рецептуры за счет заимствований с последующей переработкой новых блюд в соответствии с народным вкусом. Необычный острый вкус южных блюд оказался тем элементом, который выделял их среди привычной повседневной трапезы. Присущие прибалтийским народам сметанные и сырные добавки улучшали и изменяли вкус даже хорошо знакомых изделий. Поэтому русский праздничный стол украсили плов и цыплята "табака", чехохбили, манты, мясо под сыром и пр. Новая рецептура извлекается из различных кулинарных справочников, или передается от одной хозяйки к другой.

Приготовление пищи, как праздничной, так и повседневной, было и остается обязанностью хозяйки дома. Пожилые женщины (мать или свекровь) помогают молодой хозяйке, и вкус молодежи определяет выбор блюд. Таким образом, сохраняется преемственность семейных традиций и легко вводятся новые кулинарные приемы. Старшее поколение следит за сохранением режима питания, так как именно ему поручается уход за детьми. Достаточно высокая калорийность современных продуктов определила трехразовый ритм приема пищи. Члены семьи обычно завтракают вместе. Обедают взрослые на работе, а дети - в детских учреждениях или дома. К ужину семья снова может собраться за общим столом. В зависимости от того, как строится рабочий день взрослых членов семьи, основной трапезой может быть обед в середине дня или поздний обед по окончании рабочего времени. Могут быть и дополнительные чаепития между завтраками и обедами. Это не имеет связи с традиционными полдниками и ужинами, которые были необходимы при физической нагрузке.

Необходимость пользоваться общественным питанием хотя бы один раз в день составляла альтернативу традиционным домашним трапезам. Общественное питание начало утверждаться с первых лет советской власти. С течением времени в меню появлялось все больше интернациональных блюд. Особенно многоплановы были заимствования при переработке мясных продуктов. Это создавало некоторого рода престижность для предприятий общественного питания по сравнению с домашними обедами. Состав предлагаемых блюд соответствовал набору праздничного застолья. Он включал несколько видов салатов и холодных закусок, разнообразные горячие блюда, мясные, дополнительно к этому рыбные или овощные, наконец, немалый выбор сладкого. Многие учреждения и хозяйства выделяли ведомственным столовым средства для приобретения продуктов, вследствие чего питание было относительно дешевым. В результате обед в ведомственной столовой становился предпочтительнее домашнего. Одновременно общественные учреждения питания являлись распространителями интернациональных блюд, которые постепенно проникали в семейные застолья. Но здесь начинала действовать вкусовая избирательность, поддерживаемая семейными традициями. В обработке домашних хозяек интернациональные блюда приобретали русский колорит, домашняя кулинария обогащалась, но оставалась традиционной.

Таким образом, за годы советской власти вследствие общегосударственных мероприятий нивелировались в некоторой мере локальные особенности. В одном направлении действовали централизация производства продуктов питания и их распределение, создание пищевой индустрии и развертывание сети предприятий общественного питания. Однако сохранялись основные семейные трапезы. Домашнее изготовление пищи оставалось индивидуальным делом каждой отдельной семьи. Знания и навыки в них передавались от одного поколения к другому непосредственно от старших членов семьи к младшим. Основные навыки молодежь получала в семье, а затем пополняла их, включая новые рецепты и блюда. При этом у каждой хозяйки оставался в арсенале набор блюд, представлявших традиции конкретных семей. Их постоянство во

многих поколениях создавало ощущение семейной устойчивости и надежности. Именно поэтому семейное питание сохраняет свои традиции в настоящее время более, чем другие сферы материального быта.

В заключение следует отметить, что из ежедневной пищи каждого отдельного человека и каждой отдельной семьи складывается питание народа в целом. Продукты, их переработка, изготовление характерного набора блюд и их потребление создают систему питания. Как одно из важнейших условий существования, система питания русских зарождалась одновременно с формированием самого народа. Она основывалась на продукции хозяйственной деятельности, развивавшейся в условиях природной среды Восточноевропейской равнины. Основные черты системы отчетливо проявлялись уже в древности, до нашествия монголо-татар, вызвавшего некоторый разрыв преемственности традиций. В неизменности комплексного полеводческо-животноводческого направления хозяйства русского народа кроется устойчивость потребляемых продуктов и блюд. Однако любые изменения в социальной истории народа находили отражение в его питании.

В наиболее ранний известный нам период преобладала пища из растительных или растительно-молочных продуктов, но ценились и мясные. Характерна была предварительная биохимическая переработка основных продуктов путем брожения и заквашивания, отчего они приобретали кисловатый вкус. В последующее время, до начала XX в., в составе потребляемых продуктов на первое место выдвинулись, наряду с растительными, рыбные, на которые также распространялось заквашивание. Наряду с этим все большее значение приобретало засаливание, служившее к тому же удобным приемом консервации. Главным способом кулинарной обработки являлось длительное прогревание в русской печи свежих и частично переработанных продуктов.

Наконец, в современный период, на протяжении XX в., в питании значительно повысилась роль особо калорийных мясных и молочных продуктов, а также сахаристых. Возросло начавшееся ранее заимствование престижных и деликатесных продуктов и блюд. Вместе с тем, благодаря достижениям техники, изменился и ускорился процесс кулинарной обработки.

Для русской истории большое значение имело географическое положение государства на стыке Европы и Азии, что открывало простор для миграционных движений и этнокультурных контактов с жителями обоих континентов. В процессе установления межэтнических бытовых связей формировались региональные особенности кулинарии. Они поддерживались и отчасти закреплялись естественно-географическими различиями на обширной территории расселения русского народа.

Для развития русской кулинарии в целом были характерны два процесса: установление местной специфики и включение лучших из местных вариантов блюд в общенародное рецептурное богатство. Это создало большую вариативность рецептуры при общем сходстве традиций. Местные особенности продолжали и продолжают свое существование вплоть до настоящего времени. Они сформировали вкусовую избирательность жителей отдельных регионов, областей. Кроме того, они же придают неповторимое своеобразие традиционной домашней кулинарии, которой каждый человек дорожит с детства и на всю жизнь. Вместе с тем, являясь частью общего целого, эти вкусовые предпочтения составляют гарантию сохранения в веках общенародных традиций.

УТВАРЬ (XII-XX ВЕКА)

Многообразие и богатство культуры русского народа нашло отражение и в таком предмете повседневного обихода, как утварь - приспособлениях и посуде для хранения

продуктов и приготовления пищи.

При всей общности черт, характерных для традиционной материальной культуры русских в целом, предметы домашней утвари существенно различались по материалу и технике изготовления. Каждый из них имел свое название, которое в зависимости от места проживания той или иной этнографической группы русских, сохранял особенности бытовой лексики. Большую смысловую нагрузку несла оригинальная художественная отделка готового изделия. Она позволяла отличать произведение одного мастера от другого, а также служила определителем места бытования утвари.

В зависимости от того, как и где готовили какое-либо блюдо русской кухни - варили, кипятили, жарили, солили, квасили - утварь делали из дерева, глины, металла или стекла.

В течение многолетней истории русского народа домашняя утварь претерпела значительные изменения; многое из того, чем пользовались для приготовления еды в незапамятные времена, лишь отдаленно напоминает современную посуду, а то и вовсе вышло из употребления.

Археологические данные свидетельствуют, что предметы, которыми поначалу пользовались наши предки, были довольно простыми в изготовлении. С распространением пашенного земледелия как на севере, так и на юге Древней Руси, с развитием производительных сил и разделением труда в составе населения первых восточнославянских княжеств имелись свои ремесленники, занятые изготовлением различной бытовой утвари, предназначенной как для удовлетворения собственных нужд, так и для продажи. Среди них были гончары, изготавливавшие на ручном гончарном круге изделия из глины; кузнецы, ковавшие металлическую утварь; бондари, делавшие деревянную посуду, и многие другие умельцы (Колчин, 1985. С. 243-244).

При появлении первых русских городов в X-XIII вв. постепенно стали создаваться центры ремесла и торговли, где происходило изготовление и продажа различных предметов утвари.

Наиболее массовой посудой Древней Руси были глиняные изделия. Переход от лепной керамики к гончарной, т.е. круговой, произошел в конце IX-начале X вв. (Рыбаков, 1948. С. 185). Глиняная посуда была не только у русских, но и у всех славянских народов и употреблялась для приготовления почти всех блюд. Подавляющее большинство известной нам посуды изготовлено на ручном гончарном круге. По форме она разделяется на три основных типа. Она может иметь форму овала, цилиндра или усеченного конуса, повернутого основанием вверх. Овальные горшки делали главным образом для варки пищи. В отличие от соседей - южных и северных славян, готовивших пищу в котлах, обогреваемых снизу, "наш" горшок обогревался сбоку (Токарев, 1954. С. 56).

На территории древнего Новгорода достаточно частыми находками стали почти все необходимые для приготовления пищи предметы утвари ежедневного обихода, включая металлическую, бондарную и берестяную посуду: миски, плошки, кувшины, корчаги, кринки, глубокие и мелкие тарелки, ковши, кубки и чаши, ложки, пряничные доски. Материалы раскопок свидетельствуют, что в X-XI вв. формы домашней утвари были очень разнообразны. Глиняные сковородки-"латки" с X в. заменили железные. В середине XI в. появилась столовая посуда из стекла (Колчин, 1971. С. 61; Он же, 1985. С. 273). Подобными находками богаты раскопки в Суздале, где обнаружено много керамических изделий XI-XIV вв. (Седов, 1969. С. 73). Прототип ковша-скобकारя в виде птицы был обнаружен в Горбуновском торфянике Урала X-XI вв. Все это доказывает, что производство древнерусских мастеров ни в чем не уступало ремесленному производству стран Западной Европы и Востока и было на достаточно высоком уровне. Большое число предметов привозной утвари (амфор, стеклянных сосудов) говорит об интенсивных связях новгородцев и жителей Московского княжества с другими странами (Колчин, Хорошев, Янин. С. 85-90; Рабинович, 1964. С. 291-292).

После монголо-татарского нашествия в русских городах начался процесс восстановления ремесел, утраченных на длительное время. Так, изготовление стеклянной

столовой посуды прекратилось, были потеряны и некоторые другие отрасли.

В XIV-XV вв., когда ядро этнической территории русских составляли Влади-миро-Суздальская, Новгородская, Смоленская и Рязанская земли, объединившиеся вокруг Москвы, значение городов как центров ремесла и торговли усилилось. К концу XVI в. насчитывалось уже 220 городов, во многих из них регулярно проходили ярмарки, и с установлением постоянных торговых путей налаживался товарообмен между самыми отдаленными друг от друга регионами. С развитием классовых отношений постепенно менялась технология приготовления еды, а набор блюд все более соответствовал степени зажиточности. Совершенствовалась и техника изготовления утвари, ее формы становились более оригинальными.

В среде богатых горожан употреблялась дорогая металлическая и стеклянная посуда. Золотые и серебряные кубки, вазы, миски, братины, чары, блюда и т.д., как правило, подавались гостям, собиравшимся на званые приемы в княжеских домах (Ржига, С. 47). Один из замечательных памятников древнерусской литературы XVI в. - "Домострой" сообщает сведения о всех тонкостях домашнего обихода того времени. В наказе "Как хранить в полном порядке посуду всякую и вести домашнее хозяйство..." перечисляется обычная утварь "и всякие сосуды лучшие - серебряные, оловянные, деревянные", предназначенные для приема гостей (Домострой. С. 154). Это означает, что в те времена русский быт был достаточно богат повседневной и праздничной утварью.

При всем том, что утварь, бывшая в употреблении у горожан, отличалась единообразием, городская жизнь потребовала более широкого и специализированного ее ассортимента. Это хорошо видно по разнообразию кухонной и столовой посуды, что находила применение в городском быту, а также по тому, где готовили еду и держали утварь (Рабинович, 1988. С. 249). Как писал Н.И. Костомаров, в XVI-XVII вв. в городах, с целью предохранения домов от пожаров, еду готовили вдалеке от жилых строений в особой избе, называемой "поварней"; хлеб пекли в "хлебне". Рядом с ними находились клетки, где держали различную утварь. Столовую посуду хранили в "поставцах", шкафах типа буфета, со множеством полок на столбах. Поставцы книзу делали шире, кверху - уже, на нижних полках располагалась более массивная посуда, на верхних - мелкая (Костомаров, 1992. С. 154; Даль, 1882, т. III. С. 342).

Для хозяйственных нужд в домах держали бочки, кади, лукошки разной величины. Для приготовления небольшого количества пищи употребляли горшки. Жарили на железных и медных (луженых) сковородках, с рукоятями. Для замешивания теста использовали деревянные корыта и большие чаны, для ношения и хранения воды - ведра, кумганы, корчаги, енды, кувшины. По окончании обеда у рачительных хозяев все сосуды вымывались и вытирались, потом опрокидывались вниз и ставились на полках в кухне или в чулане, дабы "все бы всегда было чисто и готово на стол или в поставцы..." (Домострой. С. 132-133). В праздники в поварню отпускалась посуда лучшей работы.

Для умывания у богатых людей были серебряные и позолоченные рукомойники и лохани, у людей среднего достатка - медные и оловянные.

Столовая посуда для пищи и питья носила общее название "судков". Жидкие кушанья из поварни подавали на стол в кастрюлях и "оловянниках" - медных луженых или оловянных, с крышками, а также в "рассольнике" (род соусника): его использовали и для соленых блюд. За столом жидкую пищу разливали в "мисы": у богатых они были серебряные, у небогатых - оловянные и деревянные. Твердые кушанья приносили из поварни на блюдах различной величины. Необходимой принадлежностью столового прибора почиталась солоница, уксусница и перечница, иногда горчица.

Для подачи напитков были енды, мушормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. К сосудам, из которых пили, принадлежали кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы.

Простой народ довольствовался деревянными сосудами, которые имели ту же форму, что и утварь у богатых, и носили те же названия. Как мисы, торели, солоницы, так и

братины, ковши, корцы делали из дерева и продавали на рынках; из них особенно славились своей работой калужские, гороховецкие и карельские изделия. Эти деревянные изделия отделялись резьбой, которая издавна была любимым украшением вещей для небогатого класса. Не гнушались деревянной посудой и дворяне, а изделия из капа были в употреблении у бояр и даже царей и считались роскошью (Костомаров, 1992. С. 156-162).

В домах богатых горожан в XV-XVII вв. большую роль играла парадная столовая посуда, однако она не выставлялась на столы при приемах гостей, а была лишь частью внутреннего убранства дома. Обычно серебряные, позолоченные изделия привозили из дальних заморских стран либо преподносили в честь какого-то особого события. Чаще всего обладатель такой утвари оставлял ее в наследство одному из ближайших родственников, продолжавшему использовать ее как декоративную вещь.

Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола: гости пили и ели из золотых и серебряных сосудов (Русский народ... С. 493-495). К. Адаме, английский мореплаватель, посетив Россию в 1553-1554 гг. был удивлен тем, что все блюда и кубки для ста обедавших у царя человек были из лучшего золота, а столы так обременены драгоценными сосудами, что даже не доставало места (Иностранцы... С. 40).

Количество дорогих сосудов, переходивших по наследству, не только как материальная ценность, но и как память предков, умножалось подарками; в обычае было дарить сосуды для изъявления привязанности, милости или преданности (Костомаров, 1992. С. 156-162; Русский народ... С. 484-489).

В середине XVII в. появилась мода на глиняные изделия особых сложных форм - "ценинные" сосуды, покрытые глазурью, они предназначались для подачи на стол меда, кваса и браги. Больше стало стеклянной посуды; стаканов, рюмок, штофов - бутылок из зеленого стекла,

В среде простых горожан и крестьян в XVI-XVII вв. пользовались в основном деревянной посудой. Особенно много ее делали в деревнях и селах Владимирской, Калужской, Тверской, Московской губерний, откуда она шла на продажу в города (Просвиркина. С. 7, 19).

В XVIII в. реформы Петра I, способствовавшие дальнейшему расслоению общества и выделению особого класса - дворянства, привели к большим изменениям и в быту. Столичная городская знать, подчеркивая свою обособленность от низших слоев, сознательно стремилась к приобретению более дорогой посуды, постепенно становившейся как бы показателем состоятельности ее владельца.

Экономические связи России с западноевропейскими странами значительно расширились, благодаря чему увеличился импорт различных предметов роскоши, включая стеклянную, фарфоровую и фаянсовую посуду. Вообще, относительно новшеств, появившихся в России под влиянием иностранной кухни, особенно французской, нельзя не отметить проникновение в городской быт многих вещей, отдельных и в виде сервизов. Их появление относится к середине XVIII в. и связано с производством фарфора на Западе.

После издания Манифеста о вольности дворянства 1762 г. высшие слои общества стали улучшать обстановку в доме: "...это скоро перешло в роскошь" (Чечулин, 1889. С. 89). Роскошные пиры, продолжавшиеся по два-три дня, требовали и большого ассортимента посуды. Чаще всего это был фарфор западноевропейских мануфактур (мейсенский, берлинский, венский).

К концу XVIII в. с расширением территории Российской империи за счет окраинных земель и с распространением парового земледелия, развитием животноводства, система питания вновь претерпела изменения. Пища высших сословий становилась изысканной, с включением блюд зарубежной кухни, что повлекло за собой разнообразную сервировку стола. Ассортимент посуды, бывшей в употреблении у горожан, значительно расширился. Достаточно сказать, что отдельных предметов, необходимых для приготовления пищи, насчитывалось до 56 видов. Они включали все те же квашни, лохани, бочонки, ведра,

горшки, корчаги, приспособления для захвата чугунов, сковородок. Увлечение некоторыми блюдами западноевропейской кухни привело к использованию металлических форм, венчиков, резцов и других необходимых приспособлений для пудингов, пирожных, сливок { Авдеева. С. 3-9). Вместе с тем необходимость производства собственного фарфора - "порцеллина" становилась все более очевидной.

Первым предприятием, освоившим выпуск фарфора в России, стал Императорский завод в Петербурге, основанный в 1744 г. Помимо специальных заказов, он изготовлял и обычную посуду. Тарелки, чашки, сухарницы, блюда, вазы, чайники отличались тщательностью росписи, белизной фарфора, чистотой красок и мягким блеском глазури. В 1740-е годы появился еще один завод А. Гребенщикова, начавший выпускать майоликовые изделия: суповые тарелки, блюда, судки, покрытые беловатой эмалью и расписанные синей, коричневой и белой красками.

В 1763 г. в с. Вербилки (Дмитровский уезд Московской губернии) был открыт первый частный завод Гарднера. Изделия этой фирмы были разнообразны и доступны для всех слоев населения. Среди фаянсовых изделий часто встречались белые нерасписные сосуды, пользовавшиеся повышенным спросом среди небогатых горожан. Крупным предприятием в 1811 г. стал завод А.Г. Попова, основанный в г. Горбунове Дмитровского уезда Московской губернии.

История развития русского фарфора немыслима без произведений мелких частных заводов, в основном Гжельского керамического района Подмосковья. Это заводы братьев Новых, Самсоновых, Дунашевых, Жадина, Иконникова, Квартальных, Кустаревых, Храпуновых, Нового, Козлова и др. Их продукция отвечала требованиям и вкусам самых широких слоев населения.

Последние десятилетия XIX в. и начало XX столетия связаны с деятельностью огромного фарфорового концерна "Товарищество М.С. Кузнецова". Помимо известных фирм существовала масса частных заводов по выпуску фарфора. В Московской губернии их возглавляли братья Анохины, Бармины, Гулины, Ку-диновы, в Петербурге - братья Корниловы, Батенин и др. Самобытные русские мастера, работавшие на этих заводах, создали фарфор, своеобразный и по форме, и по росписи, и по цвету.

Обилие посуды у городских жителей требовало иной сервировки стола. Суповые тарелки, тарелки для второго блюда, салатов, десертов стали подавать каждому в отдельности, включая ложки, вилки, ножи. В обиходе появились ложки разных размеров и назначений, столовые, десертные и чайные. Набор ножей разделялся на обиходные и на те, что подавали к столу. Если у простых горожан приборами пользовались по мере приобретения или в зависимости от степени достатка, то среди аристократии как повседневный, так и праздничный столы непременно сервировались дорогими столовыми принадлежностями из мельхиора, серебра или золота.

К началу XIX в. различия между утварью, бытовавшей у горожан, и той, что была распространена в сельской местности, стали все более очевидными. В крупных городах, и прежде всего в столицах - Москве и Петербурге, среди высших сословий общества в изобилии была дорогая посуда, ею особенно торжественно обставлялись приемы гостей. Им стремились подражать элита провинциальных городов, богатые слои купечества и мещанства. Горожане широко использовали стеклянную (стаканы, рюмки, графины, и пр.), фаянсовую и фарфоровую посуду. Среди них довольно быстро распространялась металлическая посуда, включая эмалированную.

В сельской среде, напротив, утварь оставалась наиболее устойчивым компонентом материальной культуры. Это диктовалось образом жизни трудового народа, имевшим практический и рациональный характер ведения домашнего хозяйства.

Основной отраслью большинства крестьянских хозяйств России в XIX в. оставалось зерновое земледелие, поэтому значительное место в каждой семье отводилось хранению запасов, предназначенных для приготовления еды вплоть до следующего сбора урожая. Поскольку этот период был довольно продолжительным и включал несколько сезонов,

соответственно и заготовке продуктов придавалось огромное значение.

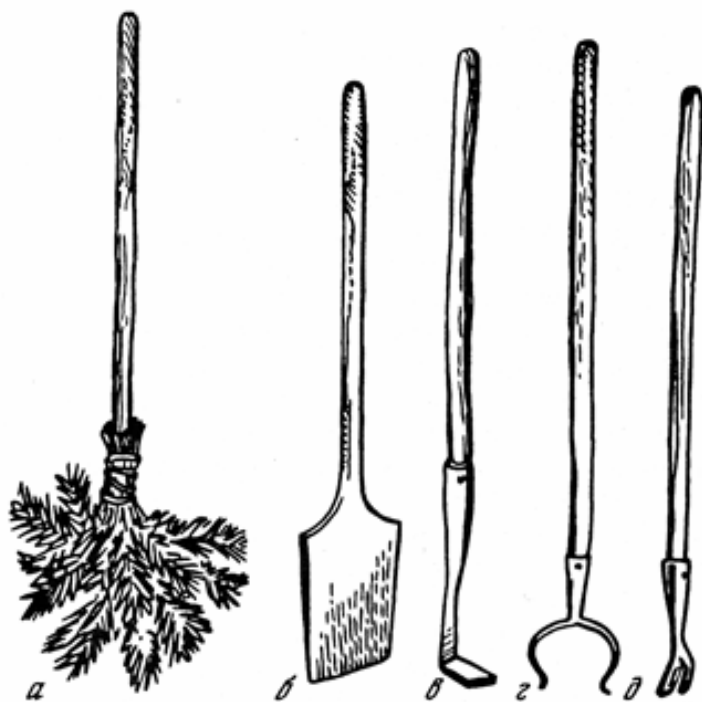
Большие запасы зерна размещались рядом с домом в амбарах в деревянных ларях или в холщовых мешках, часть зерна перемалывали на муку, ею заполняли лари, обычно расположенные в сенях или на повети. В Центральной России, например в Калужской губернии, в сенях изб размещали громоздкую утварь - ступу с толкачом, корзины- "плетухи", держали в бочках и ведрах чистую воду, а на стене в "вислом залавке" - плоском подвесном шкафчике - хранили молочные продукты (Бломквист, 1927. С. 8). Здесь же держали в деревянных бочках квашеную капусту и засоленные грибы, моченые ягоды и другие продукты. В жилищах губерний средней полосы России чаще, чем на севере, использовались клетки (сельник), где находились лари с подъемными крышками и бочки бондарной работы для хранения муки, кадочки для круп и гороха, плетеные кузовки; в них складывали ложки, лукошки с яйцами и другую утварь (Русские, 1970. С. 82).

Большая роль в приготовлении различных блюд и вместе с тем в хранении необходимой для этого утвари отводилась кухне - специальному помещению или небольшому углу избы. От правильного и удобного хранения утвари в доме зависели быстрота приготовления еды и ее качество. В известной степени этому способствовала сноровка хозяек-обряжухи.

В жилище губерний средней полосы кухня появилась раньше, чем на севере. Этому способствовал и рано начавшийся здесь процесс социального расслоения крестьянства. В богатых семьях все больше становилось привезенной из города металлической и стеклянной посуды, требовавшей шкафов, буфетов и полок.

Приготовление еды у русских издавна было связано с устройством духовой печи, получившей название русской. В зависимости от того, где она располагалась, строились и приспособления для хранения домашней утвари. В южнорусских губерниях — Калужской и некоторых районах Орловской, Курской и Тульской — от боковой стенки печи до противоположной стены дома делали чуланчики с дверцами - казенки или кутник. На торцевой стене подле печи укрепляли припечную лавку, называвшуюся также судной или задней, а также полки- поллицы, для кухонной утвари. У двери помещался ларь для хранения овощей - коник или голбинь. Стол стоял подле лавок около середины уличной стены, а чаще в углу (Русские, 1970. С. 84-85).

На юге Петербургской и Новгородской губерний, в Псковской, Смоленской и Витебской, в южной части Калужской, Курской, Воронежской, а также у русского населения Дона, Кубани и Терека, где был распространен западнорусский тип дома, ухваты, сковородники, кочерги держали под печкой. Посуду для повседневного приготовления пищи хранили рядом с печным углом и прилегающей стеной. Это место называлось по-разному: бабий кут, куть, середа, теплюшка, чулан (Русские, 1970. С. 65).

Печные приспособления
для приготовления пищи
(Алтайский край, конец
XIX–XX в.):

- а) помело,
- б) лопата,
- в) кочерга,
- г) ухват,
- д) чапля

В ряде северных губерний печь ставили на некотором расстоянии от одной или обеих стен. Образовавшееся между печью и стеной пространство называлось запечек; если оно было значительным, его закрывали дверкой- шолныш, или шолнуша. Там делали полки и хранили различную утварь. Иногда шолнышом называли весь бабий кут в целом (Русские, 1970. С. 71). Здесь сосредоточивалось большое количество утвари. На печном столбе устраивалась столбушка - шкафчик с четырьмя-пятью полками для чайной посуды. Иногда ближайшую к печи часть переборки делали в виде шкафчика того же вида, что и столбушка, для хранения главным образом праздничной чайной посуды (Ильин МЛ., 1929. С. 247). Рядом находились судная лавка, к ней был прикреплен шкафчик или ящичек с выдвигной боковой стенкой - полавошник, залавок или верхняя судница. В нем хранилась различная посуда, а его верхняя поверхность служила для стряпух столом. В конце XIX-начале XX в. залавок превратился в плоский шкафчик с глухими двустворчатými дверцами и широкой массивной столешницей.

Над залавком прибывалась блюдница или судница - доска с укрепленными на ней планками, за которые ребром закладывались блюда, миски и тарелки, а за самую нижнюю - ложки. Крупная посуда и кухонная утварь расставлялись на "грядке" - доске, идущей над судной лавкой, и на "мельных" полках - широкой полке, расположенной между пирожным брусом и судной грядкой вдоль лицевой стены дома, а также на отрезке лавки, находившемся в середине. В Ярославской губернии эта полка носила название "хлопоты" и использовалась для хранения плоских деревянных корыт ("новь"), железных листов для выпечки пирогов и прочей громоздкой утвари (Русские, 1970. С. 72).

В домах старожилов восточных районов Алтайского округа, как и при севернорусской планировке, рядом с печью помещался залавок - шкаф с дверцами для хранения посуды и продуктов, рядом с ним - кухонная лавка, а над ней прибывали планки для ложек и ножей. У состоятельных крестьян были шкафы с застекленными дверцами, с фарфоровой или фаянсовой посудой, в том числе с китайским фарфором (Липинская, Сафьянова, 1978. С. 205,207).

В 70-е годы XIX в. в быт зажиточных крестьян стали под влиянием города входить в моду поставцы. Верхняя часть шкафа имела несколько полок и служила для хранения праздничной посуды, среди которой нередко можно было встретить сервизы заводов

Гарднера, Попова, Кузнецова или отдельные предметы - чайницы, сахарницы, чайники, чашки с блюдцем.

Часть посуды, предназначенной для длительного хранения продуктов, спускали в подполье: в северных районах оно называлось нижним голбцем (Русские, 1970. С. 76,79).

Большая роль отводилась приготовлению хлеба - для этого в каждой семье имелся необходимый набор предметов. Зерно толкли в деревянных ручных ступах, пест для толчения имел железный наконечник.

Для выпечки хлеба чаще всего использовали готовую муку, которую просеивали несколько раз через обычное сито или решето. В тех случаях, когда муки требовалось много, зерна ржи, овса или пшеницы провеивали в деревянном корытце (лоток, ночва, полотуха, сельница). Отделенные таким образом от шелухи зерна вручную смалывали на каменных дискообразных жерновах, имевшихся почти в каждом хозяйстве.

Тесто замешивали в больших долбленых деревянных квашнях на невысоких ножках (квашонка, кадка, растворник - Новгород) или глиняных горшках яйцевидной или конусовидной формы, покрытых внутри цветной глазурью (поливой). Их же использовали для замешивания теста на пироги. В пределах одной только Вологодской губернии подобные горшки имели разные названия: квашонка, кринка, пирожная, опарница, пекарка, корчага, челпан, ставка, ставок и др. На Алтае их называли колыванка (Липинская, 1987. С. 198). В процессе приготовления опары в севернорусских губерниях пользовались мутовками, сделанными из вершины сосны в три-четыре рожка, загнутыми в обратную сторону. В доме хранили несколько мутовок разных размеров: для выпечки хлеба и пирогов, для приготовления сливочного масла и других целей. В южных губерниях применяли веселку - небольшую деревянную лопатку. Готовое тесто выкладывали лопаточками в деревянные полусферические чашечки (полотуха, чаруша - архангельское) и, подбрасывая вверх, утрясали (Дурасов, 1986. С. 80). При помощи деревянной лопаты с длинной ручкой тесто ставили в печь, предварительно выметенную помелом или веником, который всегда держали на шестке: "Кадоцьку замесишь, лопатоцькой вынимаешь" (вологод.). Пироги выпекали на металлических противнях (противень).

Хлеб хранили в ларях или чаще в хлебницах - лубяном лукошке округлой формы. Особенно красивыми они были в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии.

Неизменной принадлежностью каждой хозяйки был глиняный горшок для приготовления щей. Оставленные в печи, они хорошо упревали, становились вкуснее и наваристее. Этому способствовала своеобразная форма горшка, благодаря чему тепло, идущее от печи, равномерно обхватывало сосуд, в нем никогда ничего не пригорало. В хозяйстве имелись и более мелкие горшки, в них щи разогревали. Готовую пищу подавали на стол в большом глиняном или деревянном блюде. Во Владимирской губернии для приготовления сладких супов держали отдельный глиняный горшок.

К форме горшка, узкой снизу, были приспособлены ухваты (Север и центральные губернии), рогачи (южные губернии), при помощи которых утварь ставилась в печь и вынималась. Ухват, сковородник (чапельник), насаженные на длинные черенки, а также кочерга для загребания углей всегда стояли у печи. В XIX в. на смену глиняному горшку пришел металлический - чугунок. Для жарения и запекания применяли плоские сковороды, металлические и гончарные (латки, жаровни, плоски) (Бежкович. С. 182-197).

Металлическая посуда больше была распространена в тех районах, где издавна существовали центры ее производства, - в промышленных областях Центральной России, на Урале, в Сибири, где быстрее стали применять в быту кастрюли, миски, поварешки, вилки, сковородки, обычные для выпечки блинов. Там, где ее не делали, она приобреталась на ярмарках. Предпочтительнее была медная посуда. На Севере употребляли большие медные сосуды такой же формы, как и горшки, - медянки, в них грели воду. Позже их сменили чугунные горшки - чугунники. Из меди делали кружки, ковши, енды - чаши для пива и вина подобно деревянным.

Отварное мясо нарезали небольшими кусками и подавали на стол на круглой деревянной доске (кружок, тарелка, мясная доска). Для тушения мяса пользовались латками - плоскими глиняными мисками с невысокими краями с двумя ручками (мясница - нижегород., латка, жаровница, жаровня, тушонка - вологод.). В Ярославской губернии с этой же целью использовали тушку - небольшую плоскую округлой формы с маленькой ручкой. Небольшой, сужающийся книзу горшок для вытапливания сала с трубчатым рыльцем назывался растворник (Тверская губерния).

Для жарки рыбы и овощей использовали глиняные сковороды - латки. На Кубани их называли чаплики.

Каши готовили, разогревали и подавали на стол в небольших глиняных горшочках (кубан- нижегород., накрровка, плошка- вологод.). В Нижегородской губернии их форма напоминала репку, в Новгородской губернии они были более округленными.

Большим разнообразием отличались глиняные формы для холодца и заливной рыбы. Они были округлой, треугольной, квадратной формы, украшенные по краю и по дну рисунком; внутри их покрывали цветной глазурью.

В страдную пору пользовались утварью, позволявшей долго сохранять тепло приготовленной пищи. На сенокос щи и кашу носили в сдвоенных горшках шаровидной формы с плоской ручкой- перехватом посередине (двоешки- Витебск., Смоленск.; двойничок- москов.; шанки- яросл.). Кашу носили в горшке яйцевидной формы с ручкой-перехватом (кашник - Владимир., москов.; полевик - нижегород.). На севере подобных горшков не делали.

Растительные масла хранили в небольших глиняных кувшинах или кубышках черного лощения шаровидной или яйцевидной формы с ручкой и носиком для слива (рыльцем). Носик и невысокое горлышко закрывали деревянными пробками. В Вологодской губернии кувшины называли: рыльничек, разливчик, рыль-ник, носник, рученька, кубышка. В Калужской губернии это был бочонок -цилиндрический сосуд из белой глины с расширенной средней частью и узким горлом. В Тверской губернии кубышка была более округлой, приземистой или цилиндрической формы. В Новгородской губернии для хранения льняного масла были распространены кумганы - чернолощенные кувшины яйцевидной формы с небольшой ручкой и узким горлом, соединенным с изогнутым рыльцем пластичной перегородкой. В Московской губернии в таких кувшинчиках грушевидной формы хранили патоку.

Специальная утварь использовалась для хранения молока и молочных продуктов. Молоко доили в деревянный дойник или подойник с выдолбленным из осины носиком (подоенка, подойник). Его иногда целиком выдалбливали из дерева (дыльница - архангельск.), но в конце XIX в. он был чаще бондарной работы. Были в употреблении глиняные дойники, но поменьше размером, с маленькой горизонтальной ручкой, и высоким втульчатым коротким рыльцем (Московская, Вологодская, Пермская губернии). Молоко доили также в глиняное ведро цилиндрической формы с крышкой (Нижегородская губерния). В Новгородской губернии глиняный сосуд с сильно расширяющимися кверху округлыми стенками, рыльцем и широким горлом назывался носак.

Козье молоко также сдаивали в дойник, но размером поменьше; его полностью выдалбливали из осины (Вологодская губерния). Подойники и ведра из листового железа появились в начале XX в.

Молоко обязательно процеживали в деревянную воронку через кусок холста в глиняные кринки с высоким горлом. Для изготовления сыра в Архангельской

Глиняная, деревянная, берестяная посуда конца XIX-XX в. (ЧКМ): а) кувшин, б) корчага, в) бурак, г) бочонок

губернии делали деревянный ящик без крышки и дна - творило (Дурасов, 1986. С. 87). Для кипячения молока пользовались черпаком - небольшим сосудом цилиндрической формы с ручкой и сливом (Нижегородская губерния). Сливки подавали в глиняном

сливочнике округлой формы, с ручкой и изогнутой горловиной (Новгородская губерния). Все молочные продукты хранили в глиняных кринках (банка- москов., Кубань- орловск., махотка- тульск.). На Севере были распространены низкие кринки, в средних областях и на юге - высокие. В Сибири и на Урале, где морозили молоко, в доме держали долбленные из дерева или досчатые корытца и специальные ножи-скребла для настругивания необходимого количества молока. Для приготовления сливочного масла сметану сбивали мутовкой (или руками) в узких кринках (комошница- кубанск.) (Кубанские станицы. С. 181). Масло топили в невысокой глиняной плошке с маленьким носиком-сливом (рыльцем) (топушка, топушка, масляник, мазильница, рожанка, рожонка, роговик, рыльник). Топленое коровье масло подогревали в небольшом глиняном горшке с расширяющимися кверху стенками, с плоской прямой ручкой и небольшим сливом - масленке. Иногда такая масленка имела крышку. Масло держали также в небольших кувшинчиках с широким горлом и ручкой. Горшочек для сметаны назывался сметанник, латочка или носушка (Новгород.). В конце XIX в. получила распространение деревянная маслобойка. Она представляла собой цилиндрический деревянный сосуд с крышкой и небольшим отверстием, куда вставлялся стержень поршня. В начале XX в. встречались и круглые маслобойки в виде горизонтально расположенного цилиндра с вращающейся крестовиной внутри, стержень которой входил через боковое отверстие (его вращали с помощью ручки). В 1886 г. появились сепараторы, но сначала у более состоятельных крестьян.

Готовое масло раскладывали в большие бочки для продажи на ярмарках или держали в небольших глиняных корчагах и в туесах - в цилиндрических сосудах со вставным дном.

Для сбора грибов и ягод в большом употреблении были плетеные сосуды из бересты, прутьев и луба. Они имели разнообразные формы: прямоугольные, квадратные, цилиндрические (зобня, зобенка - север.). Из бересты на севере плели большие короба с ляжками (пестерь, кошель, крошни, пайва), в которых носили не только грибы и ягоды, но и еду на пашню во время страды.

Для рубки овощей были долбленные корытца. Капусту в них рубили сечкой - небольшим овальным топориком. Для засолки овощей употребляли деревянные бочки. Крышки были несколько меньше верхнего отверстия, чтобы под давлением гнета они могли свободно опускаться в рассол.

Столь любимое в народе лакомство, как пряники, помимо специальных заведений делали в зажиточных и богатых семействах домашним способом: для этого имелись пряничные доски из грушевых и липовых деревьев (Голышев, 1874).

Повседневные напитки - чай, квас и пр. пили из глиняных кружек цилиндрической формы с ручкой (кандюшка - Владимир.). Деревянные кружки для кваса украшались фигурками коней, солярными знаками. Большими долбленными ковшами с длинной ручкой (корец) зачерпывали воду для питья из широких бочек, ими разливали и другие жидкости. Стеклой посудой вплоть до начала XX в. пользовались очень мало, а металлической (главным образом медной, реже чугунной) пользовались широко, хотя она была распространена меньше, чем глиняная и деревянная. Кроме медной и чугунной посуды употребляли также стаканы (стакан, стопа, стопка), кружки и миски из цинка.

С распространением чаепития с конца XVIII в. стали пользоваться глиняными и металлическими чайниками для кипячения воды и заварки чая. Предшественниками самоваров были сбитенники, напоминающие внешне чайник, но с трубкой для углей внутри и поддувалом. В них "варился сам" и подогревался сбитень - популярный тогда в России напиток, приготовленный из меда, шалфея, зверобоя и различных пряностей. Продавцы-сбитенщики торговали им прямо на улице.

Во второй половине XVIII в. в Тульской губернии появились первые медные самовары - приборы для кипячения воды. Здесь существовали десятки самоварных фабрик и небольших мастерских, конкурирующих между собой (В. Ломова, С. Лукьянова, братьев Воронцовых, Баташевых и др.). Этим объясняется не только высокое качество самоваров,

но и чрезвычайное разнообразие их форм.

Существовало до 165 вариантов форм: цилиндрические, округлые, прямоугольные, многоугольные и т.д. В начале XIX в. распространенным типом был яйцевидный самовар на изогнутых ножках, поставленных на фигурное основание. Удобство транспортировки обеспечило дорожному самовару-кубку постоянный спрос, его изогнутые ножки были съемными - они легко и прочно укреплялись в специальных пазах.

В Нижегородской губернии были самовары-"кухни" в форме горшка. В таких самоварах можно было одновременно варить несколько блюд, так как внутри сосуд был разделен на три части. Еду извлекали специальным черпачком. В начале XX в. латунные самовары в форме "банки" были, пожалуй, самыми распространенными. В отличие от других они значительно более просты в производстве, поэтому и более дешевы. Были модными самовары в форме вазы, "репки", в виде "петуха" и т.п. Для восточных рынков делали совершенно круглые персидские самовары. Различались они также и в зависимости от зажиточности покупателей. Так, дворяне покупали дорогие самовары утонченных, изысканных форм, купечество - более тяжеловесные и массивные, крестьяне и городской малообеспеченный люд - самые простые и дешевые.

Самовар стал неотъемлемой частью крестьянского быта. Правда, даже и при наличии его нередко чай кипятили в чугунах, а самовар ставили только для гостей. Старообрядцы Нижегородской губернии не пользовались им, называя его "антихристово брюхо", "самоварную воду" не пили (Зеленин, 1991. С. 148). На Кубани самовары появились в начале XX в. в зажиточных семьях казаков, однако чай не получил там широкого распространения: его заменяли свежие фрукты и компоты (Кубанские станицы. С. 178).

Постепенно стали появляться наборы посуды для чая. В зажиточных семьях его заваривали в фаянсовых или фарфоровых чайниках, в более бедных - в глиняной посуде. В конце XIX в. можно было встретить кузнецовский фарфор.

Кофе заваривали в глиняных кофейниках округлой формы с удобной подставкой на ножках (Нижегородская губерния).

На стол чай, кофе и другие напитки в чашках с блюдцами или стаканами подавали на подносе. Они были разнообразной формы: круглые, овальные, квадратные, многоугольные. Особенно известны жостовские подносы, отличавшиеся яркой раскраской.

Соль на столе держали в солонницах (солонках). Для Русского Севера были характерны долбленные из дерева солонки, сделанные в виде птицы - небольшой утки. Встречались солонки и в виде стульчика, с изображением людей, животных. Чаше всего они покрывались резьбой, но были и плетеные из бересты, которые, помимо употребления дома, брали с собой в дорогу и на работу. В конце XIX-начале XX в. появились солонки токарной работы, украшенные выемчатой резьбой (Смоленская губерния). Были также и глиняные солонницы на широкой круглой ножке.

Из столовых принадлежностей существовал свой определенный набор предметов. Исстари деревянными ложками ели густую и жидкую пищу. В крестьянской семье ложки на столе раскладывали по числу едоков. Были и деревянные вилки, но они употреблялись редко, а также разливательные большие ложки с длинной ручкой.

В крестьянском доме была утварь, имевшая особое назначение: ею пользовались в дни, связанные с годовыми церковными праздниками. К Пасхе в высоких жестяных формах пекли сладкие куличи. Для приготовления "пасхи" - сладкого творога - пользовались специальными четырехугольными формами из дерева, легко разбирающимися на части. На одной из стенок подобной формы вырезали буквы "ИХ" (Иисус Христос) и крест, которые четко отпечатывались на готовом изделии. На Спасов день (6 августа) в небольшом глиняном кувшинчике с трубчатым горлом освящали рожь, горох и яблоки (Тверская губерния). Для приготовления особого поминального блюда — кутьи, в доме держали небольшой горшок шаровидной формы с ручкой-перехватом сверху (рукоятка - москов.). В дни постов посудой, в которой готовили скоромную пищу,

не пользовались.

На многих корчагах, горшках, кувшинах и других предметах домашней утвари снизу на дне ставили крест в круге, им освящалась не только посуда, но и пища, в ней приготовленная. Крест вырезали и на деревянных изделиях, например на бочках, в которых хранили воду, на подойниках.

Особую утварь держали в доме по случаю какого-либо праздника или семейного торжества, когда, в отличие от повседневного застолья, каждое блюдо (постав) подавалось отдельно. О частой их перемене говорили: "Обед в девять поставов" (Даль. Т. III. С. 342).

Праздничный стол заполняла разнообразная деревянная посуда, среди которой почетное место отводилось ковшам для меда и пива. Вырезанные в виде птицы, эти формы дошли до нас с далеких времен, как, например, выдолбленные из корней дерева ковши, найденные при раскопках древнего Новгорода. Среди них встречаются ковши с двумя ручками - скопкари. В Сольвычегодском уезде Вологодской губернии подобные ковши украшались росписью. В Архангельской губернии скоб-кари достигали огромных размеров, чаще их делали в виде гуся-вагана. К древним формам посуды относятся братины - круглые чаши для питья вина, и близкие им по форме енды, отличающиеся от первых наличием прямого сливного носика. Небольшие енды нарядно расписывались мастерами Пермогорья. Они украшали точеную деревянную посуду - ставчики (чашки с крышками); рюмки, напоминающие формы некоторой церковной утвари; стаканы, расписанные растительными побегами красного и зеленого цвета по светлому фону. Из этого же района происходят характерные для всего Вологодского края небольшие резные ковши (наливки), с округлой чашей, плавно переходящей в пышную декоративную резную ручку. Были и расписные кубки токарной работы, их раскрашивали красной краской.

Разнообразными были керамические формы для приготовления киселей - латки, кисельницы. Внутри их покрывали разноцветной глазурью, края имели волнистые очертания, а на дне делали изображение рака или рыбы (Вологодская губерния) или концентрические круги (Новгородская губерния). Застывший кисель выкладывали на блюдо узором наверх.

Для приготовления кваса пользовались глиняными корчагами или деревянными кадками с небольшим отверстием внизу для слива сусла. Готовый квас во Владимирской губернии хранили в глиняном кваснике, его дисковидная форма позволяла напитку оставаться холодным в течение длительного времени. В Московской губернии кувшин для кваса был чернолощенный, округлой формы с высоким горлом. В Вологодской губернии квас держали в небольших глиняных сосудах - рученьках с рыльцем, ручкой-перехватом и крышкой. В Петербургской губернии для кваса использовали шаровидный горшок с широким горлом. На стол квас или брагу подавали в изящных шаровидных кувшинах- кумганах (нижегородск., во-л ого Дек.).

Для приготовления пива - обязательного праздничного напитка - в доме держали особый набор утвари и приспособлений, в который входили: русло - большое длинное корытце, сливальный - деревянный круг (типа ночв) с дырочками посередине для слива и процеживания пива, лопатка для помешивания сусла в железном или деревянном чане, круглая воронкообразная лейка со сливом, большие ковши для вычерпывания сусла. Пиво готовили как для семейных праздников, так и для коллективных, поэтому существовали общественные пивоварни, где пиво варили в огромных металлических чанах, в домашних условиях - в больших глиняных корчагах. Готовое пиво "складывали" в большие глиняные сосуды: горлач - красноглиняный округлый сосуд с суживающимися кверху стенками, с рыльцем и узким горлом (Тверская губерния); корчагу - чернолощеную глиняную посуду яйцевидной формы, раздутой в верхней части с высокой горловиной (Московская губерния); пивной кувшин - сосуд с расширяющимися кверху стенками, рыльцем и большой ручкой (Ярославская губерния). Для хранения кваса употребляли лагун - небольшой деревянный бочонок с квадратным отверстием наверху. Для хранения

медовухи использовали цилиндрический глиняный сосуд с расширенной средней частью, узким горлом посередине, которое затыкалось фигурной пробкой (Новгородская губерния). Мед держали в глиняных цилиндрических банках (ставень, ставинь - нижегородск.).

Единообразие типов домашней утвари свидетельствовало об общности культуры народа на всей его территории. Так, посуда жителей бухтарминских казачьих станиц Южного Алтая (глиняная, деревянная) не отличалась от крестьянской. Только в богатых казачьих семьях ассортимент посуды был шире {Лебедева А.А., 1979. С. 233}. Зависимость набора посуды от социального положения семьи отмечалась и среди русского населения Среднего Урала, но в целом в утвари было много общего с русскими Европейского Севера и Сибири (Чагин, 1991. С. 82-84).

Контакты с иноязычным населением приводили к известному единству, например, в гончарном производстве. В Петербургской губернии этот промысел распространился в русских и вепсских деревнях, расположенных по среднему течению р. Ояти. Для гончарной продукции этого района были характерны приземистые формы сосудов и штампованный орнамент.

Основу переселенцев в Сибири составляли жители Русского Севера. Мастерские люди из Новгорода, Великого Устюга, Чердыни, Вятки приносили с собой все, что было наиболее необходимо и удобно в быту, и прежде всего утварь. Многие из них продолжали заниматься своими промыслами и на вновь освоенных территориях. А утварь населения Верхнего Приангарья имела свои особенности: гончарное производство было принесено сюда белорусскими и украинскими мастерами. Это подтверждают и названия посуды: горлач - кувшин для молока (южнорус), макитра, тыква (укр.) (Лебедева, 1971. С. 94).

В конце XIX-начале XX в. с развитием капиталистических отношений и отменой крепостного права деревня втягивалась в русло более широкого товарооборота. Наблюдалось более резкое различие в питании разных социальных прослоек крестьянства, одновременно в быту более зажиточных крестьян все больше появлялось городской утвари, особенно столовой посуды. Они брали пример с города: в их домах все чаще можно было увидеть на столе фаянсовые тарелки, расставленные по числу едоков. Традиция сервировать стол стала появляться прежде всего в тех семьях, члены которых уходили в города на временные отхожие промыслы. Деревянная и глиняная посуда стала все больше дополняться металлической, фаянсовой или стеклянной. Ручное производство деревянных изделий было вытеснено токарным производством, долбленые сосуды заменила бондарная утварь. Процесс замены прежней утвари был органично связан со всем укладом жизни русских и шел постепенно.

Значительное влияние на культуру русского народа оказали дальнейшие массовые переселения русских из их исконных земель в Сибирь, на Урал и Дальний Восток, в бассейн Кубани, в районы Заволжья и Поволжья и другие районы. Сохраняя элементы собственной культуры, они активно воспринимали культуру насельников этих территорий. Все это не замедлило сказаться не только в кулинарии, но и в названиях и особенностях утвари.

После революции 1917 г. произошли большие изменения во многих сферах жизни. Уничтожение дворянства как одного из привилегированных сословий, а также купечества, расказачивание и раскрестьянивание привели к искусственному сглаживанию социальных слоев. Нивелирование сознания в известной степени повлекло за собой упрощение быта. Трудности первых лет советской власти сказались и на производстве домашней утвари и посуды: оно стало сокращаться.

Изменения коснулись и традиционного уклада деревни, однако среди элементов материальной культуры пища и утварь оказались наиболее устойчивыми. Это отмечал Д.А. Золотарев, проводя в 1920-е годы полевые исследования в населенных пунктах Тверской губернии (Золотарев. С. 153). Действительно, все еще имела большое распространение посуда, приготовленная вручную или на гончарном круге в ряде

центральных губерний. На Севере, где создавались промартели и кооперативы, например, в Архангельской и Вологодской губерниях, производство глиняной посуды достаточно обеспечивало спрос (Маслова, 1949. С. 7; Зеленин, 1927. С. 87-105; Куфтин, 1924. С. 247).

Однако постепенно традиционная утварь стала уходить из быта деревни. Причина лежала в исчезновении промыслов, а также в ликвидации рынка сбыта, какими раньше были ярмарки.

С ликвидацией индивидуальных крестьянских хозяйств стало исчезать маслобойное обрудование, сократилось производство глиняной, бондарной, медной посуды. Для дойки коров стали все больше распространяться жестяные ведра, переработка молока шла в основном через сепараторы. Сначала в городе, а потом и в деревне стали появляться мясорубки (для приготовления изделий из мяса и овощей). Стали повсеместно варить варенье, с этой целью приобретали медные тазы, а для выпечки хлеба использовали железные прямоугольные формы. С забвением обычая пивоваренная утварь стала приходить в негодность.

В 1920-1930-е годы с расширением сети предприятий общественного питания нового типа было налажено производство более простой посуды.

Особенностью этих лет стало выделение индивидуальной посуды. Этому способствовало и то обстоятельство, что изделия таких центров, как Дмитровский фарфоровый завод (бывший завод Гарднера), Гжельские заводы, Ленинградский фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова и другие, стали более доступными всем слоям населения.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. стала большим потрясением для всего народного хозяйства России. С трудом восстанавливая довоенный уровень производства, страна медленно возвращалась на прежние рельсы культурной жизни. Производство посуды было налажено таким образом, чтобы удовлетворить запросы как можно более широких слоев населения. С этой целью изготавливалась более дешевая посуда, она предназначалась для повседневного употребления, а дорогая посуда сохранялась для торжественных случаев: семейных праздников, приема гостей. Этой традиции придерживаются и сейчас.

В 1960-1970-е годы произошли дальнейшие изменения, вызванные социальными переустройствами и индустриальным развитием советского общества. Хотя русская печь продолжала оставаться достаточно распространенным элементом в жилище небольших городов и сел (Будина, Шмелева, 1989. С. 97-98), однако совершенно другой ассортимент посуды появился в быту в связи с приготовлением пищи на керосинках, керогазах, примусах, электроплитках, печах и газовых плитах. В городах почти вся старая посуда исчезла из употребления, уступив место алюминиевой, эмалированной, стеклянной, фарфоровой и пластмассовой. Обеденные и чайные сервизы для повседневного употребления и для приема гостей появились почти в каждой семье. Большим успехом стали пользоваться столовые приборы из нержавеющей стали, а у горожан всевозможные наборы вилок, ложек и лопаток для разных блюд. Появилась и совершенно новая утварь, о которой раньше и понятия не имели: мясорубки с набором ножей и сеток, соковыжималки, машинки для герметического закрывания банок. Нововведением стали всевозможные приспособления для изготовления тортов и пирожных: различные формы, шприцы и сбивалки для кремов и т.д.

В деревнях традиционная утварь все-таки находила себе применение. Вплоть до последнего времени сохранялись всевозможные корзины, лукошки, туеса, берестяные коробки, деревянные чашечки и пестики для растирания сала. В ходу была и некоторая глиняная посуда: кринки, макитры, миски, но в связи с прокладкой газопроводов в сельской местности и применением газовых плит ее стали заменять обычной современной фабричной посудой. Правда, в деревнях еще можно встретить "бабушкины" горшки, в них в русской печи варят щи и кашу, но они стали уже редкостью.

С изобретением электроприборов в быт горожан, а потом постепенно и в деревенский

быт стали входить никелированные электрические чайники, самовары. Новый режим питания в связи с большей занятостью женщин на работе и отсюда необходимость длительного хранения продуктов привели к массовому использованию холодильников и морозильников. В настоящее время трудно найти семью, где бы ими не пользовались.

Если до XX в. импортная посуда была достоянием практически только элитарных слоев общества, зажиточной части населения города и деревни, то в последнее десятилетие мода на импортную посуду вошла почти повсеместно. Во многих семьях появились наборы столовой и чайной посуды, фарфоровые и хрустальные изделия. Как правило, они предназначались для приема гостей, но в отдельных случаях чрезмерное увлечение импортной посудой стало перерастать в ее коллекционирование. Большим спросом стали пользоваться принадлежности из нержавеющей стали и мельхиора, красиво орнаментированные или покрытые расписной эмалью. Однако нельзя не заметить, что русский фарфор, в основном замечательные изделия Ленинградского фарфорового завода, Дулевского завода и некоторых других стали очень популярны за рубежом.

В 1990-е годы значительно увеличился импорт посуды из тефлона, огнеупорного стекла и эмалированной посуды, в быту появились микроволновые печи. Ввиду спада собственного производства посуды и утвари, среди населения все больше распространяются изделия Франции, Германии, США и других стран. Стремительный процесс модернизации современной кухни заставляет пожалеть о многих предметах традиционного быта совсем недавнего прошлого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

БРАК И СЕМЬЯ У РУССКИХ (XII-НАЧАЛО XX ВЕКА)

Одним из важных социальных институтов любого общества является семья. Ее развитие и функции неразрывно связаны с историей самого общества, ибо семья - это основа хозяйственной и производственной деятельности народа. Той или иной общественно-экономической формации всегда соответствовала определенная организация семьи. У народов, прошедших родовую стадию общественного развития, исторически универсальным явлением была так называемая большая семья. Она была присуща всем восточным славянам и позже - русскому народу, а с ее вторичными образованиями мы встречаемся даже в XIX и в начале XX в.

В науке долгое время господствовало неверное представление о происхождении большой семьи в результате разветвления изначальной малой семьи и слияния малых семей. Вместе с тем и патриархальная большая семья не была первоначальной стадией в истории развития общества. Она, как правило, следовала за архаической материнской семьей и предшествовала малой.

Освещение различных типов семьи у русских, особенно на ранних этапах, затруднялось отсутствием исторических свидетельств о них. Лишь массовые источники XVII-XIX вв. - полные подворные описания крестьянских хозяйств - позволили проследить многообразие семейных коллективов, их развитие, степень сохранности у разных категорий населения и в разных регионах.

Основными типами русской семьи в обозримых исторических периодах были: 1) семьи

простые, малые, состоящие из двух поколений родственников по прямой линии (главным образом, родители-дети); 2) семьи сложные, объединявшие 2-3 или 4 поколения, иногда родственников по прямой и боковой линиям и свойственников (такие семьи в научной литературе назывались либо, как и патриархальные семьи, большими, либо неразделенными); 3) семьи склад-нические, договорные, семейные кооперации, объединявшие не обязательно родственников, но и неродных посторонних людей и вызванные к жизни хозяйственными соображениями (Ефименко. С. 130-133; Александров В.А., 1981. С. 78).

Нормы брачно-семейной жизни сложились в народной среде на самых ранних исторических этапах и включили в себя языческие дохристианские нормы (Щапов Я.Н. 1970. С. 216, 219). Крестьянский брак сохранял особенности во все последующие времена. К таким особенностям относится обычно-правовое регулирование семейного строя и всей семейной жизни. Формальное же законодательное брачно-семейное право играло в повседневной жизни семей, по сравнению с обычным, более приниженную роль.

По самым ранним описаниям Древнерусского государства, семьи славян были различными. "Русская правда", "Повесть временных лет", актовый материал XI-XIII вв. представляют малую семью как основную форму семейной организации, а архаическую большую - как пережиточную форму. Последняя в тот период восстанавливалась на основе господствовавшей малой (Свердлов. С. 104-106). Объединения сельских жителей в Древней Руси X-XI вв. - общины - состояли в основном из малых семей. Археологические находки, относящиеся к тому времени, выявили расположенные отдельно друг от друга жилища определенных размеров и очертаний, свидетельствующие о хозяйственной самостоятельности именно малых семей. В XI-XIII вв. такие семьи наряду с другими их видами существовали у князей, бояр, горожан, а у сельского населения (земледельцев и холопов) отмечались исключительно малые двухпоколенные семьи (родители-дети). Характер жилищ тех веков говорит о том, что даже трехпоколенная семья (родители-дети-внуки) не была единым семейно-хозяйственным коллективом.

Наследственное право XI-XIII вв. объявляло прямыми наследниками только близких людей (сын, вдова, дочь, брат), а не объединения родственников (целых родов), т.е. уже действовал принцип малосемейной собственности. Наряду с такой семьей существовали большесемейные коллективы, представлявшие собой объединения 3-5 поколений родственников по прямой и боковой линиям. Отличительной чертой таких семей являлось коллективное хозяйство и потребление, общее владение имуществом. Их наименованиями служили термины - дом, двор, дворище, печище, изба. Но жилища этих больших семей состояли не обязательно из одного дома. Их существование обуславливалось наличием подсечного земледелия, требовавшего большого числа рабочих рук. Лишь с развитием пашенного земледелия, эволюцией сельскохозяйственной техники, ремесел и промыслов росли производственные возможности малых семей, становившихся самостоятельными и нарушавшими хозяйственные связи больших коллективов.

Крестьянские избы:
вверху –
Пермская область,
в середине –
Новгородская
область,
внизу –
Белгородская
область

Интерьеры крестьянских изб: *вверху слева* – кухня, начало XX в. (Солонешный район, Алтайский край), *вверху справа* – "спальный уголок", XX в. (Курская область)

Приготовление масла: *внизу слева* – пахтание (д. Федоровка, Бондарский район, Тамбовская область, 1993 г.), *внизу справа* – взбивание (с. Желанное, Шацкий район, Рязанская область, 1995 г.)

Декор крестьянского жилища:
вверху – роспись
на деревянном опечке, 1909 г.
(Красновишерский район,
Пермская область),
внизу – роспись
на дверях, 1909 г.
(Соликамский район,
Пермская область)

Народный костюм: *вверху слева* – косоклиный сарафан конца XIX – начала XX в. (с. Русская Лозовая, Харьковская область), *вверху справа* – глухая понева с прошвы начала XX в. (с. Веселое, Белгородская область), *внизу слева* – полосатая домотканная юбка начала XX в. (с. Шубное, Воронежская область), *внизу справа* – глухая понева без прошвы начала XX в. (с. Новая Ольшанка, Воронежская область)

Типы женского костюма: *вверху слева* – севернорусский с сарафаном и кокошником начала XX в. (д. Осинки, Юрлинский район, Пермская область), *в середине слева* – сибирский с сарафаном, XX в. (с. Анганда, Алтайский край), *внизу слева* – праздничный с *поневой*, XX в. (с. Большебыково, Белгородская область), *вверху справа* – южнорусский с сарафаном, XX в. (с. Мощеное, Белгородская область), *внизу справа* – южнорусский с юбкой начала XX в. (с. Рудовка, Пичаевский район, Тамбовская область)

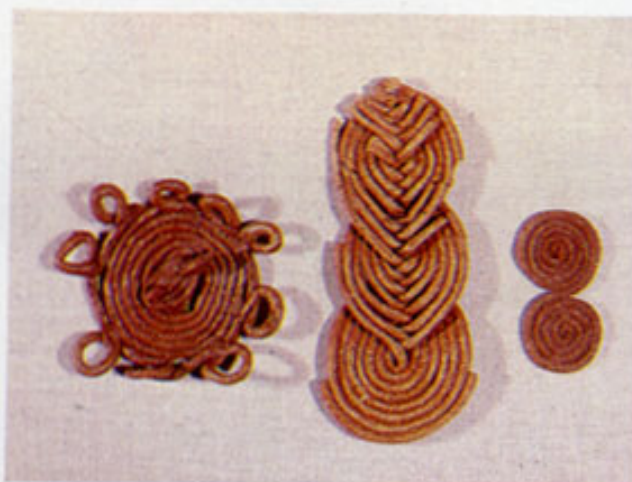

Женщина
в старообрядческом
моленном костюме
с лестовкой, XX в.
(д. Усть-Уролка,
Чердынский район
Пермская область)

Девушка-молоканка
в свадебном наряде
(с. Ново-Ивановка,
Азербайджан, 1987 г.)

Обрядовое печенье:
вверху –
свадебный каравай
1915 г. (с. Спасское, Влади-
мирская губерния) (РЭМ.
№ 2532),
в середине –
архангельские
козульки
конца XIX – начала XX в.,
внизу –
пряник "Олень"
(Архангельская
губерния)

Утварь:
вверху – деревянный жбан
с росписью
начала XX в.
(Кунгурский район,
Пермская область),
внизу –
глиняная корчага,
оплетенная берестой,
для кваса и браги, XX в.
(д. Зюздино,
Юрлинский район,
Пермская область)

Техника вышивки
на полотенцах начала XX в.
(Алтайский Горный округ):
*вверху справа –
по счету шток,
вверху слева – крестиком,
внизу справа – тамбуром,
внизу слева – филейная*

Храмы, часовни, святые места: *вверху слева* – часовенка на месте явления святого в д. Федоровка Бондарского района Тамбовской области, 1993 г., *вверху в середине* – божница в доме в с. Желанное Шацкого района Рязанской области, 1995 г., *внизу слева* – праздник Троицы в церкви с. Новотомниково Моршанского района Тамбовской области, 1993 г., *вверху справа* – Старочернеевский Никольский монастырь (Шацкий район, Рязанская область, 1995 г.), *внизу справа* – у святого родника на праздник Вознесения в с. Кривополянье Бондарского района Тамбовской области, 1993 г.

Предметы религиозного культа: *вверху слева* – распятие XVII в. (с. Искор, Чердынский уезд, Пермская губерния), *вверху справа* – икона чердынского мастера С. Головина, 1880-е годы – образы святых мучеников Флора, Христофора (изображен с песьей головой), Лавра, *внизу* – иконы вишерских охотников в деревянных колодках, каменный божок, кресты, XIX в.

Медовый Спас в церкви (с. Эммануиловка, Шацкий район, Рязанская область, 1995 г.)

Берестяные брачные венцы с росписью XVIII в. (Чердынский уезд, Пермская губерния)

Женщина-староверка
на молитве
в д. Усть-Уролка
Чердынского района
Пермской области,
1981 г.

Убранство могил
на кладбище
в день поминовения
усопших в с. Иноковка
Кирсановского района
Тамбовской области,
1994 г.

Сектанты: *вверху* – молитвенное собрание духоборцев, 1990 г. (с. Горелое, Грузия), *внизу* – общая трапеза духоборцев, 1988 г. (пещера "Дедова нора" в Грузии)

Праздничная
торговля на улице
(с картины
Л. Соломатина
"Уличная сценка", XIX в.)

Часть интерьера
городской квартиры
(экспозиция ПКМ)

законодательное брачно-семейное право играло в повседневной жизни семей, по сравнению с обычным, более приниженную роль.

По самым ранним описаниям Древнерусского государства, семьи славян были различными. "Русская правда", "Повесть временных лет", актовый материал XI-XIII вв. представляют малую семью как основную форму семейной организации, а архаическую большую - как пережиточную форму. Последняя в тот период восстанавливалась на основе господствовавшей малой (Свердлов. С, 104-106). Объединения сельских жителей в Древней Руси X-XI вв. - общины - состояли в основном из малых семей. Археологические находки, относящиеся к тому времени, выявили расположенные отдельно друг от друга жилища определенных размеров и очертаний, свидетельствующие о хозяйственной самостоятельности именно малых семей. В XI-XIII вв. такие семьи наряду с другими их видами существовали у князей, бояр, горожан, а у сельского населения (земледельцев и холопов) отмечались исключительно малые двухпоколенные семьи (родители-дети). Характер жилищ тех веков говорит о том, что даже трехпоколенная семья (родители-дети-внуки) не была единым семейно-хозяйственным коллективом.

Наследственное право XI-XIII вв. объявляло прямыми наследниками только близких людей (сын, вдова, дочь, брат), а не объединения родственников (целых родов), т.е. уже действовал принцип малосемейной собственности. Наряду с такой семьей существовали большесемейные коллективы, представлявшие собой объединения 3-5 поколений родственников по прямой и боковой линиям. Отличительной чертой таких семей являлось коллективное хозяйство и потребление, общее владение имуществом. Их наименованиями служили термины - дом, двор, дворище, печище, изба. Но жилища этих больших семей состояли не обязательно из одного дома. Их существование обуславливалось наличием подсечного земледелия, требовавшего большого числа рабочих рук. Лишь с развитием пашенного земледелия, эволюцией сельскохозяйственной техники, ремесел и промыслов росли производственные возможности малых семей, становившихся самостоятельными и нарушавшими хозяйственные связи больших коллективов.

В больших семьях, несмотря на их сложный состав и наличие разных поколений родственников, не заключали браки внутри своего круга, не существовало браков даже между троюродными братьями и сестрами. Лишь родственники в 6-м колене могли вступить в брак. Церковь уже с XI в. присвоила себе право утверждения брака, хотя в то время венчались только князья и бояре. В народной свадьбе, по обычаю, сначала происходил сговор (своеобразная помолвка жениха и невесты), нарушить который было затруднительно. Жених в таких случаях компенсировал нарушенное слово денежной суммой, а церковь вдобавок к этому брала штраф в свою пользу (Устав князя Ярослава. С. 269). Нормой считалось вступление в брак женщинам с 13-14 лет, мужчинам с 15 лет. Брачные запреты к тому времени тоже оформились. Кроме запрета на брак с близкими родственниками, запрещались браки с иноверцами, не признавались церковью браки разных социальных слоев (верхушки с низами), запрещались многократные браки. Позднее, в XIV-XV вв. разрешался третий брак, если в первых двух не было детей, а дети от 3—4 браков стали признаваться наследниками (РИБ. Т. VI. С. 273). Исключительную роль в браке детей играли родители. Считалось обязательным получение их согласия и благословения на брак, да и выбор брачных пар детям был их делом. Невыдача замуж дочери грозила родителям штрафом. Это свидетельствует, насколько уже в то время стало осознанным демографическое поведение в народе.

В древнерусский период традициями еще языческого времени допускались добрачные связи молодежи, правда, регулируемые нормами обычного права, но рождение ребенка до брака порицалось и общественным мнением, и церковью и приводило к "гражданской смерти" будущей невесты (невыходу ее замуж).

В этот же период возник семейный институт, который сохранялся на протяжении всех последующих столетий, - приданое невесты, которое получала девушка, выходя замуж. Готовилось приданое в семье, большей частью самой невестой, и состояло обычно из одежды и домашней утвари, а в более позднее время в приданое давались скот, земля, деньги. Это была собственность замужней женщины, которую наследовали ее дети или ее отцовская семья в случае ее смерти.

В XI-XIII вв. оформилось и право развода, воспользоваться которым можно было в исключительных случаях: измена жены, физическая неспособность мужа к браку, клевета, кража имущества жены мужем и т.п.

Таким образом, семейно-брачное право Древней Руси являлось правом раннеклассового общества, включавшим в себя те дохристианские нормы, которые не противоречили нарождавшемуся классовому строю.

Более подробные сведения о характере семей русских, нежели в источниках XI-XIII вв., содержатся в последующих материалах XVI-XVII вв. Так, в древних новгородских писцовых книгах отмечена слабая населенность крестьянских дворов, в которых проживали преимущественно малые семьи (родители - дети), а иногда семьи родных братьев или семьи отцов с сыновьями и их детьми. Три поколения в одном дворе встречались очень редко. В Новгородской земле и на всем Русском Севере в конце XV-середине XVII в. средняя численность семьи не превышала 5-6 лиц обоего пола (Аграрная история... 1971. С. 143; Колесников. С. 117; Витое, Власова И.В. С. 153-154). В крестьянских дворах центральных уездов в первой половине XVII в. проживало в среднем по 3,5-5 душ мужского и женского пола (Назаров, Тихонов. С. 152-154).

Еще более точные данные о численности крестьянских семей дают переписные книги 1678 г. (Водарский, 1973. С. 221-231). В среднем населенность дворов тогда колебалась от 4,8 до 10,2 человека. Наибольшей она была у крестьян в различного рода владениях и обуславливалась запретом со стороны владельцев делить крестьянские семьи, чтобы сохранить в хозяйствах больше рабочих рук. В то же время в лесостепной полосе Руси, где условия благоприятствовали развитию индивидуальных земледельческих хозяйств, малые семьи сложились ранее, чем в лесной полосе, где для развития земледелия требовались большесемейные коллективы.

Надо заметить, что понятия двор и семья не всегда были тождественны в данный период. Для XV-XVI вв., когда существовали на Русском Севере, например, однодворные деревни, населенные семьями в 5-6 человек, понятия двор, деревня, семья совпадали. С XVI в., когда такие деревни стали превращаться в двух-, трех-дворные селения, в которых жили по нескольку семей (больших и малых), появлялись дворы не с одной семьей и даже неродственные - складнические, имевшие совместное хозяйство. Такие явления особенно усилились со второй половины XVII в., и тогда состав крестьянского двора мог существенно измениться. В него входили чужеродные элементы - различного рода приемыши, захребетники, подворники, бобыли, половники, которые увеличивали населенность двора, не изменяя численность живущей в нем семьи, так как не входили в саму семью (Витое, 1962. С. 129— 142).

Несмотря на такую населенность двора в конце XVII в., малая двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей, существовавшая уже в Древней Руси, преобладала в среде сельского населения в XV-XVII вв. Ее наличие особенно заметно у крестьян Европейского Севера (Копанев, 1978. С. 122; Воробьев, Дегтярев. С. 176; Бакланова. С. 39). Семьи более сложного состава в 3-4 поколения с родством прямым и боковым, а также свойством создавались при разрастании малых семей и исчезли при разделах на те же малые. В этих неразделенных семьях проживали либо братья с их семьями (братские семьи), либо родители-дети-внуки (правнуки) (отцовские семьи), а также семьи дядьев и племянников. Такие стадии в смене форм семьи прослеживаются у русского населения, осваивавшего Урал, Поволжье в XVI-XVII вв., Сибирь с конца XVI-XVIII вв. (Бусыгин, Зорин, Михай-личенко. С. 91-92; Александров В.А., 1964. С. 137; Миненко, 1979. С. 44-48;

Власова И.В., 1980. С. 39-42). Правда, повторяемость этих стадий в различные эпохи не обязательно свидетельствует об устойчивости традиций (в наличии той или иной формы семьи), а скорее о их вторичности, так как вторичные формы любого явления возникают в условиях, несходных с теми, в которых сложились первоначальные (архаические) формы (Чистов, 1975. С. 40). Условия XVI-XVII вв. уже не соответствовали условиям предшествующего времени.

Аналогичные явления происходили и в городской семье этого периода. Так, в г. Устюжне Железнопольской, по данным начала XVIII в., семья мастеровых и других слоев жителей города, основные черты которой сложились еще в XVII в., была преимущественно малой семьей, такая отмечена и в других русских городах, в частности в Поволжье и в Сибири (Рабинович, 1978. С. 108; Миненко, 1977. С. 195; Писцовая книга г. Балахны...). Наряду с такой семьей в городах имелись и семьи неразделенные отцовской и братской формы, вызванные к жизни в тот или иной период имущественными соображениями. Но городской уклад жизни феодального времени способствовал развитию малых семей.

Наиболее полная картина брачно-семейной жизни русских выступает по описаниям исторических источников XVIII-XIX вв. Возникновению семей предшествуют определенные брачные отношения, которые являются основой формирования семей. В понятие брачных отношений входят мотивы и характер добрачного общения людей, мотивы заключения брака, брачные ориентации. Брак совершается в определенном круге знакомств, имеет свой возраст, различные формы заключения брачных союзов. Он подразумевает не только правовую основу, но и отношения духовно-психологического, морального, экономического, этнокультурного характера.

Брачные отношения в среде русских крестьян определялись их нравственными воззрениями, а именно: семья в глазах земледельца считалась первым условием благосостояния. Такое воззрение исходило из функций семьи крестьян - обеспечение преемственности многовековых знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. Семья в прошлом была производственной единицей, труд которой определял семейные отношения, поэтому крестьяне нуждались в семье, в подрастающих детях. Каждый крестьянин знал, что семья - священный союз, через который человек поднимается до духовного единения и к таким его "формам, как Родина и Государство", понимая, что "семья - первооснова Родины", и если "поражена семья... то наступает духовный кризис и в народе". Семья составляла внутреннюю сущность крестьянствования, именно в ней возникали узы духовного народного единения, памяти народа и общей его судьбы (Шипунов, 1990. С. 120, 127).

Таким образом, брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе (общине), но это был еще и моральный долг. Такие взгляды на семью поддерживались и церковью. Семейно-брачные отношения находились в поле зрения всего сельского общества и зависели от общественного мнения. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы и мужские, и женские руки при традиционном половозрастном разделении труда в семье и в обществе. Отсюда - высокий уровень брачности в русской деревне в XVIII-начале XX в.

С развитием капиталистических отношений и при участии отдельных членов семей в капиталистическом производстве (отходничество) происходило ослабление семейных связей. Ориентация на деятельность вне семьи приводила к тому, что многодетность начинала терять свое экономическое значение. Но в общем еще действовали старые нормы многодетности. В то время в среднем по России семья имела до трех детей.

Многие старые черты брачных отношений сохранялись у русских вплоть до 1930-х годов. Это прежде всего относится к характеру добрачного общения молодежи, ее поведению и условиям вступления в брак. На селе общение молодежи носило узкотерриториальный характер, и роль местожительства и совместного труда при

заключении брака оставалась преимущественной. Досуговое общение молодежи, внешний способ ухаживания в предбрачное время происходили на посиделках и вечеринках в зимнее время, на гуляньях - в летнее. Молодежь знакомилась и проводила время и в праздничные дни.

Этнографическими источниками отмечается повсеместное сдержанное поведение молодежи во время праздников, гуляний, вечеринок, особенно "на людях". Вступление в интимные отношения до брака во многих местах считалось позором. Конечно, кое-где в определенное время допускалось и более свободное общение молодежи.

Роль родителей в браке молодых в то время была велика. Родительский выбор был неоспорим, ему подчинялись беспрекословно. Правда, родители, видя взаимную склонность детей, могли вступать между собой в договоры о браке. Перед сватовством они выясняли материальное положение семьи невесты, репутацию семьи, интересовались качествами девушки (ее трудолюбием); молодежи редко предоставлялась свобода выбора.

Общественное мнение в браках молодежи также играло роль, к нему прислушивались, особенно к оценке жениха и невесты - "подходят ли друг другу".

При вступлении в брак определяющим было экономическое соображение: стремление войти в зажиточную семью, заполучить лишние рабочие руки, привести в дом работника или работницу. В женихе и невесте чаще всего ценились трудолюбие, выносливость, важна была и хорошая репутация их семей. Этими соображениями объяснялись и ранние браки. Холостые люди не получали земельный надел, а следовательно, не обладали правами ни в семье, ни в обществе. Незамужние женщины не имели самостоятельности. Хозяйственная и моральная необходимость заставляла крестьян заводить семью при первой же возможности, а потому была велика роль расчета (Миронов. С. 86-87), отсюда и ранние браки, и возрастное неравенство супругов. В Забайкалье и в Приангарье при этом девушки бывали на 5-6 лет старше женихов, поскольку они ценились как уже знающие хозяйство и умеющие работать. Ранние и неравные возрастные браки были характерны для районов с неблагоприятным половозрастным соотношением населения, например, в Приморье, где постоянный дефицит невест приводил к тому, что родители рано выдавали замуж или женили детей (Лебедева А.А., 1975. С. 96; Сабурова, 1967. С. 180; Аргудяева. С. 57).

Условиями социально-экономического характера определялся и брачный возраст людей, поэтому он был различным в разных регионах. В первой половине XIX в. этот возраст был равен 16 годам для женщин, 18 - для мужчин; таким он стал с XVIII в. Ранние браки в XIX в. происходили реже, чем в предшествующее время, так как крестьянами осознавалось, что к физическому труду готовы люди в более зрелом возрасте. С 1874 г. с введением в России всеобщей воинской повинности брачный возраст для мужчин поднялся до 24-25 лет (после службы в армии), для женщин - 18-22 года. В последующее время он оставался неизменным, существовали лишь различия в нем по отдельным регионам. Молодые браки были на юге и востоке России, а также в сельскохозяйственных губерниях. На севере и в промышленных местах браки были более поздними (Вишневский. С. 110-114). Так, в тверских деревнях мужчины-отходники женились в 25-28 лет. Неранними были браки в Сибири: брачный возраст сибирячек наступал в 16-22 года, сибиряков - в 22-26 лет. Уровень брачности в Сибири, как и вообще в русской деревне, был высоким. По данным 1897 г., у сибиряков в браке в возрасте после 15 лет находились 67,8% женщин, 64,1 мужчин (Зверев. С. 16).

Условия, в которых заключались браки, и брачные ориентации определяли формы бракосочетания. У русских различались: браки законные, предусматривавшие семейную договоренность о браке, сватовство с церковным венчанием и народный свадебный обряд; браки "на веру", сопровождавшиеся свадебным обрядом, но без венчания ("сводные" браки), и браки тайные - "уводом", "убегом", без законного оформления и без свадьбы. Существовали локальные особенности форм заключения браков, связанные с разным составом населения районов, прежде всего с конфессиональными различиями. Так,

своеобразными были браки староверов, особенно беспоповского толка. Их браки не оформлялись, так как им для этого нужно было принять официальное православие. Староверы-поповцы допускали браки, заключенные православными священниками в "никонианских" храмах, если за мзду те венчали по старому обряду (Покровский Н.Н., 1974. С. 319). Поэтому в районах старообрядчества формы заключения брака различались: 1) у поповцев венчание со свадьбой, близкое к бракам "честью" у мирских, но с более простой обрядовой стороной, 2) браки с одним обрядом у беспоповцев, 3) браки "убегом", или "крадче" (крали невест), распространенные как в крестьянской, так и в казацкой старообрядческой среде.

Большое значение у крестьян придавалось обычаям предсвадебного времени - сватовству, сговорам об условиях брака ("запой", "зачины"), окончательному согласию на брак ("рукобитье"), приданому невесты, вкладу жениха на свадебные расходы ("кладка"). Эти обычаи имели статус правовых начал в оформлении брака, расторгнуть который после них можно было лишь в исключительных случаях.

С поздними или ранними браками, со своеобразными формами их заключения связана внебрачная рождаемость. Рождение детей вне брака в русской деревне неизменно встречало осуждение со стороны общества, вело к материальным лишениям семьи, так как такие дети считались незаконнорожденными и их не содержали отцы. Внебрачная рождаемость в условиях всеобщего осуждения, а иногда и осмеяния стабильно оставалась невысокой. Имущественное положение внебрачных детей было тяжелым. Хотя мальчики, вырастая, могли получить землю, но при разделах семей, пока они еще не стали взрослыми, их лишали положенного пая.

У русских существовали обычаи и запреты, связанные с браком. Запрет вступать в брак с близкими родственниками, биологически обоснованный, действовал всегда. К тому же соблюдались: обычай старшинства в браке, основанный на обычном праве (старшие дети вступали в брак раньше младших, сыновей предпочитали видеть семейными раньше дочерей), сословные, этнические и конфессиональные запреты. Смешанные браки (в сословном, этническом отношении) стали узакониваться в петровское время. Лишь женитьба свободных людей на крепостных продолжала считаться незаконной. В народной же среде смешанные браки оставались нежелательными, хотя они совершались в районах, которые заселялись вновь и где половозрастное соотношение населения не способствовало брачности. Это наблюдалось в Сибири уже с XVII в., правда не повсеместно. В Енисейском крае, по данным 1679 г., совершались браки между посадскими людьми, крестьянами, служилыми людьми, монастырскими крепостными. Русские переселенцы брали в жены якуток, монголок, тунгусок, остячек (Александров В.Л., 1961. С. 18-19). У русского промыслового населения Крайнего Севера, численно намного уступавшего коренным жителям, это явление было более распространено. Общность хозяйственных занятий приводила к быстрым и тесным связям. Это наблюдалось у жителей Якутии, Чукотки, Камчатки. Семьи, смешанные в этническом отношении, появились с XVIII в. в Енисейском и Нерчинском уездах. В последнем смешениям способствовало поселение эвенков "на пашню", а также появление "новокрещёнов" (крещеных бурят и эвенков) в городах среди посадских людей.

Другие условия для смешения с населением Сибири создавались при заселении русскими Пелымского и Тюменского уездов. В Пелыми вогулы, занимавшиеся промыслами, во много раз превосходили русских по численности. В Тюменском уезде было много татар, которые жили чересполосно с русскими. Этнические связи народов здесь были довольно интенсивны.

Смешанные браки не были свойственны старообрядцам: запрещались браки не только между людьми разной веры и национальности, но и между приверженцами разных старообрядческих толков.

Этнически смешанные семьи образовывались в Сибири иногда путем браков "приемышей" нерусского происхождения, выращенных в русских семьях и женившихся

на русских девушках (Западная Сибирь, Забайкалье). Встречались и обратные явления. Например, бездетные бурятские семьи брали детей из русских многодетных семей, воспитывали их, а затем женили на бурятках. В XIX в. этнически смешанные браки были более частыми в Западной Сибири и в Забайкалье, особенно у казаков, оказавшихся в соседстве с тюркоязычными народами (Власова И.В., 1980. С. 49).

Межсословные и межэтнические браки являлись редкостью не только в деревнях, но и в городах. Такие браки у купцов, духовенства и дворян были единичны и заключались в случае выгоды с экономической точки зрения (Жирнова. С. 90-102).

Из всех брачных запретов у русских менее всего соблюдался обычай старшинства в браке. Часто экономические соображения не позволяли соблюдать это правило. Обычай же, учитывающий степень родства в браке, соблюдался строго. В XVIII-XIX вв. церковь не разрешала вступать в брак родственникам по прямой линии до 8-го колена, по боковой - до 4-го. Нарушения этого обычая наблюдались редко и вызывались особыми условиями, например в изолированных глухих местах у жителей деревень, происходивших от одних предков. Подобно родственным запретам, существовало и запрещение браков с кумовьями, их потомством, с крестными и крестниками, так как таковые рассматривались как родственники в сфере духовной (религиозной). К тому же кумовство в ряде русских районов определялось родственными связями: в кумовья выбирали кровных родственников, что также ограничивало возможности брака.

Брачные связи русских крестьян были довольно узкими. Преобладали браки, заключенные в своей или в соседних деревнях. Очень редко такие связи простирались за пределы волости или уезда, и уж совсем редко - в другие уезды и губернии (Жомова. С. 113). Для выявления таких связей очень многое дает сопоставление фамильного состава жителей в селениях. Наличие однофамильцев - показатель узости брачных связей. В XVIII-XIX в. в русских деревнях существовало обилие однофамильных семей, считавших себя родственниками. Для большинства селений была характерна устойчивость исконных, самых старых, фамилий жителей и их количественное преобладание.

Крестьянское самосознание при своем демографическом поведении выработало взгляд на такие явления, как повторные браки, разводы. Развод считался грехом, на этой же позиции стояла и церковь. В редких случаях развод не осуждался, и на него смотрели как на неизбежность: в случаях ухода кого-либо из супругов, бегства из деревни, осуждения на каторгу и др. Разводы были очень редки и сопряжены со многими трудностями, если брак был венчаный. Для его расторжения требовалось разрешение высшей духовной инстанции - Синода. Повторные браки разведенных людей были также не частыми. Обычно повторные браки случались у вдовых людей, и народная мораль признавала законность таких браков. В разных регионах России наблюдалась разная частота повторных браков.

Менее всего в них вступали вдовы в промышленной полосе, где развивались неземледельческие занятия; там был развит отход мужчин, а крестьянки были более независимыми и в браке, и без брака (Миронов. С. 93; Вишневский. С. 118-119).

Таким образом, для традиционных брачных отношений у русских были характерны следующие черты. В общении и знакомстве молодежи основное значение имел территориальный принцип и узкий круг брачных связей. Отмечалось исключительное участие родителей, старшего поколения родственников и общественного мнения в брачном выборе молодых. В ориентациях на брак преобладали материальные соображения. Брачный возраст и формы заключения браков имели локальные различия. Обычно-правовые нормы повсеместно были первостепенными в предбрачный период.

Что было характерно для традиционной русской семьи XVIII-XIX вв.? По источникам того времени, у русских наличествовали семьи разных типов. В среднерусской и южнорусской полосе России, где преобладало барщинное хозяйство, долгое время сохранялись неразделенные семьи. Там, где наряду с земледелием развивались промыслы, различные "мастерства" и промышленность и крестьяне уходили на заработки,

наибольшее распространение получали малые семьи (родители-дети), численно редко превышавшие 3-7 человек.

Неразделенные семьи в разных районах различались по своей структуре. В Промышленном центре в течение XIX в. среди неразделенных семей возобладали семьи родителей с женатыми детьми или семьи женатых братьев (отцовские и братские семьи). Семья в земледельческих, особенно южнорусских, районах до XX в. нередко была более сложной, так как включала прямых и боковых родственников, двоюродных и троюродных, дядьев и племянников, принятых в дом зятьев (примаков), посторонних лиц (приемышей). Встречались и семьи женатых братьев с семьями замужних и овдовевших сестер. Несмотря на разнообразие, структура таких семей сводится также к типам отцовских, братских семей или семей дядя-племянники. Классическая отцовская семья обыкновенно состояла из деда, сыновей, внуков, правнуков, где место главы-большака передавалось по наследству от отца к старшему сыну. Братские семьи могли быть также многочисленными, так как в их составе встречались женатые братья с их детьми и внуками, а иногда и правнуками.

Степень сохранности неразделенных семей у русских крестьян XVIII-XIX в. по сравнению с предшествующим временем была иной. Сложные по составу семьи до XVIII в., да и в XVIII в., были распространены чаще, чем в XIX в., но в отдельных чисто земледельческих районах большесемейный уклад держался долго (Касимовский уезд, Рязанская, Тамбовская губернии). На Русском Севере и Северо-Западе такие семьи могли существовать в условиях сочетания земледелия с заработками на стороне, хотя последнее и вело к разделу семей (Белозерье, Новгородчина, Тверь). Малые семьи развились задолго до XVIII в. на Севере в районах Устюга Великого, Тотьмы и др. Этому способствовало включение крестьян в рыночные отношения уже в то время. К середине XVIII в. на Севере было мало и склад-нических семей, так как они делились (Власова И.В., 1976. С. 77, 83). У монастырских и помещичьих крестьян дольше сохранялись неразделенные семьи (более 50-60% их в Вологодском уезде), ибо разделы их семей задерживались монастырем или помещиком (Бакланова. С. 176). У крестьян-отходников центральных уездов малые семьи к началу XIX в. составляли до 70% всех семей (Народы Европейской части СССР. С. 463). На окраинах России неразделенными долго оставались семьи казаков Дона, Кубани, Терека, потому что они за службу государству получали большие земельные наделы, обработка которых требовала много рабочих рук.

Особенностями отличались семьи в Сибири. Неразделенная семья в XVIII в. была широко распространенным, но не господствовавшим явлением у жителей Западной Сибири. Разрастание семей до неразделенных происходило там у переселенцев из России и во второй половине XVIII в. Большие семьи предпочитали создавать крестьяне Бнисейского края; это были отцовские и братские семьи. Из-за трудностей ведения земледелия жители Илима имели семьи больших размеров (в среднем до 11 человек). В южных районах Сибири и в XIX в. сохранялись большие семьи: у тобольских и томских крестьян до 80-х годов, у приангарских крестьян и старообрядцев Забайкалья до начала XX в. Трудности поднятия земель приводили к появлению и длительному существованию "договорных" семей (родственников и неродных) в Приангарье, опыт "слияния" которых сюда принесли крестьяне Русского Севера при освоении земель (Александров В.А., 1961. С. 23; Шерстобоев. С. 266; Власова ИВ., 1980. С. 40,43; Сабурова, 1967. С. 97).

Следующий этап в развитии сибирской семьи наблюдался в середине XVIII в.: у старожилов происходило деление семей, что было связано с переходом к подушному обложению населения и отказу от десятинной государевой пашни (обработки в пользу государства). Новое обложение не требовало для выполнения государственных повинностей больших семей со множеством рабочих рук.

В целом до середины XIX в. размеры крестьянских семей оставались в России везде неизменными. В северо-западных районах в семьях насчитывалось 5-7 человек обоего пола, в западных - 7-10 человек, в центральных - 4-7, на Русском

Севере - 5-7 в Поволжье - 5-8, в черноземных районах - 8-10 человек {Водарский, 197Э. С. 122-123). С проведением аграрных преобразований после 1861 г. начались семейные разделы, выход семей на новые земли, что вело к подавляющему господству малой семьи. Средние размеры семьи в начале XX в. колебались от 4,2 до 6,2 человека на хозяйство.

Разные формы семьи в то время были присущи и городскому населению. Но уклад и весь быт различных социальных слоев города во многом отличался от строя крестьянской семьи. Малая изученность городской семьи не позволяет точно определить степень сохранности у жителей города неразделенных семей. Наиболее изученная семья рабочих в XIX в. представлена в форме постоянной малой семьи. В мелких же городах и прифабричных деревнях еще и во второй половине XIX в. держалась традиция, когда с родителями оставался жить один из женатых сыновей, обычно младший, т.е. это была отцовская семья из трех поколений. Такая же традиция сохранялась в местах, где рабочие кадры начали формироваться еще при крепостничестве. Так, на Урале семья рабочих была преимущественно неразделенной. Этому также способствовало большое число старообрядцев среди рабочих Урала, которые по традиции держались большесемейных коллективов (Кру-пянская, Полищук. С. 46). Такая же традиция долго сохранялась в Подмосковном угольном бассейне, обусловленная необходимостью из-за низких заработков на шахтах сочетать работу с занятием сельским хозяйством, что было возможно при большом числе рабочих рук в семьях.

Численность рабочей семьи была различной в губерниях России. В крупных городах (Петербург, Москва) в конце XIX - начале XX в. половину семей рабочих составляли двухпоколенные семьи из 2-4 человек, имевшие 1-2 детей. Низкий уровень жизни, особенно жилищных условий, влиял на такой состав семей, к тому же была высока детская смертность. У рабочих окраин семьи были более многодетны (до 3-5 детей в семьях уральских рабочих), поскольку у них было много семей неразделенных с большим числом членов (Народы Европейской части СССР. С. 473).

Рабочая семья отличалась от крестьянской по экономической основе. Жизнь первой целиком зависела от работы всех трудоспособных членов на производстве, а это в свою очередь создавало почву для более равноправных взаимоотношений, нежели в крестьянской семье. Женщины у рабочих зачастую работали на фабриках и заводах наравне с мужчинами. Особенно это характерно для текстильщиков. Авторитет женщины в семье рабочего поэтому был выше, чем женщины-крестьянки. Но старые традиции бытовали и в рабочей семье. Нередко разрушали семью тяжелые условия труда и порок глубоких социальных корней - пьянство. Все заботы ложились на женщину, загруженную еще и на производстве. Отсутствовала охрана труда (женского в том числе), не было законов, обеспечивавших заботу о женщинах-матерях.

Культурно-бытовой уклад рабочей семьи был неодинаков в разных районах России, так как неоднороден был состав рабочего класса. В нем наличествовала как квалифицированная прослойка (создавалась прослойка политически развитых рабочих, среди которых было много потомственных рабочих), так и масса неквалифицированных рабочих, связанных еще с деревней. Процесс складывания новых черт в семье, присущих именно рабочей семье, проходил в разных этих слоях неодинаково. Правда, для всех слоев было характерно усвоение городских форм быта, особенно в жилище, одежде, пище. В области духовной жизни это проявлялось в отношении к браку. Для рабочих не был характерен брак по принуждению. Женившиеся сыновья предпочитали сразу отделяться от отцовской семьи. Брачный возраст в рабочей среде был выше, чем в крестьянской: от 20 до 24 для женщин, в 25-26 лет для мужчин. Основной формой заключения брака был церковный - венчание в церкви. Гражданская форма брака встречалась редко, в основном когда один из супругов не был разведен с первой семьей. Но отношение рабочих, особенно женщин, к гражданскому браку было крайне отрицательным. За церковным венчанием следовали вечеринки. Если невесту брал рабочий из своей деревни, то свадьба справлялась по народному обычаю. Сговоры как предварительное оформление брака,

приданое невесты и взнос жениха на свадебные расходы бытовали и в рабочей среде.

В целом же для формирования рабочей семьи, ее строя и семейного уклада было характерно, с одной стороны, утрачивание хозяйственных и идеологических связей с деревней, с другой - сохранение в ряде случаев обычаев, генетически связанных с крестьянской средой.

Для понимания структуры семьи важно выяснить не только характер связи между ее членами (родство, свойство), но и роль каждого члена семьи в ее жизнедеятельности, характер внутренних взаимоотношений. Русская семья и простого, и сложного состава представляла собой коллектив, в котором вся деятельность его членов была подчинена одному человеку - главе семьи. Во второй половине XIX в. появились возможности для некоторого экономического освобождения отдельных членов (отходников, казаков, солдат при длительной военной службе и др.) - В малых семьях заметнее всего ослабление роли главы семьи и упрощение внутрисемейных отношений, так как они строились только между супругами и между родителями и детьми.

Возглавляли семьи, по обычаю, старшие по возрасту мужчины, которые управляли всей жизнью и хозяйством семьи. Этот обычай сохранился в русских семьях и до наших дней. Многие семьи и сейчас считают: "У нас мужик всему голова". Такие права сохранялись за старшим ("большаком") и тогда, когда он не мог трудиться и распоряжаться жизнью семьи. Иногда старшие сыновья при главенстве отцов пользовались большими правами по сравнению с остальными детьми, так как потенциально являлись будущими главами семей.

Женский состав семьи находился в подчинении старшей женщины. В ведении женщин находились дети в семье. В малой семье, как и в неразделенной, главой и распорядителем работ был отец. Он представлял семью и перед обществом, участвуя в сельских сходах. В его отсутствие эти обязанности исполнял старший сын, если достиг совершеннолетия. Женщина считалась главой семьи после смерти мужа и без взрослого сына.

Все члены семьи в экономическом и правовом отношении были подчинены главе. Полностью зависимыми от него являлись снохи, выполнявшие не только общую работу по дому, но и заботившиеся о своих мужьях и детях. Наиболее обездоленными были родственники-сироты. Незавидной была участь вдов и солдаток, живших в семьях мужей на правах подворниц (батрачек), которых держали из милости. Вытесненными из семьи и семейной доли имущества являлись рекруты, по возвращении со службы получавшие эту долю лишь по желанию родственников. Зятья-примаки становились полноправными, согласно договору, после смерти отцов своих жен.

Такой уклад жизни начал меняться в конце XIX в., и немалую роль в этом играл отход крестьян на заработки в города, разрывавший связи с деревней, а нередко и с семьей. Влияние города сказывалось на внутрисемейных отношениях. Более независимой становилась женщина и младшее поколение, слабела власть старшего. Но самым характерным явлением этого периода стали семейные разделы. Проживание родителей с женатыми сыновьями теперь нередко становилось кратковременным и было обусловлено нехваткой средств для полного раздела. Совместное же проживание семей братьев случалось совсем редко. К этому приходили даже старообрядцы, долго державшиеся большесемейной традиции. Выделившиеся малые семьи становились самостоятельными и их связи с родственниками все чаще стали проявляться в форме бытовой родственной взаимопомощи и элементарных родственных отношений.

Функции сельской семьи как семьи производственного характера способствовали сохранению половозрастного разделения труда и различных обязанностей ее членов, независимо от того, была ли семья малая или оставалась неразделенной. Мужчины выполняли все тяжелые работы: полевые работы и уход за рабочим скотом, заготовку дров, кормов для скота, строительство; женщины занимались домашним хозяйством, воспитанием детей, полевыми работами. Занятость людей на работе и в домашних делах была разная по сезонам года. В земледельческих районах мужчины были больше заняты

работой весной, в конце лета и осенью, в районах с животноводческим направлением хозяйства - зимой, когда производилась уборка и вывоз навоза на поля и подвоз кормов, у женщин в работе и домашних делах проходил весь год. В промысловых районах были заняты работой в основном мужчины.

Деревенские дети всегда имели свои обязанности в семье. Они помогали в домашнем хозяйстве (уборка дома, работы в огороде), мальчиков рано приучали к мужским работам — пасти скот, обращаться с лошадьми, к навыкам полевых работ, к обращению с ружьем (в охотничьих районах); девочек приучали шить, вязать, ухаживать за младшими детьми. При таком строгом разграничении обязанностей всегда оставалась значительная роль женщины в семье как основного распорядителя домашних дел, организатора семейного уклада, уюта, досуга и воспитателя детей. В последнем случае велика роль не только матерей, но и бабушек. Мужчины вступали в процесс воспитания, когда дети подрастали и их можно было учить какому-либо ремеслу. Но детей приобщали не только к труду, но и к своему духовному опыту, воспитывая личный характер у каждого ребенка, заботясь о том, что каждый из них станет со временем творцом, создателем своей семьи.

Принципы народной педагогики были сформулированы еще исследователем XVIII в. В.В. Крестининым: "Воспитывать должно и приучать к основательным и приличествующим состоянию их правилам, охоту к трудолюбию, страху к праздности, учтивости, благопристойности, соболезнованию бедным, обучать всякому домостроительству во всех полезностях, в отвращении от мотовства", дабы выросли "полезные граждане общества" (Крестинин. С. 50).

Старшее поколение родственников (бабушки и деды) иногда более, чем родители, передавали семейные традиции и опыт (особенно трудовые навыки) внукам. Опирались они в этом на закон, обычай, пример предков, тем самым прививали уважение к старшим, трудолюбие, приличное поведение в обществе, давали нравственное воспитание в религиозной форме. Средства и методы воспитания зависели от возраста ребенка. Для старших обязательным было включение в трудовую жизнь семьи и общины, для младших - участие в играх и праздничных забавах, особенно народного календаря. Более полноценным являлось воспитание, когда в семье присутствовало несколько поколений, и здесь важна была роль не только старших, но и детей всех возрастов, ибо происходило их самовоспитание. Велика роль и духовных родителей детей - крестных, а у старообрядцев, кроме них, и духовных наставников. Некоторые воспитательные функции в конце XIX в. выполняли сельские училища, заведения "призрения" сирот и др.

Показательным для характера внутрисемейных отношений является семейный досуг. У крестьян свободного времени почти не оставалось, они всецело были заняты в хозяйстве. Кратковременный отдых наступал в воскресенья и праздники, при семейных торжествах (свадьбы, крещение, именины), после коллективных работ и помочей. Довольно равномерное распределение отдыха и работ наблюдалось в деревне, 110 дней в году приходилось на воскресенья и праздники, вклинивавшиеся в рабочий ритм, чтобы люди "не надсаживались - вовремя умели отдыхать" (Шипунов, 1989. № 9. С. 7). Этим достигалась охрана здоровья человека и его рабочих возможностей.

На быт семьи и на взаимоотношения в ней влияли не только внутренние, но и внешние связи (родственные, соседские, производственные, дружеские). Несмотря на раннее бытование у русских семей малой формы, межпоколенные связи с родственниками никогда не прерывались. В деревне они являлись каждодневными и разносторонними. Помощь в различных работах облегчалась территориальной близостью родных. Кроме того, происходил и совместный досуг (семейные события и праздники), посредством чего достигалась и моральная поддержка, и получение совета, и передача жизненного опыта и этнокультурных традиций.

Двусторонними бывали связи у родителей и отдельно живущих детей. Дети помогали родителям во всех хозяйственных работах, родители и другие старшие родственники

воспитывали детей. Сильными были в русской деревне и братско-сестринские отношения, основой которых считалась взаимопомощь и нравственная поддержка. В случаях смерти родителей старшие дети заботились и воспитывали младших: "Мы за браткой поднимались", - говорили в таких случаях (Сабурова, 1967. С. 188).

В русской деревне всегда сильны были соседские связи, нередко перераставшие в дружественные. Одно из их проявлений - деревенские помочи, при которых осуществлялась помощь в хозяйственных делах каждому, кто в этом нуждался, причем нередко помогали "всем миром" (обществом), куда входили и родственники, и соседи. Совместные работы в помочах заканчивались общим застольем — "пиром", "гуляньем", не только завершали общую работу, но и становились своеобразным отдыхом для всех и местом встреч и знакомств молодежи. Такие отношения и создавали общественное мнение, и осуществляли контроль над нормами поведения в обществе, принятыми в деревне, и самое главное - передавали все знания и опыт, трудовой и нравственный, младшим поколениям. Соседские связи были более развиты у людей среднего и старшего поколения. "С соседями живем, как одна семья - всем делимся", - говорили люди о таких обычаях.

Таким образом, внешние связи семьи во всех их проявлениях традиционны, и в них отражены как быт и уклад отдельных семей, так и жизнь всего деревенского общества, имевших единственную цель - обеспечение трудовых и нравственных устоев и передачу их подрастающим поколениям.

Жизнь семьи, ее строй и внутрисемейные отношения отражались в наименованиях родства и свойства, которые были приняты у русского народа. Эти наименования отразили всю историю семьи, ее развитие в разных формах и в разные периоды. Основными терминами, обозначающими родственные связи по прямой и боковой линиям, являлись следующие: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед (прадед), бабушка (прабабушка), внук, внучка, племянник, племянница, дядя, тетя; для неродных - отчим, мачеха, пасынок, падчерица; для свойственников - невеста, жених, муж, жена, свекор, свекровь, сноха (невестка), тесть, теща, зять, деверь, золовка, шурин, свояк, свояченица.

В давний период бытования патриархальных семей круг признаваемого родства был гораздо шире и включал, кроме перечисленных людей, выполнявших определенные функции на свадьбах - так называемые свадебные чины (сваты и сватьи, крестные, кумовья, дружки, тысяцкие). Особенно это было характерно для семей неразделенных. В малых же семьях круг признаваемого родства постепенно сужался и утрачивались некоторые наименования, означавшие родство. Так, невесткой (снохой) стали называть жену сына и жену брата. Забывалось значение названий деверь, шурин, свояк, золовка, так как при малой семье эти свойственники были членами своих, отдельных семей. Сватьюшкой на Русском Севере стали называть и сестру жены двоюродного брата. Утрата подобных терминов более характерна для городской среды, ибо семьи в городе были более разобщены и менее сохраняли связи с родственниками и свойственниками. В деревне же, где связи семьи, и внутренние, и внешние, не порывались, такие названия и их понимание сохранялись долго.

Таким образом, для традиционной русской семьи было характерно развитие простых ее форм, преимущественно двухпоколенной семьи, с главенством старшего мужчины, с жесткой регламентацией всего жизненного уклада, половозрастным разделением труда, с осознанием необходимости иметь детей, которым передавался и многовековой народный опыт, и знания, и культурные традиции народа. Сохранялись локальные различия семей, различия у разных слоев населения, некоторые различия этнического порядка. Наиболее распространенными из них являлись "вторичные" формы семьи - неразделенные, складнические, договорные и т.д., возникавшие в силу хозяйственной необходимости или бытовавшие как традиция, особенно в местах развитого земледельческого хозяйства. Особенности этнического порядка могли проявляться у жителей районов, где были тесные связи, хозяйственные и бытовые, у разных народов. Такие различия наблюдались во

внутреннем укладе семей и внутрисемейных отношениях, но и они возникали в силу особого экономического и демографического развития того или иного района.

СЕМЕЙНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

В среде русского народа семейно-имущественное право прошло длительный путь развития. Вплоть до XX в. в нем сохранялась специфическая особенность - бытование в разных социальных слоях норм обычного права наряду с нормами законодательства, которое также прошло свой путь развития на протяжении всей феодальной эпохи, после реформ 1860-х годов и в период социализма. В многовековом сосуществовании фактически двух систем права проявляется, прежде всего, социальный момент. Если на раннефеодальном этапе истории права ее писанные (законодательные) нормы воспринимали и отражали обычай, в дальнейшем по мере развития феодального землевладения с его усложнившимися формами государственное право приобретало свои специфические черты. Русская Правда, воспринявшая нормы обычая, провозглашала общность семейного имущества, как гарантию хозяйственной самостоятельности дома (двора). Сама семья понималась как микроэлемент общества, состоящий из супругов, их детей и самых ближайших родственников - братьев, сестер, племянников. Каждый взрослый мужчина (сын) имел равные права на долю общественного (семейного) имущества после смерти отца, что обеспечивало возможность создания новой семейно-хозяйственной единицы. Приданое, приносимое в дом мужа женой, фиксировалось в рядной записи, считалось в числе семейного имущества, но могло завещаться матерью любому сыну или дочери вместе с частью оставленного ей мужем общесемейного добра "на прожиток" (в обеспечение) уже как имущество личное. Дочери не наследовали семейное имущество при братьях, но получали от них (или от отца) его часть (по их усмотрению), в качестве приданого, т.е. обеспечения.

В дальнейшем, в XIV-XV вв., по новгородским духовным грамотам и Псковской судной грамоте видно, как в завещательном порядке наследования обычай уточнялся и изменялся - глава семейства, например, мог "приказать" имущество своему сыну и матери, при их отсутствии - брату и церкви; сын, уже вышедший из семьи и не принимавший участия в прокормлении родителей, выпадал из числа наследников; при сохранении неразделенной семьи живущие вместе братья наследовали друг другу; в подобных случаях к наследству могла привлекаться и сестра. Супруги ради сохранения дома наследуют руководство его хозяйством.

В завещательных грамотах XIV-XV вв. отмечается происхождение того или иного имущества (наследованное или "родовое", приобретенное и т.п.), что свидетельствовало о складывании норм феодального владения.

В эпоху складывавшейся сословно-представительной монархии с XVI в. законодательная власть начала стремиться урегулировать соотношение закона как государственной нормы в наследовании и завещания как волеизъявления наследования. Именно с XVI в. законодательная мысль начала определять статус понятия родового владения (вотчин) и развивавшегося поместного (как владения условного), особенности их наследования, статус вотчинного владения в зависимости от его происхождения (родового, выслуженного, благоприобретенного). В зависимости от этого на протяжении веков, вплоть до XIX, модифицировались имущественные и наследственные права членов малой семьи (родителей и детей) в отношении разных по статусу феодальных владений; наконец, обращалось внимание на наследственные права живущих отдельно родственников бокового родства и в отношении имущества той или иной малой семьи. В процессе развития вотчинного и поместного землевладения как форм феодальной собственности писаное право все более приобретало четко выраженный сословный

характер. Государственная власть стремилась своим законодательством обеспечить исправное несение государевой воинской службы и вместе с тем, разумеется, существование служилого класса и членов его семей.

В процессе кодификации семейно-имущественного и завещательного права по Соборному уложению 1649 г. определялось безусловное наследственное владение вотчинами не только сыновьями владельца, но и при их отсутствии дочерьми и их детьми; при отсутствии детей вотчина переходила представителям рода (фамилии) по их нисходящим линиям. Поместья как условные владения за воинскую службу с 1551 г. постепенно закреплялись за семьей в собственность, наследуемую по мужской линии; они передавались (как и вотчины), в разных долях сыновьям, а при их отсутствии другим представителям "рода".

В связи с необходимостью обеспечить существование матерей, жен и детей погибших служилых людей вдовы-матери и жены пожизненно получали часть поместий в прожиток. Однако поместья еще не рассматривались в отличие от вотчин семейной собственностью, тем не менее само понятие прожиток становилось существенным звеном в закреплении прав семьи на поместье, так как прожиток начал выступать одной из форм наследования. Прожиток способствовал развитию личных прав на недвижимость членов семьи женского пола. Еще в первой половине XVII в. законодательно было утверждено личное право на недвижимость в семье за лицами женского пола, по которому вдова и девицы распоряжались прожитком, в частности в качестве приданого. Тогда же происходило и иное расширение других прав членов семей феодалов на недвижимое имущество; по Соборному уложению жены и дети получили право совладения с мужьями и отцами купленными землями; за женами утверждалось право владения вотчинами, полученными от их родственников по наследству и в виде дара; они же получили полное право распоряжения своим приданым.

В дальнейшем на протяжении XVIII - начала XIX в. в связи с фактическим слиянием еще при Петре I статусов вотчин и поместий как собственности представителей феодального класса законодательство шло по пути индивидуализации имущественных прав членов дворянских семей. Дворянские жены получили право собственности на приданое и на купленные ими, будучи замужем, земли. Даже неотделенные дети могли обладать и распоряжаться своим имуществом. Отношения супругов основывались на принципе раздельного владения имуществом и его распоряжения; в случае смерти одного из супругов другой получал из имущества покойного 1/7 часть недвижимого и 1/4 - движимого. Сыновья в равных долях наследовали остальную часть имущества родителей, а дочери - на праве частной собственности после отца - половину выдела, переходившего к матери вне зависимости от имевшегося у нее приданого, если они уже вышли замуж.

Таким образом, на жен и дочерей окончательно распространялось наследование после мужей и отцов недвижимого и движимого имущества; при отсутствии в семье детей "родовое" имущество после смерти супругов переходило по нисходящим линиям в руки представителей тех "родов", из которых происходили супруги. Законодательно круг таких наследников по родственным линиям расширялся до бесконечности (двоюродные, троюродные и т.д.)-

Этот законодательный процесс завершал индивидуализацию имущества в среде феодального класса России, но он очень медленно затрагивал сферу действия обычного права, на основе которого зиждились семейно-имущественные отношения в основной массе народа-крестьянства. Даже в эпоху бурного развития буржуазных отношений в стране после реформ 1860-х годов, когда законодательство отказывалось от сословных правовых обособлений и принцип личного имущества распространялся на все слои населения, нормы обычного права удерживали свои позиции в семейном быту крестьянства и в начале XX в.

Различие в принципиальном подходе к судьбе имущества в двух параллельно существовавших правовых системах объяснялось прежде всего хозяйственно-

экономической причиной. Обычно-правовая мысль определяла принципы семейно-имущественных отношений с точки зрения нормального (повседневного) функционирования производительного хозяйства-крестьянского двора. Поэтому все виды имущества (движимого и недвижимого) рассматривались как совокупность единого комплекса, обеспечивавшего текущую хозяйственную деятельность двора. Кроме того, крестьянская семья, как указывалось, могла иметь разную структуру: помимо малой семьи (супружеская пара и их дети), бытовала неразделенная семья - с братьями главы семьи, племянниками, женатыми сыновьями; каждый из них имел право на свою долю имущества, которая в свою очередь определялась его местом в структуре семьи, так как каждый ее член мог наследовать то, что полагалось его отцу. В результате при совершавшихся разделах делились не виды имущества, а выделялась доля, необходимая для ведения самостоятельного хозяйства.

Глава семьи - отец, старший брат считались распорядителями имущества, но не владельцами его, и в случае "мотовства" по жалобам жен и детей могли попасть под контроль общины или вообще быть отрешены от руководства хозяйством. При благоприятных внутрисемейных отношениях община не возражала против разделов.

В семье имущественные разделы проводились, естественно, не в силу каких-либо законодательных установлений, а по общему согласию всех или решению ее главы; если возникали какие-либо споры, они могли разрешаться специальными комиссиями от общинных управлений. Такие разделы происходили или по устной договоренности или же, что прослеживалось с конца XVIII в., на основе составленных "любительных писем", которые затем хранились в общинных управлениях.

После смерти главы семьи она могла хозяйственно возглавляться вдовой; однако в случае раздела такой семьи, когда вдова желала жить самостоятельно, она как нетяглый член общины, который не имел возможности вести производящее хозяйство, получала только минимальную часть имущества, необходимого для существования (жилище, корову, часть огорода, денежное вспомоществование от детей и их помощь в обработке огорода, заготовке сена и дров). На тех же условиях обеспечивалось существование одиноких теток, сестер, племянниц, выделившихся из семей в результате их раздела.

Нетяглые члены семьи - в силу своего возраста отцы, отделившие своих сыновей, - по своей воле могли оставить себе значительно большую часть семейного комплекса - строений, скота, предметов домашнего обихода, дворовой земли (в том числе огорода) и требовать от сыновей ежегодной материальной поддержки (пенсии). Все эти материальные ценности, оставшиеся у одиноких пожилых людей, по обычаю, считались их личной собственностью и наследовались по их воле по нисходящему родству, но в принципе по наследственному обычному праву выделившиеся сыновья не могли претендовать на имущество, оставшееся за родителями.

Разделившиеся члены семьи порывали между собой какие-либо материальные отношения, но за ними всеми оставалось одно обязательство - выплачивать долги, совершенные кем-либо из членов существовавшей неразделенной семьи в случае его смерти. Случалось, что о существовании таких долгов их "наследники" узнавали далеко не сразу, но вынуждены были подчиняться норме обычая; правда, в таком случае мирские правления, вовсе не заинтересованные в разорении своих членов, могли создавать наиболее благоприятные условия для выплаты долга.

Итак, общесемейный имущественный комплекс подлежал разделу только между мужчинами, на которых ложились определенные обязательства (по отношению к государству, помещикам, общинам). Все нетяглые члены семьи - престарелые (или нетрудоспособные) люди, одинокие женщины (в том числе бездетные вдовы) по обычно-правовым нормам могли рассчитывать на минимальное обеспечение существования.

Полевые угодья, если они не переходили к младшим членам семьи, безвозмездно сдавались в общинное распоряжение, когда с престарелого члена общины снималось тягло. Этот порядок, укоренившийся в передельных общинах, где полевые угодья

находились в крестьянском владении только до тех пор, пока двор имел возможность нести тягло, не касался дворового участка (собственно двора и огорода). По общинным представлениям, дворовые участки находились в личном владении крестьян, и, когда крестьяне переставали быть тяглецами, они могли их продать своим соседям или обменять на более скромные с соответствующей материальной компенсацией.

Весь этот обычно-правовой комплекс, целенаправленно сохранявший принцип семейного имущества, жестко сдерживал развитие понятия личного имущества в крестьянской среде. Это вовсе не означало, что понятие личной собственности в русской деревне отсутствовало. Оно строго сохранялось за приданым, которое невеста приносила в новую семью. Но только на рубеже XVIII-XIX вв. по крестьянским раздельным актам можно заметить выделение праздничной, а иногда и "вседневной" одежды в личную собственность, особенно когда она была приобретена на деньги, заработанные "на стороне", в отходе. Далеко не всегда в общесемейное имущество входили иконы, прежде всего те, которыми родители благословляли сыновей при женитьбе.

Обычай, согласно которому выделившиеся из семьи сыновья порывали имущественные отношения с близкими родственниками, приводил к тому, что в русской деревне наследственное право не подчинялось строго близкородственному началу и зависело в первую очередь от воли наследодателя. В результате на протяжении XIX в. судьба имущества (особенно недвижимого), находившегося вне общин и представлявшего порой немалую ценность (дома, земли, промышленные предприятия и т.п.), определялась не по обычному праву, а постановлениями государственных судебных органов. Однако такие судебные процессы касались имущества, нажитого крестьянами вне общин; что же касается внутриобщинных имущественных отношений, то они и в начале XX в. продолжали опираться на нормы обычая.

Сосуществование фактически двух имущественно правовых систем вплоть до начала XX в. отражало разное правовое представление, свойственное разным имущественным классам России. После Октябрьского переворота 1917 г., изменившего весь порядок имущественных отношений в стране, семейно-имущественные отношения стали подчиняться нормам государственного гражданского кодекса.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917-1990-х ГОДАХ

Сельская семья

Состояние семейно-брачных отношений всегда связано с процессами социально-экономического, политического, демографического и этнического характера. Влияние таких процессов в исторические периоды, в том числе в советское время на разных его этапах, было неодинаковым. Еще во время первой мировой войны, хозяйственной разрухи, неурожаев, голода, эпидемий имели место огромные людские потери, а естественный прирост населения снизился. В этих условиях шли изменения состава и размеров семей.

Начавшиеся после Октября аграрные и социальные преобразования непосредственно влияли на семейно-бытовую сторону жизни. С принятием первых декретов советской власти (о земле, о юридическом равноправии мужчин и женщин), затем законов о браке, об охране материнства и младенчества начались изменения в семье и семейном строе. Получив равные права с мужчинами, женщины вовлекались в производство и общественную жизнь, ломались старые морально-психологические принципы, на которых строились отношения в семье.

Экономические основы жизни семьи еще более изменились с проведением

коллективизации, когда земля была передана колхозам, все взрослые члены семей стали участвовать в колхозном производстве. Создались возможности для семейных выделов, а следовательно, и для перемен в структуре семей.

Менялась и демографическая ситуация в стране. Миграции населения, усилившиеся при коллективизации и особенно в годы индустриализации, выросшая урбанизация вызвали изменения в численности и размещении народа и возникновение в ряде регионов неблагоприятного половозрастного соотношения населения (перевес женского над мужским), что привело к снижению рождаемости в семьях. При миграциях усилились этнические процессы, при которых контакты русских с другими народами вели в ряде случаев к естественной ассимиляции некоторых народов или к смешению с ними (в русско-украинском пограничье РСФСР и УССР, в контактных зонах Сибири и Дальнего Востока и в др.).

При массовых репрессиях в 1920-1930 гг., раскулачивании и высылке крестьян из родных мест в другие районы гибли люди, нарушался состав населения в целом и состав семей, их жизнедеятельность. Набор рабочей силы в индустрию вызвал переселение крестьян в города, а следовательно, дробление крестьянских семей, отрыв их от старых мест жительства. Это нарушало крестьянский быт и хозяйство.

После войны 1941-1945 гг. шло снижение миграционных и ассимиляционных процессов в стране, перераспределение половозрастной структуры населения, сокращение трудоспособного населения и чувствительные изменения в семейном строе (появление одиноких людей, матерей-одиночек, вдов и др.).

В 1950-е годы последовало новое усиление миграций, что вело к учащению этносмешений и появлению семей смешанного типа (целинные земли Казахстана, освоенные территории на Урале, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке). Это способствовало "старению" деревни (миграции молодежи из села в город), сокращению размеров и изменению структуры сельской семьи.

Социальные и аграрные эксперименты 1960-1980-х годов продолжали усугублять демографическую ситуацию в деревне и состояние семей. В таких условиях развивалась сельская семья после 1917 г. на всех этапах советского периода.

Послеоктябрьские преобразования создавали условия для формирования новых брачных отношений (Власова И.В., 1990. С. 27-33). Уже в первые годы после революции появились новые виды досуга молодежи и новые места знакомств. В деревнях создавались клубы, избы-читальни и организованный досуг в них сосуществовал с посиделками и вечерками. В 1930-е годы роль клубов становилась все более ощутимой, прежние формы общения молодежи постепенно исчезли.

После войны возобновились разные формы досуга, но к прежним посиделкам не вернулись. Главным местом знакомства и проведения досуга деревенской молодежи стали сельские клубы и библиотеки. В местах, близких к городам, развивались виды досуга, как и у городской молодежи, - туристские походы, спортивные состязания, колхозные и советские праздники и т.п.

В деревне и сейчас велика роль улицы в знакомстве и встречах молодежи. Продолжает действовать такой фактор, как соседство, совместная учеба в сельских школах, работа в колхозе или совхозе, где они еще остались. Молодежь общается и во время приездов в деревню на каникулы, в отпуск, на праздники, в гости к родственникам, друзьям; знакомятся, приезжая по направлению на работу, и т.п. Но место жительства и совместный труд по-прежнему остаются главным на селе в добрачном общении молодежи. Браки заключаются преимущественно в деревне, реже по месту учебы или временной работы вне дома.

Характер отношений молодежи также претерпел изменения. Общение постепенно становилось все более свободным, открытым, проявление взаимной склонности в присутствии друзей и родных не компрометировало. Такой сдвиг произошел в результате роста экономической независимости молодежи, расширения круга ее знакомств,

самостоятельности брачного выбора, изменения мотивов вступления в брак и брачных ориентации.

Перемены стали ощутимы уже в 1920-е годы. Правда, еще значительной оставалась роль родителей в брачном выборе детей, прислушивались и к общественному мнению в деревне. С годами самостоятельность молодежи росла, и в 1930-е годы, судя по этнографическим данным, выбор брачного партнера становился независимым. А к настоящему времени участие родителей сводится к знакомству с женихом или невестой; их ставят в известность о браке, а возможные возражения нередко игнорируют.

Мотивом при вступлении в брак до сих пор остается некоторый расчет, хотя личные чувства, духовные и нравственные качества друг друга занимают заметное место у женихов и невест,

С изменением мотивов и ценностных установок при вступлении в брак менялся и брачный возраст. В послереволюционное время он традиционно оставался по губерниям России неизменным, существовали лишь локальные различия. Ранние браки заключались на юге и востоке, а также повсюду в сельскохозяйственных районах. В промышленных областях и на севере браки были более поздними (после 22-25 лет). В дальнейшем наблюдалось выравнивание брачного возраста у мужчин и женщин (Этнические процессы... С. 437-440). Изменение брачного возраста отмечалось у населения РСФСР в 1940-е годы. После войны нарушились пропорции в соотношении полов, стали заключаться поздние браки. В последующее время наблюдалось перераспределение брачных партнеров по возрасту. Повысилась брачность женщин со сверстниками, с более молодыми мужчинами, а также с разведенными и вдовцами. Но за годы войны сократилась доля ранних браков. К началу 1960-х годов брачный возраст женщин начинался с 18-20 лет, мужчин - в 20-29 лет. В настоящее время брак "помолодел", особенно сельский. Это объясняется тем, что сельская молодежь в возрасте 18-22 лет экономически самостоятельна и более обеспечена жильем, чем городская.

Когда появилось новое законодательство советской власти о браке, изменились формы заключения брака. После 1917 г. еще существовали преимущественно браки "венчаные", сопровождавшиеся народным свадебным обрядом. От последнего, связанного с большими затратами, отказывались лишь бедняцкие семьи. К началу 1930-х годов церковное венчание стало заметно уступать регистрации браков в сельсоветах. Не регистрировались лишь браки несовершеннолетних - до 18 лет. Традиция же свадебного обряда бытовала широко. Признание неофициальных браков законными по правовому положению привело к появлению невенчаных и нерегистрированных браков. В то же время в деревнях возобновились "браки убегом" - "самоходкой" ("сошлись без свадьбы") и "уводом" невесты женихом (Европейский Север, Сибирь). Во время Великой Отечественной войны и после нее, когда понизился уровень брачности, браки редко сопровождалась свадебными обрядами и вечеринками и не всегда регистрировались. Кроме того, иногда в браки вступали немолодые люди, особенно женщины. В те трудные годы в деревне были вызваны к жизни старые формы заключения брака - "самоходкой" и по принуждению родителей.

В 1950-е годы эта ситуация изменилась. Подросло поколение людей, родившихся до войны, в 1930-е годы, которое стало создавать семьи. Тогда не только участились браки на селе по сравнению с военным периодом, но и последовал возврат к народному свадебному обряду. В эти же годы иногда случалось церковное венчание и случаи нерегистрированных браков. Изменились взгляды на неофициальный брак, получивший одинаковую силу в глазах общественного мнения с браком законным, ибо основным критерием семьи стала считаться общность проживания и хозяйства, а не форма заключения брака. Изменилось и положение внебрачных детей, они перестали считаться вне закона, а их имущественное положение уравнивалось с остальными членами семьи. Правда, в некоторых деревнях сохранилось осуждение матерей, родивших детей вне брака. Внебрачная рождаемость в деревнях дореволюционной России измерялась

единичными случаями из-за осуждения ее общественным мнением. Она несколько выросла по отдельным периодам после 1917 г., а к 1980-м годам родившиеся вне брака составляли 14,6% всех родившихся в России (Численность и состав населения СССР, 1984. С 90).

Из старых брачных отношений у русских претерпели изменения некоторые брачные запреты. Теперь в среде даже сельского населения, наиболее держащегося за народные традиции, они почти не сохранились. Неукоснительно соблюдается лишь запрет вступать в брак с близкими родственниками. Обычай старшинства и очередности в браке, социальные, конфессиональные и национальные запреты практически перестали существовать, особенно в районах, близких к экономическим и культурным центрам.

Условия для этносмешанных браков появились уже в первые десятилетия после революции. К 1926 г. у русских в городах насчитывалось 3,0% этносмешанных браков, в селах - 1,0%. В 1926-1936 гг. число таких браков в селах РСФСР возросло до 7,0%. Причем среди русских мужчин доля межнациональных браков равнялась 7,7%, у русских женщин - 11,5%. Вообще же этносмешанные сельские браки интенсивны лишь в районах совместного или пограничного расселения русских с другими народами (на Кубани, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии, на Кавказе, Поволжье и т.д.). Они заметно участились в 1950-1980-е годы. В 1959 г. на Украине смешанных с русскими браков насчитывалось 26,3%, в 1980 г. - 31,3%. В Поволжье с 1940-х по 1960-е годы число русско-чувашских браков увеличилось с 13 до 30%. В Марийском крае совместное расселение русских и марийцев привело к росту таких браков с 1,5% всех браков в 1920 г. до 18,1% к 1970 г. В Среднем Поволжье межнациональные браки в 1968 г. составили 12%. В Прибалтике к 1960 г. было 7,9-13,4% браков русских с представителями прибалтийских народов. В Сибири и на Дальнем Востоке росло число браков русских с эвенками, кетами, ульчами. В Средней Азии и Казахстане шло увеличение таких браков во всех слоях населения (городского и сельского). На Кавказе к настоящему времени много браков русских женщин с курдами, армянами, азербайджанцами, грузинами и осетинами. В станицах Кубани, где всегда были нередки смешанные браки (особенно русско-украинские), существуют семьи русских с представителями горских народов (Власова И.В., 1990. С. 30-31).

В областях, где преобладало русское население, этносмешение всегда оставалось слабым. В 1959 г. в русских селах России межнациональные браки составляли 5,6% всех браков, в 1979 г. - 9,3%, в 1990 г. - 15% (Численность и состав населения СССР, 1984. С. 15; Численность населения... 1991. С. 17). В основном это браки людей, близких по языку и этнокультурным традициям (русских с остальными славянами).

В отличие от этнических запретов в браке сословные и конфессиональные запреты в некоторых русских районах сохранялись долго, особенно у старообрядцев. В целом же в сельских районах таких смешений происходило немного.

Браки неравные в возрастном, социальном (теперь в профессионально-образовательном) отношении у русских и в городе, и на селе остались.

В 1920-1930-е годы браков, в которых были такие различия по профессионально-образовательному уровню, случалось немного. В военное время, когда в деревнях наблюдался дефицит мужского населения и браки случались редко, разный профессиональный уровень вступающих в брак (выше он был у женщин) вполне объясним. С послевоенного времени такие браки участились, и в 1970-1980-е годы в русских деревнях немало женщин с высшим и средним образованием (учителей, медработников, ветеринаров, агрономов) вступили в брак с мужчинами со средним школьным или специальным образованием (техниками, трактористами, шоферами, слесарями, колхозными и совхозными рабочими).

Все изменения в брачных отношениях людей за годы после 1917 г. объясняются также и переменами в круге брачных связей и составе сельского населения. В 1920-е годы еще везде было много "местных" браков, которые не вышли за пределы круга деревенских

связей, что произошло после 1930 г. Заметное их расширение случилось при миграциях в 1950-е годы и в последующие десятилетия. Такое расширение связей сказалось на развитии сельской семьи, так как в ее состав входили люди из мест, культурная традиция которых отличалась от традиций в местах их нового проживания. Это вело к нивелировке сельского быта и свидетельствовало об изменении жизненных установок и ценностей при вступлении в брак.

Переменилось в сельской среде и отношение к расторжению браков. Брачное законодательство и все явления в жизни страны, менявшие экономические основы семьи, привели к полной независимости женщин от мужей, к самостоятельности молодежи. Расторжение браков стало фактически беспрепятственным. Последние десятилетия отличаются увеличением числа разводов. Их частоту выявляют не только статистические, но и этнографические данные. Несмотря на это, отношение к разводам в сельских местностях в целом отрицательное, а общественное мнение осуждает разведенных людей, главным образом виновников разводов, разрушивших семейную жизнь. Взгляды разных половозрастных, профессиональных групп сельского населения на брак, развод, семью в целом совпадают - "семьей надо дорожить, так как при разводе остаются осиротевшими дети".

Но есть различия в понимании роли семьи и причин разводов. У молодежи в этой оценке преобладает эмоционально-психологический фактор: в браке должны быть единомышленники, иначе будут конфликты, приводящие к разводам. Люди среднего и старшего возрастов придают значение взаимопомощи и поддержке семьи в ее хозяйственной деятельности и воспитании детей ("без семьи прожить трудно"). Различий по полу в этих взглядах нет. У разных же профессиональных групп такие различия имеются: у людей с более высоким образовательным уровнем (у сельской интеллигенции) преобладает взгляд на взаимопонимание как залог благополучного брака, жители с невысоким образовательным уровнем придают значение таким ценностям, как заработок, положение в обществе, они чаще заключают браки по соображениям материального порядка.

Поскольку существуют разные ориентации у тех или иных групп населения, то и причины разводов у этих групп также различны.

Больше всего неудачных браков отмечается среди людей, соединивших свои судьбы по расчету. Немало разводов и у людей, рано создавших семью, так как в этих браках наличествуют противоречия между половой и социальной зрелостью молодежи. Сохраняется неравномерность нагрузки женщин и мужчин в семье, чему иногда способствуют старые нравственные представления.

В целом для брачных отношений с 1917 по 1990-е годы характерно сохранение различий и условий, в которых совершались браки в городе и на селе. В общении сельской молодежи остается главным территориальный принцип. Заметнее на селе и участие родителей в брачном выборе молодых и роль общественного мнения. Остаются и локальные различия в условиях брачных отношений и различия среди разных возрастных и профессиональных групп сельского населения.

За годы советской власти менялись не только брачные отношения, заметные изменения произошли в самой семье, ее типах, во всей ее внутренней жизни. Новое земельное устройство в деревне в 1918 г., при котором распределяли землю на всех членов крестьянской семьи (по едокам), вызвало массовые семейные разделы. При этом происходили изменения прежде всего в составе семей. В 1919 г., по сравнению с 1917 г., в 25 российских губерниях семей, состоявших из 4-10 человек, стало меньше на 1,3%, из 11 человек и более - на 39%. Вместе с тем наблюдались и обратные явления - возвращение к многочисленной семье, потому что при наделах земли по едокам можно было получить больший надел. На окраинных территориях русского расселения разделы проводились вплоть до начала коллективизации сельского хозяйства (у казаков Терека, Кубани, у старообрядцев Сибири и т.д.).

Число членов в семье зависело от количества детей. В среднем по России после революции семья имела до трех детей. Падение деторождения в первые годы советской власти было не только связано с новыми явлениями социально-экономического порядка и с военным временем 1914-1920 гг., но и подготовлено предшествующим периодом, когда в условиях капитализма менялось демографическое поведение крестьян.

Довольно высокая рождаемость сохранялась лишь в некоторых русских областях - на Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. На Северном Кавказе она объяснялась традициями ранних браков и многодетности, в Сибири и на Дальнем Востоке - молодым составом населения, приселявшегося из европейских губерний. В условиях сильного миграционного движения с конца 1920-х - в 1930-е годы шло дальнейшее снижение рождаемости, ставшее особенно заметным в 1931-1936 гг. Отмечалась высокая детская смертность (Урланис. С. 17).

В 1940-е годы продолжались изменения в составе семей. Появилось много семей, состоявших из женщин и их детей (семьи фронтовиков и семьи вдов). В таких семьях отмечалось и проживание родственников этих женщин: сестер, престарелых матерей, теток с племянниками и т.п. Много в сельских местностях стало и одиноких людей, а также супругов без детей - престарелых и вдовых.

В военные и послевоенные годы немногие семьи состояли из трех поколений - родители-дети-внуки. Старшее поколение в таких семьях представляли лишь женщины-бабушки. Наблюдалось и более частое, по сравнению с предшествующим временем, проживание семейных детей со свекровью, реже с тещей. В эти годы семьи были малочисленными, так как происходило резкое падение уровня рождаемости. Тогда нередко вступали в брак в немолодом возрасте, а потому не могли иметь большое число детей. В конце 1950-х годов русская сельская семья состояла в основном из 3—4 человек. Это были семьи двух-поколенные (родители-дети, с 1-3 детьми), либо трехпоколенные (родители-дети-внуки). В различных районах России такие семьи имели свои местные отличия. В 50-е годы еще ощущались последствия войны, поэтому серьезных изменений в составе и размерах семей не наблюдалось.

В 60-70-е годы средний размер семьи у русских был равен 3,4 (3,5) человека в городе, и 3,7 (4,0) - в селе. Большие по размеру семьи составляли пятую часть от их общего числа (многодетные или трехпоколенные семьи). В селе их число было несколько большим, чем в городе.

Новое падение рождаемости отмечалось в 1960-е годы, и только с 1970-х начался некоторый прирост вследствие повышения рождаемости у людей в возрасте 20-24 лет. В целом преобладала ориентация на однодетную семью. Локальные различия в русской сельской семье продолжали сохраняться. В основном это различия по числу членов и количеству детей, у русских Сибири размер семьи был больше, чем в других регионах (от 3,3 до 3,7 человека). Это связано с более пропорциональным соотношением полов среди сельских жителей и более молодой структурой населения там. Оставался достаточно высоким средний размер семьи Нечерноземья - 3,8 человека в 1970 г., 3,2-3,5 человека в 1979 г. Размер семей в южнорусских, центральных областях и на Северном Кавказе равнялся 3,2-3,4 человека, в Поволжье - до 3,6-4,0 человека. К 1980-м годам среднее число детей на 100 русских женщин всех возрастов составляло 172 (Численность и состав населения СССР, 1984. С. 17).

Русская сельская семья сохраняла различия не только по размерам, но и по типам. В южнорусских областях в 1960-1980-е годы преобладали семьи из родителей и детей, некоторое число составляли семьи трехпоколенные, представленные чаще вариантом: один из родителей (чаще мать)-дети-внуки, причем родитель в такой семье не обязательно являлся ее главой. Много в этих селениях было одиночек. Сами семьи представлены главным образом людьми старших и средних возрастных групп, родившихся до 1920-х, в 1920-1930-е годы.

В 1960-1970-е годы наблюдалось учащение выделов из семей в селах Кубани,

Приангарья, что вело к преобладанию и там семьи малой над остальными ее типами. Но на юге Европейской части страны и в Сибири сохранялось больше семей трехпоколенных и наблюдалась несколько большая детность в них, чем в семьях остальных русских областей. В Центре и во всем Нечерноземье преобладала семья двухпоколенная, стало заметным число семей, не имевших детей, или одиноких женщин с детьми.

Трехпоколенных семей здесь гораздо меньше, чем в южнорусских областях. Часть трехпоколенных семей - временные. Были различия по составу у рабочих и служащих в колхозах (совхозах) и у колхозников: у последних меньше одиноких людей и супругов без детей. Много бессемейных было в деревнях Европейского Севера, а по сравнению с южными областями, здесь еще больше немолодых семей.

Средний размер семьи в России к 1989 г, стал равен 3,2 человека: однонациональные семьи насчитывали по 3,2 человека, этносмешанные — по 3,5 человека (Население СССР, 1990. С. 32).

Таким образом, развитие русской семьи в селе шло по пути дальнейшего увеличения доли малой семьи во всех русских областях. Трехпоколенные семьи создаются на время, но они отличаются от прежних семей такого типа. Если ранее молодые жили в них вместе со старшими, то теперь старшее поколение (бабушки) иногда живут зимой у детей и внуков (нередко в городе), а летом вместе с внуками приезжают в деревню. Патрилокальный принцип в трехпоколенных семьях (проживание с семьей мужа) также не всегда соблюдается. В 1980-е годы трехпоколенные семьи стали появляться у людей, занятых в общественном производстве и имеющих среднетехническое, среднеспециальное и высшее образование (механизаторы, веттехни, агрономы, учителя), особенно там, где на этом производстве больше занята женщина, чем мужчина. В те же годы появлялось несколько большее число детей в семьях (до трех), но такая ориентация прекратилась снова в 1990-е годы (у людей со средним и среднеспециальным образованием). У сельской интеллигенции оставалась ориентация на одно-, двухдетную семью. Многодетные семьи встречались у людей неквалифицированного труда. Но по сравнению с городом, в 1970-1980-е годы рождаемость в селе была несколько выше.

Наряду с изменениями в строе семьи менялись и внутрисемейные отношения. Сильно вырос авторитет женщин как в трудовых коллективах, так и в семье, особенно в среде молодого поколения. Это проявилось в таких межпоколенных отношениях, как лидерство в семье. Но традиционный взгляд на главу, каким прежде являлся старший в доме мужчина, долго жил в деревнях. Такое понимание главенства становилось формальным, так как в действительности домашние дела, даже при признаваемом главенстве мужей, решались совместно взрослыми членами, а распорядителем работ по дому становилась женщина.

Семейные отношения различаются у людей разного возраста, образования, характера труда. Равноправие, взаимоуважение становились характерными в разных по составу семьях - двух- и трехпоколенных, сложных и простых, для старшего и младшего поколения. Свидетельство тому - главенство в семье младшего поколения - женатого сына, замужней дочери, невестки, зятя, а в связи с этим и отмирание института примачества (зять-примак) в русской семье даже в деревне. Исчезают и те противоречия между супругами, которые были порождены зависимым положением женщины и преобладанием браков по расчету. Остаются, правда, противоречия, связанные с совмещением женщиной общественно-производственных и семейных обязанностей. К семейным конфликтам нередко приводит и неравномерное распределение домашнего труда, что говорит о сохранении фактического неравенства полов. Существуют и противоречия, связанные, с одной стороны, с повышением требовательности друг к другу, к браку вообще, к семье, а с другой - с бытованием еще старых нравственных представлений, мешающих нормальному функционированию семьи.

В современной сельской семье не так заметно разделение на мужские и женские работы. Вместе с тем еще часто основная домашняя работа ложится на плечи женщин.

Занятость детей в семейных делах становилась меньшей, чем прежде, поскольку дети были заняты учебой, нередко в школах-интернатах. Несколько возросло значение общественного воспитания детей с появлением в деревне школ, детских дошкольных учреждений, но никакое общественное воспитание не может заменить полноценное семейное воспитание.

Межпоколенные отношения, проявлявшиеся в досуге семьи, имели в деревне некоторые отличия по сравнению с городом. В деревне сохранялись специфические формы досуга, в которых преобладали индивидуальные формы над общественными (всевозможные домашние дела заменяли отдых), и в них в силу занятости на работе или учебой участвовал в какой-то мере каждый член семьи.

Несмотря на повсеместное и очень давнее преобладание малой семьи над остальными ее типами, межпоколенные связи с родственниками не прерывались никогда. Эти связи лишь приобрели иной характер, ибо изменился не только состав (круг) родственников, с которыми поддерживаются контакты (до 3-4-го колена в деревне), но и характер и содержание этих контактов. Правда, в сельских местностях они еще могут быть каждодневными, но и там перестают осуществляться преимущественно в хозяйственных делах. Материальная помощь, поддержка в различных работах (строительство дома, приусадебный огород, уход за престарелыми) облегчены территориальной близостью родственников и свойственников. Наряду с этим существуют контакты другого вида: совместный досуг, семейные события и праздники.

Трудовые родственные связи не ослабевали никогда, а теперь они могут еще более укрепляться, если в деревне произойдет передача земли в собственность крестьянам, что приведет к вовлечению в сельский труд всех членов семей и их родственников. Немалую роль в этом играют приусадебные хозяйства крестьян.

Только они дали возможность уцелеть нашему сельскому хозяйству во время всевозможных экспериментов ("Неперспективные деревни", "Продовольственная программа" и др.). так как приусадебная земля, хоть и при неполной личной собственности на землю, стала "неотъемлемым нравственным достоянием" каждого сельского жителя. 18 млн крестьянских хозяйств в довоенные и 16 млн в 1960-е годы спасли народ от гибели, потому что в глубине души крестьяне считали приусадебную землю своей, передаваемой детям, а лишь на ней могли беспрепятственно трудиться (Шипунов, 1990. С. 126).

Что касается внешних связей сельской семьи, то они по-прежнему осуществляются не только с родственниками, но и свойственниками, особенно у людей старшего поколения. Контакты с младшими сохраняются, когда в семьях живы бабушки и деды. Братско-сестринские связи заметно ослабли, так как братья и сестры живут в своих отдельных семьях и нередко на большом расстоянии друг от друга. С дальними родственниками такие связи у молодежи еще слабее, ограничиваются редкими встречами по общесемейным делам, изредка перепиской. Традиционными остаются лишь связи родителей и детей, живущих как в одной деревне, так и в разных местах. Виды этой связи также традиционны и по всей сути напоминают разделение труда в семье прошлого. Соседские и дружественные связи в деревне при совместном проживании и работе остаются и до сих пор. Даже сохраняются некоторые виды сельских помочей, в которых участвуют жители деревни, живы и традиции совместных праздников, деревенских, семейных и общих для страны. Таким образом, эти связи, по традиции, имеют место не только в труде, но и в морально-этической сфере и духовной жизни.

Все более начинают сказываться некоторые негативные стороны в жизни семьи. Малодетность современных семей подрывает их жизнеспособность, не развивает в них разнообразные отношения, без чего не достигается крепость, сплоченность семьи. Дом, семья, старшие и сверстники в ней, близкие и дальние родственники уступили свои позиции новому окружению. Ко многим кризисным ситуациям привело неправильное

воспитание детей, утрата принципов народной педагогики. Особенно нарушено половое воспитание, при этом происходит выработка у детей неправильного стереотипа поведения, что в свою очередь способствует ненормальным межличностным отношениям будущих супругов. Чаще всего такое воспитание происходит в неполных семьях (без отцов), когда у мальчиков вырабатываются женские суждения и черты в поведении, а у девочек -наоборот мужские черты. Следствием такого воспитания становится отсутствие жизненного опыта и безответственность поведения будущих супругов по отношению к семейным обязанностям (Агарков. С. 83-84). В прошлом же детей воспитывали как будущих создателей семей, и невесты с женихами готовились к семейной жизни в добрачный период. Эта подготовка имела моральный и нравственный смысл.

Пробелы в воспитании - результат снижения нравственности во всем обществе, его бездуховности. Теперь деревенский человек формируется в атмосфере, которая не воспитывает уважительное отношение к земле и крестьянству, не защищает престижность сельского труда, считающегося "второсортным" {Белов В.И., 1988. С. 115). Труд же для народа всегда оставался не только жизненной необходимостью, но и проявлением духовной жизни, так как с ним связаны общечеловеческие отношения. Не осознав значимость труда и этих отношений с детства, ребенок не приобретает любви к труду. Эти стороны трудового воспитания сейчас в значительной мере утрачены и в семье, и в обществе.

Негативные явления отмечаются не только в социально-воспитательной, но и репродуктивной функции семьи - в воспроизводстве, и биологическом, и духовном. Сейчас довольно большое число семей бездетно или однопородно, выросла и внебрачная рождаемость, ведущая к одностороннему воспитанию детей. Нарушена нормальная воспитательная среда, в которой, кроме родителей, роль воспитателей младших детей играли бы старшие братья и сестры. Родителям приходится брать на себя и функции детей-воспитателей, т.е. выступать "сверстниками" и становиться друзьями своего единственного ребенка. На это способен не каждый отец или мать. Такая однобокость воспитания приводит к утрате в каждом последующем поколении моральных и нравственных качеств, присущих русской семье.

Итак, для современной русской семьи характерны следующие черты. Сельская семья в основном простая по составу, малодетная, однородная в социальном и национальном отношении. Но в этой среде наиболее сохраняются семьи с главенством мужчин; правда, прослеживается тенденция к появлению семей, в которых главами могут быть наравне и муж, и жена, или же не осознается главенство кого-либо одного из них. Современная семья и новые семейные отношения после 1917 г. - результат процесса длительного, сложного, развивавшегося под воздействием комплекса политических, социально-экономических и культурных преобразований. До сих пор остаются отличия семьи села от семьи города. В деревенской семье резче, чем в городе, половозрастное разделение труда, чаще возникает необходимость сохранения семей трехпоколенных; достаточно высока роль старших членов в такой семье при ведении домашнего хозяйства и в воспитании детей. Сельская среда более, чем городская, сохранила русские народные традиции, весь народный опыт и знания, что может послужить основой для будущего возвращения России к ее национальному пути развития.

Городская семья

Развитие современной городской семьи у русских, как показали исследования, происходит в том же направлении, что и сельской. Это определяется прежде всего влиянием единых социально-экономических и правовых основ, созданных для семьи в нашем государстве. Сходство изменений обуславливается и единством традиций,

объединяющих население города и деревни в одно этническое целое - русский народ. В сохранении и развитии этнических традиций, в процессе урбанизации с присущим ему нивелирующим влиянием на все стороны бытовой культуры большая роль принадлежит постоянным тесным и многообразным взаимосвязям города и деревни. В силу сложившихся условий сближение сельского и городского вариантов русской национальной культуры усиливается, хотя известная специфика их продолжает сохраняться и в настоящее время. Вызываемые урбанизацией углубление общественного разделения труда, рост образования, профессиональной занятости, в том числе женщины, а также связанные со всем этим демографические изменения (понижение рождаемости, старение населения, территориальная подвижность и т.п.) непосредственно сказываются на семье - на ее размерах, составе, характере внутренних и внешних связей, организации хозяйства и быта, на брачных отношениях.

Основу городской семьи, как и сельской, составляет моногамный брак, в который вступают мужчины и женщины в молодом возрасте. Первые браки в зрелом возрасте встречаются сравнительно редко. Повторные браки бывают в случае вдовства одного из супругов или расторжения предыдущего брака. Среди причин развода, кроме конкретных частных, играют роль и некоторые общие: известное стремление к совершенствованию семейно-брачных отношений, а также и легкость самой церемонии расторжения брака. По числу разводов (17,5 развода на 1000 супружеских пар) Российская Федерация отличается довольно высокими показателями, уступая, по данным 1979 г., по республикам бывшего СССР лишь Эстонии (22,1 на 1000 пар) {Волков А.Г. С. 137}.

Средний брачный возраст в русском городе всегда был несколько выше, чем в селе, что, вероятно, связано с заботой о профессиональном устройстве молодежи (с подысканием работы, с обучением мастерству, с получением образования и т.п.). В настоящее время брак в городе "помолодел": девушки выходят замуж в 18-22 года, юноши женятся в 24-25 лет. В результате изменений в брачных отношениях большая возрастная разница между супругами, как это часто встречалось среди имущих слоев горожан в прошлом, теперь встречается крайне редко (Жирнова. С. 102-103).

Добрачные отношения молодежи, как прежде, так и теперь, складываются в значительной мере в процессе коллективного общения. Современные города предоставляют большие возможности для встреч и предбрачного знакомства молодежи. Молодые люди часто находят себе пару среди товарищей по работе и учебе, с которыми вместе участвуют в производственном и учебном процессе, в общественной и культурной жизни. По сравнению с прошлым, возросло при этом значение общественного отдыха и культурно-массовых развлечений. Но наряду с появлением новых видов общественного досуга неотъемлемой частью образа жизни горожан продолжают оставаться молодежные гуляния стихийного типа. Эти обычаи составляют давнюю традицию, хотя и довольно заметно меняются с течением времени. До наших дней дожили так называемые "пяточки" - места привычных сборов сравнительно небольших групп молодежи преимущественно для танцев (на улицах, во дворах, в скверах). Они особенно характерны для небольших провинциальных городов, где жители разных концов хорошо знают друг друга.

В больших городах на "пяточках" "гуляют" так называемые земляки, выехавшие в разное время в город примерно из одной и той же местности {Шмелева, 1989. С. 79-80}. К стихийным сборищам можно отнести более многолюдные современные тусовки, еще мало изученные этнографами. Встречи молодежи происходят на празднествах и других общественно организованных гуляниях, также традиционных для города.

В целом сфера стихийного добрачного общения горожан в настоящее время довольно обширна. В результате потенциальные невесты и женихи с их специфическими интересами в известной мере как бы выпадают из-под опеки старших, лишенных возможности активно влиять на выбор молодежью брачных партнеров. Правда, в добрачных знакомствах определяющую роль продолжают играть домашние гостевания, ведущие начало от званых вечеров (чаще всего именинных), известных в разных

вариантах всем слоям городского населения. При этом родителям и близким легче было оберегать молодых людей от нежелательных контактов и способствовать заключению наиболее подходящих браков. Но с демократизацией общества и семьи и роста самостоятельности подрастающего поколения привычный круг родственного общения расширяется за счет введения в него, часто по инициативе молодежи, посторонних лиц из числа соседей, сослуживцев, друзей и т.п. Семейный контроль в таких условиях также оказывается значительно ослабленным.

Расширение круга общения молодежи в условиях современного города приводит к росту социально-смешанных браков, составляющему одну из характерных тенденций развития семьи в настоящее время. Однако несмотря на большое разнообразие профессиональных занятий городского населения и значительную неоднородность его по образованию и трудовой подготовке, большинство горожан все же заключает браки в своей или близкой среде.

По национально-смешанным бракам город также имеет более высокий показатель, чем село. Однако это касается главным образом крупных городов, которые относятся к зонам наиболее активных межэтнических контактов (Этнические процессы... С. 430). В городах, не находящихся в непосредственном соприкосновении с другими этносами, как и в сельских поселениях, преобладают однонациональные союзы, что обусловлено компактностью и непрерывностью расселения русских на обширном пространстве. Но число национально-смешанных браков растет и в городах с небольшим включением инонационального населения. Большую роль в этом играют активные территориальные перемещения населения внутри страны.

Женятся и выходят замуж молодые горожане, как правило, по своей воле и по собственному выбору. Родители при этом имеют совещательный голос. Освобожденный от пут материальной зависимости, которая прежде имела определяющее значение, современный брак, однако, не лишен соображений экономического порядка. Будущие супруги обыкновенно наряду с другими данными учитывают и материальный потенциал спутника жизни.

Приданое в прежнем его значении, когда за невестой полагалось давать как можно более движимого и недвижимого имущества, ушло из жизни. Наличие или отсутствие его не влияет на заключение брака и не оговаривается. К свадьбе готовят обычно белье и другие вещи первой необходимости. Традиция проявляется в том, что большинство семей постоянно заботится о нарядах и средствах на их приобретение для вступающих в пору невест и женихов. Если молодые после свадьбы собираются жить отдельно, то речь идет о квартире, мебели, бытовых предметах. Впрочем теперь с укреплением в быту русских семей частной собственности приданое в том или ином виде может вновь начать возрождаться.

Брак оформляется в загсе обычно в торжественной обстановке и сопровождается новыми санкционирующими обрядами. По желанию совершается и религиозный обряд бракосочетания - церковное венчание, которое в настоящее время стало встречаться все чаще. В семьях (в домашней обстановке или в общественных местах) принято устраивать свадьбу - по существу свадебный пир, в котором наиболее стойко сохраняются и развиваются традиционные особенности. Другие свадебные обряды, в разной степени трансформированные, соблюдаются фрагментарно. Тем не менее современная городская свадьба составляет некое целое. Часто свадебные обряды сохраняют и свой локальный характер. Правда, в связи с постоянным пополнением городского населения выходцами из разных регионов страны встречаются разные варианты обрядов, носители которых, отстаивая их, иногда вступают в спор с другими участниками свадебной церемонии. Но чаще всего выполняется все же местный вариант, хотя он в свою очередь испытывает известные изменения под влиянием иных традиций.

Экономическую основу городских семей, как правило, образуют доходы взрослых ее

членов от занятий городского типа - в областях промышленности, торговли, транспорта, культуры и многообразного обслуживания. Профессиональный труд дает горожанам необходимые для их существования денежные средства. Состав материальной базы семьи, ее имущественная состоятельность во многом определяют уровень материального и духовного потребления, социальных подвижек ее членов, оказывают непосредственное влияние на воспроизводство и воспитание детей, на осуществление отдыха людей и пр. От вклада в общесемейную кассу в известной степени зависит и положение того или иного члена семьи в ее быту.

Современные занятия городского населения складывались постепенно в процессе длительного социально-экономического переустройства общества. В результате к настоящему времени городское население в подавляющем большинстве оказалось втянутым в развитое обобществленное производство, требующее полной оторванности от дома на время труда. Отграничение работы от быта - одно из следствий урбанизации, при которой семья перестает быть основной производственной ячейкой, а рабочие места концентрируются главным образом на крупных промышленных предприятиях и в учреждениях (Баранов. С. 18). Независимо от сферы приложения труда все работающие члены семьи покидают дом на время работы. Исключение составляют лица, занятые надомным трудом, хотя и слабо развитым, но иногда встречающимся, в основном в рамках местной промышленности. В домашних условиях часть своей работы выполняют также некоторые представители интеллигенции.

Эта особенность городских занятий отличает быт горожан от быта сельского населения, у которого связь производства и домашнего хозяйства осуществляется несколько иначе. Ни с чем не соизмеримое для развития семьи значение имеет профессиональная деятельность женщины. Массовое участие женщин в общественном производстве, доступность различных профессий, отсутствие дискриминации в оплате труда несомненно усиливает ее материальную независимость и способствует повышению авторитета в семье жены, матери, хозяйки. Вместе с тем большая занятость на работе и в общественной жизни, в частности ежедневные (кроме выходных дней) длительные отлучки из дома, в сочетании с важными семейными ролями создают немалые трудности и для самой женщины и для всей семьи, особенно с воспитанием детей.

Возможно, что с расширением предпринимательства, в том числе и семейного, и индивидуализации трудовой деятельности, а также с разокрупнением некоторых промышленных предприятий положение, сложившееся в семейном быту горожан, будет меняться.

Сфера производственной жизни народа весьма чувствительна к изменениям, связанным с социально-экономическим переустройством. В ходе урбанизации она теряет этнографическую специфику и оказывает нивелирующее воздействие на быт семьи, что, однако, не означает полной потери им традиционных черт. Существует известная традиционность и в самих занятиях городского населения, особенно в старых промышленных районах (направленность занятий, специализация некоторых производств, преемственность профессиональных традиций, трудовые династии, связанные с историей отдельных предприятий и целых отраслей).

Издавна сложившаяся преемственность профессий, несмотря на благоприятные условия для свободного и широкого выбора занятий, продолжает ощущаться во многих городах и теперь (Анохина, Шмелева, 1977. С. 87-100; Будина, Шмелева, 1989. С. 140-155). Не малая роль в этом принадлежит семье. Именно в семье передаются от старших младшим те или иные профессиональные навыки или интерес к ним, воспитываются привычки к занятиям отцов и дедов, уважительное и даже романтическое к ним отношение, вырабатывается взгляд на "наследственную" профессию как на своего рода социальную ценность. При этом в создавшихся условиях младшие редко просто "повторяют" профессию старших. Как правило, они бывают более образованны и занимают более высокое общественное положение, увеличивая число социально-

смешанных семей (Крупянская, Будина, Полищук, Юхнева. С. 83-84; Анохина, Шмелева, 1977. С. 99).

В целом традиционная родственная преемственность профессий или хотя бы сохранение определенной "верности" тем или иным предприятиям, специальностям, отраслям народного хозяйства благоприятно влияют на жизнь семьи. Расширяя круг общих интересов родных и близких, занятие одним или сходным делом повышает уровень взаимопонимания родственников, цементирует взаимоотношения поколений. Одновременно благодаря этой преемственности создается, хотя и достаточно широкая, но вместе с тем своего рода замкнутая среда общения, включающая как производственные, так и семейные связи, способствующая отбору и закреплению в быту привычек, обычаев и вкусов, составляющих местную традицию.

Известную долю материальных средств многие городские семьи получают от некоторых дополнительных занятий в домашних условиях. Хозяйственная деятельность горожан в рамках семьи не сводится только к удовлетворению бытовых нужд и самообслуживания. Она включает и некий производящий труд. Это главным образом сельское хозяйство, точнее - земледелие.

Сельскохозяйственные занятия в русских городах складывались на протяжении длительной истории и на различных ее этапах имели свои отличительные особенности. Для большей части населения эти занятия издавна имели подсобное значение (в основном потребительское), но вместе с тем они рано стали ориентироваться на производство товара и для определенных районов у отдельных групп горожан не отличались от других типично городских занятий, способствовавших формированию городского образа жизни (Рындзюнский, 1976. С. 119-121). Уже в феодальный период многие города становятся поставщиками сельскохозяйственных продуктов далеко за пределами своей округи (Рабинович. Очерки... 1978. С. 59). Во второй половине XIX - начале XX в. в связи с ростом промышленности и местного рынка в городах сложились благоприятные условия для развития сельского хозяйства как промысла. Сравнительно небольшое число предпринимателей "держало" сады и огороды на землях, арендуемых у города или у соседних крестьянских общин, другая же составляла кадры их наемных рабочих. Сады, а особенно огороды на обычных городских усадьбах были невелики, на грядках выращивали лишь самое необходимое для сезонного потребления семьи. Овощи для заготовок на зиму горожане обычно покупали у огородников, ведущих товарное хозяйство. Деятельность городов на сельскохозяйственном поприще сказались положительно на культуре русского земледелия. Она способствовала, в частности, выведению новых высокоурожайных сортов фруктов и овощей, получивших широкую известность далеко за пределами "родных" мест.

В настоящее время под сады и огороды горожане используют усадебную землю главным образом там, где имеется индивидуальная застройка, а также загородные земельные участки, до недавнего времени находившиеся в кооперативном землепользовании, а теперь приобретаемые в частную собственность. До сих пор садоводство в наших городах имело в основном любительский подсобный характер, составляя часть домашнего хозяйства семей, независимо от их социальных и профессиональных характеристик.

В сложившихся условиях в городах разного типа наблюдается рост числа любителей сельскохозяйственных занятий. Сказывается, видимо, как усиление тяги горожан к природе по мере дальнейшей урбанизации их жизни, так и стимулирование развития подсобного хозяйства самим обществом в условиях продовольственных затруднений. Не случайно подсобное хозяйство расширяют или вновь заводят люди, в прошлом мало или вовсе не связанные с землей.

Происходит дальнейшее развитие и практической функции подсобного хозяйства. Оно ведется, как правило, рационально. Правда, сложившиеся ранее хозяйственные традиции, направленные на достижение рентабельности "имения" и увеличения материального

достатка семьи, до недавнего времени были связаны в основном не с производством товара для продажи, а с удовлетворением основных нужд и любительских запросов семьи в сельскохозяйственных продуктах. Теперь же с переходом к новым земельным отношениям тяга горожан к земле еще более увеличится и поведет к повышению товарности хозяйства. Особенно велик спрос на дачные участки, где можно построить летнее жилище. Большая заинтересованность горожан в подсобном хозяйстве определяется не только его сугубо практическим значением, но и той ролью, которую оно играет в поддержании здорового образа жизни, в отдыхе, в общении с природой, в развитии эстетических сторон быта, в укреплении нравственных устоев семьи (например, через трудовое воспитание детей, семейно-родственную взаимопомощь, межсоседские взаимоотношения на основе общности интересов и т.п.).

В труде на сельскохозяйственном участке обычно заняты все домочадцы. Здесь соблюдается традиционное половозрастное разделение труда в сочетании с достаточно выраженной взаимозаменяемостью в случае необходимости. К хозяйству у горожан преобладает отношение как к общесемейному достоянию. Им гордятся; иметь его считается престижным. В целом содержание городской семьей подсобного хозяйства способствует семейно-родственному единению и является стабилизирующим фактором.

Одним из характерных процессов в развитии современной городской семьи у русских, как и у большинства народов индустриальных стран, является ее разукрупнение и упрощение по составу (Харчев, Голод. С. 71; Янкова С. 38-39). Предпосылки для господства в русском городе семьи, состоящей преимущественно из супругов и их детей, не вступивших еще в брак, начали складываться уже в эпоху феодализма, хотя у некоторых групп городского населения и имела место тенденция к удержанию в быту, а порою и к возрождению так называемой большой, или неразделенной семьи {Рабинович. Очерки... 1978. С. 80-89). В конце XIX - начале XX в. неразделенные семьи в городах становятся редкостью. Они встречаются в отдельных группах населения в силу специфических особенностей их занятий, хозяйства, мировоззрения (у купцов и ремесленников, имевших свое "дело", у извозчиков, у старообрядцев, у уральских рабочих и подмосковных угольщиков) (Крупянская, Полищук. С. 42-48; Народы Европейской части... С. 473). Увеличение числа простых семей в одно-два поколения, состоящих из супругов с детьми или без них, в большинстве городов было непосредственно связано с ростом промышленности и с формированием рабочих кадров в значительной мере за счет мигрантов из села, которые обзаводились семьей после переселения в город. Повсеместно среди городского населения, как и в селах, продолжала прочно сохраняться старая традиция, согласно которой один из сыновей (обычно младший) оставался при стариках родителях.

В настоящее время процесс дробления семьи развивается довольно стремительно, хотя и не одинаково в городах разного типа и в отдельных группах населения. Число трехпоколенных семей, состоящих из родителей и их семейного сына (или дочери), постоянно уменьшается. Основным типом становится простая семья в одно или два поколения, (т.е. с детьми или без детей), которую принято называть нуклеарной. Обращает на себя внимание участвовавшие, по сравнению с прошлым, случаи обособления молодоженов сразу же после свадьбы и распространения обычая снимать для молодых супругов, если у них еще нет своей квартиры, частные комнаты не только при отсутствии в родительском доме жилплощади для них, но и при ее наличии. О существенных структурных изменениях в современной городской семье, о все более быстром уходе из быта русских горожан трехпоколенной семьи, состоящей из супругов, их детей и внуков, говорят и такие факты, как значительное сокращение сроков совместного проживания с родителями их семейных детей и нарушение традиционного порядка, когда младший сын не должен был оставлять родителей. В настоящее время стало нередкостью отделение последнего или единственного ребенка от родителей, которые порою остаются одинокими к старости. Случается даже, что из родительского дома уходят взрослые дети, которые

только намереваются в обозримом будущем обзавестись семьей.

Причины столь стремительного развития центробежных сил в семье связаны не только с разногласиями между родителями и детьми (они всегда были) и с неблагоприятным состоянием современных жилищных условий для существования больших семей (они, как видно, не играют решающей роли), но, прежде всего, с изменениями в самом семейном строе, в позициях молодых, выступающих с настойчивой инициативой раздела, и старших, которые идут им навстречу, отступая от издавна принятого и охраняемого порядка. Раннее обособление молодежи от родителей происходит в настоящее время в подавляющем большинстве без конфликтов, по доброму согласию. Стимулирующим фактором в этом процессе являются особенности формирования городского населения, пополняющегося мигрантами из села и из меньших городов в более крупные. Именно среди приезжих городских жителей разъединительные тенденции в семье развиваются наиболее сильно (Крупянская, Будина, Полишук, Юхнева. С. 171; Шмелева, 1990. С. 55-56).

Из-за "помолодения" браков и быстрого обзаведения молодоженов детьми выдел взрослых сыновей и дочерей из родительского дома происходит обычно, пока родители еще относительно молоды и ведут активный образ жизни, а потому, за редким исключением, они благосклонно смотрят на него, так как получают возможность освободиться от части домашних работ, связанных с ведением хозяйства большой по размеру семьи, и жить согласно своим вкусам и привычкам. Широко распространено убеждение, что раздельная жизнь близкородственных семей способствует сохранению между ними особенно хороших отношений и укреплению молодой семьи. Все это приводит к известному сглаживанию конфликтных ситуаций в сложных трехпоколенных семьях. В то же время упрощение и уменьшение семей неизбежно осложняет их жизнь, порождая иные, чем прежде, затруднения, особенно в уходе за детьми и с передачей культурных традиций от поколения к поколению. Видимо, поэтому вместе с развитием тенденции к дроблению городской семьи до ее основного ядра в настоящее время сильно проявляется и другая тенденция, противоположная первой, но тесно с ней связанная и дополняющая ее. Она заключается в стремлении к укреплению связей между отдельно живущими семьями близких родственников по прямой линии.

В создавшихся условиях новое усиленное развитие получают традиционные формы хозяйственно-материальной и духовной связи между семьями родителей и "отошедших" от них сыновей и дочерей. Большое значение в жизни современных горожан имеют, например, различные виды семейно-родственной кооперации и взаимопомощи в рамках нужд и возможностей каждой семьи в зависимости от стадии ее развития (зарождающаяся семья, зрелая или затухающая). Настоящая опека старшими молодоженов на первых порах их совместной жизни, покровительственное внимание дедушек и бабушек, сосредоточенное на внуках с самого их появления на свет (участие в материальном обеспечении, уходе, воспитании, социализации), забота младших о бытовом обслуживании старших, объединение усилий близкородственных семей для достижения жизненно важных целей (строительство дома, приобретение автомашины и т.п.), наличие некоторых элементов их общего хозяйства - все это свидетельствует о тесных и содержательных связях, поддерживающихся между нуклеарными семьями и восполняющих внутренние связи, которые свойственны трехпоколенной семье. Старая традиция как бы приспосабливается к изменившимся условиям и получает новое развитие.

Духовная жизнь семей обычно протекает также в тесном контакте, хотя каждая из них в силу естественных возрастных различий и интересов придерживается привычных для нее бытовых форм и своего круга общения. Много общего наблюдается у семей в сфере празднично-обрядовой жизни. При этом старшие и младшие семьи выполняют присущие им роли.

Именно таким образом в современных условиях в городской семье поддерживается

известное равновесие, обеспечивающее сохранение и даже развитие традиций трехпоколенной семьи, характерной для быта русских. Несомненно, дальнейшим развитием этих традиций является нарушение бытовавшего ранее обычая предпочтения связей родителей с сыновьями, нежели с дочерьми. Теперь проживание в трехпоколенной семье родителей с замужней дочерью встречается столь же часто, как и проживание с женатым сыном. Не выпадают из этого правила и так называемые редуцированные семьи, когда жившие отдельно семейные дети (сын или дочь) съезжаются с родителями (обычно пожилыми) и образуют новую семью со свойственной ей системой внутренних и внешних связей.

Развитие внутренних связей современной городской семьи происходит в условиях сокращения ее численности и упрощения состава. Основные изменения во взаимоотношениях домочадцев обуславливаются демократизацией семейного строя и устранением остатков авторитарности, сохранившихся от прошлого. Процесс этот сложный и противоречивый.

Авторитарность внутреннего строя была характерна для городской семьи феодального времени, особенно для больших семей купцов и богатых ремесленников, где внушительное имущество или "дело", которым распоряжался глава семьи, составляли прочную основу его власти. Сходные порядки продолжали сохраняться в "крепких" семьях и в XIX в. Глава семьи был блюстителем ранее заведенных обычаев. Ему и в предреволюционное время должны были отдавать свои заработки младшие. Власть в семье, как и в обществе, имела патриархальный характер: предпочтение отдавалось мужчинам и старшим по возрасту. Но развитие семейного строя в целом шло по пути смягчения авторитарности и патриархальности. Власть хозяина двора над совершеннолетними членами семейства в конце XIX - начале XX в. становилась своего рода пережитком прошлого, хотя она и поддерживалась некоторыми официальными установлениями (Рындзюнский, 1983. С. 177-178). Впрочем, как и ранее, стойкость патриархальных традиций, степень авторитарности строя во многом определялись социально-имущественным положением. Характерной чертой семьи на этом этапе продолжало оставаться подчинение интересов ее членов общесемейным интересам, которые олицетворялись в личности главы семьи. Степень же деспотичности порядков зависела от характеров членов семьи и особенно ее главы.

Преодоление старых патриархальных порядков, наблюдающееся в современной городской семье, дальнейшее развитие внутрисемейной кооперации и нарушение строгой регламентации в разделении труда, утверждение равноправных отношений в целом приводят к гармонизации семейного быта, но одновременно и к возникновению некоторых новых затруднений и негативных черт. Реальная расстановка сил в большинстве современных семей ведет к тому, что важные семейные решения (повседневные и экстраординарные) принимаются не единолично главой семьи, а совместно обоими супругами, с привлечением второй пары супругов, если они проживают совместно с родителями, и очень часто, особенно в двухпоколенной семье, - взрослых незамужних и неженатых детей. Эти решения могут касаться заключения браков, выбора и смены профессии, прекращения или продолжения учебы, крупных приобретений и т.п. Если при этом в семье систематически возникает несогласие, то создается благоприятная почва для развития деструктивных сил. Нежелание членов семьи подчинить свои личные интересы интересам общесемейным в конце концов приводит к тому, что такие семьи распадаются.

Одним из узловых во внутрисемейных отношениях остается вопрос о материальных средствах. Хранение семейной кассы, распоряжение денежными средствами, контроль за их расходами осуществляется в семьях по-разному, в зависимости от состава семьи, возраста ее членов и их трудового вклада. Из всех вариантов бюджета, встречающихся в сложных семьях, наиболее стабилизирующим их устои является, по-видимому, раздельно-смешанный, когда все имеющие доходы складывают деньги в определенной пропорции,

оставляя часть своих заработков у себя. Большие покупки с общего согласия делают на специально для этого откладываемые средства.

В большинстве семей, включающих родителей и несемейных детей, если в них нет особых нарушений и соблюдается уважительное отношение между супругами, муж по традиции отдает деньги жене. Но очень часто оба они кладут их в определенное привычные место, откуда каждый с согласия другого берет небольшие суммы на текущие расходы. Нарушение таких отношений, особенно если муж подвержен алкоголизму, приводит к тому, что семейные средства попадают под контроль жены, что не способствует укреплению семьи. То же самое происходит и при "утаивании" денег на расходы по своему усмотрению.

В неполных семьях с детьми (за редким исключением - материнских) хранительницей денег при взрослых работающих детях по традиции остается мать. Взрослые дети принимают участие в решении семейных дел, связанных с расходами. В молодых семьях, особенно если у них еще нет детей, в последние десятилетия стали встречаться случаи, когда супруги, наряду с общесемейными средствами, имеют отдельные деньги не только на карманные расходы, но и для сбережений. Подобная ситуация, складывающаяся в условиях материальной независимости супругов друг от друга, значительно отличается от традиционного порядка в большинстве трудовых семей в прошлом и настоящем и пока что вряд ли способствует их устойчивости (Шмелева, 1990. С. 4-25).

Решающее значение в определении характера строя семьи приобретает вопрос о главенстве в ней и о положении остальных ее членов.

Представление о сущности главенства в семье у русских горожан в условиях отмирания авторитарных порядков отличается большим разнообразием и заметной расплывчатостью. Отчасти это объясняется большой ролью, которую играют в "управлении" семьей другие ее члены, отчасти зависит от состава и возраста ее членов, от особенностей формирования семьи. Так, в некоторых молодых семьях, не обремененных ни детьми, ни хозяйством, главенство кого-либо из супругов принципиально отрицается, иногда же представление о главенстве отсутствует вообще. Однако в подавляющем большинстве городских семей это традиционное понятие сохраняется. Бывает, что предпочтение при этом отдается по обычаю старшему мужчине, но в целом дело решают личные свойства и склонности социально зрелых членов семьи (инициативность, твердость характера, авторитетность). Главенство же выражается не в проявлении власти над членами семьи, не в распоряжении ими, а все более и более в организации жизни семьи, в устройстве ее быта, в лидерстве при осуществлении тех или иных планов семейного жизнеустройства. Отсюда порой и возникают семьи, так сказать, двуглавые, в которых оба супруга лидерствуют каждый в своей области (Янкова. С. 109, 112-113).

Демократизация семейного строя неоднозначно сказывается на организации повседневного домашнего быта. Распорядок дня, пищевой режим строятся с учетом интересов всех членов семьи, а не ориентируются главным образом на главу семьи, как это было прежде. Как правило, сроки ухода на работу и прихода с работы составляют основные факторы, которые определяют структуру быта семьи в течение дня и недели. Отсюда происходит часто встречающаяся перестановка привычных трапез на разные часы суток, нарушаются традиционные сроки приготовления пищи, выполнение ряда домашних дел. Особенно осложняется быт там, где кто-либо работает посменно. В таких случаях подчас сокращаются и возможности живого общения между членами семьи. Все домашние обычно стараются встретиться за вечерней едой, днем же едят кому когда удобнее. Таким образом, далеко не всегда соблюдается традиционная трапеза - общесемейный обед, который как бы символизирует единство семьи, семейственность вообще.

В организации домашнего быта забота о детях стоит, пожалуй, на первом месте. В условиях большой занятости женщины в общественной сфере при сокращении численного состава семей и отсутствия бабушек и дедушек обеспечить детям

необходимый режим бывает не просто даже и при наличии детских учреждений. Особенно обострен дефицит домашнего присмотра за детьми в городе из-за повышенной уличной опасности и из-за известной общей анонимности жизни. Правда, на помощь семье приходят традиционные связи - прежде всего родственные, но в целом проблема остается до конца не разрешенной.

В распределении материальных благ в семье развивается тенденция к учету запросов всех ее членов, независимо от возраста, положения, заработков. В питании это проявляется в дифференцированном подходе к удовлетворению индивидуальных нужд и вкусов. В настоящее время в семьях в три поколения, в противоположность недавнему прошлому, редко можно услышать жалобы молодых людей на старших женщин (матерей, свекровей, тещ), готовящих пищу по своему усмотрению и чаще всего на вкус хозяина. Инициативу в приготовлении пищи может проявить любой взрослый и даже подросток.

Новые порядки сложились и в распределении одежды. Прежде всего, всем необходимым обеспечиваются дети. Сильно возросла престижная функция детского костюма. Несомненно это имеет свое положительное значение, но случается, что некоторые родители в своих детоцентристских устремлениях теряют чувство меры и тем самым наносят урон воспитанию, а также отягощают экономику семьи. К гардеробу взрослых детей в семье также относятся очень серьезно. Считается необходимым, чтобы они были у всех "на виду". Регулирование отношений между старшими и младшими братьями и сестрами при этом осуществляют родители согласно степени их авторитетности. Покупки молодежь делает для себя сама, по своему выбору. Даже для подростков родители не могут ничего покупать, не учитывая их вкусов. Пожилые люди стараются обновить свою одежду перед выходом на пенсию. Конфликтов в семье на этой почве почти не бывает.

Изучение городского жилища показывает, что в подавляющем большинстве семей лучшие условия создаются для детей. При ощутимом недостатке жилплощади в распоряжении многих городских семей при распределении ее между домочадцами замечается развитие двух тенденций. Одна из них - выделение общего для всей семьи помещения даже в ущерб интересам отдельных ее членов, предпочитающих иметь "свою" комнату, другая - распределение жилища согласно потребностям не только детей, но и супругов и старших. В большинстве случаев предпочтение отдается индивидуальным интересам.

Не будет преувеличением сказать, что дела подрастающего поколения находятся в центре внимания всей семьи. Решение вопросов, связанных с учебной, работой, браком, происходит с учетом желания юношей и девушек. Дорогу в жизнь они по существу выбирают себе сами. Учащаяся и работающая молодежь пользуется уважением старших; к ее советам часто прислушиваются в быту. Вместе с тем бывает, что позиция молодых людей столь усиливается, что вступает в противоречие с общесемейными интересами и делает домашнюю обстановку тягостной.

В области разделения домашнего труда с исчезновением тяжелых специфически мужских работ наблюдается отход от традиционного деления обязанностей на мужские и женские. И в этом достигнуты значительные успехи. В настоящее время в большинстве городских семей стал укрепляться иной порядок, более рациональный в современных условиях. В основу его положен учет личных свойств, способностей и желания членов семьи применительно к конкретным обстоятельствам - что кому лучше удастся, нравится, удобно или кто что вынужден делать. Более всего это свойственно молодым семьям. Старый распорядок домашних работ, большая часть которых падает теперь на женщину - хозяйку и мать, сохраняются в семьях, где занятия мужа связаны с длительными отлучками из дома, с большим напряжением физических сил и т.п., а также там, где еще бытуют отсталые взгляды или имеются нарушения взаимопонимания между супругами.

Можно заметить также, что элементы старого разделения труда обнаруживают большую живучесть в семьях со стариками. Участие женщины в общественном

производстве, а мужчины в домашних работах, считавшихся ранее сугубо женскими, приводит к созданию новых семейно-бытовых традиций, отражающих упрочение равноправных отношений между членами семьи. Однако дела по дому, входящие в обязанность женщин вместе с остальной многоролевой ее деятельностью, составляют слишком значительную трудовую нагрузку, что приводит часто к бытовым осложнениям в семье. Преодоление этого сравнительно нового противоречия сопряжено с различными трудностями.

Вряд ли можно представить себе русскую семью без традиционных внешних связей, без привычного круга бытового общения. Считается, что в процессе урбанизации с расширением разнообразного общественного культурного и бытового обслуживания, которое предоставляется горожанам, у них создается своего рода самодостаточность семьи, происходит известная индивидуализация повседневной домашней жизни. Несомненно, все это оказывает влияние на издавна сложившийся круг связей - сказывается на их составе, содержании, формах проявления, но самоизоляции семьи не происходит (Харчев. С. 116). Замкнутости домашнего быта препятствует множество нитей, связывающих семью в ее жизнедеятельности с обществом. Число этих нитей увеличивается по мере роста культуры и расширения сферы общественной жизни, а широта и содержание их во многом зависят от реальных условий, складывающихся в конкретных семьях в городах разного типа (Шмелева, 1989. С. 63-84).

Первостепенное значение продолжают сохранять традиционные семейно-родственные связи. Они охватывают довольно широкий круг близких по родству и браку как по прямой, так и по боковым линиям, включая братьев (сестер), кузенов, дядьев (теток) и племянников, хотя характер связей между этими группами далеко не одинаков и определяется родственной близостью, возрастом, избирательностью и др. Самые тесные связи, как уже говорилось, наблюдаются между родителями и отделившимися от них детьми. Близкие контакты поддерживаются также между семьями братьев и сестер. Наиболее оживленными и содержательными они бывают при жизни родителей, которые регулируют вопросы взаимопомощи, семейно-родственной кооперации, особенно при наличии элементов общего хозяйствования, психологической поддержки. После смерти родителей часто старшие из братьев и сестер заступают на их место в организации семейных связей между родственниками.

Старшие вообще остаются центром притяжения более молодого семейно-родственного окружения. Они играют большую роль в духовно-нравственных связях современной семьи и как бы соединяют ее с предыдущими поколениями. Эти связи составляют основу для сохранения и передачи семейных традиций. Посещение родственников-стариков по традиционным для семейного круга дням (по праздникам, именинам или дням рождения) играют роль объединяющего начала и входят в систему ценностных ориентации довольно широкой возрастной группы горожан. Сама помощь, оказываемая безвозмездно, без всякого расчета на "отдачу", старым и немощным оценивается населением не только с точки зрения материальной выгоды, но и со стороны ее морально-этического, духовного содержания и используется обычно для воспитания подрастающего поколения.

Единение родственников характерно и для важных поворотных моментов в жизни семьи - в случае рождения ребенка, смерти или заключения брака. Оно выражается в выполнении традиционных обрядов, в материальной и моральной поддержке друг друга. Опираясь на эту традицию, родственный круг иногда пытается оказать известное давление на молодых людей при решении тех или иных вопросов, касающихся, например, выбора брачного партнера, наречения имени ребенку, характера обрядовых церемоний. Убеждение молодых в правоте старших аргументируется той вполне реальной и достаточно весомой материально-хозяйственной помощью родственников, которая так облегчает молодым семьям начало самостоятельной жизни. Возможно, что в условиях намечающихся перемен в нашей экономике с повышением благосостояния основной массы семей и накоплением в них материальных ценностей, которые можно передавать по

наследству, роль традиционных иерархических семейно-родственных взаимоотношений будет повышаться.

Свою роль в быту семьи продолжают играть соседские связи, хотя в городе они никогда не имели такой благоприятной почвы, как в деревне. В настоящее время соседство ценится более всего с точки зрения взаимопомощи в повседневном быту и в экстренных случаях, поскольку родственники, особенно в больших городах, бывают территориально сильно разобщены. Можно сказать даже, что эта функция соседских связей значительно развилась в современных условиях, хотя при этом и изменилось соотношение различных видов взаимодействия живущих поблизости семей. Теперь ощущается нужда не столько в мелких займах и старинных "помочах", сколько в присмотре в случае необходимости за детьми, за домом, за хозяйством, если оно имеется, в непосредственном общении. На этой основе часто возникает и духовная близость между соседями, приводящая к обмену советами, мнениями и к совместному проведению досуга.

Соседские отношения, особенно среди молодых людей, развиваются по принципу избирательности и перерастают иногда в дружбу, которая обычно сохраняется надолго.

Несколько иную природу имеет функция социального контроля, выполняемая соседями. Она основана не на избирательности связей, а на их обязательности, т.е. на обычае. В соседской среде формируются суждения, касающиеся различных фактов поведения людей в повседневном быту. Эти суждения прямо или косвенно доводятся до сведения заинтересованной личности или семьи. Особая роль отводится соседям в семейных обрядах, имеющих сильно развитую публичную сторону, таких, как свадьба, похороны. В них они выступают в качестве помощников, советчиков, гостей, наблюдателей, исполнителей некоторых обрядов (преграждение пути, ряжение, поздравления на свадьбе, прощание с покойным, поминки при похоронах). При этом соседский контроль бывает направлен на соблюдение традиций, на сохранение их.

На почве родственных и соседских отношений городской семьи в условиях активной миграции в настоящее время наблюдается развитие своеобразных земляческих связей, восходящих к старой традиции. Они особенно характерны для сравнительно недавних выходцев из села, оставивших там не только родных, но и сложившийся круг друзей. Эти связи отличаются относительной устойчивостью на протяжении жизни одного-двух поколений, но с течением времени постепенно ослабевают. Такие связи выражаются во взаимной информации, помощи, выручке. Горожане обычно "курируют" земляков и при устройстве на работу, отдают им предпочтение при выборе приятелей и друзей. Среди бывших односельчан наблюдается бытование традиционных форм молодежного досуга. В поддержании земляческих связей господствует избирательность, но вместе с тем сказывается и сила обычая.

Значительную часть среды общения городской семьи образуют производственные связи. Они также имеют свои традиции, корнящиеся глубоко в быту. Эти связи, как и семейно-родственные, отличаются разветвленностью, содержательностью и проявляются в материальной и в эмоционально-нравственной сферах.

Дружеское расположение среди членов одного коллектива, возникающее на почве совместного труда, часто переходит в сферу домашнего быта, где личностные контакты преобразуются в семейные. В силу известной преемственности в занятиях и существовании на предприятиях трудовых династий значительное число людей оказываются связанными двойными узами: семейно-родственными и производственно-товарищескими. В повседневном и праздничном быту сотрудники часто разделяют досуг семьи наравне с родными. Они постоянные участники и помощники в чрезвычайных событиях в семье - веселых и грустных. Стали привычными, например, поздравления и поднесение подарков по поводу свадьбы, новоселья, рождения ребенка, участие в торжественных актах, некоторых обрядах. Большую материальную и моральную поддержку трудовой коллектив оказывает семье в случае похорон.

В целом эти связи расширяют круг общения семьи, не вытесняя и не заменяя собой

семейно-родственные. Слияние тех и других наблюдается при возникновении избирательно-дружеских связей, которые занимают особое место как среди родственников, так и среди производственных.

ЖЕНЩИНА В РУССКОЙ СЕМЬЕ (X—XX века)

В ранних летописных сводах, в том числе "Повести временных лет" (XII в.), содержится немало данных о положении женщины в древнерусской семье, круге ее прав и обязанностей, особенностях вступления в брак. Дополненные свидетельствами новгородских берестяных грамот и материалами актов юридических сделок, они позволяют охарактеризовать семейный статус женщин в X-XV в., проследить его эволюцию.

До крещения Руси, вместе с которым монопольное право утверждения брака перешло к церкви, у восточных славян господствовали архаичные формы брака - "умыкания", допускавшие проявление свободной воли женщины в выборе брачного партнера. Отголоски этой традиции можно найти в "Уставе князя Ярослава Владимировича", в памятниках церковного права XI-XIV вв. Согласно им родители, препятствовавшие браку девушки с избранником или насильно выдававшие ее замуж, могли быть наказаны суровыми штрафами. Однако несмотря на наличие подобных норм в праве, а также отдельных фактов, упомянутых в летописях, будущую семейную жизнь девушки оговаривали, устраивали и определяли в то время родители. Именно они заключали и брачный договор, хотя имеются и "обратные" свидетельства - о самостоятельности женщин в брачных вопросах. Так, например, новгородец Микита в XIII в. сам обращался к будущей жене, Ульянице: "...пойди за мене. Яз тебе хоцю, а ты мене. А на то послухо Игнате.." (Новгородские грамоты... С. 103).

Даже женщины из низших общественных слоев - жены смердов и холопов - имели в X-XV вв. законное право на владение движимостью. Что же говорить о свободных горожанах и представительницах привилегированных сословий! Получаемое ими приданое по закону было их собственностью, правда в период существования брачного союза оно находилось в совместном владении супругов. В зажиточных семьях женщины имели собственные "примыслы" и "прикупы" (собственность, приобретенную на личные средства), немалые владения, полученные в дар от кого-либо из родственников или унаследованные. В случае вдовства они получали часть совместно нажитого с мужем.

В XIII-XIV вв. права женщин на распоряжение недвижимостью оказались закрепленными соответствующими статьями законов. И если незамужние девушки того времени редко участвовали в операциях с нею (и всегда совместно с родственниками), то "женки" и вдовы активно покупали, продавали, обменивали, закладывали земли, отдавали в наследство, в дар, получали в подарок (Пушкарева, 1987. С. 114).

Прочность имущественного статуса женщины в древнерусской семье зависела от ее возраста, семейного положения и долговременности существования семьи. Наличие собственных средств и размеры имущества, полученного в приданое, оказывали влияние на отношения женщины с мужем, с его родственниками, детьми. Экономическая независимость женщины в браке была потенциальной основой ее самостоятельного и даже лидирующего положения.

В целом же отношение к женщине в русской семье X-XV вв. регулировалось сложившимися традициями и нормами христианской морали. Эти две "составляющие" часто находились в весьма противоречивом единстве. Основу традиционных народных воззрений на роль женщины в браке составляло уважительное отношение к ней, признание ее "душой" брачного союза. Неоднозначным было отношение к женщине и ее роли в семье и обществе в православии. В средневековой Руси безбрачие объявлялось

служителями церкви более предпочтительным, чем "женитьба"; брак же рассматривался как неизбежное "зло", хотя супружество само по себе считалось "святым делом". Эта противоречивость церковной идеологии отразилась на отношении к самой женщине: с одной стороны, церковь видела в женщинах "прельстительниц" мужских сердец, увлекающих их "в погыбель", с другой - восхваляла добродетельных супругов и матерей.

Чтобы добиться возможности контролировать жизнь семей, составители церковно-учительных сборников ("Пчел", "Маргаритов", "Измарагдов"), а также священники делали все, чтобы закрепить семейную иерархию: "Женам глава муж, мужу-князь, а князю - Бог". Чтобы уменьшить число "прельстительниц" и увеличить число "добрых жен", церковники настаивали на воспитании девочек и девушек в строгости. В идеальной супружеской чете женщине полагалось быть прежде всего тихой, "покоривой", смиренной, безмолвной, во всем согласной с мужем и не "супротивной" ему.

Хотя примеров "лада и береженья", равно как и примеров "смирности" женщин в древнерусских семьях домосковского периода (т.е. X-XV вв.) было немало, следует заметить, что супружеские союзы, где жена "владела" мужем, тоже были нередки. Церковнослужители резко критиковали мужчин, оказавшихся в зависимости, "в обладаньи" у своих жен, утверждая, что они стали от этого "мягкими, бесстыдными, рабскими, несвободными, косноязычными" (Измарагд XV в. Л. 83-83 об.). Женщины же, ставшие в своих семьях независимыми домохозяйками, с признанным главенством и авторитетом, назывались в церковных поучениях "злыми женами".

Формирование в народном сознании идеала женщины - многодетной матери составляло существенную часть православной проповеди. Церковный закон сурово наказывал тех женщин, которые пытались избежать беременности или прервать ее. Жестокие меры, приравниваемые к каре за детоубийство, ожидали и тех мужей, которые решались поднять руку на беременных жен и тем самым "вередили в них дитя" (т.е. становились причиной выкидышей).

По мнению церковников, власть женщины в семье не могла быть совместима с добродетельным материнством. Но адресатом большинства поучений XIV-XV вв., касающихся воспитания детей, была мать. Роль ее в укреплении семьи представлялась тогда определяющей, и потому именно на нее возлагались надежды как на воспитательницу нравственности, целомудренности и послушания. Дети в свою очередь должны были видеть в матери образец для подражания, любить и уважать ее. Разумеется, это не исключало возникновения в семьях конфликтных ситуаций между матерью и детьми, да и между супругами. Но права женщин в таких случаях защищал закон (Пушкарева, 1989. С. 98-99, 231).

В исключительных ситуациях женщины в средневековой Руси могли рассчитывать на развод ("ропуст"). Русское бракоразное право возникло вместе с принятием христианства. Главным поводом к разводу был доказанный факт прелюбодеяния. Имелись и другие причины, признававшиеся достаточно вескими: бездетность, материальная несостоятельность, разорение супруга. Существовали поводы к разводу, которыми могли воспользоваться только женщины. Среди них - импотенция мужа, сокрытие им более низкого социального статуса (ведь после брака жена принимала социальный статус мужа), бездоказательное обвинение в клевете (в "злом деле").

Древнерусские церковные законы не делали различий между представительницами сословий. В X-XV вв. они были едиными для княгинь, боярынь, "свое-земиц" (мелких собственниц земли, обрабатывавших ее собственным трудом), горожанок, ремесленниц, крестьянок.

Перемены, происшедшие в России в XVI столетии и связанные с возникновением самодержавной, сословноиерархической, централизованной монархии, оказали прямое влияние на строй и особенности семейных отношений. В иерархически организованном государстве сравнительно быстро сошли на нет многие результаты длительной эволюции имущественных (собственнических) прав женщин. Образы социально активных,

независимых женщин почти исчезли со страниц литературных памятников. Большинство княжен, княгинь и "жен боярских" превратились в "домашних затворниц" с ограниченными возможностями реализации своих прав и талантов. За короткий срок - практически за столетия - с 1520 по 1570 г. в Московии была издана серия указов, лишивших вдов и дочерей владельцев вотчинных земель права распоряжаться наследственной недвижимостью. Появление же новой формы землевладения - условного, когда недвижимость получалась в дар за военную службу, вообще исключило женщин из числа получательниц земельных наделов, что также отразилось на их положении в семье. Но, несмотря на все эти ограничения, известно немало случаев, когда знатные московитки все-таки участвовали в операциях с недвижимостью, продавали и покупали ее, передавали в приданое дочерям. Сужение же имущественных полномочий женщин в семьях XVI в. вполне соответствовало проповедуемому православной литературой "патриархальному" взгляду на женщину, как на "второсортного" члена семейного союза, подчиненного отцу или мужу.

Наиболее полно круг прав и обязанностей жены и вообще женщины в семье XVI в. был сформулирован "Домостроем" - сводом правил поведения горожан, составленным священником Сильвестром. Согласно "Домострою" именно мужу или отцу как главе семьи надлежало управлять всей домашней жизнью. Распоряжения его должны были беспрекословно выполняться, а мораль того времени не исключала возможности применения им и физических наказаний. В то же время хозяйка дома, по мнению автора "Домостроя", претендуя на главенство, в том числе и в вопросах воспитания детей, должна была уметь хорошо организовывать домашнее хозяйство (Рабинович, 1964. С. 189-194).

"Домострой" отразил сложившийся ко времени его создания образ жизни московитов XVI в. Об этом свидетельствуют в своих записках и путешественники-иностранцы. Они оставили описание семейного быта женщин царского двора, повседневная жизнь которых проходила вдали от людских глаз, в высоких деревянных или каменных хороммах (теремах) за высокими заборами,

Но "теремное затворничество" русских женщин, столь поразившее путешественников-иностранцев, коснулось лишь узкого круга самых знатных княгинь и боярынь. Устройство терема в небольшой крестьянской или посадской избе было практически невозможным, ни о каком "затворничестве" в бедных сословиях не могло быть и речи. Правда, семейный быт русских крестьянок, горожанок и небогатых дворянок в XVI-XVII вв. тоже был незавидным, хотя они и не томились взаперти. В известном смысле они оставались самостоятельными потому, что их "трудовой вклад" определял жизнь большинства семей того времени. Однако существовавшая и здесь деспотическая власть отца или мужа делала жизнь женщин сущим страданием, доводя их иногда до уголовных преступлений. В XVI-XVII вв. перечень поводов к разводу формально продолжал существовать, но в действительной жизни они почти не учитывались. Единственным путем избавления от домашнего ада для многих женщин оказывалось пострижение в монашество.

Литературная традиция эпохи московского царства стремилась сохранить образы идеальных семей, основанных на любви и доверии. Даже документы брачных сделок свидетельствуют, что в эпоху создания "Домостроя" и позже бывали случаи замужества девушек под влиянием личной склонности, отказов от браков с нелюбимыми и выплатами больших неустоек за этот отказ. Но не они определяли общую картину.

Преобразования начала XVIII в., затронувшие, казалось бы, все стороны российской жизни, не внесли в семейный быт русских женщин кардинальных изменений. Мировоззрение в реформируемой Петром России оставалось во многих отношениях (и прежде всего, в отношении женщин!) старым, средневековым. Правда, в начале XVIII в. предпринимались попытки ограничить всевластие родителей и главным образом отца в отношении незамужних дочерей, обеспечить определенную имущественную самостоятельность женщин. "Теремная система", просуществовавшая в России в течение

двух веков, рухнула. Женщины привилегированных сословий вновь, как и в домосковское время, стали распоряжаться разными формами недвижимости, в том числе полученной в приданое, по наследству и т.п. Бесконтрольное, не согласованное с супругой распоряжение ее приданым было запрещено. С 10-х годов XVIII в. знатная и богатая помещица, оставшись бездетной вдовой, могла претендовать на наследование всего имущества покойного мужа. Лично не принадлежа к служилому сословию, после 1714 г. дворянки оказались приобщенными к владению поместьями.

Однако "новшества", введенные царем-реформатором, оказались неприемлемыми для общества того времени. Все узаконения, способные поколебать господство мужчины в русской семье, уже к 30-м годам XVIII в. были отменены (Семенова, 1982. С. 26-27, 43-50). Нельзя не учитывать и того, что преобразования Петра I затрагивали в основном городское население, причем верхушечную его часть. Крестьянский же "люди", составлявший подавляющую массу русского народа, крепко держался за старые обычаи.

Роль женщины в крестьянском хозяйстве XVIII в. оставалась существенной. Деление на "мужские" и "женские" работы было фактически условным, поскольку женщины вынуждены были разделять с мужчинами труды в поле, а "мушны" помогали женщинам в их домашних обязанностях (уходе за скотиной, работах в огороде). В отношении семейного имущества супруги-крестьяне находились в совладении, в том числе в отношении приданого. После смерти главы семейства тягло - выполнение государственных и барских повинностей - могло быть переложено на вдову и дочерей умершего. Поэтому и доля вдовьего наследства бывала порой значительной. Но чаще основная часть общесемейного имущества переходила в руки родственников мужского пола, правда не все вдовы мирились с таким решением. Реальная доля дочерей в наследстве умершего крестьянина зависела от наличия у них братьев: она могла и в десять раз уступать доле мужчин - "природных наследников", а могла быть и равной ей. Имущественные права женщин в крестьянских семьях XVIII в. определялись долей труда, вложенного в общее хозяйство, а также обстоятельствами, связанными с уплатой податей помещику или в казну. Сравнительно прочный имущественный статус русских женщин дал основание некоторым исследователям еще в прошлом столетии говорить о том, что "русская женщина... значительно превосходила своими прерогативами западную женщину" (Костров. С. 25).

Имущественная самостоятельность, а часто независимость женщин (вдов) оказывала воздействие на строй внутрисемейных отношений, на положение женщины в семье. Власть мужа над женой, хотя и продолжала существовать, уже не была неограниченной. Она не давала мужу права унижать человеческое достоинство жены. Обычай и традиции, регулировавшие семейные отношения в крестьянских семьях, в значительно большей степени, нежели нормы официальных законов, давали мужьям право и возможность наказывать жен за непослушание, но требовали принимать в расчет размеры "вины". В подавляющем большинстве русских крестьянских семей XVIII в. в женщине видели "премноглюбезную и предражайшую сожительницу", "чести и фамилии... хранительницу". Яркие примеры любви к женам содержатся в некоторых письмах русских крестьян этого времени.

Уважительное отношение к матери в трудовых семьях было важным элементом нравственного воспитания и "народной педагогики", основывшемся на закрепленных обычаях моделях повседневного поведения, личного примера. Мать, равно как и отец, должна была "содержать, воспитывать и довольствовать" своих детей. В свою очередь в старости она могла рассчитывать на внимание и заботу со стороны повзрослевших "чад". Если же дети не проявляли к матери должной заботы - на стороне и на защите ее стояло и общественное мнение, и закон, требовавший "без всякого изследования" наказывать детей, забывших свой долг по отношению к престарелой родительнице.

Иное положение в русской крестьянской семье XVIII - начала XIX в. занимали невестки. На них, едва они появлялись в доме, сразу же возлагались все домашние работы.

Невестки должны были повиноваться не только мужьям, но и всем старшим родственникам. Конфликты между "молодухами" и родителями мужа порой заканчивались драматически: смертью одной из женщин, "повреждением беременности", разрушением молодой семьи. Когда же отношения между разными поколениями в семье становились особенно напряженными, выход из положения пытались найти в семейном разделе. Молодые с согласия старших или самовольно строили отдельный дом и образовывали новую семью. Такой путь разрешения конфликтов стал обычным в XIX столетии, внесшем много нового в семейный статус российских женщин разных сословий и социальных групп (Миненко, 1979. С. 162-163).

С появлением в XIX в. женского вопроса - сложной социальной проблемы, охватывающей экономические, политические, правовые, этические, психологические стороны эмансипации (освобождения) женщин - защитники их прав и интересов (среди которых было немало представительниц "слабого пола") впервые в истории России привлекли внимание общества к разнообразным проявлениям женского неполноправия. Одной из наиболее важных сторон женского вопроса стала проблема изменения положения женщин в семье, достижения их равенства в семейно-имущественных отношениях, расширения возможностей развода. Прогрессивно настроенные юристы середины XIX в. требовали пересмотра в действующем "Своде законов" статьи о том, что "жена обязана повиноваться мужу". В сохранении решающей роли родителей при заключении брака они видели "отсталость семейного законодательства", а в существовании обычая регистрировать заключенные браки в церкви - препятствие к свободе разводов и основание к ущемлению прав незаконнорожденных детей. Один из выходов из создавшегося положения мыслился как достижение экономической независимости женщин от супругов и родственников.

Массу споров и критики вызвала в середине XIX в. и статья "Свода", обязывавшая супругов жить вместе. При этом женщину, считавшуюся замужней, можно было по желанию мужа разыскивать и принуждать силой к совместному проживанию с ним. Противники свободы женщин обращали внимание на существование закрепленных законом обязательств для мужей "доставлять жене пропитание и содержание"; "жить с нею в согласии, уважать, защищать", которые в случае отмены требования совместной жизни мужа и жены могли быть поставлены под сомнение.

История развития бракоразводного права в России эволюционировала за девять столетий в сторону усложнения бракоразводной процедуры, уменьшения поводов к разводу, прежде всего - в отношении права на него женщин. В связи со сложностью расторжения брака в городах, особенно среди молодежи, участились случаи самовольного оставления женами своих мужей, а также незаконных, фиктивных супружеств.

В сельских семьях, где семейная жизнь женщин была особенно тяжелой, расторжение брака становилось почти невозможным. Экономические условия жизни крестьянской семьи диктовали жесткое отношение к разводу. Прелюбодеяние, неверность одного из супругов были слишком предосудительными поступками в системе "нравственных координат" российского крестьянина, чтобы рассматриваться в качестве основания для расторжения брака и создания новой семьи. От мужа крестьянский мир в данном случае ожидал не развода с неверной женой, а ее наказания. При этом неверность супруги осуждалась общественным мнением много строже, чем измена мужа ("двойной стандарт").

Отношение к мужчине как безусловному главе семьи в сложных (неразделенных) семьях обычно поддерживала "большуха" - жена старшего по возрасту и положению в семье мужчины. Она подчиняла себе весь женский состав семьи, пользуясь своим положением самого приближенного к ее главе человека, могла быть (и часто бывала) "советчицей" своего "повелителя". Однако и "большуха" не была до конца самостоятельной, особенно в имущественных делах. Дочери, снохи, вдовы, солдатки,

жившие вместе с нею, выполняли общие работы по дому и оказывались еще более зависимы экономически. Впрочем, в любой крестьянской семье того времени женщины имели и свою собственность - приданое, личные доходы от продажи каких-либо продуктов, кое-что из унаследованных денег, -которая в случае их смерти переходила к дочерям или возвращалась родителям.

В малых крестьянских семьях женщины оказывались более самостоятельными и активными, особенно в тех районах, где мужья часто уходили на сезонные заработки, оставляя жен хозяйками в доме. После смерти "кормильца" в таких семьях бездетная вдова наследовала и всю движимость, и землю.

Достаток рабочей семьи в России в конце XIX - начале XX в. целиком зависел от занятости ее членов на производстве. Это в известной степени создавало почву для равноправных по сути отношений: заработок рабочей семьи складывался из "долей" мужа и жены, которые зачастую мало различались. Для работниц не характерно было замужество по принуждению - обычное явление в крестьянской среде вплоть до 20-х годов XX в. Иначе, чем в деревне, формировались и взаимоотношения поколений. Но в городах семейный быт осложнялся иными причинами: отсутствием необходимых жилищных условий, распространенностью социальных пороков (женского пьянства, проституции, нелегальных аборт, случаев подкидывания детей).

Нагрузка женщины в рабочей семье в начале XX в., если она работала на производстве, была огромной. Законы по охране труда беременной женщины и кормящей матери отсутствовали до 1912 г. Женщины работали до самых родов, иногда рожали у станков, что приводило к высокой смертности детей, послеродовым осложнениям, тяжелым женским заболеваниям. Если в крестьянских семьях за маленькими детьми всегда присматривал кто-то из своих - старики или старшие дети, то в семьях рабочих дети нередко оставались либо без присмотра, либо на руках семи-девятилетних нянек. (Десятилетние работницы на российских фабриках были частым явлением.) Девочек в рабочих семьях нередко ожидала значительно более суровая жизненная школа, чем их сверстниц в деревне.

Революционные потрясения 1917 г. положили начало кардинальному изменению основ семейного быта в России, непосредственно сказавшемуся на положении женщин и в городских, и в сельских семьях. Произошло юридическое раскрепощение женщины, ее уравнение в правах с мужчиной во всех областях жизни.

Советское законодательство, начиная с первых декретов, исходило из понимания брака как свободного и равноправного союза мужчины и женщины, образующих семью. Среди первых декретов, принятых 25 октября 1917 г., было распоряжение об охране здоровья трудящихся женщин, отпусках и пособиях по беременности и родам, сокращении рабочего дня. "Кодекс об актах гражданского состояния" (1918 г.) не только лишил юридическое значения венчание в церкви, но и ввел свободу расторжения брака по инициативе любой из сторон.

За "Декретом о материнстве", принятым сразу после революции, последовал ряд новых постановлений, регулировавших права женщины в семье. В 1920 г. было объявлено о легализации абортов. Кодекс 1926 г., когда сама жизнь поставила вопрос о незарегистрированных брачных отношениях, тягостно отражавшихся на положении женщин, полностью приравнял фактический брак к зарегистрированному в соответствующем государственном органе. Стремление русских женщин к свободному брачному союзу объяснялось общим революционным духом эпохи, ослаблением старых семейных связей, протестом против консерватизма бытовых устоев. Впрочем юридическая простота оформления браков в 20-30-е годы повлекла за собой и менее ответственное отношение как мужчин, так и женщин к брачным обязательствам, хотя многие "гражданские браки" оказались по большей части прочны. Декрет о признании "гражданского брака" явился отражением "неапробированности" путей преодоления фактического неравенства женщин в семейной жизни и повседневном быту и был отменен

в 1944 г.

Авторы постановлений 1935-1944 гг., усложнивших бракоразводную процедуру и запретивших аборт, узаконившие уголовное наказание за их нелегальное производство, осудившие, а позже и запретившие обсуждение в печати тем, связанных с сексуальной культурой, и, наконец, установившие "налог за бездетность", - были искренни в стремлении укрепить семьи того времени. Целью их было создание прочных и высоконравственных брачных союзов. Однако многие из этих решений тяжело сказались на судьбах тысяч женщин.

В предвоенные годы был введен в действие ряд узаконений, усложнивших и без того непростую семейную жизнь российских женщин: сократились отпуска по беременности и родам, 5-дневную рабочую неделю заменили 7-дневной, женский труд, как и до 1917 г., стал вновь использоваться на вредных производствах, в ночные смены. Ограничение свободы передвижения в связи с введением прописки внесло диспропорции в демографическую ситуацию. Влияние идеологии на государственную политику, направленную на "освобождение женщины", зачастую приводило к непродуманному отказу от всего, что ей не соответствовало. Так, именно 1920-1930-е годы породили недооценку значимости материнского и семейного воспитания, пренебрежение вопросами физиологической и психологической совместимости мужа и жены в браке, отношение к женщине прежде всего как к участнице производственного процесса и т.д. Последствия этого стали сказываться спустя десятилетия, уже после войны.

Послевоенная жизнь в стране была нелегкой: сократилась доля мужского населения, многие семьи распались, масса женщин оказались обреченными на безнадежное вдовство, одиночество, бездетность. Формами государственной поддержки женщин, воспитывавших нескольких детей, стали тогда различные виды поощрений, как материальных, так и моральных (ордена "Мать-героиня" и "Материнская слава" учреждены еще в июле 1944).

Однако в условиях восстановления разрушенной экономики, роста жизненных стандартов у многих женщин стала меняться структура потребностей. Идеал аскетического образа жизни, пропагандируемый на протяжении десятилетий, начал терять свою привлекательность. Возникли первые сомнения в "решенности" женского вопроса в СССР и правильности его "решения". Результатом этого явилась отмена многих "сталинских" указов, касавшихся семьи и положения женщин (в 1955 г. - релегализированы аборты, несколько лет спустя - облегчена бракоразводная процедура). Благодаря ряду государственных мероприятий улучшилось материальное положение наименее обеспеченных семей, в том числе неполных (матерей-одиночек, разведенных, вдов). В начале 50-х годов появился указ о государственной помощи семьям, в которых росло более трех детей. В конце 50-х годов отпуск по беременности и родам в СССР с сохранением 100%-ного заработка стал составлять 112 календарных дней, были созданы группы и классы "продленного дня", облегчавшие труд женщин по воспитанию детей. В начале 60-х годов приняты постановления, позволяющие многодетным матерям работать неполный трудовой день, а также об увеличении алиментов (Радзинская, Шабарина, Янкова. С. 216-217). Важное значение для работающих матерей имели постановления об оплачиваемом бюллетене по уходу за больным ребенком, сначала в течение трех календарных дней, а в 70-х годах - семи. Тогда же вышел закон, которым запрещалось увольнять матерей с малолетними детьми и матерей-одиночек. В июле 1973 г. Советом министров СССР было принято постановление о выплате всем работающим женщинам пособия по беременности и родам в размере полного заработка независимо от продолжительности трудового стажа (до этого размер пособия составлял от 2/3 заработка и выше в зависимости от стажа работы).

Жизнь женщин в 60-70-е годы ощутимо менялась. Характерной чертой повседневного быта в городах, а затем и в деревнях становилось пользование электробытовыми приборами - холодильниками, пылесосами, стиральными машинами, в городах

открывались прачечные, химчистки, в том числе и самообслуживания, ателье по ремонту одежды, пункты проката бытовой техники, расширялась сеть кулинарий с продажей полуфабрикатов. Все это облегчало ведение домашнего хозяйства и уменьшало затраты времени на него. Стали заметными определенные изменения во внутрисемейных отношениях, главным образом благодаря разделению домашних обязанностей между членами семьи и равному участию родителей в деле воспитания детей. Рос престиж женщины в семье, что непосредственно связано с подъемом образовательного и профессионального уровня многих горожанок, их экономической независимостью. Во многих семьях женщины брали на себя буквально всю "организацию" домашней жизни, становились внимательными и подготовленными воспитательницами детей, оказывая большое влияние на формирование их жизненных планов.

Достигнув фактического лидерства во многих городских семьях, женщины в социологических опросах тех лет на прямой вопрос о главенстве в семье отвечали уклончиво или же утверждали, что у них "оба главы". В подобных ответах уже просматривался отход от традиционных представлений о семейном главенстве. Но в тех семьях, где женщины остались домашними хозяйками, сохранилось правило называть главой семьи отца (Крупянская, Будина, Полищук, Юхнева. С. 168). В семьях вдов, разведенных и матерей-одиночек женщины волей-неволей совмещали в одном лице воспитательные функции матерей и отцов.

В послевоенном СССР с его острой жилищной проблемой в городах продолжала сохраняться тенденция совместного проживания молодых семей с родителями. Жизненный уклад во многих таких семьях характеризовался помощью женщин старшего поколения молодым, в том числе в воспитании детей (внуков). В некоторых случаях отношения складывались сложно, противоречиво. Отстаивание старшим поколением главенствующих позиций в семье проявлялось в стремлении свекрови или тещи удержать в своих руках "семейный кошелек" - общесемейные средства, которые приобрели значение символа семейной власти. В то же время стремление молодых хозяек к отделению и желание их жить "своим домом" не вело к ослаблению родственных связей.

Более приверженными традициям оказались в 50-60-е годы сельские семьи. Понятие о мужчине как главе семьи держалось в них прочнее, однако и здесь стало обычным равноправное разделение обязанностей между обоими родителями и взрослыми детьми, "кооперация". Как и в городских, в большинстве сельских семей именно женщины стали определять размеры расходов по хозяйству, выдавать деньги мужу и взрослым детям на покупки и личные нужды. Независимым и самостоятельным стало и положение снох в российских сельских семьях: в хозяйственных вопросах по традиции основным считалось мнение свекрови или тещи, в проблемах воспитания - снохи или невестки (Анохина, Шмелева, 1961. С. 198-199).

Сохранение у женщин равных с мужчинами производственных нормативов и нагрузок при неисчезающей традиции возлагать именно на женские плечи весь домашний труд и воспитание детей ставило женщин в ущемленное положение. Привычка разделять домашнюю работу на "мужскую" и "женскую" при постепенном отмирании "мужских" видов домашнего труда (ремонт, строительство и т.п.) рождало фактическое неравенство: совокупное свободное время мужчин росло, в то время как женщинам приходилось нести "двойную нагрузку". Между тем заработок работающих женщин составлял значительную, а нередко и основную часть семейного бюджета.

Женщины, особенно в городах, легче отказывались от семьи, чем от работы. Большинство из них теоретически понимали негативные последствия наличия единственного ребенка, но на практике продолжали придерживаться установки на малодетную семью. Рождение второго и третьего ребенка перестало стимулироваться общественным мнением, происходя чаще вопреки ему, хотя государство по-прежнему поощряло многодетность. Финансовая и бытовая самостоятельность российских

горожанок и жительниц села породила у некоторых из них иллюзии необходимости расторжения (а не сохранения и упрочения) брака в случае его конфликтности.

Экономические и социально-политические преобразования, начавшиеся в середине 80-х годов (перестройка), не могли не отразиться на положении большей части населения России, оказав влияние на статус женщины. Незначительная часть их выиграла от реформ, давших некоторым возможность получать высокие заработки и стать еще более экономически независимыми (бухгалтеры, экономисты, работницы банков, секретарши престижных фирм) либо же отказаться вовсе от работы (при муже-бизнесмене). Однако большая часть женщин в условиях реорганизации производства, увольнений, безработицы (у которой быстро сформировалось "женское лицо") оказались в рядах тех, кто пострадал в первую очередь. Отсутствие финансовой стабильности второго заработка в семье негативно сказалось на демографической ситуации (разводимость стала расти, детность падать, а по числу аборт Россия обогнала сейчас почти весь СНГ: 196 на 1000 родов). Законодательно введенные в 1981 г. выплаты "пособий на детей", гарантирующие возможность воспитывать малышей до трех лет дома (при сохранении рабочего места), не повлияли на общую ситуацию, поскольку реальная стоимость компенсаций полностью "съелась" высокими темпами инфляции. В том, что средняя продолжительность жизни русских женщин (74 года) на 6-7 лет ниже соответствующего показателя в Западной Европе, "виноваты" не только социально-политические процессы, происходящие сейчас в стране, но и - как производное от них - масса сложностей и противоречий в жизни семьи, как городской, так и сельской.

Разумеется, по сравнению с дореволюционным периодом, в положении женщин многое изменилось к лучшему. Ушли из быта замужество по принуждению, зависимость дочерей от воли родителей, выросла самостоятельность девушек и молодых женщин, изменилось положение в доме снох (невесток), исчезли патриархальная и возрастная иерархия в семье. Семейные дела как в одно-, двух-, так и в трехпоколенных семьях решаются всеми сообща; в отношениях замужних женщин с родственниками выдвинулась на первый план не близость родства, а "избирательность", основанная на общности интересов. Она же играет решающую роль в выборе будущего спутника жизни. Русские женщины все чаще выходят замуж за сверстников, а то и выбирают мужей моложе себя на 10-15 лет (особенно при повторных браках).

Фактическое главенство женщин во многих городских и сельских семьях объясняется их ведущей ролью не только в домашних, но и во многих внесемейных делах, высоким уровнем образования, финансовой независимостью. Но и лидерство в семье носит ныне иной характер, чем в прошлом столетии. Глава современной семьи - это наиболее ответственный среди равных. Практически не обладая преимуществами, он имеет больше обязанностей по сравнению с другими членами семейного коллектива. Как правило, это женщина, причем чаще тяготящаяся вынужденным главенством в семье, нежели гордящаяся им. Отсутствием психологической и материальной зависимости от мужа, существовавшей во многих семьях в прошлом, объясняется высокая требовательность современных женщин к семье, к мужьям, их меньшая удовлетворенность браками. Разводы чаще происходят по их инициативе.

В последнее время резко изменилось - и в семье, и в обществе - отношение к женским добрачным и внебрачным сексуальным связям, хотя в общественном мнении они по-прежнему более "разрешительны" для мужчин. Внимание врачей и психологов к интимной сфере семейной жизни женщин в России, понимание ее значимости для крепости брака и снижения его конфликтности - безусловное завоевание последних лет.

Изменение традиционных представлений о роли и месте женщины в русской семье привело к некоторому ослаблению ее крепости (за которую раньше, по традиции, "отвечала" женщина), нарушению исторически сложившегося этикета по отношению к пожилым женщинам, детей к матерям, недостаточности воспитания в молодых женщинах хозяйственных навыков. Но в семейной жизни горожанок и жительниц села сохранилось

многое из проверенного и устоявшегося веками. Так, несмотря на все "эмансипации" и "маскулинизации" женщин, идеальными качествами супруги в русских семьях респонденты по-прежнему называют скромность, спокойствие, верность, а также "отсутствие честолюбия" и ориентацию на дом (Женщины в СССР... С. 33). Во всех семьях - и городских, и сельских - сохраняется сотрудничество поколений ("институт бабушек"). Современные работающие бабушки более заняты воспитанием внуков, нежели родители, они - главные лица, передающие традиции и опыт. По-прежнему велика роль финансовой поддержки старшим поколением младшего и содержания детьми престарелых родителей. Связь поколений по-прежнему зависит от женщин - молодых и пожилых - и укрепляется при их участии, хотя труд по "семейному строительству" и воспитанию человека и теперь остается одним из наименее оплачиваемых.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Наиболее ранние сведения о русской свадьбе содержатся в летописях, записках иностранцев, посещавших Россию, в дипломатических документах, гражданских и церковных источниках. Начало формирования общеславянской свадебной обрядности принято относить к VI-VII вв. н.э., т.е. к периоду, когда патриархальная семья с присущим ей многобрачием (полигамией) переходила к единобрачию (моногамии).

Материалы летописей позволяют предположить, что в древности существовало несколько архаичных форм брака. Автор "Повести временных лет" (XII в.) писал, что поляне "брачные обычаи имяху: не хожаше по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче" (ПСРЛ. Т. I. С. 6). Иными словами, поляне пользовались формой "брака-приведения", сочетавшейся с элементами договоренности. У остальных племен брака не было и они, говорит летописец, "живуще скотьски". Вместе с тем известно, что у древлян, радимичей, вятичей и северян бытовало "умыкание" невест по предварительному сговору: "и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съверщащесь". Умыканию предшествовали игрища, пляски и "вся бесовская песни". Похищение невест обычно происходило "у воды", на праздниках в честь богини "женитьвы" Лады, которые начинались ранней весной, на Красную горку, и продолжались до середины лета - дня Ивана Купалы. "Повесть временных лет" также отмечает, что радимичи, вятичи и северяне "имяху же по две ино три жены", "си же творяху обычая кривичи и прочие поганин, не ведуще закона божие, но творяще сами себе закон" (ПВЛ. Т. I. С. 14-15). Что же касается "купли жен", известной многим славянским народам, то об этом до сих пор нет единой точки зрения, так как термин "вено" толкуется по-разному. Традиционно русская историко-юридическая литература рассматривает "вено" как плату (сумму выкупа) за невесту. В то же время существуют документы, позволяющие рассматривать "вено" как синоним "приданого", что исключает существование купли ("убо муж да

взратит жене и вено, аще възят что от нея ино" или "и дасть Корсунь царема за вено"). Эти формы брака без сомнения сопровождалась определенными обрядами и обычаями, которые отражали религиозные представления народа, социальные и юридические нормы, народное искусство (Кормчая Балашова. Л., 21,54,205 об.)

В Древней Руси пережитки племенных брачных обычаев сохранялись довольно долго. Даже в свадебных обрядах XI—XIII вв. "на простых людях" бытовали умыкание, вено, вождение вокруг дуба или ракиты, "плескание водою" (как способы закрепления брака), многоженство.

Христианство, став с конца X - начала XI в. главенствующей религией, оказало большое влияние на формирование свадебного обряда. С этого времени церковные браки постепенно становятся обязательными, и венчание входит в народный свадебный обряд как его составная часть. Правда, этот процесс занял несколько веков, и лишь к XVII в. церкви удалось прочно ввести освященную религией форму брака. Под влиянием христианства постепенно стали исчезать и трансформировались старые обычаи и обряды. Так же постепенно складывались нормы брачного права. В их формировании участвовали две традиции: церковная, опиравшаяся на византийское брачное право, и народная, основывающаяся на старых брачных нормах.

К сожалению, не много известно о древнерусской свадебной обрядности. В русских памятниках, повествующих о событиях X-XIII вв., упоминаются лишь некоторые обряды, например, разувание жениха невестой (вспомним ответ Рогнеды на сватовство князя Владимира - "не хочу розути робичича"). В летописях XI-XIII вв. сохранились известия о княжеских свадьбах. В "Повести временных лет" под 1043 г. описываются отдельные этапы предсвадебного периода, например, предварительный брачный сговор, которому предшествовала своеобразная помолвка, сопровождаемая трапезой, во время которой ели пирог-каравай, кашу и сыр. Разрезание сыра символизировало закрепление помолвки. После этого отказ жениха от невесты считался позорящим невесту и с него брали штраф - "за сыр гривну, а сором ей три гривны, и а что потеряно, за то ей заплатити..." Во время брачного сговора ("ряды") родители договаривались ("рядились") о размерах приданого и о дне свадьбы. Но прежде необходимо было получить от жениха и невесты согласие на брак. К концу XIII в. согласие сторон на брак стало закрепляться в брачном договоре ("ряде"), который составляли сваты или родственники после сговора (ПВЛ. Т. I. С. 104; ПСРЛ. Т. IV. С. 52).

В XIV-XV вв. брачный сговор завершался уже церковным обручением, которое подтверждалось грамотой. Есть основания предполагать, что к середине XIII в. древнерусский свадебный обряд был уже достаточно развит, о чем свидетельствует встречающаяся в описаниях свадеб того времени привычная для нас свадебная терминология - женитьба, замужество, венчание, свадьба, жених, невеста, сваты и т.п. Сохранились древние миниатюры и рисунки, на которых изображены свадебные пиры и брачные обряды (Арциховский, 1944. С. 103, 134). Однако вплоть до XV в. нет достаточных сведений, чтобы составить целостное представление о свадебном обряде. Можно лишь предположить, что в XIV в. с образованием великорусской народности складывается и развивается национальный свадебный обряд, который постепенно становится нормой для русского народа. Вместе с тем этот обряд в разных местностях со временем приобретал свои отличия и особенности, т.е. существовал в разнообразных формах. Начиная с XV в. появляются более подробные описания княжеских свадеб, позволяющие точнее определить основные черты великорусского свадебного обряда.

Описание свадьбы княжны Елены Ивановны, дочери Ивана III, и великого литовского князя Александра Казимировича, состоявшейся в 1495 г., и дипломатическая переписка, связанная с ней, дают возможность установить, что в основных чертах обряд был схож со свадьбами XI-XIII вв., отличаясь, однако, большей пышностью и богатством.

Дошедшие до нас описания XVI в. чинов царских и княжеских свадеб помогают составить довольно полное представление об обряде, бытовавшем на Руси в то время.

Кроме того, становится очевидно, что этот обряд в основном сформировался уже к середине XIV в. В "чине" свадьбы дочери Ивана III с князем В. Холмским, происходившей в 1500 г., указывалось, что все должно совершаться "как велось изстари, при князе великом Симеоне Ивановиче ("Гордом", 1340-1353. - Т.М.), при великом князе Василье Васильевиче, при отце великого князя, а велел быть не поруша ни в чем". Однотипные указания на соблюдение старой традиции - "как истори уряжено", "как прежде велось", "по обычаю", "по старому обычаю" - постоянно встречаются и в описаниях других царских свадеб того времени. Помимо того, что эти данные помогают установить время формирования обряда, можно увидеть четко выраженное стремление русских государей строго соблюдать древний свадебный чин, которому следовали при заключении брака их предки. Ясно и то, что народный обряд продолжал оставаться обязательной частью бракосочетания, в то время как православная церковь настойчиво внедряла

церковный брак, вводила в народный обряд православную символику, атрибуты и элементы ритуала. Изучение "чинов" княжеских свадеб XVI в. (дочери Ивана III с князем В. Холмским, 1500, великого князя Василия Ивановича и Елены Глинской, 1526, князя Андрея, младшего брата Василия, 1533) позволяет утверждать, что к XVI в. уже сложилась терминология великорусского свадебного обряда, определилась номенклатура свадебных чинов и их функции, были приняты особая свадебная одежда, пища и атрибутика, определились основные обрядовые этапы свадьбы, существовал свадебный фольклор (Сахаров И, Сказания... 1837. Ч. III, кн. 2)

Особый интерес для характеристики обряда XVI в. представляет "чин свадебный", обычно сопровождающий текст "Домостроя", но не включенный в него. Это, с одной стороны, оригинальный памятник древнерусской литературы, с другой - исторический документ, отражающий взгляды московского правительства времени Избранной рады. Он свидетельствовал о стремлении к упорядочению различных сторон частной жизни народа, к созданию таких форм, которые соответствовали бы народным традициям и вместе с тем отвечали требованиям светской и духовной власти. Скорее всего, такие рекомендации не полностью отражали реально бытовавший свадебный обряд (о чем можно судить из сравнения с описаниями, приводимыми в воспоминаниях иностранцев, посетивших Россию в XV-XVI вв.), но они дают представление о существующих этапах брачного обряда, его атрибутике, составе свадебных чинов. Вместе с тем, они помогают понять соотношение древних традиционных элементов свадебного обряда с обрядами, предписываемыми православной церковью.

Во второй половине XVI - начале XVII в. (как следует из описаний великокняжеских и царских свадеб - свадьба Симеона Бекбулатовича (1554), князя Ивана Дмитриевича Вельского (1555), Владимира Андреевича Старицкого (1558), третья и седьмая свадьбы Ивана IV (1572, 1581), первая и вторая свадьбы Михаила Романова (1625, 1626) - народный обряд все еще оставался бытовой нормой. Он по-прежнему содержал множество разнохарактерных и разновременных элементов. С одной стороны в нем сохранялось много обычаев с дохристианского времени, с другой - в обряде явно усилились церковные элементы. Так, Михаил Романов уже не стал разбивать после венчания склянку, как это делали его предшественники, молодых чаще стали кропить "святой водой", перед расчесыванием волос и покрыванием невесты протопоп читал специальную молитву и т.п.

Со второй половины XVII в. церковь более настойчиво борется за введение церковного брака и вместе с тем усиливает противодействие народному обряду. Эта тенденция просматривается в описаниях свадебного чина, сделанного приказным посольского приказа Григорием Котошихиным. Он не упоминает некоторые древние магические элементы, известные по более ранним записям и отмечаемые в более позднее время (обсыпание хмелем, растаптывание стеклянного кубка во время венчания и др.) - Вместе с тем, отмечает детали, ранее не встречавшиеся в обряде, но связанные с

официальной религией (например, родительское благословение). То же направление ощущается в проповедях митрополита Даниила. В них о народном свадебном обряде говорится с осуждением, так как он не соответствует церковному браку. В 1649 г. при царе Алексее Михайловиче был издан указ, объявлявший войну таким "соблазнам", как "бесовские песни", "сказки небылые", всякие "позорища". В указе говорилось: "Да в городах же и у уездных людей у многих бывают на свадьбах всякие безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бесовскими игры, и уклоняются православные христиане к бесовским прелестям и ко пьянству, а отцов духовных и по приходам попов и учительных людей наказанья не слушают, и за наказаны отцом духовным и приходским попом и учительным людям поругание и укоризну и бесчестье и налог делают". Виновников "бесчинств" указ предписывал "бить батоги", а "всякие гудебные (род скрипки, гудок. - Т.М.) бесовские сосуды, то все велеть вынимать и изломав, те бесовские игры велеть жечь". В официальных документах второй половины XVII в. народный свадебный обряд называли "бесовским действием", "от диавола научени суще", о котором "странно не токмо рещи, но и помыслити" (Акты исторические... 1842. С. 12-124; Буслаев С. 46-47).

Во второй половине XVII в. более резкой стала граница между господствующими классами и народом. Социальное расслоение сказалось и на отношении к старому свадебному обряду. Этот обряд, ранее распространенный во всех слоях общества, становится в основном привилегией простого народа.

Первые специальные (с научными целями) записи народного свадебного обряда и фольклора русских были сделаны лишь в 50-60 годах XIX в. Какой предстает традиционная русская (крестьянская) свадьба XIX - начала XX в. в этих записях? Прежде всего, она отличалась красотой и монументальностью, была сложна по композиции и состояла из множества различных по происхождению, характеру и функции элементов. Разнообразие этих элементов связано с региональными и социальными особенностями. Каждый уголок старой России имел свой неповторимый бытовой уклад ("что город, то норы, что деревня, то обычаи"), специфические черты культуры, устного поэтического и изобразительного творчества. В свадебном обряде того времени отчетливо просматривались не только "пространственные" различия, но и "временные" напластования, пережитки разновременных форм брака. В отдельных деталях свадебного обряда можно усмотреть черты группового брака, пережитки "умыкания", "купли-продажи" (особенно при сватовстве) и т.д.

В обрядах причудливо переплетались действия, связанные с языческими верованиями и христианской религией. Вплоть до XIX - начала XX в. в свадебном ритуале сохранялись элементы, характерные для сознания человека, воспитанного на анимистических и магических архетипах. К ним можно отнести, например, множество действий, оберегающих участников свадьбы от враждебных сил или направленных на умиротворение предков (своих родовых и домашних духов). Эти действия должны были способствовать благополучию брачующихся, деторождению, приумножению достатка в хозяйстве, приплоду скота и т.д. Во время отправки свадебного поезда (или при благословении) нередко стреляли в воздух, расчищали перед молодыми дорогу веником, обметали свадебный поезд, а в определенные моменты громко кричали и шумели. Желая сохранить невесту от сглаза, оборачивали ее рыболовной сетью, втыкали в ее одежду иголки без ушек, чтобы нечистая сила запуталась в сетях или накололась на иголки. Темные силы можно было еще и обмануть, поэтому в разговорах пользовались иносказаниями, намеками. Во время сватовства, например, с этой же целью изменяли путь, совершали объезды, ехали окольными дорогами, молодые подъезжали не с главного крыльца, а со двора, подменяли невесту и т.д. От порчи и злых духов можно было уберечься с помощью воздержания от произнесения слов (молчание жениха и невесты), от еды (пост жениха и невесты до венца, запрет есть во время общего пира), избегая "несчастливых" дней и периодов при выборе времени для брака.

Из обрядов продуцирующей магии прежде всего следует указать на те, которые обеспечивали молодым многодетность и богатство. К ним относятся обсыпание молодых зерном или хмелем, сажание на шубу, вывернутую вверх мехом (символ богатства и многодетства), расстиланье ее под ноги, угощение яйцами или яичницей, раскидывание по полу соломы или сена, и т.д. Целая группа обрядов была направлена на укрепление связи молодых друг с другом. К ним можно отнести смешение вина из стаканов молодых, совместную еду и питье, изображение пары голубков на свадебном каравае, совместное глядение молодых в зеркало, протягивание нити от дома невесты до дома жениха, угощение жениха пирогом, лежащим за пазухой у невесты, связывание рук жениха и невесты

платком, и т.п. Было бы не совсем верно полностью отождествлять содержание древних магических ритуалов и обрядов, бытовавших в XIX - начале XX в., так как многие из них, сохраняя свое место в обряде, постепенно утратили первоначальный смысл, выродившись в суеверия, или приобрели новое значение, например, в качестве игры, развлечения.

Заметное влияние на народный свадебный обряд оказало православие. С ним связаны многочисленные моления с возжиганием свечей и лампад, особое отношение к благословениям, крестам и иконам, к участию в обряде священнослужителей. Христианские сюжеты проникли и в свадебный фольклор.

Свадебный обряд сложился как развернутое драматизированное действие, включающее песни, плачи, приговоры и присказки, заговоры, игры и танцы. Многожанровый свадебный фольклор был органичной и в значительной степени организующей частью свадебного ритуала. Он представлял собой одно из наиболее ярких и красочных явлений устной народно-поэтической традиции. Многие свадебные песни по художественной выразительности можно отнести к поэтическим шедеврам. Поражает их разнообразие и количество (всего известно несколько тысяч текстов). В ряде эпизодов свадебного обряда диалоги между действующими лицами велись в форме причитаний. Невеста с причетами обращалась то к отцу, то к матери, то к братьям и сестрам, то к своим подругам, прося заступиться за нее, не отдавать "в злы-чужи люди", дать ей еще погулять на свободе "хоть одну зиму студеную, хоть одну весну красную, хоть одно лето теплое". Так же в форме причетов невеста прощалась с родным домом, деревней, своим девичьим головным убором и девичьей косой.

Как во всяком драматическом произведении, в свадебном обряде был свой постоянный состав действующих лиц - "чинов", исполнявших определенные традицией роли. Их поведение довольно четко регламентировалось, что не исключало импровизации в рамках заданной роли. Основными, центральными фигурами были жених и невеста. Вокруг них и разворачивалось свадебное действие, хотя сами они чаще всего вели себя пассивно. Невеста должна была выражать покорность и благодарность родителям за то, что они ее "вспоили, вскормили". С момента сватовства до отъезда в церковь невеста горько оплакивала свою девичью жизнь в родительском доме и всячески выражала свое нерасположение к жениху - "чужому чужанину" и его родне - "злым чужим людям". Создаваемый невестой образ в течение свадьбы менялся. Эти изменения имели реальные основания. До отъезда со свадебным поездом к венцу невеста много плакала, ее "горе" достигало эмоциональной кульминации во время девичника и при расставании с родным домом. С момента же отъезда из дома невеста прекращала плакать. В Пермской губернии, например, отъезжая к венцу, она бросала через плечо платочек, которым утирала слезы, чтобы они остались дома.

Активными участниками свадьбы были родители жениха и невесты (особенно жениха), ближайшие родственники с обеих сторон, крестные родители, а также сваты, тысяцкий, брат невесты, дружка, девушки-подружки невесты (боярки) и др. Дружка (дружно) - представитель жениха. Его свадебные функции обширны и разнообразны. Он был главным распорядителем на свадьбе (эту функцию он часто делил с тысяцким), следил за тем, чтобы обычай соблюдался так, как его понимала община. Он должен был

уметь балагурить и веселить участников свадьбы. Постоянная импровизация требовала от дружки ума и находчивости (существовало выражение: "выбирай такого дружку, чтобы загадки разгадывал"). По народным представлениям, дружка был наделен магической силой. По значению в свадьбе и характеру роли близка к дружке сваха. В помощь дружке избирали поддружье, в помощь тысяцкому - старшего боярина и т.д. В южнорусском обряде назначались каравайницы, готовившие обрядовый каравай. В некоторых районах (главным образом северных) обязательным персонажем свадьбы был колдун, разделявший с дружкой некоторые магические функции. Кроме того, активными участниками ритуала были родственники с обеих сторон. Они участвовали в свадебном застолье и во многих обрядах, обменивались подарками, одаривали молодых и их родителей и т.п.

Каждый персонаж свадьбы отличался своей одеждой или каким-то дополнительным ритуальным элементом ее. Обычно это были полотенца, ленты, платки, венки, цветы, зеленые ветки. Невеста в дни, предшествующие свадьбе и в дни самой свадьбы, несколько раз меняла одежду и головной убор, что означало перемены в ее состоянии (сговоренка, т.е. просватанная, княгиня молодая - до венца, молодуха после венца и брачной ночи). Жених также именовался князем молодым и затем просто молодым. Он не менял одежды, но имел свои символы -цветок или букетик на головном уборе или на груди, платок, полотенце на плечах и т.д. В день свадьбы жених и невеста одевались нарядно и по возможности во все новое.

При общем сходстве свадебного обряда на всей территории России существовало несколько основных типов и подтипов свадьбы. Это прежде всего южнорусские и среднесевернорусские обряды с четко выраженными и устойчивыми комплексами действий, определенными участниками и разработанным фольклорным циклом. Свообразием отличалась свадьба западных районов, однако присущие ей особенности не дают основания выделять ее в самостоятельный тип. Как подтип севернорусской свадьбы можно рассматривать обряд северо-восточных районов Европейской части России. Несколько подтипов можно выделить у русского населения Сибири. Кроме того, в рамках каждого типа или подтипа имелось большое разнообразие местных вариантов. Это многообразие вариантов определялось особенностями формирования населения конкретной территории, его этнической историей, межнациональными контактами, вероисповеданием и многими другими причинами. Пока нет убедительных оснований для определения времени формирования упомянутых типов свадьбы. Можно лишь констатировать, что распространение среднесевернорусской свадьбы по всей известной в XIX-XX вв. территории происходило сравнительно поздно, раньше сформировалась и распространилась южнорусская свадьба. Различались обряды и в зависимости от социальной среды. Богатство и пышность свадьбы обуславливались достатком родителей жениха и невесты, хотя в любом случае традиция требовала праздновать свадьбу широко и богато. Свадьба могла длиться более недели, а могла быть сыграна в 2-3 дня. Ограниченность средств нередко заставляла прибегать к такой своеобразной форме брака как свадьба убегом, "самокруткой", при которой свадебный пир сокращался до минимума. Ритуал зависел и от конкретных бытовых ситуаций. Особыми чертами отличались сиротские свадьбы и свадьбы, когда жених шел примаком в дом невесты.

Для крестьянина семья имела исключительное значение. От нее зависело как его экономическое состояние, так и духовно-культурное. Поэтому создание семьи, вступление в брак было одним из наиболее важных событий его жизни. Оно же во многом определяло поведение и отношения между молодежью. Тема брака постоянно присутствовала и проявлялась в жизни подрастающего поколения, особенно она усиливалась по мере приближения к брачному возрасту. Мальчики приобщались к мужским работам, девочки - к заботам будущей матери и хозяйки. По существу вся добрачная жизнь девушки была подготовкой к замужеству.

Отношение к дочери в крестьянской среде во многом определялось по пословице:

"дочь - чужая добыча, дочь отцу матери не корысть (не кормилица)", она "ключница чужому отцу, ларешница чужой матери". Но все эти соображения, конечно, не влияли на желание родителей лучше выдать дочь замуж и достойно сыграть свадьбу. Поэтому буквально с рождения дочери мать начинала готовить ей приданое ("Дочка в колыбельку - приданое в коробейку"). Хорошее приданое обеспечивало женщине некоторую имущественную независимость и более престижное положение в семье мужа. Кроме того, размеры приданого и его качество влияли и на общественное мнение. К 16-17 годам девушка считалась невестой. Ее хозяйственные обязанности оставались прежними, но менялось ее поведение, по-другому относились к ней в семье и в деревенском обществе. Девушку-невесту "славили", т.е. старались создать и упрочить за ней лестную, похвальную репутацию. Она имела право одеваться лучше младших сестер, получала большую свободу в поведении. "Гуляй, пока голова не покрыта" (т.е. не замужем), "своя волюшка (девке) у батюшки", "у батюшки (девка) промеж пальчиков, у мужа в руках" - констатировали народные пословицы.

К возрасту невесты девушка владела местным репертуаром хороводных и игровых песен, знала свадебный обряд. Одной из важных и необходимых обязанностей невесты было умение "голосить", т.е. плакать с причетом. К "невестиной голосьбе" она начинала готовиться заранее. «Тоном сей голосьбы, - писал житель Тульской губернии, - так они дорожат, что в день самой свадьбы, когда они обыкновенно голосят, из опасения, что от робости не потерять сего тона, берут с собою какую-либо из родственниц, которая в случае потери ею сего тона, должна ей подтянуть. Эту голосьбу сходятся слушать соседние девицы, и в случае спадения невесты с общепринятого тона голосьбы, насмешливо ее критикуют, говоря: "вот де как по мертвому голосит"». Важным моментом в предбрачной обрядности были общественные "смотри" ("смотрины") невест. Они помогали найти подходящую невесту не только в своем селе (деревне), но и в соседних, выяснить экономическое положение ее семьи, узнать о поведении и характере. Родители старались подобрать "ровню" (достоинство крестьянина нередко заставляло отказывать богатому жениху, чтобы их дочь не была в доме мужа служанкой). Смотры устраивали и в весенне-летние гуляния и на святки, обычно приурочивая их к престольным праздникам, на которые съезжались гости из соседних деревень. Нередко смотри проходили на Крещение.

Обычно недели через две или через месяц после смотров мать жениха, взяв с собой сестру или замужнюю дочь, отправлялась сватать ту девушку, которую облюбовала на общественных смотрах.

Важное место в предбрачной жизни молодежи занимали девичьи гадания о замужестве, апогей которых приходился на святки. С заключением брака были связаны и дни святых, особо почитаемых девушками и женщинами как помощников в замужестве, родах и женских работах. Это были: Покров Пресвятой Богородицы (1/X ст.ст.), празднование Казанской иконе Божьей Матери (22/X), день мученицы Параскевы Пятницы (28/X), День Космы и Дамиана (1/XI), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21/XI), дни великомучениц Екатерины (24/XI), Варвары (4/XII), а также Андрея Первозванного (30/XI) и др.

Итак, весь добрачный период был своеобразными университетами деревенской молодежи. За работами и увеселениями шел постоянный процесс передачи трудового и духовного опыта сельского мира. Молодежь усваивала традиционные этические представления и нормы поведения, перенимала фольклор. Незаметно, но постоянно крестьянская община формировала своих будущих членов, готовила их к взрослой семейной и общественной жизни.

По нормам обычного права женитьба сына и выдача замуж дочери были обязанностью родителей или людей, заменяющих их. Они должны были подготовить детей к будущей самостоятельной жизни, позаботиться об их браке и сыграть свадьбу.

К браку сельское общество относилось очень ответственно ("идучи на войну, молись,

идучи в море вдвое, хочешь жениться, молись втрое"), всячески осуждая тех, кто не вступал в брак в установленное обычаем время, считая таких людей безнравственными, нарушающими законы крестьянской жизни и обычаи предков ("женитьба вещь добрая, она от Бога показана").

Задумав женить сына, родители начинали искать ему невесту. Они советовались с родственниками и друзьями, узнавали у кого есть "девки на выданье", ездили в праздники по окрестным деревням, посещали собрания молодежи, смотры невест, и конечно, особенно в конце XIX - начале XX в. узнавали у сына, нет ли у него самого какой-нибудь девушки на примете. Желание сына учитывалось, но не всегда оно было решающим, так как девушка должна была отвечать требованиям родителей и родственников, поскольку свадьба - это прежде всего определенный хозяйственный акт, прием в семью, в хозяйство работника и продолжателя рода. Для крестьянина главным в браке была экономическая сторона. Мотивы для вступления в брак по важности можно расположить в такой последовательности: необходимость иметь больше рабочих рук в хозяйстве, боязнь нравственного падения молодежи и любовь. Возраст вступления в брак в большинстве губерний был примерно одинаковым: 18-19 лет для жениха, 16—17 лет для невесты. Иногда невесты бывали старше жениха, "но большей частью в одних годах, разве когда женят солдата или вдовца". Считалось, что жених непременно должен быть старше невесты на два или три года ("Невеста родится - жених на коня садится"). Малолетних обычно не засватывали. Чаще придерживались мнения: "за старым жить - только век должить, за малым жить - только маитя, за ровней жить -тешиться". Как уже говорилось, обычно в большинстве районов России при выдаче дочерей замуж соблюдалась очередь по старшинству, которая нарушалась, если старшая почему-либо отказывалась от брака или являлась "не способной". Засидевшихся девушек, (обычно в возрасте 23-25 лет) считали "перестарками", "вековухами" и женихи их избегали, думая, что они с "пороком". Такое же недоверие и презрение вызывали засидевшиеся в холостых молодые люди (бобыли, "перестарки"). При всем трезвом подходе к выбору невесты и жениха в народе существовало убеждение, что "суженого и конем не объедешь", и что "всякая невеста для своего жениха родится".

Первые браки обычно заключались с соблюдением всех обычаев и обрядов свадебного ритуала. Так же праздновались свадьбы вдовых мужчин с девушками, ранее не состоявшими в браке. Браки же вдовых и холостых мужчин с вдовами не сопровождалась свадебными обрядами.

Воля родителей играла важную роль при выборе невесты и жениха. К концу XIX - началу XX в. с ростом в деревнях отходничества характерной и достаточно распространенной была ситуация, когда родители, не спросив сына, находящегося на стороне, готовили к его возвращению невесту. Так же не всегда спрашивали согласия девушки на вступление в брак. В случае противодействия со стороны детей, родители нередко прибегали к принуждению и угрозам. Как правило, отказов при обряде венчания в церкви не было, так как воля родителей почиталась. Конечно, так было не всегда и не везде. Часто молодым людям предоставлялась свобода выбора, и согласие жениха и невесты играло весьма важную роль. Бывали случаи, что парни вступали в брак и не спросив разрешения у родителей, но со стороны девушек такого почти не было, так как они находились в большей материальной зависимости от родителей. Случаев принуждения к браку крестьянским обществом неизвестно. Говорили: "бери жену с воли, а казака (работника) с Дону: проживешь без урону". Браки без разрешения родителей всегда вызывали долгие толки в среде крестьян как явление исключительное. По глубокому убеждению православных крестьян браки, заключенные без согласия родителей, "противозаконные и в большинстве случаев кончаются для сторон несчастливо".

Сироты вступали в брак с согласия большака или большухи в доме. При заключении брака круглых сирот посаженного отца и посаженную мать выбирали из родственников, а

если не было родственников, то из чужих. При отсутствии крестного отца или матери, выбирали посаженного отца крестного и посаженную мать крестную. После брака между посаженными родителями и детьми никаких особых отношений не устанавливалось (Тверская губерния).

Время для свадеб у русских определялось земледельческим календарем -обычно свадьбы играли в свободный от сельскохозяйственных работ период ("лошадям легче и людям приятнее"). Существенное значение имел и церковный календарь, так как в посты свадьбы "не играли". Большинство браков приходилось на осень, от Покрова (1 октября ст.ст.) и до Филиппова заговенья (14 ноября), а также на зиму - от Крещения до Масленицы. В эти периоды браки шли "грудно", "кучно" и были богаче (Ярославская губерния). К свадьбам, праздновавшимся в весенние и летние месяцы относились с предубеждением. Считалось, что играть свадьбы в мае "боязно", потому что "молодые будут маяться всю жизнь" (Владимирская губерния). Кроме того, для семьи невесты были невыгодно отдавать работницу, прокормив ее целую зиму. И все же весной и летом браки совершались, правда, гораздо реже - обычно женился многодетный вдовец, чтобы получить в дом хозяйку и мать детям, или срочно выходила замуж девушка из-за нравственного падения. Такие свадьбы праздновались скромно (Тверская губерния).

В некоторых местах (например, в Ярославской и Владимирской губерниях) все же сохранялась древняя традиция играть свадьбы весной, на Красную горку, после Пасхи. В Калязинском уезде у казенных крестьян, принадлежащих городу и Троице-Сергиевой Лавре, и у временно обязанных, бывших крепостных, свадьбы игрались исключительно весной и совпадали со временем гуляний.

Традиционный русский свадебный цикл как бы разделялся на три основных периода: предсвадебный, собственно свадьбу и послесвадебный.

Первый период начинался негласным семейным советом - "сходом" в доме жениха. В нем участвовали родители и ближайшие родственники жениха, в отдельных случаях приглашали особо уважаемых односельчан или соседей. Жених, как правило, в сходе участия не принимал. На сходе обсуждали имущественное положение родителей невесты, ее поведение и здоровье, родословную - нет ли у нее родства с женихом, трудолюбива ли ее семья, не было ли в родстве пьяниц или непутевых. ("Выбирай корову по рогам, а девку по родам" (по родителям), "жену выбирай не глазами, а ушами" (по доброй славе) - советовали пословицы), разбирали личные качества невесты, ее умение вести хозяйство, способность к женскому рукоделию. Особое внимание уделяли таким чертам характера, как кротость, послушливость, уважительность, от которых зависели хорошие отношения в семье ("Бери жену, чтоб не каяться, жить в любви да не маяться"). К помощи сходов - советов прибегали и в тех случаях, когда приходилось брать невесту из зажиточного дома или из бедного, круглую сироту, а также выдавать в чужую деревню или женить рекрута. Обычно крестьяне из чувства собственного достоинства старались взять ровню ("руби дерево по себе"), считая, что "лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться". Нередко уже на этих советах определяли свадебные расходы, решали какую сумму денег отдать за невесту, прикидывали размер ее приданого. В конце XIX - начале XX в. семейные советы, хотя и имели уже только совещательное значение, но все же оказывали большое влияние на окончательное решение. Их деятельность красноречиво свидетельствовала о том, каким важным и ответственным событием была предстоящая свадьба не только для двух семей, но и для всех родственников жениха и невесты и для деревенского общества.

Начальный период свадьбы состоял из сватовства, сговора (это название могли носить и акт, выражающий согласие на брак, и акт, завершающий предсвадебный период), осмотра хозяйства жениха, смотрин невесты, богомолья, рукобитья и запоя. Каждый из этих этапов в разных местах имел свои названия: смотрины невесты (Ярославская губерния), гляделки (Тульская губерния), поглядки (Смоленская губерния), смотрины (Рязанская губерния), знакомство купца с товаром (Владимирская губерния). Осмотр

хозяйства жениха - смотреть дом (Ярославская губерния), дворы глядеть (Калужская губерния), смотреть матицу, шесток (Владимирская губерния). Рукобитье (Калужская, Тульская, Тверская губернии и др.) - заручины (Смоленская губерния), сидины, слово (Ярославская губерния), рукобитный вечер, окончательное сватовство (Калужская губерния) и т.д. Обряд богомолья - образование (Тульская, Калужская губернии), молиться Богу (Тверская губерния), благословение (Владимирская губерния) и т.д. Последний этап, завершающий переговоры семей, называли: сговор (почти повсеместно), запой (Калужская губерния), а также лады (Тверская губерния), ладины (Калужская губерния), запойны (Смоленская губерния), сговора окончательные (Ярославская губерния), просватанье, пропой, целовки (Калужская губерния) и т.д.

Эти основные акты в разных губерниях и уездах прихотливо сочетались между собой и выстраивались в определенной последовательности. В соответствии с местной традицией они могли меняться местами или несколько актов объединялись в одном. Например, в один день совершались сговор, рукобитье и богомолье, а для пропойки назначали специальный день. Иногда все эти акты были составными ритуала дом смотреть, а рукобитье сочеталось с запоем, и т.д. Однако часто для каждого акта отводился особый день, хотя это требовало больших материальных затрат. Так же затейливо группировались более мелкие эпизоды этих актов. Например, игровые обряды хороненье невесты и вороченья жениха могли совершаться во время смотренья невесты или во время сговора.

В конечном итоге все эти действия сводились к получению согласия на брак, выяснению экономических отношений между двумя семьями и так сказать обрядовому и юридическому (по обычному праву) оформлению переговоров, а многочисленные сидения (застолья) и взаимные гостевания способствовали знакомству сторон, привыканию невесты и жениха к своему новому положению.

Существовало несколько способов сватовства, например, родители жениха ехали в дом невесты и начинали переговоры. В других случаях в дом невесты засылали сваху или свата, и они спрашивали разрешения приехать с женихом и его родителями. Иногда жених сам предупреждал невесту о том, что приедет свататься, и с разрешения ее родителей ехал со своими родителями к ней в дом для смотра невесты (Тверская губерния). Нередко сваты сначала приезжали в деревню, где жила предполагаемая невеста, останавливались у какого-нибудь знакомого или родни и ждали, когда стемнеет, в это время расспрашивали о невесте, ее родных, их материальном положении. В сумерках посылали спросить, можно ли прийти, и, получив разрешение, начинали сватовство. Бывало, что парень еще не сделал окончательного выбора, тогда он вместе с родителями приезжал в деревню, где жила невеста, расспрашивал о ней и в зависимости от собранных сведений уезжал или начинал сватовство.

После того, как невеста была одобрена, родители жениха приступали к выбору свата или свахи. Выбор сватов был ответственным делом. Говорили: "выбирай не невесту, а сваху". Обычно ими были духовные родители жениха - крестный отец или мать. Или же кто-нибудь из родственников - дядя, тетка, женатый брат или сестра, старший зять. Иногда сватом становился отец жениха или в роли сватов выступали оба родителя. Но более почетным считалось посылать кого-нибудь из односельчан, обладающих красноречием ("шустрых на язык"), или сватунью (Ярославская губерния) — ловкую, бойкую бабу, известную своим краснобайством и умением устраивать свадебные дела. ("Люди хвастают, не перелезишь, сват схвастает, на коне не перескочишь", "чужую сторону никто против свахи не похвалит"). С этого момента в некоторых губерниях они получали специальные названия, например, сват-сходатай и сваха-сходатка (Тульская губерния), ходок или ходычиха (Ярославская губерния).

В монастырских селах и в городах прибегали к помощи профессиональных свах. Сватовство сопровождалось особыми магическими действиями. Для сватовства выбирал

легкие дни недели - воскресенье, вторник, четверг и субботу, избегая постных дней - понедельника, среды и пятницы. Наиболее подходящим временем суток считались вечер и даже ночь, но сватали и днем. Обычно время выхода сватов и путь, по которому они ехали, держали в тайне. Чтобы быть незамеченными, выезжали "через зады" (задний двор и огороды) и ехали не прямо, а с объездами. Сватов редко спрашивали, куда они едут, да они бы и не ответили. В Тверской губернии перед тем как ехать в дом невесты, опутывали вожжами стол или печную трубу, чтобы удачно "опутать", т.е. склонить к согласию невесту. В Рязанской губернии перед отправкой свахи связывали кушаком четыре ножки стола, чтобы лучше "вязалась" свадьба, а в спину уходящей свахи бросали специально приготовленный старый лапоть. Сваты наряжались в праздничную одежду, украшали лошадей хорошей сбруей. Свахи-женщины нередко покрывались большой шалью и независимо от времени года обували валенки, надевали шубу и подпоясывались кушаком. Во многих местах непременной принадлежностью свахи была палка, кочерга или сковородник. Эти атрибуты свидетельствовали, что она пришла с целью "выгрести девку". Иногда она брала с собой кусок рыболовной сетки, "чтобы невеста была поймана как рыбка" (Среднее Поволжье) {Зорин Н.В. С. 69}.

Приход сватов в дом невесты обставлялся множеством магических действий. Так, сваха, подъехав к дому, соскакивала с повозки и бегом направлялась в избу с тем, чтобы и родители невесты так же скоро склонились бы на ее сватовство (Елабужский уезд, Казанская губерния). Войдя во двор, сваха отыскивала ступу, в которой девушка толкла лен, и трижды оборачивала ее вокруг себя, чтобы и хозяйка ступы так же трижды была обведена вокруг аналая, т.е. повенчана. Широко распространен был обычай садиться свахе на длинную лавку под матицу. В некоторых местах сваты, наоборот, не садились, а все переговоры велись стоя, чтобы невеста не засиделась в девках и быстро вышла замуж (Владимирская губерния). Чтобы дело сладилось, иные свахи выбирали мох, которым были проконопачены стены в доме невесты, и приносили его в дом жениха для "привлечения сердца невесты" к его дому. В Пермской губернии сваха, войдя в дом, ударяла пятою в порог, чтобы невеста "не попятилась", а иногда, ударяя, приговаривала: "Колотим о порог, чтобы не говорили с нами поперек".

Совершив необходимые действия, помолясь Богу и поздоровавшись с хозяевами, сваты приступали к переговорам. Иногда они прямо говорили о цели своего прихода: "Не пол топтать, (не язык чесать), мы пришли дело делать - невесту искать", "пришли в гости не гостить, а пир подымать" (Среднее Поволжье). Но чаще сваты пользовались традиционными иносказательными формулами типа: "у вас товар - у нас купец", "у вас курочка - у нас петушок, нельзя ли их загнать в один хлевушок" и т.п. Иногда они представлялись охотниками, которые идут по следу зверя (куницы, лисицы), рыбаками или людьми, ищущими потерявшуюся телку. Родители невесты просили сватов садиться, благодарили за честь: "Бог вас спасет, что и нас из людей не выкинули", и угощали их чаем или вином. Сваты расхваливали жениха и старались побольше узнать о невесте. Если жених был известен родителям и устраивал их, то они давали согласие на дальнейшие переговоры. Если же жених не был известен, то сватов просили прийти еще раз, чтобы расспросить о нем. Сразу отдать дочь считалось неприличным - ("не один день рбстили, чтобы враз отдать", "жениться - не лапоть надеть", "дочку замуж выдать - не пирог испечь"). Если родители невесты не хотели отдавать дочь за предложенного жениха, то, стараясь не обидеть сватов, отговаривались молодостью невесты ("еще молода, надо подождать", "у нас товар не продажный, не поспел", "не рука вам наш товар, по себе найдете"), невозможностью в то время потерять рабочие руки, отсутствием средств на свадьбу ("неисправны к свадьбе"), недостаточным приданым или просто недосугом. Сваты обычно настаивали, отвечая; "нам нужен человек, а не платье", было бы тело, а платье сам делай "ведь жить не приданым, а жить богоданным". В конце концов, поняв свою неудачу, сваты уходили домой. Бытовало представление, что "худой жених хорошему дорогу укажет" (Тверская губерния), т.е. что, услышив о сватовстве, может

посвататься и жених получше, поэтому приезде сватов были всегда рады.

Посещение сватов повторялось два-три раза, а иногда и более. Объясняли это тем, что "важные дела быстро не делаются" (Пермская губерния), "женитьба - вечное дело, не часовое". Первое посещение рассматривалось как "разведка". Свата посылали "для проверки", "для улаживания дела", "как запрос" (Тульская губерния), "чай попить", "дорожку топтать" (Среднее Поволжье), "чтобы не произошло порока" (Тверская губерния). Это было "предварительное сватовство", "неофициальное", "с отказом". Сват или сваха играли как бы роль связного. Все переговоры на первом этапе шли через них. Если дело удавалось сладить, сват получал приглашение: "хлеб-соль берем, а вас пировать зовем" или "хлеб-соль принимаем, а вас под образа сажаем", родители жениха отправлялись в дом невесты как бы на официальное сватовство. Это посещение имело много названий: поглядки (Смоленская губерния), магарыч запивать, лады (Тверская губерния), запивать или поладить (Тульская губерния), смотрины (Ярославская, Владимирская губернии), сиденье (Ярославская губерния).

Нередко при этом посещении менялся состав участников, иногда даже избирали других свата и сваху, случалось так, что вместе с родителями ехал и сам жених. Родители невесты накрывали стол, ставили хлеб, соль, зажигали лампы или свечи. После того как согласие на замужество дочери было дано, переходили к обсуждению и составлению брачного договора. Сваты расспрашивали о приданом, решали сколько надо уплатить денег за переход невесты в другое деревенское общество, обсуждали размер неустойки в случае разлада. Во время этих переговоров определялась величина кладки (клажи - Тульская губерния), т.е. количество денег, даваемых родными жениха на покупку нарядов (покрасы - Тульская губерния) для невесты и на свадебные расходы. Эти деньги в различных губерниях назывались по-разному: вывод, выводные деньги (Тульская губерния), наблюдное или на сороку, поклуш (Калужская губерния), выкуп (Рязанская губерния), на серьги (Владимирская губерния). Четко определялись время и условия их выплаты. Выговаривались дары с обеих сторон. Обсуждали даже объем работы молодой в доме мужа в первый год замужества. Уславливались о количестве гостей с обеих сторон и т.д. Все эти вопросы, как правило, начинали обсуждать еще до сватовства, на семейных советах⁴ более определенно они ставились во время сватовства, но окончательное решение обычно растягивалось почти на весь предсвадебный период.

Представления о размерах и составе приданого различались в разных регионах России. Обычно под приданым разумелось личное имущество невесты, состоящее из одежды и обуви. Его называли сундуком или коровьем. В Жиздрейском уезде Калужской губернии верхнее платье, наряды и холст называли добро или доброе, а отдаваемая телка или овца назывались приданной. Помимо приданого, состоящего из вещей и скота, бывало награждение или наделок. Награждением называлась денежная помощь вступающим в брак от родителей жениха и невесты в том случае, если молодые собираются жить отдельной семьей, отдельным хозяйством. Иаделком именовали землю, которую давали жениху и невесте их родители, оформляя при этом дарственную запись. Приданое не составляло общего имущества семье, а было личной собственностью молодой, которая распоряжалась им по своему усмотрению. Если за молодой давали денежное награждение, то и оно составляло ее собственность, которой муж не имел права пользоваться, разве только с согласия жены. В случае смерти жены, приданое передавалось детям, если не было детей - возвращалось ее родным. Если свадьба расстраивалась (расходилась), то убытки платила та сторона, которая была в этом виновна. Затраты на свадьбу четко распределялись между обеими сторонами, причем сторона жениха брала на себя большую часть расходов, как бы возмещая потерю рабочих рук в доме невесты. Сосватанная невеста в знак согласия на брак передавала жениху залог, обычно это был платок. Залогу придавали особую правовую силу. Благополучный исход сватовства обычно широко обнародовался. Спешили поскорее оповестить об этом не только семью жениха, но и всех односельчан. Ходили по селу с шумом и песнями, на юге России принято было бить при

этом в косу или печную заслонку. В Среднем Поволжье сваха получала краюшку хлеба, завернутого в лучший платок, и несла его через всю деревню в поднятой вверх правой руке, оповещая односельчан о предстоящей свадьбе.

Считалось, что после окончательного сватовства люди и вещи, причастные к нему, приобретали магическую силу. Так, в Тверской губернии девушки растаскивали из саней жениха сено по деревне, "чтобы другим женихам дорогу указать", привязывали под санями веник, "чтобы этот жених другим дорогу разметал".

Через два-три дня после высказанного обеими сторонами согласия породниться, но еще до окончательного решения, родители и родственники невесты осматривали хозяйство жениха. От того, насколько оно понравится, зависело продолжение или прекращение "дела". Если осмотр хозяйства жениха завершился благополучно, то через несколько дней "сторону" жениха приглашали на смотрины невесты. Обычно приезжали жених, его родители, ближайшие родственники, сваха, а иногда весь будущий свадебный "поезд" жениха. Случалось, что именно на смотринах жених впервые видел свою суженую и мог поговорить с ней. Невеста на смотринах показывалась во всех своих платьях. Иногда жениха и невесту просили пройтись парой, а потом спрашивали через сваху - "Любы ли они друг другу?" На что жених отвечал: "Мне не барыня нужна", а невеста: "Мне не барин нужен". После этих слов дело считалось решенным, и жених с невестой выходили в сени или холодную избу пошептать. Нередко помимо демонстрации внешних данных невесты устраивали испытание ее трудовых навыков - заставляли прясть, шить, исполнять разные работы.

На этом этапе предсвадебных приготовлений невеста также имела право отказаться от жениха. В таких случаях она, уйдя в чулан, начинала сбрасывать с себя наряды, что означало отказ. Чаще всего смотрины заканчивались пиром, на который жених привозил водку и другие хмельные напитки, а родители невесты выставляли угощение. На пиру, да и во время всего просватанья (рукобитья, богомолья, пропоя и т.д.) исполнялось много песен, в поэтических образах отражавших содержание этих обрядовых моментов. После пира подружки невесты провожали жениха до дома. Он приглашал их к себе и щедро угощал.

Заключительным этапом первых переговоров был сговор. Обычно он происходил в доме невесты через 2-3 дня после смотрин. Сговор не был простой обрядовой формальностью, на нем заканчивали обсуждение приданого, уточняли, кому какие дарить подарки, окончательно обговаривали число гостей с обеих сторон, устанавливали, кто и сколько дает средств на застолье, назначали день свадьбы и других предсвадебных церемоний - рукобитья, богомолья и пропоя ("большого пропоя"), если они не происходили одновременно со сговором. Невеста после сговора называлась сговоренка.

Успешные переговоры на сговоре заканчивались, как правило, рукобитьем. Отец жениха и отец невесты, как при торговых сделках в крестьянском быту, подавали друг другу руки, обернутые в платки или в полы кафтана. В Тверской губернии становились друг против друга и с размаху били рука об руку, и обменявшись рукопожатием, каждый из них брал в правую руку конец полы своего кафтана, снова били руками "пола об полу", а затем менялись пирогами. Акт рукобитья подкреплялся и словесно. Обнявшись, отцы жениха и невесты называли друг друга "любезным нарицательным сватом" или произносили: "Будь ты мне сват, да нова родня", или - "Дай Бог святы час" (Ярославская губерния), или - "Наш сын был бы между нами общим сыном, а ваша дочь была бы общей дочерью и нашей послушною слугою" (Смоленская губерния). После рукобития и пира, который нередко продолжался всю ночь, утром отворяли ворота, чтобы каждый желающий мог зайти посмотреть жениха и невесту.

Богомолью придавалось особое значение - "Богу помолились, значит дело сватовства закончено" ("Как под крестом (благословенным), так и под венцом"). Нередко после благословения жених и невеста трижды целовались и обменивались кольцами -

обручались. В некоторых местностях весь обряд богомоления с обручением назывался обручением. В народе говорили: "Просватанная, что проданная, обрученная, что подаренная". Достигнутое на сговоре согласие сторон обычно заканчивалось совместным пиршеством - запоем {пропоем и т.д.). Пропоем нередко называли так же последний предсвадебный вечер у невесты накануне свадьбы. Существовало выражение заливать невесту, т.е. окончательно просватать. Говорили - пропитая-залитая. Как правило, невеста не присутствовала за столом, а находилась (иногда вместе с женихом) в чулане или другом помещении. После взаимного угощения сторон невесту вызывали к гостям (как на смотринах), и она вместе с матерью подносила присутствующим дары и угощала их вином. Дарами обычно были собственные изделия - платки, рубахи, перчатки, кисеты и полотенца (по состоянию семьи). Свои подарки невеста подносила на блюде, кланяясь земным поклоном, а получившие подарок отдаривали ее деньгами и целовали. Так же подносил свои подарки и угощал вином жених. Во время раздачи даров невеста причитала: "Не пропивай, кормилец батюшке.." Ей помогали подруги, присутствующие на пропое. После одаривания невеста и жених уходили в отдельную комнату и там ужинали.

Иногда в этот день совершали разнообразные обряды-игры. Так, перед или во время разъезда гостей происходило "прятанье невесты". Девушки прятали невесту в другой комнате, жених должен был ее найти и выкупить. Получив ее, целовал "как после долгой разлуки". Пропои в Курской губернии часто назывались сводами, поскольку здесь до праздничного обеда происходил обряд сводов жениха и невесты. Подруги невесты, выстроившись рядами, прятали между собой невесту. Жених обязан был отыскать ее, а выведя из окружения, поцеловать и встать с ней рядом. Старшие спрашивали жениха и невесту, нравятся ли они друг другу. Те обычно отвечали: "Как батюшке, как матушке, так и мне". Родители благословляли молодых иконой и хлебом на шубе, вывернутой мехом наружу. Иногда пропой устраивали за счет жениха в трактире или харчевне ближайшего торгового села или городка.

После запоя отказ от вступления в брак рассматривался как нарушение сговора, за которое по народному поверью, жениха и невесту всю жизнь будут преследовать несчастья (Ярославская губерния). Отказавшийся должен был возместить свадебные издержки и заплатить некоторую сумму за нанесенное бесчестье. В случае отказа волостные суды на основании обычного права могли взыскать убытки.

После сговора начинался период подготовки к свадьбе. Он мог длиться от одной-трех недель до месяца и более. Бывало, что рукобитье или обручение происходили за год до свадьбы. Это делали для того, чтобы не упустить хорошую невесту. У сговоренки, как правило, резко менялся образ жизни и внешний вид. На Русском Севере она, во избежании порчи, почти не выходила из дома ("сидела в невестах"), передвигалась лишь с помощью и в сопровождении подруг, которые не покидали ее даже ночью. Сговоренка оставляла дом только для того, чтобы навестить родственников и пригласить их на свадьбу, а также, чтобы попрощаться со своим девичьим окружением - белым светом, деревней, односельчанами и т.д. Ее полностью отстраняли от домашних дел, она становилась гостьей в своем доме. Во многих местах сговоренка одевалась в "платье похуже" - печальное (траурное), низко подвязывалась платком, не расчесывала волосы. Она почти переставала говорить и изъяснялась или с помощью причитаний (Русский Север) или жестами и "языком вещей" и поз (южные районы России). За невесту и жениха почти на всем протяжении свадебного обряда, начиная со сватовства, говорили доверенные лица - сваты, родители, дружки и т.д.

Жених, в отличие от невесты в этот период не сидел дома. Он ежедневно (в большинстве районов) проводывал невесту. Просватанная девушка занималась подготовкой приданого и даров. Ей помогали подруги, считалось, "кто на невесту шьет - помолодеет". Часто невеста сама готовила для жениха венчальную одежду. В некоторых селах Калужской губернии в последнюю неделю перед свадьбой невеста кручинилась. Она не носила красное, надевала кручинный наряд (сарафан из кубовой китайки,

холщевая белая рубашка, белый фартук, кручинный белый платочек), песни не пела, на улицу не выходила. В воскресенье невеста готовила подругам обед: пекла пироги с горохом, варила молочную кашу. Отобедав девушки опять принимались за шитье и сидели до вечера. Если жених был из одной деревни с невестой, то через брата невесты он просил ее (так требовал этикет), чтобы девушки долго не сидели и много не шили. Это значило, что "жених жалеет невесту, не велит неволиться". Если свадьбу устраивали в воскресенье, то со вторника невеста начинала по вечерам выть, сидя в сенцах на скамейке у "над-ворней" двери, держась за скобу, чтобы подруги не отрывали ее от причета и дали ей вдоволь наплакаться. Невеста-сирота причитала, обращаясь к покойным родителям. Считалось, чем невеста больше плачет, тем легче ей будет жить в семье мужа: "Не навоешься за столом, так нареवेशься за столбом" или - "День плакать, а век радоваться".

В Переяславском уезде Владимирской губернии устраивали специальные плаканки, на которые за два-три дня до свадьбы вся деревня, кроме мужиков, приходила смотреть, как плачет невеста. Сговоренка садилась на лавку и плакала с причетами, обращаясь к отцу, матери, братьям, сестрам и подругам. Горький плач невесты вызывал похвалу у окружающих. В деревнях близких к городам и в небольших городах предсвадебная неделя напротив проходила в радости и в веселых вечеринках. Невеста встречалась с женихом, устраивали побывашки с гостинцами. Жених приносил ей лакомства, гостинцы и подарки. В Ярославской губернии посещения жениха назывались поездки на поцелуи, а в Обско-Кртышском междуречье - сборная (невестина).

В некоторых местах существовал обычай прикармливать жениха и невесту (возможно имевший в своей основе соединительную магию). Будущая свекровь приходила в гости к невесте и приносила сдобный колобок (лепешку) и два яйца. В Тульской губернии она обязана была несколько раз посещать невесту с блинами и кормить ее, а в г. Липцы (Тульская губерния) и его окрестностях мать жениха или ближайшая родственница в праздники, случившиеся между рукобитьем и днем свадьбы, приносила пирог или что-либо другое. В Шуйском уезде Владимирской губернии, напротив, теща ежедневно кормила завтраком своего будущего зятя. Завтрак состоял из гречневых блинов - пряженцев, пирожков и оладий.

К свадьбе резали баранов, подсвинков, телят, делали брагу, варили пиво, заготавливали водку, пекли пироги. Убирали и приводили в порядок дом, подновляли лошадиную упряжь и повозки. Невеста, получив от жениха выговоренные деньги, отправлялась вместе с родителями в ближайший город за покупками к свадьбе. Отцы жениха и невесты сговаривались со священником о венчании и дне свадьбы. Накануне венчания или за 2-3 дня до него невеста-сирота приезжала в приходскую церковь, чтобы отслужить молебен и панихиду по умершим родителям. После богомолья просила благословения у священника, кланялась ему в ноги причитая. Затем, поддерживаемая крестной матерью, она шла на могилу родителей, где продолжались причеты.

Почти повсеместно последний день перед свадьбой именовался девичником. Однако девичником мог называться и весь период подготовки к свадьбе. Последнему дню перед свадьбой придавалось особое значение, он являлся таким же узловым моментом свадебного обряда как и просватанье (сговор, пропой). Но если на просватанье преобладали главным образом деловые, как бы договорно-юридические вопросы, то канун свадьбы имел психологически иное содержание - невеста порывала со своей девичьей жизнью, свободой и своим родом. Разные этапы последнего дня носили названия совершаемых обрядов и действия: баня, столы, большое вино, сладкий стол и т.д. "Навечерие брака" могло называться: пропоем, пропойным днем (Тульская, Калужская губернии), прощальным ужином, последним столом, последним вечером, сговором, посидой, девичьим пиром (Ярославская губерния), обрученьем (Пермская губерния) и т.д. Но чаще всего события последнего вечера объединялись под одним названием - девичник или вечеруха.

Как правило девичник состоял из целого комплекса обрядовых действий: изготовление

крисоты (воли), расплетание косы, мытье в бане, прощание с красотой и передача ее подругам, жениху или другим лицам, угощение участников обряда женихом. Нередко отдельные обрядовые действия выделялись в самостоятельные и не включались в девичник. Крисота (воля) была символом девушки, она связывала ее с прежней жизнью. Обычно красота выражалась в каком-то предметном символе. Им могли быть кудель, деревце (елка, сосенка, березка и т.д.), лента-косо-плетка, венок, платок, повязка и т.д. Для центральных и северных областей России более характерны деревца, ленты, кудели, для южных областей (как и для Украины) - венок, гильце (украшенная ветка), повязка. В одних местах крисоту невеста передавала своей лучшей подруге (подругам) или младшей сестре, в других ее уничтожали, разрывали на части или делили между собой подруги невесты. Как правило, расставание с красотой сопровождалось расплетанием или символическим обрезанием косы и выкупом ее женихом. Косу расплетали или накануне или утром в день свадьбы. Это исполнял кто-либо из родни невесты. Все действия сопровождалось причитаниями невесты. Кульминацией обряда было выплетение ленты, которую невеста отдавала подругам. С этого момента невеста ходила с распущенными волосами.

В севернорусских и центральных районах, в Среднем и Верхнем Поволжье расплетение косы совмещалось с обрядовой баней невесты. Обычно баню (парушу, мыльню) готовили подруги или родственники невесты. Это приготовление разворачивалось в целое ритуальное действие, о котором нередко рассказывалось в причитаниях. Перед отправкой в баню невеста просила благословения у родителей, после чего подруги с причетами вели ее в баню. В некоторых местах к ним присоединялся колдун, совершавший над невестой в бане магические действия. Невесту мыли мылом и парили веником, которые прислал жених. Баенные причитания нередко сменялись песнями эротического содержания. Судя по причитаниям, мытье в бане отождествлялось с потерей крисоты, что давало основание некоторым ученым видеть в баенном обряде символическую потерю невестой целомудрия.

В комплекс обрядовых действий девичника входила также "продажа косы". Продавал косу невесты чаще всего ее брат или, если его не было, мальчик - один из родственников. Назывался этот свадебный чин косником. Покупателями были представители партии жениха. Торг носил символический характер. Он начинался с огромных сумм, а заканчивался копейками. В ходе этого обряда жених одаривал подруг невесты гостинцами.

В некоторых местностях в последний предсвадебный день в доме жениха устраивали молодешник, на котором жених прощался со своими товарищами и с холостой жизнью. На молодешник приглашали родных и друзей. Во время застолья женщины пели свадебные песни. В этот же вечер родню жениха (овощниц) отправляли с подарками в дом невесты. Если жених ехал сам, его сборы сопровождалось особыми ритуалами и наставлениями. Жениха наряжали, наделяли деньгами, благословляли и с почестями отпускали к невесте (в ряде мест обряд благословения и одевания жениха происходил утром в день свадьбы). Перед тем как отправить жениха, сваха надевала вывернутую шубу, брала смесь хмеля и овса и ходила по двору, бросая хмель и овес на лошадей и людей. За ней шел сват и поливал брагой лошадей, стараясь при этом огреть сваху кнутом. Все это делалось, чтобы отпугнуть враждебные силы от отъезжающих. По окончании этих действий поезжане, стоя, с большой скоростью выезжали со двора. Вслед за женихом уезжали и его гости.

Невесту, как и жениха, часто одевала крестная мать. При одевании присутствовали все подруги и пели ей свадебные песни. Нарядившись, невеста умывалась водкой ("вином") и садилась с подругами ждать жениха. Она угощала подруг орехами, подсолнухами, дешевыми пряниками и леденцами. Вскоре (к часам 9-10 вечера) приезжали сваты. В состав поезжан могли входить: жених со своими родными (кроме отца и матери), дружкой и свахой; жених с отцом, дружкой и сватами; целый поезд жениха (два дружки, крестный

отец мать и близкие родственники). Мать жениха обычно не ездила к невесте, она оставалась дома и готовилась к встрече молодых. Характер встречи в доме невесты был разным - мог быть доброжелательным, при котором компания жениха беспрепятственно проходила в дом невесты. У ворот поезд жениха выходил встречать отец невесты с несколькими родственниками, а на пороге избы девушки величали приехавших песней.

Несмотря на доброжелательный прием, нередко старший дружка жениха совершал особые магические действия, чтобы обезопасить своих от порчи. Когда поезд останавливался у ворот невесты, дружка первым выходил из саней и расчищал дорогу, у дверей он останавливался и бил кнутовищем сначала по верхней притолке, потом по нижней, а затем по боковым, изобразив таким образом крест. После этого дружка входил в избу и, помолившись Богу, кланялся всем присутствующим. Нередко он заводил иносказательный разговор: "Здравствуйте, господа сватушки, мы люди приезжие и дальние, ехали ночью, сбились с дороги, долго блудили, да спасибо увидели по снегу след зверушки, по этому следу мы жильё отыскали да к вам невзначай попали; не пустите ли вы переночевать странников?" (Калужская губерния).

Иногда поезд жениха ожидал менее гостеприимный прием. Приехавшие оказывались перед закрытыми воротами. Сваты стучали дубинкой в ворота, но родня невесты их не пускала. Начинались переговоры. Дружка подходил под окно и просился переночевать. Как правило переговоры шли в иносказательной форме. В ответ на требование выкупа дружка давал пирог, вино или деньги. В некоторых местах жениху загадывали загадки. При этом говорили: "На загадки идешь, аль на золоту казну?" (т.е. откупаешься). После того, как сваты входили в дом, а братья невесты выпрягали лошадей, все собирались в доме и молились. Отец невесты приглашал приехавших за стол. Обычно, прежде чем сесть, дружка должен был выкупить место за столом для своей компании. В Ростовском уезде Ярославской губернии на последний стол (девичник) жених привозил невесте подвенечное платье и корзину с туалетными принадлежностями, а ее подругам дарил ленты и большой пряник (пряницу) (Ростовский уезд, Ярославская губерния). По окончании стола, перед уходом жениха, невесту прятали. Жених искал ее среди подруг, ему подсовывали разных старух, пока он не давал подругам выкуп. После этого начинался собственно девичий пир, на котором невеста сидела покрытая платком и причитала о прошлом и будущем житье-бытье. Если сама невеста не умела причитать, ее заменяла подруга, сидящая рядом. После пира невеста раздавала всем подарки и по куску пряника.

Как уже говорилось, в предсвадебный период почти повсеместно пекли специальный обрядовый хлеб - каравай, челпан, банник, курник, рыбный пирог. В русской свадьбе хлеб олицетворял жизнь, достаток, благополучие и счастливую долю. Приготовление свадебного хлеба и его раздача занимали важное место в свадебном обряде. У русских на юге, как и у белорусов и украинцев, приготовление свадебного караваия превращалось в пышный обряд. Обычно каравай пекли за два-три дня до свадьбы или накануне венчания одновременно в доме жениха и невесты, но каравай невесты выпекали с особыми церемониями. Выполняли их так называемые каравайницы - молодые замужние женщины. Продукты для караваия они, как правило, приносили с собой, южнорусский каравай делали большим и сдобным, обычно круглой формы. Его украшали фигурами из теста, изображающими солнце, звезды, месяц, зверей и птиц, скрещенные руки и т.д. В готовый каравай втыкали ветки, украшали его букетами цветов и лентами. Выпечка караваия сопровождалась исполнением специальных ("каравайных") песен.

День свадьбы был кульминацией всего свадебного действия. В этот день в домах жениха и невесты совершались ритуалы, подготавливавшие их к бракосочетанию и выражавшие согласие и благословение семьи и общества на этот брак. После венчания, уже в доме новобрачных, исполнялись обряды, приобщающие молодую к новому хозяйству и к положению замужней женщины. В обрядовом цикле свадебного дня отчетливо проявились специфические черты разных типов свадьбы (см. выше об этом). Так, для южнорусской свадьбы была характерна двух-этапность. В день свадьбы перед

венчанием жених и его компания приезжали в дом невесты и вместе с ней (в одних санях или отдельно) ехали в церковь. После венчания каждый возвращался в свой дом. Но вечером того же дня жених снова ехал к невесте. В доме невесты совершался постельный обряд. После сообщения, что молодые стали мужем и женой, родственников молодой приглашали в дом родителей молодого, где происходило общее застолье и веселье, сопровождавшееся песнями и плясками. После этого молодые и их гости посещали дома родственников и друзей. В отличие от южной, северную и среднерусскую свадьбу можно назвать одноэтапной или круговой. Утром до венца жених вместе со своими родственниками приезжал в дом невесты, после короткого застолья {малый стол или выводной стол, за который садилась только партия жениха} жених и невеста (обычно на разных повозках) отправлялись в церковь, а после венчания вместе ехали в дом молодого.

В большинстве местностей утро проходило в хлопотах и приготовлениях к венцу. Приступая к одеванию невесты говорили: "Просим набело умыться, хорошо снарядиться в белые белила, в красные румяна". Невесту сажали на разостланный мех в святой угол, чтобы она была богата и счастлива. Одевали ее возможно наряднее. Нередко утром к невесте отправлялись дружки жениха с подарками и с предупреждением о его приезде. Когда жених приезжал, с него обычно требовали выкуп за право проехать по деревне, войти во двор и в дом невесты, пойти в горницу и сесть за стол (см. об этом выше). Затем выводили наряженную невесту. Передавая жениху дочь, отец говорил: "Не в рабы, а в помощницы", или "Просим побережь детище наше, а чего не знает, поучить", или "У меня была умна, а ты как хошь для себя учи". Затем родители благословляли дочь и отпускали в церковь, вслед за этим в дом жениха обычно перевозили приданое.

Существовало несколько вариантов ритуала поездки к венцу. По одним - невеста и жених ехали в церковь вместе, по другим - врозь. В большинстве мест, благословив своих детей, родители передавали их в распоряжение дружки и свахи (сами родители в церковь не ездили). Дружко, выйдя на двор с женихом (если жених ехал из своего дома) и поезжанами, ходил по двору с иконой, а сваха, стоя на повозке рассеивала хмель. Обойдя три раза с иконой вокруг, дружко спрашивал у всех присутствующих благословение жениху на брак. После этого отправлялись в церковь. На прощание желали: "Дай Бог под злат венец стать, дом нажить, детей водить". Жених ехал торжественно, с большим поездом, привесив к дуге колокольчики, и "шляпы не ломал" (т.е. не кланялся). В некоторых деревнях лошадей жениха покрывали белыми полотенцами. Невеста же приезжала в церковь без всякого шума, с одним повозником, которого называли плакса. В Смоленской губернии жених и невеста также ехали в церковь отдельно, даже если жених уезжал из дома невесты. Ехал он с "гиканьем и криком". Перед венчанием они сходились в чьей-нибудь избе и здесь жених брал невесту за руку, обводил ее три раза вокруг себя, слегка дергал за косу, как бы показывая, что невеста лишается своей воли и должна подчиниться воле мужа. Обычно свадебный поезд выезжал нечетом (нечетное количество лошадей). Выбирали прямые и ровные дороги ("Под венец по оврагам и рытвинам не ездят"). На Русском Севере было принято, чтобы поезжане отдавали дорогой всякому равный поклон, даже нищему, "чтобы кто не испортил".

В среднерусских губерниях, напротив, дружки с буйством разгоняли всех встречных, нередко дело доходило до драки. Выезжая со двора, поезжане поздравляли друг друга - "с молодецким выездом". В день венчания все имело особое значение, даже погода. Считалось, если "снег и дождь на свадебный поезд - богато жить", "дождь на молодых - счастье", "вихрь с пылью встречу поезду - не к добру, дождик - к богатству", "красный день свадьбы - жить красно, да бедно", "метель на свадебный поезд - все богатство выдует", "коли на улице распута, быть свадьбе беспутной". Обряд венчания состоял из обручения и возложения брачных венцов - собственно венчания, которые совершал священник. Во время обручения священник спрашивал у жениха и невесты об их обоюдном и добровольном согласии вступить в брак и надевал кольца. Церковное венчание по-разному, в одних случаях более органично, в других менее, входило "в

структурную ткань" народного обряда. В севернорусском типе свадеб венчание являлось как бы рубежом между обрядами, связанными с пребыванием невесты в доме родителей и ее переездом в дом мужа. В южнорусском обряде с характерным для него возвратом молодых в свои дома после венчания, церковное бракосочетание не было органичной частью бытовой обрядовой структуры и как бы прерывало ее естественный ход.

Церковное венчание придавало браку юридическую силу. Однако по народным представлениям одного венчания было недостаточно. Для полного признания брака требовалась более древняя, по происхождению коллективная, семейная и общинная санкция, которая выражалась в бытовом свадебном обряде. Брак с венчанием, но без свадьбы не поощрялся. Нередко само венчание сопровождалось множеством магических обрядов. В большинстве мест было принято перед женихом и невестой разметать дорогу до церкви веником, под ноги врачующихся расстилали платок или полотно и бросали деньги, чтобы избежать "голой" жизни". Жених и невеста стремились наступить друг другу на ногу, и тот, кто успевал это сделать первым, имел "верх" в семейной жизни. Строго следили, чтобы между женихом и невестой никто не прошел. Это делалось, чтобы никто из них не нарушил супружеской верности. Стоя под венцом невеста крестилась "покрытой" (т.е. не голой) рукой (чтобы богато жить). Много поверий было связано с венчальной атрибутикой: кольцом, свечами, венцами. Считали, что уронить во время венчания обручальное кольцо - "не к доброму житью". Погасшая свеча означала скорую смерть державшему ее. Считалось, что тот, кто под венцом свечу выше держал, "за тем и большина" (главенство в семье). Венчальные свечи старались задувать разом, чтобы жить вместе и умереть вместе. Подвечечную свечу берегли и зажигали при первых родах, чтобы облегчить их. Примечали: с кого из молодых венец спадет, тому вдовствовать. В некоторых местах, когда молодых обводили вокруг аналая, сваха разрывала девичью повязку.

Иногда после венчания в церковной сторожке или ближайшем доме, невесте заплетали две косы и укладывали вокруг головы - "окручивали молодую по-бабьи", (обряд "окручивания" могли совершать и в доме молодого сразу после приезда или на другой день после брачной ночи), причем свахи старались плести косы наперегонки, при этом приговаривая: "носи девиц" (говорила невестина сваха), "носи молодцов" (говорила сваха жениха), так как существовала примета: чья сваха первая заплетет косу, такого пола будет первенец молодой. После этого молодой надевали женский головной убор - повойник (Русский Север), очипок (южнорусские), моршень (Пермская губерния), жуток и фальпонку (Сибирь) или кокошник (среднерусские). Говорили: "стала коса двухвосткой, под повойник ушла, запряталась". Устройство женской прически и надевание головного убора были одним из важнейших обрядовых моментов народной свадьбы ("подруги косу плетут на часок, а свахи на век"). Этот обряд знаменовал переход невесты в группу замужних женщин. Расплетание косы и заплетение волос в две косы в народной свадьбе было настолько важным символическим актом, что у некоторых толков старообрядцев Пермской губернии, не признающих венчания, оно было равноценно обряду бракосочетания.

В доме молодого новобрачных ждали. Женщины-односельчанки выходили встречать свадебный поезд к околице, и, завидев его, начинали петь. Встречающие у дома, родственники и гости, стреляли вверх из ружья, молодых обсыпали хмелем и зерном, у ворот раскладывали огонь и переводили их через него. Перед молодыми разметали дорогу веником (идучи задом), расстилали от ворот до свадебного стола холсты. Нередко мать молодого надевал[^] тулуп шерстью наружу и выходила навстречу новобрачным. Из толпы встречающих были пожелания: "Мохнатый зверь на богатый двор: молодым князьям да богато жить!" "Дай Бог вам совет да любовь! Здравствуйте, князь с княгиней, бояре, сваты, дружки и все честные поезжане!" Родители благословляли новобрачных - отец иконой, мать хлебом-солью ("хлеб-соль не попустит врага сотворить зла"). В некоторых местностях хлеб разламывали над головами молодых и каждый из них должен был

хранить его до конца жизни. После благословения молодые кланялись в ноги, стараясь это сделать одновременно, чтобы жить дружно. Молодых усаживали за стол на лавки, покрытые шубами или войлоком, приговаривая: "шуба тепла и мохната - жить вам тепло и богато". А дружка продолжал: "Как голубь без голубки гнезда не вьет, так новобрачный князь без княгини на место не садится". Обычно свекровь или кто-то из родни жениха с помощью ухвата, сковородника, пирогов и т.п. раскрывали ("вскрывали") молодую, т.е. снимали с нее завесу, покрывало или в более позднее время - фату. Затем здоровались с ней и подносили подарки. Иногда после раскрытия молодой новобрачных трижды обводили вокруг стола.

Первый стол в доме молодых обычно назывался свадебным. Молодые, хотя и сидели за ним, но ничего не ели. В честь молодых произносили поздравления, пожелания добра и счастья, не умолкали величания. Вскоре их уводили в другое помещение (в чулан, баню или к соседям) и кормили ужином. Тогда же нередко и "окручивали" ("повивали") молодую по-женски. В южнорусской свадьбе обряд дополнялся "прыганьем молодухи в поневу". В новом обличае молодые возвращались к поезжанам. К этому времени накрывали второй стол, называемым горным. На этот стол приезжали родственники новобрачной. Их торжественно встречали у крыльца, подавая каждому по рюмке водки. Приехавшие рассаживались за столом по старшинству - мужчины с одной стороны, женщины - с другой. За горным столом молодая одаривала родственников мужа, кланялась им, обнимала их и целовала. Тогда же она должна была назвать свекра батюшкой, а свекровь - матушкой. Во время пира девушки пели песни. По окончании стола молодые, выйдя, падали родителям в ноги, чтобы те благословили их на брачное ложе. Его устраивали в каком-нибудь неотопливаемом помещении: в клети, в хлеву или конюшне, в бане, в отдельной избе и т.д. Брачную постель стелили с особым тщанием. Иногда рядом с брачной постелью клали какие-нибудь орудия крестьянского или ремесленного труда с тем, чтобы у новобрачных рождались сыновья и были хорошими работниками. Молодых обычно провожали дружка и сваха.

Проводы сопровождалась музыкой и шумом, вероятно, такое оформление имело значение оберега. Сваха и дружка внимательно осматривали постель и помещение, чтобы не было каких-нибудь предметов, способных навести "порчу" на молодых, и, дав последние советы и наставления, желали им счастья и благополучия. Молодые угощали их вином.

Спустя час или два, а в некоторых местах и целую ночь, приходили будить или поднимать молодых. Обычно этот обряд совершали те же, кто и провожал их на брачную постель. Вошедшие проверяли постель и вели новобрачных в избу, где продолжался пир. Молодые кланялись присутствующим и принимали их поздравления. Во многих местах принято было демонстрировать рубашку новобрачной. Если молодая оказывалась непорочной, ей и ее родне оказывали большие почести, если же нет, то подвергали всяческому поруганию. При благоприятном исходе пир принимал бурный характер, все шумели, кричали, выражая свою радость. Если же молодая была "испорченной", ее родителям и крестным подавали пиво или вино в дырявом стакане (решете), надевали на них хомут и т.д. Нередко этим унижениям подвергалась и сваха ("свахе первая чарка и первая палка"). Обычай демонстрации рубашки бытовал довольно широко: в одних уездах молодая отдавала рубашку (честь) свекрови, а та расстилала ее у входа в дом или на полу в избе, и на ней плясали присутствующие; в других - ее вывешивали на обозрение всей деревни. Случалось, что окровавленную рубашку новобрачной показывали гостям, а потом отсылали матери невесты как доказательство невинности ее дочери, где-то такую рубашку вывешивали на высоком шесте или привязывали к дуге лошади, во время праздничного катания по деревне. Нередко при благополучном исходе начинали бить посуду, приговаривая: "сколько кусочков, столько сыночков, сколько в лесу кочек, столько дочек" и т.д.

Во многих местностях обряды, связанные с "бужением" молодых, происходили утром

второго дня и сопровождалась обрядовой баней. Ее топили определенные свадебные чины (поддружье, свахи, дружки, крестные и т.д.). Проводы в баню происходили с шумом, песнями и музыкой. Перед молодыми разметали дорогу вениками. Впереди процессии шел дружка и нес разукрашенный и покрытый платком веник. Со временем обряд второго дня постепенно стал заменяться обливанием водой, валянием молодых в снегу, даже просто посещением нетопленной бани. После бани нередко молодые и их гости катались по селу на лошадях. Для этой поездки выбирали лучших лошадей, наряжали их, украшали сани, как в день венчания. Катаясь по селу, молодые заезжали в дома родственников и приглашали их на следующее застолье.

Застолье второго дня называлось по-разному. В районах Средней Волги -сырный стол, поклонный или поцелуйный. На него собирались родственники с обеих сторон. В Курской губернии этот главный пир происходил во второй половине дня и назывался княжой обед, горячий, вечерние гости. В Северном

Прикамье его именовали большой стол (столы, столованье). Во время сырного стола совершалось разрезание сыров. Дружка по старшинству вызывал сначала родственников молодой, затем молодого и просил их принять угощение от молодых - водку и закуску, и положить что-нибудь "на сыры". Сбор от сыров отдавали новобрачным, но чаще в пользование молодой. Во время этих столов угощали с особым радушием, пели величания гостям, тысяцкому, свахе и свату. В конце стола происходило взаимное одаривание молодоженов и гостей, в южных районах нередко оно сопровождалось раздачей каравая.

Наиболее распространенным обрядом второго или третьего дня свадьбы было первое посещение новобрачной источника или колодца, во время которого молодая обычно кидала в воду деньги, кольцо, краюшку хлеба, отрезанную от венчального каравая, или пояс. Как правило, ее сопровождали родственники мужа (золовка, свекровь, сам муж или толпа ряженных), которые после получали от молодой подарки. Иногда молодой приходилось выкупать у них источник или колодец, давая деньги или специально приготовленные лепешки.

Другим, не менее распространенным обрядом второго или третьего дня свадьбы, были поиски ярки. Родственники молодой приходили в дом ее мужа и заявляли о пропаже девушки. Начинались поиски. К ним выводили новобрачную. Они признавали ее за свою, но после осмотра находили много изменений и отказывались от своих прав.

Продолжающиеся свадебные гуляния старались разнообразить всякого рода играми и забавами. Почти повсеместно распространенным игровым обычаем второго дня было ряженье. Ряженные одевались в вывернутые шкуры, мужчины - часто в женскую одежду, женщины - в мужскую. Рядились в разных зверей, цыганами, солдатами и т.д. Взяв с собой заслонки, горшки, веники и метлы, они ходили или ездили по деревне, с шумом и криками. В Сибири (Обско-Иртышское междуречье) обычно рядились во время посещения родителей молодой. Называлось оно "овес молотить" или "горох молотить". Третий день свадьбы обычно был заключительным. Нередко, в этот день устраивали испытание молодой. Заставляли ее разжигать печь, готовить, мести пол, но при этом ей всячески мешали - отвлекали, бросали на пол мусор, перья, деньги, закрывали в печи трубу, разливали воду, опрокидывали тесто, испытывая ее терпение. Это было нормой поведения ("кто над молодой не ломается!"). Ее вышучивали, посмеивались: "Эх, не управилась молодая!.. Видно не бойкая попала". На досадливое восклицание молодой: "Да куда вы будете шутить надо мной?" Веселые гости ей отвечали: "Три года лапоть над молодой смеется". Одновременно с вышучиванием невесты, ей давали советы и наставления такого типа: "Мети, мети, а сор на улицу не выкидывай", - говорила ей свекровь. А дружка бил кнутом по шубе и приговаривал: "Не шубу секу, молодой науку даю. Шуба, ты шуба, не делай шуму; ты шуба избу мети, сору на улицу не носи". Избавить жену от всех испытаний мог только молодой, угостив всех водкой.

Одним из ответственных и достаточно распространенных обрядов заключительного этапа свадьбы было посещение тещи зятем. В каждой местности оно имело свое название,

наиболее распространенное - хлебины. Молодого тещу угощала блинами и яичницей. Нередко в этот приезд зять прилюдно демонстрировал теще свое отношение к ней, зависевшее от того, сумела ли она воспитать дочь и сохранить ее целомудрие или нет. Если все было в порядке, он осторожно брал яичницу или блин и откусывал его с краюшку, если же нет - проедал блин в середине, а яичницу переворачивал. В некоторых местах в этот приезд теща причесывала и мазала маслом голову зятя, чтобы он сильнее любил ее дочь. При этом приговаривала: "Баран, баран, не ходи по чужим дворам, люби свою ярочку!". После угощения зять разбивал опорожненную посуду о матицу или об пол. Во многих деревнях посещение тещи заканчивалось подачей разгонного пирога, означавшего конец свадебного гуляния в доме молодой.

Обычно свадебные торжества продолжались три дня, у богатых крестьян длились дольше. Специальных обрядов в эти дни не совершали, а как правило повторялись различные развлечения, шли застолья с угощением, то в доме молодого мужа, то в доме молодой. Оканчивался свадебный пир, как правило, в доме молодого.

Заканчивалась свадьба, но судьба молодых все еще оставалась под пристальным вниманием деревенского общества. Существовало множество разнообразных общественных обрядов и обычаев, гостеваний и праздников, совершавшихся в течение первого года совместной жизни молодоженов, позволяющих не только контролировать, но и поправлять жизнь новой семьи. В течение года новобрачные, и особенно молодая, пользовались в семье мужа и в деревне некоторыми преимуществами. В Среднем Поволжье этот год даже именовали годом молодухи. Весь послесвадебный период молодожены были как бы на виду у всех. Они ездили в гости, посещали родных, принимали их у себя. Сначала ехали к теще и тестю. Обычно, это происходило в воскресенье и называлось такое застолье хлебинами, отводинами, отгостками, перезывками. За этим посещением следовал ответный визит родителей в дом новожен. Он назывался отхлебинами. Дальнейшие поездки по родственникам могли растянуться на несколько недель. Эти гостевания помогали наладить и укрепить родственные связи между новобрачными и их родней с обеих сторон.

Обычно в течение первого года новобрачным разрешалось ходить на посиделки, участвовать в развлечениях, играх и хороводах, плясать с молодежью. Молодوخа могла бывать на девичьих вечерах, где рассказывала о жизни в своей деревне (если была родом из другой), учила девушек своим песням, т.е. знакомила потенциальных невест с бытом деревни, в которую они могли попасть после замужества. В некоторых местах права молодухи сохранялись и после рождения первого сына. Нередко женщины из родни мужа специально для молодой устраивали беседы, как бы посвящая и принимая ее в свой круг замужних женщин. Существовал обычай величания молодухек в летних хороводах. Величания такого типа происходили как бы экспромтом, но молодая заранее должна была быть готова к нему, знать и исполнять все необходимые детали этого ритуала, уметь в рифмованной форме ответить на вопросы, во время и к слову сказать присказки и прибаутки. В Орловской губернии публичное чествование молодых происходило во время зимней уличной игры в "сало". Особенно разнообразны были масленичные развлечения, связанные с молодоженами. В последнее воскресенье масленицы молодая собирала в доме мужа всех своих сверстников и устраивала им угощение. В иных местностях наоборот подруги угощали молодуху. Широко распространен был обычай "кататься на молодом". В Вологодской губернии он назывался "ездить бобром на молодом", "катать бобра". Когда молодой приезжал погостить к теще, знакомые мужчины, человек десять, силком усаживали его в розвальни без оглобелей и сталкивали их с горы, при этом вся компания на ходу вскакивала туда же и с шумом катилась вниз.

Большой популярностью пользовались масленичные катания молодоженов на лошадях. Катание как и хоровод находилось под пристальным вниманием старших, здесь формировалось общественное мнение. В Ростовском уезде Ярославской губернии во время этих прогулок сани с молодыми должны были по нескольку раз останавливаться в

каждой деревне, чтобы "здороваться", т.е. целоваться. На Масленицу устраивали общественные смотры молодых пар. В некоторых уездах Среднего Поволжья следующее воскресенье после Масленицы называлось пла-куньей. В этот день молодухи из всех окрестных селений съезжались на базар или ярмарку "оплакивать свою бабью долю". В этих же уездах принято было в первое воскресенье поста возить молодухек в церковь "под звоны", чтобы они не оглохли (колокольным звоном прочищали им уши).

Среди весенне-летних увеселений (развлечений) особо выделяется обычай окликанья молодых, не менее известный под названием: вьюнство, вьюнины, вьюншпство, вьюнишник, юнец, юнины и т.д. Он совершался как правило в первое воскресенье после Пасхи. В обряде обычно участвовали мужчины разного возраста, иногда дети. Они ходили по дворам, где жили молодые, и "окликали" (поздравляли) их. Вьюнишников приглашали за стол и угощали, а они пели молодым величальные песни и требовали вознаграждения. Если его не давали, то пели песни с угрозами. В некоторых местах существовал обычай "ублажать гордых", т.е. родственников молодой после свадьбы, чтобы завязать прочные связи с новой родней. Их посещение было одним из звеньев целой цепи взаимных посещений породнившихся семей в первый год после свадьбы. Обычно вьюнинами заканчивался годовой цикл послесвадебных гостеваний и праздников. Молодожены становились полноправными членами общества семейных людей, а "с миром и беда не убыток".

Крестьянский свадебный обряд послужил основой городского. В условиях города он значительно изменился как в целом, так и в деталях.

С древнейших времен, чуть ли не с XII в. {Рабинович. Свадьба... С. 30), в городе происходило смешение различных по происхождению вариантов свадебного обряда, принесенных из разных мест. Формировались чисто городские обычаи, крестьянская свадебная традиция перерабатывалась и приспособлялась к условиям города и психологии горожан. Постепенно складывался универсальный, можно сказать, "межнациональный" ритуал. Но это не означало, что городской обряд был единым. Он всегда отличался многовариантностью, что было связано как с процессом формирования городского населения, так и с его сложной социальной структурой. Социально-сословная дифференциация населения, особенно усилившаяся после петровских реформ, сыграла важную роль в создании городского обряда. Нередко сословные различия вытесняли локальные. К середине XIX в. в ритуалах горожан наблюдались общие и специфические черты, отличающие их от крестьянской традиции (ослабление магических элементов, усиление роли профессиональных свах, большее распространение брачных контрактов, изменения в ритуальной пище и порядке застолий, замена плясок танцами, а фольклорного репертуара городскими песнями, и т.д.), что позволяет говорить об уже сложившихся городских формах свадебной обрядности.

Примерно с 80-х годов XIX в. под воздействием нарастающей демократизации общественной и культурной жизни России произошли заметные изменения в социальных и бытовых отношениях горожан, что также сказалось и на свадебном обряде. В нем, с одной стороны, произошло разрушение социальной замкнутости вариантов и их смешение, с другой - возникновение новых универсальных форм. Эти процессы особенно активно протекали в столичных и промышленных городах.

Новым рубежом в бытовании традиционного свадебного обряда стал Октябрьский переворот 1917 г. и последующие за ним коренные изменения в бытовой и идеологической жизни страны. Широко развернувшаяся борьба с прежними (дореволюционными) бытовыми нормами и идеологией глубоко затронула духовную сторону жизни. Для идеологов нового времени традиционная обрядность прочно ассоциировалась с церковью. Поэтому, объявив войну религии, начали наступление и на традиционную народную культуру (и в частности обряды), которая подвергалась нападкам, осмеянию и запретам. Вместо старых традиций уже с первых лет революции пытались создать новую обрядность, соответствующую государственной идеологии, но

далекую от старой народной традиции. Большинство этих опытов (как на первых порах, так и в дальнейшем) оказались нежизнеспособными, в то время как старый обряд в той или иной степени сохранности продолжает бытовать в разных регионах России вплоть до настоящего времени.

Большую роль в разрушении традиционного крестьянского свадебного обряда сыграла и популярная в советском обществе идея о необходимости ликвидации различий между городом и деревней. Ее осуществление на практике привело к тому, что сельская молодежь нередко "стеснялась" справлять свадьбу по-деревенски, не хотела перенимать народную культуру у старшего поколения, тем самым нарушалась преемственность традиции.

В течение всего советского периода существовали как бы две основные формы свадебного обряда: официальная (государственная) и традиционная. В какие-то периоды эти формы резко разграничивались и развивались как бы изолированно (20-30-е годы), в другие - начинали взаимодействовать, дополняя друг друга (50-80-е годы).

В первые годы советской власти свадьбу почти повсеместно справляли со всеми старыми обычаями, исключение, как правило, составляли члены партии, комсомольцы, передовая рабочая молодежь. Во многих сельских районах России вплоть до Великой Отечественной войны, несмотря на бытовые трудности, традиционный свадебный обряд сохранялся и жил, умело приспособившись к новым условиям. Он продолжал естественно жить до тех пор, пока сохранялся традиционный крестьянский быт и связанная с ним целостная народная культура.

К 30-м годам церковные браки стали редким явлением, большое распространение получили гражданские, оформляемые в загсе и сопровождавшиеся новыми обрядами, а чаще простой вечеринкой. Но даже в те годы традиционный обряд и фольклор, долгое время оставшиеся не востребованными, удивительным образом сохранялись в народной памяти. Поэтому вскоре после войны, в 50-е годы, когда страна стала оправляться от военных невзгод и потерь и несколько улучшилось материальное состояние народа, а официальная идеологическая позиция по отношению к традиционной народной культуре изменилась (как после всякой войны, в которой победил народ), начался период официального возрождения народной культуры (но без ее "пережитков"). Это выразилось, в частности, и в очередных попытках создания современного свадебного обряда. Его сочинители больше уделяли внимания народной традиции. Но, к сожалению, эти попытки не оказались удачными. Новые обряды не получили широкого распространения.

К 70-80-м годам усилилась тенденция, особенно в городах, к проведению официальных, более торжественных и парадных свадеб. Их праздновали в домах и дворцах культуры. Для них потребовались соответствующие ритуалы. Снова началось активное обрядотворчество, но и оно не дало желаемых результатов.

В 80-90-е годы была сделана попытка шире распространить и внедрить в жизнь новый обряд, создававшийся и формировавшийся на основе сценариев и рекомендаций, составленных профессиональными работниками культуры. Интересно отметить, что почти все распространяемые в те годы формы свадеб, как правило, основывались на старом традиционном народном обряде. Что касается его самого, то он продолжал существовать (правда больше в памяти людей старшего поколения) во множестве вариантов по всей России. Разумеется, в сравнении с концом XIX и началом XX в. этот обряд претерпел существенную трансформацию, утратил многие структурные элементы и краски, но приобрел и новые. Оценивая современную сельскую свадьбу в целом, можно сказать, что произошло упрощение обряда и его отдельных эпизодов. Лучше других сохранились эстетическая, игровая и развлекательная функции свадебного обряда. Именно с ними связано и бытование традиционного свадебного фольклора.

В конце 80-х и начале 90-х годов на всей территории бывшего СССР отмечался повышенный интерес к национальным корням, к истории и культуре страны, к народным традиционным обрядам, праздникам и фольклору. В этой обстановке сельские жители по-

новому взглянули на свою, находящуюся долгие годы в небрежении традиционную культуру, а для многих горожан впервые, пусть далеко не в полном объеме, открылось ее богатство. Проведение свадьбы "по традиционному обряду" во многих сельских районах и небольших городках снова стали считать престижным и даже обязательным для утверждения социальной полноценности новой молодой семьи в глазах старшего поколения. Но теперь уже желания "играть свадьбу" по правилам старинного обряда было недостаточно для того, чтобы получилось целостное действие. Большинство участников, даже при знании общей схемы действия и многих обрядовых элементов и фольклора, не могли вести себя как положено в той или иной ситуации. За долгие годы забвения и небрежения к народной культуре была нарушена естественная передача народных знаний, произошли также необратимые изменения в общем культурном и духовном облике деревни. Была утрачена сама обрядовая культура. Возможно ли ее возрождение, покажет время.

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ. ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ

Потребности нормального воспроизводства у всех народов требовали внимательного и бережного отношения к рождению, сохранению и воспитанию нового поколения. Если физиологические процессы, связанные с деторождением, едины для человечества, то создаваемая веками практика родовспоможения, уход за роженицей и ребенком, включающие как рациональные, так и религиозно-магические акты, имеют этническую (а часто и социально-этническую) специфику, обусловленную как объективной необходимостью приспособления и выживания в определенной среде обитания, так и религиозными воззрениями данного общества.

К сожалению, мы располагаем слишком скудными и разрозненными сведениями об обрядовой и практической деятельности (в интересующей нас сфере жизни) жителей средневековой России, особенно ее низших слоев, что не позволяет воссоздать цельную картину традиционной культуры материнства в отдаленном прошлом. Лишь со второй половины XIX в. начинается систематический сбор сведений о духовной культуре русских. Специальные анкеты, рассылаемые Русским Географическим обществом и Этнографическим бюро кн. В.Н. Тенишева содержали вопросы, касающиеся разных сторон жизни русского народа, прежде всего крестьянства, весь уклад жизни которого способствовал сохранению национальных традиций. В то же время проблемы материнства и детства начинают интересовать краеведов и ученых-этнографов, появляются подробные описания обычаев и обрядов, существовавших в разных губерниях России, многие из них содержат и теоретические обобщения. Религиозно-нравственные и религиозно-обрядовые аспекты данной проблемы, как и в целом религиозное состояние общества, волновали церковнослужителей и вплоть до 1917 г. освещались в церковной печати.

Ценным дополнением к имеющимся материалам являются и воспоминания пожилых жительниц села, записанные в 70-90-е годы XX в. Большинство из них выросли в многодетных семьях, сохранявших, в основном, традиционный семейный быт. Их рассказы содержат не только впечатления детских лет и опыт собственного материнства, но и услышанные от мам и бабушек эпизоды из жизни предыдущих поколений. Таким образом был накоплен и осмыслен огромный материал, что позволило составить представление о свойственной русскому народу культуре материнства и детства и сделать ряд выводов относительно содержания и генезиса составляющих ее элементов. 1. Совершенно очевидно, что многие элементы возникли в древнее время, возможно еще до введения христианства на Руси, и в разной степени испытали влияние новой религии. 2. Ряд обрядовых действий и соответствующих представлений возникли на основе укрепившегося христианского мировоззрения, но носили неканонический характер,

являясь плодом народного религиозного воображения. 3. Совершение канонических христианских обрядов и соблюдение мирянами религиозных предписаний относительно их поведения в религиозно-обрядовой и религиозно-бытовой жизни за десять веков существования христианства обрели этническую и региональную специфику.

Безусловно, обрядово-магическая деятельность сочеталась с рациональными действиями, основанными на народном практическом опыте и медицинских знаниях, передаваемых устно из поколения в поколение. Распространены были и различные рукописные травники. В XVI-XVII вв. появляются переводные травники и лечебники, целые разделы которых посвящены родам и лечению младенцев. Однако говорить о каком-либо распространении специальной акушерской или педиатрической помощи еще рано. До XVIII в. даже в высших слоях городского населения сохранялись как традиционные способы принятия родов и ухода за новорожденным и матерью, так и многие обрядовые традиции. Основное отличие родовспомогательной практики у разных слоев населения заключалось главным образом в материальных возможностях в обеспечении необходимого ухода.

Бесплодие воспринималось людьми того времени как несчастье для семьи и позор для женщины, особенно в среде боярства и, конечно, в царской семье. Малейшее подозрение в неспособности дать стране наследника лишало претендентку шансов на царскую корону, а затянувшееся бесплодие грозило несчастным женщинам пострижением в монастырь. Религиозное мышление средневековья причину всех бед человеческих усматривало в Божьем наказании и соответственно возможность избавления от них видело в снискании Божьей милости. Поэтому для обретения "чадородия" женщины прежде всего прибегали к средствам, рекомендуемым церковью. Согласно историческим преданиям, великий князь Василий III, царь Иван Грозный и его старший сын Иван были зачаты и, более того, обрели жизнеспособность по молитвам и обетным богомольям их родителей, вместе с которыми о рождении наследников молился и весь православный народ.

В XVIII в. постепенно меняется и положение женщин в обществе, и отношение к врачебной деятельности. Но врачей-специалистов в то время было мало, и реально помощь при родах даже в городах по-прежнему оказывали повивальные бабки. В середине XVIII в. по распоряжению Сената в Москве и Петербурге были основаны первые школы "бабичьего дела" для подготовки квалифицированных повитух (обычно их называли по-прежнему повивальные бабки, повитухи, иногда, с целью отличить от деревенских пупорезок, -немецкими бабками). По окончании школы они получали специальное разрешение на акушерскую практику. К концу XIX в. таких школ в России было 35. Постепенно родовспоможение в городах переходило к профессиональным медикам. Вместе с традиционной практикой исчезает и нераздельно связанный с ней обрядовый комплекс, хотя отдельные его элементы сохраняются в быту горожан, особенно в небольших городах, даже в начале XX в.

В сельской местности картина почти не менялась вплоть до 30-х годов XX в., когда государство начало одновременно преследовать лекарей-самоучек (к ним относились и не имевшие специального образования деревенские бабки) и расширять сеть медицинской службы. Это позволяет рассматривать обычаи и обряды, существовавшие в крестьянской среде во второй половине XIX - начале XX в. как традиционно русские, сохранившие в основных чертах специфику национальной русской культуры материнства и детства.

Важность деторождения определяла во многом обрядовый характер традиционного ритуала создания семьи: свадьба буквально насыщена действиями продуцирующего характера и пожеланиями многодетности. Такие же пожелания: "Дай Бог Вам, Иван Иванович, богатеть, а Вам, Марья Ивановна, спереди горбатеть" (т.е. беременеть. - ТЛ1.) были обычными в приветствии молодых супругов, и как каждое специально сказанное слово (доброе или "лихое") несло элемент магии.

В XIX - начале XX в. деревенские женщины практически почти не обращались к врачебной помощи по поводу женских заболеваний и лечения бесплодия. В последнем

случае они по-прежнему искали помощи свыше и следовали советам церкви - молились, ходили на богомолья, давали обеты. Те же шаги (помимо лечения у медиков-профессионалов) предпринимали в аналогичных случаях и женщины-горожанки. Предпочтение ими тех или иных способов лечения зависело как от религиозности семьи и самой женщины, так и от установившегося уклада жизни того социального слоя, к которому она принадлежала.

При довольно ровном отношении и любви к детям в русских семьях все-таки больше ждали рождения мальчиков. У крестьян это было вызвано в первую очередь хозяйственно-экономическими причинами, а родовитые родители хотели иметь сыновей - наследников рода. К тому же девочке нужно было готовить приданое, а после выхода замуж она отделялась от родителей и им не приходилось ждать от нее помощи под старость. Поэтому в народе говорили: "мальчик родится на подмогу, девочка-на потеху", "с сыном дом наживешь, с дочкой остатки проживешь", "ростить дочку, что лить в дырявую бочку". Предпочтение мальчиков сказывается и в том, что в основном все суеверные средства воздействия на пол будущего ребенка ориентированы на рождение сыновей. Многие уповали на Божью милость и лишь молились о рождении сына или дочки, причем рекомендовалось молиться определенным святым: о рождении мальчиков - св. Иоанну Воину, о рождении девочек просили св. Марию Египетскую.

Пол будущего ребенка определяли по внешнему виду беременной: по форме живота, цвету сосков, пятнам на лице, а также потребностям в еде.

Период беременности мало что менял в жизни деревенской женщины. Однако, зная о возможных последствиях тяжелых работ для нормального течения беременности и здоровья женщины, ее старались перевести на более легкие работы.

Особенно внимательно относились к перворожающей женщине. Свекровь, заставляющая молодую беременную сноху выполнять тяжелую работу, могла подвергнуться публичному осуждению односельчан.

Поведение женщины в период беременности регламентировалось и суеверным убеждением в том, что определенные ее поступки могут так или иначе отразиться на здоровье и характере зачатого ребенка. Дородовые запреты и рекомендации беременным женщинам основаны, главным образом, на магии подобия. Нельзя было сидеть на камне - роды будут тяжелые, шагать через веревку - ребенок в пуповине запутается, шагать через коромысло - ребенок будет горбатым, толкать кошек и собак - у новорожденного будет "собачья старость", щетинка на коже и т.д. Она не должна была целовать покойника, прощаясь с ним, и даже провожать гроб до кладбища. Если же этого нельзя было избежать, ей следовало принять предохранительные меры - положить под мышку хлеб (Пермская губерния - На путях... С. 279), расстегнуть ворот рубашки и таким образом избежать тяжелых родов (Яковлев Г. С. 309).

Не меньшую опасность для нормального течения беременности представляла также возможность порчи и похищения или подмены еще не родившегося ребенка нечистой силой. Выкидыши объясняли как порчей будущей матери, так и ее каким-либо греховным проступком. Поэтому на всем протяжении беременности она должна была особенно усердно прибегать к средствам христианской защиты: регулярно креститься, читать молитвы, причащаться (желательно не один раз). Кроме обычных канонических молитв, которые помогали во всех случаях жизни, существовали и особые молитвы. Так, в Пудожском уезде Олонецкой губернии с момента шевеления ребенка женщины начинали каждый вечер читать следующую молитву: "Рождество Богородицы, жена Мироносица, зародила неведомо и разреда неведомо. Милосливая пресвятая Богородица, не оставь, не покинь меня грешную, потерпи моим грехам", сопровождая чтение тремя поклонами (Харузина, 1906. С. 88). Ни в коем случае беременная женщина не должна была работать в большие религиозные праздники: запрет этот касался всех, но будущие матери особенно строго выполняли церковное установление, поскольку верили, что совершенный ими грех пагубно отразится на ребенке.

Даже для многорожавших деревенских женщин роды были опасны и к ним следовало определенным образом подготовиться. Физиологическая, т.е. материальная природа родов была очевидна для деревенских жителей. Однако рождение человека, по их мнению, имело и мистическое содержание. По убеждению верующих вся жизнь человека - постоянное противоборство "чистых" и "бесовских" сил за его душу, начинающееся с первого его вдоха на Земле и даже в утробе матери. Особенно опасным казался сам момент появления на свет, так как кроме ангела, присутствующего при родах и помогающего матери и ребенку, одновременно "злой дух старается" и тяжелые роды часто объясняли "шалостями сатаны". Поэтому для обеспечения нормального протекания родов и сохранения жизни и своей, и ребенка необходимо было прибегать к различным средствам христианской защиты.

В последние сроки беременности, желательно перед самыми родами, женщины считали нужным покаяться и причаститься. Прежде всего это исключало страшную опасность умереть скоропостижно без принятия этих таинств. Ни одна роженица не считала себя застрахованной от такой смерти. Кроме того, одной из возможных причин затянувшихся родов считали нарушение женщиной, а иногда и ее мужем, норм религиозно-нравственной жизни. Причащение же очищало женщину, "снимая" и невольные грехи. И, наконец, оно оказывало благотворное психологическое воздействие, давая столь необходимую во время родовых мучений уверенность в помощи святых. Религиозное покаяние дополнялось и испрашиванием прощения у всех домочадцев и даже соседей - "за все чем обидела и в чем нагрубила", на что все отвечали "Бог простит и мы туда же". Чье-то недоброжелательство, раздражение могло в этот опасный момент привести к осложнениям: считали, что "родильница мучается, если есть злой человек в избе".

В XIX в., как и прежде, об облегчении родов женщины молились св. вмч. Екатерине и Варваре, так как те "сами трудились родами", св. Анастасии узорешительнице - так как в ее власти было "разрушать узы", св. Иоанну Богослову, который, по преданию, помог родить встретившейся ему на дороге женщине. Молились св. Анне - матери девы Марии и, конечно, самой Богородице, которая, как верили женщины, незримо приходит к призывающим ее роженицам. Среди чудотворных икон Богородицы особая помощь приписывалась иконе Феодоровской Божьей Матери.

Начавшиеся роды тщательно скрывали. Боялись не только намеренного сглаза или порчи. Многие полагали, что и случайное знание о происходящем затрудняет течение родов. Говорили так: "сколько человек знает о родах, столько будет потуг". Особенно неблагоприятно на течение родов сказывалось знание о них молодых девушек и старых дев.

Среди многочисленных магических средств, способствующих нормальному процессу родов, основное место занимали действия, совершавшиеся по принципу подражательной магии. Считая, что "всякая замкнутость мешает быстроте родов", развязывали все узелки не только на одежде роженицы, но и у всех домочадцев; распускали роженице волосы, раскрывали все двери, ворота, печные заслонки, шкафы, сундуки. В критических ситуациях обращались к священнику с просьбой раскрыть "царские врата" в церкви. На подражательной магии основаны такие действия роженицы как проползание под столом, между ног мужа, под дугой, имитирующие рождение. Магия действия усиливалась и словесными приговорами. Так например, роженицу поили водой, которой обмывали куриное яйцо, приговаривая при этом: "Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба Божья (имя) скоро распросталась".

Большой интерес представляют и известные в родовспомогательной практике русских обряды, связанные с верой в то, что присутствие мужа или его определенные действия во время родов облегчают страдания жены и ускоряют роды. Эти действия генетически связано с древним обычаем кувады*. В наиболее полном и характерном для кувады виде эти обычаи еще в конце XIX - начале XX в. существовали в Смоленской губернии. По

описаниям очевидцев, муж во время родов жены, изображая родовые муки, стонал, кричал и "доводил себя до того, что бледнел как полотно и чернел как чугун". По убеждению крестьян, муки жены могли переходить на него и в результате специальных наговоров знахарок или заговоренных действий жены. Так, для облегчения будущих родов невеста во время венчания, в тот момент, когда священник обводил ее вокруг аналоя с женихом, должна была сказать: "Мне приносы (родить), а мужу мучиться (Вологодская губерния) или в первую брачную ночь расстегнуть мужу пуговицу (Пермская губерния). С тем же обычаем связано и встречающееся у русских обыкновение во время родов надевать на мужа юбку родительницы, повязывать ему голову платком жены или заставлять дуть в бутылку (этот прием обычно применялся для вызывания потуг у роженицы). Считалось также, что прикосновение мужа или использование его вещей оказывает роженице помощь. Мужу рекомендовалось поцеловать жену во время схваток, дать ей воду изо рта, держать ее на коленях. От сглаза, который мог быть причиной трудных родов, роженице следовало утереться мужниной шубой.

Кувада (от французского *couvade* - высиживание яиц) - обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребенка, возникший по наиболее обоснованному мнению в эпоху перехода от материнского к отцовскому счету родства {Тэйлор Э.Б. Первобытная культура / Предисл. и примеч. А.И. Першица. М., 1989. С. 511).

На облегчение родов были направлены и действия с предметами домашнего обихода, имеющими устойчивое сакральное значение. Обычно эти действия сопровождалась молитвой. Роженицу "поили с углей" - т.е. давали ей воду, в которую были опущены заранее собираемые выскокившие из печи угли; брызгали на нее водой, которой обмывали три камушка из трех бань. В качестве магического средства часто использовали соль. В одних местах ею посыпали порог избы, в других - углы стола. В этом случае роженица, обходя вокруг стола с определенным заговором, должна была отведать ее.

Роды чаще происходили вне жилого помещения - в хлеву, в овине или по наиболее распространенной и древней традиции - в бане. Особенно строго следили за этим в среде старообрядцев. В XVI-XVII вв. даже русские царицы, как и крестьянки XIX в., перед родами удалялись в "мыльню".

Рожали русские женщины лежа, иногда и стоя. Во время схваток их часто водили до тех пор, пока не показывалась головка ребенка. Для вызывания потуг роженицу поили сажей, мыльной водой, заставляли глотать волосы, а также делали ей массаж живота.

Успешное прохождение родов во многом зависело от умения повивальной бабки. Деревенская повитуха занималась не только принятием родов, она выполняла и первые послеродовые процедуры над ребенком и роженицей, сопровождая их необходимыми магическими действиями. Это были: обрезание пуповины, действия с последом, купание ребенка и роженицы. Повитуха была единственной помощницей при родах в деревенском доме (Листова, 1989. С. 144-149). К акушеркам, появившимся в деревне в конце XIX в., крестьяне обращались крайне редко. Это объяснялось рядом причин. Для крестьянина акушерка была "барыней" или "барышней", и потому роженица и вся ее семья испытывали перед ней стыд за свою бедность, беспорядок в доме. Повивальная же бабка была "своя" и потому понимала все трудности крестьянской жизни, особенно во время болезни хозяйки. Многие религиозные крестьяне считали грехом применение акушерских инструментов. Но самым главным аргументом в пользу повитухи была воспитанная веками уверенность в ее знании всех необходимых рациональных и магических приемов, что положительно влияло на психологическое состояние роженицы. Облегчение приносила и ласковая, успокаивающая и одновременно подбадривающая манера обращения бабки с испытывавшей родовые муки женщиной. Кроме того, эти деревенские лекарки знали и некоторые приемы для облегчения родов, вплоть до ручного поворота

плода, применяли массаж и лекарственные травы, в основном кровоостанавливающего характера.

Одна из основных задач повивальной бабки - защита матери и ребенка от нечистой силы. Для этого они широко пользовались христианской атрибутикой охранительного характера - ладаном, святой водой. Свою заботу о роженице повитуха начинала с того, что зажигала перед иконами лампаду и свечи. Это считалось столь обязательным, что при болезненности младенца в будущем подозревали, что "он, верно, родился без огня". И, конечно, зажигали специально сбереженную венчальную свечку, которая, по поверию, не только способствовала облегчению страданий, но, "смотря по степени веры в ее целительную силу", избавляла от смерти труднорожающую. Вслед за тем повитуха начинала молиться: "распротай, Господи, одну душу грешную, а другую безгрешную. Отпусти, Господи, душу ее на покаяние, а младенцу на крест". Одновременно молились и муж, и все домочадцы, в трудных случаях муж обходил с иконой вокруг дома.

Заговоры повитух обычно включали обращение к различным святым и Богородице. Но главной своей покровительницей и помощницей они считали "бабушку Соломониду (Соломонию, Соломею), которая, согласно апокрифическому Протоевангелию Иакова, принимала божественные роды у девы Марии. В иконописном сюжете Рождества Христова она изображалась обычно в белых одеждах, приготовившаяся обмывать младенца Христа.

По наиболее распространенной у русских традиции повитуха жила или находилась большую часть времени у роженицы в течение трех дней. Основной ее обязанностью в то время было купание матери и ребенка, а также надзор за тем, чтобы их никто не испортил. Кроме того, в случае необходимости она оказывала и практическую помощь: могла подмести полы, подоить корову, приготовить обед, что давало возможность роженице отдохнуть после родов.

В отношениях крестьян к повивальным бабкам большую роль играла вера в магическую связь между ними и принятыми ими детьми. Это определяло выбор повитухи, личные качества которой, поведение, возраст должны были соответствовать определенным требованиям. Повитухой могла быть только пожилая женщина (у нее уже не должно быть месячных очищений), безупречного поведения, т.е. "не замеченная в неверности мужу". В некоторых местах считали, что повивать могут лишь вдовы. Профессиональному искусству повитухи была свойственна определенная этика: все свои знания она должна была направлять на сохранение жизни ребенка. Одно лишь подозрение в том, что она тайно занимается абортами, т.е. совершает страшный грех, могло лишить ее практики. Избегали приглашать и таких повитух, у которых свои, а тем более повитые дети, умирали: их нежизнеспособность свидетельствовала не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и о том, что у нее "тяжелая рука".

Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлениям крестьянства, обязательного последующего очищения. На большей части расселения русских, во всяком случае в центральных, южных и западных губерниях очищение это достигалось при помощи обряда "размывания рук", совершавшегося, по наиболее распространенной традиции, на третий день после родов. Суть обряда такова: водой, в которую часто добавляли различные, имеющие определенную смысловую нагрузку предметы, мать и бабка поливали троекратно друг другу на руки и взаимно просили прощения. Исполнение этого обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать следующего ребенка. Многие религиозные крестьяне считали, что обычай этот существует с евангельских времен: сама Божья Мать также "размывала руки" с бабушкой Соломонидой. Особенной насыщенностью магическими элементами отличались варианты обряда в южных и частично западных губерниях России. На Русском Севере и на Урале обряд не имел повсеместного распространения и характеризовался ограниченностью обрядовых действий и атрибутики. Старообрядцы-беспоповцы не признавали никакого другого очищения, кроме молитвенного: возвратившись от роженицы, повитуха должна

была "отчитать" определенное количество лестовок.

Повивание детей можно рассматривать как профессиональное ремесло. За свой труд повитуха получала вознаграждение, обязательность которого гарантировалась этическими нормами деревни. Обычно женщины становились повитухами добровольно, чаще всего имея намерение немного заработать. Но в дальнейшем, независимо ни от размера предполагаемой оплаты, ни от личных взаимоотношений, она не могла отказаться от помощи роженице. По наиболее распространенной у русских традиции оплата труда повитухи складывалась из индивидуального вознаграждения, получаемого от роженицы (в него обычно входили предметы, символизировавшие очищение - мыло, полотенце, а также хлеб, со второй половины XIX в. - небольшая сумма денег), и коллективного, собираемого на крестинах.

В русском календаре был один день, в который чествовали повивальных бабок-так называемые "бабины" или "бабьи каши". Он приходился на второй день после Рождества Христова, называемый церковью "Собор Пресвятой Богородицы". Обязанный в древности своим происхождением языческим "рожаницам" (Рыбаков, 1981. С. 469), в XIX в. ни семантически, ни в осмыслении участников праздник этот с древними богинями связан не был. Проходившая в этот день церковная служба "Помощь в родах" в понимании крестьянства, воспринимавшего божественные роды девы Марии как вполне реальный факт, имела значение благодарности за благополучное разрешение от бремени. Именно поэтому в центре внимания было лицо, помогавшее при родах - повивальная бабка. Описания этого дня не слишком многочисленны. Наиболее праздничным и обрядово насыщенным он был в Смоленской губернии. В Рославльском уезде бабка к этому дню готовила солидное угощение: колбасы, холодец, жарила картошку, курицу, пекла блины, пироги с кашей. В гости к ней приходили женщины, у которых она "бабила" в разное время и также приносили угощение, в которое обязательно входила каша. В конце обеда бабка, как и на крестинах, выносила свою кашу, и гости, прежде чем начать ее есть, клали деньги хозяйке дома.

Послед и пуповина. Реальная связь новорожденного и роженицы с пуповиной и последом лежит в основе универсальных представлений о существовании последующей магической связи между ними и убежденности в том, что на здоровье и будущее ребенка можно повлиять через эти предметы. В народной медицинской практике для предотвращения кровотечения пуповину перевязывали. Встречались и иные способы ее обработки. Так, в Пермской губернии многие повитухи "только дунув и плюнув" растирали конец пуповины между пальцами, одновременно "специальным нашептыванием" заговаривая кровь. Жители Тарногского уезда Вологодской губернии считали, что пуповину лучше обрабатывать лишь ногтем (по-видимому, производя им обрезание и сдавливание сосудов) и не перевязывать ее, поскольку последнее, по их мнению, приводило к образованию грыжи.

Обрезание и перевязывание пуповины всегда содержало магический элемент. Так, в Судогодском уезде Владимирской губернии пуповину мальчика обрезали ножом на каком-либо плотницком или столярном изделии, считая, что в этом случае из него вырастет работающий человек и хороший мастеровой. Пуповину девочки обрезали ножницами и так, чтобы она упала на какую-нибудь разостланную женскую работу, например, на начатое шитье. В этом случае из девочки вырастет "домовитая хозяйка и работница". В Смоленской губернии пуповину девочки обрезали на гребенке с тем, чтобы она стала хорошей пряжей, а мальчика - на книге, чтобы в будущем хорошо учился. В Калужской губернии, руководствуясь теми же соображениями, пуповину девочки обрезали на веретене, а мальчика - на колодке, на которой плели лапти.

При перевязывании пуповины к основному перевязочному материалу (обычно использовали "суровую" нитку из льняной кужели) добавляли волосы матери, при этом иногда волосы брали обязательно "из правой косы роженицы", "с правого виска". Реже употребляли волосы обоих родителей. По наиболее распространенной у русских традиции

пуповину с последом прятали (см. ниже). В некоторых местах ее сохраняли и использовали в качестве лечебного средства: высушив, заваривали как чай и поили детей от грыжи и от болезней живота (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 65. Л. 5. Владимирская губерния, Шуйский уезд).

Сразу же после выхода последа повитухи приступали к совершению всех необходимых процедур. Действия с последом включали две обязательные процедуры - обмывание и закапывание в землю. Как правило, источники сообщают, что послед повитуха моет и завертывает в чистую холщовую тряпку. Встречаются и дополнительные характеристики действия: "послед моют холодной водой", "кладут в белую тряпку" (Вологодская губерния), "в чистенькую тряпочку хрест нахрест" (Орловская губерния), "поверх тряпки завязывают красной ниткой" (Смоленская губерния). Кое-где встречался обычай класть завернутый послед перед зарыванием в землю в лапоть: в Холмском уезде Псковской губернии его клали в старый "стопок" (лапоть) и сверху прикрывали другим лаптем, а в Тихвинском уезде Новгородской губернии в тех же случаях использовали лапоть с правой ноги - "чтобы рожденный владел правой рукой".

У русских, как и у многих других народов существовало представление о том, что через послед, как и через пуповину, можно нанести вред роженице и ребенку. Даже неумышленное уничтожение его могло оказать пагубное воздействие. Поэтому зарыть послед повитуха должна была так, чтобы никто - ни человек, ни какое-либо животное не могли добраться до него. Для русской традиции не характерны какие-либо иные способы хранения последа. Лишь у этнографической группы марковцев, живущих на Анадыре, по-видимому под влиянием обычаев соседних народов Севера, послед вешали на дерево повыше, чтобы не достали собаки (Сокольников. С. 144). По наиболее распространенной традиции послед закапывали в доме, причем часто в местах, которые в воображении живущих были наделены постоянной магической силой - под печью, в святом углу, под порогом, под закладным бревном. Если было необходимо - то для этого поднимали половицу. В некоторых местах послед прятали в бане или в нежилом помещении, в хозяйственных постройках. Иногда место захоронения последа зависело от пола новорожденного: послед мальчика закапывали в конюшне, а девочки - у ворот или в хлеву (Вологодская, Орловская губернии). В некоторых семьях придерживались правила прятать последы детей в одно место - "чтобы мирно жили". У русских был распространен обычай класть с последом предметы, имевшие продуцирующее значение. Это прежде всего хлеб - зерно или печеный хлеб, часто хлеб с солью, яйца, а также луковица.

Чтобы исключить опасность воздействия на послед (а следовательно, и на новорожденного) нечистой силы повитуха должна была совершить над ним специальные охранительные действия. Наиболее принятые и обязательные - окропление последа святой водой, чтение молитв и заговоров, а также изображение креста на земле над ямкой.

Рождение в "рубашке" (околоплодной оболочке), по убеждению русского народа, предвещало ребенку счастливую жизнь и удачу в делах. К самой сорочке относились как к сакральному предмету, ее высушивали, зашивали в мешочек и либо прятали в сундук, либо носили постоянно, как ладонку, вместе с шейным крестом. Верили, что сорочка приносит счастье и достаток не только родившемуся в ней, но и всему дому, поэтому ее тщательно берегли, передавали из рода в род и даже правнукам (Орловская губерния). При выходе дочери замуж родители отдавали ей высушенную и сбереженную "рубашку" в новую семью. По русским верованиям функции приносящего счастье амулета были присущи сорочке постоянно, независимо от того, находилась ли она у законного владельца или попадала в чужие руки. В России, как и во многих европейских странах, существовало представление о том, что особенно действенную помощь приносит "сорочка" в юридических делах, поэтому ее брали с собой на суд или на жеребьевку земли.

Первая забота повитух при рождении определить, все ли в порядке у новорожденного и по возможности постараться исправить недостатки. Для этого она поправляла ему

ручки, ножки, легко сжимала головку с тем, чтобы та стала круглее; если не устраивала форма носа новорожденного - сжимала его пальцами и т.д. По времени рождения и особым приметам родившегося предсказывали его будущее. Считали, что если младенец рождался "ровно в тесте зажат", или у него ямка на голове - будет недолговечен. Та же участь ждала младенца, родившегося "личиком к земле". Волосики на голове обещали скромность характера. Полагали, что родившийся в плохую погоду будет суров и угрюм, родившийся в мае несчастлив, а закричавший сразу после родов окажется злым. Хорошая хозяйка и работница получится из новорожденной, которая при появлении на свет "сразу же смотрит". Мальчик в этом же случае вырастет "продувным".

Рождение двойни воспринималось как явление необычное и вызывало в соответствии с местными воззрениями определенную реакцию окружающих. Многие склонны были видеть в появлении двойни "Божье наказание" и более того - позор для родителей. В Зарайском уезде двойню как "стыд, зазрение совести" даже крестили не в церкви, а дома; в Пензенской губернии к родившей двойню односельчанки не ходили ни "с зубками" - т.е. поведать с приношениями (см. ниже), ни даже "так навестить". Существовали и некоторые сомнения в жизнеспособности и физической полноценности близнецов. Так, жители Ярославской губернии были уверены в бесплодии одного из близнецов, это поверие сказывалось при выборе брачной пары. Однако можно было встретить и иное, лишенное суеверного страха отношение к рождению близнецов. Более того, родители по этому поводу испытывали "радость и гордость", а сам факт рождения двойни объясняли тем, что "одного дал Господь, а другого Богородица" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1740. Л. 34. С.-Петербургская губерния, Новоладожский уезд).

Как уже было сказано, жизнь новорожденного, по мнению окружающих, зависела не только от естественных причин, но и от успешности и своевременности защиты его от бесовских сил, особенно опасных, так как ребенок был еще не окрещен, а помещение, в котором он находился с матерью, не было очищено от послеродовой "скверны". Поэтому повитуха сразу же совершала магические акты по его защите. Прежде всего, она прибегала к обычным средствам христианской защиты - кадила ладаном, брызгала на малыша святой водой, крестила его, читала наиболее известные молитвы ("Отче наш", "Богородицу"), а также и специальные заговоры. Из нехристианских способов защиты, пожалуй, самым популярным было спрыскивание новорожденного водой, которой предварительно окатывали дверные скобы.

С верой в магическую силу родительских вещей связан широко распространенный у русских обычай заворачивать ребенка сразу же после родов (в некоторых местах перед крещением) в отцовскую рубашку, реже - в отцовские порты. Таким путем устанавливали магическую связь между ребенком и отцом. Отсюда и наиболее распространенное объяснение этого действия, как желанья закрепить любовь и привязанность отца к ребенку, реже говорили - "чтобы был спокоен", "чтобы был счастлив". Установленная путем контактной магии связь (нужно учесть, что использовалась обязательно ношенная отцовская одежда) должна была служить одновременно и защитой новорожденного. Реже для первого пеленания младенца использовались вещи матери.

Кроме вышеприведенных средств защиты новорожденных, специальные меры принимались в тех случаях, когда дети в семье быстро умирали - по народной терминологии "не стояли". Наиболее действенные из них и распространенные связаны с крещением (см. соответствующий раздел). Как и у многих народов, в русских семьях, ожидая несчастья, стремились обмануть злой рок, тяготевший над семьей. Для этого, например, рожали в чужом доме (Архангельская губерния, Шенкурский уезд). В Нижегородской губернии выбивали в избе косяк с дверями, женщина рожала в сенях, затем бабка подавала младенца в избу, стоя задом к дверям, также стоял и принимавший его (Арзамасский уезд). В той же губернии слабого малыша для укрепления его здоровья подавали в окно нищему, который нес его к воротам дома. Туда же подходила мать младенца с милостыней и клала ее на грудь младенца. Далее она брала ребенка, а нищий

милостыню, приговаривая: "Дай Господь святому младенцу (имя) доброго здоровья". Жители Смоленской губернии считали полезным взять в семью и "поростить" чужого ребенка, который

* К сожалению, повитухи, по сообщениям очевидцев, предпочитали обычно сохранять в тайне все совершаемые ими магические действия и приговоры.

называл принявших его родителями. Верили, что после этого и свои дети перестанут умирать.

Забота о роженице в крестьянской среде определялась традициями народной медицины и, в большей степени, представлением о ее сакральной нечистоте, явившейся следствием состоявшихся родов и последующей спецификой функционирования женского организма. Эта нечистота порождала двойственное отношение к родившей женщине и соответствующим образом определяла характер ее контактов с окружающими. С одной стороны, она казалась источником "скверны" и возможного негативного влияния. С другой - в течение определенного времени ей самой грозила постоянная опасность пострадать от порчи, сглаза и вообще любого вредоносного воздействия. Суеверный страх перед родами, родильной (как и менструальной) кровью существовал, по-видимому, всегда, но по мере христианизации особое отношение к роженицам нашло подтверждение и каноническое обоснование в православном учении о греховности человеческой жизни, включающем регламентацию религиозного поведения женщины.

По учению церкви, полностью воспринятому народной этикой поведения, в течение 40-дневного срока после родов, как и во время месячных очищений, женщина была исключена из регулярной приходской жизни. Ей не разрешалось входить в храм, присутствовать при совершении таинств, принимать участие в общественных богослужениях; молясь дома, она не должна была дотрагиваться до предметов, считавшихся святыми - икон, креста, свечей, святой воды. Эти ограничения лишали роженицу в значительной степени столь привычной и надежной христианской помощи, создавали ощущение незащитности, особенно страшной из-за ее естественного нездоровья. Имея в виду как бы неустойчивость самой жизни женщины в этот период, в народе говорили, что в течение 40 дней "у Господа Бога ее могила лбла", а жители Пензенской губернии, по словам очевидцев, смотрели на женщину в этот опасный период безвременья "как на покойницу". Она, по их мнению, "в это время была как бы в гробу" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1739. Л. 26). И в задачу окружающих входило не только забота о физическом здоровье роженицы (для этого старались по мере возможности освободить ее от тяжелых работ на первое время, приготовить для нее более питательную и разнообразную еду), но и ограждение от возможной порчи.

Особенно опасной считалась первая неделя после родов. Поэтому от трех до семи дней, в зависимости от местных обычаев, родившая находилась в изоляции: дома за перегородкой или же оставалась в бане, где происходили роды. В последнем случае здесь же присутствовали повивальная бабка или кто-либо из родственниц роженицы с тем, чтобы не допустить "шалости" сатаны по отношению к матери или неокрещенному младенцу. Принудительная изоляция приносила и несомненную практическую пользу здоровью роженицы, вынуждая не имеющих обычно возможности, да и не склонных к долговому лежанию и ничегонеделанию деревенских женщин отдохнуть и набраться сил.

Очищение женщины от послеродовой нечистоты по представлениям народа требовало совершения специальных обрядов. Роженицу в течение первых трех дней после родов парили в бане при не слишком высокой температуре; там, где бань не было, мыли в печи, на худой конец просто в тазу. Считали, что эта процедура выгоняет "дурную" кровь, что необходимо во избежании послеродовых осложнений, и способствует восстановлению здоровья. Гигиенически-лечебное очищение роженицы, сопровождавшееся магическими

актами, в основном охранительного характера, должно было оказать и магическое очистительное воздействие. Однако полное очищение по учению церкви и убеждению народа достигалось лишь путем совершения ряда специальных установленных церковью христианских обрядов.

Совершившиеся роды оскверняли не только родившую женщину, но и всех "прилунившихся при родах", а также помещение, в котором они происходили и даже шире - весь дом. Для совершения обрядового очищения прежде всего приглашали священника для чтения специальной молитвы "Во внегда родити жене отроча". Иногда ее по месту чтения называли просто "банной" молитвой. Это древнее установление церкви свято соблюдалось русским народом. В XVI-XVII вв. даже в царских семьях сразу же по рождении младенца посылали за духовником царицы с тем, чтобы он "дал молитву", до этого никто не мог ни покинуть мьельню, где произошли роды, ни войти в нее (Забелин, 1915, С. 3). В крестьянской среде, по-видимому, не всегда была возможность пригласить священника в день родов. Однако и откладывать очистительную службу считали нежелательным, поскольку до ее отправления и сам дом, и все в нем находившиеся подвергались частичной религиозной изоляции: в такой дом не вносили иконы во время церковных обходов, домочадцы не должны были посещать церковь. В крайнем случае молитва читалась заочно.

Частичное очищение роженицы, снимавшее некоторые бытовые запреты, давало крещение новорожденного. После совершения этого таинства, а также обряда "размывания рук" (обычно и то, и другое происходило в течение первой недели), роженица могла приступить к обычным домашним и полевым работам, участвовать в семейной трапезе. Полностью очистившейся она считалась лишь после принятия молитвы в церкви на 40-й день. Более строгой была изоляция роженицы в среде старообрядцев-беспоповцев. Восемь дней она проводила в бане. По возвращении домой ей отводили, по возможности, отдельное помещение. Живущие в доме пожилые люди избегали контактов с ней, даже односельчане обычно не заходили в дом, где произошли роды, в течение 40 дней.

Кроме религиозных запретов поведение роженицы, во всяком случае в период ее реальной "нечистоты", ограничивали запреты, связанные с суеверной брезгливостью по отношению к "женской" крови. Женщинам в это время запрещалось что-либо сажать, месить хлеб, доить корову, солить капусту. Однако эти суеверия встречались не везде.

Уход за роженицей и характер послеродового поведения горожанок имел, по-видимому, значительные отличия в зависимости от социальной принадлежности семьи, уклада ее жизни, уровня образования, а также от того, жила ли женщина в маленьком городе, сохраняющем традиционные связи с окружающим сельским миром и особенности народного быта, или же в крупном, тем более столичном. Но даже в так называемых образованных слоях общества, игнорирующих или не знающих народных суеверий, женщины неукоснительно соблюдали запреты в религиозном поведении, и их повседневная жизнь испытывала влияние религиозного учения о женской "нечистоте". И в наши дни в сельской местности, а иногда и в городах женщины, по их словам, считают необходимым в определенные сроки воздерживаться от исполнения "неположенных" работ и соблюдать услышанные от старших или в церкви правила поведения.

В первые же дни после родов к молодой матери спешили женщины с приношениями. Этот обычай, известный под названием проведок, отведок, ходить на кашу, нести зубок, существовал у русских почти повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье. Каждая из женщин приносила с собой еду. Для такого случая готовили праздничные кушанья или же будничные, но лучшего качества. Принесенное угощение было столь обильным, что позволяло находящейся в изоляции и не оправившейся еще после родов женщине не беспокоиться о

домочадцах и хотя бы несколько дней отдохнуть от хлопот по дому.

Проведывать приходили только замужние женщины, обычно по возрасту близкие роженице. Такие посещения могли быть коллективными, когда родственницы и соседки договаривались между собой и приходили все вместе, но чаще по очереди. Хозяев, как правило, не извещали о приходе, да в этом не было необходимости, так как обычай этот был строго обязателен, не прийти навестить роженицу у крестьян считалось "ззорным". Столь же обязательным считался и ответный визит роженицы к посетившей ее женщине в положенное для этого время. Пришедших женщин хозяева либо совсем не угощали, либо давали вино и чай.

Обычай носить родившей женщине угощение - один из наиболее стойких обычаев русской деревенской жизни. Правда, в советский период, особенно в послевоенные годы, характер его несколько изменился. Посещения откладываются до возвращения матери с ребенком из роддома, пришедшие навестить приносят не только еду, но и небольшие подарки для малыша. Основное же одаривание его приурочивается к семейному торжеству по случаю рождения ребенка, которое в последнее время все чаще откладывается до обряда крещения. Аналогичную картину можно наблюдать и в городах. Некоторое отличие заключается в обычном ассортименте приносимого угощения. В деревне и сейчас оно носит более практичный характер, хотя и здесь посетительницы по возможности стараются своими приношениями побаловать роженицу и поддержать ее здоровье. В городе же, как правило, приносят фрукты и в меньшей степени - сладости. В последние годы и в городе, и в сельской местности почти исчезли принятые в советское время коллективные посещения родивших женщин сотрудницами по работе. Такие посещения предварялись обычно сбором сослуживцами денег на общий подарок, выделением материальной помощи за счет профсоюзной организации и средств предприятия.

Ребенок. Все действия по уходу за новорожденным диктовались как практическими знаниями о том, что нужно для его здоровья и нормального роста, так и аналогичными соображениями религиозного характера. Причем последние играли важную роль. Ведь верующему человеку свойственно было причину всех, даже самых естественных и закономерных событий (не говоря уже о случайных) связывать с прямым или хотя бы опосредованным вмешательством высших сил: "Бог наказал", "Бог уберег" - обычные заключения в оценке происходящего. И, конечно, это убеждение особенно яственно сказывалось в отношении взрослых к не имеющему еще возможности защитить себя малышу. Высокая детская смертность от болезней и травм постоянно напоминала о хрупкости и непрочности детской жизни. Между тем собственные забота и внимание оказывались недостаточными для сохранения жизни и здоровья ребенка, тем более, что в крестьянской семье не всегда была возможность присмотреть за детьми. Поэтому-то и уповали на помощь рекомендуемых церковью охранных средств.

Для предотвращения всех напастей использовали "святую" воду (крещенскую, освященную специально, спущенную с камешков, привезенных из Иерусалима, взятую из святых источников), ладан, причащение; взрослые крестили детей, особенно на ночь, постепенно учили их креститься самих. Эти же средства применялись и для лечения, независимо от того, приписывали ли болезненное состояние порче, сглазу или же более материальным причинам, например, в случае поноса, простуды, травм и т.д., дополняя лечение распространенными в народной медицине рациональными процедурами: прогреванием, растиранием, а также траволечением. Одновременно совершали и "свои", популярные в народе и весьма разнообразные магические акты. Например, от порчи поили водой, которой предварительно обмывали скобы дверей в доме, при бессоннице носили детей в курятник под курошест и читали там специальные заговоры, в случае постоянной слабости и хилости "перепекали" в теплой печи (Топорков. С. 114-118). Элементарные приемы врачевания знали и совершали домашние ребенка, в более сложных случаях обращались за помощью к специальным знахаркам.

Весь первый год жизни младенца занимал особое место в череде детских лет. Само существование малыша, казалось, слишком неустойчивым, кроме того, по мнению окружающих, на этом начальном этапе бытия закладывались основы его здоровья и благополучия. Поведение взрослых в значительной степени подчинялось многочисленным запретам и рекомендациям, объединенным общим принципом "не навреди". Их игнорирование могло не только нанести сиюминутный вред, но и нарушить нормальное развитие ребенка в дальнейшем. Можно указать наиболее распространенные обычаи: не подносить младенца к зеркалу - долго не будет говорить (варианты - будет близоруким, будет пугаться, будет косым); не качать пустую колыбель - у ребенка будет болеть голова; не смотреть на спящего - ребенок потеряет сон и т.п. Многие рекомендации по уходу и лечению детей сохраняются и до сих пор.

Особого внимания и обрядового оформления требовали процедуры, совершаемые с младенцем впервые - первое купание, первое укладывание и т.п.

Первое купание новорожденного происходило в день родов; иногда только что появившегося на свет малыша лишь обмывали и затем уже купали "набело" (Покровский Е.А. С. 82-87). В воду часто добавляли предметы, которым приписывались магические свойства, прежде всего очищающие и укрепляющие. Некоторые из них употреблялись при первом купании. Например, распространенным можно считать обычай бросать в воду монетки ("по состоянию родителей"), чаще всего серебро. Монетки бросали родители, а повивальная бабка, обмывавшая младенца, забирала их себе "за труды". Серебро должно было обеспечить чистоту кожи и одновременно способствовать будущему достатку новорожденного. Другие предметы, например череду и соль, добавляли с лечебными целями в воду для купания в течение некоторого времени. Первое - как популярное средство от кожных заболеваний, от второго должны были быстро "твердеть косточки", оно же защищало младенца от "уроков". Иногда в воду при первом купании добавляли хлеб, несколько капель водки, яйцо, стеклянные вещи (возможно, имея в виду чистоту и блеск стекла), а также испытанное средство от всех бед и напастей - святую воду, правда, некоторые полагали, что в данном случае ее употреблять не годится, так как не окрещенный еще ребенок "нечист". Для усиления христианской защиты в воду капали воск с зажженной свечи. Таким образом, очевидно, что при купании использовали предметы, популярные в родовспомогательной практике. Обычно местом первого купания у русских центральных и северных областей страны была баня, где и проводил вместе с матерью первые дни своей жизни новорожденный. Для смывания послеродовой грязи и укрепления здоровья малыша повитуха в нежарко натопленном помещении слегка парила младенца, похлопывая его веником. В южных областях и частично в центральных купание - и первое, и последующие, происходило в русской печи или же просто в теплой избе. В дальнейшем в русских семьях считали необходимым купать новорожденных в течение первого месяца 1-2 раза в неделю, до года - 2-3 раза, а после года - один раз в неделю.

Время первого укладывания в колыбель зависело во многом от условий проживания семьи, количества детей, спокойствия малыша; кроме того, во многих семьях не считали возможным класть ребенка в колыбель до совершения над ним таинства крещения. Первое укладывание также сопровождалось обрядовыми действиями, от которых зависели здоровье и спокойствие новорожденного. В соответствии с местной традицией выбирали дерево для люльки. Жители Порховского уезда Псковской губернии делали ее обязательно из еловой лучины, в Пошехонском уезде Ярославской губернии - из березы или ели - "чтобы ребенок крепче спал"; определенное дерево нужно было выбрать и для очепы - жердочки, на которую вешалась люлька. В Череповецком уезде Новгородской губернии его делали из березы, а в Шенкурском уезде Архангельской губернии - из сосны, еловый же очеп, по мнению жителей этих мест, мог стать причиной того, что ребенок "покроется коростой". В качестве подстилки на дно люльки клали солому.

В колыбели младенцу предстояло существовать отдельно от матери, и поэтому следовало особенно тщательно оградить его от порчи и тем более подмены "нечистой

силой". Колыбель и все, что в нее должно было быть положено, в том числе и ребенка, кропили святой водой, в изголовье люльки вырезали или намазывали смолой крест, окуривали ее ладаном, клали его внутрь или вешали на ниточке. При укладывании произносили, например, такие слова: "Господи, благослови! Дай Бог святой час. Пошли Господи Ангела своего хранителя сохранить Николая от злого духа и усыплять его спокойным сном (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1085. Л. 11. Орловская губерния и уезд). В Поречском уезде Смоленской губернии для спокойствия новорожденного в люльку при первом укладывании клали "краец" хлеба, приговаривая: "Как хлеб лежит на столе тихо, так чтобы спал мой ребенок" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1643. Л. 8). Если малыш был еще некрещенный, то на люльку вешали крест, который затем надевали на него при крещении. Но употреблением христианской атрибутики заботливые родители не ограничивались. Для защиты от нечистой силы в зыбку клали колющие предметы, например ножницы, а для спокойствия и крепкого сна - щетъ для льна, свиной хрящ - пяточок, в голову сон-траву.

Основным питанием новорожденного с первых дней его жизни было грудное молоко. Специалисты-врачи, занимавшиеся до революции проблемами ухода за новорожденными, отмечали, что при общерусской традиции кормления младенцев в раннем возрасте грудным молоком, статистика показывает некоторые различия в сельской местности и городах. Лишение грудничков материнского молока в деревне было редкостью. Иная картина наблюдалась в городах, особенно столичных. В 1870-х годах, по данным двух детских больниц, в Москве грудным молоком матери вскармливалось 78,64% детей, кормилицей - 7,34%, смешанным способом - 3,87%, искусственным - 10,15%. В Петербурге две трети детей в возрасте до года получали молоко матери или кормилицы, треть - кормились искусственно (Покровский Е. С. 266).

Время первого кормления несколько различалось. В некоторых местностях ребенка прикладывали к груди в день родов, считая молозиво полезным для здоровья малыша, но чаще дожидались, когда придет молоко. Перед кормлением грудь обмывали, предпочтительно святой водой, и первой обязательно давали правую грудь - "чтобы не был левшой".

Кормление грудным молоком русские матери считали наиболее полезным для детей в первый год их жизни. В обычных условиях грудь давали при проявлении ребенком признаков голода, а также при беспокойстве, плаче - для его успокоения. В то время, как в дворянских семьях, особенно в среде высшего дворянства, было принято приглашать кормилицу с первого дня рождения ребенка, крестьянские женщины при недостатке своего молока употребляли разбавленное коровье, избегая кормить своих детей молоком другой женщины. Более того, они относились к этому с суеверным страхом и прибегали к чужой помощи лишь в крайних случаях.

Сразу по рождении ребенок получал соску - разжеванный черный хлеб (реже белый, баранки), завернутый в тряпочку. Эта соска служила не только питанием для новорожденного, но, и по распространенному убеждению, излечивала от грыжи. Для "крепости и здоровья" в соску к хлебу добавляли соль.

Прикармливать ребенка начинали с 5-6-й недели, иногда и раньше, сначала разбавленным коровьим молоком, и затем жидкими кашками, тюрей из хлеба и баранок. Для искусственного кормления использовали "рожок" - коровий рог, на который надевался сосок коровьего вымени. Раннее искусственное докармливание объяснялось прежде всего занятостью женщин на работе, особенно в летнее время.

Кормление грудью продолжалось 1,5-2 года, или как чаще говорили в народе "три поста" (учитывались Великий и Успенские посты), реже - "шесть постов", если считать все посты года. В крестьянских семьях строго соблюдали религиозные запреты в питании, лишь для грудных детей (как и для тяжелобольных, и то с разрешения священника) делалось исключение. Полугодовалый срок грудного кормления был установлен когда-то православной церковью и многие верующие крестьяне считали грехом давать

ребенку скоромную пищу на "четвертый" пост.

Отлучение от груди часто сопровождалось специальными обрядами, знаменующими возрастной переход в жизни ребенка, возможно выход из младенчества и окончание непосредственной связи с кормилицей-матерью. Ребенка сажали на стол, на которых клали хлеб-соль. Мать давала ему лепешку (лепешку и яйцо - Пензенская губерния, Инсарский уезд) и, "прощаясь" с малышом, говорила: "Дай Бог от груди отстать, а к хлебушку пристать" (Орловская губерния и уезд), "Возьми, Господи, младенца Петра на свои хлеба" (Пензенская губерния); при этом читали заговор "от тоски, от сухоты" (Олонецкая губерния). Иногда последнее кормление происходило на пороге (Орловская губерния, Малоархангельский уезд). В день отлучения от груди гадали о будущем ребенка. Для этого клали перед ним предметы, символизовавшие определенный род занятий и смотрели, что он возьмет. Возьмет деньги - будет торговать (или будет богат), книгу - будет тянуться к знаниям, ножик - будет хороший мастеровой, хлеб - вырастет отличным крестьянином. Выбравшая ножик девочка станет умелой стряпухой, веретено - пряхой. Иногда матери заказывали в этот день специальный молебен. Чтобы ребенок легче отвыкал от груди, ее мазали сажеей или чем-либо горьким, "обманными" способами показывали отсутствие груди, пугали "букой", прячущейся за пазухой и т.д.

Среди обрядовых действий, совершаемых над младенцами, нужно выделить обряд первого подпоясывания- Встречался он хотя и не повсеместно, но достаточно широко для того, чтобы рассматривать его как особый сюжет русской обрядовой традиции. Заклучался этот обряд в том, что крестная мать (изредка - бабка-повитуха) в предназначенный для этого день приносила крестнику (крестнице) пояс, а иногда и другие предметы одежды - шапочку, рубашечку, а также подарки, и с пожеланием "быстро расти" и быть здоровым, подпоясывала его, после чего обычно следовало небольшое угощение. Обрядовое и временное выделение первого подпоясывания связано, по-видимому, с той особой функцией магической защиты, которой обладал, по мнению русского народа, этот обязательный элемент народного костюма (Кремлева, 1989. С. 251-254; Лебедева А.А. 1989. С. 231-236). Можно предположить, что таким образом народный обычай сохранял, хотя и в измененной форме, церковный обряд надевания пояса (как и креста) на окрещиваемого младенца. Этот элемент чинопоследования таинства крещения в XIX в. уже вышел из практики православной церкви и сохранялся лишь в обряде крещения у старообрядцев.

Наиболее распространенной можно считать традицию подпоясывания на 40-й день после рождения, одновременно с принятием роженицей очистительной молитвы и "воцерковлением" окрещенного ранее младенца, до того он был "распоясан" (Тульская, Владимирская, Рязанская, Калужская, Смоленская губернии). Более того, иногда считали, что подпоясывать младенцев раньше этого срока - грех (Клинский уезд, Московская губерния). Однако оставлять младенцев дольше положенного срока без столь необходимого для человека оберега также казалось очень опасным. Если же по вине крестной такое случалось, она могла за это, видимо в результате Божьего наказания, "поплатиться смертью" (Рязанская губерния).

Иногда подпоясыванию приписывалась способность влиять на физическое развитие ребенка. Правда, жители разных мест по-разному расценивали это влияние, что определяло обрядовую практику. Так, в Кадкиковском уезде Вологодской губернии ребенка не опоясывали до года, "чтобы не запоясать роста и прорезывания зубов", а в Велижском районе Смоленской области, всего "немного погодивши после родов", подпоясывали новорожденных с тем, "чтобы у низе животы не росли".

В некоторых местах первое подпоясывание приурочивали к определенным временным этапам младенческой жизни: прорезыванию первых зубов - "чтобы зубки легче шли" (Шенкурский уезд Архангельской губернии; Порховский район, Псковская область), через некоторое время ленточку или поясок могли и снять; а также к первым шагам (Духовщинский район, Смоленская область). Иногда традиция определяла и место

исполнения действия. Так, в Клинском уезде Московской губернии его следовало совершать у печи.

В 80-е годы XX в. обрядовое подпоясывание еще сохранялось кое-где в сельской местности, но, как правило, оно уже не связывалось с какими-либо определенными сроками. Так, по обычаю, установившемуся в те годы в Воронежской области, крестная должна была при подпоясывании сделать крестнику богатые подарки, и поэтому время исполнения обряда во многом зависело от того, как скоро она сумеет должным образом подготовиться.

Первые попытки ребенка сделать самостоятельные шаги сопровождали действия, имевшие целью освободить ножки малыша от воображаемых "пут", препятствующих началу его самостоятельного хождения, и тем самым дать ему возможность "ходить шибко и скоро". Для этого кто-либо из взрослых должен был ножом, лучиной или, если их не оказывалось под рукой, просто пальцем сделать между детскими ножками (иногда перед ними) движение, имитирующее разрезание, отчего и само действие называлось "пути резать". Так же поступали в тех случаях, когда младенец долго не начинал ходить (Московская губерния). Некоторые же считали более действенным реально запутать ножки веревкой или ниткой и затем ее разрезать (Смоленская губерния, Духовщинский район). Магические действия с перерыванием диктовались и иными соображениями. В некоторых местах полагали, что ребенку мешает ходить страх и для того, чтобы "оттяпать робость", нужно провести перед ним по земле черту косой или ножом (Вологодская область, Вожегодский район) или же квашенным ножом ударить по полу два раза (Нижегородская губерния). С той же целью иногда "перерезали след", т.е. делали имитирующее перерубание движение рукой после каждого шага ребенка (РЭМ. Ф.7. Оп. 1. Д. 1768. Л. 5; АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 56. Нижегородская губерния). С первыми шагами связывали и определенные приметы относительно будущего ребенка. Например, жители Шенкурского уезда считали, что, если он в первый раз пойдет в передний угол — жить будет, к порогу — скоро умрет (АРГО. Р. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 56).

Первый год жизни ребенка заканчивался обрядом первого пострижения (Рабинович. Очерки, 1978. С. 251). По русскому обычаю крестные в первую годовщину жизни выстригали крестнику прядь волос или же, как известно по материалам XIX-XX вв., две пряди крест накрест, затем его в первый раз стригли. При этом малыша сажали на шубу. Обряд первого пострижения сохранялся кое-где и во второй половине XX в. Но даже там, где уже не встретишь и воспоминаний о существовании такого обряда, родители твердо придерживаются правила не стричь волосы ребенку до исполнения года. На этом период собственно младенчества, когда новорожденный являлся лишь пассивным объектом забот взрослых, стремящихся сохранить и укрепить само его существование на земле, а также дать нужное направление дальнейшему развитию, заканчивался.

Из всего вышесказанного очевидно, что традиционная для русских культура родовспоможения сложилась и функционировала как постоянное и неразрывное соединение практического опыта и религиозных воззрений. Разделить их при исследовании невозможно, более того, такие попытки привели бы к ошибочному пониманию жизни русского человека, особенно крестьянина. Религиозное мировосприятие было той основой, или скорее канвой, на которую накладывалось многообразное бытие человека и которая постоянно в большей или меньшей степени корректировала и ограничивала определенными рамками мысли и поступки мирянина. Влияние религиозного фактора было особенно ощутимо во всем, что касалось рождения и ухода за роженицей и новорожденным. Однако уже по исполнению ребенку двух-трех лет поведение взрослых определяли не только и не столько соображения религиозного характера, сколько задачи целенаправленного воспитания и постепенного включения ребенка в активную жизнь семьи и того социального окружения, к которому он принадлежал.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Эти обряды занимают особое место в ритуалах семейного цикла. По сравнению с другими обрядами они более консервативны, так как отражают медленно изменявшиеся представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших. Кроме того, соблюдение установившихся ритуальных действий издавна считалось важным для судеб души в загробном мире, следовательно, было моральной обязанностью родственников по отношению к умершему. Выполнение этой обязанности контролировалось общественным мнением, а также убеждением, что душа покойного может наказать родственников, если что-то будет сделано не так. С ослаблением этих идей ритуал продолжал поддерживаться этическими нормами. Погребение и поминки рассматривались как особое событие, когда неуместно было проявлять чрезмерную бережливость и пренебрегать обычаями, даже теми, которые могли казаться ненужными и потерявшими смысл. Исправное исполнение похоронно-поминальной обрядности было знаком уважения к человеку, ушедшему из жизни.

Погребальный обряд русских XIX - начала XX в., каким мы знаем его по исследовательской литературе, архивным описаниям и полевым материалам складывался в течение длительного периода. В основе его лежит христианский (православный) похоронный ритуал, воспринявший и впитавший в себя многочисленные обряды и поверья, сохранившиеся от дохристианских традиций.

Языческий погребальный обряд Древней Руси, вытесненный православием, известен лишь в самых общих чертах. Как показывают археологические данные славяне знали трупосожжение, сооружали курганы и столпы (видимо, сооружения в виде небольшого дома на столбах), в которых ставились сосуды с костями, собранными на кострище. На погребальный костер или к могиле покойного доставляли в ладье или в санях; с мертвым клали в могилу его вещи. Погребение сопровождалось поминальным "пиром" и ритуальными играми и состязаниями - тризной. Еще в начале XII в. у вятичей сохранялся курганный обряд погребения (подробнее см.: Анучин; Рыбаков, 1987. С. 73-120, 393-398; Рабинович. Очерки... 1978. С. 254-268).

С утверждением христианства в жизнь вошел и новый, предписанный церковью погребально-поминальный обряд. Христианская обрядность категорически отвергала сожжение умерших. Хоронить следовало в земле, положив тело покойного "головой за запад". Но вместе с тем продолжали соблюдаться и многие дохристианские обычаи. Сочетанию христианских и языческих традиций способствовали общие идеи вероучения - вера в загробный мир, в продолжающуюся жизнь души и в необходимость заботиться о душах умерших родственников.

Важно подчеркнуть, что сохранение дохристианских верований и обрядов у принявших православие русских неправильно толковать как двоеверие, т.е. как равноценность языческого и христианского мировоззрений. Соблюдались те языческие обычаи, которые не противоречили главным идеям христианства, не были направлены против основ вероучения. Оплакивание умерших, захоронение вещей с умершим в могилу, обильные поминальные "пиры" и даже пляски скomoroxов на погостах - эти и другие народные традиции были нехристианского происхождения и порицались духовенством, но они не отрицали веру в Христа, в христианскую мораль, в необходимость церковных треб и т.д. Поэтому русские люди, сохранявшие в своей жизни обычаи, оставшиеся от предков, с полным основанием осознавали себя христианами. С течением времени дохристианские обряды и представления утрачивали силу или полностью забывались; многое из того, что было свойственно народному быту в XVII-XVIII вв., не говоря уже о предшествующих столетиях, в XIX в. оказалось утраченным. Тем не менее в XIX-XX вв. похоронно-погребальная обрядность русских сохраняла

немало пережитков дохристианских воззрений. Эти пережитки славянского язычества были неодинаковыми в разных областях России, однако различия в обычаях не были столь значительными, чтобы можно было говорить о разных локальных вариантах погребально-похоронной обрядности.

Различия в похоронной обрядности наблюдались в разных социальных группах (крестьянство, купечество, дворянство), но и они, по крайней мере в XIX в., не носили принципиального характера. Важно подчеркнуть, что наиболее интенсивной жизнью и в полных формах обрядность жила в крестьянской среде. Иным, а в ряде случаев и существенно иным, погребально-поминальный ритуал становился тогда, когда русские отходили от православия. К концу XIX в. в русской среде получили распространение разного рода христианские секты. Немало течений, приведших к появлению сектантских по своей сути вероучений, возникло в старообрядчестве; некоторые секты появились в недрах православия или же были занесены из Западной Европы. Ниже рассматривается только похоронно-поминальная обрядность русских, исповедовавших православие.

Несмотря на кажущееся обилие материалов, русская похоронно-поминальная обрядность и связанные с ней представления изучены еще мало. Задача этого раздела - показать ритуал в тех формах, в каких он жил в конце XIX в. Указание здесь даты для нас важно потому, что, несмотря на свой консерватизм и устойчивость, похоронно-поминальный ритуал к концу XIX в. претерпел заметные изменения (в основном за счет забвения или переосмысления целого ряда дохристианских традиций). Кроме того, хронологическая веха в описании позволяет нам в пределах четко определенного периода представить на конкретных примерах изменения, которые в итоге привели к сложению форм обрядности, характерные для современности.

Структура погребально-поминального ритуала проста и состоит из нескольких последовательных обрядов комплексов, а именно: 1) действия, связанные с предсмертным состоянием человека и в момент смерти, с одеванием покойника и положением его в гроб; 2) вынос из дома, отпевание в церкви, погребение; 3) поминки, которые после 40-го дня переходили в поминальные обряды, связанные с календарной обрядностью.

Пожилые люди готовились к смерти заранее. Женщины шили себе смертную одежду, в некоторых областях было принято задолго до смерти делать гробы или запасаться досками для гроба. Но для глубоко верующего человека главным считалось подготовить себя к этому последнему жизненному шагу духовно, т.е. успеть сделать необходимые дела для спасения души. Богоугодными делами почитались раздача милостыни, вклады в церкви и монастыри. Также благочестивым делом считалось прощать долги. Очень боялись внезапной смерти ("в одночасье"); в каждодневную молитву входили слова "Упаси, Господи, всякого человека умереть без покаяния". Умереть дома, среди близких, в полной памяти, по представлению русских, было "благодатью небесною". Около умирающего собиралось все семейство, ему подносили образа (иконы), и он каждого благословлял особо. Если больной чувствовал себя очень плохо, то приглашали священника для исповеди; рассказав о своих грехах, умирающий получал от него прощение от имени Иисуса Христа.

Нередко больного соборовали. Соборование (елеосвящение) - одно из семи таинств православной церкви, которое совершалось над больным. При елеосвящении, так же как и при покаянии, отпускались грехи. Существенное действие елеосвящения виделось в облегчении телесных и духовных скорбей. В русской православной церкви вошло в обычай совершение елеосвящения, как правило, одним священником (Булгаков, 1913. С. 1274). Ритуал состоял в смазывании освященным деревянным маслом (елеем) лба, щек, губ, рук и груди умирающего при чтении молитв. Соборование совершалось в присутствии родственников и зашедших проститься к умирающему односельчан. Во время таинства они стояли с зажженными свечами в руках. Для обряда стол накрывали скатертью или грубой холстиной и на него ставили глиняную чашку с хлебным зерном, в которое втыкались семь лучинок и семь свечек. Соборовать старались в церковный

праздник, чтобы все, кто желал помолиться об умирающем, могли придти к нему. По окончании ритуала все кланялись в ноги умирающему и говорили "Прости меня Христа ради". Потом целовали его. Больной, если был в силах, первым просил прощения. Верующие считали, что перед смертью необходимо причаститься и сознаться во всех грехах. "Без соборования нельзя рассчитывать на прощение грехов".

Но в некоторых местностях народ придавал соборованию совершенно несвойственное ему значение, считая принявших это таинство и оставшихся после этого в живых нечистыми. Их старались избегать. Такому крестьянину не разрешали сеять в поле; он должен был никогда не есть мяса, не пить вина. Про таких говорили, что "он живет не своей жизнью, заел чужую жизнь". Крестьяне должны были после соборования "ходить в темном, не иметь отношений с женщинами". Поэтому "молодых даже при самых тяжелых болезнях старались не соборовать". Чаще, однако, встречаются сообщения, позволяющие думать, что во второй половине XIX в. "это суеверие вывелось и соборуются почти все больные старухи" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 69. Владимирская губерния). Такие взгляды характерны для жителей всех губерний.

После исповеди умирающий прощался с семьей и родственниками и давал наказы. Для родных и окружающих очень важно было получить от умирающего прощение за обиды, когда-то, возможно, причиненные ему. Выполнение наказов умирающего считалось обязательным: "Гневить покойного нельзя, принесет несчастье оставшимся на земле".

Если человек умирал быстро и безболезненно, верили, что душа его попадет в рай, а если перед кончиной тяжело и долго мучился - значит, грехи так велики, что ему не миновать ада. Родные, видя, как мучается умирающий, старались помочь душе покинуть тело. Для этого они открывали дверь, окно, печную трубу, ломали конек на крыше, поднимали верхнюю слегу в крыше дома. Повсеместно ставили чашку с водой, чтобы душа, отлетая, омылась. Умирающего полагалось класть на пол, подстелив солому. Умереть на печи считалось большим грехом.

Когда наступала смерть, родственники начинали громко причитать. Надо заметить, что причитания были широко распространены на Руси (Русский Север, Смоленская, Московская и Рязанская губернии, Сибирь и др.), в некоторых местностях существовали особые плакальщицы, как правило женщины, которых специально приглашали. Предполагалось, что умерший все видит и слышит. Содержание причитаний было произвольным, все зависело от красноречия плакальщицы. Борьба с этим обычаем велась в России на протяжении многих веков. В 1551 г. обычай оплакивания покойника был осужден постановлением Стоглавого собора. Но в начале XVIII в. Петру I пришлось еще раз официально запретить плакать на похоронах лиц царского дома (Этнография восточных славян. С. 414). Тем не менее и Петра I после смерти оплакивали плакальщицы. Записи причитаний в XIX в. зафиксировали богатейший пласт народной поэзии. В крестьянской среде этот обычай дожил до наших дней. В текстах причитаний, кроме жалостливых и добрых слов об умершем, могли прозвучать и слова о собственной судьбе плакальщицы (Барсов. Причитания... Т. 1). Так, в причитаниях вдова-невестка могла рассказать, как плохо с ней обращаются родные мужа; дочь, оставшаяся без матери, могла пожаловаться на злую мачеху. Причитания исполнялись в течение всего похоронного обряда, а также в поминальные дни, включая години и родительские субботы.

С наступлением смерти все было направлено на приготовление умершего к похоронам. Эти действия во многом носили религиозно-магический характер. Прежде всего, умершего должны были обмыть (Кремлева, 1980. С. 21-30). Издавна, как было принято, мужчину обмывали старики, женщину - старушки, но уже к середине XIX в. обмыванием в основном занимались только женщины. В каждом селении были старушки, которые обмывали покойников, получая что-либо из одежды покойного - сарафан, рубашку или платок. Часто обмыванием занимались бедные люди. Нередко обмывальщицами были повивальные бабки, например в Смоленской, Тверской,

Новгородской губерниях, вдовы или незамужние девушки, отличающиеся набожностью и давшие обет безбрачия. Обмыть покойного считалось богоугодным делом: "трех покойников обмоешь - все грехи отпущены будут, сорок покойников обмоешь - сам безгрешным станешь". По обычаю, известному в Пермской губернии, женщина, обмыв и обрядив умершего, должна была сама обмыться и переодеться. В некоторых местностях Нижегородской губернии ее даже боялись приглашать на поминки и относили ей поминальную еду на дом. При обмывании часто присутствовали близкие родственники покойного, которые громко причитали. Обмывала одна женщина, а две ей помогали. Обмыть тело старались быстро. При этом читались молитвы. Умершего клали на пол, предварительно подстелив под него солому (или какую-либо ткань). Мыли теплой водой с мылом. Расчесывали волосы гребнем или щепочкой от гроба. Все предметы, использованные при обмывании, уничтожались: солому сжигали или спускали по воде, или бросали в ров; расческу выбрасывали или клали вместе с покойным в гроб, горшок из-под воды разбивали, бросали подальше на первом перекрестке. Мыло или клали в гроб, или пользовались им позже только в магических целебных целях, воду выливали в места, где люди обычно не ходили, или на костер, в котором сжигалась солома.

О погребальной одежде в отличие от свадебной или праздничной источники содержат мало сведений. По имеющимся материалам, в XIX-XX вв. существовали следующие разновидности одежды, в которой хоронили. 1) Одежда венчальная (брачная). Многие люди, в особенности женщины, сохраняли всю жизнь одежду (часто только рубаху), в которой они венчались. Было широко распространено убеждение, что брачное одеяние (брашно) надо беречь, ибо в нем следует ложиться в гроб. В Бежецком уезде Тверской губернии даже в ходу была поговорка: "В чем венчаться, в том и скончаться". 2) Одежда праздничная, т.е. та, которая при жизни надевалась в праздничные дни. 3) Одежда повседневная, в которой человек умер или носил ее перед смертью. 4) Одежда, специально приготовленная для похорон (Маслова, 1984. С. 85 и др.).

Готовить себе одежду для похорон было обычаем широко известным. "Смертный узел" или "смертную одежду" запасали заранее. Приготовленная для погребения одежда отличалась способом шитья, покроя, материалом, цветом. Умерших одевали не так, как живых. Рубашка, надеваемая "на смерть", не застегивалась ни на пуговицы, ни на запонки, а завязывалась тесьмой или суровыми нитками. При шитье погребальной одежды на нитках не делали узлов. Нитку полагалось вести от себя; в некоторых местностях иглу держали левой рукой, а ткань не разрезали ножницами, а разрывали. Иногда заготовленную "на смерть" рубаху не заканчивали, оставив, например, невырезанными ворот и другие детали, которые "завершали" уже после смерти человека его близкие. У крестьян материал для похоронной одежды и в XIX в. оставался дмотканым и лишь в конце столетия стал постепенно вытесняться фабричной тканью. Смертная одежда длительное время сохраняла старинный покрой и традиционные формы, уже вышедшие из моды.

Существовало много вариантов похоронной одежды в разных местностях России. Но в основном женский костюм состоял из белой холщовой рубахи с длинным рукавом и белого сарафана. На голову женщинам повязывался белый платок, а замужним под платок полагался еще и повойник (волосник). В некоторых областях умершую зажиточную женщину одевали в белую полотняную рубаху и в яркий цветной сарафан, а бедную - в печатный сарафан - из простого полотна, окрашенного в синий цвет и украшенного узорами, "отпечатанными" особыми штампами. Мужчину одевали в белую рубаху и штаны. Брюки и пиджак в качестве похоронной одежды появились не ранее второй половины XIX в. И мужчин, и женщин в некоторых местностях подпоясывали. Обувь имела большие локальные различия: от "специальных смертных лаптей", сплетенных особым способом, до валенок - даже если хоронили летом. Саван был распространен достаточно широко, хотя и не повсеместно. Покойников обыкновенно клали в гроб в саванах, сшитых из холста.

После обмывания и "обряжения" покойного клали на лавку в передний угол, зажигали лампадку перед иконами и начинали молиться. Вообще с момента смерти и до самых похорон (хоронили, как правило, на третий день) над покойным читались молитвы специально приглашенными читальщиками. Их поили чаем и угощали ужином; на столе стоял мед, иногда разбавленный водой. Около умершего обязательно кто-нибудь сидел, его не оставляли одного, "боясь, чтобы бес не залетел и не испортил усопшего". Верили, что покойный слышит все, что делается вокруг. Так, в Рязанской губернии утром, на другой день после смерти, хозяйка пекла ржаную лепешку, несла ее к умершему с причетами: "Сударик батюшка (если умер глава семьи) на-ка тебе лепешечку позавтракать, ты у меня вчера не ужинал, а сегодня не завтракал". В некоторых местах на второй день после смерти на божницу ставили чашку с водой и блином или с куском хлеба. Этот кусок хлеба через сутки подавали нищим, а воду выливали за окно. Так продолжалось сорок дней. Пока покойный лежал дома, ночью читали молитвы.

Когда наступала смерть, сразу же оповещались все родственники и односельчане. Услышав, что кто-то умер, все, чужие и родные, спешили в дом, где лежал покойный, и каждый что-нибудь нес, чаще всего свечи. В течение всего времени, пока покойник лежал под иконами, к нему приходили родственники, в том числе и из других деревень, а также односельчане, чтобы проститься. Богатых в церковь и на кладбище провожало множество народа. На похороны бедняков принято было идти с приношениями - холстом, свечами, деревянным маслом, ржаной или пшеничной мукой, которые отдавались родственникам усопшего - на помин души. Ссужали и деньгами - для оплаты похоронных расходов; участвовали в похоронах и конкретными действиями: одни рыли могилу, другие обмывали тело, третьи шили саван. Неимущих и безродных хоронили и поминали на средства всего общества.

Таким образом, смерть односельчанина становилась событием в жизни всей деревни и касалась не только самых близких, но и всех окружающих. Родные не оставались со своим горем наедине.

Гроб обычно начинали делать в день смерти, как правило, посторонние люди. В XIX в. в крестьянской среде гробы не обивали и не красили. На Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены гробы не сколоченные из досок, а "долбленные из колоды", т.е. сделанные из цельного дерева; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям. Часть мелких стружек от гроба стелилась на дно, иногда его устилали листьями от березовых веников или сеном; подушку набивали сеном или куделью, поверх стелили холст или белую ткань. Некоторым покойникам в гроб клали предметы их занятий: портному - лоскут материи, иглу, нитки; сапожнику - обрезки от сапожного товара, дратву и вар; извозчику - кнут, вожжи и пряди волос, выдернутых из гривы и хвоста лошади; земледельцу - разные семена; детям - любимые игрушки. Бывало, что клали трубку и кисет с табаком, веник, чтобы было чем попариться в бане на том свете. Некогда полагали, что на том свете покойному все понадобится.

Перед тем как положить в гроб покойного, гроб окуривали ладаном. День похорон обычно назначал священник. Хоронили, как правило, днем. Без священника или дьякона покойника не клали в гроб, потому что следовало окропить умершего святой водой и окурить ладаном, а это мог сделать только священнослужитель. Умершего выносили из дома обычно утром, чтобы поспеть в церковь к обедне. Но иногда покойного приносили туда к вечеру, и последнюю ночь гроб с ним стоял в церкви. При похоронах состоятельных людей на дом приглашали священника и церковнослужителей (причт), которые сопровождали умершего вплоть до могилы. Обряд с участием духовенства назывался в ряде губерний похоронами с подъемом или с выносом. Такие похороны далеко не все могли себе позволить. Бедные семьи обходились и без участия причта в обряде. В таких случаях гроб окуривала ладаном обмывали лицо или читальщица.

День погребения был особенно насыщен обрядовыми действиями и проявлением горя. По традиционным представлениям, умерший в этот день прощался со всем, что окружало

его при жизни - с домом, двором, деревней. За священником посылали лошадь. Прибыв в дом, священник служил над покойным литию, окроплял пустой гроб святой водой. Затем в него, в присутствии священника клали умершего. При выносе в избу набивалась вся деревня, все громко плакали. По представлениям крестьян, чем больше провожающих, и чем громче плач, тем почетнее похороны. Плакать в голос и причитать следовало каждое утро в продолжение девяти дней. В день похорон соседи приносили свечу, а также две копейки или совок ржаной муки. Все это поступало в пользу церкви. В некоторых местах перед тем, как нести гроб в церковь, близкие родные умершего повязывали священника и всех родственников мужского пола длинными холщевыми полотенцами. Гроб с покойным несли на себе, а если храм был далеко, везли на лошади, которую по обычаю близ церкви распрягали.

При выносе тела совершалось много магических обрядов. Выносили умершего обязательно ногами вперед. Так, в Калужской губернии, в д. Пучкове, до начала XX в. гроб выносили не на улицу, а по "проулку" на задворки и уже оттуда направлялись в церковь. Делалось это для того, чтобы покойный не нашел дорогу домой. С этой же целью похоронная процессия часто останавливалась у первого перекрестка, где гроб оборачивали по солнышку три раза. Называлось это "путать следы". В некоторых местах, например в Вологодской губернии, когда хоронили хозяина дома, вслед гробу бросали рожь, пшеницу или какое-нибудь другое зерно, чтобы и без главы семьи продолжал хорошо родиться "хлеб". Причитания сопровождали гроб с покойным до самой церкви. В некоторых местностях женщины, окружив гроб, припадали к его бокам и громко рыдали. Во время причитаний многие просили покойного передать привет в "тот мир" и сообщить об их житье-бытье умершим ранее родственникам (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 213. Л. 4. Вологодская губерния).

При похоронах богатых людей вынос из дома, как и из церкви на кладбище, часто сопровождался колокольным звоном. По представлениям многих верующих, колокольный звон — это глас Господень, и он может вызволить из ада душу умершего. Поэтому, если человек умирал такой смертью, что по правилам церкви нельзя было за него молиться, то покупали колокол для какой-либо церкви или делали вклады на его покупку. Если церковь была далеко, покойного иногда отпевали дома, хотя это считалось нарушением правил. После отпевания (дома или в церкви) покойного везли или несли на кладбище. В разных местностях оно называлось по-разному: погост, буйво, могильник, кладбище. Если кладбище было далеко, то умершего провожали чаще всего только близкие родственники. Нести гроб на руках было знаком уважения к умершему. Нередко гроб несли на носилках или везли на санях, телегах. В Вологодской губернии в любое время года (летом и зимой) покойного везли на дровнях. Эти дровни оставлялись на погосте, в поле, лесу.

После отпевания в церкви священник, если его просили, сопровождал гроб до места погребения. Здесь похоронную процессию ожидали мужчины, копавшие могилу. Глубина могилы могла быть не более трех аршин - за этим строго следили священники. Ширина ее была до 3/4 аршина, а длина зависела от роста умершего. Могилу полагалось рыть перед самыми похоронами; когда яма была готова, "копальщики" оставались подле нее, стерегли могилу "от беса". У могилы священник по заказу родных усопшего еще раз совершал литию. Внутри могилу кадили. Затем гроб закрывали и на полотенцах (веревках) медленно опускали в яму и ставили на поленья или прямо на землю. В могилу бросали деньги, "чтобы душа имела чем заплатить за перевоз ее на тот свет", "чтобы было чем откупиться от греха"; рассказывая о похоронах некоторые просто говорили, что так было заведено. Все участники похорон бросали в могилу горсть земли. Этот обычай был распространен повсеместно. Могильный холм обкладывали дерном. Во многих местах около могил сажали деревья: берёзы, ветлы, липы, тополь, иву, рябину и т.п. В Ярославской губернии для того, чтобы скорее зазеленела могила, ее обсыпали овсом. На могилы ставили деревянные кресты. На Севере, в Нижегородском крае и в Прикамье сохранялась древняя традиция водружать над могилой столб с подобием домика наверху.

Зажиточные люди сооружали над погребением часовни. Для городских кладбищ в XIX в. стали типичными и каменные надгробья.

После погребения снова служили панихиду, а затем покидали кладбище. Во многих губерниях поминовение совершали на могилах сразу после погребения: на могиле расстилали скатерть или кусок холста, на которые клали пироги, ставили мед, кутью. Нищим подавали хлеб и блины.

Русский обычай предписывал подавать на похоронах так называемую милостыню (дары) ради умершего - "в знак памяти". Тот, кто брал милостыню, должен был молиться за покойного. По народным представлениям, до страшного суда участь умерших могла измениться. Если совершать поминовение умерших в домашних молитвах и в церкви (отправление панихид, заупокойных обеден, сорокоустов), то грешники могли освободиться от вечных мучений. Считали также, что заупокойный колокольный звон мог выволить погибшую душу из ада. По народным верованиям, душу грешника можно спасти ("вымолить"), если постоянно молиться в течение сорока дней после смерти. Интересен обычай "тайной милостыни": для поминовения души умершего в течение трех-сорока дней ночью тайно клали с внешней стороны окна или дверей, как правило, бедного дома хлеб, два-три яйца. Некоторые люди незаметно приносили соседям или бедным людям деньги, ситец, платки, восковые свечи т.п. Те, кто обнаруживал такие дары понимал, что нужно помолиться за безымянного. "Тайную милостыню" клали и у колодца, и на церковное крыльцо. Эта милостыня по народному представлению считалась самой угодной Богу: верили, что за нее Бог мог простить души самых отъявленных грешников.

Обычно в день похорон или на поминках (особенно на 40-й день) лицам, пришедшим в дом помолиться, давали деньги, а родственникам умершего дарили его вещи. Если умирала женщина, дарили подшальники, платки или куски материи, а если мужчина - то носовые платки или кусок ткани "на рубашку". Милостыню получали и все те, кто каким-то образом участвовал в похоронном обряде и соприкасался с покойным. Люди, которые молились и отпевали, получали деньги, те, кто нес гроб - полотенца. Копальщикам доставались полотенца, на которых опускали гроб в могилу; тем, кто обмывал покойного, давали что-нибудь из его вещей. Родственники, сопровождавшие похоронную процессию, по дороге на кладбище раздавали детям конфеты. Церковь получала в дар полотенца, которым был обернут крест, а также холст или платок, лежавший на крышке гроба.

В Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Оренбургской губерниях широко бытовал обычай подавать милостыню, называемую "первая встреча". Суть обычая в следующем. Во время выноса покойника женщина из числа его родственниц брала хлеб, кусок холста, длиной в два-три аршина, нитку и подавала эти вещи первому встречному человеку ради поминовения умершего. Мужчина, ведущий лошадь с гробом к церкви подавал, вынужден из-за пазухи, кусок холста (примерно в один аршин) или что-либо печеное. Многие считали, что подавая "первую встречу", выражали тем самым пожелание, чтобы душу покойника встретили на том свете так же хорошо и ласково, как они встретили первого человека (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1785. Л. 5. Владимирская губерния).

После выноса покойного оставшиеся дома женщины мыли полы. В некоторых местностях считали необходимым вымыть также стены, лавки и всю посуду. Участники похоронной процессии, вернувшись с кладбища, обычно мылись в специально натопленной бане (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 68. Владимирская губерния).

Умершую девушку наряжали как невесту. Считали, что души непорочных, незамужних девиц попадали сразу в рай, вот почему их называли Христовыми невестами. Похороны девушки обставлялись празднично, покойницу одевали в лучшее платье, светлой расцветки, украшали цветами, как невесту к венцу. Несли гроб девушки, одетые тоже в праздничные платья. Молодого неженатого парня хоронили также в праздничной одежде, иногда в картузе.

По всей России в отношении людей, умерших неестественной смертью (самоубийцы,

попойцы, утопленники), традиционный похоронный ритуал соблюдался не полностью. Такое отношение к людям, погибшим по своей воле (вине) или по воле случая, основано на христианских предписаниях. Самоубийцу не отпевали, не взирая на то, что он мог быть самым близким человеком (отцом, сыном, мужем). По самоубийцам никогда не делали поминок. Поминать их даже дома при молитве, по народным убеждениям, считалось грехом, не говоря о церкви. Самоубийц не полагалось хоронить на кладбище (Подробнее см.: Зеленин, Очерки...).

После погребения обязательно устраивали поминальный стол. Во время ритуальной трапезы в день похорон присутствующим раздавали подарки. Так как в народе поминками обычно назывались действия, приуроченные к 9-му и 40-му дням, то точнее будет сказать, что в день похорон в доме умершего устраивался обед. Сегодня принято думать, что раньше на русских похоронах много пили. Но в действительности все обстояло иначе. В некоторых местностях в день похорон бывало и по сей день бывает очень мало выпивки. За обедом в день погребения водку если и подавали, то немного (не более двух-трех стопочек). Обилие крепких напитков в этот день считалось неуместным. В некоторых районах вообще появление водки и пива на столе, накрытом для пришедших с кладбища людей, относят ко времени после гражданской войны. Женщины, читавшие молитвы, как правило воздерживались от спиртного. Поминальный обед в день погребения не следует путать с поминками сорокового дня, годовыми поминками и специальными родительскими субботами, когда действительно бывало много пива, вина и еды. Обильные поминальные угощения своими корнями уходят в далекое языческое прошлое, напоминая о ритуальной роли опьяняющих напитков. Обязательными ритуальными блюдами на обеде в день похорон были кутья, мед, каши, овсяный или клюквенный кисель, в некоторых районах - рыбные пироги, блины. Звали помянуть всех, кто участвовал в похоронах. Богатые люди приглашали к себе домой весь причт. Священник, входя в дом, служил панихиду, потом благословлял стол с едой и только после этого садился. В народе считалось, что "один священник на обеде заменяет 10 старцев" (людей, посвятивших себя религиозному служению, отошедших от мирской жизни). Как правило, собиралось много народу, поэтому обед устраивался в два-три приема. Вначале угощали служителей церкви, читальщиков, обмывальщиков и копальщиков, родных и близких. Стол накрывался дважды - до панихиды и после ухода причта. Нередкими бывали случаи, когда приходилось уставлять кушаньями стол и в третий раз. Широко бытовало поверье, что покойный невидимо присутствует на поминках; поэтому на время поминального обеда оставляли за столом место для покойника, клали для него ложку (иногда под скатерть) и ломоть хлеба.

Начинался поминальный стол обязательно с кутьи, приготовлявшейся в разных губерниях по-разному: из разваренного риса или ячменя с медом. В Архангельской губернии кутью делали из "красного меда", растворенного в теплой воде, без примеси вареной пшеницы и других семян (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1466. Л. 20. Рязанская губерния; АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 3. Архангельская губерния). В разных губерниях, уездах, волостях, селах, деревнях можно было наблюдать множество различий в поминальной еде. На Севере обязательен был рыбный пирог, в Рязанской и Московской губерниях сразу после кутьи подавали блины. После обеда ставили чашу с медом, разведенным в воде или браге. При этом "духовными" пелись "покойные" стихи. В конце обеда членам семьи покойного пелось "многолетие". В Тульской губернии, когда подавалась чаша, при всеобщем молчании в завершение обеда пели "Вечную память". В других местностях трапеза обязательно завершалась ржаным или овсяным киселем. Еда готовилась в зависимости от того, на какой день приходились похороны (постный или скоромный). В скоромный день подавали жаркое из телятины, холодец, молочные каши, яичницу, в постный - похлебку из сухих грибов с постным маслом, соленые грибы, пшеничную кашу с постным маслом (или без него), кисели. Сладкие пироги (нарезанные кусками) готовили в любой день. Как упоминалось, кутья, мед и овсяный кисель были обязательными

кушаньями на поминальном столе. Корни этого обычая уходят в далекое прошлое. По окончании обеда все расходились по домам. На этом заканчивались обряды собственно погребального ритуала и начинались поминальные обряды.

Поминовение по усопшим родственникам справляли на 3*, 9, 20 и 40-й дни, в годовщину и в праздники. Поминовение выражалось в служении панихид и поминаниях на литургиях, посещении могилы, в поминальных обедах и раздаче милостыни. В некоторых местностях на могилы ходили каждый день в течение шести недель. Состоятельные люди служили каждодневные обеды в продолжении 40 дней. Отмечая поминки, верили, что в 9-й, 20-й, 40-й дни после смерти душа невидимо прилетает домой и иногда дает знать о себе, может даже показаться, поэтому во все эти дни старались ее ублажить. Очевидно, некогда полагали, что душа сорок дней пребывает дома или посещает дом. О таком представлении говорит известный в ряде губерний обычай ставить на божницу на следующий день

* Если покойник еще не был захоронен или похороны состоялись на второй день.

после смерти чашку с водой и блином или куском хлеба. Этот хлеб через сутки подавали нищим, а воду выливали за окно. Так, продолжалось сорок дней (АРГО, материалы по Владимирской, Вологодской, Костромской, Калужской, Новгородской, Рязанской, Тульской и другим губерниям).

Необычайно сильна была вера в то, что поминания облегчают страдания умершей души. 9-й и 20-й дни отмечались очень скромно, в семейном кругу. Более зажиточные заказывали в эти дни обедню в церкви, а бедные приходили с кутьею к священнику и просили отслужить по умершему панихиду. В эти дни варили кутью из риса или пшеницы с медом, патокой или сахаром, пекли пироги (богатые из пшеничной муки, бедные - из ржаной) и затем разносили пироги и кутью по деревне, в городе - по соседям, предлагая помянуть умершего. Посещали кладбище, подавали нищим милостыню. На кладбище рассказывали покойному о своей жизни, жаловались, как им плохо без него.

Особой сложностью обрядовых действий и торжественностью выделялся 40-й день после смерти, так называемые сорочины, когда, по народным представлениям, душа посещала дом в последний раз. Во многих местах все действия, проводимые в этот день, назывались проводами или окликанием души. На 40-й день приглашалось много народу и делался обильный стол. В основном обряд 40-го дня в разных губерниях проходил по единому сценарию: обязательно посещали церковь, если она была в пределах досягаемости, потом шли на могилу умершего, а затем дома устраивался обед.

Но, конечно, в каждом уездном городке, селе, деревне имелись свои местные особенности. Так, в Калужской губернии в этот день приносили в церковь пирог с изображением лестницы из теста для того, "чтобы по ней душа взошла на небо". Потом все шли на обед. К обеду собирались все жители деревни, включая малолетних. Священник или дьякон, отслужив панихиду, выходил из избы за ворота, за ним выходил весь народ, молился Богу на восход солнца и кланялся три раза на церковь. Потом близкие родственники, держа сосуды с киселем в руках, оплакивали умершего с причитаниями. Кисель тут же отдавали малолетним, а взрослые приглашались к столу. В Рязанской губернии вечером накануне 40-го дня в доме покойного собирались молебные старушки и молились всю ночь. Утром шли в церковь. На поминки приходили все, кто мог. У ворот ставили столы с киселем, сытою (мед, разведенный в воде) и ложками. Подходя по очереди, все отведали поминание, а ложку забирали с собой на помин души. После этого накрывали стол в доме: клали пирог, ставили жареную курицу и, прочитав литию за упокой души, садились за стол "проводить душу покойного". В некоторых местностях Рязанской губернии по окончании панихиды дома все родственники брали с собой блины, другую снедь и шли на ближайший перекресток, где, положив три земных поклона, ели

блины и раздавали их собравшимся людям, в том числе и детям. В Новгородской губернии на "сорочины" женщины причитали на кладбище, приглашая умершего домой. Остававшиеся дома, встречали вернувшихся так, будто с ними пришла домой и душа умершего. Когда садились за столы, то для нее оставляли на столе свободную ложку. По окончании обеда устраивали "проводы души", для этого выносили стол на улицу, ставили на него чашку с пивом; если приходил священник, то служил литию перед столом, затем все отправлялись к кладбищу, женщины шли впереди и причитали, а мужчины следовали за ними молча. Пройдя с четверть версты, участники процессии делали земной поклон и возвращались домой.

Было принято заказывать по умершим заупокойные литургии: очень бедные заказывали 3-5 обеден, богатые - 10, 20, 40 (так называемые сорокоусты). Обычно, когда на 40-й день совершалась заупокойная литургия, родственники умершего приносили с собой в церковь еду. Так, в Устьысольском уезде Вологодской губернии в церковь приходили с "лукошком", наполненным пирогами (шаньгами, сочнями, рыбниками), чаем, сахаром, которыми угощались после обедни причт и церковные сторожа в доме священника или псаломщика. Оставшееся от трапезы делилось между членами причта. В конце заупокойной литургии многие имели обыкновение раздавать присутствующим просфоры. Разломав на мелкие кусочки, их подавали со словами: "Помяни раба Божьего такого-то". В старину был обычай выходить на двор и кричать, чтобы криком проводить душу на тот свет. Этот интересный обряд проводов души до наших дней сохранился в Пермском крае (АРГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 3. Калужская губерния; Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 89. Рязанская губерния; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 699. Л. 13. Новгородская губерния; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 6. Вологодская губерния; Кремлева, 1980. С. 27-29).

Такие же обряды совершались и на годовщину смерти, только чаще без причетов. Если церковь была расположена далеко от деревни, то обрядовые действия проходили на деревенском кладбище и дома. Считалось необходимым и важным прочитать псалтырь по умершим родителям и родственникам. На такие поминки приглашалась вся деревня, средств на угощение не жалели. Как и у других народов, сороковины демонстрировали сплоченность и единство не только членов семьи и близких, которых связывало кровное родство и свойство, но и всего коллектива (деревни, части села, по сути дела - общины). На поминки приходили все односельчане, по крайней мере те, кто хорошо знал покойного.

Но на этом не прекращалось поминание умершего. В православной традиции есть ежегодные общие поминальные дни: суббота мясопустная, по-народному "суббота перед сырной (масленной)" неделей; суббота Троицкая - накануне праздника Пятидесятницы; субботы "родительские" - в Великий пост (недели 2, 3, 4-ая), Радуница (вторник Фомной недели) и Дмитриевская суббота (перед 26 октября). Поминовение умерших в Дмитриевскую субботу ведет свое начало в русской церкви с 1380 г., когда оно было установлено Дмитрием Донским в память русских воинов, погибших в борьбе с татарами, и посвящается главным образом поминовению вообще воинов, "на брани живот свой положивших". С этим поминовением воинов соединилось и обычное осеннее поминовение всех усопших. В русскому быту поминовения и посещения кладбищ были обязательны. В Родительские субботы все верующие варили кутью, пекли пироги, заготавливали поминальные "книжки-поминания", наполняли припасами целые корзины и шли поминать "родителей". Священники после службы кадили над каждой могилой. Родственники покойных относили часть припасов причту, нищим. Обрядовым кушаньем, приготовлявшимся в эти дни, были и блины. В Архангельской губернии соблюдался такой обычай: после семейной молитвы, совершавшейся дома, присутствующие подходили к столу, на котором лежали пироги и яйца, и минут пять стояли в полном молчании, не прикасаясь к кушаньям, - считалось, что в это время едят умершие. По воспоминаниям очевидцев, в родительские субботы в разных местностях России люди двигались на кладбище с целыми возами пирогов.

Покойных оплакивали на могилах и в храмовые праздники. В с. Борисове Новгородской губернии Череповецкого уезда на храмовый праздник народ нес в церковь деревянные рученьки (ведерко с крышкой). В рученьках находилась кутья из медовой сыты, разваренного ячменя или пшеницы. Ведерки ставились на специально приготовленный большой стол в здании храма. К каждому из них прикреплялась зажженная восковая свеча. На стол клали деньги на поминовение умерших. После обедни священник служил общую панихиду, затем народ разбирает рученьки по домам для тех, кто не смог прийти в церковь, чтобы и они помянули родителей (РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 27. Л. 234. Новгородская губерния).

Поминовение предков являлось одним из основных компонентов русской масленицы. Следы весеннего культа предков прослеживаются в масленичной обрядности разных местностей. Суббота перед масленицей отмечалась как Родительская. В первой половине XIX в. обычай отдавать первый блин покойным родителям или поминать их блинами, видимо, бытовал широко (Соколова, 1979. С. 48). В Тамбовской и других губерниях первый блин, испеченный на сырной неделе, клали на слуховое окошко "для родительских душ" (Снегирев, 1837. С. 120). Набожные женщины ели первый масленичный блин за упокой души. Жители Ярославской губернии ходили в Прощеное воскресенье на могилы к своим усопшим родителям и родственникам, объясняя, что, согласно Евангелию (Матв. Гл. б - 4 -2), покаяние и пост могут доставить спасение и прощение грехов только тогда, когда мы искренне примиримся со всеми ближними и от души простим им обиды, причиненные нам (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1830. Л. 26. Ярославская губерния). В Прощеное воскресенье был широко распространен обычай ходить вечером на кладбище "прощаться" с умершими родными (Тверская, Костромская, Рязанская, Вологодская губернии и т.д.). В Пензенской губернии в Красносл обо деком уезде в с. Лемина Поляна в Прощеный день собиралось по 10-20 молебных старушек, которые молча шли на кладбище. Там они три раза кланялись могилам, просили у родителей прощения, клали на могилы блины и уходили.

Поминовения умерших совершались так же с Пасхи и до Петрова дня. В первый день Пасхи во многих местах приходили "похристосоваться с умершими родителями", приносили яйца, пироги, низко кланялись могилам и говорили: "Христос воскрес!" Многие были уверены, что в этот день умершие все слышат. Яйца крошили на мелкие кусочки и разбрасывали на могилках. В церковь приносили сдобные пироги и после обедни, по выходе из церкви сразу же шли к могилкам разговляться. Любопытно замечание одной пожилой женщины: "Раньше, в старину, когда народ был праведный, придя на кладбище на восклицание "Христос воскрес!" можно было услышать и ответ от умерших, а теперь народ исплутовался, так и не слышать" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 39. Л. 9. Владимирская губерния).

Радуница (Радовница, Радольница) - поминовение усопших после Пасхальной недели в понедельник, а в иных местах - во вторник Фоминой недели (т.е. первый вторник после Пасхальной недели). Игры, сопровождавшие праздник Радуницы, были запрещены церковью еще в XIV в. В связи с этим Радуница дошла до наших дней лишь как праздник поминовения умерших, причем в одних местах принято было ходить на кладбище, а в других - нет. В этот день в церкви служили панихиды, приходило много народу. После обедни бывала общая лития по усопшим, по окончании которой все возвращались домой. В домах к этому времени был приготовлен обед с выпивкой. В некоторых местностях Пермской губернии "под стол ставили несколько кушаний - они предназначались для скоропостижно умерших, утонувших, сгоревших, недостойных сидеть за общим столом". Накануне родительского дня вечером специально топили баню для умерших. В этот день в бане никто не мылся; считалось, что там невидимо для живых моются умершие (их души) (АРГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 77. Л. 27. Пермская губерния; Кремлева, 1989. С. 305).

По представлениям крестьян, воскресший из мертвых Иисус Христос сошел в ад и освободил всех грешников. С этим народная этимология связывала название Радольница:

в его основе якобы слово "радость". В Вологодской губернии на Радуницу в церкви бывало много народу, даже больше, чем в иные праздники. С собой приносили пироги и сосуды с пивом. Все это ставилось на время службы к алтарю. После службы большинство отправлялось на могилы помянуть усопших, т.е. разделить с ними трапезу, на могилах оставляли яйца. Девушки и женщины плакали и причитали у могил тех, кто ушел из жизни недавно. В Тульской губернии на Радуницу на могилах расстилали столешник (скатерть), ставили питье, блины, пироги, кутью, мед, яйца; по отслужении панихиды часть припасов раздавали причту, часть - нищим, а часть оставляли себе на поминовение умерших (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 338. Л. 3. Вологодская губерния; АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 48. Л. 82. Тульская губерния).

В ряде областей России было в обычае поминать умерших в Семик (последний четверг перед Троицей). Этот обычай, видимо, имеет свои особые корни и первоначально связан с покойниками, которых считали недостойными кладбища (умершие неестественной смертью, опойцы, утопленники, самоубийцы и т.д.), их погребали вне кладбищ, иногда в особых местах. Об этом обстоятельно написал Д.К. Зеленин (Зеленин, Очерки...)- В Семик в Пермской губернии поминали умерших принесенными пирогами, окуривали могилы, пили пиво и брагу. На кладбище в этот день бывало много нищих. Им подавали олады, яйца и пр. В г. Соликамске городское духовенство с запрестольным крестом и хоругвями в сопровождении собравшегося народа шло из собора в кладбищенскую часовню и там совершало панихиду, помяная православных воинов, могилы которых сохранились на местах погребения погибших в ходе "завоевания" Сибири. По рассказам очевидцев, массовый выход на кладбище в те дни напоминал древние дохристианские славянские тризны. Этот обычай сохранялся до начала XX в. В одном из описаний конца прошлого века читаем: "Ни один день из поминальных, установленных церковью, не почитается как Семик - четверг перед Троицыным днем. Хотя церковью в этот день не установлено поминовение умерших, но, по установившемуся обычаю, совершается во многих приходах епархии, не исключая и некоторых городов. В этот день на кладбище собиралось много народу даже из смежных, если у кого-либо там были схороненные умершие" (АРГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 9. Пермская губерния). В Вятской губернии люди, выздоровевшие от болезней незадолго перед Семиком, собирали в виде милостыни муку для печений, предназначенных для поминовения "в лесу заблудившихся, без вести потерявшихся, в реке утонувших". Из собранной муки в Семик рано утром пекли блины и булки. Сначала шли к обедне в церковь, потом отправлялись на кладбище, где все принесенное выкладывалось на разостланную рогожку и служилась панихида. После нее все кушанья с бесчисленными пятаками поступали в пользу духовенства (Магницкий. С. 34. (№ 25 и 258 - русские)).

Поминовение умерших совершалось и в Троицкую субботу. Традиция эта старинная, когда-то осужденная Стоглавым собором: "В Троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах) и плачутся по гробам умерших с великим воплем" (Стоглав, С. 309). Но впоследствии церковь объявила Троицкую субботу одной из родительских и она в народной традиции стала основной, наиболее распространенной поминальной субботой. Под Троицу, по утверждению жителей Тамбовской губернии, поминают "всех удушенных, умерших не своей смертью, порватых зверями". В с. Кривополянье до наших дней сохранился обычай топить баню под Троицу и после бани, одевшись в нарядную одежду, идти в церковь. После службы все отправлялись на кладбище и в прикладбищенской часовне служили обедню, а потом расходились по могилкам родственников. На кладбище приносили с собой блины, яйца, окрашенные в зеленый или розовый цвет, пряники, конфеты. На могилки стелили скатерть и ставили стопку водки (полевые материалы автора). В Рязанском крае "ходили по своим могилкам и несли сплетенные из трав и живых цветов венки, а яйца красили в зеленый цвет березовым листом. Приносили с собой блины, пирожки, вина не полагалось". В Вологодской и Новгородской губерниях также плели и клали на могилы венки.

Подобных сведений, относящихся к разным губерниям и местностям России, можно привести много. Поминальная обрядность представляла собой самостоятельный цикл ритуалов, совершавшихся в течение года и затем в той же последовательности повторяющихся вновь. Эта обрядность соответствовала религиозным представлениям народа о душе и загробном мире. Она также несла в себе важную социальную функцию, подчеркивая тесную связь между ушедшими в иной мир и живыми.

Умершие не подвергались забвению. Обычаи и обряды поминального цикла способствовали постоянному обращению к ним, посещению их могил, проявлению заботы об умерших в виде молений и особых трапез, а также ряда других обрядовых действий. Сохранение памяти об умерших и регулярное "общение" с ними являлись важным нравственным принципом, выражавшим убеждение народа в необходимости беречь родственные и соседские связи, на которых покоился сложившийся веками бытовой уклад.

В советское время похороны стали по преимуществу гражданским ритуалом, включившим в себя как почти обязательные элементы траурный митинг и музыку духового оркестра. Эти элементы сочетались с некоторыми проявлениями традиционной обрядности, более многочисленными и явственными в деревне. Сохранялся обычай устраивать после похорон поминальный обед, на котором произносились добрые слова об умершем. Соблюдались поминки на девятый и сороковой дни и в годовщину после смерти; значительная часть русского народа исключила из поминальных действий в эти дни традиции религиозного характера, и смыслом поминальных трапез стали теплые воспоминания собравшихся о близком человеке, ушедшем из жизни. При этом почти повсеместно как символ памяти об умершем на стол или какое-то другое место, нередко перед фотографией умершего, ставили стопку водки, накрытую куском хлеба.

Внедрение гражданского, светского элемента в похоронно-поминальную обрядность началось еще в XIX в., на что указывали исследователи народной жизни (Полищук, 1991. С. 25-38). Первые гражданские похороны в России состоялись в 1877 г., когда Петербург хоронил Н.А. Некрасова. Эти похороны совершались по православному обряду, но многолюдное шествие и значение, которое придавалось участию в проводах известного поэта, сделали их особым явлением в общественной жизни страны. Однако новый похоронный обряд ("похороны-демонстрации", по удачному выражению Н.С. Полищук), вошел в жизнь как широко распространившийся обычай лишь в 1905 г., во время первой революции. Этот обряд или полностью исключал церковный ритуал, или объединял в себе церковный и гражданский ритуалы. Для гражданских и полугражданских похорон были характерны речи, произносимые у гроба, пение революционных песен во время шествия к кладбищу и введение красного цвета в похоронную символику: флаги, ленты, материя, которой обивали гроб, а в ряде случаев и красная рубашка, надевавшаяся на покойного.

В послереволюционный период гражданская похоронно-поминальная обрядность вошла в быт широких масс.

Создание нового советского общества в стране привело к разрушению тех социальных связей, которые поддерживали жизнь традиционной культуры в целом. Одна из непосредственных причин изменений, произошедших в похоронно-поминальной обрядности, - длившееся десятилетиями жесткое ограничение деятельности православной церкви, которое наглядно проявилось в закрытии и разрушении храмов. Немалую роль сыграла и антирелигиозная пропаганда (атеистическое воспитание); она сумела внушить не одному поколению русских людей равнодушие не только к религии, но и вообще к традициям предков.

Однако было бы неправильно объяснять изменения в похоронно-поминальной обрядности, произошедшие в советское время, одними лишь идеологическими причинами. Идеологический фон сочетался с коренными преобразованиями в жизни страны в XX в. Особо следует подчеркнуть значение мощных процессов урбанизации. Рост городов препятствовал сохранению старых кладбищ. Новые же кладбища, особенно

в больших городах, постепенно перемещались на далекие окраины и даже за пределы города, что, разумеется, затрудняло частое посещение их.

В 1921 г. в России строится первый крематорий. И хотя кремация, как уже отмечалось выше, не соответствует русскому традиционному погребальному обряду, тем не менее в Москве и Санкт-Петербурге в послевоенный период она уже вошла в обычай.

В жизни больших городов с особенной отчетливостью проявилось то пренебрежение к памяти о прошлом, следовательно, и о мертвых, которое сделалось характерным для идеологической атмосферы в нашей стране в послереволюционные годы. Массовое уничтожение церквей сопровождалось и массовым уничтожением кладбищ; постройка зданий на месте закрытых кладбищ давно вошла в обычную практику. Известны случаи, когда на месте кладбищ появлялись танцплощадки. Некогда естественная для русского человека "любовь к отеческим гробам" попала в зависимость от бюрократического аппарата. Кладбище перестало быть неприкосновенным и почитаемым местом.

Переселение неперспективных деревень и стремление крестьян переехать в город также внесли свою лепту в разрушение народных обычаев, в том числе погребально-поминального ритуала. Ликвидация деревень приводила к запустению и уничтожению старинных кладбищ. В городе или большом поселке, где до церкви, если она сохранилась, многим верующим порой сложно было добраться, не так-то легко оказывалось отпеть умерших.

Бесцеремонность по отношению к ушедшим из жизни, молчаливо возведенная в правило бюрократической системой, не могла не воспитать людей, позволяющих себе глумиться над прахом мертвых.

С начала "перестройки" в печати и на государственном уровне стал обсуждаться вопрос о введении общерусского Дня памяти (Дня поминовения). Высказывались разные соображения о том, какой день следует избрать Днем памяти для России: 21 сентября, 22 июня, 9 мая, последнюю субботу апреля? Говорили о том, что нет нужды увязывать этот день с каким-либо историческим событием давнего или недавнего прошлого. В России (как мы видели выше) издавна отмечались Родительские дни, бывшие частью церковной службы. В Иркутске в 1988 и 1989 гг. горожане собирались у памятника воинам, павшим в Великую Отечественную войну, 21 сентября - в день Рождества Богородицы, в тот самый день, когда в 1380 г. произошла Куликовская битва. Примеру иркутян последовали новосибирцы. В Хабаровске Родительский день с 1988 г. отмечают весной. Сельское же население разных областей России и в советские годы не прекращало соблюдать Родительские дни. Кроме того, почти по всей России, в особенности в областях, где оставила свой страшный след война, значение Дня поминовения приобрел День Победы - 9 мая. Во многих деревнях и поселках сооружены памятники погибшим воинам; у этих памятников люди уже многие годы совершают поминальные обряды, в особенности там, где кладбища находятся далеко.

В последние годы происходит возрождение православия в России. При всех трудностях, осложняющих деятельность церкви, в условиях проникновения в страну иных конфессий и нетрадиционных сект, возрастает значение православия в жизни русского народа, что заметно сказывается на обращении все большего числа людей к православной погребально-поминальной обрядности.

Для современной православной похоронно-поминальной обрядности характерно сохранение ряда элементов гражданских похорон, прочно вошедших в жизнь в советское время. Так, похороны по православному чину могут включать в себя и гражданскую панихиду, и музыку духового оркестра, которая перемежается с пением певчих. До сих пор в народной памяти и быту сохраняются некоторые обычаи и поверья, уходящие корнями в глубокую древность. Например, и в наши дни совершаются отдельные очистительные действия, связанные с верой в магическую силу умерших. Сохраняются и представления о том, что душа мертвого навещает дом в течение 40 дней после смерти. Не забыт и обычай "тайной милостыни". В ряде местностей в гроб продолжают класть

принадлежавшие покойному вещи: трубку, папиросы, костыли, а то и запасную пару белья. Распространены рассказы о том, что родственникам может явиться во сне умерший и выразить неудовольствие, если что-то из нужных ему вещей забыли положить в гроб, не так его одели или поминки прошли нехорошо. Столь же широко известны сообщения о благодарности, которую выразил приснившийся (или показавшийся то ли во сне, то ли наяву) кому-либо из близких родных покойный за соблюдение всех положенных по обычаю обрядов.

Погребально-поминальная обрядность живет в любом народе как составная часть его культурных традиций; в ней отражаются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние общества в тот или иной период. Уважение к мертвым свидетельствует об уважении к живым. Если в обществе деформированы и ослабли семейные, родственные и дружеские узы, бессмысленно ожидать проявления глубоких чувств к тем, кто покинул этот свет. Укрепление традиций, связанных с памятью об ушедших, позволяет думать, что в нашем обществе, несмотря на все трудности и социальные эксперименты, сохранены здоровые основы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

До 1860-х годов - эпохи реформ и бурного развития буржуазных отношений - в России веками сохранялась феодальная структура общества, в основе которого лежало его сословное деление. Эта особенность, свойственная любому феодальному обществу, определяла специфику его общественной жизни, так как каждое сословие, во-первых, было замкнутым организмом, а во-вторых, обладало особыми, только ему присущими правами, обязанностями и привилегиями (если таковые имелись). Сословное деление общества отражало его социальную структуру, во главе которой находилось сословие господствующее - дворянство, с соответствующими политическими и экономическими правами, а в основании этой иерархии - социальные слои производящего сельского и городского населения.

Замкнутость сословных групп населения порождала на праве обычая соответствующие корпоративные организации, призванные отражать интересы того или иного сословия. На различных этапах истории государства эти сословные организации по-разному вписывались в его политико-административную структуру, но так или иначе неизменно в большей или меньшей степени сохраняли свою роль в местном управлении; таким образом в общей системе государственного управления эти организации, подчинявшиеся верховной власти, своей деятельностью как бы отражали обратную связь между разными социальными слоями населения и великокняжеской или царской властью.

Само собой разумеется, сословные организации отражали специфические для отдельных сословий интересы, сплошь и рядом социально не совместимые. Под давлением государственного аппарата и тем более по мере совершенствования его структуры изменялись функции сословных организаций в административном, фискальном, судебном отношениях. Но при всем этом сохранялись традиции, сословные по своему существу и вместе с тем отражающие общественное и бытовое мировоззрение целых социальных слоев народа, составляющее важнейшую часть его духовной культуры.

Реформы 1860-х годов в значительной степени нарушили перегородки, существовавшие между сословиями. Тем не менее сословные организации сельского и городского населения сохранялись; под давлением самодержавной власти с XVIII в. они сильно изменялись, превращались в низшие звенья местной административной власти, но не теряли своей сословной сути. На протяжении второй половины XIX - начала XX в. эти

социальные организации все более активно включались в общественную жизнь народа. Одновременно возникали и активно развивались общественные организации - межсословное территориальное земство, занимавшееся развитием местного хозяйства в губерниях и уездах, народного образования и медицинского обслуживания, а также огромное количество научных (медицинских, юридических, исторических и т.д.) обществ и организаций.

КРЕСТЬЯНСКАЯ (СЕЛЬСКАЯ) ОБЩИНА

История сельской общины как сословного института, руководившего всей жизнью деревни - хозяйственной, общественной, семейно-бытовой, - прослеживается по историческим источникам со времен Русской Правды, своеобразного первого писаного государственного кодекса XII в. Территориальная (соседская) община была универсальной формой социально-хозяйственного бытия русского крестьянства, повсеместность ее распространения лишь свидетельствовала о ее необходимости и как бы "самовозникновении" на новых вновь заселяемых русскими крестьянами землях. Прослеживая этапы истории этого важнейшего института, следует прежде всего иметь в виду, что на протяжении веков его функции не оставались неизменными. Дело в том, что с усилением государственного аппарата и развитием феодального землевладения функции сельской общины медленно, но неуклонно сужались. Если по Русской Правде община привлекалась к судебнo-следственному процессу, а ее представители - к княжескому суду и вплоть до XV в. она играла немалую роль в местном управлении (раскладка и сбор налогов, судебные разбирательства), то с расширением феодального землевладения ее роль в местном управлении все более и более умахалась. Поэтому историю сельской общины следует рассматривать в двух ракурсах - собственно государственном и внутридеревенском управлении.

Сельская община всегда оставалась основой организации земледельческого производства, и, естественно, землепользование и землевладение были для общин задачей первостепенной; поэтому разрешение этих задач играло очень существенную роль в жизнедеятельности общин, тем более когда дело доходило до государственного судебного разбирательства при возникновении споров и тяжб. Упрочению и развитию системы феодализма на Руси было свойственно правовое своеобразие разных общественных взглядов на земельную собственность. Государственная власть в лице великих князей московских неуклонно придерживалась убеждения, что вся земля составляет ее собственность и только ей принадлежит право безусловного земельного распоряжения. На этой правовой установке базировалась поместная система, когда служилый человек получал поместье на праве условного владения, до тех пор пока он (или его потомство) нес свои воинские обязательства. Феодальные владения - вотчины при всей безусловности права наследования по родственным линиям, тем не менее, находились под контролем княжеской (позднее - царской) власти, которая могла их конфисковать, ограничить права распоряжения и т.п. Только в XVIII в. господствующее сословие - дворянство добилось от верховной власти права собственности на свои земельные владения с безоговорочным распоряжением ими.

Общинное крестьянство, рассматривавшее свои владения как принадлежность всей общины, выработало на основе обычая свое право, в основе которого лежал принцип потомственного владения крестьянским двором и частью освоенных им общинных угодий.

Сохранившийся актовый материал XV-XV вв. содержит любопытную формулу, как бы совмещавшую два принципа - государственного и обычного права. В различных документах, вышедших из крестьянской среды в связи с различными земельными

спорами, эта формула звучала так - земля великого князя, а нашего (крестьянского) владения. Общины, сплошь и рядом представлявшие целые волости, жестко боролись за свои владения, и они часто обращались к великокняжескому суду.

Обращаясь к этим документам XIV-XV вв., можно увидеть некоторые черты крестьянского мировоззрения: черносошное крестьянство того времени признавало принадлежность земли великокняжеской власти и вместе с тем рассматривало землю как свою, волостную, находившуюся в его коллективном владении с правом распоряжения; оно же считало, что великокняжеская власть обязана охранять крестьянское общинное черносошное землевладение, а тем самым и саму общину (Черепнин, 1960. С. 264, 266, 268, 274, 275). По крайней мере с конца XV в. государственное писаное право учитывало нормы, определявшие положение мирских сообществ, и регулировало в той или иной степени их отношения с верховной властью и ее представителями на местах. Жалованные грамоты великих князей и судебники 1497 и 1550 гг. законодательно упрочивали положение мирских крестьянских представительств в системе местного управления. Крестьянское владение угодьями в границах общины-волости в равной степени прослеживалось повсеместно, вне зависимости от того, были ли они черносошными, дворцовыми или входили в состав феодальных вотчин. Община-волость обладала немалыми правами, которые в значительной степени вытекали из структуры ее существования. Община-волость возглавлялась волостным сходом, который выбирал должностных лиц волости (старост, сотников, или соцких), раскладывал и утверждал возлагаемые на волость повинности. Эта демократично выборная организация обладала немалой и разносторонней властью; за ней оставались судебные-розыскные функции, сохранявшиеся со времен Русской Правды, организация выполнения государственных повинностей, распоряжение вымороченными и свободными земельными угодьями и прием новых поселенцев, надзор за состоянием общинных угодий и их охрана от внешних посягательств. Все эти хозяйственно-административные, фискальные и полицейские функции общины-волости силой обстоятельств заставляли считаться с ней и центральные дворцовые управления и местных феодалов-соседей. В лице своих выборных представителей община-волость выступала со своими жалобами непосредственно перед верховной властью. Она же охраняла установившийся обычай отмечать храмовые праздники с их "пирами" и "братчинами", на которых могли обсуждаться и решаться местные дела (Покровский Н.Н., 1973. Гл. 2). Вместе с тем акты-источники XIV-XV вв. позволяют судить об определенном этапе в истории сословной крестьянской организации в системе феодального государства, в котором именно общинное землепользование, как это ни парадоксально, облегчило верховной власти, не встречавшей сопротивления частных земельных собственников, объявить себя верховным собственником земли, сохраняя за общинами функции местного самоуправления и тем самым инкорпорируя их в систему государственного управления. Следует иметь в виду, что этот этап заложил в крестьянском самосознании глубокий след - двойственная основа земельного права навеки оставалась в сознании крестьян-общинников, а общинная организация оставалась основой сельского существования и хозяйствования, несмотря на серьезные изменения в дальнейшем крестьянского бытия.

XVI век положил начало трансформации общинной организации. Именно с этого времени начались массовые расхищения волостных земель все более и более умножавшимися помещиками. Создание поместной системы привело к гибели общину-волость в центральных уездах России. Община из волостной организации превращалась собственно в сельскую и замыкалась в своей деятельности границами частнофеодальных владений, а жизнь крестьян-общинников регламентировалась "кодексами" помещиков и вотчинников, о чем можно судить по сохранившимся материалам более позднего времени (XVII-XVIII вв.).

В областях, где поместное землевладение не получило развития, община-волость продолжала существовать, местами вплоть до второй половины XIX в., в ее истории

основным мотивом становится борьба с все более усиливавшейся бюрократизацией местного управления. Общины-волости сохранились прежде всего в северной, заволжской части России, в Поморье - от Карелии до Урала. До середины XVI в. местное управление в этом регионе возглавлялось присылавшимися из Москвы кормленщиками, с которыми общины-волости, отстаивая свои прерогативы, вступали в острые противоречия. В середине XVI в. правительство Ивана IV распространило на северный регион земскую реформу, по которой все местное управление передавалось выборным органам общин-волостей (сходам разных рангов и выборным на них должностным лицам) (Носов; Копанев, 1978). Эта система сумела пережить террор опричнины и существовала до конца XVI в., пока в России не началось введение на местах воеводского управления, с которым общины-волости фактически делили власть. В XVII в. земское управление достигло своего расцвета, о чем свидетельствует классическое исследование М.М. Богословского, в котором автор подробно исследовал земельные отношения на Севере, структуру земских миров с их многочисленными функциями как "хозяйственного союза, церковной общины и юридического лица".

Норма Соборного уложения 1649 г., прикрепившая крестьян к земле, на Севере фактически не действовала, при сохранившемся на праве обычая подворно-потомственным владении наделом и праве пользования общинными угодьями севернорусский крестьянин пользовался свободой в хозяйственной деятельности. Правительство безуспешно стремилось предотвратить переселения черносошных крестьян (особенно в Сибири), но исходило не из нормы Уложения, а из фискальных интересов казны; в конце концов для него было безразлично, где платил государственные налоги черносошный крестьянин. Сами же общины-волости вовсе не были сторонниками запрета передвижения своих членов (Копанев, 1984. С. 56-66).

В XVIII-XIX вв. севернорусская община сохранила свою внутреннюю сущность, хотя подвергалась непрерывному давлению со стороны системы централизованного государственного управления; "попечительство" губернских властей вело к их вторжению во внутреннюю жизнь общины, которая превращалась в низшее звено административно-фискального управления.

Земские миры Севера сыграли огромную роль в сохранении гражданского самосознания в среде северного крестьянства и посадского населения, что проявилось в годы польской интервенции в начале XVII в., в активной его роли в работе земских соборов, в годы деятельности Уложенной комиссии 1760-х годов и в повседневном отстаивании своих прав. Более того, именно севернорусское крестьянство, сыгравшее первостепенную роль в хозяйственном освоении Сибири, принесло туда земские традиции.

Возникновение сельской общины в первые же десятилетия освоения Сибири севернорусским крестьянством свидетельствовало о ее необходимости для переселения и тем самым естественности ее регенерации на вновь заселяемых местах. Типологически сибирская община была близка к севернорусской, коль скоро она выростала на основе общественных представлений первых переселенцев. Фактически она проходила тот же путь развития, как и на Севере, с той лишь разницей, что российская действительность XVII-XVIII вв. существенно ускоряла движение этой социальной организации на ее пути к нижней административной инстанции. Уже первые поколения русских переселенцев доказали местной и центральной властям всю тщетность попыток лишить их права передвижения. Было вполне очевидно, что земледельческое освоение сибирских земель может опираться только на хозяйственный опыт, принесенный переселенцами. Документы XVII в. неоспоримо свидетельствуют об использовании этого опыта не только с чисто хозяйственной точки зрения, но и с социальной.

Нарождавшееся сибирское крестьянство в своих обращениях (челобитных) к властям сплошь и рядом действовало от имени не одного селения, а нескольких, что позволяет думать об образовании общин-волостей. В процессе земледельческого освоения земель и

создания пашен образовывались "повальные" объединения, явно общинного происхождения. Эти объединения, совместно проводя освоение угодий, создавали основу обычно-правового семейно-наследственного владения землей. О роли общины в общественной жизни сибирского крестьянства четко свидетельствуют документы, обращенные к местной и центральной власти (Александров В.А., Покровский Н.И. Гл. 1). По сути дела эти обращения касались очень разных обстоятельств местной жизни - обложения и несения повинностей, порядка землепользования, полицейско-административного надзора, личных обязательств общинников, злоупотреблений и превышения власти приказчиков, назначавшихся воеводами, выборов общинами старост и выдачи им мирского "выбора" и т.п. Многообразие всех этих житейских обстоятельств, не говоря уже о прямых столкновениях общин с местной администрацией, свидетельствовало о широте мирского мышления, четко отражавшего не только сословные интересы, но и представления крестьян о значимости и возможностях своего сословного органа.

Официально территориальные общины-волости были признаны положением 1797 г., по которому в них устанавливалась численность населения, но фактически они складывались много раньше, а их выборные органы утверждались уездной или заводской администрацией и до 1780-х годов.

В процессе бюрократизации местного управления по указу 1805 г. в общегосударственном масштабе повелевалось на волостных сходах собираться только дворохозяевам; в 1822 г. было определено количество сельских поверенных, которые могли представлять свои селения на волостных сходах. Тем не менее сходы по-прежнему выражали прежде всего интересы миров. Весьма показательным в этом отношении существование выборных мирских поверенных, которым поручалось разрешение всяких сельских дел с местной администрацией и которые, по крестьянскому убеждению, обладали личной неприкосновенностью. И в XVIII и XIX вв. волостная община не только занималась раскладкой податей и повинностей, но и активно боролась за возможность их выполнения, исходя из своих трудовых и материальных ресурсов. Общины, регулируя сельскую жизнь, в Сибири даже брали на себя функции Синода и сами выносили решения о разводе мужей и жен. Таким образом, волостная и составлявшие ее сельские общины при всех возлагавшихся на них административно-управленческих функциях сохраняли свой авторитет социальной организации сибирских крестьян.

Сельская община, попавшая в центральных районах Европейской части страны в условия крепостнической, личной зависимости от феодалов-землевладельцев, шла своим путем, и ее общественная роль приобретала специфические черты, отражавшие социальную приниженность местного крестьянства по сравнению с севернорусским и сибирским. Гибель черносошных общин-волостей в центре страны особенно очевидна стала во второй половине XVI в. с развитием поместной системы. Селения замыкались в рамках сельских общин; однако, несмотря на то что административно-хозяйственные, фискальные, полицейские функции по управлению поместьями и вотчинами дворцовых и монастырских владений находились в руках их владельцев, осуществление этих функций вовсе не обходилось без участия представителей сельских общин. Старосты и целовальники, как выборные представители миров, постоянно упоминаются в самых разнообразных документах XV-XVI вв., именно к ним обращаются дворцовые грамоты, отписки помещиков и вотчинников.

Так или иначе регулирование в исполнении тяглых обязанностей крестьян происходило при взаимодействии владельческого аппарата управления и общинных представителей. Разумеется, степень подчинения общинного аппарата управления аппарату вотчинному зависела от общего процесса "освоения" феодалами общины, в котором она при всех обстоятельствах попадала в ситуацию безусловно проигрышную. Первоначально даже в XV-XVI вв. общинное управление вторгалось главным образом в сферу выполнения тягла, что так или иначе влекло за собой изменения в системе

общинного землепользования, когда феодал заводил собственное пашенное хозяйство. При этом распределение тяглых обязательств между отдельными дворохозяевами порождало необходимость их соответственного уравнивания в землеобеспечении, а так как в силу естественной демографической изменчивости состояния рабочих возможностей каждого двора возникала потребность постоянного пересмотра уровня этого землеобеспечения (тем более сужавшегося в силу развития собственно барской пашни), то следствием всего этого явилась замена наследственно-подворного принципа деревенского землевладения на принцип предельно-уравнительный. Это изменение происходило стихийно и было результатом общинной инициативы.

Одновременно происходило усиление частнофеодального надзора над общественной и семейной жизнью деревни. Феодальная регламентация поместной деревни отразилась в сохранившихся частновладельческих "кодексах", в которых владельцы по-разному определяли роль сельской общины и ее функции. В основном эти "кодексы" составлялись на протяжении XVIII в., т.е. на заключительном этапе "освоения" феодалами деревни. По этим своеобразным документам прослеживался очень разный подход частнофеодальной правовой мысли к определению функций сельской общины {Александров В.А., 1976. Гл. 2). Лишь меньшая часть русских помещиков стремилась максимально регламентировать все обстоятельства деревенской жизни и поставить общины в условия чисто полицейского мелочного надзора. Такие случаи наблюдались только в барщинных хозяйствах, где каждый шаг крестьянина попадал под какой-либо параграф барской инструкции. В таких имениях роль общинных представителей низводилась до уровня надсмотрщиков и доносчиков, а изредка случалось даже упразднение общины. К такой системе склонялись видные политические деятели первой половины XVIII в. - А.П. Вольнский, В.И. Татищев, чуть позднее - Самарины, Шепелевы и др.

В оброчных имениях, наоборот, помещики или вовсе не вмешивались во внутреннюю жизнь деревни и интересовались лишь фискальными поступлениями, либо формально передоверяли все функции управления при своем общем контроле выборным общинным представителям (бурмистрам и старостам). Такое управление известно с XVIII в. в имениях кн. Г.В. Грузинского, И.И. Шувалова, кн. С.Г. Куракина, В.Г. Орлова и многих иных. Разумеется, в этих случаях сельская община полностью сохраняла свои функции по управлению деревней, причем наблюдалось даже своеобразное взаимовлияние функций общинных и вотчинных административных "управителей". Так, у Орловых все нити управления их огромными владениями стягивались в главной конторе, за которой оставался общий надзор и решения по спорным вопросам. Между тем бурмистры, управлявшие отдельными вотчинами, и прочие "чины" выбирались миром; они же осуществляли все административные и судебные функции внутри поместья.

Ежегодно мир избирал комиссию счетчиков по проверке мирских расходов, комиссию по определению оброчных обязательств каждого двора, а отсюда и его земельного обеспечения. В случае необходимости решать иные наиболее важные вопросы эпизодически создавались мирские комиссии, решения которых утверждались сходом (рекрутские наборы, спорные семейные отношения и т.п.). Орловы строили свое управление вотчинами прежде всего с учетом мирских традиций и крестьянской взаимопомощи. Есть свидетельства, что именно поэтому "кодекс". В.Г. Орлова пользовался популярностью среди русских помещиков конца XVIII-начала XIX в.

Наконец, существовал третий вариант отношений между помещиками и крепостными крестьянами, когда сельское управление основывалось на смешанном вотчинно-общинном принципе, при котором за общиной сохранялись существенные права по контролю над вотчинной администрацией. По сохранившимся систематическим данным о деятельности мирских сходов в с. Писцово Не-рехтского уезда (за 1730-1790 гг.), принадлежавшем кн. Долгоруким, в с. Никольском Рыбинского уезда (за 1770-1812 гг.), принадлежавшем Орловым, и в с. Аксеново Чухломского уезда (за 1809-1820 гг.), принадлежавшем Дмитриевым-Мамоновым, отчетливо прослеживается их компетенция в

тех случаях, когда общинная самодеятельность не была задавлена вотчинными управителями (Александров В.А., 1976. С. 139). Как правило, преимущественное внимание на сходах уделялось тяглому обложению, земельным и финансовым вопросам; систематически на сходах осуществлялись выборы общинной администрации и мирских комиссий, а также разбирались частные жалобы, иски, просьбы по имущественным, семейным и иным делам, выносились решения по мелким судебным делам и мирской помощи; эпизодически сходы обсуждали порядок выполнения рекрутской повинности и иных натуральных государственных повинностей (дорожной, мостовой и т.п.), обеспечения приходской церкви и местного причта.

После ожесточенной полемики перед реформой 1861 г., посвященной судьбе сельской общины, она была сохранена. Законодательно были обусловлены общинное устройство и его взаимосвязь с общим государственным управлением. В целом община оставалась социальной организацией крестьянства. Более того, государственная власть при проведении судебной реформы 1860-х годов, направленной на создание общей межсословной системы судопроизводства, вынуждена была для разрешения гражданских дел между крестьянами учредить особые волостные суды, где делопроизводство осуществлялось в большей степени на основе обычного, но не государственного права.

Учреждение волостных судов объяснялось тем, что нормы деревенского общежития и семейного быта, строго соблюдавшиеся среди крестьянства, сплошь и рядом противоречили государственному гражданскому праву. Общинное крестьянское мировоззрение, сохранявшееся в эпоху развивавшегося аграрного капитализма, усложняло положение общины как социальной организации мелких производителей, где сохранялись традиционные мирское управление, порядок землепользования и бытового уклада. Освобожденная от помещичьей власти земельно-передельная община законодательно получила право коллективной собственности на землю и распоряжалась ею по своему традиционному усмотрению. Однако административный надзор местных властей и учрежденный в 1880-е годы институт земельных начальников сужали демократизм общинных сходов; переделы и выход из общины затруднялись. В регионах с наследственно-подворным общинным землепользованием в зависимости от местных обстоятельств сохранялись старые и возникали новые правила землепользования. Так, в Сибири общими чертами землепользования оставались захватные права на пахотные участки и общая собственность на все остальные угодья (сенокосы, леса, рыбные ловли и т.д.); община усиливала регулирование в пользовании наследственных усадебных участков, сенокосов и пастбищ, участков под заимками.

Во второй половине XIX в. повсеместно усиливалась распорядительная роль общины в землепользовании. Сельская община, веками проявлявшая удивительную приспособляемость к изменявшимся условиям существования деревни, в конце XIX - начале XX в. находилась в трудной ситуации. Она оставалась сословной, крестьянской организацией, но неделимая общинная собственность на землю все более вступала в противоречие с развивавшимся аграрным капитализмом. В 1906 г. царское правительство реформой П.А. Столыпина попыталось разрешить это противоречие, предложив крестьянам-общинникам выделяться вместе с наделом (на праве собственности) из общины "на хутора" и, чтобы разрядить земельный голод и социальную напряженность в центральной русской деревне, тем более способствовать переселенческому движению в Сибирь, Среднюю Азию. Однако широкие слои крестьянства, видевшие в общине социальную защиту, стали противодействовать растаскиванию общинной земли, и цель реформы П.А. Столыпина достигнута не была.

Февральская и Октябрьская революции также не способствовали дальнейшей эволюции общинной организации. Советская власть, выступая за национализацию земли и превращение общины в "демократический соседский союз" земельных пользователей, по сути дела вернулась к типологически пройденному этапу владения землей государством. По принятому в 1922 г. земельному кодексу, община признавалась самоуправляющейся

преимущественно в поземельном отношении организацией с уравнительным землепользованием отдельных хозяйств и совместным использованием угодий. Но уже спустя семь лет сплошная коллективизация уничтожила мелкого сельского производителя, а с ним и его общину, превратив русского крестьянина в наемного рабочего с клочком приусадебной земли. Гибель сельской общины, возможности которой не были исчерпаны на пути кооперации сельскохозяйственного производства, имела тяжелые последствия для России.

Сельская община, помимо своей социальной значимости, поддерживала традиционные представления огромной массы сельского населения о сохранении угодий и порядка их использования (сплошь и рядом экологического характера), о нормах и формах общественного и соседского поведения в разных возрастных группах (Громыко, 1986), об обрядах и праздниках, связанных с циклами сельского производства. Иначе говоря, община содержала в себе воспитательную функцию, которая с огосударствлением деревни и всевластием местных властей разных рангов размывалась в среде сельских жителей; вместе с ней исчезали целые пласты народной культуры (праздники, развлечения, фольклор, историческая память и т.п.).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ X - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Социальная структура русского общества складывалась в течение веков как структура феодальная. Верхушку общества составляли феодалы. В эпоху средневековья это были крупные землевладельцы, непосредственное окружение князей - бояре и вольные слуги, как их называли. Они владели относительно крупными массивами земли - обработанными полями, лугами - выгонами для скота, лесами, селами и деревнями.

Самое их название - "вольные слуги" - говорит о значительной самостоятельности этих землевладельцев. Имена их были наследственными - вотчинами ("отчинами" - доставшимися от отцов и дедов). "Боярам и слугам межи нас вольным воля" - гласили старые договоры между князьями. Крупные феодалы могли по собственному желанию служить тому или иному князю. По букве договора могли и никому не служить, но обычно служили кому-нибудь из князей. Князь был тем сильнее, чем больше бояр от него зависело, чем больше были их дружины. Но князь не был волен в боярских вотчинах. Не мог, например, их отнять, если боярин "отъехал" к другому князю.

В ином положении находились более мелкие феодалы - "слуги дворные", составлявшие княжеский "двор" - дружину. Их называли еще "дворянами"; они подчинялись княжескому дворскому и назывались также "слуги под дворским". Их владения — поместья (отсюда более позднее "помещик") давались лишь при условии службы князю или его сыновьям.

В XVI в. и в последующие два столетия поместья по своему правовому статусу все более приближаются к вотчинам. Бояре и дворяне слились в один класс - дворянство, занимавший в стране господствующее положение. Данная царским правительством в 1785 г. жалованная грамота дворянству и последовавший указ о вольности дворянства это положение закрепили. Дворянство оставалось главной опорой русского самодержавия до самой революции 1917 г., хотя экономическое положение дворян было значительно подорвано реформой 1861 г. Уездные и губернские дворянские собрания, избиравшиеся дворянами раз в 3 года, являлись их сословными органами и до реформы не только ведали дворянскими делами, а решали и многие общие дела. Предводитель дворянства в уезде и в губернии — фигура весьма влиятельная.

Важной социальной группой было также купечество. Уже Древняя Русь знала купеческие организации - сотни (сто). До нас дошел устав Иваньского ста - организации новгородских торговцев воском. Утвердил этот устав в 1134—1135 гг. князь Всеволод

Мстиславич, предоставив Иваньской общине "вес вощаной", т.е. исключительное право взвешивать воск на торгах Великого Новгорода и Торжка, право вершить торговый суд и избирать пять старост и тысяцкого, представлявших различные социальные группы горожан - купцов, мелких феодалов - "житых людей", городские низы - "черных людей". Организационным центром общины являлась церковь Ивана Предтечи на Опоках на Петрятине дворище в Новгороде. В притворе церкви взвешивали (за определенную плату) воск. В церкви хранились также утвержденные образцы (как сейчас говорят, эталоны) мер и весов - Иваньский пуд и Иваньский локоть. Пуд - это гиря, а локоть - это мера длины. При раскопках в Новгороде нашли такую деревянную линейку - дощечку, на которой вырезана надпись: "Святого Иваньско"; по всей вероятности, это - Иваньский локоть.

За все эти привилегии община должна была платить князю, "полтретьядцать" (т.е. 25) гривен серебра через год (в год это получалось 12 1/2 гривен - примерно 6,25 фунта серебра в слитках). Сумма довольно большая, но ведь гораздо больше собирала община со своих членов. 50 гривен (около 25 фунтов) серебра должен был внести вступающий в нее купец. Только тогда он становился полноправным членом общины, - как тогда говорили, старшим - "пошлым купцом" (Устав новгородского князя... С. 160).

Мы остановились так подробно на устройстве Иваньского купеческого ста, чтобы дать представление об организации купцов, существовавшей больше 850 лет тому назад. Нужно думать, что таких купеческих обществ, как Иваньское, на Руси уже в XII в. было довольно много. В последующие века организация купечества развивалась и укреплялась. Примерно в XVI в. самые богатые купцы - гости - почитались важными людьми; они располагали значительными средствами и, помимо торговли, нередко занимались ростовщичеством. Впрочем, если считать ростовщиками всех, кто давал займы деньги под проценты ("в рост"), то круг ростовщиков окажется очень широким.

Во второй половине XVIII в. учреждены новые сословные объединения купцов - гильдии. С 1775 г. все купечество было разделено (по размерам капиталов) на I, II и III гильдии. Купец-первогильдеец - весьма значительная фигура в дореволюционной России. В целом купечество являлось той социальной прослойкой, из которой образовался в XIX-XX вв. торговый и промышленный класс - буржуазия; если первые две гильдии примерно соответствовали древним гостям и "торговым людям гостиной сотни", то третья гильдия объединяла мелких торговцев.

Рядовые горожане - большинство городского населения - назывались в России до XVIII в. посадскими людьми (от слова посад, т.е. торгово-промысловые кварталы города), а позднее мещанами (от слова место, что в некоторых славянских языках и теперь означает город). Это податное сословие охватывало большинство городского населения - ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев. Последняя категория городских жителей представляется наименее определенной. Домовладельцем мог числиться всякий, кто имел в городе дом с участком. Но в более узком смысле под этим названием понимали горожанина, который жил на доходы от своего дома. Это могли быть и урожаи сада и огорода, но в основном доход приносила сдача внаем жилых помещений. По мере развития городов в них поселялось все больше людей, не имевших собственного жилья и вынужденных арендовать дома, квартиры, комнаты, даже "углы" и койки. Это явление особенно характерно для крупных городов с развитой промышленностью и торговлей. Иногда жилье сдавалось "со столом": квартирантам предоставлялся обед или даже полное дневное питание и уж почти всегда по требованию - подавали самовар, что специально оговаривалось условиями найма.

В 1863 г. мещане освобождаются от податей; они объединялись в общины и были связаны круговой порукой, что имело особое значение для освобождения от подушной подати.

Важную часть городского населения составляли ремесленники. Их в каждом городе было множество; поселялись они и в сельской местности. Влияние ремесленников на экономическое развитие страны в целом велико. Почти каждая губерния славилась

особым развитием каких-либо ремесел.

Как и в Западной Европе, ремесленники одной профессии селились по соседству друг с другом, образуя ремесленную слободу со своей церковью. Как правило, группировались слободы ремесленников, в производственном процессе которых имелись общие черты. Например, на окраинах городов, нередко даже отделенных от центра речкой, располагались слободы ремесленников "горячих" профессий, в производстве которых существенную роль играли огонь (гончары, кузнецы, котельники, бронники, оружейники) или вода (кожевники, сыромятники, сапожники и т.п.), или то и другое. Река в какой-то степени защищала от опасности пожаров.

Ремесленник работал обычно с помощниками - подмастерьями, учениками. Учась у мастера, они помогали ему, выполняя подсобные, но очень важные работы. Некоторые ремесла требовали одновременной работы двух или нескольких человек. Так, кузнецу необходим молотобоец. Раздувая мехами огонь в горне, ударяя точно в указанное мастером место раскаленного куска металла, помощник постигал тайны мастерства. Проучившись несколько лет, он сдавал своеобразный экзамен, где надо было не только ответить на предложенные вопросы, но и самому изготовить "урочное" изделие, требовавшее профессионального умения и знаний. В Западной Европе такое урочное изделие называлось *chef d'oeuvre* - шедевр (совершенство).

Для того чтобы обеспечить развитие производства, обучение специалистов-мастеров, бороться с конкурентами, в средневековой Европе была широко распространена цеховая организация ремесел. Как у купцов были свои гильдии, так и у ремесленников - свои цехи, т.е. объединения мастеров одной профессии. Цехи не только работали над улучшением производственного процесса, обучением работников, но и организовывали общую борьбу с конкурентами. Они активно участвовали в экономической и политической жизни, добиваясь поддержки города и государства.

Известны средневековые западноевропейские цеховые уставы и другие документы, связанные с деятельностью цехов. Но прямых упоминаний о русских цехах, а тем более грамот, с ними связанных, пока нет, поэтому не раз уже высказывались сомнения, а существовали ли на Руси цехи или подобные им организации. Представляется, однако, что косвенные данные об этом достаточно убедительны. Например, то обстоятельство, что по крайней мере с XII в. полноправный ремесленник назывался на Руси мастером, к тому же имеются грамоты - договоры о поступлении в ученье к мастерам детей, есть специфически русский термин подмастерье для обозначения помощника мастера. Нет упоминаний самого слова "цех", но ведь это термин только немецкий. Понятие цех может стоять и за названием "дружина", применявшимся к некоторым ремесленным организациям.

Упоминания объединений ремесленников под названием цех связаны с преобразованиями Петра I, Правительственная организация цехов относится к 1722 г. Она просуществовала до 1917 г.- почти 200 лет и играла значительную роль в организации и развитии городских ремесел. Цеховые старшины избирались полноправными мастерами из всего состава ремесленников. Как правило, это были наиболее зажиточные владельцы мастерских, позднее - представители городской буржуазии.

В производственном отношении главной фигурой ремесленного цеха являлся мастер - владелец мастерской; организационными делами уже лет 200 тому назад ведала цеховая управа, состоявшая из цехового старшины и двух его помощников. Подмастерья и ученики имели в каждом цехе свою под мастерскую управу из подмастерского выборного и двух поверенных.

Организации мастеров различных цехов объединяла ремесленная управа - ремесленный голова, избиравшийся цеховыми старшинами, и по два гласных от каждого цеха. Подмастерские управы имели во всех делах только совещательный голос.

Состав выборных в ремесленную управу утверждал губернатор. Такое подчинение характерно для XIX в., когда цехи осуществляли через свои организации и некоторые

социальные функции - заботу об обедневших ремесленниках, об их вдовах и сиротах. Однако в этот период цеховая организация не могла уже обеспечить ведущей роли ремесленников ни в экономике, ни в политике.

Крестьянская реформа 1861 г. создала условия для роста рабочего класса, без которого невозможно было развитие промышленности. Уже в 1913 г. промышленные рабочие составляли примерно седьмую часть (14,6%) населения России и играли большую роль в политической жизни страны.

Сельский пролетариат образовали наемные сельскохозяйственные работники - батраки. Промышленные рабочие и батраки находились в наихудшем материальном положении и вместе с беднейшим и средним крестьянством составляли основную силу революционного движения. С развитием капиталистической промышленности ведущая роль в экономике переходила к крупным промышленным предприятиям, с которыми ремесленники уже не могли конкурировать. Но и в конце XIX - начале XX в. еще довольно широко были распространены мастерские ремесленников, обслуживавшие бытовые запросы горожан и крестьян: кузницы и гончарные заведения в деревне, сапожные и пошивочные, столярные и часовые в городах. Некоторые ремесла (например, сапожное, портновское, ювелирное) обслуживали главным образом зажиточных горожан - рядовым горожанам и крестьянам было, что называется, не по карману одеваться и обуваться на заказ, они пользовались покупными вещами, либо уже услугами членов своей семьи.

В древности главой городского управления в княжеских городах был наместник князя, в городах с развитым вечевым строем - посадник, избиравшийся и смещавшийся вече (по согласованию с князем) из живших в городе крупных землевладельцев - бояр. Сместить посадника князь мог, но только "за вину", т.е. с достаточной мотивировкой. Известны случаи, когда смещение посадника "без вины" приводило даже к восстанию горожан. Помощником посадника являлся тысяцкий, также выбиравшийся из бояр. Распространенное в научной литературе мнение, будто посадник был в основном административным и политическим, а тысяцкий - военным руководителем - воеводой, начальником городского ополчения ("тысячи"), источниками не подтверждается. Летописи не раз упоминают о походах, например, новгородского войска под командованием посадника новгородского и нескольких бояр (по числу концов Новгорода их было пять), возглавлявших полки. Среди этих бояр обычно назван и тысяцкий.

Князь являлся главным начальником всего войска, слагавшегося из княжеской дружины, боярских дружин и городских полков. Все эти военные силы не были одинаковы ни по численности, ни по вооружению, ни по родам входивших в них войск. В эпоху средневековья наилучшим образом вооружены, укомплектованы и организованы были княжеские и боярские дружины. Дружины князей - обычно конные отряды - состояли из хорошо вооруженных и обученных вассалов, которые постоянно выполняли не только военные, но и, как бы мы сейчас сказали, административно-управленческие функции.

Крупные вассалы князя - бояре собирались по его зову "конны, людны и оружны" и возвращались по домам по окончании похода. В случае же нападения неприятеля на город они должны были участвовать в обороне города, в котором жили, к которому "тянули" их вотчины.

Основу пехоты составляли ополчения городов, набиравшиеся в основном из ремесленников. Особенно славились отряды крупных городов. "Новгородцы и смоль-няне дерзки суть к боеви" - говорили в XIII в. (Новгородская IV летопись. С. 189).

В целом принципы комплектования русского войска периода феодальной раздробленности устарели к XVI в. На смену княжеским полкам пришло стрелецкое войско, включавшее пешие и конные полки. Стрельцы являлись служилыми людьми, которых первоначально набирали из свободного городского и сельского населения, а затем превратили в особое военное сословие, так что дети наследовали родителям и во

владении городскими дворами и в обязанности нести военную службу. Получая "государево денежное и хлебное жалованье", они несли в мирное время караульную и полицейскую службу, занимались ремеслами и торговлей. Они имели казенное единообразное вооружение, в котором ведущую роль играло огнестрельное оружие - пищали. Холодное оружие стрельцов составляли сабли и бердыши. Единообразной была и их форменная одежда, - длинные кафтаны, шапки-колпаки, сапоги. Цвет кафтанов, шапок и сапог был у каждого полка свой- красный, зеленый, лазоревый, желтый и т.п.,- только ему присвоенный. Командовал полком стрелецкий голова; при нем состояли помощник - полуголова и младшие командиры - сотники и десятники.

Стрелецкие полки расквартировывались особыми стрелецкими слободами в Москве и в других городах Московского государства, преимущественно ближе к границам. Органично входя в состав городского населения, стрельцы составили новое, активное его пополнение. В целом это были довольно зажиточные посадские люди (встречались и просто богатые), активно способствовавшие развитию торговли, ремесел, городского быта, игравшие большую роль в общественной жизни города. После стрелецкого восстания в Москве в 1698 г., которое было жестоко подавлено, стрелецкое войско расформировали.

В XVII в. наряду с дворянским ополчением и стрелецким войском появились и "полки иноземного строя", вооруженные и обученные на западноевропейский лад. Перестройка армии в этом направлении была завершена военными реформами Петра I. В конце XVII - начале XVIII в. создается регулярная армия, доказавшая с первых же шагов свою высокую боеспособность рядом блестящих побед даже над шведской армией, считавшейся тогда непобедимой.

Эта армия формировалась путем рекрутских наборов. Ее солдаты были преимущественно из крестьян, причем рекрутов поставляли дворяне - помещики, для которых обязанность пополнять таким образом армию оборачивалась возможностью избавиться от неугодных, а подчас и опасных крепостных - и это не могло не влиять негативно на качество рекрутов. Офицерами служили в основном дворяне, для которых военное образование было бесплатным; при поступлении в военно-учебные заведения дворяне имели ряд льгот (даже тогда, когда новорожденного дворянина уже не записывали по обычаю в полк, где ему с детства шли чины, и ко времени действительной службы он оказывался уже офицером). Купечество и молодая русская буржуазия вообще в формировании армии фактически не участвовали, широко пользуясь правом денежного выкупа.

Всесословная воинская повинность введена лишь с 1874 г. уставом Александра II и занимала немаловажное место в системе реформ, проведенных в его царствование. Высокие боевые качества русского солдата общеизвестны. Однако военная служба даже в мирное время была для него нелегка, и народные массы в целом относились к ней как к неизбежной тяжелой повинности.

Призыв обычно проводился осенью, по окончании уборки урожая (между 15 октября и 15 ноября). Мужчины призывного возраста проходили в воинском присутствии медицинский осмотр, зачастую сводившийся к проверке соответствия физических данных предъявляемым требованиям. Проводы в армию продолжались две-три недели. Наряду с родными новобранца в них принимали участие его друзья, сверстники, соседи. Основным развлечением рекрутов были вечерки и катание на лошадях. Проводы новобранцев в деревне и в городе носили разгульный, но в общем невеселый характер. В последние дни рекрутчины новобранцы ездили прощаться с родственниками и знакомыми, которые одаривали их деньгами на дорогу.

В назначенный воинским присутствием день рекруты, получив благословение родителей, покидали свой дом в сопровождении родных и друзей, соседей, знакомых и даже посторонних людей - любителей посмотреть проводы. Матери в надрывающих душу причетах оплакивали уходящих в армию сыновей.

Еще в Древней Руси город являлся обычно и административным центром, к которому "тянула", как тогда говорили, его округа. Древнейшей формой самоуправления в городе было народное собрание - вече. По мере того как реальная власть сосредоточивалась в руках феодалов, роль народных собраний уменьшалась. Практически она не была одинаковой во всех русских княжествах уже в древности. Вечевыми феодальными республиками были Новгород, его "младший брат" Псков и колония Вятка. Князья в феодальной республике были фактически воеводами, приглашаемыми на известных условиях, зачастую фиксировавшихся письменно (сохранились, например, некоторые договоры Новгорода с князьями). И даже в период расцвета вечевого строя (X-XIII вв.) в этих городах роль местных крупных феодалов - бояр оставалась весьма велика. Постоянным органом власти являлся совет, куда входили избранные вечем "степенные" посадники и тысяцкие, а также "старые" (отбывшие свой срок) посадники и тысяцкие. Председательствовал в нем владыка - архиепископ, фактически бывший главой такой феодальной республики.

Большинство же княжеств были феодальными монархиями, с наследственным главой - князем ("великим князем"). Все вместе они составляли уже в конце XV в.

Великое княжество Московское (с конца XII в., когда Андрей Боголюбский перенес столицу из Киева во Владимир, существовало Великое княжество Владимирское). Князь распоряжался княжеством как своей собственностью. Он мог расширить его границы прямым захватом, покупкой или выгодным браком, передать по наследству, что-то обменять, что-то "уступить". Мог назначить посадника и тысяцкого. Но все же "по старине" должность тысяцкого считалась как бы закрепленной за представителями какого-то из боярских родов, и передача ее в другой род могла вызвать столкновение князя с боярством и с городом в целом, как случилось, в частности, в XIV в. в Москве.

В вече с самого начала участвовали не все горожане, а только полноправные члены общины - главы семейств. Собиралось оно обычно под открытым небом на центральной площади города. Но в Новгороде, например, где часты были острые внутренние противоречия, иногда собирались два несогласных между собой веча - одно "у святой Софии" - главного собора города, другое - на противоположном берегу Волхова "на Ярославле Дворе", где когда-то жил князь Ярослав.

Голосование проводилось криком (каждый выкрикивал имя своего кандидата), причем возможность точного подсчета голосов была невелика. В процессе обсуждения и голосования нередко возникали потасовки, а иногда и настоящие сражения. В частности, Новгородская летопись не раз упоминает, что на вече сходились "в доспесех, аки на рать".

В городах, образовавшихся от слияния нескольких поселков и сохранивших древнее деление на самоуправляющиеся районы - концы, кроме главного ("центрального", как мы бы сейчас сказали), долго сохранялись и кончанские веча, нередко вступавшие в противоречия между собой и с главным вечем. Во главе конца стоял староста, который представлял конец во всех делах и возглавлял его боевой отряд.

Если городское вече бывало и оживленным, и относительно многочисленным, то выполнявший аналогичную роль на селе сход был далеко не так многолюден и разноречив, как вече, поскольку и сами сельские поселения были тогда невелики. Свободные крестьяне с древнейших времен избирали своих старост и эти старосты в мирное время "ведали" целый ряд общих дел сельского общества, а на войне возглавляли приводимые ими отряды. Еще от начала XI в. (1016 г.) дошло летописное известие о том, что, заняв Киевский великокняжеский стол, Ярослав отпустил участвовавших в его походе новгородцев обратно в их землю и дал "старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородцам по 10 всем" (Новгородская первая летопись... С. 15). Как видим, крестьяне участвовали в этой кампании во главе со своими старостами, но рядовые горожане получили вознаграждение такое же, как сельские старосты - в 10 раз большее, чем крестьяне - смерды. Всесословная воинская повинность уравнивала в отношении военной службы крестьян и горожан.

Привилегия быть офицером в известной мере сохранялась еще для дворян, которые могли становиться офицерами, окончив военно-учебные заведения – кадетские корпуса, а затем – и юнкерские училища. Это были заведения закрытые: учащиеся здесь и жили, уезжая домой только на каникулы.

Трудно сказать, как именно шла религиозная жизнь рядового русского человека в глубокой древности, когда господствовало почитание многих богов – язычество, как его называли церковники. Но после принятия христианства в конце X в. большую роль на Руси стала играть православная церковь. К XVIII в. церкви имелись не только в каждом городе, но и во многих сельских поселениях. Церковный звон (в древности колокола были редки, их заменяли "била" – куски металла) по нескольку раз в день собирал верующих на молитву – заутреню, обедню, вечерню. Еще в XVI в. Домострой, содержащий много полезных советов зажиточному домохозяину, не обходил вниманием и эту сторону жизни, рекомендуя, в частности, молодым людям в храме не заглядываться на девиц, стоять тихо, устремив очи "дбл", т.е. вниз: тогда очи духовные будут устремлены "горе", т.е. вверх. Церковные обряды – крещение, венчание, погребение – были важнейшими вехами в жизни каждого. На все службы, вероятно, ходили немногие. Но, как думают, горожане посещали церковь не реже раза в неделю. Ни один праздник, ни одно важное событие (например, военные победы) не отмечались без торжественной церковной службы. В каждом доме самым почетным местом был "красный угол", где висели иконы.

Течение жизни, в общем довольно монотонное (труд или учение – отдых – церковь – семья), разнообразилось гостеваниями – взаимными посещениями в целях общения, проведения досуга. В старину гостевания бывали только по праздникам, а праздников насчитывалось не очень много. Отмечались в основном церковные праздники: прежде всего торжественным молебном, колокольным звоном во всех церквях – городских и сельских. В праздники не полагалось работать и было в обычае приглашать гостей, как и в дни семейных торжеств.

Кроме званых обедов или вечеров (реже — завтраков), люди, хорошо знакомые, зачастую заходили друг к другу запросто посидеть, поболтать. Угощения в таких случаях не полагалось, можно сказать, что сама дружеская беседа рассматривалась, как угощение; в хорошую, теплую погоду, особенно в сельской местности, в обычае было посидеть на завалинке или на скамеечке у ворот, даже не заходя в дом.

В целом взаимные посещения – запросто или по приглашению в гости – были не так уж редки, особенно в городах.

А можно сказать точнее? Можно ли теперь установить, как часто бывал человек в гостях и как часто он принимал у себя гостей лет 200 тому назад? Оказывается, можно. Некоторые записывали каждый раз, что они побывали в гостях или что у них были гости, и кто именно.

Перед нами дневник зажиточного горожанина, купца Ивана Алексеевича Толченова, долгое время бывшего бургомистром в Дмитрове, а под конец жизни поселившегося в Москве. "В пору своей фортуны", как тогда говорили, Толченов был едва ли не самым уважаемым человеком в родном Дмитрове. За 16 лет (с 1780 по 1796 г.) он, если верить дневнику, побывал в гостях 905 раз, т.е. каждый 6-й или 7-й день. А когда он оставался дома, едва ли не каждый день кто-нибудь "сидел" у него. Нередко бургомистр устраивал и званые вечера, на которые приходили даже дворяне и чиновники; и сам главнокомандующий Москвы, герой многих войн генерал Захар Григорьевич Чернышев, посетив Дмитров, "кушал чай" у Толченова.

Стрелец (по рис. XVII в.)

Но вот Толченев разорился, вынужден был покинуть Дмитров и поселился в Москве. Он стал частным лицом и, конечно, вел более скромный образ жизни. За 14 лет (с 1797 по 1811 г.) он побывал в гостях 457 раз, т.е. каждый 11-й или 12-й день, почти вдвое реже, чем раньше, но все же достаточно часто даже по нашему современному счету.

Словом, если мы даже, учтя живой, общительный нрав Толченова, предположим, что зажиточный горожанин ходил в гости в среднем раза два в месяц, то горожане победнее гостнились реже, может быть один раз в месяц или даже не каждый месяц. И вероятно, столько же раз зажиточные горожане принимали гостей у себя.

Но те, кто вел "светский" образ жизни (еще в прошлом столетии - преимущественно дворяне, офицеры некоторых привилегированных частей, верхушка чиновников, лет 100 назад - и богатые буржуа), проводили в гостях гораздо больше времени. Если считать, что пушкинский Евгений Онегин - это тип русского дворянина начала XIX в., то нужно думать, что "в сезон" (т.е. в осенне-зимний сезон, как сказали бы теперь, когда в города съезжалось больше дворян) гостеванья бывали почти ежедневно по вечерам, и модный денди не мог даже всюду успеть.

Простые же люди - в городе и в деревне - гостились только по некоторым особо почитаемым праздникам (например, на масленицу, на пасху) и дням семейных торжеств (именины, свадьба и т.п.).

Приглашение в гости считалось обязательным. "Незванный гость хуже татарина" - гласила пословица. (Речь здесь не о татарской национальности, а о многочисленных и жестоких татаро-монгольских разорениях в далеком прошлом.)

Приглашения (особенно в среде простых людей) передавались и устно. Хозяева не всегда лично приглашали гостей. Это делалось и через "позыватых" - людей, специально посылаемых, чтобы приглашать от имени хозяина и его семьи. Познакомимся с этим обычаем на примере старого русского города Белоозера (Белозерска, как его называли позже). Здесь быть позыватыми просили обычно кого-нибудь из соседских детей, но иногда и взрослых. Приглашаемый давал позыватому копейку (если это был ребенок) или "урезок" хлеба, вообще какой-нибудь гостинец (если взрослый). Соглашаться с первого приглашения считалось дурным тоном: надо было заставить звать себя несколько раз. "По первому зову в гости не ходят" - гласила пословица.

В зависимости от того, сколь большой и престижный предполагался прием (по составу гостей), женщины надевали соответствующий наряд. Идти к назначенному часу не торопились: приходить первыми считалось дурным тоном: "не рано ли пойду? Поди-ка еще богачихи нащипывают брови" (АРГО. Р. 24. Д. 25. Л. 44—52).

Гостей принимали в лучших помещениях дома: в переднем углу избы или в горнице (если было несколько комнат). В городах до конца XIV в. в летнее время - на сенях (своеобразной террасе второго этажа). До XVII в. дом редко выходил прямо на улицу. Встречали гостя (в зависимости от его положения) у ворот, у крыльца, наконец у сеней или у двери в горницу. Вежливый гость должен был выйти из повозки (или сойти с лошади) у ворот и пройти через двор к крыльцу пешком. Обычно он привозил хозяину какой-нибудь недорогой подарок - "поминки". Иногда же гости оделяли хозяйских детей мелочью - монетами "за любовь" или, как говаривали позже, "в знак приязни".

"Ходить в гости всей семьей" не означало ходить вместе мужчинам и женщинам. В древности, если судить по источникам того времени, в гости ходили только мужчины. С конца XVII в. в обычае стало ходить в гости и женщинам. Но тогда устраивались как бы одновременно два приема: мужчины пировали отдельно, женщины отдельно. "Боярыни, - писал один современник, - так же обедают и пьют меж себя, а мужского полу у них не бывает... кроме свадеб... разве которые гости бывают самые сродственные, а чужих людей не бывает и тогда обедают вместе" (Котошихин. С. 118-119).

На женские пиры хозяйка приглашала подруг.

Обычай гостевать раздельно мужчинам и женщинам был, как известно, резко нарушен Петром I, но и лет полтора - двести тому назад в провинциальных городах можно было увидеть, что приходят или приезжают в гости вместе, но проводят время мужчины и женщины в разных комнатах. Уезжали дамы раньше, после танцев, а мужчины оставались еще пить и играть в карты. Детей брали в гости довольно редко, только если в том доме, куда шли, имелись сверстники.

В городе, как и в деревне, высоко чтились обычаи гостеприимства. Гостя "принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают" - гласит старая пословица (Даль В.И., 1957. С. 784). Красный угол располагался в избе по диагонали от печи. Здесь висели иконы, сходились углом лавки, перед которыми стоял стол, в торце стола под образами было самое почетное место рядом с хозяином, куда и сажали гостя. Кажется, просто. Но если гостей было несколько и они принадлежали к разным родам, то от хозяина требовалось тонкое знание обычаев и, прямо сказать, дипломатическое искусство, чтобы рассадить всех к общему удовольствию: ведь каждый гость готов был всеми силами добиваться того места, которое, как он считал, принадлежит ему по праву рождения и положения в обществе. Если внутри одного рода проблемы старшинства обычно не вызывали споров,

то соотношение представителей различных родов определялось не только этими довольно простыми родственными отношениями, но и тем, кто когда какое место занимал давным-давно, служа вместе с представителем другого рода, и какое отношение к этим двум людям имеют потомки каждого из них, которым вот сейчас предстоит сесть за один стол. И если кто-то уступил другому, то от этого будет "потерька" даже отдаленным его потомкам. Подобные же отношения местничества существовали и между женщинами. Их место за столом определялось старшинством мужа, его чином.

Торжественный обед в богатом доме славился множеством блюд, причем порядок их подачи значительно отличался от того, к какому привыкли в наше время. Можно сказать, что он был даже обратным современному.

Так, английский посланник Джильс Флетчер писал, что за обедом у царя Федора Ивановича обыкновенно бывает около 70 блюд, а в праздник - и больше. Подают сразу по 2—4 блюда: сначала печенья, потом жаркие и уже под конец-разного рода похлебки (Флетчер. С. 122).

В богатом доме как и во дворце званый обед обычно сопровождался музыкой - игрой на гуслях, на лютне, скрипке, трубе; пеньем, а иногда и плясками скоморохов, игрой их с медведем и пр. В домах, не очень богатых, гостей развлекали члены семьи.

В более поздние времена число блюд, которые было принято подавать за званым обедом, уменьшилось. За праздничным столом зажиточного белозерца в середине XIX в. подавалось до 20 блюд; порядок подачи был уже весьма похож на современный: сначала до четырех "холодных", потом столько же "жарких", затем шесть "пирожных" и т.д. Заканчивался обед кофе и чаем (АРГО. Р. 24. Д. 25. Л. 52).

Иногда прием гостей затягивался почти на целый день - в гости шли прямо из церкви, сразу после обедни, пили чай, обедали, снова пили чай или кофе, ели "десерт" - разные варенья и иные сладости, ужинали и расходились поздно. В некоторых местностях было принято в промежутках между застольями катать гостей на лошадях (в особенности, зимой в санях).

После ужина, который начинался часов в 7-8, гости не должны были сразу уходить. Посидев "для степенности" с четверть часа, начинали петь песни.

И трапеза, и прием гостей в целом у крестьян были не так пышны, как у зажиточных горожан (и особенно у помещиков, многое заимствовавших из быта зарубежной Европы), но в общем сходны по своему характеру. Так, археологические находки и старинные изображения трапез говорят о том, что индивидуальная столовая посуда (миски, тарелки, кружки) появилась рано - уже в X-XII вв., но большие общие миски оставались в употреблении (особенно в деревне) еще сравнительно недавно. Из таких мисок не очень зажиточная семья хлебала "по кругу" - строго по старшинству - в первую очередь мужчины (сначала старшие, потом младшие), во вторую очередь женщины - также по порядку, но с учетом положения мужа; жена старшего брата могла быть моложе жены младшего брата; нередко и хозяин, овдовев, женился вторично и новая жена могла быть порой даже моложе жен своих пасынков, но по положению она была "старше" других женщин семьи и занимала место хозяйки. Впрочем в этих вопросах многое зависело от характеров членов семьи и их конкретных взаимоотношений.

Но, видимо, древние обычаи сохранялись в семейном быту очень долго, особенно у крестьян. В общественном быту деревни старшинство по летам давало много преимуществ как формально, так и по существу; в любом собрании роль стариков была очень велика.

Очень важным элементом общественного быта (как в городе, так и в деревне) являлось добрачное общение молодежи. Индивидуальный характер труда, как и замкнутый в общем домашний быт не способствовали такому общению, поскольку каждый дом представлял собой как бы изолированный от внешнего мира замкнутый мирок. Домострой подчеркивал эту привычную изоляцию, предписывая хозяину заботиться о том, чтобы ворота были заперты, а собаки сторожливой. Эту изолированность по необходимости

нарушали вечёрки - сборища молодежи, происходившие обыкновенно- и в деревне, и в городе - по вечерам, по окончании рабочего дня, у кого-нибудь на дому (нередко для вечёрок сообща снимали помещение). Вечёрки назывались также "беседами", как и обыкновенные гостеванья. Первой формой вечеров были, по-видимому, широко распространенные до недавнего времени в деревнях и имевшие место также в древних городах посиделки. Родились такие сборища из необходимости для женщин много прясть, чтобы обеспечить одеждой семью: небогатые люди одевались тогда почти исключительно в домотканые материи. Девушки кроме того должны были много прясть, чтобы обеспечить себе приданое.

Первые сведения о супрятках (как называли еще посиделки) дошли до нас в археологических находках. К XI-XIII вв. относятся находки "меченых" пряслиц (грузиков для веретен) со знаками владелиц, а в ряде случаев - и с их полными именами (например, "Потворин пряслень", "Лолин пряслень" и др.) Б.А. Рыбаков полагает, что это- подарки, что на беседах бывали игры, при которых могли перепутаться веретена {Рыбаков, 1984. С. 46-47}. И на 6-7 столетий позднее, лет сто-полтораста тому назад девушки и женщины собирались у кого-нибудь, чтобы трепать лен (в Красноуфимске, в частности, эти сборища называли копотихи) и для прядения (супратки), а иногда (девушки) - для рубки капусты (капустки). Условившись о месте встречи за неделю-две, приходили со своим льном на целый день, и только к вечеру в этот дом допускались мужчины. Их угощали, устраивая ужин с вином, а у богатых еще и с чаем, "даже с пивом", как написал один из корреспондентов Географического общества.

Однако главным на вечерах - беседах был, пожалуй, не ужин и вообще не угощение, а игры и танцы, которые следовали после него. Танцевали под нехитрую музыку; когда ее не было, танцы и хороводы шли под песни. Игры были разнообразные, но многие кончались поцелуями (причем для мужчин поцелуй считался как бы наградой, для девушек - как бы штрафом, в шутку, разумеется). Возраст участников колебался в весьма широких пределах (от 15 до 30, а для мужчин - даже до 35 лет). Изредка "для порядка" на беседах присутствовали и матери девушек.

Вечёрки собирались в течение всей зимы. Но во время постов они либо прекращались, либо приобретали иной характер. (Громыко, 1986. С. 222-223). Начинаясь часов в 5-6 вечера, вечёрки длились иногда до 2-3 часов утра.

Летом излюбленной формой встреч молодежи являлись хороводы, которые устраивались также по вечерам. В самом названии хоровод различаются знакомые хор и водить — участники с пеньем, под музыку двигались по кругу, взявшись за руки (см. рис. ниже). Это называлось еще водить круги или водить танки (от слова танец). Часто круг распадался на пары танцующих или для игр. Место для хороводов выбирали попросторнее (в городах - перекрестки улиц, площади).

Нравы на вечёрках были довольно свободными, но существовало строгое правило, по которому если парень и девушка часто и много танцевали вместе, парень должен был сделать предложение. Существовал и простой обход этого правила: парень надевал иногда другую одежду, а девушка танцевала, закрыв лицо. На это смотрели, что называется "сквозь пальцы".

Среди молодежи особое место занимали игры-соревнования (борьба, кулачный бой, взятие снежного городка и т.п.). В старину это были соревнования только мужские, своеобразная военная подготовка: молодые мужчины тренировались таким образом к будущему рукопашному бою, занимавшему тогда ведущее место среди военных действий. Еще один общий признак этих игр, роднящий их с некоторыми другими играми, - это обязательное присутствие зрителей, как их сейчас называют - болельщиков.

Борьба как поединок, поначалу ведущийся без оружия, описана в русских летописях. В X-XIV вв. общей схватке военных отрядов предшествовал зачастую поединок двух сильнейших бойцов перед выстроеным уже для боя войском. Исход его считался предзнаменованием исхода предстоящего сражения. Вспомним известные места

летописей о Яне Усмаре - киевском кожевнике, победившем печенежского богатыря; о князе Мстиславе, победившем касожского богатыря Редедю. В последнем случае борьба велась без оружия, но уже поверженного соперника Мстислав зарезал, вынув нож. Последнее заслуживает особого внимания, так как при строгом соблюдении условий соревнования борцы вообще не должны были иметь при себе оружия. Но был и обычай поединка перед сражением двух воинов с оружием. В 1380 г. на Куликовом поле перед боем русский воин Пересвет сразил татарского богатыря в конном поединке.

Вероятно, подготовку к таким ратным поединкам русские проходили на своих праздниках - как деревенских, так и городских. Во всяком случае от XVI в. сохранились свидетельства о том, что борьба была любимым развлечением на праздниках (см., например: Соколова, 1960. С. 37-41; Рабинович, 1978. Очерки... С. 160-166; Ровинский, С. 362; Балдина. С. 115).

На лубочной картинке XVIII в. изображены "Удалые молодцы, добрые борцы. А кто ково поборит невсхватку, а тому два ица в смятку". Этот приз - два яйца на тарелочке - нарисован тут же. Кажется, картинка изображает даже неравный бой: один из борцов держит правую руку за спиной, справляясь с противником одной левой (Рабинович, 1978. Очерки... С. 162). Бывали, наверное, и такие условия. В наше время борются только на равных, "на левую" вызывают разве что мальчишки в игре.

Бокс, который так популярен теперь, пожалуй, во всем мире, распространился как своеобразный вид поединка по образцу английского кулачного боя "один на один". Старинная лубочная картинка, называется она "Добрые молодцы кулачные бойцы", изображает поединок кулаками. На самом деле, хоть и не знали тогда таких, как теперь боксерских перчаток, дрались обычно в "боевых" рукавицах, смягчающих удар. И горе было тому, у кого замечали какую-нибудь "закладку" - жесткий, тяжелый, обычно металлический, предмет: это было нарушение правил, за которое расправлялись сурово.

Как известно из описаний очевидцев, еще в XIX в. бывали кулачные бои двух видов: "свалка-сцеплялка" - когда бились каждый с каждым, без какого-нибудь строя - и "стенка на стенку" - когда обе соревнующиеся стороны выстраивались в ряд ("стенку") одна против другой и стремились оттеснить противника на "его" территорию (на другую сторону улицы или на другой берег, если бились на льду). Эта "молодецкая забава" была довольно суровой: могли и сбить с ног, и здорово побить.

Бывали противники, так сказать, традиционные: одна деревня против другой, одна улица против другой, одна слобода города против другой. Так, исстари нижегородская слобода Кунавино выступала против всего остального Нижнего Новгорода.

Популярна была еще одна красочная военная игра - "Взятие снежного городка", изображенная, в частности, на известной картине В.И. Сурикова: художник еще видел эту старинную игру своими глазами.

На льду реки или на площади, а то и просто посредине широкой улицы строили из снега небольшую крепостцу - чин-чином, с башнями и воротами. Молодежь окружала ее, не давала пробиться к городку верхом (а в желающих показать свою удаль и умение править конем недостатка обычно не было). Художник изобразил в руках у зрителей прутья. Ими стегали лошадь, не пуская всадника. Ну, а уж если прорвался, да сумел ударить по городку, значит - победил и достоин приза.

И еще немало было игр — соревнований, уже не таких древних и красочных. Некоторые из них дожили и до наших дней. Кто не играл в горелки, в лапту, в городки (рюхи, как их называли еще лет 100 тому назад), что называется "партия на партию"?

Теперь уже никого не удивит рассказом о том, как давно узнала грамоту Древняя Русь.

Нужно сказать, что за последние десятилетия представление о почти сплошной неграмотности Древней Руси сильно поколеблено благодаря тому, что археологи нашли множество древних надписей и даже писем. Оказалось, что грамотны были не одни монахи-переписчики да славянская знать, но и множество простых людей умели читать и

писать, что письмо гусиным пером на особо выделанной телячьей коже - пергамене, а позже - на бумаге было отнюдь не самым распространенным способом. Чаще всего писали особой заостренной палочкой - "писалом" - из металла или кости, процарапывая буквы на бересте (наружном слое коры березы), на дереве, даже на довольно твердом камне, чеканили на металле. "Господи, помози рабу своему Константину. Коста делал" - выбил мастер на днище изготовленного им для новгородского посадника серебряного сосуда. "Невесточье" - процарапал кто-то на пряслице из розового шифера, - может быть, жених, подаривший этот грузик для веретена своей невесте.

Грамотные люди переписывались: большинство грамот, процарапанных на бересте, это письма друг к другу простых людей. Кто-то пишет полюбившейся девушке: "Пойди за мене" - это предложение брака; муж пишет жене: "Приели сороцице, сороцице забыле", - уезжая по делам, он не взял с собой сменной сорочки. Есть и расписка кабатчика Сидора Тадуя Ладопги, выданная каким-то Грикше и Косте в получении от них разной одежды - свиты, сорочек, шапок, сапог и проч., да еще "таболов" - какого-то большого кожаного мешка или чего-то вроде чемодана, где все это лежало (Арциховский, Борковский. С. 17-19). Должно быть, Гришка с Костой пропились до того, что кабатчик забрал у них вещи в залог. Хорошо, хоть расписку дал.

Словом, грамота была нужна и для разных повседневных дел, и для дел государственной важности: вспомним, что и договоры между княжествами писали, хоть не на бересте, конечно, а на пергамене. "Умели грамоте" (так говаривали в старину) и знать, и монахи, и простые люди.

Но ведь грамоте надо учиться! И о том, как учились грамоте, мы узнаем... из самих грамот. Вот целая связка кусков бересты разного формата. Вглядились. Оказывается это - своеобразная тетрадка мальчика (как полагают специалисты-психологи, лет шести-восьми), жившего в Новгороде Великом лет 700 тому назад - в XIII в. Он учился грамоте, процарапывая писалом на клочках бересты букву за буквой - весь тогдашний русский алфавит. Потом - сочетания букв - слоги: А, Б, В, Г, Д... БА, ВА, ГА, ДА,...БЕ, ВЕ, ГЕ и т.д. Это были упражнения, но он умел уже писать целые фразы. Вот рисунок, а под ним подпись: "Я ЗВЪРЬ", вот воин поверг врага, и над победителем - надпись: "ОНФИМ". Да конечно же, этого самого мальчика звали Онфим. Это он (в мечтах пока) победил врага. Упражняясь, писали распространенные в ту пору фразы: "Господи помози рабу своему Онфиму", "Поклон от Онфима ко Даниле" - традиционная форма начала всякого письма. Может быть, товарища мальчика звали Данилой.

Имелись и своеобразные буквари, служившие одновременно и тетрадями для упражнений. На небольшой пятиугольной дощечке вырезали образцы букв (прописи); в другой такой же дощечке делалось углубление, которое заливали воском. Раскрыв дощечки, можно было упражняться: слева - пропись, справа на воске писали, стирали и снова писали. Для этого писало делали заостренным на одном конце, а на другом - в виде лопаточки, которой можно было стирать написанное на воске.

Учили грамоте грамотей, которых на Руси издавна называли мастерами и мастерицами. Школы были известны с конца X в. Летопись сообщает, что в 997 г. киевский князь Владимир Святославич "нача поимати у нарочитые чади дети и даяти их на учение книжное" (Лаврентьевская летопись. С. 127-129). В Новгороде Великом в XI в. князь Ярослав Владимирович открыл школу для "поповых детей". Видимо, школы были учреждены и в Смоленске при князе Романе Ростиславиче; обучались в них преимущественно дети "нарочитых людей", т.е. знати. Можно думать, что и для посадских людей в XIII-XIV вв. появились школы (обычно при приходских церквях). В такой школе и учились, наверное, мальчики Онфим и Данило, о которых шла речь выше.

Мастерами и мастерицами бывали в школах лица духовные - как "белое" духовенство - священники, дьяконы, дьячки, пономари, так и "черное" духовенство - монахи и монахини. Обучаясь в соответствующих духовных учебных заведениях церковной

службе, они получали и какую-то подготовку к преподаванию, которое впоследствии совмещали со службой в церкви или выполнением монашеских обязанностей.

Причт городской, слободской и сельской церкви был тесно связан с местными жителями и нес также некоторые светские обязанности. Сюда могло относиться и обучение грамоте в церковно-приходской школе. Об этом говорят, например, такие факты, как использование церковных книг в качестве учебных пособий. Так, в 1686 г. прихожане Стрелецкой слободы Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом избрали пономаря своей подмонастырской Никольской церкви, взяв с него "запись" (письменное обязательство) "о церковном о всем радеть... и книг беречь, и малым робятам, в кои дни доведетца по книгам говорить... чтобы они книг берегли и воском слов не закапывали, и по домам из церкви книг без спросу и без ведома никто не брал" (Акты юридические... С. 292-293). Картина обучения в приходской школе здесь вполне конкретна вплоть до мелочей: мы узнаем, например, что занятия велись иногда и при свечах.

В обучении был принят определенный порядок, как теперь говорят - программа. Сначала заучивали буквы, учились их писать и составлять слоги и слова. Подолгу твердили все вместе:

- Буки - Аз - БА, Веди - Аз - В А... Буки - Есть - БЕ, Веди - Есть - ВЕ, Глаголь - Есть - ГЕ, Добро - Есть - ДЕ и т.д. (у букв были тогда свои названия). Лишь затвердив все это и научившись составлять из слогов слова, принимались за книги. Собственно, первой-то книгой и была азбука или букварь. Но уже вторая книга была духовная: Часослов - сборник молитв и песнопений для "часов" - ежедневных церковных служб. Третьей книгой была Псалтирь - одна из частей Библии, включавшая 151 псалом - песнопения, многие из которых восходят к глубокой древности. Так достигались две цели: учились грамоте и одновременно начаткам православной религии.

Школы для прихожан при церквях (приходские, с 1881 г. - церковноприходские) являлись первоначально опорой обучения. Они были одноклассными (в таких учились три года) и двухклассными (пять лет). В конце XIX - начале XX в. в церковно-приходских школах проходили и начала арифметики.

Реформы, проведенные Петром I в конце XVII - начале XVIII в., требовали развития светского образования, что было вызвано конкретными нуждами страны. В 1701 г. в Москве в Сухаревой башне была открыта Школа математических и навигацких наук, готовившая моряков и инженеров не только для военной, но и для гражданской службы, а также учителей для других школ. Как ее отделения в некоторых городах возникли адмиралтейские школы. В 1703 г. в Москве открылась и инженерно-артиллерийская школа; через 12 лет от нее "отпочковалась" инженерно-артиллерийская школа в Петербурге. При военном госпитале была создана медицинская школа. С 1714 г. в разных городах открылись и цифирные школы, в которых преподавали выпускники навигацкой школы. К середине столетия в России насчитывалось уже 42 цифирные школы.

В XIX столетии основным типом средней школы стали гимназии (с 1804 г. мужские 8-классные, с 1870 г. и женские - 7 классов и 8-й "педагогический"). В гимназиях давалось классическое образование с изучением древних и новых языков, начатков гуманитарных, естественных и точных наук, необходимое для поступления в университет. В 1860-1870-е годы были учреждены также реальные гимназии, или реальные училища, где древних языков не изучали, упор делался на новые языки, математику, физику, естествознание. Они готовили к поступлению в институты, которые выпускали инженеров и других практических работников. С конца XIX в. появились и коммерческие училища, готовившие к торгово-промышленной деятельности.

Первым учебным заведением, выполнявшим функции высшей школы, была Славяно-Греко-Латинская Академия, основанная в 1687 г. в Москве по инициативе известного просветителя и поэта Симеона Полоцкого. Она готовила специалистов высшей квалификации для практической государственной работы и, хотя преподавание здесь

имело гуманитарное направление (впоследствии Академия была преобразована в Духовную), Академия закладывала солидные основы для дальнейшей научной деятельности в различных отраслях знания. В этой Академии учился и М.В. Ломоносов.

Первый русский университет был открыт (в результате огромной работы М.В. Ломоносова) в 1755 г. в Москве. Этот факт сам по себе указывает на первостепенное значение древней столицы в создании и развитии русской культуры.

Университеты (их к началу XX в. было 11 в крупных городах) занимали ведущее место в высшем образовании в России. С развитием торговли и промышленности в середине XIX - начале XX в. стали появляться высшие учебные заведения, дававшие более узкую практическую специализацию. Горное училище (1773 г.) в 1863 г. было преобразовано в Горный институт, Железнодорожное училище в 1896 - в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта и т.д. Педагогический институт имелся в Петербурге еще в начале XIX в. Высшими учебными заведениями были и различные политехникумы, и высшие училища (например, Санкт-Петербургский политехникум, Московское Высшее техническое училище), также готовившие преимущественно инженеров. В университетах имелись факультеты, выпускавшие врачей, в институтах и академиях (например, в Петровской Академии сельского хозяйства) - практических деятелей (агрономов, инженеров). Развитие искусства и художественной промышленности обеспечивали такие высшие учебные заведения, как Санкт-Петербургская и Московская консерватории, Академия художеств в Санкт-Петербурге, Московское высшее художественное училище живописи, ваяния и зодчества (Строгановское училище).

Наконец, важным показателем развития наук и искусств и расширения культурных потребностей русского народа было основание и развитие в России множества музеев. Особенностью музея является непосредственное воздействие на зрителя (на его органы чувств) подлинных объектов, которые в нем показываются или хранятся в его фондах. Это могут быть образцы минералов, предметы, сделанные руками мастеров, произведения художников и скульпторов, чучела животных или сами животные, содержащиеся в музее (например, в зверинце или зоологическом саду), а также - подлинная бытовая обстановка, воспроизводящая условия, в которых жили и работали конкретные люди. Все эти подлинники обладают огромной силой впечатления, помогающей прочно усваивать разнообразные знания.

Созданию экспозиции музея предшествует большая и трудная работа по собиранию материалов. Общеизвестно, что коллекции музеев собираются много лет, что и собиратель-одиночка оставляет ценнейшие для потомков коллекции. Если первый русский музей - Оружейная палата - сформировал свои фонды в основном еще в эпоху средневековья, то Кунсткамера была создана лишь в XVIII в. благодаря живому интересу Петра I к науке. В середине XVIII в. было положено начало и Эрмитажу. В конце XIX в. в Санкт-Петербурге создан Русский музей с замечательными собраниями русской живописи и рисунка. В Москве крупный промышленник-текстильщик П.М. Третьяков передал городу замечательную коллекцию произведений русского искусства и собрание своего брата СМ. Третьякова по искусству западноевропейскому. Так образовалась знаменитая Третьяковская галерея.

Напряженная работа группы московских ученых-историков, которой руководил И.Е. Забелин, позволила открыть на Красной площади Императорский (ныне Государственный) Исторический музей. Самоотверженному труду профессора И.В. Цветаева русская культура обязана открытием в начале XX столетия в Москве Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств).

Крупный вельможа, председатель Государственного совета граф Н.П. Румянцев завещал Москве свое собрание этнографических коллекций и громадную библиотеку, образовавшие Публичный Румянцевский музей, долго сочетавший функции музея и публичной библиотеки. Постепенно библиотека приобрела главное значение - это

теперешняя Российская Государственная библиотека.

Собрания книг и рукописей - библиотеки издавна играют важнейшую роль в научном и культурном развитии общества. Небольшое число книг, в частности для церковной службы, имелось у каждой церкви еще в эпоху средневековья. Большую давность имеет также частное библиофильство - соби́рание книг любителями чтения. В этом, как и в соби́рании памятников искусства, наибольший успех имели те, кто обладал средствами. Так, в помещичьих имениях нередко бывали довольно значительные собрания книг и периодических изданий, получавшихся по подписке. Заинтересовано в библиотеках было и государство, видевшее в них серьезное подспорье для народного образования. В начале XIX в. в крупных городах (столичных и губернских) стали появляться публичные библиотеки (в Санкт-Петербурге - в 1814 г.). Их называли еще общедоступными, потому что пользование книгами в них было доступно довольно широкому кругу людей (учащейся молодежи, местной интеллигенции). Во второй половине XIX в. при библиотеках стали открываться читальные залы, что было особенно удобно для молодежи. Крупные публичные библиотеки уже с 1811 г. получали обязательный экземпляр всей выходящей в России литературы.

Большинство рассмотренных в этой главе явлений возникли еще в глубокой древности. Развитие их характеризует ту важную область народной культуры, которую принято называть общественным бытом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ СЕРЕДИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Общественная жизнь русских, как и многих других народов Восточной Европы, в сельской местности в XIX - начале XX в., подобно прежним временам, протекала в основном в рамках территориальной (соседской) общины (мир, общество), выполнявшей, как уже говорилось, различные жизненно важные для крестьян и для самого государства функции. Общинные традиции, составлявшие часть общего типичного для России патриархального уклада, продолжали сохраняться в быту и тогда, когда община под влиянием усилившейся социально-экономической дифференциации постепенно стала терять свое относительное единство. Эти традиции, обусловленные самим расселением народа, объединяли людей и способствовали втягиванию их в совместную деятельность.

Деревенский общественный быт был теснейшим образом связан с двумя основными сферами жизнедеятельности общины: административно-управленческой и хозяйственно-экономической. Исторически сложившиеся в русской крестьянской среде общинно-коллективистские традиции сочетались с господством частнособственнических принципов и проявлялись главным образом в старых привычных бытовых формах согласно истари заведенному порядку. Общиной был накоплен огромный практический опыт сочетания общественных интересов с индивидуальными. Этот опыт, на который община опиралась в своих повседневных делах, содержал подходы к решению проблем хозяйственных и самоуправленческих в непосредственной связи с проблемами этическими (нравственными). Мир осуществлял социальный контроль за поведением его членов, за выполнением ими принятых моральных норм. Община была носителем этических традиций, сохранение и развитие которых она регулировала через специальный социально-психологический механизм, воздействовавший буквально на каждого крестьянина (Громыко, 1986. С 93-116).

Главную распорядительную роль в общественной жизни деревни играл сход. До самой Октябрьской революции (и даже в первое десятилетие после нее) регулярно собирались сельские сходы - собрания глав семей, решавшие важнейшие дела, касавшиеся

односельчан. Деятельность сельских сходов была весьма разнообразной. Здесь принимались решения относительно землеустройства, распределения угодий, уплаты налогов, раскладки повинностей, выдела новых семей, сбора денежных средств на мирские дела, выдвижения рекрутов в армию, найма пастуха на сезон. На сходе происходили выборы на общественные должности старшин, сотников, десятников, сборщиков, разбирались жалобы крестьян, вершился суд, объявлялись мирские помочи и многое другое. Решения схода касались не только деловой стороны жизни деревни, но и этической - они одобряли или порицали отдельные поступки или образ поведения тех или иных людей. Все это, как правило, получало в селе широкий резонанс. Большое влияние на решения схода оказывало мнение знающих стариков и выборных "начальников", инициативных крестьян, а также просто умевших хорошо говорить - так называемых крикунов (Миненко, 1983. С. 3-19; Громыко, 1975. С. 294-322; Анохина, Шмелева, 1964. С. 233-249). С течением времени с ростом материального неравенства все сильнее чувствовалось влияние зажиточных крестьян, в руках которых находилось благополучие многих менее обеспеченных их односельчан. Они свободно пользовались старинным обычаем магарыча, выставляя обществу в больших количествах выпивку, и вершили дела в свою пользу, хотя продолжали сохраняться в быту и многие остатки бывшего мирского равноправия. Сельский мир, оставаясь институтом, узаконенным государством, объединял людей, заставляя подчиняться издавна заведенным порядкам.

Местное самоуправление осуществлялось через выбранных самим обществом лиц, а общественно-хозяйстве иная деятельность была связана с общинной формой землепользования, а также с совместным проживанием определенного числа людей на общей территории (постройка и ремонт мостов, дорог, колодцев, изгородей и т.п.).

В некоторых местах, особенно отдаленных от центров и глухих, кроме объединявших селян повседневных хозяйственных занятий до начала 1920-х годов еще практиковались традиционные коллективные работы, ведущие свое начало с отдаленных времен. Например, всем селом ловили рыбу загоном, или заломом (северные губернии, Подонье), белковали - охотились на белок, шишковали - собирали кедровые орехи (Сибирь). Добычу делили между всеми, по окончании работ веселились. В экономически развитых районах подобные обычаи рано ушли из жизни под влиянием соображений личной выгоды и частной инициативы. Вместе с тем еще в XX в. в деревнях и провинциальных городах встречался древний обычай соседского взаимообмена различными продуктами своего хозяйства, например свежим мясом при поочередном забое скота или угощение всех соседей медом при вырезке сот (подобный обычай был также сильно развит у белорусов - бонда). Широко бытовало и в селе, и в городе правило, по возможности, делиться запасами творога к Пасхе с теми, у кого нет коровы, или оделять яблоками и ягодами на варенье тех, у кого нет своего сада.

Наиболее распространенным видом традиционных коллективных работ были как уже отмечалось, помочи ~ трудовая соседская помощь в случае срочных и тяжелых работ (при постройке дома, ремонте двора и др.). Этот обычай был особенно развит по отношению к сиротам, погорельцам и т.п. Для безвозмездной работы сходились родственники, соседи, односельчане. Помочи обычно заканчивались угощением и весельем. Особенно охотно ходили к тем, кто хорошо угощал. Проводились и другие совместные работы с участием молодежи: обработка льна, рубка капусты на зиму - капустки и др., по праву входившие в систему молодежных гуляний.

Эти формы общения крестьян и горожан в процессе производственной деятельности, кроме практических результатов, служили укреплению моральных устоев, неписаных законов народной этики. При коллективной работе труд и поведение каждого ее участника были у всех на виду и служили основанием для формирования суждения общества о том или ином человеке, о его деловых и нравственных качествах.

Постепенно, однако, в связи с глубокими социальными изменениями к концу XIX в. помочи теряют свой мирской патриархальный характер. К этому времени чаще всего

стали практиковаться объединения небольшого числа людей - главным образом родственников - преимущественно одинакового достатка, договаривавшихся о совместном проведении сельскохозяйственных и других работ в каждом хозяйстве по очереди (сушить и мять лен, возить лес, ставить дом, у кустарей-колесников - гнуть обод и т.п.). Одним из старинных видов крестьянской кооперации была супряга, когда складывались несколько маломощных хозяйств, имевших кто рабочий скот, кто - орудия труда, а кто - только рабочую силу. Часто сообща пользовались ригой или овином.

Широко бытуют в этот период в деревне объединения иного характера, связанные с развитием частного предпринимательства - различные товарищества для покупки и проката сельскохозяйственных машин, инвентаря, для приобретения и содержания мелких предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию (мельниц, крупорушек, маслобоен). Возникали ссудные кассы, кредитные общества, потребительские кооперативы не только в городах, но и в селах. Эти общественные дела наряду с тем новым, что вносили они в сельский быт, сами по себе часто облекались в традиционные артельные формы. Во многих случаях сколачиваясь в артели, уходили на заработки отходники (плотники, пильщики, угольщики, клепальщики). Трудности с транспортом, с доставкой снаряжения, заготовкой съестных припасов заставляли объединяться в небольшие артели охотников-промысловиков. Они связаны были главным образом общностью быта. При добыче морского зверя, требовавшей усилий большего числа людей, артели объединялись и самим трудовым процессом. Широко применялась артельная организация труда на крупных рыбных промыслах, где работало не только местное население, но и отходники. Артели обычно складывались на основе родства, соседства, землячества. Добыча делилась на паи согласно вкладу каждого участника. В отдельных "рыбных" местах (на больших реках, морских побережьях) истари складывались свои артельные традиции. На Мурманском побережье с XVII в. была известна артельная организация покрут, на Урале - багряное войско во главе с выборным атаманом. Дальнейшее развитие товарных отношений меняло управление артелями. Оно теряло общественный характер и приобретало типично капиталистические черты.

Большую роль в быту деревни играли традиционные нормы обычного права, носителем которого являлась община {Александров В.Л., 1976. С. 71-186}. При заключении различных практических сделок, договоров, при тяжбах и семейных разделах крестьяне почти всегда руководствовались традиционными правилами и обычаями, ссылаясь на авторитет предшествующих поколений. Эксплуатация земельных и других угодий, особенно находившихся в совместном пользовании (леса, луга, места рыбной ловли), происходила согласно обычаю, сохраняемому миром через решения схода о сроках, круге участников, соблюдении определенных правил, сложившихся в результате длительного взаимодействия человеческого коллектива с природой. Заключение арендных соглашений, займы, расплата, наем работников производились в раз и навсегда установленные сроки, совпадавшие с определенными датами религиозно-бытового календаря. Например, срок найма и сделок исчислялся от Покрова (14 октября) до Евдокии (14 марта) или от Покрова до Егория (6 мая). Сама форма хозяйственной сделки не была произвольной, хотя и не фиксировалась в виде письменного соглашения.

Главным актом при соглашении было рукобитие (ударяли по рукам) в знак согласия, после чего сделка считалась заключенной. По окончании какого-либо дела, как того требовала традиция, следовал магарыч, т.е. угощение вином за счет того, в чью пользу решался тот или иной вопрос. Нередко устраивалась и выпивка в складчину. Совместной попойкой иногда заканчивались сходы, на которых обсуждались важные хозяйственные дела. Этим обычаем зачастую злоупотребляли зажиточные хозяева, добиваясь принятия решения в свою пользу. Складчины особенно "процветали" там, где рано стало развиваться торговое хозяйство или широко практиковалось отходничество, т.е. там, где у крестьян имелись деньги. Частые выпивки по разным поводам отрицательно сказывались здесь на семейном бюджете, на семейных отношениях и на общественных нравах.

Контроль за выполнением неписаных правил осуществлялся в общине через такие исторически сложившиеся рычаги соционормативной культуры, как общественное мнение и репутация. Они создавались на основе совместной трудовой деятельности и постоянного соседского общения и доводились до сведения каждого взрослого члена общины (Громыко, 1986. С. 105-113). Важная роль в выработке суждений принадлежала старейшим жителям деревни. К таким людям со стороны младших существовало подчеркнуто уважительное отношение. К мнению стариков, имеющих большой жизненный опыт и практические знания, старались прислушиваться. Суды старейшин в деревне составляли своего рода неформальные органы власти, к ним прибегали при решении спорных вопросов хозяйственного и этического порядка.

В конце XIX - начале XX в. в деревне наблюдалось оживление общественной жизни, связанное с ростом культуры, с деятельностью земства - с открытием новых школ, больниц, с организацией пожарных дружин, устройством бесед и лекций для народа. Эти новые явления своеобразно вписывались в привычный деревенский порядок, имевший в быту глубокие корни, сравнительно мало меняя его в целом. Некоторые из давно установившихся обычаев, выдержав длительные испытания, живут и теперь, например помочи (при постройке дома), соседская взаимопомощь и взаимная выручка в различных жизненных ситуациях и др. Они успешно выполняют свою роль в жизни сельских и городских жителей и в современных условиях.

Особую область общественной жизни в деревне, а отчасти и в городе составляли различные виды общественного досуга по возрастным группам. Наиболее развиты они были в молодежной среде. Объединенная общими возрастными интересами, молодежь деревни составляла как бы свой особый мир. Хотя организация ее у русских и не была столь развитой, как, например, у украинцев, жизнь молодежи и у них протекала по своим законам. Общераспространенными оставались в зимнее время молодежные посиделки, или беседы (сборные, святые, или светлые, вечера), а летом - улицы (игрища или хороводы).

Посиделки начинались глубокой осенью после окончания уборочных работ, обычно со дня Покрова Пресвятой Богородицы, и продолжались до Пасхи. На гуляния, как правило, собиралась молодежь только одной деревни. В каждом селении имелось несколько бесед по возрастам - обычно три: старшая (19-20 лет), средняя (16-19) и младшая (подростки лет с 13-14). Деление на возрастные группы касалось только девушек, парни могли ходить свободно с одного сборища на другое. Посиделки устраивались дома по очереди у каждой девушки или в "откупленной" для этого у какой-нибудь вдовы или солдатки просторной избе. В обязанности девушек входило мытье полов после беседы, заправка ламп керосином. Молодые люди должны были доставлять дрова, колоть их, нанимать гармонистов. В будние дни устраивали посиделки, сочетая гуляние с работой. На них сходились подростки и заневестившиеся девушки, прихватив с собой работу: пряли, вязали, вышивали, разматывали нитки. Матери следили, чтобы работа выполнялась - по возвращении дочерей домой проверяли, выполнен ли "урок". На старшие беседы к девушкам приходили парни. Постепенно начиналось веселье. Парни провожали девушек по домам, угощали гостинцами: орехами, пряниками, конфетами.

На праздничных беседах, как, например, на святочных вечерах, не работали, а только развлекались. Они были особенно многолюдными и часто назывались сборными, так как на них приглашалась молодежь из соседних деревень. Девушки на такие гуляния (на Святки, на престольные праздники) приезжали, захватив с собой сундуки с нарядами и гостили у родственников или подруг целыми неделями. Иногда на праздничные беседы, длившиеся по несколько суток, заходили и парни из ближайшего города.

На посиделках царила особая атмосфера. Здесь соблюдался свой определенный порядок поведения, сложившийся согласно принятым обычаям, передававшимся из поколения в поколение. Соблюдалось уважительное отношение друг к другу; от партнерства отказываться не полагалось. Разнообразны и многочисленны были

молодежные развлечения, забавы, игры, обычно приуроченные к различным ситуациям. Допускались двусмысленные шутки, фривольности. Многие игры заканчивались поцелуями {Морозов, Слепцова. С. 7-319}. Из плясок распространена была кадрили, состоявшая из 4-6 фигур, каждая из которых сопровождалась своей мелодией и короткими припевками. Чаще всего кадрили плясали "под язык", т.е. под куплеты или особые словосочетания, которые пели все танцующие. Плясали "русского" и многие местные разновидности этой пляски под частушки ("семеновна", "солемушка", "матаня", "страдание"). В конце XIX в. распространились так называемые легкие, или городские, бальные танцы. С начала XX в. главенствующее место в музыкальном быту деревни и города заняла гармоника. Без гармониста трудно было себе представить настоящее гулянье.

Летом и весной молодежь собиралась на открытом воздухе в определенных привычных местах: в деревне - за околицей, на лугу, у амбаров, в городе - на площади, на перекрестке улиц. Были и маленькие сборища - "на пятачках", например у колодца. В средней полосе России сохранялся обычай водить хороводы, на севере они назывались круги, на юге - танки. В некоторых местах устраивали своеобразные смотры невест - выставки, кочки, столбы, когда разнаряженных девушек на выданьи выставляли на видном месте для всеобщего обозрения.

Помимо массовых гуляний, молодежь проводила время и в более узком кругу друзей. Устраивали, например, так называемые домовничания, когда девушки в отсутствие родителей собирали у себя подруг и знакомых парней.

Подобное общение сельской молодежи носило стихийный характер. Организация его опиралась на вековой опыт; неписанные правила поддерживались самим молодежным сообществом. Контроль со стороны взрослых осуществлялся через семью и общественное мнение в рамках общины. В играх молодежи обычно принимали участие и молодые женатые мужчины и женщины до рождения ребенка. Мужчины постарше приходили посмотреть, но больше держались своим кружком, связанные деловыми интересами. Собирались покурить, побеседовать, поиграть в карты. Если поблизости имелся трактир, шли туда попить чай, узнать новости. Круг общения женщин среднего возраста и пожилых женщин-хозяек ограничивался почти исключительно родственной или соседской средой. Обычно они встречались на улице, на лавочках у домов {Сафьянова. С. 106-107}. Грызли семечки, в Сибири - кедровые орешки. Любимым развлечением для всех было

хождение на свадьбы, крестины и проч., в которых большая часть собравшихся являлась просто зрителями - ходили смотреть "под окна".

В конце XIX - начале XX в. под влиянием развития товарных отношений, широкого отходничества по мере усиления связей с городом и ростом культуры новое стало активно проникать в быт деревни, особенно в центральных губерниях России, а также повсюду в больших торговых и промысловых селах, в пригородных и пристанционных поселках. Все это вносило изменения в сферу общественной жизни. Рождались новые формы развлечений, проведения досуга, праздничного времяпрепровождения. Этот процесс захватывал все слои сельского населения, но, разумеется, в разной мере. Вместо старого общинного коллективизма и стихийного общения людей, принадлежащих к одному поколению, в известной мере выступала групповая обособленность, стремление замкнуться в своей социальной среде.

В значительно большей степени эти тенденции были свойственны быту городского населения. Развиваясь на тех же традиционных национальных основах, что и в деревне, общественная жизнь здесь представляла собой гораздо более сложную и пеструю картину, в которой каждая группа горожан занимала свое особое место. Развитие групповых интересов не только не способствовало объединению всего городского общества, а, напротив, еще более разъединяло его, подчеркивая имущественную, сословную, профессиональную неоднородность. Пользуясь в обществе неодинаковыми правами,

городские жители, принадлежавшие к отдельным социальным группам, были включены как бы в разные общественные сферы, различавшиеся и по характеру общих дел, и по распространению тех или иных видов досуга и развлечений, и по соотношению в них широкого коллективного и индивидуального начала (Анохина, Шмелева, 1977. С. 253-282). На первый план здесь выступало общение в кругу, связанном чаще всего общностью деловых интересов.

Общественная жизнь административно-управленческого характера касалась далеко не всех жителей городов. Сословный характер избирательных курий и высокий имущественный ценз отстраняли от участия в городском самоуправлении и общественной деятельности, связанной с ним, промышленных рабочих, массу мелких ремесленников и торговцев, служащих, прислугу, составлявших значительную часть городских обывателей. Выборы в местные органы власти (в Городскую думу и Городскую управу), проводившиеся раз в 4 года, не вносили заметного оживления в быт всего города. Предметом приложения общественных сил являлись некоторые хозяйственные и культурные дела: озеленение, организация добровольческой пожарной дружины, общественное страхование от огня, открытие и содержание школ, библиотек, музеев и т.п.

Типичной для городов была филантропическая деятельность, в том числе благотворительность. По мере углубления имущественной дифференциации с увеличением слоя городской бедноты она имела тенденцию к дальнейшему расширению и развитию различных ее видов. Участие в благотворительных делах для имущих считалось престижным. Оно поощрялось самим обществом и облегчало социальное продвижение для тех, кто не принадлежал к привилегированному дворянскому сословию.

В конце XIX - начале XX в. во многих городах, особенно провинциальных, еще можно было встретить остатки старых общинных порядков. Они стойко сохранялись в слободах, входивших в черту города и в разной степени урбанизированных. Жители здесь в большинстве своем уже не занимались крестьянским трудом, и земли их находились в коммерческом обороте. Однако многое из прежнего продолжало удерживаться в сознании и повседневном быту.

В целом общественная жизнь, связанная с интересами отдельных групп городского населения, отличалась некоторой корпоративностью, замкнутостью в своем кругу. Городские сословия - мещане, купцы, цеховые ремесленники - имели свое сословное самоуправление, вокруг которого и складывался их общественный быт. Выборные старосты и десятские должны были заниматься "попечением о сословных делах". Старост и их помощников выбирали на общих собраниях граждан, принадлежавших к данному сословию. Для проведения собрания нанимали помещение или собирались по частным домам. Выборы обычно проходили шумно и во многом напоминали общинные сходы. Сословное самоуправление дворянства осуществлялось не по городам, а по губерниям и уездам. На дворянских собраниях выбирали предводителя дворянства и других доверенных лиц.

Дворянство в большинстве своем было рассеяно по губерниям, но его общественная жизнь в основном протекала в городах. Здесь проходили дворянские выборы и другие собрания, действовали различные комитеты и общества. Съезжались в город в зимнее время, часто с семьями. Те у кого не было в городе собственного дома, снимали квартиры или устраивались в гостинице ("в номерах"). В Благородном дворянском собрании устраивались балы, маскарады, благотворительные базары, спектакли. В частных домах также проходили балы, приемы; ездили с визитами. Семейные дворяне из уездов к этому времени приурочивали вывоз в свет дочерей.

После сравнительно короткого периода оживления дворянская общественная жизнь в городах заметно замирала. Она сосредоточивалась главным образом в Благородных собраниях, которые работали как клубы. Они имелись далеко не во всех городах. Лица других сословий в эти собрания обычно не допускались. Правда, в самом конце XIX - начале XX в. в связи с известным расшатыванием сословных перегородок в русском

обществе и общей демократизацией жизни немногочисленное дворянство стало сильно разбавляться богатым купечеством, которое играло большую роль в жизнедеятельности городов. Купцы становились постоянными посетителями благотворительных вечеров, бильярдных, буфетов и т.п.

С 1890-х годов в русских городах распространяются и другие сословные профессиональные клубы, объединяющие более широкие слои горожан. Функционировали так называемые приказчищи, или коммерческие, клубы, вокруг которых группировались служащие казенных учреждений и частных фирм, чиновники низших рангов, торговцы из мещан и часть купечества ~ средние слои горожан, ориентирующиеся в своих устремлениях на буржуазно-дворянскую верхушку. Здесь проводили свободные вечера, развлекались. Существовали клубы на небольшие членские взносы и добровольные пожертвования богатых. Основной упор делался на благопристойность поведения, на соблюдение приличий и хорошие манеры.

В городах, где располагались военные гарнизоны, действовали офицерские клубы, отличавшиеся особой замкнутостью. Кроме офицеров их посещал лишь очень узкий круг местных жителей, главным образом из дворян. Быть приглашенным в офицерский клуб почиталось за честь. В некоторых местах имелись особые железнодорожные клубы. В их членах состояли служащие-управленцы, квалифицированные рабочие, машинисты, оберкондукторы и т.п., а также некоторые другие горожане, близкие к ним по социальному положению. Мастерские, однако, в клуб не ходили - у них не было для этого ни средств, ни подходящего платья.

Попыткой создать клубы для народа явилась организация в городах в начале XX в. Народных домов. Они отличались от сословно-профессиональных закрытых клубов и были скорее прообразом клубов 1920-х годов. Кроме развлечений (игры, танцы), в них силами местной демократической интеллигенции велась культурно-просветительная работа (устраивались спектакли, читались лекции, показывались "туманные картинки" (диапозитивы) на общеобразовательные темы). Посещали

Народные дома рабочие, тянущиеся к просвещению. Такое же значение имели и воскресные школы, которые на общественных началах устраивали отдельные представители интеллигенции, чаще всего учителя. Школы посещали рабочие, ремесленники и все те, кто хотел получить или пополнить образование. В их составе преобладали молодые мужчины. Очень часто воскресные школы использовались политиками для революционной пропаганды.

Другим видом объединений в городах были различные общества по интересам, любительским или профессиональным (краеведческие, агрономические, коневодческие, спортивные и др.). Все они имели свой устав, кассу, иногда библиотеку. Общества врачей и краеведов на своих собраниях заслушивали сообщения на профессиональные темы, которые иногда издавались; сельскохозяйственные общества, состоявшие в основном из помещиков и крепких хозяев - крестьян с хуторов, устраивали выставки плодов, продуктивного скота, лошадей. Имели распространение и любительские кружки - театральные, литературно-художественные. Вся эта сфера общественной деятельности не была обширна. Активное участие в ней принимала главным образом наиболее творческая часть интеллигенции. Однако она имела широкий общественный резонанс, поскольку несла просвещение и культуру в массы горожан и населения ближайшей сельской округи.

В сфере специфического молодежного общения (гуляний в кругу сверстников, связанных с естественной необходимостью установления брачных отношений в будущем, с подыскиванием женихов и невест) в городе в силу разнородности его населения существовало значительно большее, чем в селе, разнообразие форм. Сказывалась разница в количестве свободного времени и в материальных возможностях, а также объективные условия и привычки той или иной социальной среды.

В рамках отдельных групп в основном осуществлялся и социальный контроль через выработанные в них формы общения и средства передачи традиции. Однако условия

города не исключали и территориальную общность. Соседское общение обуславливалось здесь так называемой социальной топографией - преимущественным заселением отдельных районов определенными социальными группами горожан. Групповой принцип организации социальных связей, таким образом, совпадал с территориальным.

Некоторые группы, как уже говорилось, по образу жизни были близки к сельским жителям, и многое в их быту напоминало общинные порядки. Так, стихийные сравнительно многолюдные сборища молодежи сельского типа (посиделки, беседы, вечерушки) бытовали главным образом в городских слободах, в районах бедноты, пополнявшихся по мере развития промышленности выходцами из села. В весенне-летнее время собирались на "пяточке", "на кругу" - в определенных местах (на просторных улицах, площадях, на пустырях). В конце XIX в. в слободах изредка встречалось еще вождение хороводов, уходившее своими корнями в глубокую древность. Эти сборища служили смотром невест. Слободские парни, как и в селах, оберегали своих девушек от городских кавалеров, не давали им гулять с посторонними. На этой почве часто возникали драки.

Другие группы городского населения дальше отошли от старых традиционных обычаев, и у них во всем сильнее проявлялось действие механизма престижа и социального самоутверждения в формах, характерных для капитализировавшегося города. В бедных мещанских семьях на вечерку собиралось по 5-6 парней. Нанимали гармониста и шли к девушкам. Мещанская вечеринка отличалась от слободской более ограниченным кругом участников, иным подбором танцев, песен и других развлечений.

В средних и зажиточных слоях горожан, мещанских и купеческих, молодежным вечеринкам была свойственна еще большая замкнутость. В них совсем отсутствовал стихийный элемент, характерный для крестьянского быта. Здесь почти исключались всякие случайные знакомства, особенно нежелательные для семьи. Придавая большое значение экономической стороне брака, родители сами старались таким образом ограничить круг общения своих взрослых детей в расчете подыскать наиболее подходящую партию.

Вечеринки устраивались по домам, особенно там, где имелись девушки на выданье. Собирались по приглашению - обычно в праздники и по воскресным дням. Самый частый предлог для вечеринок - именины. Танцевали под фортепиано или под гармонику (где "попроще"), играли в "приличные" игры. Иногда бывало и угощение (обносили чаем, конфетами, печеньем, орехами), но оно играло второстепенную роль. Часто молодых людей, особенно девушек, сопровождали в гости старшие. Пока молодежь веселилась, старшие проводили время в беседе или за картами. Матери следили за дочерьми. Танцевать полагалось не с одним кавалером, а со всеми (Жирнова. С. 28-32; Анохина, Шмелева. 1977. С. 268-284). В среде буржуазно-дворянской верхушки были распространены балы.

Потанцевать под духовой оркестр ходили в клубы: дворянские, офицерские, коммерческие и т.п., т.е. в соответствии со своим положением. Здесь круг общения был шире, но все равно оставался замкнутым своей социальной средой. Контакты молодежи в узком кругу на основе общности интересов и вкусов происходили в любительских кружках - литературных, театральных, музыкальных, которые в конце XIX - начале XX в. в городах были весьма распространены. Основу их составляла интеллигенция: учителя, врачи, офицеры, некоторые чиновники. К ним примыкали и другие обитатели города, тянущиеся к культуре. В кружках принимали участие и женатые пары. Старшие выступали здесь не как наблюдатели, а как товарищи и руководители. На этих встречах культурные занятия совмещались с танцами, играми и прочими развлечениями.

Большое место в жизни городов в теплое время года занимали гуляния на свежем воздухе: в городском саду, на бульварах, на валах (некогда укреплявших город), в городских парках или рощах. При этом отдельные группы горожан имели свои излюбленные места встреч и круг занятий. Гулять выходили обычно семьями, но каждое

поколение соблюдало свои правила поведения. В наиболее оживленных местах гуляний играл духовой оркестр и имелись различные развлечения (бильярд, кегельбан и др.), работали буфеты. Для небольших провинциальных городов, в России весьма многочисленных, были характерны традиционные гуляния по городским улицам. В воскресенье и праздничные дни, пообедав и отдохнув, горожане, особенно из купцов, богатых мещан, да и мастеровые, в нарядной одежде выходили на улицу и прогуливались со знакомыми по наиболее людным местам. Некоторые оставались у ворот, на скамейках около дома - проводили время в разговорах, а другие ограничивались наблюдением за уличной жизнью из окна. С развитием железнодорожного транспорта одним из излюбленных мест гуляния становились станции, куда ко времени прохождения поездов дальнего следования, особенно вечерних, собиралась разнообразная публика.

В хорошую погоду несколько раз за лето горожане по две-три семьи выезжали за город, прихватив с собой провизию, самовар, гитару или гармонику. Особенно оживленно эти выходы на природу проходили в первые майские дни. Маевки составляли старую традицию городского быта. В дни летних праздников пикники были многолюдны. Знакомые объединялись небольшими компаниями по семьям, по возрастам, по интересам. Соблюдались неписанные правила престижного порядка, свойственные той или иной среде, - в одежде, угощении, поведении.

В зимнее время в городском саду заливали каток. По вечерам здесь зажигали фонари, иногда играл оркестр. Вход был платный. Молодежь каталась парами или небольшими группами. Любимое зимнее занятие молодежи из простых семей - катание с гор на салазках, скамеечках, ледянках. Развлекались таким образом с наступления зимы до таяния снегов. Летом среди мелкого мещанства, ремесленников и мастеровых широко бытовали уличные игры. Играли дети, подростки и взрослые парни и девушки чуть ли не до свадьбы. Для этих игр было характерно заметное разделение на мужские и женские - мужские игры требовали от участников большей силы и ловкости. Парни играли в городки, в бабки, в чехарду, ходили на ходулях, запускали змея. В лапту тоже играли больше парни. Девушки бегали в догонялки, играли в камешки, бусины ("верстки"). Молодые люди из "приличных" семей в уличных играх участия не принимали. Они забавлялись в своей среде при выезде за город или собравшись компанией знакомых и родственников в своем саду или во дворе. В ходу были кегли и мяч, реже - крокет, гольф; дети качались на качелях, гоняли обруч, играли в серсо.

В отличие от молодежи у семейных горожан для досуга оставалось значительно меньше времени. Досуг мужчин в повседневном быту был более четко отграничен от практических дел. Они часто проводили его вне дома, преимущественно в своей компании. Кроме упоминавшихся сословных клубов, популярны были чайные и трактиры, которые отчасти выполняли роль клубов. Большинство этих учреждений также имели своих завсегдатаев из определенной среды. В 1900-е годы в городах стали открывать рестораны, которые посещала "чистая" публика, имевшая для этого деньги. За чаем и закуской обменивались новостями, совершали сделки. Набор развлечений, а также обстановка в этих учреждениях были различны: в одних местах соблюдался чинный порядок, в других - посетители вели себя вольно, а в некоторых допускалось и пьянство.

В 1900-е годы начинают развиваться спортивные занятия, что также сказывается на общественной жизни горожан: езда на велосипеде, игра в футбол. Это касалось более всего молодых людей из чиновников, служащих и коммерческого круга. Конный спорт занимал более всего представителей офицерско-помещичьей среды. Конные состязания, особенно бега, горожане очень любили как зрелище. На бега собиралось множество народа разного звания и состояний. Среди простонародья в мужских компаниях имели место различные состязания в силе и ловкости - например, в подъеме тяжестей на спор.

Особое место в общественном быту занимала сохранившаяся с древности молодецкая забава - кулачные бои, устраивавшиеся с четверга масленичной недели до конца сентября-октября, включая период осенних ярмарок. Наибольшее распространение эта забава

получила среди ремесленников, мелких торговцев, некоторой части рабочих, особенно в провинциальных городах. Кулачки - явление сложное. В них с архаической магической основой соединялись элементы народного физического и нравственного воспитания. На них сильно сказывались особенности социальных отношений, свойственных тому или иному историческому периоду в жизни народа. В конце XIX-начале XX в. в условиях углубления социальной дифференциации городские кулачки сильно менялись в сторону ужесточения и зрелищности. Вместе с тем постепенно утрачивались спортивные черты, им присущие.

Женщины среднего и пожилого возраста в своем большинстве в силу занятости хозяйством, а также в силу господства среди основной массы горожан консервативных взглядов на поведение в общественных формах повседневного досуга, как правило, активного участия не принимали. Чаще всего в различных развлечениях они оказывались лишь зрителями. Обычно же общение женского населения ограничивалось более узким, чем у мужчин, кругом (соседи, родственники и знакомые), а в основном - домашним. Иногда оно соединялось с рукоделием -самым распространенным занятием на досуге. Собирались обычно к вечеру, выполнив все дневные дела, летом - на крыльчке, на лавочке, зимой - в кухне или в гостиной в зависимости от образа жизни. У "простонародья" состав участников этих бесед носил более широкий характер, чем у богатых купцов, чиновников и т.д.

Собравшиеся обменивались новостями, мнениями о происшествиях, которые попадали в поле зрения того или иного круга граждан. Обсуждали достоинства женихов, приданое невест, моды и т.п. Активными разносчиками городских новостей являлись свахи, портнихи, прачки, которым по роду их деятельности приходилось бывать во многих домах. Ту же роль играли странники, паломники, богомольцы, направлявшиеся к святым местам.

На общественную жизнь села и города большое влияние оказывала церковь, для подавляющего большинства населения - православная. Религиозно-бытовой регламент, касавшийся самых различных сторон жизни, был своего рода законом общественного и личного поведения людей. Чередование труда и отдыха, формы и характер проведения досуга во многом определялись датами религиозного календаря, обязательного для всех. Выполнение религиозных предписаний в домашнем быту обуславливалось не только чувством верующего, "страхом Божиим", но и контролем семьи, особенно старшего поколения, следившего за соблюдением подобающего отношения к иконам, постам, молитвам и т.п. Каждый крестьянин и городской житель как член церковной общины принимал участие в общественных действиях, связанных с отправлением культа. Основу религиозно-общественной жизни составляли посещения церкви, прием священника с клиром, делающего обход своего прихода с молебствием раза 4 в год, большие крестные ходы, регулярные или эпизодические, обряды, связанные с важнейшими моментами в жизни людей. Само отправление культа являлось делом общественным.

Значительное место в жизни русского народа занимало регулярное посещение церкви. По субботам, воскресеньям и особенно в дни больших праздников в церковь отправлялись не только взрослые, но и дети. В большие посты полагалось говеть, исповедоваться и причащаться. За всем этим наблюдало и духовенство и само общество через те или иные группы, осуществлявшие социальный контроль (в городе - через отдельные социально-бытовые группы, в селе - через сельскую общину, с которой церковная община часто совпадала). Из тех, кто разделял атеистические взгляды или колебался в вере, лишь немногие могли себе позволить пренебрегать христианскими "обязанностями". Такое поведение осуждалось и в лучшем случае, если человек имел вес в обществе, квалифицировалось как чудачество. Само посещение церкви рассматривалось не только как религиозный акт, но и как светский, дававший возможность для общения. У обедни, вечерни, заутрени регулярно встречались друг с другом жители селений по своим

церковным приходам. Территория отдельных общин была различной. В условиях сельской местности с мелкими поселениями одна церковь обслуживала несколько деревень. Церковь давала возможность "видаться" родственникам, друзьям, знакомым. Разговаривали, узнавали новости, присматривали женихов и невест. Пребывание "на глазах" общества заставляло обращать особое внимание на свою одежду, манеры. Приходили задолго до службы и потом расходились не сразу. Церковная площадь в праздники становилась своеобразным центром общественной жизни. Здесь часто развертывалась и уличная торговля лакомствами, мелочами, детскими игрушками.

Много народу в дни больших религиозных праздников и престольных дней собиралось к многочисленным монастырям, к святым местам, к храмам с чудотворной иконой. Паломники прибывали не только из ближайшей округи, но и из дальних мест. Они располагались по трактирам, по крестьянским, мещанским домам и жили по нескольку дней. Здесь складывался свой специфический общественный быт, создавалась мистическая атмосфера.

Особое место в религиозной общественной жизни занимали большие крестные ходы, которые устанавливались по разным поводам, связанным с историей данной местности или всей страны (избавление от эпидемии, падежа скота, в честь победы в Отечественной войне 1812 г.), или были эпизодическими (моление о дожде во время засухи). Процессии бывали длительные и многолюдные, в них принимало участие почти все население церковных приходов, и особенно охотно - простонародье. Крестный ход как религиозный и бытовой обряд сложился давно и со временем почти не менялся. В 1900-е годы в городах во время крестных ходов наблюдался своеобразный уличный быт с лоточной торговлей и некоторыми развлечениями.

Кроме религиозно-общественной жизни, порожденной самим культом, существовала другая ее сфера, связанная с религиозно-нравственным воспитанием народа (Анохина, Шмелева, 1977. С 259-260). В начале XX в. при церкви стали активно образовываться религиозные братства, носившие имена святых. Они занимались распространением религиозно-просветительной литературы, чтением лекций, организацией крестных ходов, благотворительных

дел. Церковь уделяла внимание и культурному просвещению, участвовала в устройстве вечеров, чтений, научно-популярных лекций с "туманными картинками", создании обществ трезвости. Большое число любителей пения привлекали церковные хоры, с которыми работали опытные регенты. Духовные и светские концерты пользовались большим успехом у всех слоев русского сельского и городского населения.

Общественная жизнь, связанная с церковью, опиралась на издавна сложившийся жизненный порядок, на общественное мнение, а созданию которого большую роль играла сама церковь и которое поддерживалось государством.

В старообрядческой среде и в среде отклонившихся от православной церкви протестантских групп (духоборы, пятидесятники, молокане, евангелисты, баптисты), составлявших по сравнению с православным населением незначительную часть русского народа, общественная жизнь имела свои особенности. В целом же в силу замкнутости этих групп весь их быт отличался значительной консервативностью.

Наиболее стойко традиционные формы в общественной жизни в XIX-начале XX в. сохранялись в сфере праздников и обрядов.

Существенную роль в общественной жизни крестьян и городского населения у русских, как и у других европейских народов, играли обряды и обычаи, приуроченные к датам христианского календаря и тесно связанные с циклом сельскохозяйственных работ - подготовкой и ожиданием урожая и его уборкой. Еще в начале XX в. обрядовый календарь, содержащий многие напластования отдаленных времен, на большей части территории расселения русских сохранял свою традиционную специфику, хотя многие архаические обряды к тому времени ушли из жизни, а смысл других был забыт, и они, смешавшись с необрядовыми бытовыми формами, воспринимались как праздничная

забава.

Общественная жизнь, связанная с народной календарной обрядностью, проявлялась главным образом в совместных гуляниях и праздничных развлечениях, имевших множество локальных различий. Рождественско-новогодний цикл обычаев и обрядов, связанных с зимним солнцеворотом и направленных на обеспечение плодородия и всяческого благополучия в наступающем году, назывался святками (Чичеров. С. 166-212). Святки были самым оживленным и веселым временем года, особенно для молодежи. По неписанным законам, в обязанность молодежных групп (территориальных или социально-бытовых) входила организация и проведение рождественских и новогодних колядований, широко распространенных в России и известных также другим славянским и неславянским народам Европы. Молодые люди веселой гурьбой обходили дома с пожеланиями хозяевам всяческого благополучия и получали за это вознаграждение, чаще всего съестными припасами. Утром на Новый год по домам ходили мальчики. Они поздравляли хозяев, исполняли праздничный тропарь и "засевали" - рассыпали семена. Детей обычно одаривали мелочью. Все, что колядовщики получали от хозяев, шло на устройство праздничных вечеринок и бесед, которые, как уже отмечалось, отличались особым разгулом и многолюдностью.

С Нового года до Крещенья собирались группами и гадали. Гадание рано утратило свое ритуальное значение и для большинства населения служило веселым молодежным развлечением. Гадали преимущественно девушки о своем будущем замужестве. Особенно выделялись у русских крещенские гадания с подблюдными песнями. Много веселья доставляли ряженые, которые с плясками и песнями ходили или разъезжали компаниями по улицам, заходя в дома, спросив на то позволение у хозяев. В интеллигентской среде ряженые обычно объезжали знакомые семьи.

Рядились часто в традиционные маски, в том числе древние - козу, коня, быка, старика со старухой. Но более всего к началу XX в. в ходу были бытовые маски -доктора, цыгана и цыганки и проч. На святки разыгрывали народные драмы -"Лодку", "Царя Максимилиана", "Голого барина". Рождественско-новогодний цикл заканчивался Крещением, обрядность которого сформировалась под сильным воздействием православной церкви. Главным моментом его явился массовый крестный ход с водосвятием на Иордань - специально оформленную прорубь на местном водоеме. В нем принимали участие все от мала до велика. Подготовка процессии и устройство проруби также были делом общественным. Из проруби брали освященную (святую) воду. Некоторые мужчины окунались в ледяную купель.

Масленица в отличие от многих других календарных праздников не имела христианского осмысления и отмечала лишь начало Великого поста перед Пасхой. В быту русских, как в городе, так и в деревне, она получила особенно широкое развитие (Соколова, 1979. С. 11-69). Масленичное общение носило в целом разгульный характер и сохраняло в своем составе многие элементы очень древних обрядов. Одна из основных форм его - хождение в гости и прием гостей ("пере-гащивались"). Обязательной для этого праздника считалась обильная жирная еда. Атрибутом Масленицы стали блины, которые поедались в большом количестве. Блины пекли дома, в трактирах, в ресторанах и специальных буфетах, где можно было заказать их для приема гостей. В городах на Масленице проходили балы.

Самая любимая масленичная забава - публичное катание с гор. Жители сел и городов катались на салазках, на ледянках, на санях, на бревнах, сколоченных в виде плота. Иногда для этого сооружали специальные горы, заливавшиеся льдом. В Петербурге и в Москве под такими горами устраивались праздничные базары, где для простонародья проводились всякие представления, продавались лакомства. С четверга, когда начиналась "широкая" Масленица, ездили на показ в санях на разукрашенных лошадях, запряженных парами, тройками и с бубенцами под дугой. Зрители "шпалерами" стояли на улицах. В катаниях участвовали молодожены, прожившие

в браке не более года. "Молодых" вывозили на всеобщее обозрение, демонстрируя их благополучие. Были приняты игры с молодоженами: их задерживали ("подмораживали"), засыпали снегом ("солили"), валяли по снегу. Молодой должен был откупаться. Толпы собирались поглазеть на эту забаву. Масленичным развлечением считались игры в снежки. В Сибири долго сохранялась в быту игра "Взятие снежного городка". Масленичное гуляние заканчивалось обрядом проводов Масленицы, в котором принимало участие много народу: жгли костры, провозили чучело Масленицы, сжигали его или разрывали на куски и разбрасывали по полям.

О древних обрядах встречи весны напоминали жаворонки - булочки из теста в виде птички, с которыми 9 марта ст. ст. (День сорока мучеников, по христианскому календарю) дети бегали по улице и выкрикивали коротенькие стишки о весне. 23 апреля ст. ст. (День Святого Георгия) при первом выгоне скота хозяева совместно проводили некоторые обрядовые действия. Но в целом после Масленицы общественная жизнь замирала и вновь оживлялась с Пасхи. Пасхальную неделю молодежь проводила на улице. Наиболее характерными были массовые игры с ярко выраженным спортивным элементом (городки, лапта). Широко бытовали качели. Женщины и дети любили игры в крашеные яйца. Собравшись в группы, они разбивали яйца друг о друга, катали с горки или по специальному лотку. В некоторых местах еще и в конце XIX в. водили хороводы.

В Центральной России в деревнях сохранялся старинный обычай вьюношник, или вьюнишник, когда толпы мужчин или женщин обходили дома недавно поженившихся пар с пением песен, по своему содержанию и строю напоминавших колядки. Как рудименты архаических весенних обрядов, направленных на рост ржи или льна, кое-где соблюдались особые выходы женщин в поле, где они, усевшись компаниями на землю, съедали яйца или яичницу и подбрасывали ложки вверх, а иногда катались по земле.

Весенний цикл праздничных гуляний заканчивался Троицей (50-й день от Пасхи), которая знаменовала также переход к лету, - ходили в луга и леса. Сообща украшали церкви и дома молодой растительностью, березками. Основными исполнителями коллективных обрядовых действий были девушки и женщины. В конце XIX в. кое-где еще сохранялись старинные женские сборища на Семик, который приходился на четверг перед Троицей и отмечался пирушкой. Девушки с песнями ходили в лес заплетать венки, заламывать березу. Молодую березу иногда приносили в деревню, ходили с ней, а потом разламывали или бросали в воду. Кое-где до начала XX в. сохранялся обряд кумления девушек с поцелуями через венки. Такое своеобразное побратимство рассматривалось как духовное родство (Громыко, 1986. С. 182-183).

Летнее купальское общение сводилось к молодежным сборищам с зажиганием костров, играм с обливанием водой; иногда устраивали игры в "Похороны Костромы" или "кукушки", являвшиеся отголосками когда-то бытовавших обрядов.

Летние праздники и молодежные гуляния заканчивались на Петров день (29 июня ст. ст.). В предпраздничную ночь молодежь развлекалась до рассвета - "встречали солнце". Принято было собирать на ближайшей территории все, что не прибрано, озорничать. Многие шумели, пели, били в печные заслонки и т.п.

Жатвенные общественные обряды у русских не были так выразительны, как у украинцев и белорусов. Особое отношение к первому или последнему снопу реализовалось более всего в семейном быту, свидетельствуя о том, что в отдаленном прошлом оно выражалось в более развитых формах. Исключение составляли помочи-дожинки, когда обрядовая сторона совместной работы носила ярко выраженный массовый, коллективный характер (Громыко, 1986. С. 50-51).

Ко многим календарным праздникам приурочивались ярмарки; особенно много их было осенью. Ярмарки сопровождалась гуляниями, увеселениями, на которые выходили целыми семьями.

Общественное и семейное начало тесно переплетались и в праздновании так называемых престольных дней - праздников в честь патрона местной церкви. Кроме

религиозной стороны праздников (посещение церкви, хождения на кладбище, иногда мирского молебствия и т.п.), основным моментом являлось большое деревенское гулянье. Во многих местах к этим дням было принято варить пиво общим котлом, закалывать быка - обычай, восходящий к общинным коллективным трапезам. Помимо родственников и знакомых, съезжавшихся к празднику, в домах угощались и посторонние - так называемая сторона, - которые считались общими гостями. Престольные праздники часто называли пивными днями.

Во всех праздниках с середины XIX к началу XX в. происходят существенные изменения. Сокращается сфера стихийного праздничного общения по половозрастным группам, возрастает значение социального отбора партнеров по развлечениям, усиливается зрелищная сторона праздничных гуляний (особенно в городе - с созданием зрелищной индустрии), способствуя увеличению числа пассивных зрителей и уменьшению числа активных участников празднества.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРАЗДНИКИ

РАЗВИТИЕ РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ

Праздничный календарь русских на протяжении их многовековой истории не был стабильным, раз и навсегда данным. Каждая историческая эпоха накладывала на него свой отпечаток, внося в праздничный быт народа что-то свое, новое. Наиболее заметные изменения он претерпел трижды - после крещения Руси, в период петровских преобразований и после крушения самодержавия, т. е. в переломные периоды в истории русского народа.

Первыми, еще в глубокой древности, возникли праздники, связанные с земледельческим календарем предков восточных славян. Начинаясь в декабре, когда солнце "поворачивается на лето", предвещая скорое пробуждение кормилицы матери-земли от зимнего сна, и заканчиваясь осенью, с завершением уборки урожая, праздники составляли целостный календарный цикл. Отсюда и принятое в науке их название - календарные или праздники народного календаря. В отличие от праздников, появившихся в более поздние времена, они имели преимущественно магический характер. Их цель - обеспечить здоровье людям и лад в семье, хороший урожай полевых и огородных культур, богатый приплод домашней живности (см. ниже "Календарные праздники и обряды").

В конце X в. вместе с принятием христианства на Руси появились и новые праздники - церковные (христианские, православные, религиозные). Они были посвящены наиболее значительным событиям священной истории, особо чтимым христианским святым, чудотворным иконам. Сопровождаемые торжественными красочными богослужениями, христианские праздники призваны были усилить эмоционально-психологическое воздействие церкви на прихожан и способствовать утверждению в народе православия. Значительная их часть приходилась на те же дни (или близкие к ним), что и древнерусские календарные празднества. Так, Пасха слилась с многодневным весенним празднеством древних славян, которое с помощью жертвоприношений и различных магических обрядов должно было обеспечить обильный урожай и приплод скота, благополучие в семьях. Праздник Рождества Христова соединился в то время с древнеславянским праздником, посвященным зимнему солнцевороту. Рождество Иоанна Предтечи — с древним

праздником Купалы, Троица - с Семиком, знаменовавшим окончание весенних полевых работ (пахоты и сева). Культ Ильи Пророка (и его праздник) совместился с культом древнеславянского Перуна - бога грозы (грома), высшего бога в пантеоне Киевской Руси. Успение, пришедшее на время окончания уборки хлебов, впитало в себя ряд дохристианских обрядов и обычаев славян, связанных с завершением жатвы, и т. д. Однако и содержание, и форма (ритуалы), и психологическая тональность, эмоциональный настрой церковных праздников были совершенно иными, чем в древнерусских календарных праздниках. В праздничные дни, включая и воскресные, верующим предписывалось "оставлять свои житейские дела* и служить одному Богу", для чего они обязаны были приходиться в церковь для общественной молитвы и "для научения вере и добрым

* В церковные праздники запрещалась любая работа. Существовала даже пословица: "В праздник пашеньку пахал, в будни лошадь проискал", т. е. Бог наказывает того, кто нарушает его заповеди.

делам", а по выходе из церкви заниматься различными богоугодными делами (домашней молитвой, уходом за больными, утешением скорбящих и т. п.). "А который христианин, - писал в 1871 г. священник П. Красовский, - праздничные дни употребляет на празднословие, на пересуды, на пьянство, на распутство, на нескромные игры, на кулачные бои и на другие непотребные дела, тот мало того, что нарушает праздники Господни, а еще оскверняет их, и вместо Бога служит дьяволу, вместо спасения губит душу свою" (Красовский. С. 570, 572, 573).

Но верные заветам старины русичи не торопились расставаться со своими исконными праздниками, сопровождавшимися разнообразными увеселениями: играми, хороводами, песнями, плясками, ряжением, игрой на сопелках и дуделках, зажиганием костров и другими "бесовскими занятиями". Понадобилось не одно столетие, чтобы православные праздники, сформировавшиеся в иных социальных условиях и на чуждой русским этнокультурной почве, вобрав в себя различные элементы древнерусских дохристианских празднеств, переосмысленных православной церковью, приобрели новую этническую окраску и стали доминирующими в праздничной культуре русского народа, сначала горожан, а затем и сельских жителей. Однако полностью вытеснить из народной памяти древние обычаи, обряды и верования церковь так и не смогла, хотя в борьбе с ними она использовала достаточно широкий арсенал средств - от "обличительных слов" до физической расправы с участниками "бесовских игрищ и гульбищ" (см., например: Рождественский Н.В. С. 24-27; Белкин. С. 56, 74, 79, 88-91, 94-98). Даже в конце 1860-х годов, т. е. спустя почти девять веков после крещения Руси, по свидетельству современников, народ в некоторые дни часто наряду с церковными совершал и свои "заветные празднества, сопровождаемая их особенными обрядами, основания и мысль которых противны духу христианской веры" {Поспелов. С. 337}. Отдельные реликты древнерусских празднеств сохранились в народном праздничном быту и до наших дней (см. ниже "Календарные праздники и обряды").

По объекту прославления православные праздники подразделяются на Господни, Богородичные, в честь святых и "бесплотных сил" (мира ангельского). По времени проведения - на неподвижные (непереходящие), за которыми закреплены особые дни (числа) в церковном календаре, и подвижные (переходящие), перемещающиеся по календарю в зависимости от не имеющей твердой даты Пасхи - главного, наиболее почитаемого общехристианского праздника ("праздника всех праздников"). По степени торжественности (видам богослужения) различают великие, средние и малые праздники, по масштабам празднования - общие и местные. Первые отмечались одинаково

торжественно во всех православных храмах, вторые - в некоторых.

К великим праздникам относятся двенадцатые и пять не двенадцатых. Среди двенадцатых праздников три подвижных: Вход Господень в Иерусалим - за неделю до Пасхи (Вербное воскресенье), Вознесение Господне (Вознесение)* - в 40-й день по Пасхе и день Святой Троицы, Пятидесятница (Троица) - в 50-й день по Пасхе. Неподвижные великие праздники: Крещение Господне, Богоявление (Водокрещи, Иордань) - 6(19) января; Сретение Господне (Сретение) - 2(15) февраля; Благовещение Пресвятой Богородицы (Благовещенье) - 25 марта (7 апреля); Преображение Господне (второй Спас, Спас на горе, средний Спас, Спас яблочный) - 6(19) августа; Успение Пресвятой Богородицы (Успенье, Успенщина) - 15(28) августа; Рождество Пресвятой Богородицы (Малая Пречистая, Спожа, Аспосов, Пасиков, Луков день и др.) - 8(21) сентября; Воздвижение Честного Креста Господня (Вздвиженье, Вздвиженьев день) - 14(27) сентября; Введение во храм

* В скобках дано бытовое, народное название праздника.

Пресвятой Богородицы (Введенье) - 21 ноября (4 декабря) и Рождество Христово (Рождество) - 25 декабря (7 января).

Великие, но не двенадцатые праздники: Обрезание Господне - 1(14) января; Рождество Иоанна Предтечи (Иванов день, Иван Купало, Купало) - 24 июня (7 июля); день святых первоверховных апостолов Петра и Павла (Петров день) - 29 июня (12 июля); Усекновение главы Иоанна Предтечи (Иван постный, Иван полетный, полеток) - 29 августа (11 сентября) и Покров Пресвятой Богородицы (Покров) - 1(14) октября.

Двенадцатые праздники (кроме подвижных) имеют так называемые предпразднества и попразднества. Предпразднества - дни, предшествующие празднику. Создавая определенный психологический настрой, они подготавливают верующих к его встрече. Все двенадцатые праздники, за исключением Рождества и Богоявления, имеют по одному дню предпразднества. Рождество Христово - 5 и Богоявление - 4 дня. Попразднества - дни, составляющие продолжение двенадцатых праздников. Число таких дней колеблется от одного до восьми в зависимости от степени близости одних двенадцатых праздников к другим или к посту. В дни предпразднеств и попразднеств в храмах наряду с молитвами и песнопениями в честь отмечаемых в эти дни дат церковного календаря прославляются и события предстоящего или прошедшего двенадцатого праздника. Наиболее торжественны богослужения дня отдания праздника - последнего дня попразднества. Содержание и ритуал церковных праздников (особые для каждого из них) были едины на всей территории России (Булгаков, 1994. С. 24—91, 111-112, 120-128).

"Сколько дней у Бога в году, столько святых в раю, а мы, грешные, им празднуем", "У Бога всегда праздник. У Бога, что ни день, то праздник" - говорили в народе (Даль, 1957. С. 779, 821). Однако в реальной жизни отмечались далеко не все церковные праздники. И отношение к ним не всегда определялось их местом в церковной иерархии. Например, на некоторых фабриках Московской губернии в первой половине 1880-х годов в число праздничных дней не входили два двенадцатых Богородичных (Рождество Пресвятой Богородицы и Введение во храм Пресвятой Богородицы) и один великий (Рождество Иоанна Предтечи) праздник. На зато на всех без исключения 174 обследованных фабричным инспектором фабриках не работали на Николу Зимнего и в Ильин день (Янжул. С. 47), на которые приходилось особенно много престольных праздников. На фабриках Иваново-Вознесенска до конца XIX в. работы не велись в дни Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (7 января) и апостола и евангелиста Иоанна Богослова (8 мая). Среди текстильщиков Центрального промышленного района было широко распространено празднование Никитина дня (15 сентября)**. Отмена его

администрациями фабрик в 1910-е годы вызвала большое недовольство среди рабочих.

Во многих селах Котельничского уезда Вятской губернии в середине XIX в. одним из наиболее почитаемых праздников был Недостов день (искаженное Модестов), справлявшийся, как правило, ранее установленного церковью дня свт. Модеста архиепископа Иерусалимского (18 декабря), считавшегося в народе покровителем рогатого скота. В одном селе его всегда отмечали в первое воскресенье после Покрова, в другом - в один из следующих за ним воскресных дней, в третьем - за три недели до Филиппова Заговенья... Самым поздним сроком празднования Недостова дня было 8 декабря - Михайлов день. По всей вероятности мы встречаемся здесь с отголосками какой-то древней местной традиции.

* В день Усекновения главы Иоанна Предтечи Православная церковь установила однодневный пост.

Отсюда и эпитет "постный" в народном названии праздника.

* Великомученик Никита считался покровителем гусей и в народе его называли Никита-гусятник.

Характерно, что праздник этот отмечался преимущественно в старых селах Котельничского уезда, где он знаменовал окончание всех полевых работ и срока найма страдков - работниц, взятых на время полевой страды (Глушков. С. 50-52). Подобного рода праздников, приуроченных к различным датам церковного календаря, отмечающихся жителями отдельных сел, волостей, городов, слобод и даже улиц, в России существовало огромное множество (см. ниже "Местные праздники").

В течение семи веков (XI—XVII) монополия на формирование праздничного календаря и устройство праздничных церемоний принадлежала церкви. Утрачена ею она была лишь в первой четверти XVIII в., когда в ходе петровских преобразований Русская православная церковь с заменой патриаршества Синодом была включена в систему абсолютистского государства. Но и в эпоху петровских реформ, и позже - вплоть до отделения церкви от государства в советский период, все праздники в России, в том числе и гражданские (светские), как правило, отмечались торжественными богослужениями и другими церковными ритуалами. Но не будучи основой содержания, идеологическим стержнем новых государственных и иных праздников они со временем превратились в освященную традицией их официальную часть.

В эпоху Петра I, для которой была характерна крутая ломка традиционного быта, резко активизировались начавшиеся еще в XVII в. процессы европеизации и модернизации русской праздничной культуры и усиление в ней светского, гражданского начала, получившего дальнейшее развитие в последующие годы. Однако петровские преобразования затронули в основном представителей высших слоев общества, главным образом жителей обеих столиц. Лишь спустя годы они стали распространяться сначала на губернские, а потом уездные и другие города, захватывая все более широкие слои населения. Нечто подобное имело место и после принятия христианства. Правда, тогда изменения были кардинальнее и происходили неизмеримо медленнее.

Если в древней и средневековой Руси праздничная культура господ и простолюдинов, города и села развивалась в одном русле, и различия между ними не имели принципиального характера, то с переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму они все более отдалялись и отличались друг от друга. К концу XIX в. хранителем традиционной праздничной культуры оставалось преимущественно крестьянство, хотя и у него она в XVIII и, особенно, в XIX - начале XX в. претерпела

существенные изменения. Утратив наиболее архаические черты, праздничная культура крестьян обогатилась новыми элементами, как заимствованными у господ и горожан, так и рожденными самой жизнью.

Истоки многих праздников, появившихся и утвердившихся в России в XVIII-XIX вв., восходят к петровскому времени. Именно тогда была заложена, например, традиция встречи гражданского Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, как это было принято в Европе. Ранее, до 1492 г., гражданский Новый год в России начинался 1 марта. А потом в течение более 200 лет он совпадал с церковным и приходился на 1 сентября - день Симеона Столпника (Семена-Летопроводца). Празднование новолетия открывалось вечерней службой 31 августа, после которой совершалось "молебное пение по новолетию, а иногда и Симеону Столпнику". В полночь церковный колокол возвещал о наступлении Нового года. Кульминацией новогоднего праздничного богослужения и новогоднего праздника в целом, по крайней мере в XVII в., было так называемое "действие нового лета или многолетнего здравия" (другое название - "чин препровождения лету"). Отправлялось оно на площади перед храмом между утреней и обедней (по одним источникам - на рассвете, по другим - в полдень) при огромном стечении народа. Особенно торжественно "действие многолетнего здравия", начинавшееся крестным ходом, проходило в Москве на Ивановской площади Кремля. Главными действующими лицами в нем были патриарх и царь. Завершалось действие провозглашением царем здравицы народу и ответной здравицей ему на многие лета. За обменом благопо-желаниями между царем и народом следовали раздача царских пирогов приближенным и царской милостыни (денег) народу, а также прием принесенных царю челобитных*. Заслышав благовест к обедне, собравшиеся расходились по своим приходским церквям. А после обедни навещали старших в роду, поздравляя их с наступлением нового года.

Сентябрьское новолетие, начинавшее "круг церковный", приравнивалось в допетровской Руси к великим праздникам. И потому благочестивые люди считали своим долгом в первый день сентября не только побывать на всех богослужениях, но и помочь бедным, сирым, больным и убогим. С этой целью посещали странноприимные дома и остроги, посылали туда милостыню и всякого рода кушанья, в том числе и разные хлеба (калачи, пироги, пряники и пр.), раздавали милостыню нищим, одаривали деньгами, одеждой, пищей бедняков (Баженов. С. 47-49; Сахаров И.П., 1885. С. 119-121; Терещенко. Т. IV, ч. VII. С. 93-101; Владимирские губ. вед. 1849. № 1.С. 1-2).

В последний раз обряд летопроеждения совершался 1 сентября 1699 г. А в декабре того же года указом Петра I были изменены и дата начала нового года, и порядок летосчисления, которое стали вести не от сотворения мира, а от Рождества Христова (как в европейских странах), и церемониал праздника, в значительной степени заимствованный у голландцев и немцев. Первый январский Новый год праздновался целую неделю с широким размахом, присущим петровской эпохе. По указу царя встречу нового года следовало всюду начинать в полночь не только торжественным молебствием с колокольным звоном, но и пушечной и ружейной пальбой. Велено было также по наступлении новолетия, т. е. 1 января, всем поздравлять друг друга с Новым годом и "столетним веком" (Петр I ошибочно посчитал 1700 год началом XVIII в.).

В Москве празднование новолетия проходило по более сложному сценарию. Наряду с богослужениями, провозглашением традиционного многолетия царю (под аккомпанемент колокольного звона, пушечной пальбы по всей Москве и трехкратного беглого ружейного огня войска, расставленного царем на Ивановской площади) и традиционных взаимных поздравлений с началом новолетия царя и народа в него вошли и необычные для русского новогоднего празднества действия светского характера. Среди них - званый обед в царском дворце для высшего духовенства, знатных русских и иностранных особ, угощения для народа (различные кушанья, пиво и вино), выставленные перед дворцом и Триумфальными воротами, вечерний бал и ужин во дворце.

Новшеством было и распоряжение украсить к празднику большие проезжие улицы и

дома именитых людей деревьями и ветвями сосны, ели или можжевельника, "а людям скудным хотя по древу или ветви над воротами или над хороминами своими поставить", и требование ежедневно с 1 по 7 января "по ночам огни зажигать из дров или хвороста, или из соломы; а где мелкие дворы, - собравшись по пяти или шести дворов так ж огонь класть, или, кто похочет, на столбиках по одной или по две или по три смоляные и худые бочки, наполняя соломою или хворостом зажигать". Нововведением было и обязательное устройство в течение недели в разных частях города красочной иллюминации, "прозрачных" картин, "потешных" огней и фейерверков, сопровождавшихся пушечными выстрелами {Степанов Н.П. С. 9-10; Терещенко. Т. IV, ч. VII. С. 96-103}.

В годы правления Петра I стали устраивать с невиданной прежде пышностью и участием огромного числа людей празднества по случаю военных побед России.

* 1 сентября было судным днем, когда каждый в поисках справедливости мог лично обратиться за помощью к царю.

Обязательным компонентом их был торжественный марш войск по красочно убранным улицам Москвы, а потом и Петербурга, совершавших церемониальные прохождения через несколько специально сооружаемых к празднику "разукрашенных" триумфальных ворот (арок). Нередко по улицам вели пленных, везли трофейное оружие и проносили боевые знамена неприятеля. Эти шествия послужили основой для будущих военных парадов в России, которые приобрели особую популярность в XIX в. Значительно скромнее, чем сами победы, отмечались их годовщины.

В петровскую эпоху появились и полковые праздники (дни рождения полков и "дни одержанных побед"). Начинались они молебнами, за которыми следовал парад, а заканчивались товарищескими обедами. Эта традиция сохранялась вплоть до 1917 г.

С именем Петра I связано и рождение в России морских праздников, сопровождавших и победы на море, и спуск на воду новых кораблей. В годы правления Петра I утвердилась и заимствованная, по всей вероятности, от проживавших в Москве иностранцев встреча весны, приуроченная к 1 мая, - так называемая маевка и т. д.

Гражданские праздники петровской эпохи сопровождались общественными развлечениями светского характера - грандиозными фейерверками с аллегорическими картинками, прославлявшими победы русского оружия и превращение России из сухопутной державы в морскую; артиллерийскими салютами и иллюминацией; уличными маскарадами, которые, хотя и устраивались по образу и подобию европейского карнавала, но имели много общего с русскими скоморошьими играми и традиционным святочным и масленичным ряженьем русских. Неотъемлемой составной частью этих праздников были и многодневные народные гулянья с угощением народа (Семенова Л.Н., 1982. С. 206-211).

Гражданские праздники первой четверти XVIII в. по содержанию и тональности отличались от церковных не меньше, чем те в свое время от древнерусских дохристианских праздников. Новые праздники, вызванные к жизни значительными событиями современности или запросами времени, призваны были поднимать боевой дух народа, способствовать закреплению проведенных в стране преобразований, воспитанию у россиян новых традиций, приобщению их к европейской культуре. Основная тональность праздников петровского времени - безудержное, не знающее границ веселье, ликование - была близка к тональности традиционных народных празднеств.

Процесс создания гражданских праздников и новых праздничных ритуалов и традиций, столь бурно протекавший в петровскую эпоху, в последующие десятилетия XVIII в., а также в XIX - начале XX в., шел эволюционным путем, без революционных преобразований праздничного быта. Постепенно в него вовлекались новые, все более широкие слои населения. В связи с активизацией общественной жизни в условиях развития капиталистических отношений инициаторами учреждения новых праздников,

особенно со второй половины XIX в. все чаще выступали различные общественные объединения - сословные, корпоративные, профессиональные и прочие, а иногда даже отдельные лица.

Новые праздники помимо обязательного церковного ритуала, начинавшего их (чаще всего молебен или панихида, иногда еще водосвятие или крестный ход, реже - то и другое), имели значительно большую по объему и разнообразную по форме и содержанию светскую часть, порой занимавшую 2-3 дня. Это могли быть: торжественные собрания (заседания) с докладами, речами, приветствиями (на всевозможных юбилеях); открытие приуроченных к празднику (юбилею) различных выставок; балы, концерты и спектакли для взрослых, утренники для детей; званые и товарищеские завтраки, обеды и ужины; с конца XIX в. - порой еще и спортивные состязания и т. д. Некоторые праздники, например, юбилеи городов и известных литераторов, торжества по случаю открытия различных памятников нередко бывали разовыми мероприятиями. Но тем не менее и они имели особый, в своей основе общий для всей России церемониал, постепенно совершенствовавшийся. Как правило, подобные праздники проводились в воскресные дни по заранее разработанному плану, утвержденному в верхах, иногда самим царем. Светская часть их обычно была как бы двухслойной - разной для представителей образованных слоев городского населения и простонародья. Первые - инициаторы и главные действующие лица гражданских праздников - активно участвовали в разнохарактерных и разномасштабных праздничных действиях - от торжественно-официальных и культурно-просветительных до сугубо увеселительных. Вторые - толпа, обреченная на роль статистов, - зачастую довольствовались набором стандартных развлечений для народа, дополнявшихся порой бесплатным угощением или раздачей памятных подарков (платки, косынки, кружки и т. п.).

Индустрия так называемых ярмарочных или развлечений для народа сложилась в России в основном к концу XVIII в. В XIX - начале XX в. городская и сельская ярмарочная площадь предлагала своим посетителям широкий выбор увеселений. Корни многих из них уходили в средневековую Русь, в искусство скоморохов. Неизменный популярностью пользовались в народе выступления кукольников (вертеп, театр марионеток и Петрушки) и сергачей - бродячих поводырей с учеными медведями - выходцев из Сергачского уезда Нижегородской губернии; разного рода представления в балаганах-театрах, цирк, а также панорама, диорама и раек, показ картинок в которых сопровождался остроумными рифмованными присказками их владельцев. На ярмарочной и праздничной площади можно было побывать в музее восковых фигур, познакомиться с различными монстрами (женщина-рыба, женщина-паук, теленок с двумя головами и т. п.), покататься на разнообразных качелях и каруселях, спуститься с катальных гор, на рубеже XIX-XX вв. преобразованных в так называемые американские горы, посетить другие аттракционы.

Обязательной принадлежностью народных гуляний была широкая торговля сладостями, фруктами, мороженым, разного рода напитками, продававшимися и в специально сооружаемых к празднику (ярмарке) палатках и шалашах, и вразнос. На больших гуляньях, проходивших за городом (у монастырей, в рощах, на полях), как правило, устанавливался так называемый колокол - высокий парусиновый шатер в виде колокола, увенчанный флагом, в котором продавалось "зелено вино". Подобные увеселения и развлечения (в разном ассортименте) сопровождали городские народные гулянья во время различных праздников, а также сельские и городские ярмарки на всей территории расселения русских (Куприянов. С. 139-140; Некрылова. С. 17-37; Рабинович, Очерки... 1978. С. 122-125).

Однако не все новые праздники, учреждаемые, как правило, с самыми добрыми намерениями, были долговечными. Так, обреченной на неудачу оказалась попытка ввести в России по примеру Западной Европы школьный праздник древонасаждения, заимствованный из США. Впервые он был проведен 16 апреля 1898 г. в Харькове

(Сумцов, 1898. С. 56-58). Через два года подобный праздник состоялся уже во всех городах, селах и станицах Терской области, а также в некоторых селах Ярославской губернии, но в последующие годы сведения о нем исчезают из периодической печати. Отсутствуют они и в полевых материалах, собранных этнографами в различных регионах России. Все это явно свидетельствует о том, что школьный праздник древонасаждения не вошел в быт. Одной из основных причин отторжения нового праздника, возможно, послужила излишняя "заорганизованность" его, на что обращали внимание современники.

А вот упоминавшаяся ранее маевка стала неотъемлемой частью праздничного быта сначала жителей обеих столиц, а затем многих губернских и уездных городов, а также ряда промышленных сел и заводских поселков Европейской части России, Урала и Сибири. Будучи местным праздником, 1 Мая официально, по календарю, было рабочим днем. Там, где его праздновали, этот день считался полупраздником и большинство горожан работало только до обеда. После двух часов дня, если позволяла погода, значительная часть их, взяв с собой закуску и выпивку, а кое-кто еще и самовар, а также гармони, гитары, балалайки, отправлялись семьями, а молодежь - дружескими компаниями "на природу" встречать весну, где и веселились до позднего вечера. В каждом городе маевка, как и любое народное гулянье, справлялась в одном и том же месте.

Особую известность приобрели наиболее старые и самые многолюдные московские и петербургские первомайские гулянья, введенные еще Петром I. В Москве с 1730-х годов они устраивались преимущественно в Сокольниках (в XIX в. - иногда в Марьиной роще, а в конце XIX - начале XX в. ~ еще и в Петровском парке), в Петербурге до конца 1880-х годов - в Екатерингофском парке. В столичных, как впрочем и в других первомайских гуляниях, участвовали представители всех сословий. Каждый отмечал встречу весны по-своему. Для людей богатых маевка служила, как иронически писала в 1910 г. одна из московских газет, поводом лишний раз продемонстрировать себя, свои туалеты, свой выезд перед теми, кто соберется смотреть традиционный майский "разъезд" - катание на лошадях, аналогичное масленичному (Вечерний курьер. 1910. № 16. С. 3).

В 1890-е годы в России, в среде политически активных рабочих появилась еще одна маевка - нелегальная. Будучи самой ранней у нас формой празднования Международного дня солидарности трудящихся, она получила свое название от традиционной маевки-пикника, которую стали называть семейной маевкой.

В разные годы Первомай в России отмечался по-разному, в зависимости от политической обстановки в стране и накопленного рабочими арсенала форм политической борьбы. На воле празднование 1 Мая могло вылиться в нелегальную маевку, забастовку, митинги и демонстрации, устраивавшиеся в ближайшее воскресенье к 1 Мая; в тюрьме — в массовое исполнение революционных песен, в том числе и первомайских, вывешивание в окнах тюремных камер красных "флагов" (рубаха, шарф, платок) и т. п. К 1905 г. обычай празднования нового, рабочего 1 Мая, уже утвердился в быту политически активных рабочих и стал заметным явлением в общественной жизни России. После 1917 г. рабочий Первомай вошел в число первых советских государственных праздников. Функции же традиционной семейной маевки перешли ко 2 мая.

Судьба январского нового летня, как гражданского праздника, в отличие от маевки складывалась непросто, по-разному в городе и сельской местности, чему в немалой степени способствовала его календарная приуроченность, а также особенности механизма формирования новых праздников в городской и сельской среде. В первой преобладала ориентация на новацию, во второй - на традицию.

С переносом начала нового года на 1 января гражданский Новый год впервые после крещения Руси совпал с новолетием солнечного народного земледельческого календаря, что и определило его судьбу в праздничном быту крестьян и связанных с ними кровными узами городских низов. Как известно, в процессе христианизации Руси древнерусские празднества, сопровождавшие поворот солнца на лето, вошли в рождественско-крещенский цикл крестьянского календаря, так называемые Святки (святые дни),

установленные Православной церковью в память рождения и крещения Иисуса Христа (см. о них ниже - "Календарные праздники и обряды"). Разделив Святки на два периода: святые (25-31 декабря) и страшные (1-5 января) вечера, петровский праздник Нового года стал их органической частью. Одновременно он наложился на два церковных праздника, отмечаемых 1 января: Обрезание Господне и день памяти одного из отцов Церкви - святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, считавшегося в России еще и покровителем свиней и свиноводства, почему и называли его порой "Василий-свинятник". В народном календаре первый день января известен как Васильев день, хотя он имел и другое, в XIX в., когда начался активный сбор этнографического материала, менее распространенное название - свиной праздник, которое, возможно, было изначальным, дохристианским наименованием этого дня. Думается, что и "специализация" святителя Василия Великого на Руси, и прикрепление к его имени определения "свинятник" - результат поглощения православным праздником предшествовавшего ему древнерусского, приходившегося на 1 января и сопровождавшегося культовым жертвоприношением и съеданием свиньи. Следы их еще в XIX в. обнаруживались в некоторых явно архаичных обрядовых действиях, сопутствовавших в отдельных регионах России закалыванию свиньи под Новый год и приготовлению из нее ритуальных блюд для новогодней трапезы**, а также в некоторых приуроченных к Васильеву вечеру (31 декабря) и Васильеву дню обычаях и обрядах, призванных предугадать будущее и попытаться воздействовать на него (Л-ин. С. 531-533; Чичеров. С. 73-80, 88,91-96 и др.).

Народное празднование январского Нового года, ставшее частью Святков, разумеется, не имело ничего общего, за исключением богослужений и поздравлений с Новым годом, с учрежденным Петром I праздником гражданского Нового года. Видимо, поэтому среди советских этнографов утвердилось мнение, что в дореволюционной России крестьяне Новый год не праздновали.

А между тем еще А.В. Терещенко - автор первого в России свода материалов по духовной и материальной культуре русских - писал в 1848 г.: "Поселяне равномерно встречают новый год поздравлениями, и канун его провожают пирушками. В Орловской губернии, под новый год, режут годовалого поросенка и жарят. Вечером садятся за стол и всего непременно съедают... Вменяют всем в обязанность пить во время ужина водку, чтобы прогнать старый год" (Терещенко. Т. IV, ч. VII. С. 101). Как бы перекликаясь с ним, известный исследователь народного быта Сибири конца XIX - начала XX в. А.А. Макаренко спустя почти семь десятилетий сообщал: «Новый год... ожидается деревенским населением Сибири

* Страшными они назывались потому, что в это время по народным поверьям нечистая сила становилась особенно опасной. Православная церковь в эти дни готовилась к одному из наиболее торжественных и любимых в России двенадцатых праздников - Крещению Господню, предпразднество которого начиналось со 2 января.

* Чаще всего это был зажаренный целиком поросенок, так называемый кесаретский (от названия праздника в честь Василия Кесарийского). Реже - жареная или вареная свиная голова и другие блюда из свинины, (см. с. 622 настоящей книги).

как Феникс, чреватый различными перспективами, радостными и горестными, не выходящими, впрочем, за пределы общежитейских интересов и желаний. И новый год, или, как называют, "Васильев день", празднуется поголовно и повсеместно» (курсив мой. - Н.П.) (Макаренко, 1993. С. 37 и след.). О праздновании Нового года крестьянами свидетельствуют и многочисленные заметки в местных газетах середины XIX - начала XX в. Все это дает основания утверждать, что крестьяне праздновали Новый год, но не так,

как царь велел, и не так, как состоятельные горожане, а по-своему, в соответствии с многовековой традицией празднования Святков, одним из компонентов которых стал гражданский Новый год.

В городе он был преимущественно праздником "благородного общества" и даже в начале XX в. все еще оставался в большей мере общественным, чем семейным праздником. В конце XIX - начале XX в. многие представители привилегированных групп городского населения встречали Новый год в различных сословных клубах и собраниях, откуда большинство после провозглашения обязательного тоста за здоровье государя императора торопились разойтись по домам или ресторанам, чтобы продолжить встречу Нового года с родными или друзьями. К концу XIX в. обычай встречать Новый год в кругу друзей и единомышленников стал распространяться и среди рабочей аристократии и молодых рабочих, вовлеченных в революционное движение. Те и другие переняли его у контактировавших с ними представителей демократической интеллигенции. На рубеже XIX-XX в. во многих городах Черноземья, а возможно и в других регионах России, стала входить в обычай встреча Нового года в храмах, куда на праздничное богослужение собирались "толпы молящихся всех классов населения, всех возрастов и-разнообразных характеров и направлений", чтобы помолиться "о ниспослании благополучного года" (Курские губ. вед. 1901. X° 17. С. 2; Воронежский телеграф. 1912. № 1. С. 4 и №2. С. 2).

Возможно уже к концу XVIII или в начале XIX в. в городах, по крайней мере губернских, сложилась традиция 1 января по окончании утреннего богослужения, на котором обязательно присутствовали местные власти, наносить праздничные визиты с поздравлениями сильным мира сего и друг другу. С середины XIX в. эти визиты стали постепенно заменяться денежными пожертвованиями на различные благотворительные цели или общим съездом в сословных собраниях и клубах для взаимных поздравлений. То же самое происходило и на Рождество, и на Пасху. В XIX - начале XX в. 1 января для "благородных" во всех российских городах устраивались днем торжественные приемы (губернаторами, предводителями дворянства, земскими начальниками и другими официальными лицами), а вечером - балы (нередко костюмированные)*. Проводились они не только в различных собраниях и клубах, но и в театрах. Там, где имелись воинские гарнизоны, после утреннего молебствия бывал "парад войскам местного гарнизона", собиравший многочисленных зрителей. Городские низы в массе своей не выделяли празднование Нового года из святочного цикла и отмечали его традиционными гаданиями и молодежными вечеринками, а также, разумеется, посещением церковных служб (Анохина, Шмелева, 1977. С. 285-286; Куприянов. С. 123-124; Московская иллюстрированная газ. 1892. № 2. С. 2; Курские губ. вед. 1901. № 2. С. 1 и др.).

Большинство гражданских праздников становилось достоянием праздничного быта не всех горожан, а главным образом представителей отдельных сословных, корпоративных или профессиональных групп. Так, не стал общенародным Татьянин день - праздник Московского университета, названный Львом Толстым праздником просвещения, хотя круг лиц, отмечающих его, постоянно расширялся и уже

* В начале 1900-х годов балы и маскарады устраивались и 31 декабря (Северный край, Ярославль. 1900. 29 дек. С. 3; Там же. 1902. 3 янв. С. 3. Городская хроника).

к середине XIX в. из праздника студентов и профессоров Московского университета Татьянин день фактически превратился в праздник российской интеллигенции. Свое название он получил в память о дне утверждения акта об учреждении первого российского университета, которое произошло в Татьянин день (12 января ст. ст.). Из года в год первый в России студенческий праздник начинался торжественным богослужением в университетской церкви, отмечавшей в этот день свой храмовый праздник. По

окончании службы в актовом зале открывалось годовое заседание. Первым на нем выступал ректор или наиболее уважаемый профессор, затем сообщались "краткие извлечения" из университетского отчета за прошедший год, после этого следовало вручение золотых и серебряных медалей, а также именных премий, присужденных студентам и выпускникам университета разными факультетами "за сочинения на заданные темы". Завершался торжественный акт государственным гимном ("Боже, царя храни") в исполнении военного оркестра.

После ухода официальных лиц, среди которых был и Московский генерал-губернатор, оркестр по просьбе студентов обычно играл "Гаудеамус", как бы служивший прологом к неофициальной части праздника. Распевая свой гимн, студенты группами покидали здание университета и отправлялись завтракать в свои излюбленные пивные, трактиры и рестораны "средней руки", расположенные у Никитских ворот и на Тверском бульваре. А с открытием сада "Эрмитаж" - в его ресторан, пользовавшийся популярностью у более обеспеченных студентов. На "завтраки" приходили и выпускники университета разных лет. Продолжались "завтраки" обычно до темна. После шести часов вечера улицы Москвы превращались в царство студентов: всюду толпы шумящей молодежи, все говорят друг другу "ты", братаются, переходят из одного значного места в другое. Многие на тройках, лихачах, извозчиках целыми компаниями вечером отправлялись в загородные рестораны "Яр" и "Стрельню", где гуляли до трех-четырех часов утра. Иногда, возвращаясь, студенты устраивали "факельные" шествия со свечами.

И за "завтраком" и за ужином произносилось множество торжественных речей во славу университета и его питомцев, перемежавшихся с хоровым исполнением песен, преимущественно студенческих. Чаще других звучала "Татьяна" - своего рода обрядовая песня студенческого праздника:

Да здравствует Татьяна, Татьяна, Татьяна!

Вся наша братья пьяна, вся пьяна, вся пьяна

В Татьянин славный день.

За запевом следовал вопрос, задаваемый "громовым" голосом; - А кто виноват? Разве мы?

На что хор отвечал:

- Нет! Татьяна!

Песня импровизационного характера, "Татьяна" постоянно пополнялась запевами, откликавшимися на злобу дня. Так, например, после обращения Л.Н. Толстого в январе 1889 г. к студентам Московского университета с призывом опомниться и не уподобляться пьяным мужикам в храмовые праздники в захолустных деревнях, в "Татьяне" появился запев:

Нас Лев Толстой бранит, бранит, бранит,

И пить нам не велит, не велит, не велит,

И в пьянстве обличает!.. А кто виноват?

Разве мы? -Нет! Татьяна!..

И все же призыв Льва Толстого несколько образумил и старших, и младших

участников Татьянина дня. По утверждению писателя Н.Д. Телешова, с той поры праздник московского студенчества изменился до неузнаваемости, хотя, судя по воспоминаниям современников, он и в последующие годы был весьма шумным и достаточно "пьяным". Но это уже характерная особенность студенческих праздников всех стран. Очевидно, в данном случае пьянство было в известном смысле ритуальным, своего рода символом "взрослости" юношей, демонстрацией их свободы, независимости от родительской и иной опеки (Иванов П. С. 284-288; Собинов. С. 30-31; Телешов. С. 300-302; Русские ведомости. 1864. № 7. С. 4-5; Москов. илл. газ. 1892. № 13. С. 2).

Нечто подобное происходило и в других российских университетах. Следует заметить, что годовщину Alma mater принято было отмечать и находясь вдали от нее. Судя по

сообщениям газет второй половины XIX - начала XX в., чаще всего бывшие питомцы того или иного университета в день его годовщины, собираясь на товарищеский обед, посылали поздравительные телеграммы юбиляру. Но порой взамен обеда устраивались благотворительные вечера или организовывалась "подписка" с целью сбора денег на пособия студентам из числа местных уроженцев, обучающихся в старейших российских университетах (см., например: Тобольские губ. вед. 1864. № 13. С. 103-104; Волжский вестн. 1886. № 7. С. 2; № 10. С. 2; № 44. С. 3; Олонецкие губ. вед. 1895. № 13. С. 10; Курские губ. вед. 1901. № 16. С. 4).

Корпоративными были и многочисленные заводские, фабричные, типографские и прочие (обычно годовые) праздники, учреждавшиеся владельцами предприятий. Примером подобного праздника может служить Касьянов день суво-ринской газеты "Новое время". Приуроченный к дню выхода ее первого номера (29 февраля 1876 г.), он устраивался раз в четыре года. Начинался Касьянов день благодарственным молебном в типографии, на котором присутствовали не только работавшие в ней наборщики, корректоры, печатники, ученики, но и служащие главной конторы и книжного магазина "Нового времени", а также издатель со своим семейством и многие члены редакции. После молебна А.С. Суворин устраивал для работников праздничный обед (собрание) в одной из кухмистерских Петербурга. Присутствовало на нем до 400 человек. Обед, начинавшийся в два часа дня, заканчивался лишь к восьми вечера. Сопровождался он не только многочисленными речами и тостами, но и игрой оркестра военной музыки. Приблизительно так же отмечались годовые праздники и юбилеи других издательств, типографий и многих промышленных предприятий. При этом обед мог заменяться выдачей денег на угощение, загородным пикником "с хлебом-солью", гуляньями и угощениями "от фабрики". Ученикам кое-где раздавали гостинцы. К юбилейным датам нередко приурочивали награждение старейших работников ценными подарками, памятными медалями, значками (жетонами) и т. п. Подобные праздники, призванные сплачивать трудовой коллектив в одну дружную семью, невзирая на табель о рангах, несомненно преследовали и еще одну, не декларируемую цель. Способствуя созданию мифа о единой семье работников, объединенных общими интересами, и добром хозяине - покровителе своих подданных, эти праздники должны были снимать напряжение, периодически возникавшее в отношениях между представителями администрации и рядовыми тружениками.

В предреволюционные годы в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Преобладали среди них церковные. Государственными праздниками (табельными днями) были: Пасха (четверг, пятница, суббота Страстной и вся Пасхальная неделя), все великие праздники, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24 июня), а также дни св. Николая Чудотворца (9 мая), перенесения мощей блгв. кн. Александра Невского (30 августа), преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября) и празднования Казанской иконе Божией Матери (22 октября). Неприсутственными (нерабочими) днями были также пятница и суббота масленичной недели. Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь январский Новый год и так называемые царские дни - дни восшествия на престол и коронации (коронования), дни рождения и тезоименитства (именин) царствующей четы, наследника цесаревича и его супруги, вдовствующей императрицы, а также прочих особ царствующего дома. В отличие от церковных праздников, сопровождавшихся не только официальными мероприятиями (литургия, крестный ход, водосвятие, иногда церковный парад и пр.) и общественными гуляньями, но и семейно-родственными гостеваниями, празднование царских дней носило преимущественно официальный характер. Города в эти дни принимали праздничный вид: на улицах сооружались живописные арки с изображениями вензелей императорских особ и их портретами. Ими же, разноцветными "национальными" флагами, гирляндами из зелени и цветных фонариков украшали и здания, особенно в центральной части городов.

Вечером устраивались народные гулянья, иллюминация, а в обеих столицах и губернских городах небо расцвечивалось огнями фейерверка.

При дворе царские дни отмечались парадом гвардейских войск, принимавшихся царем, "высочайшим" завтраком или обедом и балом. Среди подавляющего большинства горожан - посещением приходских храмов, в которых с утра служились молебны "о здравии императорских высочеств", а также созерцанием парада частей местного гарнизона ("парад царского дня"). Отсутствие кого-либо в церкви в такие дни воспринималось как свидетельство неблагонадежности. В сельской же местности празднование царских дней сводилось к посещению церковной службы. Видимо, не случайно в народе говорили: "Царский праздник не наш день, а государев" (Даль, 1957. С. 821). Пышные празднества устраивались также по случаю бракосочетания великих князей и княжен (см.: Курские губ. вед. 1850. № 35. С. 290; Самарские губ. вед. 1874. № 9. С. 2-3; 1880. № 17, 18, 19. С. 5, 4, 5; Сибир. газ. 1884. № 36. Стб. 879; Правительств, вестн. 1886. № 192. С. 3; Моск. илл. газ. 1891. № 187. С. 2; 1892. № 202. С. 3; № 241. С. 2; и др.).

Светская "струя", едва заметная в праздничной культуре русских в XVII в., постепенно расширявшаяся с эпохи Петра I, после 1917 г. превратилась в мощный "поток", смывший некоторые "пласты" православной и дохристианской праздничной культуры.

Советские государственные праздники, городские по происхождению, как и праздники петровского времени, родились как политические и идеологические. В силу этого их создание также было преимущественно организованным, целенаправленным процессом, хотя элементы стихийного творчества масс в нем несомненно присутствовали. Достаточно вспомнить получившие широкое распространение в 20-е годы театрализованные процессии, вкрапленные в колонны демонстрантов; разыгрывавшиеся на городских площадях и улицах массовые инсценировки, сюжеты которых черпались из событий недавнего прошлого; а также художественное оформление (убранство) городов и праздничных колонн (Поли-шук, 1987. С. 3-15; Будица, Шмелева, 1989. С. 213-215; Иникова, 1995. С. 299-302).

В формировании праздников советской эпохи наиболее продуктивными были 20-е и 60-е - начало 80-х годов (см.: Советские традиции... С. 208-212). Знаменем первых было революционное преобразование мира. Отсюда стремление отменить все устаревшее или казавшееся таковым и заменять его новым, соответствующим духу времени. 60-м - началу 80-х годов была присуща иная тенденция, в послевоенные годы получившая широкое распространение во всех промышленно развитых странах, - повышенный интерес, прежде всего городского населения, к национальным праздничным традициям и стремление возродить их, так называемый фольклоризм. С конца 80-х годов, после торжественного празднования 1000-летия крещения Руси, в России стала набирать силу новая тенденция -

* Дни рождения и именин последних праздновались в ближайшие воскресные дни.

реабилитация православных праздников, которые теперь столь же рьяно внедряются в быт, сколь в недавнем прошлом "выкорчевывались" из него.

Для первого послеоктябрьского десятилетия было характерно сосуществование старых (церковных и аграрных календарных) и новых (революционных) праздников, так называемых дней "красного календаря", который начал складываться уже в 1918 г. В начале декабря этого года "Правилами об еженедельном отдыхе и о праздничных днях" (Приложение к ст. 104 "Кодекса законов о труде") в соответствии с декретом об отделении церкви от государства были установлены новые государственные праздники Советской Российской Республики: 1 января - Новый год*, 22 января - день 9-го января 1905 г., 12 марта - день низвержения самодержавия, 18 марта - день Парижской Коммуны, 1 Мая - день Интернационала и 7 ноября - день пролетарской революции (Декреты Советской

власти. Т. IV. С. 190). 2 января 1919 г. постановлением Пленарного заседания Совета Профессиональных Союзов нерабочими, но не праздничными, были объявлены и дни пяти наиболее почитаемых праздников Православной церкви: 6 января** -Крещение Господне, 25 марта - Благовещение Пресвятой Богородицы, Пасха (пятница и суббота Страстной, понедельник и вторник Пасхальной недели), 15 августа - Успение Пресвятой Богородицы, 25 и 26 декабря - Рождество Христово. Это постановление узаконило сложившуюся в России в 1918 г. практику празднования дней церковного календаря, главным образом в городе - в государственных и культурно-просветительных учреждениях, в учебных заведениях, на промышленных предприятиях, в торговле.

Небезынтересно отметить, что в голодном 1918 г. жителям Петрограда, Москвы и некоторых других городов к пасхальным и рождественским праздникам выдавали "усиленные продовольственные пайки", об ассортименте и размере которых население заранее извещалось через местные газеты. В сельской местности праздничный календарь до начала 30-х годов (массовое закрытие церквей) не претерпел сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с дореволюционным периодом, хотя в быт крестьян с середины 20-х годов настойчиво внедрялись альтернативные праздники (например, Спас заменялся днем Плодов, Покров - днем Урожая). Впрочем, и после закрытия церквей в семьях верующих по-прежнему отмечались все двенадцатые, престольные и некоторые другие церковные праздники, особо почитаемые в той или иной местности. Семейную традицию нередко поддерживали и неверующие из уважения к обычаям отцов и дедов (Шмелева, 1995. С. 262-265,267-268).

В советский период праздничный календарь русских, как и других народов СССР, не был стабильным. Многие праздники, особенно ранние, из-за чрезмерной политизированности изначально обрекались на короткую жизнь. Мертворожденным "ребенком" был, например, день Революционного студенчества (21 февраля), учрежденный в 1924 г. в Москве в связи с 25-летием со дня первого революционного выступления российских студентов взамен традиционного для москвичей Татьянина дня. Недолговечными оказались и не связанные с какими-либо памятными датами достаточно широко отмечавшиеся в 1919 - начале 1920-х годов праздники Советской пропаганды, Древонасаждения, Электрификации, Скотоводства и т.п., создававшиеся по образу и подобию 1 мая и 7 ноября.

К десятой годовщине Октября число памятных дат и государственных праздников России по сравнению с узаконенными в декабре 1918 г. возросло более чем вдвое и достигло 13. Среди новых праздников, утвердившихся в те годы, было три международных и четыре советских: Международный день работниц и крестьянок (8 Марта), Международный день кооперации (первая суббота июля),

* Новый год перешел в "красный" праздничный календарь из дореволюционного.

** Все даты здесь даны по церковному календарю, т.е. по старому стилю.

Международный юношеский день - МЮД (первое воскресенье сентября), День Красной Армии (23 февраля), День печати (5 мая), День СССР (6 июля) и Праздник урожая - "праздник революции в сельском хозяйстве" (октябрь) (Померанцева Л.В.). Все они сохранились и в праздничном календаре конца 80-х годов. Правда, за шесть десятилетий, разделяющих их, названия отдельных праздников претерпели некоторые изменения, отражая перемены, происходившие в СССР и в мире. А два праздника были к тому же перенесены на другие дни.

Формирование советского праздничного календаря завершилось к середине 80-х годов. К этому времени в России насчитывались десятки гражданских праздников и различных памятных дней, чрезвычайно разнообразных как по общественному статусу

(всемирные, международные, всенародные, региональные, местные), так и по содержанию (общественно-политические, военно-патриотические, историко-мемориальные, профессиональные, трудовые, литературные, фольклорные и пр.) (см.: Советские традиции... С. 14-15, 80, 102-104, 142, 144 и др.)- Подавляющее большинство праздников отмечалось в определенные указами Верховного Совета СССР воскресные дни. А те, которые были "в числе", -зачастую в ближайшие к нему субботу или воскресенье. В 80-е годы лишь дни всенародных праздников, за исключением Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, были нерабочими.

По-разному сложилась судьба всенародных, главных праздников советского периода истории России. День "брежневской" Конституции, принятой 7 октября 1977 г., был лишь официальным праздником, чему в немалой степени, возможно, способствовала и его "молодость". Предшествовавший ему День "сталинской" Конституции, принятой 5 декабря 1936 г., в послевоенные годы среди части населения, главным образом городского, отмечался уже не только проведением официальных мероприятий, но и гостеванием, и молодежными вечеринками-складчинами.

Некоторые официальные мероприятия, предворявшие большинство советских праздников, например, выступления по радио и телевидению государственных и общественных деятелей, соответствующие публикации в периодической печати, тематические лектории, кинофестивали, художественные выставки и т.п. фактически выполняли те же функции, что и упоминавшиеся ранее предпразднества двенадцатых праздников. Как и последние, они призваны были создавать определенный психологический настрой в обществе - для каждого праздника свой. Завершающим актом этой подготовительной агитационно-пропагандистской работы, ее кульминацией, были торжественные собрания, проводившиеся в канун праздника. Эталонами для них служили заканчивавшиеся большими концертами мастеров искусств совместные торжественные заседания руководителей партии и правительства и представителей общественности Москвы. В 20-50-е годы они проходили в Большом театре, с начала 60-х годов - в Кремлевском Дворце Съездов. С распространением радио, а потом и телевидения аудитория этих праздничных вечеров все более расширялась. У миллионов русских, как впрочем и других народов СССР, незримое присутствие на торжествах в Москве довольно быстро вошло в обычай, ставший одной из характерных особенностей праздничного быта советского времени. Торжественные же собрания на местах, главным образом в небольших трудовых коллективах и учебных заведениях в послевоенный период постепенно стали превращаться в формальные мероприятия, проводимые для "галочки", и к 80-м годам утратили свою обязательность.

Празднование Первой и Годовщины Октября, как и 8 Марта и Дня Советской Армии и Военно-Морского флота, за годы советской власти не только укоренилось в общественном и семейном быту основной массы городского и сельского населения, но и наполнилось новым содержанием, в значительной мере утратив агитационно-пропагандистский характер, присущий ему в первые послеоктябрьские десятилетия.

В послевоенный период 8 Марта в массовом сознании стало восприниматься уже не как международный день борьбы трудящихся женщин за свои права, а как женский праздник, славящий труженицу, мать, хранительницу семейного очага. С 1965 г. оно стало нерабочим днем. К этому времени уже сложилась традиция 8 Марта дарить женщинам, девушкам и даже девочкам цветы и различные подарки, в том числе и всякого рода самоделки, любовно выполненные детьми в детских садах и школах. Вошло в обычай также посещение в этот день старших в роду женщин (с цветами, тортом, подарками) и устройство праздничных застолий не только дома, но и на работе (в канун 8 Марта или сразу же после него).

Не меньшую метаморфозу претерпел и День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Оставаясь в значительной степени корпоративным праздником военнослужащих (только для них 23 февраля всегда было нерабочим днем), он в послевоенные годы

постепенно начал приобретать черты всеобщего мужского праздника. 23 февраля "именинниками" стали себя чувствовать не только кадровые военные, солдаты и сверхсрочники, как то было в 20-30-е годы, но и те, кто когда-либо служил в армии. А таких при всеобщей воинской повинности в стране были миллионы. 23 февраля стали считать своим праздником и те, кто готовился к армейской службе и даже... потенциальные защитники Отечества, еще сидящие за школьными партами. Уже с середины 60-х годов, видимо, не без влияния 8 Марта, стал утверждаться обычай 23 февраля поздравлять с праздником едва ли не всех мужчин и делать им небольшие подарки. В городах он широко распространился среди разных слоев населения и не только в семейном, но и в производственном быту, а также среди учащихся. В начале 70-х годов 23 февраля, как и 8 Марта, даже первоклассники дарили друг другу подарки (самоделки, книги, игрушки, ручки и т.п.).

В семейном быту прочно укоренились также первомайские и октябрьские торжества, первоначально бывшие сугубо политическими праздниками. Как когда-то к Пасхе и престольным праздникам, к 1 Мая и 7 ноября в домах проводилась генеральная уборка, готовились праздничные блюда, пеклись пироги и торты, покупались и шились обновы. Во многих городских семьях считалось обязательным посещение демонстраций, с которых нередко возвращались с гостями. Гостей приглашали также днем или вечером в первый или на второй день праздника. Молодежь нередко собиралась в складчину. На май, если была хорошая погода, многие горожане выезжали за город. 2 мая всюду устраивались спортивные состязания.

Те, кто проводил утро первого праздничного дня дома, смотрели по телевизору передачу с Красной площади, где проходили главные торжества. Остальные могли "побывать" на ней вечером, поскольку парад и частично демонстрация обязательно показывались в вечерних информационных программах. Праздничные демонстрации и, особенно, парады (военный* и спортивный) вызывали большой интерес у значительной части горожан и сельских жителей разных регионов России, для которых "соучастие" в московских парадах и демонстрациях постепенно превратилось в традицию. Традиционными стали и народные гулянья, начинавшиеся с 6-7 часов вечера на центральных улицах и площадях городов, поселков, центральных усадеб колхозов и совхозов. 1 мая городские парки открывали летний сезон. Завершался праздничный день 1 Мая и 7 ноября салютом в Москве, городах-героях, а также в Калининграде, Ростове-на-Дону, Куйбышеве (Самаре), Свердловске (Екатеринбурге), Новосибирске, Чите, Хабаровске, Владивостоке и Североморске.

С середины 60-х годов в связи с введением второго выходного дня продолжительность первомайских и октябрьских праздников увеличилась. В значительной степени благодаря этому к ним стали переходить некоторые функции семейно-родственного общения, в прошлом присущие престольным праздникам и Пасхе. Как когда-то на Пасху и "престолы", так теперь на 1 Мая и 7 ноября в отчий дом нередко съезжались или сходились в разное время покинувшие его дети. Впрочем, многие, преимущественно жители небольших городов и сельской местности, навещали в эти дни родственников и друзей, живущих в крупных городах, где можно было веселее и интереснее провести праздники. Москва, Ленинград, областные центры привлекали и торжественным шествием многочисленных колонн демонстрантов, и красочным убранством центральных улиц, площадей, парков, и богатой, с выдумкой, иллюминацией, и праздничным салютом или фейерверком, и, наконец, массовыми народными гуляньями с концертами на открытых эстрадах, играми, танцами и т.п.

Начиная с 70-х годов широкую популярность стали приобретать коллективные и индивидуальные праздничные туристические поездки по стране на близкие и дальние расстояния (автобусом, поездом, самолетом). Коллективные поездки почти целиком оплачивались профсоюзами.

* С середины 70-х годов военный парад стал проводиться только 7 ноября.

В конце 80-х - начале 90-х годов характер празднования Первомая и Годовщины Октября претерпевает существенные изменения. Ушли в небытие праздничные застолья "по месту работы", устраивавшиеся ранее в канун праздников во многих трудовых коллективах. Теперь на первый план, как и в послеоктябрьские годы, выступает изначально политическое содержание этих праздников. И если в 70-80-е годы и 1 Мая, и 7 ноября кто-то принудительно, по разнарядке, ходил на демонстрации, а кто-то, наоборот, не мог на них попасть из-за отсутствия таковой, то с начала 90-х годов в праздничных демонстрациях уже участвуют только по зову сердца. Для одних это - семейная традиция, для других - ностальгия по прошлому*, для третьих - возможность встретить единомышленников и, следовательно, взаимопонимание, для четвертых - способ выразить свое несогласие с политическим курсом, проводимым в стране. Видимо, и 1 Мая, и 7 ноября, как семейные, соседские и дружеские праздники советского времени, в значительной мере остались в прошлом. Теперь для многих они опять стали прежде всего политическими праздниками, праздниками солидарности трудящихся, борющихся за свои права, за лучшую жизнь для себя, своих детей и внуков.

Самым популярным не только общественным, но и семейным праздником послевоенного периода стал День Победы, в котором слились воедино радость и скорбь, торжество победителей и оплакивание жертв войны. В 1945 г. Праздник Победы отмечался дважды: 9 мая - стихийными народными гуляньями по всей стране и праздничным салютом в Москве, а 24 июня - Парадом Победы и демонстрацией трудящихся на Красной площади. Следующий, посвященный ему военный парад состоялся лишь в 1965 г., когда весь мир праздновал 20-летие победы над фашистской Германией. В том же году впервые были проведены фестивали песен военных лет, способствовавшие возвращению в активный песенный репертуар разных возрастных групп русского народа песен Великой Отечественной войны, начинавших уже понемногу забываться. Тогда же был зажжен вечный огонь над могилой Неизвестного солдата в Александровском саду у Кремлевской стены, а 9 мая, наконец, объявлено нерабочим днем. К этому времени у русских, как и других народов СССР, уже в значительной мере сложился неофициальный ритуал празднования Дня Победы, в котором нашли отражение и традиционные народные представления о почитании усопших. К 60-м годам вошло в обычай чествование фронтовиков в трудовых коллективах; устройство 8 и 9 мая праздничных застолий дома и на работе. Традиционными стали майские встречи однополчан и фронтовиков, служивших в одной дивизии, корпусе, армии. Некоторые приходили и приезжали с детьми. Со временем кое-кто из детей стал заменять на этих встречах своих заболевших или умерших родителей.

К 9 мая всюду старались привести в порядок захоронения воинов, погибших в бою и умерших от ран, в том числе и в тыловых госпиталях. На их могилах в соответствии с древней народной традицией поминовения усопших рассыпали крупу (зерно) и крошили печенье для птиц, оставляли конфеты. Во многих селах вдовы собирались на общий поминальный обед, а в городах, в семьях, потерявших в войну близких, 9 мая устраивали поминки. Все эти стихийно сложившиеся формы празднования Дня Победы повлияли на его официальный ритуал, в который вошла вахта памяти, проводимая с 3 по 9 мая. Органической частью ее стали встречи с ветеранами войны; траурные митинги в местах массовых захоронений воинов, партизан и мирных жителей; почетные караулы у мемориалов воинской славы, памятников жертвам войны, у Вечного огня, на братских кладбищах; возглавляемые фронтовиками торжественные шествия к мемориальным сооружениям для

* Первомайские и октябрьские демонстрации довоенных и послевоенных лет - особый мир: царство музыки, песен, танцев, плясок, подвижных игр молодежи, царство веселья, непринужденности, открытости, удивительного дружелюбия. Такое не забывается и спустя многие годы.

возложения венков и цветов и т.п. Возложение венков к памятникам и могилам воинов, павших в годы Великой Отечественной войны, проводилось также 7 ноября и 23 февраля.

Кульминацией Праздника Победы с 1965 г. стала минута молчания, в 19 часов по московскому времени отсчитываемая по радио и телевидению метрономом, а его завершением - вечерние народные гулянья и праздничные салюты в Москве, городах-героях и ряде других городов (Крупянская, Будина и др. С. 133; Анохина, Шмелева, 1977. С. 338; Тульцева, 1992. С. 315-317).

За годы советской власти одним из наиболее популярных государственных праздников стал и Новый год, к которому перешли некоторые обычаи, присущие ранее Рождеству. Среди них - украшение новогодней елки (ранее рождественской), постепенно превратившейся в неперенный атрибут и семейного, и общественного новогоднего торжества, обмен новогодними подарками и сувенирами с родными, друзьями, сослуживцами, проведение новогодних елок, отправка поздравительных писем, открыток и телеграмм, обмен телефонными звонками с новогодними поздравлениями. В связи с переносом в 1931 г. начала нового бюджетного и хозяйственного года с 1 октября на 1 января родилась традиция отмечать Новый год трудовыми подарками - сдачей в эксплуатацию новых промышленных предприятий, объектов коммунального хозяйства, учреждений культуры и, особенно, жилых зданий, поэтому на Новый год справлялось особенно много новоселий.

Начиная с середины 30-х годов символом новогоднего праздника наряду с Дедом Морозом и Снегурочкой становится нарядно украшенная новогодняя елка, запрещенная в середине 20-х годов и восстановленная в правах с 1936 г. Она - центр новогодних праздничных действий и в городе, и в селе, и в семье, и в местах коллективных встреч Нового года и проведения новогодних праздников. В послевоенные годы во многих городах елки ставились даже во дворах многоквартирных домов, собирая вокруг себя много людей в новогоднюю ночь. Сложилась традиция за две-три недели до Нового года во всех промтоварных магазинах открывать елочные базары с широким ассортиментом елочных украшений. И если в 30-40-е годы на общественных и домашних елках можно было увидеть много игрушек-самоделок, то в более поздние годы они уже встречались крайне редко.

В послевоенные годы вошло в традицию поздравление советского народа по радио, а затем и телевидению с Новым годом от имени руководства государства. Передавалось оно в последние минуты старого года, когда все уже сидели за праздничными столами, и завершалось боем кремлевских курантов, возвещавших о наступлении Нового года.

Вместе с тем судьба новогоднего праздника в советский период складывалась непросто. Виной тому была календарная реформа - переход с 1 февраля 1918 г. на григорианский (новый) стиль, - в результате которой Новый год, выпав из Святков, пришелся на Рождественский (Филиппов) пост. А это, учитывая высокий уровень религиозности населения в то время, не могло не сказаться на отношении к "советскому" Новому году. Многие верующие и в настоящее время отмечают Новый год по старому стилю, т.е. с опозданием на 13 дней, а елку украшают не к "советскому" Новому году, а к Рождеству. Характерно, например, что в 1960 г. в старообрядческих (семейских) селах Забайкалья Новый год, праздновавшийся в ночь с 31 декабря на 1 января, считался молодежным праздником. Организовывали его комсомольцы {Полищук, 1975. С. 111}. Неудивительно, что постепенно во многих семьях, а также в дружеских компаниях сложилась традиция встречать Новый год дважды - первый раз как государственный

праздник, второй - как традиционный. Впрочем, и детские елки проводятся обычно до середины января.

В советский период сложился новый для русских цикл гражданских трудовых праздников и обрядов. К концу 80-х годов насчитывалось уже свыше 20 государственных праздников, посвященных наиболее массовым и общественно значимым профессиям и отраслям народного хозяйства (дни железнодорожника, шахтера, учителя, медицинского работника, геолога, мелиоратора и др.). Все они не имели аналогов в праздничном календаре дореволюционной России. Первый из них - День работников печати - был учрежден еще в 1922 г., а один из последних - День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса - в октябре 1986 г. В масштабах государства подавляющее большинство профессиональных праздников представляли собой официальные мероприятия в значительной мере пропагандистского характера и проводились они в соответствии с установившимся в стране стандартом. В день праздника — поздравление представителей профессии или работников отрасли руководством страны. Тогда же и накануне - выступления в центральных и местных средствах массовой информации руководителей отрасли и наиболее отличившихся работников, а также концерты по радио и телевидению, подготовленные по заявкам тех, кто отмечал свой профессиональный праздник.

Задуманные как государственные, т.е. общенародные, праздники профессий и отраслей народного хозяйства в реальной жизни стали корпоративными праздниками. И лишь там, где среди населения преобладали работники одной отрасли или представители определенной профессии, они превращались в общерайонные или общегородские. Такими стали, например, День металлурга в Нижнем Тагиле, Новолипецке и Череповце; День химика в Ефремове Тульской области; День машиностроителя во Владимире; День работников легкой промышленности в Иванове, Кинешме, Орехово-Зуеве и т.д. Специфической особенностью профессиональных праздников были торжественные шествия лучших по профессии (марш почета); награждение их почетными грамотами, вымпелами, ценными подарками, а также использование в художественном оформлении праздничных колонн и мест народных гуляний профессиональной символики и эмблематики.

В сельской местности приобрели популярность трудовые праздники, связанные с началом и завершением отдельных циклов сельскохозяйственных работ (учрежденный еще в 20-е годы Праздник урожая, праздники первой борозды, косцов, проводов на уборку, праздники первого и последнего валка и пр.), в сценариях которых были использованы отдельные элементы традиционной аграрной обрядности и символики.

В послевоенный период стал входить в традицию и Праздник Серпа и Молота, символизирующий союз рабочего класса и колхозного крестьянства, трудовую смычку города и деревни. Отмечался он в один из воскресных дней конца лета или первой половины сентября.

Наряду с государственными праздниками профессий в разных регионах России широко отмечались так называемые праздники и обряды трудовой доблести - вечера трудовой славы и трудовых династий - "вечера-портреты", встречи трех поколений, чествование ветеранов труда и пр., которые нередко становились составной частью праздников профессий. В 60-е годы появились молодежные трудовые торжества и обряды - торжественное посвящение в рабочие (в профессию) и праздник первой полочки, в 70-е годы - День молодого рабочего, которые обычно проводились в клубах, домах и дворцах культуры, иногда - в цеховых красных уголках. Возникшие в советское время трудовые праздники, возвеличивающие людей труда, создавали в трудовых коллективах особую психологическую атмосферу, способствовавшую воспитанию не только уважения к своей профессии, но и творческого отношения к труду, стремления к сохранению и развитию трудовых традиций коллектива (Советские традиции... С. 158-159, 193-195 и др.; Полищук, 1963. С. 36-38; Крупянская и др. С. 134-136; Будина, Шмелева, 1979. С. 9-10;

Они же, 1989. С. 221-224; Тульцева, 1992. С. 319-320. См. также: Кривоносое, Фатеева. С. 39-48, 87, 95,98-103, 119, 131-137, 147, 155, 165, 169-171, 177-182; 203; Праздники, рожденные жизнью... С. 64-76, 83,91,108-119).

Новыми для России были и профессиональные праздники родов войск и военных профессий. Два из них - День Воздушного Флота СССР и День Военно-Морского Флота СССР были учреждены еще в 30-е годы (1933, 1939). Третий - День артиллерии - в период Великой Отечественной войны (1944). Спустя 20 лет он был переименован в День ракетных войск и артиллерии. Все остальные воинские праздники, как и День артиллерии, установленные в ознаменование заслуг воинов Советской Армии в Великой Отечественной войне, появились уже в послевоенные годы (Советские традиции... С. 35-37,51,58, 66). Наиболее широко и торжественно всегда отмечались первые два праздника родов войск. Там, где имелась для этого необходимая база, они сопровождались яркими зрелищными мероприятиями: один - парадом военных кораблей, другой - воздушным парадом (реже).

Наряду с государственными каждая воинская часть, соединение, боевой корабль, погранзастава, как и в дореволюционной России, имели свои праздники, посвященные памятным для них датам: дню рождения, присвоения гвардейских и иных почетных званий, награждения орденами и пр.

Под влиянием все более усиливавшейся тенденции к регенерированию национальных традиций, в том числе и праздничных, в России, как и в других союзных республиках, с конца 50-х годов стали формироваться новые сезонные праздники, как трудовые, о которых речь шла выше, так и посвященные смене времен года. Наибольшую известность среди них получили Проводы русской зимы (Русская зима) и Русская березка (Березка, кое-где - Лето, Праздник лета). Проводы русской зимы, в состав которых вошла и встреча весны, устраивались в конце февраля - начале марта. В первые годы - нередко в Великий пост, что, естественно, вызывало неодобрение верующих. С конца 70-х годов их стали приурочивать к Масленице. Русская березка обычно праздновалась в конце мая - начале июня - после завершения весенних полевых работ. В некоторых городах - в конце июня - начале июля. Иногда она совпадала с Троицей.

Созданные по мотивам древних аграрных праздников Масленицы и Семика (см. о них с. 625-628 и 637-639) Русская зима и Русская березка, будучи детищем советского времени, имели лишь некоторое внешнее сходство с традиционными праздниками русского аграрного календаря. Праздники общественного характера (они проходили на улицах и площадях городов и сел, на стадионах, в парках и других местах общественных гуляний) Русская зима и Русская березка не имели домашней части (предпраздничная уборка, приготовление праздничной трапезы, гостевание). Проводились эти праздники по заранее разработанному сценарию, существенно варьиовавшемуся как в пространстве, так и во времени.

К началу 80-х годов Проводы русской зимы, зрелищно-развлекательная часть которых была разработана лучше, чем в Русской березке, стали уже традиционными во многих регионах России. При этом смысловая нагрузка праздника в селе и городе несколько различалась. В городе смена времен года не отражается ни на характере работы, ни на ритме трудовой деятельности. Поэтому для горожан Проводы зимы были лишь поводом повеселиться. В селе же смена времен года -рубеж между рабочими сезонами. И поэтому сельские Проводы зимы наряду с массово-развлекательной обязательно имели и официальную, торжественную часть - чаще всего в форме митинга, на котором после подведения итогов зимних работ, Весна-Красна принимала рапорт о готовности сельхозтехники к выходу в поле.

Праздник "На солнечной поляночке" - на родине поэта Л. Фатьянова в г. Вязники, Владимирская область, 1980-е годы

Массово-развлекательная часть праздника Русской зимы в городе и сельской местности имела много общего. И там, и здесь устраивалось театрализованное действо с

участием Зимы, Весны, Деда Мороза, Снегурочки (иногда еще зимних и весенних месяцев), героев русских сказок и былин, ряженных, скоморохов, популярных литературных героев и т.п. И в городе, и в селе элементы народных масленичных гуляний (катание с гор на санках, на ледяных каруселях, на русских тройках, взятие снежной крепости, ряженье, сожжение чучела Зимы, в некоторых селах - чучел тунеядцев, хулиганов, пьяниц, а также торговля горячим чаем из самоваров, блинами, бубликами, шаньгами и пр.) сочетались с более поздними, городскими по происхождению, развлечениями (концерты, всевозможные парады, факельные шествия, различные смотры, спортивные состязания, ярмарочные аттракционы и пр.). И театрализованные представления (их сюжет, персонажи, художественное оформление), и характер массовых гуляний Праздника русской зимы имели много локальных особенностей (Советские традиции... С. 145, 146, 156; Будина, Шмелева, 1989. С. 227-234; Тульцева, 1992. С. 331-334; Шмелева, 1995. С. 269-282. См. также: Кривоносое, Фатева. С. 61-63; Праздники, рожденные жизнью. С. 197-210).

Еще ярче тенденция к возрождению национальных традиций проявилась в создании в 70-80-е годы многочисленных, как правило, местных фольклорных и праздников народных ремесел, не имеющих определенной календарной даты. В их программе - выступления различных фольклорных и фольклорно-этнографических коллективов, разучивание старинных народных песен, танцев, игр; знакомство с традиционным народным декоративно-прикладным искусством, образцы которого народные умельцы нередко изготовляли тут же, на глазах участников праздника; выставка-продажа работ народных мастеров, массовые гулянья и пр.

Такие праздники обычно проводятся в парках, на берегах рек и озер, а также на территории этнографических и историко-архитектурных музеев.

Рост национального самосознания, сопровождаемый обострением интереса к собственной истории, характерный в 70-80-е годы для определенной части городского населения, главным образом молодежи, способствовал появлению значительного числа всевозможных праздников историко-мемориального характера, как общероссийских, так и местных. Наибольшую известность среди них приобрел День Бородина, с начала 80-х годов регулярно отмечаемый в первое воскресенье сентября красочным театрализованным представлением на Бородинском поле, воспроизводящем историческое сражение.

В 70-80-е годы необычайную популярность приобретают литературные праздники. С 1966 г. отмечается Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, который проходит в местах, связанных с жизнью и деятельностью А.С. Пушкина как в России, так и за ее пределами (Крым, Кавказ, Молдавия). С 1971 г. в Государственном музее-заповеднике "Тарханы" (Пензенская область) стал проводиться Лермонтовский праздник поэзии, с 1974 г. - в г. Вязники Владимирской области - Фатьяновский праздник поэзии и песни "На солнечной поляночке". Аналогичные праздники возникли в разных регионах России: на Алтае (с. Сростки) - Шукшинский, в Тульской области (с. Николо-Вяземское) — Толстовский, на Рязан-щине - Есенинский, в Подмосковье (Шахматове) - Блоковский и т.д. и т.п. Инициаторами, организаторами и основными участниками их, как правило, являются местные жители - почитатели таланта своих именитых земляков. Многие из этих праздников приобрели всероссийскую известность (Тульцева, 1992. С. 324-325).

В постсоветское время праздничный календарь Российской Федерации претерпел некоторые изменения. В нем появились новые праздничные даты, посвященные событиям начала 90-х годов. Иначе стали называться некоторые государственные праздники, утвердившиеся в быту народа в советское время. Так, День Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля) переименован в День защитника Отечества, День международной солидарности трудящихся (Первое мая) - в праздник весны и труда, день Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) - в День согласия и примирения. Вновь обрел статус государственного праздник Рождества Христова.

Праздники русских, как и любого другого народа, - неотъемлемая часть общественного быта, изменяющегося под влиянием политических, социально-экономических и культурных преобразований. Их состав, общественные функции, содержание, структура, художественное оформление определяются потребностями общества. На разных этапах его истории появляются новые праздники, отвечающие запросам времени. Большинство их оказываются однодневками. И лишь некоторые входят в праздничный календарь народа если не навсегда, то на многие десятилетия и даже столетия.

МЕСТНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Наряду с общими для всех в России существовало множество разных по происхождению, назначению и времени возникновения местных, территориальных праздников - городских и слободских, волостных, сельских, деревенских и даже уличных, а также общественных гуляний, истоки которых нередко уходили в седую древность. Большинство таких праздников, особенно в сельской местности, было приурочено к осенне-зимнему сезону, когда был собран урожай, и к периоду между Пасхой и началом летней страды, т.е. ко времени, свободному от полевых работ. К сожалению, в отличие от общих местные праздники изучены еще недостаточно. Сведения о них, подчас весьма отрывочные, разбросаны по множеству публикаций. Систематизация их только начинается. В силу этого данный очерк не претендует на исчерпывающую характеристику местных праздников, все еще ждущих своего заинтересованного исследователя.

Престольные праздники

Среди местных праздников у русских преобладали церковные. Наиболее чтимыми из них были престольные (другие названия - престолы, храмовые, часовенные, придельные). Наряду с Пасхой они считались в народе главными праздниками и назывались еще годовыми или большими, хотя Православная церковь относила их к средним праздникам. В старину храмовые праздники сопровождался целодневным звоном, как было принято в пасхальные дни, на Рождество Христово, а также в дни восшествия на престол и коронации русских императоров. Во многих селах обычай целодневного звона в престольные праздники сохранялся еще в 1870-е годы.

Особенно многолюдными и разгульными храмовые праздники бывали в сельской местности. К ним старались вернуться домой или хотя бы приехать на побывку отходники, не только живущие на ближних промыслах, но и ушедшие на дальние заработки. Кроме того, на престольные праздники обязательно приезжали и приходили многочисленные гости из других приходов - родственники, друзья, знакомые, богомольцы. Как правило, они являлись накануне или рано утром в день праздника, чтобы успеть вместе с хозяевами сходить к обедне.

Престольные праздники были приурочены к дням освящения храмов, воспоминаний о событиях священной истории или памяти святых и явлений икон, в честь которых были сооружены храмы и их приделы. Поскольку в большинстве храмов, особенно в городах, придел был не один, то и престольных праздников в России было значительно больше, чем культовых зданий. На Руси они стали распространяться с XIII в. К началу XX в. число этих праздников достигло, видимо, нескольких тысяч.

Престольные праздники отмечались всем приходом, поэтому в некоторых местах их еще называли приходскими. В городах, особенно больших, эти праздники одновременно справляла лишь часть жителей - прихожане одной или нескольких церквей. Так,

например, в Ярославле в конце XIX - начале XX в. 29 июня (день свв. апп. Петра и Павла) храмовые праздники отмечали три Петропавловских церкви. В трех церквях престольный праздник был там и 20 июля (день св. прор. Илии): в Ильинской церкви - храмовый, в церквях св. Тихона и Троицкой - приделный. В Москве в середине 1890-х годов, судя по сообщениям местных газет, в день Рождества Иоанна Предтечи (24 июня) отмечалось 5 храмовых и 12 приделных праздников, в день свв. апп. Петра и Павла - соответственно 14 и 14; на Успение Пресвятой Богородицы (15 августа) - 19 и 4; на Покров - 20 и 10 и т.п. Недаром когда-то говорили, что "в Москве каждый день праздник".

Часть престольных праздников, как видно из приведенных примеров, совпадала с общими. В этих случаях некоторые официальные торжества храмовых праздников (крестный ход, встреча иконы), особенно в небольших городах, крупных фабричных селах и заводских поселках, из приходских часто превращались в межприходские. В городах, где в далеком и менее отдаленном прошлом обычно компактно селились представители не только одного сословия, но нередко и одной профессии*, храмовые праздники порой приобретали характер профессиональных (Рабинович. Очерки... 1978. С. 137).

В сельской местности после реформы 1861 г. храмовые праздники, как правило, были общеволостными. Их одновременно справляли жители всех селений, входящих в волость, территория которой обычно совпадала с церковным приходом. До отмены крепостного права такая строгая соотнесенность прихода и волости соблюдалась далеко не всегда, особенно на помещичьих землях. И порой в один приход входили селения, расположенные не только в разных волостях, но и в разных уездах и даже губерниях. В больших приходах Вологодской, Костромской, Новгородской и некоторых других губерний, а также в Сибири, престольные праздники могли длиться одну-две недели, в течение которых храмовый праздник по издавна установленной очереди "переходил" из одной деревни в другую. Каждое селение принимало гостей в "свой" день. Придельные же праздники нередко справлялись не всем приходом, а группой селений и даже отдельными деревнями (Бернштам Т.А., 1988. С. 216,218).

Церковный ритуал престольных праздников, т.е. их официальная часть, и в столицах, и в самом отдаленном от нее, затерянном на необъятных просторах России селении, варьировался мало. В храмовые праздники в сельской местности после праздничного богослужения (обедни) по всем селениям прихода совершался крестный ход с хоругвями и иконами, которые несли так называемые богоносцы из числа прихожан. Если приход был небольшим, то иконы проносили по всем деревням еще и до литургии. В некоторых сельских приходах священник с причтом начинал ходить по домам прихожан и служить молебен перед образом святого, которому был посвящен праздник, за несколько дней до престола. В городах крестный ход после литургии совершался вокруг храма, иногда между одноименными храмами или из близлежащих храмов к "имениннику", но затем обязательно по территории прихода или вокруг нее.

Заводские и фабричные престольные праздники обязательно сопровождалась торжественным молебном во дворе предприятия, присутствие на котором было обязательным для всех служащих и рабочих, а также крестным ходом вокруг фабричных и заводских корпусов и обходом с иконами церковным причтом квартир рабочих и фабричных казарм (так называемых спален). В различных учреждениях и учебных заведениях, имевших свои церкви, официальная часть престольных праздников, как правило, ограничивалась богослужением, завершавшимся установленным многолетием царствующему дому, за которым обычно следовал ежегодный обед (чаще всего для избранных) с традиционными здравицами сначала в честь "императора и августейшей семьи его", а затем и других официальных лиц (глав местной администрации, ведомства, учебного заведения и пр.).

В небольших городах и особенно в сельской местности во время крестного хода в престольный праздник окроплялись святой водой не только дома жителей и надворные постройки, но и источники воды, поля, домашний скот. Там, где хозяева

* В Москве, например, об этом и теперь еще напоминают сохранившиеся до наших дней некоторые старинные названия улиц, переулков, тупиков, проездов. Среди них - Мещанская, Егерская, Стрелецкая, Пушечная, Большая и Малая Бронные (от бронники - мастера, изготавлившие броню и холодное оружие). Ямские улицы; Гончарные, Кадашевские (от кадаш - мастер-кадочник, бочар, бондарь), Калашный, Колпачный, Плотников, Скорняжный переулки и др.

выставляли у ворот накрытый белой скатертью стол с приготовленной для освящения водой, служился молебен. В придельные праздники после торжественной литургии дома прихожан обычно обходил церковный причт со святой водой. По просьбе прихожан в храмовые праздники в отдельных домах служились молебны. В награду за труды церковный причт одаривали "кто чем мог" - деньгами, продуктами. В селах к праздничной трапезе обычно приступали лишь после того, как в избе побывала св. икона. В городах же, судя по источникам, по крайней мере в XIX - начале XX в. это правило не соблюдалось столь строго.

Прием гостей (родных, друзей, соседей) и уличные гулянья всюду имели свои особенности. До середины XIX в. храмовые праздники (осенью и зимой) обычно продолжались пять-семь дней, позднее, как правило, не более трех дней. В селах и деревнях на третий день зачастую гуляли только "свои", местные, устраивая порой складчину. Но бывали и отклонения от "нормы" в ту и другую стороны. Так, в начале 1860-х годов в Вологодском уезде той же губернии в летние приходские праздники, когда для крестьян был дорог каждый час, гуляли лишь сутки. При этом в одних селениях прихода гулянья устраивались с обеда до вечера, в других - с вечера до утра (Александров Вл. С. 184). В Нижегородском уезде одноименной губернии в конце первого десятилетия XX в. продолжительность престольных праздников зависела от того, на какой день недели они выпадут, так как в любом случае гуляли до конца недели (Жизнь в губернии // Нижегород, земская газ. 1909. 1 окт. стб. 983).

К храмовому празднику начинали готовиться загодя. Подметали все улицы и переулки в приходе. Подновляли и убирали храм: чистили оклады на иконах, подсвечники, паникадила, обновляли резьбу и краску на церковной утвари, украшали храм новыми вышитыми полотенцами и т.п. В городах и кое-где в сельской местности вечером накануне и в день праздника площадками с горящими фитилями иллюминировали колокольню, окна храма, а нередко и церковную ограду. Всю эту работу обычно выполняли мужчины. Женщины же хлопотали по дому: приводили в порядок жилище*, если позволял достаток, покупали обнови для членов семьи, варили пиво и брагу, пекли хлеб и пироги. Во всех семьях, ожидая наплыва гостей и следуя традиционному правилу "про гостя хорошо, про себя поплоше", заранее закупали необходимые припасы, водку и вино, памятуя о том, что "без блинов не масленица, а без вина не праздник". Каждый стремился в меру своих возможностей сделать праздничный стол богатым, оправдываясь поговоркой: "Целый год корпели да потели, хоть день до сыта попили да поели". (Поздняков Т. С. 31). Обед готовили с раннего утра в день праздника, поэтому в церкви женщин всегда было заметно меньше, чем мужчин, да и уходили они со службы раньше, не дожидаясь ее конца.

В селах и деревнях в престольный праздник исстари принято было угощать "всякого заходящего в избу" - и своего, деревенского, и чужого, и прохожего, и нищего. Но к концу XIX в. этот обычай соблюдался уже далеко не везде и не всеми. В городах, как правило, привечали только приглашенных гостей.

Праздничное угощение в каждой местности было свое. Определялось оно и

традиционной для нее кухней, и временем года, и днем недели (постный или скоромный), и достатком семьи.

* Во многих регионах России, особенно в сельской местности, к храмовому празднику принято было мыть избы не только внутри (пол, потолок, стены, полаты, мебель), но и снаружи. Кроме того, белили печи, отмывали и начищали до блеска домашнюю утварь, проветривали и чистили одежду. Будничную одежду и утварь убрали в клеть. Все старались "принарядить" свое жилье. Развешивали в избе праздничные полотенца, зажигали лампадки (свечи) перед иконами, выдвигали на середину стол и накрывали его скатертью, стены и перегородки украшали новыми лубочными картинками, а божницы и окна - нередко "зубчатыми вырезками" из цветной бумаги.

Праздничное застолье всюду сопровождалось беседами, обменом новостями, пением, а кое-где и плясками. До середины XIX в. значительное место в песенном репертуаре пирующих занимало "божественное пение" - духовные стихи, псалмы, тропари и т.п. На Европейском Севере и в Сибири было принято также исполнять былины (старинны). К концу XIX в. уже всюду пели "что кому в голову придет" (Бернштам Т.А., 1988. С. 226-227).

Для престольных праздников были характерны не только обильное застолье с выпивкой, послеобеденным отдыхом (сном) и хождением из дома в дом пирующих, группировавшихся по возрасту, а нередко и полу, но и общественные гулянья, которым было присуще не меньшее разнообразие, чем меню праздничного стола.

К дням храмовых праздников во многих селах приурочивались базары или однодневные ярмарки, а в городах - ярмарки сезонные или годовые, продолжавшиеся от нескольких дней до двух недель. Ярмаркам всегда сопутствовали так называемые "увеселения для народа" (см. с. 579). Базары и ярмарки посещались преимущественно после обеда, но кое-где и сразу после обедни и даже между утреней и обедней.

Гулянья в престольные, как, впрочем, и в другие праздники из года в год устраивались на одном и том же месте. В зависимости от укоренившейся традиции это могли быть площадь рядом с церковью или прилегающие к ней улицы и переулки, околица села или деревни, высокий берег реки или зеленый луг, загородная роща или окраина ближнего леса и т.п. К местам гуляний заранее стекались местные, а порой и пришлые торговцы и торговки со всякого рода гостинцами. Особым спросом у гуляющих пользовались пряники, дешевые конфеты, орехи, семечки, а также кислые щи (квас с изюмом). Праздничные гулянья обычно затягивались допоздна, а весной и летом кое-где продолжались до рассвета. Главным их участником и действующим лицом была молодежь.

Характер гуляний и забав молодежи в дни престольных праздников также определялись календарной приуроченностью, местной традицией, обычаями среды, веяниями моды и многими другими обстоятельствами. Не удивительно, что они имели свои особенности не только в отдаленных друг от друга регионах, но порой даже в разных концах одного города. Так, например, в г. Мологе Ярославской губернии в 20-30-е годы XIX в. центрами молодежных гуляний в придельные праздники Заруцкой (окраинной) части города и центральной, так называемого "города", приходившиеся на первую декаду мая (соответственно Борисов и Николин дни), были качели "на кбзлах", устраивавшиеся в "проулках". Собравшись возле них, девушки пели песни и водили хороводы: в Заручье - днем и вечером (уже с парнями), в "городе" - только вечером, после прогулки по бульвару в сопровождении одной или двух молодых женщин. Но в следующий придельный праздник города - Ильин день (20 июля) - молодежных гуляний не было совсем. Объяснялось это тем, что накануне в Мологу приносили чудотворную икону Югской

Божией матери, а в присутствии "гостыи" и гулять и петь песни считалось грешно. Поэтому праздничные увеселения молодежи в Ильин день ограничивались недолгой послеобеденной прогулкой у своих ворот, затем все шли на всенощную. Люди же семейные после обеда посещали годовую ярмарку (Фенютин. С. 7-8, 10-19, 21-22).

В г. Торопце Псковской губернии в середине XIX в. гулянья устраивали либо вокруг церквей (их было 19) - там, где не мешали соседние постройки, либо вдоль улиц, на которых стояли храмы, а также за городом ("по рошам"). Гулянья, начинавшееся за светом, было здесь, по словам современника, "как и во всех купе-ческо-мещанских обществах чопорно и натянуто" и выражалось "в проходках взад и вперед, в осмотрах, да перешептываниях о нарядах и уборах друг дружки". С наступлением сумерек оно заметно оживлялось - семейные пары расходились по домам, а молодежь отправлялась в "рощи", где сходявшиеся из пригородных

деревень крестьянские девушки заводили хороводы (Семевский М.И., 1863. С. 30).

В те же годы в селах и деревнях Обоянского уезда Курской губернии в храмовые праздники парни и девушки, собираясь на улицах, пели и плясали в хороводах, играли на балалайках, дудках, рожках, гармошках и других музыкальных инструментах. А семейные люди толпой "бродили из двора во двор", напиваясь к вечеру допьяна (Машкин, 1862. С. 107). В Ялуторовском округе Тобольской губернии семейные люди (пожилые и среднего возраста) после сытного обеда также ходили из дома в дом, где их угощали преимущественно вином и пивом. Вечером они с песнями разъезжали по селению (летом в телегах, зимой в санях). Парни, девушки и молодые замужние женщины, отобедав, отправлялись на базар, а оттуда шли в разгулку - на особое свободное место в деревне (на мураву). Там "девицы и молодницы" заводили хороводы, в которые вовлекалась и часть парней; затем все они "играли разлукой" (горелки). Однако большинство парней отдавало предпочтение истинно мужскому развлечению - борьбе (в Сибири популярнейший вид народных спортивных состязаний). В качестве противника в престольные праздники выступали инодеревенцы. В других случаях - жители другого конца деревни {Абрамов Н. С. 217; Зобнин. С. 52-54}.

В приходе с. Палищ Демидовской волости Мещерского края (Рязанская губерния) незадолго до первой мировой войны справляли три престольных праздника в год. На Ильин день — храмовый, на Покров и Крещение - придельные. Все они сопровождалось однодневными ярмарками. Крещение и Ильин день праздновали по два дня и без "загула", так как "на Крещение - холодно, а на Ильин день работа спешная". В первый день посещали церковь и по окончании богослужения шли на ярмарку. Сделав нужные покупки, все отправлялись по домам. На Крещение по гостям ходили мало и только в своей деревне. Из других деревень гостей почти не бывало. На Ильин день и вовсе не "гостевали": не позволяли неотложные крестьянские работы. Зато на Покров гуляли целую неделю. Во всех деревнях прихода в каждом доме два-три дня принимали гостей, а затем и сами ходили по гостям. Молодежь на Покров обязательно устраивала складчину. В маленькой деревне - одну, общую, в большой - две-три. Выпив и закусив, парни и девушки, разбившись на небольшие группы, с песнями и плясками прогуливались по своей и близлежащим деревням. Когда угощение заканчивалось, девушки, нарядившись цыганкой, барышней, барином, кавалером, нищим и т.п., отправлялись по дворам собирать картофель. На деньги, вырученные от его продажи, и новый взнос парней (деньгами) опять покупались водка и закуски, и гулянья продолжалось еще два-три дня. {Петров В. С. 63, 64}.

Весьма своеобразно сложилась судьба храмового праздника церкви Владимирской Божией Матери в слободе Кунавино (Канавино), в конце XIX в. входившей в Макарьевскую (заречную) часть Нижнего Новгорода. Учрежден он был в память освящения церкви в 1812 г. (после обновления) и отмечался во второе воскресенье Великого поста, время, явно не подходящее для разгульного веселья, присущего престольным праздникам в XIX - начале XX в. Как известно, Православная церковь

предписывает в пост воздержание от всех мирских соблазнов, в том числе и любых проявлений веселья. Неудивительно, что первоначально великопостный храмовый праздник в Кунавине был сугубо религиозным: сразу по окончании обедни, на которой наряду с кунавинцами присутствовали и приезжавшие на праздник гости - горожане, а также некоторые крестьяне из ближайших селений, все расходились и разъезжались по домам. Но такой обедненный, неполный ритуал храмового праздника явно вступал в противоречие со сложившейся в России традицией. Как уже отмечалось ранее, гостевание с обильным столом и общественное гулянье были столь же обязательными компонентами престольного праздника, особенно зимнего, как и церковная служба. И вполне естественно, что кунавинский великопостный храмовый праздник, постепенно выходя за пределы храма сначала в дома прихожан, а потом и на слободские улицы, со временем приобрел ту же структуру, что и другие русские престольные праздники. В соответствии с традицией в Кунавике, не взирая на Великий пост, по окончании литургии во всех домах шло "пированье". Отобедав, гости отправлялись на праздничный базар. В 1890-е годы там появились карусель и театр марионеток, привлекавшие и детей, и взрослых. Много народу собиралось и у всякого рода питейных заведений. Но основная масса гуляющих устремлялась на площадь у Владимирской церкви и прилегающие к ней улицы, где с двух часов дня начиналось катанье на лошадях (в роде масленичного). Зимних экипажей (местных и городских) с "разряженной в пух и прах" молодежью, было так много, что они тянулись непрерывной вереницей в течение нескольких часов (до позднего вечера). В 1820-1850-е годы кунавинцы по свидетельству старожилов развлекались еще хороводными играми, травлей собак, петушиными и гусиными боями, состязанием в единоборстве, а, порой, и кулачными боями.

В течение многих лет (судя по источникам, в 50-70-е годы XIX в.) апофеозом гулянья было появление на площади в разгар веселья козла с украшенными лентами рогами или с венком на голове. Благодаря этому обычаю, с возникновением которого связано несколько легенд о козле (козе), спасшем колокольным набатом спящих слобожан от пожара, за гуляньем закрепилось название козьего праздника или козьей масленицы. Зародившаяся как народное гулянье в честь храмового праздника, козья масленица с годами приобрела самостоятельное значение и по существу превратилась в традиционное местное годовое народное гулянье, фактически утратившее связь с храмовым праздником. "...Вот уже лет 30-ть сряду, - писал в 1882 г. нижегородский полицмейстер в рапорте губернатору, - в этот когда-то религиозный праздник (курсив мой. - Н.П.) установился в народе обычай посещать Кунавино единственно для разгула и катанья по улицам..." (цит. по: Звездин. С. 3). Атмосфера, царившая на козьем празднике, была явно не великопостной, что, естественно, вызывало отрицательное отношение к нему причта Владимирской церкви, а также части прихожан. И в феврале 1882 г. они обратились к нижегородскому епископу Макарию с ходатайством о принятии зависящих от гражданской власти мер к прекращению "торжища с катаньем, напоминающим дни сырной недели, проводимой не по-христиански", бывающего во второе воскресенье Великого поста к соблазну верующих (Макарьевский М.И. С. 3). Последнее, кстати, свидетельствует о том, что общественные гулянья храмовых праздников складывались под влиянием не только местных особенностей народной праздничной культуры, но и ближайших к храмовым общих праздников. Нижегородская городская дума, рассмотрев ходатайство кунавинцев в мае того же года, пришла к заключению, что она не вправе "воспрещать обывателям" ни торговлю, ни катанья по улицам "в известное время". Что же касается "бесчинств и соблазнов", сопровождающих катанья, "то не допускать их - дело полиции" (Звездин. С. 3). После такой реакции властей "козий праздник" в Кунавине, как явствует из местных газет, по крайней мере до конца 1890-х годов продолжал "справляться по всей форме".

Как видно из приведенных примеров, в XIX - начале XX в. храмовые праздники были уже не только церковными, но и мирскими - территориально-соседско-семейными и в

этом качестве способствовали сохранению и укреплению семейно-родственных, соседских и земляческих связей. В немалой степени именно этим объясняется и их сохранение (преимущественно в сельской местности) даже после закрытия церковей в советский период, когда престольные праздники продолжали отмечаться уже как местные, сельские или деревенские.

Обетные праздники

Эти праздники, в отличие от престольных, устанавливались самими мирянами по обету*, в случае спасения от какого-либо бедствия, иногда их учреждали по примеру соседей и крайне редко - по инициативе местного духовенства. Обетные праздники (другие названия - заветные**', богомолье, молебствие, мдльба, канун, оброчные или обещанные дни) были весьма разнородными по происхождению, времени учреждения и степени стабильности. Как правило, они устанавливались жителями какой-то строго ограниченной территории. Это могли быть и несколько приходов, и часть прихода. Обетный праздник мог отмечаться всем городом, одним из его микрорайонов, несколькими или одной улицей, в сельской местности - селом, деревней, группой смежных деревень. Порой его справляли лишь представители отдельных половозрастных групп и даже отдельные семьи (семейные заветные праздники). В последнем случае он приурочивался к воскресенью. Большинство обетных праздников были "в числе", т.е. из года в год отмечались в один и тот же день календаря, главным образом летом. Продолжительность их была разной, но чаще всего от одного до трех дней. В обетные праздники запрещалась любая работа из опасения нажить ту же беду -наказание божье. За соблюдением запрета следило все общество (т.е. община). Провинившихся подвергали штрафу, сумма которого устанавливалась сходом.

Одним из основных поводов для возникновения обетных праздников служило избавление жителей той или иной территории от постигшего их стихийного бедствия (пожара, бури, наводнения, засухи, градобоя), мора (эпидемии), падежа скота и других несчастий благодаря "заступничеству" святых, к которым они обратились с просьбой о помощи и которые с тех пор считались их покровителями. Порой, преимущественно в Новгородской и Московской Руси, праздник приурочивался ко дню возведения так называемых "обыденных" храмов или часовен, сообща строившихся во время эпидемий жителями селения обыденкой, т.е. за один день (отсюда и название обыденный). В этом случае обетный праздник совпадал с престольным. К XIX в. обычай строить обетные храмы стал заметно ослабевать. А вот приобретение икон для местных храмов или часовен с целью "отвращения" свалившихся на людей напастей еще в конце XIX в. было распространено достаточно широко. Обычно день приобретения иконы, как и ее явления, становился днем обетного праздника.

Судя по источникам, бывшие своеобразной формой выражения благодарности Богу, Богородице, святым угодникам за спасение от бедствий, обрушившихся в прошлом на жителей города или сельской местности, обетные праздники, в отличие от престольных, как правило, не сопровождались ни всеобщим госте-ванием с хождением подвыпивших гостей из дома в дом, ни веселыми молодежными гуляниями на улицах или окраинах селений. Гулянки с выпивкой, если и устраивались, то чаще всего на второй день праздника. Общественные трапезы (мбльба, канун, пива, братчина), нередко сопутствовавшие сельским и деревенским обетным праздникам, имели совсем иной характер, чем гостевания во время престолов. Эти трапезы готовились всем миром в складчину. Сообща же в общественном котле варили для них канун (напиток из муки с солодом, без хмеля) или пиво. Всем миром, а не порознь, в каждом доме, угощали и проходящих из соседних деревень, и нищих.

Церковный ритуал обетных праздников в отличие от престольных заметно

* Обет - обещание, обязательство, принятое из религиозных побуждений (СРЯ. Т. П. С. 530).

** Заветный, т.е. унаследованный от прошлого, передаваемый из поколения в поколение; связанный с обетом, тайным обещанием, условием. (СРЯ. Т. I. С 502). Не случайно, эти праздники продолжали существовать и тогда, когда причины возникновения обета были давно забыты. В этом случае они сохранялись по традиции, по заветам (завещанию) предков.

варьировался, правда, главным образом в сельской местности. В городах же он практически всюду был одинаков - торжественный молебен и крестный ход, иногда - только молебен.

Например, в Москве во второй половине XIX - начале XX в. "по заведенному обычаю" ежегодно бывало несколько крестных ходов в память об избавлении от холеры в 1848 г., устраивавшихся, как правило, утром по окончании богослужения в храме. От церкви крестный ход двигался по прилежавшим к ней улицам и, сделав круг, возвращался обратно. Иногда он направлялся к ближайшей площади, где служился общий молебен. В обетные дни торжественные молебствия при большом стечении народа порой устраивались и в отдельных богатых домах (точнее дворах). На эти молебствия приносились и привозились особо чтимые московские святыни (иконы) (Москов. илл. газ. 1891. 15, 17, 29 авг. С. 2).

Молебном и крестным ходом с обнесением нетленных мощей святого благоверного князя Михаила Ярославича вокруг древнего Преображенского собора отмечался обетный праздник, введенный в 1831 г. в Твери в память об избавлении города и его округи от азиатской холеры, свирепствовавшей там летом того же года. На этот праздник, приуроченный тверским архиепископом Амвросием к 24 июня (Иванов день), стекалось огромное число богомольцев не только из Тверской, но и из соседних губерний (Гусев Ив. С. 5,6).

В Ярославле в течение многих десятилетий ежегодно в первое воскресенье Петровского поста по случаю обетного праздника, установленного в память о спасении жителей города от "моровой язвы" (эпидемия с высокой смертностью), бывал многолюдный (до 20 тыс. человек) и многочасовой общий крестный ход вокруг города, начинавшийся от собора Спасо-Преображенского монастыря. По свидетельству местных газет и современников, он совершался "при участии духовенства, хоругвей и икон от всех церквей города и образа Толгоской Божией Матери", особо почитаемого верующими. В торжественной процессии наряду с горожанами шло множество крестьян из ближайших сел и деревень.

По-иному проходили обетные праздники в сельской местности. Так, в празднике, отмечавшемся в станице Ардонской Терской области 25 января (празднование иконе Божией Матери, именуемой "Утоли моя печали"), участвовали только женщины. Недели за две до этого они начинали собирать по дворам "припасы" (муку, яйца, сало, масло) и деньги. Накануне праздника все сообща готовили "обширный и роскошный обед". 25 января по просьбе женщин священник совершал литургию, а затем торжественный молебен с акафистом, по окончании которого благословлял стол, накрытый в церковной ограде. Затем все присутствующие приступали к общей трапезе. Дата праздника была предложена местным священником после того, как жительницы станицы приобрели икону Божией Матери ("Утоли моя печали"), чтобы остановить эпидемию, унесшую там в 1870 г. много жизней (Гусев Л. С. 328,329).

В д. Костино Покровского уезда Владимирской губернии, где 2 июня 1887 г. град "выбил хлеб", в день градобития по обету служился мирской молебен. В первые годы после установления праздника крестьяне довольствовались одним молебном на всех. Но

спустя несколько лет многие из них стали заказывать еще молебен "особо, у своих домов". И праздник из однодневного превратился сначала в двух-, а потом и в трехдневный.

В Пинежском уезде Архангельской губернии в начале XX в. каждая деревня один раз летом праздновала канун. По рассказам стариков, установлен он был "в память какого-то большого падежа скота", прекратить который удалось лишь прогнав уцелевших животных через дым от "деревянного огня". На том месте, где

* "Деревянный огонь" - огонь, получаемый трением дерева о дерево. В данном случае его добывали всей деревней по очереди, безостановочно в течение нескольких часов.

совершалось это магическое действие, была поставлена часовня. И с тех пор ежегодно в определенный день сюда совершался крестный ход с последующим кроплением скота святой водой. В тот же день в деревне всем миром варили пиво, которое сообща пили после обеда. Им же угощали и гостей из соседних деревень. На второй день здесь собиралась "общая складыня" на водку или пропивались общественные деньги (Чирцов. С. 463-464).

Как уже упоминалось, наряду с общественными обетными праздниками существовали и семейные, или домашние. Они обычно устраивались по обещанию, данному по какому-то конкретному поводу ("по случаю") и нередко бывали разовыми. Примером такого семейного обетного праздника может служить мбльба троецыплатница, в середине XIX в. широко распространенная среди простонародья г. Котельнича и крестьян Котельнического уезда Вятской губернии. Справлялась она обычно осенью.

В этой мбльбе удивительным образом сплелись реликты дохристианского обряда жертвоприношения с христианскими, православными ритуалами. Свое название она получила от приносимой в жертву троецыплатницы - курицы, трижды высидевшей цыплят.

Дав обет устроить троецыплатницу, хозяйка собирала среди родных и знакомых (будущих гостей) крупу, солод, муку, хмель и заблаговременно начинала варить в огромных количествах пиво (от 70 до 100 ведер) и канун (до 20 ведер). Ритуальный обед готовился в день праздника. В помощь себе хозяйка приглашала нескольких женщин, среди которых обязательно были вдовы, поскольку только они имели право прикасаться к жертвенным курам. Правда, резать кур разрешалось и мальчикам не старше 8-9 лет. В праздничное меню помимо ритуальных вареных троецыплатниц входили: селянка из их яиц, печенок, сердец и пупков, обычные куры (вареные и жареные), пироги с говядиной и каша. Если мбльба "исправлялась" за умершего, то варили еще кисель и кутью.

Перья, внутренности, кости и все объедки от троецыплатниц собирали в котомку или корчагу и топили в реке или пруду. Если воды поблизости не было, их закапывали в поле или в лесу. То и другое надлежало проделать без свидетелей.

В то время, как хозяйка занималась приготовлением обеда, ее муж отпраплялся "просить священника со св. иконами". Вместе с ним за иконами, которых должно быть 12, шли его родные и знакомые, приглашенные на домашний праздник. Принесенные из церкви иконы размещались в переднем углу комнаты на лавках, покрытых холстом или полотенцем. На стоящий перед ними застеленный скатертью стол ставили кур и канун. А если мбльба приносилась за кого-то из умерших - и кутью.

После завершения церковного обряда иконы уносили обратно в церковь, а освященных кур и канун убрали со стола и накрывали его к обеду. Первыми обедали мужчины, затем они покидали комнату. После их ухода начиналась ритуальная трапеза женщин, которая проходила за двумя отдельно стоящими столами. Один из них предназначался для вдов, другой - для остальных женщин. Заперев двери, чтобы кто-либо

из мужчин случайно не вошел в комнату, и занавесив окна от любопытных взглядов, женщины рассаживались за столами "по старшинству или по степени уважения". Обед проходил по строго соблюдаемому "чину". Сначала на оба стола подавали пироги. Поскольку на троецпылятице запрещалось пользоваться ножами и вилками (колющими и режущими предметами), то пироги разламывали на столько кусков, сколько их требовалось. Делали это сами гости. Взявшись за противоположные концы пирога (или куска) они каждый раз разламывали его на две части. Вслед за пирогами подавали отвар (бульон) из троецпылятиц. Самых же ритуальных кур ставили только на стол вдов. Остальные женщины ели обычных кур. Затем следовала селянка. Завершался священный обед, как его называли в Котельнице, кашей или киселем. Из напитков подавался только канун. После каждой смены блюд все обедающие клали земные поклоны, а встав из-за стола, молились "в землю". Весь обед проходил в глубоком молчании. Молитву каждый произносил "про себя". Вечером все гости собирались вновь. Но и на этот раз пили только канун. А на второй день приглашенные приходили уже со своими пирогами, петухами и деньгами на вино, поскольку теперь уже разрешались и вино, и пиво. На сей раз застолье у мужчин и женщин было общим.

У крестьян мблбьба совершалась несколько иначе. Мужчины у них обедали не раньше, а позже женщин. Все женщины ели за одним столом и одну и ту же пищу. Но "главными и необходимыми гостями" здесь также были вдовы. Вместо пирогов у крестьян пекли хлеб средней величины. В отличие от города во многих деревнях уезда пирования на второй день не было. День же мблбьбы крестьяне (мужчины и женщины), как и горожане, проводили "весьма набожно" (Глушков. С. 68-73).

Съезжие праздники

Среди местных праздников, установленных самими мирянами, наряду с обет-ными, богоугодными по своей сущности, были и такие, где церковному ритуалу отводилась второстепенная роль. У крестьян это прежде всего съезжие (сьезжие) праздники. Другие их названия - гостиные, гулевые, званые, сборные. Справлялись они жителями всех селений волости по очереди в соответствии с установившейся традицией. Хотя все съезжие праздники были приурочены к церковным, устраивали их по утверждению священника Такмыцкой слободы Тарского уезда Тобольской губернии Т. Попова, "для празднований... в свое удовольствие. Религиозной цели, - считал он, - тут нет и тени" (Попов Т. С. 58). О том, что съезжие праздники не были религиозными, косвенно свидетельствует и отсутствие единого для всех них церковного ритуала, что было присуще, например, престольным и обетным праздникам. В каждом конкретном случае его форма и содержание определялись годовым богослужением и зависели от того к какому общему празднику был приурочен съезжий. Часть съезжих праздников совпадали с престольными. Это дало основание некоторым исследователям считать термины престольный, съезжий, гулевой, гостиный синонимами.

В XIX в. съезжие праздники были зафиксированы лишь в отдельных северных районах Европейской России с невысокой плотностью населения и на большей территории Сибири, куда они по всей вероятности были занесены выходцами из севернорусских губерний, которые первыми начали хозяйственное освоение пространств Зауралья. В Сибири съезжие праздники довольно широко были распространены еще перед первой мировой войной.

Продолжительность этих праздников, как и престольных, была различной и колебалась от одного-двух дней до семи. Справлялись они в любое время года. Например, в Бурлинской волости на Алтае - в Николин, Петров, Ильин и Михайлов дни, в Петровское и Филиппово заговенье, на Рождество, Крещение, Покров. В деревнях Такмыцкой волости Тарского уезда Тобольской губернии - в Николин, Иванов, Петров и Ильин дни, в Казанскую, на Козьму и Дамиана, Параскеву Пятницу, а также на Крещение,

Введение и Троицу. Съезжий праздник в Такмыцкой слободе совпадал с храмовым - днем освящения храма (Дмитриев день, 26 октября). В некоторых больших селениях бывало несколько съезжих праздников. Так в слободе (селе) Усть-Нице Тюменского округа Тобольской губернии в конце XIX в. званые или гостиные праздники справляли пять раз в году: на Крещение, Троицу (престольный), Успенье, Покров и зимнего Миколу.

Съезжие праздники были большим событием в жизни крестьян и готовились к ним столь же основательно, как и к престольным: наводили чистоту в доме, варили пиво, а кое-где и канун, закупали вино и водку, заготавливали разнообразные кушанья. Гости (родственники, кумовья, друзья, знакомые) из дальних селений приезжали накануне, из ближних - рано утром в день праздника. Их собиралось так много, что порой все дворы бывали забиты подводами (санями).

В каждом доме старались принять как можно больше гостей, приглашая и понравившихся хозяевам незнакомцев, встреченных в церкви, на улице, ярмарке, базаре*. В некоторых селах на Алтае считалось большой честью позвать к себе толпу (хоровод), с песнями двигавшуюся из одного конца улицы в другой. Порой гостей приходило так много (особенно к зажиточным крестьянам), что какое-то время им приходилось проводить во дворе или на улице перед домом в ожидании ухода своих предшественников и освобождения мест за праздничным столом.

Как и в престольный праздник, всех гостей, сколько бы их ни побывало за день, хозяева встречали с неизменным радушием, хотя они буквально с ног сбивались. По этикету хозяевам не положено было участвовать в застолье вместе с гостями. Они должны были встретить и приветить каждого входящего в дом, усадить за стол, пригласить отведать выставленное угощение, обнести всех пивом и хмельными напитками. Зато в аналогичные праздники соседних селений уже их принимали с поклонами и уговорами "не побрезговать хлебом-солью". Не случайно в народе говорили: "Свой праздник - как гора валит, а чужой - как сокол летит". Как и в престольные, в съезжие праздники из дома в дом ходили "старшие". Молодежь же, как правило, пообедав, выходила на улицу, где и проводила время до позднего вечера. Если съезжий праздник сопровождался ярмаркой или базаром, парни и девушки сначала отправлялись туда, а уж потом шли гулять. Гулянья варьировались в зависимости от того, к какому общему празднику был приурочен съезжий. В холодное время года молодые хозяева обычно приглашали гостей-сверстников на свою вечерку. Порой парни, одни или с девушками, а кое-где и подростки (отдельно), устраивали пирушки в подражание старшим. Знакомства, завязывавшиеся на съезжих праздниках, нередко завершались свадьбой в ближайший мясоед, а иногда и распространенным в Сибири браком убогом прямо с праздника.

Установленные на первый взгляд лишь для веселого времяпрепровождения, съезжие праздники в Сибири выполняли важные социальные функции. Они в еще большей степени чем престольные, поскольку бывали чаще, способствовали расширению и упрочению междеревенских, главным образом межволостных, связей - родственных, дружеских, хозяйственных, торговых и пр. Объединительная функция съезжих праздников в условиях присущей Сибири в течение многих десятилетий разбросанности поселений, способствовавшей известной изоляции жителей, отвечала жизненным потребностям населения.

Особую роль съезжие праздники играли в жизни деревенской молодежи. Будучи своего рода волостными ярмарками невест, они создавали благоприятные условия для знакомства и общения уроженцев разных селений и тем самым существенно расширяли возможности выбора брачного партнера, что имело немаловажное значение для сибиряков: до революции в Сибири благодаря насыщенности деревень родственными связями, объяснявшейся своеобразием ее заселения, довольно широко была распространена деревенская экзогамия -обычай брать невест из других селений (Зобнин. С. 41; Пейзен. С. 319; Макаренко, 1993. С. 44-45; Лазарев. С. 127; Бернштам Т.А., 1988. С. 219,222; Миненко, 1991. С. 203,204,217).

* Этот обычай нашел отражение в присловьях: "Созову гостей со всех волостей, которых не видал, и те придут"; "Гость на гость - хозяину радость" (Рыбникова. С. 102).

Деревенские праздники

В северных губерниях Европейской России еще в конце XIX - начале XX в. довольно широко были распространены пивные праздники - преемники древнерусских общественных пиров и братчин. Кое-где они сохраняли и традиционные названия - ссыпки, братчины. Устраивались эти праздники жителями нескольких деревень сообща в складчину, чаще всего в дни наиболее почитаемых в той или иной местности святых - на Афанасия, Николу, Фрола и Лавра, Илью, Петра, Михаила и др. В конце XIX в. в них участвовало обычно от пяти до десяти, редко до 25 деревень в пять-десять дворов. В более ранние времена, например, в Вятском уезде - до сорока небольших селений - починок, в которых, как говорилось в местной песне, "жить не весело - любить некого". Общественное пиво для праздника варилось каждой деревней по очереди. Домохозяйка очередной деревни за две или полторы недели до праздника обходили все дома празднующих селений, получая в каждом установленное количество ржи. В Вельском уезде Архангельской губернии собирали еще и конопляное семя, из которого делали сыр для пира. Часть ржи продавали и на вырученные деньги покупали хмель. В Пинежском уезде собирали не рожь, а солод. Сварив пиво, пивовары должны были еще доставить его на место празднования. Это могла быть граница между деревнями или определенная деревня. В конце XIX в. инициатором пивных праздников чаще всего выступала молодежь (Пономарев С. С. 57-58; Куликовский Г.И. С. 5; Неуступов. С. 4).

Следует заметить, что с незапамятных времен пиво было в России обязательным, своего рода ритуальным, напитком едва ли не на всех праздниках. Не случайно в народе говорили: "Пиво в ходовике, так и праздник на дворе", "На праздник и у комара сусло (и у воробья пиво)", "Где пировать, тут и пиво наливать (и брагу сливать)".

В Варнавинском уезде Костромской губернии в селениях по р. Ветлуге, каждая деревня имела свой частный праздник, так и называемую годину. Здесь отмечали Иванов день (д. Трудовка), Тихонову годину (д. Гришунина), Варнавину годину и др. Эти праздники начинались обедней в сельском храме с последующим крестным ходом в деревню-"именинницу", после чего там шли пиры, продолжавшиеся несколько дней. На них обязательно съезжались родные и знакомые. В начале XX в. именно пиры нередко были главной сутью годин. Характеризуя эти праздники, один из современников с возмущением писал в 1915 г.: "На обедню собираются из празднующей деревни, если она далеко от храма, только старухи и дети. Обрато тащат из деревни иконы и хоругви одни ребята, бегущие на рысях, чтобы поскорее сдать в церковь "богов" и поспешить домой на пиршество..." (Оглоблин. 1915. С. 162-163). Подобные наблюдения в конце XIX - начале XX в. не были единичными.

Уличные праздники

Наряду с деревенскими дореволюционная Россия знала и уличные праздники, о чем, в частности, свидетельствует и известное присловье "Будет и на нашей улице праздник". По свидетельству владимирских газет, в начале XX в. в Иваново-Вознесенске, например, едва ли не каждая улица в один из летних воскресных дней справляла такой праздник. Официальная часть их была близка к обетным праздникам. Утром из ближайшего храма приносили иконы и на улице, под открытым небом, служился молебен, после этого все дома на ней окроплялись освященной водой. К вечеру в них собирались гости и начиналась гулянка, сопровождавшаяся песнями, музыкой, плясками. Спустя некоторое время улица заполнялась празднично одетыми ивановцами (в основном молодежью),

сходившимися сюда без всякого приглашения с разных концов города (до 1871 г. - с. Иванова). В конце XIX – начале XX в. гуляющие, как и в престольные праздники, прохаживались по улице табунами и стенками (группами и шеренгами по 8-10 человек), обычно девушки и парни шли порознь. На тротуаре и в прилегающих переулках устраивались качели и карусели - к тому времени "необходимая принадлежность каждой гулянки". Там же велась бойкая торговля разными гостинцами - орехами, пряниками, дешевыми конфетами, мороженым. До 1880-х годов на уличных праздниках обязательно собирались основы (хороводы), в которых участвовали девушки и парни. А праздник одной из длиннейших улиц Иванова - Новой Задней (на Сластихе) так и назывался Основа {Бурьлин. С. 4; Волков ИЛ. С. 151}.

Самыми давними считались уличные праздники, отмечавшиеся в 9, 10 и 11-е воскресенья по Пасхе. Возможно, эти три праздника, совпадавшие с первым, вторым и третьим воскресеньями (неделями) по Троице, реликт так называемых подгвоздков - гуляний, устраивавшихся в селах Владимирской губернии в ближайшие воскресные дни после престольных и двенадцатых праздников (народный вариант церковного попразднества). Но скорее всего уличные праздники Иваново-Вознесенска восходят к забытым за давностью лет богомольям, еще в середине 1850-х годов справлявшимся на многих улицах с. Иванова и в "принадлежащих к нему" деревнях (Бабурин. С. 378).

Местные ежегодные гулянья

Часть местных праздников по мере забвения их первоначального содержания и назначения, а также сопутствовавших им ритуалов со временем превращалась в так называемые годовые гулянья, каждое из которых имело свое особое название. Такие гулянья на протяжении многих десятилетий (а возможно и столетий) проводились в одно и то же время, на одном и том же месте. Их истоки, как и время появления, были разными.

Некоторые гулянья, судя по их названиям и месту проведения, по всей вероятности, восходили к дохристианским празднествам и календарным обрядам восточных славян. Таковы, например, "Иван Купала", справлявшийся владимирцами в день Рождества Иоанна Предтечи; приуроченные к Петровскому заговенью (первое воскресенье после Троицы) гулянья пермских крестьян: "Чупрай", "Соловая кобылка", "Олень-Золотые рога", "Токмач", а также популярная среди простонародья Костромы "Яриловка". Все они устраивались "на природе" - на берегу реки или поблизости от нее, в поле, на холме, лесной поляне и т.п., возможно на месте древних игрищ или капищ.

По-разному складывалась судьба этих гуляний. По свидетельству современника, в конце XIX в. интерес местного населения к "Чупраю" и "Соловой кобылке" уменьшался с каждым годом и они собирали все меньше и меньше народа. "Олень-Золотые рога", на котором издавна задавал тон промысловый люд, все более приближался к подгородным гуляньям с присущим им разгульным весельем (Теплоухов. С. 138-140, 146). "Токмач" же, как и прежде, собирал немало народа "из ближних и дальних местностей" (Сюзев. С. 300-302). Многолюдными оставались в 1910-е годы "Иван Купала" во Владимире и "Яриловка" в Костроме. Бывшая далеким отзвуком дохристианских празднеств в честь восточно-славянского божества весеннего плодородия, "Яриловка" в начале XX в. воспринималась костромичами как традиционный праздник рабочего люда (Костромская жизнь. 1913. 11 июня. С. 2).

Корни других ежегодных гуляний, по-видимому, следует искать в обычаях, обрядах и праздниках, воспринятых русскими от соседних народов либо возникших под их влиянием. Так, в гулянье "Три елочки", устраивавшемся в Богородской волости Пермского уезда на Радуницу, отчетливо прослеживаются следы культа растений, характерного для финно-угров, издавна населяющих Урал и Приуралье (Теплоухов. С. 140-148).

В конце XIX - начале XX в. среди местных ежегодных гуляний, особенно в городах, значительную часть составляли общественные гулянья, в недавнем или более отдаленном прошлом "оторвавшиеся" от престольных или иных церковных праздников и

приобретшие самостоятельное значение. Примером подобных гуляний могут служить упоминавшаяся ранее нижегородская козья масленица (козий праздник) или ярославская солонина - трехдневное гулянье на Бутырках, начинавшееся в первый день Петровского поста, которое, по всей вероятности, восходит к бывшему здесь еще в начале XIX в. уличному гулянию, приуроченному к храмовому празднику, отмечавшемуся в Бутырской слободе в Петровское заговенье (Петровский. С. 400). Набор развлечений на этом гулянье был традиционным для начала XX в.: в домах - гости, на улице - танцы под гармонь, торговля сладостями, семечками, сахарным мороженым. И хотя в 1903 г. одна из местных газет писала, что это гулянье "год от году теряет свое значение" - становится меньше народу и меньше торговцев сладостями, тем не менее оно сохранялось еще перед первой мировой войной. Основной контингент гуляющих в эти годы составляли фабричные рабочие, в 1830-е годы - "низшего класса люди", а раньше, т.е., видимо, в конце XVIII - начале XIX в. в них участвовал "народ разного сорта", особенно вечером, "перемешанный в темноте и тесноте" (Петровский. С. 399; Гулянье на Бутырках // Северный край. 1903. 5 июня. С. 4; Dorel. С. 3).

Местные праздники сохранились в праздничном календаре русских и в послеоктябрьский период. Однако характер их, как и государственных праздников, под влиянием перемен, произошедших в стране после 1917 г., существенно меняется.

Первые местные праздники советского времени стали появляться уже в 1918 г. Так, например, в Твери 28 апреля праздновали День Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в Иваново-Вознесенской губернии 15 сентября отмечался День рабочей кооперации, в Москве 22 декабря - День Красной Пресни и т.п. Все эти праздники, являвшиеся по существу определенным политическим актом, как правило, оказывались разовыми мероприятиями и не оставили сколько-нибудь заметного следа в праздничной культуре народа.

По-иному сложилась судьба местных праздников, возникших в послевоенный период. Большинство их органично вошли в праздничный быт русских.

В послевоенные годы появилось много местных праздников историко-мемориального характера, в том числе посвященных годовщинам освобождения городов, сел, районов и областей от фашистских захватчиков. В 60-80-е годы стали популярными местные литературные и фольклорно-этнографические праздники. Получили распространение и молодежные праздники, приуроченные к окончанию школы ("Алые паруса" - в Ленинграде, "Костры Магнитки" - в Магнитогорске, "Перед дальней дорогой" - в Красноярске и т.п.). Стали входить в праздничный быт разных регионов России праздники улиц (дворов, кварталов), городов, сел и деревень, так называемые праздники малой Родины. (Советские традиции... С. 148; Полищук. 1963. С. 40-43; Крупянская и др. С. 143-146; Тульцева, 1992. С. 323-324. См. также: Кривоносое, Фатеева. С. 124-129; Праздники, рожденные жизнью... С. 211-220).

В советский период, как и до 1917 г., местные праздники развивались в том же русле, что и государственные, составляя единую праздничную культуру русского народа. И те, и другие представляли собой сложный конгломерат различных элементов, возникших в разное время и в разной среде, традиционных и новых, сельских и городских, русских и общесоветских.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Жизнь крестьянина, как прежде, так и теперь, подчинена повторяемой смене времен года. Поэтому с древнейшей поры природно-астрономические явления были для людей главными ориентирами в круговороте годовых сезонов. Это прежде всего летнее и зимнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствия, а также естественная смена времен

года. Эти переходные рубежи открываются большими календарными праздниками - святками, масленицей, семицко-троицкой неделей, русалиями и Ивано-Купальским праздником, осень предваряют праздники во имя Спаса и Богородицы.

Праздничные циклы соединяет между собой цепочка ежедневных средних и малых праздников (пол у праздников), календарных примет и наблюдений, зарифмованных в присловья и жестко привязанных к церковным святым. Поэтому календарные праздники неотделимы от устного крестьянского календаря - земледельческого месяцеслова. С принятием христианства богатейший опыт людей по освоению природы и окружающей среды был как бы по-новому "систематизирован" и сакрализован святыми православных святцев. Соответственно в народном календаре, сплошь состоящем из рифмованных присловий, каждый день стал узнаваем по той конкретной информации, которая в качестве "прозвища" закрепилась за конкретным святым: например, Авдотья-Малиновка, Борис-Глеб-Пал и-копы, Луп-Брусничник, Орина-Журавлиный Лет, Савватий-Пчельник. Эта информация, накапливаясь от одного дня к другому, как бы подводила к рубежу, когда должны были произойти качественные изменения в природе и, благодаря этому, в жизни человека. Именно на эти рубежи приходятся все большие календарные праздники. Поэтому в народном укладе жизни каждое значительное празднество - было не просто "эмоциональной разрядкой" от трудовых будней, а своеобразным итогом прожитому отрезку времени и одновременно "подготовкой" к следующему периоду. Как "итог", так и "подготовка" осуществлялись через определенные обряды и ритуальные действия. Повторяясь, хотя и в разных вариантах, в течение года от одного праздника к другому, они служили единственной цели: не дать оскудеть всему сущему на Земле. Поэтому в центре календарных праздников стоят мотивы продолжения человеческого рода, плодородия земли, плодovitости скота, зверей, птиц.

Календарные праздники, как и народный месяцеслов, такие же древние, как труд земледельца, скотовода, охотника. Вместе с мифами, былинами, сказками народный месяцеслов и праздники стали хранителями сокровищ духа и души народа. Жизнь этой сокровищницы вечна, так как в ее основе - труд, праздник, поэтическое слово, забота об умерших предках и продолжении рода.

Праздники первозимья

Уже с октября на Руси начинало чувствоваться веяние зимы. К этой поре спешили убрать весь сжатый хлеб. Это еще не зима, а зазимок или зазимье, зазимки. Первое зазимье совпадает с широко отмечаемым у русских православным праздником Покрова Богородицы (1/14 октября). Покров был той вехой, ориентируясь на которую крестьянин начинал подготовку к зиме. Заботясь о тепле в избе на зиму, хозяйки рано утром творили приговор: "Батюшка Покров! Натопи нашу хату без дров!" В Чухломском районе молились: "Батюшка Покров! Покрой избушку теплом, а хозяйку добром!" Затопив печь, шли за дожиночным снопом - тем, что был сжат последним, принесен с поля и до Покрова стоял в переднем углу, под божницей. На Покров этим снопом "закармливали" на зиму домашнюю скотину. Обычай связан с древним поверьем о том, что последний сноп хранит силу всего сжатого поля.

К Покрову каждый хозяин правил, утеплял и конопатил все углы и заваленки своей избы: "Захвати тепла до Покрова; не ухитишь до Покрова - изба будет не такова!" В некоторых селениях по Оке Спасского района Рязанской области на Покров непременно пекут блины, а когда едят, то говорят, что этим "углы затыкают, чтобы в доме тепло было". Истоки обычая печь на Покров блины довольно глубоки и связаны с культом предков, с почитанием всех усопших прародителей. Осенью, когда из летних помещений переходили жить в теплую зимнюю избу, то считалось, нужно горячими блинами помянуть усопших предков как хранителей благополучия домашнего очага. По некоторым старым представлениям считалось, что души предков как бы незримо обитают в углах дома, охраняя его.

На Покров ребятишек для здоровья обливали водой сквозь решето.

В старом быту с Покрова начинались свадьбы. По народным приметам, снег на Покров предвещает счастье молодым. Накануне Покрова девушки загадывали: "Батюшка Покров! Чем земельку покроешь? А меня, молоду, повойничком или снежком?" В с. Кулье Печорского района девушки, моля Богородицу покрыть снежком Мать-Сыру-Землю, просили: "Покров Пресвятой Богородицы! Покрой меня покровом своим!" В вологодских деревнях девушки ткали обыденную пелену (т.е. по обету, в течение суток) и перед обедней несли ее в церковь к иконе Покрова Богородицы, молясь о хороших женихах.

Русские люди, празднуя дни, посвящаемые Богоматери, ожидали от Нее помощи как от "заступницы усердной" перед Богом. Когда праздновался Покров, то, в народных представлениях, Богородица печалилась не только о девушках, но скорбела за весь крестьянский род. Об этом повествует бытовавшее еще в начале века в нижегородско-самарском Поволжье сказание о том, что каждый год в назимные октябрьские дни - "от Покрова до Казанской" - ходит по земле Мать Пресвятая Богородица с собором святых праведников. Ходят святые угодники по крестьянским нивам, заботливо проверяя, весь ли урожай "сдвинулся" с полей в закрома. Ведь по народному счету времени Покров и Казанская - это и сезонные вехи: Покров - зазимки, Казанская - это уже перевозимье, начало санного пути. А такие переходные временные рубежи всегда отмечались по-особому в крестьянских святцах. С особыми приготовлениями и торжественностью встречалось и празднование Казанской иконе Божией Матери (22 октября / 4 ноября) или, как принято говорить, Осенней Казанской. Во многих деревнях и городских приходах на Казанскую приходится престольный праздник. В это время - разгар осенних свадеб.

Переходное время от осени к зиме отмечено поминальным днем - родительской Димитриевской субботой. Она предшествует празднику в честь великомученика Димитрия Солунского (26 октября/8 ноября). В Дмитриев день бывали братчины - сообща варили пиво, им же угощались.

Пришло время деревенским супрядкам, на которых теребили и чесали промятый лен. 28 октября в день Параскевы и Ненилы льняниц первые промятые волокна {первинки} несли в церковь: их освящали, часть оставляли у икон. Устраивались также льняные смотрины - бабы и девки выносили на улицу напоказ вытрепанный лен {опытки}. В г. Чухломе и уезде (Костромская губерния) в день Параскевы-льняницы, называемой также "Пятницей" и "Временной", варили кашу из пшена нового урожая, которую заправляли свежесбитым льняным маслом {Максимов, 1913. С. 292}. Это была обрядовая трапеза, во время которой благодарили Бога за первинки - новое пшено и свежее льняное масло.

День Параскевы-Пятницы всюду считался праздником "баб и девок". С особым усердием молились девушки, прося "Матушку Парасковью отдать замуж поскорее".

С приходом ноября начинается (а в южных районах заканчивается) стрижка овец. По этому поводу с окончанием пастбищного сезона справлялся праздник овчаров {овчарный праздник}. Он связан с именем св. мученицы Анастасии Римляныни (29 октября/11 ноября), которую в крестьянских святцах называли Настасьей-стригальницей, Настасьей-овчарницей, В паре с ней величали и празднуемого в тот же день Авраамия-затворника как Авраамия-овчара. В овчарный праздник овечьих пастухов угощали брагой, молоком, пирогами с капустой и морковью.

Едва заканчивалась осенняя стрижка, как наступала чередой новым хлопотам. По времени они приурочены к дню святых Космы и Дамиана, в просторечии - Кузьмы и Демьяна (1/14 ноября). В народе их почитали как ремесленников - за покровительство ремеслам, как искусных кузнецов и врачей-"бессребренников", помогавших в недуге людям и животным и не бравших плату за свой труд (подробнее см.: Макашина, С. 19-21).

К 1 ноября во многих местностях заканчивалась молотба зернового хлеба. Поэтому день Кузьмы и Демьяна был своего рода крестьянским праздником завершения молотбы. Он начинался с принесения кочета в жертву овиннику - хранителю овина, который, по поверью, сушил зерновой хлеб. Как писал А.Н. Афанасьев, еще в середине XIX в. в некоторых местностях "уцелел обычай резать в овине петуха 1 ноября" (Афанасьев А.Н.,

Ш. С. 771). Возможно, именно благодаря этому обычаю 1 ноября именовали кочетятником, а словом кочеты называли даже молодежные посиделки, устраивавшиеся в Шиловском районе Рязанской области.

1 ноября готовилась каша из зерен нового урожая, благодаря чему святые Кузьма и Демьян прозывались также кашниками. Устраивалась деревенская братчина с домашним пивом. В Пошехонье, например, согласно местной традиции братчина праздновалась отдельными компаниями: с утра все пожилые мужчины и женщины варили пиво у себя дома, а под вечер большаки со своими хозяйками ходили по гостям "для пира". Парни делали свою братчину. Гулянье, но без вина, было и у девушек-невест {Архангельский. С. 53).

Под особым покровительством святых-"бессребренников" оказались куры. Во многих местах день Кузьмы и Демьяна был известен как курячий праздник, курячьи именины. На это время приходятся хозяйские заботы по уходу за курами: утеплялись курятники; слабых кур метили и резали к столу. Старики, вспоминая старый обычай, и сейчас говорят: "Вот, бабы, сегодня кур надо рубить!"

В селениях по р. Оке, Среднем и Нижнем Поволжье день Кузьмы и Демьяна был девичьим праздником и назывался кузьминками, кузьмушками, ссыпками. Снималась изба, и девушки "ссыпались", т.е. каждая приносила муку и другие продукты для приготовления вечернего пиршества. Особенностью сбора продуктов для кузьмушек было то, что хотя бы часть из них должна была быть похищенной у кого-либо. Без сомнения, это "воровство" провизии имело ритуальный характер. Веселье на кузьминках длилось от одного до нескольких дней.

На юге Нижегородской области девушки на второй день ссыпок наряжались во все красное - цвет брака, солнца, жизни. Красный цвет кузьминок символизировал осенний свадебный сезон. Поэтому в народе говорили: "Кузьма-Демьян пришел -на свадьбу повел!" Известно множество свадебных песен с припевом "Кузьма-Демьян, скуй нам свадебку!"

Видно, не случайно эти святые стали "курячими богами". На кузьминки было принято готовить куриную лапшу и пирог-курник, начиненный куриным мясом и яйцами. Это была ритуальная еда, специально готовившаяся для жениха и невесты и подававшаяся им в определенный момент свадебного пира.

Брачные мотивы ссыпок усиливались благодаря тому, что на них в некоторых местах приходили погулять и парни. В с. Большой Мутор Касимовского уезда, где еще в 1920-е годы сохранялся возрастной принцип праздничного времяпрепровождения, после веселья девушки и парни вместе устраивались спать (ЭАОИРК. Кн. 1. № 16. 1927 г.). В д. Сумерки и Заулки того же уезда подготовка начиналась за неделю до праздника: собирали харчи и каждый день что-нибудь варили и пекли. Собираясь вместе, девушки рядились, кто молодой, кто парнем, старухой, сторожем, барыней и др. За один-два дня до Кузьмы и Демьяна девушки делали куклу - маленького и с пляской заходили в каждый дом, собирая яйца и "кто что даст" для "маленького" - его "надо кормить". К 1950-м годам кузьмушки отмечали лишь тем, что "напекли блинов, погуляли да и все" (АИЭА. Фонд Комплексной экспедиции. Рязанский отряд. Д. 68, № 97. ПО. Полевые тетради Г.С. Масловой).

Локальный вариант кузьмушек в д. Сумерки и Заулки привлекает внимание тем, что в это время девушки имели право рядиться. Фрагмент праздника - сбор харчей, чтобы "маленького кормить" - отголосок кузьмушек того времени, когда, как считают исследователи, во время совместного проведения ночи допускались внебрачные отношения между парнями и девушками.

Ссыпками, там, где была такая традиция, отмечался и Михайлов день (8/21 ноября). День, известный в православии как Собор Архистратига Михаила, широко отмечался в русских селениях, так как архангел Михаил пользовался особенно большим почитанием в народе. И празднование, и почитание имело известное обоснование: по преданиям, Архистратиг Михаил во главе небесного воинства сопровождает Пресвятую Богородицу в

години несчастий; считается, что именно Михаил-архангел встречает у огненной реки души усопших и препровождает их на суд к Господу.

В Михайлов день во многих местах празднуют престолы, братнины, свадьбы — последние шумные осенние гулянья перед Рождественским постом или, как его называют в народе, Филипповками (день апостола Филиппа 14/27 ноября).

Заговенье на Филипповки было праздником молодухек (женщин, которые менее года замужем) у оренбургских казаков. Как для кузьминок, так и для заговенья молодухки за неделю до празднования ходили по знакомым домам и собирали солод и ржаную муку, чтобы сварить пиво, которым потчевали всех, кто приходил на вечерку (Мякутин. С. 251-252).

Весело встречалось заговенье на Филипповки девушками-невестами в верхневолжских областях. Здесь и сейчас помнят об обычае, который в Палехском районе Ивановской области назывался "заговельшко кричать", в Любимском районе Ярославской области - "жениха величать". Девушки собирались своей беседой и вечером, накануне поста, ходили от дома к дому, где жили холостые парни, и под их окошками кричали поздравления. Например: "Василия Андреевича, с заговеньем!" Затем исполняли песенку-окличку:

Свекор да свекровушка,
Покажи свою стряпню!
Подай кончик пирожка
Для Иванушки-женишка!
Не подашь пирожка –
Не похвалим женишка!
Подашь пирожка -
Похвалим женишка!

Заговенье на Рождественский пост - это к тому же осенне-зимнее порубежье, сакрализованное обычаями угощать домового: закуски выносили на двор (Московская область) или оставляли, как на Смоленщине, на верее (столбы ворот), чтобы водился скот. Домовых призывали на ужин, величая их и домовыми, и родителями.

К Филиппову заговенью в деревнях завершалась кудельница - время, когда женщины, девушки, девочки и даже иногда мальчики готовили лен для пряжи. Лен мяли, трепали, чесали. Деревенская молодежь с нетерпением ждала Филипповок, когда в деревнях начинали прясть. Из-за того, что все Филипповки были заняты прядением, этот пост в некоторых местах (например, в бассейне р. Унжи и Ветлуги) назывался прядистое говенье или прядильное, прядкое говенье. Говорили: "Филиппан не напрядет, так Великан не наткет", т.е. в Филипповки надо усиленно прясть, чтобы в Великий пост побольше наткать (Громов А.В. С. 53-54).

Приход зимы в крестьянских святцах связан с праздником Введения Пресвятой Богородицы (21 ноября/4 декабря). На Ангаре молодежь в этот день устраивала вечеринки с игрищами (Макаренко. 1913. С. 122). Девушкам на выданье накануне праздника, перед сном, советовали молиться о замужестве: "Введенье Пресвятой Богородицы! Своди меня в тот дом, в котором век жить!" В день праздника молились о венчании: "Введенье Пресвятая Богородица! Введи во храм Божий поскорее!" Повсюду в этот день пеклись олады; в один оладушек непременно запекалась монета: кому достанется - на счастье.

Введение открывало санные торги. Самым известным был торг на Катерину-санницу в Москве, на Лубянке (24 ноября/7 декабря). День этот был праздником молодух, что вышли замуж в осенний мясоед. Для них по первозимью устраивались катания в нарядных санях. Тогда же, в Катеринин день, бабушки и крестные мамушки дарили детям маленькие санки-kozyрки (без полости).

Особым в крестьянском календаре был праздник, называвшийся Егорием (или Юрием) холодным (26 ноября/9 декабря). Он посвящен реальному историческому событию

Русской Православной Церкви - освящению храма во имя великомученика Георгия в Киеве (1051-1054). Однако в народном календаре этот день прочно ассоциировался с Егорием как пастырем волков. В этнографической литературе встречаются единичные описания аграрных обрядов осеннего Егорьева дня. Одно из них было сделано рязанским этнографом Н.И. Лебедевой в 1920-е годы в с. Стафурлово Екимовской волости. Здесь на осенний Егорьев день молодежь с каждого двора собирала по два "коня" (обрядовая выпечка). Собранные "кони" относились в поле, где все обращались к святому: "Егорий милостивый! Не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!" Принесенные "кони" закапывались здесь же в поле, в снегу (ЭАОИРК. X, № 237). Этот обряд многофункционален по своему значению: здесь и моление к Егорию милостивому о сохранении домашнего скота; здесь и определенная жертва печеными "конями", которая как бы предназначалась волкам, но она не разбрасывалась по полю, а зарывалась в снег, ближе к земле, тем самым как бы посвящаясь и земле, и наступающему темному времени года, когда в полях и лесах хозяйничали волки. Не случайно этот период в народном календаре отмечен "волчьей темой": например, вязниковские крестьяне (Владимирская губерния) советовали отмечать 1 декабря, а кто этого не делает, того волки съедят.

Одним из широко отмечаемых праздников декабря был день Никола зимнего (6/19 декабря). Никола-угодник - один из самых почитаемых на Руси святых. В каждой семье в этот день готовился праздничный стол. В деревнях справлялась Никольская братчина с ячменным пивом и пирогами. В тех же селениях, где праздновался престольный день, разворачивались шумные Никольские ярмарки, на которых непременно был и торг хлебным зерном. Именно на этих ярмарках устанавливалась цена на зерно: "Никола строит цену на хлеб".

Приметная веха декабря - день, называемый Спир идо ном- Поворотом, Спи-ридоном-Солоноворотом, солнцеворотом или просто поворотником (12/25 декабря). Перечисленные названия сконцентрировали крестьянские знания об астрономическом состоянии зимнего Солнца по отношению к северному полушарию Земли. Знания о переходном состоянии природы отразили некоторые ритуалы и обряды. Их зафиксировано немного. Но все они принадлежат единому типологическому ряду символов солярного культа. Это прежде всего - зажжение костров, о чем А.А. Коринфский писал: "Даже и теперь в некоторых местностях сохранился в деревенской глуши обычай чествовать поворот солнца зажжением костров на 12-е декабря" (Коринфский. С. 530).

Другой символ солнца - колесо. Его катали с горы, а затем сжигали у проруби.

В честь этого колеса-солнца исполнялись песни. В Ртищево-Каменской волости Симбирского уезда в этом случае исполнялась песенка-окличка, в которой говорится о том, что сам преподобный Спиридон с колесом в руках призывает солнце на Святую Русь (Там же. С. 533).

Покров, Казанская, Кузьминки, Михайлов день, заговенье на Рождественский пост и другие праздники перевозимья и начала зимы были вехами между теми или иными последовательно сменявшимися работами для подготовки собранного урожая к хранению, а домашних животных и птиц - к зимовке. Эти праздники были по сути своей праздниками сбора урожая. По традиции крестьянская община отмечала их в форме братчин, т.е. сообща, всем миром. Сообща же, от всего мира, нередко заказывалась в церкви особая братская свеча, которая ставилась у иконы того святого, который, как считалось, покровительствовал данному селению или определенному кругу семей. Другая характерная черта праздников перевозимья: пока закрома полны - игрались свадьбы. В Рождественский пост праздновались, но скромно, только престольные праздники и день Никола-зимнего; свадьбы не игрались. Когда наступали святки, обрядность принимала иной характер.

Святки

Святками называют время от Рождества Христова (25 декабря/7 января) до Крещения (6/19 января). Древнее праздничное двенадцатидневье святок посвящалось зимнему солнцевороту, которое в эпоху установления христианства приходилось на 25 декабря (по ст. ст.). Особое состояние астрономического года, каким является зимний солнцеворот, нашло отражение в обычае в ночь под Рождество Христово зажигать костры. Костры жгут с 12 часов ночи посреди деревенской улицы, напротив каждого дома. В Борисоглебском районе Тамбовской области, где обычай сохранился еще в 1960-е годы, его называли "греть Христа". В Нижнедевицком уезде Воронежской губернии костры зажигали вечером на Новый год и под Крещение, и это называлось "греть родителей" (Поликарпов. С. 25). География обычая довольно широка - это весь южнорусский регион, включая Самарскую и Астраханскую губернии. Разные названия его, как и разное время исполнения, - это уже исторические трансформации и переосмысление обычая.

Благодаря восприятию христианского предания о рождении Христа, сам праздник в народном быту наполнился подробностями, которые как бы иллюстрировали события, связанные с рождением Христа. Прежде всего в сочельник, до первой вечерней звезды, как символ того, что звезда возвестила волхвам о рождении Христа, никто ничего не ел и не садился за стол. Сочельничать, т.е. разговляться всей семьей постной пищей с появлением первой вечерней звезды, начинали с молитвы. Затем старший в семье прикреплял зажженную свечку к хлебу и выходил с ней во двор; возвратившись с охапкой сена или соломы, он застилал ими избу; под образа и по углам ставили необмолоченные снопы ржи, а около икон - кутью. Снова помолившись, садились за стол. В сочельник пекли блины, оладьи медовые и пироги постные с грибами, картошкой, кашей. Тверяки готовили сочни с ягодами.

Сочельничать полагалось в строгом молчании. Этой трапезой не просто завершался Рождественский пост, а как бы перекидывался мост к святкам ("Сочельник - к святкам, с Филипповок мост"), начинавшимся колядованием. Для колядования собирались подростки, молодежь, молодые мужчины и женщины, среди которых одного обряжали в вывороченную шубу, давали в руку палку и суму, куда складывались продукты. Компании колядующих выкрикивали под окнами изб величание хозяевам. Как правило, оно начиналось со слов: "Пришла Коляда, / Накануне Рождества, / Мы ходили, мы искали, / Мы нашли Коляду, /". Во многих местностях в вывороченную шубу рядилась женщина. Она разыгрывала роль бабки Коляды, которая проверяла, кто сколько напрял за Филипповки.

Прядева должно быть столько, чтобы сочельников мост прочно соединил Старый и Новый год, нерадивых прях бабка Коляда беспощадно била безменом.

День Рождества Христова в земледельческих районах начинался с того, что перед утреней или после нее пастухи "обсевали" или "посевали" избы. Обходя деревню, они поздравляли хозяев с праздником и с порога бросали горсть зерен в передник к хозяйке или по углам, вдоль избы, приговаривая: "На живущих, на плодущих, третье - на здоровье!", "На полу теляток, под лавкой ягняток, на лавке - ребяток!", "Сею, посеваю ярой пшеницей, овсом, гречихой на телят, на ягнят и на всех крестьян!" Уже сами эти приговоры объясняют цель обычая: обеспечить в новом году урожай зерновых, плодовитость скота, здоровье людей (Подробнее см.,: Тульцева, 1989. С. 55).

В южнорусских областях, Нижнем Поволжье, Западной Сибири посевание изб совершалось детьми ранним утром, на Новый год. Посевая зерном, дети пели:

Сею, вею, посеваю,

С Новым годом поздравляю!
На Новый год, на ново счастье
Уродись пшеничка,
Горох, чечевичка!
На поле - копнами,
На столе - пирогами!

(Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. С. 83-84)

К Рождеству повсюду пекли из теста коровок, бычков, овец, птиц, петухов. Эти печения-козульки дарили родным, друзьям и знакомым, выставляли их в качестве украшения между оконных рам, угощали колядовщиков. Рождественское разговенье принято начинать с вкусной и обильной еды. Некогда на Руси непременно рождественским угощением был поросенок, начиненный кашей, или кабанья голова с хреном; в обычае было подавать к столу окорок запеченный, копченый или горячий отварной, жаркое или заливное из поросенка, студень из свиных ножек или головы, жареную свиную грудинку с картошкой. Специально приготовленного поросенка подавали к столу и в канун Нового года, в Васильев вечер. Считалось полезным после трапезы зарыть кости Васильевского поросенка где-нибудь на огороде для изобилия в доме. Там, где такого обычая не было, перед Новым годом пеклось обрядовое печение - свинки. В Нерехотском уезде Костромской губернии, например, в тот день варили свиные желудки, отчего канун Нового года назывался желудочницы. Собирая под окнами пироги и вареные свиные ножки, колядовщики выкрикивали: "Свинку да боровичка выдай для Васильева вечерка!"

В течение всей рождественской недели было принято славить Христа. В западных и северо-западных областях России особый колорит празднику придавали группы христославов-мальчиков с вертепом или звездой.

Вертеп - это простенький макет церкви, по форме напоминающий обычный ящик без передней стенки, обклеенный внутри и снаружи разноцветной бумагой, с искусно сделанным шпилем или маковкой. Внутри вертепа была как бы сцена кукольного театра, в котором разыгрывались картины из священной истории, рассказывающие о рождении Христа.

Звезда делалась двусторонней, из разноцветной бумаги, с изображением, например, поклонения пастырей. Иногда внутрь звезды прилаживали зажженную свечку, отчего рисунок проступал ярче, а лучи звезды как бы светились. Христославы, пропев рождественское песнопение (тропарь или кондак), в конце добавляли собственную присказку. Например, мальчики-славильщики младшего возраста пели бесхитростную

песенку, в различных вариантах известную по всей России:

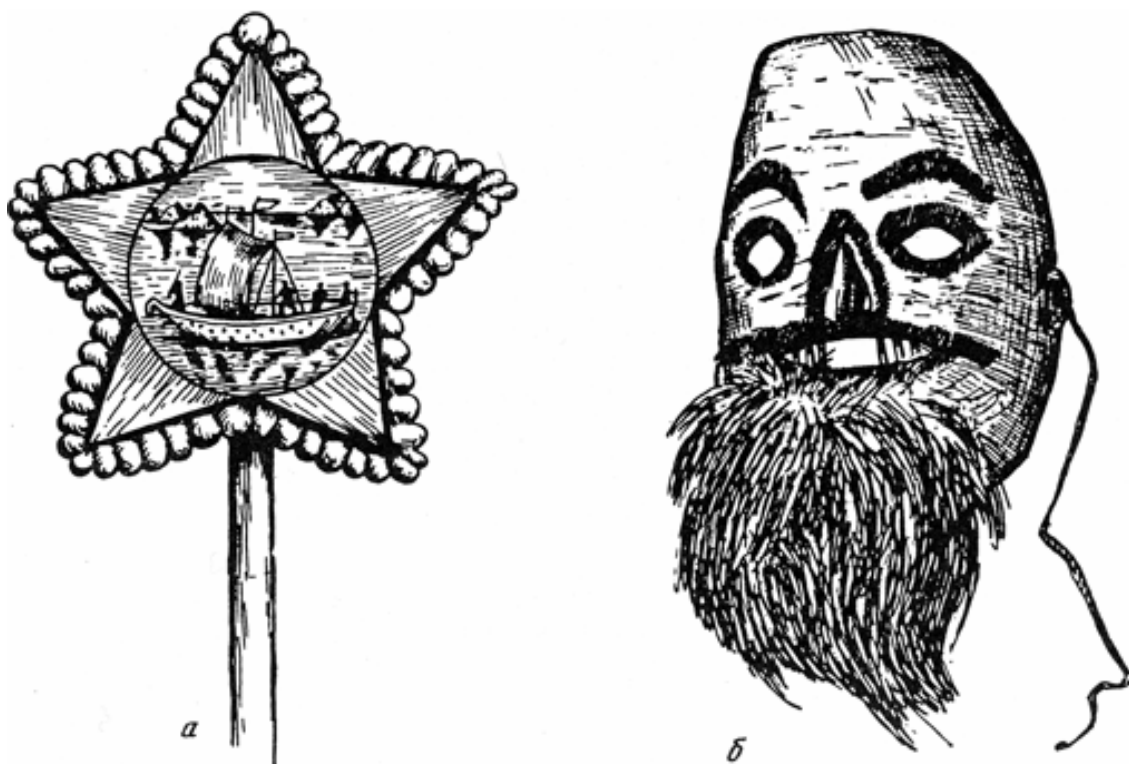
Славите, славите,
Сами, люди, знаете.
Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок!
Нам на прянички,
На орешки.
Детям на потешки!

Зимние календарные обряды:

В Западной Сибири к сходной песенке добавляли просьбу: "Сырчик в рукавичку, шанежку за пазушку!"

Второй день Рождества - праздник повивальных бабок и рожениц - бабины, бабьи каши. В этот день праздновали иконе Божией Матери "Блаженное чрево" (см. также: Чичеров. С. 60-61).

С рождественским колядованием перекликается обычай "кликать Авсень". Приуроченный к кануну Нового года, он широко известен в исконно русских землях средней полосы России. С переселенцами Авсень попал сначала в Симбирскую губернию, а затем в Сибирь - Омскую и Новосибирскую области. Свое название новогоднее величание получило по припеву "Авсень! Авсень! Златоус Авсень!" (варианты: "Овсень!", "Таусень!", "Усень!" и др.) Дети, подростки, холостая молодежь, объединившись в группы по возрасту, а иногда и по полу, например, когда девушки величали парней, ходили от избы к избе и под окошками "кричали" или "кликали Авсеня". Если в доме имелись жених или невеста, то величали не только хозяев, но и будущих молодых, суля им скорую свадьбу.

Зимние календарные обряды:

а) Рождество Христово: рождественская звезда, б) Святки: святочная *рожа* – берестяная маска

Со среднерусскими Авсенями схожи новогодние величания Виноградья, сопровождаемые припевом "Виноградье, красное-зеленое мое!" Особенно широко они были распространены на Русском Севере и с переселенцами попали в Сибирь. Новогодние величания выполняли роль ритуального заклятия, призывая благополучие на прославляемый двор.

Обойдя дворы и получив за свои труды козульки, авсеньки, свиные ножки, шанежки и т.п., колядовщики устраивали гулянье, с играми, плясками, ряжением, гаданиями.

Гадание под Новый год было широко распространенным обычаем. Во все времена оно имело одни и те же цели: узнать, каков будет урожай в наступающем году, и предопределить личную судьбу. Об урожае гадали по зерну, колосу, снопу или караваю хлеба. Если хотели узнать, что лучше уродится, то в ночь под 1 января выставляли на мороз снопы разного хлеба или втыкали в снег стебли с колосьями, а утром смотрели: на котором из них больше инея, тот даст больший урожай. Под Новый год и в крещенский сочельник после ужина искали зерно под столом: если найдут - к урожаю. В канун Нового года пекли каравай, взвешивали его и клали на ночь к иконам. Если утром вес оказывался больше, то год должен быть урожайным, меньше - к бескормице.

Широко было распространено гадание по колоску, выдернутому из "кладушки" на гумне: колос с зерном предвещал урожай, пустой - недород. К схожему гаданию прибегали девушки, чтобы узнать, богатый ли будет жених.

Гадания о суженых-ряженных отличались необыкновенным разнообразием. При этом не было каких-то особых локальных приемов гадания, варьировался лишь "материал", бравшийся для него, что зависело от среды обитания человека. Например, если в южнорусских областях девушки пытались определить имя суженого по скрипу фруктового дерева, то во Владимирской губернии - по скрипу рябины.

В прошлом существовало до нескольких сотен способов гаданий: по звездам, месяцу, воде, снегу; с кольцами, зерном, квашней, блинами, ложками, курицей, петухом, овцами, зеркалом и свечами, повойником, угольками и т.п.; слушали лай собак, фырканье лошадей, разговоры под окнами (по обрывкам фраз надеясь определить судьбу), спрашивали имя у первого встречного (таково будет имя жениха) и т.д. Гадали у овина и внутри него, в бане, на улице, на перекрестках. Наиболее действенными считались гадания за околицей на перекрестках дорог, где всегда стояли часовни и обетные кресты.

Святки - время уличных забав, вечеров, ряжений. Ряженных называли окрут-чиками, кудесниками, на Русском Севере - святошниками (от святки). Рядились в вывороченную шубу, в медведя, козу, быка, а также в журавля и курицу. Из персонажей повседневной жизни наиболее популярными были маски солдата, гадающей цыганки, купца, барина, нищего.

Широко бытовали игры ряженных "в кобылку" ("коня", "лошадь") и "в покойника". От времен Московского государства (XVI-XVII вв.) сохранилось немало указов, запрещавших "бесовскую кобылку водить". Но игра сохранялась и в XX в. Ее истоки - в древних зимних русалиях, посвящавшихся солнцевороту. Поэтому не случайно повторение игры "в кобылку" во время летних русалий, в период солнцестояния.

Во всех описаниях святочных игр поражает обязательное присутствие ряженого покойником. Маска или ряженный покойником, появляются только в святки, в другое время года ряжение "покойником", видимо, не допускалось (чтобы не оказать неблагоприятного воздействия на "живущих" и "плодущих"). Раскованностью отличались сценки, разыгрывавшиеся ряженными в мужскую и женскую одежды. Мужской и женский травестизм (перемена пола) - отголосок каких-то шаманских реалий, имевших место в Древней Руси, но с течением времени изжитых. Осталась лишь внешняя сторона, принявшая скоморошью форму, что давало возможность участникам игры переступить черту недозволенного (в обычной жизни) и разыгрывать эротические сценки, допуская непристойные шутки и жесты.

Брак, свадьба, плодородие - мотивы святочных игр, гаданий, подблюдных песен (см. о них: Поэзия крестьянских праздников. С. 137-238) были тем естественным фоном, на котором разворачивались хлопоты и ожидания, связанные со сватовством, с выдачей замуж девушек и женитьбой парней. Поэтому в северорусских областях, где население жило в небольших деревеньках, сложился обычай принародных девичьих смотрин. Девушки-невесты, нарядно одетые, выстраивались цепочкой в каком-то месте: на берегу реки, на одной из улиц села, на площади перед храмом. На девичьи смотрины съезжались свахи и матери с сыновьями для выбора невест.

Святки были известны и своими свозками или свозами: всех окрестных невест родители свозили в одно большое село к родным и знакомым специально для участия в новогодних посиделках. Цель их - себя показать и жениха присмотреть. Поэтому, когда наступал последний день святок, - а этим днем был праздник Крещения Господня (6/19 января), - говорили: "Крещенье - всем делам вершенье!" По числу сосватанных пар как бы подводился итог святочным гуляньям.

По традиции на Крещение участники игрищ, особенно те, кто рядился или ходил в личинах, чтобы очиститься от греха, купались в иордани - крещенской проруби, около которой проходило водосвятие с торжественным молебствием. Накануне и в день Крещения совершались ритуальные действия, имевшие охранно-магические цели: дома ограждались от нечистой силы с помощью креста, рисовавшегося на всех дверях и воротах двора, внутренние помещения окроплялись крещенской водой.

По своему характеру святочная обрядность довольно четко делится на ритуальную и игровую. Ритуальная исполнялась в первую неделю святок от Рождества до Нового года. Именно на это время приходится исполнение разнообразных песен-заклинаний, призывавших благополучие на прославляемый двор и суливших скорую свадьбу женихам и невестам. На этой же неделе славили Христа. В это же время исполнялась и большая

часть гаданий о будущем урожае.

Вся вторая неделя святок заполнена разнообразными игрищами, ряжением, разыгрыванием на посиделках народных драм, гаданиями о суженых-ряженных, девичьими смотринами.

Время от Рождества Христова до Великого поста называлось Великим Промежговением: примерно, в течение двух-трех месяцев до Великого поста длился мясоед, во время которого справлялись свадьбы. Поэтому февраль (середина мясоеда) назывался "свадебником". О незадачливых женихах говорили: "Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился". Таких парней на Масленицу могли принародно осрамить.

Масленица

Празднование Масленицы совпадает с новолунием, напоминая о том, что в Древней Руси она праздновалась как начало Нового года по лунному календарю. С XVI в. после церковной реформы, упразднившей мартовское новолетие и утвердившей 1 сентября (по ст. ст.) как начало нового года, масляная неделя стала восприниматься как праздник проводов зимы и встречи весны. По времени и характеру празднования Масленица, как и Белая неделя других народов (например: Бела, Сирна неделя - у сербов и черногорцев; Бела, Сирната, Сирупосна неделя - у македонцев, *saptamana alba*, т.е. Белая неделя, - у румын) типологически едина с традиционным праздником бурят-монгольских народов цаган-сар {Белый месяц}, посвященный окончанию зимы и началу Нового года по лунному календарю. Как сейчас каждый человек стремится встретить Новый год, так в старину - Масленицу. Бытовало даже присловье: "Хоть себя заложить, а Масляницу проводить!"

Два основных мотива (на фоне многих других) преобладают в праздновании Масленицы: необыкновенное изобилие еды на столах всех домохозяев; особое внимание к молодоженам и молодежи как такой биосоциальной части населения, от которой зависело благоденствие общины в перспективе.

Русские названия Масленицы — Масляная, Сырная неделя, Сырница — говорят о ней как о празднике белой пищи: молока, масла, сметаны, сыра и других молочных продуктов, получаемых от домашних животных. Поэтому в псковско-смоленских говорах эту неделю называют белой мясоедью. Не случайно, в западных и южнорусских районах (Смоленщина, Псковщина, Калужская, Курская губернии), а также в Западной Сибири, когда встречали Масленицу, то в песнях пели о том, как люди "Масляницу встречали, сыры с маслом починали", пирогами и блинами гору устилали.

Масленица не всегда и не везде была блинница. Можно перечислить сколько угодно мест, где в старину блины не пеклись. "Вологодские губернские ведомости" в 1852 г. (№ 6. С. 52) сообщали, что "лет 30 назад" блины "здесь совсем не употреблялись о Маслянице"; приготовление к празднованию состояло "в пряжении" разного "пирожного": сырников, яичников, ягодников, крестиков, плетушек, розанчиков, хворостов и др. В с. Кстово Нижегородской губернии в Сырную неделю пекли маленькие пряженцы с грушей, луком, маковой дурандой, яйцами, малиной и черникой, а богатые - с изюмом (Зеленин, 1915. С. 825). Даже в наше время сохраняется местная традиция в масленичной выпечке. Например, в д. Вороново Вязниковского района пекут пряженцы с изюмом; в с. Большое Болдино Нижегородской области - малинки (шарики с начинкой); в Чухломском районе всю Масляну пекут в печке на сковородке лепешки из жидкого пшеничного теста величиной с полтинник. Обратим внимание и на сообщение М.Д. Чулкова (1744-1792) о том, что блины, оладьи, пряженцы и др. - все это "вообще называется масляницею" (Чулков. С. 194), т.е. в XVIII в. под Масленицей подразумевался конкретный ассортимент еды в течение Сырной недели. Тем не менее, за прошедшее столетие блины стали повсеместно любимой масленичной едой.

По древней традиции первый блин или отдается нищему, или оставляется в качестве тайной милостыни на слуховом окне на помин души усопших предков, или его съедает набожная хозяйка - также за упокой умерших. Раньше в семьях, где была дочь на выданье,

первый блин отдавался ей. В Воскресенском районе Московского округа девушки выбегали с блином на улицу и у первого встречного спрашивали имя - таковым будет и имя жениха. В Калужской губернии с первым блином посылали детей в огород "весну закликать". В Дмитровском уезде Орловской губернии, закликая весну на Масленицу, призывали "галушку-ключницу" отомкнуть лето.

С середины недели начинались первые гостевания. С особым почетом в доме тестя встречался молодой зять. Молодые всюду были желанными гостями, а на сельской или городской улице их поджидала молодежь, чтобы вывалить в сугробе и заставить принародно целоваться. Было принято также чуть ли не всей деревней катать молодоженов с гор.

В северо-восточных областях России (Ярославская, Костромская, Вятская губернии) существовал своеобразный обычай смотрин новоженков, так называемые столбы: молодые супруги в лучших нарядах выстраивались вдоль улицы и целовались по первому требованию гуляк. Такие смотрины проводились в разные дни недели, вплоть до субботы. Например, в с. Ильинском Ростовского уезда столбы бывали в понедельник на Масляной неделе, так как в этот день в селе собирался масленичный базар, на который съезжались жители со всей округи. В Ростове Великом столбы устраивались в четверг. В Ярославле - с понедельника. В Костроме - в среду. Здесь же бывали и девушки на выданье, парни высматривали себе невест. Ни на одном празднике в году не уделялось столько внимания молодым супругам, как на Масленице. Считалось: "Где было больше молодых - той деревне и чести больше".

На Масленицу не обходилось и без курьезов: в д. Прилуки (Плисецкий район Архангельской области) мужики сажали на зубья бороны парня, который не раз сватался, но получил отказ, и тащили его с песнями, свистом и криком на гору, что считалось большим позором. Озорные шутки над холостой молодежью не случайны: по традиционным канонам, все здоровые молодые люди должны либо состоять в браке, либо посвятить себя служению Богу. Холостяки, а тем более молодые, не реализовывая свои потенциальные возможности к чадородию, как бы оказывали негативное влияние и на плодородие. Из-за них могло случиться гололетье - неурожай, засуха. Поэтому их бесчестили.

В последние дни Масленицы по улицам городов и сел разгуливали ряженые: "медведи", "козы", мужики, переряженные "бабами", верхом на лошадях. Дело доходило до того, что даже лошадей рядили в мужские порты. Их натягивали на передние, иногда на задние ноги. Порой на лошадиный круп натягивали юбку. В дополнение к этому наряду на лошадь навешивали березовые венки, украшали ее лентами.

С четверга, а в иных местах с пятницы, начиналась широкая Масленица. В домах к столу подавалась обильная еда с большим количеством масляных блинов, хвороста, пряженого и рыбных блюд.

Повсюду катались с гор и на лошадях. Для катания с гор приспособлялись разные предметы: лубье (липовая кора), рогожи, коровьи шкуры, санки. Распространенный способ катаний - на катанках, лодках (или лотках), на козлах. Катанку делали из старой корзины, обмазав ее днище навозом и выставив на мороз. Лодку — из долбленного дерева. Она долго катилась с горы, к тому же с нее не упадешь. Козлы - та же лодка, но внутри нее устроено сиденье вроде маленького стула: один сидит, а другой сзади на козлах стоит, он разгоняет козлы и направляет их движение.

Катались не только ради удовольствия. Катанье имело и ритуальное назначение. Поэтому его нередко начинали девушки и женщины. Когда с горы скатывались девушки, то смотрели; которая из них съехала дальше - та быстрее выйдет замуж (или в дальнюю деревню, в дальнюю сторону). Катанья имели и другое ритуальное назначение: считалось, кто дальше прокатится, у того лен долгим уродится.

Красивое зрелище представляли масленичные катанья на лошадях. Масленичный поезд мог доходить до нескольких сотен саней. Выезд сопровождался несмолкаемым

перезвоном поддужных колокольчиков и шаркунцов. Сами лошади были украшены праздничной сбруей с медной фурнитурой, а полости - волчьими и медвежьими шкурами.

Не только санными бегами, - знаменита была Масленица и своими кулачными боями (вот где оттачивалось мастерство русского рукопашного боя!). По старинной примете, о которой помнят еще в Нижегородской области, чья деревня победит в кулачном бою, там и урожай будет больше. В разгар кулачного боя к бойцам могла ворваться толпа ряженных.

По картине В.И. Сурикова хорошо известна и сибирская игра "Взятие зимнего городка", особенно популярная среди казаков. В Тульской, Симбирской и Пензенской губерниях снежный городок строили обязательно на реке. Крепость была с башнями, двумя воротами и прорубью внутри - в нее-то не должны были влететь ни увлекшиеся боем атакующие (они верхом на лошадях), ни защитники городка.

Нельзя не сказать о городском влиянии на традиционное празднование Масленицы. Вспомним царские карнавалы XVIII в. Грандиознейшее увеселение с невиданным дотолем маскарадом и санным катаньем устроил Петр I в четверг на Масляной 1722 г. в Москве по случаю Нейштадского мира со Швецией. Именно после этого увеселения на городской и сельской Масленицах появляются корабли и лодки, водружавшиеся на санях.

Однако, как ни весела и сытна была Масляная неделя, наступал день ее проводов - воскресенье. Его называют Прощеное (прощальное, прощельное) воскресенье. Приготовление начинались с утра: по деревням возили чучело Масленицы в сопровождении ряженных, катались на лошадях и, конечно, с гор. Гуляки ходили по улицам и распевали во все горло: "Государыня Масляница! Протянись до Петрова поста!"

Кульминация проводов - костры. Их разводили на реке, за селом, на перекрестках ("крестах") дорог, в поле, на возвышенном месте, иногда посреди деревни. В Среднем Поволжье и на Рязанщине жгли сноп соломы, иногда наряженный в женскую старую одежду. В Верхнем Поволжье, Костромской области костры устраивали из старых веников, домашней рухляди, корзин, сломанных дуг и т.д. В местах, где было развито смолокурение, жгли смоляную бочку, колеса, деревянные ведра из-под дегтя, которые водружали на шест и зажженными поднимали повыше.

Костры разводили ближе к сумеркам. И едва раздавались звуки вечернего благовеста, веселье прекращалось, все расходилось по домам; ездоки сдерживали лошадей и пускали их шагом. Впереди был особый вечер, который дал название всему этому дню, - Прощеное воскресенье, Прощеный день. В этот вечер все прощались, т.е. просили прощения у родных и знакомых за все свои прегрешения, совершенные в течение года. Люди как бы очищались от обид и скверны. В этот день, даже незнакомые, целуясь, просили друг у друга прощения.

В Прощеное воскресенье крестники посещали крестных отца и мать. Было принято дарить друг другу пироги, муромские кренделя, вяземские коврижки, белевские медовики, тульские узорные пряники с надписями "Кого люблю, тому дарю", "От милого подарок - дороже золота" и др.

Понедельник, первый день Великого поста, представлял собой разительный контраст по сравнению с масленичными днями. Хотя кое-где по городам еще догуливали ямщики, "полоща рот" от скоромной пищи, оправдываясь тем, что всю неделю они развозили гостей, и хотя еще в иных местах катались на донцах, чтобы лен уродился, но уже во всем чувствовалось наступление иного времени, требующего иного поведения. С утра повсюду топились бани, чтобы в чистоте подготовиться к посту. По дорогам к храмам и монастырям пешком и в экипажах направлялись богомольцы и говельщики. На Москве-реке от Устьинского до Каменного моста в первую неделю поста разворачивалось удивительное торжище, на котором можно было купить все необходимое для поста: всех сортов орехи, разнообразные сорта изюма, мак белый, черный и зернистый, разных видов постное масло, горох, фасоль, были ряды с медовым и грибным изобильем, с квашениями и соленьями.

Праздники и обряды Великого поста

Наступившее после Масленицы семинедельное говение не меняло содержания крестьянской обрядности. Более того: ожидание весны придавало особое значение всем обрядам, исполнявшимся во время Великого поста. Некоторые из них, например, встреча весны, повторялись по нескольку раз в течение этого срока, как бы торопя ее приход. Идея возрождения и одновременно очищения от скверны и грехов подчинена вся весенняя аграрная обрядность, повседневная семейная и индивидуальная жизнь каждого крестьянина. Поэтому во время говения соблюдался очень строгий пост: люди усердно молились, мало разговаривали друг с другом, стараясь не ссориться и не сердиться. Эта нравственная сторона поста влияла на повседневную жизнь крестьян, в которой не допускались ни игры, ни песни, ни шумные сборища; разрешались лишь песни заклинательного содержания (окликания), и то они не пелись, а скорее кричались.

В то же время имеются свидетельства о бытовании в крестьянской среде в первые недели Великого поста гуляний, продолжающих поздравления молодоженов, начатые на Масляной неделе. Например, в Череповецком уезде первое воскресенье Великого поста называли хоровинным (от хорovina - теща). В этот день зятя ехали за тещами и везли их к себе в гости. Сохранились свидетельства из Пензенской (Городищенский уезд) и Пермской (Шадринский, Камышловский и другие уезды) губерний о том, что здесь на второй и третьей неделях Великого поста женщины собирались на особые беседы в дома, где была молодуха: на этих беседках женщины щеголяли нарядами, а столы ломились от "обилия разнообразных яств". Эти обычаи скорее всего сохранились от того времени, когда Масляная длилась не одну, а несколько недель, и в течение всего времени продолжалось чествование молодоженов, особенно молодухи, поскольку от нее, как и от пробуждающейся земли, ждали новой жизни.

Середина Великого поста - средокрестье (среда на четвертой крестопоклонной неделе) - отмечена подготовкой к весенним работам. В этот день пекли обрядовое печенье хрестец или крестец, напоминавшее о будущем урожае. Оно имело форму круглой лепешки с тринадцатью снопиками (перекладыны из теста) на ней. Такое печенье имитировало первую кладку снопов на жниве. Магико-продуцирующая роль этого хлебца как бы усиливалась за счет обрядовых действий с ним: его хранили до весенних работ, потом запахивали или, раскрошив, сеяли по полю, скармливали лошадям, на которых пахали, иногда часть их съедал сам сеятель. Хрестцы пеклись в основном в среднерусском регионе. Зато повсеместно в каждой семье к средокрестному завтраку подавали выпечку в форме крестов.

Другой обычай средокрестного дня "кресты кричать" или "окликать говенье" - известен в Поветлужье, на территории всей Костромской области, в Нижегородском Поволжье. В этот день дети и подростки "кричали" под окнами о том, что "Половина говины переломится; Хрен да редька переводится!.." За это, к радости детишек, им дарили кресты.

Средокрестье приходится на один из дней марта. А в марте, как говорили крестьяне, "грач зиму расклевал". Поэтому на Евдокию-капельницу, весенницу (1/14 марта), а затем на Герасима-грачевника (4/17 марта) пекли грачилов. А уже 9/22 марта, на Сороки, в день весеннего равноденствия, не было такого уголка в России, где бы не пеклись жаворонки, галушки, чувильки и другие печенья в форме птиц. В Каргополье 22 марта называют тетерочным днем и детям пекут тетерок — хрупкое, как кружево, печенье с узорами в форме солнышка-высоколнышка, солнышка с кудерочками, солнышка с бегунками (конями) и др. (Дура-сов, 1981). Одни эти названия говорят о ритуальном значении дня весеннего равноденствия в календаре крестьян.

На Сороки повсюду заклинками и печеными жаворонками призывали приход весны, а с ней прилет птиц и начало лета.

Еще в 1930-е годы дети и девушки, собираясь с утра у овинов, около реки или в лесу и залезая куда-нибудь повыше или раскачиваясь на качелях, подбрасывали своих жаворонков вверх и речитативом исполняли: "Лето! Лето! Лети из-под клетки! Нам зима надоела, весь хлеб поела!..."; "Жавората, прилетите! Весну красну принесите!" В южнорусских областях, на Смоленщине и Брянщине веснянки сопровождалась неповторимым припевом-гуканьем: "Гу-у-у-у..." - раздавалось от деревни к деревне.

Если в Сороки выпускали на волю печеных жаворонков, то на Благовещение (25 марта/7 апреля) - живых птиц. Этот обычай связан с представлением о птице как Божией вестнице и как посреднице между людьми и душами умерших предков. Согласно народному преданию, в Благовещение, как и на Пасху, души грешников на время освобождаются от мук. Отпустить птицу на волю - значило помянуть умерших. А если птица помянет - это важно и живым, и мертвым. Любители голубей в первый раз на Благовещение "гоняли" этих красивых птиц в весеннем небе.

Считалось, что на Благовещение солнце играет, что весна начинается с 25 марта, поэтому в день Благовещения сам Бог благословляет землю, открывая ее "на сеяние". Готовясь к севу, крестьяне накануне и в день Благовещения освящали семена для посева.

На Благовещение к столу подают благовещенские кулебяки и пироги с начинкой из грибов и рыбы, различные рыбные блюда.

Другой большой праздник - Вербное воскресенье — любимейший праздник русских людей, который в народной жизни приобрел этнически самобытные черты. Это объясняется многими причинами. И прежде всего ландшафтом Европейской России, богатым реками и речушками, озерами и заболоченными местами. Здесь, едва растает снег, среди талых вод первой распускается верба. Обилие красивых пушистых почек породило ассоциации с плодоношением. Не случайно, где-то в глубине веков родилась необычная мифопоэтическая легенда, которая повествует о том, что некогда верба была женщиной, и у нее было столько детей, что женщина поспорила с самой Матерью-Землей о том, что она плодотворнее Земли. Рассердилась Мать-Земля и превратила женщину в вербу.

Древние верования о плодоносящих свойствах вербы дожили до наших дней. Считается, что ветки, освященные в церкви, обладают оздоравливающими и оберегающими свойствами. Если в доме хранится освященная верба, то в него не ударит молния, нечистая сила не перейдет порог, не будет сглазу его жителям, хворь обойдет скотину (см. также: Колядина. С. 20-21; Соколова. 1979. С. 97-101). И, как отголосок древнего предания, до сих пор сохраняется представление о том, что освященная верба помогает чадородию женщин (Болонев. С. 126). Считается также, что верба помогает человеку и в его последний смертный час, отгоняя злых духов от изголовья умирающего.

В контексте народных представлений о плодоносящих, целебных и охранно-магических свойствах веток вербы, на которых распушились почки, совершались и обряды Вербного воскресенья. Это широко практикуемый обычай слегка хлестать детей освященной вербой для здоровья и роста, а также домашних животных. До сих пор, чтобы овцы плодились и было больше ягнят, во многих местах утром Вербного воскресенья выпекается обрядовое печенье кыткы, ярушки, катышки с медом или с запечеными вербными почками. Их едят сами и кормят ими овец и ягнят.

Вербная неделя сменяется Страстной. Она наполнена приготовлениями к достойной встрече Пасхи. Среди других дней недели своими хлопотами выделялся страстной четверг. Его называют Великий четверток или Великий четверг, а в народе чаще - чистый. Для Чистого четверга характерны самые разнообразные обычаи, которые можно охарактеризовать как очистительные, обережные и закл инател ьные.

Из них самые распространенные - очистительные. Первое, с чего надо начинать этот заповедный день, - встать как можно раньше, "до ворона", пока еще темно, и искупаться в реке или проруби. Так делали даже в Сибири, несмотря на холод. Умываться следовало

ключевой водой "с серебра" или даже "с золота" - для красоты и здоровья. Купанию, умыванию и обливанию водой в Чистый четверг придавалось особое очищающее и оздоровительное значение. Такое же значение имело и окурирование дома можжевельником. За ним специально ходили рано утром в лес, до рассвета, в Чистый четверг.

Под знаком очищения и охраны здоровья совершались все обрядовые действия Чистого четверга: сжигались старые соломенные постели, старая обувь, одежда, мусор; проветривалось и просушивалось содержимое сундуков; делалась тщательная уборка дома и двора; чистились серебряные вещи и оклады икон.

На рассвете Чистого четверга исполнялось и обережное очерчивание круга вокруг дома. Делалось это для того, чтобы в дом не проникла нечистая сила. С этой целью старший в доме обходил его с иконой и молитвой.

В этот же день исполнялись закликательные обычаи, направленные на охрану домашнего скота от хищных зверей. В Спас-Деменском уезде Калужской области еще в 1930-е годы было принято в Чистый четверг "зверей кликать". Ребята шли в овин, садились на соломе вокруг блюда с овсяным киселем и начинали созывать всех зверей: "Волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, горностаицы, идите к нам кисель есть". Довольно похожий обычай существовал и на Севере России. Им как бы заклипались дикие звери, которые могли причинить вред скотине и человеку. Корни этого обычая восходят к охотничьей магии и промысловому культу, когда исполнялись особые обряды, чтобы обеспечить "всезверие" - размножение зверей.

Киселем "кормили" и мороз. Это была как бы умиловительная жертва, чтобы предохранить всходы от заморозков. При этом, если, например, в кубанских станицах, "мороз приглашали" чаще всего на Рождество или Крещение, то в среднерусской полосе и севернее (Новгородская, Тверская области) это делали в Великий четверток или на Пасху. Специально для мороза, словно это было одушевленное существо, варили овсяный кисель. Вечером в среду или рано утром в четверг его выносили на улицу и, отведав часть, выливали в огород со словами: "Мороз, мороз! Не бей наш овес!"

Особые хлопоты Великий четверток приносил женщинам, готовившим в русской печи черную или четверговую соль. Считается, что эта соль обладает целебными свойствами.

Главная забота Чистого четверга - приготовление творожной пасхи и куличей, окраска яиц. Яйца красили и в Великую субботу, отчего она иногда называлась Красильной. Было принято красить много яиц - 200-300 штук, чтобы хватило и на разговенье, и для подарков во время христосования, и для праздничного стола, и для игр на улице.

Пасха и Красная Горка

Пасха - самый большой христианский праздник. Ее приход как бы открывал дверь в новую возродившуюся жизнь среди людей и в природе. Такое восприятие усиливалось и благодаря тому, что закончился длительный Великий пост и наступала Пасха - праздник всеобщей радости и оживления. Встречая ее, все, кто только мог, отправлялись на полунощницу и Крестный ход. После этого семьями встречали восход солнца, наблюдая, как оно играет.

Поздравляя друг друга с праздником, христосовались (целовались) и дарили крашеные яйца. Проспавших пасхальную заутреню обливали водой.

Символ Пасхи - крашеное яйцо. Им первым разговляются. Часть освященных яиц берегут в течение года. Их использовали, когда хотели уберечь дом от пожара, посева - от града. По старинному правилу, кто умирает на Пасху, того хоронят с яйцом в правой руке. Эти обычаи отражают верования народов мира, по которым яйцо символизировало новую жизнь, пробуждение природы, земли, солнца. Поэтому все известные игры, связанные с катанием яиц по земле и озимям, суть отражение верований и обрядов, цель которых вызвать плодородие.

Вся Пасхальная неделя посвящалась обходу селений церковным причтом в сопровождении богоносцев. Это был особый обход, так как на Пасху, единственный раз в

году, выносятся запрестольные образа. Принимая иконы у себя дома, хозяева на некоторое время помещали запрестольную икону Богоматери в зерно, приготовленное для посева. Встречая иконы, каждый домохозяин выставлял на улицу застланный скатертью стол с угощением.

Обычаи Пасхальной недели настраивали людей на общение: хозяев - на первые весенние хлопоты, связанные с крестным ходом для освящения полей, выбором первого пахаря и первого засеващика "с легкой рукой"; молодежь повсюду устраивала первые весенние гулянья с качелями, хороводами, играми. Совокупность этих гуляний называлась Красной Горкой. Красной Горкой именовалась и вся следовавшая за Пасхальной Фомина неделя. Иногда, в зависимости от местных традиций, Красной Горкой называли две-три послепасхальные недели. Местами Красная Горка ограничивалась одним днем - им был понедельник или, реже, вторник Фоминой недели.

Название Красная Горка отражает состояние природы этого времени года: снег уже растаял, но сухо не везде, а пригорки и возвышенности обогреты солнышком, - сюда собирались для игр дети и молодежь. В ритуальной жизни людей, близких природе, такие места играли особую роль в течение всего года.

В среднерусской полосе Красная Горка была одним из последних сроков встречи весны, которая проходила на фоне таких красивейших хороводных игр, как горелки, уточка, борис. В старину эти хороводы сопровождались зажиганием огней. Например, игра в горелки, по воспоминаниям, совершалась ранним утром на высоких местах "между кострами из старой соломы". Одновременно наверху холмов при появлении солнца окликали весну. Игра в горелки сопровождалась всем известными выкриками: "Гори, гори ясно, /Чтобы не погасло/Глянь на небо/Птички летят/У Колокольчики звенят!"

Повсеместно на Красную Горку разыгрывались свадебные хороводы "А мы просо сеяли", "Заплетайся, плетень", "Зайнька". Особенно популярной была хороводная игра "А мы просо сеяли". Этот хоровод был и земледельческим, и свадебным. В старом быту Красная Горка считалась последним сроком для сватовства и свадеб перед весенне-летними работами. Общественным мнением осуждались парни и девушки, которые не приходили на гулянья Красной Горки. Существовало даже поверье: если парень или девушка не ходят на Красную Горку, то они долго не обзаведутся семьей.

Одновременно на Красную Горку подводился своего рода итог брачному периоду: речь идет о вьюнигах или вьюнишнике - поздравлении на Красную Горку молодоженов в первую весну их брака. Этот обычай был распространен по всему Верхнему и Среднему Поволжью. Его южная граница - Самарское и Казанское Поволжье, северная - юг Вологодчины. Песни, сопровождавшие обряд, назывались вьюнцами. Их исполняли окликалы для молодоженов в первую весну их брака. Молодые слушали поздравление у раскрытого окна и обязаны были в окошко же подать окликалам кулич, крашенные яйца, угостить их брагой (если это были парни или мужики) или каким-нибудь лакомством (если это были дети или девушки). Этим обрядом как бы закреплялось за молодой семьей право быть самостоятельной экономической единицей в хозяйственно-бытовой жизни общины, а молодая супруга принималась в сообщество своих сверстниц (Тульцева, 1978. С. 122-137).

Первый выгон скота

Повсюду первый выгон скота совершался в день Георгия Победоносца (23 апреля/6 мая). В народной традиции Георгия Победоносца именуют батюшкой Егорием, Егорием храбрым, Егорием вешним, зеленым Юрием. По тому почитанию, которое оказывали ему в народе, святой уступал лишь Николе-Угоднику. В народных присловьях оба святых стоят в сакральной соотнесенности: "Егорий с теплом, а Никола с кормом", "Егорий с

водой, а Никола с травой"; "Егорий с кузовом, а Никола с возом"; "Юрий запасает коров, а Никола - коней".

Исследователи считают, что святой Георгий пришел на смену древне-славянскому Яриле. В народном восприятии святой Георгий со своими ипостасями в образах Егория и Юрия - это земледелец, олицетворение земли, ее вод и росы, трав, солнца. Ярило, судя по корню "яр", также божество солнечное, растительное. Не случайно в южнорусской традиции с представлением о Егорий, во власти которого была земля и весенняя роса, соотносится обычай кататься по нивам на вешний Юрьев день.

Общерусским является представление Егория в образе святорусского былинного богатыря - на белом коне, повелителем волчьих стай. На Севере России, чтобы обереечь скот от лютого зверя, лихого человека и других несчастий, практиковались пастушьи обходы стада в день выгона скота.

В Костромской области и в Поветлужье до сих пор помнят о егорьевском окликании: вечером накануне Егорьева дня или рано утром до рассвета Егорьева дня, молодые мужчины обходили каждый дом и у окна исполняли обрядовую песню, в которой обращались к батюшке Егорию и Макарию преподобному (русский святой Макарий Унженский) с просьбой спасти скотинку от волка и медведя. Окликание исполнялось под специальную мелодию, которую играли на барабанке - пастушьем инструменте, сделанном из осиновой или еловой (сосновой) доски и издавна используемом пастухами на северо-востоке России. За егорьевские труды окликалы получали несколько яиц.

В день первого выгона хозяева с иконой Георгия Победоносца и караваем хлеба обходили дом и двор и молились о благополучии выпаса. В Тверской и Нижегородской областях для семейного обхода скота пекли пирог или ватрушку с целым вареным яйцом внутри. В некоторых деревнях Кимрского района в ватрушку запекали столько яиц, сколько было в доме мужиков. Здесь в Егорьев день для семейного молебна выносили на скотный двор стол, застланный белым самотканым столешником, клали на него коровай с запеченым яйцом. Затем приходил священник, служил молебен, кропил двор святой водой; и вся семья молилась сообща. После моления коровай скармливали скотине.

Повсюду было принято выгонять животных в общее стадо веткой освященной вербы, В Шарангском районе Нижегородской области скот выгоняли вербой и хлебными колосьями. Обычай говорит сам за себя: хозяева как бы желали, чтобы летом от налившихся колосьев "тучнели" нивы, а в лугах паслись "тучные стада". В Каргополье на первый сгон шли всей семьей. В руках у всех было по веточке освященной вербы и по вересинке, на которые для маленьких детей привязывали разноцветные бантики. Самыми же нарядными в этот день были молодухи. Они шли впереди всех домочадцев. Считали, что, чем богаче была одета молодуха, тем больше молока будет давать корова (Дурасов, 1989. С. 269).

В южнорусских районах, где весна на Егория уже в разгаре, в этот день совершался обход озимых полей.

Если Егорьев день был праздником выгона скота, то день Николы Угодника (9/22 мая) был праздником первого весеннего выгона лошадей в ночное. Пастухи и деревенские подростки Николу праздновали ночью, при кострах: в золе пекли картошку, ели пироги, заводили игры до белой зорьки.

Николай Угодник был и остается одним из самых почитаемых святых. По народным представлениям, Никола Угодник - древний старец в белых одеждах, тихонько шествующий по дорогам святой Руси. Он - скорый помощник трудовому люду, ему подчиняются и силы природы. Прослеживается сакральная соотнесенность между Николиным днем и днями, отмечаемыми накануне и после него. Накануне, т.е. 8/21 мая, в православии отмечается день памяти апостола Иоанна (Ивана) Богослова - покровителя странников и нищих. Этот же день назывался и Арсением-Пшеничником, так как в степных губерниях начинали сеять яровые. Для засева пекли обетные пшеничные пироги, чтобы обеспечить урожай на яровые. С этими пирогами старики выходили за околицу, на

перекрестки дорог, и поджидали странников. По народным представлениям, милостыня подается не кому-либо, а самому "Спасу-Христу" да апостолу "Ивану Богослову". Поэтому странников и нищих как посредников между Богом и людьми кормили отдельные хозяева или всем миром каждый раз при начале и после окончания работ по возделыванию хлебного поля.

Обычаи и обряды Егорьева и Николина дней показывают, сколь тесно в крестьянском быту были переплетены земледельческие заботы с хлопотами о домашних животных, какое большое значение придавалось обрядам первого дня - дню выгона скота, первому ночному, засевкам. И каждый раз с молитвой к Богу человек совершал те или иные ритуалы, чтобы не оскудели силы природы. Символом цветущих лугов и всей растительности была нарядная каргопольская молодуха. Чем больше нарядных одежд на молодухе, тем сочнее будут травы, медоноснее цветы, тем вкуснее и больше молока у коровы. И плодоношение, и колошение полей - эти биоприродные процессы воспринимались сквозь призму женского начала. Поэтому так велика была роль девушек и молодых женщин в весенней обрядности.

Весенние девичьи и женские праздники и обряды

У славян больше всего женских и девичьих праздников и обрядов приходилось на время от весеннего равноденствия до Троицы и летнего солнцестояния. И это понятно. Ведь в течение этого периода земля и все растительные силы наполняются соками для цветения и завязи плодов. Уже ранней весной, чтобы пробудить силы земли, для девочек и девушек устраивали качели. Без них не обходился ни один весенний праздник. Их специально устанавливали к празднику, а затем разбирали. Качались каждый праздник до Петрова поста, т.е. до периода колошения озимых. Раскачивание на качелях как бы способствовало плодородию полей - таков традиционный взгляд на девичью забаву. Наряду с веревочными качелями девушки устраивали доски, становясь на их концы, они поочередно подпрыгивали вверх. Эти прыжки символизировали идею роста растений. Н.И. Костомаров упоминает также о том, что женщины "качались как-то на колесе" (Костомаров, 1992. С. 236).

С культом плодородия связана особая роль яйца в весенней обрядности. Яичница как ритуальная еда постоянно присутствует на трапезах всех весенних праздников. Вслед за Пасхой, Красной Горкой, вьюнишниками таким был праздник жен-Мироносиц.

Память святых жен-Мироносиц отмечается в третье воскресенье по Пасхе, т.е. в следующее воскресенье после Красной Горки. Новозаветное предание рассказывает, когда ученики Иисуса хоронили Его в пещере, то за погребением Господа с плачем наблюдали досточтимые женщины. В воскресенье на рассвете эти женщины взяли сосуды с благовонным маслом и пришли к гробу Господню, чтобы умастить тело умершего, как того требовал древний обычай. Однако воскрешение Господа уже свершилось. И мироносицам было дано сообщить сию весть апостолам и ученикам Христа.

В народной среде день жен-Мироносиц отмечался в соответствии с теми этнокультурными традициями, которые делают праздник любого народа самобытным национальным явлением. В то же время при едином ритуальном стержне мироносицкий праздник имел множество локальных вариантов. Русские крестьяне этот день почитали за бабий праздник, когда все женщины - именинницы. Поэтому его называли бабьей братчиной (Нижегородская губерния), бабьей неделей (Ко-логривский уезд Костромской губернии). Необычно курское и смоленское название - маргоски, маргошенье, которое, по-видимому, связано с диалектным словом маргосить (псков., твер.) в значении умильничать, кокетничать.

Общая канва праздника такова: накануне одна или несколько женщин отправлялись собирать по домам яйца и другие продукты, чтобы на следующий, мироносицкий день (после обедни, но ближе к вечеру) устроить совместную бабью пирушку. В воскресенье каждая женщина старалась побывать в церкви за обедней. После службы женщины совместно заказывали один общий молебен, причем платили за требу только яйцами,

иногда, но очень редко, - льном. Обычай оплачивать яйцами мироносицкий молебен стоит в общем контексте весенних традиций. В некоторых местностях, например, в Дедовичском районе Псковской области, на мироносицкую службу женщины приносили малых детей, чтобы приложить их к плащанице. По воспоминаниям "это был как бы детский праздник". Само празднество начиналось ближе к вечеру. С песнями и плясками женщины гуляли до поздней ночи. Лишь иногда, в порядке исключения, к гулянью могли присоединиться мужья пирующих женщин (Михайлов).

В Чухломском районе разыгрывалось настоящее окликанье жен-мироносиц с обрядовым исполнением песен-окличек, в которых женщин приглашали выйти на крыльцо и вынести яйцо. Здесь же бытовало и окликание "старушек". Причем оно исполнялось в соответствии с древней традицией рано утром, еще до света, до того, "как ворон проснется".

Традиции мироносицкого праздника были разными даже в пределах одной губернии. В Рославльском уезде Смоленской губернии женщины, по случаю праздника, сходились где-нибудь на выгоне, за деревней. Здесь раскладывался огонь и готовилась общая яичница; затем пели весенние песни. В уездах Смоленском, Краснинском, Ельнинском празднование проходило поочередно в каждом доме (и в каждом готовилась яичница), пока женщины не обойдут все дома. В других уездах Смоленщины женщины ходили с яичницей в поле и там ее съедали с приговором: "Дай, Боже, чтоб нам лен уродился куделен!"

Особая страница в мироносицком праздновании - поминальная, когда день или даже вся неделя отмечались как память по умершим. Например, каждый год с понедельника Мироносицкой недели в приходе с, Сергачская Ачка служит мирской сорокоуст по всем умершим прихожанам. Обязательно посещается кладбище в субботу под жен-Мироносиц в рязанском с. Аксеново Рыбновского района. При этом на могилах оставляют крашенные яйца.

Поминование усопших в день жен-Мироносиц типологически едино с обычаем пиршественного кормления нищих, которое устраивали русские цари в Мироносицкую неделю. Известно, что в 1665 г. в неделю жен-Мироносиц в теремных покоях царя Алексея Михайловича было "кормлено" 60 нищих. После раздачи денег нищая братия из покоев царя "взята была" в царицыны хоромы, где они получили еще по семь рублей (Прыжов, 1913. С. 51).

Поминальные мотивы в празднике жен-Мироносиц не случайны. Вероятнее всего здесь христианское празднование наложилось на более древний весенний женский праздник, который был соотнесен с аграрным культом и как частью его - с культом предков, в том числе и с почитанием птиц.

В весенних праздниках были широко представлены обрядово-игровые погребения. Одно из них - похороны кукушки. Кукушка у многих европейских народов считалась предсказательницей судьбы и птице й-вестницеЙ между миром живых и мертвых. У русских похороны кукушки бывали или сразу после Пасхальной недели, или в любой из весенних праздников. Причем разыгрывались они в контексте обряда ее крещения. По классическому описанию из Козельского уезда Калужской губернии, в праздник Вознесения (т.е. на сороковой день после Пасхи) девушки и молодые женщины под руководством вдовы отправлялись в лес, где рвали с корнем траву кукушкины слёзки. Из растения делали игрушечное чучело кукушки, которое сажали внутрь венка, сплетенного на березе (или орешнике). Кто из девушек хотел покумиться, подходил к венку и целовал "кукушку", затем кумушки сквозь свитый венок целовались сами. Довольно широко был распространен и такой вариант кумления, по которому "кукушку" увешивали шейными крестами, а девушки целовались сквозь тесьму, менялись крестами и считались кумами на весь год (Кедрина. С. 101-140).

В тех или иных вариантах обряд похорон и крещения "кукушки" сохранялся довольно

долго. В с. Воробьевке Воронежской области едва зазеленеет лес, и в наше время поют весенние песни. И это тоже называют похороны кукушки. Еще в

Весенняя обрядовая игра *Похороны кукушки*:

а) кукушка в рубахе и платке, б) кукушка – трава "кукушкины слезы"

1980-е годы в станице Ахметовской Краснодарского края женщины разыгрывали похороны "кукушки" - ветки, украшенной цветами и лентами. На Троицу сначала в реку бросали венки, а потом ветку - "кукушку". Примечательно, что "кукушку", как и венки, бросают в реку. В обрядовой поэтике многих народов река - это дорога на тот свет, где живут вешние прашуры, основатели рода; они-то, получив весть в образе ветки - "кукушки" или венка, дают знать гадающим об их участи.

Как и многие весенние девичьи и женские обряды, крещение и похороны "кукушки" были как бы растянуты во времени: девушки могли покумиться в Фомино воскресенье или на жен- Мироносиц, а раскумливались на Троицу или Духов день. Такая протяженность во времени имела ритуальный смысл: покумившиеся, как считалось, обладали особой, обновленной силой, столь нужной земле и всему, что должно плодоносить. Поэтому в обрядах крещения "кукушки" непременно участвовали молодки - женщины первого года брака, которым предстояло родить. Обряд имел и своего рода социальный аспект. Цель его -принять повзрослевших за зиму девочек-подростков в возрастную группу девушек-невест.

В ходе весенних праздников неоднократно повторялись и обряды, благодаря которым надеялись получить хороший урожай ржи и льна. Для этого после обрядовой трапезы на зазеленевших полях считалось полезным подбросить вверх ложки или окрашенные в желтый цвет яйца. Особенно такие действия были приурочены к дню Вознесения Господня.

Весенние девичьи и женские праздники завершались Семиком и Троицей.

Семик – Троица

Праздник во имя Троицы был введен в обрядовую практику Русской Православной Церкви в начале XV в. великим деятелем Русской земли, святым Сергием Радонежским. Воплощенная в празднике идея Троицы для Сергия Радонежского и его сподвижников соотносилась с идеей единения Руси. Но популярным этот праздник стал не только из-за патриотической идеи. Празднование Троицы совпало с древними семицкими празднествами. Сам праздник стал примером редкого единения христианской идеи с обычаями народной жизни.

В годовом круге литургического времени Семицкий четверг стоит в одном ритуальном ряду с четвергом Масляной недели, с которого начинается собственно широкая Масленица, Великим (Чистым) четвергом Страстной недели и Вознесеньевым днем (всегда приходится на четверг). Если вести счет недель от широкого четверга Масляной недели, то и Великий (Чистый) четверг, и Семицкий четверг отмечаются каждый по календарю ровно через семь недель, отчего Семицкий четверг и получил свое название - Семик, а неделя - Семицкой, иногда -Семиковой.

Вероятно, в дохристианские времена в годовом месяцеслове была структурно обозначенная цепочка сакрально значимых четвергов, игравших важную ритуально-функциональную роль в весеннем периоде жизни людей. Скорее всего это было связано с весенним поминовением предков, мотивы которого особенно полно сохранились в поверьях и обычаях Чистого четверга. Семик завершал ритуальную цепочку почитавшихся весенних четвергов и, приходясь по времени на период колошения озимых, играл особенно заметную роль в весенней обрядности. Не случайно, А. Терещенко отмечал: "Семик почитается в России честным семиком (ср.: "честная госпожа Масленица". - Л.Т.), одним из лучших весенних праздников; за ним считается Троицын день и, наконец, купальница" (Терещенко. 4.VI. С. 151. Курсив авт. -Л.Т.).

Благодаря И.П. Сахарову (родом из Тульской губернии, где долгое время был священнослужителем), мы знаем о названиях дней семицкой недели, что дает возможность судить об их ритуальной сути: "Дни семицкой недели наш народ называет особенными именами: вторник - задушными поминками, четверг -Семиком, субботу - клепальным днем" (Сахаров И.П. 1885. С. 192).

Задушные поминки Семиковой недели (вторник) ритуально соотносимы с поминками на Радуницу - также во вторник Фоминой недели. По народным представлениям, в Семицкую неделю покойники бродят по могилам "без пристанища". Поэтому во вторник на могилах справлялись задушные поминки.

Другой день Семицкой недели - четверг, который и есть собственно Семик, структурно состоял из двух функционально различных частей, совпадавших по времени исполнения, так как действующие лица обрядов принадлежали к разным возрастным группам. Первая часть ритуальных действий связана с поминовением умерших не своею, "напрасною" смертью. Этим несчастных, погибших без причастия и поминовения и не разысканных своими родственниками, свозили в специальные убогие дома, называвшиеся также божедомками, скудельницами (известны и другие областные названия: буйвища - в Тверской и Псковской губерниях, жали, жбльники - в Новгородской). При императрице

Елизавете в 1753 г. убогие дома было приказано закрыть, но они просуществовали до начала царствования Екатерины II. Имеются сведения, что еще в 1850-е годы в Арзамасе существовал убогий дом, где "усердствующие" служили в Семик панихиды.

И вот, прежде чем отправиться на семицкое гулянье, русские люди с заранее приготовленными саванами, гробами, холстами и полотнами, отправлялись в убогие дома, там извлекали из ямника умерших, одевали их в саваны, рыли могилы, хоронили. Убогие дома посещались даже царями, которые вносили в них большие денежные вклады для нищей братии и для поминовения всех православных христиан.

Лишь свершив это богоугодное дело, справляли Семик. Предварительно для семицкого пиршества красили яйца в желтый цвет, "затирали" хлеб, пахтали масло, варили сладкий мед-липец, брагу и бузу (напиток из гречневой муки), готовили перепечи, караваи, сдобники, драчену и яичницу, жарили сочни и сырники. Все это готовилось в складчину, а пир устраивали в поле или в лесу, "под ракитовыми кустами". Если это был город, то пировали в пригородной роще или на лугу. В Москве в XVIII в. были популярны семицкие гулянья в Марьиной роще. Тогда говорили: "Нынче Марьиная роща у нас именинница".

Семик в XIX в. был преимущественно девичьим гуляньем: девушки наряжались и с запасом яиц, лепешек и другой еды отправлялись завивать венки на березах и кумиться. В Нижнем и Среднем Поволжье, включая Владимирскую губернию, к празднику наряжалось также чучело Семичихи, иногда (очень редко) в пару к ней наряжали Семика. Если не было чучела, то празднующие (молодые женщины), завив венки, возвращались в село с плясками вокруг кого-либо из своей компании, обряженного чучелом. При этом пелись песни "скоморошьего свойства" (Нижегородская губерния).

В тех местах, где семицкий четверг не отмечался, обычаи этого дня в разных вариантах воспроизводились в троицкие субботу и воскресенье.

Поскольку в троицкую субботу церкви и дома украшаются березой, ветками разных деревьев, цветами и травами, то в южнорусских областях (кур-ско-орловско-тульский ареал) эту субботу называли клепальным днем ~ от клепаный, клечанье - как собирательное название троицкой зелени (Даль. Толковый словарь. Т. II. С.118).

Помимо березы были свои локальные предпочтения в выборе троицкого дерева: например, клен (южные районы Рязанской области, Тульская, Брянская области), дуб (терские казаки). В станице Гребенской венки завивать ходили к дубам; дубовыми ветками украшали комнаты, двери, калитки, бросали их в костер, который разводили во дворе.

Суббота накануне Троицы считается большим поминальным днем. В некоторых местах, например, Дулевская и Бутчинская волости Калужской губернии, эту субботу называли главным поминальным днем. В Бутчинской волости в этот день после обеда молодые женщины и девушки собирались на кладбище, чтобы поклониться умершим. В старину богатые крестьяне для бедных и соседей готовили поминальный обед, жертвуя барана или годовалого поросенка. К концу XIX в. такое угощение устраивалось только по обету (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 495. Л. 7).

Особенный троицкий поминальный обычай сохраняется на Псковщине. Здесь при посещении кладбища в троицкую субботу или на саму Троицу "опахивали", т.е. обметали могилы пучком троицких цветов или зелеными ветвями березы. Верили, что такое "опахивание" приносит радость умершим: "Душеньки их будут радоваться", - говорили крестьяне.

В старину говорили: "Семик на ветвях, а Троица на цветах", подчеркивая тем самым, что в троицкой обрядности наряду с зелеными ветвями березы, рябины, клена и других растений появляются травы и цветы. Букеты троицких цветов в русских диалектных говорах кое-где до сих пор называют зарей (например, на Рязанщине).

К Троицкой службе у русских издавна принято идти с цветами (зарей) и зелеными ветками березы и других деревьев. При этом старые люди и сейчас

соблюдают древний обычай, о котором упоминает А.С. Пушкин, описывая сельский быт дворян Лариных:

В день Троицы, когда народ, Зевая, слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три...

Троицкий обычай, известный Пушкину по псковской деревне, был запечатлен и Сергеем Есениным в стихотворении "Троицыно утро, утренний канон". Есенинская строка: "Я пойду к обедне плакать на цветы" - живет в рязанском обычае, по которому считается, что трава, с которой верующие ходили к обедне, должна быть оплакана. С этой травой идут к вечерне, становятся на колени и, прижав ее к лицу, плачут. Крестьяне Дмитровского уезда находили нужным, чтобы девушки во время троицкой службы в церкви уронили несколько слезинок на пучок мелких березовых веток, которые затем хранили от засухи. Шуйские жители в Троицын день собирали цветы, шли с ними в церковь, где во время молебна "раскаиваются тайно в своих грехах со слезами", оплакивая при этом каждый листок на принесенных цветах (см. также: Виноградова. С. 239-259).

Обычаем Троицына и Духова дней "развивать" березку и "раскумливаться" завершаются весенние девичьи и женские праздники и обряды. В западнорусских областях (Псковщина и прилегающие к ней районы Тверской области) принято даже "венчать" коров, т.е. восьмеркой сплести березовые ветки вокруг рогов. Видно это делалось потому, что корова тоже имеет женскую сущность. "Венчал" коров в полдень Троицына дня пастух. Суть обряда предельно ясна: рога животного во всех архаичных обществах были символом изобилия; восьмерка - знак вселенной; восьмерка из березовых веток на рогах коровы - это не только символ изобилия растительного мира, но и пожелание молочного изобилия коровам во время летней пастьбы. Как и в других весенних обрядах, за свои труды пастух получал пару вареных яиц, на этот раз окрашенных в желтый цвет березовыми листьями.

Послетроицкие обряды имеют иной характер: это шумные обрядовые игры, в них принимает участие вся молодежь, парни и девушки, нередко все жители деревни или села.

Праздники и обряды проводов весны. Иван-Травный

Череда весенних праздников завершалась гуляньями и играми на Всесвятской неделе. В Православии в следующее после Троицы воскресенье отмечается память всех святых. В этот день празднуется Всесвятское заговенье, или заговенье на Петров пост. Крестьянские обряды этого дня посвящалисьпроводам весны. Во всех селениях Меленковского уезда Владимирской губернии в сумерки, лишь заалел закат, и солнце скроется за горизонтом, девушки, молодые женщины и парни, взявшись за руки, с песнями вереницей медленно шли по деревне на восток; за ними следовали все остальные жители; выйдя за околицу, поющие (песенницы) становились лицом к солнечному восходу и, спевши хором прощальную песню весне, "отвешивали" на восток общий поклон. Затем расходились. (Добрынкин. С.91).

По тем играм и гуляньям, которыми сопровождалась проводы весны, Всесвятское заговенье называют русальным (или русалкиным), яишным, шаровым, луговым, ярилиным, крапивным, канальным и др.

На северо-востоке России и в Сибири распространено название яишное - по играм с крашеными яйцами. По игре с мячом (шаром из овечьей шерсти) и крашеными яйцами у сольвычегодских крестьян заговенье называлось шаровым.

Вождение русалки-коня

Особым весельем отличались проводы весны в форме проводов "русалки", "Ярилы", а также "крапивного заговенья".

Празднование в форме "русального заговенья" известно по всему Нижнему и

Среднему Поволжью, Тамбовской, Воронежской, Орловской областям, в разнообразных вариантах оно отмечалось в Рязанской области. Его ключевой момент - обрядовые русальские игры, называвшиеся проводы, похороны, изгнание русалки. Провожали соломенное чучело-русалку, которое женщины с песнями и плясками несли в поле, сжигали, у костра плясали и прыгали через огонь.

Пользовался популярностью и такой архаичный вариант, когда в русалкино заговенье кто-либо рядился лошастью. "Лошадь" под уздцы вели в поле, а вслед за ней "с громкими прощальными песнями" - молодежь водила хоровод. Это называлось "проводить весну".

Популярной была игра изгнание русалки: кто-либо из девушек рядился русалкой и надо было "изгнать" ее из села в озимое поле. Обратим внимание: в русальных играх, кроме ритуальных проводов весны, главными были аграрно-продуцирующие мотивы. Русалок изгоняли в озими не случайно. Ведь по древнейшим верованиям, это - растительные духи, покровительницы цветущих полей, березовых рощ и дубрав.

С русальными схожи игры, известные под названиями проводы Костромы и яриловки. Заповедными уголками для обрядовой игры в "Кострому" оказались Владимирская и Нижегородская губернии. Гораздо шире были известны детские игры в "Кострому": один из играющих изображает мертвеца, неожиданно вскакивает и кого-нибудь ловит. До сих пор "похороны Костромы" разыгрываются жителями с. Шутилово Нижегородской области.

Многочисленны и колоритные сведения о яриловках и Ярилином разгулье. В Воронеже до последней четверти XVIII в. были известны народные игрища, называвшиеся Ярило. Центральная фигура праздника - ряженный мужчина. Задача "Ярилы" - донимать женщин непристойными шутками и жестами; те, в свою очередь, не отставали от ряженого, потешаясь над его атрибутами. Этот вариант празднования в отдельных местностях дожил до XX в., например, в Галиче и Кинешме, где Ярилу изображал пьяный старик.

Довольно долго (вплоть до 1970-х годов) сохранялся в русских деревнях на Всесвятское заговенье обычай обливать друг друга водой и хлестаться крапивой. Было немало мест (в Ярославской, Костромской, Тверской, Ивановской и других областях), где праздник назывался крапивным заговеньем или крапивным воскресеньем и состоял из двух частей: сначала разыгрывались хороводы, а затем молодые люди "жгли" друг друга крапивой {Тульцева, 1979. С. 42}.

Разнообразие обрядов, приуроченных к заговенью Петрова поста, не случайно. Дело в том, что Петров пост, приходясь на период летнего солнцестояния, потеснил обряды летнего солнцеворота. Поэтому ко дню Всесвятского заговенья оказались приуроченными и проводы весны, и русальские игры, и бережные обычаи с крапивой и др. Все они частично повторялись (кроме русальных игр) на Иванов день (24 июня/7 июля) и в Петров день (29 июня/12 июля). Даже такое характерное для других народов поверье, что на Ивана Купалу солнце играет, у русских оказалось смещенным на Петров день. Знаменитые купальские костры теперь можно встретить лишь в пограничных с западными народами областях, да у русских Сибири, где они сохранились под влиянием переселенцев (белорусов и украинцев). В некоторых местах купальский костер заменила куча крапивы, через которую и прыгали.

От обычаев Иванова дня у русских в полной мере сохранились лишь ритуальные купания и сбор целебных трав. Эти два обычая дали соответствующие названия 23 и 24 июня (6 или 7 июля). Бытописатель русской жизни А. Терещенко 23 июня назвал купальницей - праздником, по своему значению уступавшим лишь Семику и Троице. Он известен и как Аграфена-купальница, поскольку посвящался обрядовым купаниям. Считалось, что они обладают животворящей силой, полезной и для людей, и для природы (воды). Купание в реках сопровождалось порой пиршествами. Во Владимирской и Московской губерниях пока одни купались, другие с песнями водили хороводы. В ночь под Иванов день купались обнаженными, с букетом или венком из цветов или с одним

цветком иван-да-марьи. Целебной считалась и роса, собранная на восходе солнца Иванова дня. Для бань готовили специальные веники. В традиционный березовый или дубовый веник вплетались целебные травы: мята, полынь, ромашка, купальница, иван-да-марья и др. Считались полезными крапивные бани.

24 июня было посвящено сбору целебных трав. Это занятие находили столь важным, что русские этот день называли Иваном-Травником, Иваном-Цветным (по цветущим растениям), ягодобором (Средний Урал), так как с этого дня можно собирать травы, цветы и ягоды. Ивановские травы берегли для лечения. А чтобы оградить себя и дом от разных напастей, накануне Ивана-Травного в избах, на окнах, над дверями, в щелях хлебов и домов раскладывали и развешивали крапиву, репейник, можжевельник, богородицыну траву, ветки рябины, осины, березы, молодых дубков.

Обрядность периода летнего солнцеворота насыщена аграрно-продуцирующими мотивами, а также действиями, направленными на охрану здоровья и очищение от скверны. Это говорит о том, что люди с древнейшей поры сознавали важность для жизни на Земле тех природно-астрономических явлений, которые были связаны с летним солнцестоянием. К этому времени завершается колошение хлебных полей, к земледельцу приходят новые заботы. Иной характер и у летней календарной обрядности.

Летние календарные праздники

Все наиболее значительные календарные праздники верхушки лета (июля) жестко связаны с православными святыми и отмечают циклы полевых работ, а в присловьях и состоянии погоды. Начало июля отмечено особой порой - сенокосом. Петров день открывал покос. К этому дню за время Петрова поста домовитые хозяйки припасали сметану, сыр, масло, творог. В прежние годы балагурили, что это бабы - "скопи-домок" вымолили у Господа Бога держать людям летний пост: "Вы, бабы, жалобились: без летнего-де поста ни масла, ни другого молочного запастись нельзя..." Этой вкусной и здоровой едой крестьяне разговлялись после поста. Поэтому не случайно 2/15 июля в севернорусских деревнях называлось "Сырной Богородицей" (по православным святым "Положение чистой ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне"). Как и на Масленицу, в этот день полагался сырный стол: масло, сырники, пирожки и блинцы, начиненные творогом и др.

В старину Петров день был отмечен особыми посещениями: тещи проводывали зятьев, кумовья с пшеничными пирогами следовали к крестникам; сватья угощали друг друга за "отводными столами". Своя пора наступала и для девушек: на петровских качелях выбирался будущий суженый-ряженный.

Первая половина июля имела поэтическое название Наливы - время налива соками всего растущего и посаженного человеком. Поэтому о 4/17 июля говорили: "На Андрея (или Марфу) озими в наливах дошли, а батюшка овес до половины дорос!" В южнорусских областях к этой поре созревают яблоки сорта "Белый налив".

У русских большим праздником считается 8/21 июля, в православии посвящаемый иконе Казанской Божией Матери. Во многих селениях он считается престольным. В Западной Сибири в этот же день отмечали Прокопия-Жатвенника -зажинают рожь. По случаю зажинок, для общего праздника накануне Прокопия-Жатвенника резали нескольких баранов и запекали их. Пировали, предварительно отслужив молебен.

Любимым и почитаемым праздником русских людей остается Ильин день (20 июля/2 августа). Два важных обстоятельства определили особую роль Ильина дня в крестьянском месяцеслове. Во-первых, Ильин день был своего рода рубежом между двумя временами года - летом и осенью: "На Илью до обеда лето, а после обеда осень". Во-вторых, с Ильина дня зажинали озимые. Ильинские зажинки были праздником первинков: деревенские

хозяйки пекли ильинскую новь {нова, новина) — хлеб из только что сжатых снопов; крестьяне угощались ильинским моленым кусом (жертвенным мясом, которое носили в церковь для освящения); заламывался первый ильинский сот; заправляли спальники свежей соломой {Мельников, 1963. С. 565). В церквях в этот день происходили молебны над чашами с зерном - для плодородия.

Характерными чертами праздника, посвящаемого урожаю, были мирская складчина и коллективная трапеза (из-за чего такие праздники называли братчинами). В Вятской, Пермской, Костромской, Вологодской губерниях еще в начале XX в. для общего пира на мирскую складчину забивали быка, теленка или барана. В Тульской губернии на мирскую складчину пекли новый хлеб и от всей деревни его раздавали нищей братии (Сахаров И.П. 1885. С. 101). Ильинская жатвенная складчина (или братчина) - одно из звеньев в цепочке крестьянских празднеств, отмечаемых как братчины в дни особо почитавшихся святым и называвшихся по имени святого или дня праздника - Никольщина, Петровщина, Покровщина, Большая Рождественская и т.д.

Августовские Спасы. Спожинки. Осенние праздники

31 июля/13 августа - заговенье на Успенский пост. Пост называют также Спасовкой-лакомкой, поскольку на этот срок приходятся три праздника во имя Спаса. В православную церковную практику Успенский пост был введен довольно поздно. Древнейшее упоминание о Богородицыном говении относится к XIII в. "Госпожино говение", как и введенный в XII в. Андреем Боголюбским праздник во имя Спаса, в народной практике ассоциировалось с древнейшими праздниками, связанными со сбором плодов и урожаем зерновых. У русских праздники во имя Спаса - самые любимые. Для тех, кто в детстве воспитывался в православной традиции, это время имеет свой неповторимый вкус и аромат - меда, яблок, сладкого зеленого гороха, освящавшихся в церкви.

Разнообразие сельских культур отразилось на локальных названиях праздников во имя Спаса.

Первый Спас- Спас Всемиловитый (1/14 августа), или Спас на воде, мокрый, а также маковой, медовый. В этот день бывает крестный ход к водному источнику — колодцу, роднику, озеру, реке, где купаются или ополаскиваются в воде. Святят колодцы.

В местах, где выращивают мак, празднуется Спас-маковой. Церковь в этот день прославляет семь мучеников Маккавеев. По созвучию в крестьянском календаре появился Спас-маковой. Собранный мак освящали в церкви и разговлялись пирогами с маком, добавляли его и во всякую другую пищу. Освященный мак используют и в магико-предохранительных целях.

Но более всего Первый Спас известен под названием медового. На пчельниках в это время идет гонка меда. Было принято в первую очередь угощать им детей. Мед освящают в церкви и обязательно потчуют нищую братию. Была добрая традиция - устраивать в этот день сиротские или вдовьи помочи: "На вдовый двор хоть щепку кинь!" Из овощей можно было есть только огурцы, макая их в мед или намазывая медом половинки разрезанного огурца.

Второй Спас - Спас Преображение, или Спас на горе, яблочный, гороховый (6/19 августа). В этот день освящают плоды, разговляются яблоками и горохом. В Каргопольском уезде Второй Спас называли горох, горохов день, горохов праздник. Все одевались по-праздничному и шли в гороховое поле, где потчевали Друг друга и поздравляли с горохом, с гороховым днем (Куликовский, 1898. С. 16).

Встречали и осенины: в поле с песнями провожали закат солнца, как бы предворяя день осеннего равноденствия, о чем напоминает и большой православный праздник

Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа).

Разнообразны народные названия Успения: Успенье, Успление, Успенщина, Большая или Первая Пречистая, Госпожинки. Последнее название имеет варианты: оспожинки, спожинки, дожинки, обжинки, пожинки, т.е. время окончания жатвы. Конец жатвы завершался магико-продуцирующим обычаем жниц кататься по ниве с приговором: "Нивка, нивка отдай мою силку..." Широко был распространен обычай завивать "бороду": последний несжатый пучок колосьев оставлялся на ниве, при этом колоски его пригибались к земле. Пучок колосьев ("борода") украшался лентами и цветами, иногда на него повязывалась косынка. Это называлось "завить" или "оставить бороду" Богу, Николье, Илье, Кузьме-Демьяну, Христу, а на северо-востоке - Власу, Волоту (от старославянского бога богатства Белеса). Было принято последний дожиночный сноп ставить в углу. Как правило, это был сноп овса. На Покров именинный сноп скармливали скотине.

Окончание жатвы отмечалось по-праздничному: пожинальной или дожи-нальной яичницей, сытным обедом с отжиночным пирогом. По деревням устраивали складчины, братчины, сообща варили пиво.

Большим событием в жизни крестьянской молодежи Тамбовской и Рязанской губерний было одевание на Успение первой поневы девушкам 14-15-летнего возраста. Для этого ритуала было всего три праздника в году: Пасха, Троица и Успение. Одевание первой поневы на Пасху и Троицу давало возможность поневницам участвовать в весенних и летних девичьих хороводах, одевание поневы на Успение - в молодежных осенних посиделках.

С праздником Успения связано поэтическое представление о рябиновых ночах. Так называют бурные августовские ночи с зарницами, а порой и с громом и молнией, которые случаются вплоть до Малой Пречистой (Рождество Богородицы, 8/21 сентября). Название рябиновые ночи до сих пор бытует в лексике западнорусских говоров. А в деревнях Даниловского района, что на Ярославщине, и сейчас заговенье на Успенский пост называют рябиновым заговеньем.

Время от Успенья до Ивана постного (29 августа/11 сентября) считалось молодым бабьим летом: в городах затевались хороводы, а женщины начинали готовиться к зиме: на Успенье солили огурцы, начинали дергать морковь (морковкино заговенье), убирали огороды, стлали лен на лугах.

Вслед за Успением - Третий Спас (16/29 августа): Спас на полотне, холщевый Спас, Спас на холсте, хлебный, ореховый (орешный) - "Третий Спас хлеба припас". По деревням продолжали праздновать дожинки. В Сибири в это время уезжали на несколько дней в кедровники - заготавливать на зиму кедровые орехи, грибы.

18/31 августа - день памяти мучеников Флора и Лавра; в народной лексике - Фролов день, фролки (костромское), Фрол-Лавер: конский праздник - один из значительных в крестьянском быту. В этот день лошадей выводили к "полевым" воротам, к рекам и озерам и, прогоняя их мимо священника, кропившего святой водой, молились: "Батюшка наш Флор и ты, святой Лавер, спасите вы нашу скотинушку от всяких бед и напастей, от болезни, от лихого человека и от лютого зверя!" (с. Три Озера Спасского уезда Казанской губернии; РЭМ, Ф. 7. Оп. I, Xs 467. Л. 19). Популярная традиция Фролова дня - конные соревнования между деревнями. В обычае была и обрядовая выпечка: на Орловщине - в форме подковы, в Шиловском районе Рязанской области до сих пор пекут двухголовых коней (кони -так называется эта выпечка).

Локальный вариант в праздновании Фролова дня кологривскими крестьянами (Костромская область, Шаблово, Илешево, Красный Бор) - колядование. При обходе дворов исполнялась песенка:

Коляда, Коляда
Что пришла Коляда
К Павлу на двор

Да и к Васильевичу
Еще просит Коляда
По яичку со двора,
По пряженичку
По пшеничному!

(П.В.Лебедев, 1907 г.р.: Запись Л.А. Тульцевой, 1987 г.)

С Фроловым днем были соотнесены и последние заботы о посеве озимых: озимь надо сеять до Фрола, иначе вырастут бориски (имеется в виду летний день святых Бориса и Глеба) да фrolки, т.е. сорняки. Поэтому с днем святых Фрола и Лавра связывалось представление об окончании полевых работ на нивах: "Фрол-Лавер запри завор!" - такое присловье до сих пор вспоминают в Кимрском районе Тверской области. Нива отдыхает. Вероятно, отсюда идет представление дорогобужских крестьян (Смоленская губерния) о том, что святые Флор и Лавр -покровители не только скота, но и земли (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1579. Л. 10). До нашего времени дошло мало свидетельств о том, что Флор и Лавр - святые покровители земли, поэтому крупницы таких знаний особенно ценны.

Особый день - 1/14 сентября, в народе называвшийся Семеновым днем, Симеоном-летопроводцем. Название сложилось еще тогда, когда 1 сентября (ст. ст.) было началом новолетья и от него велся счет очередному, новому году. В Московском государстве существовал особый ритуал встречи новолетья: ровно в полночь в глубокой тишине, со стен Московского Кремля раздавался грохот заревой (вестовой) пушки, вслед за ним гудел колокол на Иване Великом, за которым благовестили по всем московским церквям. Растворялись городские ворота, начинались заутрени. В домах тушили все огни, кроме лампадного, а с появлением солнца зажигали новый, добытый трением из сухого дерева. Москвичи, бла-гословясь, отправлялись на богомолье в Кремль или церковь Симеона Столпника.

С Семенова дня устраивали посиделки, супрядки, досветки. У мастеровых, начиная с Александрова дня (30 августа ст. ст.), - засидки, т.е. на несколько минут принимались за работу, чтобы сделать почин дела, а затем весь вечер гуляли и пели. После засидок можно вечером работать с огнем (при свечах).

С Семенова дня до Рождества Богородицы (8/21 сентября) - старое бабье лето: начинались очередные женские работы на открытом воздухе (трепание пеньки, вымачивание и сушка льна, уборка огородов). Эти сельские дела считались относительно легкими по сравнению с работами в поле: "Роздых баб от работ полевых".

Крестьяне спешили с уборкой, так как считали, что с Семенова дня "семена выплывают из колосьев". Говорили: "В Семенов день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони".

Забавный обычай Семенова дня - похороны мух: в Московской губернии делали гробки из моркови, свеклы или репы, клали в них мух и тараканов и закапывали в землю. В разных губерниях бытовало множество вариантов этого обычая.

На Руси широко отмечали праздник Рождества Богородицы ~ Малая Пречистая, Богородичен день, Аспосов день (т.е. день после Спаса). В Рязанской губернии говорили: "Бабье лето по Аспосов день". На Аспосов день - вторая встреча осени: осенины встречали играми и песнями. Ранним утром женщины выходили к берегам рек, озер и прудов встречать "матушку осенину" с овсяным киселем или хлебом. В Тульской губернии в Аспосов день к молодым сходилась вся их родня посмотреть, как они ведут хозяйство {Сахаров И.П. 1885. С. 127}.

В Ярославской и Вологодской губерниях день Рождества Богородицы называли луковым, так как в этих краях пришло время дергать лук, сушить и вязать его косами, определять на хранение. В Пензенской и Саратовской - паси-ковым (убирали пчел). Во многих селениях - празднование престольного дня.

Для девушек самым веселым сентябрьским праздником было Воздвижение честного и животворящего Креста Господня (14/27 сентября). Как говорили в народе, "в Здвижение

последняя копна с поля двинулась", "с полей весь урожай на гумно сдвинулся", "птица в отлет двинулась, а медведь залегает в берлогу". В городах и селах начинались капустенские вечерки, капустки, капустницы, длившиеся две недели. Молодые люди ожидали их с таким же нетерпением, как рождественские святки. Это был вид помочи, устраивавшейся семьями, имевшими девушек-невест. Каждая семья по очереди приглашала подруг дочери рубить капусту. Работа шла споро, весело, с песнями. После рубки девушек приглашали к капустному столу (ужину) и пирогам с капустой. К домам, где рубили капусту, собирались парни высматривать себе невест. Получив приглашение войти в дом, они поздравляли хозяйку "с капустой" и присоединялись к девичьему веселью. В городах по случаю капустницы даже на улицах накрывались большие столы, сверкавшие белоснежными скатертями. Капустки устраивались также в семьях зажиточных купцов и мещан, поскольку это был повод для знакомства молодых людей.

24 сентября/7 октября - день памяти святой первомученицы Феклы. В Валдайском и Боровичском уездах Новгородской губернии этот день называли Феклой-Запрядальницей или Феклой-Запрядальной: надо было хотя бы немного попрясть, чтобы иметь охоту к этому ремеслу.

На северо-востоке России день называли Заревницей - от костров, которыми с полуночи затапливали первые овины. Не исключено, что эти первые овинные костры в древности посвящались осеннему равноденствию, которое по старинным календарям приходилось на 24 сентября ст.ст. Не случайно в древнерусских церковных поучениях (например, "Слово некоего христороубца") постоянно звучит осуждение молений огню под овином ("еже молятся огнев-ѣс под овиномъ") (Афанасьев Л.Н. Ш. С. 770. Аничков. С. 42; и др.).

Обрядовые празднества, связанные с жатвой и обработкой зерна, завершались особыми угощениями по случаю замолоток (начало утренней молотбы при огне) или именин овина. В Медынском уезде Калужской губернии при начале молотбы устраивалось "нечто вроде праздника", называемого овинными именинами (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 541. Л. 5). В этот день в овинах разжигались костры для сушки снопов. Вокруг топящихся овинов собирались молотильщики и при свете костров проводили ночь в песнях. На замолотках молотильщиков угощали кашей и приговаривали: "Хозяину новины ворошок, а замолетчикам каши горшок!" В Костромской губернии устраивали праздник свозки хлеба под названием овин.

По осени овин, наполняясь снопами, невольно становился средоточием и хранителем трудов всех поколений семьи. Поэтому не случайна уважительность в обращении к овину и его ипостасям - гуменнику, овиннику, рижному хозяину. Так, калужане Медынского уезда по случаю овинных именин, намолов немного новой муки, пекли из нее блины, разговлялись ими и, прихватив с собой три блина с солью, шли на ригу веять обмолоченную рожь. Придя в ригу, клали на окно хлеб-соль и, низко кланяясь, говорили: "Вот тебе, рижка, наша хлеб-соль; тебе на стоянье, а нам на доброе здоровье; тебе, рижка, постоять, а нам тебе послужить". Начиная сушку снопов, прежде всего просили благословения у Бога, святых и всех усопших предков: "Благослови, Господи, и дай нам святой Антоний и Илья-пророк, начинать по добру. Благословите, праведные родители, нашей рижке постоять" (Там же. Л. 5-5 об.)

Капустками, луковой и репорезной неделями, молотьбой, льяными и другими работами, подготавливавшими урожай к зиме, заканчивался круглый год земледельца. Завершался он в соответствии с религиозно-этическими традициями сельского мира. 26 сентября/9 октября в осенний день апостола Ивана Богослова крестьяне пирогами, испеченными из новой муки, кормили странников и нищих. Эту забытую традицию запечатлели народные присловья: "Падет лист с дуба -зиме готова шуба, придет Иван Богослов - нищему пирог готов!"; "На Богослова -сирота у стола мирского!"; "Пришел Иван Богослов - пеки для странников пироги, свою душу береги!" и др. Эта традиция имела свое религиозно-нравственное обоснование: молитва страждущих за поданную

милостыню быстрее доходит до Бога, а подданное - сторицей возвращается в закрома. Урожай собран. Но круговорот в природе и жизни людей повторяется.

На протяжении всего земледельческого года крестьянское сообщество посредством кормления нищих и странников, а также поминовения всех усопших, как бы благодарило Господа Бога за все полученное от матушки-земли. Забота о земле была для крестьянина и заботой о душе, о ее спасении для будущей жизни в Царствии Небесном.

Земледельческий календарь и его обрядность, передаваясь от поколения к поколению, сохранял социально-нравственные заповеди крестьянского мира о труде, земле, всем окружающем мире (мироколице). Это был один из важнейших источников, благодаря которому накапливались духовные ресурсы народа, собственно этническая духовность - та особая грамотность духа и души каждого члена земледельческого коллектива, которая в совокупности составляет основу генотипа любого народа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

Название, вынесенное в заголовок, следует понимать расширительно. Речь пойдет не только о национальном (производном от понятия этническое), но и о других компонентах народного сознания: религиозном, патриотическом, социальном. Их взаимодействие, характерное для всей русской истории, принимало конкретную форму в условиях той или иной эпохи. Русская форма православия, национальное самосознание, чувство патриотизма были неразделимы, что объяснялось длительным проживанием огромной моноэтнической и единой в конфессиональном отношении массы русских на территории единого государства.

В рамках короткого обзора невозможно дать сколь-нибудь полную картину развития национального самосознания. Задача автора - на конкретном историко-этнографическом материале проиллюстрировать некоторые его проявления, попытаться уловить их типичность. Основные трудности при изучении национального самосознания связаны с недостатком источников. Практически отсутствуют материалы, в которых в концентрированном виде отразилась бы позиция крестьян по вопросу об осознании ими национальных интересов. Тем не менее комплексное использование источников - от исторического фольклора до документов официального делопроизводства - позволяет с известной степенью точности вынести суждение по рассматриваемой теме.

Исследование национального самосознания в историческом аспекте диктует необходимость обращения к коллективной народной памяти. Идея общности исторического прошлого являлась основой формирования этой памяти, в значительной мере определяла национально-культурные особенности русских. Целесообразным представляется также анализ конкретных поступков и действий представителей разных социальных слоев в периоды тесных межэтнических контактов, войн, вооруженных конфликтов. В эти периоды истории осмысление общенациональных интересов происходило наиболее интенсивно.

Для составления общей картины уровня национального самосознания необходимо привлечение материалов по всей территории расселения русского народа. Бытование аналогичных исторических представлений в различных местах страны свидетельствует о масштабах общности сознания.

Историографическая разработка темы если не находится в начальной стадии, то и весьма далека от своего завершения. Основные направления теоретического изучения проблемы освещены в статье Р.Ш. Джарылгасиновой, обзор работ по этническому

самосознанию русских дан В.Р. Филипповым (см.: Джарылгасинова; Филиппов В.Р.).

Со времен Киевской Руси, принятия христианства, русская народная идея принимает по преимуществу конфессиональный характер, получивший свое выражение в идеале Святой Руси. Православный культ святых постепенно вытеснял поклонение языческим божествам. Объектами всенародного почитания становились и выдающиеся лица русской истории - политические и церковные деятели, ревнители благочестия. Вокруг них, носителей лучших национальных черт, выстраивалась картина исторического прошлого.

Издавна чтились в русской традиции воители, заступники земли Русской от внешних врагов: св. князя Владимир, Михаил Черниговский, Александр Невский и др. В их подвигах ценились и личная праведность, и национальное служение. Они защищали родную землю. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к народу. В житиях святых - воителей за русскую землю - такая готовность положить свой живот "за други своя" была постоянной и едва ли не главной темой.

В эпоху империи, в XVIII-XIX вв., и в официальном, и в народном почитании значительное место отводилось св. Александру Невскому. В конце XIX в. вологодские крестьяне рассказывали о битве Александра на Чудском озере: "...на него начала нападать чужь. Александр с патриархом три дня молились Богу и после того пришли к морю; все море было покрыто чужью, вдруг святые Борис и Глеб явились и стали побивать нехристей, и побили всю неверную силу" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1.Д. 345. Л. 23 об.).

В этом предании в роли небесных покровителей и защитников земли русской от внешних врагов выступают св. князя Борис и Глеб. История их канонизации имеет самое непосредственное отношение к формированию национального сознания. Князя Борис и Глеб, братья Ярослава Мудрого, стали первыми святыми, канонизированными Русской православной церковью. Как известно, они были коварно убиты по приказу своего брата Святополка, добивавшегося престола в Киеве. Согласно дошедшим до нас житийным памятникам Борис и Глеб приняли смерть добровольно, не оказав сопротивления посланным убийцам. Пав жертвой политического преступления, они не стали мучениками за веру. Но, отказавшись от сопротивления, Борис и Глеб как бы последовали примеру Христа, его искупительной жертвы. Тем самым они заложили в народное сознание идею непротivления злу, которая стала, по мнению Георгия Федотова, "национальным русским подвигом... подлинным религиозным открытием новокрещеного русского народа". С их именами связано становление очень популярного в православной традиции чина страстотерпцев.

Народное почитание св. князей опередило церковную канонизацию, последовавшую в конце XI в., и почти сразу установилось как общерусское (явление типичное для Руси и других христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). Вскоре образы святых Бориса и Глеба получили дальнейшее и, на первый взгляд, нелогичное развитие: из святых непротivленцев они преобразились в небесных покровителей земли русской от внешних врагов. Федотов объясняет этот феномен в духе "основной парадоксии христианства" - "крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знаменем победы". Память о небесных покровителях Борисе и Глебе сохранилась во многих преданиях, повествующих о борьбе с иноземными завоевателями (Федотов. С. 49, 51).

Канонизация Бориса и Глеба имела и другую важную сторону. Она освящала авторитет всего киевского княжеского рода потомков Ярослава, что сыграло не только огромную внутривосточную и международную роль, но и в значительной степени способствовало складыванию в сознании людей образа князя, а в дальнейшем и царя как правителя, угодного Богу.

Существенной вехой в этом процессе стало венчание Ивана IV на царство. Данный акт, символизировавший преемственность власти от византийских императоров, укрепил национально-церковное самосознание. Царскому служению придавался в соответствии с греческими канонами теократический смысл. Царь представлял перед своими подданными

как Божий избранник. Трудно судить, можно ли провести прямую связь между церковной канонизацией русских князей и освящением власти царя. Властные полномочия князя, его общественный статус были гораздо более ограниченными по сравнению с царскими. Но если мы говорим о народном восприятии образа правителя, то сакральная идея имела, без сомнения, определяющее значение.

Вместе с тем религиозным фактором не исчерпывалось отношение к царю. Оно зависело и от иных, более практических интересов и расчетов крестьянства, лежащих в сфере социальной. Постоянно воспроизводимые крестьянским сознанием надежды на справедливое устройство общества диктовали отношение к царю как к высшему государственному лицу - радетелю о народных интересах. Взгляд этот вполне соответствовал определенному типу государственного сознания русских крестьян, отличавшемуся от воззрений господствующих классов. Если дворяне в большинстве своем понимали государство как установление сословно-иерархическое, дававшее им значительные привилегии, то в народной среде государство мыслилось как царство социальной справедливости, в котором не должно быть места никаким незаслуженным и незаконным привилегиям. Соответственно и отношение к царю принципиально разнилось: для господствующего сословия царь был первым дворянином страны, в глазах же крестьянства он - защитник народных интересов от врага внутреннего - плохих бояр и помещиков. И именно к царю как к Божию избраннику и первому лицу государства были устремлены надежды и чаяния низов.

Из царей допетровской Руси значительный след в народной памяти оставил Иван Грозный. Он воплотил в себе типичные черты сурового государя. Беззакония его правления воспринимались в народе, особенно с течением времени, как искоренение неправды на русской земле. Причиной гонений и социальных потрясений крестьяне считали грех перед Богом, и на этом основании, по мнению одного из корреспондентов Этнографического бюро, они "не винили царя за его неистовства". Сохранялись, тем не менее, и отрицательные характеристики: в новгородских и псковских преданиях память об опричнине и жестоких расправах заслонила образ царя как символ национального могущества, характерный для исторической памяти большинства русских крестьян об этом царе (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1558. Л. 3; Соколова, 1970. С. 59,60; Якушкин. С. 121-122; Крупп. С. 213).

Нарушение конфессиональной однородности русского общества, связанное с церковным расколом, обусловило различное отношение к самому, пожалуй, популярному русскому царю - Петру Великому. Если в массе народа возобладала положительная оценка императора, историческое понимание его деятельности, то в глазах старообрядцев он не был истинным царем, помазанником Божиим. Именно в этом причина оппозиционности настроений в раскольничьих толках, особенно на Севере.

В коллективной народной памяти Петр благодаря своей преобразовательной деятельности, неутомимому трудолюбию сохранился, прежде всего, как царь-работник. Эта традиция изображения Петра "мужицким" царем зародилась на Севере, но в дальнейшем распространилась по всей России. Про Петра крестьяне рассказывали, что он "завел в России все заморские хитрости, сам учился всему и не мог только сплести лаптей" (Гурьянова, 1980. С. 136, 143; Описание... С. 115; Барсов, 1877. С. 33; Садовников. С. 371, 372; Памятная книжка... С. 25; Громыко, 1990. С. 323; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 693. Л. 17; Д. 892. Л. 1; Д. 963. Л. 34; Д. 1293. Л. 47; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 92).

Традиционная линия идеализации образа царя в народном сознании часто соседствовала с социально-утопическими устремлениями, связанными с идеалом государя ожидаемого в противовес реальному. К.В. Чистов выявил устойчивость бытования легенд об избавителях с начала XVII до середины XIX в. Доказанная им независимость происхождения легенд об избавителях от предшествующих подобных легенд свидетельствует о постоянстве социально-утопических надежд крестьян, их веры в истинного царя. Новые легенды создавались по большей части в периоды междуцарствия,

особенно «в случае, когда правящий царь не был прямого царского "корня"» (Борис Годунов, Василий Шуйский, Екатерина II). Образ избавителя в крестьянском представлении первоначально имел весьма расплывчатые черты идеального монарха. Более четкий контур он приобретал, как правило, с появлением самозванца. В конце XVIII - первой половине XIX в. самозванство постепенно вырождается, перестает быть знаменем протеста. Но вера в доброго царя надолго остается. Место самозванных государей занимает вера в далекие обетованные земли, где торжествуют правда и воля (Чистов, 1967. С. 114-123,222).

Не только цари, но и крупнейшие полководцы прошлого считались в народе выразителями "воли Божией". Их деятельность, направленная на благо национальных интересов, освящалась как господствующей Церковью, так и народным сознанием. М.В. Скопин-Шуйский, Д.М. Пожарский и другие защитники русской земли от поляков во времена Смуты начала XVII в. - "сберегатели мира крещеного и всей нашей земли Святорусския". Самый выдающийся русский полководец А.В. Суворов, по мнению народа, был богатырь и знал "планиду небесную", а потому и имел в битвах постоянный перевес, несмотря на храбрость и многочисленность неприятеля. Избранниками Божиими считались и М.И. Кутузов, и "белый генерал" русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М.Д. Скобелев (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 52, 186,354,555,950, 1405, 1576 и др.; Литвин. С. 39).

Конфессиональный фактор наряду с социальным определяли и память о вождях крестьянских восстаний. Степан Разин, Емельян Пугачев не только избавители, социальные мстители за перенесенные народом страдания. Во многих поволжских преданиях Разин - великий грешник, которого не принимает земля. Преданный анафеме вождь повстанцев связывает свои страдания со страданиями народа: "А буду я мучиться до скончания мира, ежели русский народ не прозрит". В тех легендах, где Разин изображен как грядущий избавитель, связь с христианскими воззрениями менее заметна. Но и в них он обещает прийти и покарать людей за грехи и неправду.

В воспоминаниях о Пугачеве преобладали достаточно типичные, похожие друг на друга сюжеты о расправах с господами-помещиками. Жестокости пугачевцев не вызывали народного сочувствия, но довольно часто воспринимались как возмездие за перенесенные лишения (Соколова, 1970. С. 126, 134; Нефедов, С. 57; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 9. Л. 4; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1293. Л. 47; Садовников. С. 377; АРГО. Р. XXIII. Д. 23. Л. 4 об.).

В XIX в., как и в предыдущие столетия, русские четко осознавали свою причастность к православной вере. Это проявлялось и в мирное время - общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было "Православные", - и, особенно, во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды идентификация по конфессиональному признаку выражалась еще более отчетливо. Конфессионализм православные выполнял функции этнического определителя русских, противники, даже если они были христианского вероисповедания, почитались за нехристей.

Один из крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии в конце XIX в. рассказывал о воцарении дома Романовых: "... и победил он (Михаил Романов. -Авт.) литву некрещеную, и не стало с той поры литвы на земле". В 1812 г. герой Отечественной войны Герасим Курин призывал партизан своего отряда: "Вы народы веры русской, вы крестьяне православны, вы старайтесь за веру, умирайте за царя. Для чего мы есть крестьяне, чтоб за веру не страдать. Для чего же мы православны, чтоб царю нам не служить" (Аристов Ф.Ф. С. 4-5; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 88; Народное ополчение... С. 114).

Победы русских войск, успехи полководцев напрямую связывались в народной памяти с заступничеством Бога, поражение считалось наказанием за грехи. В разговорах с писателем К.М. Станюковичем многие старики-крестьяне, бывшие участники неудачной для России Крымской войны 1853—1856 гг., утверждали, что

"Севастополь пал за грехи", распутство и жестокость начальства. Несвобода крестьян, традиционно понимаемая ими как нарушение Божией справедливости, также была одной из причин военных поражений: если "крестьянам не объявят волю... то вовсе матушка-

Россия пропадет и всякий будет иметь над ней одоление" (Станюкович КМ. С. 296).

В военном деле исключительное значение придавалось церковному благословию. В конце XIX в. в Малоархангельском уезде Орловской губернии местные крестьяне рассказывали, как перед Куликовской битвой Дмитрий Донской получил благословение преподобного Сергия Радонежского. По воспоминаниям многих солдат, офицеров и генералов, участников русско-турецкой войны 1828 г., все посетившие старца Серафима Саровского, получившие его благословение и повторявшие с верою: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима", - остались невредимыми, "даже ввиду крайней опасности и неизбежной смерти".

В конце XIX в. Е.В. Барсов записал предание о том, что Петр I ослушался патриарха и потому проиграл битву под Нарвой. Только после того как он "служит молебен и получает благословение патриарха", Петр становится победителем. Подобное переплетение воспоминаний о поражении под Нарвой и Полтавском бое (по мнению Барсова, имеются в виду эти два события) является логическим следствием народного воззрения "на отношение Петра Великого к патриарху и назначение церковного благословения в военном деле" (Станюкович К.М. С. 296; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1046. Л. 9; Жития святых... С. 22; Барсов, 1894. С. 196).

В период войн крестьяне усердно молились, просили Бога "дать победу русскому оружию". Ф.Н. Глинка, описывая всеобщее опустошение и уныние в связи с отступлением русской армии в начале Отечественной войны 1812 г., отмечал: "Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли отворены и полны народом, который молился, плакал и вооружался..." (Глинка. С. 27).

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по сообщениям корреспондентов Этнографического бюро, народ "чаще ходил в церковь", крестьяне не пропускали ни одной церковной службы, "желая что-нибудь услышать про воинство". Радость по поводу побед выражалась в благодарственных молебствиях. В Хвалынском уезде Саратовской губернии "если наша брала", то служили молебен, а если доходил слух, что турки "били наших", то "больше плакали и молили Бога, чтобы помог одолеть поганого врага". Крестьяне служили по убитым панихиды, молились о даровании победы, собирали пожертвования "в пользу раненых". Среди народа было распространено убеждение, что "турки стали бить и мучить православных христиан, склоняя их принять свою мусульманскую веру". Зафиксированы случаи, как в некоторых местностях старики-грамотеи объясняли своим односельчанам, что славяне "нам братья" потому, что "произошли они, как и мы, от одного сына Ноя - Яфета..."

Народное сочувствие к угнетенным братьям-единоверцам выразилось в добровольческом движении на Балканы. После начала боевых действий Сербии с Турцией "на заступу" славянам отправились несколько тысяч добровольцев, в том числе и крестьяне. В одном из сельских обществ Орловского уезда Орловской губернии "некоторые крестьяне решились тогда бросить семьи и идти на войну... обществом их наградили, как следует". В народе считали, что "если умрешь на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит".

В понимании крестьянами причин войны постоянно присутствовал христианский мотив защиты обиженных, угнетенных. Царь Александр II, по мнению народа, был "жалостливый и добрый, заступился за христиан... сжалился над братьями-христианами". Крестьяне были убеждены, что "уж ежели наш Государь объявил войну, значит воевать будем за правду, за православную веру, за каких-нибудь обиженных..."

В сознании русских русско-турецкая война была тяжелым испытанием для православия, всего строя народной жизни. Любопытно, что, когда в 1894 г. разыгралась греко-турецкая война, симпатии крестьян, узнававших о ходе боевых действий из газет, все время были на стороне греков. Многие ждали, что русские войска будут двинуты им на помощь, "некоторые высказывали намерение отправиться в Грецию в качестве добровольцев". Позиция крестьян говорит об осознании ими единства с греками по

конфессиональному признаку, обостренном требовании национальной справедливости по отношению к угнетенному народу (РЭМ.Ф. 7. Оп. 2. Д. 517, 805, 1105, 1388, 1471, 1490, 1554, 1589, 1845).

Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при изучении народного сознания, - соотношение социального и национального факторов. Даже в периоды национально-освободительных войн, когда четко выявлялось общенациональное единство всего русского народа, продолжался процесс осмысления социальных интересов. Особенно наглядно это проявилось в 1812 г. В патриотическом движении русских сочетались идеи свободы Родины и свободы личной.

Как показывают некоторые исследования, концепция официальной дореволюционной историографии об "единении сословий вокруг престола" не представляется последовательной. Перед войной и в самом ее начале в крестьянской среде бытовали различные настроения; некоторые считали: "Придет Наполеон, нам волю даст". В начале войны имели место факты совместных выступлений русских крестьян и французских солдат против русских помещиков: "В Полоцком уезде Витебской губернии, в Ельнинском, Сычевском, Поречском и Юхновском уездах Смоленщины, в ряде подмосковных селений... местные крестьяне громили барские усадьбы с помощью французов или делали это сами, избивали своих хозяев и везли их связанными на суд и расправу к французам, как было в Поречском и Велижском уездах Смоленской губернии". Однако по мере продвижения Наполеона в глубь России "иллюзии немногих" быстро рассеивались, надежды заслужить личную свободу неразрывно связывались с освобождением Родины (Троицкий Н.А. С. 216, 219-221).

Исторические представления, как элемент национального самосознания, хранили память, прежде всего, о событиях и лицах отечественной истории. Корреспондент Этнографического бюро сообщал из Владимирского уезда Владимирской губернии: "Всею более любит наш народ разговаривать про силу, богатство, могущество нашей матушки-России. Слушать рассказы об этом для него наслаждение" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 9. Л. 5).

В национальное сознание входили также знания и представления о других народах, с которыми русским приходилось контактировать в ходе этнической истории - в военных походах, при освоении и заселении новых земель и т.д. В крестьянском историческом фольклоре широко бытовал, например, этноним татары. В XIX столетии он являлся в большинстве случаев недифференцированным обозначением многих восточных народов. Вместе с тем его восприятие менялось, имело локальную специфику. Воспоминания о набегах татар сохранились преимущественно в южно-русских областях. В Сибири, напротив, в результате многолетнего мирного соседства русских и татар слово татарин перестало ассоциироваться с понятием враг. Подобная трансформация этнических представлений даже повлекла за собой изменение исторической картины присоединения Сибири - в народном сознании утвердилось мнение о мирном характере колонизации края. По замечанию Н.А. Миненко, русским крестьянам Сибири казалась «смешной... сама мысль о том, что их легендарный Ермак завоевывал татар» (Миненко, 1986. С. 29-30; Соколова, 1970. С. 38).

Довольно условным был и этноним литва. В преданиях он не имел под собой четкой этнической основы и служил, как правило, общим наименованием всех пришельцев с запада. Во время путешествия П. Якушкина по Псковщине его проводник рассказывал о том, как "литва подходила, хотела Опсков взять". Сам П. Якушкин привел несколько своих разговоров со старожилами, которые помнили о том, что под Изборск "подступала Литва и становилась на Митинской горе... Стреляла Литва та из пушек по Изборску, пробилла она ворота и народу много погубила"; что "подступал Стефан Баторий под наш (Печерский. - Авт.) монастырь" (речь шла об осаде Пскова и других событиях Ливонской войны) (Якушкин. С. 172, 179).

В песнях и преданиях встречаются этнонимы не только врагов, но и союзников в

войнах и походах. Например, поволжский фольклор об Иване IV сохранил память об участии мордвы в походе на Казань. Особенно интересны в этом отношении записи известного писателя-этнографа П.И. Мельникова, который собирал материал в Нижегородской, Казанской, Симбирской губерниях в 40-е годы XIX в. (Власова З.И.).

Расширение знаний об окружающем мире в известной мере размывало традиционные представления об общественном устройстве. Сильное влияние на мировоззрение крестьян оказало участие русских солдат в освободительном походе 1813-1814 гг. Солдаты имели возможность наблюдать страны и народы, освобожденные от крепостного права в результате буржуазных революций. "Войска, - писал декабрист А.А. Бестужев, - от генералов до солдат, пришедшие назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своими произвело вопрос, почему же у нас не так... Злоупотребления исправников стали заметны обедневшим крестьянам, а угнетения дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей" (цит. по: Игнатович. С. 91). В резко увеличившейся после войны волне активных крестьянских выступлений инициаторами большинства из них были ратники (Бабкин. С. 121).

Во второй половине и, особенно, в последней четверти XIX в. усилилось проникновение в крестьянскую среду либеральных и революционно-демократических идей. В значительной степени это было обусловлено влиянием народнической идеологии. В рапорте Кирсановского уездного исправника Тамбовскому губернатору (17 сентября 1878 г.) говорилось о том, что на сельском сходе крестьянин Вязьминской волости Михаил Федорович Ширшов «стал порицать существующий в России порядок, говоря: "Отчего у нас не так, как во Франции, надо, чтобы и у нас была республика, там, т.е. во Франции, управляет государством избранный обществом человек, а у нас, кто ни попал, - по очереди из царского рода, да при том и семья царская большая, поглощает громадные суммы на свои расходы, а с мужиков дерут шкуры...» Далее сообщалось, что в 1875 г. Ширшова навещал его дальний родственник А. Гавриловский, который и "внушил Ширшову либеральные идеи, так как с того только времени Ширшов изменил свой образ мыслей" (Виноградов В.А., 1972. С. 244; Он же. 1981; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2792. Л. 41 об.).

В течение всего XIX в. и, особенно, в пореформенный период на характер национального сознания воздействовало значительно большее число факторов по сравнению с ранними эпохами. Традиционные представления, отложившиеся в устных преданиях, по мере роста грамотности существенно дополнялись книжным знанием. Свой отпечаток накладывала также активизация социальной борьбы российского крестьянства. Тем не менее в народной среде устойчиво сохранялось и воспроизводилось сходство понимания общенациональных интересов крестьянами разных регионов страны.

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ И ВЕРА

Основы нравственности формируются у каждого народа в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую и обширную часть духовной жизни. Нравственные ценности, тесно соединяясь с другими сторонами культуры, служили необходимой основой для многих и многих представлений и действий, взаимоотношений и творчества. Эта основа народной культуры включает уважительное отношение к старшим и заботу о стариках, детях, беспомощных родственниках; милосердие в самых разных его проявлениях, помощь и взаимопомощь; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятия чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое.

Все связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий. Цельность народной нравственности определялась у русских крестьян православной

верой. К ней восходили прямо или косвенно все оценки и утверждения в этой области. Понятия передавались из поколения в поколение. Но, кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства. Нравственные поучения постоянно звучали в церковных проповедях, наставлениях родителей, разъяснялись учителем, обучавшим грамоте по Псалтыри.

Крестьяне (за небольшим исключением) не писали специальных трактатов о нравственности, но мы можем судить о том, какими понятиями они руководствовались, по реальным проявлениям в жизни, по характеристикам внешних наблюдателей, да по высказываниям самих крестьян, разбросанным в письмах, решениях сходок общины, челобитных, в записях других лиц.

Непременным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян, являлась вера. Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно по степени выполнения нравственных норм в целом. "Креста на тебе нет" - говорили человеку, совершившему бессовестный поступок. И наоборот, "живет по-божески", "живет по-христиански" - говорили о тех, кто был совестлив и милосерден.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропускала особенно важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи выговаривали матери, если сын был "ленив ходить к обедне".

В адресованных в консистории и Синод прошениях крестьян о строительстве новых церквей (а прошения эти проходили через сход даже в тех случаях, когда церковь должна была строиться не на мирские средства, а на деньги отдельных богатых крестьян) встречаются формулировки о долге общины заботиться о религиозности и нравственности своих членов (Анохина, Шмелева, 1964. С. 237-238; РГИА. Ф. 796. Оп. 103. Д. 783. Л. 1; Д. 530; Д. 531. Л. 1-8; Д. 1420. Л. 1-10; Д. 1421. Л. 1-9; ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7).

В программе Этнографического бюро Тенишева был вопрос о посещении крестьянами церкви. На него откликнулись почти все, кто писал в бюро из разных концов страны. Крестьянин Ф.Ф. Шутов из деревни Песьи-Веретьи на Вологодчине (Вельский уезд) сообщил, что в праздник его односельчане встают в пять часов утра и отправляются в церковь - на утреню и обедню. Церковь была в трех верстах от деревни. Одевались все празднично, несмотря на ранний час.

Посещение церкви в воскресенье и праздники отметили все корреспонденты. В будни же обычно ходили лишь те, кто заказал обедню по конкретному поводу - кончина близкого человека, (девятый, двадцатый и сороковой день, сорокоуст). Либо же в Великий пост, когда служили в среду, пятницу и субботу. В это время ходили преимущественно те, кто говел, т.е. готовился к причастию.

Чаще посещали церковь зимой и осенью, когда крестьяне были свободнее от хозяйственных работ. Летом ходили мало. Если храм был далеко, то посещения прерывались на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами (через болота, например), ездили или ходили туда лишь на самые большие праздники - Пасху, Троицу, Рождество, а также на храмовые (праздник события или святого, которому посвящен храм данного прихода) и заветные (обетные). Последние были связаны с обетом, данным отдельным человеком или целой деревней по случаю счастливого избавления от болезни, стихийного бедствия или иноземного нашествия.

Корреспондент из села Петушково Карачаевского уезда Орловской губернии подметил такое различие: на основные праздники "в церкви более бывают мужики, а по воскресеньям - более бабы и подростки". В оценке большего в целом количества посещений мужчинами или женщинами информаторы расходились. П. Каманин из села Домнино Меленковского уезда Владимирской губернии считал, что в церковь вообще больше ходят женщины. Ему вторил корреспондент из Лозичской волости Боровичского

уезда (Новгородчина), утверждавший, что женщин в церкви всегда бывает больше, чем мужчин, что они вообще ревностнее относятся к вере, носят туда детей, поминают усопших. А Е.И. Иванов - учитель земской школы из села Георгиевского Белозерского уезда Новгородской губернии, утверждал противоположное: "Мужчины обыкновенно ходят в церковь чаще, нежели женщины".

Все сообщения сходились в том, что в церкви ведут себя чинно, степенно, благопристойно. "Не было случая, чтобы кто-либо пришел в церковь нетрезвым", - писали из деревни Рыбково Смоленской губернии. "Набожность выражается в усердии ко храму Божию. Здешний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся; так, например, по утру или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две либо лампаду с деревянными маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благочестием; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь" - так рассказывалось о набожности крестьян Пошехонского уезда в описании, присланном в Географическое общество.

Существенное нравственное влияние оказывали проповеди, которые произносились в сельских церквях каждое воскресенье, а в праздничные дни после заутрени и во время литургии. К моменту проповеди все придвигались ближе к аналою, чтобы лучше слышать. Наступала полная тишина. После службы толковали между собой по поводу проповеди. Житель Ярославской губернии отмечал в 1854 г., что крестьяне хорошо понимают содержание религиозно-нравственных поучений и долго их помнят (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 5; Д. 24. Л. 31-35; Д. 699. Л. 22-23; Д. 706. Л. 2-8; Д. 108. Л. 13; Д. 1024. Л. 4 об.-5; Д. 1569. Л. 18-21; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 231-233; Архангельский. С. 46-^9).

С аккуратным посещением церкви тесно связано было совершение исповеди и принятие причастия. В рукописи Тульской губернии (Новосильский уезд) это отмечено так: "Здешний народ имеет добрые качества. Его набожность в простоте веры и гостеприимство достойны подражания. Не говоря о хождении в церковь, об усердном и добровольном исполнении христианских обязанностей - исповедания и причастия, набожность крестьян видна и в их частной жизни. Они не сядут за стол, не помолясь, не начнут и не окончат никакого дела, не перекрестясь; по окончании уборки хлеба почти всякий старается выказать особенное усердие и набожность, приглашая священника со святыми иконами в свой дом для благодарственного молебна".

Большое значение придавали крестьяне ежедневным молитвам. Из села Бере-зово Лихвинского уезда Калужской губернии так и писали в Тенишевское бюро, отвечая по программе: "Домашняя молитва утром и вечером, а также перед едою считается обязательною". Из села Верхотишанки Тульской губернии в ответах по другой программе - Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, утверждалось: крестьяне встают рано, умываются и молятся, обращаясь к стоящим в переднем углу образам. В другом варианте (Новгородская губерния) об этом же писали так: "В каждой семье и каждым членом ее совершается молитва перед иконами утром, вечером, до и после обеда". Написал это не священник, а учитель земской школы.

Учительница М. Михеева из деревни Талызиной Орловского уезда отмечала различия в усердии в домашних молитвах по сезонам - в зависимости от занятости и усталости. Летом молились меньше. Зато уж под праздник молодые мужики "прежде вымывшись, и потом сядут за стол, прочитают Евангелие вслух, а после ужина помолятся усердно Богу, предварительно зажгут лампаду и свечи перед каждою иконою. В это время и бабы становятся на колени и детям приказывают молиться усерднее". Летом некоторые выходили на улицу и молились в ту сторону, где стоял храм или на восток. Старухи в теплое время молились большей частью на дворе между хозяйственными делами, а

заканчивали молитвы в избе. "Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться", - сообщала учительница. Считалось, что такая молитва будет особенно услышана и прогонит нечистую силу. Под большие праздники ночью молились почти до самой зари.

Зимою бабы, писала Михеева, "как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов". Особенно интересно наблюдение талызинской учительницы о том, что все крестьяне старались молиться так, чтобы их в это время никто не видел. В основе этого лежало евангельское указание, что получивший награду в похвалах от людей, не получит ее на небе. Когда зимою холодно было молиться в укромном месте вне избы, старики выжидали, когда дети заснут. Молились все крестьяне, как правило, вслух. Говорили, что так делали святые угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером.

Подобных ответов сотни, практически из всех губерний и уездов. Встречаются и такие наблюдения: молятся горячо, но отклоняются от канонов по неосведомленности. Разумеется, крестьяне не были богословски образованными людьми, но домашняя молитва, как и посещение церкви органично входили в их духовно-нравственную жизнь (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 536. Л. 9; Д. 699. Л. 24; Д. 1579. Л. 6; Д. 706. Л. 13; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 45. Л. 1; Попов. Заметки...; Руднев. С. 109).

Сейчас иногда приходится слышать утверждение, что неграмотный крестьянин, мол, не знал православия, так как не читал Священного Писания. Это представление людей, которые не бывают в церкви и просто не имеют понятия о том, что служба постоянно включает чтение разных мест из Евангелий, Деяний и Посланий апостолов и Ветхого Завета. Регулярно посещавшие церковь в течение многих и многих лет прихожане знали эти тексты. Разумеется, степень внимания, восприятия, память были у отдельных крестьян различными, как и в любой другой социальной среде. Но самый факт неграмотности не служил препятствием к этому знанию. Кроме того, в большей части крестьянских изб было свое Евангелие, а у некоторых крестьян и другие духовные книги.

Данные земских обследований 80-90-х годов XIX в. и современные изыскания убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в круге чтения крестьянства. Это относится как к изданиям (покупаемым, взятым в школьных и приходских библиотеках, у частных лиц, переданным по наследству), так и к рукописным книгам. Грамотные крестьяне читали Евангелие, жития святых и другую духовную литературу вслух в семье, соседям, иногда на специально собираемых для этого встречах. Чтение вслух в дореволюционной деревне отмечено в массовых и многообразных источниках.

Система обучения грамоте основывалась, как известно, на духовной литературе, прежде всего на Псалтыри, т.е. обучение основам православия и чтению, письму шло в неразрывном единстве. Особенно явно это было в так называемых вольных школах, организуемых самими крестьянами (с наймом несколькими семьями на 3-4 месяца учителя для подросших детей), где особенности народной педагогики сказывались наиболее открыто (Громыко, 1991. С. 274-315).

Непременной принадлежностью каждой крестьянской избы были иконы. Располагались они в красном, или святом, углу, обращенном обычно к юго-востоку, на божнице (киоте). В любом доме находились иконы Спасителя и Божией Матери. Кроме них, образа популярных в России в целом или в данной местности святых - Николая Чудотворца, Иоанна Воина, Преподобного Сергия и других, либо особо чтимых в данной семье угодников, например Варвары Великомученицы, Марии Египетской. Здесь же сохранялся металлический крест - поклонный. Ценились старые кресты, простоявшие долгое время на божнице. Даже в избах очень бедных крестьян висели лампы. Зажигали их на короткое время, лишь под большие праздники - на всю ночь.

В конце XIX в. современники отмечали, что крестьяне любят покупать иконы. Купленную на ярмарке икону отдавали в свою церковь священнику, чтобы освятил ее в

алтаре. Для благословения новобрачных считалась уместной новая икона. В то же время в семьях сохранялись и передавались из поколения в поколение очень древние иконы. Некоторые крестьяне заказывали иконы местным сельским или городским мастерам. В работах крестьянских иконописцев часто встречался свободный пересказ житий святых понятным для окружающих языком. События древнего времени изображались иногда в привычной обстановке, персонажи - в современной одежде, даже в местном костюме. В иконографии местных подвижников определяющими были прижизненные устные и письменные свидетельства об их облике, и в этом случае стремились соблюдать достоверность. Все это не мешало сохранять в целом художественные традиции профессионального иконописания и достигать воплощения самого важного в иконе - духовности.

Профессиональные иконописцы городов не могли удовлетворить все запросы. Местному мастеру можно было заказать конкретную икону, чтобы обращаться с молитвою к определенному святому: образ Зосимы и Савватия заказывал пасечник, св. Пантелеймона - для исцеления от болезней, Николая Угодника, - отправляясь в плавание, и т.д. В то же время постоянное созерцание в сельских церквях высоких образцов профессионального иконописания (для Каргопольского, например, уезда - это новгородские и ростовские работы) служило источником духовного и эстетического воспитания, развивало вкус (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1080. Л. 6; Д. 1106. Л. 1-8; Каргополье. С. 51-107; Чукмалдин, С. 3,5).

Внимательно следили крестьяне за соблюдением постов, сроки которых были известны в деревне всем от мала до велика. И в этом вопросе письменные ответы местных жителей разных районов на программы научных обществ единодушны - "крестьяне посты соблюдают строго". Лишь в некоторых сообщениях отмечалось, что в последнее время (конец XIX в.) к нарушению постов стали относиться более снисходительно.

При более подробной информации выявляется неодинаковое отношение к различным постам. Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста; почти такое же отношение было к Успенскому посту и к отдельным дням строгого поста (Крещенскому сочельнику, дню Ивана Постного и Воздвиженью). Нарушение остальных постов воспринималось обычно как менее тяжкий грех.

При общей религиозной основе взглядов на посты существовало немало местных отличий, половозрастных особенностей и социальных градаций в их соблюдении. Корреспондент из Тальнинской волости на Орловщине особенно четко изложил эти различия. Он, как и другие, отметил самое строгое отношение к Великому и Успенскому постам, а также постничанье по средам и пятницам (некоторые в эти дни на постах едят только один раз хлеб с водой, "и не вдоволь"). Старики и квас в эти дни пить считали грехом. Во время этих двух постов здесь не пели песен и детям запрещали петь. Воздерживались от брани и ссор между собою. "Нонча не такие дни, чтобы ругаться, люди мало хлеба едят".

Во время Великого и Успенского постов старались не есть первую еду рано, в особенности по средам и пятницам. Молодые женщины говели до позднего обеда "разве только та баба позавтракает, которая кормит грудного ребенка или нездорового". Девки-невесты говели наряду с молодыми бабами. Беременные спрашивали у священника разрешения на нарушение поста - он всегда его давал: "По болезни можно есть". Детей малых кормили, когда попросят. Но с трех лет во время Великого Поста молока не давали. Мужики Великим и Успенским постом не пили водку.

В некоторых местах в обычае было "понеделничать", т.е. поститься не только по средам и пятницам, но и по понеделникам. Но делали это по большей части престарелые крестьяне либо келейницы, "векоуши" - "люди, наполовину отрекшиеся от мира", по определению корреспондента из Пошехонского уезда. Зато в Великий пост здесь многие считали за грех есть даже с растительным маслом. Некоторые в течение всего поста не пили чаю; иные пили чай только с медом или постным сахаром. Считалось

грехом не только пить, но и продавать молоко во время Великого Поста. Копили и продавали лишь скоропортящиеся продукты длительного хранения - масло, сыр.

Повсеместно признавалась необходимость духовного очищения во время поста: готовились к причастию, исповедовались и причащались; чаще посещали церковь; некоторые крестьяне увеличивали время домашних молитв. Запреты и ограничения в молодежных развлечениях в период постов имели множество местных различий и по степени строгости, и по самому характеру ограничений: посиделки либо запрещались совсем, либо менялся лишь их состав (девушки без парней); занятия (только работа без игр и плясок); тип песен (только протяжные или духовные стихи); время проведения (только днем). На время Великого поста вечерние развлечения молодежи, как правило, прекращались или становились более редкими и носили особенно строгий характер (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1741. Л. 4; Д. 1783. Л. 6-7; Д. 540. Л. 4 об.-5; Д. 1738. Л. 12; Д. 1166. Л. 22-24; Д. 485. Л. 42; Д. 986. Л. 13; Д. 1444. Л. 19; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 361. Л. 71-75; АРГО. Разряд 14. Оп. 1. Д. 80. Л. 16; РГИА. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 20, Л. 25; Д. 381. Л. 47; Д. 1475. Л. 241; Этнографические материалы. С. 7; Селиванов. С. 76; Гуляев. С. 60).

Трудно переоценить значение всей этой системы представлений и норм поведения, связанных с постами, для духовного совершенствования, развития внутренней нравственной дисциплины, для укрепления силы воли, направленной во благо, умения ограничить себя, соблюсти запрет.

Большим уважением пользовались у односельчан те из разбогатевших крестьян, которые вкладывали свои средства в строительство церкви. В фондах церковных учреждений - Синода и консисторий - сохранилось немало дел о строительстве церквей, предпринимаемом отдельными крестьянами. Так, в деле из фонда Омской консистории 1889-1893 гг. торгующие крестьяне братья Севастьяновы просят разрешить им построить церковь на свои средства. Место строительства - деревня Низовая Малокрасноярской волости. Севастьяновы задумали выстроить в родной деревне церковь деревянную, на каменном фундаменте, с тремя крестами. Отец М.В. Ломоносова - крестьянин Василий Дорофеевич принимал участие в строительстве каменной церкви Дмитрия Солунского в Куро-стровской волости Архангельской губернии и вносил значительные суммы на украшение этой церкви.

Случалось, что общины участвовали своими средствами даже в строительстве монастырей. Обратимся в этой связи к делу из Кубани. Это - решение (приговор) сходки станицы Пшехской от 1882 г. Сход ходатайствует об открытии на землях, подведомственных Пшехской общине, Александровского женского монастыря сестер милосердия в память императора Александра II. Свое участие в создании монастыря община оговаривает условием: "Учредить из монастыря крестный ход в станицу нашу ежегодно 30 августа (Александров день. Здесь и далее - старый стиль. - Авт.), который должен быть там до 9 сентября (день после Рождества Богородицы. - Лет.)".

Уход на богомолье был устойчивой и широко распространенной причиной для отлучек крестьян из общины по всей территории расселения русских. Если крестьянин отправлялся, например, на поклонение почитаемой в Сибири Аба-лакской иконе Богородицы (в монастырь под Тобольском), то конкретная цель поездки указывалась: "Пообещал помолиться и молебен отслужить (...) образу пресвятыя Богородицы Одигитрии, что на Оболаке"; отпущен "на срок за поручками".

Из деревень Егорьевского уезда (Рязанская губерния) в Москву на богомолье ходили группами по 10-15 человек весной и осенью; в Киев выбирались лишь единицы; в местные монастыри ходили, по сведениям жителей этих мест, "почти все крестьяне". В Орловском уезде Орловской губернии (данные Тальцинской волости) было принято отпускать крестьян на богомолье в соседние уезды: в Одрин Карачаевского уезда (целью отлучки было поклонение иконе Николая Угодника либо получение советов от прозорливого старца); в село Старое Волховского уезда (к колодцу "с явленной иконой Казанской Божьей Матери"); в Клитень Брянского уезда (тоже к старцу, говорившему притчами и, по

утверждению крестьян, проникавшему в их мысли). В Троице-Сергиеву лавру ходили отсюда "по обещанию"; в Киев отправлялись отдельные крестьяне.

Из Змиевской волости Орловского уезда на богомолье отпускали весной - в Киев или в Белобережскую пустынь (в Карачаевском уезде, в 150 верстах от села Змиево). Ходили партиями по 5-10 человек. Из села Петушкова и окрестных деревень (Карачаевский уезд Орловской губернии) крестьяне ходили на богомолье тоже в Белобережскую пустынь, отстоящую на 60 верст от этих селений (в дни Иоанна Крестителя и "по особым обетам"), а некоторые - в Киев.

Из Макарьевского уезда Костромской губернии общины отпускали обычно в мае на богомолье в дальние монастыри — Тотемский и Соловецкий. Многие крестьяне юго-западной части Шадринского уезда в начале Великого поста ходили по обетам в Верхотурье - на поклонение мощам местночтимого святого - Симеона Верхотурского. Летом некоторые из крестьян этого же района посещали Долматовский Успенский и Екатеринбургский Тихвинский монастыри. В Восточной Сибири подобные паломничества совершались крестьянами летом к часовне Ах-тырской Богоматери.

Нередко одно путешествие включало посещение нескольких традиционно чтимых святынь в разных местах. Так, из с. Белого Лозичской волости Боро-вичского уезда (Новгородская губерния) крестьяне ходили за 125 верст в Тихвинский мужской и женский монастыри, с заходом в Реконскую пустынь Тихвинского уезда (60 верст от села). А на обратном пути принято было посещать монастыри Николая Беседного и Антония Дымского под Тихвином.

Из этой же волости ходили в Иверский мужской монастырь у города Валдая (120 верст от села Белого) с заходом в соседний с ним Короцкий женский монастырь. В каждом из этих мест находились икона или мощи святого, служившие предметом особого поклонения. Отсюда ходили также на богомолье отдельными маршрутами в свой уездный (Боровичи, 35 верст от села Белого) и губернский город, в Осташков Тверской губернии (посещение монастыря Нила Столобен-ского), в Москву и Троице-Сергиеву лавру, в Соловецкий монастырь, в Киев и Киево-Печерскую лавру. В Иерусалим отправлялись лишь отдельные, преимущественно богатые, крестьяне.

Г.Р. Державин, который был, как известно, не только большим поэтом, но и видным государственным деятелем, в частности губернатором обширной Олонецкой губернии, оставил нам любопытное свидетельство о массовости движения богомольцев в Соловецкий монастырь в 80-е годы XVIII в. Говоря о трудностях своей поездки в Кемь (этот населенный пункт расположен у залива Белого моря, а губернатор должен был там произвести административные изменения - превратить селение в город), Державин замечает: "В Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебники в мае и июне месяцах ездят для моления в Соловецкий монастырь" (Державин. С. 99).

Спустя более 100 лет после "Записок" Державина М.В. Нестеров включил в свои воспоминания интересный экскурс о движении на богомолье в Соловецкий монастырь. Он отметил, что сами монахи этого монастыря были преимущественно из крестьян Севера и Сибири. "Это был народ крепкий, умный, деловой". Художник рассказал об обычае брать на время обучения в монастырь годовиков - подростков лет 12-16 из богомольцев. «Эти мальчики в большинстве случаев были "вымоленные" родителями после долгого бесплодия, после тяжелой болезни или иной какой беды, - писал Нестеров. - Таких вымоленных привозили обычно родители в обитель с весны до весны на год, потому и звались они годовиками. Таких мальчиков монастырь определял к какому-нибудь занятию: в певчие, если был голос и слух, в типографию, в поварню, в иконописную или еще куда. Там наблюдали за годовиком, за его способностями. Так проходил год, и вот тогда, если у годовика оказывались способности чрезвычайные, был он особенно умен, даровит, монастырь предлагал родителям оставить их мальчика еще на год. Родители и сам мальчик иногда соглашались, иногда нет, и его увозили домой» (Нестеров. С. 237-238).

В сознании крестьянства прочное место занимало отношение к многотрудному путешествию с целью обращения к святыням как к делу богоугодному. Но для этого само путешествие должно было быть трудным. Из этого взгляда проистекало неперемное условие - движение летом пешком; подъехать на лошадях допускалось лишь зимою. "Путь на лошадях в летнее время считается предосудительным, - писали в Этнографическое бюро из Новгородской губернии, - так как крестьяне, отправляясь на богомолье, имеют в виду кроме поклонения святыням еще потрудиться и постранствовать в дороге".

Однако эта норма поведения приходит в некоторое противоречие с теми возможностями посещения отдаленных мест, которые открывались по мере развития железных дорог и паровозного транспорта. Этот же корреспондент описывает два маршрута в Соловецкий монастырь, по которым добирались до него крестьяне из Боровичского уезда: один включал участок железной дороги, другой - движение паровозом. Не могли обойтись, например, пешими переходами и крестьяне из приокских селений Зарайского уезда, отправлявшиеся в Кронштадт (популярность Иоанна Кронштадтского была такова, что по утверждению информатора, в этом районе в каждой избе висели его портреты).

Отсюда возникала тенденция социальной дифференциации состава крестьян, двигавшихся по ближним, с одной стороны, и дальним - с другой, маршрутам. "В дальние монастыри по железным дорогам... ездят богатые и состоятельные крестьяне". Речь идет о движении к традиционным местам поклонения именно крестьян, которые осуществляли это путешествие за свой счет, в отличие от нищей братии богомольцев-странников, находившихся постоянно в пути, оторвавшихся совсем от своих занятий и существовавших милостыней.

Перед отправкой на богомолье деньги начинали копить заранее либо договаривались в семье, какая будет выделена сумма на это. Выясняли, кто еще собирается туда же из своей или ближних деревень. Назначался день, когда партия собиралась вместе. Брали с собой хлеб, сухари, чай, сахар. Важно было, чтобы принял участие хотя бы один человек бывалый, ходивший по данному маршруту. "В партии всегда находится человек, знающий дорогу, ночлеги на ней и монастырские обычаи", - сообщалось из Боровичского уезда в конце XIX в. Существовала особая система норм поведения, действовавших в таких артелях-партиях крестьян-богомольцев только во время путешествия. "В дороге стараются не вести пустых разговоров, не думать о домашних делах, не злословить, а держать себя в религиозном настроении. По дороге хлеба на пропитание не просят (выделено мною. - Авт.), более состоятельные делятся с неимущими..."

Ходили на богомолье чаще всего по обету или просить благополучного разрешения важных дел. Молодежь - перед женитьбой или замужеством, перед призывом в армию. Старики - замаливать грехи. Нередко отправлялись во время болезни, в несчастии, после пожаров. Женщины ходили больше, чем мужчины. К ближним местам брали и детей.

Обычное пребывание крестьян, пришедших из других мест, в одном монастыре ограничивалось друмя-тремя днями. Затем их должны были сменить другие. Монастырь давал на этот срок бесплатно пищу и ночлег в своей гостинице. Однако фактически плата существовала: обычай требовал, чтобы каждый оставлял что-то в монастырской кружке - "кто сколько пожелает". Мужчины-богомольцы ходили на общую трапезу с монахами в мужских монастырях, женщины - в женских. В летнее время при большом скоплении народа к конкретному празднику мест в монастырских гостиницах не хватало, и крестьяне располагались прямо в поле. "В это время гостиницу занимают богатые и привилегированные богомольцы" (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 136. Л. 11; ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 2. Л. 25; Ф. 61. Оп. 1. Д. 18. Л. 48; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 29; Д. 1166. Л. П-22; Д. 1055. Л. 2; Д. 1024. Л. 5; Д. 706. Л. 17-21; Д. 1563. Л. 22; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 195; Д. 7. Л. 131-146; Д. 21. Л. 1; Моисеева. С. 152; Успенский. С. 15; Виноградов Г.С. С. 22; Кубанские станицы. С. 249).

Партии богомольцев, формировавшиеся из односельчан или жителей ближних

деревень, представляли собой группу, оторвавшуюся на время от своей общины, но несущую на себе отпечаток ее традиций. Представления и обычаи, бытовавшие в данной общине, не только сказывались на образе жизни партии, но выходили через нее вовне. По возвращении рассказы богомольцев, в свою очередь, становились достоянием всей общины, служа одним из каналов информации о внешнем мире, в частности о благочестивых обычаях монастырей.

Странничество по прямому предписанию общины было явлением редким. Обычно хождение к местным и дальним святым местам по обету или принятие каких-либо форм монашеской жизни было делом индивидуальным либо семейным. Однако община должна была дать на это согласие, особенно для ухода в монастырь. Намерение молодого и здорового крестьянина уйти от мирской жизни встречало настороженное и недоверчивое отношение общины: ведь он уходил при этом и от тяжелой крестьянской работы, и на общине оставался его подушный оклад. Требовались дополнительные доказательства чистоты его намерений, чтобы односельчане дали согласие.

Иные уходили и тайком от односельчан, потихоньку "выправив" паспорт и получив благословение от священника. Потом уже из монастыря приходило письмо, где ушедший просил прощенья у родных и соседей. Затем, помимо писем, начинал присылать и подарки монастырской работы, например иконки с надписями для каждого. Женщины присылали пояса ручного тканья: на одной стороне молитва, на другой - имя того, кому пояс предназначен. Потом (года через два) приходило сообщение о пострижении, и это убеждало самых недоверчивых односельчан. Крестьяне, ушедшие в монастырь, писали регулярно письма в деревню; как правило, они были грамотными, в том числе и женщины. Такие письма читали вслух при большом стечении народа.

Понимание общины встречало намерение уйти в монастырь для отмаливания большого греха какого-нибудь близкого человека. Если мать не хотела отпускать девушку, соседки в этом случае уговаривали ее. Ушедшие устраивались либо в обычных монастырях, расположенных сравнительно недалеко от родных мест, либо в так называемых своекоштных монастырях, т.е. содержавшихся на своем коште, за счет своих трудов в разных видах ремесел (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 13; Д. 947. Л. 8-15; Д. 1045. Л. 5; Д. 1436. Л. 29; Д. 1563. Л. 22; Д. 107. Л. 7; Д. 109. Л. 8-12; Д. 122. Л. 5; Д. 1166. Л. 11-22; Д. 1778. Л. 6; Д. 1466. Л. 2; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 7. Л. 115, 131; Д. 21. Л. 1; Д. 27. Л. 235; Ф. 796. Оп. 102. Д. 315. Л. 1⁴; АРГО. Разряд 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 36; Давыдова С. С. 1167-1169).

Иногда на сходку общины выносились конфликтные семейные вопросы, связанные с принятием членом семьи такого обета, который заметно сказывался на образе жизни и без ухода в монастырь. Житель Орловского уезда писал в

Тенишевское бюро о келейниках в крестьянской среде. Если сын или дочь, не вступившие в брак, выразили желание отойти от мирской жизни, жить отдельно от семьи, то "родители обязательно устраивают им особые хатки-келии, где они и живут". Некоторые из келейников ходили из своей хатки обедать и ужинать вместе с семейными и помогали им в полевых и домашних работах. Другие же выходили из кельи редко. Все келейники строго соблюдали посты, понедельничали, а иные из них и всегда ели только постную пищу.

Близким к келейницам было положение черничек - так называли девушек, оставшихся в безбрачии по обету родителей или своему собственному. О таком намерении полагалось заявить смолodu, до 20 лет, пока еще сватались женихи. В противном случае в глазах односельчан девушка была вековухой, т.е. оставшейся в девичестве не сознательно, по обету, а стихийно. "Объявка" намерения быть черничкой происходила в доме девушки, затем отец ее извещал об этом сход, участники которого благодарили отца. Келейницы были грамотными, и многие из них учили детей по Часослову и Псалтыри читать по церковно-славянски и писать церковным уставом, а также обучали порядку богослужения. Иногда общины строили специальные школы для этого обучения.

В конфликтной ситуации община поддерживала девушку, которая хотела стать черничкой вопреки воле родителей. Но в отличие от ухода в монастырь переход в категорию келейников или черничек оставался в значительной мере внутрисемейным делом и выносился на суд схода, как и другие семейные дела, лишь в случае разногласий в семье. Случалось, что крестьянская девушка, оставшаяся безбрачной по обету родителей, данному, например, во время ее болезни в детстве, не становилась черничкой, а оставляла свою деревню и отправлялась "ходить по святым местам". В этом случае согласие общины на уход было обязательным (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1114. Л. 26, 39-41; Д. 109. Л. 7; Д. 1466. Л. 1-3; Д. 947. Л. 8; РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 497. Л. 1-23; Бондаренко. С. 15; Тульцева, 1970. С. 80-81; Абрамов И.С. С. 128; Жизнеописания... Апрель. С. 64-77; Чукмалдин. С. 17).

О тесной связи русского народного благочестия с монастырским подвижничеством говорят многочисленные жизнеописания известных подвижников и монастырские летописи XIX в. Крестьянином Рязанской губернии был знаменитый старец Илларион, прозванный Троекуровским затворником. Он с детства отличался кротостью характера и отчужденностью от мира. Было отмечено, что, когда его обижали, он молился Богу за обидчиков. Любовь к церкви в мальчике укреплял родной дед, который был келейником - жил отдельно от семьи в особой избе-келии и вел строгую жизнь, соблюдая посты в большей мере, чем это делалось в семье, выполняя длительные молитвенные правила, избегая мирских сборищ и развлечений и пр. В келье деда и начались первые духовные подвиги Иллариона. Дальнейший путь - паломничество в Киев, отшельничество в пещере в лесу в родных местах, затвор в келье, выстроенный для него соседним помещиком. Как известно, именно Илларион указал учителю А.М. Гренкову идти в Оптину Пустынь - учитель стал святым Амвросием, духовным наставником и советчиком многих деятелей русской культуры.

Крестьянин Новгородской губернии Иоанн решил испытать себя в келейничестве прежде, чем уйти в монастырь. В избе, выстроенной им вне села, вел он строго аскетический образ жизни и изучал священное Писание. В дальнейшем - афонский монах, он становится победителем в богословском диспуте с католиками в Вене (1821 г.), а вернувшись на Родину, назначается настоятелем Задне-Ники-форовской Пустыни в Олонецкой губернии.

Новгородским помещичьим крестьянином был молчальник Пахомий Валдайский, популярный среди паломников Иверского Валдайского монастыря. Крепостным был и известный миссионер Дмитрий (Коновалов), отпущенный орловскими помещиками в 1847 г. на волю и ставший послушником Болховского Троицкого монастыря. Там он и стал учеником знаменитого миссионера - архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской миссии. Благочестивый помещичий крестьянин Коломенского уезда Ипатий Васильев (1784-1851) до монастыря был семейным, затем подвижником Старо-Голутвина монастыря, духовником многих монашествующих и мирян.

Не многим известно сегодня, что о. Дамаскин, бывший игуменом Валаама в течение 37 лет (а эта обитель в сущности представляет собой целую систему монастырей, разбросанных на островах Ладоги, так как каждый скит был своего рода самостоятельным монастырем - со своим храмом, братскими корпусами и хозяйственными строениями, со своими особенностями духовной жизни), - крестьянин Старицкого уезда Тверской губернии. Ему пришлось в молодости, уже побывав во многих обителях, выбрав Валаамский монастырь в войдя в его братство, вернуться в родное село за увольнительным свидетельством; о. Дамаскин был духовником для многих из братии.

В известной своим духовным устроением Белобережской пустыни Орловской епархии настоятелем был крестьянин Владимир Тимофеевич Кишкин из деревни Ключниковой Фатежского уезда Курской губернии. Воспитанный с раннего детства благочестивыми родителями в вере, он до Белобережской пустыни прошел уже большой путь духовного движения (Саров, Афон и другие обители), став иеромонахом Василием. Ему удалось

восстановить пришедшую в упадок обитель, принять в нее известных старцев. Из Белобережской пустыни со временем духовные чада о. Василия были назначены настоятелями в другие монастыри: о. Серафим - в Площанскую обитель; о. Мельхиседек - в Московский Симонов монастырь; о. Филарет - игуменом Глинской пустыни; о. Леонид (Оптинский) стал настоятелем самой Белобережской пустыни.

Там же, в Белобережской пустыни, при о. Василии (Кишкине) были введены и записаны четыре общежительных устава, основанные на правилах Афона: для своей обители; для Кременецкой Донской пустыни; для женской Борисовской обители, Курской епархии; для Медведицкой женской на Дону. Из этих фактов видно, насколько обширным было духовное влияние старца Василия. После Белобережской пустыни он стал устройтелем монашеской жизни еще в нескольких мужских и женских монастырях.

Отметим широту духовных связей отца Василия с мирянами, принадлежавшими к самым разным сословиям - от бывшего курского губернатора А.М. Веревкина и гостивших у него придворных фрейлин до нищих странников. Старец Василий сохранил на всю жизнь глубокое уважение к крестьянскому труду и убеждение, что это занятие способствует благочестию. Записан, в частности, такой случай. Отец Василий шел из Задонска с двумя учениками и, встретив крестьянина, обратился к нему: "Скажи мне, брат, что полезнее нам будет - идти вперед или назад вернуться?" - крестьянин сказал в ответ: "Иди, отче, вперед; там добро тебе будет и многих воспользуешь". Удивленные ученики спросили духовного отца, может ли простой земледелец и невежда чему-то научить его. Старец ответил: "Он более меня знает, потому что пребывает в непрестанных трудах, а я живу в лености, и многие несмысленные ублажают меня. Я верую, что он по Божию внушению сказал мне это".

Крестьянин Шовской волости Лебедянского уезда Тамбовской губернии Семен Иванович Антонов, успешно трудившийся на всех хозяйственных работах своего села (он обладал исключительной физической силой), после службы в армии ушел в монастырь и стал прославленным ныне старцем Силуаном Афонским. О жизни и поучениях его написана книга. Будучи уже на Афоне и рассказывая о случаях из своей жизни в тамбовском селе, о. Силуан говорил о благочестии своего отца: "Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий".

Среди наиболее известных, прославленных своим благочестием и отмеченных в духовной литературе русских монахинь XIX в. немало крестьянок. Так, крестьянкой была игуменья Крестовоздвиженского Белевского монастыря мать Павлина (1813-1877), в судьбе которой воочию прослеживается связь народного благочестия и монастырской духовной традиции в ее самых высоких проявлениях. Ее родители - крестьяне Ефим Иванович и Мария Петровна Овсянниковы - жили в пригородной слободе Мценска Орловской губернии и занимались крестьянским трудом. Многодетная семья их пользовалась уважением за благочестие и трудолюбие. С особенным благоговением стояла в церкви дочь Пелагея, усердие которой заметил священник. Девочка стала посещать ближайший монастырь и выучилась у монахинь грамоте и рукоделию. В 16 лет она пошла с матерью на богомолье в Белевский монастырь и осталась там. Образ жизни Пелагеи в детстве и отрочестве, когда крестьянские работы чередовались с посещением храма, помог ей освоить монашеское правило отсечения своей воли и беспрекословного послушания.

Став монахиней, Пелагея Овсянникова, не порывала связи со своей крестьянской средой. Пришла в Белев родная сестра ее Мария, ставшая монахиней Меланией, а потом и племянница Пелагея. Приезжала мать - поздравить дочь с возведением в сан игуменьи (перед смертью мать приняла постриг в миру у себя в слободе). Игуменья Павлина ничего не предпринимала без совета оптинского старца Макария, который говорил о ней: "Это ангел Божий, я мало знаю людей, которым не вредит честь, а ее она еще больше смиряет, и через это ставит выше земного". При игуменье Павлине число сестер утроилось. Воздвигли новый собор на месте обветшавшего, построили новые келии и трапезную, в

лесу возникла пустынька с храмом. Мать Павлина, по наблюдениям современников, никогда не была праздной. Отдых этой крестьянки составляло чтение отцов церкви и житийной литературы либо прядение.

Иные из благочестивых крестьянок становились основательницами общин или монастырей. Такова, например, игуменья Евгения, в миру Евфимия, основавшая Тихвинский монастырь в Бузулуке Оренбургской губернии (1800-1885). Она была дочерью тамбовского крестьянина Герасима. Двенадцатилетнюю девочку родственники взяли на богомолье в Саровскую пустынь. Здесь, как и в судьбе игуменьи Павлины, мы видим те же исходные моменты духовного становления крестьянки - благочестие семьи и, как одно из проявлений его, - паломничество, которое и приводит нередко наиболее боголюбивых к постоянной жизни в монастыре.

В Сарове преподобный Серафим благословил девочку и выделил ее, назвав "сосудом избранным". Евфимия в юности вошла в Кирсановскую духовную общину Тамбовской губернии и пробыла там в течение 20 лет. При этом сохранялась настолько тесная связь с семьей, что, когда родители переселились в деревню Михайловку под Бузулуком, Евфимия вышла из своей общины и поселилась в этом же городе в отдельной келии. Здесь она стала обучать детей грамоте, читала Псалтырь по усопшим и занималась рукоделием, неуклонно выполняя монашеское правило. Образ жизни ее в это время соответствует распространенному в XIX в. в России типу крестьянских келейниц.

Дальнейшие события также представляют собою характерное явление: возникновение монастыря из пустыньки или келий одного человека, ставшего в общественном мнении окрестного населения образцом духовного подвижничества. Промежуточным звеном в этом случае обычно была религиозная община, так как права монастыря не могли быть получены сразу.

Нередко общины укреплялись за счет объединения двух или более келейниц вместе со своими группами. Произошло это и в Бузулуке - к Евфимии и ее девицам присоединилась келейница Мария Лаврентьевна Аллеманова со своими пятью сестрами. Все вместе они смогли поставить деревянный дом с келиями и хозяйственными дворовыми постройками. Но община еще не имела официального разрешения на свое существование. Крестьянка отправилась в Петербург, где получила документ об открытии общины и значительные пожертвования. Тем временем в общине стало 100 насельниц. Это были преимущественно девушки из простонародья, их не пугал тяжелый труд: возили на себе кирпич, известку, воду, подымали вручную кирпичи наверх. Так возвели три храма. Вот во что вылилось появление скромного домика-келии на окраине тихого провинциального города Бузулука.

В общинах в отличие от монастырей не могло быть пострига. В них если и бывали монахи или монахини, то в результате пострижения в миру, т.е. принятия такой формы монашества, которая допускала жизнь в миру и применялась лишь в силу исключительных обстоятельств. Чаще всего это были тайно постриженные. В 1860 г. община получила права монастыря, и 12 сестер стали рясофорными*, а затем были пострижены в мантию. Евфимия была возведена в сан игуменьи с именем Евгении.

Младшая современница Евгении, крестьянка Сазонова из Вятской губернии также стала игуменьею монастыря. И здесь снова в начале пути, приведшего к высокому подвижничеству, паломничество в монастырь. С двумя другими женщинами она в 1830 г. пришла к уже широко известному тогда в народе преподобному Серафиму в Саровскую обитель. Девушка принесла вышитое полотенце своей работы и, спрятав подарок, стояла у дверей, сзади всех посетителей келий старца. Преподобный выделил ее из толпы, а потом трижды утерся ее полотенцем, посоветовал умываться и пить воду из святого ключа* и девушка исцелилась от водянки. Сазонова обладала от природы хорошими музыкальными способностями и, поступив в 1831 г. в Слободской монастырь Вятской епархии, регентовала там на клиросе. В 1840 г. она была пострижена с именем Пульхерии, а еще через десять лет возведена в сан игуменьи.

С деятельностью двух крестьянок - Дарьи Дмитриевны Кутуковой (1772-1858) и Евфимии Моргачевой - связано возникновение и развитие Иоанно-Казанского Сезеневского монастыря Тамбовской епархии. Они были родом из соседних сел, младшая стала преемницей старшей в монастырских делах, и поэтому 100 лет жизни их обеих, где в событиях переплелись крестьянская вера в миру, старчество и монастырь, отражают целый этап в духовной жизни края (Жизнеописания... Ноябрь. С. 71-77; Апр. С. 42-48, 249-296; Авг. С. 373-380, 594-597; Июнь. С. 14-20, 238-266; Март. С. 272-287; О. Агапит; РП, 1894. № 40; ДЧ, 1890. Кн. II. С. 23-30, 149-156, 260-267; 1870. Кн. II; Старец Силуан. С. 15; Русское православное женское монашество. С. 57, 92; Валаамский монастырь... С. 108-123; Громько, 1993. С. 144-182).

Перечень таких судеб может быть увеличен. Но даже из рассказанного здесь видно, что идеал нравственного глубоко верующего человека имел в русской крестьянской среде реальные воплощения, живые образцы, самое существование которых и общение с ними служили для других постоянным источником представления о том, к чему следует стремиться.

Внутренняя связь мирского и монастырского благочестия осуществлялась многими путями, видимыми и на поверхности социальной действительности. Среди них паломничество к святым местам - это постоянное и очень широкое явление духовной жизни русских в XIX в. Мы почти не находим таких судеб подвижников,

* Послушник, получивший от настоятеля благословение носить рясу и клобук, называется рясофорным. Мантия усваивается только принявшему пострижение.

где в начале пути не было бы хождения на богомолье к данным или ближним святыням. Обычно не только в начале, но в течение всей жизни благочестивого человека паломничества служат источником, укрепляющим веру.

Другое явление, связанное с первым по части взаимодействия мира и монастыря, но самостоятельное по существу, - старчество. На первый взгляд, оно кажется сугубо монастырским явлением, касающимся лишь духовной жизни братии. Но присмотревшись пристальнее, обнаруживаем старцев и среди сельских келейников, и среди лесных отшельников, не принадлежащих к монастырям. Все старцы руководили в большей или меньшей степени духовной жизнью относительно широкого круга верующих мирян. Приобретению необходимых для такого учительства свойств непременно предшествовал тяжкий путь духовных подвигов. Как правило, общению со многими мирянами и младшей братией предшествовало время затвора, когда общение было совсем (или почти совсем) прекращено. Безусловное подчинение указаниям старца, полный отказ от своей воли, были приняты обычно у части монастырской братии. Миряне же либо обращались за советом лишь по конкретному поводу, либо приходили к старцу постоянно, т.е. избирали его своим духовным отцом.

Возможность стать на путь аскетических подвигов монашеского уровня, не будучи в монастыре, давало, как указывалось выше, келейничество. Келию строил или сам подвижник или кто-то из родственников (родители для дочери или сына; брат для сестры; взрослые дети для старых отца или матери и пр.). Бывало, что келию возводила сельская община. И наконец, мог предложить ее подвижнику просто богатый благодетель (помещик, купец и др.). Жители селения, как правило, хорошо относились к намерению стать келейником или келейницей: духовный подвиг одного открывал дополнительные (по отношению к храму) возможности для других - обучение детей и юношества чтению церковной печати и рукописей; приобщение к церковному пению; чтение Псалтыри по покойнику; сведения о поездках в святым местам и многое другое.

Далеко в округе распространялась известность крестьянина-пустынника, праведника,

поселившегося на краю деревни или в стороне от нее в землянке или маленькой избенке, ведшего, по общему мнению, праведный образ жизни, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления, беседовавшего на эти темы. Обычно на счету такого отшельника были путешествия к святым местам; он умел читать и толковать духовные книги. К числу добродетелей такого старика крестьяне относили то, что "обида сносит смиренно, сам никого не обидит".

Человек, который затаил обиду и собирается мстить за нее, не встречал сочувствия в крестьянской среде. "Мшчения русский народ почти не понимает", - записал С.Я. Дерунов - один из очень внимательных собирателей этнографических материалов в конце XIX в. Признавалась непосредственная и открытая реакция на обиду либо прощение вины. В умении простить некоторые крестьяне достигали больших нравственных высот (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 896. Л. 5; Д. 1794. Л. 35 об. - 37).

Похвала себе самому, бахвальство обычно встречали ироническое, осуждающее отношение односельчан. "В хвасти нет сласти" - гласит пословица. "Сласть" ощущали в самоосуждении - эта глубоко христианская норма органично вошла в русский национальный характер (отсюда, по-видимому, и доверчивое принятие всякого рода очернений своего народа от внешних сил). Ценилась не только правдивость, но подчеркнутая критика своих недостатков. Эта черта народной нравственности укреплялась в каждом за счет обязательной исповеди перед причастием. Заметим попутно, что личное самоосуждение, как распространенная черта национального характера, в общественном плане вылилось в критическое направление русской художественной и социальной литературы. Но, как только это направление оторвалось от глубинной религиозной основы, оно превратилось в негативную силу, разрушающую общество.

Заметным средством очищения нравственной обстановки в деревне служили обычаи просить прощенья при определенных обстоятельствах. Обычаи эти были приняты как внутри семьи, так и в общине в целом. В основе их лежали христианские идеи покаяния и взаимного прощенья. "Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (Матф., 6, 14-15).

Если крестьянин уезжал куда-то надолго, при прощании с близкими он просил у них прощенья. Нередко при этом низко кланялись каждому из провожавших. Смысл обычая в том, чтобы в разлуке не тяготило сознание вины, чтобы оставшиеся "не поминали лихом", чтобы очиститься от грехов перед испытаниями, которые, возможно, ожидали в дальнем пути.

Такой же смысл вкладывался в обычай, принятый у женщин, чувствующих приближение родов, просить прощенья у всех членов семьи, низко кланяясь им в ноги. В некоторых местах (материалы Орловского уезда) и муж и жена считали нужным просить прощенья у мира в том случае, если женщина долго не могла родить. Собирали ближних соседок - только женщин; муж молился перед образом, потом обращался к пришедшим: "Мирушка, православный народушка! Простите меня!" Потом просила прощенья у всех роженица. Им отвечали: "Бог простит и мы туда же" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1078. Л. 31; АРГО. Разряд 40. Оп. 1. Д. 31. Л. 26; Иваницкий. С. 62).

Прощенья просил у всех своих домашних каждый, отправляясь в церковь на исповедь: "Простите меня, в чем согрешил перед вами". Ему отвечали: "Бог простит". Некоторые, прощаясь с домашними перед исповедью, кланялись им в ноги. Потом уже в церкви, прежде чем подойти к священнику для исповеди, клали "земной поклон перед иконами и три поясных поклона перед молящимися, испрашивая у них прощенья в своих грехах".

Выше мы уже говорили, какое значение придавала сходка общины тому, чтобы виновный попросил прощенья у обиженного или у мира в целом. Если человек, совершивший проступок, сознается и просит у "общества" (общины) прощенья, то с него взимали штраф по приговору сходки. Если же он отрицал свою вину, то штраф назначали

в двойном размере (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1789. Л. 9; Д. 1101. Л. 1; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 361. Л. 75).

Широкую возможность помириться после скрытых или явных ссор, простить друг другу большие и малые обиды, снять напряжение, возникшее во взаимоотношениях в семье или между соседями, давал обычай просить прощения в крице масленицы, в последнее воскресенье перед Великим постом. Воскресенье это потому и название получило "прощеный день", или "прощенное воскресенье".

При наиболее полном проявлении этого обычая прощения просили буквально у всех, с кем могли повидаться в этот день, а также и у умерших близких людей. Называлось это "прощаться". В той или иной форме обычай был распространен у русских крестьян повсеместно.

Обычай просить прощения в конце масленицы описал Василий Кузьмич Влазнев - крестьянин села Верхний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии. Он был одним из активнейших корреспондентов Этнографического бюро князя Тенишева. Удалось обнаружить в фонде бюро четыре дела, состоящие из материалов, присланных Влазневым, но, возможно, это еще не все его тексты. Василий Кузьмич в 80-90-е годы XIX в. собирал сведения о народных обычаях "в больших бывших государевых дворцовых селах: Дединово, Любичи, Ловцы, Белоомут и др.". Влазнев, отвечая на многие вопросы тенишевской программы, рассказал о разных сторонах крестьянской жизни. По поводу данного обычая у него сказано в записи 1899 г. буквально следующее: «На сырной неделе в Воскресенье ("прощенное", как здесь называют) народ ходит на могилы своих родных "прощаться с умершими", а после ужина в каждой семье (выделено мною. - Авт.) друг с другом прощаются; дети родителям кланяются в ноги, причем все целуются и на слова "прости меня" отвечают: "Бог тебя простит, меня прости"».

В Пронском уезде Рязанской же губернии "прощаться" начинали с субботы: в этот день полагалось зятю с женой и детьми идти "прощаться" в дом тестя. А в сам "прощеный день", т.е. в воскресенье, здесь принято было ходить всей семьей с угощением (обычно крендели или булки) "прощаться" к куму и потом к куме (т.е. к крестным родителям своих детей). В Егорьевском уезде Рязанщины в "прощенное воскресенье" после бурного катания на лошадях, качелях, салазках и ряженья вечером все "прощались".

Резкий переход от масленичного гулянья к строгим "прощальным" посещениям родственников и соседей отмечен и в описании, присланном из Козельского уезда Калужской губернии учителем Александром Лебедевым. Он рассказывал, как в "прощальный" день вечером веселье кончается и "поселяне ходят по домам, испрашивая прощение друг у друга". В этот день "непокорный сын предан воле своего отца, враждующая невестка - в повиновении своей свекрови". Лебедев хотел, видимо, этим пояснением подчеркнуть примиряющую роль обычая в семейных конфликтных ситуациях (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1439. Л. 11; Д. 1436. Л. 40; АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 27. Л. 18).

Во многих описаниях "прощенного воскресенья", найденных нами в архивах (Костромская, Тверская, Ярославская и другие губернии), есть указание на всеобщность обычая - ходят "ко всем" "для прощения", "ходят один к другому прощаться" и пр. Но в Сургутском (Западная Сибирь) уезде, например, обычай сохранился к концу XIX в. лишь относительно старшего поколения: "А в прощенный день... ходят прощаться к старшим, а также и на могилки к родственникам". "Прощанье" со старшими обычно состояло здесь в том, что молодые супруги (всегда вместе) к вечеру, после катанья, заворачивали к своим старшим родственникам или к родителям, если жили от них отдельно, или к крестным отцу и матери ("здесь очень уважаемым", замечает наблюдатель), или к дядьям и "вообще к почтенным и пожилым людям". После непродолжительного угощения молодые вставали, кланялись в ноги хозяевам и произносили: "Прости ты меня, Павел Николаевич" (имя и отчество хозяина или хозяйки). На это старшие отвечали: "Бог тебя простит, и ты меня прости". Затем, целовались и расставались (РГИА. Ф. 1022, Оп. 1. Д. 11. Л. 105; Ф.

1024. Оп. 1. Д. 20. Л. 25; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 150. Л. 20 об.; Д. 361. Л. 73; Д. 45. Л. 9).

У обычая просить друг у друга прощения в конце масленицы в разных краях России сложились свои оттенки, сохранялся свой склад, но суть всюду была одна - религиозно-нравственное очищение через примирение, через взаимное прощение прегрешений. К сожалению, в широко распространенных у нас представлениях о масленице и особенно в современных попытках воспроизводить какие-то ее элементы этот прекрасный обычай совершенно не присутствует, учитывается лишь развлекательная сторона. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой как бы прощались с обильным столом и другими мирскими радостями, обычай просить прощения заставлял ощутить переход к духовным задачам, к строгим семи неделям, продолжавшимся до Пасхи, к повышению нравственных требований к самому себе. Взаимоотношения между поколениями в крестьянской среде четко определялись уважением к старшим - к родителям, к дедам и прадедам, к старикам в общине.

"В крестьянстве здешнем родители очень чадолюбивы, а дети послушны и почтительны. Не видано еще примеров, чтобы дети оставляли в пренебрежении отца или мать устаревших", - писал наблюдатель о Тульской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. Уважительное отношение к родителям и к старшему поколению в целом прослеживается по источникам по всей территории расселения русских, хотя, уже в XVIII в., а особенно в XIX в. отмечалось некоторое ослабление авторитета стариков. Но общественное мнение резко осуждало лиц, позволивших себе непочтительное отношение к старшим (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 285. Л. 180 об.; Ф. 321. Оп. 47. Д. 1475. Л. 70; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 935. Л. 1; Д. 1767. Л. 38; Д. 1791. Л. 5; Д. 1581. Л. 5-6; Миненко, 1977. Община... С. 116; Она же, 1985. С. 89-104).

Крестьянские нравственность и нормы поведения требовали безусловного уважения родителей на протяжении всей их жизни. "Дети обязаны родителей во всем слушаться, покоить и кормить во время болезни и старости", - сообщал о представлениях крестьян житель Орловской губернии в самом конце XIX в.

До выделения из отцовской семьи в самостоятельное хозяйство сын должен был подчиняться родителям во всех делах - и хозяйственных, и личных. При этом делами сыновей занимался преимущественно отец, а дочерей - мать. На дочерей безусловная родительская власть распространялась до выхода замуж. Отец решал вопросы об отдаче сына в ученье, в наем, об отправке на сторону на заработки. Сын, а тем более дочь не могли оставить отчий дом произвольно. Браки заключались по воле родителей. Иногда даже по принуждению; но по большей части обоюдное согласие молодых должно было непременно сопровождаться одобрением родителей. Свадьба, как правило, не проходила без благословения родителей. В случае их смерти благословляли крестные отец и мать (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 935. Л. 1; Д. 1767. Л. 38-38 об.; Д. 1813. Л. 27; Д. 1816. Л. 2; АРГО. Разряд 40. Д. 28. Л. 3-3 об.; РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 1475. Л. 70).

Считалось, что сын или дочь не имеют права противоречить отцу. Если родители обращались к своей общине или в волостной суд с жалобой на непокорность сына или дочери, дело обычно решалось однозначно в пользу старших.

Степень подчинения детей родителям резко менялась с выделением сына или выходом замуж дочери. Отец и мать практически теряли власть над ними, по крестьянским представлениям. Вот тут-то и вступала уже в чистом виде нравственная основа их отношений - уважение, любовь, забота, стремление поддержать и обеспечить старых и больных родителей. И в этот период тоже общественное мнение деревни и ее юридические обычаи были на стороне родителей.

"Дети, достигнув совершеннолетия, должны покоить и ухаживать за родителями в их старости и давать им приличное содержание и всегда оказывать им почтение и повиновение. На обязанности детей - честно похоронить родителей и поминать их" - так было принято в Ярославской губернии. У русских крестьян на Алтае в неписаном,

обычном праве этот вопрос решался тоже однозначно: дети обязаны содержать родителей, если они "не способны содержаться собственными трудами".

Религиозно-нравственная основа взаимоотношений двух поколений в семье особенно четко проявлялась в крестьянских представлениях о значении родительского благословения и родительского проклятия. "Родительскому благословию здесь придают громадное значение", - решительно утверждал корреспондент Этнографического бюро из Ярославской губернии в 1900 г.

Родительское благословение давалось перед свадьбой (когда начинали собираться в церковь, родители благословляли иконой), перед отъездом в дальнюю дорогу, перед смертью отца или матери (на всю оставшуюся жизнь детей). Его получали и просто перед каким-либо ответственным или опасным делом. Наблюдатель из Вельского уезда (Вологодчина) рассказал, что даже сын, у которого были плохие отношения с матерью, уходя в бурлаки, просил у нее благословения. "Даром что в ссоре жили, а попросил благословенья: не смел без его уйти", - говорила мать.

Крестьяне придавали большое значение и молитве отца или матери за детей. "Сила родительской молитвы неотразима", - утверждал житель села Подбушка Жиздринского уезда Калужской губернии. "Молитва родителей и со дна моря поднимет", - вторит ему крестьянин Ф.Е. Кутехов из Егорьевского уезда Рязанской губернии.

Человек же, получивший проклятье кого-либо из родителей, ожидал для себя тяжелые беды и несчастья. На проклятого родителями все смотрели, как на отверженного. Широко ходили в народе былинки, в которых даже почти случайно, по мелкому поводу, произнесенное матерью слово "проклятый" или "проклятая" отдавало того, к кому оно относилось, во власть нечисти (РГИА. Ф. 1022. Оп. 1, Д. 27. Л. 216; Ф. 381. Оп. 47. Д. 1475. Л. 70, 84; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 363. Л. 18; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1813. Л. 26-27; Д. 1767. Л. 38-39; Д. 1539. Л. 16; Д. 935. Л. 1; Д. 1436. Л. 16; Д. 509. Л. 16; Д. 107. Л. 5; Чудновский. № 7. С. 65-69; Иваниц-кий. С. 57, 103).

По крестьянской этике, уважения были достойны не только родители, но и старшие вообще. В семейном застолье лицам пожилым, а тем более престарелым предоставлялось почетное место. Их с почтением приветствовали при встречах на улице. Детям крестьяне прививали понятие об уважении к старшим с ранних лет. Существенную роль в этом отношении играли сказки и бывальщины религиозно-поучительного характера, до которых так охочи были сельские жители. В сказке "Иван, крестьянский сын", например, герой, нагрубивший старухе, терпит неудачи; а когда, одумавшись, просит у нее прощения, то получает от нее очень важный совет. Часто назидательными историями служили реальные происшествия с указанием на тех, кто видел это своими глазами (РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 74; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1757. Л. 6; Д. 1069. Л. 15; Русские сказки... С. 65-66).

Невозможно даже бегло перечислить все те случаи, в которых обращались к мнению и совету стариков в общине. Об обилии этих вопросов говорят, например, присланные в Географическое общество в середине прошлого века (до реформы 1861 г.) записи Василия Емельянова - внимательного наблюдателя жизни крепостных крестьян пяти селений Бобровского уезда Воронежской губернии. Крестьяне этих трех деревень (Сабуровка, Ивановка, Никольская) и двух сел (Масловка и Михайловское) были помещичьими. У них регулярно собирались сходки общины - при выборах на разные мирские должности, при рекрутском наборе и пр. Община вершила и суд в сравнительно мелких делах. На сходку шел старший член каждого семейства. В тех случаях, когда не считали необходимым созывать сходку "общества", дела решались несколькими стариками - "больше уважаемыми за беспристрастие людьми". Они обстоятельно обсуждали каждый вопрос; если расходились в мнениях, решали большинством. В частности, при семейных разделах, если кто-то обращался к миру, староста созывал "несколько стариков, отличающихся от других беспристрастием" (АРГО. Разряд 9. Оп. 1. Д. 63. Л. 58. об. - 60).

О влиятельности на сходках общин стариков, "пользующихся особым уважением",

рассказывалось и в записях из другого уезда Воронежской губернии - В ал у некого. Если сходка приговаривала виновного просить прощения, он просил его у стариков и у обиженного. А вот, например, в деревне Мешковой (Орловский уезд Орловской губернии) действовал "общественный суд" стариков. Автор корреспонденции сообщает, что такие же суды есть "и в других деревнях нашей местности". "Общественный суд" выбирали тогда, когда всем сходом сразу нельзя было решить дело, нередко он предшествовал сходке. Суд этот состоял из четырех крестьян с хорошей репутацией, не моложе 45-50 лет, и старосты. Задача суда состояла в том, чтобы не допустить, по возможности, односельчан с жалобой друг на друга к начальству, рассудить спор своими силами, внутри общины. Суд стариков рассматривал здесь, как и в других местах, спорные случаи семейных разделов, драки, потравы, оскорбления, нарушения запретов работать в праздничные дни. Срок начала жатвы устанавливался стариками; они же были советчиками и по другим хозяйственным вопросам.

Но если внешние проявления уважения - приветствие, уступка места, усаживание в застолье, внимательное выслушивание относились обычно ко всей возрастной группе без исключения, то обращение за советом или третейским решением спора четко связывалось с индивидуальными качествами старика: добросовестность, беспристрастие, талант в конкретном деле, особенное знание и чутье в определении сроков созревания хлебов, погоды и пр. (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1125. Л. 20-21; Д. 399. Л. 17; Д. 1560. Л. 15; АРГО. Разряд 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 25-26). Таким образом, уважение к возрасту, к большой трудовой жизни, стоящей за плечами старика, сочеталось с выделением общественным мнением из числа стариков талантливых и наиболее заслуживающих доверие. В целом же отношения между возрастными слоями определялись ведущей ролью старших и авторитетом их для молодежи.

Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимавшая почетное место в общественной жизни деревни, регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через общину. Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время сева, жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет.

Особенно распространена была помощь общины погорельцам - и трудом, и деньгами. Сбор средств в пользу пострадавших начинался обычно сразу после пожара. А во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в некоторых общинах принимались решения схода о помощи семьям ратников: летом у таких семейств скосили, связали и свезли на гумно хлеб; часть хлеба была обмолочена, остальной убран в скирды. Хозяйки угощали односельчан, участвовавших в этих работах.

В русской деревне XVIII-XIX вв. существовало такое понятие - мироплатимые наделы. Это означало, что община (мир) брала на себя оплату всех податей и выполнение повинностей, которые полагались за использование данного надела. Например, у государственных крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии такие наделы, по решению схода, выделяли в 70-е годы XIX в. вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов, по решению совета стариков, выдавали беспомощным старикам и малолетним сиротам хлеб на весь год (Сб. статистических сведений по Тамбовской губернии. С. 10-18, приложение).

В некоторых случаях при оказании общинной помощи предполагалась последующая компенсация. Так, в Орловском уезде (Орловская губерния) сильно пострадавший от пожара крестьянин мог просить "общество" помочь ему поставить избу; мир обязательно помогал в этом случае - деньгами, работой. Когда же погорелец "становился на ноги", он выплачивал общине деньги. Иногда решением схода долг ему "прощали за угощение", т.е. должник только угощал всех.

Отводя участок леса для погорельца, община могла, по решению схода, и вырубить

лес, и вывезти бревна на место стройки. Гораздо реже встречаются упоминания мирской помощи обедневшему крестьянину без чрезвычайных обстоятельств; считалось, что в обычных условиях хозяин сам виноват, если дела у него не ладятся. Помощь общины отдельной семье оказывалась во время значительных семейных событий - похорон, свадьбы и др., если семья в этом нуждалась. Иногда на средства общины даже готовили свадебный наряд невесте (РЭМ, Ф. 7. Оп. 1. Д. 633. Л. 26-27; Д. 1103. Л. 9; АРГО. Разряд 9. Оп. 1. Д. 32. Л. 17-17 об.; Сб. статистических сведений по Московской губернии. С. 267-270; Сб. материалов... С. 200-201, 323; Сб. статистических сведений по Тамбовской губернии. С. 10-18; Годичное заседание... С. 69-70; Маслова, 1984. С. 13; Сабурова, 1967. С. 142).

Отзывчивость и понятия соседской и родственной взаимопомощи наиболее открыто проявлялись на помочах. Как же оценивали сами крестьяне нравственную сторону помочей? "Безусловно обязательно для себя крестьяне помочь не считают, но нравственная обязательность помочи так глубоко ими сознается, что отказа в помочи не бывает" (Рязанская губерния, Мураевенская волость, 1877 г.). По наблюдениям в Пустынской общине этой же губернии отмечалось, что "отношение мира к членам, подвергшимся несчастью, выражается, главным образом, в помочи..."

Представление о нравственной обязательности участия в помочи неизменно давало о себе знать, когда речь шла о благотворительной помощи общины одному ее члену, нуждающемуся в поддержке. Информатор Тенишевского бюро из Фетиньинской волости (Вологодский уезд, Вологодская губерния, 1868 г.) сетовал на влияние имущественного положения на взаимоотношения и, в частности, на то, что "хорошие остатки старины - помочи - начинают мало-помалу принимать совершенно другой вид". Он указывал при этом на обязательность дорогого угощения - так что "иной раз помочь станет дороже найма". Однако он четко отграничивал от этих явлений бескорыстную помощь пострадавшим. "Когда же какого-либо крестьянина постигает несчастье, например выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища - бревна на новый дом и пр., преимущественно в воскресенье".

В Новгородской губернии помочь погорельцу - "обыкновенное явление". Здесь "не найдется ни одного, просящего милостыню", так как "даже погорельцы не ходят за подавием, а ждут и уверены, что каждый сам придет к ним с помощью по силе и возможности". В Крестецком уезде этой же губернии (Заозерская волость, 1879 г.) "в случае постигшего домохозяина несчастья, например пожара, мир дает бесплатно лес для постройки; если кто заболит, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т.п.; на работу должны идти все: не желающего может принудить староста". В Псковской губернии (Борокская община, 1879 г.) мир помогал крестьянину, пострадавшему от пожара, неурожая, падежа скотины, работами - вывозкой леса, постройкой избы и т.п.

"Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам; но общественное мнение осуждает его; а идти против мира редко кто решается" (Тульская губерния, Старухинская община, 1879 г.).

По данным Калужской губернии (Медынский уезд, 1879 г.), наблюдатель также подчеркивает особое отношение к мирской помочи, противопоставляя ее помочи по приглашению зажиточных крестьян: "Помочь в ходу и имеет смысл между крестьянами общины, например в том случае, когда один из членов последней строится, то для скорой и экономной перевозки лесных и других громоздких материалов приглашается на помощь мир, который никогда не отказывается от этого. Мирская помощь собирается преимущественно в праздники. Это взаимное вспоможение особенно важно для

погорельцев, когда необходимо до наступления холодов выстроить жилище для себя и помещение для скота".

Обязательная и повсеместная помощь общины при постройках после пожара отмечена и в Московской губернии. Столь же не переменным считалось и участие в помощи в пользу вдов и сирот, занимающихся хлебопашеством. Отказ вдове в лошади, если она не имела своей, считался "делом безбожным". Иногда сиротам мир обрабатывал участок в течение ряда лет. В выявленных нами материалах помощи общины в пользу вдов и сирот встречаются также в Тверской, Владимирской, Псковской губерниях.

В Юрьевском уезде Владимирской губернии (Спасская волость) отмечен случай устройства миром помочей для запашки полей двух бедных семей, пожелавших обрабатывать землю; семена для них были собраны общиной по лукошку со двора. И там же (Глумовская волость) - случай обработки миром земли крестьянки, в семье которой было двое убогих (все платежи и повинности за эту семью отбывались тоже общиной) (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1177. Л. 12; Д. 633. Л. 30; РГИА. Ф. 91. Оп. Д. 779. Л. 343 об., 356; Сб. материалов... С. 129, 168, 202, 252, 291, 323, 381; Русское богатство. 1879. Вып. 1. С. 68; Каневский. С. 139; Сб. статистических сведений по Московской губернии. С. 267-270; Пругавин. С. 125; Тихонов. С. 25-27; Пузырев. С. 236).

Итак, совершенно безвозмездные (т.е. без не переменного угощения) помощи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были, по крестьянским этическим нормам, самыми обязательными. Община, по крестьянским представлениям, просто не могла отказать в этом случае либо сама проявляла инициативу в организации такой помощи.

Отдельный член мира подчинялся общему решению. Многие это делали по внутреннему побуждению и в силу сложившихся взглядов, другие, считаясь с общественным мнением и не решаясь противопоставить себя ему. За этими нормами стояла христианская система нравственных ценностей: "Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся" (Матф. 5, 42).

Среди нравственных норм крестьян особенно ярко и повсеместно воплощались понятия милосердия, сочувствия и помощи пострадавшему. Во многих описаниях губерний, составленных чиновниками во второй половине XVIII - в первые годы XIX в., отмечается сострадательность крестьян, готовность подать милостыню, помочь погорельцам, броситься на помощь при несчастном случае. Еще более обширный материал об этом сохранился для второй половины XIX в.

Мы уже говорили о помощи погорельцам по решению общины в виде помочей. Часто она носила и сугубо индивидуальный характер. "Все крестьяне нашей местности, - писал в конце XIX в. Ф.А. Костин из деревни Мешковой Орловского уезда, - к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь, как советом, так и делом". Каждый крестьянин, отмечал он далее, "считает за счастье", если у него поселится погоревший сосед. Беспрекословно брали скотину погоревшего к себе на двор, давали ему свою лошадь. Брать с погорельца деньги за помощь "считается большой грех и срам". С жалостью и состраданием относились и к чужим погоревшим крестьянам. «Никто не отказывает просящему "на погорелое"», - записал Ф.А. Костин. Это же подчеркивал и вологжанин А.К. Аристархов: «Погорельцев снабжают всем, что есть лишнего, а иной раз и от необходимого. Собирающий (милостыню. - Авт.) "на погорелое место" пользуется большим состраданием и благотворительностью крестьян». При пожарах "иные смельчаки вместе с хозяевами дома бросались в горевшие дома и спасали от огня имущество". Многие пользовались известностью за самоотверженное и находчивое поведение во время стихийных бедствий. Пожар - нередкое бедствие для деревянной русской деревни, поэтому многочисленные рассказы о самоотверженной готовности помочь другому человеку связаны именно с пожарами.

Высоко оценивалась русским крестьянством способность пострадать за правду, пострадать за мир (общину). Не каждый крестьянин мог процитировать наизусть

соответствующие места из Евангелия, но каждый знал, что это - благо, путь спасения души своей, и многие реализовали такой подход в повседневных крестьянских делах и при необычных обстоятельствах.

Повсеместно проявлялось гостеприимство к чужим людям, попросившим крова, в том числе и нищим. Просто удивительно, какое большое количество упоминаний о распространении милосердия, милостыни, гостеприимства у русских крестьян всей территории России встречается в документах XVIII-XIX вв. "Нищему никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге", - сообщали из Вельского уезда Вологодской губернии. "Нищие в редком доме получают отказ", - утверждал информатор из Пошехонского уезда Ярославской губернии, "Очень гостеприимны и внимательны к нищим и странникам", - писали из Белозерского уезда Новгородской губернии. В последней информации подмечено, что большим гостеприимством и радушием к постороннему человеку отличаются крестьяне "среднего и бедного состояния". Но есть и противоположные утверждения - о том, что именно зажиточные крестьяне больше принимают у себя просящихся на ночлег и обязательно накормят при этом.

В сообщении 1849 г. о нравах помещичьих крестьян сел Голунь и Ново-михайловское Тульской губернии (Новосильский уезд) отмечалось равное гостеприимство всех крестьян: "При такой набожности ни у кого, по выражению народному, не повернется язык отказать в приюте нуждающемуся страннику или нищему. Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему. Это свойство крестьян особенно похвально потому, что бедные семейства, до какой бы крайности ни доходили, никогда не решаются нищенствовать, но стараются или взять заимообразно, или пропитываться трудами рук своих, и из этого-то слезового куска они никогда не отказывают страннику-нищему" (Руднев. С. 109). Даже тот крепостной крестьянин, который стоял на грани обнищания, делился со странником - чужим ему человеком.

"По уборке хлеба всякий за грех почтет отказать просящему новины (хлеб нового урожая. - Авт.), несмотря на то, что таковых просителей бывает очень много", - отмечалось по Мещевскому уезду Калужской губернии.

Некоторые современники различали поведение странноприимничества в деревнях, отдаленных от городов и больших дорог, и в подгородних и притрак-товых селениях: первые, как правило, приветливо открывали ворота и двери любому странствующему, угощали, обеспечивали ночлегом, снабжали необходимым в пути - безвозмездно; вторые нередко за все брали плату, увеличивая ее в зависимости от обстоятельств. Однако чаще мы находим в источниках безоговорочное утверждение о гостеприимстве крестьян. «Вологодский народ, как и весь вообще русский, чрезвычайно гостеприимен. Отказ путнику, попросившемуся переночевать, является в виде крайнего исключения, - писал в 1890 г. Н.А. Ива-ницкий - один из лучших собирателей сведений о нравах и быте на Русском Севере. - Не пустит в избу странника или прохожего разве баба, оставшаяся почему-либо дома одна, в которой страх перед чужим человеком ("кто его знает, что он в мыслях держит") превозмогает чувство гостеприимства и сострадательности, или же семья раскольников. Не покормят прохожего в том только случае, когда у самих есть нечего» (Иваницкий. С. 58).

"Проезжающий мимо селения, даже незнакомый, нуждающийся в ночлеге, а также и проходящий пеший путник в редком доме получает отказ", - сообщал С.Я. Дерунов из Пошехонского уезда (Ярославская губерния). Он описывал ласковое и внимательное отношение к проезжему (прохожему). В. Иванов из Новгородской губернии (Белозерский уезд) дал подробную зарисовку подобного приема, сделанную с натуры. Он отметил, что в зимнюю пору особенно часто просят на ночлег путники, едущие издалека. "В большинстве случаев крестьяне отказываются от платы, а если и берут, то весьма умеренную, чаще всего, сколько сам проезжий положит". При приеме нищего в Новгородском крае хозяева стремились создать обстановку благожелательности (РЭМ. Ф.

7. Оп. 1. Д. 1103. Л. 8; Д. 120. Л. 4-8; Д. 399. Л. 21; Д. 1792. Л. 4об.; Д. 1791. Л. 24; Д. 99. Л. 32; Д. 683. Л. 8-9; АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 54. Л. 4; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 285. Л. 179об.-180; Семевский В.И. С. 81, 84, 87-88, 98, 117).

Сохранилась характеристика благотворительности и гостеприимства крестьян села Давшино (юго-западная часть Пошехонского уезда), сделанная жителем этого селения по наблюдениям в 40-е годы ХС в. "Благотворительность, - писал он, - обнаруживается в готовности помочь ближнему и советом, и делом, ссудить его нужным, также в милосердии к бедным, в подаяниях. Некоторые из здешних жителей погребают на свой счет умерших в крайней нищете и делают иногда по ним поминки. Гостеприимство выражается в том, что во время праздников здешние жители угощают всех гостей, как родных, так и чужих, и даже часть таких, которых не знают по имени; впрочем, они даже и не заботятся узнать их имена". "Всякий хозяин ласково и охотно принимает к себе в дом прохожих людей, как знакомых, так и незнакомых, особливо бедных, которые просят ночевать; угощает их ужином и завтраком и ничего не берет ни за пищу, ни за покой; даже с торговых людей и разносчиков с мелочами не берут ничего".

Оказание благотворительной помощи входило в определение тех лиц, которые пользуются уважением. А.А. Фомин из села Пречистого Ростовского уезда Ярославской губернии решительно утверждал: "Уважение здесь приобретается не зажиточностью, а помощью бедным крестьянам при каком-либо случившемся с ними несчастье, при нужде; в здешней волости есть и небогатые крестьяне, но тем не менее им оказывается уважение и расположение потому именно, что они нередко дают бедным своих лошадей для работы, ссужают их в нужде чем-либо, хлопчут за тех, с которыми случилось какое-либо несчастье, например перед земским начальником, волостным правлением и т.п.". Та же мысль и у А. Титова из деревни Издешково Вяземского уезда Смоленской губернии: зажиточность еще не основание для уважения; богатый, но скупой, не пользуется уважением.

Постоянная готовность крестьян к соседской взаимопомощи отмечена в материалах из Владимирского уезда. Обратившиеся к соседям отказа не получали. Если кто-либо был особенно известен, например, своим искусством "устанавливать" сохи, насаживать косы, то к нему обращались соседи. «В этих случаях "возмездия" (т.е. вознаграждения. - Авт.) не полагается, так как небольшая услуга и помощь другим считаются делом совести и отказ беспричинный в подобных случаях вызвал бы осуждение». Но этот же корреспондент из Владимирщины замечал, что разница в имущественной обеспеченности сказывается на соседских взаимоотношениях: бедный сосед мог оказаться в подчиненном отношении к богатому. Если же бедный поправлял дела, менялось и отношение.

Владимирская губерния - промышленная. Там особенно активно развивалось отходничество, многие деревни и села были охвачены промыслами, подчиненными городским предпринимателям. Здесь заметнее сказывались тенденции накопительства, городских рыночных отношений. А в сообщении, например, из менее затронутого этими процессами Яренского уезда Вологодской губернии утверждалось без всяких оговорок: в случае нужды в деньгах или хлебе свободно обращаются к соседу; пользуются вещами, занятыми у соседей, иногда подолгу. Этот же корреспондент писал о безыскусственной простоте во всех взаимоотношениях.

В ходу было много пословиц о добрых соседских отношениях: "Себе согуби - а соседу удружи"; "Не копи имения - наживи соседей"; "Ближний сосед - лучше дальней родни"; "С соседом жить - дружить" и др.

В индивидуальной соседской помощи (как и в коллективной - помочах) трудно подчас отделить благотворительность от взаимных услуг. Но и в последнем случае просматривается евангельское основание: "Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки" (Матф. 7, 12). Много было в жизни деревни добрых дел в чистом, явном их проявлении. В их числе -

обычай одаривать и угощать арестантов на Пасху или другие большие праздники. В Талызинской, например, волости Орловской губернии на "Велик день" звали к себе "разговляться" всех, кто сидел в это время под арестом в волостной тюрьме. Для этого ходили просить разрешения у старшины. В крестьянском доме арестанту дарили чистую рубашку, и хозяин усаживал его рядом с собой за стол и угощал как самого близкого родственника. Такие приглашения арестантов делались также в те дни, когда община заказывала причту молебен и в деревню приносили образа. Подарки и угощение арестантам, как и всякая подача милостыни, четко были связаны в крестьянских представлениях с долгом христианина делать добрые дела, быть милосердным.

"Крестьянин никогда не отказывает нищему в подаении", - утверждал в конце XIX в. житель Брянского уезда. Угощение крестьянами бедных в любое время "по мере своих средств" описано и жителем Валуйского уезда Воронежской губернии. Известный историк деятель просвещения Сибири П.А. Словцов писал о сибиряках: "Этот крестьянин с черствым видом, но не сердцем, знаете ли вы, носит в себе тайну благоговейности и сострадания к неимущим братьям" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1792. Л. 4; Д. 1810. Л. 29; Д. 1533. Л. 10; Д. 5. Л. 11-13; Д. 399. Л. 18, 21; Д. 99. Л. 32; Д. 1791. Л. 22; Д. 1168. Л. 10; Д. 974. Л. 13,21; Архангельский. С. 49-50; Словцов. С. 283).

Кроме подачи милостыни по просьбе, существовали еще закрепленные обычаем конкретные поводы и сроки для угощения нищих и раздачи милостыни. За этими сроками и обычаями тоже стоял определенный религиозный смысл.

В Суджанском уезде Курской губернии по большим праздникам хозяйки брали с собой в церковь "паляницы" (ржаные лепешки), вареники в деревянных мисках, бублики и пироги и по окончании службы оделяли ими нищих.

В Сибири было принято на Святки не только угощать, но и наделять значительными припасами нуждающихся. П.А. Словцов описал, как в эти дни "беспомощные или хворые хозяева скудных семей разъезжали по деревням из дальних мест и останавливались у ворот зажиточных домов. Странник входил с незазорною совестью и объявлял себя христославцем. Тотчас затепливалась перед образом восковая свеча, вся семья от мала до велика становилась в молитвенном положении и со сладостью слушала "песнопевца". После того как он исполнит праздничные песнопения и скажет традиционное приветствие, незваному гостю предлагали хлеб-соль, а затем старший в семье шел отсыпать муку, крупу и грузил их вместе с другими продуктами на воз христославца" (Словцов. С. 283).

Во многих местностях на Агриппину-купальницу (23 июня) посреди деревни ставились столы с постными яствами (в это время шел Петровский пост) для угощения нищей братии за счет деревни в целом. Очень распространена была подача милостыни в связи с похоронами и поминальными днями. Так, житель Высковецкой волости Владимирской губернии рассказывал, что у них в день похорон приглашаются на обед не только все родственники и соседи, но и нищие, сколько бы их ни случилось поблизости; угощали всех нищих и на сороковой день. Такие же сведения есть в нашем распоряжении и из Воронежской губернии. Но здесь речь идет уже не о нищих, а о бедных: "по прошествии шести недель по умершим" на обед "отовсюду" приглашают бедных и дают им еще с собой хлеб. В Вельском уезде Вологодской губернии на поминки приглашали и посторонних, а нищим давали все самое лучшее с поминального стола с просьбой "помянуть покойну головушку" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1778. Л. 6; Д. 107. Л. 15; АРГО. Разряд 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 52; Разряд 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 8; Разряд 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 22; Словцов. С. 283; Максимов, 1903. С. 471).

Незабываемый образ доброго и отзывчивого крестьянина запечатлелся с детских лет в воспоминаниях Ф.М. Достоевского и сыграл потом немалую роль в труднейший период жизни писателя. Это был мужик Марей - крепостной из деревни, принадлежавшей отцу Достоевского. Достоевский отчетливо вспомнил встречу с ним через двадцать лет в

каторжном остроге, и образ Маррея помог ему увидеть души за грубой внешностью товарищей по заключению. "Встреча была уединенная, - писал он потом о Маррее, - в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?" (Достоевский. С. 49).

О милосердии крестьян к чужим для них в социальном отношении людям писали декабристы и многие другие ссыльные, встречавшие сочувствие и помощь на всем пути их следования в ссылку. Вспомним хотя бы радушие забайкальских староверов, отмеченное в записках декабриста И.Д. Якушкина. А ведь это были дворяне - государственные преступники, которых сопровождал конвой. У сибирского крестьянства вообще существовал обычай подавать милостыню (хлеб, монеты) всем арестантам, шедшим по сибирским дорогам в сопровождении конвоя [Якушкин. С. 101).

Нет сомнения, что готовность подать милостыню, как по конкретному, закрепленному традицией поводу, так и при неожиданно, стихийно возникающей просьбе была характерна для русских крестьян. Возникая нередко как непосредственное движение души, из чувства жалости и сострадания, эта готовность опиралась и на общий взгляд, в котором воспитывали с раннего детства: подача милостыни считалась богоугодным делом.

Отношение к преступнику на основе милосердия проявлялось и в крестьянском обычном праве. Интересно в этом отношении наблюдение юриста С.Л. Чудновского, сравнивавшего в конце XIX в. государственное законодательство с теми обычаями и подходами, которыми руководствовались крестьяне в своих судах.

«Уголовный закон радикально и, так сказать, принципиально расходится с обычным воззрением народа в основном отношении к преступлению и преступнику: в то время как уголовный закон в преступнике видит "злую волю", сознательно стремящуюся нанести вред целому обществу и отдельным его членам, обычное мировоззрение видит в преступнике главным образом "несчастливого", жертву несчастно сложившихся обстоятельств. Первый исходит из того, что общество не только вправе, но и обязано карать преступника, отмстить ему за содеянное им преступление, народ же в своем обычно-правовом мировоззрении полагает, что общество должно и вправе ставить преступника в такое положение, чтобы сделать его безвредным для общества и при этом не столько карать его, сколько исправлять и наставлять».

Подход с позиций нравственности в рассмотрении разного рода нарушений норм поведения был характерен для крестьянской судебной практики. Чудновский справедливо видел в этом второе отличие обычного права от законодательства. "С точки зрения юриста-криминалиста многое нравственное может быть преступным, и не все, что преступно, должно быть безнравственным: с точки зрения обычно-правовых понятий народа... все преступное обязательно безнравственно; все, что нравственно, не может быть преступно" (Чудновский, № 8. С. 210-212).

Современники, которые хорошо знали крестьянство и относились к нему с уважением, оставили немало свидетельств о понятиях чести и достоинства в крестьянской среде.

А.С. Пушкин написал: "Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи?" Александр Сергеевич написал это в 1834 г., т.е. задолго до отмены крепостного права, и знал он, как известно, именно помещичью деревню центральной России. У нас знают Пушкина, тем не менее сочинение, где это сказано, известно немногим. Это - "Путешествие из Москвы в Петербург", в котором Пушкин полемизирует с Радищевым. (По поводу одной из глав "Путешествия из Петербурга в Москву" Пушкин прямо сказал: "Радищев начертал здесь карикатуру".) {Пушкин, Т. VTI. С. 200).

Не менее выразительная характеристика достойной манеры поведения крестьянина, его глубокого внутреннего такта дана Н.В. Гоголем. Она относится к 1845-1846 гг. В статье "В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность" Николай Васильевич отметил сходство свойств творчества И.А. Крылова с качествами, сохранившимися в крестьянской среде. Гоголь подчеркивает "истинно русский ум" Крылова, "умеющий найти законную середину всякой вещи". И далее: "Только в Крылове отразился верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит выраженьем и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, - одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования и который сохранился доселе у нашего крестьянина. Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия..." (выделено мною.-Лет.) (Гоголь. С. 199-200).

О соблюдении чести и достоинства во взаимоотношениях крестьян между собой есть много свидетельств в ответах на анкеты научных обществ. Понятие чести у крестьян непременно соединялось с сознанием честного выполнения своего долга - в труде, в исполнении взятых на себя обязательств. Оно включало также правдивость и исключало способность наносить несправедливые обиды (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 683. Л. 6; Пихоя. С. 125).

"Все крестьяне, оберегая свою честь, стараются трудиться, чтобы не прослыть лентяем и мотыгой (здесь - мот, расточитель. - Авт.), а также не остаться должником соседей. Каждый старается не быть лжецом и обидчиком, а также не нажить славы, что он не крестьянин, а прощелыга и самознайка". "Всякий порядочный крестьянин старается держать данное им слово: нарушить его он считает нечестным", - решительно писал А.В. Балов, отвечавший на программы по изучению народной жизни на основании собственных длительных наблюдений в Ярославской губернии. "Всякий крестьянин, оберегающий свою честь, старается не быть никогда не только замешанным в какое-либо преступление, но даже и заподозренным в нем. Он никогда не согласится ни на плутни, ни на обман, хотя бы это и было допущено в торговле".

Балову вторил С.Я. Дерунов, собиравший материал в Пошехонском уезде этой же губернии. По его наблюдениям, крестьяне считали, что, не уплатив долга на земле, не будешь развязан с земной жизнью на том свете. Поэтому, если должник долго не платил, то давший ему ссуду грозил стереть запись о долге (соседский долг записывали обычно мелом), т.е. лишить его возможности рассчитаться. Иногда долг записывали зарубками на палках или бирках, тогда пускалась в ход угроза сжечь их. Должник кланялся и просил не стирать или не сжигать свидетельства о долге. Но Дерунов отмечал и ослабление твердости понятия "держать слово" "в последнее время", т.е. в 90-е годы XIX в., объясняя ухудшение нравственности влиянием города и идущим оттуда стремлением к богатству.

"Данное слово местные крестьяне стараются исполнять, потому что, по общему воззрению, неисполняющие своего слова сами же от этого и страдают, так как им никто ни в чем не доверяет", - писали из Ростовского уезда, подчеркивая действие общественного мнения.

В ходу было множество пословиц о твердом слове: "Мое слово золото"; "Не давши слова крепись, а давши держись"; "Уговор дороже денег", и пр.

Умение держать слово особенно проявлялось в сделках, которые крестьяне заключали между собой без письменных документов. Не случайно о договоре, заключенном на словах, говорили, что он заключен "на совесть". По договору - "ряду" - нужно было делать все беспрекословно. "Не исполнять данного слова, обещания крестьянами считается и за грех, и за стыд".

Но крестьянское понятие чести в целом было сложнее. Оно включало для мужчин - отсутствие оснований для оскорблений и умение ответить на незаслуженные поношения; для девушек - чистоту; для женщин - отсутствие измен.

Очень четко выступает из многочисленных и разнообразных источников XVIII-XIX вв. решительное осуждение русским крестьянством добрачных связей. Если такое и случалось, то как исключение и всегда и повсеместно встречало негативное отношение общественного мнения деревни. "Потеря девственности считается большим грехом", - написано в ответах на тенишевскую программу из Ростовского уезда.

"Родители вообще весьма строго смотрят за тем, чтобы дело во взаимных отношениях молодежи не дошло до половой связи, так как это является позором не только для самой девушки, но и для родителей, воспитавших ее. Беременность девушки составляет уже для родителей крайнюю степень позора и бесчестия", - рассказывал наблюдатель из Пошехонского уезда.

Девичью честь крестьяне ценят высоко - так утверждал корреспондент из Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Окружающие порицали девушку, утратившую честь. О том же сообщал и житель Жиздринского уезда Калужской губернии: парни и девушки "не вступают в половую связь". "Девичья честь ценится высоко", - откликается на вопрос программы П. Каманин из села Домнино Владимирской губернии. К девушке, потерявшей невинность, относятся с пренебрежением и "обходят выбором в замужестве", - добавлял он. Об этом же из Орловской губернии: если девушка потеряет девственность, ее презирают и не возьмут замуж. Если только лишь дурная слава пройдет, может, и напрасная, и то страдает вся семья, особенно младшие сестры.

Губернии - разные и авторы - люди разного социального положения и стиля, но суть их наблюдений по этому вопросу однозначна. Предосудительной считалась и супружеская неверность. Но при этом крестьяне более жестко осуждали неверность жены, чем мужа.

"Бесчестьем для всякого крестьянина является отбытие им телесного наказания или заключения в остроге. И то, и другое кладет клеймо на всю жизнь человека... Если такому наказанию подвергся парень, то очень часто девушки отказываются выходить за такого замуж", - сообщалось в Тенишевское бюро (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 12, 15; Д. 1815. Л. 17; Д. 1806. Л. 10; Д. 1566. Л. 5; Д. 937. Л. 8; Д. 1137. Л. 1об.; Д. 510. Л. 6; Д. 1783. Л. 11-12; Д. 1784. Л. 2-4; Звонков. С. 25-26; Чудновский. № 7. С. 47,56-60; Громько, 1986. С. 97-99).

Две черты крестьянской нравственности - товарищеская взаимопомощь в беде и выполнение взятых на себя обязательств при любых обстоятельствах - особенно отчетливо выявлялись в артелях, уходивших на промысел. Промыслы, особенно охотничьи, нередко сопровождалась тяжелыми осложнениями, смертельной опасностью - от зверя, от голода или жажды, от мороза, от обвала или срыва в пропасть в горах. И здесь вступал в силу незыблемый принцип - выручить, не покинуть в беде. Общественное мнение культивировало верность товарищу, резко осуждая, подвергая своего рода остракизму всякого, кто нарушил эту этическую норму. "Трусость покрыла бы вечным стыдом, и никто бы не захотел делить таежной жизни с подобным товарищем". Каждый сознавал, что о поступке его станет известно в деревне по возвращении с промысла, а на следующий сезон снова, как каждый год, для участвующего в промыслах крестьянина возникает вопрос о выборе товарищей по артели, и определяющими качествами будут честность и товарищеская надежность.

На промыслах более жестко, чем в обыденной сельской жизни, соблюдались все договоры. Специфическая обстановка требовала особенно четкого соблюдения ряда существенных принципов крестьянской этики и уже этим, несомненно, оказывала определенное воздействие на формирование социального характера крестьянина.

В решении вопросов, касающихся взаимоотношений односельчан, сходка общины стремилась привести дело к тому, чтобы виновный попросил у обиженного прощения. Крестьяне придавали этому большое значение. "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим" (Матф., 6, 12). По сведениям из Валуйского уезда (Воронежская губерния), если сходка разбирала случай мелкой кражи, побоев или какой-либо другой обиды и виновный был уличен, то он должен был просить прощения у

стариков и особенно у обиженного. После этого на него накладывался штраф. "Испрошение прощения" у пострадавшего по специальному решению описано в 70-е годы XIX в. по наблюдениям в Тамбовской губернии. Отсутствие чистосердечного раскаяния перед лицом мира существенно меняло решение сходки.

В деревнях, прилегающих к селу Пречистому (Карашская волость Ростовского уезда Ярославской губернии), в материалах которого довольно подробно описана деятельность низовой общины, селенные сходы занимались иногда увещанием некоторых своих однодеревенцев. По местному выражению, это называлось "улещением". Если мир считал, что поступки кого-либо запятнали или могут запятнать репутацию всего селения, но в то же время они не считались крестьянами преступлением, то прибегали к публичному увещанию на сходе. Так делалось в случаях мелкой кражи у проезжих, пьянства и буйства, зазорного поведения девицы. В последнем случае "улещали" не самую девушку, а отца или мать, призывая их постеречь свою дочь и поучить.

Вопросы, связанные с честью девушки, могли по желанию обиженной рассматриваться на сходке общины. Община всегда соглашалась провести расследование. Не всякая оскорбленная напрасным обвинением могла решиться выступить перед сходкой, хотя оправданную общиной девушку охотно брал хороший, по местным представлениям, жених. Неоправданная долго не выходила на улицу от позора.

Подобный вопрос ставился на сходке и в том случае, если парень публично заявлял свои права на девушку, с которой был близок, когда она оказывалась просватанной за другого. Оскорбитель должен был доказать сходке, что сказал правду, и после этого обязательно жениться на оскорбленной им девушке. Она не смела отказать ему, подвергалась общему осмеянию и в течение года после замужества не должна была выходить в хоровод и на другие сборища. Последнее считалось наказанием за потерю чести в девичестве*. Если же "разбирательством устанавливалось, что оскорбитель оклеветал девушку, мир приговаривал его к большому штрафу и изгнанию из деревни на год". По возвращении в свою деревню он еще в течение двух лет не допускался в хоровод.

На Орловщине при обвинении замужней женщины в измене обвинитель должен был доказать сходке обоснованность своего выпада. Если ему удавалось доказать, обвиненная подвергалась насмешкам. В течение года она не имела права посещать соседей, даже просто входить к кому-либо в дом. Честь ее была навсегда потеряна в глазах общины (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1103. Л. 16-21; Д. 1101. Л. 1; Д. 1809. Л. 4-5; Д. 1109. Л. 1-2; Д. 1117. Л. 24-27; АРГО. Разряд 9. Д. 9. Л. 26; Чепурный).

Решение ряда вопросов на сходке общины зависело от нравственной репутации крестьянина. В таких случаях скрытый в другое время механизм воздействия общественного мнения выступал в обнаженном виде. При назначении опекуна сиротам, например, возникал вопрос о нравственном облике претендента. Выбор опекуна всецело зависел от общины. «Мир имеет право устранять от опеки не

* Утверждение Т.А. Бернштам, что у русских повсеместно снисходительно относились к добрачным связям, не имеет ровно никаких оснований: обильный материал разнотипных источников конца XIX в. из разных губерний показывает обратное - добрачные связи были редкостью и решительно осуждались общественным мнением. Т.А. Бернштам не приводит никаких фактов в подтверждение своего заявления. {Бернштам Т.А., 1988. С. 51}.

только близких родственников, но даже и мать, когда мать или родственники "ненадежны" или "непутевые" люди», - писал корреспондент из Вяземского уезда. В.В. Тенишев, обобщающий сведения об опеке, поступившие из разных губерний, отмечал значение в глазах общины нравственного облика лиц, выбираемых опекунами (РЭМ. Ф. 7.

Оп. 1. Д. 121. Л. 2; Д. 1533. Л. 4; Д. 1762. Л. 1; Тенишев. С. 56-57; Лебедева А.А, 1969. С. 164).

По сообщению корреспондента из Усть-Подюжского прихода (Вельский уезд) при рассмотрении на сходке хищений вор, неопытный и совершивший преступление под влиянием другого человека, встречал снисходительное отношение крестьян. Отношение к самому пострадавшему тоже во многом зависело от его репутации в деревне.

Мнение, которое проявлялось открыто и определенно на сходке, складывалось в общине постепенно. Повседневная жизнь мира давала достаточно материала для формирования суждений соседей. Община являлась в этом отношении гибким механизмом: репутация, даже документально зафиксированная на сходке, могла измениться. "Если бы заметили, что опекун чем-либо пользуется от имени, то донесли бы обществу, которое высаживает тотчас его и выбирает нового опекуна".

Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось не только прямым обсуждением их на сходке, о чем говорилось выше, но и в других формах обращения к соседям. По существу, любое сколько-нибудь широкое сборище в деревне - от крестин до поминок и от хоровода до помочей - могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению. При этом широко использовались художественные формы выражения претензии. Крестьяне в массе своей свободно владели множеством фольклорных форм, умели импровизировать в рамках данного жанра. Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад "на людях". Репутация девушек и парней находила отражение, в частности, в величальных песнях, исполнявшихся в хороводе, а песни эти, в свою очередь, участвовали в создании и закреплении каких-то элементов репутации (РГИА. Ф. 363. Оп. 4. Д. 3121. Л. 8-10; Ф. 796. Оп. 103. Д. 783. Л. 1; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4070. Л. 49-79; ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 18. Л. 48; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1082. Л. 2-3; Д. 1549. Л. 9; Громько, 1977. С. 37, 54-55, 83; Шенко, 1977. Община... С. 117).

Наряду с репутацией отдельного лица, в общине, а отчасти и за ее пределами формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семей, переходившая нередко из поколения в поколение. При выборе невесты наряду с другими ее положительными качествами учитывалось, что она "из хорошего рода, известного в околотке своей честностью и другими хорошими качествами". В Бунинской волости Волховского уезда (Орловская губерния) парень сам выбирал себе невесту, но старшие старались расстроить брак, "если невеста худого рода или неработающая". Сама община тоже имела определенную нравственную репутацию среди окружающих селений. Об этой репутации проявляла озабоченность община в ходе обсуждения на сходке тех или иных вопросов. Характерен в этом отношении довод, приводившийся при увещании сходом родителей девицы зазорного поведения: страдает репутация других девушек селения (Материалы для географии... Костромская губерния. С. 501; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 907. Л. 7; Д. 911. Л. 25; Д. 1045. Л. 7; Д. 1809. Л. 4-5).

В формировании репутации существенную роль играла степень владения трудовыми навыками. Общественное мнение крестьян высоко оценивало трудолюбие как важнейшее положительное качество человека. Оно воспитывалось крестьянами в детях с малых лет.

В.И. Семевский, подводя итог всем использованным им описаниям губерний конца XVIII в., заметил: «Несомненным достоинствам русских крестьян было трудолюбие. По мнению самих крестьян, если ребенок "измалолетства" не приучался к сельскохозяйственным занятиям, то в дальнейшем он уже не имел к ним "усердствующей способности"» (Семевский В.И. С. 86).

Разнообразные источники XIX в. свидетельствуют о том, что у русского крестьянства всех районов резко осуждению подвергались лень, неумелое или недобросовестное отношение к труду. Житель Шадринского уезда Пермской губернии Андрей Третьяков так писал об этом в 1852 г.: "Похвальная черта в характере жителей - общественность и

соревнование к своевременному отправлению полевых работ". "Господствующие добродетели суть: трудолюбие и воздержание от хмельных напитков, - продолжает он. - Гласно и колко смеются все над тем, кто по своей лености затянул пар, т.е. в надлежащее время не вспахал, или кто зимней порой не успел окончить молотьбу до талицы".

На общих сенокосах, на помочах и других коллективных работах проявлялись индивидуальные возможности - сообразительность, ловкость, сила, виртуозность в отдельных приемах. Кроме того, представления об умелости каждого члена общины в ведении хозяйства в целом или в том или ином виде занятий складывались в зависимости от результатов труда. И не только в хозяйстве, но и в побочных, но существенных для репутации занятиях. Так, мнение односельчан о девушке как работнице, непременно учитывающееся при выборе невесты, складывалось и при наблюдении непосредственно ее работы, и опосредованно - по продукции. У всех на виду была ее одежда собственного изготовления, украшенная в праздничном варианте вышивкой и кружевом. Специальный осмотр женщинами девичьего рукоделия в некоторых местах осуществлялся, в частности, на "выставках" невест, а также на "перебасках" - соревновании по нарядам в доме у молодой. В играх на посиделках нередко обыгрывалась тема умения девушки управиться с разными делами по дому.

Подростки рано приучались к разным видам труда. Над теми из них, кто не овладел мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, его возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют насмешливые названия для неумелых, прочно вошедшие в речевой оборот. Подростков, которые не умели плести лапти, дразнили безлапот-никами, смеялись над ними. Крестьянин, который не умел сплести лапти, считался последним человеком.

Девочек, не научившихся в положенный срок — на 11-м году — прясть, дразнили непряхами. Не умевших "выткать кроены" (это надо было уметь на 15-м или 16-м году) - неткачами. Не умевших самостоятельно поставить стан "без подсказки матери" (этому учили на 17-м году) - бесподставочными. Насмешливые прозвища получали также те взрослые, которые оказывались последними при завершении некоторых видов коллективных работ (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 2; Д. 117. Л. 3-4; Д. 510. Л. 9; Д. 907. Л. 7; Д. 1086. Л. 3; Миненко, 1979. С. 121; Громыко, 1986. С. 108-109; Материалы для географии... Костромская губерния. С. 501; Иеаницкий. С. 71-72; Тихоницкая. С. 86; Сабурова, 1967. С. 238).

Рассматривая традиционный нравственный идеал в связи с православной верой, следует помнить, что религиозность крестьян была очень цельной, слитной с их образом жизни. Для большинства крестьян вера служила основой, способом самого их существования. Искренне верующий человек просто не мог плохо хозяйствовать на земле, которую считал творением Божиим, или отказать в помощи нуждающемуся. Так же и в повседневных молитвенных обращениях для него сливалось воедино и отношение к иконе святого, и знание его жития, и заказ молебна ему в сельском храме, и стремление отправиться в паломничество к чудотворному его образу, и подача милостыни в его день, и прошение о благополучии близких людей.

Воцерковление начиналось с крещения младенца и продолжалось до последнего дыхания. Заболевал ребенок - обращались к Пресвятой Богородице Тихвинской; приступал к обучению грамоте - молились Козьме и Демьяну; опасались пожара в жаркую и засушливую пору - служили молебен пред образом Богородицы, называемым Неопалимая Купина; заканчивали строительство избы - приглашали батюшку освятить ее; случалась большая удача - заказывали благодарственный молебен; постигало горе - утешение находили в глубоком смысле панихиды и в раздаче милостыни ради спасения души усопшего. Воцерковление всегда означало активное начало в поведении самих крестьян, и в этом поведении вера неразрывно сливалась с нравственными представлениями.

НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И НАЧАЛА ЖИЗНИ

Тайна зарождения и появления на свет нового существа не переставала удивлять человечество, и у каждого народа было свое объяснение происходящего. В представлениях об окружающем мире рождение собственного ребенка органично вписывалось в естественный процесс жизни на земле. Это особенно характерно, конечно, для сельских жителей, постоянно наблюдавших процесс рождения и обновления вокруг себя. Отличие между рождением животного и человека, наделенного иной, "божественной" сущностью, с точки зрения верующих, каковыми являлось большинство населения еще в конце XIX - начале XX в., лежало прежде всего в области духовной. Поэтому имеет смысл выделить (весьма условно) в комплексе обрядов, обычаев и поверий, связанных с рождением, аспекты мировоззренческого характера. Церковное учение о зарождении человека, о его духовном рождении через таинство крещения не только органично вошло в сознание и обычаи народа, но и определило в значительной степени специфику народных представлений о природе человека, его месте и назначении на земле.

Важность деторождения в каждой социальной среде, а в крестьянской особенно, определялась необходимостью постоянного воспроизводства. Но не меньшую роль играло и христианское учение о рождении детей как оправдании и очищении греховных интимных отношений супругов, признании благочестивости брака. С точки зрения народа, «дети составляют благословение Божье и выражают присутствие Святого Духа. Народное понятие "исполнить закон" - не только выполнить физиологическое назначение человека, но и найти вполне ясную цель - трудиться для детей как своих будущих преемников», - так писал известный исследователь народного быта Г. Попов (Попов Г. С. 325). Несмотря на трудности содержания многодетной семьи, крестьяне если и не всегда с радостью, то во всяком случае без ропота встречали рождение многочисленного потомства и надеялись с Божьей помощью вырастить всех: "Дети - Божьи. Бог дает детей, Бог на детей и прибыль пошлет", "Родись человек - краюшка хлеба готова", - говорили в народе.

Основную причину бездетности при отсутствии видимых нарушений здоровья видели в наказании Божьем за свои грехи и даже за грехи родителей. Очень характерно высказывание: "Бог дал (не дал) детей". Эта формула, отражающая определенную жизненную концепцию, не имела в виду буквальную связь, а отражала скорее веру воспитанного в христианстве человека во взаимосвязь всего происходящего на земле с благословением и покровительством христианских святых. Поэтому и религиозно-магические способы избавления от бездетности связаны в основном с христианским вероучением. Наиболее распространенными были обеты, паломничества к святым местам, молитвы. Особенно часто обращались к Божьей матери, иногда также к св. Роману чудотворцу, преподобному Ипатию.

Традиционная культура материнства включала не только практику, но и определенные религиозно-нравственные нормы поведения в интимной женской жизни. Мораль женщины соответствовала морали того общества, в котором она жила и которое, до известной степени, контролировало ее поступки. Эта мораль запрещала ей предпринимать какие-либо шаги к уничтожению зародившегося ребенка, поскольку он, в соответствии с христианским учением о сущности человека, считался с первого момента живым самостоятельным существом (как говорили, "сразу на учете у Бога")- Женщин, совершивших подобное и способствующих им, называли "душегубцами": "Нет греха больше, чем вытравить плод, это душегубцы, проклятые Богом" - такова была нравственная позиция народа. Особые знахарки, специализировавшиеся на "вытравлении" плода, осуждались даже больше, чем решившиеся на плодоизгнание женщины, тем более

что к подобным мерам, по общим отзывам, прибегали лишь отчаявшиеся, забеременевшие до брака девушки. В народе их называли "безбожными бабками", им приходилось скрывать свое постыдное ремесло от детей "из опасения потерять у них свой нравственный авторитет". Подобное отношение к плодоизгнанию сложилось, безусловно, под сильным влиянием церковного учения о зарождении и сущности человека. С точки зрения верующего самое главное в человеке - то, что является неизменным условием его жизни и делает человека созданием "по образу и подобию Божьему" - это его бессмертная душа, точнее, в земной жизни душа, заключенная в тело. И поэтому любой безнравственный поступок, тем более преступление рассматривались как "пагубление" души - и своей, и чужой. Убийство вследствие этого расценивалось как насильственное отлучение чужой души от тела, лишение ее возможности принять перед смертью христианское напутствие и тем самым погубление своей души.

В русском языке слово душа имеет различные смысловые оттенки, его употребляли даже как юридический термин для обозначения единицы крестьянского податного населения. Однако для определения духовного мира человека, точнее его духовной ипостаси, это слово на Руси, по определению Владимира Даля, означало "жизненное существо человека, несущее бесплотное тело духа, искру Божию" (Даль, 1955. Т. 1. С. 504). Существование души, по мнению многих, допускалось не только у иноверцев, но даже и у животных, но эти души не несли в себе святого духа и, следовательно, были нечисты. Склонное к конкретизации мистических образов народное воображение, подразумевая под душой внутреннюю духовную субстанцию человека, обладало ее подчас хотя и в не зримые, но понятные уму "очеловеченные" формы.

Одни представляли душу в виде маленького человечка без мяса и без костей, лишенного половозрастных признаков (Владимирская губерния). Другие же полагали, что она изменяется вместе с человеком. Вот что говорили жители Гжатского уезда Смоленской губернии: "Душа - это особое существо, похожее на маленького человека, состоит из газообразных материалов, как дым или пар. Души людей разных возрастов - разные и имеют половые отличия. Душа... растет постепенно, только рост души признается не в физическом - что он больше, а в смысле развития у нее понимания об окружающей жизни на земле. Душа младенца не имеет никакого понятия о жизни на земле, она чистая, безгрешная. Душа женщины не так понятлива, как душа мужчины. При смерти выходит через рот" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1561. Л. 25-26).

В крестьянских воззрениях о времени появления души в человеке нет единообразия. Пожалуй, наиболее распространенным можно считать представление о том, что "душу в младенца вкладывает Ангел еще в утробе матери" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 100), одновременно ребенок начинает шевелиться и во второй половине беременности плод уже считается одушевленным (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 240. Л. 207; Д. 65. Л. 5 об.). Имея в виду это обстоятельство беременные женщины говорили о себе "О две души хожу". В народе считали обязательным удовлетворять все "прихоти" беременной женщины (в основном пищевые), поскольку их появление и необычность объясняли тем, что "душа младенца этого хочет". "Одушевленность" плода заставляла богобоязненных супругов со второй половины беременности воздерживаться от интимных отношений (Попов Г. С. 331). По мнению других, Ангел прилетает на рождение младенца, принося ему душу (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 948. Л. 3; Д. 29. Л. 19), и одновременно пишет в свою книгу - "книгу живота" - судьбу и кончину новорожденного (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1389. Л. 6; Д. 1078. Л. 21).

Были и такие, которые полагали, что до крещения младенец лишен души. Иногда, не задумываясь о времени появления души, просто считали, что "раз ребенок зародился, значит, и душа в нем будет". "Господь создает дитя и дает ему душу" (Материалы автора. 1994 г. Тетр. 1. Л. 33, 50). В любом случае можно согласиться с мнением исследователя Русского Севера А. Неуступова о том, что, "по народным воззрениям, ребенок зарождается в момент соития, а душу ему дает Бог" (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 433а. Л. 130). "Вытравление плода", с точки зрения верующих, либо лишало жизни наделенное душой

живое существо, либо губило его, не дав обрести душу: "Душу загубили, на белый свет не пустили" (Материалы автора. 1994 г. Тетр. 1.Л. 15 об.).

По правилам православной церкви за плодоизгнание на женщину накладывалась епитимья. В крестьянских градациях о степени греховности оно приравнивалось к убийству и влекло за собой страшное наказание: "Это как убить, загубили ведь душу. В бездну за это пойдешь, как и те, кто Бога ругают", - считали и сейчас считают верующие пожилые люди. В духовных стихах плодоизгнание причисляется к грехам, которым "нет покаяния", т.е. в совершении которых нет смысла каяться, ибо им нет прощения: "Который бранит Свята Духа/ И который бранит Отца с матерью / И который в утробе плод запарчивает/ И который грешит кум с кумой крестовою" (Опото. С. 20). Напомним, что в Евангелии таким грехом считается лишь первое из приведенных выше. Обобщая данные многочисленных корреспонденции архива В.Н. Тенишева, Г. Попов пришел к выводу о том, что крестьянское общество в большей степени осуждало девушку, совершившую плодоизгнание, чем родившую без брака, у нее даже меньше было шансов выйти замуж (Попов Г. С. 329). Особо строго за недопущением случаев "вытравления плода" следили в крестьянской среде Сибири. Здесь религиозно-нравственные соображения дополнялись необходимостью сохранения и увеличения численности общины: "Дети считались достоянием всей общины, и крестьянский мир делал все возможное для их сохранения, в данной ситуации прибегали к прямому надзору за забеременевшей девушкой" (Миненко, 1977. Община... С. 117).

Начавшаяся после революции активная борьба с "религиозными предрассудками", в том числе и с отношением церкви к плодоизгнанию, постепенно (в начале 20-х годов лишь как исключение) подталкивали доведенных до отчаяния бесконечными экономическими трудностями женщин к совершению аборт (разрешены с 1920 г., запрещены в 1936, разрешены в 1955 г.). Но, как признавались многие пожилые женщины, делали они это лишь под давлением обстоятельств, испытывая угрызения совести и одновременно страшась расплаты за содеянное. Большое распространение получили "вещие" сны: "Подруга моя сделала аборт. И вижу я ее во сне - стоит она, и руки у нее в смоле и все есть просит. И не стала я аборт делать. Не послушала мужа", - так вспоминала о своей жизни пожилая женщина из Тамбовской области (запись автора, 1993 г.). Еще большее хождение имели рассказы о виденных во снах загробных мучениях погубленных младенцев.

Пересказываемые друг другу эти сновидения приобретали форму устных рассказов - быличек. Они безусловно оказывали сильное эмоциональное воздействие на женщин, заставляя подчас отказываться от плодоизгнания.

Атеистическое общество, индифферентно относящееся к установившейся массовой практике плодоизгнания, рассматривая его лишь как законное право каждой женщины планировать свою жизнь и игнорируя существование каких-либо связанных с ним нравственных проблем, упростило женское восприятие "прерывания беременности". Для многих молодых женщин, обратившихся сейчас к церкви или хотя бы испытывающих интерес к религии своих предков, познающих христианские нормы жизни, безусловно вновь возникнет внутренняя проблема религиозно-нравственной допустимости избавления от плода.

Сразу после родов первой заботой родителей было, естественно, стремление сохранить ребенка здоровым и обеспечить ему жизнеспособность. Для достижения этой цели считали необходимым позаботиться не только о его телесной полноценности, но и в не меньшей степени о его душе. С первого момента своего существования рожденный православными родителями, с душой, посланной от Бога, младенец считался уже до некоторой степени приобщенным к миру Христа. И повитуха всеми своими действиями и приговорами, имеющими целью защитить новорожденного, стремилась подчеркнуть и усилить эту приобщенность. Однако ангельская младенческая душа, не очищенная еще от первородного греха и не получившая "искры Божьей", не могла считаться святой и

полностью воцерковленной - таковой она становилась лишь после крещения.

Как учила церковь, "крещение есть таинство, в котором верующий, при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца и Сына, и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую" (Катехизис). Церковный взгляд на крещение стал основой формирования народного религиозного мировоззрения.

С точки зрения русского православного человека, крещение - это второе рождение человека и, более того, это рождение собственно человека "по образу и подобию Божьему". До крещения новорожденный казался нечистым, как говорили в народе, "не крещеный ребенок - чертенок" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1411. Л. 25). Он и внешне непривлекателен: пахнет пбтом, лицо красное, тогда как после крещения и лицо у него белеет, и сам пахнет хорошо (Материалы автора. 1980-е годы. Смоленская область, Костромская область; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1768. Л. 5). Убеждение в нечистоте младенца определяло и особенности ухода за ним. Обычно до крещения не клали в колыбель, не надевали ни рубашки, ни креста, не целовали, и многие даже не кормили грудью. С точки зрения верующих, любые средства защиты новорожденного до совершения над ним таинства крещения были малоэффективны, в случае болезни ему не могли помочь никакие традиционные способы лечения, включающие обязательно заговоры с обращением к святым и молитвы. По поверьям, такого ребенка мог украсть черт или подменить его на полено, защекотать мыши-оборотни и т.д.

Трагичной представлялась участь детей, умерших неокрещенными. Они осуждены быть слепыми, по общим отзывам, "после смерти они на том свете не увидят света белого", и им не суждено увидиться со своими близкими. Жители Вяз-никовского уезда Владимирской губернии, считали, что души таких детей сидят в грязной тине, а после Страшного суда они, хотя и не будут подвергнуты мукам, так как грех лежит на их родителях, будут помещены в темное место отдельно от всех православных. По верованиям жителей Ветлужского уезда Костромской губернии, неокрещенные дети являлись своим родителям и просили, чтобы они нарекли им имя и молились за них (Архив ИРЛИ. Кол. 168. П. 2. Л. 221). Однако по правилам церкви детей, умерших до крещения и не получивших христианского имени, нельзя было поминать. Такая ситуация казалась верующим родителям слишком трагичной.

Поэтому народная религиозность допускала некоторые возможности облегчения участи неокрещенных детей в загробном мире.

По наиболее распространенному поверью, мать могла помочь своему умершему до крещения ребенку, раздав 40 крестиков детям. При этом, как уточняют современные пожилые жители села, подразумевалось, что эти крестики будут носиться. В качестве наиболее простого и надежного варианта рекомендовалось купить в церкви эти крестики и оставить там с тем, чтобы их надевали на каждого вновь окрещиваемого ребенка. Это действие приведет к тому, что "господь Бог освободит их (т.е. младенцев) из темного места посадит в светлое к крещеным". Но все-таки "играть последние с неокрещенными не будут" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 20; Д. 821. Л. 22). По мнению некоторых жителей Рязанской и Тамбовской областей, именем ребенка, получившего последний крест (естественно однополого), можно поминать и своего умершего. Другие же считали, что в данной ситуации нужно помянуть и попросить у Бога о "безымянном", а "Господь сам знает о ком идет речь". Интересно, что многие сейчас считают возможным поминать таким образом и нерожденных детей, погибших в результате выкидышей или аборт. Каких-либо соответствующих данных в дореволюционных источниках почти не встречается. По-видимому, из-за малочисленности того и другого эта проблема не была актуальной для женщин прошлого.

Между тем младенцы, умершие окрещенными, начинали ангельское существование "на престоле у Бога", Как учила церковь, "младенцы небесною радостью радуются в недрах Авраамовых, в ангельских светообразных местах". В богословской литературе

можно встретить некоторые соображения о разных степенях небесной славы умерших, в том числе и о том, что "степень блаженства младенцев не может быть высшей", так как при жизни они не боролись, не страдали за религию (Вопрос и ответ... С. 430-435). Но верующие крестьяне были уверены в том, что их невинные дети не только станут ангелами, но их молитвы за оставшихся на земле будут особенно действенными. При высокой детской смертности в дореволюционной России эта вера спасала родителей, особенно матерей, от отчаяния.

По церковным правилам, каждый ребенок, родившийся в православной семье, должен был быть крещен. Священник, допустивший смерть ребенка без совершения таинства, подвергался строгому наказанию. Еще в 30-е годы XV в. митрополит Фотий так определил обязанности священнослужителей: "Без ленности всегда и на всяк час к новорожденным детям с молитвою поспешайте и крещайте, да не умрет кое отроча без крещения, аще не поспешите, вы тех смерти повинны будете" (Поучение митрополита Фотия... С. 517). Твердой даты крещения церковь, во всяком случае в XVIII-XIX вв., не устанавливала, рекомендуя совершать таинство "в ближайшее по рождению время". Но родители сами сразу же после рождения начинали готовиться к крещению младенца. При болезненном состоянии ребенка, если позволяли обстоятельства, его крестили в день рождения. Но наиболее распространенной в Европейской части России можно считать традицию крещения на 3-й день после рождения. Обычай крещения новорожденных сохранялся и в старообрядческой поповской церкви, но таинство совершали чаще на 8-й день после рождения. Того же правила придерживались сначала и беспоповцы поморского согласия. Но постепенно различные религиозные соображения заставили их отказаться от порядка, принятого в древней православной церкви.

У русских старообрядцев, живущих в Латгалии (Заварина. С. 211) и Польше (Иванец. С. 265), предписывалось крестить ребенка только после того, как мать перестанет кормить его грудью, т.е. приблизительно через полтора-два года. Естественно, это вызывало недовольство родителей, поскольку ребенок все это время считался "поганим", а главное, как они утверждали, неокрещенного ребенка "трудно поднять на ноги", поскольку, как и все православные, они были уверены в том, что неокрещенного бесполезно лечить. Старообрядцы-поморцы Северного Урала с начала XX в. крестились чаще в пожилом возрасте, в случае болезни, дальних отъездов и т.д. В секте странников крещение совершалось перед смертью. И для православных, и для странников - крещение, несомненно, очистительный обряд. Но по взглядам православного народа и основной массы старообрядцев оно очищало новорожденного для будущего существования, у странников - для загробного блаженства.

По убеждению русских людей, таинство крещения давало надежную защиту вступающему в полную опасностей жизнь маленькому христианину. Согласно народной концепции причинно-следственных связей, определяющих земное поведение человека, от которого зависела его загробная участь, деяния каждого живущего зависят не только и не столько от его собственной свободной воли, сколько от того мистического окружения, в котором он постоянно находится. Наверное, каждый современный читатель, мало-мальски интересующийся верованиями русского народа, осведомлен о том пантеоне нечистых сил, среди которых проходила жизнь мирян. Однако как-то обычно упускается из виду то обстоятельство, что для верующих этот мир одновременно был наполнен и ангельскими силами, цель которых - направить мысли и чувства человека в положительном направлении и оказать поддержку в благочестивых делах. С того момента, как Ангел принесет душу, и до обретения ею положенного места на "том" свете жизнь человека постоянно находится в поле внимания ангелов. Это они ведут учет его добрых и злых дел (иногда, правда, считали, что в их ведении только добрые дела, а злые записывает "нечистый"), и они же провожают душу после окончания земной жизни ее "хозяина". Особенно заботливы ангелы по отношению к безгрешным младенцам. Именно младенческая невинность, неразумность позволяла им увидеть небесных посланников.

Обычно в народе считали, что если грудной ребенок беспричинно улыбается, то он в этот момент видит ангелов или играет с ними.

Согласно христианской ангелологии, поскольку Бог хочет помочь человеку спастись, он дает ему личного ангела-хранителя, являвшегося духовным другом и покровителем каждого христианина. Это учение было, по-видимому, близко и понятно религиозным представлениям народа. Народная ангелология лишь дополнила его живыми подробностями. Вот как представляют себе мистических спутников человека жители современной Тамбовской деревни: "Как родится кто, дается ангел-телохранитель и недобрый. И каждый пишет свои дела, т.е. все, что живущий делает. Недобрый радуется, как плохо что. И как человек кончается, на 40-й день все дела его приносят, на весы кладут - какая сторона перевесит. Ангел-хранитель может подправлять в течение жизни, а недобрый все время мешает" (Запись автора, 1994 г.). К ангелу-хранителю обращались постоянно. Кроме специальных молитв, входящих в молитвенники, существовало множество однотипных заговоров-молитв неканонического происхождения. Они свидетельствуют о том, что отличие "функций" ангела от прочих святых, к которым обращались по разным поводам, видели именно в его духовном наставлении и помощи: "Ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душу, сохрани мое сердце на всяк час, на всякую минуту" (Нижегородская губерния); "Ангел Божий, хранитель святой, данный мне с небес для хранения меня, усердно прошу тебя - ты сегодня просвети меня и сохрани от всякого зла" (забайкальские казаки). Ангел-хранитель обязательно призывался в молитвах на ночь.

Поскольку этот небесный покровитель постоянно находился рядом с человеком, то и вести себя следовало так, чтобы ненароком не обидеть его. Поэтому считали, что нельзя плевать направо - там ангел, а налево, где нечистый, можно; по этой же причине нельзя кидать направо соринку из глаза; замахнувшийся на кого-либо ножом лишается на три года покровительства ангела хранителя; утром не умыться лицо - грех, ангел не проснется и не будет охранять весь день; ну а когда звенит в левом ухе - значит черт спорит с ангелом о том, кому принадлежит душа. По мнению верующих, ангел-хранитель есть у каждого окрещенного человека независимо от степени его личной веры. Он обычно не обнаруживает своего присутствия в течение жизни, но может показаться перед ее концом.

По народной ангелологии, кроме личных ангелов-хранителей допускалось и существование как бы семейных ангелов, соучаствующих в жизни всей семьи. Так, по сообщениям из Владимирской губернии, некоторые хозяйки за обедом клали лишнюю ложку, полагая, что в этом случае за общим столом будет "Ангел Господень". Также считали грехом плескать за окошко воду или помой, так как там ходит Ангел (Завойко, 1914. С. 109).

Кроме того, получая при крещении определенное имя, ребенок приобретал и своего ангела покровителя - святого, в честь которого он был назван. "Свои" святые были очень почитаемы в народе. Каждый православный старался иметь дома икону с его изображением. В день ангела (именины) младенцев приносили в церковь для причащения, а взрослые в этот день сами заказывали молебен своему небесному покровителю. Часто авторы сообщений о мистических представлениях крестьян не уточняли, имеется ли в виду ангел-хранитель, ангел-святой, или же просто ангельская сила. Неполноту информации в данном случае нельзя объяснить лишь небрежностью корреспондента. Само народное религиозное мироощущение не всегда нуждалось в четкой идентификации представителей того божественного мира, в постоянном участии которого в своей жизни верующие не сомневались.

По наиболее распространенной традиции, имя выбирали по святым, при этом смотрели, празднование какого святого приходится на день рождения или крещения младенца. Обычно считали, что мальчика следует называть по имени святого, празднуемого в день рождения или ближайшие за ним дни, девочку - по дню рождения

или ближайшие дни перед ним*. Такой выбор имени признавался церковью наиболее правильным. Во второй половине XIX в. церковные правила не препятствовали родителям самим выбирать имя ребенку, единственным условием было наличие имени в православных святцах. Иногда детей, особенно первенцев, называли в честь бабушек или дедушек. Этот обычай, правда, был более распространен в дворянских семьях. Произвольному выбору имени в крестьянской среде мешала боязнь "обидеть Ангела", т.е. того святого, чей день приходился на указанные выше сроки. Более того, существовало мнение, что наименование новорожденного точно по имени, указанному в святцах на день его рождения или крещения, гарантирует ему особо надежное покровительство этого святого.

Известную роль играло и представление о том, что само имя имеет некоторое магическое наполнение, и, руководствуясь при его выборе определенными принципами, можно повлиять на жизнь и судьбу новорожденного. Поэтому называли, например, детей в честь выдающихся людей или особо удачливых родственников, считая, что вместе с именем ребенок унаследует и все качества, присущие этим людям, а, возможно, до некоторой степени повторит их жизненный путь.

Еще более очевидна магическая функция имени в тех ситуациях, когда требовалось экстренно усилить жизнеспособность новорожденного. Так, если ребенок рождался крайне слабым, почти без признаков жизни, ему сразу же нарекали имя, причем девочке давали имя матери, мальчику - отца. Если же он появлялся на свет и вовсе бездыханным, окружающие сразу же приступали к процедуре его "оживления". Наиболее распространенным и действенным считалось "открикивание" младенца. Заключалось оно в том, что повивальная бабка, а вслед за ней и все при-

* В народе указанный порядок имянаречения в отличие от произвольного назывался "дать имя по святцам".

существовавшие выкрикивали имя отца (реже отца и матери). Эти действия дополнялись и известными способами приведения в чувство: похлопыванием, окуриванием горящими предметами, выделяющими при горении резкий запах.

В Пензенской губернии, в частности, "если ребенок замерши родился, бабка возьмет, откроет трубу, его туда пихает, по заду хлопает и выкликает по имени мужа. Еще зажигает петушиный хвост и им ребенка окуривает" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1379. Л. 4.). В Тверской губернии бабки непременно зажигали синюю крашенинную тряпку. «И тряпку эту то гасят, то зажигают, все это под носом младенца, которого держат вниз лицом, качают шибко, приговаривая: "жива дзиця, жива дзиця" и так полчаса и более» (АРГО. Разряд 41. Оп. 1. Д. 46. Л. 18 об.). В Болховском уезде Орловской губернии повитуха жгла под носом младенца простую бумагу, приговаривая: "жив Господь на небесах, жива душа в теле" и так до трех раз, при этом добавляла имена отца и матери "Семен! Агафья!" также три раза. После чего ребенок должен был непременно ожить (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 948. Л. 3; Д. 1453, Л. 21).

Эти приговоры были продиктованы, по-видимому, теми соображениями, что душа, принесенная ангелом зачатому младенцу не может "ожить" при рождении или же благополучно соединиться с телом, что необходимо для жизни (равно как смерть рассматривалась как выход души из тела). Употребление же хвоста петуха для окуривания связано с верой в способность петушиного крика отгонять нечистую силу, без козней которой здесь, конечно, не обошлось. Что касается имен родителей, то, видимо, предполагалось, что само произнесение их таинственным образом поможет младенцу. Это казалось тем более вероятным, что родителей и детей, как полагали русские, связывали не только кровные, но и магические узы (об этом свидетельствуют, например, вера в неотвратимость наказания вследствие родительского проклятия, рассказы о

чудодейственной силе родительских, прежде всего материнских, молитв). Эта связь казалась особо ощутимой в тот момент, когда лишь начиналась самостоятельная жизнь новорожденного. Но была, несомненно, и иная причина обращения к именам родителей - это надежда и, более того, уверенность в помощи соответствующего святого. Для новорожденного это было тем более важно, что он не имел еще своего имени и, следовательно, своего святого покровителя.

Соотнесенность имени с днем определенного святого давала крестившемуся человеку столь необходимую ему поддержку и покровительство в земной жизни. Такова была позиция православных и большинства старообрядцев. Иным было представление о значении имянаречения у старообрядцев-странников, совершавших крещение перед смертью, а также у старообрядцев-беспоповцев, отказавшихся от крещения новорожденных. В секте странников имя давалось при рождении, при этом также руководствовались святыми, ориентируясь на день рождения. Но перед смертью при крещении имя менялось и окрещенный человек, таким образом, не отвечал за поступки того, кто носил другое имя. Окрещенный в случае угрозы смерти в детстве и выживший оставался жить "в миру", имея два имени. Обычная жизнь шла под именем, данным при рождении, а в религиозной жизни он "числился" под вторым именем. Крестильное имя оставалось как бы "чистым", под ним он должен был отправиться в загробный мир. В молитвах о здравии при жизни и заупокойных упоминалось лишь его крещеное имя (На путях... С. 272).

Наречение имени по святым приводило иногда к тому, что в одной семье оказывались дети с одинаковыми именами. Церковные инструкции рекомендовали избегать этого, в народе считали, что одноименность может привести к дурным последствиям, "повлечь смешение судьбы новорожденного с судьбою другого лица", и, более того, к смерти одного из детей.

Следующим важным шагом в подготовке к крещению был выбор крестных родителей — кумовьев. При совершении таинства они выполняли двоякую роль: религиозно-магическую (отрекались за окрещиваемого от дьявола*, вводили его под покровительство христианских святых) и социально-религиозную (приобщали крестника к православной общине). Исполнение обрядовых функций создавало новые взаимоотношения между восприемниками, их крестниками и родителями крестников. Эти отношения назывались церковью духовное родство, по народной терминологии, кумовство.

Судя по записям в метрических книгах и описательным этнографическим материалам, у русских, как правило, к одному окрещиваемому приглашали крестного и крестную. В северных и северо-восточных губерниях более распространен был обычай приглашать к мальчику крестного (или обоих крестных), к девочке - одну крестную. Как единодушно считают историки церковного права, представление о необходимости двух восприемников первоначально появилось в народной среде по аналогии с парой плотских родителей и затем повлияло на церковный обряд. Еще в документах XIV-XVI вв. указывалось: "...егда же крещение творите, кум бы был один для мужьска полу, а у женьска полу кума едина, а по два кума не было" (Листова, 1991. С. 39; см. также: Булгаков, 1913. С. 988). Но поскольку логика народного религиозного восприятия крещения требовала приглашения пары крестных, церковь, признавая лишь одного восприемника - одного пола с окрещиваемым, не чинила препятствий к приглашению обоих крестных родителей.

Лица, связанные духовным родством, не могли вступать между собой в браки. Церковное законодательство после XVII в. значительно сузило круг лиц, связанных брачными запретами. В результате в конце XIX в. официально были запрещены лишь браки между восприемником и матерью его крестника и восприемницей и отцом крестницы (Булгаков, 1913. С. 1875). Народная же традиция намного расширяла круг лиц, на которых распространялось духовное родство и соответственно брачные запреты. Браки запрещались не только между крестными родителями и крестниками, но и между

кумовьями. Запреты распространялись и на второе поколение. По народным представлениям духовными родственниками - "подкрестовыми", "крестными" братьями и сестрами - становились крестники и дети крестных и крестники, имеющие общих крестных. Существующие брачные запреты обязательно учитывались при выборе молодежи в приемники, поскольку впоследствии они не смогли бы вступить в брак. Особенно строгими были запреты среди старообрядцев, стремившихся сохранить церковные правила, существовавшие до реформы Никона. Чтобы не создавать препятствий к браку, иногда разрешалось одному лицу крестить лишь детей одного пола.

Отношения духовного родства в народной традиции исключали не только взаимные браки, но и внебрачные отношения. Поскольку духовное родство приравнивалось к плотскому, то и интимные связи между духовными родственниками считались кровосмешением: "Ведь кум с кумою, - рассуждали крестьяне, - стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца и отрекались за него от сатаны, а вместо того они сами идут в лапы сатаны и младенца туда тащат, прямое дело, что грех непрощенный, потому как оскверняет невинного младенца" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1815. Л. 7. Ярославская губерния).

Кумовство как система взаимоотношений включало определенные нормы поведения в быту. По общим отзывам, среди лиц, связанных духовным родством, "замечается большая сдержанность и уважение". Как обязательный элемент отношения кумовства включали взаимопомощь: приемники и родители крестника помогали друг другу в работе, обращались по-родственному в случае нужды

* Еще в XVII в. иностранцев поражали то чувство ответственности и степень веры, которые руководили при этом действиями приемников: «При вопросе, отрекаются ли за дитя от сатаны - "Да", - говорят кумовья и плюют с большим отвращением на пол при всяком слове священника с такой ревностью, как будто на него самого (дьявола) плюют» (Алмазов. С. 25).

По обычаю кумою посещали друг друга в большие праздники, прежде всего на Пасху. В этот день крестные родители обязательно одаривали своих крестников крашеными яичками, а родители крестников в свою очередь несли подарки крестным. Крестные родители были обязательными участниками всех праздников в доме своих крестников. "Боже упаси, - писали очевидцы, - если кто отправит какой-нибудь семейный праздник, не пригласив кумовьев, это уже толчок к разрыву, да и соседи смотрят на таких недружелюбно" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1538. Л. 10). Особая роль отводилась крестным на свадьбе крестников. Независимо от традиций свадебного обряда, они всегда наиболее почетные участники. Крестные благословляли жениха и невесту вслед за родными родителями и выполняли роль посаженных отца и матери. Крестные выступали и как самостоятельные свадебные чины, например, на севернорусской свадьбе крестный отец - тысяцкий.

По народным воззрениям, между покумившимися семьями не должно было быть ссор, которые рассматривались как великий грех. Детей воспитывали в духе особого уважения к крестным родителям. В народе, как отмечали очевидцы, признают трех матерей: родную, крестную и мать-сыру землю. По глубокому убеждению русских людей, "грех непрощительный обидеть крестных. Бог счастья не даст".

Выбирали крестных родители ребенка в соответствии с собственным желанием и местными традициями (Листова, 1991. С. 37-50). Часто приемников или хотя бы одного из них выбирали из числа родственников, особенно при крещении первых детей. Одна из причин - доверить приемничество наиболее близким людям. Совпадение

духовного родства с кровным служило надежной гарантией заботы о крестниках впоследствии. Кроме того, таким образом можно было избежать сужения круга брачных связей, совместив духовное родство с плотским. Поэтому, например, у старообрядцев Западного Причудья неженатых молодых людей приглашали в крестные только в семьи родственников (Рихтер. С. 218).

Согласно церковному праву второй половины XIX в. восприемниками ребенка не могли быть лишь его родители. Народная же традиция распространяла этот запрет и на другие категории лиц. По обычаю, в крестные не приглашали мужа и жену, поскольку, по представлениям верующих, супружеские отношения не могли совмещаться с отношениями духовного родства. Из возможных восприемниц исключались женщины в период месячных очищений. И по народным, и по церковным представлениям, женщина в это время считалась нечистой. Некоторые запреты, существовавшие в народной практике, были вызваны к жизни сугубо суеверными соображениями: запрет приглашать к восприемничеству беременную женщину (возможна последующая смерть одного из детей - окрещиваемого или ожидаемого), запрет взаимного восприемничества детей друг у друга - "дети расти не будут", более того, некоторые полагали, что в этом случае "вроде и расхристились, вроде и не кумы теперь".

Церковное учение о крестных как вторых родителях привело к появлению ряда суеверных представлений о воздействии на крестников или же прямом наследовании ими тех или иных качеств крестных родителей. Поэтому, например, избегали приглашать лиц с физическими или нравственными недостатками или "недовольных умом".

С представлением о возможности повлиять на судьбу ребенка, выбрав определенного крестного (крестную), связаны и некоторые обычаи выбора кумовьев в тех семьях, где дети часто умирали. Один из распространенных вариантов — выбор крестных, носящих те же имена, что и родители новорожденного, и, более того, названных в честь тех же святых* (т.е., как говорили, "имеющих одних

* Напомним, что одно и то же имя могли носить различные святые и каждый крещеный обычно знал, в честь какого святого он назван и в какой день празднуется его "день ангела" - именины.

ангелов"). Как и в приведенных выше примерах наречения младенцев именами родителей, и в данном случае сказывалось желание усилить покровительственную роль ангелов над безымянным еще ребенком. Еще более распространен был обычай приглашать в этих случаях первых встретившихся в день совершения таинства лиц или нищих. Таких кумовьев народ почитал "Божьими кумами", т.е. посланными от Бога для приведения к нему младенцев, которые после этого находятся под особым покровительством Божьим.

Большое значение при выборе крестных имела репутация человека, оказываемое ему уважение. На крестных родителей смотрели как на духовных наставников, помощников в воспитании детей. Им полагалось учить крестников грамоте и молитвам. Общественное мнение признавало их право вмешиваться в воспитание крестников, применяя различные меры. Кроме того, крестные в случае необходимости часто брали на себя и крайне важную в крестьянской жизни заботу о практическом обучении крестников-сирот крестьянским работам, брали их к себе в дом, оказывали экономическую поддержку.

С момента совершения таинства крестные родители становились как бы посредниками между крестниками и миром святых. Именно поэтому их молитвы за своих крестников считались наиболее действенными, иногда им придавалась даже большая сила, нежели молитвам родной матери.

По установившейся у русских традиции, крестная мать на крестины приносила кусок

белой материи, на который клали окрещенного - ризки (по аналогии с ризами, в которые завернули Христа), или прием. Крестный отец платил за совершение таинства, он же обычно дарил крест - символ веры и защиту от всякой нечисти, недаром в Архангельской губернии нательный крест называли чертогоном*. У старообрядцев на окрещиваемого обязательно надевали и пояс. После совершения таинства крест, как и пояс, никогда не снимали, за исключением мытья в бане, считавшейся нечистым местом. Нательные кресты различались по форме не только у различных христианских народов, но и у последователей единой в прошлом православной церкви. Старообрядцы, особенно странники, признавали лишь свои кресты, изготовленные мастерами-одноверцами. Крест был постоянным видимым знаком принадлежности человека к определенной христианской церкви. Не только в средневековье, но и до нынешнего столетия в привычном для человеческого мышления делении на "своих" и "чужих" конфессиональная общность имела огромное, а в некоторых ситуациях решающее значение. В таких случаях крест служил единственно надежным признаком конфессии. Постоянное ношение его для русского человека было обязательным и естественным. Отсутствие его заставляло считать, что над данным человеком не было совершено таинство крещения, т.е. он не принадлежит к православной вере. По сообщениям иностранцев, посетивших Россию в XVII в., "все ходят с крестами, а если найдут умершего без креста, то его не хоронят" (видимо, не хоронят по православному обряду. - Авт.) (Алмазов. С. 25). При встрече с незнакомым, нездешним человеком обращали внимание на то, какой на нем крест. По нательному кресту отыскивали своих на поле брани (если не было других надежных определяющих признаков). Выражение "креста на тебе нет" имело в виду не реальное отсутствие нательного креста, а явное попрание тех норм христианской морали, которым должен следовать крещеный человек.

Можно сказать, что религиозно-нравственные представления, о которых шла речь, были присущи всем слоям русского общества, хотя и не столь сильно влияли

* И все же постоянное ношение нательного креста не считалось достаточной защитой от сатаны. Поэтому прибегали к частому "ограждению" себя крестом, т.е. крестились рукой, а также крестили свое жилище, скот, предметы питания и т.д. Как говорили в народе: "Крест Христов, крест хранитель, крест царям держава, ангелам слава, дьяволам изъяна" (Логиновский. С. 108).

на мировоззрение и характер поведения, как это было в крестьянстве - наиболее религиозном классе России.

В некоторых местах существовали и специальные обряды приглашения кумовьев. Так, например, в Ельнинском уезде Смоленской губернии отец ребенка, отправляясь к выбранным на домашнем совете лицам, брал с собой круглый ломоть хлеба и пирог. Ломоть этот отрезался вокруг всей ковриги со словами: "Дай Бог, чтобы ребенок был так же полон, как этот хлеб". В западной части Смоленской губернии более принятым было отрезать от хлеба две горбушки, если родился сын, или два ломтя, если новорожденная - девочка. Хлеб заворачивали в полотенце и при приглашении дарили будущим восприемникам с просьбой "принять хлеб-соль и ввести младенца в хрещоную веру". При приглашении, даже если оно было длительным, отец не должен был садиться - чтобы ребенок долго жил и не был "сиднем" (АРГО. Разряд 38. Оп.1. Д. 19. Л. 6-7). В Коротоякском уезде Курской губернии отец приносил будущим восприемникам свой хлеб-соль и выкладывал их на стол, согласившиеся стать восприемниками этот хлеб забирали и давали отцу свой (Архив РАН. Ф. 849. Оп. 1. Д. 269. Л. 591).

Традиции кумовства в русской деревне, а в значительной степени и в городах, несмотря на нарушение регулярной религиозной жизни, никогда полностью не

прерывались. Сохранялось представление об особом, духовном характере родства, взаимное уважение и помощь. В сельской местности, во всяком случае до недавнего времени, предпочитали приглашать в восприемники своих родственников. Причина этому - и нежелание ставить в известность посторонних лиц, и боязнь обидеть родню. Соблюдаются и некоторые запреты в выборе крестных, причем молодежь, незнакомя часто со старыми обычаями и склонная относиться ко многим из них довольно скептически, в данном случае прислушивается к указаниям старших.

В день крещения главными действующими лицами становились повивальная бабка и крестные родители. Прежде всего, бабка мыла ребенка, затем клала его в святой угол под иконы на вывернутую мехом вверх шубу, что должно было обеспечить ему счастливую и богатую жизнь - "да будет она обильна так же, как обильна волосом постель его" (аналогично для обеспечения плодородия и богатства на шубу сажали жениха и невесту).

В целях магической защиты (ведь ребенок еще не окрещен) его заворачивали в отцовскую или материнскую рубашку (смотря по полу новорожденного), в рукав которой иногда клали кусок хлеба - как оберег. В Поречском уезде Смоленской губернии при отправлении в церковь повивальная бабка, отрезав от целой булки крайчик и посыпав его солью, отдавала куме со словами: "Когда поедете через реку, на речке остановите коня на минуточку, обведи своею правою рукою краюшецкою вокруг головы маленького три раза и брось этот крайчик у реку" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1628. Л. 3).

Перед отправлением в церковь стол застилали скатертью, клали на него хлеб-соль, все присаживались (но не у печки, которая в подобных обрядовых ситуациях часто считалась знаком "к печали"). Помолившись, повитуха обращалась к родителям и всем домашним: "Простите и благословите младенца на святое крещение", - и отдавала его крестным.

Родители ребенка, по общепринятому у русских обычаю, в церкви при крещении не присутствовали. Мать ребенка не могла там находиться в силу сакральной послеродовой нечистоты, продолжавшейся до очистительной молитвы (40-й день после родов). Эта нечистота до некоторой степени распространялась и на отца, хотя церковные правила никоим образом не ограничивали его поведение. Традиция отсутствия его в церкви объяснялась скорее логикой восприятия православным человеком таинства крещения: поскольку это духовное рождение, то естественным казалось и то, что кровный отец должен уступить место духовному. Бывали и случаи совершения таинства дома, хотя церковь допускала подобные отступления от правил лишь в исключительных случаях. Это случалось в селениях, отдаленных от церкви, а также в богатых домах. Перед приходом священника дом готовили -мыли, чистили, зажигали свечи. Роженицу уводили в отдельное помещение.

Воду для крещения, по распространенной традиции, приносил восприемник, причем ни в коем случае не на коромысле - чтобы ребенок не был горбатым. Приносили обязательно два ведра, даже если было достаточно одного, - для будущего материального довольства младенца. В православной церкви воду, особенно в холодное время, подогревали. У старообрядцев этого обычно не делали: зимой ребенка погружали в холодную воду, часто даже с нарастающим полностью льдом. У старообрядцев-поморцев и у странников крещение положено было совершать в реке. В виде исключения крестили в деревянной кадушке.

Критики старообрядческих порядков (по материалам Северного Урала) неоднократно обращали внимание на то, что погружение в ледяную воду больных у старообрядцев-поморцев нередко приводило к их кончине. Наши полевые материалы не позволяют сказать что-либо о вредном влиянии на здоровье водной процедуры обряда. Более того, психологическое воздействие таинства на верующего человека было столь велико, что он мог и не чувствовать холода. Одна крестившаяся в феврале старушка-поморка признавалась, что, пройдя 5 метров до проруби нагой и троекратно окунувшись в ледяную воду, она не только не замерзла, но и не почувствовала температуры воды: "Вроде так всегда, когда крестишься. Бог дает воду потеплее" (Пермская губ.). Правда и среди

православных встречалось убеждение, что ребенок, погруженный в подогретую воду, бывает "хилей, чем погруженный в холодную". Так, из Тамбовской губернии сообщали, что «на подлитие в зимнее время в купель в холодную воду со льдом теплой смотрят и доселе некоторые как на нововведение, не совсем благоприятное для здоровья крещающихся. "А как же, кормилец, Христос-то батюшка крестился, в кою пору?" Объяснения, что Иисус Христос при крещении был уже не двух-трехдневный младенец, а 30-летний муж, что Спаситель крестился в стране, где таких, как у нас, холодов не бывает, не совсем удовлетворяют совопросников» (Спасский). По-видимому, и в данном случае старообрядцы придерживались практики дониконовской церкви, во всяком случае в XVII в., по отзывам иностранцев: "Русские никогда не употребляют теплую воду, как бы ни было холодно, если только дитя не очень слабо и болезненно" (Алмазов. С. 25).

После крещения освященную воду выливали в такое место, где ее бы не "затоптали, не осквернили" ни люди, ни животные, - в проточную воду, в огород, если крестили дома - на землю под божий угол или в огород. Эту воду, как особо святую, повивальные бабки брали с собой для лечения детей. Существовал и иной взгляд на крестильную воду. По наблюдению Е.Н. Харузиной, "вода после купели считается поганой (поскольку в нее погружали некрещеное дитя. - Авт.), и ее выливали в озеро (Харузина, 1906. С. 83). Это представление характерно для старообрядцев разных толков, твердо придерживающихся правила древней православной церкви сменять воду при крещении нескольких детей одновременно, ссылаясь на правила, существовавшие в православной церкви до раскола.

Отношение к крещению как ко второму, основному рождению привело к возникновению многочисленных примет, суеверий, магических действий, позволяющих судить о будущем ребенка и даже определенным образом повлиять на него. По общему убеждению, о жизнеспособности младенца можно было судить по его поведению во время совершения таинства. Например, считали, что ребенок, скорчивший в это время ноги, будет счастлив (вариант - будет жить). Обязательно смотрели, утонет или нет шарик из воска с отрезанными волосиками ребенка (отрезание волос - один из элементов чинопоследования таинства). Любые ошибки исполнителей обряда, по суеверным представлениям, могли навсегда испортить жизнь новорожденного. Подала ли крестная священнику неправильно (наизнанку) сложенную крестильную рубашку или вдруг священник по ошибке помазал миром сначала левую ногу младенца - ничего хорошего в будущем от ребенка не жди - "не пойдет он по заповедям Господним" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1411. Л. 20).

По возвращении домой крестные со словами: "Вы нам вручили сие дитя молитвенное, примите же окрещенное", - сообщали имя и вновь клали в красный угол на шубу. Туда же иногда клали и несколько монет - к будущему богатству.

Крестильную рубашку берегли. Иногда считали, что, если рубашку, в которой крестили первенца, надевать на всех последующих детей - они будут жить в любви и согласии {Коринфский. С. 672). Некоторые сберегали ее с далеко идущими целями: вырастет дочка, наденет свою крестильную рубашку на всех новорожденных детей и этим одарит их здоровьем (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1561. Л. 14).

Вслед за крещением дома устраивали обед - крестины, кресьбины. При рассмотрении народных представлений и обрядов, связанных с крещением и крестинами, очевидным становятся то глубокое не только религиозное, но и общественное значение, которое имел факт совершения таинства. В самосознании русских крещение воспринималось одновременно и как конфессиональный, и как этнический признак. Определения православный, крещеный, русский употреблялись как синонимичные по значению. Кроме того, крещение и крестины - это и принятие новорожденного в ту конкретную социально-конфессиональную общность, в которой ему предстояло жить - православную общину. Крестильный обед и в XIX - начале XX в. сохранял черты не только семейно-родственной, но и общинной трапезы. В некоторых местах существовал обычай, помимо широкого круга родных, знакомых, соседей, приглашать и всех однодеревенцев, хотя приходили,

как правило, только наиболее близкие.

Традиции крестильного обеда в разных регионах Европейской России несколько различались. Для крестильной трапезы северных губерний не была характерна та насыщенность магическими, ритуально-игровыми действиями, которая отличала праздник крещения ребенка в южных, западных и центральных губерниях. Но в любом месте России в этот день гости собирались с целью поздравить родителей, пожелать новорожденному долгой счастливой жизни, поэтому и вся трапеза была проникнута духом, если не всегда веселья, то уж обязательно доброты и всеобщей благожелательности и к ребенку, и к хозяевам дома. Желая новорожденному здоровья, зажиточности, многодетности, присутствующие руководствовались, конечно, в первую очередь чисто человеческими добрыми чувствами, но не забывали при этом о том, что новорожденный - новый член общины, а благополучие общины в целом зависело от хозяйственности и достатка каждого общинника.

Крестильный стол не сверкал таким изобилием еды, как свадебный, но угощали всегда сытно, кушанья готовили как на праздник. Центральное место на крестинах и по насыщенности магическими и игровыми действиями, и по значимости в народном сознании занимали обряды со специальным ритуальным кушаньем - так называемой бабиной кашей, которую готовила или хотя бы подавала на стол повитуха. Как писали, "обязательно на крестинах каша, без которой крестины не имеют того значения, какое придает им со внесением каши на стол" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1643. Л. 6). По словам корреспондента из Владимирской губернии, обычай подавать кашу на крестинах породил поговорку "Я ел кашу на твоих крестинах", употреблявшуюся в тех случаях, когда старшие хотели что-либо поставить младшим в упрек вместо слов "ты еще молод, не тебе учить меня" (Владимирские губернские ведомости. 1844. № 481).

Уже само появление каши сопровождалось шутками и обрядовыми действиями. Подходя к столу, бабка кланялась гостям и говорила: "Здравствуйте Вам, еду с города, запозднилась, пустите меня на ночь", или же: "Здравствуйте, гостики честные, кумушки любезные. Бабушка идет, кашку несет". Иногда горшок с кашей ставили на полотенце, постеленное на веко - крышку хлебной дежи, и так подавали на стол, надевали на него войлочный колпак (АРГО. Разряд 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 14); на горшок клали полотенце, пироги. Русская обрядность дает массу приговоров, пожеланий, магически игровых действий с кашей, назначение которых - обеспечение жизнеспособности и здоровья новорожденному, и кроме того, поскольку рождение ребенка воспринималось как одно из проявлений животворящей силы природы, и всему живому на земле. Эти приговоры, пожелания, характерные для магии плодородия, сближали праздник рождения ребенка с аграрными праздниками. Так, например, поднимая горшок с кашей, повитуха произносила: "Водись на полоке (кровати) ребятки, под полоком телятки, под печкой поросятки, на полу цыплятки. А мой внук расти высоко-высоко" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 970. Л. 41) или "Сколько всего в торгу, столько бы было в этом дому: хлебушко бы родился, скоток водился, а младенец велик рос и счастлив был" (АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 46. Л. 16 об.).

Разнообразные магически игровые действия с кашей, в основном имитационного характера, должны были обеспечить здоровье и положительные качества новорожденному. Так, например, когда повитуха вносила горшок, то все гости вставали с шумными криками "ура" и три раза поднимали и опускали стол, выражая пожелания, чтобы новорожденный так же высоко рос, как поднимается стол (АРГО. Разряд 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 17). С той же целью пироги клали на полку, и крестные должны были достать их, при этом бабка приговаривала: "Ну, кумовья, достаньте пироги с поллицы, чтоб Ваш крестник большой вырос" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 53. Л. 9). В других местах повитуха брала со стола горшок каши и три раза поднимала его над головой, а отец ребенка или крестный одновременно поднимали колыбель с ребенком (АРГО. Разряд 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 14), а кума - ребенка к иконам. При троекратном поднятии каши - очень распространенном

обрядовом действии, обычно приговаривали: "Дай Господь пировать у новорожденного под венцом, как теперь пируем под крестом", "Дай Бог нашему новорожденному расти высоко, быть здорову и счастливу". По качеству ритуального кушанья гадали о будущем развитии ребенка. Так, например, придавливали ложкой кашу в серединке и "по поднятию каши определяли скорый или медленный рост ребенка" (РГИА. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 20. Л. 40).

Шутки и смех сопровождали распространенный у русских обычай кормить отца новорожденного испорченной кашей, добавляя в нее различные малосовместимые компоненты и обязательно соль, иногда просто смешивали кашу пополам с солью. Подавая это блюдо отцу приговаривали: "Кушай, да знай, горько ли, сладко ли было жене родить". В этом шуточном кормлении усматривали отголоски древнего обычая кувады.

Вслед за тем начиналось угощение бабкой всех присутствующих этой кашей - "продажа каши". Со словами: "Кашка на ложки, новорожденному на ножки", -повитуха просила денег "за повой". Все присутствующие с шутками платили за кашу небольшую сумму, больше всех - крестные родители новорожденного. Эти деньги составляли основное вознаграждение повитухи. Сбор денег, как и все действия с кашей, происходил обычно в обрядово-игровой форме. Например, на пирог, покрывавший горшок с кашей, повитуха клала шапки всех присутствующих, а выкупивших угощала кашей (АРГО. Разряд 38. Оп, 1. Д. 19. Л. 19). В некоторых местах вместо каши при сборе денег бабка подавала какое-либо иное кушанье. В Зарайском уезде она обносила гостей сладким пирогом со словами: "Поздравьте меня дорогие гости, мне Бог внучка (внучку) послал" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 8). Иногда часть полученных денег повитуха, по обычаю, отдавала роженице.

Но чаще в тех местностях, где было принято собирать деньги не только в пользу повитухи, хозяева ставили кашу или пироги от себя и также в шутливой форме продавали.

В западных и южных губерниях России горшок с кашей принято было разбивать, причем и в этом случае в каждой местности был свой обычай. На западе Смоленской губернии кум должен был бросить горшок так, чтобы он разбился вдребезги с первого раза и каша "выбросилась на стол" - это считалось хорошим предзнаменованием для будущей жизни ребенка. А в Курской губернии все сидящие за столом били горшок по бокам ножом до тех пор, пока он не обивался, при этом круто сваренная каша оставалась нетронутой (Зеленин, 1915. С. 663). Обычно считалось, что горшок нужно разбить в присутствии младенца, чтобы приучался быть хлебосольным хозяином.

На крестинный обед спешили дети со всей деревни. С шуточными угрозами "выкинуть ребенка", "в крапиву посадить" требовали себе крестинной каши. В некоторых местах повитуха просто выносила им каши с просьбой не обижать будущего товарища и угощала на улице. В других - детей сажали за стол после взрослых. В некоторых губерниях, как, например, в Нижегородской, дети были не только полноправными участниками праздника, но, по наблюдениям очевидцев, "весь обед устраивается для восприемников, а особенно для маленьких детей, от умеющих ходить до 7-8 лет; они садятся на кутник (красный угол. -Авт.), больше мальчики, если родился мальчик, и девочки, если родилась девочка, и их угощают обедом" (Зеленин, 1915. С. 770). Дети - обычные исполнители обрядовых действий с петухом и курицей, связанными, как и обряды с кашей, с магией плодородия. Так, в Тверской губернии маленькие дети, получив кашу, выбегали на улицу ловить петуха или курицу (смотря по полу новорожденного это делали мальчики или девочки, по тому же принципу выбирали петуха или курицу), клали в чашку из-под каши клювом кверху, приносили в избу и ставили на стол, желая, "чтобы дите начало бегать скорее, было проворным и рано начало петь". В Краснинском уезде Смоленской губернии дети точно так же сажали петуха или курицу (смотря по полу новорожденного) на высокое место - "чтобы новорожденный был высок", кормили птицу обрядовой кашей. В Гжатском уезде той же губернии дети пускали петуха через окно с криком: "Бабка, бабка, вот тебе петуха, а нам давай каши, избу повалим, младенца раздавим". Бабка через окно

подавала им кашу.

В знак установления новых отношений - духовного родства, весьма почитаемого в народе, восприемники делали в конце обеда друг другу подарки - "кумились". Подарки немудреные — платок или полотенце от кумы, платок или несколько монет от кума, но форма дарения обязательно и шуточная, и уважительная одновременно. Обмен подарками заканчивался троекратным целованием восприемников.

Потихоньку веселье кончалось. Гости поздравляли родителей с сынком или дочкой, кумовьев с крестником или крестницей, повитуху с внуком или внучкой и с последними шутками и благожеланиями расходились. А маленький христианин под защитой своего Ангела и всех христианских святых начинал полноправную жизнь нового члена семьи, общины и всего огромного православного мира.

Таинство крещения никогда не уходило из жизни русского народа. Точной статистики количества крещений в годы советской власти нет, так как во избежание неприятностей население различными путями обходило установленный порядок регистрации. В сельской местности эта цифра выше, чем в городах. Однако и здесь многое зависело от приверженности населения традиционной культуре, в том числе и в религиозном поведении, от влияния старшего поколения, отдаленности церкви и авторитета местных церковнослужителей, позиции местных властей и т.д. Даже не считающие себя верующими родители предпочитали крестить своих детей в надежде обеспечить им тем самым здоровье и благополучие. И все же главной причиной сохранения обряда можно считать воспитанное веками осознание своей исконной принадлежности к православному миру.

Для русского человека воцерковленность или хотя бы ее необходимое условие - принятие крещения всегда казались не только церковной традицией, но и сугубо этнической и, более того, как бы "природной", передающейся по наследству. В современной деревне очень часто можно услышать; "Деды были крещеные, и мы крещеные, не нам менять", - и даже такие объяснения своей приверженности к совершению таинства: "Мы старых не хуже, мы тоже крещеной кости" (Рязанская область, 1995 г. Материалы автора). Можно твердо сказать, что в данном случае религиозная традиция, игравшая столь важную роль в духовной культуре народа, не была прервана. Об этом свидетельствует и активизация религиозной жизни в целом, и современная практика массового крещения не только детей, но и не крестившихся в прошлом взрослых. Как и прежде, хозяева в соответствии со своим достатком устраивают дома обед по случаю крещения с приглашением кумовьев, родственников, друзей. Но, к сожалению, какие-либо обрядовые действия, столь характерные для этого застолья в прошлом, почти отсутствуют. Здесь сказывается и естественный ход событий (например, исчезновение обрядовых действий, связанных с "бабьей кашей"), и постепенное забвение обрядовых традиций, поскольку в течение длительного времени совершение таинства предпочитали не афишировать и, следовательно, соответствующего домашнего праздника не устраивали.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Появление старообрядчества связано с реформой патриарха Никона, направленной на исправление богослужебных книг, которые, по объяснению ряда церковных историков, пестрели ошибками и нелепостями, так как переписывались от руки не всегда грамотными переписчиками, зачастую не понимавшими смысла текста. Исправлению подлежала и обрядность церковных служб, приобретшая за счет влияния местных традиций значительные различия с греческой православной обрядностью. По мнению этих авторов, реформа Никона была прогрессивной, ибо ставила целью покончить с невежеством религиозной жизни, пострадавшей от общего упадка культуры на Руси за века татаро-монгольского владычества, а не приняла реформу косная часть общества, противодействовавшая новшествам в силу неспособности понять необходимость перемен.

Однако такое освещение причин раскола по меньшей мере поверхностно. Никон обладал не более широкими взглядами на смысл и значение обрядности, чем его противники, ошибочно "смешивая обряд с догматом. Во многих работах, посвященных истории старообрядчества, высказывается удивление по поводу того, как смогли незначительные исправления, например новое написание Иисус вместо Исус, изображение четырехконечного креста вместо восьмиконечного и т. д., стать питательной почвой для мощного социально-религиозного течения. Для многих церковных историков это основной аргумент, позволяющий упрекнуть старообрядцев в консерватизме и темноте. Но церковь и государство сразу же заняли исключительно непримиримую позицию, не допускающую компромиссов и послаблений в отношении противников реформы. О том, что церковь сама ожесточила и отдалила от себя старообрядцев, ясно говорит "клятва" на старые обряды, отмененная Поместным Собором православной церкви только в 1971 г. Вплоть до второй половины XVIII в. репрессии оставались типичной правительственно-церковной акцией против старообрядчества. Как только политика правительства смягчается (время Екатерины II), слабеют оппозиция и фанатизм раскола. Таким образом, история старообрядчества теснейшим образом связана с историей русской церкви и Российского государства в целом.

Внешняя канва событий, связанных с началом раскола, выглядит следующим образом. Никон, выбранный патриархом в 1652 г., в 1654 г. на церковном Соборе в присутствии царя получил благословение на исправление церковных книг. Уже через год очередной Собор утвердил к печати текст исправленного служебника; еще через год Собор провозгласил проклятие на двуперстное крестное знамение. Действия Никона вызвали протест ряда представителей высшего духовенства, заявивших о своем несогласии с исправлением книг даже в специальном прошении на имя царя. Никон выслал противников из Москвы, но это только усилило недовольство реформой. Из разных мест России к царю поступали челобитные против новшеств, вводимых патриархом. Тем не менее Собор 1666 г. официально признавал исправление книг и обрядов правильным. Следующий Собор 1667 г. утвердил постановление прежних Соборов об исправлении книг и проклял противников реформы, поставив их тем самым вне церкви. Наиболее видные защитники "старой веры" были отправлены в ссылку.

Сопrotивление новшествам приняло более ожесточенный характер. Соловецкие монахи открыто отказались принять реформу и писали царю, что лучше умрут за веру. Алексей Михайлович послал военный отряд; в 1676 г. монастырь пал, дав расколу мучеников. Мучеником стал и сожженный в 1681 г. протопоп Аввакум, автор ряда сочинений, в которых допущены непочтительные выпады не только против Никона и реформы, но и самого царя. Далее активная борьба за "старую веру" знаменуется выступлением стрельцов, поддержавших противников религиозной реформы, и заговором боярина Хованского (1682 г.), который пытался использовать бунт стрельцов и движение

раскольников как силу, способствующую ему захватить трон. Старообрядцы приняли участие и в крестьянской войне под предводительством СТ. Разина (1667-1671); среди лозунгов разинского восстания фигурировала и "старая вера".

Хованщина была последним открытым выступлением приверженцев старины против государственной власти, и провал стрелецкого бунта показал, что меряться силой с государством бессмысленно. Оставался лишь один выход - отмежеваться от него.

Упорство обеих сторон - церкви и старообрядческой оппозиции - в нежелании найти общий язык в течение более столетия после реформы Никона может быть понято только на фоне событий, определявших развитие русского государства и роли церкви в нем. Вслед за перестройкой государственного аппарата, вызванной дальнейшим сосредоточением власти в руках монарха, к середине XVI в. была уже завершена централизация церковного управления. В борьбе царя с боярством церковь поддерживала царя, позволяя ему вмешиваться и во внутрицерковные дела.

Назначение реформы Никона, проведенной поспешно и вряд ли хорошо обдуманно, было ясным: "в единой церкви должен быть единый культ" (Никольский. С. 100). Вот почему царь, низложив Никона за его теократические намерения, оставил в силе реформу. Тесная связь реформы с интересами государственной власти объясняет и остроту протеста, всколыхнувшего разные социальные слои страны. Церковные нововведения стали поводом для того, чтобы проявилось недовольство народа своим правительством. Это недовольство зрело давно. Царем были обижены бояре, потерявшие прежнюю власть. Роптали купцы, которых политика правительства оставляла беззащитными в трудной конкуренции с иностранным купечеством. Стрелецкое войско, урезанное в правах, вытесняемое регулярным войском, не могло одобрять перемены, санкционированные царем. Посадские люди и крестьянство составляли самую многочисленную группу недовольных. Уставший от поборов и произвола сельский клир был поставлен реформой перед необходимостью приобретать новую профессиональную квалификацию. Таким образом, разные слои русского общества имели серьезные основания для недовольства правительством, виновным в сложившемся положении вещей, и теперь это же правительство затевало новую реформу, затрагивавшую устои мировоззрения глубоко религиозных людей. В такой обстановке новшества не могли не вызвать общего раздражения.

Не поняв причины, вызвавшие раскол в русской православной церкви, нельзя дать правильную оценку старообрядчеству, его значения в истории русского народа. Противостояние раскольников церковным нововведениям имеет свои веские основания как вероисповедного, так и светского национального, политического свойства. Это разные основания, но тесно взаимосвязанные между собой.

Само название старообрядчество не передает с должной полнотой суть явления. Смысл старообрядчества его оппоненты обычно сводили к обрядоверию, но это неправильно. Старообрядцы были готовы претерпеть муки и пойти на смерть не ради самих обрядов, а во имя сохранения в неприкосновенности православной веры, "древлецерковного благочестия", нарушенного, по их мнению, реформой Никона. Они отстаивали незыблемость обряда потому, что обряд есть символ, выражение веры. Реформой был затронут такой важный обряд, как крестное знамение. Крестное знамение двумя перстами было принято церковью при введении на Руси христианства, новогреческую форму трехперстного перс-госложения осудил и запретил Стоглавый собор 1551 г. (Стоглав. С. 294), Никон личным, ничем не мотивированным циркуляром изменил освященный Стоглавым собором обряд. Соборы 1666-1667 гг., поддержав Никона, не только утвердили новшество, но и объявили традиционное крестное знамение еретическим, что было неверно по существу.

Сущность веры затрагивали и изменения в иконописании. Принятый в России стиль изображений на иконах восходил, по церковной традиции, к самым истокам христианства. "Образ Христа на иконах воспроизводит Его лик, чудесным образом отпечатавшийся на

полотенце (убрусе), которое Господь послал эдесскому царю Авгарю, просившему исцеления от болезни". Первая икона Богородицы была написана святым евангелистом Лукой. При Никоне же произошло отступление от канонов, которое едко высмеял протопоп Аввакум (Заволоко. С. 10).

Суть старообрядчества - защита не обрядов, а самой веры, поставленной под угрозу нововведениями, ориентированными на иноземные, чужие образцы. "Старообрядчество... боялось несправедливого обмирщения церкви, заражения церкви мирским духом. Его положительный пафос, конечно, не в ритуализме, не в простом сохранении старины, а в блюдении чистоты церкви" (Покровский Н.Н., 1992. С. 8). Старообрядчество есть выражение традиционного русского самосознания, которое А. Карташев не без основания возводит к идее Третьего Рима, "т.е. мировой миссии хранения чистой истины Православия" (Карташев. С. 19).

С чисто религиозной причиной раскола тесно связана и национальная. Русские хотели сохранить не только старые традиции церкви, но и свои обычаи, нравы» жизненные устои, т.е. свою культуру, свое национальное лицо, национальное достоинство. П.И. Мельников справедливо писал: "Русский народ охотно перенимал все полезные нововведения, но не мог видеть пользы ни в бритье бород, ни в табаке, ни в парике, ни в других подобного рода нововведениях. Всего больше народ русский упорствовал там, где петровская реформа касалась домашнего очага, частного быта, вековых преданий. Но, не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу - силу отрицания... Отрицание всего сильнее было со стороны раскольников" (Мельников, 1976. Письма... С. 15).

Далее, раскол не был чисто церковным явлением. А.П. Щапов правильно видел в старообрядчестве явление не только религиозное, но и политическое (Щапов А.П., 1906. Земство... С. 452-579), Хотя властолюбивый и нетерпимый к инакомыслию Никон, не сумевший провести реформу постепенно и гибко, Собором 1666-1667 гг. был лишен сана и отправлен в ссылку, подверглись осуждению и приверженцы староверия. Власти сочли церковную реформу государственным делом и на долгое время взяли на себя задачу преследовать старообрядцев. Раскольники хорошо понимали, что за церковной реформой стоит светская власть, недаром в осажденном Соловецком монастыре решением монастырского собора было отменено моление за царя и его семейство. Особенно явно государственный характер преследований проявился при Петре I, который отнюдь не выражал интересы церкви, но, напротив, подверг церковь такому унижению, какого она не знала и во время татарского ига. Петр I преследовал старообрядцев как врагов государства. Таким образом, светская власть взялась решать религиозный вопрос, лежащий вне сферы ее компетенции. В бесцеремонном вмешательстве государства в вероисповедные дела старообрядцы совершенно справедливо видели гонение на веру, преследование за правду, что придавало им большую духовную силу.

Политика властей, предпочеvших дискуссиям полицейские репрессивные меры, поставила перед противниками реформ вопрос об их отношении к государству. В православном государстве, где государь есть помазанник Божий, этот вопрос не является чисто гражданским, политическим; это и вопрос духовный. Он и решался старообрядцами на основе христианской эсхатологии с ее учением о грядущем конце света и приходе антихриста. "Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос всей мировой истории - и поэтому тема антихриста не была случайной или поверхностной в богословском сознании старообрядчества" (Покровский Н.Н., 1992. С. 8).

Оценивая современные им события, старообрядцы утверждали, что предсказанные в Священном писании знамения и признаки осуществились: в мире воцарился антихрист и наступили "последние времена". Рассчитали, что конец света наступит в 1669 г. В связи с этим в Нижегородском Заволжье многие крестьяне "еще с осени 1668 г. забросили поля, не пахали, не засеивали, а в 1669 г. бросили и дома" (Мельников, 1976. Очерки... С. 208). В

понятие антихрист вкладывалось разное содержание. Одни думал», что он может воплотиться в определенных людей, в данном случае в патриарха Никона, царя Алексея Михайловича. Другие считали, что эти лица лишь "послушники" антихриста, действующие по его воле. Это убеждение позволяло продлить время царствования антихриста на неопределенный срок. Тем, кто отвергал атихриста и хотел спасти свою душу, следовало бежать из мира и вести добродетельную жизнь в соответствии с заветами православной церкви. Такая концепция, подкрепленная репрессиями, особенно жестокими при Петре I, послужила толчком для миграций приверженцев старой веры. Крупные колонии старообрядцев образовались в разных частях России (Поморье, Заволжье, Урал, Сибирь) и за ее пределами (Ветка, Стародубье).

Эпоха Петра I характеризовалась особой подозрительностью правительства к старообрядцам. Однако эта подозрительность приняла форму настоящих гонений лишь в последние годы царствования Петра I. Вплоть до 1718 г., когда был казнен царевич Алексей (Петр I был убежден в его связях с раскольниками), старообрядцы были практически оставлены царем без внимания. Издав в 1716 г. указ об обложении раскольников двойным окладом, Петр по существу легализовал старообрядчество, отменил смертную казнь и практику преследований, ослабив тем самым известные указания 1684 г. В первые годы Петр I предоставил церкви возможность действовать убеждением. Еще в 1715 г. он писал: "С противниками церкви с кротостью и разумом поступать..." (Есипов. С. 27-28). Даже посылая в 1718 г. отряд Ржевского в Нижегородскую епархию, Петр I строго предписывал никого не наказывать за отпадение от церкви, а объявлять причиной наказаний только непослушание указам царя о переписи и обложении двойным окладом. И в дальнейшем сам же Петр I предпринял некоторые шаги по ослаблению ограничений, примененных к старообрядцам. В 1723 г. он отменил штраф за ношение бород и старинного платья, а также ссылку раскольников в Сибирь. При жизни Петра I, в 1723 году, появился особый указ сената, вызванный массовостью самосожжений. Всем местным властям предписывалось не позволять раскольникам строить скиты и пустыни; раскольники должны жить "с прочими крестьянами в селах и деревнях", чтобы быть под наблюдением. Но воспрепятствовать людям лишиться себя жизни, если они этого страстно пожелали, оказалось практически невозможным. "Эпидемия самосожигательств особенно обострилась во время бироновщины". Только в царствование Екатерины II самосожжения перестают быть массовым явлением (Никольский. С. 128).

Время Екатерины II положило конец непримиримой вражде правительства и староверов. Государство ищет пути для того, чтобы сделать старообрядцев лояльными и полезными подданными. В 1762 г. манифестом Сената бежавшим за границу старообрядцам позволено возвращаться в Россию "и селиться особыми слободами, где они имеют быть содержаны на основании узаконений в двойном окладе и притом иметь будут свободу записаться в крестьянство и в купечество, и при поселении от всяких податей и работ получают льготы на шесть лет". 1764 год принес новую уступку правительства: старообрядцы, "кои Православной церкви не чуждаются и таинства церковные от православных священников приемлют", а только соблюдают "по суеверию" некоторые застарелые обычаи, не противоречащие догматам, "не отлучаются от церкви, раскольниками не называются и освобождаются от двойного оклада". Ряд царских указов вскрывает причину этого перелома в политике: были нужны люди для заселения новоприсоединенных земель, в частности Таврической губернии. В 1788 г. старообрядцам было дозволено иметь церкви и отправлять в них служение. Даже если в приходе есть старообрядцы, присоединившиеся к православной церкви, но не присоединившихся больше, церковь следует отдать неприсоединившимся.

В 1800 г. были изданы "Высочайше утвержденные правила для устройства старообрядческих (единоверческих) церквей и снабжения их священниками". Возникло так называемое единоверие - явление, чрезвычайно сложное для истории

старообрядчества, потому что оно отразило готовность обеих сторон (и властей, и некоторой части оппозиции) идти на взаимные уступки. Но насильственное внедрение единоверия вызывало бурный протест старообрядцев.

Политика царского правительства по отношению к старообрядцам в первой половине XIX в. была двойственной. С одной стороны, правительство проявило очевидную благосклонность к лояльным старообрядцам, поскольку они не показали себя крамольниками и, напротив, деятельно развивали торговлю. Правительственные циркуляры вносят целый ряд явных послаблений староверам: в 1818 г. позволено открыть в Москве типографию для старопечатных книг, в 1820 г. позволено допускать к выборным должностям "раскольников, приемлющих священство", в 1822 г. постановлено не разрушать раскольничьи церкви, которые построены давно, и т. д. С другой стороны, наряду с послаблениями, администрация не могла отрешиться от традиционной подозрительности к старообрядцам и сохраняла политический надзор за ними. П.И. Мельников объяснял: "Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол". В 1853 г. власти решили уничтожить старообрядческие скиты в Нижегородской губернии. Такая двойственность государственной политики в отношении старообрядчества создавала широкое поле для произвола местных властей, приучивших старообрядцев откупаться от них, чтобы спокойно жить. Лишь Манифестом 1905 г. старообрядчеству, наряду с нехристианскими вероисповеданиями, было даровано равноправие с официальной православной церковью.

К концу XVII в. явно наметилось деление старообрядчества на два основных направления - поповщину и беспоповщину, главное различие между которыми состояло в вопросе отправления культа. На стороне старообрядчества вначале было немало священнослужителей, посвященных в сан до исправления церковных книг Никоном. Но когда это поколение ушло из жизни, встал вопрос о том, каким образом поддерживать старообрядческую церковную иерархию. Часть противников реформы, признавая необходимость священников для совершения таинств, считая, что без священников нет церкви, стала принимать к себе попов "нового ставленья", т.е. рукоположенных после Никона. Эта часть старообрядцев получила название поповцев, или беглопоповцев. Разные группы поповцев расходились между собой во мнении, каким "чином" принимать священников, перешедших к ним из официальной церкви (через перекрещивание, миропомазание или просто проклятие новообрядческих "ересей").

В конце XVIII в. центром беглопоповщины стала Москва. Беглопоповская старообрядческая община в Москве возвысилась после страшного народного бедствия - чумы 1771 г. Руководители этой общины получили от правительства разрешение на устройство кладбищ и домов для больных. Немало людей, которым оказали помощь старообрядцы, присоединились к их общине или завещали имущество в пользу старообрядческой общественной казны. Так появилось Рогожское кладбище с часовней, построенной по проекту Бажова, и палатами для богаделен. Поповский собор 1779 г., утвердивший перемазывание миром священников официальной церкви (практика, принятая в Рогожской общине), способствовал росту влияния московских старообрядцев. До 1830-х годов Рогожская община уступала по своему значению поповскому центру в Иргизе, но после разорения иргизских скитов, воспротивившихся насильственному обращению в единоверие, она стала главной среди беспоповцев благодаря своей многочисленности, богатству и самому имени Москвы, где в свое время пребывали патриархи Филарет и Иосиф, память которых чтилась старообрядцами. Отныне все важные дела поповщины решались на Рогожском кладбище. Широко известна поговорка того времени: "Что положат на Рогоже - на том станет Городец, а на чем Городец - на том и Керженец".

Необходимость получать священников из официальной церкви ставила поповцев в зависимость от нее; насущной задачей поповщины стало получение своего собственного священства. К середине XIX в. наконец был найден иерарх из греко-боснийских

митрополитов. Он поселился среди старообрядцев, проживавших в Австрии, отсюда и пошло название "австрийское (или белокриницкое) согласие" для той части поповцев, которые его признали. Перешла в "австрийское" согласие и Рогожская община. Но многие группы поповцев не сочли "австрийского" митрополита Амвросия "правильным" и продолжали принимать к себе священников официальной церкви, сохранив название беглопоповцев. Вплоть до 1905 г. в соответствии с законами Российской империи священники, переходившие в старообрядчество, подлежали наказанию. Наиболее крупные группы поповцев были сосредоточены во внутренней России и южной Украине.

Часть старообрядцев вообще отвергла священство, утверждая, что "священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди, которые, на основании канонических правил, в случае крайней нужды разрешено совершать и мирянам" (Мельников, 1976. Письма... С. 49). "Сам Христос, - говорили они, - будет нам невидимым Святителем, как непреложно Он есть невидимый глава церкви православной". Эта часть старообрядцев получила название беспоповцев. Важно подчеркнуть, что беспоповцы отвергали и отвергают священников и всю иерархию "не по принципу, а лишь по факту", т.е. они признают необходимость священства и таинства, но считают, что в сложившихся условиях правильных попов нет, восстановление их невозможно, следовательно, невозможно и совершение пяти таинств. "Благодати на земле нет; она взята на небо", - говорили они (Мельников, 1976. С. 49).

Наиболее крупные группы беспоповцев расселились на Европейском Севере России, в районе Новгорода и Пскова, а также в Сибири. Стремясь по возможности меньше соприкасаться с антихристовым миром и с оскверненной антихристом церковью, беспоповщина отказалась от миропомазанного духовенства и возложила выполнение религиозных обрядов на своих наставников, избранных общиной, под руководством которых и создавались беспоповские скиты и молельни. Беспоповщина никогда не представляла собой единого религиозного образования и распадалась на разные толки, из которых основными или наиболее крупными стали поморский, федосеевский, филипповский, нетовский и страннический. Все они, за исключением страннического, сложились в конце XVII или в начале XVIII в. Различия между ними, как подчеркивал еще П.И. Мельников, несущественны, не имеют догматического значения.

Наибольшим влиянием в беспоповщине в первой половине XVIII в. пользовалась поморская община, возникшая в 1690-е годы в глухих лесах на пустынном берегу р. Выг. Здесь был построен скит - Выговская пустыня. Поначалу община руководствовалась идеями равенства и аскетизма. Ее устав требовал "все в казне иметь общим, у себя не иметь ни денег, ни платья, ни иных вещей... трапезу иметь всем общую, кроме немощных; пища и питье всем равны". Стена разгораживала пустынь на мужскую и женскую половины; разговаривали друг с другом через окно в присутствии двух стариц. Выговцы считали себя единственной оставшейся горсткой людей, на которых антихрист не успел наложить свою печать. Они не молились за царя и отвергали принадлежащих к миру антихриста попов. Они допускали, что временно, на короткий срок, оставшийся до конца света, возможно обойтись без священства; необходимо вести добродетельную и девственную жизнь, брак объявлялся потерявшим всякий смысл.

Позже скит разделился на два самостоятельных скита - мужской и женский, была разработана организация быта и труда. Получило развитие хозяйство, которое велось артелями; каждая артель, возглавлявшаяся выборным большаком, занималась определенным промыслом. Выговские конторы и агенты появились в Вытегре, на заводах в Петрозаводске, Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде. В самой общине было введено строгое деление на скитников и работных людей. Уже в 1702 г. выговцы вынуждены были сделать шаг к примирению с миром. Петр I основывал железодельные заводы, один из них (Повенецкий) строился близ Выговской пустыни. Царские власти не препятствовали развитию общины, за что требовали от нее участия в заводских работах и идеологических уступок. Прежде всего, пришлось молиться за царя. В 1722 г. по запросу Синода выговцы

дали письменные ответы на предложенные им вопросы. "Поморские ответы" - один из интереснейших памятников старообрядческой мысли; в них основательно и дипломатично изложены взгляды поморского толка (Куандыков. С. 12-14).

"Поморские ответы" утверждают истинность древней русской православной церкви. О Никоне говорится как о нарушителе ее канонов. Поморцы заявляли, что никонианских новшеств не принимают, но царей почитают и не причисляют их к еретикам. Выговцы признавали своей обязанностью "государю, от вседержащая Божия десницы поставленному, честь, покорение, благодарение и всемерное служение всеусердно воздавати". "Ответы" проникнуты духом миролюбия и желанием перенести диалог на чисто богословскую почву. Поморцы Выга провозглашали стремление замкнуться в своем собственном мире в целях спасения души, готовность выполнять возлагаемые на них повинности, откупая право веры внесением двойного оклада подушной подати. Поморцы отказались и от взгляда на рекрутчину как "на войско антихристово"; они согласились вместо требуемых с них рекрутов выплачивать за каждого по 120 рублей. Поморцы отвели от себя готовившийся удар властей, но отступили от своих былых идейных позиций (Гурьянова, 1988. С. 61-62).

С ослаблением эсхатологических идей естественно встал вопрос о семье, о признании брака. Сами выговские скиты возникли как монашеская обитель, но далеко не все последователи поморского согласия собирались вести монашескую жизнь. Поморцы стали заключать брак, но без попов, ограничиваясь родительским благословением, обставленным старинными обрядами, и свадьбой. Брак считался делом мирским, отчего в некоторых общинах (например, в Пермском крае) не скреплялся даже благословением наставника (духовника). У общины, группировавшейся вокруг московской Покровской часовни, в конце XVIII в. возобладало убеждение, что "брак чист, ложе нескверно и неблаженно". При заключении брака давались обеты сохранять супружескую верность. Признание брака, заключаемого без священника, широко распространилось среди беспоповцев, особенно в царствование Николая I.

В поморском согласии с течением времени было найдено соединение монашеского и мирского образа жизни. Вся община делилась на две группы: соборных (христианских) и мирских. Соборные вели жизнь в соответствии со строгими правилами, закрепленными в уставе согласия. Они отправляли религиозные обряды, отличались от мирских одеждой, особенностями повседневного быта. Так, им запрещалось есть мясо, посещать "нечистые" места (баню, кладбище), присутствовать на массовом веселье. Мирские вели семейную жизнь. С наступлением старости мирские переходили в разряд христианских.

Многие олонецкие и архангельские беспоповские общины, жившие в лесах натуральным хозяйством и почти не имевшие сношений с внешним миром, осудили отступничество выговской общины. Старец Филипп так обличал соглашательство выговских руководителей: "Зверевы указы паче Евангелия облабызали, помалу начали в мире проживати и свое благочестие забывати". Радикально настроенная часть поморского согласия во главе с Филиппом отошла от выговских поморцев и образовала свой филипповский толк с центром на р. Умбе (Кольский полуостров), Филипповцы считали себя защитниками традиций основателей Выговской пустыни. Филипп проповедовал, что наступило время царствования самого последнего, самого страшного антихриста и путем к спасению является самосожжение. Некоторое время филипповцам удавалось скрываться в лесных чащах. Но в 1743 г. Филипп с группой последователей был окружен военным отрядом, и 70 человек сожгли себя в срубе, не отдавшись в руки слуг антихриста. Это не стало концом филипповского согласия. Оно сумело пустить корни и получило довольно широкое распространение не только на Севере России, но и в Верхнем Поволжье. Филипповцы строго держались своего устава и получили название крепких христиан. С середины XVIII в. его основными центрами стали промысловое село Кимры Тверской губернии и город Углич Ярославской губернии.

Порвал отношения с выговской общиной, когда она в 1706 г. приняла молитву за царя,

и видный деятель беспоповщины Феодосии, заявив: "Не буди нам с вами имети общения ни в сем свете, ни в будущем". Феодосии сначала был главой новгородской старообрядческой общины и руководителем новгородских соборов 1692-1694 гг., которые признали окончательное исчезновение истинного священства. В 1694 г. он бежал от преследований в Польшу и там основал несколько беспоповщинских общин. Тайно пробравшись на родину, Феодосии организовал свои общины в Великолукском и Дерптском уездах; в 1711 г. он был арестован и умер в Новгородской тюрьме. Но федосеевщина оказалась чрезвычайно живучей (Iwaniec E. 183-190).

Феодосии проповедовал крайний аскетизм, выступал против брака. Антихрист представлялся ему духом, воцарившимся в церкви и в обществе. Федосеевщина распространялась преимущественно в нехлебных районах, где получили развитие кустарные промыслы, откуда шла масса оброчных крестьян-отходников на поиски заработка. Ее основные гнезда оказались в Риге и Пскове, в Новгородской и Ярославской губерниях. Этот толк тоже вскоре отказался от своих крайних взглядов

В Москве одновременно с Рогожской общиной федосеевцы учредили свою на Преображенском кладбище, где построили часовню, богадельню и молитвенный дом. Чтобы оградить общину от придирок властей, федосеевцы стали молиться за царя. Значительная часть федосеевцев уже в начале XIX в. выступала против безбрачия и охотно переходила в поморский толк. Федосеевская община в Москве срослась с предприятием братьев Гучковых и распалась в 1853 г. после того, как Гучковы перешли в единоверие (Рындзюнский, 1958. С. 455-478).

Странничество стало известно еще в 1760-е годы, но распространилось оно позже. Один из его вероучителей - беглый солдат Евфимий, который вначале был последователем Преображенской общины и постригся в монахи, но затем покинул общину и стал проповедовать необходимость пустынножительства. Прославление ухода из мира, присущее почти всем течениям старообрядчества, у странников (бегунов) приняло наиболее последовательные формы: отрицание антихристового мира понималось буквально. Всякий, кто хочет спастись, не должен принимать "печать антихриста" (паспорт) и записываться в раскольничьи списки. Само слово раскольник означает отступник, нарушитель правой веры; соответственно запись раскольником означает признание старообрядчества отступлением от православия и утверждение правоты "никонианской" церкви. Истинный христиан должен разорвать всякую связь с обществом и стать странником - не иметь "ни града, ни села, ни дому".

Беглые считались более совершенными христианами, чем живущие в миру. Странническое учение объявляло уход из мира главной целью человека, ибо бегство есть "брань с антихристом", но не открытая, которая невозможна до времени последнего пришествия, а "противление его воле и неисполнение его законов"; когда придет время открытой брани, тогда вский, кто будет убит, получит венец, какого не получал еще никто из мучеников. Бегуны отвергали всякое подчинение властям, не платили податей, избегали военной службы. Даже обряд крещения они отправляли лишь в дождевой воде или роднике - словом, в такой воде, которая не текла бы по земле, подвластной антихристу. Они отрицали браки, как и собственность, кроме нищей одежды и самого необходимого для человека. Каждый странник имел при себе небольшую, обычно медную иконку, лестовку, подручник, деревянную чашку и ложку. Странники не ели вместе с другими, даже со своими странноприимцами. При перекрещивании каждый вступающий в странничество получал новое имя. Люди, разделяющие идеи странничества, но не желающие уходить из мира, принимались в общину в качестве странноприимцев, обещанных принимать и укрывать бегунов.

Бегунство распространилось чрезвычайно быстро. В 1820-е годы получил большую известность его центр - село Сопелки в Ярославской губернии. Такой размах странничества получило в значительной мере благодаря тому, что было признано

возможным привлечь в толк и тех, кто давал обет "выйти в странствие", хотя и оставался дома. К середине XIX в. странничество распространилось на обширной территории России - от Архангельской, Олонецкой и Пермской до Нижегородской, Саратовской и Московской губерний. Странноприимцы обзаводились хозяйством и семьей, т.е. жили мирской жизнью, но могли рассчитывать на посмертное райское блаженство, если с приближением смертного часа покидали свое жилище ради смерти где-либо на стороне "в бегах". В хозяйстве таких странноприемников работали укрывавшиеся от властей бегуны, отказываясь от денег - "дьяволовой печати". Странноприимцы устраивали свои дома так, чтобы надежно укрыть странников, - с подпольями, тайными входами и подземными ходами, ведущими в соседний с деревней лес. В 1830-е годы правительство открыло для себя целые бегунские деревни с такими домами.

Другим крайним беспоповским толком была нетовщина, или спасовщина, зародившаяся в конце XVIII в. в Нижегородском крае. Нетовщина не признавала возможным совершать богослужение и обряды мирянину. По ее учению, "нет в мире ни православного священства, ни таинств, ни благодати", спасение можно обрести только, уповая на Иисуса Христа (Спаса). Нетовщина не представляла собой сколько-нибудь цельного религиозного направления и скоро разделилась на ряд мелких течений. Одно из них сочло возможным обращаться за крещением и совершением брака в православную церковь (так называемая глухая нетовщина, или староспасовщина - наиболее умеренная часть беспоповщины). Но эти обряды они не признавали таинствами. Поющая нетовщина, или новоспасовщина, имела наставников, "стариков", совершавших крещение, брак и богослужение по уставу с пением. Рябиновщиной назывался толк, признававший кресты, сделанные только из рябины. Они крестили себя сами: отсюда их другое название - самокрещенцы. Наконец, среди них возникло течение, отрицавшее какие бы то ни было обряды и поклонение иконам, отчего оно стало известным под названием дырники.

П.И. Мельников не раз подчеркивал, что не следует преувеличивать число толков в старообрядчестве. Нередко одна община обособлялась от другой по ничтожному поводу, из-за незначительного несогласия в обрядовых действиях, и даже становилась известной в округе как особый толк, названный по имени своего "духовника", однако эти расхождения не выходили за пределы внутренней жизни одного и того же толка.

Важной характеристикой старообрядчества является его энергичная и успешная хозяйственная деятельность. Она стала заметной после "ослабления расколу", когда зарубежные старообрядцы получили прощение и разрешение вернуться в Россию на отведенные им плодородные земли в Самарской губернии и в Сибири, о чем уже говорилось выше. Промышленная и торговая деятельность старообрядцев очень скоро охватила всю страну. Показательно замечание П.И. Мельникова, относящееся к середине XIX в.: "...где более развиты промыслы, раскол сильнее и, наоборот, где менее раскольников, тем слабее промышленность, так что степень развития промышленной деятельности в известной местности служит безошибочным мерилем степени развития раскола" (Мельников, 1854. С. 282). Только среди прихожан Рогожского кладбища в эти годы насчитывалось 138 купцов первой и второй гильдий. В Нижегородской губернии был широко известен купец первой гильдии, бывший крестьянин Семеновского уезда П.Е. Бугров, который занимался казенными подрядами и хлебной торговлей и, по словам П.И. Мельникова, "имел ум редкий и сметливость". П.Е. Бугров пользовался огромным авторитетом не только в Нижегородском крае, но и далеко за его пределами. Почти по всей России, особенно на ее востоке (Завольжье, Урал, Сибирь), к середине XIX в. экономика находилась главным образом в руках старообрядцев.

Успешной деятельности старообрядцев, занимавшихся торговлей и промышленностью, способствовали, прежде всего, свойственные старообрядцам сплоченность и взаимопомощь, распространявшиеся не только на приверженцев своего толка, но и на другие согласия. Эта поддержка в разных обстоятельствах проявлялась в разных формах. Так, когда в XVIII в. Даниловский поморский монастырь пострадал от

пожара, его община получила помощь от филипповцев. Тех же обычаев держались старообрядческие купцы и промышленники. Помогало вести дела и сосредоточение капитала в руках старшего в семье. Кроме того, сказывались и особенности образа жизни старообрядцев, основанного на идеалах умеренности, воздержания от пьянства. Так, П.Е. Бугров при огромном богатстве жил очень скромно.

Старообрядцы, ставшие богатыми людьми, не порывали со своей средой и проявляли немалую щедрость в благотворительной деятельности, жертвовали в виде милостыни крупные суммы и скитам, и отдельным лицам, становились попечителями общин, помогали крестьянам расплатиться с повинностями и "стать на ноги", давали деньги займы самостоятельным хозяевам, обеспечивали работой тех, кто не имел средств. П.Е. Бугров всегда вступался за старообрядцев перед властями, поддерживал Семеновские скиты, строил школы для детей, сохранял молельни, а на своей родине, в деревне Поповой, устроил обитель для старообрядцев, выгнанных из разоренных скитов. Богатые старообрядцы часто способствовали выкупу крестьян из крепостной зависимости. Купец Гучков, приверженец Преображенской общины, например, выкупал крестьян, предлагая им за это приобщиться к федосеевскому согласию. Состоятельные старообрядцы, беспоповцы, укрывали от властей беглых единоверцев и последователей официальной церкви, старались перевести их в мещанское сословие по чужим паспортам или отсылали в свои дальние филиалы, приобщая к своей вере. Организация тайных приютов для беглых, обеспечение их работой и легализация их общественного положения - все это привлекало многих людей в раскол.

Основная масса старообрядцев жила в сельской местности, нередко в глухих местах, стремясь быть подальше от властей. Традиция взаимопомощи, столь нужная в постоянном противостоянии внешнему миру, благоприятствовала хозяйственной жизни и крестьян-старообрядцев. Как правило, среди них не было не только нищих, но и бедных людей. Старообрядцы считали за правило все необходимое получать в своем хозяйстве. И хотя это удавалось далеко не везде, и связь с рынком с течением времени все глубже проникала в старообрядческую деревню, многие общины и в начале XX в. старались обеспечивать себя сами. Такая хозяйственная ориентация поддерживалась сохранением древних коллективистских устоев крестьянской общины, проявляющихся, прежде всего, в трудовой взаимопомощи.

Уже при самом возникновении поморского согласия работа в Выговских скитах была основана на артельных началах. В крестьянском быту этому способствовали укоренившиеся, как и у всех русских, помочи. Так, у поморцев Пермского края было правилом оказывать трудовую помощь любой семье деревни. "В Верхокамье жали, молотили, косили сено, рубили дрова, возили навоз, строили дома, готовили льняную и конопляную пряжу, мыли избы помочами... С целью заработка на помочи никто не шел. Одни работали за то, что им уже помогали, другие - чтобы заработать помощь на будущее" (Чагин, 1992. С. 164— 165). Помочи были надежным способом облегчить и ускорить трудоемкую работу. В Верхокамье даже печи клали ("били") помочами, так как старый обычай требовал сделать печь в течение одного дня. В некоторых других местах помочи устраивались только в экстренных случаях (пожар, падеж скота), но в той или другой мере эта традиция сохранялась, что создавало для крестьянского хозяйства стабильную защищенность со стороны общины. К тому же община следила и за поведением крестьян; общественное мнение, осуждавшее лень, пренебрежение трудовыми традициями, т.е. опытом предшествующих поколений, не допускавшее пьянство, способствовало поддержанию нормальной хозяйственной деятельности старообрядческой деревни.

Большей части старообрядцев были свойственны крепкие устои семейной жизни. Крайние взгляды ряда беспоповских толков, отвергавших брак, с самого начала

находились в противоречии с действительностью. Наблюдавший жизнь федосеевцев чиновник особых поручений делился своими впечатлениями: "Можно с уверенностью сказать, что семейное начало в русском народе так сильно, что несмотря на возможность уклониться от него ничто не истребит его совершенно" (Рихтер. С. 37).

Семейный быт старообрядцев отличала замкнутость, вызванная их религиозной обособленностью от остального русского населения. Эта замкнутость способствовала сохранению патриархальных нравов. Как в неразделенных (больших), так и в малых семьях глава семьи, старший мужчина (большак) обладал почти неограниченной властью. Он представлял свою семью перед общиной и единолично распоряжался принадлежащими семье средствами. "Свекр до смерти, 90 лет, был хозяин... не давал хозяйке деньги без пути тратить, а все по счету и под замок", - рассказывала русская старообрядка из Прибалтики (Рихтер. С. 27). Младшие члены семьи безропотно подчинялись старшим. Наиболее зависимое положение было у невестки (снохи), особенно у младшей, жизнь которой проходила под неустанным наблюдением главы семьи и его жены. Мелочному контролю над повседневными занятиями молодых женщин способствовал старинный обычай, предписывавший просить благословение у старших для самых незначительных дел. Прежде чем приняться за какую-либо работу (пойти по воду, убраться во дворе, подоить коров и т.п.), молодуха должна была попросить благословения у родителей мужа. Старики за этим следили и строго наказывали ее за несоблюдение обычая: например, принесенную невесткой без благословения воду выливали на землю, а ее снова посылали по воду. Как и везде в России, невестка без разрешения свекрови или мужа не имела права выйти на улицу и даже забежать к соседке или поставить угощение своей матери. Свообразием отличался семейный быт поморцев, у которых христианские не ели и не молились вместе с мирскими членами своей семьи.

Центрами религиозной жизни старообрядчества являлись уединенные обители для монашеского общежития, небольшие монастыри, которые обычно назывались скит или пустынь. Широкую известность в России получили Выговские, Керженские, Иргизские скиты. Через 30 лет с начала раскола таких скитов насчитывалось свыше 90. В них в разное время была сосредоточена интеллектуальная жизнь старообрядчества. Здесь принимали законченную форму идеи старой веры, отсюда выходили вероучители; в Иргизских монастырях перекрещивали "никонианских" попов и снабжали священниками беглопоповские общины.

Как и в монастырях, в скитах совершались церковные службы. Своими службами, выражавшими истовую религиозную веру, скиты оказывали сильное влияние не только на старообрядцев, но и на православных, оставшихся в лоне официальной церкви. Так, православный миссионер писал: "здешние жители заразу сию, или раскол, получили сначала от скитских". "Нестарообрядцы" с уважением относились к службам в скитах, так как видели воочию, как торжественно она проходила. "В часовне или молельной чинно рядами стояли женщины, одетые в стародавнее иноческое одеяние... Перед богатым иконостасом, составленным из древних икон, теплятся лампы и горят несколько десятков свеч. Среди часовни, пред престолом, стоит смиренная уставщица, глаза опустила в землю и внятно, благоговейно делает возгласы... Все крестятся и кланяются в одно время, все враз бросают перед поклоном на землю подручники, все враз поднимают их, все враз перебирают лестовки". Все погружены в молитву, и это продолжалось кряду четыре-пять часов. Вот почему и простые, и богатые старообрядцы охотно посещали скиты и посылали туда милостыни.

Богатые раскольники перед смертью завещали скитам деньги и вещи и при жизни делали значительные вклады. Часто подаяния присылались в скиты и по случаю смерти какого-нибудь старообрядца. В скиты, где имелись почитавшиеся чудотворными иконы или иные святыни, таких подаяний присылалось гораздо больше. Во время Нижегородской ярмарки богатые раскольники часто брали из скитов каноники для чтения в своих домах Псалтыри. Многие старообрядцы во время Нижегородской ярмарки

приезжали в скиты на поклонение (Мельников, 1854. С. 284).

Помимо известных больших скитов, по всей России в местах сосредоточения старообрядцев были разбросаны маленькие пустыни, где иногда проживал лишь один отшельник. Эти пустыни также оказывали немалое духовное влияние на окружающее население. В ряде случаев они располагались недалеко друг от друга. Так, в Чердынском крае к 1909 г. пустыней было по р. Колве 15, по р. Улье - 27, по р. Печоре - 11. Количество людей, проживающих в таких пустынях, зависело от разных причин. Так, в 1912 г., когда праздник Благовещения совпал с Пасхой, что, по убеждению, особенно распространено среди старообрядцев, было признаком второго пришествия и конца мира, количество спасающихся в этих пустынях выросло чуть ли не в три раза (Пушвинцев. С. 17).

Во главе религиозных общин стояли наставники (духовные пастыри), или уставщики, как правило, люди образованные. Наставники руководили службой по праздникам, проводили крещение, исповедь, погребение, следили за соблюдением постов, накладывали епитимью за всякие нарушения, а также регулировали чисто мирские стороны религиозной жизни общины. Раньше наставниками выбирали только мужчин, но постепенно эти роли заняли женщины. Женщины были главными проводниками старообрядчества. Они более крепко хранили традиции, передавали их своим детям, внушали им непримиримое отношение к "никонианам". Часто истые раскольники числились православными. Но проходило время, они возвращались в раскол. Кроме женщин семейных, в деревнях нередко встречались келейные, живущие особняком монашеской жизнью; такие женщины пользовались большим уважением окружающих. Один православный священник отмечал: "Где есть такие женщины, никакой священник не сладит с расколом".

Находясь в постоянном общении с православными, старообрядцы старались подчеркнуть, что они гораздо строже держат свои уставы. Это признавали и православные миссионеры, представлявшие официальную церковь. Но дело было не только в строгом и усердном исполнении молитвенных правил и религиозных предписаний. Старообрядцы умели спорить, доказывая "правоту своей веры". Достаток, взаимная поддержка, приюты для обездоленных, денежная помощь, защитники в лице богатых влиятельных единоверцев, готовых выручить из беды, - все эти хорошо известные факты также служили убедительным доводом в пользу старообрядчества.

Старообрядцы заботились и о поддержании грамотности в своей среде. В середине XIX в. только в Нижегородской губернии число раскольников, занимавшихся обучением детей, превышало 200 человек (Мельников, 1854. С. 290). Обучая детей грамоте, они рассказывали им о православной "никонианской" церкви, объясняли, почему в нее нельзя ходить, почему она проклята, а кто будет это делать, подвергнется страшным мучениям и т.д. Весь курс обучения подчинялся постоянному утверждению, что только их вера истинная.

Внешние особенности образа жизни старообрядцев в большинстве своем связаны с их прочным сопротивлением самого разного рода нововведениям, соблюдением дедовских традиций. Следования традициям в старообрядчестве приобрело смысл религиозного благочестия, поэтому ушедшие из быта у русских "никониан" обычаи и обряды стали для старообрядцев признаком "старой веры". Так, в отличие от других групп русских, одежда старинного покроя воспринималась старообрядцами как знак их принадлежности к истинному православию, отвергнутому реформы Никона. Включение бытовых явлений в число религиозных предписаний придавало особую живучесть многим элементам русской традиционной культуры. Быту многих старообрядческих групп было свойственно сохранение архаики. Староверы не брили бороду, считая бритье грехом, отвергали табак; картофель и чай вошли в их жизнь очень поздно. Долго не принимали вилок: "Грех дар Божий (т.е. пищу) колоть". В употреблении оставалась старинная и старого образца утварь. В старообрядческой среде продолжали держаться древние виды намогильных

сооружений - небольшой сруб с двускатной крышей и "голубец" (или "часовщика") - столбик с иконой на нем, увенчанный миниатюрной двускатной крышей (Кремлева, 1992. С. 206).

У староверов центральных губерний России был распространен обычай "тайной милостыни": подаяние для странников или бедных людей клалось вечером на специальную полочку или подоконник со стороны улицы, чтобы те, кто его берет, не унижались чувством стыда. "Тайная милостыня" подавалась не только за упокой, но и за здоровье. В Верхокамье у последователей поморского согласия вплоть до нынешнего времени дожила древняя традиция ставить глинобитные русские печи; кирпич применяется только для выкладки труб. Праздники у старообрядцев повсеместно проходили намного скромнее, чем у православных; еще в начале XX в. многие общины не допускали игру на гармошке. Для старообрядчества в целом характерно соблюдение определенных норм поведения, в частности беспрекословного подчинения старшим, запрет на произнесение ругательств. Многие наблюдатели отмечали чистоту в домах. Семейские Забайкалья сохранили традицию мыть дома снаружи (что делается два раза в год - перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы и перед Пасхой).

Ряд бытовых черт старообрядчества выработался в результате их длительных преследований властями и церковью. Эта замкнутость, нежелание общаться с "иноверцами", вплоть до отказа подать им воды, боязнь оскверниться утвердили обычай пить и есть только из своей посуды, не допуская к ней других. Специально держали "поганую" посуду, которая предназначалась для чужих. Так как толки обычно обособлялись друг от друга, то для старообрядческих деревень, где жили последователи разных согласий, было типично наличие нескольких кладбищ (каждый толк имел свое отдельное кладбище). Духовная жизнь старообрядцев не находилась под постоянным контролем церкви, поэтому старообрядцев отличала самостоятельность в суждениях, относящихся и к области веры, и к житейским делам. Особенности идеологии старообрядчества получили отражение в фольклоре. Поиски скрытого от антихриста края, где процветает "правильная" вера, заложили основу для легенд о Беловодье или сокрытом Господней десницей граде-монастыре Китеже (Чистов, 1967; Басилов. С. 150-170).

Для старообрядчества характерны многие обряды, связанные с верой в нечистую силу. Сосуды должны были быть закрытыми, чтобы туда не забрался бес; печку следовало открывать и закрывать со словами "Господи, благослови", и т.д. От беса охраняли и покойника, и вырытую могилу.

Важная особенность старообрядчества - почтение к книге. Многие общины имели библиотеки в сотню и более книг, принадлежащих всей общине ("соборные книги"). Книги приобретались и отдельными людьми. Читать книги считалось духовным подвигом, и знатоки религиозной литературы пользовались уважением окружающих. В редком доме не имелось книг. Старые книги, особенно духовного содержания, бережно хранились и переписывались.

Переписыванием популярных книг для себя старообрядцы занимались повсеместно. При этом сложилось и несколько крупных центров, из которых рукописные книги расходились по разным концам России. Эти книги продавались в лавках, развозились коробейниками по старообрядческим селениям, приобретались на многолюдных ярмарках, например на Нижегородской, наряду с разнообразными культовыми предметами и иконами.

Лучшими переписчиками книг считались поморцы, живущие в скитах и деревнях Олонецкой губернии. Поморское письмо отличалось правильностью орфографии и каллиграфическим искусством. Со второй половины XVIII в. рукописи из Выга распространялись в Верхокамье, а оттуда проникли далее — на Урал и в Сибирь. Благодаря особенностям поморского письма исследователи безошибочно выявляют книги, переписанные на Русском Севере.

Одним из видных центров старообрядческой письменности стала Гуслицкая волость

Богородского уезда Московской губернии, где были сосредоточены старообрядцы поповского согласия. Популярности гуслицких книг способствовало их нарядное оформление: помимо орнамента, они нередко украшались и миниатюрами (Громыко, 1991. С. 279).

Немаловажная роль в распространении книг принадлежала району Ветковско-Стародубских старообрядческих слобод и скитов (западная часть Брянщины, Гомельщины, часть Витебщины и север Черниговщины). Здесь в XVIII в. возникло старообрядческое книгопечатание. В поселке Клинцы в 1780-е годы работали три типографии, в которых до конца XVIII в. было отпечатано около 70 изданий разного характера. "Слободские" (т.е. ветковско-стародубские) книги имели широкое хождение на Алтае, куда в 1760-е годы переселились десятки тысяч крестьян из этого района, получивших прозвище поляки. Служба у поляков отправлялась по старопечатным книгам.

Благодаря успешной деятельности археографических экспедиций, работавших в 1950-1980-е годы, сегодня сложилось ясное представление о том, какого рода книги ценились в старообрядческой среде. Например, в деревнях Верхокамья археографы нашли 197 малых, или учебных, псалтырей, 52 часовника, 29 канонников, 167 псалтырей следованных, т.е. книги, которые "являлись после Азбуки (или Букваря) основными учебниками для десятков поколений русских людей вплоть до времени Ломоносова" и позже (Поздеева. С. 46). В кругу чтения сибирского крестьянства видное место занимали сборники - излюбленный вид рукописной (а с конца XVIII в. и печатной) книги в старообрядческой среде. В них излагались преимущественно поучения отцов церкви. Большим спросом пользовалась "Книга о вере единой истинной православной" или, как ее называли старообрядцы, "Книга - Вера", напечатанная в Москве еще до раскола, в 1648 г.

Вызывала устойчивый интерес и "Кириллова книга", напечатанная в 1644 г., но написанная в конце XVI в., полемически направленная против унии. За слова, что кончина мира близка, что надо ожидать явления антихриста, эта книга признавалась боговдохновенной и пророческой. Хорошо известны были "Лицевые Апокалипсисы" и "Столав", содержащий постановления Московского собора 1551 г., на котором были утверждены двуперстное сложение и двойная аллилуйя.

Наряду со старопечатными и старописьменными книгами широкое распространение получили сочинения самих старообрядческих вероучителей. В их число входят, прежде всего, "Соловецкая история", написанная Андреем Денисовым, и "Поморские ответы". Некоторые книги были признаны только определенным согласием, некоторые - большинством толков, а многие - всеми старообрядцами. Насущный для староверов вопрос отправления культа обусловил широкое хождение книги "Скитское покаяние", в которой изложен чин принятия Святых Даров без священника. Гуслицкие и другие певчие книги, в которых сохранился древнерусский способ записи нот "крюками", также расходились по всей России, привлекая к себе внимание нарядным многокрасочным оформлением.

География распространения книг свидетельствует наряду с многими другими данными, что старообрядческие общины, живущие далеко друг от друга, имели постоянную и хорошо налаженную связь. Замкнутость старообрядческой крестьянской культуры, о которой говорили некоторые авторы, была весьма относительной. Подтверждением этому служат находки археографами Москвы и Новосибирска "драгоценных собраний старообрядческой мысли, бережно проносящие свою традицию через века и испытания" (Агеева. С. 73-80; Покровский Я.Я., 1994. С. 33-41).

Трехсотлетняя история старообрядчества свидетельствует о том, что оно довольно чутко откликалось на изменения социально-экономического характера, происходившие в России. Приверженцы старых обрядов и обычаев, решительно осуждавшие всякие новшества, старообрядцы между тем оказались в самой гуще капиталистических отношений, складывавшихся в стране. В новых условиях наибольшую жизнестойкость проявили белокриницкая церковь и поморский толк. Эти течения отличались склонностью

к компромиссам, что помогло им сохранить себя в периоды, когда на старообрядцев обрушивались репрессии царского правительства. Старообрядческим миром к концу XIX столетия управляли крупнейшие в России капиталисты, среди которых особенно выделялись Морозовы, Рябушинские, Хлудовы, Солдатенковы, Громы, Кокорев, Бриллиантов и др.

После манифеста 1905 г. в городах и селах России развернулось сооружение старообрядческих церквей и молелен, создание приходских общин (Щапов Я.Н., 1994. С. 81-95). Всего за период с 1905 по 1914 г. только белокрыницкой церковью было построено свыше 200 храмов. Закон "Положения о старообрядческих общинах", изданный в 1909 г. и окончательно утвержденный в 1913 г., способствовал созданию благоприятной обстановки для налаживания религиозной жизни старообрядчества. В 1912 г., например, в Москве на Рогожском кладбище был создан

Старообрядческий институт - среднее учебное заведение с шестилетним сроком обучения, готовившее старообрядческих начетчиков и учителей.

Активную деятельность по объединению всех беспоповских согласий развернули руководители поморцев. В 1909 г. на I Всероссийском соборе беспоповцев в Москве были заложены основы организационного единства беспоповцев. II Всероссийский собор уделил много внимания упорядочению приходской жизни общин, иконописания, издания нужных старообрядческой церкви книг и журналов. Секретарь данного собора Н.П. Онуфриев в своем докладе подчеркнул большую важность деятельности соборов. "Благодать справедливости и мудрости, - сказал он, - переносится с общины на его уполномоченных наставников и мирян, и Соборы таких уполномоченных являются решающими и обязательными для Церкви нашего времени, как они были для Церкви древнего периода. Сущность Соборов не изменилась" (Никитин, 1990. С. 9). В августе 1917 г. был созван Съезд старообрядцев всех согласий. Избранный его председателем П.П. Рябушинский в своей речи выразил недовольство бессилием Временного правительства и призвал "мощно встать на защиту нашей великой, глубоко несчастной России" (Миловидов. С. 75).

Иерархи православной церкви время от времени поднимали вопрос о снятии клятв, расценивая их как анахронизм. В 1917 г. в Москве состоялся Всероссийский собор, который отменил "клятвенные запреты" и обратился к православной пастве и старообрядцам с призывом к единению. Но старообрядцы выразили сомнение в правомочности собора, который, по их мнению, был созван мирской властью, под давлением политических событий. Если собор отменил "клятвенные запреты" без канонических оснований, по политическим соображениям, то "кто может поручиться, что следующий Всероссийский собор по каким-либо соображениям не отменит постановлений настоящего собора" (Кузьмина. С. 80).

Октябрьскую революцию 1917 г. большинство старообрядческих идеологов отвергло. Оживились эсхатологические идеи. В.И. Ленин объявлялся антихристом, его соратники - слугами антихриста. Такую позицию безоговорочно занимало течение бегунов, которое так и не признало советскую власть. Многие старообрядцы вступили в ряды Белой армии. Но, как и весь русский народ, старообрядцы по-разному отнеслись к переменам в стране. В 1922 г. руководители старообрядцев призвали верующих признать советскую власть. Беглопоповцы к 1923 г. обзавелись собственной архиепископией и установили трехчинную иерархию. Само название беглопоповщина с этого времени теряет смысл. В поповщине ведущим течением оставалось белокрыницкое согласие.

Как и вся страна, старообрядцы прошли через коллективизацию сельского хозяйства, раскулачивание, репрессии, пропаганду атеистических взглядов, оказавшую сильнейшее влияние на молодежь. И хотя Великая Отечественная война привела к оживлению религиозной веры у русского народа, поддерживаемый всем образом жизни и системой образования отход от религии не миновал и старообрядцев. Один из видных деятелей старообрядчества с горечью признавал: "...на наших глазах молодое поколение наше

уходит из нашего мира, оно делается нам чужим по духу, оно уже не понимает нас" (Миловидов. С. 88). Эти слова, сказанные в 1918 г., еще с большим основанием можно отнести к более позднему времени, в частности к послевоенному периоду.

Наблюдения этнографов, сделанные в 1959-1960 гг. и позже в старообрядческих деревнях Горьковского (ныне вновь Нижегородского) Заволжья, со всей очевидностью засвидетельствовали изменение всего жизненного уклада. Религиозная община в этот период уже объединяла лишь часть жителей, а не всю деревню. Границы общины стали очень неопределенными; если религиозной общиной можно условно считать совокупность всех верующих в деревне, то на молениях бывала представлена только незначительная ее часть - наиболее религиозные люди (как правило, пожилого возраста). Многие верующие уже не помнили, к какому старообрядческому толку принадлежали их отцы и деды. Нередки стали случаи участия поповцев в коллективных молениях беспоповцев, и наоборот. Обряд крещения поповцы могли совершать у беспоповского "старичка", а беспоповцы - в официальной церкви.

В эти годы уже сложилась огромная разница в мировоззрении различных групп сельского населения (и не только старообрядческого), совпадающая в целом с возрастными различиями: чем старше человек, тем больше он сохранял религиозные убеждения. Многие старики, считавшие себя верующими, не молились и не исполняли религиозных обрядов. Среди мужчин моложе 55 лет верующих встречалось очень мало. У женщин доля верующих была значительно больше, чем у мужчин, а средний возраст верующих гораздо ниже 30-35 лет. Однако, как правило, молодые женщины соблюдали лишь немногие религиозные обряды и предписания, а их верования представляли совсем иную систему, чем у людей пожилых и старых. Молодежь, за редкими исключениями, уже не разделяла веру в Бога (Кремлева, 1972). Естественно, что в разных деревнях картина религиозной жизни была неодинаковой - в зависимости от разных причин. В том же Заволжье в ряде мест традиции религиозной жизни сохранялись гораздо прочнее. Приведенные сведения из этнографических наблюдений в заволжских старообрядческих деревнях показывают, однако, что далеко не везде старообрядчество сумело противостоять преобразованиям советского периода. Такие же процессы происходили в те же годы, по имеющимся материалам, и в других регионах страны, в частности в Пермской и Вологодской областях, в Забайкалье. Тем не менее старообрядчество, хоть и с большими потерями, выжило и живет*.

Подводя итоги, необходимо отметить, что старообрядцы, которых долгие годы было принято изображать невежественными приверженцами отжившей старины, оказали значительное влияние на историю русского общества и характер русского крестьянства и купечества. Они не только внесли существенный вклад в экономическое развитие России, но и сберегли самобытные традиции русской народной культуры, от которых спешили отказаться все наши отечественные "западники", в том числе и власти, начиная с Петра I. Расхожее мнение о темноте и косности старообрядчества опровергается и всей их жизнью в эмиграции, за пределами России. В чужих краях в тяжелых условиях они выживали благодаря традиционной общинной взаимопомощи. Их отличали грамотность, смекалка, творческий дар. "В истории зарубежного старообрядчества много примеров освоения целинных земель и создания крупных земледельческих хозяйств. Используя многовековой опыт своих предков, они возводили фабрики и торговали" (Кузьмина. С. 83). Сегодня, когда защита национальной культуры остается актуальной задачей для русского общества, историческая роль старообрядчества видится не такой, как представляли себе некоторые исследователи многие годы назад.

РУССКИЕ СЕКТЫ

Религиозное диссидентство появилось почти одновременно с христианством. Уже во II—IV вв. получили распространение ереси манихеев, ариан, несториан, иконоборцев. В первые века христианства до Никейского (325 г.) и Константинопольского (381 г.) соборов, принявших Символ Веры, допускалась большая

О том, как происходит это выживание, см. интересные публикации о нынешнем состоянии традиционной культуры старообрядцев Курска и его окрестностей (Дубинин. С. 157-165) и о современных старообрядческих общинах Среднего Урала (Чагин, 1994. С. 167-173). свобода мнений в вопросах богословия. После принятия Символа Веры малейшее уклонение от него рассматривалось уже как ересь.

Отступление некоторой части общества от общепринятых в нем религиозных догм - явление совершенно естественное, связанное с индивидуальными психическими и интеллектуальными особенностями этих людей, с условиями их жизни. При определенных социально-экономических условиях ереси могут получать широкое распространение в разных слоях населения. Зачастую ереси, направленные против государственной религии, освящающей основы государства, приобретали характер социального протеста.

В России еретические движения не носили массового характера. Историю русских ересей принято начинать со стригольников, учение которых возникло в XIV в. среди низшего духовенства, церковнослужителей и небольшого числа посадских людей Новгорода и Пскова. Стригольники выступали против церковной иерархии, признавая истинной только древнюю апостольскую церковь, критиковали образ жизни священников, проповедовали аскетизм, подвергали сомнению церковные таинства и отвергали церковные покаяния. В XV в. в Новгороде и Москве получила распространение ересь жидовствующих, последователями которой на сей раз оказалась не только часть низшего, но и представители высшего духовенства, в том числе митрополит Московский Зосима, а также приближенные великого князя. Основателем ереси был приехавший из Литвы в Новгород еврей Схария. Его последователи отрицали догмат о троичности Бога (отсюда их другое название - антитринитариин) и божественность Христа, а следовательно, не признавали богодухновенность Нового Завета, отвергали таинство причастия, поклонение иконам, выступали против церковной иерархии и монашества.

В середине XVI в. сначала в Москве, а затем на Белоозере и в Новгороде свое "новое учение" проповедовал Феодосий Косой со сподвижниками. Он учил, что Бог один, тем самым отвергнув догмат о Троице и поставив под сомнение божественность Иисуса Христа. Косой призывал своих последователей не ходить в церковь, не почитать иконы, крест и святых мучеников и даже Богородицу, не творить молитвы и не кланяться телесно, а поклоняться "духом и истиною" (Послание многословное... С. XII-XIX).

Сам Феодосий Косой и некоторые его сподвижники были холопами, видимо, поэтому в их ереси сильно звучали протест против властей и требование общности имущества.

Критика церкви и ее догматов в XIV-XVI вв. не нашла в народе, особенно в крестьянстве, широкой поддержки. Еретические движения в России не переросли в Реформацию, как на Западе. Причин здесь несколько. Несмотря на то что народ страдал от многочисленных поборов за требы и в пользу церкви, что многих возмущало занятие священнических мест "по мзде" и что не все священники оказывались достойными своего сана, в целом православная церковь, ее иерархи и подвижники пользовались большим авторитетом и уважением в народе.

В отличие от католических стран Запады в России церковная служба велась на понятном для народа церковнославянском языке и прихожане с детства со слов священников усваивали христианские догматы. И хотя запрета на чтение Библии, опять

же в отличие от католических стран Запада, не было, но доступна для широкого читателя она стала только в начале XIX в. с созданием Библейских обществ. До этого в индивидуальном порядке Библию читали монахи, священно- и церковнослужители и посадские, так называемые книжные люди. И так как для усвоения новых религиозных идей нужен был определенный уровень богословской подготовки, то первоначально ереси возникали и распространялись именно в этой среде, практически не выходя за ее пределы.

Проповедь ересиархов нашла благодатную почву среди русского крестьянства только к середине XVII в. Эта особенность была обусловлена замедленным, по сравнению со странами Западной Европы, развитием буржуазных отношений в России. В процессе генезиса капитализма в них втягивались все новые слои не только городского, но и сельского населения. Эти отношения разрушали замкнутость сельской общины, связывали крестьянина с крупными торговыми центрами, куда стекался люд со всей страны и из-за рубежа, где находили пристанище политические и религиозные вольнодумцы. В процессе первоначального накопления капитала происходила имущественная дифференциация. Для некоторой части населения, терявшей свои экономические и правовые позиции, религиозное диссидентство становилось формой социального протеста, тогда как для части жаждавших разбогатеть претворение в жизнь требования "дешевой церкви" являлось залогом успеха.

В еретических учениях первых веков христианства, средневековья и раннего капитализма мы найдем много общего. После разгрома одной ереси и даже смерти ее идеологов, основополагающие идеи оставались жить в народе, и в какой-то момент они возрождались, но уже на новом уровне, преображенные новой эпохой. Еретические учения, сформировавшись в одной стране, распространялись по Европе, и спустя десятилетия, а то и столетие, появлялись в другом государстве, часто в очень измененном виде, окрашенные в национальные тона.

Учения русских еретиков, как известно, во многом перекликались с учениями западного протестантизма, нельзя исключить того, что похожие социально-экономические условия порождают близкие идеи. Однако у нас есть все основания говорить о заимствованиях. Протестантские проповедники различных направлений проникали в Россию под видом купцов и путешественников, протестантизм проповедовали поселившиеся в Москве, Новгороде и некоторых других городах лекари, аптекари и мастера из Западной Европы, особенно хлынувшие в Россию при Петре I.

Один из русских еретиков, М. Башкин, признавался, что его учителями были два литовца, другой - Д. Тверитинов, воспринял протестантские идеи от живших в Москве немецких аптекарей. В соответствии с одним из молоканских преданий, начало секте положил дворовый человек, который почерпнул основы учения у приходившего к его господину англичанина-лекаря.

Возникновение духоборческой секты обычно связывают с проповедью в Слободской Украине в 40-е годы XVIII в. некоего "иностранца". Признание того, что многие положения западных протестантских учений были заимствованы идеологами русского религиозного сектантства, вовсе не означает, что русские секты были повторением западных образцов, за исключением, пожалуй, поздних сект: баптистов, адвентистов и пятидесятников. Несмотря на то что общеисторические процессы Западной Европы и России развивались в одном русле, политические, социально-экономические и культурные особенности последней не могли не сказаться на развитии религиозного вольнодумства.

Западный протестантизм помимо двух мощных учений: кальвинизма и лютеранства - включал множество разных ответвлений и толков, иногда очень сильно различавшихся между собой по вопросам приоритета Св. Писания или внутреннего откровения, предпочтения Ветхого или Нового Завета, признания или отрицания троичности Бога, божественной сущности Христа и понимания его крестной смерти и т.д. Эти идеи в разном наборе и разновремененно попадали в различную социальную среду, усваиваясь группами лично зависимого и свободного крестьянства, служилым и посадским людом в

соответствии с их мировоззрением и социальной психологией. Идеи западного протестантизма очень быстро трансформировались в нечто новое, дополнялись совершенно неожиданными элементами, аналоги которых можно найти разве что в древних языческих культах, и все дальше отходили от своего западного образца.

Большое влияние на формирование русского сектантства оказали идеи польско-литовских антитринитариев-социниан, пустившие в XVI - начале XVII в. глубокие корни в Белоруссии и на Украине (Левицкий Ор.). Правда, и в самой России антитринитаризм был известен еще со времен ереси жидовствующих, а затем ереси Феодосия Косого. Влияние социнианства испытали на себе некоторые представители украинской православной церкви. Социнианские переводы Нового Завета, переведенные в свою очередь с польского на украинский язык, в рукописях ходили среди православного духовенства и монашества Украины. В XVI в., а особенно в XVII в. монахи из украинских монастырей переселялись в русские монастыри, в том числе в Москву (Харлампович. С. 29,69,149). Не исключено, что именно поэтому московские монастыри стали рассадниками ереси, обнаруженной там только в начале XVIII в.

В социнианстве были разные течения, но большинство из них стояли на позициях рационализма. Хотя они видели источник истины в Св. Писании, ее высшим критерием, по их мнению, являлся человеческий разум. Другое направление социнианства видело источник истины во внутреннем откровении, в единении человека с Богом. Последователи этого учения отрицали божественное равенство Бога-Отца и Сына, божественность Христа, церковную обрядность и таинства, верили в Царство Божие на земле и свободную волю человека. Социниане считали человека храмом Божьим и стояли на позициях пацифизма.

Все эти идеи мы найдем в русском сектантстве, в истории которого выделяются три основные секты: хлысты, духоборцы и молокане. Все остальные, кроме указанных выше поздних сект иностранного происхождения, являлись их производными.

Утвердилась точка зрения, что из хлыстовства, или, как его называли, хри-стовщины, возникновение которого относят к середине XVII в., в 60-е годы XVIII в. выделилось скопчество. Видимо, скопчество как течение существовало в хлыстовстве намного раньше, а в указанные годы произошло их окончательное размежевание. Во всяком случае их генетическая связь не подлежит сомнению. Однако утверждение о том, что в 60-е годы XVIII в. из христовщины выделилось духовное христианство, в конце 60-х годов расколовшееся на духоборчество и молоканство (Клибанов, 1965. С. 39), вызывает большое сомнение. То, что у всех трех сект есть точки соприкосновения, неудивительно, ведь в основе их лежали идеи антитринитаризма. Несомненно, было и взаимовлияние, особенно на раннем этапе их существования, когда неизбежно наряду с вполне оформившимися сектантскими группами существовали еще аморфные образования, не поддающиеся четкой идентификации. Однако изучение их догматики и обрядности, религиозного фольклора и первоначальной социальной базы убеждает в том, что духоборческая и молоканская секты не являлись производными от хлыстовства. Причем время их возникновения надо отнести к самому началу XVIII в., а возможно, и еще раньше.

Исследователи ведут начало духоборчества и молоканства с 60-х годов потому, что именно к этому времени относится первое следственное дело о тогда еще безымянной новой секте, обнаружившейся в Тамбовском уезде Воронежской губернии (Рындзюнский, 1954). Духоборцы, а это были именно они, поверили в искренность Екатерины II, которая писала в широко опубликованном Наказе для составления Нового уложения о том, что вредно для государства запрещать различные веры, а "дозволение верить по своему закону умягчает человеческие умы" (Наказ... С. 134). Они явились в С.-Петербург и подали прошение на имя императрицы с просьбой заступиться за них и запретить местным властям чинить им препятствия в отправлении своих обрядов. Если бы не этот случай, власти еще долго бы не знали о существовании новой секты.

В XVIII в. все сектанты называли себя людьми Божьими, духовными братьями, сынами Божьими. Названия хлысты, молокане, духоборцы были даны им православными.

Свое наименование хлысты получили за то, что во время моления, называемого у них радением, они иногда хлестали себя жгутами, хотя существует мнение, что это искаженное слово христы. Духоборцы получили свое название от екатеринославского архиепископа за то, что они отошли от Символа Веры в понимании сущности Троицы и значения Св. Духа. Во второй половине XVIII в. молокане стали называть себя духовными христианами, однако в конце XVIII в. из-за употребления молочных продуктов в постные дни за ними укрепилось название молокане. И те, и другие по-своему истолковали эти прозвища: духоборцы объявили себя духовными борцами за истину, молокане объясняли название секты тем, что их учение - "чистое молоко духовное".

Каждая секта изначально имела свой социальный состав, однако со временем он изменялся, что влекло за собой изменения в догматике и обрядности, иногда настолько серьезные, что происходили расколы внутри секты и возникали новые секты и толки. Секты должны были приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям существования. В ходе этого процесса также происходила корректировка организационных форм, обрядности, а иногда и догматики. К тому же последняя не была детально разработана ни в одной секте, а учения хлыстов и духоборцев даже не были письменно зафиксированы, что, безусловно, открывало простор для внесения изменений и просто искажений. Поэтому представление о том, что секта - это раз и навсегда застывшая в своих догмах и обрядах религиозная организация, не соответствует действительности.

Русские секты традиционно делят на мистические и рационалистические. К первой категории относят хлыстовство, а также выделившиеся из него скопчество и Новый Израиль, которые признавали возможность непосредственного общения человека с Богом, воплощение Бога в человеке.

Рационалистические секты - духоборчество, молоканство и его многочисленные толки, отвергая авторитет церкви в толковании Св. Писания, пытались объяснить его с позиций рассудка. Впрочем, это деление весьма условно, так как в учениях всех этих сект присутствует и мистицизм, и рационализм, только в разных соотношениях.

Возникновение хлыстовской секты связывают с именем крестьянина Владимирской губернии* Данилы Филипыча, объявившего себя Богом. Он заявил: "Аз есмь Бог... нет другого Бога кроме меня", - и дал своим последователям 12 заповедей {Мельников П.И., 1896. С. 210-211}.

В старинном хлыстовском стихе-распевце говорится:

Сойду я к вам,
Бог, с неба на землю,
Изберу я плоть пречистую
и облечусь в нее.
Буду я по плоти человек,
а по духу - Бог.

{Рождественский, Успенский. С. 3-4}.

Данило Филипыч проповедовал свое учение с середины XVII в. до 1700 г., когда он умер и, по хлыстовскому преданию, вознесся на небо плотью. Заповеди Данилы Филипыча легли в основу хлыстовского учения, хотя со временем подверглись существенным изменениям.

В соответствии с хлыстовским учением Св. Дух может вселяться в "пречистую плоть" и такому человеку уже не нужно Св. Писание, так как его "водит" сам. Св. Дух. По преданию, Данило Филипыч отверг священные книги и велел бросить их в Волгу. Много позже хлысты опять стали пользоваться Св. Писанием и во время радений Евангелие всегда лежало на столе, его читали, но толковали аллегорично.

* В некоторых источниках утверждается, что его родиной была Костромская губерния.

Св. Дух, по мнению хлыстов, пребывал в их общине во время радений, которые проходили в чтении и пении молитв, хлыстовских распевцев и в своеобразных движениях, напоминавших неистовые пляски, а также в пророчествованиях. Но некоторые избранные, воспринявшие Слово Божие, якобы становились такими же помазанниками Божьими, как и Иисус Христос, и Дух Святой пребывал в них всегда.

Отрица божественное происхождение Христа, хлысты отрицали и его искупительную жертву, т.е. считали, что каждый человек должен спастись сам. Они считали, что Дух Святой разлит везде в мире и поэтому во время радений нисходит на многих. Христос - Слово Божие также может быть воспринят и родиться не в одном человеке, поэтому во главе каждой общины - "корабля" - стоял свой "христос"-кормщик и "богородица"-кормщица, хотя в секте были "христы", признанные всеми "кораблями", жизнь которых была овеяна легендами. Это Иван Суслов, которому дал божество сам Данило Филипыч, после него "христом" стал Прокофий Лупкин с богородицей Акулиной Лупкиной, Абакум Копылов с богородицей Анисьей Копыловой, Перфил Катасонов. Данило Филипыч заповедал своим последователям: "Святому духу верьте". Эта заповедь создавала предпосылки для разномыслия в хлыстовских общинах, каждая из которых следовала наставлениям своего "кормщика".

В отличие от множества христов Бог-Отец Саваоф был единственным персонифицированным в образе самого Данилы Филипыча. В соответствии с хлыстовским учением человеческие души существовали в доматериальном мире, но после падения были заключены в темницу - плоть, созданную Сатаной. Она-то и является виновницей всех человеческих бед и грехов, она мешает рождению Христа в каждом человеке, и вся мировая история - это борьба добра и зла, души и тела. Этот дуализм, который сродни дуализму в учении богомилов^{2*}, отличал хлыстовство и производные от него секты от других русских сект. Трудно с уверенностью сказать, был ли этот догмат заимствован у богомилов или это отголосок древних славянских языческих воззрений. В Ипатьевской летописи под 1070-1071 гг. записан рассказ волхвов о сотворении человека: "...мылся Бог в мовници и вспотився, отерся вехтем и сверже с небеси на землю и распресе сотона с Богом, кому в нем створити человека и створи дьявол человека, а Бог душу во нь вложи"^{3*} (Ипатьевская летопись. С. 166). А в XV-XVI вв. неизвестный обличитель язычества пытался объяснить христианам, что душу вдует Бог-творец, "то ти не Род, седа на вздусе мечет на землю груды и в том ражаются дети и паки аггели вдывает душу" (Гальковский. Т. 2. С. 97). Мы так подробно остановились на истоках этого догмата, чтобы показать, насколько сложен процесс формирования сектантского вероучения.

Логическим завершением хлыстовского дуализма стал крайний аскетизм. Хлысты отказались от всех доступных радостей жизни. Им было запрещено участвовать в праздничном веселии, они не должны были создавать семьи и иметь детей, у них было много пищевых запретов (хмельные напитки, чай, кофе, мясо, рыба, картофель, лук, чеснок). Хлысты изнуляли свою плоть строгими постами, которые заключались в полном отказе от пищи и питья до семи дней. В глазах русского народа аскетизм всегда, во все времена был очень привлекателен и рассматривался как угождение Богу, а с другой стороны, он являлся закономерной реакцией на несовершенство и несправедливость, царящие в мире, созданном Сатаной.

2* Секта богомилов возникла в Болгарии в X в. и просуществовала в южной Болгарии до XVIII в.

3* "Мылся Бог в бане и вспотел, отерся тряпицей (пучком соломы) и сбросил с неба на землю и

поссорились Сатана с Богом, кому из нее сотворить человека и сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил".

На радениях хлысты стегали себя или друг друга скрученными в жгуты полотенцами или прутьями вербы и при этом пели:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу. Сниди к нам Христос, со седьмого небесе, Походи с нами, Христе, во святом кругу, Сокати с небесе, сударь Дух святой!

Если на вербе обнаруживали кровь, то этот прут берегли, а после смерти клали в гроб, как удостоверение истового служения Богу (Добротворский. С. 61).

Хлысты считали, что число созданных Богом бессмертных человеческих душ велико, но не бесконечно, поэтому каждая душа по очереди пребывает в нескольких телах. После смерти души праведных, прежде всего "христов", идут к Саваофу, менее праведных вновь переселяются в младенцев, а православных - в животных, т.е. душа должна пройти долгий путь самосовершенствования. Возможно, что догмат о предсуществовании и переселении душ, который был характерен и для духоборческого учения, взял свое начало от какого-то неизвестного нам языческого предания или из древних анимистических культов.

Вопрос о конце мира решен в хлыстовском учении весьма расплывчато и неоднозначно. Не во всех общинах-"кораблях" верили во второе пришествие, а там, где верили, считали, что после суда, вершить который будет Данило Филипыч, праведные таинственно воскреснут, а неправедные пойдут на вечную муку.

Следуя заповеди Данилы Филипыча, хлысты очень тщательно скрывали свою секту и до 1905 г. внешне не порывали с православной церковью. Проживая среди православных, они исправно ходили на исповедь и к причастию, на праздничные службы, и, по свидетельству современников, не было более ревностных прихожан, чем хлысты. Даже на своих молитвенных собраниях они налагали на себя крестное знамение, читали церковные молитвы и акафисты, в их религиозном обиходе имелись кресты и иконы, которым они, правда, давали имена своих "христов" и "богородиц".

Эволюция хлыстовства шла по пути смягчения аскетизма. При А. Копылове и П. Катасонове в первой половине XIX в. хлыстам было разрешено иметь духовных жен - духовниц, с которыми разрешалось брачное сожителство без венчания, сняты были некоторые пищевые запреты. Направление в хлыстовстве, которым руководил П. Катасонов, получило название Старый Израиль.

Во второй половине XIX в. появился Новый Израиль, признанным "христом" которого стал В. Лубков. Он создал четкую организационную структуру секты, которой управлял с помощью "небесного кругозора" - совета апостолов, евангелистов и равноапостольских мужей (Бондарь. С. 61). Лубков отказался от умерщвления плоти и вместо призрачного Царства Божия в будущем призвал своих последователей создавать его на земле. В условиях быстрого социального расслоения деревни и обнищания части крестьянства он успешно организовывал коммуны-общины по примеру раннехристианских, провозгласив в своем "царстве" свободу и равенство. В 1905 г. Лубков "вывел свой народ из плена египетского", объявив о полном разрыве с православной церковью. Судьба этой секты драматична. В 1912 г. в поисках места для строительства Царства Божия Лубков, а затем и 2000 его последователей выехали в Уругвай. В 1920-е годы по призыву советского правительства они вернулись в Россию и основали коммуны на землях бывшего Войска Донского. Репрессии против крестьянства, тем более сектантов, в начале 30-х годов привели к полному разгрому Нового Израиля, да и хлыстовства в целом.

Хлыстовство достаточно широко было распространено в XVIII в. и первой половине XIX в. Позже его популярность постоянно падала, и на 1 января 1912 г., по официальным данным, Старый Израиль насчитывал 3012 человек, а Новый Израиль- 5881 человек

(Статистические сведения... С. 45-46).

Часть хлыстов пошла по пути более радикальной борьбы с дьяволом и его порождением - плотью. Они считали, что Адам пал именно потому, что вступил в супружеское сожителство с Евой, поэтому крещение духовное надо дополнить огненным - оскотлением. В 60-е годы XVIII в. это направление выделилось в самостоятельную секту, руководителем которой стал крестьянин Орловской губернии Дмитровского уезда Кондратий Селиванов. Обряд моления у хлыстов и скопцов был почти одинаков, они пели одни и те же распевцы, и члены одной секты могли участвовать в молитвенном собрании другой. В отличие от хлыстов, верящих в многократные воплощения Сына Божия, скопцы считали, что Христос воплотился в Селиванове, который, по преданию, не умер в 1832 г., а скрывается в Иркутской губернии и однажды явится судить мир.

Скопцы жили среди православных и очень тщательно скрывали свою принадлежность к секте, свои обряды и учение, так как скопчество всегда строго преследовалось. Золотой век для него наступил при Александре I, среди ближайшего окружения которого имелись скопцы.

С середины XIX в. на Кавказе и в Сибири из ссыльных сектантов стали возникать целые поселения, зажиточные скопческие деревни. Среди скопцов было много богатых людей, купцов и предпринимателей, имевших свои фабрики, на которых работали их единоверцы. Со второй половины XIX в. секта численно постоянно сокращалась. Во-первых, изуверский характер секты делал ее малопривлекательной даже для фанатично верующих людей, во-вторых, несмотря на то что многие члены секты скопились тогда, когда у них уже было несколько детей, естественный прирост фактически отсутствовал. И на 1 января 1912 г., по официальным и явно заниженным данным, в России насчитывалось 603 скопца (Статистические сведения... С. 49). В 30-е годы XX в. секта прекратила существование.

Интересно проследить, как складывался и изменялся социальный состав сект хлыстов и скопцов. Первоначально, в конце XVII - начале XVIII в., хлыстовскую секту составляли монашествующие московских монастырей, оброчные помещичьи крестьяне центральной России, приходившие в Москву на заработки, посадские. Постепенно секта перемещалась в помещичьи деревни центральных губерний России. Далее ее ареал все больше распространялся на южные великорусские губернии. Одновременно хлыстовские секты появились даже в Сибири. Безусловно, среди хлыстов были и государственные крестьяне, но они составляли меньшинство. Хлыстовство возникло как учение самых бесправных слоев крестьянства. То же можно сказать и о скопческой секте, причем в начале XIX в. среди скопцов было много солдат.

В процессе развития капитализма, особенно после реформы 1861 г., в деревне выделился слой мелких сельских товаропроизводителей, стремившихся при жизни, в земном мире реализовать свои идеалы. Отсюда и постепенное ослабление дуалистических начал в хлыстовстве и провозглашении идеалов свободы и равенства в религиозных коммунах Лубкова.

В отличие от секты хлыстов секта духоборцев состояла преимущественно из служилых людей - детей боярских, однодворцев и казаков Слободской Украины и южных русских губерний. Служилые люди на южной окраине России в начале XVIII в. отличались от однодворцев в других регионах страны. Они защищали южные рубежи от набегов татар, сознавали свою государственную значимость, чувствовали себя вольными и сравнительно независимыми от светских и духовных властей; в своей хозяйственной деятельности они были значительно свободнее остального сельского населения страны. В первой половине XVIII в. секта распространилась по территории, которая позднее вошла в Слободско-Украинскую (Харьковскую) и Новороссийскую губернии, а также в Тамбовском и Козловском уездах Воронежской губернии. Постепенно в числе ее членов оказался очень небольшой процент удельных, экономических и ясажных крестьян (тамбовская мордва). Во второй половине XVIII в. духоборческая секта появилась в

землях Войска Донского. Среди духоборцев в отличие от хлыстов и молокан было очень мало крепостных. Духоборческая ересь родилась в среде людей вольных и по своему правовому статусу, и по духу. Она никогда не была широко распространена^{4*}, как это часто представляется в литературе.

Сравнительно быстро секта росла во второй половине XVIII в., что было связано с наступлением государства на права и привилегии казаков и однодворцев, которых оно стремилось превратить в военных обывателей и государственных крестьян.

Духоборческое вероучение вообрало в себя идеи европейского анабаптизма и польского социнианства. Возможно, кто-то из основателей секты был знаком не только с учением, но и с образом жизни гуттерских и моравских братьев. Сильное влияние на складывание духоборческого учения оказали труды некоторых украинских православных проповедников и писателей второй половины XVII в., которые в свою очередь испытали влияние польско-литовского протестантизма.

Духоборцы заимствовали у украинских проповедников схоластический подход к толкованию Священного Писания. Известный в этом отношении труд И. Галя-товского "Ключ разумения" был весьма почитаемой у духоборцев книгой и хранился у руководителей секты до середины XIX в.

Сектанты рассматривали Библию как набор аллегорий и символов, которые могут быть понятны только с помощью внутреннего откровения в сердце верующего. До конца XVIII в. духоборцы читали ее на своих собраниях, особенно Новый Завет, считая его богодухновенной книгой. В конце века руководитель тамбовских духоборцев Савелий Капустин, ставший признанным вождем секты, запретил не только читать Библию, но и иметь в домах. Назвав ее "хлопотницей", Капустин объявил истинным только живое устное слово.

Духоборцы утверждали, что Бог создал человека, чтобы сделать его своим живым храмом. Человеческие души, созданные в доматериальном мире вместе с ангелами, пали самопроизвольно, сохранив склонность к последующим падениям. История о падении Адама и Евы - это символы падения души, и наследственного греха нет, так как каждый грешит и спасается сам. В наказание Бог создал плоть. В отличие от хлыстовского учения здесь плоть - не орудие Сатаны для окончательного погубления души, а данная Богом возможность для покаяния и исправления, возможность выбора, ибо потом, в вечности, когда не будет плоти, уже не будет и покаяния. Душа самовластна, и духоборцы неоднократно подчеркивали это, пойти или по пути, указанному Богом, или по пути Сатаны. Человек, возлюбивший Бога, уподобляется памятью Богу-Отцу, разумом - Богу-Сыну, волей - Богу-Святому Духу, и в нем, в его душе присутствует вся божественная Троица.

Духоборцы подняли человека до уровня Бога, поставив знак равенства между тремя божественными ипостасями и тремя человеческими качествами, отделяющими его от остального животного мира. Но откуда возникли эти идеи, были ли они оригинальны?

В 1681 г. в Москве на церковном соборе обсуждалось дело о некоем Яне Белободском, приехавшем из Литвы из города Слуцка, где он жил у кальвинистского пастора. Белободский утверждал, что человек сотворен по образцу и подобию Троицы: "...памятью Отцу подобится, разумом Сыну, волею Духу Святому" (ЧОИДР, 1884. Кн. 3. С. 236). И совсем уже другому человеку

^{4*} Кроме указанных выше губерний, небольшое число членов духоборческой секты было обнаружено в Курской, Пензенской и Таврической губерниях. Ссылные духоборцы занесли свое учение в Сибирь, в Иркутскую губернию, но число его последователей там было ничтожно, а их религиозный культ со временем претерпел значительные изменения.

принадлежит высказывание: "...душа наша по образцу Бога в Троице единого созданная,

имать трое сие: память, разум и волю... Три действия, а душа едина. Почему и долженствуешь в себе прославляти Бога, в трех лицах сущего, а во едином Божестве" (Остальные сочинения... С. 156). В сочинении "Слово в день Святыя Троицы" это написал Димитрий Туптало, украинский проповедник, иеромонах, затем архимандрит Успенского монастыря в Чернигове, а с 1702 г. митрополит Ростовский. Уже в конце своей жизни он повторил эти мысли в "Розыске о раскольнической брынской вере" (Димитрий, митрополит Ростовский, 1824. С. 292). Небезынтересно отметить, что 1677 г. Димитрий Туптало (Ростовский) провел в Литве в Слуцке. Очень многие идеи, изложенные им в работе "Внутренний человек в клети сердца своего уединен поучающся и молящся в тайне", можно найти в "Записке духоборцев", поданной ими Екатеринославскому губернатору Каховскому в 1791 г. (ЧОИДР, 1871. Кн. 2; Димитрий, митрополит Ростовский, 1804). Вслед за Димитрием Ростовским духоборцы утверждали самовластие души. Среди духоборческих псалмов, которые читали на молениях, два стихотворения взяты ими у Димитрия Ростовского (Животная книга... 1909. Пс. 316,334).

В понимании Бога духоборцы были пантеистами: Бог, считали они, везде в пространстве и во времени, он - высота, ширина, глубина.

Единение с Богом у духоборцев - это результат процесса совершенствования, осознания своего образа и подобия Божьего, воспоминания о том высоком предназначении, которое было уготовано человеку, и следование заповедям и делам Христовым. Это не накатывание Духа во время радений после многодневного истязания своей плоти.

Духоборцы призывали к умеренности, воздержанию, но им был чужд жесткий аскетизм хлыстов и скопцов. У них вообще отсутствовали посты. Несколько ветхозаветных пищевых запретов (запрет на свинину, рыбу без чешуи и раков) явно заимствованы и не укладывались в общую систему учения.

Понимание сущности Христа и его жертвы у духоборцев было не однозначным. Екатеринославские духоборцы признавали божественное происхождение Христа и считали, что его крестная смерть очистила людей от грехов. Сам Христос, его душа воскресает в душах людей, возрождая их. Он может избирать смертного человека и через него указывать людям путь к спасению. В такой трактовке человек, избранный Христом, становился его пророком, но не самим Христом. С. Капустин придал этому элементу учения другой смысл. Христос был простым смертным, избранным Богом, проповедовал он, и после телесной крестной смерти, показавшей образ страдания из любви к Богу, душа Христа осталась в роде избранных: сначала в апостолах, затем в первых папах, потом в духоборцах и в настоящее время она пребывает в нем, Капустине, т.е. он является Христом. Капустин утвердил за своим родом право на власть в секте на том основании, что Святой Дух исходит от Отца и пребывает на Сыне.

Духоборцы верили в переселение душ. Возможно, это был элемент учения, заимствованный из хлыстовства, или обе секты имели один источник.

Вопрос о конце света никогда не выдвигался духоборцами на первый план, хотя у них есть псалмы, повторяющие тему Апокалипсиса. Они не подвергали сомнению второе пришествие и Страшный суд, однако отрицали возможность воскресения мертвой плоти. Воскреснут только души сынов Божьих, которые в вечности соединятся с Богом. Такие понятия, как Ад и Рай, духоборцы считали символами злых и добрых дел.

Последователи духоборческого учения отвергали все, что было связано с церковью: иконы, кресты, таинства, священников, мощи, призывание святых. Их обряды были крайне просты, моление заключалось в чтении наизусть и пении псалмов собственного сочинения, народных духовных стихов и стихов литературного происхождения (С. Яворского, Дим. Ростовского, М. Ломоносова). Эти псалмы хранились в памяти всех членов секты и составляли устную "Животную книгу". В конце моления мужчины и женщины порознь по очереди (второй подходил к первому, затем третий подходил к первому и второму и т.д.), взявшись за правые руки как для рукопожатия, кланялись друг

другу два раза, целовались и еще раз кланялись, тем самым поклоняясь божественной Троице в каждом человеке.

Духоборцы считали, что им, людям, сознательно идущим по пути Господа, власти не нужны. Они существуют для усмирения злых, чтобы род Каинов не уничтожил сыновей Божьих — род Авеля. Царь - не помазанник Божий, так как его выбирает народ. Настоящий Царь и Отец у всех людей один - это Господь Бог, и только ему надо поклоняться и служить. Никому нельзя давать верноподданническую клятву, как нельзя клясться вообще, ни перед кем нельзя снимать шапку. Духоборцы, старались последовательно исполнять заповедь "не убий", отказывались служить в армии, скрывали дезертиров, хотя среди них было много людей, профессионально владевших оружием, - казаков, пикинеров. Сектанты заявляли, что все люди равны, поэтому не должно быть рабов и господ, а имеющий материальный избыток должен делиться с неимущим.

Тамбовские духоборцы еще в 60-е годы XVIII в. попытались установить общность имущества среди своих единоверцев. Однако создать общины-коммуны в условиях конспирации, в окружении православных соседей было невозможно. Эту попытку они повторили в начале XIX в., когда Александр I, провозгласивший принципы веротерпимости, разрешил им поселиться всем вместе в Таврической губернии среди ногайцев и немцев. Духоборцы объединили имущество и поселились по несколько семей в одном доме. Но коммуна просуществовала недолго. Вскоре они разобрали назад скот и скарб, оставив в общественной собственности небольшую часть имущества, за счет которой община содержала одиноких стариков и сирот, оказывала помощь в случае несчастий. Распоряжался ею руководитель секты. Царство Божие на земле быстро превратилось в теократическое мини-государство с неписаным правом, своими обычаями и своеобразной культурой. С 30-х годов XIX в. секта духоборцев фактически перестала пополняться извне. Это было связано не только с тем, что правительство смогло изолировать их в Таврии, запретило переселение туда духоборцев из внутренних губерний, но и с тем, что сами духоборцы, составлявшие не только религиозную, но и земельную общину, не были заинтересованы в ее пополнении извне, так как количество земли на душу со временем уменьшалось.

В 1841-1845 гг. в административном порядке духоборцы были насильно выселены из Таврии в высокогорный район Закавказья. В 1887 г. в секте произошел раскол. Большая часть духоборцев пошла за новым лидером П.В. Веригиным. Вмешательство правительства, поддержавшего меньшинство, привело к перерастанию конфликта внутри секты в конфликт веригинцев с правительством. Последователи Веригина попытались вновь обобществить имущество, установить совместный труд и равное распределение продуктов. Они отказались от мясной пищи, алкогольных напитков и курения, а также, как некогда и их предки, отказались братья за оружие и служить в армии. В 1898-1899 гг. 7,5 тыс. постников, как их стали называть, вынуждены были выехать в Канаду, где и сейчас проживают их потомки.

Часть оставшихся на Кавказе духоборцев в 20-е годы XX в. выехала в Сальские степи (Ростовская область, Целинский район), где основала села-коммуны, успешно развивавшиеся до начала коллективизации. До конца 1980-х годов на Кавказе, в Грузии компактно проживало 3,5 тыс. духоборцев. В настоящее время в результате распада Советского Союза и межнациональных конфликтов большинство из них выехало в Россию. Значительная группа духоборцев проживает в Канаде в провинциях Саскачеван и Британская Колумбия.

Самую многочисленную русскую секту составляли молокане. Долгое время считалось, что молоканская секта является ответвлением духоборческой. Этому способствовало одно из молоканских преданий о том, что основатель ее, деревенский портной из Тамбовской губернии Семен Уклеин, был вначале якобы членом духоборческой секты, возглавлявшейся Побирахиным. Разойдясь с ним по вопросу приоритета Священного

Писания над внутренним откровением, Уклеин со своими последователями отделился от духоборцев и основал новую секту. Уклеин лишь систематизировал молоканское учение, написав первый "Обрядник" с изложением догматов и обрядов молокан, и своей активной проповеднической деятельностью способствовал его быстрому распространению, сама же секта появилась значительно раньше.

Уклеин утверждал, что единственным источником веры является Священное Писание, в котором наряду с описанием реальных исторических событий много мест, которые надо понимать "духовно", т.е. как аллегории. Это были те места в Священном Писании, которые не поддавались рациональному объяснению. Понять и истолковать их смысл, по мнению Уклеина, мог только человек, просвещенный Богом. Таким богопросвещенным человеком Уклеин считал себя. Однако этот догмат все-таки отличается от понимания внутреннего откровения в сектах хлыстов и духоборцев, у которых Святой Дух или вся святая Троица пребывают в избранном человеке и руководят им. У молокан человек не входит в непосредственное общение с Богом. Эта секта стояла на более рационалистических позициях, чем духоборческая.

Уклеин на первое место по своей значимости ставил Новый Завет, называя его краеугольным камнем истины. Он и его последователи не подвергали сомнению божественное происхождение Христа. Уклеин считал, что Сын и Дух единосущны Отцу, но не равны в божественном достоинстве; что Христос принес с неба свою плоть и с нею вселился в чрево Богоматери. Это не была обычная человеческая плоть, поэтому Христос и не умирал в обычном понимании этого слова.

Учение молокан, вполне совпадая с православным по вопросам создания человека, его падения и второго пришествия, значительно отличалось от него в трактовке Страшного суда. На Страшном суде, по мнению молокан-уклеинцев, будут только согрешившие духовные христиане, тогда как не согрешившие сразу после смерти переселятся в блаженную вечность, а все не принадлежащие к числу последователей Уклеина пойдут после смерти на вечную муку. Позже в понимании Страшного суда молоканское учение приблизилось к ортодоксальному. Однако молокане, как и духоборцы, считали, что мертвые воскреснут духом, а не плотью.

Молокане отвергали все, связанное с внешним поклонением Богу, и заявляли, что поклоняются ему духом. Но в отличие от духоборческой секты у молокан был детально разработан обряд богомоления, во время которого специальные чтецы читали Священное Писание, руководитель религиозной общины — пресвитер - говорил проповеди, певчие пели псалмы Давида, а остальные молящиеся подпевали; в нужные моменты все собрание должно было неоднократно становиться на колени. Пресвитер избирался всей общиной и никаких материальных преимуществ не имел. В связи с тем что в молоканских общинах очень уважались люди, умевшие читать Священное Писание, грамотность в этой секте была несравненно выше, чем в какой-либо другой.

В отличие от духоборцев молокане признавали посты, но только один - на Страстной неделе - считался обязательным, а в остальное время каждый устанавливал себе посты сам, если считал необходимым укрепить дух. Уклеин ввел ветхозаветные пищевые запреты, но подразделения пищи на постную и скоромную у молокан не было. В отличие от духоборцев в молоканской секте находились под запретом спиртные напитки и курение.

Отношение молокан к государству не было столь враждебным, как у духоборцев. Хотя молокане тоже считали, что истинным духовным христианам, идущим по Божьему пути, не нужны законы и суды, они, тем не менее, признавали, что власти от Бога, и за очень редким исключением были законопослушны. Во многих общинах молились за царя и почитали его как помазанника Божьего. Молокане отрицательно относились к войне, службе в армии и среди них было распространено дезертирство.

Вероучение молокан не требовало от членов секты жесткого аскетизма, веры до исступления и фанатизма, как у хлыстов и скопцов, и в то же время оно не вело к

непримиримым противоречиям с существовавшим социально-государственным устройством России, как у духоборцев. Молоканское учение было более умеренным, приемлемым для широких социальных слоев, стремившихся к экономической самостоятельности, дешевой церкви. Основу секты составляли свободные сословия: однодворцы, государственные крестьяне, мещане, ремесленники, низшее купечество, казаки. Но среди молокан имелось немало и крепостных крестьян. Молоканская секта была особенно широко распространена в южных великорусских губерниях, Новороссийском и Ставропольском краях, Астраханской губернии.

При Александре I молоканам, как и духоборцам, было разрешено селиться отдельно от православных. Несколько молоканских сел возникло в Таврии, однако в 30-е годы XIX в. в руки молокан попала книга Штеллинг-Юнге "Победная повесть", в которой говорилось, что Христос вторично явится миру около горы Арарат (Юницкий. С. 147), и поток молокан направился в Закавказье. Большинство молоканских поселений находилось на территории нынешних Армении и Азербайджана. У кавказских молокан, как и духоборцев, в изоляции сформировалась своя оригинальная культура, неразрывно связанная с их религией.

В отличие от секты духоборцев, собранных воедино, в одном месте и руководимой единоначально "христом", молоканские общины были рассеяны по обширной территории вплоть до Амура, и у них отсутствовало единоначалие. После уклеинского "Обрядника" в разных общинах стали появляться свои аналогичные обрядники, иногда существенно отличавшиеся друг от друга. Для молоканской секты характерно большое количество всевозможных толков и выделившихся из нее сект (Дингельшпедт; Буткевич; Раскольники за Кавказом).

Разногласия по вопросу предпочтения Ветхого или Нового Завета привели к выделению из молоканства субботничества. Его последователи признавали Моисеев закон и, соответственно, отрицали божественность Христа, Святую Троицу, праздновали субботу, а не воскресенье, еврейские праздники. В народе их называли жидовствующими^{5*}. Основателем субботничества считается последователь Уклеина крестьянин Саратовской губернии Сундуков. Эта секта очень быстро распространилась в конце XVIII- начале XIX в. С 1825 г. в целях пресечения соращения в субботничество православных этих сектантов стали высылать в Кавказские провинции, где они основывали свои села.

В 50-е годы XIX в. из молоканской секты выделились так называемые прыгуны. Основатель секты Л. Соколов объявил себя Христом, пришедшим судить мир, и призвал своих последователей собираться на Кавказе. Преемник Соколова М. Рудометкин объявил себя духовным царем и короновался на царство, запретив своим последователям подчиняться другим властям, платить налоги и служить в армии.

Сектанты-прыгуны отличались необычайной строгостью нравов и рвением в молитве и посте, особой честностью. Прыгуны пользовались уклеинским "Обрядником", и если во время собрания Святой Дух не снисходил на них, то оно мало чем отличалось от обычного молоканского, разве что после моления сектанты пели

^{5*} Жидовствующими называли также и последователей иудаизма, русских по национальности. Субботники и жидовствующие-иудаисты являются разными религиозными группами.

прыгунские духовные песни, обычно сочиненные самим Рудометкиным. Но если на собравшихся снисходил Дух, то их моление скорее напоминало хлыстовское радение,

только в отличие от последнего, во время которого сектанты кружились на пятке или бегали, прыгуны скакали до изнеможения под духовные песни, исполнявшиеся в плясовом ритме. Как и у хлыстов, кто-нибудь начинал пророчествовать. Несмотря на почитание Христа и Евангелия, особенно Апокалипсиса, прыгуны придерживались законов Моисея, чтити субботу и праздновали некоторые ветхозаветные праздники. Они жили в постоянном ожидании конца света, только Рудометкин предсказывал его трижды, поэтому в отличие от других молокан прыгуны не очень заботились о личном благосостоянии. Ныне их общины, очень малочисленные, еще существуют в Азербайджане и Армении.

Основателем другой, выделившейся из молоканства секты, общего упования, или общих, был крестьянин Самарской губернии А. Попов. Он написал "Устав упования общего учения", в котором разработал принципы общежития в настоящих христианских общинах, члены которых должны отказаться от личной собственности. Сам Попов - человек богатый, раздал свое имущество бедным и этим снискал себе славу у последователей. Его выслали на Кавказ, и в 30-е годы XIX в. около него собралась община. Несмотря на то что правительство опять сослало Попова, теперь уже в Сибирь, секта, правда очень немногочисленная, не прекратила своего существования.

Община общих представляла коммуну, которая состояла из нескольких партий по 30-50 человек каждая, причем не всегда родственников. Члены "партии" проживали в одном доме и все вместе питались. Никто не имел личной собственности, все принадлежало общине. Однако со временем общие стали ограничиваться внесением 1/10 имущества в общественный магазин. Жизнь такой общины руководили 12 чинов (судья, жертвенник, распорядитель, мысленник и т.д.), избравшихся из числа ее членов. Сектанты совместно работали в поле, а воскресенье все вместе проводили в молениях. Собственно, и совместная работа сопровождалась пением духовных песен, рыданиями о греховном мире, заканчивавшимися радостными воплями о скором втором пришествии. Эта секта существовала еще и в начале XX в.

Среди многочисленных ответвлений молоканства, пожалуй, следует обратить внимание на донской толк. Он интересен не какими-то особенными догматами или обрядами, а тем, что его последователи неоднократно пытались легализоваться, получить статус официально признанной церкви. Донской толк появился в начале XIX в. среди зажиточных донских казаков и сравнительно быстро распространился в южных губерниях России. Центром его стало село Ново-Васильевка в Таврии. Молокане донского толка заявили о своем отказе принимать дезертиров, согласились служить в армии и давать присягу; они признали таинства, за исключением миропомзания и священства, и их пресвитеры совершали крещение младенцев троекратным погружением в купель, и т.д. Это была попытка смягчить конфронтацию с православной церковью и государством, найти компромисс и добиться равных с православными прав. Молокане, как и духоборцы, не могли быть избраны на общественные и государственные должности, не могли нанимать работников из православных, покупать землю далее 30 верст от местожительства и т.д. Все эти ограничения очень сдерживали зажиточных молоканских предпринимателей. Существовали и другие толки, например тамбовский, владимирский, возникновение которых не связано с социальными интересами каких-то групп сектантов.

В начале XX в. молокане неоднократно собирали съезды, пытались объединиться, выработать единое учение, но сделать это им не удалось. В конце XIX в. у молоканской секты появился сильный конкурент - баптизм, активно проповедовавшийся на юге России и Украине и перетягивавший к себе членов других сект. На 1 января 1912 г. официальная статистика насчитывала 133 935 человек постоянных молокан (уклеинцев), 4844 прыгуна, 4423 субботника (Статистические сведения... С. 35, 47, 51). В настоящее время молоканские общины продолжают существовать на Кавказе (хотя многие их члены в начале 1990-х годов выехали в Россию), в Ростовской области, Ставропольском крае, Амурской области. В начале XX в. большая группа молокан из России переселилась в

США в штат Калифорния. В 50-е годы к ним присоединились и молокане из Карсской области Турции. Сейчас молоканские общины существуют в Лос-Анджелесе (прыгуны) и Сан-Франциско (постоянные).

Все три основные русские религиозные секты имеют общие черты. В то же время они очень разные по своему вероучению, культу, составу. Рассматривая состав каждой из них, нельзя забывать и о том, что немаловажное значение для вовлечения в ту или иную секту имел индивидуальный психологический склад каждого сектанта, а не только его социальная психология. Известны случаи, когда в одном селе сосуществовали сразу две, а то и три секты.

Основу перечисленных сект и в XVIII-XIX вв., и в XX вв. составляло преимущественно сельское население - основной хранитель традиционной русской культуры, обычаев и традиций, хотя религиозное учение, естественно, наложило сильный отпечаток на нравственные идеалы, нормы общественного поведения и культуру каждой секты.

Прежде всего от русских православных их отличала двойственность самосознания. В сознании людей XVII-XIX вв. понятие русский было разнозначно понятию православный, а поскольку сектанты враждебно относились к православной церкви, то они отрицали не только свою принадлежность к ней, но и к русским в целом. О самосознании хлыстов и скопцов мы можем судить только по косвенным данным, но вот что касается духоборцев и молокан, то они всегда считали себя особыми народами. Духоборцы, не признававшие святость царской власти, а понятие Отечества связывавшие с местом пребывания своих вождей, считали себя даже не подданными, а данниками русского царя.

Вместе с тем, как бы подобные религиозные группы не стремились обособиться, историческая память, язык, обычаи и традиции все равно крепко связывали их с русским народом. Вопреки религиозным запретам у духоборцев, например, сохранился обширный пласт песенной народной культуры, в которой значительное место занимали передававшиеся из поколения в поколение исторические песни, воспевавшие подвиги русского народа и его военачальников. Показательно, что в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. духоборцы оказали действительную помощь кавказским частям русской армии. Наиболее ярко эта двойственность самосознания проявилась у сектантов, выехавших за пределы России в конце XIX - начале XX в. Вот уже на протяжении 3—4 поколений канадские духоборцы и американские молокане прилагают огромные усилия, чтобы сохранить русский язык, русскую традиционную культуру в своей среде. Когда в 1921 г. советское правительство обратилось к сектантам и старообрядцам, живущим за рубежом, с призывом вернуться в Россию, духоборцы, молокане и новоизраильтяне откликнулись и заявили о желании жить в своей стране со своим народом. Из этой затеи ничего не получилось, но это уже не по их вине. Некоторая часть канадских духоборцев до сих пор не оставляет надежды на возвращение в Россию.

Нравственные идеалы сектантов полностью совпадали с христианскими, но то, что декларировалось на словах, на деле иногда облекалось в уродливые формы. В осуществлении своих идеалов сектанты последовательны и настойчивы до фанатизма. Одной из положительных черт, свойственных почти всем сектам, было необыкновенное трудолюбие. Благодаря этому жили они значительно лучше, чем остальное население. В сектах молокан и духоборцев, например, очень нетерпимо относились к лентяям, пьяницам, мотам. Таких после увещаний, отстранения от общих молений, изгоняли из общин. У молокан есть хорошая пословица: "Живи так, как будто завтра умрешь, а работай так, как будто будешь жить вечно". Однако если с кем-то из единоверцев случалось несчастье и семья разорялась, то им помогала вся община. У духоборцев в таком случае пострадавшему от пожара, падежа скота и т.д. выдавалась ссуда из общественной казны, которую он мог и не возвращать, но каждый считал делом чести со временем вернуть долг. У общих почему-либо обедневший член общины всегда мог рассчитывать на получение пособия из казны, но за каждый рубль он должен был нести

тяготу - один день поста. Если сумма была большой, то он обращался к соседям или всей общине с просьбой разделить с ним тяготу и разложить ее на всех.

В сектантских общинах было принято всем селом строить дом сироте, поддерживать одиноких стариков. У духоборцев они доживали свой век в так называемом Сиротском доме. И духоборцы, и молокане всегда с гордостью говорят, что никто из их единоверцев никогда не ходил с протянутой рукой. Известны случаи, когда в голодные годы духоборцы раздавали хлеб из запасных магазинов местному населению. Хорошо было известно и их гостеприимство, причем оно распространялось на всех, независимо от вероисповедания и национальности гостя. В целом же такие замкнутые группы обычно отличались сильно развитым групповым эгоизмом и, прежде всего, отстаивали и защищали свои экономические интересы в ущерб соседям.

Во всех сектах особым уважением пользовались старики. Во-первых, потому, что они являлись хранителями традиций и учения секты, во-вторых, к старости за плечами многих из них оставались годы гонений, различных притеснений, а иногда и тюрем, и это создавало вокруг старшего поколения ореол страдания, очень привлекательный в глазах сектанта.

Хотелось бы немного остановиться на положении женщины в сектантской общине. Оно было несравненно свободнее, чем в православной деревне. Современники в XIX в. очень часто писали о безудержном разврате в сектах, об обмене женами, многоженстве и т.д. Подобные случаи были у хлыстов. Широко известно, что хлыстовские радения иногда заканчивались свальным грехом, хотя во второй половине и, особенно, в конце XIX в. он уже стал не правилом, а исключением. Хлысты для видимости женились, венчались в церкви, но относились к "плотским женам", как они их называли, резко отрицательно. Когда же наряду с венчанными женами появились еще и "духовные", то такие браки заключались только по обоюдному согласию и в любой момент по желанию одной из сторон могли быть расторгнуты. Для этой секты было характерно обожествление женщины, почитание живой "богородицы".

В соответствии с учением духоборцев каждая женщина их секты, независимо от ее семейного положения, считалась девой, так как она не венчана, т.е. не утратила чистоту, и как Дева Мария рождает человека - вместилище Святой Троицы. Первоначально браки заключались только по любви, и духоборцы говорили: "Если есть любовь, то слово - закон". Обоюдная склонность молодых требовалась и при заключении браков у молокан. Однако постепенно, особенно к концу XIX в., на первый план при заключении браков выдвинулись экономические интересы. Правда, у молокан и духоборцев существовал развод. Чтобы развестись, нужна была достаточно веская причина. Старейшины общины делали попытку примирить разводящихся. Женщине возвращали приданое или его компенсацию, а у духоборцев еще и небольшую часть нажитого в семье имущества. У молокан разведенные супруги до смерти одного из них не могли вступить в повторный брак, а у духоборцев оба супруга могли создавать новые семьи. Во главе духоборческой секты более 20 лет стояла женщина, а, уже будучи в Канаде, духоборцы разрешили выборным от села женщинам участвовать в ежегодных собраниях-съездах. В секте общих в числе 12 чинов, управлявших общиной, 3 принадлежали женщинам. Среди молоканок и духоборок никогда не было кликушества - формы истерии, широко распространенной среди православных женщин и вызванной тяжелыми условиями жизни.

Отношение к добрачным связям молодых людей в разных сектах существенно различалось. Если у хлыстов этому вообще не придавалось особого значения, то у молокан потеря невинности, как правило, считалась большим позором для девушки и ее семьи. У духоборцев всю ответственность за содеянное нес мужчина, и старики могли заставить его жениться на этой девушке или выгнать из общины.

Русские сектанты создали очень интересную и в значительной мере самобытную культуру. В каждой секте имелись свои духовные песни или псалмы, часто не лишенные

поэтичности, в каждой секте помимо оригинального обряда богомоления были и свои обряды жизненного цикла, свой жизненный уклад, а иногда и свой костюм. В культуре сектантов ясно видны два слоя: культурный слой, отражающий учение и мировоззрение данной секты, и второй - русская традиционная культура. Их соотношение в разных сектах и в разные периоды их истории было различное.

К сожалению, нам мало известно об обрядах жизненного цикла у хлыстов и скопцов. Видимо, помимо совершения церковных обрядов, хлысты параллельно имели и свою обрядность. В духоборческой и молоканской сектах имя младенцу нарекала повитуха по желанию родителей или отец ребенка, в некоторых молоканских общинах - пресвитер. Венчание в обеих сектах заменялось выяснением при стечении народа обоюдности желаний молодых вступить в брак, а у молокан после этого пресвитер или старейшина читал соответствующие места из Священного Писания и давал наставления. А далее следовала традиционная русская свадьба с дружками и подругами, свадебным поездом, встречей молодой в доме мужа и т.д. Характерная особенность духоборческого и молоканского похоронного обряда - сопровождение его чтением и пением сектантских псалмов и духовных стихов. На могилах молокан и духоборцев отсутствовали кресты.

Иногда обряды или их элементы, искусственно сформированные и внедренные в жизнь руководителями секты, по мере ослабления религиозного энтузиазма отмирали и происходил частичный возврат к традиционным русским истокам. Так, например, у духоборцев результатом их веры в переселение душ явился запрет плакать и причитать на похоронах, поминать умершего и ухаживать за его могилой. Ведь если человек не умер, а "изменился", как говорили духоборцы, т.е. принял другое обличье, то незачем его оплакивать и поминать. Однако к концу XIX в. эти запреты стали быстро забываться и на похоронах, как в любой русской деревне, женщины голосили, покойного стали поминать через шесть недель и год, а родные стали посещать кладбище на Пасху.

Особенности религиозных учений в большей или меньшей степени отразились на внешности и костюме сектантов. У хлыстов существовало предание, что их "Христос" И. Суслов был трижды распят на Кремлевской стене, причем на третий раз с него еще сняли кожу. Но пришли девы и обвинили его тело белыми полотнами, которые приросли и превратились в кожу. Этой легендой хлысты объясняли появление у них длинных белых рубах, в которых они совершали радения. Скопцы тоже надевали на моления белые рубахи и считали белый цвет символом чистоты и непорочности. Сами себя они иногда называли белоризцами и белыми голубями. В будничной жизни хлысты и скопцы носили обычную одежду и старались не выделяться среди остального населения.

Молокан можно было узнать по одежде старинного покроя и бородам. На Кавказе и в наши дни на моления старики надевают рубахи на выпуск под пояс и кафтаны. Женский молоканский костюм отличался от русского конца XIX - начала XX в. разве что обилием оборок и кружев. Под платок молоканки надевали чепчик. До последнего времени девушки некоторых сел на Кавказе шьют и надевают на свадьбы своих подруг стилизованный "молоканский" наряд.

Костюм кавказских духоборцев состоял из элементов, заимствованных из мужского казачьего и немецкого костюмов. Широкие штаны с клином, фуражка и бекеша сочетались в нем с шелковыми жилетами и шейными платками. Женский костюм, сшитый из ярко окрашенных домотканых материй, повторял южнорусский вариант одежды. Вместе с тем он был украшен яркой вышивкой, дополнен очень своеобразной прической, частично заимствованной у немецких поселенков в Таврии, и шапкой, каждая деталь которой имела символическое значение и отражала этапы духоборческой истории (Иникова, 1993. С. 29-36). В целом этот костюм, в котором и сейчас можно увидеть старшее поколение во время молений и в праздничные дни, производит впечатление очень оригинального национального костюма. В таких религиозных группах, особенно живших компактно, как молокане и духоборцы, костюм играл очень важную роль: он отделял сектантов от остального населения и в то же время объединял их, служил знаком их

принадлежности к данной секте.

В основе созданной сектантами культуры, несмотря на ее своеобразие, лежала все-таки русская народная культура, что и позволяет нам говорить о хлыстах, духоборцах, молоканах и их ответвлениях как о русских конфессиях.

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Народные верования русских, сохранившиеся в известной мере до настоящего времени, представляют собой сложную систему, многие элементы которой коренятся в древнейших религиозных представлениях. Эти представления, как показали исследования историков, этнографов, археологов, лингвистов и фольклористов, нередко восходят к неолитической и даже палеолитической эпохе. Многие древние черты народного мировоззрения сохранялись до XIX и в известной мере до XX в., некоторые из них в трансформированном виде сохраняются и в наше время.

В системе русского народного мировоззрения отразились религиозные влияния последующих эпох, когда в народных судьбах большую роль начинают играть государственные, классовые и другие общественные институты, способствовавшие возникновению родоплеменных, семейно-родовых культов, почитанию предков, в частности вождей, культов племенных богов и т.п.

После крещения Руси все большее значение в формировании народного мировоззрения приобретает христианство, введение которого, как известно, способствовало развитию грамотности, возникновению литературы, обогащению форм изобразительного искусства. Введение христианства, проводившееся сверху, не было мирным. Церкви пришлось вести упорную многовековую борьбу с языческими волхвами и кудесниками, ушедшими в подполье, но долго сохранявшими свое влияние в качестве представителей "дьявольской", нечистой силы. Сохранились многочисленные свидетельства об этой борьбе в церковной литературе, особенно в поучениях священнослужителей, направленных против пережитков язычества.

Однако непримиримой позиция церкви была лишь в отношении служителей языческих культов. Что же касается сложившихся веками народных обычаев и обрядов, то церковь в соответствии с народной практикой избрала иную тактику - приспособления их к христианской идеологии. Приняв христианство, народ не отказался от дедовских обычаев, а, напротив, сохранил их под новой религиозной оболочкой. Этот синкретизм народного мировоззрения сказался в широко употреблявшемся в науке термине бытовое православие, в котором отразилась реально сложившаяся религиозно-обрядовая практика русского народа, и в первую очередь крестьянства. Особенно ярко проявилось это в обрядах крестьянского земледельческого календаря, принявшего под влиянием христианства вид бытовых святцев (Аничков; Рыбаков, 1981 и др.).

Используя имена церковных святых, крестьяне создали календарь сроков сельскохозяйственных работ, составили указатель погоды. Зачастую к именам святых прикреплялись прозвища, характеризующие период времени, на который приходится поминание того или иного святого. Так, о зимнем солнцевороте говорили: "Со Спиридона-солнцеворота - солнце - на лето, зима - на мороз; Евдокия - Подмочи порог, оттого что в это время начинались оттепели; Елена звалась Ляньницей, так как в это время положено было сеять лен, и т.п.

К именам святых приурочивались определенные пословицы и поговорки, приметы; по ним определяли предстоящую погоду, от которой во многом зависела судьба урожая.

Деревенские обряды, игры и хороводные песни, основанные на первобытной магии, как профилактической, т.е. направленной против враждебной, нечистой силы, так и продуцирующей, т.е. обеспечивающей человеку благополучие, сосредоточились вокруг

христианских праздников: Рождества Христова, Васильева дня, Крещения, Пасхи, Фоминой недели, Троицы, Георгия-победоносца, Николая-чудотворца, Иоанна-Крестителя, Ильи-пророка, Покрова Богородицы, Козьмы и Демьяна (Калинский).

Русский народный календарь содержит немало обычаев и обрядов, связанных с продуцирующей магией, долженствующей обеспечить хороший урожай, приплод домашних животных, счастливый брак и т.п. Магическим пожеланием благополучия в предстоящем году проникнуто и исполнение новогодних колядовых песен в канун Нового года. Сохранились исторические свидетельства XVII в. о том, что в Москве, в Кремле, по улицам и переулкам, в слободах и за городом, перед Рождеством Христовым многие люди кликали Каледу и Усень (Овсень). Позже в XIX-XX вв., сотни колядок были записаны собирателями. Магическое значение имело величание хозяина и членов его семьи, содержащееся в колядовых песнях:

...Благослови, сударь-хозяин, во двор зайти.
Во двор зайти, да виноградье спеть.
Да я ступил во двор, тут три терема стоят,
Крутоверховаты, златоверховаты.
Во первом-то терему светел месяц.
Светел месяц Никифор господин.
Во втором-то терему светлая заря.
Светлая заря-то Марина госпожа.
Да во третьем-то терему да ясны звездочки,
Да часты звездочки, да малы деточки...

В севернорусских областях новогодние величальные песни исполняли с характерным припевом: "виноградье, красно-зеленое мое", отчего сами песни получили название виноградий. В них молодые люди, которым предназначалась песня, наделялись идеальными чертами так, что на молодца "здивовались" не только крестьяне, но и все бояре и дворяне. Песни кончались пожеланиями жениться. Необыкновенными чертами наделялась "девица-душа" в девичьих виноградьях. В некоторых из них девушка изображается чудесной вышивальщицей:

...Она шила, вышивала тонко бело полотно. Да первый угол вышивала - красно солнце с маревами, Да второй угол вышивала - светел месяц со лунами, Светел месяц со лунами, со частыми со звездами. Да третий угол вышивала - всю Россию со людьми, Да на четвертом вышивала - сине море со волнами. Сине море со волнами, со черными кораблями. Да посередке вышивала молодца с конем, Да молодца с конем, да со острым копьём...

(Дмитриева, 1993. С. 63).

Столь же магическим по воззрениям народа было исполнение подблюдных песен при новогодних гаданиях. Свое название эти песни получили от блюда с водой, в которое клали снимаемые с себя кольца, браслеты и другие предметы собравшиеся гадать девушки. Под пение хора одна из них вынимала тот или иной предмет. Содержание песни, под которую вынимался предмет, предвещало ее хозяйке счастливую или несчастную судьбу. Если в песне говорилось о золоте, серебре, хлебе, кошке, греющейся на печи, это, соответственно, предвещало богатство, урожай и замужество.

Магическое значение имел и обычай ряженья на святки козой, медведем, лошадьё. Подобную роль играли фигурки животных (козульки), выпеченные из теста или вылепленные из глины, которыми принято было одаривать колядовщиков (. С. 115).

Ярко выраженный магический характер имел обычай заклинать весну. Начиная с Благовещенья, девушки, подражая птичьему гомону, пели в разных концах села, переключаясь друг с другом. По всей России был распространен обычай печь из теста фигурки жаворонков. Ребята выбегали с ними на улицу и кричали: "Жаворонки,

жаворонки, прилетите к нам, принесите весну красную". Существовало представление, что весну приносят птицы, а потому (по принципу симиль-ной магии) изображение птиц может ускорить наступление весны.

Архаические элементы магического характера имеются в земледельческих обрядах, особенно жнивных. Во многих русских областях был распространен обычай "делания, или завивания, бороды" духу-полевику (Волосу, Илье, Егорию), состоявший в следующем: на поле оставляли немного жита, перевязывая сверху колосья; затем верхушку срезали и клали на нее землю, цветы или маленький снопок. Хозяйка поля, где делали бороду, устраивала пиршество с пением песен. В среднерусских обычаях последний сноп срезали и с разными церемониями вносили в дом, где хранили его до сева. Обряд "завивания бороды" исследователи рассматривают как разновидность многочисленных магических земледельческих обрядов народов Средиземноморья и Европы, основанных на представлении о духе поля, скрывающемся в последнем несжатом снопе.

Обряды продуцирующей магии сопровождают период проводов весны (лета), приходившийся в большинстве русских районов на Петров день. Нарядно одетые девушки и парни качались на качелях, распевая песни о весне. Качание - один из распространенных у многих народов магических приемов, изображающий рост, подъем растений.

Еще один вид подобных обрядов связан с очистительной магией. Особое значение придавалось этим обрядам в период зимних и летних святок. Так на Крещенье, после окончания святочных гуляний, было принято купаться в крещенской проруби - Иордани с тем, чтобы смыть с себя грехи. Существовало представление, что купание в Иордани дает здоровье на весь предстоящий год. Подобное очистительное свойство придавалось купальским кострам, практиковавшимся на Ивана Купалу (Ивана Крестителя).

В русском крестьянском обиходе сохранилось немало следов анимистических представлений, восходящих к древнему общинно-родовому строю. Согласно этим представлениям окружающее человека пространство - земля, растительность, вода, огонь - мыслилось одушевленным (anima - душа).

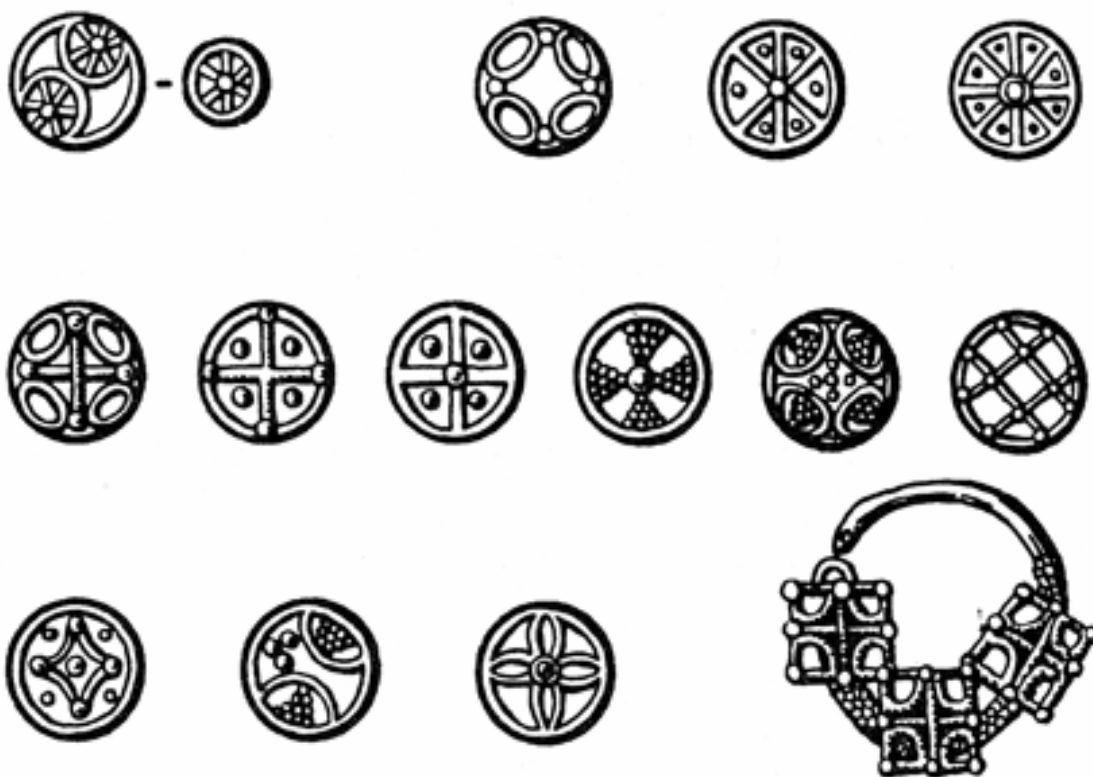
С особым почитанием русские с глубокой древности относились к земле. Земля представлялась матерью-кормилицей; достаточно вспомнить общеизвестное выражение - "Мать-сыра земля". Еще в XIX в. крестьяне клялись землей; с этим обычаем связано другое известное выражение - "Чтоб мне сквозь землю провалиться", и т.п. С почитанием земли связан один из самых распространенных и древних мотивов крестьянского искусства - изображение могущественной богини-матери с предстоящими ей всадниками. В крестьянской земледельческой практике этот образ слился с анимистическими представлениями о духах-покровителях полей и садов. Антропоморфные и зооморфные образы духов хлебного поля хорошо известны в земледельческих обычаях европейских народов. Согласно народным верованиям в образе животного - зайца, лисицы, волка, собаки и т.п. - воплощался дух хлеба. Именем животного или птицы часто назывался последний жатвенный сноп. В некоторых русских деревнях существовал обычай, сжиная последний сноп, кричать: "Зайка побежал, зайка побежал...", когда оставалось мало жатвы, говорили: "Ну, девки, давайте зайца гонять". Упоминались и другие животные, например лошадь.

Во многих русских районах был распространен упоминавшийся уже обычай "делания бороды", как называли последний сноп, в котором исследователи видят антропоморфное олицетворение духа поля. В некоторых районах вместо бороды употреблялось название князь, а обычай класть последний сноп на суслон назывался посадить князя. В среднерусских районах последнему снопу придавали человеческий (антропоморфный) облик; сноп называли куколкой. Известен обычай, когда последний сноп, одетый в женскую одежду, торжественно вносили в дом, ставили в передний угол, после чего праздновали окончание жатвы.

Олицетворялся не только последний, но и первый сноп. Во многих русских областях

его называли Елохой. В районах Русского Севера, наряду с Елохой, было известно название Ероха. Начиная жатву, смотрели, каким получился первый сноп: плохим или хорошим. Если плохим, говорили: "Худа голова Ерошина получилась. Такой и жених будет".

Название жнивного снопа Елохой (Ерохой) восходит, вероятно, к именам древних славянских божеств с корнем ер-яр. В деревнях Северной Двины бытовало выражение ера, еры, т.е. сильный, ярый. Это название почти полностью совпадает с белорусским еры, Святой Еры, которого исследователи сопоставляют с Юрием-Егорием. Корень ер-яр связывают с именем Ярилы, культ которого у славян известен по средневековым хроникам и по более ранним историческим источникам. В то же время мотивы, относящиеся к праславянскому Яриле прослеживаются в легендах о Святом Георгии. Вероятно, жнивные персонажи Ероха-Елоха отражают стадиально более древние представления, на основе которых, очевидно, позднее возникли образы типа восточнославянского Ярилы и общеславянского Егория-Георгия (Иванов, Топоров. С. 180, 184).

Символы Земли и Солнца на золотых височных кольцах

Подобные анимистические воззрения легли в основу общинных аграрных культов, связанных с сезонными сельскохозяйственными работами. Пережитком общинных культовых действий можно считать общераспространенный русский обычай устраивать помочи при жатве. Хозяйка поля должна была сделать угощение для пришедших на помощь, причем обязательной была обрядовая еда - лепешки и каша. В некоторых районах сам обычай помочей назывался кашей. При помочи говорили: "делать кашу", "звать на кашу" и т.п. Тем самым подчеркивалось особое значение каши как ритуальной еды. Обычай праздновать окончание жатвы держался и при колхозах. Когда одно звено колхозной

бригады заканчивало жатву, то приглашало на кашу другие звенья. Хотя угощение было разнообразным, обычай продолжали называть кашей (Дмитриева^ 1988. С. 42, ел.),

В русских районах, главным образом граничащих с районами расселения финно-угорских народов, подобная жнивная каша называлась саламатой. Саламата известна тюркским народам как ритуальная каша: ею поминали предков. Имеются косвенные свидетельства того, что и русская обрядовая каша связана с поминанием предков (в похоронных, поминальных и крестильных обрядах). В южно-русских областях бытовали обряды "бабьих каш", связанные с почитанием Богородицы. Исследователи видят в этих обрядах следы культа Параскевы-Пятницы, восходящего в свою очередь к культу Великой богини матери. Сохранились письменные свидетельства о подобных обычаях в среднерусских областях, где и свадьба прежде называлась кашею (от обычая кормить кашей молодых).

Украшение на фронтоне дома {с. Кельчемгора, Архангельская область}

Анимистические взгляды отразились в суеверных представлениях о животных, которые исследователи связывают с верой в метаморфозы (реинкарнации) душ. Особенно распространены у разных народов земного шара рассказы о животных-оборотнях (Токарев, 1957. С. 43). У восточных славян известны поверья о людях-волках, причем существуют две основные версии. По одной из них строятся рассказы о колдунах, умеющих превращаться в животных, в том числе и в волков; по другой - о людях, превращенных по воле колдунов в волков. Геродот в своей "Истории" говорит о неврах (исторически связанных со славянами), которые, по свидетельствам греков и скифов, умели превращаться в волков. Подобные представления отразились в русских былинах о Вольге-князе, умевшем принимать облик разных животных, а также в "Слове о полку Игореве", где говорится о Всеславе, способном обращаться в волка.

Предметом суеверных представлений были и другие животные. Например, медведю приписывалась способность уничтожать нечисть там, где он появлялся. Широко по всей России был распространен обычай водить медведя по городам и селам. Нередко вожака с медведем приглашали в дом, где завелась нечистая сила. Апотропеическую (защитительную) силу медведя использовали при лечении болезней: чтобы больной поправился, медведь должен был наступить на больного или перешагнуть через него. У северных русских, а также у старожильского населения Сибири бытовало представление о происхождении медведя от человека, проклятого либо родителями, либо Богом.

С некоторыми животными связаны суеверные приметы и поверья. Так, крик ворона предвещал несчастье; заяц, перебежавший дорогу — неудачу; крик кукушки - печаль. Напротив, счастье предвещала встреча с такими божьими птицами, как голубь, аист, соловей, журавль, лебедь. Особенно почитался лебедь; запрещалось убивать его; убивший лебедя обрекал себя на скорую смерть.

Под влиянием христианства некоторые животные стали представляться нечистыми. Так нередко черта представляли в образе козла. Козлообразный Сатана - характерный христианский мотив средневековья, происхождение которого связано с козлоногими божествами античности. Однако в народных верованиях сохранилось и языческое почитание козла, которому приписывали охранительную силу. Считалось, что черти боятся козла; козла часто держали в конюшне для защиты лошадей от нечистой силы. С козой же связывали плодородие полей, считалось, что, "где коза ходит, там жито родит".

Столь же двойственным было отношение к кошке. С одной стороны, кошкам, особенно черным, приписывался демонический характер. Считалось, что в кошку превращалась ведьма. Общераспространенной является примета о черной кошке, перебежавшей дорогу; также широко известно выражение "черная кошка пробежала", означающее ссору между людьми. С другой стороны, кошка представлялась чистым животным. Она в отличие от собаки не оскверняет алтаря; ей разрешалось сидеть в переднем углу, где обычно помещались иконы. Столь же двойственны представления о

собаке. С одной стороны считалось, что она обладает способностью отгонять нечистую силу, а с другой - верили, что в собаку, особенно черную, может обратиться черт. В подобных народных представлениях о животных, как свидетельствуют этнографические материалы, отразились не только древние религиозные верования (анимистические, тотемические), но и чисто практические наблюдения над особенностями поведения животных: чистоплотность кошек, способность предчувствовать беду собак, плодовитость коз.

С возникновением родового строя получает развитие такая форма религии, как культ предков, включивший в себя анимистические и магические представления предшествующего родового периода. Одухотворение окружающей природы слилось с представлениями об умерших предках - покровителях деятельности человека в лесу, в поле, на воде. Подобно тому, как большой семьей и родом руководит хозяин (старик), так и окружающая природа управляется "дедами": лешим - хозяином леса, полевиком, водяным, житным дедом и т.п. Такова природа и у домового, управляющего в доме, бане, овине и т.д. С домовым и, более широко, с предками связан культ домашнего огня (очага). Переезжая на новое место, хозяева переносили уголь из старого очага в новый, приглашая с собой домового, что символизировало переход духов предков на новое место.

Наиболее полно культ предков представлен в семейной обрядности - похоронной, свадебной, родильной. При свершении этих обрядов помощь предков представлялась особенно необходимой. Отчетливо культ предков представлен в поминовении покойников. Помимо поминок, связанных с недавно умершим, которые было принято делать на третий, девятый и сороковой день после смерти, существовали общественные поминовения покойников-"родителей". При поминовении обязательной была трапеза с традиционной обрядовой пищей (кутья, блины, пироги, кисель), устраивавшаяся в доме покойного и на кладбище. Предполагалось, что души предков незримо присутствуют на ней.

В древнерусской литературе сохранились упоминания о почитании Рода и Рожаниц, которым приносили жертвы (хлеб, сыр, мед). О почитании чура, щура, прашура свидетельствует распространенная на Руси игра в салки, когда играющий, добежав до дома, произносит "чур меня", прибегая к защите предка (прашура). Древние письменные источники свидетельствуют об обычае устраивать покойникам специальную баню. К XIX в. этот обычай был утрачен; как пережиток можно рассматривать широко распространенный обычай ставить в передний угол дома блюдо с водой и вешать рядом полотенце для того, чтобы умерший смог умыться и вытереться при посещении дома.

Со времени феодальной Руси крестьянство, как и весь народ, отводило поминовению предков специальные дни: это семь вселенских панихид, установленных православной церковью.

Главными поминальными днями были Радуница, Троица и Дмитриев день - важнейшие календарные даты весеннего возрождения (Радуница, Троица) и умирания (Дмитровская суббота) природы. Это соответствовало самым ответственным датам народного земледельческого календаря - севу и уборке урожая. Приуроченные к ним дни поминания должны были способствовать хорошему урожаю. Поминки включали в себя немало обрядов магического характера; подобный характер имели и слова, обращенные к предкам на поминальных трапезах. Начиная очередное блюдо, старейший, обращался к незримо присутствующим предкам со словами: "Чтоб родило, росло, жило". Особенно ярко культ предков отразился в приуроченном к Дмитриеву дню обычае "радовать покойников", включавший в себя поминальную трапезу для покойников. После ужина хозяйка накрывала белой скатертью стол и ставила приготовленные заранее традиционные блюда, зачастую многочисленные. Начиная трапезу, обращались к Богу с просьбой помянуть "честных родителей".

Под влиянием христианства языческий культ предков значительно трансформировался. Так, Дмитриевская суббота, по церковному преданию, была

установлена Дмитрием Донским по почину Сергия Радонежского в память о погибших на Куликовом поле. В этот день церковь отмечала день памяти св. Дмитрия Солунского, чьим именем был крещен Дмитрий Донской. В народе эти святые были включены в сонм предков-покровителей живущих. Об этом, в частности, свидетельствует пословица: "Покойнички на Русь Дмитриев день ведут; покойнички ведут, живых блюдут".

Так же тесно переплелись в народной практике христианские предания с поминальными обрядами в празднике Покрова Богородицы. Этот праздник, как известно, был установлен в память о чудесном явлении Богородицы византийскому юродивому Андрею (X в.) Богоматерь, сняв со своей головы покрывало, простерла его над молящимися в храме людьми в знак защиты их от врагов видимых и невидимых. В народе праздник, в связи с древним обычаем покрывания головы невесты платком, стал знаменовать время заключения браков. Девушки-невесты старались поставить свечу и помолиться о хорошем женихе, обращаясь к Богородице со словами: "Матушка Покрова, покрой землю снежком, а меня молодую женишком". О древней языческой основе праздника свидетельствует обычай гадать в этот день о замужестве. Такое же бытовое осмысление получили праздники Параскевы-Пятницы, Казанской Божьей матери, Зачатья Анны, которым молились беременные женщины и роженицы.

Для поминальных обрядов характерно сочетание похоронных мотивов в плачах и причитаниях, исполняемых в начале поминок, с безудержным весельем, а иногда и с пьянством, и обжорством - в конце. В "Стоглаве" имеется подробное описание поминок, на которых присутствующие вначале плачутся с великим причитанием, а затем пляшут и поют "сатанинские песни", угождая покойнику. Православная церковь, борющаяся с язычеством, стремилась ввести поминки в христианское русло, но эта борьба не была до конца успешной. И до сих пор в той или иной мере сохраняется обычай, когда грустный, минорный тон начала поминок сменяется постепенно веселым застольем, правда большинство современников вряд ли считают, что это радует незримо присутствующих предков.

В связи с похоронной обрядностью в России получил развитие фольклорный жанр похоронной причеши (плачей), в которой культ предков выступает еще более явственно, чем в похоронных обрядах. Так, в причети в большей мере отразилось представление о том, что покойный продолжает жить и после смерти и слышит обращенные к нему слова. В некоторых русских районах, особенно севернорусских, получило развитие искусство профессиональных вопленниц, от которых фольклористами записано большое число высокохудожественных текстов причети. Особым мастерством отличались вопленницы Русского Севера. В

районах былинной традиции причеть по художественным особенностям близка к былинам. Нередко сказительницы былин были и вопленницами. Наиболее известна среди них Ирина Андреевна Федосова, чье творчество приходится на последние десятилетия XIX в. Этнограф-фольклорист Е.В. Барсов записал от нее около 30 тыс. стихов-причетов, составивших 3 тома "Причитаний Северного края". Выход в свет этой книги стал сенсацией в образованном обществе России конца XIX в. Творчество И.А. Федосовой использовал Н.А. Некрасов в своей поэме "Кому на Руси жить хорошо" (Чистов, 1988).

В числе причитаний, записанных от И.А. Федосовой, помимо похоронных, имеются рекрутские и свадебные. Рекрутские причитания исполнялись на проводах рекрута, разлука с которым в силу того, что царская военная служба продолжалась многие годы, воспринималась как смерть. По словам Федосовой: "Жива эта разлука пуще мертвой". Близки к похоронным плачам свадебные причитания, в которых невеста прощалась с родным домом. В причитаниях невесты-сироты, исполнявшихся обычно на могиле матери, особенно ярко проявляется связь причитаний с культом предков. Невеста обращается к умершей матери, рассказывает ей о предстоящем замужестве, о своих опасениях и просит мать помочь ей.

Поминальная обрядность в целом связана со стремлением ублажить покойного,

заручиться его поддержкой. Однако имелись и другие обряды, в которых проявлялись боязнь, страх перед смертью, стремление обезопасить себя от умершего. Так, во всех русских районах был распространен обычай выносить покойного ногами вперед с тем, чтобы умерший не увлек за собой кого-нибудь из живущих.

Особенно опасными представлялись так называемые нечистые покойники, к которым относили умерших преждевременной и неестественной смертью: утопленников, убитых, самоубийц, умерших от алкоголизма и т.п. В некоторых районах таких покойников называли заложными. Название происходит от обычая хоронить таких покойников в яме, закладывая их досками; засыпание землей в таких случаях расценивалось как оскорбление земли. В Древней Руси существовали "убогие" дома, предназначенные для таких покойников, где они лежали незасыпанными землей до Семика, когда происходило их отпевание. Особенно стойко держалось убеждение, что заложных покойников нельзя хоронить на общем кладбище, а только на перекрестках дорог, на границах полей, на пустырях, в оврагах. Заложных покойников боялись в силу существовавшего представления, что такие покойники доживали положенный срок жизни (70 лет) среди живущих. Особенно опасными считались умершие колдуны; для них имелось особое название - упыри (вампиры). Бытовало представление, что упыри сосут кровь живых. В некоторых славянских районах упырями называли не только мертвых, но и живых людей, связанных с нечистой силой. Внешне они мало отличались от других людей и лишь после смерти их узнавали по свежему, красному лицу умершего (Зеленин, 1916. Очерки...).

Враждебно настроенными к живым считались также чужие предки. К умершим родственникам обращались как к покровителям и защитникам, в том числе и от враждебно настроенных чужих предков. В древнерусской литературе сохранились свидетельства почитания чужих, иноплеменных предков - навий с тем, чтобы нейтрализовать их неблагоприятные действия, к ним обращались за помощью колдуны для вредоносной магии (Елеонская, 1917).

Враждебные духи, населяющие природу, мыслились как источники болезней. Основная особенность народномедицинской практики, отличающая последнюю от обычной медицинской, заключается в том, что, по народным представлениям, причиной заболевания являются духи болезней. Отсюда и специфика лечения - изгнание этих духов. Особенно это заметно в заговорах с преобладанием магического начала, где духи болезней нередко изображались антропоморфными существами. В заговорах отразилась активная борьба с болезнями, которые сплевывали, смывали, сдували, сжигали и т.п. Названия болезней - уроки, прикосы, стрелы, грыжи, кочи и т.п., упоминаемые в заговорах, как правило, восходят к именам нечистых духов: стрел-черт и стрелы-колотье в теле; чомор-дьявол и чемер-спазм в животе и боль в пояснице и т.п. Во многих сборниках заговоров присутствуют заговоры от лихорадки. Болезнь эта вызывалась сестрицами-тря-совицами (трясицами), иродовыми дочерьми. Лихорадку старались умиловить, называя ее Лихоманкой Ивановной.

В не меньшей мере подобные представления сказывались и в гаданиях, с тем различием, что если духов болезней старались изгнать всеми возможными способами, то духов, используемых при гаданиях, напротив, старались призвать на какое-то время, чтобы выведать у них о будущей судьбе. При гадании обращались не только к духам болезней, но и к духам окружающей среды. Например, в широко распространенных гаданиях на перекрестках обращались к черту, спрашивая о судьбе в предстоящем году. Чтобы лучше виделось, снимали с себя пояс, распускали волосы, проклинали себя и все вокруг, после чего призывали духов: "Сходите все лесные, болотные, речные черти, покажите жениха..." Обязательным условием для сношения с нечистой силой было снятие с себя креста и отречение от Бога на время гадания. В силу этих условий гадание считалось греховным делом; после него необходимо очищение. Так, после новогодних гаданий, чтобы "смыть с себя грехи", купались в священной проруби (иордани). '

Духи, к которым обращались при гадательной и заклинательной магии, по народным

представлениям, способны говорить. В севернорусских рассказах о порче насланный дух болезни имеет вид маленького человечка и способен отвечать на вопросы. Он называет себя по имени, отчеству, может сказать имя своего "батюшки"-колдуна, наславшего его. Духи, к которым обращались при новогодних и подобных гаданиях, отвечали по-иному: особым шумом листвы, если спрашивали у дерева, журчанием воды, если спрашивали у реки и других водных источников, глухими или звонкими звуками, когда спрашивали у земли, например при гадании на перекрестках.

Подобных духов большинство исследователей относят к заложным покойникам, т.е. умершим преждевременной или неестественной смертью. По народным представлениям, как уже отмечалось, души этих людей не находят покоя после смерти и продолжают жить среди живых, стремясь навредить им.

Среди духов окружающей среды выделяют так называемых сезонных демонов, выходящих из воды на землю в определенные сроки - в пору зимнего и летнего солнцеворота. Помимо общерусских русалок, появившихся в летне-осенний период, в осенне-зимний - из воды выходили мелкие демоны другого рода, имевшие в разных русских областях разные названия: шуликоны, шишки, чудь, васильчики и т.п. {Богатырев}. На Русском Севере до начала XX в. сохранялся обычай ставить кресты около домов, за околицей, по обочинам дорог. Некоторые из крестов, в том числе и расположенных рядом с домом, являются надмогильными. В старообрядческих районах до 1920-х годов сохранялся языческий обычай хоронить умерших рядом с домом и у порога домов. Кресты, расположенные по обочинам дорог и на перекрестках, первоначально играли охранительную роль. Они, как и подобные кресты в Западной Европе, восходят к древнему обычаю погребения родичей на границах родовых владений. Считалось, что дух умершего, связанного и после смерти с местом своего погребения, становился стражем родного селения, спасителем от враждебных духов, излюбленным местом пребывания которых являлись дороги.

В более позднее время на перекрестках дорог хоронили "заложных" покойников. До сих пор можно услышать рассказы о страшных привидениях, появляющихся на перекрестках или обочинах дорог, средством спасения от которых служили кресты. В севернорусских районах имели распространение, а в некоторых районах сохраняются до сих пор так называемые обетные кресты, поставленные по обету (обещанию), данному Богу в благодарность за добро или за избавление от какого-нибудь зла. Чаще всего подобный обет давали рыбаки, промышлявшие на море, в опасные для жизни моменты. Выйдя на берег живым, рыбак ставил обет-ный крест или на берегу моря, в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Наибольшее распространение обетные кресты получили в поморских деревнях, связанных с новгородским освоением Русского Севера. Как можно судить по письменным и археологическим памятникам, обычай водружать обетные кресты больше, чем другим русским областям, был свойствен Новгородской земле, что отразилось и в архитектуре новгородских храмов, на стенах которых нередко вырезались обетные кресты. Обычай водружить памятные кресты в Древней Руси засвидетельствован в былинах, где поется о "Чудном кресте Леванидовском".

Интересны архитектурные особенности крестов. Над многими из них сооружена двускатная крыша с резными причелинами и коньком, в деталях повторяющая подобную конструкцию жилого дома. Подобные крыши над крестами нередко рассматривают как пережиток языческих погребений - домовин, воспроизводивших жилища живых и снабженных необходимыми предметами для загробной жизни.

В большой степени представления о духах окружающей среды отразились в былинках - рассказах о сверхъестественных (мифологических) существах {Померанцева Э.В.}. Наиболее распространенными из них являются былинки о лешем. Его видят то очень высоким, вровень с лесом, с самыми высокими деревьями, то совсем маленькими, ниже

травы. Чаще он хозяйничает в лесу, но может забрести и в трактир к подвыпившему человеку, неосторожно помянувшему его в разговоре, даже в крестьянский дом, если и там его помянут. Поэтому крестьяне старались не произносить лишнего раз имя лешего, особенно в сумеречное время. Осторожными нужно было быть с маленькими детьми. Жестоко наказывалась мать, в раздражении сказавшая ребенку: "Ну тебя к лешему", - леший тут же уносил его к себе. Если матери после длительных молитв в церкви и удавалось вернуть ребенка, то после пребывания у лешего он оставался до конца жизни больным.

Не обходилось даром общение с лешим и для взрослых: побывавший в гостях у хозяина леса или погибал, или заболел неизлечимой болезнью. Чаще всего леший подшучивал над путником, едущим по лесной дороге. Он прикидывался или знакомым или родственником путника и за разговором заводил его в чащобу. Единственным спасением от лешего в таких случаях было крестное знамение или слова молитвы. Достаточно было сказать только: "Господи ". В ответ раздавался громкий хохот и слова лешего: "А, догадался..."

Нередко жертвой лешего становился нетрезвый человек. Леший предлагал ему выпить еще рюмку вина или опохмелиться. И если человек выпивал рюмку, то становился жертвой лешего. Однако можно было просто сказать: "Господи, ведь я же сегодня не последнюю...", - и леший с громким хохотом исчезал.

Рассказы о том, как леший "водил" в лесу тех, кто ходил по ягоды и грибы, касаются больше женщин. В лес старались ходить по двое и по трое, но и в таких случаях леший иногда добивался успеха, принимая вид товарища или родственника своей жертвы; спасением от него опять же было крестное знамение или молитва. Иногда в быличках вместо лешего фигурирует лешачиха, которая, подобно своему супругу, заводит людей в чащобу под видом знакомой или родственницы. В большинстве быличек о лешачихах изображается неожиданная встреча с ними в лесу, на поляне или на берегу реки. При виде человека они быстро убегают в лес или прыгают в воду, как это свойственно и русалкам.

В севернорусских губерниях русалки, которых здесь называют чаще чертихами, или водяниками, чаще представляются одиноко сидящими на берегу реки. Они значительно отличаются от русалок южнорусских областей, которых видят молодыми и красивыми, привлекающими путников в лес или в воду с целью умертвить. Считалось, что русалки выходят на землю после Троицына дня и поселяются в ближайших рощах и полях. Особенно любят они развесистые ивы или березы, склонившиеся над водой. Сроком ухода русалок из лесов и полей в реки и другие водные источники во многих русских районах считался Петров день. В этот день происходил обряд "проводов русалок". Обряд сопровождался играми, в которых в той или иной форме изображалась борьба ряженных русалками с провожающими (или выгоняющими) их крестьянами. Изображавшие русалок стремились поймать кого-нибудь из провожающих. Были и варианты этого обряда, например в некоторых севернорусских деревнях имела место игра под названием имки, которая состояла в том, что девушки и парни бежали вперегонки до реки.

Русалок не только прогоняли, но и стремились умиловить: вешали для них на деревья венки, оставляли им в поле или на берегу реки угощение, чаще всего яичницу. Считалось, что там, где ходят русалки, лучше растут травы и посева.

Хозяином водной стихии - реки и озер - считался водяной. Его представляли обросшим травой или мохом с длинной зеленой бородой. Большую часть времени он проводит под водой, показываясь из нее после полуночи. Особенно он любит глубокие омуты, затаскивая туда неосторожного купальщика. Считалось, что утонувший мужчина становился работником водяного, а утопленница - его очередной женой. Поскольку водяной представлялся хозяином всей водной живности, рыбаки старались умиловить его, принося ему в жертву первую пойманную рыбу.

Обязательной была жертва водяному при постройке мельницы; первоначальная человеческая жертва была заменена впоследствии на ломоть хлеба и стакан водки. Как и

вся нечистая сила, водяные любят задавать пиры, приглашая на них родичей из других омутов. Любимыми блюдами водяного считались раки и "голые" рыбы, вроде угрей и налимов, почему крестьяне некоторых русских районов не употребляли этих рыб в пищу. Разгулявшийся водяной мог учинить бурю, снести мост или запруду. Чтобы умиловить его в сильный шторм, в былые времена бросали в воду моряка, которому выпадал жребий. Красочное описание этого обычая содержится в знаменитой былине о Садко. В местах, опасных для пловцов и плотогонов, чтобы усмирить водяного, строили церкви.

Помимо быличек о духах окружающей среды, в народе бытовали суеверные рассказы несколько иного рода - о домашних духах, более доброжелательных к человеку, чем рассмотренные выше. Особенно часто можно было услышать рассказы о домовом; наибольшее число из них связаны с новосельем. Переходя в новое жилище, брали с собой петуха, хлеб и икону. Иногда вместо петуха использовали кошку, иногда и петуха, и кошку вместе. Домового звали с собой: "Мы пойдем, и ты с нами..." По поведению петуха и кошки в новом доме судили об отношении домового к новому жилью: если петух радостно махал крыльями - домовый доволен; если опускал крылья - домовый не рад новому жилью. С помощью птиц и животных, вносимых первыми в новый дом, гадали также о будущем житье в нем. Если петух или кошка забирались в передний угол - это служило добрым предзнаменованием, если на середину комнаты - к "среднему" житью, если к порогу - к житью худому. В некоторых районах гадали с помощью специально испеченного по случаю новоселья хлеба, который "закатывали" по полу: если хлеб ложился верхней коркой вниз - не к добру.

Обычай гадания с помощью петуха позволяет видеть в последнем жертвенную птицу. Обычай гадания при жертвоприношениях был известен многим народам, в том числе и европейским. Кроме того, в письменных источниках сохранились свидетельства об обычае при постройке дома зарывать петуха в том месте, где должен был располагаться передний угол. Изба таким образом строилась на петушиной голове. Отголосок обрядов, связанных с принесением жертв при закладке нового дома, можно видеть в обычае делать коньки на крышах крестьянских домов. Если есть основание видеть в петухе жертвенное животное, то вряд ли то же можно сказать о кошке. С последней связано представление о способности домового к превращению в животных, чаще всего в кошку. Среди старшего поколения и сейчас держится представление о том, что кошку бить грешно - обидишь домового. Рассказы о переселении в новый дом очень схожи между собой в разных русских районах. Варьируется лишь число предметов, которые было положено первыми вносить в новый дом. В некоторых северных деревнях, кроме иконы и петуха, брали в новый дом корыто, в которое клали хлеб, соль и чай, а иногда и отрезки на платье, шерсть для прядения.

В некоторых рассказах домовый предстает хранителем семейного благополучия: он предупреждает хозяев о предстоящем счастье или несчастье в доме. В таких случаях домовый поднимает в доме своеобразный шум, и нужно, уловив момент, спросить, к добру или худу он волнуется. В быличках многих русских областей известен рассказ о том, как домовый "давит" (наваливается) на хозяйку, и если та успеет спросить его, к "добру это, или к худу", то в ответ он или произносит одно из этих слов, или дает знать о предстоящем событии прикосновением своей мохнатой руки, причем холодная рука предвещает несчастье, а теплая, напротив, счастье. Одной из ипостасей домового является дворовой - хранитель двора и домашних животных. Ему в определенные дни приносили жертвы и просили кормить, поить и любить домашнюю живность.

В районах Русского Севера и Верхнего Поволжья - там, где до сих пор имеет место обычай мытья в индивидуальных банях, были распространены былички о банном духе — хозяине бани, которого называют банником, дедушкой баенным или букой баенным. Чаще всего рассказывают о том, как банник наказывает за мытье "в третий пар" (в третью очередь). Наказание чаще всего выражается в том, что банник одуряет, иногда до смерти, неосторожного человека. Однако во многих рассказах он предстает духом, если и не

особенно доброжелательным, то по крайней мере и не враждебным к человеку. Банника после бани благодарили за хороший пар и оставляли для него сухой веник и кадку с водой на случай, если он сам захочет попариться. Банник любил мыться в третью очередь, почему и наказывал тех людей, которые вздумали ему помешать в этом.

Бане отводилась особая роль не только в свадебных, но и в родильных, и в крестильных обрядах. Купанье в бане практиковалось при лечении болезней; произнесение лечебных заговоров часто сопровождалось смыванием изгоняемых духов болезней. В письменных источниках сохранились свидетельства, что раньше в большие поминальные праздники топили специальные бани для умерших предков. Этнографы не раз отмечали двойственное отношение крестьян к бане: баня считалась нечистым местом, но ходить в баню должен был каждый. В бане не бывает икон, собираясь в баню снимают крест и пояс, в день мытья не положено ходить в церковь. В то же время полагали, что тот, кто не ходит в баню, не бывает добрым человеком.

Во многих суеверных рассказах фигурируют образы колдуна и ведьмы, в которых видят наследников древних языческих жрецов. Многие из колдунов становились таковыми по наследству; некоторые учились у других колдунов; были колдуны, получавшие свои знания непосредственно от сверхъестественных сил. Впрочем связь с потусторонними силами считается обязательной чертой всех колдунов и колдуний. В распоряжении каждого из них имеется определенное число чертей (бесов), причем чем сильнее колдун, тем больше бесов служит ему. Колдун не может умереть, не передав своих чертей (свою силу) кому-нибудь другому. В противном случае колдуна ждет мучительная смерть; чтобы ускорить ее, приходится приподнимать матицу или открывать все двери. Колдун может прибегнуть и к обману, чтобы передать свою силу, и тогда мог пострадать случайно зашедший родственник или знакомый. Правда такой, случайно получивший свой дар колдун может избавиться от него после долгих молитв, что невозможно для колдунов наследственных или ставших таковыми добровольно. И это понятно, так как, чтобы стать колдуном, неопиту требуется отказаться от христианской веры и всех ее атрибутов; прежде чем запродать свою душу, необходимо снять с себя крест, наступить на икону и т.п. (Максимов, 1903).

Колдунам приписывали способность приносить засуху, эпидемию и другие беды. Особенно много рассказов связано со способностью колдунов насылать порчу - болезнь, вызванную вселением в человека нечистой силы. Если заболевшему не помогли обычные меры борьбы с болезнью (парение, натирки, примочки и т.п.), а также врачи, считалось, что на больного наведена порча. Вылечить его мог только колдун, сделавший порчу, или другой колдун, более сильный, чем наславший болезнь. Способность колдуна бороться с нечистой силой использовалась крестьянами в ответственные моменты жизни. Так, например, долго сохранялось мнение о необходимости приглашать на свадьбу колдуна для того, чтобы охранять молодоженов от порчи. Считалось, что молодые особенно подвержены такой опасности. Иногда колдуна приглашали на свадьбу, чтобы предотвратить недобрые действия с его стороны. На известной картине В.М. Максимова "Колдун на деревенской свадьбе" хорошо передана атмосфера страха, охватившего участников свадебного пира перед появившимся в дверях колдуном, которого забыли пригласить на свадьбу.

Если колдун был известной и поневоле уважаемой личностью в деревне, то ведьмы, как правило, скрывали свое ремесло от окружающих. Существовали специальные приемы для узнавания ведьм. Например, если на пасхальную службу прийти с рябиновой ветвью, можно узнать ведьму, увидев ее стоящей спиной к алтарю. Зловредная деятельность ведьмы заключалась главным образом в ее стремлении взять себе силу урожая на поле односельчанина (так называемый пережин, залом), отнять молоко у коров, навести болезнь на того или иного человека. Особенно часто пользовались ведьмы своей способностью "присушивать" и "отсушивать"; чаще всего об этом просили покинутые жены. Считалось, что ведьмы по ночам собираются на шабаши, вылетая из дома через

печную трубу на помеле. Немало рассказов связано со способностью ведьмы превращаться в животных - кошку, собаку, свинью.

Знахарки в отличие от ведьм, старавшихся остаться в тени, напротив, не скрывали свое ремесло. При этом они стремились подчеркнуть свою связь с христианством, с церковью, используя церковную атрибутику: иконы, молитвы, крестное знамение. Применяемые ими традиционные заговоры обычно начинались и кончались словами: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь". К знахарке часто обращались с просьбой снять сглаз или порчу. Чтобы сделать это, она использовала всевозможные заговоры, однако основным средством были травы. Начинаящая знахарка должна была знать не менее 12 трав, а искусные знали от 70 до 90 трав.

В своей практике знахарки обращались к могучим силам природных стихий: воды, земли, огня и растительности. Древнее народное представление наделяет их необычными, в том числе и целебными, свойствами. Почитание этих четырех стихий было издревле свойственно славянам. Привыкший соблюдать древние обычаи русский человек, почитая таинственную, священную силу огня, не осмеливался не только плюнуть в горящий огонь печи или костра, но и потушить его, предоставляя ему погаснуть самому. Мало кто осмеливался бросить в горящую печь вычесанные волосы или перешагнуть через костер. Нарушение этих правил могло вызвать головную боль, а в худшем случае - виноватый начинал чахнуть и сохнуть.

Распространенным было поверье, что особой силой обладает чистый, живой огонь, добытый путем трения дерева об дерево. К такому огню прибегали для спасения от эпидемий. Крестьяне гасили какой бы то ни было огонь в деревне, затем разжигали живой огонь, и уже от него возжигали огни во всех деревенских домах. Особенное распространение этот обычай получил в области Новгорода Великого и в исторически связанных с ним севернорусских районах.

Через живой огонь старались провести весь скот деревни в случае эпизоотии. Огнем знахари лечили некоторые болезни, включая детские. Очистительная, оплодотворяющая сила огня использовалась в народных календарных обрядах. Достаточно вспомнить купальский обряд перепрыгивания через костер. Немало крестьянских обычаев связано с культом домашнего очага: ему приносились жертвы, домашний огонь переносили в новый дом из старого при новоселье и т.п.

Особое почитание воздавалось земле, воспринимавшейся в народе как живое женское существо. На землю нельзя было плевать, ударять, бить ее. Тот, кто поступал так, рисковал, что на том свете также будут бить его мать. Считалось, что, упав на землю, человек ушибал ее, за что земля могла наказать болезнью.

Чтобы выздороветь, заболевший должен был вернуться на место падения и попросить у земли прощение. Особенно почтительно нужно было относиться к земле весной - в это время земля беременна. Также осторожным в отношении с землей нужно было быть в Духов день и в Успенье; в это время земля - именинница. Во время сева и жатвы земле приносили жертвы; к ней прибегали для гадания о будущем урожае; земля и сама давала знать о времени сева или сбора урожая. Например, цвет черемухи говорил о том, что пора сажать пшеницу; цвет можжевельника - ячмень; если зацвели яблони - пора сеять картофель и т.п.

Не меньшим почитанием в народе пользовалась еще одна природная стихия - вода. Особенно ценились священные источники - ручьи, ключи, озера, считавшиеся целебными. К знаменитым источникам, как, например, в Троице-Сергиевой лавре, люди стекались из многих областей, ближних и дальних. У святых источников зачастую строились часовни и церкви. Помимо этих, освященных церковью источников, существовали и не признанные церковью известные народу под названием прощи. Прощи находились под покровительством Святой Параскевы-Пятницы, которую почитали каждую пятницу и особенно в десятую пятницу по Пасхе и последнюю Ильинскую перед Ильиным днем. Параскеву-Пятницу, как ни одну другую святую, принято было изображать изваянной из

деревя.

О многих священных источниках повествуют легенды. Одной из самых известных является легенда о граде Китеже, связанная со знаменитым святым озером -Светлоярм. Китеж, стоявший на месте теперешнего озера, опустился на его дно, когда татары подступили к городу. Силы были неравны, и жители, чтобы не сдаваться врагу, по молитве вместе с городом ушли под воду. Но город, как утверждают верующие, не умер, а продолжает жить под водой, и некоторые из паломников после усердной молитвы видят его белые купола, а иногда и слышат звон колоколов.

Энергию воды использовали знахари и колдуны для усиления заговоров, произносимых над сосудом с водой, выпив которую можно было выздороветь или, напротив, заболеть в зависимости от цели наговаривающего. Во многих русских районах женщины лечили своих детей от сглаза, наговорив предварительно заговор в ковш с водой и умыв ребенка этой водой. В сосуде с водой знахарь или колдун высматривал преступника, причинившего вред человеку, обратившемуся к чародею за помощью. С помощью сосуда с водой гадали девушки под Новый год, о чем подробнее говорилось выше.

Для подобных целей старались брать не простую, а святую воду, т.е. освященную церковью или взятую из святых источников. Особой силой обладала вода, взятая из семи, еще лучше из двенадцати колодцев. Однако и простая вода в реке считалась целебной в определенные периоды, например во время весеннего ледохода. В это время девушки сбегали к реке, стремясь умыться талой водой, чтобы очиститься и быть красивой. Целебной становилась вода в праздник Ивана Купалы, когда старались облить ею друг друга. В магических целях вызывания дождя обливали водой священника.

Сверхъестественные свойства в народном сознании приписывались и растительному миру. Достаточно вспомнить о том религиозно-магическом значении, какое придавалось в народной медицине травам. В них зачастую ценились не столько фармацевтические свойства, сколько магические, т.е. способность отпугивать нечистых духов. Во многих русских районах выделяли в этом отношении полынь, которую нередко носили как амулет. Большая магическая сила приписывалась и одолень-траве.

Магическая сила трав усиливалась в период определенных календарных праздников, в первую очередь это касалось праздника летнего солнцеворота - Ивана Купалы. Сорванные в купальскую ночь травы считались особенно целебными. Это касалось не только трав, но и деревьев. В день Ивана Купалы старались на весь год заготовить березовые веники для бани, которым также приписывались особые целебные свойства. А кроме того, старались истопить баню и попариться с новым березовым веником, на который "сбрасывали" болезни. После мытья веник выкидывали в реку; по нему гадали о предстоящей судьбе: если веник тонул - к смерти. Не менее ярко культ березы проявлялся еще в одном весеннем празднике - Троице, о котором говорилось выше. Сорванными и освященными в церкви в этот день ветвями березы в профилактических целях украшали стены жилищ.

К числу почитаемых деревьев, кроме березы, относились рябина, сосна и в меньшей мере ель. Однако, кроме чтимых, были деревья, считавшиеся нечистыми. Например, осина, которую считали проклятым деревом, так как на осине, по преданию, удавился Иуда, предав Христа (Зеленин, 1937).

Помимо проклятых деревьев, по народным представлениям, существовали и так называемые буйные деревья, которым приписывалась особая, разрушительная сила. Если такое дерево использовалось при строительстве, дом должен был рухнуть на домочадцев или принести какое-либо другое несчастье. Даже одна щепка от такого дерева обладала разрушительной силой. Распознать такое дерево среди других в лесу мог только колдун или опытный плотник. Помимо роковых, несчастливых деревьев, в лесу можно встретить и деревья, обладающие целебной силой. Корой таких деревьев лечили зубы; сквозь дупло такого дерева протаскивали больных, чаще детей, считая, что таким образом дерево принимает на себя болезнь. К целительным деревьям приносили дары - лоскутки и

ленточки.

Подобное отношение к деревьям становится понятным в свете анимистических представлений. Деревья мыслились живыми, чаще антропоморфными существами, которые, как и люди, могут быть подвержены влиянию (одержимости) добрыми или злыми духами.

Мифологические образы в русских народных верованиях, как и подобные образы в религиозных представлениях многих других народов, восходят к глубокой древности. М.В. Ломоносов, попытавшись систематизировать русские мифологические образы, сопоставил их с подобными образами древних греков и римлян. Большое влияние на формирование образов этой "низшей" мифологии оказало христианское учение. Под его влиянием мифологические образы приобрели демонический характер. Во главе всех злых сил был поставлен Сатана, образ которого также сформировался под влиянием христианства.

Рассказы о мифологических существах, в том числе и традиционные былички, бытуют и в настоящее время. За последние годы значительно увеличилось число записей быличек и бывальщин (см. Мифологические рассказы...). Среди них рассказы о демонических существах: лешем, дьяволе, водяном, русалках; Много рассказов о колдунах, оборотнях; сравнительно активно бытуют былички о порче. Конечно, рассказывание быличек и других суеверных рассказов нередко стимулируется собирателями и потому число мифологических рассказов отражает не только истинную картину их бытования, а еще и интерес к ним современной науки в лице этнографов, фольклористов и религиоведов. Однако, как ни оценивать имеющиеся записи, само число их безусловно свидетельствует, что этот жанр народного творчества в той или иной форме продолжает существовать и в наши дни. Более того, в настоящее время рассказы о сверхъестественных существах можно услышать не только в деревне, но и в городе. В последние годы участились сообщения такого рода в отечественной прессе и в передачах по телевидению. Конечно, не обходится без влияния Запада, где такого рода сообщения стали давно привычными. С Запада пришло к нам и название одного из распространенных феноменов - полтергейст. Однако западным влиянием можно объяснить повышенный интерес к такого рода сообщениям, но не сами рассказы о чудесах, появляющихся в том или ином пункте (Дмитриева, 1994. С. 105).

В конце 1980-х годов всю страну облетело сообщение об "отечественном полтергейсте", появившееся в газете "Труд" за 5 октября 1988 г. Речь шла о невидимом духе, объявившемся в одном из московских общежитий и названном барабашкой. Обнаружил он себя стуком. Девушки наладили контакт с ним, условившись, что один стук означает "да", а два стука - "нет". Барабашка угадывал, сколько букв в именах журналистов, который в данное время час; позже он стал будить девушек в нужное время по утрам и даже мог приготовить завтрак. В публикации той же газеты от 19 октября 1988 г. говорилось, что девушки, заявившие о барабашке, исчезли из общежития. Позже они объявились в одном из казахстанских поселков вместе с барабашкой. Интервью с ними было показано в новогоднем (1 января 1989 г.) выпуске передачи "Очевидное - невероятное". Интервью, наряду с журналистами, вели научные сотрудники Отдела теоретических проблем Академии наук, причем в нем принимал участие и невидимый барабашка. На этот раз стук барабашки слышали миллионы телезрителей. В дальнейшем барабашка исчез из поля зрения журналистов. Позже появилось сообщение о том, что девушки вынуждены были уехать из поселка, так как местные жители "записали их в колдуньи". Однако само имя барабашка осталось за названием феномена, означающего наш, отечественный полтергейст.

Рассказы о проделках невидимых духов, получивших общее название барабашки, продолжают появляться на страницах газет, на радио и телевидении. Духи, подобные барабашке, нередко проявляют агрессивность по отношению к человеку: ударяют его по голове и другим частям тела, щиплют его, разбрасывают и рвут его вещи. Бывают и более

серьезные травмы: появление неизвестно откуда взявшихся камней и водяных струй в доме, удары током и т.п.

Сопоставление подобных рассказов с традиционными быличками показывает, что подобные духи, вернее представления о них, имеются в русской мифологии. Одним из самых распространенных среди русских было представление о кикиморе, название которой варьируется: шишимора, мара, омрок, моровица, шишига и т.п. Этим именем чаще всего обозначали невидимого домового духа, сидящего за печкой. Ночью, когда хозяйка спит, она проказит с веретенами, прялкой и пряжей, если хозяйка забыла осенить эти предметы крестом. В одной из вологодских деревень рассказывали о кикиморе, которая ходила по полу ночи напролет, стучала ногами, гремела посудой, звенела чашками, била посуду. Хозяева вынуждены были уйти из дома и не возвращались в него до тех пор, пока не пришли в деревню сергачи с плясуном-медведем. Когда, испугавшись последнего, кикимора покинула дом, хозяева вернулись. Нередко образ кикиморы сливался с образом домового. В некоторых русских районах кикимору считали женой домового. Домовой, будучи в целом благожелательным для хозяев духом, рассердившись, начинает проказить, подобно кикиморе: ущипнет, насажает синяков, спрячет какую-нибудь вещь, поднимет в доме шум. Считалось, что на Иоанна Лествичника (30 марта) домовый бесится; на Ефрема Сирина домового закармливают, подавая ему кашу на загнеток.

Конечно, полного совпадения старых и новых быличек нет и быть не может. Изменившиеся реалии жизни не могли не сказаться на трансформации ряда мотивов. Например, в традиционных быличках привидения нередко появлялись в тарантасе или на тройке с бубунцами. Теперь они пользуются автомобилем. Такое привидение в автомобиле видят, а вернее слышат прохожие в районе Патриарших прудов в Москве (Дмитриева, 1994, С. 101).

Некоторые портретные черты лешего русских быличек можно увидеть в современных рассказах о снежном человеке или, как его еще называют, диком, лесном человеке. Как следует из большинства рассказов, снежный человек предстает мужчиной очень высокого роста, густо заросший шерстью, с развитой мускулатурой, горящими глазами, непропорционально длинными руками. Особенно важна такая черта в характеристике облика снежного человека, как его остроголовость, на которую указывают большинство источников о нем. Именно эта особенность в демонологических представлениях считается одной из основных в характеристике многих представителей нечистой силы, в том числе и лешего. Подобно лешему, снежный человек внезапно появляется перед путником, вызывая ужас и оцепенение, и также неожиданно и быстро исчезает, поражая легкой, почти летящей походкой. В пользу правомерности сравнения этих двух персонажей служит тот факт, что, несмотря на многочисленные поиски останков и лежбищ снежного человека, усилия в этом отношении не увенчались успехом. Исследователи признаются, что до сих пор нет четкой фотографии этого существа.

Некоторые исследователи ставят снежного человека в один ряд с неопознанными летающими объектами (НЛО) и другими "чудесами XX века". В некоторых НЛО-навтах, как их изображают "очевидцы", легко узнать очень высокое, остроголовое, мохнатое существо, знакомое нам по рассказам как о снежном человеке, так и о лешем.

С упоминанием НЛО-навтов мы коснулись, пожалуй, самой обширной области, связанной с "чудесами XX века". В настоящее время энтузиастами и специальными научными центрами накоплены сотни тысяч сообщений и свидетельских показаний, десятки тысяч фотографий НЛО. Исследованием НЛО занимаются десятки формальных и неформальных групп в Москве, С.-Петербурге, Киеве, Харькове, Новосибирске, Томске, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Львове, Туле, Владивостоке, Баку, Тбилиси, Таллинне, Вильнюсе и других городах. На ВВЦ (бывшем ВДНХ) была создана постоянная экспозиция НЛО в павильоне "Космос". Среди посетителей экспозиции немало очевидцев НЛО, оставляющих свои свидетельства в книге отзывов. Также многочисленны интервью,

статьи и книги, посвященные НЛО.

С НЛО связывают разнообразные феномены. Помимо неопознанных летающих объектов, в феномены НЛО включают рассказы контрактеров - людей, находящихся, по их утверждению, в контакте с пилотами НЛО или другими инопланетянами; случаи полтергейстов - привидений, призраков, монстров, связанных с НЛО; свидетельства мифологической, религиозной и теософской литературы, в которых говорится об ангелах, гномах, эльфах и т.п. существах.

Нередко образы НЛО-навтов так, как они изображаются "очевидцами", весьма напоминают чертей и прочих представителей нечистой силы. Это человечки с рогами, с шестипалыми конечностями; маленькие человечки с большой шарообразной головой и без лица или вообще без головы, человечки-химеры с лицами, напоминающими крысиные морды. Наиболее часто встречающаяся черта в характеристике пришельцев - необыкновенно длинные ноги и руки до колен. Некоторых пришельцев видят с крыльями за плечами. Известно, что крылатым часто изображался и черт.

Общим для традиционных и современных рассказов о сверхъестественных (мифологических) существах является представление о том, что встречи со сверхъестественными существами часто заканчиваются для человека трагически; он или умирает, или заболевает тяжелой болезнью, или сходит с ума. Особенно красноречивы в этом отношении былички о порче.

Мотив о том, что встреча со сверхъестественными существами кончается, как правило, тяжелой болезнью и преждевременной смертью, характерен и для рассказов, связанных с НЛО. На это обстоятельство обратили внимание не только ученые, но и медики. При Институте физкультуры в Москве была создана специальная лаборатория для оказания врачебной помощи людям, пострадавшим от феноменов НЛО.

На то обстоятельство, что встречи с НЛО-навтами кончаются болезнью для контрактеров, обращают внимание и современные священнослужители. В пилотах НЛО, явлениях полтергейста, во всевозможных магических сеансах священники видят явления духовных существ, издавна известных человечеству. Это все те же древние лукавые существа, которые морочили голову нашим предкам в виде уродцев с рожками и копытцами, а теперь являются во всеоружии современной космической техники представителями инопланетных цивилизаций.

Независимость возникновения обеих групп рассказов позволяет предположить некий общий источник их формирования. Церковь считает этим источником сатану (дьявола) и его многочисленных слуг - бесов, вечно соблазняющих человека. Главное их свойство - легко изменять свой облик, в зависимости от обстоятельств. Отсюда многообразие принимаемых ими образов. Однако цель неизменна - совращение человека с пути истинного с тем, чтобы сделать его слугой дьявола. С точки зрения многих ученых, интересующихся проблемами НЛО, источник рассказов об НЛО - во внеземных цивилизациях.

Этнологический аспект изучения позволяет полагать, что в основе как традиционных, так и современных рассказов о встречах со сверхъестественными существами лежат народные представления, уходящие корнями в мифологическую древность.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНО-МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА

Народно-медицинскую практику понимают как совокупность накопленных народом эмпирических знаний о целительных средствах, лекарственных травах, гигиенических сведениях, а также их практическое применение для сохранения здоровья. Имеется и более узкое определение народной медицины как части народных, главным образом крестьянских, традиционных знаний (Базанов. С. 256). Исходя из этого, правильно, на наш взгляд, в системе современных медицинских знаний народную медицину называть традиционной, в отличие от медицины официальной, господствовавшей до недавнего времени в нашем обществе.

Истоки русской народной медицины восходят к глубокой древности. Геродот писал о скифских врачах, которые были одновременно жрецами и гадалками. Имена некоторых врачей-жрецов пользовались известностью в Афинах, их искусство высоко ценилось греками.

Волхвы-жрецы были неотъемлемой частью первобытных обществ. О существовании этого сословия у праславян свидетельствует археологический материал, в частности глиняные календари "с чертами и резами". Нередко подобные календарные знаки наносились на наружные стены сосудов для священной воды. По ним определяли время моления о дожде, сроки посевов и жатвы. С помощью священной воды производились также гадания о судьбе урожая. Русские летописи и другие древние письменные источники свидетельствуют о сохранявшемся в первые века христианства значительном влиянии волхвов в общественной жизни Древней Руси. Влияние древних жрецов дольше держалось в глухих местах, таких, как Суздаль и Пошехонье.

Наряду с волхвами функцию магической охраны людей от болезней выполняли кузнецы, изготовлявшие не только орудия труда и оружие, но и находимые в археологических раскопках многочисленные амулеты и талисманы. Они имели разнообразные формы: миниатюрных ложечек, ключиков, гребней, коньков, топориков, ножей, ковшиков, а также формы различных животных, рыб и птиц. Их носили на теле для предотвращения болезней и несчастных случаев. После принятия христианства роль амулетов стали играть предметы христианского культа: крестики, образки, тельники и т.п. Дольше языческие амулеты держались на Севере, тогда как на Юге довольно рано возобладали амулеты с христианской символикой. Врачи рассматривают амулеты как предметы, имевшие и сугубо практическое назначение. Так, специально смонтированные комплекты ножичков, щипчиков служили для удаления осколков стрел из тела, серных пробок из ушей, выдергивания больных волос и неправильно растущих ресниц при трахоме и т.п. Кроме того, ножичками, металлическими и костяными пластинками делались насечки на коже и проколы вен при кровопускании. Эта лечебная и профилактическая процедура широко применялась во врачебной практике Древней Руси (Змеев. Чтения... С. 65).

Чисто магическую роль в предотвращении различных болезней играли древние подвесные амулеты - змеевики. Об их широком распространении в прошлом свидетельствуют многочисленные археологические находки в Поднепровье, на Куликовом поле, в районах Средней и Нижней Волги и других местностях Древней Руси. Как правило, на лицевой стороне змеевиков имелось изображение христианских святых, а на обратной - изображение змей, откуда и название амулетов. Обычай ношения змеевиков имеет глубокие корни.

Сосуд с календарными чертами и резами

Украшения с языческими символами

На Руси они первоначально были византийскими, о чем свидетельствуют их надписи. Их рассматривают как христианизированную форму античных "профилактик" - оберегов от болезней. Возможно, что 12 змей, нередко видимых на змеевиках, изображают 12 сестер-лихорадок, известных по многочисленным русским заговорам. Анализ многочисленных надписей на рассматриваемых амулетах показывает, что в большинстве случаев они служили для защиты от болезней, для симптоматики которых характерно лихорадочное состояние больного: малярии, тифа, чумы, оспы.

К числу древнейших источников, позволяющих судить об истоках русской народно-медицинской практики, нужно отнести произведения народного творчества, в частности, фольклора. Косвенные свидетельства по интересующей нас тематике имеются в произведениях многих фольклорных жанров. Прямые свидетельства можно найти в народных заговорах, а также в пословицах и поговорках. В известном собрании В.И. Даля имеется раздел "Здоровье - хворь", включающий около 300 пословиц. Немало пословиц и поговорок, отражающих гигиенические привычки народа, содержится и в других разделах: "Молодость - старость", "Сон", "Пища", "Пьянство", "Умеренность - жадность" и др. В пословицах особенно ярко отразилось отношение народа к здоровью, как необходимому условию нормальной трудовой жизни: "Здоровье - всему голова", "Здоровье - дороже денег", "Здоров буду и денег добуду".

Отразился в пословицах и народный взгляд на необходимость профилактики здоровья: "Береги платье снову, а здоровье смолоду", "Здоровый урока не боится", "Здорового и призор не берет", "Болезнь входит пудами, а выходит золотниками", "Где пиры, да чай, там и немочи".

В пословицах отразился взгляд народа на значение для здоровья хорошего настроения ("От печалей немощи, от немощей смерть", "Железо ржа поедает, а сердце печаль сокрушает", "Горе, что стрела разит"), а также на зависимость здоровья от нравственности: "Грешное тело и душу съело", "Телу просторно, душе тесно", "Душа согрешила, а спина виновата", "От зависти пожелтел, от досады вспыхнул", "Не криви душой, кривобок на тот свет уйдешь" и т.п.

В ряде пословиц зафиксировано скептическое отношение народа к аптекам и лекарям: "Добрая аптека убавит века", "Не жива та душа, что по лекарям пошла" и т.п. {Даль, 1880. С. 65}.

Немало свидетельств о русской народно-медицинской практике содержится в письменных источниках, в том числе и древних. Медико-санитарный быт славян-язычников представлен в апокрифической литературе. Русские тексты апокрифов дошли до нас в списках, начиная с XI в. Нередко в апокрифах упоминаются языческие врачи, в

роли которых выступали волхвы, называемые зелейниками, баля-ми, чародеями, лечцами. Есть основания полагать, что знания, которыми обладали волхвы в области фармакологии, астрологии и естествознания, передавались не только устным, но и письменным путем.

Свидетельства о древней медицинской практике русского народа в изобилии содержатся и в других письменных источниках: летописях, древнерусских сборниках ("Изборник Святослава", "Пчела"), древнерусских юридических памятниках ("Домострой", кабальные книги, всевозможные княжеские, монастырские грамоты и т.п.), памятниках древнерусской педагогической литературы (сборники проповедей, поучений), свидетельствах иностранцев о России, произведениях живописи, иллюстрировавших летописи, псалтыри, жития, а также в произведениях станковой и монументальной живописи (Богоявленский. С. 13).

Хотя содержание рукописей самое разнообразное, определенное место в них занимает медицинская тема. Наибольший интерес представляют жития святых, из которых становится очевидным, как постепенно духовенство вытесняло Волхов не только в духовном руководстве, но и на ниве врачевания. Первые сведения такого рода содержатся в "Житии Феодосия Печерского", где говорится о создании в XI в. первой на Руси больницы при Киево-Печерском монастыре. Традиция лечения и призрения больных в церквях и монастырях, существовавшая у греков и других народов Западной Европы на рубеже первого и второго тысячелетий, была воспринята на Руси вместе с введением христианства. Например, в житии Феодосия читаем о больничном помещении при монастыре, о запасах продовольствия, одежды, топлива, которыми пользовались и больные. На монастырских огородах, помимо овощей и фруктов, произрастали лекарственные (зелейные) растения. В житии говорится, как Феодосии и другие монахи ухаживали за монастырскими больными.

Среди монастырских лекарей в более позднее время славились Кирилл Белозерский - основатель крупнейшей монастырской вотчины в Белозерском княжестве, основатель Соловецкого монастыря - Зосима, а также Антоний Сийский, Афанасий Холмогорский и др. Сохранились сведения и о женщинах, занимавшихся врачеванием в монастырях. Об этом, в частности, повествуется в "Житии Ефросиньи Черниговской" (XIII в.). Прежде чем стать игуменьей, Ефросинья была известна как поклонница книг по практической медицине: врачебников, травников, произведений древнегреческих врачей. Знания, почерпнутые ею в подобных книгах, пригодились ей в последующей врачебной практике. Некоторым русским женщинам принадлежит авторство медицинских книг. Например, внучка Владимира Мономаха Добродея (Зоя) была автором книги "Алимма" (Мазь) (XII в.).

По текстам произведений агиографической литературы можно судить о методах лечения в Древней Руси. Нередко речь идет о хирургии, извлечении стрел, лечении язв, ортопедических приемах, массажах. Большое значение придавалось диетическому питанию (Богоявленский. С. 13).

Есть основания полагать, что духовные лица в своей практике не пренебрегали опытом народной медицины. Например, о Зосиме Соловецком известно, что он пользовался познаниями в народной медицине, приобретенными еще в молодые годы. Знахаркой из народа предстает дева Феврония в "Повести о Петре и Февронии", не только потому, что она дочь простых крестьян-бортников, но и по ее методам лечения. Она лечила заболевшего тяжелым кожным заболеванием князя Петра в бане, намазав его киследжью - забродившим медом. Мед в Древней Руси был не только пищевым продуктом, но и любимым лечебным средством, применявшимся для лечения как внутренних, так и наружных заболеваний.

Свидетельства древнерусской литературы позволяют предположить существование на Руси еще одной профессиональной прослойки - института странствующих лекарей. Такие лекари существовали у древних греков и других народов; они напоминают былинных

"калик переходящих", которые, как повествуют былины об Илье Муромце, вылечили сидевшего "сиднем" тридцать лет богатыря, дав ему испить из чары целебного средства (Змеев. Чтения... С. 90).

Наряду с монашеской и церковной медициной в Древней Руси существовала светская медицина. Древние сборники называют такие имена: Алимпий, Петр-сурьянин (выходец из Сирии), Армянин и др. В Киево-Печерском Патерике (рукопись), составленном в XV в., подробно описывается деятельность Агапита, представленного идеальным врачом. Агапит сам ухаживал за больными, пока те не встали с постели. Своей деятельностью он завоевал необыкновенную популярность в народе.

Русская история рассказывает о знаменитом враче Пермской земли "от Строгановых", услугами которого пользовалась царская семья. Царь, пораженный мастерством врача, в знак особой милости наградил его правом именитых людей - именоваться полным отчеством или вичем, как назывались только знатнейшие государственные сановники (Карамзин. С. 127).

В практике древнерусских врачей большую роль играли взгляды древних врачей-учителей: Гиппократ, Гален, Аристотель и других, учение которых излагалось в популярных для своего времени сборниках, таких как "Физиолог", "Шестоднев" и пр.

Основу древнерусских физиологов составляет относящийся к II-III вв. сборник древних рассказов о природе, возникший на основе античных и древневосточных источников. В физиологах содержались сведения о птицах и зверях, сказочных существах, о свойствах живой природы, камней, деревьев и т.п. На славянской, позже русской почве, эти рассказы стали сопровождаться толкованиями в духе средневековой христианской символики. Со временем физиологи становились основой, на которой развивались познания русских людей в области ботаники, зоологии, медицины, приведшие к открытию многих лекарственных средств. Эти разделы физиологов стали входить в состав древнерусских врачебных сборников (Александров А.И.).

К той же категории памятников относится "Шестиднев Иоанна экзарха Болгарского", известный в народе как "Шестоднев". Сборник представляет собой компиляцию из книг древних философов и врачей (Аристотеля, Диоскорида, Теофраста, Гиппократ, Гален и др.), сопровождаемую мистическими комментариями в духе средневековой религиозной схоластики. В обширном медико-физиологическом разделе "Шестоднева" содержатся сведения о человеке, о минералах и лекарственных растениях, употреблявшихся при различных болезнях. В результате многочисленных переписываний сборника многие нерусские названия животных и растений были заменены на русские. "Шестоднев", ставший известным на Руси в XIII в., пользовался огромной популярностью среди русских; ссылки на него можно найти в сочинениях летописцев, проповедников; по "Шестодневу" дьяки обучали детей грамоте. Сборник можно было обнаружить на книжных полках монастырских и личных библиотек. Судя по таможенным книгам XVII в., на ярмарках Вологды, Устюга Великого и других городов "Шестоднев" был предметом торговли наряду с рыбой, мылом и холстом (Богоявленский. С. 17-23).

Рекомендации античных и восточных ученых широко представлены в древнерусских врачебниках - вертоградах, зельниках, травниках, лечебниках, дошедших до нас в различных вариантах. Большинство лечебников (травников) - продукт коллективного творчества. Перекочевывая из страны в страну, из области в область, они так видоизменялись, что только при тщательном изучении возможно установить их первоначальную основу. Несмотря на то что врачебники сохранились до нашего времени в немалом числе, большинство их представляют собой варианты лишь нескольких переводов западноевропейских сборников. Так, почти все известные вертограды являются вариантами появившегося в 1534 г. в Москве перевода с немецкого "Гортус санитатис" ("Сад здоровья").

Не менее распространенной на Руси была еще одна книга медико-биологического содержания - "Галиново на Ипократ" (т.е. комментарии к сочинениям Гиппократ,

составленные Галеном). Она была переведена с греческого в XV в. в Белозерском монастыре. Это не столько лечебник, сколько философская система медицины, составленная на основе древней натурфилософии. Большинство вариантов книги восходят к XVI в. Некоторые из лечебников можно отнести к более раннему периоду, как, например, древнейший русский лечебник - "Изборник Святослава", относящийся к 1073 г. Некоторые рукописные лечебники, дошедшие до нас в списках XVI-XVII вв., по своему составу древнего происхождения. В качестве примера исследователи приводят рукописный лечебник, хранившийся в Московской Патриаршей библиотеке, который содержит немало архаизмов в языке (греческих и церковнославянских слов), позволяющих допустить, что в его основе лежит византийский оригинал (Лахтин).

Хотя в основе большинства лечебников лежат западноевропейские, а возможно, византийские оригиналы, их с полным правом можно считать русскими. В процессе многочисленных переписываний лечебники сокращались или увеличивались в объеме в зависимости от вкуса переписчика. Кроме того, малограмотные люди вносили в них искажения; духовенство придавало лечебникам налет религиозности; люди простого происхождения обогащали их названиями местных трав, заговорами и заклинаниями. Во многие лечебники включались отрывки из апокрифической литературы. Последнее обстоятельство, а также внесение в тексты лечебников заговоров и заклинаний способствовали тому обстоятельству, что лечебники нередко включались в число запрещенной литературы. В исторических актах содержится немало сыскных дел за хранение "богоотметных писем", в том числе и лечебников. Вероятно, именно поэтому до нас не дошли лечебники XIV-XV вв. По всей видимости, они были уничтожены владельцами из-за боязни быть привлеченными к судебной ответственности за их хранение.

Лечебники (зелейники, травники) нередко называют медицинскими энциклопедиями своего времени. В них не только говорилось о болезнях и способах их лечения, но и содержались разнообразные сведения, касающиеся анатомических особенностей человека, а также советы, относящиеся к повседневной жизни людей.

Одной из постоянных составных частей лечебников, особенно ранних, являются сведения о драгоценных камнях, в которых исследователи видят отголоски фантастических античных и средневековых поверий. В соответствии с ними, например, алмаз хранит от ран и "обнаруживает" отраву; яхонт укрепляет сердце; изумруд оберегает от проказы; бирюза спасает от насильственной смерти; рубин (лал) отдалает злые мысли и умножает счастье; аметист "неплодного" делает "плодным" и т.п.

Немалое число лекарственных средств, рекомендуемых во лечебниках, направлено против чародейства. Вера в порчу, судя по лечебникам и другим памятникам древнерусской письменности, была свойственна не только низшим слоям населения, но и господствующим классам. Одна из рекомендаций, к примеру, направленная против "лукавого" духа, гласит: "Есть трава, пошла на плакун, лист у нее долг, а цвет вишнев, а растет подле реки на лугу, на угодном месте, и внести та трава в дом, и не внидет в тот дом дух лукав, и носить та трава на теле, и пити та трава на тоще сердце".

Большое место в лечебниках занимают рекомендации по профилактике болезней; некоторые из них созвучны нашему времени. Например, в одном из лечебников для предотвращения болезней дается совет: "а во всяких немощах внутренних лечася ясти недосыти". Не менее современно звучит в лечебниках рекомендация регулярно париться в бане.

Свидетельства о русских банях имеются во многих исторических источниках. Некоторые исследователи относят возникновение этого обычая к скифской эпохе. Бани неоднократно упоминаются в летописях. Баня высоко оценивается в русских пословицах и поговорках: "Баня парит, баня правит, баня все поправит"; "Когда б не баня, все б мы пропали"; "Баня — мать вторая" и т.п.

Помимо личных бань летописи и жития святых неоднократно упоминают

общественные городские бани и бани при монастырских больницах. Доходы с городских общественных бань составляли значительную статью дохода в государственной казне.

О широком применении бань в лечебных и профилактических целях свидетельствуют многочисленные этнографические материалы XIX в. В ряде губерний крестьяне имели по две бани: одну - "по-черному" - вдали от жилья, другую - "белую" - во дворе. Этнографы отмечали, что страсть к бане русские переносят и на детей, которых парят и моют часто и особенно при каждом нездоровье, при каждом крике, при малейшем подозрении на "сглаз".

Купание в бане при лечении болезней особенно практиковалось знахарями, при этом они использовали заговор. Магические формулы употребляли и при обычном мытье: "Как с гуся вода", приговаривали, окачивая себя водой, имея в виду болезни; "С гуся вода, с меня худоба"; "Болезни в подполье (с водой), на тебя здоровье".

Таким образом, в русской медицинской практике можно, на наш взгляд, выделить три основные структуры. Это, во-первых, народная крестьянская лечебная практика, отразившаяся в древнерусских учебниках, житиях святых и других произведениях древнерусской литературы, а также известная нам по этнографическим материалам.

Важной составной частью русской медицинской практики была традиционно-письменная медицина, к которой можно отнести такие древние медицинские системы, как древнегреческая, древнеримская, византийская, китайская, тибетская, арабская и т.п. Наиболее полно они представлены в древнерусских учебниках.

И, наконец, известную роль в русской медицинской практике играла светская медицина, представительницей которой в настоящее время является официальная, так называемая научная медицина. Чем дальше вглубь истории, тем в большей мере она была представлена иноземными врачами. Первые русские светские врачи обычно ездили учиться в страны Западной Европы. С эпохи Петра I усилилась тенденция заимствований чужих названий лекарств и болезней. Сохранились свидетельства, что представители такой медицины не пользовались популярностью не только в низших, но и в господствующих классах.

Однако со временем светская медицина приобретала национальный характер; врачи стали интересоваться народной медициной. Особенно эта тенденция усилилась с возникновением института земских врачей, в задачи которых входило не только лечение и санитарно-гигиеническое просвещение народа, но и изучение народной медицины. Земских врачей немало среди корреспондентов князя Тенишева; они нередко были авторами исследований по народной медицине.

В народной медицине выделяют два начала: рациональное и иррациональное. К первому относят такие используемые народными целителями методы, как массаж, пЗрение в бане, окуривание, растирание тела, остановка кровотечения, простейшие хирургические операции, снятие боли, использование трав и т.п.

Рациональными методами, которые совершенствовались в течение веков, пользовались врачеватели-костоправы, кровопускатели, знахари-глазники, знахарки, повивальные бабки, выступавшие в роли акушерок и гинекологов. Изучением рациональных методов народной медицины занимались обычно медики, тогда как этнографов больше интересовала иррациональная сторона народного врачевания.

Особенность народно-медицинской практики заключается в необычном взгляде на болезни, которые представляются живыми существами, способными проникнуть в человека и переходить от одного к другому. Обычным местопребыванием болезней, вернее, духов болезней считались болота, леса, горы, реки и моря. Они парят в окружающем пространстве, приближаясь к человеку ночью. Для защиты от них необходимы предохранительные меры, например молитва или крестное знамение перед сном. Если же болезнь внедрилась в человека, ее старались изгнать, прибегая к разнообразным магическим действиям.

Наиболее распространенным магическим приемом было применение всевозможных

очистительных средств: принятие внутрь горьких, нередко отвратительных на вкус напитков, выкуривание болезней едким, неприятным запахом. Иногда болезнь старались испугать с помощью выстрелов, неожиданных криков. Нередко подобные приемы лечебной магии сочетались с вполне разумными действиями. Так при многих болезнях, особенно желудочных, больному давали рвотные средства, полагая, что таким образом можно изгнать духов болезни. Широкое применение бани также основано на стремлении избавиться от болезни.

Другим распространенным видом лечебной практики была магическая передача болезней. Болезнь можно было передать людям, животным, растениям, земле, различным предметам. Например, применялся такой прием лечения: больной брал ломоть хлеба, густо солил его и бросал в воду, произнося при этом магические заклинания с просьбой к воде дать доброе здоровье. Широко известен и более простой способ оздоровления с помощью речной воды. Ранней весной, когда сойдет лед, девушки спешили к реке умыться, чтобы получить от нее здоровье и красоту.

Существовало представление, что у воды можно попросить прощения за грехи и, если вода прощала, больной чудесным образом излечивался. В прошлом на Руси имелось немало число так называемых прощей - почитаемых водных источников, к которым съезжались больные из разных губерний. Целебной считалась вода в месте слияния двух рек. Здесь стремились умыться больные глазными болезнями. Вода из места слияния рек считалась наиболее пригодной для гадания. В такой воде знахари высматривали колдуна, наславшего болезнь.

Нередко болезнь передавали дереву. В случае затяжной болезни ребенка протаскивали через предварительно сделанный в дереве расщеп. При этом для мальчика выбирали дуб, для девочки - березу. Существовали особо почитаемые деревья и даже рощи. Часто поклонение воде и деревьям совмещалось: около почитаемых водных источников можно было увидеть деревья и кусты, обвешанные дарами - полотенцами, цветными лоскутками (Зеленин, 1937).

Болезнь передавали и земле. Так во время эпизоотии на краю деревни делали ров. Считалось, что животное, пройдя по рву, отдавало свои болезни земле и выздоравливало. Могильную землю знахари употребляли в лечебных целях, а колдуны - для насылания болезней. Благодатная сила родной земли использовалась в профилактических целях; ее зашивали в сумочку с ладаном; ладанку вместе с шейным крестиком носили для защиты от злых духов. Для тех же целей в ладанку зашивали кусочек от священного дерева. Подобный оберег, завязанный в тряпичный узелок, подвешивали в избах под матицу, чтобы дом обходили нечистые духи.

Еще один способ лечебной магии связан с представлением о том, что болезнь якобы можно передать другому лицу. Больного обтирали тряпицей, полотенцем, рубашкой, затем их бросали на дорогу; кто поднимал эту вещь, к тому и переходила болезнь. Иногда даже достаточно было на дорогу, а лучше на перекресток отнести пояс больного. Были и другие способы передачи болезни: ее "навешивали" на хвост кошке; детскую болезнь сухотку (собачья старость) передавали собаке; желтуху - щуке и т.п., и иногда и неодушевленным предметам, например дверному замку ("запор, запор сними с меня опор"), овину ("овин, овин, сними с меня утин") или каким-то постройкам. Как можно заметить, постройки, которым отдавались болезни, представлялись в народе местами обитания тех или иных духов - домовых, овинных.

Представления о возможности передачи болезни другому существу или предмету были свойственны не только русским, но и другим народам мира. В Индии, например, при помощи магии "перегоняли" лихорадку в лягушку. У немцев до недавнего времени сохранялось поверье, что, обойдя три раза дерево, можно передать ему болезнь. В Бельгии верили, что можно передать зубную боль гвоздю, прикоснувшись им к больному зубу и забив потом гвоздь в дерево, и т.п. (Попов Г. С. 211).

Как особый вид лечебной магии выделяют магию вербальную, основанную на вере в

силу слова, на убеждении, что для излечения болезни достаточно произнести определенный текст, иногда даже без свершения каких-либо обрядов. Собираемыми прошлого и настоящего веков записаны сотни заговоров. Часть их опубликована, другие хранятся в архивах. Большинство записанных заговоров - от болезней: на ожог, на кровь, на ураз (ушиб); на уши, на зубы, на жабу (от болезни горла), на рожу, на чирьи, от жару (лихорадки) и т.п. Особенно распространены были заговоры от детских болезней: на исполох (испуг), на грыжу, на прикос (сглаз). Заговор от сглаза применялся при лечении не только детей, но и взрослых, если причиной болезни по суеверным представлениям, был недобрый взгляд завистливого человека. Болезнь от сглаза, которую нередко могли лечить обыкновенные женщины, отличали от порчи-болезни, специально напускаемой колдуном. Верили, что лечение от порчи (кликушества и килы) было под силу лишь другому колдуну.

В заговорах отразилась народно-медицинская практика изгнания болезней. Сами болезни предстают в них антропоморфными и зооморфными существами. Часто упоминаются названия духов болезней, которые, по всей вероятности, были когда-то собирательными именами болезней: уроки, прикосы, стрелы, грыжи, кочи и т.п. Широко распространенным было представление о лихорадках как о дочерях Ирода. Они изображаются в заговорах уродливыми и злыми женщинами. Нередко в заговорах фигурируют 12 сестер-лихорадок, имена которых означают симптомы болезней: огня, желтея, знобоя, ломея, трясея и т.п. Часто к болезням обращались в повелительной форме: "... с гоголя вода, с камня струя, с зайца снег, с рабы божией (и.р.) скатитесь, свалитесь с ясных очей, с черных бровей, ото всех печеней, с кровяных макос уроки, прикосы, денны уговоры, ночны исполохи...". Далее следует указание, куда болезнь посылается: в морскую пучину, на острый нож, к старой хозяйке или хозяину в темные леса, в глубокие ручьи или к гнилой колоде ("там у этой колоды и питье, и еденье, и кушанье").

Произнесение заговоров сопровождалось определенными действиями, призванными усилить магическую роль слова. Чаще всего слова наговаривали на воду, реже на молоко, чай, масло. При наговаривании ковш или какой-либо другой сосуд наполняли чистой водой, затем чертили ножом по дну сосуда крест до тех пор, пока произносили заговорные слова; после чего выплескивали наговоренную воду в лицо больного или на больное место. Эту процедуру обычно проделывали три раза. В некоторых случаях наговоренную воду выплескивали на улицу (предполагалось вместе с болезнью), чаще всего - на перекресток. Если заговоры произносились не на воду, то в заключение нужно было дунуть или плюнуть три раза. Магическое значение имело очерчивание круга, которое применялось, в частности, при лечении кожных заболеваний. Круг чертили до тех пор, пока произносили слова; в конце заговора положено было воткнуть нож в центр круга (Дмитриева, 1988. С. 67).

Эти три способа - наговаривание на воду, очерчивание и сплевывание являлись наиболее частыми действиями, сопровождавшими заговор. Существовали и более редкие обряды. Например, заговоры, в которых говорилось "о засекании и высекании" болезней, сопровождались высеканием огня. Известны случаи, когда при заговоре от сглаза ребенка поливали наговоренной водой через решето: решето, как и другие сетчатые предметы, например сетчатый пояс, играло предохранительную роль.

В севернорусских районах были распространены так называемые эпические заговоры, нередко довольно длинные. В них имелся зачин, эпическое повествование и концовка. Наиболее частый зачин таков: "выйду я, раба божия (и.р.) благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами. Выйду я в чистое поле..." Далее повествуется о том, что заговаривающий видит в чистом поле (или в синем море) "чудесного" героя, который борется с болезнями. В концовке ("закрепке") заговор как бы "закреплялся" словами, вроде: "Эти слова острей вострого копья и острей острого ножа. Ключ в мори, замок в поли. Моим словам - аминь".

В качестве "чудесных, эпических героев" обычно выступают Иисус Христос,

Богородица, Иван Креститель, Илья-пророк, Егорий Храбрый и т.д. Из языческих персонажей фигурируют: красное солнце, дедушка водяной, царь морской, царица морская, Бабариха и т.п. В заговорах на кровь часто встречается мотив девушки, зашивающей рану нитками: "Стану я, раб божий, благославясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами. В чистом поле стоит свят окиян-камень, на святом окияне-камне сидит красная девица с шелковой ниткой, рану зашивает, шипь унимает и кровь заговаривает у раба божия (и.р.), чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Тем моим словам ключ и замок отныне и до веку; аминь". Нередко чудесного героя заменяет какое-нибудь животное или рыба. Часто фигурирует щука с "булатными" зубами, которая "мечется, бросается, загрызает и снимает с раба божия (и.р.) щипоты, ломоты" и т.п.

В колдовских заговорах употребляется тот же эпический зачин, но с отрицательным значением: "встану я, раб божий (и.р.) не перекрестясь, пойду не бла-гославясь..." и т.д. Символическое действие эпических персонажей изображается как враждебное по отношению друг к другу: "они бьются, дерутся, царапаются в кровь, про хлеб и соль не говорят и любовь не творят..." Подобные заговоры в народе называются отстудны (т.е. остужающие отношения между мужем и женой). Подобные заговоры, как и присухи (присушивающие влюбленных), считались в народе греховными, так как существовало представление, что "присушенный" умирает раньше времени. Такими заговорами рисковали пользоваться только колдуны.

Колдуна нередко противопоставляют знахарю. Если последний все свои действия сопровождает христианскими символами - крестным знаменем, молитвами, непрестанным поминанием Бога и святых, колдун, напротив, сознательно отрекается от христианского Бога,

Особое отношение народа к болезням сказалось и в употреблении трав. Внимательное изучение практики применения трав в народной медицине показывает, что в травах ценились не столько их фармацевтические свойства, сколько их способность отпугивать нежелательных духов, т.е. ценились охранительные свойства трав. Например, ветка рябины предохраняла от порчи. Такая же функция приписывалась калгану. Папоротник защищал от злого умысла со стороны недругов. Одни травы носили, чтобы добрым был господин; другие - с целью приворота того или иного лица; третьи - чтоб уберечься от опасности. От "лихого" глаза и порчи помогала разрыв-трава, особенно сорванная на Ивана Купалу. Схожие свойства имели травы: анютины глазки, иван-да-марья, адамова голова, чертополох. В названии последней травы отчетливо отразилось ее свойство - отпугивать чертей {Черепнин, 1929. С. 89}.

Особой лечебной и магической силой обладали травы, сорванные на Ивана Купалу - праздник летнего солнцестояния. Колдуны и другие лихие люди собирали в это время "злые травы, помогавшие в недобрых делах". Добрые люди запасались травами добрыми, предохраняющими от злых сил. При этом предпочтение отдавалось траве "Петров крест", которую носили на теле, чтобы спастись от колдунов. Ею запасались, отправляясь в дальнюю дорогу. Необыкновенные свойства приписывали сорванной на Ивана Купалу "плакун-траве" - полевому васильку, помогавшему при болезни печени. "Плакун-траве" приписывали также чудодейственную силу против колдунов и злых духов. Столь же могущественной в этом отношении представлялась и "одолень-трава" (белая кувшинка).

Необыкновенная целебная сила приписывалась также травяной росе Иванова дня... Рано утром крестьянки отправлялись на луг, чтобы скатертью собрать утреннюю росу. Затем ее выжимали в сосуд и умывали лицо и руки, чтобы не болеть и быть красивой. Собранным в этот день березовым веникам приписывали особую лечебную силу. Такими вениками стремились запастись на весь год. Особо целительным считалось парение в бане с только что сорванными вениками.

Заслуживает внимания народный опыт уважительного и даже любовного отношения к земле и ко всему на ней произрастающему. Например, перед тем как сорвать

лекарственную траву на Ивана Купалу, просили землю: "Земля-мать, благослови меня травы брать, твою плоду рвати..." У растения, прежде чем сорвать его, просили прощения. Собирая травы, знахарь должен был оставить большую часть растений на том или ином участке нетронутыми. Если знахарь видел, что какой-то вид представлен в той или иной местности в малом количестве, он старался его не рвать, дожидаясь, когда растение размножится в последующие годы. Большое значение в народно-медицинской практике придавалось времени и даже часу сбора тех или иных трав. Время сбора обычно определялось знанием того, как и когда действуют на человеческий организм вещества, содержащиеся в разных частях растений - корнях, листьях, цветах и т.п. Поэтому сбор растений старались приурочить ко времени наибольшего содержания в них лекарственных веществ. Так, если растение применялось целиком, его срывали в начале цветения, если нужны были семена и ягоды - в период полного созревания растений и т.п. Знание подобных правил, несомненно, позволяло избегать ненужного истребления растений.

Под влиянием христианства лечебные травы были отданы народом под покровительство великомученика Пантелеймона, посвятившего жизнь бескорыстному врачеванию во времена римского императора Максимиана (III в. до н.э.) Пантелеймон или Пантелей-целитель считался скорым помощником врачей. В народных преданиях он предстает расхаживающим среди трав и собирающим лечебное зелье для больных, обратившихся к нему за помощью. В день памяти св. Пантелеймона (27 июля) многочисленные приношения (отрезы холста, деньги, продукты) к иконе святого несли не только знахари, искавшие его покровительства, но и выздоравливающие больные.

Христианство наложило большой отпечаток на разные виды народной лечебной практики. Так священные источники прощи, о которых говорилось выше, стали представляться под покровительством св. мученицы Параскевы, нареченной в народе Пятницей, так как ей посвящали пятый день недели. Часто в постройке над святым колодезем или ключом помещали икону святой, полагая, что она охраняет источник; иконы эти признавались явленными, а значит, чудотворными. В более глухих местах России долго держался обычай ставить в подобных местах деревянные изваяния Параскевы-Пятницы, которым приписывалось особое могущество.

Общераспространенным было представление о том, что вода становится святой и чистой после погружения в нее животворящего креста. Особенно почиталась богоявленская вода. Ее ставили на самое почетное место в крестьянском доме, в правом, переднем углу, рядом с иконами. Воду берегли на случай тяжелой болезни или необходимости очистить дом от нечистой силы. Вместе со святой водой в переднем углу дома хранили благовещенскую просфору и четверговую свечу.

На четверговую свечу, т.е. свечу, зажигаемую в Великий четверг на пасхальной неделе, перешло древнее почитание стихии огня. Считалось, что свеча обладает особой силой в уничтожении чар колдуна и лечит лихорадку. Этой свечой выжигали кресты на косяках окон и дверей, чтобы не пустить в дом нечистую силу. В известной мере подобной силой обладает всякая свеча, купленная в церкви.

Целебное значение имели также богослужебные и другие священные предметы. Чудотворную силу приобретали самые обычные вещи, если их освящали в великие праздники, например в Чистый четверг (соль, мыло, зола, упоминавшаяся уже вода). Не меньшую роль играли крещенская вода, освященные в церкви цветы и травы, собранные на Троицу и в Иванов день.

Большое значение в лечении больных придавалось молитвам; широко распространен был обычай "отчитывания" таких болезней, как сумасшествие, кликушество, эпилепсия. Молитвы оказывали влияние на лечебные заговоры. Под их воздействием преображались тексты многих древних заговоров. Как уже говорилось, имена упоминаемых в заговорах языческих "чудесных" помощников, к которым обращались с просьбой изгнать болезнь, заменялись именами Христа, Николая Угодника, Ивана Крестителя и др. Образ девушки,

зашивающей рану, замещается образом Богородицы. Кроме того, Богородица смывает тоску, снимает уроки, прикосы, "спускает" их в быструю реку. Нередко Богоматерь изображается на каменном мосту через огненную реку одна или с Христом-младенцем на руках. В связи с введением в тексты заговоров имен христианских святых в них стали упоминаться церковь, алтарь, золотой престол и т.п.

Влияние христианства на создававшийся веками строй народной жизни способствовало созданию синкретического народного мировоззрения; многие древние обычаи и обряды были трансформированы под воздействием христианского вероучения. Это касается и религиозных средств, используемых крестьянами в случае болезни. Среди таких первое место нужно отвести мощам святых и чудотворным иконам. О почитании святых уже говорилось. Необходимо добавить, что хотя учение о святых пришло к нам из Византии, в России оно приобрело своеобразный характер. Достаточно сказать, что поклонение многим святым возникало в народе прежде, чем происходила их канонизация Церковью. Это касается таких крупнейших фигур, как Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Ксения Петербургская и др. То же можно сказать и о чудотворных иконах. Нередко признанию их Церковью предшествовало народное почитание. Особенно это относится к явленным иконам, т.е. найденным кем-либо в уединенном месте, чаще на берегу реки, и связанным с каким-либо чудом. Икона считается чудотворной, если благодаря ей совершаются чудеса исцеления больных. Почитание чудотворных икон и мощей святых способствовало возникновению многочисленных религиозных центров, куда стекались больные в надежде на исцеление. Всенародную известность получили такие из них, как Троице-Сергиева, Киево-Печерская, Почаевская лавры, Соловецкий, Печерский, Валаамский монастыри и др.

В связи с почитанием подобных святынь возник обычай обетов - обещаний, данных Богу в случае выздоровления, как правило, от тяжелой болезни. Если болезнь принимала хронический характер, больной давал обет дойти пешком до Киево-Печерской лавры, чтобы приложиться к святым мощам; до Иерусалима, чтобы приложиться к гробу Господню; до Афона. На Русском Севере было принято воздвигать кресты по обету, данному Богу в благодарность за добро или за избавление от какого-либо зла, в том числе и от болезней. Одной из форм обета было обещание пожертвовать на "обетный крест" отрез материи или полотенце; частым поводом для обета служили детские болезни. Существовали наиболее почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры.

После принятия христианства священнослужители взяли на себя обязанность лечить бесноватых. Беснование, больше известное на Руси как кликушество, возникает по народным представлениям под влиянием колдовства (порчи). Представление о злых духах как источниках подобных болезней органически входит в христианство. Живучести народных представлений о духах болезней способствовало и несомненное сходство больных, подвергшихся порче, с бесноватыми, описываемыми в Евангелии, которых Христос и апостолы лечили изгоняя из них бесов. Священники лечили таких больных специальными молитвами. Но чаще больные прибегали к помощи святынь, среди которых на первое место можно поставить святые мощи и чудотворные иконы. Помимо икон Божией Матери - Казанской, Владимирской, Иверской, Смоленской, пользовавшихся всеобщей славой, - существовали десятки и сотни местных чудотворных икон.

Если не помогали местные святыни, больные устремлялись в такие крупные религиозные центры, имевшие всенародную известность, как Киево-Печерская, Троице-Сергиева и Почаевская лавры, Соловецкий монастырь, Зосимова пустынь и др. Наибольшей славой в излечении кликушества пользовалась Москва, особенно такие ее святыни, как Симонов и Страстной монастыри, а также часовня св. Пантелеймона. Особой известностью как целительница пользовалась икона Иверской Божией Матери в Иверской часовне (Краинский, С. 113). При многих монастырях учреждались больницы и дома призрения. Священникам нередко приходилось лечить (отчитывать) больных порчей.

С возрождением церквей и монастырей в последние годы растет и их притягательность для больных. Правда, роль священных центров в лечении больных не была полностью утрачена даже в самые тяжелые для Церкви годы. Достаточно вспомнить Троице-Сергиеву лавру с обилием паломников, стекавшихся к ней из многих областей России в поисках исцеления, которого ждали не только от мощей Сергия Радонежского, святых источников, расположенных на территории Лавры, но и от некоторых святых, в глазах народа, церковнослужителей.

Другим примером может служить часовня святой Ксении Петербургской, паломничество к которой значительно возросло не только среди людей старшего поколения, но и среди молодежи. К Ксении приходят за утешением в случае болезни или какого-либо несчастья, а также как "вспомогательнице" в семейной жизни и любви.

Почитание Ксении не случайно. Она принадлежит к числу редких святых, получивших в народе название юродивых, протестовавших против показной праведности, сытого самодовольства и гордыни и отказывавшихся от всего, что принято считать разумным, следуя евангельским словам: "Мы безумны Христа ради" (I Кор. 4:10). Юродивые вызывали особое уважение у людей разных сословий. Своей жизнью они свидетельствовали, что нравственное здоровье обеспечивает здоровье физическое даже при неблагоприятных условиях жизни. По степени почитания народом с юродством может сравниться старчество. Старчество это чисто русское явление духовной жизни, имевшее, как и юродство, глубокие религиозные корни, развилось в системе православного монашества. Некоторые из старцев, как, например, Амвросий из Оптиной пустыни, пользовались славой.

Главная роль старцев заключалась в нравственном излечивании духовной паствы. Эта роль всегда была одной из главных в деятельности церквей и монастырей, однако в старчестве она приобрела наиболее яркие черты. Неудивительно, что в наше время, когда остро встал вопрос о нравственности и духовности в нашем обществе, повысился интерес к старчеству. Все чаще можно слышать и читать об одной из самых ярких фигур в русском старчестве - Серафиме Саровском. Неизменным остается интерес к Иоанну Кронштадтскому, также оставившему глубокий след в русской духовной жизни. Будучи выходцем из семьи бедного сельского священника пинежской деревни, Иоанн Кронштадтский стал известен всей России своими чудесными исцелениями. Заметен народный характер его методов лечения. Сохранились свидетельства, например, что он вылечил безнадежно больного чахоткой, трижды, крестообразно, дунув ему в рот. Больного оспой он вылечивал, проведя рукой по его лицу (Зайцев. С. 4).

В настоящее время интерес к святым целителям возрастает не только среди верующих. Практика чудесных исцелений привлекает внимание ученых разных отраслей знаний, в том числе и врачей.

Наряду с церковно-медицинской практикой возрождается практика знахарей и колдунов в лице экстрасенсов. Многие из них являются прямыми потомками древних народных врачевателей. Экстрасенсы-знахари, как и прежде, предпочитают лечить травами, массажами и психотерапией, включая заговоры и молитвы. В практике колдунов преобладают методы гипнотического внушения.

Заслуживает внимания взгляд православной церкви на экстрасенсов, как на современных волхвов и чародеев, с которыми церковь боролась со времени своего появления на Руси. Корни этой борьбы лежат в Ветхозаветном писании, строжайше запрещавшем контакты с оккультным миром. Немало подобных предостережений содержится в Евангелии.

В настоящее время священнослужители, как и прежде, сохраняют приверженность к традиционным, освященным многовековой практикой методам, среди которых первое место отводится молитвам, крестному знаменю, заботе о духовной чистоте верующих как залогом здоровья.

О нравственности как залогом здоровья, вероятно, не без влияния церкви, все чаще

говорят представители традиционной и научной медицины, ссылаясь зачастую на опыт многовековой народно-медицинской практики.

Своеобразный характер приобретают взаимоотношения светской (научной) и традиционной медицины. Многие врачи проявляют интерес к искусству экстрасенсов, заимствуя их опыт в своей врачебной практике. Представители же традиционной медицины используют опыт и технические приемы медиков. Нередки случаи совместных научных разработок. Подобная практика все больше привлекает внимание мировой научной общественности.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Народное искусство - коллективное творчество этноса на всем протяжении его истории - непосредственно и прямо связано с предметной средой, которую не только эстетизирует, как всякое декоративное искусство, но и одухотворяет потенциалом творчества многих поколений народных мастеров, отразивших процесс художественного освоения мира этносом. Будучи синтезом материальной и духовной культуры, материализуя в предметах быта мировоззрение этноса, народное искусство соединяет ремесло с художественным творчеством в процессе производства изделий.

От всех других видов искусств народное отличает в первую очередь этническая традиционность. Художественная традиция, на которой зиждется народное искусство, - это определенный комплекс изобразительных средств: образно-сюжетный, композиционный и колористический строй с набором технологий и инструментария, свойственный лишь данному народу, отражающий его этническую историю.

Русское народное искусство базируется на художественной традиции, сформировавшейся в Древней Руси (Рыбаков, 1971. С. 8) и уходящей корнями в древнеславянское искусство (Василенко, 1977), которое соприкасалось на пути исторического развития со скифо-сарматским (Рыбаков, 1971. С. 14; Городцов, 1926). В сложных взаимовлияниях древнерусского искусства на протяжении веков с искусством Византии, Запада и Востока сформировался строй русской художественной традиции, которая затем развивалась на протяжении столетий во взаимодействии с художественными культурами многих народов Европы и Азии.

Татаро-монгольское нашествие в XIII в. прервало развитие народного искусства. Угон в Орду ремесленников, разорение городов - центров художественных ремесел и промыслов с мастерскими, объединявшими мастеров разных поколений, что способствовало сохранению, передаче и развитию художественных традиций, обрекали народное искусство на гибель. Только на Северо-Западе Руси в Новгородских и Псковских землях, не подвергшихся иноземному игу, оно еще сохранялось. Развитию народного творчества, как и всем сферам народной жизни, был нанесен огромный урон.

После освобождения Руси начинают оживать традиционные производства, в том числе художественные. Для восстановления разоренных храмов нужны были иконы, церковная утварь, облачения для священников. Возрождались иконопись, лицевое и золотое шитье, ювелирное мастерство и многие другие высокохудожественные ремесла. С середины XIV в. в Москве развивается литье колоколов и пушек, которые художественно оформлялись народными мастерами. Оживляются ремесла в междуречье Оки и Волги. Но некоторые художественные производства так и не восстановились, например, перегородчатые эмали или белокаменная и рельефная резьба с зооморфными, антропоморфными и растительными мотивами, известная по архитектурным памятникам Владимиро-Суздальской земли.

В XVI в. лучших ремесленников из разных регионов России собирают в Оружейной

палате, где они не только украшали оружие и утварь, но и изготавливали декоративные предметы. В XVII в. сложились центры производства художественных изделий, поставлявшие свою продукцию на рынок: Ярославль, Великий Устюг, Нижний Новгород, Холмогоры и др.

С конца XVII и особенно начала XVIII в. произошло резкое разграничение материальной культуры крестьян и привилегированных слоев общества, которые подражали в то время западному образу жизни. Это привело к выделению двух групп промыслов. Одни обрабатывали наиболее дешевые, широко доступные материалы: дерево, бересту, глину, железо, лен, шерсть, изготавливая из них традиционные предметы для трудового люда. Другие - дорогие материалы: золото, серебро, моржовую кость и т.п. В этих промыслах изделия старых и новых форм создавались с использованием новейших декоративных средств и технических приемов. Предметы из традиционных и нетрадиционных для народного искусства материалов производились в основном по иностранным образцам.

Таким образом, развивались два направления в народном искусстве. Первое шло в русле древних народных традиций, второе отходило от них, хотя вековой опыт народных мастеров проявлялся в придании, где это было возможно, русского народного стиля заказным изделиям, не соответствовавшим русским художественным традициям (Русские художественные промыслы. С. 21-22).

Между двумя группами промыслов начался процесс постепенного взаимопроникновения отдельных элементов образно-сюжетного, композиционного и колористического строя, а также техники обработки материалов.

В XIX в. развивающаяся промышленность начинает теснить ремесленное производство и соответственно народное искусство, зиждящееся на ручном труде. Отмена крепостного права вызвала к жизни новые народные художественные производства, куда устремилась энергия освобожденных крестьян. Во вновь созданных художественных производствах, возникших на почве нехудожественных или малохудожественных ремесел, таких, как скопинский гончарный, богородский или кудринский деревообрабатывающие, в трансформированном виде проявлялись древние этнические традиции, в чем, в частности, выражалась закономерность развития народного искусства. Сохранить народное искусство помогли земства, творческая интеллигенция и вся демократическая общественность России.

Большую роль в развитии народного искусства играли художники, служившие в земствах, и кустарные техники, работавшие с кустарями. Земства поддерживали кустарную промышленность в целом, стараясь повысить занятость населения, поднять уровень его благосостояния, особенно в нечерноземных районах. Они открывали ремесленные школы, склады и магазины кустарных изделий, устраивали выставки с продажей предметов народного искусства, которые наряду с публикацией научных и популярных статей, альбомных изданий и чтением лекций формировали общественное мнение, определенные вкусы и моду на изделия мастеров народного искусства.

Война, начавшаяся в 1914 г., прервала развитие народных художественных промыслов. Возродились они лишь в период нэпа в многочисленных артелях и в форме индивидуальной трудовой деятельности.

С 30-х годов, с процессом коллективизации, исчезает индивидуальная деятельность мастеров народного искусства и резко сокращается количество артелей, которые после Великой Отечественной войны постепенно превращаются в фабрики художественных изделий. Здесь сохраняются ручной труд и художественное творчество мастеров, но условия развития искусства далеко не оптимальные. В настоящее время на таких фабриках, объединяющих в старинных центрах народного изобразительного творчества многих прекрасных мастеров-художников, создаются традиционные изделия. Вместе с тем возобновилась индивидуальная работа мастеров на заказ и на рынок, а также возникли их объединения в различные товарищества, напоминающие артели начала 20-х годов.

Еще в XV-XVI вв., в эпоху создания Русского государства, с хозяйственным освоением новых земель и складыванием рынка, сплотившего торговыми связями старые и новые центры художественного ремесленного производства, ярко проявилась вариативность единой этнической художественной культуры русского народа.

Расселение русских на обширных просторах от Ледовитого океана до Черного моря и от Балтийского моря до Тихого океана обусловило формирование многих локальных вариантов народного искусства, его художественной традиции. Однако при всем разнообразии этих вариантов в Европейской части России можно выделить две зоны: черноземную и нечерноземную (лесную).

Между этими зонами расселения северных и южных великоруссов лежит переходная среднерусская зона, в народном искусстве которой проявляются в органическом единстве черты, свойственные искусству и северного, и южного регионов России.

В Сибири, на Алтае и Дальнем Востоке своеобразие ярких локальных художественных культур связано с процессами миграции компактных групп этноса из Центральной России. В художественной культуре русских Забайкалья, Приангарья, Западной Сибири и Алтая проявляются традиции тех регионов, через которые пришлось продвигаться переселенцам в процессе их сложных и длительных миграций.

На территории всех этих зон существовало и существует необычайно разнообразие вариантов народной художественной традиции внутри отдельных видов изобразительного творчества, что связано с наличием разных природных материалов, определявших в значительной степени технологию их обработки при производстве художественных изделий. Вместе с тем большую роль играли взаимовлияния с соседствующими народами, искони обрабатывавшими эти материалы.

Отдельные виды народного искусства возникли и развиваются в одном-двух центрах, например древнейший косторезный или "молодой" - подносный. Другие же виды народного искусства были распространены во всех регионах проживания русских. Например, художественное ткачество или вышивка.

Из древних и повсеместно широко распространенных видов народного искусства художественное ткачество, вышивка, кружевоплетение прошли сквозь века и развиваются в наши дни в отдельных центрах, а также как любительское занятие. В быту русских в прошлом большое место занимало художественное ткачество - изготовление узорных тканей из льна и шерсти (Лебедева Н.И., 1956). Среди крестьянок Рязанского, Воронежского и ряда других южнорусских, а главным образом северных и северо-западных регионов России было распространено домашнее ткачество. На заказ и на рынок шли как обычное полотно, так и узорные - фактурные и многоцветные ткани. Изготовление декоративных вещей для своей семьи в XIV-XVII вв. повсеместно существовало в виде домашних промыслов. На рубеже XIX-XX вв. в тех районах, где домашние промыслы уже не бытовали, оно сохранялось как дань традиции, обрядовой стороне жизни. Женщины изготавливали традиционные вещи для свадебного и похоронного обрядов. В этом, в частности, проявлялась глубокая связь народного изобразительного искусства с обрядами в семейной и общественной жизни.

Художественное ткачество Севера Европейской части России характеризуется тем, что цветным узором украшалась относительно небольшая часть изделия, обычно его край (кайма скатерти, концы полотенца, подол рубахи, край полога и т.д.), основное поле оставалось гладким, белым. В древности узоры имели магическое значение. Они служили оберегами - охраняли человека; поэтому и на одежде, и на предметах быта их размещали в соответствии со сложившейся традицией.

Благодаря этому принципу соотношения украшенных и свободных от узоров частей изделия и размещению узоров создавался определенный декоративный строй, строгий и монументальный. Изделия ручного ткачества Русского Севера при всей их нарядности производят впечатление сдержанности, известной лаконичности. Узоры обычно красные, на белом или сером поле, или белые на белом (Березина, Болдырева), орнамент

чрезвычайно разнообразен. В геометризованных тканых узорах представлены зооморфные, антропоморфные и растительные мотивы. Чаще всего среди них встречаются женская фигура с упертыми в бока руками и фигура оленя с ветвистыми рогами, многочисленны узоры с изображением чисто геометрических мотивов, в которых более всего представлен ромб (ромбовидная сетка во всевозможных вариантах) (Королева, Кожевникова, 1970).

В настоящее время производство традиционных тканей северного региона сохраняется в Череповце. Череповецкие скатерти, салфетки, занавески используются для украшения жилого интерьера. В современных изделиях северного ткачества присутствует нередко черный цвет в сочетании с белым, оранжевым, желтым, зеленым и фиолетовым.

Если на Русском Севере изделия художественного ткачества предназначались главным образом для интерьера, а не для одежды, которая, как правило, щедро украшалась вышивкой, то в южном регионе узорные ткани изготавливались в основном для одежды. Наиболее широко известны ткани Рязанского края - для шушпанов и Воронежского - для понев.

Белые с красными полосами разной величины по подолу и на рукавах шушпаны и гармонирующие с ними по декору рубахи и запоны (фартуки) делались из специальных тканей. Традиции этого ткачества используются в производстве новых изделий для интерьера. Декоративное решение ковров, занавесей, чайных скатертей, выпускаемых в Рязанской области, строится на чередовании узорных полос разной ширины в той же яркой гамме и с теми же узорами, которые вошли в традицию рязанского ткачества издревле (Сапожковское народное ткачество).

Совершенно иные локальные традиции развивались в узорном ткачестве Воронежской области (с. Таловая и Елань-Колено). Здесь на основе традиций изготовления клетчатых шерстяных тканей для панев и полосатых льняных для рубах, запонов, навершников, входящих в красочный комплекс воронежского народного костюма, развилось производство декоративных изделий для интерьера (покрывала, коврики, дорожки), завоевавших признание как у горожан, так и у сельского населения {Королева, Кожевникова, 1966. С. 29}.

Среди текстильных промыслов важное место занимает вышивальный, связанный в первую очередь с украшением костюма, а также предметов интерьера и отдельных утилитарно-бытовых изделий.

Вышивание было одним из древнейших и самых распространенных до недавнего времени женских домашних занятий. В XIX в. не только крестьянки, но и горожанки (из дворян, мещан, духовного сословия и других слоев населения), как ранее (в XIV-XVI вв.) боярышни и царевны, занимались вышиванием.

Для Русского Севера была характерна вышивка росписью ~ двусторонним швом нитками красного цвета по белому фону. В мотивах этой вышивки наиболее ярко отражены мифологические воззрения русского народа, уходящие в глубокую древность. Образно-сюжетный строй - это фигура женщины (или заменяющего ее древа жизни) с предстоящими конями, птицам или всадниками, а также изображения барсов, львов, архитектурного пейзажа и ладьи. Композиция строго симметрична: трехчастная или усложненная —пяти-семичастная. Все в этой вышивке представляет собой архаический пласт русского народного искусства. Такой вышивкой украшались подзоры, края пологов, полотенец, столешниц-скатертей и женской одежды. С середины XIX в. в этом регионе все шире распространяется сосуществовавшая и ранее с росписью красным по белому, белая строчевая сквозная вышивка.

В центральных губерниях России, в частности в Рязанской, Тамбовской и Калужской, бытовала древняя полихромная (многоцветная) вышивка с геометрическим орнаментом. Преобладающие в ней красные тона сочетались с зелеными, синими, желтыми, черными. Среди геометрических фигур были распространены ромбы, квадрат, розетка. Выполнялась эта вышивка набором — особым видом шитья по счету нитей основы, а

также счетной гладью и цветной перевитью, т.е. перевиванием продернутой сетки (ткани с выдернутыми отдельными нитями) цветными нитками.

Особое место в искусстве вышивки занимало с XVI в. золотое шитье - вышивание металлическими нитями по дорогим тканям. Украшались такой вышивкой главным образом предметы церковного, царского и боярского обихода.

В XV-XVI вв. очень тонкую золотую или серебряную проволоку (волоченное золото), как и шелковые нити, перевитые тончайшей серебряной позолоченной проволокой (пряденое золото), привозили из Европы, хотя отдельные попытки отечественного изготовления этих нитей уже были, С XVIII в., когда появилось отечественное производство металлических нитей (в том числе и медных позолоченных), вышивание ими широко распространилось среди крестьян и разных слоев городского населения (Маслова, 1978. С. 39).

В XVIII - начале XIX в. золотым шитьем в крестьянском костюме украшались пояса, наплечные и головные платки, ширинки, рубахи, наволочки и более всего -женские головные уборы. Украшались им также налобники-наголовники детских нарядных пеленок, в которых носили детей к причастию (Маслова, 1984. С. 104).

В отдельных районах, как, например, в Ямской слободе г. Торжка, вышивание металлическими нитками превратилось в промысел. Женщины слободы и мещанки г. Торжка украшали вышивкой на заказ и на рынок предметы церковного обихода и традиционного костюма, кошельки, кисеты, сафьяновые туфли и сапожки. С середины XIX в. золотошвейное дело сокращается, и к концу века центры его ремесленного и кустарного производства исчезают. Угасает и промысел в г. Торжке. Однако усилиями земских деятелей золотошвейное дело в Торжке возрождается с помощью учебно-показательных мастерских, на основе которых уже в 30-е годы были созданы золотошвейная профтехшкола и артель. Промысел существует и в настоящее время.

В XIX в. большую роль в развитии вышивки и превращении ее из домашнего занятия в ремесло и кустарный промысел сыграли помещичьи и монастырские мастерские. В монастырях вышивка на религиозные сюжеты, в том числе лицевое шитье и украшение облачения священников, издавна достигала высокого художественного уровня. Крестьянки и горожанки, проживающие в округе монастырей, заимствовали технические приемы, отдельные элементы орнаментов и колористические решения монастырской вышивки, обогащая традиции вышивального искусства.

В помещичьих мастерских, обслуживавших нужды поместья, а также изготовлявших продукцию на заказ и на рынок, ощущалось влияние вышивального искусства народов Европы, в первую очередь в области техники шитья. Это обогащало и разнообразило искусство вышивания, а главное стимулировало поиск новых декоративных решений в русле традиции. Так развилась белая гладевая вышивка на тонком полотне и батисте во Владимирской губернии, в частности, в слободе Мстере. В Новгородской губернии широкую известность приобрел промысел крес-тецкая строчка, а в Нижегородской - гипюры (Работнова, Королева). На основе художественных традиций центральных и южнорусских губерний развился промысел яркой вышивки с геометрическим орнаментом (на юге Рязанской области) и цветной перевити (в Калужской) (Богуславская, 1976. С. 123-137).

В наши дни, несмотря на трудности, стоящие перед производителями художественных изделий, эти виды народного искусства успешно развиваются. Потомственные вышивальщицы обучают молодых девушек и техническим приемам, и образно-сюжетному строю традиционной вышивки. Поэтому современные мастера, не копируя вышивку XIX в., создают произведения подлинно народного искусства в наши дни.

Легкая белая гладь сохраняется в Мстере, Палехе и Холуе Владимирской области. Вышивальщицы, выполняя строчевые изделия, вводят в них иногда цветную нить, что было характерно для вышивки Верхнего Поволжья. В Новгородской области изготавливают изделия с традиционной крестецкой строчкой из плотно перевитых, рельефно выступающих нитей узора по крупной выдернутой сетке. Значительно обогатилась цветная перевить Калужской области, сохраняющая близость к древним образцам народного искусства этого края. Здесь, на Тарусской фабрике, выполняют вышивки со сложным композиционным решением узора: сочетание геометрического орнамента с фигурами людей, птиц, животных.

В настоящее время вышивкой украшаются не только платья, блузки, но и носовые платки, предметы убранства интерьера: скатерти, салфетки, занавески, дорожки и т.п. Так, наравне с изделиями ручного узорного ткачества древнее мастерство вышивки вошло в современный быт как часть художественной культуры народа.

Кружевоплетение известно у русских с XVII в. Первоначально кружева плели из металлических нитей и лишь с XVIII в. из льняных, но часто с добавлением шелковых нитей. Кружевоплетение, как и вышивание, было распространенным женским занятием во всех социальных слоях русского общества (Работнова). Значительную роль в формировании художественных традиций русского кружево-плетения сыграли основанные в XVIII в. вотчинные и монастырские мастерские, в которых произошел своеобразный сплав некоторых технических приемов западноевропейского кружевоплетения с русским мастерством изготовления кружев и русских художественных традиций вышивки и узорного ткачества.

Для ранних русских кружев конца XVII - начала XVIII в. характерны геометрические фигуры: ромб (в разных вариантах), треугольники и зигзагообразные полосы. Позже, в середине XVIII в., узоры кружев усложняются. Но с XVII до XX в. сохраняется ряд одних и тех же характерных мотивов и способов их воплощения.

Основными районами кружевоплетения как промысла были Вологодская, Архангельская, Новгородская, Орловская, Рязанская и Казанская губернии.

В настоящее время в разных районах Вологодской области изготавливаются мерное парное кружево (плетущееся с помощью большого количества коклюшек) и штучные изделия сцепного плетения: воротники, салфетки, дорожки, накидки, сахарницы, подстаканники, косынки, а также огромные занавеси и шторы. Из узоров, ставших традиционными для вологодского кружева, характерен узор велюшка, при помощи которого строится и кайма, и все остальные узоры, включая фигуры людей и животных.

В районах Липецкой области, особенно в Елецком, изготавливаются в основном мелкие штучные изделия: воротнички, оплеты для носовых платков и салфеток и т.п. Плетутся также круглые скатерти, салфетки, тонкое парное кружево. Если для Вологодского кружева характерна четкость узоров, то для Елецкого - нежная тонкость плетения.

В Кировской области (г. Советск, бывшая слобода Кукарка Вятской губернии и в ряде других районов этого края) традиционно вырабатывались и мерные кружева, и штучные изделия того же характера, что в Вологодской и Липецкой областях. Вятское кружево отличается контрастностью сочетания рельефных плетеных элементов узора с более легкими.

Особняком среди других видов кружев стоит цветное Рязанское, которое по колориту и композиции узоров близко к народной вышивке. Численные по технике плетения, цветные рязанские кружева имеют простой геометрический орнамент из прямоугольников и полосок разного цвета; кайма состоит из ромбиков, треугольников, трапеций и круглых выступающих узоров, чередующихся с интервалами ровного края. В г. Михайлове Рязанской области делают полотенца, дорожки, занавеси, скатерти, украшенные этим кружевом. В Кадемском районе изготавливают шитые иглой филейные кружева.

Кружево использовалось вместе с вышивкой узорным ткачеством, лентами, бусами и другими элементами в народном костюме в едином декоративном решении {Шмелева,

Тазихина. С. 80-124).

Ковроделие, как вид традиционного народного производства, у русских было гораздо менее развито, чем ткачество, вышивка и кружевоплетение. Ткались ковры на горизонтальном и вертикальном ткацких станах: на горизонтальном - безворсовые (паласы), на вертикальном - ворсовые. Для производства ковров употреблялись шерстяные нитки и толстая льняная пряжа. На горизонтальном стане техника изготовления гладких ковров не отличалась от обычного узорного ткачества. В процессе работы, ковровщица лишь меняла челноки с пряжей различных цветов. На вертикальном стане мастерицы завязывали ряды узелков с последующим пропуском утка и подстриганием ковра. Изготавливались и махровые ковры (с длинным, "пучками" лежащим ворсом).

Еще в XVI-XVII вв. коврами украшались парадные сани, покрывались лавки, сундуки; ковры использовались в обрядах населения южнорусских губерний.

Одним из центров ковроделия была Курская губерния, где сначала в семьях крестьян-однодворцев, а затем и в среде городского мещанства развилось домашнее производство безворсовых ковров, со второй половины XVIII в. превратившееся в промысел. В первой половине XIX в. здесь возникают помещичьи ковроткацкие мастерские и начинается широкое производство ворсовых ковров. Курские ковры по мотивам узоров определяются специалистами как цветочные. Обычно на черном фоне (реже на "поле" другого цвета) изображены букеты, гирлянды, разбросанные розы красного и розового цвета различных оттенков. Розы и листья решены объемно (Яковлева. С. 12-15). По колориту, мотивам цветочного орнамента, объемности изображения, сочетанию цвета, фона и узоров курские ковры близки к подносной росписи. Можно предположить, что близость художественных традиций этих двух народных производств, далеких по географическому расположению и по времени возникновения, обусловлена единым пластом народной художественной культуры, на основе которой они возникли, в частности, традициями росписи по дереву, узорного полихромного ткачества и народной вышивки.

С XVII в. в Тюменской области ткнут махровые пушистые сибирские ковры с геометризованным цветочным узором (Гурьева, Давыдова, Пучкова. С. 110, 115, 119). В XIX в. в Курганской области возникло производство паласов и махровых ковров из неокрашенной шерсти с геометрическим орнаментом, развившееся в промысел. Курганские ковры отличались сочетанием естественных цветов шерсти: белого, черного, серого.

В начале XX в. развивается ковроделие в с. Соломинка Пензенской области.

Ручное ковроделие в настоящее время сохраняется в старых центрах промысла - Курской, Тюменской, Пензенской, Курганской областях, существует и во вновь организованных центрах. В отличие от машинных, ковры ручной выработки в известной мере уникальны, ибо они вариативны, хотя выполняются по имеющимся образцам. Развитие художественной традиции промысла идет сложным путем. Это и восстановление локальных традиций ковроделия XVIII-XIX вв. и поиски создания художественных решений на основе орнамента вышивки, узорного ткачества, более полного использования художественного наследия Древней Руси. Особое место среди текстильных промыслов занимал набоечный. Набойка (узорчатое раскрашивание тканей) осуществлялась при помощи резных деревянных досок - манер. Существовало два приема работы с манерами. Один - нанесение с выпуклостей доски на ткань вапы - состава, предохраняющего ткань от окраски при погружении ее в краситель (кубовая набойка); второй - перенесение краски с манеры на ткань (белоземельная набойка).

Широко распространенное в середине XVIII в. в Московской губернии, а затем во многих центральных и северных губерниях России искусство набойки во второй половине XIX в. исчезает. Однако художественные традиции набойки используются в новом промысле — росписи тканей.

Издrevле у русских известно искусство художественной обработки металла. В XV-

XVI вв. литые колокола и пушки щедро украшались орнаментом; гравировка покрывала холодное и огнестрельное оружие, в кузницах отковывались кресты и фигурные решетки на окна и двери церквей, а для крестьян - великолепные светцы.

Кузнечный промысел был шире других распространен на территории России в связи с потребностями в ковке лошадей, оковке экипажей, изготовлении решеток, оград, различных предметов для хозяйственной деятельности. Многочисленные кузницы были в каждом городе. Села и даже деревни тоже имели своих кузнецов, которые были полуремесленниками, полуземледельцами.

В XIX - начале XX в. помимо основной работы по изготовлению и ремонту орудий труда, деталей для средств передвижения, утвари и т.п. кузнецы занимались и художественной обработкой металла - выковывали крупные и мелкие художественные изделия. Крупными были фигурные решетки для окон и дверей кладовых и амбаров в селе и городе, ограды для помещичьих усадеб, особняков в городах, для кладбищ, кресты для куполов церквей, мелкими - жиковины (фигурные петли к воротам и дверям), личины (обрамления ключевин - отверстий для ключа в запорах), ручки к дверям и калиткам.

В настоящее время народного кузнечного художественного промысла нет. Однако его традиции широко используются. В архитектуре уникальных зданий, которым профессионалы-архитекторы придают черты народного зодчества, изделия кузнецов выступают как самый выразительный декоративный элемент (решетки, кронштейны и светильники в стиле художественных изделий древнего кузнечного промысла). Эти традиции широко вошли в сувенирное производство. Изготавливаются различные светильники в форме старинных кованых фонарей, выковываются подсвечники и металлическая скульптура, т.е. декоративные изделия, довольно широко входящие в современный быт. В отличие от текстильных промыслов, где художественная традиция развивается в своей, так называемой фольклорной форме, в кузнечном промысле она живет во вторичной форме или, как определяют это явление, в форме фольклоризма.

Однако другие художественные металлообрабатывающие промыслы развиваются более естественно. В них традиция не прервалась, хотя существенно трансформировалась. Таков ювелирный промысел, где сохраняются и развиваются локальные художественные традиции.

Известное у русских с древнейших времен ювелирное мастерство возрождается в XIV-XV вв. и достигает своего расцвета в XVI-XVII вв. Центрами промысла были Москва, Великий Устюг, Ростов-Ярославский, ряд сел Костромской губернии, с. Бронницы под Москвой и позже с. Рыбная Слобода Казанской, пос. Мстера Владимирской губерний. В каждом из центров сложились свои традиции техники производства и художественного оформления изделий.

В Великом Устюге развился промысел чернения серебра. Табакерки, ларцы, флаконы, различные туалетные коробочки, стопки, подносы, игольницы, бокалы, выпускавшиеся с XVIII в. великоустюжскими мастерами, были украшены черневыми рисунками. Изображались панорама В. Устюга, пейзажи, аллегорические картины, сцены охоты и т.п. Изделия промысла бытовали в среде привилегированной части общества, где господствовала мода на драгоценные - роскошные предметы быта. Сюжеты черневых узоров, как бы нарисованные на золоте тонким пером, не были прямо связаны с народными традициями, их почва - книжная иллюстрация XVIII в. Угасавший к концу XIX в. из-за смены потребителей изделий великоустюжский промысел стал возрождаться лишь в 1920-е годы благодаря объединению мастеров в артель и организации экспорта изделий. С 1930-х годов меняется стиль черневых узоров. С этого времени изображение крупных цветов и фруктов на фоне листьев покрывает почти всю поверхность изделий.

В настоящее время изделия промысла чрезвычайно разнообразны: кубки, броши, серьги, перстни, салфеточные кольца, браслеты, стопки, подстаканники. Украшены они в традициях промысла силуэтными черневыми рисунками: воссоздана пластичность форм его изделий.

В XVIII в. в Ростове-Ярославском возник промысел росписи эмалевыми красками по металлу - финифть, здесь изготавливались образки, вставки для окладов Евангелия, для потиров и чаш. Во второй половине XIX в., как и на заре промысла, ростовские мастера делали в основном образки, украшали церковную утварь и оклады икон. Но постепенно наряду с росписью на религиозные сюжеты предметов, связанных со службой в храме и всем комплексом православных обрядов, они начинают изготавливать табакерки и туалетные коробочки с росписью на мирские сюжеты. На некоторых из них выполняется портретная миниатюра. Изделия мастеров ростовской финифти отличались одухотворенностью и гармонией неярких красок с преобладанием голубого цвета, сочетавшегося с розоватыми, палевыми оттенками.

Созданная в первые годы после революции артель "Ростовская финифть" выпускала пудреницы, броши, разнообразные коробочки с декоративной росписью. Однако уровень росписи был недостаточно художественным. Вразрез с ее традиционным колоритом (мягкие, как бы приглушенные нежные тона) вводился яркий цвет с контрастными сочетаниями красок. В последнее время наблюдается возвращение в колорите к приглушенным тонам. Выпускаются серьги, броши, кулоны, браслеты, в том числе и для часов, панно, шкатулки, коробочки.

Самым крупным из ювелирных промыслов по количеству занятых в нем мастеров был красносельский (Красное село Костромской губернии), известный с XVI в. В XVIII в. мастера-серебряники Костромы, сел Красное и Сидоровское изготавливали посуду (братины, чарки, солонки), оклады икон и книг из серебра с позолотой. С XIX в. здесь стали делать дешевые изделия. Из меди с полудрагоценными камнями или стеклом, имитирующим драгоценные камни, кустари вырабатывали большое количество дешевых ярких украшений, на которые повсеместно был большой спрос, особенно среди крестьян. По своей форме изделия промысла как бы перекликались с древнерусскими украшениями, например, серьги-"калачи" имели сходство с колтами Древней Руси. В принципах сочетания металла с камнями и стеклом, умении выявить декоративность гладкой поверхности металла красносельский промысел, в числе немногих из ювелирных, стоял ближе всего к корням народных традиций. В конце XIX-начале XX в. под влиянием скупщиков, диктовавших мелким кустарям вкусы мещанских слоев населения, качество изделий красносельских ювелиров снижается. Противоречивое влияние на промысел оказали мастерские, организованные земством, которые внедряли элементы стиля модерн, что мешало сохранению традиции промысла. Вместе с тем промысел получал экономическую поддержку от земства. Без этой поддержки он мог угаснуть, как и многие другие промыслы России.

В послереволюционные годы расширился круг изделий, выпускаемых предприятиями красносельского промысла. Появились новые виды техники ювелирного производства и новые приемы художественного оформления их продукции. В послевоенные годы-это мощный ювелирный центр, выпускающий кольца, броши, кулоны, винные и кофейные сервизы, кубки, бокалы и другие изделия. Шире других здесь используется техника филигрانی.

На почве древнего бронницкого промысла по изготовлению кольчуг и разнообразных военных доспехов, сформировавшегося в XVI-XVII вв. в с. Синьково (Раменский район Московской области), выросла сначала артель "Синьковский ювелир", а ныне ювелирная фабрика, которая выпускает разнообразные украшения: цепочки, колье, браслеты и многие другие изделия. В работах современных мастеров этого центра развиваются традиции мастеров-кол ьчужнико в. Именно поэтому основную массу продукции наследников бронницких мастеров составляют цепи и цепочки разных плетений (Хохлова).

Производство художественных керамических изделий: изразцов, посуды, игрушек известно со времен Киевской Руси. Оно было частью древнейшего промысла - гончарства, распространенного по всей России - всюду, где имелись залежи глины. Самым крупным

центром русской художественной керамики, в котором использовались высококачественные глины, являлся район Гжели, прославившийся еще в XVII - первой половине XVIII в. художественным оформлением гончарных изделий. Тонко проработанные формы фляг, кумганов и бочонков украшались там четкими рельефными узорами. С середины XVIII в. в Гжели стала изготавливаться майолика с полихромной росписью, с конца XVIII в. - полуфаянс, а с начала XIX в. - фарфор. Наиболее распространенным для Гжельского промысла способом росписи изделий была подглазурная кобальтовая; характерной особенностью художественного оформления изделий - украшение сосудов скульптурой {Попова. С. 7-10}.

Во второй половине XIX в. основной продукцией гжельских кустарей был фарфор, но наряду с ним производилось и много майоликовых изделий. Конкуренция с фарфоровыми заводами, заменившими ручную роспись механической и за счет этого увеличившими выпуск товара, привела к снижению качества продукции гжельских кустарей, которые стремились выполнить большее количество изделий, что неизбежно приводило к снижению их качества. В упадок пришла и майолика Гжели.

Гжельский промысел возродился в послевоенные годы. В настоящее время Гжельская фабрика выпускает современные изделия, сохраняющие традиции промысла. Это чашки и бокалы, чайники и сахарницы, декоративные предметы и мелкая пластика.

Вторым центром гончарного производства, выросшим в художественный промысел, был г. Скопин Рязанской губернии. Во второй половине XIX в. в Скопине наряду с обычной гончарной посудой производилось много своеобразных скульптурных сосудов, подсвечников, детских игрушек - свистулек, фигур фантастических животных и т.п. В определенном плане Скопинский промысел близок к богородскому промыслу игрушки. Оба расцвели в пореформенное время. Их мастера не просто развивали, а смело создавали новые локальные традиции, основой которых была народная художественная культура в целом. Оба промысла молоды, но глубоко традиционны. В начале XX в. скопинский гончарный промысел, как и гжельский, начал угасать. Возродился лишь в послевоенные годы. Сейчас он выпускает украшенные рельефом и скульптурой квасники, кувшины, блюда, вазочки, скульптуру. Цветная потечная глазурь придает изделиям особую эффектность. Вместе с тем в современных изделиях скопинских мастеров гораздо более, чем в ранних, выявляется практическое назначение предмета; их фундаментальность облегчается ажуром ручек и скульптурных украшений.

К художественному гончарству примыкает промысел по изготовлению глиняной игрушки. Довольно широко распространенное изготовление глиняных свистулек, фигурок людей, птиц, животных особенно развилось в нескольких центрах Вятской, Тульской, Архангельской и Пензенской губерний, где оно сохраняется и до настоящего времени, когда глиняная игрушка чаще всего используется как декоративная скульптура или сувенир. Утратив свою функцию (дети в нее не играют), она живет как мелкая пластика. Глиняная игрушка стала декоративным элементом жилого интерьера {Богуславская, 1975}.

Искусство резьбы по кости, корнями уходящее в седую древность, известно со времен Древней Руси как развитое и высокохудожественное производство. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в Западной Европе резные костяные художественные изделия в то давнее время носили название резьбы руссов {Рыбаков, 1948. С. 43}. На Русском Севере резные костяные изделия были предметами крестьянского быта {Тарановская, 1976. С. 2}. Традиции древнерусского косторезного искусства там развивались в преемственности от поколения к поколению и достигали такого высокого уровня художественного мастерства, что, например, в середине XVII в. Указом царя Алексея Михайловича холмогорские косторезы были выписаны в Москву для работы в Оружейной Палате. Вернувшись на родину и продолжая косторезное дело, они использовали опыт, приобретенный в Москве {Крюкова И.А. С. 7}, то есть в традицию народной резьбы по кости на Русском Севере вплеталась новая нить орнаментации и композиционных построений декора.

В XVIII в. в холмогорском косторезном промысле наблюдался расцвет. Мастеров нередко вызывали в Петербург, где их изделия были популярны среди социальной верхушки общества. Резчики изготавливали ларцы и коробочки, бокалы оклейные, гравированные и ажурные (зачастую с портретами вельмож), рамки для зеркал, табакерки, гребни. В изделиях сочетался ажурный орнамент с рельефными сюжетными композициями. Использовалась цветная гравировка. Сюжетами резьбы были сцены винопития, охоты, изображение птиц и животных среди растительного орнамента.

В конце XVIII - начале XIX в. искусство художественных изделий из моржового клыка теряет своих почитателей - покупателей. С середины XIX в. все больше падал спрос на изделия мастеров косторезного промысла. До наших дней промысел сохранил свои традиции в производстве подарочных и выставочных изделий, где появились и новые формы предметов, такие, как, например, светильники. Помимо этого мастера стали выпускать броши и другие мелкие изделия.

Искусство резьбы по твердому камню было новым для русских мастеров XVIII в., когда их "поставили" резать камень для украшения интерьеров и облицовки зданий. Камень, как материал, почти не использовался в традиционной крестьянской культуре (жилище было деревянное, редко - кирпичное, на юге России - глинобитное), русские также не изготавливали и утварь из камня. Белокаменная резьба была за века забыта, как и мелкая пластика {Николаева, 1976}. Если до татаро-монгольского нашествия была развита мелкая пластика в камне {Николаева, 1983} и в архитектурном декоре храмов мастерами-камнерезами были созданы шедевры народного искусства (рельефные изображения птиц, львов, грифонов в гармонии с растительными мотивами), то в XVII в. делались лишь белокаменные резные наличники.

Трудоемкое камнерезное дело начиналось под руководством художников-профессионалов и развивалось как изготовление вещей по образцам, созданным профессионалами, а не народными мастерами. Это и обусловило отсутствие в камнерезном искусстве процесса складывания народной художественной традиции. В связи с этим мастерство камнерезного промысла было подвластно капризам моды, смены стилей и т.п. без адаптации этих явлений в русле народного искусства. Талантливые мастера лишь вносили черты народной художественной традиции в этот промысел и предпринимали более или менее удачные попытки создания новых по типу изделий в русле традиций.

В настоящее время камнерезное мастерство развивается в старых центрах - на фабриках Урала и Алтая, а также и в ряде новых. Широко прославлен своими изделиями кунгурский камнерезный промысел. В Кунгуре выпускаются письменные приборы, пепельницы, лампы, скульптура, токарные и резные изделия с рельефом и ажуром.

Искусство лаковой миниатюры появилось в XVIII в. Широко известные изделия из папье-маше: табакерки, туалетные коробочки, игольницы, перчаточницы и другие подобные предметы, украшенные тончайшей миниатюрной живописью, покрытой лаком, изготавливались на фабрике Лукутина в подмосковном с. Федоскино. Основой лаковой миниатюры мастеров Федоскино была станковая живопись, близкая реализму. Миниатюризованные копии известных картин и сцены русского народного быта выполнялись часто с подкладкой сусального золота или перламутра под слой красок, имеющих лессировочные свойства (прозрачность), что создавало эффект сияния золотистого или серебристого света, идущего из глубины изображения. Красками имитировалась шотландская ткань, черепаховая кость или малахитовая пластинка.

Сначала изделия промысла бытовали лишь среди привилегированных слоев населения, что определяло и сюжеты живописи, заимствованные из графики и западноевропейской миниатюры. Но со сменой потребителей изделий (вместо дворянства купечество, городская и сельская буржуазия) изменились и их сюжеты. Основными стали сцены чаепитий, зимних и летних троек, народных гуляний. В наши дни мастера Федоскино создают миниатюры на исторические и сказочные сюжеты; большое место занимают

пейзаж, орнаментальные композиции и традиционные шотландка и черепашка. Изделия Федоскино пользуются спросом как на родине, так и во многих зарубежных странах (Яловенко, 1959).

В соседнем с Федоскиным с. Жостове в начале XIX в. появился подносный промысел (Коромыслов, 1977; Крапивина; Богуславская, Графов). За полвека до этого изготовление расписных лакированных металлических подносов развилось на Урале - в среде заводских мастеровых Нижнего Тагила. Уральский центр вырос из искусства лаковой живописи по металлу - оформления мебели, интерьера, средств передвижения (их металлические части) декоративной росписью и копиями картин известных художников. В основу его традиции изначально было заложено профессиональное декоративное искусство. Возникнув в XVIII в., промысел был призван обслуживать своими изделиями быт владельцев заводов, вкусы которых определяли сюжеты и в целом характер росписи по металлу, в частности - росписи подносов. Только постепенно уральский промысел стал поставлять изделия для крестьян, приписанных к заводам, а затем и на дальние рынки.

В Подмосковном центре промысел развивался без направленного воздействия извне. Он естественно "вбирал" в свою художественную традицию через связи с соседним с. Федоскино, производившим расписные изделия из папье-маше, элементы станкового искусства, но этот процесс шел в естественной адаптации инородных для народного творчества элементов к производимой мастерами росписи. Если судить по самым ранним изделиям, на начальном этапе подносы в этих двух центрах изготавливались из различного материала, на Урале они всегда были металлические, жостовские подносы - из папье-маше.

Эпизодически производство подносов возникало и в других местах, как, например, в Петербурге, что известно по сохранившимся изделиям Петербургской подносной мастерской или в Верхнем Нейвинске на Урале. Однако как промысел производство подносов развилось только в Нижнем Тагиле и в Жостове, где оно стало традиционным занятием для большой группы населения. На Урале в XVIII -первой половине XIX в. промысел был дополнением к заводским и рудничным работам. И лишь после отмены крепостного права он стал основным занятием мастеров-подносников. В Жостове - типичном русском селе средней полосы - подносный промысел на протяжении всей своей истории сочетается с сельскохозяйственными занятиями.

В Нижнем Тагиле подносный промысел развивался как отрасль кузнечно-клепального, куда он и входил по официальной заводской регламентации, хотя и был органически связан с лакировочным и живописным. Его художественные традиции уходят корнями в станковую живопись, но в процессе развития под влиянием художественной культуры края промысел приобретает черты народного искусства (Павловский. С. 37-42). Параллельное развитие, взаимовлияние и конкуренция между нижнетагильским и жостовским промыслами в значительной степени обусловили пути их развития. И на Урале, и в Подмосковье в производстве массовой продукции господствовала цветочная роспись. Но были и заказные работы с натюрмортами, жанровыми сценами и пейзажами. В Нижнем Тагиле изображались сцены на античные сюжеты по иллюстрациям и пейзажи с гравюр, в Жостове - сцены чаепитий, катаний на тройках. Цветочная роспись на тагильских подносах была плоскостная, на жостовских - объемная.

Три центра лаковой живописи - Палех, Мстера и Холуй возникли позже. Однако их художественные традиции древнейшие. Они связаны с канонами и живописными приемами иконописи, что определяет особенности творчества мастеров этих промыслов.

Палех, как центр иконописания, ведет свою историю с XIV в. После революции в Палехе, как в Холуе и Мегере, постепенно развивается промысел миниатюрной лаковой живописи на шкатулках, ларцах, перчаточницах, пудреницах и других подобных изделиях из папье-маше. Оставаясь земледельцами, палешане свое творчество всегда сочетали с крестьянским трудом. Не случайно в их миниатюрах 20-30-х годов присутствуют сцены сельского труда: пахари, жницы, пастухи за своей работой. С особой любовью во всех

композициях изображается конь — опора и помощник крестьянина в труде, в беде и в радости. Палехская живопись традиционно исполняется на черном фоне, который как бы выявляет яркость красок (Некрасова, 1966, 1983).

Мстерский центр миниатюры вырос на тех же древних традициях иконописи (Коромыслов, 1972; Дмитриев, 1986), но его живопись отличается от палехской и колористическими решениями, и композиционно. Фон здесь не черный, а светлый -нежно-голубой, розовый, палевый, как заря. Мстерские композиции по большей части многофигурны и как бы повествовательны. Владея виртуозно техникой иконописания, мстерские художники в прошлом прославились подстаринными иконами, ценимыми, в частности, старообрядцами.

Холуйский промысел иконописания зарождается в XVI в. Его мастера писали дешевые по цене, так называемые расхожие иконы, отступая нередко от принятых канонов, что осуждалось церковью.

Сюжеты художников Палеха, Мстеры и Холуя часто взяты из сказок и былин. Вместе с тем среди них много сцен из сельской жизни, например жатва, сенокос, выпас скота, пахота, в также гулянья и свадьбы.

Художественная обработка дерева - изготовление резной токарной расписной посуды, игрушки и мебели, а также украшение жилища, орудий труда и средств передвижения резьбой и росписью в России, богатой лесами, повсеместно достигала уровня высокого искусства и имела много локальных школ, в которых развивались и сохраняются до сих пор традиции Древней Руси, хорошо известные по археологическим раскопкам Новгорода и других городов и селений (Колчин, 1968; 1971; Сокровища...)

Одним из центров народного искусства, ставшим уже давно всемирно известным, является Хохлома - производство токарной расписной деревянной посуды. Хохломской промысел возник в конце XVII - начале XVIII в. в Нижегородском Заволжье, как широко распространенное производство необычайно окрашенной золоченой посуды с яркой травной росписью. Развился этот промысел в среде старообрядцев, нашедших приют от гонений в лесах по р. Керженцу в XVII в. Старообрядцы владели техническим приемом "письма серебром вместо золота", создающим один из декоративных эффектов Хохломы, -золотой фон росписи (Василенко, 1959. С. 12-13).

Метод окраски посуды в золотой цвет путем посыпания серебряного (позже оловянного) порошка на покрытую льняным маслом, а позднее - лаком поверхность изделия с последующим прогреванием в печах мастера Хохломы унаследовали от мастеров иконописи (Вишневецкая. С. 6). Это свидетельствует о том, что художественная традиция Хохломы уходит корнями в глубокие пласты русской народной художественной культуры - в традиции техники иконописания Древней Руси. Формы хохломских изделий глубоко традиционны: даже современные вещи порой в известной мере близки сохранившимся деревянным изделиям Новгорода Великого X-XIII вв., а также металлическим изделиям того же времени из других районов Киевской Руси.

Название промысел получил по имени торгового с. Хохломы, куда доставлялись изделия из сел Заволжья и откуда они затем отправлялись на ближние и дальние ярмарки, в том числе зарубежные, на сельские и городские базары. В XVIII - начале XIX в. промысел процветал. Развивался он на территории современного Ковернинского района и вокруг г. Семенова, как в селах, так и в самом городе. Особенно прославились мастера сел Новопокровское, Семино, Хрящи, Кулигино Семеновского уезда Нижегородской губернии.

Наряду с "письмом серебром вместо золота" было и обычное раскрашивание изделий красками по предварительно проолифенной поверхности. Однако с середины XIX в. деревянная посуда выходит из повсеместного употребления. И в конце XIX - начале XX в. хохломская роспись пришла в упадок. Сейчас мастера Хохломы, сохраняя традиции, продолжают выпускать расписные токарные и столярные изделия в разных стилях

росписи: верховой и под фон.

В Нижегородской губернии был еще один центр росписи по дереву -г. Городец. Городецкие кустари вначале инкрустировали, а затем расписывали прялки, донца гребней, вальки и рубели, употребляя клеевые, темперные, а к концу XIX в. и масляные краски. Через Нижегородскую ярмарку городецкие изделия расходились по многим губерниям России.

В настоящее время городецкий промысел производит расписную детскую мебель, игрушки-качалки, напоминающие городецких коней, сошедших с инкрустированных донец, а также доски для хлеба, декоративные панно, блюда и тарелки.

В современной росписи воспроизводятся основные традиционные образы: птицы, всадник, конь, а также цветы. Сохранились и основные стилевые особенности их воплощения. Знаменательно, что во многих изделиях повторяется и традиционная трехчастная композиция. Цветовая гамма современных изделий нередко иная, но элементы колористического строя в отдельных вещах сохраняются. Городецкие изделия в отличие от хохломских не сохранили преемственности своих функций. Если хохломская посуда подобно изделиям текстильных художественных промыслов вошла в современный быт, сохранив, хотя и в трансформированном виде, и декоративную, и утилитарную функции, то городецкие изделия, воспроизводя отдельные черты старинной росписи, стали функционально иными. Роспись Городца в прошлом размещалась на донцах для гребней. В незначительном количестве городецкие мастера изготавливали игрушки-лошадки. Но это были не большие кони-качалки, выпускаемые сейчас, а маленькие, коротконогие черные лошадки на колесиках - каталки.

В настоящее время основной линией развития Городецкой росписи является украшение предметов, новых для этого центра промысла и по функциям, и по формам (детская мебель, декоративные тарелки, панно и т.п.). Так что Городецкий и хохломской промыслы, близкие и по виду искусства, и территориально, развиваются по-разному.

Третий центр традиционной росписи Нижегородской области совсем молодой по возрасту - с. Полховский Майдан. Мастера, изготавливавшие в XIX в. токарные изделия (игрушки, коробочки, пеналы) без окрашивания, в начале XX в. стали их украшать узорами, производимыми сначала выжиганием, а затем росписью. Приемы полховско-майданской росписи различны: может быть сначала наведен контуром предварительный рисунок тушью и потом залит краской яркого цвета, а может быть расписан без предварительного оконтуривания. В промысле все больше используется свободная кистевая роспись. На коробочках, пасхальных яйцах и других изделиях изображаются пейзажи, птицы и животные. Изделия чрезвычайно разнообразны: матрешки и пеленашки, грибы для штопки, бочата и коробочки, детские пистолеты, бокалы для карандашей, ручки, рюмки и различные другие бытовые предметы. Полховско-майданский промысел в наши дни один из самых процветающих.

Мастера Московской и Вятской губерний прославились высоким уровнем художественной обработки дерева. В XVII в. было широко развито производство игрушек в Сергиевом Посаде и окрестных деревнях. Изделия троицких мастеров были при дворе у царевичей. Резчики соседнего с. Богородского вырезали, а мастера Сергиева Посада раскрашивали фигурки людей, которыми можно было играть как куклами и использовать их как мелкую пластику для украшения жилища, составляя из них многофигурные или парные композиции. Более всего были известны фигуры гусара и барыни - бравые ярко раскрашенные, толстошекие персонажи, всем своим видом вызывающие улыбку. Сергиев-посадский промысел освоил и производство матрешек, китайской мелочи - миниатюрных фигурок людей, красочной росписи с выжиганием на коробочках, пеналах и панно, многих видов игрушек. Богородский промысел, связанный с ним, развивался в XIX в. своим путем: его мастера производили неокрашенную игрушку. Это были хозяйства - скульптурные группы, отображавшие крестьянскую жизнь, фигурки крестьян. Главной же продукцией богородских резчиков были игрушки с движением, изображавшие птиц и

зверей, чаще всего медведей.

В знаменитом Абрамцеве - своеобразном средоточии художественной жизни своего времени - сестра художника Поленова организовала мастерскую для обучения крестьянских детей художественному ремеслу. Она собрала огромную коллекцию произведений народного искусства и, используя материал коллекции, обучала детей традиционной резьбе на новых по форме изделиях - полках, шкафчиках-"аптечках", мебели и т.п.

В близлежащих с. Ахтырке и Кудрине издавна был один из центров промысла украшения свечных ящиков плоской резьбой, с распространением керосиновых ламп и газового освещения в городах свечной промысел резко сокращается. Приходит в упадок и промысел резьбы на свечных ящиках. В абрамцевской мастерской древние традиции трехгранно-выемчатой резьбы творчески соединились с приемами плоскорельефной резьбы на свечных ящиках. Появился новый стиль художественной обработки дерева: растительный орнамент из так называемой пальчатой листвы с включением образов птиц, сплошь покрывающий изделия нового абрамцево-кудринского промысла. Эта резьба живет и сейчас, украшая современные изделия.

С XVI в. в России изготавливались изделия из капокорня. Как промысел, т.е. постоянное занятие местных жителей, это производство развилось в XIX в. в Вятской губернии в г. Слободском. Строгие по формам с красивой текстурой дерева, покрытые лаком, отшлифованные и отполированные портсигары, шкатулки "с секретом", чайницы, курительные трубки, туалетные коробочки были близки по стилю позднему классицизму. Как и в камнерезном искусстве, в этом промысле не было глубоких народных традиций.

Кроме резьбы и росписи по дереву существовали еще резьба и роспись по бересте. Исстари в туесовом или бурачном промысле - изготовлении берестяных сосудов с крышками - развивались разные способы их украшения. Туеса расписывали, а также отделывали тиснением и чеканкой. Роспись красками на яичном желтке, а позднее масляными наносилась кистью непосредственно на слой бересты и на шпатлеванную поверхность (с конца XIX в.)- Тиснение в виде геометрического узора производилось тупой стороной ножа, а чеканка - металлическими или деревянными штампами. Больше всего туесов изготавливали в Вологодской и Архангельской губерниях, на Урале. Туеса иногда оклеивали тонким слоем бересты со сквозными узорами. Прорезная береста украшала не только туеса, но и поставцы, шкатулки, портсигары, табакерки и другие изделия.

Художественная резьба по бересте получила особенное развитие в районе Великого Устюга, где сложился промысел по изготовлению изделий, украшенных берестой с ажурным узором, известный как шемогодская береста (по названию р. Шемогоды). В его истоках лежали два промысла: городской - Устюга Великого и сельский - сел, расположенных в Шемогодье.

Инструменты шемогодских кустарей - шило и острый нож. Узор наносился шилом и вырезался ножом таким образом, что фон рисунка удалялся. Шилом же наносились детали узора: выдавливались прожилки листьев, детали цветов и т.д. Бересту нередко наклеивали на цветной фон или подкладывали под нее фольгу (Жижина).

В настоящее время искусство прорезной бересты продолжает развиваться в Вологодской области, где производят туеса-сувениры, покрытые тонким ажурным узором, заполняющим всю цилиндрическую поверхность изделия сложным растительным орнаментом, напоминающим морозные узоры на окнах. Возрожден на основе местных художественных традиций промысел в Архангельской области, где узор, украшающий туеса, розеточный.

Роспись туесов в местных художественных традициях, близких уральским настенным росписям, развивается и в Кировской области.

Туеса в современном быту функционируют различно. В городах они играют роль сувенира или декоративно-утилитарного изделия (например, емкость для крупы,

украшающая одновременно кухню). В сельской местности туеса используются, как и ранее, для переноски и хранения жидкости, сыпучих продуктов, ягод.

Художественная обработка дерева еще в древности достигла высокого уровня не только в украшении бытовых предметов, но и в архитектурном декоре. Среди археологических находок в Новгороде обнаружены детали жилища XIV-XV вв. со сложной, выразительной рельефной резьбой (Колчин, 1970).

В настоящее время сохранившиеся повсеместно дома крестьян и индивидуальные жилища на окраинах городов, особенно средних и малых, украшены ажуром пропильной резьбы и просечного железа. Это - творчество народных мастеров.

Разнообразие декора русского индивидуального жилища прямо связано с его типом (планировкой, конструктивными особенностями, высотностью и т.п.), ибо в народном зодчестве проявляется единство утилитарного и декоративного начал. Ажурные наличники крестьянского дома закрывают щель между срубом и колодой, в которую вставлена оконная рама. Торцовые доски, покрытые резьбой, защищают концы бревен сруба от разрушения. Ту же функцию выполняют причелины, украшающие фронтоны дома и предохраняющие его крышу от преждевременного старения. Узорная обшивка сруба тесом ограждает бревна от дождя и снега (Чижикова, 1970).

Вместе с тем в художественных традициях народного зодчества имеются - и в настоящее время все чаще встречаются - чисто декоративные элементы; пояса пропильного ажюра, размещенные по периметру сруба и по фасаду светелок, объемные украшения столбов ворот и т.п. Связанные и не связанные с конструктивными особенностями жилища, они подчеркивают красоту традиционных зданий, определяемую их безупречной архитектурной формой.

В современном индивидуальном строительстве из средств декора наиболее распространены пропильная резьба, просечное железо, менее - мозаичная обшивка стен тесом и очень ограниченно - цветной кирпич, фигурная кладка, лепнина и штамповка по сырой штукатурке. Сочетания декоративных приемов чрезвычайно разнообразны, но локальные декоративные комплексы устойчивы.

Из традиционного декора жилища самые глубокие корни имеет рельефная резьба (как плоскорельефная, так и высокорельефная). Ее ровесница - выемчатая резьба (углубленная). Она была трехгранной (наиболее распространена) и ногте-видной. Меньше использовалась контурная резьба (углубленные линии узоров) и скульптурная. С конца XIX - начала XX в. распространяется пропильная резьба (ажурная и накладная), вытеснившая все другие виды архитектурной резьбы (Станюкович Т.В., 1950; Скворцов А.М.; Рождественская, 1981. С. 36-96).

Украшение резьбой жилищ:

- а) обрамление слухового окна фронтона дома и деталь украшения светелки (Ярославская область),
 б) верхняя часть наличника (Новгородская и Ярославская области)

Полотнища ажурных подзоров, свисающие под крышей, ажур наличников и накладные узоры на фронтонах дома и крыльца при игре света и тени создают впечатление кружевного наряда дома.

Мотивы резьбы разнообразны. Чаще всего встречается образ солнца. Он всегда в центре любой композиции, причем симметрично размещенные по сторонам от него птицы и звери тянутся к нему головами, а драконы и змеи - телами, но отворачивают головы. Из остальных мотивов наиболее распространены растительные. Однако не редкость зооморфные. Среди них преобладают образы птиц, реже встречаются антропоморфные изображения львов. Такая резьба с традиционными мотивами широко представлена в Верхнем Поволжье и в центральных областях России. На Севере известна объемная (скульптурная) резьба - коньки крыш с изображением головы лошади или птицы. На Юге распространен геометрический орнамент (накладная резьба), в основе которого ромб. Характерно, что образы львов, барсов, драконов или других фантастических злобных существ в отличие от искусства других народов и от профессионального искусства, где подчеркивается их свирепость, в русской резьбе по дереву часто лишены агрессивности. Они выражают покой и доброжелательность. В их изображении нередко присутствует юмор, что, как представляется, отражает определенные черты русского национального характера.

В современном обществе предметная среда стандартизирована. Унификация быта способствует появлению тенденции его индивидуализации. При росте этнического сознания это порождает процесс обращения к народному искусству и традиционной художественной культуре в целом как носительнице жизнеутверждения и идеи гармонических отношений человека с природой {Вагнер. С. 38}.

В отличие от всех других видов искусства, народное изобразительное творчество - не самовыражение художника (не отражение в произведении искусства мировосприятия отдельной личности), а отражение в предметах народного искусства образного освоения мира целым народом или любой этнической общностью. Поэтому по хронологической вертикали и географической горизонтали народное искусство связывает всех представителей данного этноса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИРЛИ Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)
АИЭА Архив Института этнологии и антропологии РАН
АИЭА. МГОВЭ Архив Института этнологии и антропологии РАН. Материалы
городского отряда Восточнославянской экспедиции
АРАН Архив Российской академии наук
АОИРС Архангельское общество изучения Русского Севера
АРГО Архив Русского Географического общества
БРАН Библиотека Российской академии наук
ВЭО Вольное Экономическое общество
ГАВО Государственный архив Вологодской области
ГАИМК Государственная академия истории материальной культуры
ГАИО Государственный архив Ивановской области
ГАКК Государственный архив Краснодарского края
ГАОО Государственный архив Омской области
ГАРФ Государственный архив Российской Федерации
ГАТО Государственный архив Томской области
ГИМ Государственный Исторический музей
ГРМ Государственный Русский музей
ДЧ Душеполезное чтение
ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ Журнал Министерства юстиции
ЖС Живая старина
ИРГО см. РГО
КСИЭ Краткие сообщения Института этнографии
МИА СССР Материалы и исследования по археологии СССР
НИИХП Научно-исследовательский институт художественной промышленности
ОИАК Общество изучения Амурского края
ОЛЕАЭ Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОЛЯ Отделение литературы и языка
ОПИ Отдел письменных источников
ОРЯС Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук
ПИИЭ Полевые исследования Института этнографии
ПКМ Пермский краеведческий музей
ПСРЛ Полное собрание русских летописей
РАНИОН Российская ассоциация научно-исследовательских институтов
общественных наук
РБ Российская библиотека
РГАДА Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА Российский государственный военно-исторический архив
РГИА Российский государственный исторический архив
РГО(ИРГО) Русское Географическое общество (Императорское Русское
Географическое общество)
РИБ Русская Историческая библиотека
РИО Русское Историческое общество
РО Рукописный отдел
РП Русский паломник
РЭМ Российский Этнографический музей

СЭ "Советская этнография"
ТИЭ Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая
серия
ЦНИИГАИК Центральный научно-исследовательский институт геодезии,
аэрофотосъемки и картографии
ЧКМ Чердынский краеведческий музей
ЧОИДР Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЭАОИРК Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края
(Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник)
ЭМ Этнографические материалы
ЭО "Этнографическое обозрение"
ЭС Этнографический сборник

ЛИТЕРАТУРА

- Аблова Р.Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма: 1941-1945. М., 1973.
- Абрамов И.С. Старообрядцы на Ветке: (Этногр. очерк) // ЖС. 1907. Вып. III.
- Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом //Тобольские губ. вед. 1864. № 27.
- Аванесов Р.И. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопр. формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958.
- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.
- Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Авдеева Е.А. Ручная книга русской опытной хозяйки, составленная из сорокалетних опытов и наблюдений доброй хозяйки русской: В 3 ч. СПб., 1865.
- Аверченко А. Записки простодушного. М., 1992.
- Агапшп, о. архим. Житие старца Иллариона, Троекуровского затворника / Изд. Троеку-ровской обители. Б/м, б/г.
- Агарков С.Т. Дисгармоничный брак // Социологические исследования. 1970. Вып. 4.
- Агеева Е.А. Век минувший и век нынешний в эпистолиях старообрядческих писателей Я.Е. Ларина и А.К. Килина // Skupiska staroobrzadowcow w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym Swiecie. Warszawa, 1994.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1978.
- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1971.
- Азиатская Россия: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. Т. 1.
- Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР// КСИЭ. 1953. Вып. 18.
- Акты исторические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1838-1842.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. М., 1951. Ч. I, III.
- Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- Александров А.И. Физиолог. Казань, 1893.
- Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI-XVIII в. //Русские старожилы Сибири: Историко-антропологические очерки. М., 1973.
- Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII - начало XIX в. М., 1984.
- Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.
- Александров В.А. Русское население Сибири в XVII - начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
- Александров В.А. Сельская община в России (XVII - начало XIX в.). М., 1976.
- Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. №3.
- Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII - начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII -начала XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. III (ТИЭ Т. LXIV).
- Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество Сибири XVII в. Новосибирск, 1991.
- Александров Вл. Деревенское веселье в Вологодском уезде (Этнографические материалы) //

- Современник, 1864. № 7.
- Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы, М., 1969. Алексеев В.П., Беневоленская Ю.Д., Гохман И.И., Давыдова Г.М., Жомова В.К.
- Антропологические исследования на Лене // СЭ. 1968. № 5. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Париж, 1984. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. Аляксеу В.П., Вітай М.У., ЦягакаЛ.У. Расавая географія беларусаў і праблемы этнагенезу. МінСК, 1994.
- Алексеева Т.И, Алексеев В.П. Антропология о происхождении славян // Природа. 1989. № 1. Алексеева Т.И., Федосова В.Н. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. I.
- Антропологический состав, палеодемография // Вопр. антропол. 1992. Вып. 86. Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходо́в как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. // История СССР. 1981. № 6. Алмазов А. Сообщения западных иностранцев XVI-XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. Казань, 1990.
- Амальрик А. Записки диссидента. Ардис, 1982. Андреева Е. Жертвы Ялты // Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. Анохина Л.А., Шмелева М.И. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
- АнохинаЛ.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М, 1964. Анучин Д.Н. Сани, лады́я и кони как принадлежность похоронного обряда: Археол.-этногр. этюд. М., 1890.
- Аргудяева Ю.В. Структура крестьянских семей в Приморье (60-е годы XIX в. - начало XX в.) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни. Владивосток, 1982.
- Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
- Аристов Ф.Ф. Русское религиозное и национальное самосознание. Тифлис, 1918.
- Архангельский А, Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // ЭС. СПб., 1854. Вып. II.
- Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.
- Арциховский А .В. Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1.
- Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII-XV вв. М., 1969. Ч. 1.
- Арциховский А.В. Пища // Очерки русской культуры XIII-XV вв. М., 1969. Ч. 1.
- Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- Афанасьев АЛ. Полынь в чужих краях. М., 1987. Афанасьев А.И. Поэтические воззрения славян на природу // Соч.: В 3 т. М., 1865. Т. I; М., 1868. Т. II; М., 1869. Т. III; М., 1994. Т. IV-VIII.
- Бабарыкин В. Село Васильевское Нижегородской губернии. Нижегородского уезда // ЭС. СПб., 1853. Вып. 1.
- Бабкин В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. // Вопр. военной истории России XVIII-XIX вв. М., 1969.
- Бабурин И.А. Село Иваново // Владимирские губ. вед. 1855. № 53. Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963.
- Баженов И. Начало и празднование Нового года в России // Костромские епархиальные вед. 1890. №2.
- Базанов В.А. Народная медицина // БСЭ. 3-е изд. Т. 17.
- Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере (конец XVII - начало XVIII в.). М., 1976.

- Балахонова Л.И. История составления "Опыта областного великорусского словаря" и "Дополнения" к нему // История русской диалектологии. М., 1961.
- Балдина О.Д. Русские народные картинки. М., 1972. Балов В.А. Очерки Пошехонья // ЭО. 1899. № 1/2.
- Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). М., 1978.
- Барсов Е.В. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края // Тр. этногр. отд. ОЛЕАЭ. М., 1877. Кн. IV.
- Барсов Е.В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Олонецкий сборник. етрозаводск, 1894. Вып. 3.
- Барсов Е.В. Причитания Северного края. М., 1872. Т. 1. Басилов В.Н. О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр // Вопр. истории религии и атеизма. М., 1964. Сб. XII.
- Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981.
- Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры: Определитель. М., 1959.
- Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975.
- Белов В.И. Раздумья на родине. М., 1986.
- Белов В.И. Ремесло отчуждения. М., 1988.
- Белогорская Р.М., Ефимова Л.В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1.
- Бенуа А. Художественные письма // Речь (СПб.). 1909. 19июня.
- Бердяев Н. Иллюзии и реальности в психологии эмигрантской молодежи // Путь (Париж). 1928. №14.
- БерезинаЛЛ., Болдырева МД. Русское ручное ткачество. М., 1959.
- Бернштам М. Сколько жить русскому народу // Москва. 1990. № 5.
- Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX - начале XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983.
- Беттел Н. Последняя тайна: Насильственная выдача русских в 1944-1947 гг. // Континент (Берлин; Мюнхен). 1975. №4/5; 1976, №6/7.
- Бирюков И.А. История Астраханского войска. Астрахань, 1911. Ч. 1.
- Бирюков П. Духоборцы: Сб. статей, воспоминаний, писем, документов. М., 1908.
- Биск А.А. Русский Париж 1906-1908 гг. // Современник: Журнал русской культуры и национальной мысли (Торонто). 1963. № 7.
- Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов "казак" и "казах" // Этнонимы. М., 1970.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнослав. этногр. сб. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI).
- Бломквист Е.Э. Крестьянское жилище Калужской области // Материалы по этнографии. Этногр. отд. ГРМ. Л., 1927. Т. III. вып. II.
- Бломквист Е.Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области: (жилище феодальной эпохи) // СЭ. 1934. № 5.
- Бломквист Е.Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Богатырев П.Г. Вераования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии // ЭО 1916. №3/4.
- Богданов В.В. Из истории женского южно-великорусского костюма // ЭО. 1916. № 1/2.

- Богословский И. Материалы по народному быту, фольклору и литературной сатире // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924.
- Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI-XVII вв. М., 1960.
- Богуславская И. О крестьянской вышивке//Добрых рук мастерство. Л., 1976.
- Богуславская И. Русская глиняная игрушка. Л., 1975.
- Богуславская И., Графов Б. Искусство Жостова. М., 1979.
- Бодянский А.М. Духоборцы. Харьков, 1907.
- Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.
- Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX - начало XX в.)- Новосибирск, 1978.
- Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1886.
- Большаков В. Извините, мы вас не ждали//Правда. 1991. 11 окт.
- Бондаренко В.Н. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // ЭО. 1890. Мэ 4.
- Бондарь С Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, Старого и Нового Израиля и субботников. Пг., 1916.
- Бонч-Бруевич В Д. Материалы по истории и изучению религиозного сектантства и раскола. СПб, 1909.
- Боярские списки последней четверти XVI - начала XVII в, и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
- Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834.
- Брук СИ. Этнодемографические процессы в СССР // История СССР. 1980, № 5.
- Брук СИ., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // СЭ. 1982. № 5.
- Буденный Л.М. Некоторые вопросы планировки колхозных селений. М., 1953.
- Будина О.Р., Шмелева М.И. Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989.
- Будина О.Р., Шмелева М.И. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // СЭ. 1979. № 6.
- Будина О.Р., Шмелева М.И. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города //СЭ. 1982. №6.
- Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978.
- Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. 3-е изд. Киев, 1913.
- Булгаков С.В. Православие: Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной и Западной церквей / Авт. предисловия и коммент. А.В.Буганов. М., 1994. Бунак В.В. Антропологические исследования в южной Белоруссии // Антропол. сб. I. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXIII).
- Бунак В.В. Антропометрия: Практический курс. М., 1941.
- Бунак В.В. Русское население Забайкалья // Антропологический сб. М., 1963. Вып. IV.
- Бурова Е.Г., Касаткин ЛЛ. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- БурылинД.Г. Быт жителей села Иванова. 1914 г. // ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 282.
- Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1881, Т. 1.
- Бусыгин ЕМ. Русское население Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исследование материальной культуры. Казань, 1966.
- Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко ЕВ. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исследование, середина

XIX - начало XX в. Казань, 1973.

Буткевич Т.Н. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1920.

Бушен А. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1863. Вып. 2.

Вагнер Г.К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. 1973. № 7.

Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974.

Валаамский монастырь и его святыни. Л., 1990.

Валунский Н.В. Материалы к истории архитектуры деревни Воронежского края // Народный быт: Материалы и исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. Вып. I.

Варшавский В.В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

Василенко ВМ. Искусство Хохломы. М., 1959.

Василенко ВМ. Крестьянская геометрическая резьба XVIII в. // Русское искусство XVIII в.

М., 1973. Василенко ВМ. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I век до н.э. - XIII век н.э. М., 1977.

Васильев ЛЛ. К истории звука "fe в московском говоре в XVI-XVII вв. // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 2.

Васильев ЛЛ. Богдановский Златоуст XVI в. // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 3.

Введенская А.Г. К истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XV.

Вдовина Л.Н. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.

Вебер Ф.К. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1972.

Вып. 6-10. Вейсберг Л. Письмо секретаря английского посольства Л. Вейсберга от 1 ноября 1711 г. // Сб.РиО. СПб.. 1888. Т. 61.

Вербицкая О.М. Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) // История СССР. 1980. № 5.

Верников В. Новый закон об иммиграции // Изв. 1991. 14 нояб.

Веселовский С, Снегирев В., Коробков Н. Памятные места в истории русской культуры XIV-XIX вв. М., 1955.

Веселовский СБ. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV-XVI вв. // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1936. Вып. 139.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Виноградов В.А. К вопросу о влиянии народнической пропаганды 70-х - начала 80-х годов на революционные настроения крестьян Тверской губернии // Вопр. аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972.

Виноградов В.А. О влиянии борьбы народовольцев на крестьянские настроения в губерниях Верхневолжья // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10.

Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилото населения Сибири: Восточная Сибирь. Тулунская волость. Нижнеудинский уезд. Иркутская губерния. Иркутск, 1918.

Виноградова Л.Н. Цветочное имя русалки: славянские поверья о цветении растений // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.

Витое М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81-109.

Витое М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.

Витое М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII веков. М., 1962.

- Витое М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII вв. М., 1974.
- Витое М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология восточной Прибалтики // Тр. Приб. объедин. компл. экспедиции. М., 1959. Т. 2.
- Вишневская ВМ. Хохлома. Л., 1969.
- Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
- Владимиров Л. Возвратите их на Родину! // Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. М., 1924.
- Власова З.И. Фольклор о Грозном у П.И. Мельникова и Н.К. Миролубова // Русский фольклор. XX. Л., 1981.
- Власова И.В. Русские: Сельская семья // Семейный быт народов СССР. М., 1990.
- Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII - первой четверти XX в. М., 1976.
- Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII - первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 3.
- Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984.
- Внешняя политика Советского Союза: Док. и материалы, янв.-дек. 1949. М., 1958.
- Воблый К.Г. Заатлантическая миграция, ее причины и следствия. Варшава, 1905.
- Воблый К.Г. Отход на заработки в Германию и русско-германский торговый договор // Тр. Юго-Западного отд. Российской паспортной палаты. Киев, 1924.
- Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII в. М., 1977.
- Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI - начало XX в.). М., 1973.
- Воейков А. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. РГО, СПб., 1909. Т. XLV, вып. I-III.
- Возврат иммиграции в США // Изв. 1990.28 окт.
- Волков А.Г. Семья - объект демографии. М., 1986.
- Волков И.А. Ситцевое царство. [Иваново-Вознесенск], 1926, Т. 2.
- Волков М.Я. Привоз хлеба в район Петербурга за 20-е годы XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
- Вольга и Микула Селянинович // Былины. М., 1957.
- Вопрос и ответ относительно заупокойного моления о почивших младенцах // Тамбовские еларх. вед. 1872. № 8.
- Вопросы Кирика и Нифонта // РИБ. СПб., 1910. Т. VI, № 86. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Основные формы сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI-XVII вв. // История СССР. 1985. № 5.
- Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.
- Воронин Н.Н. Жилище // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Ч. 1.
- Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси // Изв. ГАИМК. Л., 1935. Вып. 133.
- Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области //Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.
- Воронов А.А. Казачьи земли и их население (XVI - начало XX в.) // Казаки России. М., 1992. Воспоминания Архимандрита Пимена // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 3, № 7-9.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1931. Т. XII, XVIII, Вылцан М.А., Тюрина А.П. Основные этапы изменения численности и состава населения и трудовых ресурсов советской деревни 1917-1980 гг. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984.

- Высоцкий Н.Ф. Очерки нашей народной медицины // Зап. Имп. Моск. археол. ин-та. М., 1911. Т. XI, вып. 1.
- Гальковский ИМ. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1; М., 1913. Т. 2.
- Гарин Г.Ф., Савоскул С.С., Шилов В.В. Серпухов. М, 1989.
- Генер Хр. Примечания о худом строении крестьянских изб и о случающихся от того болезнях // Тр. ВЭО. СПб., 1793. Ч. XVIII, разд. VIII.
- Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 4.
- Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- Геровский Г.И. Древнерусские написания жч, жги г перед передними гласными // Вопр. языкознания. 1959. № 4.
- Герэн А. Коммандос "холодной войны". М., 1972.
- Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Куйбышев, 1965.
- Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М, 1991.
- Гиппиус З. Что делать русской эмиграции. Париж, 1930. Гирненко В. Из истории переселения в Забайкалье семейских старообрядцев. Верхнеудинск, 1922.
- Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985.
- Глушков. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // ЭС. СПб., 1862. Вып. V.
- Гмелин С. Путешествие по России. СПб., 1771. Ч. 1.
- Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 6.
- Годичное заседание Тульского губернского статистического комитета. Тула, 1880.
- Головачев П. Сибирь. М., 1912.
- Головачев ПМ. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М, 1902.
- Гольшев И.А. Атлас рисунков с старинных пряничных досок Вязниковского уезда Владимирской губернии. Мстера, 1874.
- Горбаневский М.В. Локальные миграции населения и их отражение в топонимии // Вопр. географии. М., 1979. Сб. ПО,
- Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М, 1923.
- Гордиенко И.С. Современное православие. Л., 1987.
- Горев М. Карловацкий собор. М., б/г. Города России в 1904 г. СПб., 1906.
- Города России в 1910 г. СПб., 1914.
- Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ.М., 1926. Вып. 1.
- Горская И.А. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. М, 1977. Ч. 1.
- Горская Н.А. Пища // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. I.
- Горский АЛ. Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры XIII-XV вв. М., 1969. Ч. 1.
- Горький М. О литературе. М, 1958.
- Готье Т. Путешествие по России. М., 1988.
- Граббе Г., архиепископ. Каноническое положение русской православной церкви за границей // A Report to the all church Council. N.Y., 1974.
- Греков БД. Киевская Русь. М.; Л., 1944.
- Григорьев В.П. Переселение крестьян из Рязанской губернии. М., 1885.
- Григорьева Е.А. Революционно-народническая эмиграция конца XIX в. М., 1970.

- Гринкова И.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III, вып. 2.
- Гринкова ИЛ. Одежда тузовлян Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1/2.
- Громов А.В. Словарь: Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992.
- Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVI в. М. (1977. Ч. 1.
- Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1.
- Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.
- Громыко ММ. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. Ч. IV.
- Громыко ММ. Мир русской деревни. М., 1991.
- Громыко ММ. О народном благочестии у русских // Православие и русская народная культура. М., 1993. Вып. 1.
- Громыко ММ. Территориальная крестьянская община Сибири // Крестьянская община в Сибири XVIII - начала XX в. Новосибирск, 1977.
- Громыко ММ. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Громыко ММ. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.
- Гулиева Л.Т. Русская ойконимия Азербайджана // Перспективы развития слав, ономастики. М., 1980.
- Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1-2.
- Гуляев СИ. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90.
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.
- Гурьева Т.С., Давыдова Л.В., Пучкова З.А. Ковроткачество (ручное) // Художественные промыслы РСФСР: Справочник. М., 1973.
- Гурянова И.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
- Гурьянова Н.С. Старообрядческие сочинения XIX в. о "Петре I - антихристе" // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1980.
- Гусев А. Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской Терской обл. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16.
- Гусев Ив. "Иванов день" - местный праздник в городе Твери // Тверские губ. вед. 1898. № 65.
- Гусев К.П., Еритян Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968.
- Гущин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне в 1926-1933 гг. Новосибирск, 1972.
- Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопр. истории. 1968. № 4.
- Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М., 1979. Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975.
- Давыдова Г.М. Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья // Антропологический сборник. IV. М, 1963.
- Давыдова С, Кружевной промысел в Рязанской губернии // Тр. Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Вып. VII.
- Давыдовин М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. СПб., 1912.
- Даль ВМ. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. 2-е изд. СПб., 1880.
- Даль ВМ. Пословицы русского народа. М, 1957.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955; 1978; 1982; 1989.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
- Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV- XVI вв. М., 1955.
- Дания отказывает эмигрантам из СССР // Изв. 1990.1 дек. Дворникова Н.А. Пища и утварь // Кубанские станицы. М., 1967.
- Де-Воллан Г.А. Эмиграция в США // Сборник консульских донесений за 1902 г. СПб., 1902.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951.
- Дебец Г.Ф. Антропологический очерк Лукояновского уезда бывшей Нижегород. губ. // Учен. зап. МГУ. 1941. Вып. 63.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ АН СССР. 1948. Т. IV. Дебец Г.Ф. Так называемый "восточный великорус" (к вопросу о пранародах и прарасах) // Антропол. журн. 1933. № 1/2.
- Дейч Д.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920.
- Декреты Советской власти. Юнояб. 1918 г.-31 мар. 1919 г. М., 1968. Т. IV.
- Денисова ИМ. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1996.
- Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Денисова Р.Я. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев // Изв. АН Латв. ССР. 1958. № 2. Депортация народов СССР (1930-1950-е годы). М., 1992. Ч. 1.
- Державин Г.Р. Записки об известных всем происшествиях и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина // Избранная проза. М., 1984.
- Дерябин В.Е. К методике статистического межгруппового анализа: рассмотрение смешанного набора признаков // Вопр. антропологии. 1995. Вып. 88. Дети: деньги и политика // Аргументы и факты. 1991. №29.
- Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // СЭ. 1987. № 4.
- Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. М., 1986. Вып. 1 (Фонетика); М., 1989. Вып. 2 (Морфология).
- Дилакторский П.А. Егорьев день на Руси // Живописное обозрение. СПб., 1896. № 16.
- Димитрий, митрополит Ростовский. Внутренний человек в клетке сердца своего уединен поучающа и моляща в тайне // Соч. М., 1804. Ч. 1.
- Димитрий, митрополит Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их. М., 1824.
- Дингельштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885.
- Дмитриев Н.Г. Мегера рукотворная: Рассказы об искусстве лаковой миниатюры и ее мастерах. Л., 1986.
- Дмитриева СИ. Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (былины и рассказы об НЛО) // ЭО. 1994. J* 6.
- Дмитриева СИ. Традиционный фольклор Русского Севера / Автор-составитель СИ. Дмитриева. М., 1993 (Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VI. Русские. Кн. 3).
- Дмитриева СИ. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
- Добротворский И. Люди Божий: Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869.

- Добрынкин Н. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 1.
- Довнар-Запольский М.В. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII-XVIII вв.: Ист.-этногр. этюд // ЭО. 1890. № 2.
- Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1-2.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Домострой. М., 1908-1910. Т. 1-2; М., 1990.
- Дон и степное Причерноморье XVIII - первой половины XIX в.: социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д, 1977.
- Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Ч. 1, № 222.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Янв.-апр. // Поли. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 22.
- Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к ист.-этногр. атласу. М., 1986.
- Дубинин А.Г. Современная традиционная культура русского старообрядчества: (Курск и его окрестности) // Skupiska staroobrzadowca w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym Swiecie. Warszawa, 1994.
- Дубровский СМ. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
- Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV - середина XIX в. М., 1983.
- Дурасов Г.П. Народная пища Каргополья (по материалам XIX-XX вв.) // СЭ. 1986. № 6.
- Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX - начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. Дурново Н.Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.
- Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Мм 1915.
- Дягилев С.П. Парижские выставки // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью. М., 1982.
- Дяненко В.Д. Антропологичний склау українського народу. КиКв, 1965.
- Дяченко В.Д. Наслішки роботи Української антропологічної* експедиції 1956 року // Мат-лы 3 антроп. УкраУни. КиУв, 1960. Вып. 1.
- Единая Америка. Нью-Йорк, 1945 // Славяне. М., 1948. № 6.
- Елеонская Е.Н. К изучению заговора и колдовства в России. М., 1917.
- Елеонская Е.Н. Сельскохозяйственная магия. М., 1929.
- Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861.
- Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Т. 1.
- Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта.
- Жегалова С.К. Обрабатывающие промыслы и ремесла // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.
- Женщины в СССР: Стат. материалы, 1991. М., 1992.
- Жеребцов ИМ. Миграции и внутреннее освоение земель в Коми крае в XVII в. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989.
- Животная книга духоборцев / Записал и собрал Владимир Бонч-Бруевич. СПб., 1902; 1909.

- Жижина С.Г. Северная резная береста - русский народный промысел XVIII-XIX вв. М., 1986.
- Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Янв.-дек. М., 1907-1910.
- Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980.
- Житие Сергия // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Вып. 58.
- Жития святых: 1000 лет русской святости. 2-е изд. М., 1991. Т. 1 (Свято-Троицкая Сергеева лавра).
- Жомова В.К. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении // Вопр. антропологии. 1965. Вып. 21.
- Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895.
- Забелин И. Московские сады в XVII столетии. М., 1856.
- Забелин И. Очерк домашней жизни русских цариц. М., 1990.
- Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII вв.: Домашний быт русских царей. М., 1915.
- Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVII и XVIII вв.: Домашний быт цариц. М., 1915.
- Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Заеарина А.А. Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во 2-й половине XIX-начале XX в.: Дис.... канд. ист. наук, М., 1955.
- Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. № 3/4.
- Заволока И.Н. Краткая летопись русского иконописания // Родная старина. 1928. № 5/6.
- Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.
- Зайцев В. Иоанн Кронштадтский (из дневника писателя) // Моск. церк. веста. 1990. № 14.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1988.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.
- Заозерский Е.Я., Любарский А.В. Ленин: Эмиграция и Россия. М., 1975.
- Записки венецианца Казаковы о пребывании его в России. 1765-1766 гг. М., 1991.
- Записки графа Сегюра о пребывании его в России (1785-1789). СПб., 1865.
- Запись, данная игуменом Кузьмина монастыря Протасием с братией митрополиту Симону о неосвоении озера и заливов, пожалованных им для рыбной ловли // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. 1838. Т. 1. >6 118.
- Заседателева Л.В. Терские казаки (середина XVI - начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. М., 1974.
- Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123.
- Захарова К.Ф., Орлова ВТ. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Звездин А. Кунавинский "козий праздник" // Волгарь (Н. Новгород). 1892. № 50.
- Зверев В.А. Воспроизводство сельского населения Сибири: (Вторая половина XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1992.
- Звонков А.П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXI. Тр. этногр. отд. М., 1889. Кн. 9.

- Зеланд Н.И. К антропологии западно-сибирского крестьянства // Рус. антропол. журн. (М.). 1990. № 3.
- Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. (Серия "Этнографическая библиотека").
- Зеленин Д.К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // ЖС. 1911. Вып. 2.
- Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества. Пг., 1914. Вып. 1; Пг., 1915. Вып. 2; Пг., 1916. Вып. 3.
- Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки.
- Зеленин Д.К. Примитивная техника гончарства "налепом" (ai colombin) в Восточной Европе // Этнография. 1927. № 1.
- Зеленин Д.К. Русская соха, ее история и виды: Очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.
- Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937.
- Зензинов В.И. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области. Верхоянского округа. М., 1914.
- Зеньковский С. Русское старообрядчество. М., 1995.
- Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.
- Змеев Л.Ф. Русские врачевники. СПб., 1896.
- Змеев Л.Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.
- Зобнин Ф. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа)//ЖС. 1894. Вып. 1.
- Золотарев Д.А. Антропологические данные о великорусском населении побережья Бела-озера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии. Ярославль, 1915.
- Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1912-1926 гг.) // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. 1.
- Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.
- Зубов Б. 17-я республика СССР: о советской эмиграции на Запад. Сан-Франциско, 1982.
- Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. СПб., 1807.
- Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. этногр. отд. М., 1980. Т. II. Вып. I.
- Иванов А.М., Я кубинский Л.П. Очерки по языку. Л.; М., 1932.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов П. Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903.
- Иванов Ф. Закон о выезде не гарантирует въезд на Запад//Изв. 1991. 28 фев.
- Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963.
- Известия иностранцев о России//Рус. вестн. 1841. Т. 3.
- Измарагд XV в. // БРАН. РО. Ф. 13.2.7-Архангельск. Д. 179.
- Илиш Ф. Полное руководство винокуренного, пивоваренного и медоваренного производства. СПб., 1862. Ч. 1.
- Ильин И.Л. О России. М., 1991.
- Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1929. Т. IV.

- Ильин М.А. Подмосковье. М., 1965.
- Иникова С.А. История и символика духоборческого костюма // ЖС. 1993. № 1.
- Иникова С.А. Советские праздники в деревне в 1925 г. (по письмам крестьян в "Крестьянскую газету") // Русские народные традиции и современность. М., 1995.
- Иностранцы о древней Москве: Москва XV-XVII вв. М., 1991.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.
- История КПСС / Под ред. П.Н. Поспелова. М., 1964. Т. 1.
- История крестьянства СССР. М., 1990. Т. 2.
- История северного крестьянства. Архангельск, 1984.
- История Сибири. Л., 1968. Т. II. Сибирь в составе феодальной России.
- Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927 гг. М., 1927.
- Ищенко М.И. Этнография русского населения Сахалина (конец XIX - начало XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1988.
- Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII - начале XX в. (1795— 1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. М, 1971.
- Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990.
- Кабузан В.М. Русские в мире. Формирование этнических и полиэтнических границ русского этноса. СПб., 1996.
- Кабузан В.М., Троицкий СМ. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг.//История СССР. 1971. №4.
- Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях. Алма-Ата, 1926.
- Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1981.
- Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877 (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. VII).
- Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.
- Каменский А. Наши в Париже//Лит. газ. 1991. 9окт.
- Каневский И. Из Медынского уезда //Тр. ВЭО. СПб., 1879. Т. III, вып. 2.
- Карамзин ИМ. История государства Российского. СПб., 1824. Т. XI.
- Каргололье: Художественные сокровища / Автор-составитель Г. Дурасов. М., 1984.
- Карпов А. Уральцы. Уральск, 1911.
- Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.
- Карташев А. Смысл старообрядчества // Церковь. 1992. Вып. 2.
- Карцев ВТ. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России.
- Калинин, 1971.4.1-II.
- Касаткин ЛЛ. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин ЛЛ., Касаткина Р.Ф. Изучение диалектов русского языка - неотложная задача // Вестн. АН СССР. 1988. № 8.
- Касминский. Орловский уезд (Рукопись) // Киров. / Библиотека им. Герцена. Материалы Стат. комитета. П. 12. Д. 12.
- Кваша И. Миллион туда, миллион обратно //Вечерняя Москва, 1991. 11 сент.
- Кедрина Р.Е. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. №1/2.

- Киперман А.Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70-80-х годов XIX в. // Ист. зап. М., 1971. Вып. 88.
- Киперман А.Я. Разночинская революционная эмиграция (1861-1895). Тамбов, 1980.
- Кириченко Е.И. Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770-1830 гг.) // Архитектурное наследие (М.). 1962. № 14.
- Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.
- Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV ~ первой половине XVI в. М., 1960.
- Ключевский В.О. Курс русской истории//Соч.: В 9 ч. М., 1987. Ч. I.
- Ключевский Д.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.
- Ковалев С.А. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960.
- Ковалев С.А. География сельских населенных пунктов в областях Черноземного центра // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 32.
- Ковалев С.А. Опыт систематизации материалов для характеристики сельского расселения в пределах Черноземного центра//Вопросы географии. М., 1949. Сб. 14.
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920-1970. Париж, 1971.
- Козлов В.И. Национальности СССР: (Этнодемогр. обзор). М., 1975.
- Козлов В.И. История трагедии великого народа: Русский вопрос. М., 1996.
- Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России // Избр. труды. М., 1961.
- Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- Колчин Б.А. Новгородские древности: Деревянные изделия. М., 1968.
- Колчин Б.А. Новгородские древности: Резное дерево // Археология СССР: Свод археологических источников. М., 1971.
- Колчин Б.А. Резное дерево Новгорода. М., 1970.
- Колчин Б.А. Ремесло // Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М, 1985.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин ВЛ. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Колядина О.В. Вербная: Материалы к сценарию народного праздника // Материалы в помощь клубному работнику. Рязань, 1992.
- Комин В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин. 1979.
- Кожин В.В. Идеиный и политический крах мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
- Комков В. Современная политическая эмиграция // Образование (СПб.). 1908. № 12.
- Конквест Р. Жатва скорби: Судьба кулаков // Вопр. истории. 1990. № 1.
- Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Ист. зап. М., 1959. Т. 64.
- Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901.
- Кормчая Балашова // БРАН РО. Ф. 21. 4, 5. Королева Н.С., Кожевникова Л.А. Новое и традиционное в современном узорном ткачестве //Сб. науч. тр. НИИХП. 1966. Вып. 3.
- Королева Н.С.. Кожевникова Л.А. Современное узорное ткачество. М., 1970.
- Короленко ВТ. История моего современника // Соч. М., 1955. Т. 7.
- Коромыслов Б.И. Жостовская роспись. М., 1977.
- Коромыслов Б.И. Лаковая миниатюра Мстеры. Л., 1972.
- Коси́нский Ю. Плохие времена для иммигрантов // Изв. 1991. 4 апр.
- Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание: пути и судьбы российской эмиграции. М., 1990.
- Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887; М., 1992.

- Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.
- Котошихин Г. О России в царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1840.
- Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII - начала XVI в. М.; Л., 1965.
- Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые как явление русской народной жизни. Новгород, 1900.
- Крапивина И.А. Русский расписной поднос: Альбом. Л., 1981.
- Красовский П., священ. Поучение о христианском праздновании // Руководство для сельских пастырей (Киев), 1871. Т. 1. № 17.
- Краткая объяснительная записка к примерному плану занятий по родному языку в единой трудовой школе-коммуне, выработанная секцией родного языка Отдела реформы школы Наркомпроса (1918 г.) // Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания. М., 1982.
- Кремлева И.А. Материалы экспедиции МГУ в Нижегородское Заволжье 1972 г. // Архив автора. 1972. Тетрадь 2.
- Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // ПИИЭ 1978. М., 1980.
- Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере. СПб., 1785.
- Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX - начало XX в.): Определитель. М., 1971.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
- Кривоносое Я.Е., Фатеева Н.И. Дни торжеств. Барнаул, 1979.
- Крупп А.А. Предания о времени Ивана Грозного // Русский фольклор. XVI. Л. 1976.
- Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила, 1917-1970. Мм 1974.
- Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начало XX в.). М., 1971.
- Крюкова И.А. Русская резьба по кости. М, 1960. Крюкова С.С. Семья и семейный быт крестьян южнорусских губерний России во второй половине XIX в. М, 1994.
- Куандыков Л.К. Старообрядцы-беспоповцы на Русском Севере в XVIII - первой половине XIX в.: Орг.-уст. вопр.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.
- Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.
- Кувакин А. Религиозная философия в России. М, 1980. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1954.
- Кузнецова Н.А., КулагинаЛМ. М.П. Павлович (Бельтман) // Народы Азии и Африки. 1963. №3.
- КузовковД. Вино//БСЭ.М, 1930. Т. 12.
- Кузьмина Л.П. Старообрядцы в современном мире (Обзор журнала "Церковь" за 1982— 1988 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Куликовский Г.И. "Общественный пир" в Каргопольском уезде // Олонецкие губ. вед. 1895.

- №9. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.
- Куфтин Б.А. Дмитровский уезд Московской губернии. Дмитров, 1924.
- Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. Ч. I.
- Кункин В.А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
- Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в пореформенный период (60-70-е годы XIX в.). М., 1978.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1.
- Лазарев А.И. К вопросу о соотношении народных и церковных праздников // Край Южно-Уральский. Челябинск, 1974.
- Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909.
- Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.
- Лахтин М.Ю. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911.
- Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда//ЭС. СПб., 1853. Вып. 1.
- Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.
- Лебедева А.А. Об одной из локальных групп русского населения Забайкалья // Из культурного наследия народов России. М., 1982. Т. XXVIII.
- Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.
- Лебедева А.А. Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX - начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII - начала XX в. М. 1979.
- Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки: (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах). М, 1927. Ч. I.
- Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI).
- Лебедева Н.И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX - начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. I.
- Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX - начала XX в. // Русские: Ист.-этногр. атлас... М., 1967.
- Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни: Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32.
- Левицкий Ор. Социнианство в Польше и юго-западной Руси // Киевская старина. 1882. Т. 2, №4.
- Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии и общественной мысли. Париж, 1981.
- Левшин В.А. Словарь поваренного, приспешного, кондитерского и дистилляторского, содержащего по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякого рода кушаний из французской, немецкой и голландской, испанской и английской поварни. М., 1795-1797. Т. 1-6.
- Лейтес КС. Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Пг., 1914.
- Лемешев М.Я. Продовольственная программа: экономические, экологические и социальные аспекты // Социально-философские проблемы современного сельского хозяйства. М., 1986.
- Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 3,41,43,44.
- Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872.

- Лин М.А. Языческие обряды в праздновании русским простонародьем Рождества Христова и Нового года // Руководство для сельских пастырей. 1885. № 52, 53.
- Линде Г., Кноблех Х. Приятного аппетита. М., 1956.
- Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- Липинская В.А. Пища русских сибиряков // Этнография русского крестьянства России (XVIII - середина XIX в.). М., 1981.
- Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII-XX вв.). М., 1987.
- Липинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // СЭ. 1975. №5.
- Липинская В.А. Традиционное жилище и современное индустриальное строительство в селениях Кировской области // ПИИЭ 1983. М., 1987.
- Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения восточных районов Алтайского края // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII - начала XX в. М., 1979.
- Лирика русской свадьбы / Изд. подг. Н.П. Колпакова. Л., 1973 (АН СССР. Лит. памятники).
- Листова Т.А. Кумовья и кумовство в русской деревне//СЭ. 1991. № 2.
- Лисшова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX - 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Листова Т.А. Таинство крещения у старообрядцев Северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Литвин Э.С. Образ полководца Суворова в русском народном творчестве // Русский фольклор. IV. М.; Л., 1959.
- Логоновский К.Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Зап. ОИАК. Приамурское отд. ИРГО. Владивосток, 1903. Т. 9, вып. 1.
- Любавский М.К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. Вып. 1.
- Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Любимов Л. На чужбине. М., 1963.
- Магницкий В. Поверья и обряды в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883.
- Майнов ИМ. Помесь русских с якутами // Рус. антропол, журн. 1900. № 4.
- Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
- Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 36).
- Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.
- Макарьевский М.И. Козья масленица // Волгарь (Н. Новгород). 1898. № 59.
- Макашцна Т.С. Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре //ЖС. 1994. № 3.
- Македонов Л.В. В горах кубанского края: Быт и хозяйство жителей нагорной полосы населения Кубанской области. Воронеж, 1908.
- Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- Максимов СВ. Год на Севере. М., 1871.
- Максимов СВ. Избранное. М., 1979.
- Максимов СВ. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Максимов СВ. Обитель и житель // Древняя и новая Россия. М., 1876. Т. 2.

- Максимов С.В. Печорский край. М., 1904.
- Малый энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 8.
- Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1969.
- Маагова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды //СЭ. 1954. №2.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX в. М., 1984.
- Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI).
- Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX-XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.
- Маслова Г.С. Русский народный костюм (XIX-XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. I.
- Маслова Г.С. Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины (По материалам командировки 1947 г.) // КСИЭ. М., 1949. Вып. VI.
- Маслова Г.С, Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX - начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960 (ТИЭ. Т. LVII).
- Масляное хозяйство Сибири. Новониколаевск, 1925.
- Матейко К.И. Украшський народний одяг. Кш'в, 1977.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Костромская губерния. СПб., 1861.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. II.
- Материалы и исследования по археологии. СССР. М., 1959, № 65.
- Матюхин П. Судьбы эмигрантские // Вечерняя Москва. 1992. 21 фев.
- Матюхин П. Хроника трагедии // Вечерняя Москва. 1991. 21 сент.
- Машбиц-Верое И. Русская литература в 1928 году // Русский язык в советской школе. 1929. №1.
- Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // ЭС. СПб., 1862. Вып. V.
- Мейерберг Б. Виды и бытовые картинки России XVII в.: Альбом. СПб., 1903.
- Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М., 1966.
- Мельников П.И. Белые голуби // Поли. собр. соч. М., 1896. Т. 14.
- Мельников П.И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министерстве внутренних дел коллежским советником Мельниковым. М., 1854.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский). На горах // Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 4.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский): Очерки поповщины // Собр. соч.: В 8 т. М., 1976. Т. 7.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский). Письма о расколе. // Собр. соч.: В 8 т. М., 1976. Т. 8.
- Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М, 1996.
- Мизес Ю.Л. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. Тамбов, 1990.
- Миклашевский ИМ. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
- Милое Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963.
- Милое Л.В., Вдоеина Л.Н. Культура сельскохозяйственного производства // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1.

- Милоеидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.
- Миненко Н.А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII-XVIII вв. // История городов Сибири. Новосибирск, 1977.
- Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986.
- Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII - первая половина XIX в. М., 1991.
- Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII - начала XX в. Новосибирск, 1977.
- Миненко Н.А. Общинный сход в Западной Сибири XVIII - первой половины XIX в. // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1983.
- Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
- Миненко Н.А. Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири XVIII - первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII - начало XX в. Новосибирск, 1985.
- Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX - начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Михайлов И. Бабы праздники // Смолен, вестн. 1888. № 62.
- Моисеева Г.Н. Исторические известия новонайденного Куростровского синодика // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. Вып. 3.
- Моисеенко В.М. Миграция населения по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. // Куда и зачем едут люди. М., 1979.
- Монгайт А/Л. Русская земля. М., 1961.
- Монгайт А/Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Мораховская О.Н. Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни // Русские народные говоры: Лингвогеогр. исследования. М., 1983.
- Морозов И.А., Слепцова И.С. Праздничная культура Вологодского края. Ч. 1: Святки и Масленица // Российский этнограф: Этнологический альманах. М., 1993. Вып. 8.
- Моррис Р. Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
- Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.
- Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. СПб., 1910.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989.
- Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. // История СССР. 1977. № 4.
- Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения, СПб., 1907.
- Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1971.
- Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.
- Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1 (сер. "Народы мира": Этногр. очерки).
- Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II (сер. "Народы мира": Этногр. очерки).

- Население СССР. М., 1980.
- Население СССР: 1987 г. М., 1988.
- Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
- Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. М., 1989.
- Невзоров Н.А. Этнографические сведения по Кайской волости Слободского уезда (Рукопись) // Киров / Библиотека им. Герцена. П. 12.
- Некрасова М.Л. Искусство Палеха. М., 1966.
- Некрасова М.Л. Палехская миниатюра. М., 1983.
- Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII - начало XX века. 2-е изд. Л., 1988.
- Нерознак В.П. Перенесенная топонимия Западной Сибири (к постановке проблемы) // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. М., 1979.
- Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания, очерки, письма. Уфа, 1986.
- Неуступов А.Д. Обетные и пивные праздники в Кадниковском уезде // Ярославские зарницы. 1910. №40.
- Нефедов Ф.О. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам //Тр. этногр. отд. ОЛЕАЭ. М., 1877. Кн. IV.
- Никитин ИМ. Старообрядческая Церковь и Соборы // Китеж град (Вильнюс). 1990. >6 3.
- Никитский АМ- История экономического быта Великого Новгорода. Мм 1898.
- Никифоров-Волгин В. Дорожный посох. М., 1992.
- Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский. Об отмене клятв на старые обряды // Поместный собор Русской православной церкви 30 мая - 2 июня 1971 года: Документы, материалы, хроника. М., 1972.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. М., 1983.
- Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
- Никольский ИМ. История Русской церкви. М., 1930.
- Н-лов. Обычай и поверья в Вербное воскресенье //ЭО. 1894. Вып. 1.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV.
- Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1958-1961 гг. М., 1961.
- Новиков М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935.
- Новиков Ю. Две судьбы // Наука и жизнь. 1988. № 6.
- Новосельский АЛ. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948.
- Носов И.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- Нувель В. Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1 (неизданная рукопись на французском языке, хранящаяся в РГАЛИ).
- О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников движения Сопротивления. М., 1962.
- Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928.
- Образование северорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973.
- Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.
- Оглоблин Н.Н. Из ветлужских впечатлений // Ист. вестн. 1915. № 7.
- Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768). М., 1900. Ч.3.
- Озеров М. Ждет ли Европа наших эмигрантов? //Лит. газ. 1991. 1 мая.
- Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и

Персию в 1633,1636,1639 гг. М., 1870.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырского округа, его экономического состояния и быта населения. СПб., 1816. Т. 2.

Ончуков Н. Былинная поэзия на Печоре // ЖС. 1902. Вып. I.

Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым. СПб., 1842. Опото И. Старые русские стихи // ЖС. 1906. Вып. 1. Осокин М.Г. На границе Монголии. СПб., 1904.

Осоргин М. Русские в итальянских университетах // Русские ведомости. 1914. № 97.

Остальные сочинения Св. Димитрия митрополита Ростовского чудотворца, доселе свету еще неизвестные. М., 1803.

Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. Вторая часть первой сессии (А/64/Адд.). Нью-Йорк, 1947.

Охрименко Г.И. Женский костюм семейских XIX-XX вв. и его украшения // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV - начало XVII в. М., 1955.

Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1.

Памятная книжка Орловской губернии на 1860 г. Орел, 1860.

Памятники отечества. М., 1990. № 2 (22).

Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. М., 1929. Т. 1.

Пассек Е. Статистическое обозрение промышленности Курской губернии (Рукопись) // Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького. Отд. РН. № 55Д1.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906.

Пейзен Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (Из путевого журнала. 1857) // ЖС. 1903. Вып. 3.

Первушин С.А. К вопросу о постановке бюджетных исследований: Две приходно-расходные записи крестьян Московского уезда. М., 1912.

Перевозчиков И.В. Антропология старожилов Камчатки // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

Переселенческое движение Харьковской губернии за последнее десятилетие 1898-1908. Харьков, 1909. Вып. 1.

Петров В. Престольные праздники и однодневные сельские ярмарки // Вестн. Рязан. губ. земства. 1914. №6/7.

Петров М. Дягилевские балеты // Вечерняя красная газета (М.). 1926. № 130.

Петровский И. Праздники, увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле // Сын Отечества. 1837. Ч. 186.

Писемский А.Ф. Очерки из крестьянского быта: Питершик. СПб., 1856.

Писцовая книга г. Балахны 1674-1676 гг. // Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Н. Новгород, 1913. Т. III.

Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII в.). Свердловск, 1987.

Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI-XVII вв. М., 1937.

Поваренная книга С.А. Толстой. Тула, 1991. Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1.

Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина: 1707-1709. М., 1962.

Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982.

Поздняков В. Правда о духоборах // Ежемесячный журн. (СПб.). 1914. № 7.

- Поздняков Т. Народные обычаи в Александровском уезде Владимирской губернии. Владимир, 1902.
- Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России //Изв. ОЛЕАЭ. Т. XLV, вып. 1. Тр. Антроп. отд. Т. VII, вып. 1. М., 1884.
- Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV - начала XVI в. Новосибирск, 1973.
- Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
- Покровский Н.Н. Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobree.dowcbw w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym Swiecie. Warszawa, 1994.
- Покровский Н.Н. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Покшишевский В.В. Заселение Сибири: Ист.-этногр. очерки. Иркутск, 1951.
- Поликарпов Ф. Бытовые черты из жизни крестьян села Истобаго, Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1906.
- Полищук Н.С. Быт и культура семейских // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.
- Полищук Н.С. О некоторых новых чертах коллективного отдыха горняков и металлургов Нижнего Тагила // СЭ. 1963. № 4.
- Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере "красных похорон")// СЭ. 1991. №6.
- Полищук Н.С. У истоков советских праздников // СЭ. 1987. № 6.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1846. Т. I; 1841. Т. III; 1859. Т. VIII; 1902. Т. XII; 1889. Т. XVI,
- Полный православный энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2.
- Померанцева А.В. Календарь революционных праздников и великих годовщин. М.; Л., 1927.
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Пономарев С. Артельщина и дружества как особый уклад народной жизни // Сев. вестн. 1888. №12.
- Попов. Заметки из наблюдений над нравственной жизнью нашего простонародья // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 17, 22; 1866, № 1.
- Попов А.И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Вып. 5.
- Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
- Попов М. Антропология болгарского народа. Физический облик болгар. София, 1959.
- Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобол, губ. вед, 1866. № 9.
- Попова О. Художественное гончарство и фарфор. М., 1959. "Послание многословное" инока Зиновия//ЧОИДР. 1880. Кн. 1.
- Последние новости (Париж). 1935. 27 апр.
- Поспелов П. Русские народные праздники с их обрядами // Руководство для сельских пастырей. 1870. Т. III, № 45.
- Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия (СПб.). 1876. № 10.
- Потапов В.И. Беженцы и международное право. М., 1986.
- Поучение митрополита Фотия о важности священного сана и обязанностях священнослужителей //РИБ. СПб., 1880. Т. 6.
- Похлебкин В. Национальная кухня наших народов. М., 1991.
- Похлебкин В. Русская кухня XVIII-XX вв. // Наука и жизнь. 1978. № 4.

- Поэзия крестьянских праздников // Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцового. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Православный русский фашизм. Белград, 1937.
- Праздники, рожденные жизнью /Сост. В. Буланов. Ярославль, 1980.
- Празднование тысячелетия крещения Руси русской эмиграцией в Западной Европе. 988- 1988 // Составитель Н. Росс. Париж, 1990.
- Практическая симфония для проповедников слова Божия. М., 1903.
- Пресняков А.Е. Образование Великокорусского государства. Пг., 1918.
- Прибавления к Московским губ. вед. М., 1841,1850.
- Прикладная топонимика. М., 1981.
- Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. 1965. Т. 88.
- Прокофьев Д. Русский Израиль // Столица. 1990. № 2.
- Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт ист.-этногр. исследования. Л., 1963.
- Просвиркина С.К. Русская деревянная посуда //Тр. ГИМ. М., 1955. Вып. XVI.
- Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884.
- Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей народа. М., 1968.
- Прърков И. Нищие на святой Руси: Материалы для истории общественного и народного быта России. Казань, 1913.
- Псковская вторая летопись. СПб., 1851.
- Пугачев В.В. Исторические взгляды декабриста Н.И. Тургенева // Уч. зап. Горьк. ун-та. Горький, 1961. Вып. 52.
- Пузырев Н. Помочи // ЭО. 1892. № 2/3. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // Русское обозрение. 1898. № 1.
- Пушвинцев И. Пустынничество // Чердынский край. Чердынь, 1928. Вып. 3.
- Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
- Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин на Руси в X-XV вв. // Ист. зап. М., 1987. Вып. 114.
- Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. VII, VIII. Л., 1978.
- Пятидесятники // БСЭ. 2-е изд. М., 1975. Т. 21.
- Рабинович М.Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI- XVI вв. М., 1964.
- Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
- Рабинович М.Г. Поселения // Очерки русской культуры XIII-XV веков. М., 1969. Ч. 1.
- Рабинович М.Г. Поселения // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. I.
- Рабинович М.Г. Русская городская семья в начале XVIII в. (По переписной книге Усложны Железнопольской 1713г.)//СЭ. 1978.165.
- Рабинович М.Г. Русские письменные источники эпохи феодализма как материал для изучения этнографии города // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX (ТИЭ. Т. 110).
- Рабинович М.Г. Русское жилище XIII-XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978.
- Работнова И.П. Русское народное кружево. М., 1956.

- Работнова И., Королева Н. Народная вышивка РСФСР. М., 1960.
- Радзинская И.Ю., Шибарина Е.М., Янкова З.А. Женщины в развитом социалистическом обществе // Женщины Страны Советов. М., 1977.
- Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. Л., 1975.
- Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения Галича Мирьского // Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры. М., 1959. Вып. 77.
- Раскольники за Кавказом: Духовные, субботники, общины // Православный собеседник. Казань, 1859. №1.
- Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901.
- Рассадин С.А. Тульский пряник. Тула, 1985.
- Регельсон Р. Трагедия русской церкви. Париж, 1977.
- Рено де Жувениль. Армия наемников. М., 1952.
- Ржигла В.Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929.
- Рихтер Е. Русское население Западного Причудья: (Очерки истории материальной и духовной культуры). Таллин, 1976.
- Ровинский Д.И. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. II.
- Рождественская СБ. Русская народная художественная традиция в современном обществе:
- Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981. Рождественский И.В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 1.
- Рождественский Т.С., Успенский М.И. Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912.
- Романюк С/С. Из истории московских переулков. М., 1988.
- Россия в конце XIX века. СПб., 1900. Россия в мировой войне. 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
- Россияне всех стран, соединяйтесь! // Вечерняя Москва. 1991. 23 мая.
- Рубакин Н.А. Над рекою времени: Воспоминания. М., 1966.
- Рубцова З.В. О словарях названий населенных пунктов Витебской и Брестской областей БССР // Сб. науч. тр. ЦНИИГАИК. М., 1981. Вып. 20 (Прикладная топонимика).
- Руденко С.И. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири // Зап. РАН по физ.-мат. отд. СПб., 1914. Т. XXXIII/3.
- Руднев А. Села Голунь и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // ЭС. СПб., 1854. Вып. II.
- Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1976.
- Русская правда. М., 1941.
- Русская православная церковь за границей. Нью-Йорк, 1968.
- Русские в новом зарубежье: Итоги этносоциол. исследования в цифрах. М., 1996.
- Русские сказки и песни Сибири и другие материалы // Зап. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО. По этнографии. Красноярск, 1902. Т. I, вып. 1.
- Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. Русские старожилы Сибири. М., 1973.
- Русские художественные промыслы. М., 1966. Русские эмигранты в Швейцарии // История социально-революционного движения в России (1861-1881). СПб., 1887.
- Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX- начало XX века). М., 1967.
- Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX- начало XX в. М., 1970.
- Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992.
- Русское дело сегодня. М., 1991. Т. 1.

- Русское православное женское монашество XVIII-XIX веков / Сост. монахиня Таисия. Джорданвилль. Репринтное воспроизводство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.
- Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984.
- Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян // Ист. журн. 1943. № 11/12.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л., 1971.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
- Рындзюнский П.Г. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII в. //
- Вопросы истории религии и атеизма. М., 1954. Вып. 2.
- Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.
- Рындзюнский П.Г. Основные факторы градообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976.
- Рышков П. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Ч. II // Соч. и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758. Июнь.
- Рышков Ю.Г., Балановская Е.В. Обобщенный картографический анализ в антропологии... // Вопр. антропол. 1988. Вып. 80.
- Сабурова Л.М. К вопросу о формировании культуры русского населения Приангарья. М., 1964.
- Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967.
- Сабурова Л.М. Некоторые черты общественного и семейного быта русского населения Приангарья в первые годы Советской власти (1919-1929) // СЭ. 1965. № 2.
- Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края // Зап. ИРГО. по отд. этногр. СПб., 1884. Т. 12.
- Салуцкий А. Артельные люди // Наш современник. 1988. № 12.
- Сапожковское народное ткачество: Альбом / Сост. А.В. Курочкина, К.И. Бетехтина. Вступ. ст. Н.И. Каплан. М., 1960. Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX - начале XX в.: (Внутрисемейные отношения, домашний уклад, досуг) //
- Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Сахаров АД. Тревожное время // Тревога и надежда. Нью-Йорк, 1978.
- Сахаров А.И. Русская деревня XVII в. М., 1966.
- Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1837. Ч. III, кн. 2.
- Сахаров И.П. Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.
- Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Нью-Йорк, 1977. Вып. 3; 1978. Вып. 4.
- Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии: Отд. хоз. статистики. М., 1879. Т. IV, вып. I.
- Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1880. Т. 1.
- Свердлов М.Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3.
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седое В.В. Раскопки в Суздале // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Седое В.В. Славяне в древности. М., 1994.

- Седое В.В. Славяне в раннем средневековье. М, 1995.
- Селиванов А.И. Этнографические очерки Воронежской губернии// Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия Воронежа. Воронеж, 1886. Т. II.
- Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958 (ТИЭ. Т. XLI).
- Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973.
- Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. №1/2.
- Семевский М.И. Торопец // Библиотека для чтения. 1863. № 12. Отд. VI.
- Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836.
- Семенов Д. О кирпичных постройках в постепенных черноземных местностях внутренней России // Сельское хозяйство и лесоводство. 1879. Ч. СXXX.
- Семенов Е. В стране изгнания. СПб., 1911.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910 (Зап. ИРГО по отд. статистики. Т. X, вып. 2).
- Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.
- Сергеев О.И. Казачество на Русском Дальнем Востоке в XVIII-XIX вв. М., 1983.
- Скворцов А.И. Русская пропильная резьба. Л., 1982.
- Скворцов В. О переселенческом движении в Америку среди закавказских "духоборов-постников" // Миссионерское обозрение. СПб., 1899.
- Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
- Скорбные послания // Православная Русь (Джорданвилль). 1969.15 авг.
- Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981-1984.
- Слово Даниила Заточника по списку XIII в. // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка (XI~XIV вв.). М., 1896. Т. 3.
- Слово о полку Игореве. М.; Л., 1952.
- Словцов И. Деревня Соликамского края в XVI веке // Пермский сборник. М, 1859. Кн. 1.
- Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2.
- Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893.
- Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913.
- Смирнова М. Родильные и крестильные обряды крестьян с. Голицыне Саратовской губернии//ЭО. 1911. № 1/2.
- Снегирев ИМ. Русские престолярные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1; М., 1838. Вып. 2-3; М., 1839. Вып. 4.
- Собинов Л.В. Татьяна день // Собинов Л.В. Письма: В 2 т. М., 1970. Т. 2.
- Собрание государственных грамот и договоров. СПб., 1813. Т. I.
- Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник // Сост. Б.В. Попов, Киев, 1988.
- Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.
- Соколов Н.Н. Определение и обозначение границ русских говоров //Тр. Москов. диалектол. комиссии. Варшава, 1908. Вып. 1.
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. Конец XIX - начало XX в. М., 1979.
- Соколова В.К. Русские исторические песни XVI-XVIII вв. М, 1960 (ТИЭ. Т. LXI).
- Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.

- Сокольников Н.П. Болезни и рождение человека в с. Маркове на Анадыре// ЭО. 1911. №3/4.
- Сокровища русского народного искусства: Резьба и роспись по дереву. М., 1967.
- Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930.
- Соловьев СМ. Собр. соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1, т. 1-2; Кн. 2, т. 3-4; М., 1989. Кн. 3, т. 5; М, 1991. Кн. П-12; М., 1993. Кн. 15.
- Солоневич И. Дух народа // Наш современник. 1990. № 5.
- Солоневич И. Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. 1992. № 12.
- Солонино М.А. Об изучении языка революционной эпохи // Русский язык в советской школе. 1929. №4.
- Соотечественники за рубежом // Советская Россия. 1989. 23 июля.
- Спасский И., свящ. Обычаи, приметы и поверья в приходе села Александровки на Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епарх. вед. 1880. № 17.
- Спатарель И.К. Против черного барона. Кишинев, 1972.
- Спегальский Ю.П. Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв. Л., 1972.
- Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). М., 1968.
- Списки населенных мест Российской Империи. СПб., 1864. Т. 35 (Самарская губерния).
- Список политзаключенных в СССР. Нью-Йорк, 1982. Вып. 4-5.
- Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка// Вести. ИРГО. 1851. Ч. 1, кн. 1. Отд. 5.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1955. Т. 1; СПб., 1895. Т. II; 1896. Т. III.
- Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. СПб., 1899.
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. СПб., 1912.
- Станюкович КМ. Кириллыч // Русский военный рассказ XIX - начала XX века. М, 1988.
- Станюкович Т.В. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана// Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М, 1969.
- Станюкович Т.В. Происхождение русской народной пропиленной резьбы // КСИЭ. М., 1950. Вып. X.
- Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.; Ново-Казачье; Минск, 1991.
- Старина о льдине и о бое женщин // Былины. М, 1957.
- Статистические сведения о сектантах (к 1 янв. 1912 г.)/ Изд. Департ. духовных дел МВД. [Б.г.].
- Статистический ежегодник России за 1909 г. СПб., 1910. Степанов В.И. Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // ЭО. 1906. № 3/4.
- Степанов Н.П. Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1900.
- Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
- Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России начала XX в. М., 1976. Стоглав // Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. М., 1985. Т. 2.
- Столяров В. Записки русского крестьянина. Париж, 1986.
- Стоюнин В.Я. Беседы И.И. Срезневского о русском языке // Северная пчела. 1860. № 69.
- Строгость церковных правил относительно соблюдения постов // Руководство для сельских пастырей. 1872. №1-17.
- Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.

- Сулержицкий Л.В. В Америку с духоборами. М., 1905.
- Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // ЖМНП. 1880. Ч. ССХН.
- Сумцов Н.Ф. Харьковский школьный праздник древонасаждения (Письмо из Харькова) // Образование. 1898. >6 V/VI. Отд. II.
- Сюзев П.В. Народное празднество "Токмач" в Дубровской волости Оханского уезда // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3.
- Тазихина Л.В. Русский сарафан (По коллекции сарафанов Гос. музея этнографии народов СССР) // КСИЭ. М., 1955. Вып. XXII.
- Таннер Б. Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.
- Тарановская Н.В. Северное искусство // Добрых рук мастерство. Л., 1976.
- Тарданов Г. Путь к правде // Голос Родины. М., 1963. № 5.
- Тверская Д.И. Москва второй половины XVII в. - центр складывающегося российского рынка. М., 1959.
- Текущее А.В. Преподавание русского языка в диалектных условиях. М., 1974.
- Телешов НД. Москва прежде // Избр. соч.: В 3 т. М., 1956. Т. 3.
- Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907.
- Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянства. СПб., 1908.
- Теплоухов Ф.А. Народное празднество "Три елочки" в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1.
- Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Т. 1-4. Ч. I—VII.
- Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820-1910. Либава, 1909.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Тихомиров М.Н. Российское государство в XV-XVII вв. М., 1973.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- Тихоницкая Н.Н. Сельскохозяйственная толока у русских // СЭ. 1934. № 4.
- Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Ч. 1 // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. этногр. отд. М., 1891. Т. II, вып. 2.
- Токарев С.А. О культурной общности восточнославянских народов // СЭ. 1954. № 2.
- Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX- начала XX в. М.; Л., 1957.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958.
- Толстой А.Н. Эмигранты // Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 4.
- Топорков АЛ. "Перепекание" детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.
- Торопов С. Подмосковная усадьба. М., 1947.
- Троицкий Н.А. 1812 великий год России. М., 1988.
- Троицкий СВ. О неправде карловацкого собора. Париж, 1960.
- Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии//СЭ. 1946. №1.
- Труды Вольного Экономического общества. СПб., 1766. Ч. II; 1767. Ч. VII; 1769. Ч. XIII. Тудоряну ИЛ. Очерки российской эмиграции периода империализма в Германию, скандинавские страны и США. Кишинев, 1986.
- Тульцева Л.А. Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978.
- Тульцева Л.А. Крапивное заговенье//Наука и религия. 1979. № 12.
- Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М, 1989.

- Тульцева Л.А. Современные формы ритуальной культуры // Русские: Этносоциол. очерки. М., 1992.
- Тульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. М 11.
- Тюльпаков Б.М. Топоним Москва в свете этнических процессов в западном Волго-Окском междуречье // История СССР. 1991. № 5.
- Тюшюкин С.В., Шелохаев В.В., Митяева С.М. и др. Первая российская: Справочник о революции 1905-1907 гг. М., 1985.
- Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
- Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сб. М., 1859. Кн. I.
- Устав Новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. // Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976.
- Ушинский К.Д. Избр. педагог. соч. М., 1954. Т. 2.
- Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.
- Федорченко Л.С. В швейцарской эмиграции. М., 1926.
- Федотов Г. Святыне Древней Руси. М., 1990.
- Феноменов М.Я. Современная деревня. М.; Л., 1925. Ч. 1.
- Фенютин А.А. Увеселения города Мологи в 1820-1832 гг. // Тр. Ярославского губ. стат. комитета. 1866. Вып. 1.
- Филин Ф.П. Исследования о лексике русских говоров: По материалам с.-х. терминологии. М.; Л., 1936.
- Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
- Филиппов В.Р. Из истории изучения русского национального самосознания // СЭ. 1991. № 1.
- Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
- Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство, политика и законодательство. М., 1973.
- Филиппов Ю.Д. Эмиграция. СПб., 1906.
- Флетчер Д. О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским): С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1906.
- Фольклор семейских / Сост. Элиасов Л.Е., Ярневский И.З. Улан-Удэ, 1963.
- Хабургаев Г.А. Основные диалектологические понятия в свете данных лингвистической географии (на материале русского языка) // Славянская филология. М., 1973. Вып. 9.
- Хабургаев Г.А. Становление русского языка: Пособие по ист. грамматике. М., 1980.
- Хабургаев Г.Л. Этнонимия "Повести временных лет". М., 1979.
- Халевинский И. Уезжать будем по закону и не все сразу // Независимая газета. 1990. 14 янв.
- Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
- Харузина В.Н. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудоожском уезде Олонецкой губернии // ЭО. 1906. № 1.
- Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО. 1911, № 1/2.
- Харузина В.Н. По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // ЭО. 1907. №4. Харчев А.Т., Голод И.С. Профессиональная работа женщины и семья. Л., 1971.
- Харчев А.Т. Некоторые тенденции развития семьи в СССР и капиталистических странах // Социология и идеология. М., 1969.
- Хореев Б., Хорева О. Отложенные намерения // Советская Россия. 1990. 26 дек.

- Хорошихин М. Казачьи войска. СПб., 1881. Хохлова Е. Художественные изделия из металла. М, 1959.
- Хроника текущих событий. Нью-Йорк, 1979. Вып. 2,46-49.
- Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века: (Этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991.
- Чагин Г.Н. Нравственно-этическое общение в современных старообрядческих общинах Среднего Урала // Skupiska staroobrze.dowco'w w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym Swiecie. Warszawa, 1994.
- Чагин Г.Н. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Чагин Г.Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII - начало XX в.) // СЭ. 1978. №6.
- Чебоксаров Н.Н. Антропологический очерк // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1.
- Чебоксаров Н.Н. Ильменские поозеры // ТИЭ. М.; Л., 1947. Т. 1. Чебоксаров Н.Н. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы: Материалы по антропологии Восточной Европы // Уч. зап. МГУ. 1941. Вып. 63.
- Ченслер Р. Новое плавание и открытые царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.
- Чепурковский ЕМ. Географическое распределение формы, головы и цветности крестьянского населения Великороссии // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1913. Т. СХХIV. Вып. 2. Тр. Антропол. отд. Т. XVIII, вып. 2.
- Чепурковский Е.М. Область древнего населения Великороссии // Рус. антропол. журн. 1916. №1/2.
- Чепурный. Состояние волостной юстиции Тамбовской губернии // Киев, унт-ские известия. 1874. Кн. 2.
- Черепнин Л.В. Из истории русского колдовства XVII в. // Этнография. 1929. №2.
- Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках // Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
- Чернышев В.И. Избр. тр. М., 1970. Т. 2.
- Чечулин НД. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. Чечулин НД. Русские деревянные постройки. СПб., 1893.
- Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: Ист.- этногр. атлас... М., 1970.
- Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX века). М., 1988.
- Чирцов Д. Праздники в Пинежском уезде // Изв. АОИРС. 1916. № 11.
- Численность и состав населения СССР. М., 1984.
- Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. М., 1991.
- Чистов К.В. Ирина Андреевна Федосова: Ист.-культ. очерк. Петрозаводск, 1988.
- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967.
- Чистов К.В. Традиционные и "вторичные" формы культуры // Расы и народы. М., 1975. Вып. 5.
- Чинеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков: (Очерки по истории народных верований). М., 1957. (ТИЭ. Т. XL).
- Чудновский СЛ. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7, 8.
- Чукмалбин И. Мои воспоминания. СПб., 1899. Ч. 1; М., 1902. Ч. 2. Чулков МД. Словарь русских суеверий. СПб., 1780; 2-е изд. 1782.

- Шахматов А.А. К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях // Тр. Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904.
- Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка// Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. II.
- Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.
- Швецова М. "Поляки" Змеиногорского округа // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1899. Кн. 26.
- Шейн П.В. Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и пр. СПб., 1898. Т. I, вып. 1; 1900. Вып. 2.
- Шенников А.А. Крестьянские усадьбы в XVI-XVII вв.: Средняя и южная части Европейской России // Архитектурное наследство. М., 1962. Вып. 14.
- Шенников А.А. Крестьянские усадьбы в XVI-XVII вв.: Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 15.
- Шенников А.А. Поселения//Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
- Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1.
- Шипунов Ф. Великая замятия//Наш современник. 1989. №9-11; 1990. №3.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 1986.
- Шкаренков Л.К. В эмиграции // Непролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984.
- Шлынков Л.А. Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. Ярославль, 1983.
- Шмаро А. Казаки вернулись в Россию // Наука и религия. 1964. № 6. Шмелева М.Н. Развитие внутренних связей в современной городской семье русских Центральной России // Семья: Традиции и современность. М., 1990. Шмелева М.Н. Историко-этнографический очерк традиционной культуры. М., 1992 (Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VI. Русские. Кн. 2). Шмелева М.Н. Сезонные праздники: Новое и традиционное // Русские народные традиции и современность. М., 1995.
- Шмелева М.Н. Традиционные бытовые связи современной городской семьи у русских (по материалам центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Шмелева М.Н., Тазикина Л.В. Украшения русской крестьянской одежды//Русские: Ист,-этногр. атлас.
- Из истории русского жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX - начало XX в. М, 1970.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956.
- Щапов А.И. Земство и раскол // Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1.
- Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения// Соч. СПб., 1906. Т. 2.
- Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. № 10.
- Щапов Я.Н. Книга у старообрядцев как явление культуры// Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
- Щапов Я.Н. Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905-1917)// Skupiska staroobzedowctfw w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradyeje we wspotczesnym Swiecie. Warszawa, 1994.
- Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

- Щербатский А.И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты // Изд. Министерства иностранных дел. СПб., 1914. Кн. VI.
- Шукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков ран неисторических славян... // Археол. сб. Л., 1987.
- Энгель С. Хранить вечно // Труд. 1993. 18 февр.
- Энциклопедический словарь // Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1898. Т. 24; 1899. Т. 54.
- Этнографические материалы, собранные в деревне Саломыковой Обоянского уезда // Курский сборник. Курск, 1902. Вып. III.
- Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- Этнография русского крестьянства Сибири (XVII - середина XIX в.). М., 1981.
- Юницкий А, Сектантские гнезда на Кавказе // Христианское чтение. СПб., 1895. Ч. 1.
- Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. СПб., 1717.
- Юревич А, Побеге возвращением // Поиск. М, 1991. № 11 (127).
- Юрьев С. Анкета вам не поможет // Аргументы и факты. 1991. № 8.
- Ядов. Парижская эмиграция в годы войны // Каторга и ссылка (М.). 1924. № 3.
- Ядринцев НМ. Сибирь как колония. СПб., 1886.
- Якобсон Р.О. Спорный вопрос древнерусского правописания (дѣжгь, дѣжчь) // Jakobson R. Selected Writings. 2 ed. I. The Hague: Mouton, 1971.
- Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверия, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда // ЖС. 1906. Вып. IV.
- Яковлев Я. Деревня как она есть. М., 1923.
- Яковлева Е. Ковры РСФСР. М., 1959.
- Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860.
- Яловенко Г.В. Русские художественные лаки. М., 1960. Яловенко Г.В. Федоскино. М., 1959.
- Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882-1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1884.
- Янин ВЛ., Зализин А.А. Новгородские грамоты. М., 1953. № 575.
- Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.
- Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983.
- Яновский С.Я. Русское законодательство и эмиграция // ЖМЮ. СПб., 1909. № 4.
- Яцунский В.К. Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России // Вопр. географии. М., 1970. Сб. 83. Annual Report of the Commissioner-General of Immigrations for the fiscal Year ended June 30. Wash., 1990.
- A report to the All Church Council. N.Y., 1974. Balawyder A. Constantinople and Harbin. P., 1939. Beyerly E. The Europecentric historiography of Russia. An analysis of contribution by Russian emigre historians in the USA 1925-1955, concerning Russian history. The Hague; Paris; Mouton, 1973.
- Boyssac L. La vie culturelle de L'emigration russe en France. Chronique (1920-1930). P., 1971.
- Bohmig M. Das russische Theater in Berlin. 1919-1931. Munchen, 1990.
- Boer S.R., Driessen E.I., Verhaar H.L. Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union. 1956-1957. The Hague; Boston; L., 1982.
- Brachmann B. Russischen Social-Demokraten in Berlin. B., 1962.
- Bunak V. Neues Material zur Aussonderung Anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphology und Anthropology. 1932. Bd. XXX. H. 3.
- Bunak V. The craniological Types of the East Slavic Kurgans // Anthropology. Prague. 1932. T. X.
- Coon C.S. The Races of Europe. N.Y., 1939.

- Cross A.G. *By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain*. Newtonville (Mass.), 1980.
- Deniker I. *Jes races de l'Europe // L'Anthropology*. 1898. T. XI. № 2.
- Dorel. "Солонина" (Очерк)//Голос (Ярославль). 1910. Мi-131.
- Ellis I. *The Russian Orthodox Church*. P.; N.Y., 1984.
- Engman M. *St. Petersburg och Finland: Migration och influences: 1703-1917*. Helsinki, 1983.
- Frederiksen I. *Die politische Tatigkeit der Emigranten aus der Sovietunion // Osteuropa*. Stuttgart, 1969. N 576.
- Handy RJ. *A History of the Zhurzhes in the United States and Canada*. Oxford, 1979.
- Haupt G. *Role de l'exil dans ta diffusion de l'image de l'intelligentia revolutionaire // Cahiers du monde russe et sovietique*. P., 1978. T. 19, N 3.
- Herrmann I. *Die sowjetische Konzentrationslager auf deutschem Boden: 1945-1950*. Munchen, 1954.
- Herrmann P. *Das Russland ausserhalb der Grenzen: zur Geschichte der antibolschewistischen Kampfes der russischen Emigration seit 1917 // Zeitschrift fiir Politik*. K6ln, 1968.
- Iwaniec E. *Русские старообрядцы на Мазурских озерах: Вопрос бракосочетания // Skupiska staroobzedowc<5w w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspotczesnym Swiecie*. Warszawa, 1994.
- Jaroszewicz-Pereslawctw. *Ритуальная культура старообрядцев сувальско-сейденского региона в начале девяностых годов XX века // Skupiska staroobzedowcdw w Europie, Azji i Ameryce ich miejsce i tradycje we wspotczesnym Swiecie*. Warszawa, 1994.
- Jaroshevsky FJ. *Immigration in the 1970s // Russian Canadians*. Ottawa, 1983.
- Jeletzky T.F. *Russian immigration to Canada after World War II // Russian Canadians. Their Past and Present*. Ottawa, 1983.
- Johnston R.H. *"New Mecca, new Babylon": Paris and the Russian Exiles. 1920-1945*. Kingston, 1988.
- Johnston R.H. *The Great Patriotic War and the Russian Exiles in France // The Russian Review*. Columbus (Ohio), 1976.
- Klimoff A.D. *The Union for the Struggle for the Liberation of the peoples of Russia// Russian Canadians. Their Past and Present*. Ottawa, 1983.
- Kovalevsky P. *La disperison russe a travers le Monde et son role culturell*. Chauny (Aisne), 1951.
- Lerner A. *Refuseniks: a Special Stratum of Soviet Society. Opinion of a Veteran Refusenik// Quadrant*. Sydney, 1989.
- Le Roy E. *La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines a 1939*. Nice, 1988.
- Lo Gatto E. *Russi in Italia. Dal sekolo XVII ad oggi*. Roma, 1971.
- Mealing F.M. *Doukhobor Life: a Survey of Doukhobor Religion, History and Folklore*. Gastlegar, 1975.
- Mierau Fr. *Russe л in Berlin. 1918-1933. Eine kulturelle Begegnung*. Weinheim, 1988.
- Postnikov S. *Separatist tendencies among the Russian emigre // Slavonic and East European review*. L., 1939.
- Programm Data Directorate: *Immigration and Demographic Policy. Employment and Immigration Commission*. Ottawa, 1982.
- RaeffM. *Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration. 1919-1939*. N.Y., 1990.
- RimschaH. *Der russische BUrgerkriegunderrussische Emigration: 1917-1921*. Yena, 1924.
- Rueschmeier M., Golomstok I. *Soviet Emigre Artiats. Life and Work in the USSR and the United States*. N.Y.;L., 1985.
- Sliwowska W. *W kregu poprzednikow Hercena*. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1974.
- Sliwowska W. *Naissanct de l emigration politique russe*. P., 1972.

- Stephan I. *The Russian Fascists: Tragedy and farce in exile. 1925-1945.* N.Y., 1978.
The Refugees Information section. Geneva, 1938.
Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reiches für Jahre 1876-1900. Berlin;
München, 1900.
Venturi F. *Il movimento dei decabristi e i fratelli Podgio.* Torino, 1957.
Vernant I. *The Refugee in the Postwar World.* Geneva, 1951,
Williams R.C. *Culture in exile: Russian Emigres in Germany. 1881-1941.* Ithaca; L., 1972.
Woodcock G., Avakumovic I. *Doukhobors.* Toronto, 1977

Научное издание

РУССКИЕ

Утверждено к печати

Ученым советом Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Заведующая редакцией "Наука-история" Н.Л. Петрова

Редакторы Л.М. Кузнецова. И.Ф.Лейн

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Г.М. Коровина

Технический редактор З.Б. Павлюк

Корректоры З.Д. Алексеева, Н.Л. Голубцова, И.П. Круглова

Набор и верстка выполнены в издательстве

на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 10.02.99

Формат 70x100 /16- Гарнитура Тайме

Печать офсетная

Усл.печ.л. 68,9. Усл.кр.-отт. 74,1.

Уч.-изд.л. 80.2 Доп. тираж 3000 экз. Тип. зак.№3098.

Издательство "Наука" И7864 ГСП-7,

Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1

РАН 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12